Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОБСКИХ УГРОВ

Хантыйская литература

Том II

Ханты-Мансийск
2016

УДК 821(571.122)
ББК 83.3(2Рос-6Хан)6
Л 64

Составители:
Е.В. Косинцева, С.С. Динисламова, Л.Н. Панченко, Л.А. Андреева

Рецензенты:
д.филол.н. С.П. Гудкова
к.ист.н. В.С. Иванова
к.филол.н. А.А. Шиянова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в рамках научного проекта № 15–14–86002

Л64 **Литературное наследие обских угров. Том II. Хантыйская литература.** / Сост. Е.В. Косинцева, С.С. Динисламова, Л.Н. Панченко, Л.А. Андреева. – Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 748 с.

ISBN 978-5-9631-0525-2

Литературное наследие обских угров – это издание, в котором представлена история развития художественной словесности титульных этносов Югры – манси и ханты – через творчество ярких, самобытных, талантливых поэтов и прозаиков, которые стояли у истоков создания национальных литератур, сделали художественное слово ханты и манси достоянием мира и продолжают поиск новых путей развития национального художественного кода сегодня.

УДК 821(571.122)
ББК 83.3(2Рос-6Хан)6

ISBN 978-5-9631-0525-2

© Косинцева Е.В, Динисламова С.С., Панченко Л.Н., Андреева Л.А., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕНОМЕН ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 15

АЙПИН ЕРЕМЕЙ ДАНИЛОВИЧ
Медвежье горе 19
Конец рода лагермов 21
Лебединая песня 29
Осень в твоем городе 32
В мир вечного покоя 35
Клятвопреступник 41
Я слушаю землю 51
Божья Матерь в кровавых снегах 77
Красная нарта 151

ВАГАТОВА (ВОЛДИНА) МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА
Вы белый лебедь взгляду моему 161
Мое слово, мой язык 162
Молитва матери 162
Моя песня, моя песня! 162
Не меняй руку друга 163
Песня бабушки 164
Рыбаки 164
Сердце матери 165
Сердце матери 165
Слово деда 166
Старый муравейник 166
Тем, в ком нет сердца 168
Утро на оби 168
Хвастун 168
Сясем ар 169
Аӈки сам 169
Сорнеӈ нумсат 170
Аӈкем пояк 170
Этархары 171
Вор ёх пеӆа 171
Ма сумтыем 171
Мийман тае ӆувеӆ ёшен! 172
Ярась 172
Ӆапат саӈхум ӆапат ух 172
Венграт арсув 173
Хилы и Аки Черное Сердце 173
Хлебушко 175

ВАЙВЕТКИН ЛЕОНИД
Песня рыбака 177
Наша школа 177

ВОЛДИН ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ
Весной 178
Если дым веселый кружит 178
Лети, моя песня 179
Летом 179

Мой друг и я . . . 180
Музыка . . . 180
Мы с тобой . . . 180
На озере . . . 181
На охотничьих тропах . . . 181
Охотник . . . 181
Север мой . . . 182
Сорум ов . . . 183
Сосновый бор . . . 183
У рыбаков . . . 184
Ханты . . . 184
Хвастливый парень . . . 184
Любимой матери . . . 185
Обь . . . 185
Береза . . . 185
Так Молупси . . . 186
Велпас пантан . . . 192
Тут . . . 192
Ханты . . . 193
Тарум вотас пурайн . . . 193
Мин кат хоят . . . 193
Увас мувем . . . 194
Куранвой . . . 194
Сус . . . 195
Так молупси . . . 195
Серыс Най . . . 203
Бедная старушка и Ёхым пай хо . . . 204

ЕНОВ ВЛАДИМИР ЕГОРОВИЧ
Ащиикем ясанг . . . 208
Дедовский завет . . . 210
Машпан ики потрат . . . 211
Рассказы жителя Машпаны . . . 212

ЕРМАКОВА (ТАРЛИНА) ЕЛЕНА НИКИФОРОВНА
Мои стихи – это не строки . . . 214
Тут родные бродят звуки . . . 214
Авроре . . . 214
Руками не обнять тебя . . . 214
Луна растет и убывает . . . 214
Не храните дым от сигарет . . . 214
Вы тот, кто мне принёс беду . . . 215
Мой любимый, я все знала . . . 215
Я причину не забыла моей грусти и тоски . . . 215
Ищи меня в удушье улиц . . . 215
Пророчество шамана . . . 215
Прощальная песнь . . . 217
Расскажи мне сказку, ветер . . . 219
Уходящий юный воин . . . 219

ЕРНЫХОВ ИОСИФ НИКИТИЧ
Вошэнмыт . . . 220
Йитып хота . . . 220
Унтыты манты етпины . . . 220

ИШТИМИРОВА-ПОСОХОВА АЛЛА РОМАНОВНА

Зеркало . . . 221
Чёрточки, зигзаги . . . 221
Возьму в руки юности книгу . . . 222
Меня совсем не мучит совесть! . . . 222
Она – дождинка . . . 223
Откажусь от себя. Оттолкну. Отвергну . . . 223
Вы когда-нибудь танцевали . . . 223
О, тише, боги! О, тише, люди! . . . 224
Вдруг ступаю на берег родной . . . 225
Нить узоров – нить дорог из песен . . . 226
Загляну в свою ладонь . . . 226
Семь берёз! Семь поколений! . . . 227

КАКСИНА ЕВДОКИЯ ДАНИЛОВНА

Ӈөрәм мӯв . . . 228
Тундра . . . 228
Сумәт . . . 229
Береза . . . 229
Сӯс . . . 229
Осень . . . 230
Вӯӆы . . . 230
Олень . . . 230
Аӈки нумас . . . 230
Мысли матери . . . 231
Аӈки сӑм . . . 231
Сердце матери . . . 231
Ма аӈкєма . . . 231
Моей матери . . . 232
Имет хӑтӆ . . . 232
Женский день . . . 232
Кӯрәӈ вой . . . 233
Лось . . . 233
Хӑнты хө . . . 233
Мужчина ханты . . . 233
Єтәр ат . . . 234
Ясная ночь . . . 234
Ӑӈкийәӆ йуӆән, ӑӈкийәӆ ӆавӆасәӆ . . . 235
Мать сидит в юрте, она все ждет . . . 236

КЕЛЬЧИН ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ

Сӑмат ӆолтас . . . 237
Юшхур . . . 237
Мувхор . . . 238
Овс турам няха аӆ таяӆан . . . 238

КИТАЕВ ДАНИИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

Хӯӆ веӆты ёх ар . . . 239
Песня рыбаков . . . 239
Хӑнты нэ . . . 240
Хантыйская девушка . . . 241
Тӑӆ . . . 241
Зима . . . 242
Пӧра . . . 242

Время . . . 242
Эвӆа . . . 243
Верь . . . 243
Ям эви . . . 243
Хорошая девушка . . . 243

КОСАЧЕВА (ЛОНГОРТОВА) ИРИНА МАКАРОВНА
Лучик . . . 245
Небесная вестница . . . 247
Сказка об ангеле . . . 248
Цветок цвета неба . . . 251

ЛАЗАРЕВ ГРИГОРИЙ ДМИТРИЕВИЧ
Девушка из тайги . . . 254
Лиственница . . . 255
Обь . . . 255
Мы дети одной семьи . . . 256
Вороны-сторожа . . . 256
Гусь-сиротка . . . 257
Катанье на лосе . . . 258
Непа ранили . . . 260
Охотник-соня . . . 261

ЛАПТЕВА ГАЛИНА ПАВЛОВНА
Кому нужна война? . . . 263
Сон глухарки . . . 263

ЛОНГОРТОВА ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА
Аӈъийэм . . . 270
Моя мамочка . . . 270
Акаӈэт . . . 270
Куклы . . . 271
Йэвэкку . . . 271
Сирота . . . 272
Лӑпэт наӈк вош . . . 273
Город лабытнанги . . . 273
Ӆўӈ кўтэп хӑтэӆ . . . 273
День середины лета . . . 274
Мурхэӈ ӆўӈ . . . 274
Морошковое лето . . . 275
Ӈос йӧхан . . . 275
Нёс юган . . . 276
Пӧрыӆыты хӑр . . . 276
Место священнодействия . . . 276
Тӧнты хот . . . 277
Берестяной чум . . . 277
Йакты хот . . . 278
Почитание медведя . . . 278

ЛОНГОРТОВА (ХАРТАГАНОВА) ЗИНАИДА ВИКТОРОВНА
Свадебный аргиш . . . 280
Ведьма и сказочница. Порнэ па Мосьнэ . . . 286
С неба спустившаяся девушка. Турам элты охдам нэ . . . 291

МАЗИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

Минорную мелодию метели . . . 295
Пожала провожавшим руки . . . 296
Четверть века назад . . . 296
Ценю тебя, сибирская река . . . 296
Для меня забота леса . . . 297
Подлунное раздолье . . . 297
Под ветром у косматых елей . . . 297
Как просто говорить о сложном . . . 298
...И вдруг зима . . . 298
Давно валяюсь на родной траве . . . 299
Мыгыях . . . 299
Возле древнего чувала . . . 299
Ноченька . . . 299
Маме . . . 300
Заря в обской воде устало брезжит . . . 300
Из ночи выйду, позабывши все . . . 300
Необычно мне милость погоды . . . 300
Новости . . . 301
Я научился думать о тебе . . . 301
Мирская благодать . . . 302
Города исчезают и страны . . . 302

МОЛДАНОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Вы часто мне снитесь, избушка и бор . . . 303
Лось прошел, стуча копытом . . . 303
Вернулся я к родной избушке . . . 303
Горит свеча и тут же тает . . . 304
Бог даст – я уцелею . . . 304
Луна на небе, ночь светла . . . 304
Кышик – маленький поселок . . . 305
Скажите мне, люди . . . 305
Пусть уеду я далеко . . . 306
В лесу живет старик один . . . 306
Бог на небе . . . 306
Провожая нас . . . 306
Летели лебеди над лесом . . . 307

МОЛДАНОВА АННА ЕВГЕНЬЕВНА

Земля . . . 308
Вода . . . 308
Воздух . . . 308

МОЛДАНОВА ВИКТОРИЯ МИХАЙЛОВНА

Так и живём . . . 309
Видение зимы . . . 309
Зимние ветра . . . 309
Мама. Ангки . . . 310
На моих просторах . . . 310
Про тебя . . . 310
Два зайчонка . . . 310
Эгоист . . . 311

МОЛДАНОВ ВЛАДИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ
Я сын народа ханты . . . 312
Деревня наша Ванзеват . . . 313
Хантыйские мастерицы . . . 313
Моя песнь медведю . . . 314
Запечатленное чудо природы . . . 315
Маме . . . 316
Обь . . . 317
Спасём и сохраним . . . 317
Осенняя мелодия . . . 318
Помни, друг!.. . . . 318

МОЛДАНОВ ТИМОФЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
Оӆəӈ йасӈєм . . . 320
Моё первое слово . . . 321
Шиваласум Л.Т. пата . . . 322
Я увидел . . . 323
Куръёх ёхмət . . . 323
Курьёхские бора . . . 324
Нэмӆы питум мӳв . . . 325
Имена потерявшие земли . . . 325
Кӑт асыен кӑтн кӳтн . . . 326
Город между двумя реками . . . 326
Сӳмӑт вошн . . . 327
В Берёзово . . . 327
Марья ныюма ханшум арэм . . . 328
Моей тете Марии посвящается . . . 329
Вошəӈ хө . . . 330
Мужчина Юильска . . . 330
Вəн вош хара питум арем . . . 331
Почему я в большой город переехал . . . 332
Хəӆум сыр нэ . . . 334
Разных земель, разные женщины . . . 336
Вухаӆь эвет . . . 338
Мансийские девушки . . . 339
Сэваӈ эвет . . . 340
Девушки с косами . . . 340
Атеӆ сумат . . . 341
Одинокое древо береза . . . 341
Юран ими . . . 342
Ненецкая женщина . . . 344

МОЛДАНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА
Касания цивилизации . . . 348
«Средний мир» Анны из Маланга . . . 366

НАКОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА
Видело Небо, и слышали воды Пор-авата и Невы . . . 380
Когда улыбаются звёзды . . . 383
Утро пахнет Рекой, или Путешествие к Югорскому Солнцу . . . 394

НОВЬЮХОВ МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ
Родному краю . . . 403
Вшутку и всерьез . . . 404

Под гармонь . . . 406
Песня . . . 406
Вот вечер, и ветер капризный . . . 407
Слышу ласковый шепот деревьев . . . 407
Не звенят подковы . . . 407
Над Русью небо чистое . . . 408
Родине . . . 408
Если любишь ты Отчизну . . . 409
Если думать только о себе . . . 409
Уйти из жизни очень просто . . . 409
Грустно солнце над рекой склоняется . . . 410
Ты и я . . . 410
Пока еще тропинкой узкой . . . 410
Критикам . . . 410
Смешно поэзии учиться . . . 411
Для поэта первым делом – смелость . . . 411
Ни хореев, ни ямбов не знаю . . . 411
Пусть ты другому нежно говоришь . . . 412
О, не грусти, что нет любви . . . 412
Глаза . . . 412
Муравейник . . . 413
Бобёр-расхититель . . . 413
Люди, умом богатые . . . 414
Не жду я реплики красивой . . . 414

НОХРАЩ МИКУЛЬ (НАХРАЧЕВ НИКОЛАЙ НИКИТИЧ)
Ӆаӈкие . . . 415
Вухсар па Хөләх . . . 415
Лиса и Ворон . . . 417
Хөӆәм йай . . . 418
Три брата . . . 419

ОЗЕЛОВА-ЧУГАЕВСКАЯ ДАРЬЯ ИВАНОВНА
Емаӈ мув нёӆ . . . 421
Священный полуостров . . . 421
Нюки хот . . . 422
Чум . . . 422
Порыӆыты хар . . . 422
Священное место . . . 423
Ампие . . . 423
Щенок . . . 423
Таӆ . . . 424
Зима . . . 424
Вотас . . . 425
Метель . . . 425
Сах . . . 425
Ягушка . . . 426
Веськат эви . . . 426
Честная девочка . . . 427
Тасяӈ ай похие . . . 427
Со стадом маленький мальчик . . . 428

ПОСОХОВ КИРИЛЛ
Привет Сталину . . . 429

Северный полюс . . . 429

РУГИН РОМАН ПРОКОПЬЕВИЧ

Дума о Севере . . . 430
С той поры, когда в родном селенье . . . 431
Я родился в хантыйском рыбацком селенье . . . 432
Каждый живущий на этой земле . . . 433
Доброта . . . 434
Бродячие собаки . . . 434
Хорошо, когда с березки пестрой . . . 435
Не торопись, зима . . . 436
Приметы . . . 437
Обычай . . . 437
Элегия . . . 438
Язык ханты . . . 439
Весенний ручей . . . 440
Советы отца . . . 441
Баллада об орле . . . 442
Память о войне . . . 443
Горсть родной земли . . . 444
Глаза . . . 445
Береза . . . 446
Мать . . . 447
Лебединая быль . . . 448
Кашанг хоят . . . 448
Асем нопсат . . . 449
Ангкема . . . 450
Ханты ясанг . . . 451
Ланги . . . 452
По следу . . . 463
Сватовство . . . 477
Сорок Северных Ветров . . . 485
В ожидании сына . . . 539
Человек ростом с мизинец . . . 583
Младший сын царя . . . 590

САЛТЫКОВ ПРОКОПИЙ ЕРМОЛАЕВИЧ

Север . . . 598
Предвесеннее . . . 598
Месяц . . . 598
Лебеди . . . 599
Под парусом . . . 599
Слово . . . 599
Двое гуляли . . . 599
Асэв мӯŋ вольня па юрӑŋ . . . 599
Ясӑŋ . . . 599
Хуӆӑнта шитам пӧтар . . . 600
Ищки . . . 600
Киӆты нӑŋ мӑнэм . . . 600

СЕНГЕПОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Вӯшмащ ёх . . . 601
Мирэв муеӆ хуты йис? . . . 601
Хӑнты мира . . . 601

Ма кәртєм 602
Рәт мӯвєм 602
Ма мӯвєм 602
Няврєм ёха 602
Рассказы старого ханты 603

СЕРАСХОВА ЕВДОКИЯ ЕЗИКОВНА

Ханты ныӈ эвие 643
Хантыйская девочка 644
Ясӈаӈ хасы 644
Язык свой знай 644
Вуӆ опыем элты 645
Старшей сестре 645
Ояӈ нэӈху осам 645
Счастливым человеком была 646
Мувна сыяӈ нэӈ хо 646
В мире известный человек 647
Сумат 647
Берёза 647
Асув сусан 648
Обь осенью 648
Товы 649
Весна 649
Тором партом холам эвем 649
Богом данные три дочери 650
Акань хир 650
Мешок с куклами 650
Вуӆ омэмна онтасаям 650
Бабушка научила 651
Юхат 651
После 651

СЛЕПЕНКОВА РИМА КОНСТАНТИНОВНА

Сӯс 652
Осень 652
Сӯс 652
Осень 653
Ас 653
Река 653
Ӆощ 654
Снег 654
Вурӈа хӑтӑӆ 654
Вороний день 654
Хиӆыӆама 655
Внукам 655
Лапӑт Тәрум ортум мӯв 655
Песня о малой родине д. Тугияны 656
Ма пӑнтєм 656
Мой след 657
Ма мӯвєм 657
Моя земля 657
Ма кәртыям 658
Деревенька моя 659
Ма рәт ясӈєм 659

Мой родной язык . . . 660
Сӳс тәрум . . . 660
Осенний день . . . 661
Хутӑӈ сӑх . . . 661
Лебяжья шубка . . . 661
Тови хӑтӑлӈ . . . 662
Весенний день . . . 662
Йемӑӈ вой . . . 663
Змея . . . 663

СОЛОВАР ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

Кошайєм, Коша . . . 664
Ащєм кӧрта йухтәс . . . 664
Нӳв вӳрән омәсӆәм . . . 664
Рөт йасӈєм . . . 665
Пойәк йасәӈ . . . 665
Төрмэв йӑма щи йис . . . 665
Тови пєӆа кєрӆәс . . . 665
Тӑм ӆӳӈ мөрәх єтмаӆ . . . 665
Аӆәӈ ким питсәм . . . 665
Аӆәӈ пєӆа кєрӆәс . . . 665
Вӳрщәк, вӳрщәк войиэ . . . 665
Камән хӑтәӆ ӆөрыйәӆ . . . 665
Вурӈа хӑтӆа йис . . . 665
Хуӆта сойэн пөрӆәс . . . 666
Пана ӆатмаӆ . . . 666
Хуйат хӑйәм ай кӑъи . . . 666
Аӈкащащєм моӈәӆ . . . 666
Вөӆәпсэнән ма – муӆтас . . . 666
Төрәм питы сӑх эвәӆт . . . 666
Хот овєм лӑп пуртәсы . . . 666
Ӆор пєӆәкән хоӆӆәп . . . 666
Сӑма рӑхи хөйсм . . . 666
Вөтшєм йӳпийән . . . 666
Ван хӑтӆәп нувийән . . . 666
Йємәӈ шош хурән . . . 666
В твоей жизни я – лишняя . . . 666
Из черной шубы неба . . . 666
Молитва . . . 667
Дверь мою занесло метелью . . . 667
В стороне озера плач . . . 667
Мужчина, подходящий моему сердцу . . . 667
После того, как исчезну . . . 667
В месяце коротких дней . . . 667
В образе священного селезня . . . 667

ТАРАГУПТА ЛЕОНТИЙ АНТОНОВИЧ

Пӧсӆов каӆнӑӈ . . . 668
Пословский причал . . . 672

ТАРЛИН ДМИТРИЙ, ВАЙВЕТКИН ГРИГОРИЙ

Октябрьская песня . . . 677

ТАРЛИНА НИНА ЕФИМОВНА
Ма сєма питсəм 678
Я родилась 678
Ма мӱвєм 679
Моя земля 679
Нумс 679
Дума 679
Йошət 680
Дороги 680
Мăнətты ма иньщəслэм? 681
В раздумье спрошу 682

ТЕБЕТЕВ ДМИТРИЙ
Хантыйская песня о Ленине 684
Песня о Ворошилове 685

ХОРОШЕВА СЕРАФИМА МАТВЕЕВНА
Ас-Обь 687
Обь 688
«Ласкам ими» 689
Свободная женщина 689
Ас кат пелак 690
Два берега Оби 691
Ма арэм 692
Моя песня 693
Эви поры 694
Свадьба в стадах 695
Ай нынг 696
Молодая 696
Куртанг поры 697
Деревенская свадьба 698
Пулнари 699
Пулнари-жаворонок (предвестник ледохода) 699

ЧУЧЕЛИНА ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА, СЛИНКИНА ГАЛИНА ИВАНОВНА
Мышонок и медведь 702
Заяц и медведь 702
Как медведь сердился 703
Отважный Ярась 703
Шуши-нэ 704
Лоньсипай-нэ и Енгпай-нэ 705
Путпелык 706
Шишамие 708
Олле и Гусь-богатырь 710

ШУЛЬГИН МИКУЛЬ ИВАНОВИЧ
Гроза 715
Зимний лес 715
Косачи 716
Любимый Север 717
Мама 717
Моя Югра 717
Обь 718
Отец 719

Осень . . . 719
Ӧвəс вӯлы . . . 720
Северный олень . . . 720
Унт . . . 721
Тайга . . . 721
Юш . . . 721
Тропинка . . . 722
Рут ясӈем . . . 722
Язык . . . 723
Рут мӯвем . . . 724
Мави ас . . . 724
Веӆпəс ёх . . . 724
Ат . . . 725
Макар Осьмаров . . . 725
Жадная мышка . . . 735

ШУЛЬГИНА ЛЮБОВЬ ЯКОВЛЕВНА
Ма ханшəм йасӈэм . . . 738
Мой белый стих . . . 738
Вотас . . . 738
Вьюга . . . 739
Асан вохӆайəм . . . 739
Зов реки . . . 739
Йом юх . . . 739
Черёмуха . . . 739
Тови, тови! . . . 740
О! Весна, весна! . . . 740
Сама мосты рат . . . 740
Очаг любви . . . 741
Сорəм . . . 741
Смерть . . . 741
Уӆапса – щит ас . . . 742
Жизнь – это река . . . 742
Уӆəпса . . . 742
Жизнь . . . 743

ИСТОЧНИКИ . . . 744

ФЕНОМЕН ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература – это совесть общества, его душа.
Д. С. Лихачев
Произведение, которое читают, имеет настоящее;
произведение, которое перечитывают, имеет будущее.
Ф. М. Достоевский
Самая новая и самая самобытная книга та,
которая заставляет любить старые истины.
Люк де Клапье Вовенарг

История хантыйской литературы начинается в 30-е годы XX века. На менее чем вековой период ее истории приходятся этапы возникновения, становления и развития художественной словесности ханты как оригинального, самостоятельного, этноцентричного явления.

Имея в арсенале плеяду талантливых авторов, которые сделали хантыйскую литературу не только частью финно-угорского литературного процесса, не только значимым явлением в многонациональной литературе России, но и заметным фактором развития мировой литературы (и здесь следует назвать имена таких известных поэтов и прозаиков, как Г. Д. Лазарев, М. И. Шульгин, В. С. Волдин, Р. П. Ругин, Е. Д. Айпин, М. К. Вагатова, Т. А. Молданова и др.), художественная словесность ханты определила в XX веке свой вектор развития, синтезирующий национальную ментальность и традиции русской литературы, свои родовые и жанровые предпочтения, свое концептуальное развитие образной матрицы литературных произведений, обозначила законы формирования поэтики хантыйских художественных текстов.

В 30-е годы XX века были опубликованы первые литературные произведения на языке ханты. Они увидели свет на страницах четырех номеров рукописного фольклорно-этнографического и литературно-искусствоведческого журнала «Советский Север», который издавался в Остяко-Вогульском национальном педагогическом училище кружком национального творчества студентов под руководством педагогов В. В. Сенкевич и И. С. Гудкова, прибывших по направлению Наркомпроса РСФСР и Главного управления северного морского пути в Остяко-Вогульск (ныне Ханты-Мансийск) в сентябре 1937 года и проживших в этом северном городе один год. Позднее В. В. Сенкевич перевела несколько стихотворений Г. Лазарева, Д. Тарлина, Л. Вайветкина и других начинающих авторов на русский язык и поместила в издание «Ханты-мансийская поэзия» (1940). В течение последующих двух десятилетий хантыйская литература о себе не заявляла. По-видимому, сказались последствия Великой Отечественной войны: во-первых, многие писатели не вернулись с фронта; во-вторых, у тех, кто уцелел, мысли и время занимала послевоенная реконструкция страны. Из студентов, посещавших кружок национального творчества, только Г. Д. Лазарев во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX века периодически печатался на страницах газеты «Ленинская правда». Пробуждение художественно-литературного сознания ханты происходит в 60-е годы XX века, и связано оно во многом с деятельностью Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Созданный на его базе Институт народов Севера сыграл важную роль в деле литературной учебы начинающих поэтов и прозаиков.[1]

Тогда же начинают активно переиздаваться произведения первых хантыйских писателей, ставшие библиографической редкостью, и издаваться новые. В обозначенный период формируется корпус печатных художественных текстов хантыйской литературы, появляются литературоведческие исследования.

Писатели, с чьими именами ассоциируется хантыйская литература, напомнили о себе в новом тысячелетии следующими книгами: в 2004 г. вышел сборник избранных стихотворений Р. П. Ругина, в 2008 г. его же дополненное собрание произведений фольклорных жанров «Легенды и мифы народа ханты» (переиздание); М. К. Вагатова в юбилейный год выпустила книгу произведений для детей «Тей, тей», в 2007 г. – совместно с А. Керданом – двуязычную книгу стихотворений «Материнское сердце», в которой выступила не только в роли автора, но и в роли переводчика, а в 2011 году увидел свет ее сборник песен на хантыйском и русском языках «Самем арийӈ… – Сердце поет...»; в 2007 г. вышла книга «Река-в-Январе» Е. Д. Айпина, обозначившая развитие новой темы и новых образов в творчестве писателя и в хантыйской прозе в целом. В 2014 году было издано собрание сочинений Е. Д. Айпина в 4-х томах, в которое вошли известные произведения автора. В 2009 году к 70-летию со дня рождения М. И. Шульгина дочь поэта напомнила читателям о его поэтическом творчестве сборником «Мави Ас. Медовая Обь».

[1] Здесь в разные годы обучались почти все будущие основоположники национальных литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока (достаточно назвать саами Октябрину Воронову, коряка Владимира Коянто, эвена Василия Лебедева, манси Ювана Шесталова, ненца Василия Ледкова, ханты Микуля Шульгина, нивха Владимира Санги, эвенка Алитета Немтушкина и др.).

Имеет место и другая опасная тенденция – произведения на хантыйском языке не находят своего читателя и, как следствие, редко издаются. Это объясняется тотальным переходом на всех уровнях жизни народа на русский язык, что приводит к общей невостребованности родного языка. Кризис национального сознания и ряд других факторов привели к ограничению издания литературных произведений на языке ханты и научных исследований в области хантыйской литературы. Названные обстоятельства побудили национальную интеллигенцию к реанимированию интереса к культуре, истории, языку, фольклору, литературе народа ханты.

Актуализация проблем развития хантыйской литературы привела к организации центров по ее изучению в Санкт-Петербурге, Тюмени, Салехарде и Ханты-Мансийске.

Ученые, обратившиеся к творчеству хантыйских поэтов и прозаиков, осмысляющие процессы развития хантыйской литературы, только за последние несколько лет издали знаковые монографические работы и результаты исследований. Это и соавторская монография Е. С. Роговера, С. Н. Нестеровой «Творчество Еремея Айпина», и работы Н. В. Цымбалистенко «Север есть Север», «Север учил, ничего не тая… (Творчество Романа Ругина)», «Ямал литературный. От мифологии к постмодернизму», и монография О. К. Лагуновой «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века: Ю. Вэлла, Е. Айпин, А. Неркаги», и одна из последних работ В. В. Огрызко «В сжимающемся пространстве: портрет на фоне безумной эпохи» об Е. Д. Айпине и его творчестве, и монографии Е. В. Косинцевой «Женские образы в хантыйской литературе», в том числе монография, изданная в соавторстве с Н. В. Куренковой «Все в этом мире от Бога…»: роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» и др.

Хантыйскую литературу исследуют зарубежные и отечественные филологи, творчество писателей-северян не обходят вниманием журналисты. Зарубежные ученые, такие как П. Домокош, А. Шаррен, Е. Тулуз, Д. С. Норманн де Шамбург, К. Надь, М. Чепреги и другие, вводят художественную словесность ханты в систему финно-угорских литератур России и мира, высвечивая ее национальное своеобразие, усложняя этнокультурный диалог и наполняя его новым содержанием. Отечественные литературоведы Е. С. Роговер, Н. В. Цымбалистенко, О. К. Лагунова, Е. В. Косинцева и др. обозначают основные векторы развития хантыйской художественной словесности в творчестве ведущих поэтов и прозаиков, осуществляя не только историко-культурный, но и сравнительно-сопоставительный анализ художественных текстов. Проблемы поэтики литературы ханты актуализируются в работах Л. Аннинского, А. Ващенко, А. Ветер, В. Виноградова, В. Ганюшкиной, В. Горчакова, Г. Данилиной, А. Жулевой, Н. Зинченко, В. Иванова, Е. П. Каргаполова, Н. Качмазовой, Ю. Козлова, Б. Л. Командовского, С. Комарова, Т. Комиссаровой, Т. Кунык, В. Курбатова, Н. В. Куренковой, М. Лаврентьева, К. Я. Лагунова, О. К. Лагуновой, Л. Либова, Л. Липатовой, О. Лобызовой, Р. Ляшевой, В. Мартынова, Т. А. Молдановой, Ю. Морозова, С. Н. Нестеровой, В. В. Огрызко, Н. Петровой, В. Петушкова, Ю. Попова, А. В. Пошатаевой, Е. С. Роговера, Н. Рогачевой, О. Рычковой, В.Л. Сязи, П. Ткаченко, А. Трапезникова, А. Туркова, М. Умновой, А. Урванцева, Ю. Г. Хазанкович, Н.В. Цымбалистенко, В. Чукреева, Р. Штильмарка, Ф. Штильмарка и др.

Все исследователи опираются на отдельные издания произведений авторов, многие из которых стали уже библиографической редкостью, а многие имена поэтов и прозаиков просто забыты исследователями или неизвестны им в силу ряда объективных причин. Единого же собрания, которое бы представляло образцы художественной словесности ханты и манси по всем персоналиям, сегодня нет. В то время как такой источник мог бы способствовать целенаправленному изучению и глубокому осмыслению процессов формирования и развития литературы малочисленных народов Севера и финно-угорской литературы в целом.

Эту задачу решает книга «Литературное наследие обских угров». В рукописи 74 имени: 30 представляют историю мансийской литературы и 44 – историю хантыйской литературы. Это на сегодняшний день самое полное и единственное собрание обско-угорских авторов.

Анализ произведений хантыйских писателей показывает, что родовая и жанровая структура хантыйской литературы имеет свои особенности: при достаточной активности эпических и лирических жанров наблюдается почти полное отсутствие драматических жанров. Единственным примером драматического жанра в хантыйской литературе вот уже почти в столетней истории остается пьеса Е. Д. Айпина «Красная нарта». Хотя в национальной литературе ханты есть образцы эпических, лирических и лироэпических жанров: роман (единственным романистом среди ханты является Е. Д. Айпин), повесть, рассказ, поэма, дума, басня (единственные образцы этого жанра есть у М. И. Новьюхова), баллада (с этим жанром из всех хантыйских поэтов работал только Р. П. Ругин), элегия, стихотворение, посвящение, авторская сказка, хокку (этот жанр восточной поэзии адаптирует к хантыйскому языку В. Н. Соловар) и другие.

Нельзя не сказать и об авторских экспериментах в области жанра, которые отмечаются в хантыйской литературе. Авторы создали сказку-сон, осеннюю грусть, повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера; поэтический вариант авторских сказок.

Интересна поэтическая система хантыйского стихосложения, построенная на параллелизмах и повторах. Базисную метрическую систему хантыйского стихосложения первым описал немецкий ученый В. Штейниц. Сегодня поэты, пишушие на родном языке, стараются возродить традиционное стихосложение. Яркий пример этого – поэзия Т. А. Молданова.

Разбор тематики художественных произведений ханты обращает внимание на некоторые, характерные только для этой национальной литературы, установки: выделяются традиционные темы семьи, природы, родины, истории. Общий анализ делает очевидным следующее: тема семьи получает развитие только в эпических жанрах, в то время как историческая тема звучит и в эпических, и в лирических произведениях. Темы природы и родины эксплуатируются преимущественно в поэзии. На наш взгляд, возникновение данных особенностей объясняется влиянием фольклора, культурными (обрядовыми) практиками этноса и тем обстоятельством, что проза и поэзия ханты в полной мере вошли в российский литературный процесс лишь в начале 60–70-х годов XX века, что спровоцировало усвоение ими роли ученика по отношению к русской литературе, выступившей для них в качестве наставника и проводника. Перерыв длиною в два десятилетия привел литературу ханты в состояние отставания, что поначалу писатели стремились лишь воспринять и освоить уже сложившиеся традиции русской литературы. Осознанная нацеленность на выражение в художественных произведениях национальной оригинальности, на отражение национального мировосприятия, на раскрытие национальной психологии наблюдается на рубеже XX–XXI веков.

Сформировав систему собственных художественных, стилевых и образных предпочтений, хантыйские писатели развивают традиции анималистической прозы, русской деревенской литературы, обращаются к событиям не только российской, но и региональной истории, воплощают в художественных текстах национальный культурный код этноса.

Художественная словесность этноса активно развивается. В современной хантыйской литературе много имен поэтов и прозаиков, которые пишут как на хантыйском, так и на русском языке. Это Е. Д. Каксина, Р.К. Слепенкова, З. В. Лонгортова, Ю. Н. Накова, Л. Я. Шульгина, В. Е. Енов, А. Р. Иштимирова-Посохова, Г.П. Лаптева, В. В. Молданов, А. А. Молданова, Д. И. Озелова-Чугаевская, Е. Е. Серасхова и другие.

Литературоведение не сформировало единого взгляда и на периодизацию хантыйской литературы. Продемонстрированное многообразие научных концепций не прояснило принципов выделения хронологических границ периодов, их количества и, главное, – не предложило универсальных критериев, по которым следует проводить деление.

Сегодня приходится восстанавливать процесс развития национальной художественной словесности ханты, опираясь на материалы библиотек, архивов, региональных периодических изданий, и фиксировать современные процессы, происходящие в литературной среде, выявляя авторов, которые пишут на родном языке, на русском языке, но произведения которых не известны широкой читательской аудитории.

Этим и ценна книга «Литературное наследие обских угров». В ней представлено творчество первых авторов, которые стояли у истоков становления национальной литературы, восстановлены имена забытых авторов, например Иосифа Ерныхова, Матвея Новьюхова и их поэтические произведения, и все это дополнено архивными материалами. Значительно расширен список имен, формирующих историю национальной литературы, за счет начинающих авторов. Часть текстов, вошедших в книгу, представлена современными авторами читателю впервые.

Несмотря на то что национальная художественная словесность ханты развивается на двух языках – русском и хантыйском – и сегодня активно обсуждается вопрос введения единого принципа графики хантыйского языка, важно, что в книге соблюден историко-культурный принцип, сохранено написание в той графике, какой пользовались авторы или в какой они эти тексты представили читателю. Независимо от языка, на котором представлен литературный текст, в нем сохраняются особенности менталитета, психологии, духовных установок северного этноса.

Мощным стимулом развития литературы является литературная критика. Оценка, данная произведению современниками, более весома для автора, но это должна быть профессиональная оценка специалистов, имеющих знания, а не представления, о закономерностях развития и функционирования литературы и опирающаяся на теорию науки о литературе, а не на субъективно-интуитивное восприятие. Поэтому

сегодня так важно уделить особое внимание тому, что собой представляет хантыйская литературная критика, как она формируется и развивается.

Не менее важно обращать внимание и на теоретическое изучение хантыйской литературы в целом и творчества отдельных хантыйских поэтов и прозаиков, что также способствует определению ориентиров развития национального литературного процесса, формированию науки о художественной литературе.

Тандем писатель – критик – ученый (исследователь) – это та первооснова, которая определяет и задает алгоритм развития национальной литературы, поэтому так важно сохранить это единство.

Отдельного внимания заслуживает и хантыйская детская литература, находящаяся на периферии литературоведения.

Весь этот комплекс исследований создает основу для междисциплинарных, сопоставительных и типологических исследований. И первый шаг в этом направлении – книга «Литературное наследие обских угров», которая позволяет увидеть общее и частное в поэтике, эстетике, мировоззрении писателей ханты и манси с финно-угорской и русской литературой; это площадка для целевых исследований творчества отдельных авторов, жанровой системы литературы, типов художественного сознания, а также синтеза литературы и фольклора; это материал для написания монографических, диссертационных исследований.

Е. В. Косинцева, доктор филологических наук

АЙПИН ЕРЕМЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Айпин Еремей Данилович родился 27 июня 1948 года в семье ханты, в поселке Варьеган Сургутского (ныне Нижневартовского) района. Мать очень рано умерла. Окончил 8 классов, потом работал в Варьеганском промыслово-охотничьем хозяйстве. С 1967 по 1971 годы учился в Ханты-Мансийском педагогическом училище, в это же время опубликовал свой первый рассказ «По насту» в окружной газете «Ленинская правда».

В 1971 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. Учился в семинаре прозаика Бориса Бедного. Учеба была прервана службой в Советской армии.

С 1978 по 1989 годы работал в окружном научно-методическом центре культурно-просветительной работы и народного творчества. В 1979 году вышла его первая книга «В ожидании первого снега». В 1980 году в журнале «Урал» опубликована повесть «Звезда Утренней Зари». Редакция журнала напечатала повесть с купюрами. Однако авторский вариант все-таки был опубликован двумя годами позже в сборнике «Близок Крайний Север». В 1981 году Айпин принят в Союз писателей СССР.

В 1980-е годы Е. Д. Айпин предпринимает попытки возродить и сберечь культурное, духовное, этническое богатства народа ханты. Осенью 1987 года вместе с единомышленниками привозит в Ханты-Мансийск и собственноручно собирает уникальные деревянные постройки из своего родового селения на реке Аган, сотворенные руками его деда и отца, другими родственниками. Так создавался этнокультурный музей-заповедник под открытым небом «Торум Маа» в городе Ханты-Мансийске.

С конца 1980-х годов активно занимался общественной работой. В 1989 году он был избран народным депутатом СССР.

В 1990 году появился роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

В 1991 году Айпин стал председателем депутатской Ассамблеи малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. В тот же год «Наш современник» опубликовал рассказ «Божье послание».

С 1992 по 1993 годы Айпин – полномочный представитель Президента Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе, в это же время – главный редактор газеты «Слово народов Севера».

В 1993 году вновь избран депутатом в Государственную Думу. С 1993 по 1997 годы – президент Всероссийской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В 1995 году вышел отдельным изданием сборник избранных произведений «Клятвопреступник», в который вошли рассказы разных лет, ранее не публиковавшиеся, а также роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

С 1996 по 2000 годы – советник представителя Президента Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе.

В 1997 году изданы две книжки для детей по фольклорным материалам, которые были переизданы в 2001 году. В 2002 году увидел свет новый роман «Божья Матерь в кровавых снегах». В 2007 году в городе Санкт-Петербурге вышел сборник рассказов «Река-в-Январе».

Основные его произведения переводились и издавались в Венгрии, Германии, Италии, США, Финляндии, Испании, Франции.

Лауреат премий: журнала «Наш современник» за рассказ «Божье послание» (1991), «Звезда Утренней Зари» (1993), учрежденной депутатской Ассамблеей малочисленных народов Севера; губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы (1999) за книгу прозы «У гаснущего очага»; еженедельника «Литературная Россия» (2001) за идею литературного праздника «Ханты в Москве»; международной литературной премии «Югра» (2013) в номинации «За вклад в югорскую прозу». Лауреат литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2014).

Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа (1998). Награжден знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1987), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2000), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени (2006), знаком «За заслуги перед округом» (2007), почетным нагрудным знаком Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За вклад в развитие законодательства» (2008).

Живет в городе Ханты-Мансийске.

МЕДВЕЖЬЕ ГОРЕ

Вот уже третий день мы преследуем медведя-шатуна. Зверь попался матерый. Не раз догоняли, но на выстрел не подпускал. Сколько сырых ночей придется коротать под открытым небом?! Сколько будет еще костров и привалов? Одна надежда на деда Ефрема – лучшего медвежатника нашего рода.

В сумерках, когда глаз теряет след на снегу, мы распрягаем усталых оленей и разводим жаркий костер. Наскоро ужинаем, кормим измученных хвостатых, сушим мокрую одежду и обувь, развешиваем у огня

оленью упряжь и арканы. Потом, угомонившись, второй раз завариваем крепкий ароматный чай. Осенний вечер длинный – его надо скоротать. И тут наши взоры обращаются на седобородого деда Ефрема.

– Ну, Старый Человек, что-нибудь нам расскажи... – просим мы, молодые охотники.

Дед молча набил табаком трубку, потемневшую от времени и дыма. Не спеша прикурил от красного уголька и выдохнул сизое облако дыма. Проследил зорким оком, как дым поднялся и растворился в темном небе.

Отблески костра резвятся на серебристой голове Деда, освещают суровое лицо, перечерченное глубокими морщинами.

Потрескивает огонь.

На сосновых поленьях посипывает смола.

Мы терпеливо ждем.

– Шатун – это не обычный лесной зверь, – начинает наконец дед Ефрем. – Это проклятый самим богом медведь. Оленя ест. Огня не боится. Человека может кончить, потому как бог не помнит его – вот он и грешит...

Дед помолчал, потом добавил:

– Ой-ёй, много-много беды может наделать. Поэтому, если взял его след, нужно идти до конца...

И боровые сосны словно придвинулись к нашему костру, притихли, перестали меж собой шептаться. Им тоже, видно, интересно, что поведает нам бывалый таежник.

– Шатуна надо отличать от хорошего медведя, – проговорил Дед, не обращая на нас внимания. – Медведь, как и человек, бывает разный...

Помолчал он как бы в раздумье, посопел трубкой, потом неторопливо начал свой рассказ:

– То было в пору моей молодости. В одиночку промышлял зверя и птицу, всякое со мной случалось. Тайга-то она какая? – горазда на разные неожиданности. Многое слышал и пережил на своем веку, но такое только один раз видел...

Мы теснее придвинулись к Деду и затаили дыхание. Лайки-медвежатницы за костром, услышав голос старого охотника, навострили уши и, казалось, следили за каждым его движением. Олени, что копытили неглубокий снег возле нарт, теперь мирно жевали жвачку и прислушивались к легкому дыханию тоже притихшего соснового леса и говору почтенного человека.

– Жили мы тогда на болоте, на берегу озера Большой Вирсани, – вспоминал Дед. – За табаком да за чаем ходили на Аган-реку по Бору Зимних Домов. Кто бывал там – видел тропу. Видел и песчаные поляны на окраине бора. Летом такие пески очень любят дикие олени. Они так накаляются, что мошкара и комары не выдерживают зноя – крылышки сохнут. Вот олени и спасаются там от гнуса. В жаркий летний день я возвращался домой. Подхожу к пескам, гляжу – медведица! Да не одна, а с маленькими деточками. За корягой притаился. Смотрю, что же дальше будет. Мать цап за шкирку медвежат, трясет и шипит, словно что-то внушает несмышленышам. Затем оставила их, а сама крадется к поляне, где олени лежат. Медвежата присели, чернеют, как обгорелые пеньки. Только звездочки сверкают черными ягодками. Забавные такие! Видно, не поймут, почему мать не берет их с собой. Поерзали немного и не выдержали – когда мать скрылась в кустах, пошли следом. Но тут под лапкой медвежонка треснул сучок. Мать в тот же миг вернулась. Грозно оскалилась, но не зарычала – побоялась вспугнуть оленей. Оглянулась вокруг, увидела валежник. Подняла одной лапой конец замшелого дерева и сунула под него своих детей. Пусть, мол, побарахтаются, пока на охоту схожу. Сама – снова к поляне. Я привстал, вижу: медведица вскинулась на задние лапы и навалилась на оленя. Поймала добычу.

Стадо как ветром сдуло.

Разбежались олени.

На поляне остались лишь медведица со своей добычей.

Ну, думаю, пора уходить. Я тут лишний.

Медведица немного постояла над убитым оленем, будто размышляла, прикидывала. То ли добычу тащить к детям, то ли детей привести к добыче. Как лучше сделать? Постояла еще немного и вернулась к деткам. Но что такое?! Медведица подняла валежину – а детки-то не шевелятся. С небольшим шумком, похожим и на бормотание, и на мольбу, она давай их тормошить и обнюхивать. Движения все быстрее, шум – все громче. Она неприкаянно туда-сюда, влево-вправо, вперед-назад. Что-то неладное случилось. Детки все неподвижны, все безмолвны. И тут медведица-мать заревела на весь лес:

– Бу-ху-ху-ууу!!!

Какой это был рев!

Деревья, показалось мне, и то заплакали.

А у меня аж сердце упало. И ноги пропали, будто убежали куда. Словно окаменел я, шелохнуться не могу. Только глаза мои все видят да ум все это укладывает в память.

А медведица-мать вихрем крутанулась по лесу туда-сюда и бросилась на дерево. Как полоумная, ломая сучья, полезла на большую сосну.

Что затеяла?!

Может, думаю, рехнулась с горя. Детки ведь, как-никак. Ничего я не успел сообразить: с ревом она грохнулась с этой сосны. С самой макушки. Упала около мертвых медвежат. Моему разуму и телу совсем плохо стало. Я бросился к ней. Она застонала, вернее, зарыдала, как человек-мать, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной тоске. Вскоре она была уже мертва. Видно, сломала себе хребет...

Замолк дед Ефрем, наклонил седую голову. Мгновение сидел неподвижно, потом пососал потухшую трубку. Молча взял головешку, молча прикурил. Затем отыскал на небе Большую Медведицу, прикинул время.

Пламя притухающего костра делало его еще более мудрым и таинственным.

Молчали люди.

Молчали сосны.

Молчали звезды на небе.

Молчал наш костер, догорал наш костер. Мы не догадывались подкинуть в огонь смолистого сушняка. А дед Ефрем был занят: набивал табаком свою древнюю трубку.

1972

КОНЕЦ РОДА ЛАГЕРМОВ

Маремьян Лагерм попал в эти края давно, когда глаза видели лучше лебединых, слух был острее, чем у дикой чернобурки, а в мускулах чувствовалась твердость лезвия копья – без ружья выходил на медведя. Река щедро кормила рыбой, а в прибрежных урманах водились и зверь и птица. Место глухое, необжитое, зверье нагуленное, непуганное – привольно жилось. Только далеко в низовье реки находился маленький поселок, где были пункт по приему пушнины, магазин, школа и десяток-другой жилых домиков рыбаков к охотников. Оттуда Маремьян привез себе жену, срубил избушку. Жил он отшельником. Слыл человеком нелюдимым, угрюмым, с темным прошлым. Ходили слухи, будто пришел он с побережья Оби в смутные двадцатые годы. Жена народила ему семерых сыновей и дочь. Старший сын и дочь умерли во младенчестве. Оставшихся в живых сыновей он вырастил смелыми и удачливыми охотниками. Славились они как меткие стрелки и непревзойденные следопыты. Но двоих проглотила война, одного заломал медведь, другой погиб на дальневосточной границе. Остался самый младший сын – Прокопий, единственный. Он стал известным в округе охотником. Жизнь шла своим чередом. Старая Анна с молодой невесткой Машенькой занимались хозяйством по дому, а мужчины – промыслом. Но обычный бег времени неожиданно прервался...

За тремя песками[2] от избушки Маремьяна вырос новый поселок лесорубов Чистоборск. Говорили – лес будут корежить. А еще ниже по течению – песков и прямиц восемьдесят надо проехать – нефтеразведчики основали свой город. Там землю таежную станут буравить.

По некогда тихой реке засновали быстроходно громкие дюралевые шлюпки.

В тихий летний дом Лагермов зачастили гости: то за рыбой и мясом, то за снастями рыбацкими. Но больше всего ценились меха.

В это лето повадился сюда главный лесничий из Чистоборска Никита Никитич Щепкин, добродушный коротыш с блестящей лысиной. Охотничьи собаки люто ненавидели лесничего и, когда тот появлялся, поднимали яростный лай, наверное от того, что от него всегда разило спиртным. «Мик! – сказал Маремьян. – Пусть будет так!»

В тот вечер Мик приехал с высоким белокурым парнем неопределенных лет. Оба подвыпившие. Маремьян быстрым цепким взглядом окинул незнакомца: его красивое возбужденное лицо было помятым и красным от выпитой водки. Глаза ледяно-голубые, мертвые. Казалось, плесни туда воды – вывалится кусок льда. «Беспалый», – определил Маремьян, здороваясь с ним. – Без мизинца».

– Здорово, мужики! – Мик кричал так, словно все вокруг него были глухими.

– Здорово, здорово...

– Как поживаем, мужики!

[2] Песок – здесь: песчаная речная коса в Сибири, средняя протяженность которой километр – полтора.

– Живем помаленьку...
– Это вот Митрий! – представил Мик своего попутчика.
– Так скажи...
– Вишь, какой красавец!
– Ну...
– Мой новый помощник!
– Как варежки, ты их через каждый месяц меняешь, – заметил Прокопий, чинивший вершу перед домом.
– Этот надолго – твердый орешек!
– Твердый, значит?
– Дак! – лесничий повернулся к помощнику. – Старик верно бачит, Митрий?!
– Старик знает, что бачить! – подыграл Беспалый.
– Ну, мужички, пошли в избу – мы вам кое-что привезли! – крикнул Мик.
Все двинулись к дому. Прокопий нехотя отложил в сторону вершу и присоединился к незваным гостям. Приезжие поставили на стол литр водки, попросили свежей малосольной рыбы.
Мик без умолку болтал и размахивал короткопалыми ручищами. Лишь время от времени, прерывая себя, раскатисто похохатывал, как мелкий бес.
Беспалый же изредка вставлял словечко, скалил зубы в нераскрытой полуулыбке. Глаза его беспокойно что-то выискивали вокруг, ощупывали все предметы. «Что он вынюхивает, как лиса? – размышлял Маремьян. – Наверно, что-то ему очень нужно».
Тут Мик снова наполнил стаканы.
Из открытых окошек избушки вырывались невнятные фразы, бестолковый шум. Собаки навострили уши, потом глухо взвыли.
Лесничий подсел к Маремьяну:
– У тебя мотор поломался, говоришь?
– Да, не работает.
– Пойдем, я мигом сделаю!
– Ты же... пил.
– Ну и что?!
– Разберешь мотор, а собрать не сумеешь.
– Так я ж не пьян!
Мик проворно вскочил на ноги:
– Вишь, стою – не падаю!
– Вижу.
– А разбирать мотор не стану – так скажу, что барахлит!
– Это я сам знаю...
– Пошли, дружище! – Мик потянул хозяина за рукав. – Нет, стой! Дай чмокну тебя, дружище!
У него была привычка, подвыпив, целовать всех подряд. Однажды Маремьянова медведевая собака чуть не откусила ему нос. Мик вздумал чмокнуть ее за то, что она удержала медведя, мясом которого он потом всласть полакомился.
– Ладно, посмотри, – неохотно согласился Маремьян, чтобы отвязаться от него.
Они вышли на улицу. После их ухода нить беседы подхватил Беспалый, оборотился к Прокопию:
– Много в тайге соболя?
«Расставляет сети на зиму», – подумал Прокопий. Помолчав, он неохотно ответил:
– Раньше водился, теперь меньше стало.
– Отчего мало?
– Всякий зверь покой любит, тишину.
– Что, покоя не стало?
– Раньше один хозяин в тайге был – охотник, а теперь сколько?!
– Сколько?!
– Считай: геолог, сейсмик, нефтяник, лесоруб... Все в лес идут – кому надо и кому не надо. С ружьем и без ружья...
– Соболь совсем не перевелся?
– Нет...

Беспалый, помолчав, жестко сказал:

– Мне позарез нужна дюжина соболей!

Прокопий ничего не ответил.

– Если деньги не нужны, могу достать все, что тебе надо...

Охотник будто не слышит.

– Хошь дюральку, лодку?..

Охотник молчит.

– Хошь «Вихрь» достану?

Охотник ни слова.

– Хошь бензопилу?

Охотник все молчит.

– Могу карабин! Кого хошь замочишь!..

Но охотник и на это не отреагировал.

– Может, техника какая нужна, а?! Говори, что хошь!..

Прокопий приподнял голову, перевел взгляд на собеседника.

– Ну... Ну-ну, давай!.. – подбодрил Беспалый.

И Прокопий серьезно, без всякой усмешки, медленно и тяжело отвесил свои слова:

– Мне вот позарез нужен вертолет!..

Беспалый в упор глянул на него ледяными глазами:

– Шутишь, что ль?

– Какие шутки!

– Зачем тебе вертушка?

– На дальние урманы летать...

– Тебе что – земли мало?

– Вблизи мало что осталось – все ваш брат-браконьер до срока выбивает... Вот вертолет пригодился бы...

Беспалый недоверчивыми ледяшками вцепился в охотника, протянул тягуче:

– Изгаляешься, что ль?..

На что Прокопий опять же с твердым лицом сказал неспешно:

– Ежели бы все охотники сдавали пушнину лесорубам, так государство, поди, давно бы развалилось...

– Зря стараешься: героя все равно не дадут – не та отрасль!

– Без всяких героев жили и проживем.

– Знаю: все равно ведь кое-что налево фугуете, мошенничаете, коль навар есть.

– Мы не мошенники...

– Пожалеешь, что не мошенник! – пообещал Беспалый и положил на стол руку с неприличной картинкой-татуировкой.

Эта выставленная напоказ татуировка показалась Прокопию особенно оскорбительной и наглой, и он неожиданно вспылил: сдерживая внутренний огонь, резко бросил:

– Грозишь?!

– Пожалеешь!.. – многозначительно повторил Беспалый. – Мошенником легче прожить!

И тут Прокопий кивнул в сторону выхода:

– Это вот... дверь...

– Пожалеешь... – еще раз повторил Беспалый и вышел вон. В доме водворилась тишина.

Вздохнула старая Анна, мать Прокопия. Поднялась молодая хозяйка Машенька, начала убирать посуду со стола. Прокопий тоже встал, потоптался посреди пола и направился к выходу. Вершу нужно закончить и невод прибрать, ответил он на вопросительный взгляд жены.

В это время Маремьян и Мик мирно копались в подвесном моторе, лежавшем на куске брезента.

Вдруг глухой дуплет рванул вечернюю тишину.

Все бросились на берег.

Прокопий лежал наполовину в воде. Беспалый отчаянно дергал шнур стартера, но «Вихрь» не заводился.

У Маремьяна вмиг вышибло всю водочную одурь. Он подскочил к Прокопию и выхватил его из воды. Лицо сына стало берестяно-белым...

Речная вода всколыхнулась и алым пламенем лизнула берег.

Маремьян мгновенно почернел... Приложил ухо к груди сына и замер.

Мик бочонком носился по берегу, размахивая руками, и пискливо кричал:

– Ружье! Ружье! Дайте мне ружье!

Беспалый бешено рванул шнур – мотор чихнул. В его руке осталась рукоятка от шнура. Он схватился за весла и поплыл к противоположному берегу. А там в несколько прыжков скрылся за деревьями. Тут Мик увидел катер, вынырнувший из-за поворота.

Маремьян оторвался от сына – в затуманенных глазах блеснула надежда: «Жив еще!»

– Неси тряпки! – вдруг заорал он на обезумевшую старую Анну, которая душераздирающе взвыла. – Не вой, не покойник!

Старая рысцой помчалась к избушке. Она продолжала всхлипывать и выть, и древнее морщинистое лицо ее было совершенно сухим: выплакала все слезы за долгую и суровую жизнь. Вскоре она вернулась.

– За невесткой присмотри! – крикнул Маремьян, трясущимися руками перевязывая сына. – Перестань выть!

Он не терпел слез. Невестка Маша была в положении. И когда увидела мужа в окровавленной рубашке, мертвенно бледного, подкосились у нее ноги – упала на желтый речной песок.

В суматохе не заметили, как причалил катер, из рубки вышел начальник лесоучастка Шнейдер.

Накануне они с Маремьяном собирались на рыбалку.

– Несите его в каюту! Да побыстрее! – крикнул Шнейдер, увидев Прокопия.

Мик вертелся у всех под ногами и, захлебываясь, рассказывал:

– Он его, наверное, в упор. Я, я... Меня там не было, ружье мое картечью... Мне ружье не дали, а то бы такого гада...

Катер круто развернулся и, оставляя за собой белые бурунчики, помчался к лесоучастку.

Молоденькая белокурая фельдшерица опустила руки и почти шепотом сказала:

– Я не могу, операция нужна. Скорее в район! И пить... Пить не давайте!

Шел девятый час вечера.

Радист, не выслушав до конца, отрубил:

– Нет, связь у меня в одиннадцать утра. Кто сейчас меня примет?

– Через другие станции попробуй! Можешь? – попросил Шнейдер. – Пойми, задержка даже на час...

– Человек может умереть, дубовая твоя голова! – взорвался лесничий Мик.

– А я тут при чем? Сказал же – завтра... А сейчас нет...

Неожиданно Маремьян с нестариковским проворством выскочил из-за спины Шнейдера и схватил радиста за грудки, прошипел, приподняв его:

– Как нет?! Как нет?!

Он вцепился в радиста с отчаянием загнанного зверя, который готов на все. Первым опомнился Шнейдер: он схватил Маремьяна за руки и вывел на улицу.

– Вот что сделаем, Маремьян, – заговорил он. – Я дам самый быстроходный катер, вези сына к геологам. Фельдшера возьмете. Там в экспедиции базируются вертолеты, дадут. Иного выхода нет. Выиграете десять часов...

Из небольшого юркого «костромича» выжимали все. Механик-моторист что-то смазывал, чистил, закручивал, прикладывая ладонь к корпусу двигателя, прислушиваясь к его дрожанию.

Северная ночь настолько коротка и светла, что не зажигали фару. Гул мотора тревожным эхом отзывался в спящей тайге.

В каюте на жестких нарах в бреду лежал Прокопий. Маремьян, не доверяя молоденькой девушке-фельдшерше, ни на минуту не отходил от сына. Сын с трудом стонал, губы запеклись, лоб покрылся испариной. Отец прикладывал к его горячему лбу мокрые бинты. Когда они нагревались, он убирал их. Смачивал водой запекшиеся губы. Иногда сын порывался встать, скрипел зубами. Отец успокаивал его, что-то шептал ему, обещал, умолял, хотя вряд ли потом мог вспомнить то, о чем говорил.

К утру сын очнулся – в глазах появилось осмысленное выражение. Он долго смотрел на отца, губы пытались вытолкать невнятные, добытые мукой, слова:

– Сын... бу...

Отец кивнул и попытался улыбнуться: мол, отлично все понял. Но потом до него дошел истинный смысл этих слов, и он ужаснулся: может быть, это последнее дыхание сына, слова прощания... грань между жизнью и смертью. Иначе зачем просить, для чего? И вдруг так горько стало отцу, словно сердце прищемило глыбами льда и оно стало медленно-медленно плющиться. И само собой, без его воли, на заросшую щеку выкатилась слеза, выжигая и вспахивая глубокую борозду. Сын, кажется, заметил это, хотел успокоить отца:

– Па-а...

Отец замотал головой. Он заметил, что глаза сына снова туманятся, что он вот-вот потеряет сознание. И тогда отец заговорил. Ему надо многое сказать сыну, его прорвало – говорил захлебываясь, без остановок. А что говорил – не мог потом припомнить. Может быть, оправдывался за свою нечаянную слезу, которую не удержал потому, что умирает последний сын – продолжатель рода, умирает на его руках, а он беспомощен перед костлявой старухой. Старшие сыновья погибли далеко от дома, и он не видел, как они умирали. Поэтому он выдержал их погибель, перенес. И надежда на своего младшего, бывшего всегда под рукой, помогала: передал ему весь свой жизненный опыт и свою мудрость, вложил в него свою душу. Быть может, говорил об отцовском горе. Оно не легче материнского. Мать выплачется – ей легче станет. А отцу нельзя плакать, мужчины не плачут, тайга презирает тех, кто плачет. У отцовского горя нет выхода – оно жжет изнутри и порою все выжигает... Возможно, он говорил молитвы, обещал богу в жертву все, что у него было, и даже собственную жизнь, – лишь бы Верховный спас последнего сына. Если в ураган рухнет старое дерево – его не жалко, отжило свое, а когда погибает молодое неокрепшее деревце – погибает сама жизнь.

Сын застонал тяжело, с надрывом. Отец замолк.

Сын давно потерял сознание и не слышал отца. Голова Маремьяна сникла, отвалилась на грудь, словно шея отказалась держать ее – тяжелую и лохматую, она семь десятков была черная как смоль, а теперь за одну ночь подернулась седым пеплом.

...Речной кулик пропел что-то на своем птичьем языке, и взошло солнце. Катер развернулся и мягко приткнулся к причалу. Городок геологов спал сладким предутренним сном.

Маремьян побежал к начальнику нефтеразведочной экспедиции, человеку лет пятидесяти с иссеченным морщинами лицом, многое повидавшему на своем веку. Тот сам разбудил командира вертолета, наказал, чтобы тот на подходе вызвал санитарную машину.

Вертолет рванулся в небо.

...Заряд разорвал печень. Операция длилась четыре часа. После этого еще одиннадцать часов жизнь боролась со смертью. Но исход этой борьбы не мог решить ни Маремьян Лагерм, отец семи сыновей и дочери, ни врачи, ни бог. Все были бессильны.

На следующий день Маремьян вернулся домой. Старуха Анна кое-как выдавила:

– Машенька родила...

– Кого?! – встрепенулся Маремьян.

– Сына... мертвого...

Они взглянули друг на друга и замолкли.

Время безжалостно и жестоко, как и судьба. Они остались с тем же, с чем встретились полвека назад. Только тогда им было по двадцать и все было впереди, а теперь по семьдесят и все, все уже позади.

На полуглиссере приехал вечно сонный участковый лейтенант Петушков. Осмотрел место происшествия, поводил замусоленным карандашом по записной книжке, такнул, дважды чертыхнулся и собрался уезжать.

– Никуда не денется, – сказал он, заметив хмурый взгляд Маремьяна. – Два дня уже прошло. Еще через два кончатся патроны, комары не дадут житья. Сам придет, куда он денется!

Участковый зевнул, вполз в кабину и был таков.

Маремьян сидел на перевернутом обласке и смотрел на темную речную воду. Трубка давно потухла. Старуха беспокойно наблюдала за ним. Она не знала, о чем он думает. Но по тому, как голова его клонилась все ниже и ниже, она догадывалась, что думы мужа тяжкие и мрачные. Наконец он сказал:

– Приготовь сухарей на четыре дня.

– Ох-хо-хо! Что задумал опять? – запричитала старуха. – Головушку потеряешь свою! Ох-хо-хо!..

Но все же отыскала заплечный мешок. Ей еще ни разу не удавалось отговорить Маремьяна. Что западет ему в ум – хоть шею свернет, но не отступится. Таков он был, особенно в молодые годы.

...По едва заметным признакам таежник находил след человека, который намного грубее и заметнее наметанному глазу, чем звериный в чернотропье. Сломана ветка, ободрана кора, осыпаны цветки и примяты мхи – все это о чем-то говорит, это язык тайги.

Беспалый шел прямо на юг, к Оби. Там большой поселок, отделение совхоза. Туда и метил преступник. Его нужно догнать на водоразделе или на худой конец в поселке. Если он, Маремьян, опоздает, то преследуемый скроется, вырвется из тайги. Вырвется туда, где он, Маремьян, безвластен и бессилен, потому что его сила только в знании тайги, ее законов. А там он кто?!

Не давала покоя мысль, что убийца сына, как и он, Маремьян, видит солнце и небо, вдыхает хвойный запах. Эта мысль острой болью вклинивалась в мозг. Имеет ли право на все это тот, кто сгубил жизнь? Он сам себе подписал приговор. Сам, никто не вынуждал. Значит, я должен судить его во имя единственного сына и внука. Взять грех на душу нелегко, но и не взять... еще тяжелее. Тяжко бремя усопшего, но во сто раз тяжелее оно у живущего на земле...

Жизнь за несколько соболиных шкурок? Человеческая жизнь... разве это мыслимо? Человек превратился в зверя... только более опасного, чем лесной хищник.

Маремьян шел всю ночь. Было светло и мошкары меньше, чем днем. След Беспалого все время тянулся по левому берегу ручья. Видимо, опасаясь заблудиться, тот не отходил от воды.

Когда солнце выбралось на верхушки хмурых елок, Маремьян сделал первый привал. После кружки крепкого чая покормил собаку. Затем натянул полог в тени, в нескольких шагах от солнечных лучей, и задремал. Солнце разбудило его вовремя, как раз в намеченный срок.

В полдень Маремьян услышал лай своей собаки. Она тявкнула несколько раз и замолкла. Он насторожился. В голове лайки не было ни озлобления, ни беззаботности, ни игривости, а будто только удивление: погляди, хозяин, что я нашла. Маремьян снял с плеча ружье, раздвинул кусты. У ручья лежала вздувшаяся лосиная туша. Над ней висел рой мух. Маремьян подошел к кострищу, что оно скажет. Пепел есть, а ветрено было вчера ночью. Значит, был здесь днем. Пустая бумажная табакерка – курево кончилось. Мясо жарил, с собой взял. Спал недолго, животом болеет... С лосихой, однако, погано обошелся, даже кишки не выпустил, разве можно так? Он покачал головой, вытащил внутренности лосихи и на совесть, по-хозяйски накрыл тушу ветками, словно собирался когда-нибудь вернуться сюда.

Маремьян уже хотел уйти, когда с другой стороны ручья на него вышли два ушастых лосенка, чудом державшихся на длинных тонких ногах. Солнце тонуло в их грустных выразительных глазах. Идут прямо на него, словно он убил их мать, он лишил их радости земной...

Лосята остановились у самой воды: Маремьян не мог отвести от них глаза. Выживут ли?.. С каких пор дикие звери без страха стали подходить к человеку? С каких пор перестали бояться?! Может быть, что-нибудь в мире изменилось, случилось что-то непонятное и страшное?! Да, да... страшное и непонятное!.. Маремьян вмиг вспотел, по спине поползла тяжелая липкая капля...

Он взял собаку на поводок и рысцой, ломая сучья и кустарник, бросился в глушь, подальше от злополучной поляны.

Усталое солнце стало медленно падать за горизонт. На мохнатых лапах елей застряли последние гаснущие лучи, медно отражаясь в струях ручья. Тайга насторожилась, замерла. Провалится солнце за лес – настанет время хищников.

На закате Маремьян попил чаю, взглянул на уходящее солнце, чтобы знать, каким будет завтрашний день, и пустился в путь.

Ручей давно исчез меж корневищ столетних гигантов-елей, и теперь Маремьян шел по следу, чтобы не потерять Беспалого в этой глуши. Помятая трава, поломанный кустарник и трухлявые колодины говорили о том, что преследуемый уже кое-как передвигает ногами и делает частые привалы.

Начался водораздел – густая, сумрачная и труднопроходимая грива, заросшая кедром и пихтой. Моховой покров по колено – трудно ступить. После пойдет смешанный лес и там будет река и поселок.

Всю ночь пробирался Маремьян сквозь девственный урман. Терял след, снова находил и шел дальше. Поутру впереди взлаяла собака Маремьяна, чуть позже выстрел. Лайка, взвизгнув, свалилась под куст. Вздрогнул кедрач. Маремьян заскочил за ствол дерева, притаился. Стало так тихо, словно остановился бег времени. Следопыт снял кепку, стряхнул с нее паутину, разгладил и осторожно высунул из-за кедра, поскреб ногтем по коре. Гулко бабахнуло – на козырьке осталась рваная дырочка.

– Черт возьми, козырек попортил, – досадливо пробормотал Маремьян.

Пуля шмякнулась о ствол рядом стоявшего дерева. Кедр брызнул янтарно-чистыми слезами. Они неторопливо катились на неровной серой коре и уходили в изжелта-зеленый мох, в землю. Маремьян пристально смотрел на капли, бегущие по шершавому стволу кедра. Время излечит тебя, Кедр! Теплые ветры зализжут твою рану, осенние дожди промоют ее, яркое солнце согреет, и через год-другой все пройдет. Ты молод, ты силен. Ты проживешь много-много лет...

Раздался треск ломающихся веток. Беспалый небольшими перебежками от дерева к дереву уходил от таежника. Охотник даже не взглянул ему вслед: о чем-то думал, что-то прикидывал. Может решал, быть или не быть...

Маремьян похоронил собаку и пустился в погоню. Но шел теперь не след в след, а сторонкой, присматриваясь к каждой коряге, прислушиваясь к шорохам и звукам. Знал, что Беспалый попытается любой ценой оторваться от него, думая, что за ним идет несколько человек. Но осторожность никогда не повредит.

Солнце плыло высоко над тайгой – наступил полдень.

Вдруг Маремьяна остановил звук, похожий на стон. Он доносился откуда-то из-под земли. «Что за черт? Какая нечистая сила днем-то?» Удивленный Маремьян сделал шаг, другой... Никого нет, а стон слышится... из-под земли. «Леший, что ли, меня водит!» – выругался он, собираясь уйти. Но тут увидел ружье – двустволку Мика. То самое ружье... Оно лежало на мху, сверкая лакированным прикладом, вот, протяни руку и... Маремьян схватил ружье и хрястнул по дереву. Неистово молотил двустволкой по чему попало. Ему казалось, что при каждом ударе ружье повизгивает и стонет. Это доставляло необъяснимое удовлетворение. Уже отлетел приклад, рассыпались железяки и винтики. Когда от ружья ничего не осталось, он остановился, тяжело перевел дух, недоуменно поглядел по сторонам, и, опустошенный, повалился на землю, как в бездонную пасть какого-то чудовища. И не мог потом вспомнить, сколько пролежал так без всяких мыслей и чувств. Пришел в себя от того же подземного стона. Маремьян сделал шаг и замер – будто на стену наткнулся. В яме под корягой лежал Беспалый. Волосы в красно-бурой глине, лицо от мошкары стало безобразным, бледным и безжизненным. По носу сновал муравей с кедровой иглой. Лежал какой-то бесформенной грудой, присыпанной сверху мхом. Ничего общего с тем Беспалым, которого преследовал Маремьян. Только глаза те же – до дрожи ледяно-голубые и мертвые.

«Медведь могилу приготовил», – не то подумал, не то пробормотал вслух Маремьян.

...На ночлег Маремьян выбрал поляну между двух разлапистых кедров. Напоил Беспалого чаем и уложил в полог. Сам прикорнул возле костра из гнилушек. Прошедший день вконец измучил его, поэтому задремал сразу, но спал чутко. Во сне слышал, как вздыхала тайга и трещал сверчок на стволе умирающего дерева.

Беспалый неподвижно лежал на спине. Он видел сквозь ситец полога неясные очертания деревьев, далекое небо в сизой дымке да слышал унылую песню комаров. Боль в ноге не унималась. Но он старался не стонать, хотя знал: когда стонешь – легче. Боялся, что Маремьян проснется, будто таежник мог проникнуть в его мирок, заглянуть в душу. Этого он смертельно не хотел. Как ни странно, в этой глуши он боялся умереть. Теперь, когда смерть подошла почти вплотную и бродит где-то совсем рядом, со страшной силой хотелось жить. Где угодно, хоть в клетке. Ничего не нужно, готов отдать все, чтоб только вернуть жизнь. Раньше смерть была где-то далеко, говорил о ней презрительно, с гонором. А теперь?.. Все зависит от этого угрюмого человека, который не сказал за весь день ни одного слова. Молча подносил кипяток и пищу, молча стелил постель, словно был один в лесу. А ведь он, Беспалый, совсем не хотел убивать этого парня. Сначала он озлился на несговорчивость Прокопия – ведь мог просто пообещать, до зимы вон сколько времени, а он даже слово обещания пожалел. А когда понял Беспалый, что охотник не чувствует страха перед ним, то вконец взбесился. Не помнит, кто бы мог выдержать без внутреннего содрогания сковывающий холод его ледяно-мертвых глаз, когда, чуть сощурившись, буравил взглядом человека. А тут какой-то охотник только усмехался небрежно – или малость тронутый, или сильнее его, Беспалого. Неужели сильнее?! В нем что-то зашевелилось, заерзало – не то страх, не то слабость. Потом его охватил испуг и бешеная злоба на всех, кто был сильнее и не хотел попадаться в его сети.

Там, на пристани, все вышло как-то случайно, он сел в шлюпку, чтобы отрегулировать дозирующую иглу в моторе. Но шлюпка была не привязана, ее подхватило течением и стало относить от берега. «Эй, подтяни, уносит меня», – крикнул он Прокопию и протянул ружье Мика. «Давай», – сказал Прокопий и взялся за стволы бескурковки. И тут Беспалый увидел, что дула смотрят прямо в охотника. Если нажать на спусковые крючки... ведь курков – не то не надо взводить.

Свое прошлое он почти не вспоминал. Война сделала его сиротой. Бродяжничал, скитался по детдомам. Потом попал в воровскую шайку, где кое-чему обучился. И сам начал добывать деньги всеми способами, ничем не гнушался. Грабил сберкассы в небольших селениях и скрывался. Первый раз пошел на «мокрое» вроде тоже случайно. Ночью, после очередного ограбления, подвернулся милиционер – видимо, заподозрил что-то неладное. Пришлось тюкнуть его по голове, чтобы отключился на время. Оказалось – совсем. Подобрали только утром. После Беспалый оправдывал себя тем, что не мог предвидеть последствий... Сюда, в Сибирь, Беспалого привезли на старой железной барже как рабочую силу. Но рук он не стал мозолить: кому это нужно?! Есть другая сфера деятельности: недавно вдвоем с дружком очистили в селе отделение связи и рванули в тайгу, неделю блуждали. Когда осталась буханка хлеба, он решился и труп в болотной

жиже утопил. Рассуждал: «Зачем делить на двоих? Кому нужен этот дружок? Лягачи спасибо скажут, когда узнают, – давно его разыскивают. Если бы не я его, так через день бы он меня кокнул!»

Он лежал, и мир сквозь полог виделся ему прозрачным и далеким. Не мог понять, почему Маремьян ломит под ним свою хребтину. Он всегда презирал людей непонятных, таинственных. Если не хочет марать руки – оставил бы, все равно не выжить. Так поступил бы всякий здравомыслящий. Так поступал он, Беспалый. Зачем спасать убийцу сына? Предать законному суду? Лучше самому свершить. И даже не своими руками, а с помощью угрюмой тайги. А вдруг старик рехнулся?! Рехнулся – вот и тащит...

Трудно постигнуть душу человеческую. Но вдвойне трудно, если она бесхитростна и кристально чиста.

Втайне Беспалый надеялся, что, когда кончится последний сухарь и выйдут все патроны, когда Маремьян выбьется из сил, что-то произойдет: таежник должен покинуть его в этой глуши, чтобы спасти себя. Тогда все станет на свое место и он умрет со спасительной мыслью, что все люди – звери, что каждый старается урвать приличный кус: только одни это делают незаметно, красиво, изящно – на их стороне закон, а другие – грубо, открыто, всеми дозволенными и недозволенными способами, как он сам. Такие стоят вне закона.

Но настало утро, и Маремьян снова пристроил его на свои плечи.

Наконец, кончились сухари, патроны были уже на исходе. Самое время спасаться сильному, а не то будет поздно. Беспалый по ночам не смыкал глаз: прислушивался, когда Маремьян потихоньку встанет и ускользнет в тайгу. Ему казалось, что охотник обязательно бросит его ночью. Но наступал день, и все начиналось сначала. Маремьян шаг за шагом пробирался сквозь дебри к спасательной реке. Чем труднее становилось, тем с большим упорством шел он вперед. Откуда у него берутся силы, откуда это упорство – Беспалый силился понять, но тщетно.

Маремьян иногда сам удивлялся тому, что не бросил Беспалого, взвалил на себя такую ношу.

Тот день проплыл в каком-то тумане, хотя на небе не было ни единого облачка, солнце золотым шаром висело на своем обычном месте, щебетали птицы. Все шло своим чередом, жизнь не останавливалась, спешила. Узловатые сильные пальцы охотника беспокойно крошили веточку лиственницы, словно они должны были решить, что ему делать. «Может быть, надо побыстрее убежать отсюда, пусть медвежья берлога станет ему могилой. Но медведь – этот дух тайги – никогда не простит, что Дом его стал кладбищем, а я видел и не вычистил... Но ведь Беспалый приносит людям только зло. Кому такой нужен? На земле и без него много зла. Никто не будет упрекать старого Маремьяна. Да и за что? За то, что похоронит убийцу. Но мертвого можно закопать и жить со спокойной совестью, а этого, живого... попавшего в беду... В беду... По неписаным законам таежным попавшему в беду надо помочь. Давно в тайге перевелись бы все охотники, если бы не помогали друг другу, если бы не спасали попавших в беду, если бы не отдавали все, что нужно для поддержания жизни. В тайге это свято соблюдали. Ни один настоящий таежник не может преступить этот закон. Большой грех – дать угаснуть жизни, когда можешь предотвратить смерть. Человек иногда бывает сильнее смерти... и намного сильнее, чем думают...» Маремьян сипнул потухшей трубкой, вытащил ее изо рта, наклонился, чтобы высыпать пепел. И увидел под ногами кожаный бумажник. Из рассыпанных денег и бумаг глянули на него детские глаза. Большие и выразительные. Он отступил на шаг – глаза следили за ним. Несколько мгновений стоял неподвижно, затем выволок Беспалого из берлоги, приспособил к его переломанной ноге выструганную из сушняка дощечку. Брезгливо вытер руки, словно прикоснулся к дерьму.

После, пробираясь по ельнику, Маремьян подумал, что вот вроде бы немало прожил, а никогда толком не знаешь, какие разумные и безрассудные поступки сделаешь. Не знаешь, а жизнь заставит... Пришла мысль о медведе. Этот всевидящий чернолицый тайги вряд ли простил бы то, если бы его Дом стал могилой и охотник не вычистил бы его.

...На вечерней заре Маремьян вышел на тропу и остановился на склоне таежной сопки. Сбросив свою ношу и не оглядываясь, направился в сторону поселка.

Он решил, что участковому тоже надо поработать.

Он шел, и на него нахлынули воспоминания. Полвека тому назад, здесь, на этой реке, в леденящую стужу вооруженные военными ружьями всех его родных кончили. Под обрывом, в полынье... За то, что его отец вывел из-под смертельного удара других с такими же ружьями. А он, Маремьян, на охоте был, жив остался. Но потом и он отомстил за них – жестоко, беспощадно. И навсегда покинул эту реку, чтобы она не напоминала о тех днях, смутных и горьких. И вот приходится возвращаться...

От недалекой реки повеяло пронизывающей стынью.

1974

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Утром она проснулась от лебединого крика. Птицы трубили на болотном озере. И хотя до озера было неблизко, ей казалось, что лебеди где-то рядом, за прокопченными стенами избушки, – так отчетливо доносились их крики. Они играли словно на серебряных трубах, они звали. Хотелось выйти и взглянуть на них.

Тревожила и осень: сентябрь донага раздел деревья – лес насторожился, стал чистым и звонким. Прозрачными были воздух и утро. Все стало тонким, трепетным, воздушным. Ничто не задерживало звуки, ничто не искажало их. Сколько в них грусти! Если внимательно прислушаться, уловишь все: и тяжесть предстоящего неведомого, далекого пути, и тоску по родному озеру, и надежду на возвращение, надежду на жизнь...

Девушка лежала в тепле спального мешка и слушала лебедей. Слушала так долго и внимательно, что стала понимать эту минорную музыку осени. До нее ясно доходило то, что играли лебеди. И мысль, что ей доступен язык этих гордых птиц, радовала ее. Никто до нее так терпеливо не прислушивался к голосу птиц, поэтому и никто не понимал их. И вот она первая...

На ее бронзовом от ровного загара лице блуждала улыбка. Улыбка до того легкая, что, казалось, ее может вспугнуть любой неосторожный шорох, любой посторонний звук. И тогда бы нежная кожа быстро разгладилась – ни морщинки, ни складочки, будто бы не улыбалась вовсе. Но никто не осмеливался нарушить таежную тишину, никто, кроме озерных лебедей. А они не мешали ей.

Как хорошо, что уговорила Диму взять с собой в это царство тишины и звуков! И уезжать никуда не хочется. Так и жила бы весь век в этой прокопченной таежной заимке с ее лебединой музыкой и запахами осени...

Ей казалось, что так и будет. Что может помешать ее мечтам?!

Тонко скрипнула половица. Это поднялась бабушка Дарья – махонькая, но необыкновенно проворная старушка-хозяйка. Первым делом она затопила чувал – потянуло легким дымком. Наконец двери сказали, что хозяйка вышла на улицу. Если хозяйка встала, значит, половина седьмого – хоть часы проверяй. У нее все приготовлено с вечера: береста для огня, дрова, вода, спички. Утром только шаг – и оживает весь дом в одно мгновение.

Попозже, кряхтя и поохивая, поднимается дед Архип. Шумно выковыривает из трубки нагар, проволочкой прочищает мундштук. Потом не спеша набивает табаком трубку, чиркает спичкой – слышится посапывание. Старик молчит. На подогнутых ногах сидит он на лежанке, свесив седую голову с редкой бородкой, и курит свою трубку. Курит он долго – минут пятнадцать.

Девушка сейчас не видит его, но знает, что морщинистое лицо отвердело в глубокой задумчивости. Подслеповатые глаза прикрыты бледными веками. В этот миг он никого не видит и не слышит.

Лучик осеннего солнца через маленькое оконце проникает в избушку. Лебединый крик становится глуше. Потом медленно растворяется в наступающем дне и глохнет.

Выкурив трубку, дед Архип будит внука Диму. Голос у него резкий, не стариковский:

– Вставай, охотник!

– Тут тебе не город, вставай! – тонко вторит ему бабушка Дарья.

– Привык в городе-то...

– Звери-птицы далеко уйдут.

Дима мгновенно проснулся и тотчас же встал, зная, что дед не любит, когда нежатся в постели. Его румяное ото сна лицо с тонкими правильными чертами и чуть-чуть раскосыми глазами ожило. Потянулся до хруста в суставах и, направляясь к умывальнику, поддел деда:

– Такое солнце! Хочешь на охоту, дедок, а?!

Старик только махнул сухой кистью: не болтай, мол, вздор, я уже отходил свое. Потом сказал негромко:

– Чё кричишь, как ворон?

– А что?

– Марину разбудишь.

– Проворная жена раньше мужа встает! – вставила бабушка Дарья.

– Да не жена еще, – понизив голос, поправил внук.

– Кто же тогда?

– Невеста. Разве не ясно?

– Что жена, что невеста – все одно... – не сдавалась бабушка.

– Хватит! – отрезал дед. Внук с бабушкой примолкли. – Хватит, – повторил дед. – Дайте человеку выспаться... – Помолчал дед, потом добавил: – Выйдет замуж – успеет еще намаяться.

Бабушка Дарья с удивлением взглянула на своего старика и тут же, хитро усмехнувшись, заторопилась:

– А я чё говорю?! Неужто я одна с хозяйством не управлюсь? Всю жизнь управлялась, а тут...

Разговор на этом прервался. Дима вышел на улицу. Бабушка хлопотала у чувала. Дед сердито сопел. А Марине стало неловко, и она притворилась спящей.

В доме стало тихо. Прошло сколько-то времени. Стукнула дверь – это вернулся в избушку Дима. От него едва уловимо пахло росой, сосновой хвоей и свежестью осеннего утра. Глухариным пером он пощекотал девушку по носу и шепотом пропел:

– Проснись, Маринушка!..

Она улыбнулась и, не открывая глаз, чмокнула его куда-то в небритый подбородок. Спросила тихо:

– Слышал лебедей? Не приснились?

– Лебеди? Какие лебеди?

– На озере... Утром рано...

– А-а. Я ведь сплю как бурундучок!..

– Знаешь, Дима, я, кажется, понимаю их...

– Ну, ты фантазерка, оказывается! – перебил он. – Скоро разговаривать начнешь с ними. – Девушка промолчала. – Ладно, поднимайся, – улыбнулся Дима. – Зам-меча-тель-ная сегодня погодка! Погляди!

После завтрака Дима ушел на охоту, он целыми днями бродил по тайге со своей мелкокалиберкой. Приносил рябчиков, изредка косача или копалуху. Как-то и Марина ходила с ним на охоту. Наткнулись на выводок рябчиков. Охотник так увлекся, что позабыл про свою спутницу. Когда спохватился, едва разыскал ее. Больше с ним она не ходила. Теперь она держалась за бабушку Дарью – собирала бруснику, грибы, делала снимки. Искала растения для гербария, ловила разных жучков и насекомых. Скучать было некогда.

Дед Архип ловил рыбу. На охоту он уже не годился, а в снастях еще разбирался. После рыбалки он садился на чурбачок возле заимки и, дымя трубкой, смотрел на реку. По ней изредка проходили рыбачьи моторки.

Из-за реки доносился далекий гул вертолетов и самолетов – там стояла какая-то экспедиция. Дед вырывал изо рта трубку, зажимал ее в костлявом кулаке как волшебную палочку, тыкал ею в сторону реки и глухо ворчал:

– Рру-бят!..

Он всегда с разной интонацией произносил это слово: с нестариковской злостью, с обреченностью усталого человека, с детским удивлением, с надеждой на определенный ответ. Но никогда – равнодушно!

Марина считала его добрым. Он любил поговорить с ней: знал много всяких небылиц про тайгу, про зверей и птиц. Девушка подумала однажды, что он видит лучше всех зрячих. Может быть, и вправду видит лучше?! Ведь человеку помогают жить не только глаза...

Вечером на озере снова затрубили лебеди. Звук теперь был далеким и неясным. Его приглушал поднимающийся сырой туман. Марина слушала молча. Задумчивые серые глаза ее остановились на мутном окошечке заимка. Потом, будто очнувшись от глубокого сна, сказала решительно:

– Видеть хочу... лебедей!

Дима подавился дымом сигареты и закашлялся. «Про фантазию начнет или зоопарк, – подумала девушка. – Или просто пожалеет, что взял с собой». Но дед Архип опередил внука.

– Верно, доченька, – была в тайге и не видела самое необыкновенное! – веско заметил он. – Утром ранехонько я вас подниму, посмотрите. Озеро недалеко тут. Кормятся они там, отдыхают перед дальней дорогой.

– А через топь на болоте как она перейдет? – поинтересовался Дима.

– Так же, как и ты! – отрезал дед. Сердито попыхтел трубкой и добавил: – Совсем тебя, видно, город попортил, ох-хот-ник!

Поутру, когда птицы еще не осмеливались разбудить тайгу, дед поднял внука и Марину.

– Лебеди кормятся на Северном заливе, где водоросли у самого берега, – наставлял он. – Обойдете озеро, выйдете прямо на них. По утрам они бывают у самого бережка. Через озеро-то ничего не увидит наша деточка, кроме белых шариков. И то не разберешь – то ли лебедь, то ли пена.

Утро прозрачное, росистое и холодное. Шли сначала по сосновому бору, потом вышли на болото. Через топь перебрались по кочкам и скользким настилам, со слегами на руках.

Между деревьями в лучах восходящего солнца засеребрилась гладь озера.

– Теперь поползем! – сказал Дима.

– Зачем?

– Чтобы не увидели.

– А-а...

– Чтоб поближе подобраться...

Но Марину сейчас волновало другое. Она одними губами прошептала:

– Тиш-ше...

– Да они плохо слышат.

– Совсем не услышат?

– Зато они хорошо видят.

– Да?

– Да, главное, чтоб не увидели.

– А я ползать не умею... по болоту.

– Упрись на локти.

– Попробую...

– Ну, пошли.

Между серых болотных кочек доползли до последних кустиков. Дальше метров тридцать до воды – чистый берег с реденькими пучками осоки.

Марина, затаив дыхание, выглянула из-за куста: стая висела над водой со сложенными крыльями. Не плавала, а висела. До того птицы изящны, легки и чисты. Ничего белее в жизни она не видела. Озеро вдруг стало светлым-светлым, а берега раздвинулись до бескрайности,

Лебеди заслонили собой весь мир. И пред этой светлой бескрайностью защемило сердце, сладко и тревожно, словно оно оторвалось и парило где-то в груди – вот-вот выскочит. И тогда ты станешь таким же светлым и чистым и поднимешься в бескрайнюю высь – в царство света и солнца. И там постигнешь что-то такое, такое... непостижимое. Может быть, остановишь мгновение, остановишь плавное течение времени... Так щемит сердце только раз в жизни.

А лебеди, лебеди... Одни плавали в сторонке с настороженно поднятой шеей, охраняли стаю. Видно, часовые.

Ближе всех к берегу кормилась птица с красным ободком у основания черного клюва и бесстрашными блестящими глазами. Она с головой уходила в воду, будто делала стойку. И так стояла до тех пор, пока не находила лакомство. Вынырнув и вытянув шею, тонкую и беспомощную, глотала добычу. Затем выгибала шею дугой и водила клювом по-над водой, словно высматривала что-то. Тут к ней подплыла другая птица. Наверное, друг. Он потянулся к ней клювом – видно, хотел поцеловать. Но лебедица мотнула гордой головой: не мешай, мол, нужно силы набирать перед дальней дорогой. Тот обиженно опустил голову, но далеко не отплывал. А лебедица осмотрелась, на миг замерла с выгнутой шеей. Потом, успокоившись, смахнула с крыла пылинку и вновь нырнула за пищей.

Марина спохватилась, легонько вытащила фотоаппарат и нацелилась на лсбедицу.

Грохнул выстрел. Из рук девушки выпал аппарат.

Шум воды. Хлопанье крыльев. Утробный стон. Лебедица дважды хлопнула выгнутым крылом и, беспомощно волоча раненое, печально трубя, рванулась на середину озера.

На взлете в лучах восходящего солнца стая превратилась в золотисто-серебряную арфу, заигравшую тревожно-печальную мелодию озер и болот. А потом лебеди стали терять очертания в каких-то туманных наплывах, словно растворялись. Только трубные звуки доносились отчетливо и ясно. Затем в эту минорную музыку ворвалось что-то постороннее. Его растерянно-недоуменное:

– Я же охотник... пойми...

И ее – яростно-негодующее:

– Ты... ря... рряб... ряб-чишник!..

Гребенка соснового бора за озером проколола шар встающего солнца. Оно запуталось в ветвях-колючках.

На обратном пути, когда они переходили через топь, у девушки сердце уже не замирало, не билось трепетно перед бездонной черной пастью болота.

Весь день прошел у нее в каком-то полусне, все к чему-то она прислушивалась. Но был сильный ветер. Бор ворчал глухо и басовито: поглощал все шумы тайги.

Марина утешала себя: лебедица залечит свою рану и улетит. Но эту призрачную надежду теснили сомнения: вот-вот ударят морозы...

Утром Марина проснулась от гнетущей тишины. Вдруг услышала едва уловимую игру воздуха на иглах старой сосны, стоявшей близ избушки. Неожиданно тишину разорвала лебединая песня. Вовсю затрубила стая. Но ее мелодию пронзал другой звук. Крик, полный отчаяния и безысходной тоски. Он

был на тон выше всех остальных звуков. Это плакала раненая лебедица. Сколько грусти, сколько тоски и надежды! От этой песни бросало в дрожь.

Девушка закрыла ладонями уши. Но даже так она слышала лебединую песню. Последнюю, прощальную. Она слышала каждой клеточкой своего тела, начиная с маленьких ступней и кончая длинными, хорошо развитыми пальцами рук с матово-темной от загара кожей. Но особенно боль этой песни усиливалась на девственных, никем не целованных грудях...

Песня безжалостно пробивалась к ней, звала далеко-далеко, в неведомую страну. Избушка вдруг поплыла, накренилась, будто корабль в сильный шторм. Девушка обхватила голову руками и зажмурилась до боли в глазах.

Вечером дед Архип мрачно сообщил опешившему внуку, который только вернулся с охоты:

– На попутной моторке. Уехала на попутной Марина-то, да!

Вздохнул, зажал в костлявом кулаке трубку так, что побелели пальцы, ткнул ею в сторону реки и добавил:

– Улетела наша лебедушка...

Москва, 1976

ОСЕНЬ В ТВОЕМ ГОРОДЕ

М. П.

Ты помнишь ли ту Осень?

Я приехал к Тебе.

Падал снег. Снег падал огромными хлопьями, закрывавшими все небо.

Помнишь ли тот Снег?

И мы пошли на реку. Точнее, на набережную Твоей реки.

У реки, где с моря налетал резкий ветер, хлопья снега как бы взрывались и бешено неслись неведомо куда.

На реке стояли на якорях корабли с грозно торчащими стволами пушек. Над ними – низкое тяжелое небо, а под ними – свинцово-ледяная вода. И корабли тоже отливали свинцом.

Был праздник.

И на кораблях была праздничная суета. Матросы в черных бушлатах, подобно муравьям, сновали по палубам. Мы тогда гордились этими кораблями. Вот какие мы сильные! Вот какие могучие! Вот какие мы великие!.. В то время я еще не понимал, что любой подобный корабль – это смерть. Это погибель всем нам или живущим на других континентах.

Мы шли в снегу.

Мы шли в снегу под ударами ветра в спину. Я шел со стороны реки, как бы прикрывая Тебя от ледяного холода воды. Мы шли медленно, не спеша. Я шел и молчал. Я молча слушал Тебя. Слушал Твой изумительный голос. Ты сказывала мне сагу о своем городе. Сказывала с любовью. С любовью к своему городу, где на каждом шагу возникало чудо.

Я слушал. Слушал ревниво. Я ревновал Тебя к Твоему городу. И, ревнуя, наслаждался Твоим изумительным голосом. Изумительным голосом, чистым и нежным. Я слушал как сказку, как песню, как симфонию. Я улавливал в очаровывающей музыке Твоих слов и вздохи ласкового моря, и шелест осенних листьев в прибрежном лесу, и серебряный звон таежного родника. Твой голос завораживал меня, усыплял, волшебно переносил в совершенно другой мир, в другое измерение. Кажется, помню все, что Ты мне говорила. Но неожиданно и ненадолго я куда-то исчезал. Проваливался невесть куда. Вернее всего, попадал в неземное пространство.

Если в прозрачно-ясный и тихий вечер в укромном лесном закоулке, пред разгорающейся вечерней зарей, очень осторожно и нежно задеть отливающий живым оранжевым огнем Небесный Купол, возможно, он издал бы что-то подобное Твоему голосу… Не знаю, говорил ли Тебе кто про Твой необыкновенный голос. Не знаю, ведаешь ли, каким волшебством Ты обладаешь?! Не знаю. Я же про это Тебе ничего не сказал…

Я был счастлив. И казалось мне, этим ощущением счастья было заполнено все вокруг нас. И падающие снега, и холодные воды. И черное железо мостов, и тусклый гранит набережных, и строгая бронза памятников, и ягельно-зеленоватая медь церквей и храмов, и буро-песчаные стены домов. И сумрачное небо, и мокрая земля. Да, я был счастлив. Но я сразу уловил необыкновенную хрупкость этого мгновенья счастья. Все было неустойчивым и зыбким, как наступающий осенний день. День короткий, призрачный, почти неуловимый. Ведь Ты и сама была легка и хрупка, как падающая с неба снежинка. А снежинка неслышно садилась на руку – и в следующий миг стекала на землю родниковой капелькой воды. А возможно ли было сохранить снежинку на многие-многие лета и зимы?! Навсегда?! Навечно?!

По набережной сновала не очень веселая, принудительно-добровольно выведенная на улицы прозрачная толпа. Она казалась серо-темной на фоне падающего снега.

С набережной, свернув вправо, мы вышли на знаменитую Главную площадь Твоего города. Шли медленно, не спеша. Ты говорила, как сказку сказывала, как песню напевала. А я слушал и смотрел. Конечно же, больше смотрел на Тебя, нежели на достопримечательности города. Вернее, всматривался в Твои глаза. Ты все показывала глазами. И я спешил за Твоим взглядом, очерчивавшим пространство вокруг нас. И этим пространством был весь мир, в котором нас было только двое.

Ты и я.

И больше никого.

И это была жизнь наедине с Тобой.

И я наслаждался этой жизнью и этим миром. Хотя иногда мне казалось, что Ты идешь не рядом со мной, а витаешь высоко-высоко в небесах, в мире грез и мечтаний. Ты не просто шла по жизни – Ты совершенствовала мир. Ты вся светилась. Ты горела. Ты одухотворяла мир, человека и все сущее во Вселенной. Я знал, что Ты не подозревала, что сама была обворожительным совершенством мира. И все, к чему Ты прикасалась, становилось лучше, прекраснее…

Потом мы повернули под арку и прошли на Главную улицу Твоего города, тоже знаменитую. Впрочем, тут все, к чему ни прикоснись, чем-нибудь да памятно. Хотя каждый город по-своему примечателен. Но это Твой город!.. Город, как и Ты, не был похож ни на какой другой…

Мы перешли Главную улицу напротив кинотеатра.

Помнишь ли, как назывался тот кинотеатр? Я помню. Но мне не хочется, чтобы кто-то узнал Твой город. Он принадлежит только Тебе – и никому больше. И кинотеатр тоже принадлежит только Тебе и мне.

Город был наполнен Твоим дыханием.

Город дышал Тобой.

На улице пронизывающий ветер с моря бил в наши спины. Падающий снег сразу же превращался в мокрую слякоть под ногами. Прохожие, съежившись, спешили по своим делам. Зябко, сыро. Но мне рядом с Тобой было тепло. Никто еще в этом мире не излучал такое тепло. Ровное, всепроникающее тепло. Оно согревало меня, стены домов, деревья, камень ближайших дворцов и храмов. Казалось, всю землю и небо. Я не чувствовал ни холода, ни ветра, ни слякоти. Но в фойе кинотеатра мы выпили кофе. Кофе был не очень горячим, но приятным.

В зале я сидел слева от Тебя и слушал Твое сердце. Его биение отзывалось во льдах и снегах моего Севера, и я улавливал эти милые отзвуки… Я чувствовал только Тебя. Ничего не скажу о Твоих глазах, о Твоих волосах, о Твоих губах, ибо до сих пор, до самого последнего мгновенья, никому не хочу отдавать Тебя. Не помню, как назывался фильм. Наверное, ни разу не глянул па экран. Не помню ни одного кадра. Но я помню Твое тепло. Ты излучала тепло, и я улавливал это тепло, начиная с колена. И чем выше, тем теплее, тем горячее Ты становилась, постепенно превращаясь в испепеляющий огонь. И я горел в этом сладостном огне… Ты согревала Вселенную. Всю. Ты согревала и дом моего отца на далеком Севере, и наш сосновый белоягельный бор, и наши озера, и нашу реку, и нашу Богиню…

Я вздрогнул от неожиданности. Нашу богиню!.. Может быть, Ты сама Богиня?! Возможно ли такое?!

Я горел в Твоем огне…

И эта огненная строчка все вписала в мою память.

Помню Твои слова.

Помню Твои глаза.

Помню Твои волосы.

Помню Твои губы.

Я помню…

Словом, все я помню…

Тогда, в кино, справа от Тебя сидела Твоя подруга, тихая и красивая блондинка. Сначала я огорчился – зачем Ты пригласила ее с нами в кино? Но она оказалась девушкой деликатной, и я не чувствовал ее присутствия. При ней мы были вдвоем. Точнее, для меня была только Ты. Одна. Единственная. Незабвенная, никому не принадлежащая…

Я тихонько горел… Я был счастлив.

Потом, уже в сумерках осеннего дня, мы вышли из кино. По-прежнему шел снег, дул ветер и праздничные прохожие, радующиеся нерабочему дню, неистово месили уличную слякоть.

Загустели сумерки.

Загустели сумерки короткого осеннего дня Твоего города.

Я был невыразимо счастлив. И думал, что буду вечно счастливым рядом с Тобой. Хотя и предчувствовал, что слишком большое и неожиданное счастье не может быть вечным и непоколебимым. Наоборот, оно очень хрупкое и ранимое.

Наступил вечер.

Спустились сумерки.

И мы поехали к Тебе. И я все еще был переполнен счастьем. Мне было хорошо. И Тебе было хорошо. Нам было хорошо. И казалось, нам всегда будет хорошо…

Странно, почему в тот наивысший миг счастья я не сгорел?! Почему я не превратился в пепел?!

…А потом мы расстались. Думали – ненадолго.

Оказалось – навсегда.

Расстались навсегда.

Расстались.

Разъехались.

Потом я приехал в Твой город. И уже один бродил по нашим следам. Вернее, но Твоим следам. Набережная реки, Главная площадь, арка, короткий проезд, Главная улица, кинотеатр, Твоя улица, Твой дом. Я бродил как бы в сомнамбулическом сне. Никого и ничего не воспринимал. Видел только горящие тихим огнем Твои следы. Слышал только Твой чудный голос. Вспоминал только Твои слова. Улавливал запах только Твоих волос. Удивительно четко отпечатались на камне мостовых Твои следы. Я находил и всматривался в них необъяснимым внутренним зрением. Порою наплывали искаженные пушкинские строки:

…ходила маленькая ножка, вился локон золотой…

Хотя у Пушкина все это, кажется, было в настоящем времени.

Я снова в Твоем городе.

Город без Тебя опустел.

Город без Тебя осиротел.

Город без Тебя помертвел.

Вот и кинотеатр. В кино я безошибочно нашел место, где Ты сидела в тот счастливый осенний день. Замерев, я долго стоял над Твоим креслом. Стоял, ждал, когда Ты явишься ко мне. Я был уверен, что Ты придешь. Я все ждал и ждал Тебя. Наконец тихо и осторожно опустился в кресло. Осмотрелся, возможно, вздохнул незаметно для себя. Руки сами собой крест-накрест обхватили мои плечи, голова упала на грудь, глаза зажмурились, и все тело мое непроизвольно, до хруста в костях, сжалось в один единый бесформенный ком. Весь я оцепенел и впал в забытье, будто провалился куда-то. А время как бы остановилось.

Сколько это длилось – не знаю. Но потом я очнулся. В изнеможении. Голова с трудом откинулась назад. Я закрыл глаза. И стал поджидать Тебя. Ждал, ждал. И наконец почувствовал Твое тепло. Как и в ту осень, в тот день, тепло от колена стало подниматься вверх. И чем выше, тем теплее, тем жарче, тем горячее. Сейчас Ты была рядом со мной. Я вернулся в прошлое. Или Ты пришла ко мне из ушедшего времени. Впрочем, это неважно. Главное, Ты была сейчас рядом со мной. И я ощущаю Твое тепло. Ты рядом, рядом со мной. И мне больше ничего не нужно. Я слышу, как и тогда, Твой голос Я вслушиваюсь в чарующие звуки твоего голоса и впитываю твое тепло. И понимаю, что такое мгновенье уже не повторится никогда. Это в последний раз. Но мне достаточно и этого. Вместе со мной подходила к концу, заканчивалась, обрывалась жизнь вселенская. Вне моей жизни, как и у каждого человека, ничего не существует – ни солнца, ни луны, ни земли, ни Вселенной, ни Тебя. Ничего. И теперь наступил миг, когда я готов расстаться со всем этим ради Тебя. Ибо я уходил в небытие вместе с Тобой. Вместе с Твоим теплом. Вместе с Твоим голосом. Ведь сейчас мы слились воедино. Мы неразделимы… Я готов к уходу. Я вдохнул воздух, потом выдохнул. И стал замедлять дыхание. И, почти не дыша, медленно, не спеша, убавил бег сердца, чтобы потом, постепенно, как это мог делать мой прадед-шаман, остановить его и тихо, без суеты, уйти навсегда в небытие. И я стал терять ощущение реального мира, но Твое тепло еще долго-долго согревало меня…

…Но так и не канул я в небытие. Не ушел. Вопреки моему жгучему желанию, не остановилось мое сердце. Отчего?.. Почему?.. Не потому ли, чтобы я смог написать эти строки о Тебе, чтобы люди знали, что они жили на земле в Твое Чарующее Время…

Проходили осени.

Проходили зимы.

Проходили лета.

Прошли годы.

Но годы ничего не стерли во мне, ничего не притупили. Как ни странно, время оказалось бессильным пред моим чувством к Тебе. Твое божественное имя живет во мне, и я это имя не доверю никому… Ты теперь от меня далеко-далеко, недосягаемо далеко. И я часто думаю, что было бы, если бы все сложилось по-иному и мы бы остались вместе?! Что было бы?! Что?! Как прошли бы мы вместе по жизненной тропе?!

Недавно я узнал, что Твоя подруга, та славная и красивая блондинка, ушла из жизни. Жаль ее, жаль… Теперь свидетелями нашего таинственного осеннего свидания в Твоем городе остались мы вдвоем. Нас двое. Ты и я – и больше никого.

Жизнь моя, как Солнце в полдень, уже поворачивается в сторону заката. И наверное, мы с Тобой уже не свидимся. Но я знаю, что никто и никогда не смог и не сможет полюбить Тебя так, как я любил и люблю Тебя.

Теперь я тешу себя одной мыслью, что в Нижнем мире, как уверяла меня моя языческая бабушка, каждый человек, и я в том числе, проживает еще раз одну жизнь, но только в обратном направлении. И сейчас я живу надеждою, что в той жизни я проведу с Тобой еще один день в Твоем осеннем городе и еще раз испытаю короткий миг наивысшего счастья.

Ради этого стоило пройти по этой жизни…

Барвиха, 27 января 1993

В МИР ВЕЧНОГО ПОКОЯ

Ушла в мир вечного покоя моя первая тайна…

Когда я впервые увидел тебя – сразу молнией ударила мысль: «Моя!» Я открыл дверь и увидел тебя с двумя подругами. Вы сидели у окна. Ты привстала и, улыбаясь, сказала, что ждете меня. Так мы познакомились. И хотя ты выглядела совсем юной девушкой, но уже была несвободна. Впрочем, все красивые рано теряют свободу. Это, конечно, меня немного огорчило. Но я знал, что ты все равно будешь моей. Рано или поздно. По-моему, ты тоже тогда почувствовала неотвратимость этого. Поняла неотвратимость любви, неотвратимость судьбы.

И мы стали вместе заниматься научными исследованиями. Работали весело, легко, с увлечением. Ты бывала в моем городе нечастыми наездами. В твои приезды, немного побыв в городе, мы почти всегда уезжали в сельские глубинки на полевые изыскания, «в народ». Я ждал тебя. Ждал с нетерпением. Мы встречались. И тихо радовались каждой встрече, дарованной судьбой.

Шли дни, месяцы, годы. Но я не особенно торопил время. Размышлял о том, что еще вся жизнь впереди. И все равно ты будешь моей.

В ту осень с тобой поехали на моторной лодке в верховье таежной реки. Ехали долго. В пути нас застало ненастье. Дул сильный ветер. То с холодным дождем, то со снегом. Тяжелые тучи почти задевали верхушки деревьев по левому и правому берегу. И когда, наконец, мы добрались до усадьбы моих родичей, то совсем продрогли.

Вечерело. Ранние осенние сумерки начали сползать на землю по ветвям деревьев.

Мы быстро выгрузились из шлюпки и, чтобы согреться после пронизывающей сырости реки, первым делом затопили крохотную баньку, стоявшую в соснах за жилым домом, на берегу ручья. Пока ты отогревалась в бане, я вскипятил чай и приготовил еду. Потом, наскоро поужинав, легли спать. Летний дом был довольно просторным. И железная печурка в осеннее ненастье не могла сразу прогреть его. Было прохладно. Поэтому мы развернули постели посреди широких нар и легли рядом, чтобы согревать друг друга своим теплом. Утомленный ненастной дорогой, я сразу же уснул, как только моя голова прикоснулась к подушке.

Проснулся тоже как-то неожиданно, вдруг. Открыл глаза и в сочившемся из двух окон зыбком сумеречном свете раннего утра увидел твое лицо. Точнее, твои глаза. Точнее, твой чистый и внимательный взгляд. На твоем лице не было ни следочка сна, словно ты и вовсе не спала, а всю ночь, во тьме, вот так пролежала с открытыми очами. На мгновение, как мне показалось, я окунулся в глубину твоих глаз. А может быть, я навечно остался в их ясной бездне. И, возможно, из этой бездны вытянул руки. И мы разом прильнули друг к другу. И в первый раз я почувствовал вкус твоих губ. Потом моя рука

нашла молнию твоего спальника, и спальный мешок стал расползаться, превращаясь в одеяло. И ты обдала меня жаром своего прекрасного тела. И, почти задохнувшись, я потерял ощущение времени и пространства…

После, придя в себя, я осторожно повернулся на спину и долго смотрел в потолочное окно. Бледный, ровный и по-осеннему мягкий рассвет тихонько, словно боясь спугнуть нас, вползал в дом. Твоя голова лежала на моем плече, а кончики твоих каштановых волос, будто лаская, щекотали мою голую шею. Твои волосы всегда были какими-то вольными, независимыми. Ты их просто расчесывала, и они, прикрывая плечи, блестящим коричневатым щитом оберегали твое лицо со спины и с боков. Эта твоя прическа больше всего нравилась мне. Впрочем, все мне нравилось в тебе. С первого взгляда, с первого мгновения, как увидел тебя. Ты блистала классической красотой. В чертах твоего лица, в цвете глаз и волос, в жестах, в манере речи, в походке, в мироощущении много было от очаровательных муз девятнадцатого века, от эпохи Пушкина. Но те были далеко, за пределами почти двух столетий. А ты рядом. Ты могла спалить жаром своей души и своего тела. Ты была, конечно, лучше. С тобой им, конечно, не сравниться. Ни в чем. Ни в красоте, ни в любви. Сейчас впервые я узнал, как может любить любящая женщина. Беззаветно, безрассудно, безоглядно, безумно. Ты без слов мне сказала, что ты вся, каждой частицей своей принадлежишь мне. И поэтому душа моя горела. Душа моя полыхала. Мне было жарко. Жар распирал мое тело. Но мне было хорошо лежать рядом с тобой. Тело к телу. Голова к голове. Хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Потом я вышел на улицу. И поразился тому, что увидел. Все вокруг было белым-бело. Выпал первый снег. Вчерашний ветер ночью стих. И в ушах стояла звенящая тишина. Казалось, весь мир надолго замер и прислушивался к тишине. Слушали тишину молодые сосны в снегу, дома в снегу, земля в снегу и низкое осеннее небо.

Наша шлюпка тоже была в снегу. Берега тоже белые, в снегу. Только вода в реке вилась черной струей. Вода струилась, серебристо и чисто звенела, словно напевала мне тихую песню о тебе. А мне было жарко. И жар, как вода реки, струясь, уходил в дремлющий под снегом сосняк, в небо, в свежевыпавший снег. Но от этого ощущение счастья у меня не убывало. Наверное, нечто подобное испытывал библейский первочеловек Адам после сотворения Евы…

Я еще немного постоял у причала, прислушиваясь к музыке воды, затем с прежним жаром в душе вернулся в дом.

Почти рассвело. Наступал первый осенний день моего нового периода жизни. Будто я заново родился. И все начиналось с чистого листа, с первоснежья. В доме я сказал тебе:

– Зима пришла.

– Зима нашей жизни…– сказала ты своим певучим, похожим на звучащую музыку голосом.

– Весна нашей жизни, – сказал я.

– Пусть будет весна…– согласилась ты.

Мы отшельниками жили в усадьбе. С утра работали, каждый занимался своим делом, а после полудня обычно наведывались на моторке к соседям, ездили вверх и или вниз по реке. Вечером возвращались домой. Топили печку, ужинали. Слушали тишину и вели неторопливые разговоры.

Мне совсем не хотелось уезжать отсюда. Если бы можно было, жил тут с тобой, никуда и никогда не выезжая. Но жизнь ставила свои условия. И мы вскоре вернулись в деревню. В деревне жили в отдельном домике. По утрам я рано просыпался. Шел на кухню, садился за стол у окна и, наблюдая за тихим сумеречным рассветом, пил кофе. Потом выходила на кухню ты. В голубой спортивной форме, обтягивающей твою ладную фигуру. Всегда с ясным взором, с чистым лицом, будто вовсе не спала. И мы вместе смотрели за таинственно тающими утренними сумерками. Это были лучшие часы наших встреч. Впрочем, все мгновения с тобой казались прекрасными в моей жизни.

Через несколько дней мы выбрались в ближайший город. Там расстались. Ты полетела в свой, я – в свой.

И начался эпистолярный период в нашей жизни. Я писал тебе почти каждый день. Ты мне отвечала. Конечно, не ежедневно. У тебя забот больше, чем у меня. А в конце зимы не выдержал – приехал к тебе.

Вернее, в твоем городе уже наступала весна. Тротуары были сухими. Снег на обочинах дорог побурел, стал ноздреватым от полуденных солнечных лучей.

Ты пришла ко мне в отель. И когда мы проходили через вестибюль, все мужчины смотрели на тебя. А женщины – на мужчин. Ты, чуть смущенная всеобщим вниманием, царственно прошествовала к лифту.

Я смотрел на тебя и слушал твои певучие, похожие на музыку, слова. Смотрел и слушал, слушал. Тебя можно было слушать бесконечно…

Вспомнили про вечер. Была возможность сходить в театр. Втроем, с твоим мужем. Было три билета. Немного подумав, я отказался от этой затеи. Может быть, стоило сходить. Тебе виднее, и ты всегда оказы-

валась права. Но мне, конечно же, больше хотелось побыть с тобой вдвоем, без третьего. И я все смотрел и слушал тебя. Будто вечность прошла после нашей последней встречи.

На другой день я пришел к тебе на работу.

Потом мы пошли в парк, где под сенью вековых сосен еще лежал печальный, обреченный на гибель, ноздреватый снег. Неторопливо, тихо переговариваясь, прогуливались по дорожкам. В конце аллеи, когда надо было повернуть назад, ты приостановилась, посмотрела мне в лицо и сообщила:

– Я все сказала мужу. Про нас с тобой…

Я молча смотрел на тебя. Не знаю, что отобразилось на моем лице. Не знаю. По-моему, немая сцена затягивалась. Ты подняла на меня свои прекрасные глаза. Губы твои чуть дрогнули, и ты чуть смущенно, с виноватой полуулыбкой сказала:

– Так будет лучше. По-другому я не могла…

Я не мог себе представить, что творилось в твоем доме. Не мог представить, как он принял твое признание… Ты, ребенок, муж, наука, работа, домашние дела. Господи, как же теперь ты станешь жить?! Каково тебе?! Я больше беспокоился о тебе. Хотел, чтобы тебе было хорошо, чтобы у тебя не было проблем. А теперь?

Тогда я еще не знал, что в любви надо доверяться женщине. Особенно если это любящая женщина. Может быть, просто интуитивно чувствовал это. Только намного позже я понял, что с того мгновения у тебя не стало мужа. Это была самая большая жертва, которую ты могла принести во имя любви. Но осознал это слишком поздно – уже после твоего ухода в мир вечного покоя. А тогда, в парке, мне подумалось, что тебе виднее, как быть. Значит, в самом деле, так будет лучше. Прежде всего, лучше для тебя.

Я быстро поцеловал тебя. Но поцелуй пришелся чуть выше переносицы. Ты, конечно же, правильно поняла значение этого поцелуя: тихо засмеялась переливчатым ручьем:

– В лоб целуют покойников.

– Я попал в переносицу, – сказал я.

– Хорошо, пусть в переносицу, – согласилась ты.

– Ладно, сейчас все исправим, – уверил я и, наклонив голову, нашел твои губы.

Я долго не отпускал твои губы. Мы нечасто встречались, и поэтому каждый раз я старался навечно сохранить в себе любую частицу твоего тела. Потом я обнял тебя за талию, и мы пошли не спеша обратно по сосновой аллее. Шли, и я всем своим существом ощущал зыбкие ускользающие струи нашей жизни. Пройдя немного, медленно ступая, ты продолжила свою первую фразу:

– Потом я все перемыла в доме.

Я молча внимал каждому твоему слову. Выдержав паузу, ты сказала:

– Сапоги плохо просохли. У меня, кажется, зябнут ноги.

– Давай погрею, – сказал я.

Мы остановились посреди дорожки. Я присел на корточки и, расстегнув молнию, снял твой правый сапог. И приложил ладонь к твоей пятке. Она была прохладной и в то же время очень приятной, как все прохладное и свежее бывает в жаркий полдень. Ты стояла, опершись рукой о мое плечо. Я не видел твоего солнечно-светлого лица. Но знал, что тебе хорошо. Ведь мое тепло уходило в тебя. И ты невольно становилась частью меня. И я, уходя в тебя, тоже превращался в частицу твоего тела и твоей души.

Так я продлял каждое мгновение нашей совместной жизни.

Потом, согрев тебя, предложил:

– Пойдем в тепло…

– Пойдем, – легко согласилась ты. И мы направились к выходу из парка.

Я все думал, как ты теперь станешь жить. Не думаю, чтобы твоя исповедь обрадовала мужа. Как он отреагировал, я не знаю. Ты ничего про это не сказала, а я не стал расспрашивать. Меня беспокоила твоя дальнейшая судьба. На это ты мне сказала своим музыкальным голосом:

– Не волнуйся. Я знаю, что делать…

И посмотрела на меня своим удивительным взглядом, в котором смешались вместе и любовь, и сочувствие нам обоим. Ты ведь не могла умчаться со мной неведомо куда, оставив свой город, дом, семью, работу и науку – словом, все то, к чему так привязалась за годы своей разумной жизни.

В ответ я только сильнее обнял тебя.

Потом ты сидела за фортепиано и играла. Я устроился в кресле чуть правее и впереди тебя. И смотрел на тебя. Смотрел и слушал. Кресло было старенькое, возможно девятнадцатого века, но гостеприимное, теплое, удобное.

Ты играла мне классику. И я мог бесконечно слушать и смотреть на тебя. Я видел тебя в профиль. Видел твою чуть наклоненную голову, ниспадающие на плечи вечерние волосы, чистый лоб и трепетно-чуткие длинные ресницы. Время от времени, не прерывая музыкальной фразы, ты поднимала на меня свои задумчиво-спокойные очи, и я тонул в их таинственной и томной глубине. В такие мгновения мы оставались совсем одни во всей Вселенной, и лишь нежная, тихая мелодия, будто льющаяся с небес, напоминала нам о наших земных днях. Мне особенно дороги были эти мгновения наших встреч и нашей жизни.

В тепле нам было тепло. В тепле нам стало жарко.

Это был удивительный жар. Я помню каждое прикосновение к твоему телу. Помню каждое твое движение. Помню каждый твой вздох. Ты была талантлива во всем. И в любви тоже. Каждый раз ты представала предо мной другой, неизвестной и непознанной. И каждый раз я открывал для себя новый мир твоего тела и твоей души. И эта бесконечная неизвестность и неизведанность все сильнее и сильнее меня тянула к тебе. При людях ты была скромна и даже застенчива, но когда мы оставались вдвоем, ты чувствовала себя удивительно свободной. И я радовался твоим переменам, твоему таланту так быстро переходить к естественному состоянию нормального человека. За одно только прикосновение к твоему телу можно было спокойно и без всякого сожаления умереть. Умереть в одночасье, в одно мгновенье.

Потом я уезжал и писал тебе письма.

И опять начался эпистолярный период нашей жизни. Я писал тебе почти каждый день. Писал утром. Писал днем. Писал вечером. Писал ночами. Я посылал тебе тысячи и тысячи прекрасных слов. Может быть, миллионы и миллионы. Возможно, тьму и тьму слов и пожеланий. Все равно их никому не сосчитать. Они летели к тебе с каждой почтой. Они неслись к тебе в каждую секунду нашей жизни. Я жил только этим. Только ожиданием твоих писем. Ты писала, но чуть меньше и реже, чем я. Я понимал тебя. Ведь у тебя ребенок, наука, работа, мама, дом и множество других чисто женских забот.

Этот период закончился немного грустно. В твоем же сосновом парке, когда мы прогуливались в мой очередной приезд, ты тихо, как бы между делом, сказала мне:

– Я сожгла твои письма… – Обвела взглядом нахмурившиеся сосны, помолчала, потом добавила: – В этом парке. – Еще немного помолчала и пояснила: – Их негде хранить…

Мы без слов понимали друг друга. Я тоже часто задумывался о твоих письмах. Очень не хотелось, чтобы кто-то другой мог прикоснуться к твоему слову, предназначенному только мне. Не хотелось, чтобы кто-то узнал о твоих милых моему сердцу глазах, о твоей легкой грусти и сводящей с ума нежности и тайной страсти. Но у меня рука не поднималась избавиться от твоих писем. И, наверное, никогда не поднимется. Мне было грустно оттого, что все мои прекрасные слова к тебе под этими соснами превратились в пепел и улетели в небо. Улетучились. Я мог себя тешить только тем, что и с небес, когда ты вспоминаешь о них, мои самые лучшие слова согревают тебя. Сгусток их энергии, овевая тебя теплой волной, витает где-то там, высоко-высоко, в неведомых звездных далях.

Но в те дни мы уже плавно переходили к телефонному периоду нашей жизни. Мы все чаще стали переговариваться по телефону. Я звонил тебе на работу, домой, в науку… И всегда с упоением слушал твой голос, похожий на неповторимую и никем еще не записанную музыку. Ровный, мягкий, чистый и зачаровывающий голос. То ловил музыку твоего голоса, то смысл слов, то совсем отключался и думал только о нас с тобой. О том, как хорошо, что ты есть. Какое это счастье, что ты есть! И я могу слушать тебя. И могу приехать к тебе. И могу увидеть тебя. И могу прикоснуться к тебе. И могу поцеловать тебя и задохнуться на мгновение от пьянящего вкуса твоих губ. И могу сгорать в испепеляющем жаре твоего тела. Какое это счастье!..

Я приезжал к тебе как на праздник. Садился в свое кресло, смотрел на тебя и слушал твою волшебную музыку. Ты, как всегда, играя, то опускала, то поднимала свои ослепительные очи. Это были мгновения, равные вечности. Ты общалась со мной и языком жестов, и движения, и языком музыкальных фраз, и своим изумительным голосом. Однажды, сидя за фортепиано, не поднимая головы, ты сказала:

– В следующем году пойду в отпуск.

В словах ничего особенного, как бы все обыденно. Но музыкальная фраза выразительно предупредила меня, что речь пойдет о чем-то очень важном. Я молча слушал. Через мгновение, когда мелодия опустилась с высоты и выровнялась, ты своим ровным мелодичным голосом добавила:

– Возможно… на год.

Ты помолчала. Мелодия, замедляя темп, пошла в сторону пиано. И тут ты подняла на меня свои индиго-загадочные и словно бездонные омуты глаза, чуть улыбнулась и спросила:

– Возможно?..

Я молча встал, подошел к тебе и окунул руки в льющиеся чистым родником твои медно-лиственничные волосы, затем опустил, как в журчащий ручей, свое лицо и нашел губами твою макушку. Молча стоял и впитывал в себя лесной запах твоих волос. Это значило одно:

– Воз-мож-но…

Потом многое я узнавал о малыше по телефону. Прорезался первый зуб. Встал, сделал первые шаги. Пошел в первый класс. Закончил второй. Перешел в третий. Так водопадом мчалась-металась наша быстротечная жизнь. Я все думал, что впереди у нас еще много-много прекрасных дней и ночей. Но оказалось, ошибался. Оказалось, всему есть предел. И безмерному счастью тоже приходит конец.

Я звонил тебе весной. Звонил знойным летом. Звонил слякотной осенью. Звонил студеными зимами. Звонил днем. Звонил вечерами.

И бессмысленную весть о твоем уходе тоже получил по телефону.

В тот год мне очень хотелось увидеть тебя. И я звонил тебе ранней весной. Звонил в апреле. Звонил в мае. В июне. В первых числах июля. Позвонил в конце июля.

Потом позвонил в самом начале августа. И сказал о главном:

– Я хочу приехать к тебе.

Ты помолчала в трубку, потом своим изумительным голосом пропела:

– Не надо.

– Почему? – удивился я.

Ты выдержала паузу и сказала:

– Я плохо выгляжу.

Я тихо засмеялся в трубку – ты не могла выглядеть плохо. Ты всегда прекрасно выглядела. В любом положении. В любой ситуации. В любое время дня и ночи. Я был уверен: плохо выглядеть ты просто не могла. Значит, подумал я, сейчас просто не очень удобное время для моего приезда.

И я уверенно возразил:

– Ты не можешь плохо выглядеть.

Ты снова чуть помолчала, затем сказала:

– Я недавно вышла из больницы.

Это меня насторожило, и я быстро спросил:

– Что-нибудь серьезное?

– Да нет, – услышал я твой спокойный ответ.

– Значит, я могу заехать к тебе?

– Да скоро мне опять надо будет туда…

– Может, помочь в чем?..

– Нет, ничего не надо.

Мы чуть помолчали. Потом я на всякий случай спросил:

– Выкарабкаешься?

– Да, конечно, – уверенно сказала ты.

Мы еще немного поговорили и попрощались.

Меня усыпил твой уверенный и всегда изумительный голос. Я не уловил ни одной тревожной нотки. Разве мир мог существовать без твоего певучего голоса, без твоей классической строгой красоты, без твоей грации в движениях, без изящных линий и форм твоего тела, без твоего таланта, без таинственной и непостижимой глубины твоих прекрасных глаз?! Нет, конечно. Нет и нет.

И я не поехал к тебе. Хотя был уверен, что все равно ты выглядишь прекрасно. Но раз не очень удобное для тебя время, значит, не нужно приезжать. Я слишком тебя любил. Любил и прислушивался к каждому твоему слову, старался предугадать каждое твое пожелание.

А осень того года в моей безалаберной жизни выдалась суетливой и бурной. Та осень пролетела, как один день. А потом, в начале зимы все как-то не дозванивался до тебя. И лишь перед самым Новым годом меня озадачил незнакомый голос, который поинтересовался, кто спрашивает тебя. Я от неожиданности ничего не смог сказать. Никто и никогда такой вопрос мне не задавал. Если тебя не было дома, то сообщали, где ты и когда вернешься. Возможно, поэтому я не стал отвечать, как мне показалось, на бестактный вопрос.

Наконец после новогодних праздников я позвонил твоей маме. Она назвала твое имя и обрушила на мою голову страшную беду одним словом:

– Умерла.

Я не поверил. Машинально переспросил:

– Умерла?
– Да.
– Когда?
– … августа.

Она назвала точное число. Я быстро сообразил: это случилось менее чем через три недели после нашего с тобой последнего разговора.

Я потерял дар речи. Оцепенел. И долго сидел в этом оцепенении. Все мое нутро охватил огонь. И огонь нещадно сжигал меня. И будто рухнул в странное пустое пространство между миром живых и ушедших. Все теперь делал неосознанно. Встал, прошел на кухню, открыл холодильник, нашел бутылку. Налил стакан чего-то хмельного, выпил. Постоял, прислушался к тишине. Потом выпил второй стакан. Опять встал, прислушался, словно хотел услышать твой голос. Боль внутри меня немного притупилась. И я вернулся в комнату. Нашел телефон, набрал номер твоей мамы, спросил:

– Где похоронили?
– Там. Я не стала ее тревожить…
– Рядом с ней есть свободное место?
– Есть.

Немного помолчал, потом сказал:

– Хочу быть… рядом с ней.

Твоя мама выдержала большую паузу:

– Она сказала…
– Что она сказала?! – я перебил ее слова.
– Она сказала: пусть полюбит – и выживет…

Зачем выживать и жить, если нет тебя? Сейчас я думал только об одном: умереть и лечь рядом с тобой. Голова к голове. Рука к руке. Бок о бок. Как когда-то мы с тобой любили лежать на нашей земле и смотреть на небо, на звезды, в таинственную бездонную ночь. Я лежал бы и чувствовал, что ты рядом со мной, за тонкой пластиной земли, за тонкой стенкой гробовой доски.

Какое это блаженство лежать рядом с любимой в мире вечного покоя… Ничто уже не тревожит, не беспокоит. Мы вместе навеки. И никто и ничто нас уже не разлучит. Умереть, умереть, скорее умереть. В сию же секунду.

Но здравая половина моего рассудка подсказала, что попасть к тебе сейчас не так-то просто. Ты в другом городе. До тебя далеко. Сначала нужно добраться до тебя. А на дворе ночь, темно. А потом надо будет, чтобы кто-то положил меня рядом с тобой. Этот кто-то очень хорошо должен знать, почему это нужно нам обоим – и тебе, и мне. А таких людей, кто бы знал нашу тайну, почти нет. Какая-то необъяснимая магическая сила оберегала нашу любовь от всех посторонних, оберегала от всего любопытного и суетного мира. Даже твои близкие подруги вряд ли догадывались о ней. А твоя мама все чувствовала только интуитивно. Однажды в первые годы нашей встречи по пути к тебе я заехал зачем-то в ее мегаполис, в дом твоего детства. Было мне там уютно и хорошо. И твоя мама, учтивая и внимательная, с искренним добродушием, присущим широкой натуре, принимала меня. А я, кажется, тихо радовался твоему незримому присутствию в этом доме.

Разумеется, твоя мама ничего не спрашивала о наших с тобой отношениях. Только потом, спустя много времени, она как-то спросила тебя: «Он все еще любит тебя?» Ты тогда просто отшутилась, и эта тема больше не затрагивалась.

Огонь внутри меня опять стал усиливаться. Я пошел на кухню и снова один за другим с небольшим перерывом выпил два стакана хмельной жидкости. Боль немного притупилась. Потом оделся и вышел на улицу. Та зима выдалась особенно лютой. Но я холода не чувствовал.

Постоял возле дома. Было темно. Лишь кое-где светились тусклые уличные фонари в морозном ореоле льдинок. Потом сделал шаг и, будто во мне был компас, по мрачным, темным кварталам двинулся в сторону твоего города. Шел медленно, не спеша. Потому что был очень занят: думал о тебе. Думал и видел тебя. И в конце концов, после долгих изнурительных раздумий, возможно, вдруг открыл для себя природу любви. Твоей любви. Почему ты любила меня? И сейчас вдруг озарило меня: ответ упал будто с темной небесной высоты. Просто я любил тебя больше всех на этом свете. Больше, сильнее, веселее и добрее, чем все остальные, кто встречался на твоем пути. В этом я никому не уступал и не уступлю. И, осознав и поняв это, я будто заново народился на свет.

И теперь шел в морозном дыму и ждал, ждал с нетерпением своей кончины, своей смерти. И когда бы она ни пришла, какой бы она неожиданной ни была – я приму ее с радостью. Так моя земная жизнь

уравнялась с потусторонней жизнью. Теперь живу ожиданием той, другой жизни. И свою кончину восприму с тихим ликованием – ведь там, в мире вечного покоя, ты ждешь меня.

Ханты-Мансийск, 21 апреля 2001

КЛЯТВОПРЕСТУПНИК

1

Ослепительная вспышка полоснула по сухому темному лику Михаила Копылова, и над крышей так громыхнуло, что задрожала избушка и с потолка и верхних венцов посыпалась труха. Вздрогнул и Копылов. Он вскочил и заметался по избушке, словно загнанный волк. Стон просохших половиц еще больше подстегивал его – шалые глаза буравили старые стены и рвали черные сумерки. Ему померещилось, что сам Всевышний устами Ильи-пророка напоминает ему о неисполненной клятве и отцовском проклятии.

Его престарая матушка в темном закутке вцепилась в икону и шептала молитвы бесстрастной Казанской богоматери.

Грозы в июльский зной каждую ночь штурмовали село. Штурмовали всухую – оттого гром грохотал особенно яростно и часто. И в избах становилось невыносимо тяжко и душно.

Загрохотало пуще прежнего. Загрохотало возле самой печной трубы, словно молния метила в избушку и вот-вот разнесет ее в клочья. Этот грохот вытолкнул Копылова в дверь – и он в два прыжка пересек двор и влетел в сарай. Тут он перевел дух и на ощупь пробрался в дальний угол, отодвинул ящик с каким-то хламом, по локоть запустил руки в рыхлую землю и вытащил завернутую в мешковину металлическую коробку. Откинул крышку, развернул тряпицу и клацнул хорошо смазанным затвором.

Глухо рыкнул.

И, сунув обрез под мышку, в темноте, между двумя молниями, пересек двор и открыл добротные ворота. Прижимаясь к пряслам, выжидая послевспышковые затмения, небольшими перебежками, не подобающими его возрасту, заторопился к чернеющему за околицей лесу. Он спешил на расправу с комиссаром.

Выжидая очередную вспышку молнии, Копылов присел возле ветхого прясла. Хотя был уже поздний час и дело шло к полуночи, в окне светилась плошка и сквозь раскаты грома доносились голоса. Стукнула дверь – кто-то нетвердыми шагами вышел во двор и остановился у калитки. Заструилось где-то совсем рядом, чуть ли не над головой, и Копылов вжался в зловонную землю. Он сообразил, что это изба сельмаговской продавщицы Маньки и, стало быть, стоит над ним командировочный, который не знает местных. И Копылову захотелось раскрошить ему башку, но здравая осторожность и предстоящая расправа с комиссаром еще сильнее вдавили его в подгнивший навоз улицы.

Тут погасла молния, и он поспешил убраться подальше от злополучного жилища любвеобильной Маньки.

Хотя по-прежнему грохотал гром и на улице не видно было ни души, все равно Копылов хоронился у плетней и прясел, будто кто-то невидимый следил за ним. Рука наткнулась на толстые венцы, затем, словно из тумана, выплыл белый резной наличник. Он прижался к старым стенам и ощутил их древесное пыльное тепло, и сердце забилось чаще. Мой дом, подумал он. Бог когда-то надоумил – не пустил красного петуха. Про пепелище не скажешь «мой дом» и не ощутишь его тепло. Этот единственный двухэтажный дом в селе поставил дед Корней Копылов, здесь родился Михаил и теперь бы сидел и хозяйствовал в селе, кабы не «комсарик Никишка и Советская власть». И на него нахлынул прилив бессильной ярости: ироды, до чего довели его дом! Поочередно сюда вселялись Совет, потом правление колхоза, после – рыбкооп с конторой. А сейчас второй этаж отдали каким-то мелким конторкам, на первом же ютились спившиеся колхознички, называемые бичами. Одному богу ведомо, как еще не спалили! Но, главное, как он обветшал: резьба с наличников ободрана, крыльцо, словно хромая нищенка, покосилось на один бок. Прохудилась крыша, и угол, по которому стекала дождевая вода, осел, вжался в землю. И Копылов молил бога, чтобы он непременно наказал красных за кровь и разорение России. И крепко надеялся, что его молитвы дойдут-таки до Всевышнего. Хотя нутром понимал, что при его жизни вряд ли будет возврат к тем временам, когда Копыловы были полновластными хозяевами, но мириться с этой мыслью не хотел.

Еще прапрадед Копыловых, ямской охотник,[3] за пятерку купил у живших здесь остяков[4] этот лесистый остров и, постепенно завладев богатыми окрестными угодиями – пастбищами, покосами, рыбными протока-

[3] Ямской охотник – так в XVII веке назывались переселенцы из России, жители ямских слобод, обеспечивавшие зимние и летние перевозки.

[4] Остяки – прежнее название народа ханты или обских угров.

ми и промысловыми урманами, заложил новое село. Русские переселенцы стали называть его «Копыловым», а обские же остяки сохранили прежнее название Поснакурт, что означает «селение на острове».

Было время, крепко стояли Копыловы на этом острове. Он никак не мог оторваться от теплой безопасной стены «собственного дома». Вот за этими венцами, в угловой горнице на первом этаже умирал отец, Лаврентий Копылов. Зимой девятнадцатого года, в междувластье в селе, его привез на оленьей упряжке охотник-остяк в темную холодную ночь. Он лежал на широкой деревянной кровати, и его жесткое лицо, обрамленное черной бородой, было обращено в потолок, словно он беседовал с самим господом богом. Наконец он оторвался от потолка и глазами подозвал жену. Она подошла и с почтительным трепетом остановилась у изголовья его кровати.

«Позови сына и оставь нас!»

Она мигом исполнила его приказание.

Мишка, со страхом поглядев на отца, осторожно приблизился к кровати. Отец приподнял воспаленные веки, поймал сына ясным и жгучим взором и тихо спросил:

«Ты знаешь, где твой дед?»

И хотя спросил он очень тихо, но Мишке показалось, что громыхнул на всю горницу – в здравии-то голос у него был дай боже. И поэтому Мишка поспешно прошептал:

«Знаю, на войне».

«А дядья твои где?»

«Там же, на войне...»

«На войне, на войне... – передразнил отец. – Нету их уже на войне...»

«Где же оне?» – робко спросил Мишка.

У отца что-то клокотнуло в горле, и он тяжело, с натугой, почти выкрикнул:

«На том свете!..»

Мишку передернуло словно от удара.

А отец все клокотал утробно:

«Их всех комсарик Никишка кончил!.. Кого забил!.. Кого утопил!.. Кого заморозил!..»

Отец яростно сверкнул очами, в глухом бессилии выдохнул:

«Ублюдок говенный!..»

Тут отец закашлялся, и у него горлом пошла кровь. Мишка бросился за матерью. Прибежала мать с тряпками. Она приподняла отцу голову и, поглаживая его заросшую щетиной щеку и шею, что-то ласково стала нашептывать ему. Возможно, молитву. Отец немного успокоился, перестал кашлять – и приостановилось кровотечение. Мать начала поить его отваром каких-то трав, а потом он будто задремал. Но вдруг открыл глаза, знаком велел матери выйти из горницы и, собравшись с силами, спросил сына:

«За что комсарик их кончил?»

И сам же ответил: «Потому как помыкать собою не позволили!»

Пауза – и снова ответ:

«Потому как разора не потерпели!»

Пауза – ответ:

«Потому как за батюшку-царя стояли крепко!» Пауза – ответ:

«Потому как живота своего не пожалели!» Отец снова помолчал, потом сказал наставительно: «Заруби себе: всех твоих родичей комсарик Никишка кончил!.. Мне бы тоже каюк, кабы не ранило в бою!.. Ты – последний…»

Отец опять замолк надолго, наконец тихо и грустно сказал: «Помру я, Михайло…» Помолчал, потом снова заговорил:

«За матушкой пригляди, Михайло, – больше некому…» Мишка припал к постели отца и всхлипнул: «Не надо, батенька-а-а!..»

«Ну-к, не хнычь, не хнычь! – сурово-ласково проговорил отец и положил руку на голову сына. – Дело есть!..»

Он помолчал и, поманив сына поближе, зашептал что-то ему на ухо. Затем отстранил сына и застыл на кровати. Мертвенно-синий свет луны резко оттенил черты его костлявого и властного лица. Он лежал с закрытыми глазами, и Мишке невольно почудилось, что отец не дышит. Он попятился от постели, но отец, не открывая глаз, разомкнул губы: «Смазывай хорошо, слышь?» «Слышу!»

«А матери – ни-ни!»

«Понял, батенька!..»

«Неси икону!»

Мишка принес икону и отец глухо, будто уже с того света, прошептал: «Клянись!»

И Копылов-младший поклялся. «Не отомстишь – прокляну! Слышь?» «Слышу!»

«Михайло, ты – последний, больше некому…»

«Понял, батяня…»

«А на том свете я встречу комсарика как подобает!..»

«Слышу, бать…»

«Ну, так-то вернее», – отец будто свалил какую-то тяжесть и, облегченно вздохнув, протянул тяжелую жилистую руку.

И сказал сыну последние слова:

«Ну-к, упаси тебя, бог!..»

Сказав, он вытянулся на кровати – высокий и жесткий – и затих, будто преставился уже. Но мать, скорбная и тихая в последние дни, только на второе утро, с трудом сдерживая крик, глухо зарыдала. И Мишка понял, что отца не стало.

Нахлынувшие воспоминания еще сильнее прижали Михаила Копылова к стене «своего дома». Да тут еще настораживал сельский клуб, что стоял наискосок через улицу. Это была когда-то небольшая, но на совесть срубленная церквушка, которую тоже поставил в начале века дед Корней Копылов. Дед занимал в ней почетное место во время праздничной службы, а в будни ходил сюда отмаливать свои земные грехи. Без бога нельзя, гудел он в бороду. Теперь же здесь по вечерам крутят кино и устраивают пляски. Это у них «танцами» называется. Сейчас, вроде бы, там никого не должно быть. Но его смущал садик возле церквушки, густо заросший лебедой и бурьяном. Парни обычно девчат сюда водили. Между раскатами грома «туговатый на ухо» Копылов уловил шорохи в садике. Можно было обойти его стороной, но ему не хотелось тащиться по задворкам – отчего-то собаки недолюбливали его и всегда рады побрехать на него.

Все сверкали молнии, но гром погромыхивал теперь где-то на окраине села, возле самого леса. И Копылов вдруг испугался, что упустит гром и тогда ему не расквитаться с комиссаром в эту ночь. Он все не мог оторваться от «своей» стены – садик нагонял-таки страхи. Тут он стал внушать, что тем, кто в садике, сейчас не до него – они ж ходят туда, чтобы укрыться от людских глаз. Стало быть, им нет никакого резона попадаться ему.

Илья-пророк снова подстегнул, и он, укоротив свою долговязую фигуру, засеменил к чернеющему невдалеке пряслу.

Копылов торопился к комиссару Никишину.

2

Революционер-большевик Арнольд Никишин в этом селе отбывал ссылку. Жил он в пятистенке бабки Лукерьи подле леса. Корнею Копылову он сразу пришелся не по нутру – молодой ссыльный мутил народ. Со всеми он выискивал общие интересы: и среди степенных мужиков терся, и к седобородым дедам подкатывался, и молодым сладкие речи пел. Полсела словесным поносом обмарал, ворчал Корней Копылов. Всем райство сулит, а сам за-ради райской жизни хребет не гнет, на казенных харчах сидит. Клянет батюшку-царя, а его куском не гнушается. Ишь, трутень-мутень свалился на наши головы!.. Копылов-старший особенно всерьез его не принимал. Но в смутные времена такие завсегда на первом месте, соображал старик. Завсегда наверх выскакивают. И чем они людей привораживают? Хитросплетенными словесами?! Бесстыдными посулами аль чем-то еще?! Но так и не разобрался, не успел. На село накатила Октябрьская революция, и Арнольд Никишин объявил себя представителем народа и новой власти, которую нарекли Советской. Копылов-дед мог тешить себя лишь тем, что в своих предчувствиях не ошибся. Но это не доставляло ему радости или удовлетворения.

Свои счеты с комиссаром Никишиным были и у Копылова-внука. К тому времени Мишка отдал свое сердце глазастой Евдокии Сухоруковой. Крепко-накрепко она завладела его сердцем и умом, будто каким приворотным зельем опоила. На всех вечеринках была Дуняша заводилой среди сельских девчат. Особенно Мишка любил слушать по вечерам ее чистый и нежный голос, что уводил песню высоко-высоко, в самое поднебесье. Слушал Мишка ее напевы, а вот дотронуться до ее льняно-белых кудрей не отваживался. Так ему и не суждено было прикоснуться к ее чудным легким волосам. В село приехал Никишин, и Дуняша Сухорукова вместе с частью сельской молодежи подпала под его влияние. Дед же Корней Копылов заказал Мишке появляться в избе бабки Лукерьи, где жил, как он выражался, «нехристь, смутьян и каторжник». И ссыльный Никишин стал для Мишки смертным врагом. Он отнимал любимую женщину, первую любовь. Этого-то Мишка не мог простить ему. Такое не прощается… Эх-х, Дуняшечка,

да ты хоть поглядела бы на его рожу-то, вздыхал Копылов влюбленный. Не рожа, а морда лошадиная. И вправду, у ссыльного было странное лицо: продолговатое – вытянутое сверху вниз. Продолговатый нос, продолговатые, как у лошади, зубы, подбородок. Только глазки были нелошадиными: глубокосидящие, колкие и кровожадные. Да еще не было у него лба…

Мишка Копылов, как всякий деревенский, любил коней. Но это несоответствие даже по прошествии многих лет все озадачивало его: почему на таком чудовище появились черты благородного животного?! Впрочем, многие односельчане считали политссыльного вполне симпатичным малым и ничего лошадиного в его облике не находили.

Тут начался, по выражению комиссаров, «кулацко-эсеровский мятеж», охвативший весь Обской Север. И Евдокия Сухорукова ушла к красным сестрой милосердия. А вскоре в село пришла весть, что она погибла.

Эх-х, Евдокея-душенька, Евдокея-любушка, что же ты наделала с собой?! Что ты наделала?! Что сделали с тобой, ироды?! Копылову по сей день она является во снах. Он посреди ночи просыпался от черной жгучей тоски – не будь комсарика Никишки, ведь Дуняшка наверняка не ушла бы к красным. Женское ли дело – война!.. Во всем, выходит, виноват комсарик. Копылов лежал до утра, не смыкая глаз. Лежал неподвижно и слушал, как в бессильной злобе плакала избушка. Это плакала его душа… Евдокея-то детей могла народить мне, думал он, кабы не комсарик. И жизнь, может быть, потекла бы совсем по другому руслу…

Погасла молния, громыхнуло, и Михаил Копылов затрусил к черному лесу, куда упиралась улица. Перевел дух лишь в ельнике, когда наткнулся на кресты кладбища. Взялся за оружие и ужаснулся – впопыхах не сунул даже под пиджак. А если бы попался кто?! Слава богу, пронесло! – и он быстро перекрестился.

На него дохнуло сладко-влажным духом прели и сырости.

На Копылова в упор смотрел комиссар. Молния выхватила из тьмы его продолговатое лицо, продолговатые зубы и кровожадные глазки. Столько в нем полыхнуло ненависти и непощады, что, казалось, даже смерть пред ним бессильна. Погасла молния, а Копылов все еще не мог прийти в себя, ошарашенный его пронзающим взглядом. И только когда в нутро стал заползать острый холод, Копылов очнулся и поспешно поднял обрез, передернул затвор и при вспышке молнии навел дуло на кровавые глазки комиссара. И, хотя на лбу выступила холодная испарина, он выжидал. Руки обрели твердость и теперь слушались его. Острый холод на это мгновение оттеснило чувство исполняемого долга за гибель рода Копыловых. Сейчас он снова стал полновластным хозяином двухэтажного дома, церкви, судов и барж, стрежевых песков, пастбищ и покосов и всего прочего, чем владел его дед Корней Копылов. И, возможно, дороже этих секунд ожидания в его жизни ничего не было. Вот так, замерев, он готов выстоять сколько угодно, лишь бы чего-то выждать. В его голове до мельчайших подробностей промелькнуло прошлое, докомиссарское прошлое.

Что же ты натворил, комсарик?! Зачем столкнул человека с человеком, родича с родичами, народы с народами и пустил большую кровь?! Зачем?! За-ради чего?! За-ради добра и богатств?! За-ради высокой власти?! Но ведь в этой круговерти, пустив кровь и разорение, ты сам сгинешь и ничего не получишь! За-ради чего всю эту пакость сотворил?! Ужель бог отнял твой разум, чтобы твоими руками наказать землян?! Ох-х, господи!..

Но грохнул гром, и гром вернул его к комиссару. Он не спешно нажал на спусковой крючок, и от неожиданности его отбросило назад. Выстрел слился с ревом грома, увидел только рыжее пламя из ствола. Все, конец, точка. Вздохнул облегченно, расправил плечи и выпрямился во весь свой огромный рост и, сунув теплый обрез под мышку, не спеша, ни от кого не таясь, напрямую направился домой. По привычке ворота и двери закрыл на запор и тут, почувствовав размаривающую усталость, опустился на кровать. Обрез перезарядил и сунул под подушку. Хотел отнести его в сарай и закопать, но тут по окну забарабанили крупные дождины. Дождь, едва начавшись, тут же перестал, а гром заревел еще неистовее. Теперь у Копылова не было сил и желания вставать с кровати.

С чувством исполненного долга Копылов закрыл глаза: свою клятву исполнил – комиссар Никишин убит.

Над головой отцовское проклятье не висит.

Духовную свободу обрел.

А над селом вовсю бесновался гром.

3

Утром он опять не спрятал обрез в сарае. Вдруг-то уже началось следствие по делу Никишина и всех подозрительных взяли на заметку, подумал он. А тут спозаранку Копылов со свертком в сарай, чего ни разу по утрам не делал. Нет, не след спешить. Пусть уж дома будет, соображал он. Если захотят меня взять, так патроны есть, живым в руки не дамся.

Он отворил калитку и выглянул на улицу – в селе было тихо и мирно, будто ничего не случилось. Поправил кепку и направился на колхозную конюховку, где присматривал за лошадьми и шорничал. Шел прямо, высоко подняв голову, не оглядываясь, но все подмечал из-под нависших бровей зорким оком. Если бы односельчане присмотрелись к нему, то заметили, что шаг его стал тверже и решительнее, словно он уже стал хозяином своего двухэтажного дома и завладел всем своим хозяйством. Но однако сельчане не баловали его вниманием, считали обыкновенным бобылем-чудаком – избушка разваливается, но он строит вокруг нее добротный крепкий забор. На кой ляд забор, если крыши нет?! Поди разберись, что у него в башке! Только сельмаговская Манька, когда подолгу у нее никто не останавливался, пристально смотрела на долговязую фигуру Копылова – чувствовала его нерастраченную мужскую силу – и скалила белые зубы. Копылов же отворачивался, словно повстречался с самим дьяволом-искусителем в образе Маньки. Его года и впрямь трудно определить – на голове ни одного седого волоса и на лбу морщин не более, чем у всякого мужика средних лет. А бобылем, видно, остался оттого, что не захотел впустить в свою жизнь никого, кроме Евдокии Сухоруковой.

Весь день, вздрагивая от скрипа плохо смазанных ворот, он чего-то ждал. Может быть, известия о расстреле комиссара. Но в селе было пока спокойно. Только на следующий день, повстречав на улице Копылова, председатель Совета спросил:

– Слыхал, Лаврентьич, что пацанье-то наделало?! – И председатель сообщил то, что хорошо было известно Копылову, в конце добавив, что с пацанья взятки гладки – що, мол, возьмешь…

Копылов согласно кивнул. Он прислушивался к разговорам и посмеивался в душе – на этот раз председатель Совета сыграл ему на руку. Пусть все думают так, как нужно власти. Раньше он ни во что не ставил председателя, считал его колодой неповоротливой, хозяином без штанов. Все дела сельсоветовские вела секретарь, востроносая рыжая бабенка, которой он не опасался. Теперь надо же, председатель оказался нужным человеком. Несмотря на это, сейчас его интересовал и глава колхоза, который, по его мнению, мог бы быть настоящим хозяином села. Но тот, занятый своими делами, видно, вообще ничего не сказал или равнодушно принял известие о гибели комиссара.

Но Копылов постоянно был начеку. Он внимательно наблюдал за участковым, который приехал в село на третий день после той ночи. Уже вообразил, как ловко стал бы водить за нос следователя, случись, заподозрили бы его. Ведь улик-то никаких, кроме обреза, о существовании которого даже родная мать не знает. И в нужный момент можно легко избавиться от него – Обь-матушка рядом. Да и кому бы пришло в голову заподозрить его, лучшего колхозника, безупречного работника и тихого незаметного селянина?! Теперича не те времена, думал он, когда не смел шелохнуться и пискнуть, не говоря уже о мести. Тогда за один только обрез мог загреметь в места, откуда нет возврата. Но такая участь не прельщала его, поэтому и выжидал. Но к выжиданию его принудила и осторожность, которой при рождении господь Бог его наградил почему-то больше, нежели всех остальных Копыловых, отбывших уже в иной мир. Он все присматривался к участковому, но тот, переночевав у сельмаговской Маньки, укатил куда-то по своим делам. И жизнь в селе неторопливо потекла по старому руслу.

Чутким и осторожным стал Копылов. Советская власть за многие десятилетия впитала в его кровь эту излишнюю осмотрительность и осторожность: всем, кто высовывался и поднимался над толпой, красные тотчас отсекали головы.

Расстреляв комиссара, Копылов был готов ко всему. Он ходил по селу с высоко поднятой головой и всем своим видом говорил: вот он, я, последний из рода Копыловых, исполнивший свою клятву! Возьмите меня, попробуйте! Терзайте меня, убейте меня! Я готов умереть!..

Наверняка приедет милиция, думал он. Начнется следствие. На худой конец делом займутся председатель Совета, «партейный секретарь» или глава колхоза. Но пока тихо, и эта тишь беспокоила его. Если бы милиционер или кто-то другой попытался найти преступника среди детворы, хотя бы для острастки, то Копылов успокоился бы. Все-таки это удовлетворило бы его самолюбие, и расстрел комиссара еще больше возвысил бы его в собственных глазах. Может быть, комсарик теперь ничего не значит, размышлял он. Нужен был только в гражданскую, когда истреблял противников переворота?! Но в его сознании комиссар всегда оставался комиссаром. Ведь не кто иной, а именно Никишин уничтожил весь кремень-род Копыловых и вытряхнул в преисподнюю все их нажитое за века добро. Тут, ох какая сила нужна! Видно, и дед Корней Копылов недооценил его. Корней, который никому спуску не давал и мог взять за рога самого дьявола. Не такие дела сотворил комсарик, чтобы так быстро позабыть его. Бродит комсарик невидимой тенью по селу. И Копылов всем нутром почувствовал, что борьба с ним только началась. Вся борьба еще впереди. Почудилось ему, что председатель Совета намеренно пустил ложный слух, что из

города по телефону получил указание, чтобы усыпить бдительность мстителя и захватить его врасплох. При встрече, помнится, он дольше обычного задержал взгляд на нем, Копылове. Неспроста, выходит, неспроста. И глава колхоза, председатель то бишь, как-то слишком суетливо и быстро поздоровался с ним и заспешил невесть куда. И участковый, видно, не зря останавливался у любвеобильной Маньки. Ведь ее дом за три двора от избушки Копылова. Возможно, тот не с Манькой развлекался, а за его домом наблюдал. А тут еще соседка, что через улицу живет, нынче целыми днями сидит на лавочке возле ворот, исподтишка глазеет на него, будто влюбленная какая. А вчера сын ее долго на крыше околачивался, будто бы антенну усатую для телевизора устанавливал.

Только «комсарикова наследыша», партейного секретаря, не было в селе, в это дело не встревал. Им был мужичишка выморочный и тщедушный – вечно скитался, как выражались односельчане, «по партейным салаториям и больницам». И сейчас он, горемычный, где-то не то отдыхал, не то лечился.

Неспроста все притихли, решил Копылов. Комиссарова власть коварна, хитра. Веры ей нет. Выжидает она, выжидает. И он почувствовал щемящую пустоту там, где у нормальных людей должно быть сердце.

Да, как и в двадцатых, в этой борьбе пощады не будет.

4

Не долго терпели на Обском Севере комиссарскую власть. Мужики поднялись против комиссаров. Красные назвали это «контрреволюционным мятежом».

«Грабь награбленное!» – призывал комиссар Никишин.

«Все ведь горбом нажитое! – стучал себя по загривку Корней Копылов и разводил руками, как бы показывая на свое добро. – Видит бог!..»

«Грабь и бей буржуев!» – кричал на это комиссар Никишин.

Красные первым забили Елизара, младшего сына Корнея Копылова, его любимца. Елизара подвесили будто бы шутя за ноги и потребовали «отцово золотишко», якобы запрятанное с его участием. Озорной и своенравный Елизар, словно бы желая шепнуть на ушко, подманил комиссара к себе и кровью харкнул ему в лошадиную морду. Тут за парня взялись не на шутку: начали медленно колоть штыками. Но он только матюгался и бешено ревел. И вскоре его забили прикладами. Пулю пожалели…

Корней Копылов, узнав об этом, просто озверел.

«Ироды!.. – плакал старик. – Скотину так не кончают!..»

И – пошло, и поехало.

Столкнулись лоб в лоб. Русские – с русскими. Остяки – с остяками. Красные – с белыми.

Красные называли белых «бандитами», а их отряды – «бандами». Белые тоже метили красных «бандитами» и «карателями». Когда же входили в деревни и города, те и другие «охочи были до баб, самогонки и жратвы». Те и другие требовали постой, лошадей и фураж. Те и другие грабили и насиловали. Возможно, в чем-то для жителей были менее опасны хорошо организованные и дисциплинированные отряды белых, нежели разношерстная и озлобленная толпа красных.

Красные били белых. Белые били красных. И Корней Копылов не щадил комиссаров, попадавших в его руки. Мстил за сына Елизара, за батюшку-царя, за свой разор. И месть его была такая же беспощадная, как и комиссарская… Только об одном он пожалел – не попался ему в руки комиссар Никишин.

Но и власть белых продержалась недолго – в начале следующего года красные разбили отряд Корнея Копылова. Взятых в плен расстреляли. Красные, истребляя «контрреволюционных мятежников», продвигались в низовья Оби. И вскоре под заимкой Лорбой в бою был убит комиссар Никишин. Там его и похоронили. Когда Советская власть окончательно укрепилась на Обском Севере, то из Петрограда приехала комиссарикова жена, тоже профессиональная революционерка, только в семнадцатом вышедшая из Петроградской крепости. Она перевезла останки мужа-комиссара в село, где он провел годы ссылки, и похоронила на сельском кладбище под строгой хмурой елкой. Принесла на могилу свой первый и последний венок, омытый скупой слезой, и укатила комиссарить в Москву на центральный телеграф, где в те бурные дни ее ждали неотложные дела.

Время шло. Истлел ее венок, могила заросла травой.

Вначале Копылов в душе вроде бы обрадовался; погиб комиссар Никишин, стало быть, его клятва потеряла силу – кому мстить?! Тут и времена жесткие настали, пикнуть не моги, за дедовские дела могут привлечь к ответу. Притаился Копылов, замер. Не пил, не буянил. Одним из первых записался в колхоз. Часто по праздникам ему вручали почетные грамоты. Его усердие и жадность до работы оценивал всякий новый председатель колхоза. Копылов же не стеснялся ломать шапку перед ними, хотя они менялись

чуть ли не каждый год. Для него, кажется, все они были на одно лицо. Может быть, оттого, что и председатели видели в нем только одно – безотказного и добросовестного работника, «рабочую лошадку», остальное их не интересовало. Копылов никому в глаза не лез, ни с кем не враждовал и дружбу не водил, скромненько держался в стороне. Говорил, что туговат на ухо и знал цену своим словам. Тихо жил себе в избушке-развалюшке с матерью, на жизнь никогда не жаловался и ни у кого помощи не просил – тем и был хорош в селе.

При людях не поднимал руку для крестного знамения, хотя бога в душе сохранил.

Тут нагрянул сорок первый год. И, по прошествии лет, возле бывшей церквушки в березовом садике появился высокий серый обелиск со звездой, а рядом большой фанерный щит с именами более ста односельчан, павших на фронте. Исключением стали десяток фронтовиков, из коего в селе осталось ныне всего три-четыре человека. Остальные кто помер, кто уехал. Сам Копылов тоже хлебнул военного лиха – получил тяжелую рану в паху, долго валялся по госпиталям. Но, однако, вырвался из когтей смерти, выжил, вернулся домой. А из женской половины военного поколения тоже немногие выжили – отдали бабы свое здоровье лесозаготовкам, рыбалке на студеной Оби и тяжелой каторжной работе на полях. Стало быть, кроме Копылова и его престарелой матушки, мало осталось свидетелей событий двадцатых годов.

Но комиссар неожиданно напомнил о себе. Вдруг в селе пошли разговоры, что останки комиссара надо бы перезахоронить под обелиском в садике, ведь там никто не погребен. Копылов тогда не на шутку встревожился – комиссар переберется в село, придется жить с ним почти по соседству. И он каждый день станет напоминать, кто есть Копылов и кем бы мог быть, не ворвись в жизнь комиссар Никишин. Тут, пожалуй, спятить можно рядом с ним. Запросто спятишь. Но к невысказанному удовлетворению Копылова, дело дальше слов не пошло. Но комиссар все же напомнил об отцовском проклятии, которое еще не опустилось на его косматую голову, но тяжким мечом висело над ним. Меч то притуплялся, и он начинал забывать о своей клятве, то заострялся, и тогда его охватывало беспокойство и ожидание беды. Все это зависело от комиссара, от того, как часто он напоминал о себе. А Копылову уже виделся конец комиссара: время незаметно разрушало подгнившую оградку на комиссаровой могиле, выравнивало ее с землей. Был комиссар – не стало комиссара, нет даже останков. Он понадеялся вырвать комиссара из людской памяти с помощью безжалостного времени и тем самым как бы исполнить свою клятву и зажить спокойно.

Бывало, с внутренней усмешкой он заводил беседу:

«Ты для них, комсарик, живота не пожалел, а от них даже трухлявого креста не получил!»

Тут перед ним всплывало бледно-зеленое лицо комиссара и он слышал насмешливый ответ Никишина.

«А жизнь-то ведь, Копылов, по-моему идет, а?!»

На это Копылову нечем было крыть, и он поспешно отворачивался и осенял себя крестными знамениями, чтобы побыстрее избавиться от комиссарова духа. Что верно – то верно, жизнь шла по комиссаровому руслу. Как вещал партейный секретарь, социализм в масштабе села и страны уже построили, все обобществили. Все вокруг ваше – колхозное, социалистическое, общественное. А сейчас ударно строим коммунизм. И до коммунизма осталось совсем чуть-чуть – возможно, полшага. Ну, самое большее – шаг, полтора. Всех там ждет всеобщее благоденствие, коммунизм, строящийся по мудрым заветам классиков марксизма-ленинизма. Главной заботой партейного секретаря было, чтобы лозунги и призывы на красной материи постоянно висели на стенах сельского клуба, на стенах контор колхоза и рыбкоопа. Но, однако, его мало волнует то, что колхоз на ладан дышит. Давно перестали сеять хлеб. Дедовы поля начали зарастать травой-кустами. Охотничьи промысловые урманы вырубили, а рыболовные угодья каждый год травят то нефтью, то еще какой-то гадостью. На пастбищах почему-то плохо приживаются колхозные коровы и кони. Избы, перешедшие в собственность колхоза, быстро обветшали и почти уже сгнили. Чудные дела творятся, размышлял Копылов. Комиссаровы последыши, «награбив награбленное», словно по-божьему наказанию, не сумели похозяйски распорядиться всем этим добром. Бог не дал ума. Вернее, отнял разум у тех, кто преступил заповеди божьи и заповеди человеческие.

Но время работало на него, а не на комиссара. Все так шло, как он и предполагал. Но тут вдруг объявилась где-то под Москвой родная сестра комиссара. Она прислала сельским пионерам письмо и один за другим два денежных перевода – на могиле комиссара появились цветы и новая оградка. Партейный секретарь выдал призыв: даешь революционное прошлое! Разыскать, сохранить, увековечить!..

Слышит Копылов, как пионеры пристают к соседке-старожилке, к бабушке Сухининой. Расскажи да расскажи, как пришла в село Советская власть, как пришла революция. Бабушка, сидя возле дома на лавке, долго отнекивается. Наконец не очень охотно начинает вспоминать:

– Значица, было так: пришел пароход «Святая Мария», с городу Тобольска. Все в селе заговорили: каратели пришли, каратели… И там, среди них был наш селянин Васька Шаламов…

Пионеры недоуменно переглядываются, потом переспрашивают:

– Дед Вася Шаламов?!

– Ну-у, да…

– Он приплыл с карателями?!

– Ну, да…

– Он не мог быть с ними! – засомневались

– Как это не мог быть?!

– Может, вы, бабушка, что напутали, а?

Бабушка начинает сердиться:

– В ту пору я совсем молоденькая была. Глаза-очи мои тоже на месте были. И память, слава богу, еще не отшибло!.. Был с ними Васька Шаламов, был!..

– Неужели так было?!

– А почему бы ему там не быть?!

Пионеры объясняют бабушке:

– Дед Вася Шаламов – красный партизан! Он революцию защищал, мы записали его воспоминания. И в сельсовете нам сказали: он – герой Гражданской войны, красный партизан!

– Ну и чо из этого?

Пионеры отвечают:

– Красный партизан не может быть карателем!

Бабушка Сухинина призадумалась, помолчала, потом пояснила:

– Все верно: тогда их называли карателями, а теперь – красными партизанами…

Тут приумолкли пионеры: видно, начали соображать, что бы это значило… А бабушка, победно оглядев своих слушателей, продолжила рассказ:

– Значица, на «Святой Марии» пришли каратели и начали делать эту самую революсию и советску влась. Перво-наперво забили парнишку Елизарца, сына старшого Копылова… Царство ему небесное.

Бабушка вздыхает и незаметно, не поднимая руки, одними пальцами кладет крест. Помолчав, после тяжелого вздоха, она добавила:

– Видно, золотишко шибко почитали. Все золотишка требовали…

Все помнит старая, удивился Копылов. Будто вчера все это происходило. И его мысль ушла к Ваське Шаламову. Одряхлевший старик одиноко доживал свой век в избе с провалившимся полом недалеко от центра села. В первый раз Копылов наведался к красному партизану не из любви, конечно, к его революционному прошлому, а хотел выяснить кое-какие вещи о своем отце и дедушке Корнее Копылове. Разговорились. Оказалось, дед Шаламов волею случая попал к красным. Возвращаясь с войны с германцем, надолго застрял на ближней к дому железнодорожной станции в Тюмени. Не было попутного транспорта. Тут объявились красные, начали набирать людей в поход против мятежников-северян. Война давно насточертела ему. Не хотелось воевать ни с кем. Тем более с земляками, пусть и «контрреволюционными мятежниками». Красные посулили транспорт, хорошие харчи, дом и потом полную свободу. Соблазн попасть домой взял верх. Решил, доплыву до дому, а там видно будет, авось отстанут от измотанного войной фронтовика. Но не тут-то было – цепкими оказались комиссаровы руки. До самого конца Гражданской пришлось оттрубить… То ли за откровенность, то ли за сострадания к старости, Копылов заменил в избе две сгнившие половицы, чтобы старик не провалился в подпол. Хотя нужен, конечно, основательный ремонт. Но мольбы красного партизана к Советской власти действия не возымели. Копылов знал, почему. Во-первых, у Совета давно все село сгнило, а не только изба Шаламова. Во-вторых, об этом же просят ветераны ближней войны, вдовы и семьи погибших на фронте. Ждут помощи многодетные и сироты. Словом, очередь длинная. В-третьих, видно, всякой власти в тягость человек, в свое время сделавший дело и теперь ни на что не пригодный. Такова жизнь.

Прилаживая половицы, тюкая топориком и прислушиваясь к неумолчному говору старика, Копылов тешил себя мыслью, что Всевышний видит все и каждому отмеривает по заслуженной мере. Воистину, на

чужом горе не построишь себе счастье. Вот и красный большевик Василий Шаламов, некогда поднявший руку на своих же сородичей, теперь без семьи и детей, без родных и близких, никому не нужный, одиноко умирает в полусгнившей избе. А о комиссаре и вовсе сказать нечего. Останься он в живых, возможно, его конец был бы еще более мучительным.

Между тем сестра комиссара в последнем письме прислала карточку брата. Физрук школы врезал ее в краснозвездную пирамидку на могиле.

Комиссар беспощадным прищуром притянул к себе всю округу.

5

И глаза комиссара сказали Копылову:

«Вижу твою черную душу, контра! Вот погоди, доберусь до тебя!..»

Копылов на это лишь усмехнулся и сказал резко:

– Баста, шабаш – кончается твое время, комсарик!..

Повернулся и степенно, не спеша, пошел с кладбища.

Еще одним открытием тешил себя Копылов: в селе первым пророчески подметил, что «комиссарьево время» пошло на убыль. Пошло на убыль одновременно с двух концов – сверху и снизу. Сверху таким макаром пошло: стали в селе рассказывать разные побаски про Генерального Комиссара, про самого наивысшего, который заместо батюшки-царя сел и начал народом править. Попервости передавали их потихоньку, с опаской, ухо в ухо. А потом заговорили в открытую, со смешком, с издевочками, с неприличными жестами. Разве такое было возможно хотя бы еще десяток лет назад?! Нет, конечно. Понял Копылов: плохи дела у Генерального. Стало быть, дни его сочтены… Снизу же «комиссарьево время» подтачивалось несколько по-иному, а именно: просто «комсариновы наследыши» шибко помельчали и утратили силу в народе. Вот, к примеру, партейный секретарь. Ладно, не вышел статью и ликом – не его вина, это от бога. Но, главное, по делу мало на что пригоден. В колхозе председательствовал – что-то не клеилось, перевели в Совет. В Совете тоже не заладились дела, поэтому двинули его в рыбкооп. Там он какие-то товары не то растранжирил, не то украл. Словом, и тут оказался не у дела. Вот тогда-то и попал в «комсариковы наследыши» и, по всему видать, пришелся ко двору. Лозунги, призывы, доклады, партейные путевки. Тут он как утка в воде: где захочет – там и нырнет, где захочет – там и вынырнет. Словом он владел не хуже большевика Арнольда Никишина. Правда, односельчане на его, как выражался Корней Копылов, «словесный понос» не обращали особого внимания. Михаил же Копылов чутьем фронтовика безошибочно угадал, что этот, как Никишин, за красную идею на белые пулеметы не пойдет. Нет, не пойдет. Скорее, перекрасится в другой цвет. Коль сам не готов идти, так зачем других к этому подталкиваешь?! Зачем словесную чушь несешь?! Вот и выходит, что и внизу плохи дела у комиссаров. Только по этой причине Копылов так резко отбрил комиссара: кончается твое время!..

Но он все еще чувствовал в себе пронзительный взгляд комиссара. И не мог избавиться от ощущения, что Никишин постоянно подсматривает за ним. А это было мучительно для него. Нужно искать, как избавиться от этого надсмотра, иначе жизни не будет.

Дома престарелая матушка, которая уже жила не столько настоящим, сколько прошлым, спросила:

– Миш, нынче в селе-то кто?

– Красные, мам, – отвечал сын.

– Разе боже не покарал их?

– Нет, еще, мам.

– Коды покарат?

– Скор, мам.

– Комсарик Никишка верховодит?

– Нет, мам, другие.

– Где он, ирод?

– Нету его, скончался.

– А-а, божья кара…

– Да, мам.

– Мотри, Миш, не шастай по улке-то!

– Хорошо, хорошо.

– Кокнут ведь, ироды, ни за што!..

– Да я дома буду, мам.

– Батяня-то где?

– На небеси, мам.

– Будто я токо с им баила…

– Ну, так ушел.

– Белые-то коды придут?

– Не знаю, мам.

– Далеко ушли?

– Да, далеко-далеко…

– Бог даст!..

– Даст бог, мам!..

И мать слабой рукой кладет крестное знамение.

Михаил же только вздохнул тяжко. Вздохнув, подумал: на нашем с тобой веку, матушка, белые-то, видно, уже не доберутся до села. Больно медленно убывает «комиссарьево время».

Ночью к нему явился комиссар Никишин и, сверля кровавым глазом с хитро-наглым прищуром, прошипел:

«Вот погоды, доберусь до тебя, Копылов!..»

У Копылова похолодело нутро, и сначала он весь съежился, а потом стал наполняться яростной злостью, и эта злость распрямила его, и он закричал:

– Да нет же, нет – не доберешься!..

И проснулся. И сгинул комиссар. Копылов долго лежал неподвижно, прислушиваясь к тишине и ощущая, как наполнявшая его ярость медленно, как бы нехотя, уползает из его нутра.

– Ой ли, и на том свете не доберешься, – пробормотал он комиссару. – Кому рай, а кому ад…

Но, однако, Никишин пока на этом свете не давал ему покоя: даже в глухую полночь, просыпаясь, он чувствовал, как из темного угла бьет по сердцу кровавый глаз комиссара. Тот кровавый глаз, что испепелил его любушку Евдокию Сухорукову, отца, дядю Елизара, деда Корнея Копылова и многих других. Тот глаз, что многих безвинных преждевременно отправил в мир иной. Он втягивал голову в плечи и еще сильнее укутывался в толстое одеяло, но и это мало помогало. И тогда он взялся за обрез – другого выхода нет.

Нужно уничтожить испепеляющий душу глаз и заодно этим исполнить свою клятву…

Он свершил то, что должен был сделать еще в двадцатых годах после гибели отца и всех близких родственников. Сгинул глаз, избавился от него Копылов. Теперь он свободен и независим.

На четвертый день как бы мимоходом он завернул на кладбище, чтобы взглянуть, что осталось после его ночной вылазки. У комиссара не только кровавый глаз, а лица нет вообще. И Копылов не выдержал: не то подумал, не то сказал вслух, имея в виду красных:

– Я расстрелял тебя, а им-то, вишь, до тебя, что до ……. матери, комсарик!.. Хе, розыск учинить не могут!..

И подумал, что наконец-то дважды убитого комиссара припер к стенке. Потоптался, прислушался к тишине – молчит комиссар. Знать, навечно замолчал, на сей раз. Однако ночью тот сам явился в избушку Копылова и ответил:

– А жизнь-то ведь, Копылов, по-моему идет, а!..

На сей раз Конылов не осерчал. С великодушной снисходительностью победителя, усмехнувшись, сказал:

– Погоди, вот начнет колхоз хрен сосать – тогда помянут тебя, комсарик!..

А дело как раз к этому шло. Колхоз не только других, а себя прокормить не мог. Что ни год – все пятились и пятились назад. Копылов это давно подметил хозяйской сметкой, унаследованной от деда. А ведь при Корнее Копылове на этой земле кормилась вся округа, а излишки вывозили в низовье в Обдорск-город и в верховье в Тобольск-город.

И он пообещал комиссару:

– Погоди, еще намылят тебе ж…!..

Повернулся на другой бок и захрапел, как ни в чем не бывало.

На следующее утро, проходя мимо Совета, он услышал, как физрук школы жаловался председателю:

– Какой снимок испортили, а?!

– Другой патрет сделай, – сказал председатель.

– А другого нет, – развел руками физрук.

– Как так нет?
– Снимок был в одном экземпляре.
– А сестра его что?
– Перестала писать.
– Почему?
– Кто знает. Может померла…
– Надо было копию снять.
– Кто знал, что такое случится.

Копылову показалось, что председатель недоверчиво, исподлобья покосился в его сторону. И, когда он приблизился, вовсе замолчал. Неспроста это, подумал он. Неспроста.

У него никогда не было доверия к комиссаровой власти. Власть эта завсегда не по-человечески подкатывала к человеку. Наобещает одно – сделает другое. Посулит рай, а на деле рай оборачивается адом. Вся она какая-то с загибами, с вывертами, с выкрутасами. Не знаешь, с какой стороны и куда кольнет, за что уцепится мертвой хваткой. Она еще никого с миром, с богом не отпускала. Надо ухо держать востро.

Но власть все медлила, все тянула, все не брала Копылова. Вконец, что ли, она ослабла? Вконец, что ли, она обессилела?..

Бывало, просыпался он по ночам от малейшего шороха и скрипа. Лежал, охолодев, под толстым одеялом и прислушивался к напряженной тишине, а рука сама тянулась к обрезу под подушкой. Живым не дамся, думал он. Крестился нетвердой рукой и немного успокаивался.

Гнетущее чувство безысходности то накатывало, то снова откатывало. Но он осознанно готовил себя к мысли о близком конце. Правда, в этой жизни его еще удерживал наказ отца, чтобы он позаботился о матери. Однако, она уже давно жила в потустороннем мире: больше разговаривала со своим ненаглядным Лавриком, нежели с сыном Михаилом. В думах о будущем его более всего волновал сейчас другой вопрос: куда определит его господь бог – в рай или в ад?! Раз Всевышний отвернулся от Копыловых на грешной земле, значит, должен позаботиться о них в загробном мире, размышлял он. Тем более, что последнего Копылова теперь ведь не назовешь клятвопреступником.

6

В душную грозовую ночь он вздрогнул от комиссарского голоса:

– Копылов, сс-бирайсь!..

В дверях стоял комиссар Никишин с ехидной усмешкой на губах и с пустыми глазницами. А, погасил я кровавый огонь твоих глаз – теперь ты не страшен, подумал Копылов. И спокойно, без всякого внутреннего трепета, сказал: «Щас, погодь…» Хотел осенить себя крестным знамением, но рука уже сама потянулась к обрезу.

Комиссар, поигрывая неразлучным маузером, стоял в дверях и терпеливо ждал. Время нисколько не тронуло его: все такой же молодой и бессмысленно беспощадный, каким запомнился сельчанам в двадцатые. За своей третьей, последней погибелью притащился, между тем соображал Копылов. Ах ты, бес, не хочет без меня оставить землю в покое…

– Щас!.. – повторил Копылов и, прикрывшись одеялом, передернул затвор, и почувствовал, как рванулась рука, но выстрела уже не услышал, – громыхнул гром.

Тяжелый обрез выскользнул из рук и грохнулся на пол – гулко отозвались старые половицы…

1978

Я СЛУШАЮ ЗЕМЛЮ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕНЬ ОБРЕТЕНИЯ

Я пришел на Землю в самый долгий день года. Быть может, поэтому мне кажется, что я помню себя со дня своего рождения. Помню, как мама носила меня на руках. Помню теплоту ее добрых рук. Помню трещины и зарубки на стенах домов, где мы жили, и сосну, что увидел впервые, выйдя на улицу. Помню высокое-высокое небо над головой и перелетных птиц, что приносили теплую весну. А за весной приходило лето с очень вкусными ягодами. Мама и моя старшая сестра Лиза приносили мне эти ягоды. Ягоды бордовые и красные, черные и голубые, янтарно-желтые и малиновые. Помню, как наступала осень и перелетные птицы уносили тепло в далекие края. Уходила осень – и первые снежинки медленно парили в пронзительно-прозрачном воздухе...

И первый снег, обновляющий Землю...

Но на этом снегу оставались не мои, а мамины следы. Я ходил тогда еще ногами мамы. Ведь я пришел на Землю незадолго до первого снега, в самый длинный день года, в пору изумительно светлых белых ночей. Быть может, поэтому все жители нашего селения решили, что судьба моя будет такой же светлой, как и белые ночи нашей земли...

И получил я счастливое имя моего деда по отцу – Роман. Его имя отдали мне затем, чтобы я вырос таким же благородным, отважным и сильным, каким был мой дед. Деда своего и не видел, он не носил меня на своих крепких руках медвежатника. Его дни на Земле кончились до моего рождения. Но я слышал столько рассказов о его необыкновенной отваге, что мне стало казаться, будто я видел его, будто жил с ним когда-то рядом. Мне казалось: я и он – это один человек. Ведь я помню тяжесть и строгий и холодный блеск острия его копья. Я вместе с ним вступал в единоборство с медведем. В стужу и зной вместе с ним я пробирался по тропам родной Земли, по большим и малым рекам и озерам.

Рядом с ним я не знал ни устали, ни покоя...

Мне отдали его имя, чтобы мое сердце стало таким же трепетным и чутким к людской печали и радости, каким было сердце деда...

В крестные отцы мне достался столетний старец Ефрем. Это чтобы я стал таким же мудрым, как и мой крестный. И чтобы я прожил такую же долгую жизнь, и чтобы стал таким же сказочником и певцом, каким был старец Ефрем. Его я тоже помню с самого рождения. Помню, он еще промышлял зверя и птицу, плел рыболовные морды и жильники, мастерил всякий промысловый инструмент... Я любил наблюдать, как все ловко делают его руки. Но еще больше любил слушать его песни и сказки, его легенды и предания. Он был родным братом моего деда. И, слушая сказки, я всматривался в его иссеченное временем лицо. Старался отыскать в нем черты моего легендарного деда, от которого, кроме имени и добрых дел, ничего не осталось. Нет даже карточки...

Когда мне исполнилось три года, на Землю моя сестра Даша пришла. Ту осень я отчетливо помню – седоголовые волны на реке, прибрежный белый песок. И чистое-чистое небо. А после: зима – лето, зима – лето. Еще зима и – весна. Вытаявшее на солнце взгорье на окраине бора, сочная зелень листьев брусники, белый ягель, трухлявый цвет опавших игл. Порыжевшие сосны и – солнце, солнце, неуемное солнце отовсюду и повсюду. Много-много солнца. Вместе с весной и солнцем пришла моя младшая сестра Оля...

Это была счастливая пора познания и открытий, пора обретения людей и себя, пора обретения Отечества и Мира...

Я пришел на Землю в самый долгий день года. И был уверен, что вырасту таким же удалым и отважным, как мой дед Роман. Что буду таким же мудрым сказочником и певцом, как мой крестный старец Ефрем. Что оставлю на Земле и в сердцах людей добрый след, добрую память...

Но прошли года. И, повзрослев, я понял, что нет во мне той богатырской отваги и благородства, чем был знаменит мой дед. Нет во мне мудрости и удивительного жизнелюбия моего крестного столетнего старца Ефрема. Нет во мне той гармонии и жизнепонимания, что были присущи моему отцу и матери, дяде Василю и многим другими родственникам моим. Но с годами все острее становится память о счастливом детстве. И среди размышлений о людях, о тех, среди кого жил и рос, вдруг, словно молния, сверкнет озарение: какие это были великие люди!

К сожалению, поняв это, осознаешь и другое: многие уже оставили нашу Землю. Лишь изредка, в суете сует, остановившись на миг, с запозданием извлекаешь из глубин памяти поучительные мгновения жизни наших предков... А о величии человека следует помнить при его жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я СЛУШАЮ ЗЕМЛЮ

Вечером, когда солнце садилось, мама, понизив голос, попросила меня:

– Скоро солнце сядет. Не шуми.

– Почему нельзя шуметь? – удивился я.

– Вечером воды и земли засыпают, – пояснила мама. – Пришло время их сна. Они устали за день, нельзя их тревожить. Поэтому и нельзя шуметь...

– А солнце куда уходит? – я покосился в сторону заката. – Тоже идет спать?

– Солнце тоже идет на отдых, – сказала мама. – Солнце вон сколько дел делает за день...

Воды и земли, оказывается, тоже спят, соображал я. И солнце уходит в свой дом, тоже спит. Значит, и они все устают за целый день, как люди.

– А птицы и звери что делают ночью? – спрашиваю маму.

– Каждая крылатая птица, – сказала мама, – каждый ногастый зверь, каждый жучок-паучок – все засыпает, ко всем приходит сон.

– И деревья-травы ночью спят?

– Разве они не живые? – переспрашивает мама. – И деревья-травы засыпают. Все живое ночью спит. Вот почему нельзя вечером громко смеяться, громко разговаривать, громко стучать и греметь. Нужно думать о других.

Я стал прислушиваться к тишине. И вправду, замолкли пташки, что весь день весело щебетали в золотистых соснах возле нашего дома. Наверное, уже уснули в теплых гнездышках до утра. Только перед самым восходом запоют и засвищут, а когда солнце поднимется выше – разбудят меня.

Потом заинтересовался, что же делается вдали от нашего селения – все ли думают о вечерней тишине. Я напрягаю слух, пытаюсь уловить все звуки засыпающей Земли. Но не слышно речных куликов на Протоке Болотной Стороны. Замолкли крикливые кедровки в припроточном кедровнике. На болотном озере, на окраине бора, смолкли горластые халеи – речные чайки. Днем я хорошо слышал их беспричинный хохот. И ветер убежал за дальние реки и озера и затих там – ни хвоинки не шелохнется на ветвях старых сосен.

Тишина на Малом Яру на востоке.

Тишина на Большом Яру на западе.

Тишина опускалась на Гору Осеннего Селения, где стояли дома людей нашего рода.

Угомонились и ворчливые сороки, что каждый день прилетали к селению. И даже наш белый пес Харко, кажется, задремал – не звенит цепью, не подзывает меня радостным лаем.

И я убеждаюсь: все вокруг засыпает, все вокруг замирает.

Солнце садится.

Мама спрашивает в открытые двери, что закрываются с заходом солнца:

– Ты что там делаешь, Роман? Давно тебя не слышно.

Я ответил:

– Я слушаю Землю.

Отец с матерью и сестры о чем-то говорят в доме. Наверное, припоминают события прошедшего дня. Ведь за день случается столько необычного, о чем вечером обязательно нужно порасспросить родителей...

– Иди домой, Роман, – зовет меня мама. – В постели дослушаешь тишину.

И я бегу домой.

Слушая тишину, я засыпаю. И вижу, как Солнце, опустившись за горизонт, открывает двери своего удивительного дома-дворца. Стены и потолки из длинных тонких пластинок-лучей, отливающих золотом. Все сверкает, все горит. Я невольно зажмуриваю глаза. Солнце входит во дворец и засыпает. Там спят и дети Солнышка-матери – девочки и мальчики моего возраста. Когда в наш дом входит луч Солнца, мама говорит, что это Солнышко-матушка протянуло нам свою руку. Если же лучей много, значит, по словам мамы, это дети Солнца пришли на Землю поиграть с нами, со своими ровесниками... Потом я увидел, как Солнце выходило из дворца. Мне показалось, что наступила зима: «Солнце надело шапку и варежки к сильным морозам», – говорил папа зимой. Тогда же, зимой, я был поражен тем, что Солнце в короне очень похоже на мою маму. Я сказал об этом папе, и он ответил: «Солнце – это мама всех людей. Поэтому, наверное, все мамы похожи друг на друга». Мне нравилось смотреть на Солнце в короне и думать о маме. И я немного жалел, что летом Солнце никогда не надевает свою корону и варежки... Теперь же, выйдя из дворца, Солнце так ослепило меня, что я тут же проснулся.

Было утро. И через окно в стене ласковая рука Солнца разбудила меня. Это, наверное, чтобы я поспешил навстречу детям Солнца. Им, видно, одним тоже бывает скучно. Не с кем поиграть и порезвиться...

Вечером я провожаю долгим взглядом входящее в свой дворец Солнце, смотрю на маму и вспоминаю о вечерней тишине и о засыпающей Земле...

С тех пор прошло немало лет. Все чаще всплывают в моей памяти наше маленькое селение в золотых соснах и свято оберегающая вечернюю тишину моя мама. И засыпающие воды и земли. И засыпающие деревья и травы. И звери и птицы. И засыпающее Солнце. И я слышу их немой вопрос об одном и том же, об одном и том же...

Кто теперь так свято оберегает сон таежной Земли?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПТИЧКА НА ГОЛОВЕ

Я очень не любил, когда мне голову мыли. В этом мало приятного. Если не купали, а просто в большой куженьке[5] намыливали мои волосы, то вода всегда норовила попасть за ворот. И тут хорошего мало. А если мыло попадало в глаза – я начинал вопить на все наше маленькое селение. Соседи уже знали: это мне моют голову. Я изо всех сил вырывался из маминых рук, но вырваться не удавалось.

Большая разница между сухой и мокрой головой. Это я хорошо усвоил. После мытья головы не сразу пускали гулять на улицу. С мокрыми волосами не поваляешься в песке. Не залезешь на деревце возле лабаза. Да мало ли дел, которые никак не сделаешь с мокрой головой. Если нужно будет, даже подраться не сможешь с двоюродными и троюродными братьями. Вот я и старался увильнуть, когда мама начинала греть воду для моей головы. Но однажды я по доброй воле согласился вымыть голову. Мама сказала мне:

– Роман, я тебе так чисто вымою волосы – птичка сядет на твою голову!

– Птичка на голове! – удивился я.

– Да-да, – повторила мама. – Птички садятся только на очень чистые головы!

– Сядет? – усомнился я.

– Пожалуй, я вымою голову, – неторопливо сказал папа. – Пусть птички садятся на мои волосы.

– И мне, мама, помой голову, – попросила моя старшая сестра Лиза. – Я тоже хочу птичку!

Этого я, конечно, не мог допустить: чтобы птичка, которая должна сесть на мою голову, досталась бы другому. И я решил подороже отдать свою голову. За самую лучшую птичку, которую знал. И я спросил об этом маму:

– А трясогузка сядет на мою голову?

– И трясогузка может сесть, – сказала она.

Я сдался. Мама вымыла мне голову. И теперь я не сопротивлялся и не вопил на все селение. Потом с куском черного хлеба, который бывает очень вкусным только на улице, меня выпустили погулять. Пусть птичка садится на мою чистую голову. Я чинно расхаживал возле дома и с надеждой смотрел на трясогузок. Кто из них сядет на мою голову? Всё в этих птичках нравилось мне: и нежная сизо-белая одежда, и длинный узкий хвост, и округлое черное пятно под шейкой, и певучая радостная песня. Они одними из первых приносили весеннее тепло, наверное, поэтому я и любил их. Правда, иногда во мне просыпался охотничий азарт и я с луком и стрелами бегал за ними. Но стрелы мои всегда летели куда-то в сторону и не причиняли им никакого вреда. Я не унывал и смеялся над своей неудачей. Наверное, и трясогузки смеялись надо мной.

Мне хотелось подержать их в руках, погладить их нарядное оперение. Хотелось получше рассмотреть их. Теперь я ждал, ждал того мгновения, когда одна из них опустится на мою голову. Ведь эти чистые птички должны заметить мою чистую голову! Не должны пролететь мимо моей чистой головы! Так я думал, расхаживая под седыми соснами нашего селения. А трясогузки были заняты своим делом. Они собирали шерстинки линяющих оленей – строили гнезда. Я видел, как они рады весне, как они суетились и весело переговаривались. Они искоса поглядывали на меня, но на мою голову не спешили. Наверное, некогда им, подумал я. И побежал домой.

– Мама, они не садятся на мою голову! – пожаловался я.

– Погуляй еще! – сказала мама, – Они должны заметить твою макушку.

– Может быть, ты плохо мыла мою макушку? – спрашивал я.

– Нет, я очень хорошо помыла тебя! – уверяла мама. – Иди, жди птичку!

И я шел на солнечную улицу и ждал птичку. А потом забывал про нее и убегал к друзьям поиграть. До вечера я успевал порядком напроказничать. Что-то ломал, разбивал, проливал, протыкал. С кем-то подрался. Кому-то надерзил. И, укладывая меня спать, мама говорила со вздохом:

– Опять нашалил... Когда ты ума наберешься?..

После недолгого молчания она сказала, поглаживая мои волосы:

– Твоя макушка чистая. Таким чистым должен быть и твой ум. Чистым и добрым. Тогда птичка обязательно прилетит на твою голову...

Я до сего дня думаю об этом. Чист ли, добр ли мой ум? Высоки ли, чисты ли мои помыслы в жизни? Прилетит ли ко мне заветная птичка далекого детства?

[5] Большая куженька – корыто из бересты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГНЕЗДО ТРЯСОГУЗКИ

Весной прилетные птицы свили себе гнезда. И вскоре самочки снесли первые яички. Как-то за завтраком отец сказал:

– В моем гнезде уже три костяных птенчика!

Это значило – папа нашел гнездо с тремя яичками и наблюдал за ним. Но тут выяснилось, что у всех взрослых есть птичьи гнезда. И даже моя старшая сестра Лиза гордо промолвила:

– И у меня есть гнездо! Трясогузкино! Там четыре костяных птенчика!

Только у меня не было гнезда. И я тут же пристал к сестре:

– Покажи, покажи мне свое гнездо!

Сестра сделала серьезное лицо и совсем по-взрослому сказала:

– Нет, ты еще маленький!

– Покажи! – просил я. – По-ка-жи-и!

– Нет! – сказала сестра и пояснила свой отказ: – Нельзя трогать руками костяных птенчиков. Если притронешься к ним – птичка-мама сразу их оставит. И они умрут в костяной оболочке. Понимаешь, Роман?

Я ничего не хотел понимать и все канючил:

– Покаж-жи! Я только один раз гляну! Один раз!..

– Не проси – не покажу! – твердо сказала сестра Лиза. – Ты такой шалун – утащишь, пожалуй, костяного птенчика!

Это был ее самый убедительный довод. Знал, по словам старших, какой я шалун. Трудно со взрослыми. Что ни сделаю – все не так! Куда ни повернусь – все не туда! Хотя ничего плохого не замышлял. Все получалось как-то само собой. В одно мгновение. Я не успевал подумать о своем поступке. Сначала делал, после – думал, если было время.

И теперь я понял: не видать мне гнезда трясогузки. А взглянуть на костяных птенчиков очень хотелось. Но я не стал унывать. Побыстрей позавтракал и убежал на улицу. Решил сам разыскать гнездо. Любое гнездо, лишь бы там сидела птичка.

Я долго ходил за трясогузками. Они обычно гнездились под стрехами лабазов и амбаров, на крышах навесов и под навесами на полках, на развилинах деревьев, в брошенных старых куженьках и берестяных кадушках. Я следил за полетом птиц. Бросался туда, куда они садились и откуда взлетали. Мне казалось, они только тем и занимались, что летали от одного гнезда к другому. Я носился за ними, но все впустую. Видно, и трясогузки смотрели на меня глазами моей сестры Лизы – не доверяли мне свои гнезда с костяными птенчиками. Может быть, они и правильно делали... Я не внушал доверия.

Вскоре я проголодался и сбегал домой за куском черного хлеба.

– Поиграй немного и приходи домой, – попросила мама.

Но играть мне не хотелось. Я слонялся возле дома и все думал о птенчиках трясогузки. И тут заметил сестру Лизу. Она замерла у стены старой амбарушки, где хранилась всякая деревянная и берестяная утварь. А лицо у нее светлое и таинственно-загадочное. Я вздрогнул: гнездо трясогузки! И когда сестра ушла в дом, я подкатил к стене чурочку, взобрался на нее и заглянул в замшелую кадушку-берестянку, что лежала на крыше. Там было гнездо трясогузки. А в гнезде четыре яичка – продолговатые, ровненькие, с множеством мелких крапинок. Эти крапинки мне напомнили улыбчивое лицо тетушки Катерины из соседнего дома. И мне показалось, что костяные птенчики улыбаются веснушками. Обрадовались моему приходу, подумал я.

Я стоял неподвижно и зачарованно смотрел на костяных птенчиков. Не мог оторвать взгляд от них. Они были такие хорошенькие, что меня так и подмывало прикоснуться к ним. Но удержался от соблазна – вспомнил слова сестры Лизы. Мне совсем не хотелось, чтобы птенчики трясогузки погибли.

Стоял я, наверное, очень долго. Лишь когда птичка-мама с тревожным криком закружила над моей головой, я очнулся. И перепугался – птичка чуть за волосы не хваталась, так близко она подлетала ко мне. Я мигом скатился с чурбачка.

Свою тайну я хранил до ужина. А когда сели за стол – не выдержал, сказал сестре, что нашел ее гнездо. Сначала она испугалась за костяных птенчиков. Я сказал, что руками их не трогал, – и она успокоилась. Теперь по утрам мы вместе бегали смотреть гнездо. К амбарушке подходили осторожно, на цыпочках, чтобы не потревожить птичку-маму. И замирали – и забывали обо всем на свете.

Меня захватила одна тайна. Тайна превращения шарика-яичка в живого птенца. И я ждал этого мгновения.

Время шло. Появились комары. Наступило лето. И вот мама однажды сказала:

– Скоро появятся птенцы. Обычно в гнезде сидят и пищат. Такие неуклюжие, забавные, глупые. И такие миленькие – просто слов нет!

– Как птенцы вылетят из гнезда – комар на убыль пойдет, – неторопливо проговорил отец. – Комаров ловят. Помогают людям.

– Только руками их не трогай, – предупредила сестра Лиза. – Слышишь, Роман?.. Если, конечно, птенцов хочешь дождаться!

Сестру Лизу я слушался. Мы все ее очень любили. И когда ее отправляли в школу в соседнее селение, мы с младшей сестрой Дашей в голос ревели. После, когда не стало мамы, она растила нас – меня и младших сестер. И мы еще больше привязались к ней.

А птенцов я так и не дождался.

Как-то утром сестра Лиза вбежала в дом и дрожащими губами прошептала:

– Погибли птенчики!.. – А потом повернула ко мне разгневанное лицо: – Ты, наверное, прикоснулся к ним?!

– Нет! – закричал я. – Я их не трогал!

И, не поверив сестре, помчался к амбарушке. В косом надломе скорлупы – красное тельце птенца. Красное тельце – это мне врезалось в голову. Врезалось в глаза. Врезалось в память. Я всем нутром почувствовал – птенцы тусклые и холодные. Они умерли, не родившись. Может быть, кто-то прикоснулся к ним – и мама бросила их. А может быть, она погибла вдали от гнезда и уже не могла согреть их свои теплом. А может быть, случилось и что-то другое...

За завтраком все молчали. Молчала мама. Молчал папа. Молчала сестра Лиза. Молчал я. Всё делали молча.

Вдруг по лицу сестры Лизы потекли слезы. Без всхлипа. Без сопения. Без единого звука.

Я выскочил вон.

Мне было жаль птенцов, что не наденут нарядные одежды-оперения и не споют свои песни. Мне было жаль их птичку-маму. Мне было жаль самого себя. Особенно мне жаль было сестру Лизу. Ее слез я еще не видел. Все было впервые...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОРОНЫ МЕСЯЦ

Мы с нетерпением ждали прилета Вороны. А прилетала она самой первой среди перелетных птиц, с первым теплом – в апреле. И апрель получил имя «Вороны месяц».

Не только наш дом, а всё селение радовалось, когда кто-нибудь сообщал, что видел первую Вурни – Ворону. Весть передавалась из дома в дом, из селения в селение:

«Ворона прилетела!»

«Ворона пришла!»

«Ворона с теплых краев вернулась!»

Жила Ворона возле нашего селения, перелетала с дерева на дерево, дразнила глупых щенков. Высматривая себе пищу, ходила вокруг таганка летней кухни, заглядывала под лежащие на бревнышке куженьки и корыта. А иногда ухитрялась, зацепив клювом или лапкой, переворачивать посуду. Могла при случае утащить кусок мяса или рыбы у нерасторопной хозяйки. Но даже самые грозные старухи, добродушно ворча, сквозь пальцы смотрели на все проделки Вороны.

Ворону в нашем селении любили.

Она всем напоминала хозяйку, которая после долгой зимы возвращалась домой и обходила свои владения, придирчиво оглядывая – все ли на месте, все ли в порядке.

После обхода она важно усаживалась на коньке лабаза или амбара и подолгу и молчаливо смотрела на селение. О чем она размышляла?! Меня это очень заинтересовало, и я старался разгадать ее думы. Мне казалось, что она в это мгновение думала не о птичьих делах, а о судьбах людских, о моих сородичах. Быть может, и обо мне думала. Ибо с таким важно-задумчивым видом можно размышлять только о судьбах народов, о судьбах человечества.

Ворону мы любили.

Быть может, любили ее и за весеннее тепло. Ведь с ее именем – Вороны месяцем – многое было связало.

И первое дыхание весны.

И первое тепло.

И первая улыбка весны.
И первые проталины.
И первые ручьи.
И первые оленята в стаде.
И первые ростки зелени.
Всё – первое.

Наш дом особенно радовался прилету Вороны. Мама обычно говорила:

– Вот и мы до весны дожили – Вороны дождались... И вздыхала.

И мне тогда показалось, что, не будь Вороны, мы бы до весны не дожили, и не наступил бы Вороны месяц, и не пришла бы весна. Но ведь Ворона не священная, а самая обыкновенная птица, каких немало в наших лесах.

Я пришел с вопросами к матери:

– Мама, ведь Ворона хорошая птица?

– Хорошая, – соглашается она.

– А почему хорошая?

– Почему?

Мама оторвалась от шитья, взглянула на меня, а потом перевела взгляд на моих сестер и тихо сказала:

– Ворона... рождению человека радуется.

– А как она радуется?

– Как люди радуются, так и она радуется, – проговорила мама.

Я ничего не понял. Поэтому, поудобнее устраиваясь возле мамы, попросил:

– Про Ворону расскажи...

Мама кивнула на спящую в покачивающейся люльке мою младшую сестрицу Олю и начала свой рассказ:

– Ворона и приходу твоей младшей сестренки была очень рада...

Я молча слушал.

По обычаю ханты, говорила мама, за всеми вещами вновь пришедшего человека – младенца – нужно строго следить, чтобы они всегда находились на самом чистом и лучшем месте, чтобы они не попадали туда, где им не подобает быть. Иначе вновь пришедшему маленькому человеку станет плохо.

Это касается и тех предметов, которые младенцу уже не надобны.

Поэтому мокрый цап[6] из детских люлек насыпали в одно место на окраине селения, в укромном уголке, под пеньком. Не под деревом, а именно под пеньком. И пенек выбирают не высокий и не очень низкий, чтобы зимой не заносило снегом, чтобы был виден в любое время года.

Я вспомнил, что такой пенек есть и у нас, недалеко от нашего дома, куда мы с сестрой Лизой относили мокрый цап из люльки сестрицы Оли. Бывало, когда мама отправляла туда с маленькой куженькой меня, всегда с порога наказывала, чтобы я не рассыпал но тропинке мокрые стружки, чтобы не стало плохо нашей малышке.

Цап насыпали вокруг пенька. Кучка была ровной и островерхой, как чум. И Ворона, прилетев с юга, в холодные дни садилась на эти теплые стружки – лапки свои грела. Ведь она прилетала первой, в апреле, в пору, когда оттепели сменялись заморозками, и у нее мерзли лапки. Садилась на теплые стружки и говорила:

– Побольше бы детей на землю приходило, чтобы было мне где погреть свои лапки!

С такими словами она перелетала с одной кучки стружек на другую, громко радуясь появлению одного маленького человека, второго, третьего... При этом она весело и добродушно кричала:

– Вак-вак, вак-вак, вак-вак!..

И осенью, улетая на юг, она тоже оставляла людям свое пожелание:

– Пусть, пока я летаю, побольше младенцев на землю прибудет – будет мне где погреть свои лапки весной!

И, как водится, прощаясь, добавляла:

– Вак-вак!.. Вак-вак!..

Я, конечно, тут же заинтересовался:

– Мама, а Ворона радовалась и моему приходу на Землю?

– А ты как думал?! Конечно, радовалась...

[6] Цап – стружки из белой обмякшей древесины, высохшей на корню березы, которые насыпались в люльку под меховую подстилку.

– Но ведь я пришел на Землю в самый длинный день года, когда было совсем тепло и Вороне не надо греть лапки...

– Да, ты пришел в самый долгий день года, – согласилась мама. – Но ты сидел в люльке осенью, когда Ворона собиралась в теплые края, и ее лапкам в ту пору было уже холодно. Ты сидел в люльке и весной, когда Ворона вернулась из теплых краев, и когда повалил мокрый снег, а потом ударил северный ветер, и многие перелетные птицы попятились на юг, повернули в обратную сторону. Только Ворона не отступила. Она знала, что ты согреешь ее лапки...

И Ворона, как бы ей трудно ни было, все бормотала добродушно:

– Вак-вак, вак-вак!..

Жители нашего селения и нашей реки почитали и никогда не обижали эту птицу. Пусть живет. Пусть всегда живет с добрым пожеланием маленькому народу.

И я другими глазами стад смотреть на неприметную серую Ворону, которая радуется рождению каждого человека Земли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХАЛЕЙ ХОХОЧЕТ

Я провожаю взглядом стаю халеев, что летит с Протоки Болотной Стороны на приборовое озеро. Над селением стая замедляет полет и вразброд, дергаясь, начинает бестолково гоготать и гомонить:

– Каллэк!– крикнет один.

– Каллэк-каллэк!– тут же откликается второй.

– Каллэк-лэк-лэк-лэк-лэк! – захлебнется хохотом третий.

Так стая повисит над селением, а после, все еще дергаясь и хохоча, лениво уплывает к болоту. Я бегу домой и спрашиваю у мамы:

– Халей хорошая или плохая птица?

– Плохая птица, – не задумываясь отвечает мама.

– Почему плохая?

– Потому что халей над людским горем хохочет, – говорит мама.

И она рассказала, что когда осенью халей улетает в теплые края, то кричит, чтобы на зиму многих людей не стало, чтобы многие ушли в Нижний мир – весной, вернувшись обратно, он захохочет над тем домом, где не стало человека.

Вот такая плохая птица халей. Все норовит посмеяться над чужим горем. Поэтому ханты не любят эту птицу.

Тут мне припомнилось и другое, за что не очень жаловали халея. Весной, приезжая с рыбалки, отец часто привозил испорченную рыбу. Халеи замечали попавшую в сеть рыбу – тут же проклевывали ей брюхо и вытаскивали жирные кишки. Ладно бы, если были голодные и всю рыбу съедали. Так нет – только лакомились.

Отец, рассердившись, иногда подстреливал халея и подвешивал его на колышке вставной сети – чтобы другим было неповадно и меньше зарились па чужую добычу.

И мне ничуть не было жаль убитых халеев. Хотя, наверное, это по-своему красивые птицы – с продолговатыми красными клювами, с желто-оранжевыми лапками и в бело-сизом оперении. Но больно они бесцеремонны и нахальны. И когда я подрос, то вместе с друзьями, с двоюродными и троюродными братьями всячески начал их травить.

Мама, узнав о моих с друзьями проделках, испуганным голосом восклицала:

– Да разве можно так?! Над живой птицей?!

А потом она добавляла, что раз халей живет – значит, он нужен Земле и Небу. Коли бы он не надобен был – так не было бы ему места в жизни лесов и болот, в жизни рек и озер.

Отцу тоже не нравились мои проделки. Когда замолкала мама, он строго говорил:

– Халеев в покое оставь!

Я оставлял их в покое, но ненадолго. При всяком удобном случае старался чем-нибудь досадить халеям.

В их бестолковом галдеже и хохоте мне чудилось что-то зловещее, темное, жуткое. Ведь они радовались кончине человека. И казалось мне, чем меньше будет халеев тем больше людей останется в живых, тем больше людей доживет до следующей весны. Я не хотел, чтобы люди нашего селения, милые сердцу родственники преждевременно уходили в неведомый Нижний мир.

И, быть может, поэтому я так возненавидел эту птицу.

И только после, годы спустя, однажды, задумавшись о жизни вод и земель и всего сущего, понял, что, наверное, напрасно преследовал и истреблял в общем-то безобидную птицу – речного халея. От гибели халеев не убавлялось зла на земле, носителями которого являются отнюдь не звери и птицы...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОЛЕНЯ ДОМ

На окраине нашего селения, на песчаной поляне, стоял оленя дом – оленник. Это большой бревенчатый дом с двускатной крышей и земляным полом. Посредине дымокур, огороженный крепкими жердочками. А дымили сырые сосновые чурки. Эти чурки со всех сторон обкладывали влажным торфом или болотными мхами – чтобы не горели, а медленно таяли.

Грязную землю пола постоянно выкапывали и выносили на улицу. Крышу накрывали еще слоем мха и песка. Поэтому в летнюю жару в оленнике всегда было чисто и прохладно. А если дымокур работал исправно – не было и комаров.

Весной, когда заканчивался отел и сходил снег, оленей отпускали на волю. Они сами паслись. А потом наступало время комаров и паутов. И они собирались в стадо и прибегали к дымокуру.

Олени приходили рано утром. И кружились возле наших домов до тех пор, пока им не разводили дымокур.

– Дыма, дыма просят! – говорила мама и спешила в оленник или будила папу.

Иногда она не успевала разжечь дымокур – и олени убегали на пастбище.

– Обиделись! – говорила мама. – Вовремя не встретили. Скоро опять придут!..

И они приходили. И уже до самого вечера, жуя жвачку, стояли или лежали в оленнике. Только изредка делали один-два круга по пастбищу, чтобы немного поесть и попить. И снова возвращались. Возвращались, как сказал папа, «комариной рысцой». В это время года они шагом почти не ходили – их всегда сопровождала туча комаров, мошкары и паутов. Захочешь – не постоишь.

На ночь у дымокура они никогда не оставались. Садилось солнце – «падали» пауты и мошкара. И они пускались по своим дальним тропам. Если уходили далеко, то на следующий день возвращались поздно.

Мы все – мужчины и дети селения – собирались возле дымокура. Оленей ждали.

– В какую сторону они вечером ушли? – спрашивал дядя Василь. – Кто видел?

Кто-нибудь да видел. Выяснялось – на север, в сторону болота ушли. За домашним бором начиналось болото с множеством больших и малых озер. Там когда-то держали оленей предки нашего рода.

– Да-а, – тянул дядя Василь. – На болоте сегодня хороший ветер, вот и не спешат домой. Обдувает их ветром.

– И места хорошие, кормовые, – добавлял папа. – Куда им спешить.

– А я ждал их сегодня, – сказал дядя Василь. – Рано встал дымокур запалить.

С нетерпением ждали оленей и мы, дети селения, чтобы поиграть с оленятами и раньше всех узнать, какие пришли, а какие отстали. Бывало, они приходят не все сразу, а двумя или тремя небольшими группами.

Должны они вернуться домой.

Но олени всё не приходили.

Я поглядывал на седую сосну, где висели бечевки с пучками оленьей шерсти. Я свято верил в их магическую силу. Весной, когда оленей отпускали на волю, сначала их подводили к этой сосне с побелевшей корой. За длинную шерсть под шеей их привязывали бечевкой к дереву. Мы чмокали оленей в нос и в щеку. А кто не мог дотянуться – просил приподнять. И дядя Василь поднимал малышей, чтобы и они с оленями попрощались.

Когда олени уходили – на бечевке оставался пучок шерсти. Они оставляли нам частицу себя. И мы дружно кричали:

– Помни о пучке шерсти! Не забывай свой дом! Это чтобы он в урман не ушел, чтобы всегда думал о своем доме.

Олени посмирнее долго стояли у седой сосны. Наверное, думали, что они привязаны веревкой. Некоторые ложились у дерева и жвачку жевали. Но потом все равно поднимались и шли на пастбище. Теперь они сами отвечали за свою жизнь, за вольную жизнь, потому что пасти их было некому, у всех была своя работа.

Пучки шерсти так и оставались на седой сосне. Никто их не трогал.

Мама сказала мне, что олени умные. Но больше понимают и чувствуют они сердцем, а не умом. Теперь в какие бы земли они ни попали – их все время будет тянуть домой, туда, где они оставили клок шерсти, где оставили частицу себя.

Тогда я свято верил этому: так и должно быть...

Сейчас я вспоминаю седую сосну и пучки оленьей шерсти на бечевках. Вспоминаю, и приходят думы. Каким узлом, какою нитью нужно связать человека с домом, с землей, с отечеством, где он родился и встал на ноги, чтобы не слабела и не рвалась эта связь? Каким узлом, какою нитью?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРИСТАНЬ

Хорошо, когда у человека есть своя пристань. Хорошо, когда в непогоду есть куда причалить...

Помню, как меня в первый раз повели на пристань. Папа поехал ставить сети, и мы с сестрой Лизой пошли его провожать. Нужно было помочь ему отнести сети, новые поплавки и грузила в берестяных одежках-покрышках. Мне, правда, дали нести только маленькую куженьку для черпания воды. Мал еще, сказали мне, свой живот до пристани дотащил бы.

Больше всех беспокоилась мама. Помогая мне одеться, она давала наставления старшим:

– Смотрите, чтобы он в воду не упал! Чтобы на мостках не оступился! Чтобы руки-ноги не оцарапал!

Маме все казалось, что я еще очень маленький и на пристани делать мне нечего. Не хотела она отпускать меня так далеко от дома.

– Чтобы комары его не искусали! – говорила она и переспрашивала сестру: – Слышишь, Лиза?! Вы такие – за ним не уследите!

– Слышу, слышу! – откликалась сестра Лиза. – Смотреть буду!

А папа заметил:

– От комаров пусть уж сам отбивается... Никто его на пристань не звал. Сам напросился.

И мы взяли вещи и пошли. По светлой песчаной дорожке спустились под Гору Осеннего Селения и взяли слеги. Папа – большую. Сестра Лиза – среднюю. Я – самую маленькую. И, опираясь на слеги, по шатким мосткам из двух рядом уложенных бревен-сухостоин двинулись через широкий ровный сор.[7] Весной сор заливало талой водой, а когда вода сходила, мы бегали сюда собирать клюкву. Впереди шел, оглядываясь на меня, папа. Я – за ним. А сестра Лиза – за мной. Сухостоины-настилы шершаво-неровные, и по ним было хорошо идти. Но я все равно раза два оступился и намочил правый ныpик.[8]

– Вот мама тебе даст – придешь домой! – проворчала сестра Лиза. – Смотри под ноги, не верти головой.

Я-то знал: от мамы никакой нахлобучки не будет, она высушит ныpик – и все дела. Поэтому я не стал расстраиваться.

Кончились мостки – и мы прислонили свои слеги к засохшему на корню древнему кедру. Я потрогал его замшелый ствол. Кора давно отвалилась и, наверное, уже сгнила. А его тело – серое и крепкое – все еще поблескивало на солнце. Кедр гордо возвышался над всей округой. И мне он показался стражем вот этих мостков, клюквенного сора и ближнего леса. От старости он весь высох и замшел, но продолжал стоять на своем посту. Так он живой или мертвый? Высох – значит, умер. Но он стоит и охраняет округу – стало быть, живой. Разве мертвый может держать слеги и стоять на страже?!

Такие мысли пришли мне в голову, когда я прикоснулся к стволу древнего кедра.

– Пойдем, – позвал папа. – Что ты там стоишь?

– Он что-то бормочет, – улыбнулась сестра Лиза, останавливаясь возле меня. – Кажется, со стариком кедром разговаривает!

Я оставил кедр и поспешил за папой.

Мы шли по смешанному лесу. О деревьях я уже кое-что знал. Знал, что на верхушках мягкохвойных кедров к концу лета поспеют шишки. Папа принесет их, я поджарю плоды на костре, чтобы не стало смолы. И начну шелушить. Какие вкусные орехи! Это мое первое лакомство!.. Я поглядывал и на березы: не забыл еще вкус сладкого весеннего сока. А елки немного недолюбливал – хвоя у них больно колючая, до крови могут уколоть. Мама говорит, что это тоже дерево нужное – белки любят еловые шишки. Раз кормит белку – пусть стоит себе, думал я про елку, на почтительном расстоянии обходя ее ветви. А что до красноствольной сосны – так это наше «домашнее» дерево, Я смотрел на сосны как на давних знакомых. Хвоя – для большого черного глухаря, шишки – для белки, ствол – на стены дома и лабаза, сучья – пища для теплого очага. Все в дело идет.

Крепко пахло цветущей черемухой и молодой листвой. Я вдыхал этот терпкий дух леса и радовался тому, что меня взяли на причал. Тут и про комаров не вспомнишь.

[7] Сор – ровное болото без больших кочек и деревьев.

[8] Ныpики – замшевая летняя обувь до колена или выше.

– На тропу смотри, – просила сестра Лиза, когда я приближался к мочажинам и корневищам на дороге. – Упадешь ведь!

За руку она меня не могла взять – тропинка слишком узкая. Рядом была широкая оленья дорога, но по ней тоже не пройдешь – сплошные мочажины, ступить негде.

Наконец мы поднялись па поросшую соснами гриву, и я увидел причал и Протоку Болотной Стороны. На воде лежала «солнца рука», о которой говорила мне мама, – золотисто-серебряная дорожка. Она искрилась и переливалась – ветерок слегка рябил воду.

Пахло посоленной рыбой и смолой. Пахло нагретой древесиной и сосновой хвоей. Пахло мокрыми сетями и травой.

Пахло рекой.

Вдоль берега лежали перевернутые вверх дном малые обласки.[9] Так они отдыхают после плавания, говорила мама. А на воде покачивались дощатые лодки – неводники.[10] Они тяжелые, их на сушу не вытаскивают. Мне очень хотелось посидеть на лодке, покачать ее на волнах, но сестра Лиза не пустила. Говорит, еще в воду упадешь. Папа возился с сетями возле деревянных бочек, что стояли в тени. Я знал – в бочках солили рыбу. Когда они наполнялись, папа на большом обласе отвозил рыбу на Аган-реку. Там недалеко от наших Летних Домов, на Домашнем Острове, был приемный пункт – избушка и длинный высокий склад – лабаз. Рыбу принимал добродушный Кудрявцев-старик. Его хозяйство называли просто Приемная. Меня брали туда очень редко, хотя я часто просился – хотелось все увидеть своими глазами. У воды комаров больше, чем на сухом бору. И папа выпроводил нас домой. Мы шли теперь без папы, одни. И за каждым валежником и замшелой корягой мне чудились таинственные лесные существа из сказок и легенд. Я их немного побаивался, и поэтому ни на шаг не отставал от сестры Лизы. И раза два уже наступил ей на пятку.

– Куда так спешишь? – упрекнула она. – По моим пяткам все идешь!

Я напомнил ей старинную примету, которую слышал от мамы: если кому-то наступил на пятку, значит, ровно через год с тем человеком по той же тропе пройдешь. Разве это плохо, бормотал я.

– Хорошая примета, – согласилась сестра Лиза. – Но ты мне пятки оттопчешь.

Потом и вправду мы не раз ходили с ней по этой тропе. По ней, когда наступило время неводного лова рыбы, мы перетаскали вещи на пристань и на большой лодке поплыли на Аган-реку, где стояли наши Летние Дома, наше Летнее Селение. Там тоже было много интересного и нового. По реке проходили катера с баржами на буксире, на обласах и лодках заезжали к нам на чай путники, жители других селений. Изредка посещала нас Красная Лодка – кино показывала и говорила на непонятном языке о неведомых краях, путь в которые начинался с пристани.

Все начиналось с пристани.

Отсюда и я начал свой путь в неведомый мне мир. Бродя по дальним тропам и дорогам, скитаясь по другим рекам и морям, в мыслях я не раз возвращался сюда...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КИВРИ

За водой ходили под гору, где у подножия были маленькие колодцы. Над ними сооружали островерхие навесы из жердей и болотного мха. Это «домики киври», чтобы в колодец не попадали хвоинки и листочки, крошки сосновой коры и другой сор кустов и трав. А «киври» – это и колодец на болоте или в низинке на окраине бора, это и прорубь на озере или реке, откуда берется питьевая вода.

Я охотно ходил с мамой под гору за водой. Воду носили в берестяных ведрах. Мама сшила для меня маленькое ведерко. Я смотрел, как она делала это. Кусок бересты, нагрев на огне, изогнула по четырем углам. Получилась куженька. Верхний край, приложив с внешней и внутренней стороны саргу,[11] обшила мятым корнем кедра. Папа нашел изогнутый дугой сучок сосны, обстругал его, а концы просверлил сверлом. И кедровым же корнем пришил ручку к берестяной куженьке. Готово ведерко.

– Помогай маме, – сказал папа. – Носи воду!

И я бежал за водой. С мамой или с сестрой Лизой. Одного меня еще не отпускали к колодцу.

[9] Облас – лодка-долбленка из цельного ствола дерева.

[10] Неводник – большая лодка из кедрового теса, шпангоуты из кедровых корневищ.

[11] Сарга – ленты из лыка молодой черемухи.

В домике киври был берестяной ковшик с деревянной ручкой. Ковшиком черпали воду. Лезть ведром в колодец строго возбранялось. Играть и резвиться вблизи тоже не разрешалось. Единственное, что мне позволяли возле киври, – это испить воды из берестяного ковшика.

А вода необыкновенно вкусная.

Сор Осеннего Селения питали неиссякающие родники.

Вечером, если отец приходил усталый, то обычно говорил:

– Свежей бы воды.

И мы с сестрой Лизой спешили за водой киври, чтобы напоить отца. Иногда на обратном пути нас подзывали к себе дядя Василь или мой крестный отец старец Ефрем, которые вечно мастерили что-то возле своего дома.

– Дайте свежей водицы! – просили они. – Горло совсем пересохло.

Испив холодной воды, крестный кивал мне седой головой и говорил степенно:

– Спасибо, спасибо, крестник-сын! – И всегда добавлял свое пожелание:

– Чтобы и тебе, когда доживешь до моих лет, было кому поднести свежей водицы!..

А было ему в ту пору около ста лет, и мне он казался таким же вечным, как наш Сосновый Бор, Протока Болотной Стороны, Гора Осеннего Селения.

Мы приносили папе воду, и мне думалось, что эта вода снимает усталость и приносит человеку хорошие мысли, хорошее настроение. Ведь возле киври строго запрещалось браниться и говорить всякие плохие слова. Слово упадет в колодец, и пьющий воду может проглотить его. И тогда человеку будет плохо. А разве вы пожелаете плохого своему ближнему и человеку вообще?

Я и сам чувствовал, как берестяной ковш родниковой воды прибавлял мне силы. Это была живительная вода. И вкус ее трудно передать словами. Я улавливал и запах талого снега, и вкус спелой клюквы, и аромат листочков брусники, и едва уловимый дух только что проклюнувшейся травы, и свежесть болотного мха, и смолистость кедровой и сосновой хвои, и тонкую прель прошлогодних листьев, и сок от корней многих трав и деревьев. Тут была и береза, и черемуха, и рябина, и шиповник, и смородина...

Это была вода, настоянная на лучших солях Земли.

Это был сок таежной Земли.

Возможно, поэтому я так любил бегать за водой под гору, где были колодцы и берестяной ковшик с деревянной ручкой.

Только после, когда я объехал многие земли, многие города и села, испил воду многих рек и озер, многих родников и колодцев, я понял, что такой воды, какая была в киври под Горой Осеннего Селения, нигде больше нет. И – с годами я уверовал в это – не могло быть...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГОРА ОСЕННЕГО СЕЛЕНИЯ

Наше Осеннее Селение стояло па высокой горе под сенью седых сосен, на южной окраине белоягельного сухого бора. Гора тянулась с запада на восток и была прямой и ровной, как тетива лука-самострела. Весь склон был в рыжей хвое, в бордовой бруснике, в рассохшихся шишках.

Гора смотрела в полдень.

Поэтому весной здесь появлялись первые проталины, куда мы бегали собирать прошлогоднюю бруснику – сморщенную, суховатую, но очень вкусную. А немного позднее, когда сходил снег, спускались на сор за клюквой. Сор был чистым и длинным, как Гора. На его окраинах зацветала царица болот – морошка. Это наша любимая ягода. Она напоминала мне солнце в ясный полдень – была такой же прозрачно-желтой и сочной. Но, к сожалению, она созревала только в июле, когда мы перебирались в Летние Дома на Агане.

Бор был чистым и светлым от белого ягеля. И был еще необыкновенно звонким. Помню, когда я впервые закричал в бору, то бор долго звенел напевно и мелодично, словно заиграла хантыйская десятиструнная арфа – Журавль. И я, пораженный волшебством бора, замерев, слушал эту мелодию.

Гора смотрела в полдень.

И дома селения тоже смотрели в полдень.

Мы выходили из дома и шли прямо к спуску, шли под Гору, где в колодцах брали родниковую воду. Снизу Гора Осеннего Селения казалась мне высокой-превысокой. Когда я стоял наверху, то через верхушки росших на подножии сосен видел Припроточный Лес.

Мама с водой поднималась на Гору, и мы с сестрой Лизой на подъеме отдыхали два-три раза. Свои берестяные ведерки с водой ставили на заранее выровненные на песке пятачки. И мы всегда с большим уважением говорили об этом склоне, где обрывался сосновый бор – Гора Осеннего Селения. Всякий путник, идущий с пристани, не проходил мимо, не отдав поклон нашей Горе.

Много лет спустя я снова увидел Гору Осеннего Селения. Лесорубы вырубили Сосновый Бор. Невдалеке нефтяники поставили буровую. В первое же лето, когда жители переехали в Летнее Селение, иные лихие «искатели» прошлись по лабазам и амбарам. Такое соседство пришлось не по нутру жителям, и они навсегда покинули Гору Осеннего Селения. Дома и другие постройки обвалились и торчали из земли грудой полусгнивших бревен. Лишь три или четыре лабаза стояли на курьих ножках – с отодранными дверцами. Из тех, кто жил здесь, осталось две или три семьи. Не было моего крестного старца Ефрема. Не стало добрейшего дяди Василя. Нет многих моих двоюродных и троюродных братьев и сестер, дядюшек и тетушек. За эти годы многие навсегда оставили землю и Гору Осеннего Селения. Ушли многие, ушли навсегда...

Ушли. Это есть жизнь. Это можно понять, как бы больно ни было, ибо ничто не вечно под солнцем и луной. Хотя многие ушли преждевременно, ушли до срока. Ушли люди – и Гора Осеннего Селения показалась мне до обидного маленькой, до обидного низенькой. Гора, что в моей памяти была всегда высокой, чистой, светлой.

Я поспешил прочь. Я шел, и память восстанавливала Гору Осеннего Селения моего детства. Я шел, и память шла со мной. И, быть может, я счастливее многих, у кого не было Горы Осеннего Селения – чистой и светлой – высоты, на которую я взбираюсь всю жизнь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, РОДСТВЕННИКИ!

У меня много родственников. Все жители нашего селения до десяти домов, это люди рода Бобра – мои родственники. Кто старше моего отца, те приходятся мне дядюшками и тетушками. Кто младше отца – это все мои братья и сестры. С ними я играю, озорничаю, а иногда и дерусь. Среди сверстников меня перебарывает только троюродный брат Архип, сын дяди Василя. Правда, он на полтора-два года старше меня. И я все жду, когда появится во мне дедовская сила, чтобы одержать верх над соперником. Сила почему-то не спешит вселиться в меня. Но я не отчаиваюсь, жду.

Не зря же дали мне имя моего деда-богатыря. Есть у меня родственники и за пределами нашего селения по всей нашей Аган-реке. У мамы остались дети от первого дома – дочь Федосья и сын Галактион. Мои брат и сестра. Брат приезжает к нам не часто. Он работает «почтовым человеком», возит почту между двумя большими селениями в разных концах реки. Зимой – на оленях, летом – на обласе. Изредка заезжает домой. Я всегда с нетерпением жду его: он делает мне игрушки из дерева и бересты, мастерит луки и стрелы, охотно катает на нартах и на обласе.

Возле старшего брата всегда чувствуешь себя увереннее.

А сестра бывает у нас еще реже. Далеко она живет, вышла замуж в низовье реки. Но путники часто привозят нам от нее слово: «Здравствуйте!». Мы все кричим тогда хором:

– Здравствуй, здравствуй, сестра!

А мама обычно тихо, словно сестра рядом, в нашем доме, говорит:

– Здравствуй, дочка! Здравствуй, старшенькая!

Последним, выждав, когда утихнет шум, подавал голос отец:

– Здравствуй, здравствуй, Федосья!

Мы были уверены, что она слышит нас и теперь будет здравствовать много-много лет и зим. И мы в свою очередь с каждой оказией посылаем ей свое слово-пожелание – «Здравствуй!».

Когда я стал старше, узнал, что помимо кровных родственников у меня еще есть родственники среди других народов – это манси, венгры, эстонцы, финны.[12] Все люди, у кого родоначальником был Бобр, глава нашего рода – сира, – это тоже мои братья и сестры, дядюшки и тетушки. Об этом мне говорила мама. Говорил папа. Говорил дядя Василь. Говорил мой крестный отец старец Ефрем.

Где вы, люди рода Бобра?! Откликнитесь!

И я, гордый таким родством, наверное, на все стороны света посылал свое слово-пожелание:

– Здравствуйте, родственники! Здравствуйте!

В те дни зародилось и живет во мне до сих пор ощущение, что все люди Земли – это мои родственники.

[12] Ханты родственны по языку всем финно-угорским народам.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ОЛЕНИХА

В тот год мы весновали у бабушки, на Яру рода Сардаковых. Возле бревенчатой избушки, на чистине, снег горел на глазах – и вскоре появилась большая проталина. На ней земля в полдень так нагревалась под щедрым солнцем, что я украдкой от мамы босиком выбегал из дому, чтобы попрыгать на песке. Оказывается, за зиму я очень соскучился по теплой и ласковой земле.

Было много солнца. И на красно-оранжевых бревнах избушки выступала прозрачная смола. На боровых соснах сверкала и трепетала под ветерком золотистая кора. Под высоким белым Яром наша Аганрека несла голубоватые льдины, и по ним скакали шаловливые лучи солнца.

В высоком небе ни облачка.

Воздух наполнен ароматами весны.

Пахло сосновой хвоей и смолой.

Пахло теплой древесиной.

Пахло ростками первой зелени.

Нас со старшей сестрой Лизой все время тянуло на улицу. И почти целый день мы играли па проталине перед домом.

Проталина эта приглянулась и нашей оленихе. Звали ее Стройный Олень, или Стройная Олениха. Придя с пастбища, она сначала подходила к двери. Мы с сестрой бежали к ней и кормили ее с руки. Ее лакомства – поджаренную чешую с подовушек, плавники и щучьи хвосты, головы чебаков – мы заранее запасали. Знали, какие рыбьи кости следует давать оленю, а какие нет. Мама всегда предостерегала нас, чтобы мы не давали ей щучьи челюсти с острыми зубами. С щучьими зубами не мог расправиться даже наш клыкастый пес Харко.

Я иногда выносил нашей Оленихе кусок-другой хлеба. Делал это тайком от взрослых, поскольку с хлебом в те годы было трудно. Олениха тянулась ко мне и, раздувая ноздри, шумно втягивала в себя воздух. Наверное, ловила запах поджаренной подовушки и хлеба. Она любила хлеб и, получив кусок, благодарно кивала мне головой. Так мне во всяком случае казалось.

Я гладил ее по светлой шее и по светлым бокам. Почти до белизны обветривалась она под весенними ветрами и солнцем. Мне нравилось, что она становилась такой же светлой, как и снежно-белый олень. Хотя скоро начнет линять – и шерсть на ней повиснет клочьями. Зато осенью я не узнаю ее в новом наряде: шерстинка к шерстинке, вся она будет сверкать и серебриться на солнце. На голове звонкие ветвистые рога. Тогда ее с рук не покормишь. Я начну подзывать ее: «Та-та-таа-а!» Она издали будет коситься на меня выразительным глазом. И как только я сделаю к ней шаг – она, пугливая и осторожная, отступит на два. Тут уж и хлебом не подманишь, и жареными плавниками и чешуей подовушки не подзовешь. Так бывает осенью. А сейчас, полакомившись, Олениха не спеша обходила наш открытый, без городьбы, двор, потом ложилась на теплую проталину возле входа в дом. И, прикрыв большие темные глаза, жевала жвачку и дремала.

Так было изо дня в день. С каждым днем становилось все теплее. Потом наша Олениха пропала. Не приходила с пастбища. По таинственным улыбкам взрослых я понял: они что-то знают об Оленихе, ничего плохого с ней не случилось, просто не говорят. Пришла она на третий день утром. Да не одна – а с маленьким красношерстным олененочком. Олененочек едва касался земли высокими тонкими ножками, словно по весеннему воздуху парил. Но на песке оставались крохотные ямочки от копытец – значит, он все-таки ходил до земле. Нашей радости не было предела.

– Ох, олененочек! – прошептал я.

– Смотри, смотри! – дергала меня сестра. – Какой махонький! Какие высокие ножки!

– Теперь у нас два оленя – целая упряжка! – сказала мама. – Только бы хорошо рос олененок!

– Ах-ах! – закудахтала наша седовласая бабушка. – Ах, какой олень!

– Олень вроде ничего, – сдержанно проговорил отец. – Хорошо на ногах стоит. Крепко стоит.

Даже муж бабушки, сумрачный и суровый отчим нашей мамы, вдруг улыбнулся и сказал негромко:

– Н-да, олень!..

И мы все поняли, что олененок и вправду родился хороший. Хоть куда!

Олененок пугливо озирался по сторонам, прижимался к боку матери. И при любом неосторожном движении бросался прочь. Но Олениха**.** успокаивала и подзывала свое дитя ласковым хорканьем. А отец тихонько подкрался к нему и поймал за ножку. И мы все по очереди чмокнули его в мордочку со словами:

– Расти большой! Расти сильный! Расти быстрый!

А мы с сестрой Лизой погладили его по теплой головке. Отец выпустил его из рук – олененок отбежал и отряхнулся. Видимо, не понравилось первое прикосновение человека. Но потом он успокоился и вместе с Оленихой-мамой обошел наш двор. Мне показалось, что они, осматривая строения, тихо переговаривались на оленьем языке. Показывая на избушку, Олениха говорила:

«Это дом. Пахнет хлебом, поджаренной рыбой и теплом. Запоминай, дочка, эти запахи».

«А кто в доме живет?» – спрашивала дочка.

Ведь она все видит впервые. И ей, конечно же, все хочется знать.

«В доме люди живут, – отвечала мама Олениха. – Наши хозяева. Маленький хозяин и маленькая хозяйка. Большой хозяин и большая хозяйка».

«А с белыми головами кто такие?»

«Это старые люди. Наверное, родители наших больших хозяев».

«А это что за дом на чурочках стоит?»

«Это не дом – в нем нет чувала. Это амбар».

«А что в амбаре?»

«Там всякие куженьки, туески, корыта, набирки».

«Для чего они?»

«Для рыбы, для сбора ягод. Пахнет чешуей и брусникой».

«А тут почему нет стен? Одна только крыша...»

«Это навес. Так и должно быть. Под ним стоят нарты. На таких нартах мы зимой станем возить наших хозяев. Особенно любит кататься наш маленький хозяин, который каждый день выносит мне разные лакомства. Это чтобы я зимой катала его на нартах».

«А в высоком доме кто живет?»

«А-а, это ты про лабаз спрашиваешь. Видишь, он стоит на четырех ножках с насечками. Это чтобы мыши туда не пробрались. Там хранится меховая одежда, подволоки – это охотничьи лыжи, подбитые мехом, упряжные лямки и съестные припасы. Обычно там бывает мука в мешке и сел в берестяных кадушках. Сейчас, по-моему, муки там нет – маленький хозяин почти не угощает меня хлебом».

«А что такое сел?»

«Сел – это прокопченные чебаки и подъязки, всякая мелочь рыбья. Очень вкусная. Вот подрастешь – и тебя начнут баловать такой рыбкой».

«А это что за зверь такой?» – спросила дочка, подходя к собачьей конуре.

«Это пес наших хозяев. Зовут его Харко. Ты близко не подходи. Может цапнуть за ножку».

«За что? Я ж ему ничего плохого не сделала!»

«Ни за что. Собаки все хитрые и коварные. При людях они тихие и мирные, а как хозяин отвернулся – сразу цап!»

«А тебя они кусали, мама?»

«Да. Когда я маленькой была, однажды, помню, собака отвязалась и долго гоняла нас, оленей, по пастбищу. Мы догадались – прибежали домой. Тут хозяин поймал и крепко наказал собаку. А у меня потом болели раны на задних ногах. Если нападет на тебя какая – надо всегда бежать к дому хозяина, – говорила Олениха. – Хозяин всегда выручит!»

Они подошли к таганку, где на открытом огне варилась уха и кипел наш большой медный чайник. Дело шло к обеду, и тут хлопотала бабушка.

«А это что за красный зверь?» – спросила дочка Оленихи, показав на таганок.

«Это не зверь, это – огонь!»

«Тоже кусается?»

«Да, очень больно может укусить. Пока он под присмотром человека – за тобой не погонится. Но все равно будь осторожна, не наступай на пепел кострища – копытца можно обжечь».

«Сколько же у нас врагов! А друзья у нас есть?»

«Есть и друзья. Наш маленький хозяин, маленькая хозяйка и их родители. Это друзья, понимаешь?»

«Понимаю».

Так, тихо переговариваясь на оленьем языке, они обошли наш двор. Потом вернулись на проталину, потоптались немного и легли на горячий песок бок о бок. Мы с сестрой не подходили к ним, смотрели издали, чтобы не беспокоить зря. Как только приближался человек, пугливый олененок сразу вскакивал.

Теперь мы с сестрой ломали голову, какое имя дать маленькому олененку, дочке нашей Стройной Оленихи. Ни одно имя не подходило, поскольку олененок пока никакого поступка не совершил. Еще не

показал свой характер, не показал свой нрав. Да и не простое это дело – придумать имя. Ведь оно должно быть таким же звонким и красивым, как и сам олененок. И чтобы оно обязательно «пристало» к нему.

– Имя придумали? – спросила мама.

– Нет еще, – ответили мы с сестрой. – Не пристают имена к нему.

– Думайте, думайте.

А папа посоветовал нам:

– За ним внимательно наблюдайте.

– Зачем?

– Он сам подскажет вам свое имя.

Но мы и так почти не спускали глаз с олененка. С каждым днем он все подрастал и становился резвее. Задрав пушистый хвостик, пускался вскачь по проталине. Словно поддразнивал меня – кто быстрее, кто быстрее! И я удивлялся: он только родился, а бегает быстрее меня. Я не мог догнать его. Ай да олененок!

Было тепло. Границы проталины заметно отодвигались – вместе с ними расширялся и мир моих владений. Я все дальше и дальше уходил от избушки вслед за тающим снегом.

Шли дни. Олененок подрастал, а имя все не приходило. А потом мы и вовсе забыли об имени. Как-то днем, покормив Олениху, я забежал домой. Тут следом влетела бабушка и крикнула маме:

– Вера, вашей Оленихе плохо стало!

– Что с ней? Где?!

– Там! На проталине! Беги!

– Зови отца! – крикнула мне мама и выбежала из дома.

Весь дом всполошился. Все забегали, засуетились. Все что-то кричали, кого-то звали.

Я тоже выскочил на улицу. Олениха на одном месте кружилась посреди проталины. Вдруг ноги ее подломились, и она, задрожав вся, рухнула на землю. Забила ногами и, загребая копытами песок, неловко поползла по кругу. В правую сторону. На правом боку.

– Может, подавилась? – крикнула бабушка и глянула на меня. – На подоконнике гвозди лежали. Может, с чешуей отдали ей!

– Не давал я гвоздей! – закричал я. – Не было там гвоздя.

– В рот, что ли, ей загляните! – попросила мама. Отец приподнял голову Оленихе с закатившимся глазом, подержал немного, а потом осторожно опустил. Отец молчал. Все притихли. Наконец отчим мамы сумрачно выдавил:

– Всё. Кончилась.

И проталина вдруг сузилась до пятачка, на котором лежала наша неподвижная Олениха. И мы стояли возле нее и молчали. А вокруг нас с горьким плачем носился маленький олененок. Он не мог пробиться через людскую стенку к своей матери, не видел ее, по понял, что случилось несчастье. Услышав его плач, мы с сестрой тоже заплакали. Но бабушка тут же зашикала на нас и увела в дом.

– По оленю нельзя плакать, – сказала она. – Утрите слезы.

Мы размазали слезы по лицу и забились в темный угол.

И нам стало холодно и жутко.

Приходили соседи, люди рода Сардаковых. Вздыхали, о чем-то расспрашивали отца и отчима мамы. Я сначала улавливал лишь не очень понятные слова: «война», «фронт», «груз», «червь в сердце», «война время». Потом понял, что говорили о нашей Оленихе. У нее «сердца не стало». Олениха нас всю войну везла и «из войны» вывезла, говорили взрослые. Иначе бы мы не выжили и войну бы не одолели.

Последняя Олениха.

Военная Олениха.

А недавно, приехав в отчий дом, я вспомнил ту послевоенную весну далекого детства. Вспомнил нашу последнюю Олениху. Оказалось, что и мой отец не забыл ее.

– Да, – сказал он. – Это была последняя Олениха вашей мамы. И ты помнишь ту весну?

– Да. – Война и олений род подорвала...

Потом, встряхнувшись от дум, стал расспрашивать о жизни людей земли, о войне и мире.

И надолго замолк. Видно, в его памяти всплыло, как он выражался, «война время», те тяжкие годы, о которых напомнила ему наша последняя Олениха.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КРАСНЫЙ МАЛЫШ

Олененок с плачем носился вокруг избушки – звал Олениху-маму. Потом ненадолго останавливался и прислушивался – не отзовется ли мать ласковым голосом. Но было тихо. И он недоуменно оглядывал двор и бросался то в одну сторону, то в другую.

Отец вылавливал его и на руках уносил на пастбище, где паслись олени наших соседей. Но несмышленыш тут же, как только выпускали, убегал домой. И жалобным хорканьем взбудораживал все селение. А вскоре он потерял голос – уже не хоркал, а просто хрипел.

Отец смазал его мордочку кровью Оленихи и снова на руках отнес в сосновый бор к оленям.

– А зачем кровью его смазали? – спросил я.

– Это чтобы его сердце меньше ныло по матери, – объяснила бабушка. – Так древние считали. Так наши предки делали.

Возможно, что и вправду притуплялась боль в сердце. Но наш олененок все продолжал звать Олениху-маму хриплым голосом. Он не находил себе места ни на пастбище среди оленей, ни дома возле людей.

И бабушка, завидев его, говорила:

– Сиротинушка... Опять домой бежит!

– Куда ему еще бежать? – вздыхала мама.

– Да, некуда, – соглашалась бабушка. – Красный олененок никогда не оставляет то место, где теряет свою маму. Как далеко ни увезешь – все равно бежит обратно, на то место.

– Ох, тяжко ему... – печалилась мама. – Голодный ведь, чем его кормить?

Молока, конечно, не было. Начали кормить болтушкой из рыбы. Вареную рыбу очищали от костей, потом мяли и заливали ухой. Получалось что-то похожее на молоко. Из деревянной чаши мы поили олененка этой болтушкой, жидкой рыбной кашицей. Вскоре он привык к такой пище.

С пастбища он прибегал прямо к дверям избушки и ждал, когда вынесут поесть. Если мы мешкали, он начинал стучать копытцем в дверь. Видно, сердился, торопил нас: есть хочу, давайте скорей. А коль дверь настежь – то без всякого стука просовывал голову в дом. На что бабушка всегда махала руками и добродушно ворчала:

– Не впускайте его в дом. Не впускайте.

– Почему? – спрашивал я. – Может, ему хочется посмотреть, как люди живут.

– Нельзя оленю в человеческий дом, – стояла на своем бабушка. – Плохо ему будет. Нельзя.

Нельзя так нельзя. И я неохотно закрывал дверь.

Теперь олененок совсем стал ручным. И я целыми днями играл с ним. Я говорил ему, что вырастет он большим и потянет одну половину нарты, а вторую половину потянет колхозный олень. Отец говорит, что осенью колхоз даст нам одного оленя. Временно, на зиму. У колхоза тоже мало оленей – часть из них взяли на войну. Там что-то они возили по тундре в сторону фронта. И не вернулись... Осенью, по первому снегу, мы поедем в зимний дом. Отец станет ездить на охоту и рыбалку. И я прокачусь с ним до ворот кораля. А вечером буду выбегать ему навстречу, чтобы проехать на оленях до стоянки нарты возле избушки. А потом быстро слетаю в дом и вынесу своему любимцу разные лакомства, что припасу для него за день.

Я буду кормить тебя каждый день, говорил я олененку. Только ты спеши, подрастай поскорей. По словам бабушки, скоро появятся комары и пауты. И если ты не станешь крепко на ноги к этому времени, то тебе придется туго. Комары и пауты почему-то больше всех обижают осиротевших оленят. Могут совсем замучить. Я не хочу, чтобы тебе плохо было. Поэтому тайком от взрослых буду приносить свой хлеб. Ведь хлеб вкуснее намного, чем рыбная кашица. Это я хорошо знаю. Особенно свежий хлеб.

Ты будешь хорошо расти, говорил я олененку. Потому что все тебя любят и жалеют.

Олененка каждый звал по-своему:

– Сиротинушка... – вздыхала бабушка.

– Дочка Оленихи... – ласково и грустно говорила мама.

Олененок напоминал всем нашу старую Олениху, которая, уходя, оставила память о себе.

– Малыш... – такое имя понравилось папе.

– Красный Малыш! – сказала моя сестра Лиза.

– Красный! – подхватил я. – Красный!

«Красный», пожалуй, всем по душе. Красный – значит красивый, прекрасный, хороший. Никто этого не отрицал. У всех глаза, все видели это... Красный – потому что у Малыша шубка красная. И всех оленят, до первой линьки в середине лета, называют красными. После линьки цвет будет другой. А осенью, наверное, станет серебристым, как старая Олениха[1].

Теперь взрослых мучает один вопрос. Они спрашивают друг у друга:

– Выживет ли?

– Не знаю. Совсем еще махонький...

– Вот если бы чуть постарше был...

– Да, свой желудок еще не поднял.

– Без материнского молока...

– Выживет, если к другой оленихе приучить.

И мама вспомнила оленные времена**.** Бывало, если олененок оставался сиротой, его приучали к другой оленихе, у которой есть свое дитя. И она привыкала и со временем начинала кормить и растить двух оленят. Но у нас нет оленихи. И у соседей почти не осталось оленей – у кого два-три, а у кого и вовсе нет ни одного. Да к тому же соседские олени обижали нашего Малыша. Когда он подбегал к какой-нибудь оленихе, та сердито фыркала и замахивалась копытом. Я тут же, в отместку за это, швырял в драчунью щепки и сосновые шишки.

– Ух, я вам дам!.. – кричал я обидчикам Красного Малыша.

Мы кормили его рыбной похлебкой каждый раз, как только прибегал домой. И он, привыкнув, целый день топтался возле дверей избушки. А потом у него стал расти живот. И он как-то заметно отяжелел, уже не летел к дому птицей, едва касаясь земли. Теперь ступал он степенно, как старый олень, у которого плохо сгибаются суставы. Напоминал маленького старичка-хлопотунчика – ходил только шагом, вскачь почти не пускался. Наверное, тяжко с брюхом, соображал я.

Спросил у мамы:

– Почему у него живот таким большим стал?

– У сирот-оленят всегда такие животы.

– Отчего они такие?

– Видишь ли, – объяснила мама, – он растет без молока. Ест рыбную болтушку. Ест зеленые листочки – травки и ягель. Это грубая пища. Он еще не окреп. Вот его желудок и не справляется с такой пищей.

– Может, чем-нибудь другим надо кормить его?

– Да ничем материнское молоко не заменить... – вздыхает моя мама.

– А живот у него всегда таким будет?

– Нет, когда он подрастет, живот у него будет нормальным. Как у всех оленей.

– Это хорошо! – обрадовался я. – Ему легче бегать.

Я тут же выскакивал ил дома и бежал к олененку.

– У тебя все пройдет! – кричал я Красному Малышу. – Как только подрастешь! Слышишь?! И станешь так же быстро скакать, как и другие оленята, которые с матерями растут. Ты не расстраивайся, Малыш! Все пройдет. Все пройдет...

И он тыкался носом в мой живот, обнюхивал мои руки. А я гладил его по теплой маленькой головушке, и на моих ладонях оставались его красные шерстинки. В это мгновение я был уверен, что он понимает мой язык. Понимает все, что я ему говорю.

Но его огромные глаза грустные-грустные. И мне, глядя в них, хотелось плакать...

И в словах взрослых я улавливал тревогу:

– Выживет ли?..

– Будет ли жить?..

– Сколько еще протянет?..

Только суровый отчим мамы все чаще сводил кустистые брови и молчал, когда шел разговор о Красном Олененке. И это его молчание меня беспокоило больше, чем тревога в словах бабушки, мамы и папы и наших соседей. Впрочем, когда с нижнего конца Яра, с ягельника, где паслись олени, показывался наш олененок, я забывал обо всем на свете – тут же опрометью бросался к нему навстречу, ловил его и чмокал в теплую мордочку.

Наверное, на всем белом свете только я один был уверен до конца: ничего с олененком-сиротой не случится – выживет. Обязательно выживет!..

Эту мою уверенность видели и взрослые. Бабушка сказала мне с улыбкой:

– Ты каждую хвоинку с него сдуваешь, каждую шерстинку ему поправляешь. Конечно же, он должен выжить!..

А мама грустно заметила:

– На твоем лишь дыхании живет...

Но моего дыхания хватило ненадолго.

Солнце делало свое дело. Снег почти полностью сгорел, и проталина стала бескрайней. Река очистилась ото льда. Вернулись на Север стаи перелетных птиц.

Прогремел первый гром.

Прошел первый дождь.

Появились первые комары. И я их безжалостно прихлопывал, чтобы поменьше досталось комаров на долю Красного Олененка. Теперь я провожал его на пастбище до самого конца Яра. И утром, если рано просыпался, встречал там же.

Но однажды Олененок не пришел домой. Солнце уже поднялось высоко, и мы все, ожидая его, забеспокоились. К полдню отец отправился на поиски. Вернулся он неожиданно быстро – с Красным Олененком на руках. Тот лежал на тропе головой в сторону дома. Совсем недалеко, за ближним сосняком.

– Видно, бежал домой и свалился замертво, – сказал отец и положил Олененка на землю возле бабушки.

Мы молча обступили его. А он такой маленький, красношерстный и неподвижный. И мы с сестрой тихо заплакали. Но теперь почему-то никто не шикал на нас, никто не говорил нам, что по оленю нельзя плакать.

Сквозь слезы я представил себе, как все это произошло.

На рассвете Олененку стало плохо, и он рванулся домой – поспешил к людям. Но не добежал до дома, не добежал до человека – преждевременно свалился и не встал. И я был бессилен помочь ему. И это бессилие угнетало меня: ни о чем другом не мог думать.

Потом он вернулся и, трепетно легкий и пугливый, ускользающий при каждом неосторожном движении, долго жил в моих снах...

Так кончился род оленей нашего дома.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СКАЗКИ МОЕГО КРЕСТНОГО

По вечерам мы обычно собирались в доме дяди Василя, где жил мой крестный отец старец Ефрем. Мы приходили к нему, и друзья тыкали меня в бок и шептали:

– Сказку проси! Оп твой крестный отец!..

Я придвигался к старцу и громко – он стал туговат на ухо – просил:

– Крестный, нам сказку расскажи!

– Сказку? – переспрашивал он. – Да сказки давно покинули мою голову.

Я недоверчиво косился на его седую голову и лукаво тянул:

– Может быть, од-на-а коротенькая сказка осталась, а?

– Коротенькая? – снова переспрашивал он, – А что толку от коротенькой? Ведь мало вам будет коротенькой!

– А легенду! – невозмутимо добавлял я. – Можем и легенду послушать, если совсем нет сказки...

– Легенду? – степенно спрашивал крестный.

Мы согласны были и на легенду. Хотя всегда предпочитали сказки подлиннее.

– Да-а, – неопределенно тянул старец. – Вот трубка моя куда-то запропастилась. Вечно из-под рук уходит... неведомо куда.

Я быстро отыскивал его трубку и кисет и подавал ему.

– Спасибо, вот спасибо, крестник мой! – благодарил он и непременно добавлял свое пожелание. – Чтобы и тебе; когда доживешь до моих лет, было кому подать трубку и огонь!

«Это я должен дожить до ста лет!» – удивлялся я.

Он неторопливо набивал табаком трубку, неторопливо раскуривал ее и, сделав две-три затяжки, говорил, словно вслух размышлял:

– Стареет моя голова... Уходят мои сказки...

Потом, немного помолчав, спрашивал:

– Может, загадку поискать?

– Загадку, загадку! – хором кричали мы. – Загадку, дедушка!

– Ну ладно, одну загадку в памяти разыскал, – соглашался старец и, сипнув трубкой, выдавал:

– Загадка-загадка, посреди бора длинный хвост. Что это?

– Тропинка, тропинка! – хором отвечали мы.

– Молодцы! – кивал старец белой головой. – Правильно: тропинка это.

Пыхнув трубкой, загадывал новую загадку:

– Загадка-загадка, две сестрицы через валежину оглядываются-оглядываются, но никак не могут друг дружку увидеть. Что это?

Теперь мы кричим вразнобой, кому что взбредет в голову. Каждому хочется первым отгадать трудную загадку. А крестный молчит. Значит, еще не попали в точку, не сообразили, что за сестрицы. Мы начинаем оглядываться на родителей – не поможет ли кто? Не подскажет ли? Вечерами возле старца Ефрема собирались и взрослые, наши отцы и матери, тетушки и дядюшки. Когда начиналась сказка, они замолкали и слушали с таким же интересом, как и мы, дети.

Крестный мой ждет отгадку. Что же это такое – две сестрицы, которые никак не могут друг дружку увидать? Мне даже становится жаль этих неведомых сестриц: живут рядом, самые близкие родственницы – вот такое наказание...

Что же все-таки такое? Кажется, перебрали всё, а ничего не подходит. Молчит крестный. Наконец потихоньку подсказали родители. И кто-то крикнул:

– Две сестрицы – это глаза!

– Верно, так! – соглашается крестный.

Мы начинаем вращать глазами и убеждаемся: и вправду, глазом глаз никак не увидеть. Разве что зеркало поможет.

– А валежина что? – спрашивает крестный.

– Это – нос! – кричим мы радостно. – Валежина – нос!

– Верно! – кивает старик. – Все-таки изловили отгадку. Молодцы!

Мы замолкаем в ожидании сказки.

Возвращаются и те ребята, которые бегали за отгадкой в соседние дома. Но, увы, не успели. Мы победоносно поглядываем на них, перешептываемся, укладывая в памяти загадку.

Наконец замолкаем в ожидании сказки.

А крестный, прикрыв усталые глаза, молчит, покуривает трубку. Потом, очнувшись от дум, тихо говорит:

– Вот тут в памяти одну небольшую сказку изловил...

И в дом входила неторопливая сказка.

Мы вплотную придвигались к сказочнику и, забыв обо всем на свете, замирали со сказкой в ушах. Сказка завораживала и взрослых. Если к хозяевам приходили соседи что-то попросить, то они говорили только шепотом. А бывало, забыв о делах, оставались «на сказку».

Слушал весь дом. Слушал, затаив дыхание, не пропуская ни одного слова...

Такова была сила сказки моего крестного.

Это он только говорил – «небольшая сказка». По старой привычке. На деле же сказка оказывалась такой же длинной, как и его жизнь.

Он не трогал сказок коротких. Наверное, знал, что мы сами выудим их у наших родителей, у тетушек и дядюшек. Он рассказывал нам древние мифы, о которых мало кто слышал. Я узнал, что такое Земля и как появились на ней люди, звери и птицы, травы и деревья, реки и озера. Что есть Верхний мир, где живут боги. Средний – для людей.

И есть еще Нижний мир, куда люди уходят после окончания жизни. Что в давние времена и боги устраивали сражения между собой, и отзвуки тех битв остались в названиях созвездий, в названиях многих сопок, рек и озер Среднего мира. А после и человечество Земли не раз пускалось по неразумной тропе войны...

Что такое Средний мир, в котором живут люди? Это островок в пространстве, передает миф. Это островок Земли в пустоте.

Все, что есть в этом мире, – все объяснимо, все имеет свои истоки. Я слушал неторопливое повествование, и мне уже казалось, что все изначальное в жизни связано с моим крестным отцом – мудрым старцем Ефремом. Со сказкой на устах он казался мне центром Среднего мира, центром Земли и Неба, центром Вселенной...

Я выучил многие его сказки. И когда в нашем доме собирались дети, я рассказывал им древние мифы моего крестного.

После, когда пришел в школу и впервые увидел глобус, я поразился: мой крестный был прав. Был прав, хотя ни разу глобуса и карты Земли не видел. Земля – это шар в пространстве. Просто он называл его не шаром, а островком Земли. И первый космонавт, облетевший нашу планету, еще утвердил меня в мысли моего крестного, что во Вселенной есть разумные существа. Просто мой крестный называл их богами. Прав он и о Нижнем мире – ведь все мы, живущие на этом свете, в конце концов уйдем в Землю.

Прав мой крестный: жизнь вечна, ибо мы просто переходим из одного физического состояния в другое. Но след наш остается. И остаются наши сказки. Останутся и сказки моего крестного – частица его жизни...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СТАРИК МЕСЯЦ

Огненно-медный лик Луны медленно выплывал из-за боровых сосен. И весенние снега, и вечерние облака, и дома, и люди – всё вокруг становилось таким же огненно-пурпурным, как и восходящая Луна. Когда я впервые увидел круглый огромный лик Луны, спросил у мамы:

– Это кто?!

И мама ответила:

– Это Старик Месяц.

Пораженный его живым румянцем и огненной величиной, я показал на него пальцем. Мама строго внушила мне:

– На Старика нельзя пальцем указывать.

– Почему? – удивился я.

– Палец этот заболит. Есть такая примета, – пояснила она и, повернувшись к Старику, добавила: – Он не любит, когда в него пальцем тыкают. Кому это понравится?

Строгий, видно, Старик, подумал я. Надо с ним ухо держать востро. Мне совсем не хотелось, чтобы заболел мой указательный палец. И я спросил у матери, что теперь будет. Она сказала, что в первый раз Старик простит меня. Ведь я показал на него по незнанию, а не с умыслом оскорбить. Впредь я этого не стану делать и с большим уважением буду относиться к небесному Старику.

Я согласился со словами мамы и успокоился. Оказывается, Старик похож на человека. Он понимает меня, соображал я. Совсем как у людей на Земле. И это еще больше утверждало меня в мысли, что все небесное и земное – взаимосвязано, едино, цельно. Значит, я могу жить и на Земле, и на Небе. Ведь и Месяц-Старик жил когда-то на Земле. Быть может, он является моим родственником.

Мой крестный старец Ефрем рассказал древний миф о происхождении Луны.

ЛУНА-ЧЕЛОВЕК

Жил Человек. Жил счастливо. Но его постоянно тянула дорога: хотелось поездить по Земле, посмотреть, что там за дальним болотом, за дальним урманом, за дальней горой. Он загрустил. И жена, заметив его грусть, отпустила его, сказала: езжай. И он сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли ехал – увидел город. Остановил коня возле дома, вошел в дом. Там жила женщина. Он остался с ней. Жил-жил, опять не стало покоя, опять позвала его Дорога. И он сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли ехал – снова увидел город. Вошел в дом, в доме жила женщина. Он стал жить в этом городе. Но через некоторое время он снова пустился в путь. Долго ли ездил, коротко ли ездил – наконец сердце потянуло его в родной дом. Он повернул коня и поехал в сторону родного дома. Оказывается, он так долго ездил, что город, где жила его третья женщина, ужо сровнялся с землей, а земля заросла травой-кустарником. Только на месте дома был небольшой бугорок. Он остановил коня и стал ковырять носком этот бугорок. И неожиданно из бугорка выскочила его женщина. С криком: «Дорогой мой, иди ко мне!» – кинулась к нему. Он вскочил на коня и поскакал в сторону родного дома. Но женщина из потустороннего мира не отставала от всадника, с криком и воем неслась за ним по пятам. И когда он скакал мимо другого города, который тоже сровнялся уже с землей, из бугорка на месте дома выскочила вторая женщина. Теперь обе женщины с воплями мчались за всадником. Хотя он гнал коня изо всех сил, конь летел галопом, но женщины настигали и уже тянули руки к хвосту коня. Тут показался родной дом. И он послал мысль вперед –

жене, первой, единственной: «Жена моя, спасай меня!» И та уловила его мысль и выскочила па улицу, схватила мужа за правую руку и ногу. Он не успел соскочить с коня. С другой стороны его схватили за руку и ногу преследовавшие женщины. И начали тянуть его в разные стороны: женщины – в одну, жена – в другую. Ни та, ни другая сторона не хотела уступать. И, наконец, разорвали Человека посередине. Две женщины со своей половиной с радостным визгом, хохотом и воем тут же ринулись прочь. И сгинули бесследно.

Жена Человека занесла свою половину в дом, скатала из того, что ей досталось, маленького ребенка, посадила его в люльку и стала качать, лелеять, растить. Ребенок рос, вырастал, взрослел. Но взрослым он был всего три дня. Затем начинал убывать и превращаться в неразумного младенца. Она снова принималась качать его, лелеять, растить. И он вырастал за три дня. А затем все начиналось сначала. Жена качала его, лелеяла, растила днем и ночью. И, наконец, от усталости уже не могла поднять руки.

И тогда она сказала:

– Если бы мне досталась твоя половина с сердцем, я бы сделала из тебя Человека. Но мне досталась половина без сердца – я ничего не смогу сделать...

Она скатала шарик из того, что ей досталось, и вышла на улицу. И со словами:

– Я не смогла... Пусть тебя Небо растит и лелеет! – бросила шарик в небо.

И шарик этот стал Луной. Сначала растет, затем на три дня взрослеет, а после начинает убывать. И так из месяца в месяц, из года в год, из столетия в столетие. И люди уважительно стали называть его Стариком, а он стал освещать Землю по ночам.

А жена его... первая... единственная... которую он, быть может, недооценил сначала, – не захотела жить на Земле без любимого Человека. Она ушла в Небо и стала Солнцем.

Мне было до слез жаль Человека сказки. И, чтобы не разреветься, я долго молчал. А после потребовал у взрослых:

– Почему ей досталась половина без сердца? Скажите!..

Взрослые переглянулись между собой, помолчали, потом объяснили:

– Если бы ей досталась половина с сердцем, то не было бы сказки. Понимаешь?!

Но я ничего не хотел понимать. Мне не нужна была сказка. Мне нужен был живой Человек, который жил бы рядом со мной на Земле. А взрослые этого не допускали...

Я много думал о Человеке пострадавшем. И однажды понял, что женщины мифа – это силы добра и зла. Эти силы непременно должны были столкнуться и, столкнувшись, разорвали Человека пополам. А впоследствии также понял и то, что в каждом человеке есть два начала – светлое и темное. С годами одно из них берет верх, и оставшуюся часть жизни человек живет с этим цветом, и все его дела и помыслы идут уже по определенному руслу. Размышляя об этом, я все чаще думаю: кому достанется мое сердце? Светлому ли, темному ли началу?

ЛЮДИ МЕСЯЦА

Чистый и доверчивый лик Старика Месяца так мне понравился, что я смотрел не отводя глаз, как он, путаясь в ветвях сосен, поднимается в Небо. Казалось, он был так близко, что протяни руку – и прикоснешься к его теплому лицу.

Я отчетливо видел на правой стороне очертания человеческой фигуры. Он чуть наклонился вперед, протянул руку к сидящему слева человеку. Внизу, между ними, прорубь – круглое темное пятнышко.

Легенду о том, как эти двое попали на Луну, помню смутно. Ее рассказывала соседка тетя Аксинья, мать моей родовой[13] сестры Катерины и брата Андрея. Помнится, она говорила, что людей Месяца видит не всякий живущий на Земле. Это не зависит от зоркости глаз. Человек даже с очень острым зрением может не увидеть лунных людей, детей Неба. Их разглядит только тот, кому судьбой предначертана на Земле долгая жизнь.

Меня тогда не очень волновало то, какую жизнь мне предопределила судьба – долгую ли, короткую ли, ведь существование Неба и Земли я не представлял без себя. Главное, я мог рассматривать лунных людей, их фигуры, протянутые друг другу руки, бездонную пасть холодной проруби. Я отчетливо видел их и мог с ними разговаривать. Это же дети Земли, мои сверстники, попавшие на Небо. Может быть, из моего рода. Значит, мои близкие родственники.

[13] Родовые – троюродные или четвероюродные сестры и братья.

В ГОСТЯХ

После ужина я попросился на улицу, чтобы взглянуть на Старика Месяца. Он уже поднялся высоко в Небо, и свет его стал густым и голубоватым. От огненной красноты не осталось и следа. Если в начале вечера только голова его была видна из-за горизонта, то сейчас он весь предстал предо мной и пред людьми Земли.

Возьми сколько хочешь лунного света!..

Мне всегда казалось, что чем дольше я стоял под Луной, тем больше лунного света уносил с собой в дом. Словно Луна насквозь просвечивала меня и лунный свет надолго оставался во мне.

Но с каждым вечером Старик Месяц все позже и позже стал выходить на свою небесную тропу. Я заскучал, ожидаючи его. В начале полнолуния он появлялся чуть ли не с первыми сумерками. А теперь!.. До полуночи его надо ждать. А меня спать отправляют: поздно, говорят родители, ложись, не то утро проспишь. А кому утро хочется проспать? Я спрашиваю:

– Где небесный Старик?

– Задерживается, – ответил отец. – Он в разное время вверх поднимается.

– А где задерживается?

– Да у него свои дела, – говорит отец и переводит взгляд на маму.

Я к маме. Она конечно же знает, где задерживается Старик.

– В гостях он задерживается, – начинает она, не откладывая шитья, одно из многочисленных сказаний о Старике Месяце.

У Старика три сына, говорит мама. После полнолуния он начинает навещать своих сыновей. В первый вечер идет в дом старшего сына. Гостеприимная и расторопная старшая сноха встречает гостя, быстро готовит ему угощение, кормит и поит его. И тот, не задерживаясь попусту, поднимается на небесную тропу, чтобы осветить Землю и Небо.

Второй вечер Старик проводит в доме среднего сына. Средняя сноха особым радушием и гостеприимством не отличается. Она долго размышляет, что приготовить гостю, чем его угощать, чтобы свекра не обидеть, и себя в накладе не оставить. Сноха все прикидывает, все решает, а время идет. Старик задерживается и с опозданием выходит на свою тропу.

В следующий вечер Старик приходит в гости в дом младшего сына. Жадная сноха, недолго думая, повесила варить в котле голову хора, самца-оленя. Голова жилистая, твердая. Сколько времени-то варить ее надобно!.. Вот Старик и сидит, ждет, томится. На Земле уже ночь. Темно. Давно наступила пора на тропу выходить, тьму развеять, пути-дороги людские осветить. А он все котел ждет, все сидит в гостях. Ведь солидному гостю никак нельзя выходить из дому не дождавшись стола. Обычай такой есть. – Когда Старик начинает задерживаться за горизонтом, люди говорят: жадная сноха повесила варить для свекра жилистую голову хора, – закончила мама. – Не скоро он выйдет на небесную тропу...

Я представил, как Старик поглядывает на потолочное окно, покашливает, волнуется, что опаздывает со светом для людей на небесную тропу. А хозяева и усом не ведут. Ладно сноха, а сын-то куда смотрит? Неужели не видит, что отец торопится по своим делам? Я все грезил чем-нибудь досадить жадной снохе Старика, которая задерживала лунный свет для людей.

Спросил у мамы:

– Почему сын Старика не торопит свою жену?

Мама взглянула на меня, молча сделала несколько стежков, затем поинтересовалась:

– Где это видано, чтобы мужчина вмешивался в женские дела?.. Мужское ли занятие?

Я подумал: вот отец стал бы указывать матери, что и как сварить для гостей, что и как сшить для зимы. Наверное, это выглядело бы просто смешно. Ведь каждый должен знать и делать прежде всего свое главное дело.

СТАРИК В ДОМЕ

Зимой вокруг Старика Месяца иногда появлялся светлый круг.

– Что это такое? – спрашивал я.

– Это Старик Месяц дом себе построил, – говорил отец.

– А зачем ему дом? – интересовался я.

– Это к морозу. Он заранее видит, какая будет погода, – пояснил отец.

Дом у Старика бывает большой, средний и маленький. По его величине отец обычно определял степень и продолжительность ожидаемых морозов. Если дом появлялся у растущего Месяца, который смотрит влево, или убывающего – когда смотрит вправо, то жди бурана.

Многое знает и видит небесный Старик.

Все верно, соображал я. От большого мороза спасает только хороший дом. А от свирепого бурана где укрываться охотнику? Тоже в дом надо спешить. Какая охота в такую погоду. Ни в мороз, ни в буран нет охоты. Сиди, пережидай их. Делай что-нибудь другое. Промысловый инструмент чини, мастери ловушки и нарты.

Умный Старик Месяц – сам готовится к морозам и буранам и людей предупреждает. И я еще больше зауважал этого скромного небесного Старика.

СОБАКА СТАРИКА МЕСЯЦА

Весной Месяц на небе заметно бледнел. Наверное, мягкий свет белых ночей оттеснял его с весеннего небосклона. И казалось, все жители нашего селения забывали о нем до самой осени. Ведь летом по нему ничего не определяли и он, словно чувствуя свою ненадобность, уходил на отдых.

Я думал, что за зиму он очень уставал, и поэтому ему нужно отдохнуть. Он много работал зимой.

Зима...

Вечером никто не входил в дом, не взглянув на Старика Месяца.

Помню, как-то зимним вечером, вернувшись с улицы, отец сказал неторопливо:

– Месяц-Старик очень коротко привязал свою Собаку – большие холода видит!

Я тут же встрепенулся:

– У Месяца-Старика есть Собака?!

– Есть, есть, – сказала мама. – Разве я тебе не показывала?

– Как-нибудь покажу, – пообещал отец.

Но меня так заинтересовала эта таинственная Собака Старика, умеющая предсказывать погоду, что я тут же потребовал:

– Покажите сейчас!

И мама согласилась:

– Ладно, пойдем.

Я мигом оделся и вышел на улицу вслед за мамой.

Сочный свет Луны лежал на боровых соснах вокруг дома, на неошкуренных жердях кораля, на рыбном сарае, на нартах и на хрустко звонком снегу.

Все вокруг было в лунном свете.

Мы с мамой, выйдя из дому, попали в поток лунного света и, потеряв земное обличие, стали вдруг лунными людьми. Удивительно и ни с чем не сравнимо это ощущение лунности! Словно я превращался в лунный свет и этот поток лунного света уносил меня сквозь настоящее и прошлое в неведомое будущее. И, оторвавшись от Луны, я уже самостоятельно витал в пространстве среди миров и был независим от времени, от Луны, от земной жизни... Быть может, это длилось всего одно мгновение. А может быть, очень долго...

Потом сквозь лунный свет я увидел звездное небо. И услышал голос матери:

– Найди самую ближайшую от Месяца звезду!

Я поднял голову и быстро разыскал эту звезду. Она молча смотрела на меня, и я чувствовал ее пристальный взгляд.

– Вот это и есть Собака Месяца – самая ближайшая к Старику звезда, – сказала мама.

Она немного помолчала, а затем пояснила: если Старик коротко привязывает свою Собаку – к большим холодам, далеко – к оттепели, на среднем расстоянии – к умеренной погоде, не очень холодно и не очень тепло.

– Вот так Собака Месяца! – воскликнул я в восхищении. – Сколько знает!..

– Да, много знает, – согласилась мама. – Высоко она, далеко ей видно кругом.

Я завороженно смотрел на удивительную звезду, неразлучную спутницу Луны. А имя-то какое придумали ей – Собака Месяца. Наверное, это имя дал ей древний охотник: ведь собака – самый верный и надежный друг человека в тайге.

Сколько же всяких тайн знает эта высокая звезда! Наверняка помнит всех моих предков, помнит всех моих родственников, живших когда-то на Небе и на Земле...

Наверное, на моем лице появилось сожаление, поэтому мама сказала, успокаивая меня:

– Вот подрастешь, выучишься и, как эта маленькая звездочка, узнаешь многие тайны Неба и Земли...

– Когда же я подрасту! – вздохнул я, – Так долго ждать...

Я начал разыскивать на небе знакомые созвездия. Вот Большая Медведица. Люди нашего рода называют его Ногастым Зверем, Лосем. Вот Малая Медведица. Вот Звезда вечерней зари. К этому времени я уже знал Звезду утренней зари. Она появляется на востоке перед утренней зарей. Первый признак нового дня. И вот прибавилась к ним звезда Собака Месяца...

Вернувшись с Неба на Землю, я подбежал к конуре нашего большого белого пса Харко и весело спросил:

– А ты можешь предсказать погоду, как Собака Месяца?

Харко быстро отряхнул свою снежно-белую шубу, звякнув цепочкой, подпрыгнул выше меня, пытаясь лизнуть мое лицо, и, широко разевая пасть с крепкими клыками возле самого моего носа, сказал радостно и важно:

– Ав-вав, ав-вав!..

Наверное, я не понял его, потому что ответил так:

– Фу, какой глупый – ничего не знает!

На что пес не обиделся нисколько: подпрыгнув, радостно повторил:

– Ав-вав!.. Ав-вав!..

– Он не глупый, – сказала мне мама. – Он знает не меньше Собаки Месяца. Только вот говорить по-человечески не может. За ним нужно наблюдать, если хочешь что-то узнать. Он многое предчувствует, многое может предсказать...

И, словно уловив смысл этих слов, Харко солидным голосом подтвердил:

– Авв-вавв!.. Авв-вавв!...

Впоследствии я убедился в этом: собака охотника знает не меньше Собаки Месяца, а может быть, и больше. Ведь собака охотника тут, на Земле, всегда рядом с хозяином – и погоду предскажет, и об опасности предупредит, и на помощь человеку придет.

Тут мама позвала меня, и мы вернулись в дом.

– Видел? – спросил отец.

– Видел! – так же кратко ответил я.

Засыпая, я думал о Старике Месяце и его Собаке. Добрый Старик, соображал я. Когда видит мороз, притягивает к себе Собаку, маленькую звездочку. Это чтобы ей теплее было возле хозяина. А в хорошую погоду отпускает ее подальше – пусть бегает и резвится на воле. В непогоду же прячет ее за спину – прикрывает от холодного ветра, от бурана. Добрый Старик. С такими мыслями я и заснул. Ночью мне приснился Старик Месяц. Он поднялся из-за горизонта, чтобы отдать свой щедрый свет людям Земли, чтобы осветить их пути-дороги, чтобы с помощью своей верной Собаки-спутницы показать им, что ожидает их в грядущем. Он был удивительно похож на моего легендарного деда Романа – ведь тот был таким же добрым и щедрым к людям Земли...

Месяц-Старнк что-то говорил мне и улыбался. Хорошо так улыбался. Правда, проснувшись утром, я не смог вспомнить его слова. Но улыбка его осталась во мне...

В те годы я узнал немало примет о явлениях природы, о Солнце и Месяце, о звездах и Земле. Позже, поселившись в городе, где над головой только тусклое небо и тусклые звезды, я многое растерял, многое позабыл. Но по сей день, по старой привычке, в зимний вечер я не вхожу в дом, не взглянув на доброго Старика Месяца и его верную спутницу...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

БОЛЬ ЗЕМЛИ

Когда мама случайно острием топора задевала Землю, она быстро ровняла порез, закрывала его щепками и хвоей. Я вспомнил, что так делал и отец, если его топор нечаянно соскальзывал с дерева на Землю. И я спросил маму, что все это значит.

– Это рана на теле Земли, – сказала мама. – Ни в коем случае нельзя оставлять раны. Больно Ей!..

– Больно? – удивился я. – Ты мне раньше этого не говорила.

– Если случайно поранишь Землю – Сидящую, нужно сразу же полечить рану, – продолжала мама, – Нужно выровнять порез, чтобы побыстрее заживал.

К этому времени я уже знал, что нельзя часто повторять священное имя Той, что держит нас: Земля!.. В особо значительных случаях, во время больших торжеств и в критическую минуту, когда обращаются к Ней за помощью, – вот тогда называют Ее этим именем – Земля. А в обиходе зовут Ее просто Сидящей.

Наверное, от частого употребления имя изнашивается, тускнеет, соображал я. Вот детям поэтому и не разрешают попусту называть это имя. И сама Она, коль услышит, наверное, бывает недовольна этим...

Я вспомнил слова матери о том, что у всего живого есть душа. Есть душа у человека. Есть душа у дерева, у травиночки, у цветка. А все, у кого есть душа, чувствуют боль. И у Земли есть душа, наверное. И поэтому я снова спросил у матери:

– Ей от раны больно, да?

– Конечно, – ответила мама. – Помнишь, когда ты палец порезал, – тебе ж больно было?

– Помню. Я плакал.

– Вот и Сидящей так же больно, – грустно проговорила мама. – Только мы не чувствуем Ее боли.

Я живо представил себе Сидящую: сидит величественная женщина-красавица, а мы, люди, живем и бегаем по Ее плечам, и, по неразумности своей, иногда причиняем Ей боль, приносим страдания. Но Она – мне казалась одновременно и человеком и богиней – прощает нам многие обиды. Ведь Она такая же добрая и справедливая, как и моя мама, и понимает, что дети могут и пошалить. Недаром называют Ее Сидящая Мать. Стало быть, все люди Земли – Ее дети...

Я взглянул на свою маму. И мне пришла мысль: моя мама чувствует боль Сидящей Матери, боль Земли. Если и не до каждого человека доходит эта боль, то моя мама наверняка чувствует ее. Когда она острием топора задевала Землю, я видел на ее лице боль. И я спросил:

– Мама, а ты чувствуешь боль Земли?

Она внимательно посмотрела на меня, помолчала немного, затем сказала тихо, в раздумье:

– Может быть, иногда и чувствую...

Тогда мне еще неведома была чужая боль. Позже, размышляя об этом, я понял, что корень всех корней жизни находится на Земле. Корень дерева, само дерево, плоды дерева, жучки-паучки, звери и птицы, человек... Все взаимосвязано, все держится на одном корне, и корень этот уходит в Землю. И поранивший Землю поранит и корень всех корней. И замахнувшийся на корень прежде всего замахивается на себя и на человечество. Но боль изначальную чувствуют очень немногие, а конечную – почти все. Ибо каждый замах потом обязательно откликнется... Я слушал маму. А затем в мою голову пришла другая мысль. И я спросил:

– Мама, а когда мы острой лопатой копаем Землю – разве не делаем Ей больно?

– Нет, лопатой мы не делаем Ей больно, – уверенно сказала мама. – Когда для нужного дела мы копаем или что-то строим, Земля только рада этому. За это Она не сердится на человека.

И я стал думать о разумном и неразумном в жизни Земли.

А мама стала мне пояснять, почему нельзя делать больно нашей Земле. Все люди-народы, все звери и птицы, деревья и травы на Земле живут. Всех Земля держит. Всем дает жизнь священная Земля... А если поранишь Ее и Она обидится насовсем – тогда где жить? Как жить?! Не станет Земли – не станет жизни... Вот поэтому и нужно беречь Землю. Вот поэтому и нужно думать о Ней ежедневно, помнить о Ней до последнего мгновения...

А вскоре пришло это последнее мгновение – и мама ушла в Землю...

После я с завистью смотрел на тех, у кого были мамы. И мне казалось, что в них не было того священного трепета, с каким нужно подходить к матери. Ибо они не знали, не представляли, каково это остаться без матери в детстве. Расти без матери. Жить без матери...

При маме мир был одним, а без мамы стал совсем другим...

Мама ушла в Землю.

Мужчины нашего рода с черными лицами рубили Землю. Рубили оледеневшую январскую Землю топорами. Рубили Землю молча. Мы со старшей сестрой Лизой сидели у костра и смотрели на них без слез. Мы давно выплакали все слезы. Мы сидели одни. Младших сестер не взяли, ибо самой младшей было семь месяцев от роду, и ее кормили жвачкой. Она была в люльке, а обычай строго запрещал привозить сюда детей в люльке. Мы сидели у костра. А мужчины рубили Землю. И мы видели, как мерзлые комья падали на черный снег. Рубили ту Землю, которую так любила наша мама и в которую она уходила преждевременно. Ее не стало утром, после восхода солнца. По примете хантов, смерть после восхода – это преждевременная смерть.

Рубили Землю нашей мамы. И нам было больно. И во мне до сих пор жива эта боль...

Ханты-Мансийск – Пярна Талю, 1982–1983

БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ СНЕГАХ

ПРОЛОГ

Остяки терпели Советскую власть ровно семнадцать лет.[14] Потом, когда совсем отчаялись, подняли восстание. Чашу терпения переполнила последняя капля: красные осквернили святая святых – остров посреди Божьего озера, что в верховье реки Казым, куда до этого не ступала нога чужеземца. И тогда остяки восстали, чтобы освободить свои земли от красных и жить по своим вековечным традициям и обычаям, со своими небесными и земными богами и богинями.

На озере они возвели оборонительные сооружения и облили их водой. Получилась непреступная ледяная крепость. Восставшие разбили первый местный, наспех сформированный отряд красных. После этого красные срочно подняли войска в Екатеринбурге, центре Уральской области, и двинули их на Север, на подавление, как отмечено в документах того времени, Казымского восстания. Ледяную крепость разбомбили с аэропланов – и она пала. Защитники, кто остался в живых и не попал в плен, частично стали отходить на восток по верховьям правых притоков Оби, частично отступали на север, к Надымской тундре, к арктическому побережью Ледовитого океана. Отряды красных преследовали участников восстания, захватывали их в плен или уничтожали, а заодно конфисковывали у местного населения огнестрельное и холодное оружие.

Красная власть была напугана тем, что восстание может перекинуться на вогульские земли Приуралья и левые берега Иртыша и Оби, на самоедские племена на побережье океана, охватить южные крестьянские районы Западной Сибири. Ведь подобное уже было в недавнем прошлом, в 1921 году, когда кулацко-эсэровский мятеж на юге быстро распространился на Обь-Иртышский север. Подавить его удалось с большим трудом. А сейчас повстанцы могли двинуться и на город Березово – они требовали освободить своих четырех ранее арестованных духовных вождей. Поэтому красные карательные отряды особенно жестоко расправлялись с каждым восставшим селением, с каждым восставшим остяком, чтобы в зародыше подавить и уничтожить все очаги сопротивления и освободительного движения. Вскоре восставших рассеяли по всему огромному заснеженному пространству лесотундры и тайги от Оби до Енисея. Только вот с Сеней Малым на Водоразделе никак не могли расправиться. Не хотел он покидать свою священную землю. Он был шаманом, духовным вождем народа и неуловимым народным мстителем. За ним охотились, ему устраивали западни, но он в них не попадался, уходил. Пуля его не брала. И имя его стало обрастать легендами.

В конце концов красные успокоили себя тем, что один он много не навоюет и на Березов не пойдет.

Он отрекся от жизни в неволе.

Он хотел свободы.

Он хотел воли.

И его земные дни сгорали в огненной жажде по воле.

Впереди красных отрядов шла весть: «Красные лиственничными дубинами забивают восставших остяков». Сам собой напрашивался вывод, что живым в лапы красных лучше не попадаться.

И там, где прошли их войска, белые снега Севера стали красными.

Это были снега зимы 1933–1934 годов.

ГЛАВА 1

Вожак красных, выставив руку с пистолетом, ворвался в чум и закричал: «Стой!» И бешено крутанул косящим глазом по лежанкам. Левая половина была пуста, а на правой, качая-унимая ревущего малыша, сидела женщина, Матерь Детей. За ее спиной скрылось испуганное лицо девочки, залитое слезами, а за ними, присев на корточки, мальчик десяти-одиннадцати лет стрелой нацелился на дверь.

Главарь, приопустив руку с пистолетом, взревел:

– Ма-ал-чать!

Плач оборвался. Даже ревущий малыш на мгновение смолк. Только за меховой стеной слышался гомон солдат, заполнивших селение-становье. В эту паузу главарь, ткнув пистолетом в направлении мальчика, скомандовал:

– Давай сюда! Мальчик не шелохнулся.

А Матерь Детей вздрогнула. Она смерила взглядом с ног до обмороженного лица ненавистного захватчика и, подавшись в сторону сына, как бы пытаясь прикрыть свой выводок всем телом, жестко отчеканила:

[14] Впервые возможность рассказать об этом событии появилась спустя 60 лет после подавления Казымского восстания (1933–1934 гг.).

– Он за ружье не брался!

– Знам ваших: не брался – так возьмется! – отрезал главарь.

– Говорю: не стрелял – видит огонь! – и она кивнула в сторону очага в центре чума, где догорал костер.

– Не стрелял – так будет стрелять! – огрызнулся главарь.

– Он мал еще!

– Так вырастет... бандитом.

Она поклялась всесильным и всевидящим огнем, а пришелец не поверил. Значит, настал ее, Матери Детей, черед. На этой войне у остяков существовал свой порядок вступления в бой. Сначала воюют мужчины, а когда погибают, вступают женщины, последними дети, те из них, кто уже может держать в руках ружье. Сейчас стрельба на улице прекратилась. Значит, все мужчины погибли. А соседку-ненку убили еще незадолго до окончания боя на тропе между чумом и стоянкой нарт. Стало быть, пробил ее час. Достойно умереть – тоже немаловажное дело... Она сберегла детей от шальных и прицельных пуль, удержала в доме сына. Опершись на левую руку, она стала медленно подниматься, одновременно прижимая к себе малыша правой. Поднявшись, перехватила малыша левой рукой. Выпрямилась, высоко вскинула голову. Платок сполз на спину, открыв две толстые черные косы. Меховая ягушка, стянутая поясом, держалась только на левом плече, правая грудь, плечо и рука были свободными. Так одеваются, когда грудью кормят ребенка. Спохватившись, она застегнула верхнюю пуговицу на вороте платья и приняла удобную позу. Малыша опустила на живот, к поясу, а корпус и голову отвела назад, опять же для того, чтобы не упасть на самого младшенького ребенка. Затем шагнула вперед – так, в случае падения навзничь, не повредит детям за спиной. И хотя ростом она была так мала, что не доставала даже до плеча долговязого главаря, но широко расставленными локтями, расправленными плечами, вздыбленными волосами, меховой ягушкой – всем своим телом закрыла детей в родном гнездышке. После ее гибели, в этом она была уверена, Верховный Отец распорядится их судьбой.

И только теперь, неосознанно приняв удобное и самое выгодное положение, Матерь Детей вперила яростно горящий взор в ненавистные оплывшие зенки главаря и низко-утробно закричала:

– Сначала убей меня!

Главарь от неожиданного напора отшатнулся, не выдержав жгучего огня материнских глаз, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел другую женщину с ребенком. Эта, прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучала светлым ликом ровный свет и кротко и добро смотрела прямо на него. Он снова глянул на женщину с зло-яростными глазами. Его налитые кровью глазищи заметались от кротко-доброй к зло-яростной, от зло-яростной к кротко-доброй. Он не сразу сообразил, что перед ним икона Божьей Матери. Она висела в переднем углу, против входа, на тонкой жердинке чума. Войдя, он обшарил взглядом только низ жилища, а верх упустил. А тут, оказывается, как он выразился, «опиюм народа» притаился. И сейчас, повернувшись к яростной Матери Детей и ткнув пистолетом в сторону иконы, вопросил:

– А эта с... зачем здесь?!

Он со смаком выдал бранное слово.

Но Матерь Детей не услышала или не поняла его вопроса. Она, уже подготовившись, ждала своего конца. Но это последнее мгновение оттягивалось. И ожидание становилось мучительным. И она закричала в ярости:

– Говорю: убей меня!..

Главарь обалдело завертел башкой. Ему показалось, что заговорила Божья Матерь: звук по конусу чума поднимался вверх, к дымовому отверстию. И он, дернувшись всем телом, разрядил пистолет в икону, повернулся и, путаясь в полости-двери, выскочил из чума.

На выстрелы к чуму бросились солдаты. Главарь-командир рукояткой пистолета огрел красноармейца, подвернувшегося ему под руку: «Куда прешь!» Тут подскочил к нему костляво-тощий, с заметно опущенным левым плечом помощник и доложил:

– Двое убитых, одна – баба. Один раненый. Один ушел... Из-под гранаты. В чуме одна женщина, один мальчик, двое детей. Три собаки, одна убита. Отличился салымский охотник... Мни.. Чнм.. Собачья кличка, язык не поворачивается...

Командир прервал доклад. Его подвели к раненому хозяину чума. Два красноармейца вытянули его за ноги из снежного окопчика под нартами, бросили у ног главаря. Малица задралась до пояса, и было видно, как сочится кровь из перебитых ног. Раненого перевернули на спину. И командир вздрогнул: «Золтан?» На него смотрели жгуче-черные глаза. Он вспомнил того Золтана, мадьярского интернационалиста, с

которым ходил на Колчака и по первому льду форсировали Иртыш под Омском. И лежать бы сейчас его косточкам на дне Иртыша, если бы не Золтан. Тот подсунул ему жердину и уже почти окоченевшего выволок на спасительный лед, а потом откачал и вместе с санитаром протер спиртом...

Он невольно стал всматриваться в лицо раненого и отмечать черты сходства: разрез глаз совершенно одинаковый – не азиатский и не европейский, а какой-то средний, остяко-мадьярский; выдающиеся надбровные дуги; приподнятые к вискам скулы; чуть вздернутый на кончике массивный нос; черные кучерявые волосы.

Он слышал, что остяки – кровные родственники мадьяр, но не думал, что они настолько близки. Когда же эти народы разошлись по разным землям? Сколько веков-то прошло! А, поди-ка, находятся почти одинаковые типы. Вот, один был другом, второй – враг...

Тут раненый застонал, открыл глаза и, увидев обмороженное лицо главаря в островерхом шлеме, что-то попытался сказать, зашевелил губами.

– Что говорит? – резко спросил главарь. Салымец наклонился к раненому, послушал, потом выпрямился и сказал:

– Он – аганский.

– Ну и что?

– На другом диалекте говорит.

– Ну и что?

– Не понимаю.

– Не понимаешь?! – грозно сдвинул брови командир-главарь.

Салымец снова наклонился к раненому, постоял, прислушиваясь к словам, потом, резко выпрямившись, сказал командиру:

– Ругается, кажется.

– Кого ругает?

– Вас и Советскую власть. Всех красных ругает.

Между тем взор раненого помутился, черты лица, словно выточенные из древнего кедра, стали еще резче и суровее. Он застонал и потерял сознание. А главарь, вспомнив мадьярского Золтана на омской переправе, машинально спросил помощника:

– Почему не перевязали?

– Он же пленный. Команды не было.

– Ах, да!..

Как правило, раненых в плен не брали. Если бы их оставляли в живых, то создали бы для красного войска массу проблем. И так не хватало транспорта, каюров, конвоиров, обученных ездовых оленей, помещений и тому прочее. Словом, некогда и некому было с ними возиться.

Командир-главарь медленным взором обвел селение. Световой день подходил к концу. Много времени тут потратили. Этакими темпами и десяти зим не хватит, чтобы вернуть остяков на тропу Советской власти. Земли-то вон какие – концов-краев не видно. И все по бездорожью, и все на оленьих упряжках, и все без нормальной пищи, без нормального жилья и отдыха. Тут скоро и сам начнешь клясть Советы и эту собачью жизнь...

Помощник тронул его за рукав:

– Что будем с ним делать?

Главарь помолчал, потом так же молча подал знак: кончайте. И, отвернувшись, постоял секунду, затем медленно пошел по становью, теперь уже оглядывая все по-свойски, по-хозяйски. Но спиной, по обрывкам фраз, улавливал все, что происходило у стоянки нарт. Помощник, как уж повелось, при командире показал свое усердие: подозвал красноармейца, снял с его плеча винтовку и привычным движением, почти без размаха, опустил приклад на голову пленного хозяина селения. Тот дернулся от удара и затих на снегу.

К командиру подвалил салымец и забурчал в ухо:

– А селение-то не мятежное...

– Ну?

– Тут беглый был, Моту его зовут, нумтовский самоед. Так это он мирных остяков втянул в войну.

– Мирные не стреляют.

– Он опытный, гад. Хорошо воевать научился, окопы делает...

– Это ты с тылу зашел, Иуда?

– Ну, я.
– Так пошто беглого не снял?
– Я же сказал: хорошо маскировку делает. Перепутал с хозяином, вот и упустил.
– Догоняй.
– Гранату вслед метнул. Может, поранил. Сдохнет.
– Чего еще?
– Так все ж с тылу их взяли. В лоб ни за что бы не прорвались. И гранату метнул...
– Ладно, давай.

Командир достал фляжку, медленно отвинтил крышку и выпустил несколько бульков в подставленную салымцем кружку. Тот заметно повеселел. А главарь пристально посмотрел на него, проводника и разведчика, и угрюмо спросил:

– Знаешь, Иуда, если после войны тебя свои не прикончат, то, может статься, я тебя пристрелю... За твою продажность!

– Не бойсь, командир, сам застрелюсь! – почти весело пообещал проводник.

– Во-о гад!..

Командир только головой покачал. С гражданской войны он не жаловал перебежчиков. Знал, что такие рано или поздно все равно продадут. Не любил белых, которые пошли против белых. Не мог терпеть красных, что переметнулись к белым. Он понимал, почему одни русские пошли на других русских: одним пообещали землю, заводы и фабрики – словом, пообещали райскую жизнь. За лишний кусок один готов перегрызть горло другому. Тут понятно, тут есть за что воевать. А этому остяку что пообещали власти за предательство? Каждый вечер по кружке спирта? За каждую отнятую жизнь глоток водки? Бессмыслица какая-то получается. Несуразица. Впрочем, всякая война бессмысленна, а эта особенно. Может, и прав салымец Иуда, проводник, разведчик и переводчик. Чем быстрее закончим – тем лучше... Иуда. Ну и имя ему досталось! Под стать его натуре. А получил он его просто. Остяки все крещеные. При крещении поп, может спьяну, почти всех на этой реке окрестил Иудами. Имя прижилось здесь, почитай, с восемнадцатого века. Каждой реке досталось свое имя. Например, на Югане много Лисаков, на Агане – Еремеи да Романы, на Тромагане – Иваны да Константины...

Пройдоха, конечно, порядочный этот Иуда-салымец, но без него никуда. Остальные переводчики и каюры и вовсе не внушали доверия. А особо неблагонадежным спутали ноги, словно коням на лугу, чтобы передвигались только маленькими шажками. Мало ли что? А так не убегут.

Командиру эта война с остяками с самого начала была не по нутру. Остяки считают войну праведной. За свою землю воюют. Каждым становьем и селением поднимаются. Поди разберись, где передовая, где фронт, а где тыл. Догадайся, из-за какой белой кочки тебе пуля прилетит. Куда надо продвигаться – туда дорог нет, а куда не нужно – там зимник. Да и с женщинами и детьми воевать – не дело солдата. Может, этим привыкли заниматься огэпэушники, обученные такому делу. Но их заглавный, Елизаров, сидит в Березово и не суется в тундро-таежные дебри, ждет, когда красное войско подавит восстание, сдаст захваченное оружие и боеприпасы и доставит в Остяко-Вогульск взятых в плен мятежников для справедливейшего рабоче-крестьянского суда над ними.

В этом заснеженном огромном пространстве сам себе хозяин – что хошь, то и твори. Только будь победителем. А твои враги – это мятежники, восставшие, бандиты. И в военное время разговор с ними короткий. Одно дело, если женщин и старших детей взяли с оружием в руках. А если их захватили без оружия? Как быть? По приказу их отпускать нельзя, но и сотни верст держать их в своем обозе тоже накладно. Вот и ломай голову, командир. И кому понадобились остяцкие снега и льды?! Не трогали бы их, сидели бы они в своих дебрях еще сто лет, никому бы не мешали. Ан нет. Советам нужны их земли.

Командир соображал, ходил по становью. Вспомнил, как с товарищем Тухачевским подавлял крестьянское восстание на Тамбовщине, но там была совсем другая ситуация. Гражданская на память пришла. Там все проще было. Как выставишь пулеметы, подтянешь артиллерию, на всякий случай на запасках замаскируешь бронепоезд – тогда сам Верховный правитель Сибири не страшен. А не то пустишь по прииртышским степям конницу на конницу. Красную на белую. Вот где простор, вот где может разгуляться русская душа. Только башку свою прикрывай. Можешь увернуться влево, можешь вправо. Можешь, если кишка тонка, драпануть в обратную сторону. А тут что? Как встанешь по пояс в снегу – ни вперед, ни назад. Тут тебя всякий недоносок может клюнуть и отправить к прабабушке. И эти аэропланы гудят над ухом, когда не надо. А как понадобятся – ни одного не сыщешь. То погоды для них нет, то ветер не в ту сторону сносит. Чертовы сынки, летуны! А то придумают: горючее закончилось, бомбы, вернее

связки гранат, израсходовали, то на поломки ссылаются. Валяются в теплых избах, бока греют, от пуза горячую пищу лопают, с молодками балуются. Будто товарищей летунов не восставших остяков усмирять пригнали, а на курортный отдых. Там, на высоте, и остяцкая пуля не страшна. Но каждому свое: летуну – летуново, пехотке – пехотково. Теперь ты пехотка. Будь ты хоть трижды прославленным кавалеристом гражданской.

Не вполне был готов главарь к такой войне. В ночь-заполночь сорвали с Екатеринбургских казарм, погрузили в теплушки, потом пересадили на конный поезд, на сани, а теперь вот – на оленьи нарты. И – вперед на подавление остяцкого восстания! Никто, конечно, не подумал ни о теплой одежде, ни о специальном снаряжении. Нет даже маскхалатов и лыж. Крутись, командир, выполняй приказ! Вписывай славную страницу в летопись доблестной Красной Армии! А тут такую страницу можно вписать, что потом Красная Армия будет отмываться до конца своих дней. Красноармейцы стали злы как волки – от холода, от непривычной пищи, от постоев в снежных ямах. Да просто от страха холодной и лютой смерти. Ни фронтов тебе, ни тылов. Не знаешь, с какой стороны нападет враг. Но одно правило войны главарь усвоил хорошо: если хочешь выжить, крепко держи в кулаке свое войско. Дашь слабинку – пропадешь. Война не знает пощады. Солдат живет одним днем: сегодня жив, завтра – мертв. Поэтому подавай все сегодня: выпить, пожрать да бабу. Если селение берется с боем – каждому дозволяется все это добывать самому. И поэтому сейчас главарь сквозь пальцы смотрел на красноармейцев в островерхих шлемах, шнырявших по становью в поисках добычи. Только к женщине не приставали. Ибо было негласное правило: если женщина в единственном числе, то без ведома командира ее не трогать.

Утром, перед штурмом этого селения, глава войска все-таки дал промашку, которая оставила в нем неприятный осадок. Когда командирская нарта стала выезжать на озерко перед становьем, навстречу загремели первые выстрелы остяков и отряд без команды нырнул в спасительные сугробы. А командирский каюр Иван Сопочин остановил вожака и, не получив никакой команды, застыл на месте. Главарь-командир невольно съежился и притаился на нарте за его спиной. Пули свистели слева и справа.

Командир выглядывал из-за спины каюра, оценивал обстановку, уточняя позиции сторон. Больно не хотелось ему нырять в сугроб. Из сугроба ничего не увидишь – много не накомандуешь. Да к тому же из сугроба надо будет регулярно высовываться, а кому хочется подставлять голову под пулю. Противник прицельно бил по серым красноармейским шлемам и не трогал безоружного каюра первой нарты. Тут лучшей позиции для командира не сыскать.

Сначала ударили по остякам одиночными выстрелами, потом залпами. После опять перешли на одиночные. А противник продолжал отвечать на стрельбу. Он увидел, как застрелили женщину в белой ягушке.

Она носилась между чумом и нартами, откуда велась стрельба. Куда летели красноармейские пули – неведомо было командиру. Что же, окоченевшие в сугробах бойцы больше ни на что не способны? «Развернуть упряжки в обратную сторону – тоже большая морока», – соображал командир. И тут он вспомнил про салымца Иуду...

Противника в лоб не взять. Это командир понял после полдневной перестрелки. Между отрядом и становьем небольшое чистое озерко, простреливаемое насквозь. Подъезд один – узкий, плохо протоптанный олений зимник. На кочкастом взгорке, занесенном сугробами и поросшем редкими сосенками, и застрял отряд красных. В объезд не проедешь на оленях – снег по пояс. И пешком не пройдешь. И лыж широких для такого снега тоже нет. А коль по одному начнешь прорываться на мелкий снег озерка – так перестреляют всех поочередно. По прикидкам командира, со становья било три или четыре ствола. Для атаки в чистом поле – это сущий пустяк. Но в этих чертовых снегах они могут укокошить весь отряд. Надо было искать выход.

И тогда главарь приказал салымцу зайти в тыл противника на подволоках[15] и оттуда ударить по остякам. Салымец быстро собрался и ушел. Пока тот обходил селение по сосновым гривам и лощинкам, отряд вел интенсивную перестрелку, отвлекая внимание защитников.

Командир, покрикивая и матюгаясь на бойцов, так и просидел весь бой за спиной своего каюра. И только когда послышались выстрелы салымца с тыла противника, он поднялся, взмахнул пистолетом и заорал: «Вперед, гады!»

И упряжки, выехав одна за другой на мелкоснежье озерка, галопом понеслись к селению. Красноармейцы вовсю палили поверх каюрских голов. Рванула граната. Вторая. Потихоньку стихала стрельба.

[15] Подволоки – широкие охотничьи лыжи, подбитые, подволоченные мехом. Обычно для этого используются конские и выдровые шкуры, а также камус с лосиных ног.

Когда подлетели к чуму, командир первым соскочил с нарты и рванулся внутрь. Он не должен был этого делать: его могла встретить прицельная пуля с близкого расстояния и войско осталось бы без головы, но его подтолкнула к этому, как ему показалось, презрительная усмешка каюра Ивана Сопочина, на мгновение промелькнувшая перед ним на развороте – эх, ты, вояка-заспинник... Возможно, и бойцы втихаря подсмеивались над ним, просто он не видел их лиц. Поэтому он ворвался в чум с удвоенной жаждой отомстить тому, кто заставил его так позорно прикрываться чужой спиной. Такого с ним, боевым командиром, никогда прежде не случалось. А тут перед какими-то остяками сробел? В чуме оказались лишь женщина и дети...

Сейчас, обойдя взятое селение и поостыв на морозе, он зычно крикнул:

– Мингал!

Подскочил помощник, костлявый и нескладный, но ушлый малый:

– Я, товарищ командир!

– Что имеем?

Настало время решать судьбу непокорного селения. Как это уже повелось, помощник по замусоленной бумажке начал писклявым голосом выкрикивать-вопрошать:

– Стадо?

– Угнать! – кратко решил командир.

– Нарты?

– Рубить!

– Провиант?

Командир чуть помедлил, потом выдал:

– Сожрать!

Мигал чуть расширил глубоко сидящие глаза: это было что-то новое. Обычно следовала команда «реквизировать» или «уничтожить». Не день и не два тут нужно сидеть, чтобы все сожрать. Что это с командиром? Что-то напутал после атаки?

– Собаки?

Командир махнул рукой. Это значило: на ваше усмотрение.

– Чум?

Командир сдвинул брови, ничего не сказал. Обычного ответа «спалить» не последовало. Выдержав нужную паузу, пошуршав бумажкой, помощник продолжил перечислять:

– Мальчик?

Молчок.

Обычно – «под стражу».

– Женщина?

Опять молчок.

– М-малявки?

Молчок.

Командир увидел, как от удивления мышиные, с пакостливой пленкой глаза помощника почти вылезли из орбит. Подумал: будет ему что доложить огэпэушнику Елизарову в Березово. Пройдошный, но рьяно тянет свою лямку. А до отрядного еще не дорос, не дадут, рановато. Только зря старается.

Между тем Мингал, заикаясь, жалобно выдавил:

– Та-ак ка-ак?..

– Без нас подохнут!

Глава войска, повернувшись, направился к командирской нарте, возле которой с вожжой в руке поджидал его каюр Иван Сопочин[16] с непроницаемым ликом языческого бога.

Визгливо, по-собачьи, залаял Мингал. Он был недоволен действиями командира. Нужны заложники, свидетели, наконец, акты устрашения. А тут просто так приказано оставить селение. С командиром что-то происходит, но что – он не понимал.

[16] Почти четверть века спустя Иван Сопочин якобы тронется умом и уйдет из дома в верховье Тромагана. Люди найдут его брошенную упряжку. По мелкоснежью озера, словно разрываемый внутренним огнем, он побежит прямо на север, к полюсу холода. И, как бы пытаясь взлететь, его шаги все будут увеличиваться и увеличиваться. И когда длина его шага достигнет длины хорея, люди в ошеломлении молча встанут, молча постоят и молча повернут назад. Так никто и никогда не сумеет объяснить ни его таинственного состояния, ни его таинственного исчезновения.

Засуетились, забегали красноармейцы и каюры, исполняя команды помощника командира. Постепенно стали стихать голоса и хруст снега. В разгромленном селении делать было больше нечего. Красное войско укатило продолжать войну с непокорными остяками.

ГЛАВА 2

Красные черным огнем пронеслись по становью и сожгли сердце женщины. Все перетряхнули и в чуме. Перевернули грузовые нарты, забрали все ружья и патроны, подвернувшиеся под руку топоры и ножи. Изрубили ездовые, грузовые нарты и нарты-лари. Забрав стадо оленей, умчались прочь.

И осталась Матерь Детей с сожженным сердцем.

Чум стонал.

Плакал.

Ревел.

На макодан[17] давило студеное небо.

Вздрагивали продрогшие сосны.

Скрылись упряжки красных, исчезли, промелькнув среди сосенок, за озерком. Матерь Детей склонилась над мужем. По груди меховой ягушки скатились на красный снег возле мужниной головы обледеневшие слезы. Последние капли мутными шариками повисли на ворсинках ягушки. Она молча застыла над мужем. Его безжизненные глаза смотрели прямо на небо, вверх, словно ждали оттуда помощи. Левый глаз был залит кровью. Но, казалось, даже через эту кровавую пелену он пытался узреть живую небесную синь. Женщина невольно вздрогнула: плохая примета, что у него не закрылись глаза. Потом она сняла свой платок и накрыла им голову мужа, вернее, то, что осталось после удара прикладом. Пропустив противоположные углы вокруг шеи, завязала под подбородком. Его уже нет в этом мире. Как только человек уходит из жизни, ему сразу же закрывают лицо. Теперь он смотрит в потусторонний мир, куда отправился. А здесь, в Среднем Мире, он уже ничего не видит, поэтому с ним нужно говорить. Человеческую речь он слышит. И она с трудом заговорила с ним, Отцом Детей:

– Ну... Вот... Ты нас оставил...

Тут она не выдержала и зарыдала без слез. Ее всю трясло. Она, закрыв лицо руками, подавляя в себя яростный крик, лишь глухо всхлипывала. Потом, немного успокоившись, отняв руки от лица, снова заговорила с мужем:

– Красная нелюдь укатила... Младшие дети все невредимы... А про старшего ты знаешь. Красные еще при твоей жизни прикончили его...

Она опять всхлипнула глухо, провела уголком платка по сухим покрасневшим глазам. Помолчала, затем опять заговорила:

– Ты эту ночь побудь здесь... Завтра я что-нибудь сделаю. Пойду к нашим детям. Огонь в доме будем поддерживать... Ну... Вот... Я пошла. Завтра приду...

Но Матерь Детей направилась не домой, а к старшему сыну, который был убит в самом начале боя. Она сняла свой последний платок и им по-покойницки обмотала голову старшего. Потом присела возле него и, как и мужу, кратко рассказала обо всем, что случилось после взятия селения красными. Говорила она заикаясь, короткими фразами, с долгими паузами:

– Твоих братьев-сестер беда стороной обошла... А тебя? Разве для этого я тебя растила?! Милый мой ребенок! За что же нас Бог наказал?!

Ее руки заметались по груди в поисках уголков платка, не найдя их, она провела рукавом по сухим глазам. Совладав с собою, она сказала старшему, которого уже нельзя называть земным именем:

– Ты будь на этом месте... Завтра что-нибудь придумаю. Ну... я пошла домой, к твоим братьям-сестрам.

По пути к дому она завернула к погибшей девушке-ненке, лежавшей лицом вниз на красном снегу. Ее убили не сразу. Когда появились красные, ее муж, схватив винтовку, бросился в свой окопчик под грузовыми нартами и в спешке забыл в чуме патроны. А патронов у него было много. Он уже давно, по его словам, воевал с красными, поэтому при каждом удобном случае запасался боеприпасами. Вот молодая жена и стала носить ему патроны. Сначала красные солдаты, видно, не могли понять, почему она бегает между чумом и нартами. Потом они что-то сообразили и, хотя у нее в руках не было оружия, взяли на прицел.

Матерь Детей приподняла девушку за хрупкое плечо и по хантыйскому обычаю замотала ей лицо и голову ее собственным платком. Сказала и о том, что больше всего беспокоило девушку-ненку:

[17] Макодан – дымовое отверстие чума.

– Твой от красных ушел. Они не догнали его. Твое место пока здесь... Придет день – что-то стану делать... Так не оставлю...

Матерь Детей направилась к дому по разоренному становью, залитому человеческой кровью. Все ее тело стало сгустком одной большой боли, и теперь она не чувствовала, где боль, а где неболь. Вместо сердца ощущала черную пустоту. Но две мысли в ее голове засели крепко: детей спасти и огонь сохранить. В доме дети, которые остались без отца и брата. Им нужен огонь, нужно тепло. С охапкой дров она вернулась в чум и первым делом оживила гаснущий огонь.

Чум охрип от плача и стона.

Кровавый день подходил к концу. Дети хотели пить, есть, спать. И женщина заметалась по дому, взялась за привычные домашние дела, чтобы продлить дыхание детей, поддержать их жизнь.

Матерь Детей, как предрекал главарь красного войска, не хотела «подыхать». И с этого вечера, кинувшись к детям, она накрепко уцепилась за тонкую и хрупкую нить жизни.

А дел набежало очень много. Она достала из коробки для рукоделия толстые нитки и отрезала от них небольшой кусок. И каждому дитя перевязала щиколотку правой ноги двумя траурными нитками. На отца и брата. Потом то же самое проделала и со своей лодыжкой. Нитки будут на ноге до тех пор, пока сами не перетрутся и не отвалятся. А остаток нитки бросила в огонь. Так было принято делать тогда, когда уходит близкий родственник.

Чтобы выжить, нужно оставаться человеком, а для этого необходимо соблюсти все обычаи предков перед живыми и ушедшими в Нижний Мир. Не смыкая глаз, при живом огне в доме надо «пять ночей покойников отсидеть», пока их души не покинут мир людей. В эти пять дней выносить из дома ничего нельзя, особенно сор. Когда людей в доме много, не спят по очереди. А ей как быть?! Огонь-то, ладно, продержится – дрова есть, но вот отсидеть пять ночей одному взрослому будет не так просто...

Накормив и уложив спать детей, женщина принялась за дело. От прямослойного полена без сучков отщепнула четыре дощечки и на каждой начертила поперек по пять черных полосок углем. Два для мужа, отца детей, и два для старшего сына. Так она обозначила пять ночей-дней, которые проведет с ними на этой земле, в своем доме. Потом она сложила руки на коленях, посидела немного, подумала и сделала еще две дощечки и вывела на них по четыре траурные полоски на каждой. Это для погибшей девушки-ненки. Правда, у ненцев свои обычаи, но разве оставишь неприкаянной душу молодой ненки?

Закончив эту работу, женщина вышла на улицу и воткнула дощечки в снег: три слева и три справа от дверей. Потом в разгромленном становье разыскала два топора и всадила рукоятками в отвердевший наст лезвиями в сторону чума с двух сторон. Теперь всякий приезжий увидит: в доме три покойника – одна женщина и двое мужчин. А топоры с острыми лезвиями, как непреклонные стражи, не впустят в дом злых духов.

Женщина вернулась в чум и за неимением камня отбила три кусочка от бруска-точила. Затем эти камешки подложила каждому ушедшему под лапник-настил туда, где лежали их постели. Кажется, пока сделано все, что требуется для проводов уходящих в Нижний Мир. Во всяком случае, на сегодня.

Матерь Детей вернулась на свое место, поправила одежду на младших спящих и сказала сыну, которого отстояла у главаря красных:

– Роман, если хочешь, ложись. Поспи немного... Я посижу.

Мальчик ничего не сказал. Но и ложиться не стал.

Тогда Матерь Детей, как бы сама с собой, повела тихую беседу:

– Когда отсиживаешь плохие ночи-дни, надо руками что-то делать, иначе душа перестанет лежать к делу. Мужчины обычно мастерят поделки из дерева или кости, плетут арканы, чинят упряжь, делают игрушки. Женщины обычно шьют. Только стирать и скоблить нельзя. Выносить из дома ничего нельзя. На Сидящую[18] голыми пятками ступать нельзя... Нам бы хоть до полуночи высидеть. Там ночь повернется боком к утренней половине. Солнышко к нам на помощь придет. Так и переживем-пересидим первую ночь. А там подъедет старшенькая сестрица... У нас два оленя и нарта будут... А ушедших так оставлять нельзя. Без древнего обряда и поминок. Иначе не будет покоя... им – на том свете и нам – на этом свете. Поэтому сделаем все, что сможем...

Женщина говорила тихо, как бы самой себе, но все слова предназначались для Романа. Мальчик понимал все, что хотела сказать ему Мать. Понимал все с полуслова. Понимал, что он теперь старший в доме. И на его плечи ложится нелегкая ноша, которую нужно нести с достоинством, как подобает настоящему мужчине. И когда смолкла Мать, выдержав нужную паузу, он вставил свое слово:

[18] Сидящая, или Сидяшая Матерь, – так иносказательно остяки называют Землю.

– Я не буду спать, мама...

– Хорошо, Роман – откликнулась Мать.

– Я потерплю без сна.

– Конечно, вдвоем ночь легче коротать...

– Сделаю игрушки братику и сестренке, – сказал сын.

И он не спеша, как это делал отец, осмотрел несколько сосновых поленьев. Потом выбрал из них одно прямослойное и взялся за нож. Он начал выстругивать фигурки оленей, а затем смастерил маленький хорей и санки на тесовых полозьях. Вместо упряжных ремней приспособил нитки – и аргиш готов в путь в сказочную страну. Утром проснутся братик с сестренкой – обрадуются, на какое-то время отвлекутся на новые игрушки.

Между тем Матерь Детей, чтобы не молчать, все потихоньку разговаривала, занимаясь домашними делами. Ее руки ни минуты не знали покоя: шили одежду, протирали посуду, кипятили чай, подкладывали дрова в огонь очага. Но, главное, она готовила в дальний путь отца детей и старшего сына. Они должны взять с собой все, без чего не обойтись «в обратной жизни». Если что-то позабудешь положить, то ушедший там долго будет маяться в поисках недостающей вещи. А работы много. Одежду уходящих нужно продырявить. От деревянных предметов откалывается щепка, от стеклянных и фарфоровых отбивается осколок, от металлических стачивается кусочек или делается выемка. Что в этой жизни является целым и невредимым, там оказывается ущербным, неполноценным. Поэтому и надо проследить, чтобы все вещи людей, оставляюших землю, были в порядке для жизни в Нижнем Мире.

Собрав все необходимые вещи отца детей и старшего сына, что находились в чуме, Матерь Детей вышла на улицу. Вернувшись через некоторое время, сказала сыну:

– Ногастый Зверь[19] вверх пришел. Мы к утру идем... – Помолчав, добавила: – Считай, отсидели первую ночь...

Потом она обратилась к сыну:

– Ложись, Роман, немного поспи. Завтра нужно сделать много дел. А за огнем я уж послежу, чтобы не потух...

Роман уже давно клевал носом, и было видно, что он держится из последних сил. Когда голова его, клонясь все ниже, падала на грудь, он вздрагивал и поднимал ее вверх. Теперь, услышав слова Матери, выждал некоторое время и затем, как сидел, не вставая, выпрямил ноги и спину и медленно опустил голову на подушку. И тут же заснул.

А Матерь Детей устало опустилась на лежанку и положила натруженные руки на колени. И только теперь почувствовала, как ноет все тело, а сердце разрывается от боли. Опустив голову на грудь, сидя, она впала в полудрему, и даже в полудреме, боль не отпускала ее сердце. И лишь дети отвлекали ее на время от боли. Дети спали беспокойно. Они поочередно то вздрагивали во сне, то вскрикивали, то всплакивали и вскакивали. Она успокаивала их, усыпляла, поправляя сползающую одежду и меховые одеяла. Потом поднималась, подкладывала дрова в гаснущий очаг и снова садилась на свое место.

И завертелось колесо времени. В кошмарной полудреме пронеслись в ее сознании события последних лет, месяцев, дней и часов. И только дети, ее птенчики, живыми голосами вырывали ее из жуткого кошмара и возвращали к реальной жизни.

Взошла на востоке Звезда Утренней Зари.

Поднялась заря.

Всплыло солнце.

Так закончилась первая траурная ночь.

Главное, не погас огонь в очаге...

И женщина прикорнула на своей постели возле детей. На какое-то время она полностью отрешилась от всего земного, словно провалилась в черную пропасть. Но проснулся младший Савва – и разбудил ее. Она с трудом поднялась и накормила детей, сына и дочку. А Роман, просидевший до полуночи, все спал. Но когда солнце поднялось высоко и подвинулось к полудню, Мать все-таки разбудила его и, покормив, отправила за старшенькой сестрицей.

Дело в том, что накануне налета красных над становьем кружила крылатая машина, которую русские называют аэропланом. Отец Детей сразу же заподозрил неладное – значит, где-то близко находится красное войско. И на упряжке из двух быков отослал старшую дочку Анну в осеннее становье возле запора[20]

[19] Ногастым Зверем или Лосем остяки называют созвездие Большой Медведицы.

[20] Запор – городьба через реку, где устанавливаются снасти для ловли рыбы.

на устье болотной речушки, наказав, чтобы она оставалась там до тех пор, пока за ней не придут. Место там укромное, тихое. На окраине бора в ветвистом сосняке спряталась старая моховая избушка-времянка. По снегу следов не оставили, оленей туда не загоняли. Стало быть, Анна сможет там отсидеться и сохранит запасную упряжку оленей на всякий случай. Ибо о красном войске ходили противоречивые слухи: будто бы одни селения уничтожали до основания, а другие оставляли неразоренными... После отъезда дочери прикатила ненецкая семья на двух упряжках, налегке, и привезла тревожные вести о войне. А утром нагрянули красные.

Теперь, отправив сына в путь, Матерь Детей взялась за неотложные дела. Нашла деревянную лопату и старательно засыпала снегом человеческую кровь там, где она пролилась на белую землю. А сверху те места забросала сосновыми ветками, чтобы ненароком не наступил кто-нибудь. Потом выпрямилась, постояла в задумчивости, опершись на черенок лопаты. «Собачье войско», – подумала она. Хоть и недолго находились красные в становье, а все вокруг успели изгадить – за каждым кустиком, за каждой нартой, за каждым бугорком. Собака и та в одно место откладывает свое дерьмо, а эти?! И как ни противно ей было, но все же она заставила себя обойти становье и прикрыть снегом следы пребывания красных солдат. Пусть меньше будет напоминаний о том кровавом дне...

После этого она впряглась в маленькую нарточку для подвозки колотых дров и по одному отвезла всех погибших в сторону заката солнца, на окраину сосновой гривки. Сначала Отца Детей, потом Старшего Сына, после них девушку-ненку. Всех троих уложила на полянку и прикрыла оленьими шкурами. Сделав это, она усталым шагом вернулась в чум.

День клонился к вечеру.

При солнце, засветло, надо успеть еще заготовить дрова на долгую ночь и наносить снега для воды. Самое трудоемкое дело – это, конечно, запастись «пищей для огня». Огонь, огонь, милый огонь. Лишь бы в эти пять ночей и дней не погас огонь в очаге, главный хранитель дома и жизни оставшихся детей. И она, чуть передохнув возле младших, взялась за дрова. Точнее, за топор. Колола нетолстые сушины, не разгибая спины, до тех пор, пока не увидела подъезжающую упряжку старших детей. Она бросила топор и поспешила к Анне. Мать знала, что ей придется все пережить заново – и будет особенно тяжело. Глаза Анны уже были как у тетерева – видно, плакала всю дорогу. Прошлым летом она переросла Мать и с высоты своего роста, сверху, устремила взор в материнские глаза и с последней надеждой на чудо тихо спросила:

– Это... правда?

– Ну, поплачь, – сказала Мать.

По щекам Анны покатились слезинки. Мать двумя руками провела по лицу дочери сверху вниз, как бы вбирая в ладони все ее слезы, и негромко, успокаивая, сказала:

– Поплачь, коли есть слезы. Поплачь – полегчает немного. Мы уже все глаза выплакали. Поплачь, доченька. Нам еще много дел нужно сделать. А мы остались. Значит, так было угодно нашему Верховному Отцу. Значит, будем жить...

Анна плакала молча, прижавшись к груди Матери, а Мать гладила ее по голове и все говорила и говорила ласковые и грустные слова, а потом повела, как неразумное дитя, в дом. За ними, сопя, хрустя утоптанным настом становья, поплелся Роман. В чуме она первым делом попросила дочку снять кисы, чтобы перевязать ее правую лодыжку траурными нитками. Теперь Матери Детей стало немного полегче. В доме во всем ее могла заменить Анна: и еду сварить, и за младшими поухаживать, и одежду высушить и починить, и о дровах и воде позаботиться – словом, мастерица на все руки и на подъем легка, не надо ее подгонять. И ночи с этого вечера уже отсиживали поочередно: то Матерь бодрствует, то на пару старшенькие Анна и Роман. А дни уходили на рытье могил.

ГЛАВА 3

На следующее утро после приезда дочери Матерь Детей взялась за сооружение последнего пристанища для ушедших из жизни. Земля на полянке, что она присмотрела на окраине сосновой гривки, за зиму окаменела от морозов. И женщина топором рубила землю. Обледеневшие комья, разлетаясь черными слезами Сидящей, сыпались на белый снег. Женщина все рубила и рубила. Рубила тяжко, с неслышным внутренним стоном, словно саму себя кромсала острым топором. Потом в изнеможении опускалась на хрусткий утоптанный наст, сидела неподвижно, уставившись в одну точку, затем, отдышавшись, снова бралась за топорище. К полудню она уходила в чум, и пока выпивала кружку-другую кипятка, топор переходил в руки Романа или Анны. И так изо дня в день.

Земля поддавалась с трудом.

Земля отчаянно сопротивлялась.

Земля не хотела принимать в себя насильственно и преждевременно отправленных в Нижний Мир.

Но делать нечего, и Земля каждый день понемногу уступала, позволяя углубиться в свое чрево. Земля все понимала, она знала, что людям деваться больше некуда, что она – их последнее пристанище.

На исходе четвертой ночи на рассвете, после восхода Звезды Утренней Зари, Матерь Детей вытащила из-под постели девушки-ненки камешек от бруска, сняла у входа в чум две дощечки с четырьмя черными полосками и направилась в сторону заката солнца. Там, в конце сосновой гривки, она разломала траурные знаки на мелкие щепки и вместе с камешком выбросила под сосенку. Все. Последние четыре земные ночи девушки-ненки закончились.

Позже, когда наступил день, Матерь Детей со старшеньким Романом завернули погибшую в оленьи шкуры и опустили в неглубокую могилу на дальнем от чума краю поляны. Вместо креста поперек могильного холмика положили бревнышко. Матерь Детей знала обычаи лесных ненцев: они не закапывали гроб с покойником в землю, а просто ставили на кладбище и сверху придавливали бревном, чтобы уходящий не оглядывался назад. Сейчас же некому и не из чего сколотить домовину, поэтому девушку отправили в Нижний Мир наполовину по ненецкому, наполовину по хантыйскому обряду. Потом у ее изголовья положили обрубок доски вместо столика и в последний раз, в дорогу, поставили кружку чая и берестяной туесок с едой. И напоследок, закончив поминки, Матерь Детей сказала молодой женщине:

– Ну... Иди к своим предкам... Назад не оглядывайся, только вперед смотри... Твой[21] когда-нибудь придет к тебе...

Сказав это, женщина подумала, что, может быть, «он» уже «там». Но вслух продолжала:

– Вы с ним вместе еще поживете там. На нас плохое в уме не держи. Все, что могли, для тебя сделали. Ну, вот, иди своей дорогой...

Матерь Детей вздохнула, будто с облегчением: все, одну худо-бедно отправили по обряду. Точнее, двоих... В первый же вечер после приезда, поужинав, молодая гостья Хомани, подсев к хозяйке, вполголоса, чтобы не мешать мужскому разговору, поведала ей историю о том, как они с мужем вступили в войну. Ехали по озеру на двух упряжках и столкнулись с красным войском. А у красных такое правило: всех встречных допрашивать, кто, откуда, куда и зачем едет. Кто не остановится, у того подстреливают оленей в упряжке, чтобы не убежал. Встретившись с красными, рванули от них прочь. Войско открыло стрельбу по оленям. Однако далеко было, ускакали. Когда остановились, увидели, что шальная пуля убила сына, маленького Учу. Ему было всего четыре зимы и четыре лета, и в поездках он всегда сидел на отцовской нарте, за спиной отца. Отец сына почернел лицом, и с того дня семья решила воевать с красными до смерти. Муж научил жену стрелять из винтовки. И обстреливали они войско то с удобных позиций, с которых можно быстро исчезнуть, то с небольшими отрядами остяков или самоедов. Так прошла почти вся зима. Потом она сказала мужу, что «по-иному жить» стала.[22] Тогда муж запретил ей брать в руки оружие, так как солдаты обычно не стреляли по безоружным, и сказал, что если он погибнет, то она должна уехать в Надымскую тундру и там родить сына. С той поры она перестала воевать. А вообще казымские женщины все воинственные, отчаянные. Может быть, стреляют не так метко, как мужчины-воины, но зато ничего не боятся. Тем более если погибают дети или муж. Не боятся красных. Не боятся пуль. Не боятся смерти...

«Теперь, может, в той жизни она доберется до Надымской тундры», – подумала Матерь Детей, отходя от могилы молодой ненки.

Весь остаток дня углубляли прибежище для своих, уходящих в Нижний Мир. Теперь Матерь оставляла на кладбище старшеньких только вместе, чтобы в сердца их не пробрался страх. Вдвоем все же легче на душе. Вечером, уходя домой, женщина двумя крест-накрест поставленными жердинками закрыла тропу на краю поляны, как это принято. После первых похорон это место стало кладбищем, а между селениями живых и ушедших испокон веков была четкая граница.

Закончилась пятая ночь. И так же на рассвете, еще в сумерках, Матерь Детей взяла у входа в чум последние траурные знаки – дощечки с черными полосками, отнесла их в сторону заката солнца, переломала и вместе с камешками из-под постелей ушедших положила под сосенку. Все, пришел конец земным дням погибших мужчин. Их завернули в оленьи шкуры. На внутренних сторонах шкур, слева, углем вывели «солнце» и «луну». Солнце – кружок, луна – полумесяц.

Рисуя, Матерь говорила каждому:

---

[21] Твой – здесь: твой муж. Между мужем и женой не принято друг друга называть по имени.

[22] «По-иному жить» – иносказательное устойчивое словосочетание, означающее «забеременеть» (остяцк.).

– Вот твое солнце. Вот твоя луна. Никто не должен уходить в Нижний Мир без собственного солнца и собственной луны. Обычно их выводят на внутренней стенке гроба, но сейчас шкуры заменили домовины, поэтому на них и «закрепили» светила для уходящих.

– Ну, теперь попрощайтесь, – сказала Матерь своим детям.

Она первой подошла и поцеловала в закрытый платком лоб сначала сына, потом мужа, затем подошли Анна с Романом.

И когда уходящих стали опускать в могилу, дети не выдержали. Оба разрыдались и ревели в голос. Матерь крепилась-крепилась, но у нее тоже потекли слезы. Горькие, беззвучные. Потом она принялась успокаивать старших, говоря, что нельзя уходящим показывать много слез – плохо им будет в пути. Пусть они спокойно уходят в свой мир.

Наконец последнее пристанище погибших закрыли. У изголовья им поставили кресты, как это принято у ханты. Под крестами положили доску-столик, разложили еду, налили горячий чай и сели справлять поминки. Матерь Детей тихо разговаривала с Отцом Детей и Старшим Сыном. Она знала, что не все удалось сделать по обряду, поэтому за это просила прощения. Прежде всего не сколотили нижние домовины. Это мужская работа, а мужчин не осталось. Роман еще мал, он не в силах расколоть бревно на доски. Пусть эти «нижние дома» заменят теплые оленьи шкуры. «Верхние дома»[23] тоже не смогли построить, но это можно сделать попозже, в течение года, что допускается обычаем. «Если, конечно, будем живы», – сказала женщина. Она все говорила и говорила. Ей хотелось рассказать уходящим все, что происходит с родными на земле, в Среднем Мире.

Время поминок подходило к концу. Скоро нужно будет уйти. И Матерь Детей обратилась к Старшему Сыну:

– Милый мой ребенок, это я, твоя мама...

Сказав это, она опять не выдержала, заплакала. Сначала слезы беззвучно поползли по ее лицу, потом она зарыдала. И тут, опомнившись, закрыла лицо руками, попыталась задержать звуки внутри, в груди, ибо на кладбище нельзя громко рыдать и шуметь. Но, главное, откровенное горе очень омрачает уходящих и делает их последний путь особенно тяжким. И теперь застрявшие в груди рыдания сотрясли ее хрупкое тело. Наконец, справившись с собою и немного успокоившись, она тяжело вздохнула, вытерла слезы и продолжила разговор:

– Милый мой ребенок, разве для этого я тебя вскормила?! Разве для этого я тебя взрастила?! Ох-ох-ох-хо-о-о... Горестный мир нас разлучил. Теперь в мир предков спокойно ступай. Там твои бабушки и дедушки. Там еще одну жизнь проживешь... Плохое на нас в уме не держи... Все, что смогли, для тебя сделали. Только ружье тебе не положили. Красные все твои ружья забрали. Когда будем делать верхний дом, тогда тебе ружье положим. Только дробовик Романа остался. Его Анна в зимовье сохранила... Ну, вот, милый мой ребенок...

Женщина замолчала. Молчали и старшие дети, Анна и Роман. Младших на кладбище не взяли. Тем более что детей в люльке сюда вообще нельзя привозить.

Между тем Матерь Детей полностью овладела собой и обратилась к мужу, Отцу Детей, уже без слез, с сухим, окаменевшим лицом. Заговорила медленно, взвешивая каждое слово, с недолгими паузами:

– Детей растивший, это я, твоя спутница в Среднем Мире. Со мной здесь наши дети, Анна и Роман... Раз Горестный мир нас разлучил, оставайся... Плохое на детей наших в мыслях не держи... Наша дочка Анна цела и невредима вернулась. Упряжку из двух оленей сберегла. Это два старых быка-брата Угольный да Молочный... Красные всех наших оленей угнали... Да русскую Божью Матерь всю изранили... Да хвостатую[24] нашу Куньчи пристрели за то, что она очень сердилась и лаяла на них... Остались в живых только два наших пса – старый белый Пойтэк и молодой рыжий Хвост Крючком... Полозья и носы всех нарт изрубили...

Она чуть дольше обычного затянула паузу, потом добавила:

– Но дети наши пока здоровы и невредимы. Здесь старшенькие, Анна и Роман... Еда у нас пока есть... Наверное, на Аган[25] будем пробираться. Ведь у нас там есть свой дом. Ближе к людям поедем. Как-нибудь постараемся выжить...

Матерь Детей помолчала, потом сказала старшим:

– Если у вас есть слово для Отца и Брата, скажите. Вряд ли еще скоро на поминки к ним придем...

Анна, помедлив, со слезами на глазах тихо сказала:

---

[23] «Верхний дом» – так называют надгробные домовины с двускатной крышей, чтобы вода не проникала внутрь.

[24] Хвостатый – так ханты иносказательно называют собаку.

[25] Аган – правый крупный приток реки Оби на ее среднем течении на территории Остяко-Вогульского национального округа (ныне Ханты-Мансийский автономный округ).

– Пусть вам хорошо будет... в том мире...

А Роман еще больше насупился и промолчал. Видно, боялся еще раз разрыдаться при женщинах.

Стал затухать поминальный костер. День клонился к закату. И Матерь Детей, остановив взор на свеженасыпанном холмике, пообещала мужу:

– Отец Детей, огонь в нашем очаге до тех пор буду поддерживать, пока мое дыхание не прервется. А там уж мы с тобой свидимся. Я приду к тебе... И там еще одну счастливую жизнь проживем...

Настало время прощания. Матерь Детей вздохнула и приложилась губами к жердине, заменявшей крышу верхнего дома усопших. Последний поцелуй. То же самое сделали и Анна с Романом. Потом женщина постучала топорищем по основанию креста и сказала:

– Ну, мы пошли. Напрасно нас не ждите. Как будет возможность, так и придем...

Родственники покойных не должны уходить с кладбища первыми. Для этого есть специальный человек, женщина-хромоножка. Поэтому Матерь Детей взяла с кострища дымящую головешку, бросила на тропинку, ведущую к дому, и сказала:

– Ну, Безногая Женщина, ты впереди иди...

И все трое пошли, перешагнув через искры огня и струйку дыма. Это очищающий огонь. Пройдя между столбиками-жердинками на краю поляны, Матерь Детей остановилась, оглянулась и, закрыв тропу стволами сосенок крест-накрест, сказала:

– Здесь Гром-Старик и Медведь ходят. Отсюда вы обратно возвращайтесь, дальше за нами не ходите...

И все трое, опустив головы, не оглядываясь, пошли к своему осиротевшему дому. Возле чума Матерь Детей на дощечке развела дымокур: на тлеющие угольки положила куски пихтовой коры и выдровой шкуры. Этим очищающим дымом она окуривала детей и себя. Особенно старательно подставляли дыму пятки, наступавшие на горестную землю кладбища. И только после этого все трое вошли в жилище.

Все. Пять траурных дней и ночей закончились. Одни запреты по обряду снимаются, другие остаются до года. Но, главное, первые пять ночей отсидели и дорогих родичей по-людски проводили в последний путь.

Матерь Детей молча опустилась на свое место в чуме и долго сидела неподвижно, ни разу не шелохнувшись. Потом как сидела, так и повалилась на лежанку, у нее потемнело в глазах. Будто заснула вечным сном и жизнь для нее на этой земле завершилась. Прошло сколько-то времени, и она очнулась. Но очнулась в каком-то странном оцепенении. То ли сон, то ли явь. То ли на том свете, то ли на этом. То ли это она, то ли не она, а кто-то другой... Потом она стала различать небо в макодане. Иногда улавливала смутные звуки: тихий говор, детский плач, бульканье воды, потрескивание огня. Она потеряла ощущение времени и места, где находится... Но однажды она все же с трудом поднялась и вышла на улицу.

Яркое солнце ослепило ее. По-весеннему порыжели сосны. По-весеннему ярко блистали белые снега. А у основания чума, на меховой покрышке, снежинки превратились в серебристые капли воды. Серебристые капельки. Вода... Весна...

И Матерь Детей вспомнила, что зима давно одним бочком повернулась к весне, а сейчас заметно подвинулась в сторону весеннего равноденствия. Придет весна, сойдут снега, наступит лето. А летом надо быть на Агане, на летних родовых землях. Милый Бог, расстояние-то ведь немалое, ужаснулась женщина. И это при двух-то оленях на пять живых душ, одном ружье и двух собаках...

Когда глаза привыкли к солнечному свету, женщина увидела разгромленное становье с изрубленными нартами, и в ее памяти до мельчайших подробностей всплыл день прихода красных и гибель самых близких ей людей. И с новой силой нахлынула горестная боль. И эта боль вернула ее в реальную жизнь.

Надо жить. Ради детей. Стало быть, нужно ехать. Пока не поздно.

Вернувшись в дом, она сказала старшим, что пора собираться в дорогу. Поедем на Аган, к сородичам, к людям.

Все в доме ожило, задвигалось, зашумело, наполнилось предотъездными заботами и сборами. Почувствовав оживление в чуме и предстоящий отъезд, на улице залаяли собаки.

И, как прежде, завертелось колесо времени.

Лета и зимы ее жизни.

Месяцы.

Дни.

Мгновения.

Они сели на нарту, запряженную двумя быками-братьями Угольным и Молочным, привязали к задним копыльям нарты собак, старого Пойтэка и молодого лохматого Хвост Крючком, и пустились в путь.

ГЛАВА 4

Глава красного войска Чухновский, плосколицый здоровяк из уральских пролетариев, гордился тем, что даже внешним обликом смахивает на маршала Тухачевского, с которым когда-то брал Омск, а позже подавлял тамбовское крестьянское восстание. Там его отряд отличился особым рвением и жестокостью. Возможно, поэтому выбор пал на него – срочно кинули на подавление остяков, восставших против советской власти, чтобы раз и навсегда те усвоили, что шутки с красными плохи и всякое неповиновение карается бескомпромиссно и сурово.

Когда санный поезд въезжал в Березово, мальчишки бежали вдоль улицы и кричали: «Войско идет! Войско идет!» Это приятно потешило самолюбие Чухновского. Раз войско, значит, он – командующий. Как маршал Тухачевский.

Еще на въезде в город, еще не расквартировавшись, он уже почувствовал себя полным хозяином. Теперь вся жизнь завертелась вокруг него, красного командира. По законам военного времени все здесь для Красной Армии, все для красного бойца. Местной, районной, власти как бы уже не существовало. Ни партийной, ни советской. Ни милицейской. Ни прокурора, ни судьи. Нет старших. По военному положению хозяин один – тот, кто командует войском, у кого в руках реальная сила.

Возможно, по этой причине в глубине души, никому не признаваясь, он любил войну и военные походы. Еще в гражданскую, будучи младшим командиром, впервые ощутил это сладостное чувство вседозволенности и превосходства. Что хочу – то и творю. Вот и взял Березово. Без боя. Завтра пригонят оленьи упряжки – и возьмет все остальное: реки и озера, селения и урочища, где засели восставшие остяки. Где с боем, где без боя. Тут он быстро наведет порядок. Может, месяц понадобится, а возможно, и того меньше. О начале операции завтра же отстучит телеграфом в Екатеринбург.

Все предусмотрено для удачного начала, все для этого есть: и аэропланы, и хорошо вооруженные и обмундированные красноармейцы, и аргиш с опытными каюрами дожидается на ближних ягельниках. От конного поезда придется отказаться – дороги не позволяют, по болотам не проедешь, на переправах можно застрять.

Так он размышлял, прогуливаясь по сумеречному городу. Ему давно хотелось взглянуть на него: все-таки здесь почил светлейший князь Меньшиков, некогда всесильный правитель Российской империи. Впрочем, подумал: таким ли уж всесильным был князь, коль не сумел удержаться у власти?! О чем он размышлял, прогуливаясь в мощной лиственничной роще на высоком взгорье над рекой и бескрайней заснеженной луговиной?! Возможно, сожалел о своих ошибках и просчетах, а возможно, смирившись со своей участью, философски смотрел на жизнь и, возводя белую церковь на опушке лиственничной рощи, вспоминал лучшие свои дни, проведенные рядом с Петром Великим.

Эти лиственницы, высокие, прочные, здоровые, как и сам светлейший князь, будто случайно, по ошибке природы оторвались от родимой плодородной почвы и крепкими корнями вцепились и вросли в этот высокий мыс над крутояром, обрывающимся к реке, к Северной Сосьве. Ведь во всей округе нет ничего более сильного и мощного, чем этот лиственничный лес-великан. Впереди на восток тянется пустынная луговина с редкими кустиками чахлого тальника, а позади, за десятком добротных купеческих домов и двухэтажной гимназией, приютились приземистые избы с огородами да низкорослый, битый всеми ветрами и морозами, ельник, неведомо как выживший на этой суровой земле.

Трудно понять, о чем думал здесь государственный деятель тех далеких лет. Да еще светлейший князь.

Проще понять Троцкого, который чуть более двух десятков лет назад бежал отсюда в Европу. Именно он стал организатором и создателем Красной Армии, был первым председателем Реввоенсовета республики. И тем не менее попал в опалу, не удержался на своем посту. Значит, не был настолько крепок, значит, какая-то червоточинка его подточила, не до конца был предан рабоче-крестьянскому делу.

Еще проходя мимо лиственничной рощи и размышляя о тех, кто побывал здесь до него, глава красных почувствовал боль в пояснице. Давал знать о себе застарелый радикулит. Особенно он не беспокоил – бывало, поноет, а потом отпустит. Но в дороге надо бы поберечься, нужно смазать поясницу хорошей мазью да, может, промять. Вернувшись в отведенную ему квартиру в добротном купеческом доме в центре села, он приказал прислать доктора. Его на месте не оказалось, поэтому пришла фельдшер – белотелая рыжая девица с насмешливыми зелеными глазами. Нисколько не смутившись большого начальства, поздоровалась и с улыбкой спросила:

– На что жалуемся, товарищ командир?

Он внимательно оглядел ее с ног до головы, помолчал, потом сказал:

– Для начала познакомимся.

– Хорошо, – живо откликнулась девушка.

– А зовут меня Владимир, – сказал он. – Правда, не Ильич, а Васильич.

– А я Маша Оболкина.

– Откуда ты такая взялась в этих дебрях, Маша? – удивился командир.

– Да я из ваших.

– Из каких наших?

– Ну, из красных.

– Из каких красных?

– Ну, которые царя скинули.

– Ух ты! – удивился командир. – Выходит, здесь тоже царя скидывали! Ай да Березово! Ай да очаг революции!

– Батька мой революционером был, – пояснила девушка. – А я здесь родилась.

– А где сейчас батька?

– Не знаю.

– Куда же он подевался?

– Как только услышал про революцию, так и укатил. То ли в Питер, то ли в Москву. Говорил, революцию защищать поехал.

– И ничего о нем не слышно было после гражданской?

– Нет, ни слуху ни духу.

– Совсем пропал?

– Наверное, погиб на фронте. Иначе бы уж объявился.

Помолчали, приглядываясь друг к другу. Потом командир спросил:

– А мать тоже из ссыльных?

– Не, мама у меня местная.

– Остячка?

– Да, полуостячка. Из обрусевших.

– А откуда корень пошел?

– Дед мой по материнской линии был из казаков. Женился на бабушке, обской остячке. А отец мой из питерских разночинцев. Там уже и корни не найдешь.

– А на фельдшера где выучилась?

– В Остяко-Вогульске.[26] Там после революции открыли фельдшерско-акушерскую школу.

Между тем Маша вымыла руки под рукомойником и открыла свою фельдшерскую сумку. Глава красных снял гимнастерку, провел руками по бокам, потянулся слегка, лег на кушетку и сказал:

– Ну, красная Маша, лечи красного командира!

Звякнув банками-склянками, она поколдовала над его поясницей, потом, прикрыв его спину простыней, сказала:

– Прогреть бы надо. – Помолчала, после добавила: – И на холод не надо ходить.

Он покряхтел, потом откликнулся:

– И погреть некогда. И на холод надо ходить.

Маша после паузы сказала:

– Так можно долго лечиться – и все без толку.

Командир с беззаботностью бывалого вояки произнес:

– На войне пуля все может излечить...

– Конечно, может, – согласилась Маша.

Потом они надолго замолкли. Наконец Чухновский прервал молчание:

– Маша, ты замужем?

Маша секунду-другую помедлила, потом протянула неопределенно:

– Не-а... То есть...

Ответ развеселил красного. Хохотнув, он переспросил:

– Так есть муж или нет?

– Есть, – сказала девушка. – Но только сейчас его нет дома.

– Где же он?

[26] Остяко-Вогульск – столица Остяко-Вогульского национального округа до 1940 года. Затем переименован в г. Ханты-Мансийск, в настоящее время – столица Ханты-Мансийского автономного округа. Город расположен на слиянии рек Оби и Иртыша, основан в 1635 году на месте города-крепости остяцкого князя Самара, отсюда прежнее название «Самарово» (до 1930 года).

– На промысле,
– Когда приходит?
– В конце сезона.
– Это в конце зимы?
– Да, конечно.
Красный снова помолчал. Потом сказал:
– Маша, у тебя необыкновенные руки... Ты могла бы с нами пойти на войну?
– Кем?
– Санинструктором, конечно. Или воен-фельдшером.
– Что, своего нет?
– Есть, но коновал. Ему бы только коней лечить.
– А там, в тундре-тайге, коней-то не будет, да?
– Точно. Да и хворь к нему какая-то пристала. Может, простыл в дороге. Какая от него польза?
– Кони останутся здесь.
– Да. Ну что, пойдешь?
– Что я там буду делать? – наивно спросила она.
– Раненых станешь лечить.
– Их же в стационар надо отправлять.
– Ну, так первую помощь будешь оказывать.
– Так это любой мужик сделает.
– Ну... мирным остякам станешь помогать. Если, правда, таковые найдутся.
– У них там своя медицина.
– Ну как, пойдешь?
– Кто ж добровольно ходит на войну?!
– Верно, добровольцы только сдуру прут. Но ты-то в обозе будешь, в тылу, а не на передовой. В атаку-то не пойдешь... Опять же аэропланы будут. В случае чего всегда можно выдернуть из любой заварушки. А аэропланы специальные: на лед могут садиться, на реки и озера.
– Поди разберись там, где передовая, а где тыл.
– Разберемся. Хотя это как на партизанской войне.

Раздался стук в дверь. После разрешительного окрика на пороге вырос его помощник, малый неопределенного возраста, с довольно потрепанным жизнью лицом, на котором выделялись мертвые, без всякого выражения, глубоко посаженные глаза и вечно розовые прожилки, просвечивающие сквозь кожу щек и носа. Увидев девушку, он дернул вверх левое приопущенное плечо, вытянулся и бодрым, но немного писклявым голосом стал докладывать что-то о транспорте на следующий день. Командир оборвал его на полуслове, махнул на дверь: мол, я занят, попозже, потом разберемся. Помощник четко развернулся, шаркнул валенком и вышел.

– Это мой помощник, Мингал, – сказал командир. – Гад, конечно. Но свой, рабоче-крестьянский. И очень исполнительный...

Командир немного лукавил, говоря так про своего помощника. Уж больно тот был изобретателен и безжалостен в борьбе с врагами революции и Советской власти. Так уж старался, что чуть ли не выворачивался из собственной шкуры. Казалось, он замаливал какие-то свои старые грехи. Как-то командир полушутливо сказал ему: «Мерещится мне, Мингал, что когда-то, на заре Советской власти, ты вешал комиссаров...» Помощник вдруг начал заикаться: «Н-н-н...» Командир поинтересовался: «Что значит н-н-н?» Мингал наконец обрел голос: «Н-никак нет, товарищ командир!» После этого Чухновский стал сомневаться в нем еще больше. Тем более что в биографии помощника были темные пятна, о которых тот толком ничего не мог сказать. Гордился тем, что ему, как и командиру, досталось имя вождя мировой революции. Но еще на гражданке, чуть ли не с детства, друзья-приятели переиначили его славное имя, называли его Лодька.

Бойцы его недолюбливали и побаивались за злопамятный и мстительный характер, за глаза его называли Мингал-Мангал-Мандал. Многих, особенно при первом знакомстве, он озадачивал: не могли сразу понять, что это – фамилия, имя или кличка. А командир, бывало, в гневе и вовсе перевирал его имя, и у него получалось крепкое матерщинное слово. Но, однако, главу войска он устраивал. И сейчас Чухновский повторил:

– Исполнительный... Расшибется, но выполнит приказ. Хоть и гад...

Похоже, любимым словечком командира было «гад». Он употреблял его больше не в ругательном значении, а, наоборот, придавая ему одобрительный оттенок. Получалась как бы награда за пронырливость и находчивость.

Маша молчаливым, но по-женски любопытным взглядом проводила помощника командира, а потом, продолжив прерванный разговор, спросила:

– А что, командир, и без моей воли можешь забрать меня?

– Ну, по случаю военного положения любого могу мобилизовать.

– И меня в том числе?

– Да. Но без твоего желания не сделаю этого.

– Сколько времени все это займет?

Командир задумался. По приезде он ознакомился с документами, с предысторией Казымского восстания. Конфликт назревал давно. Еще в 1931 – 1932 годах начались трения между остяками и местными властями. Именно тогда сотрудники ОГПУ арестовали в верховье реки Казым четырех авторитетных и зажиточных остяков, «кулаков», говоря языком официальных документов, и увезли в город. Остяки потребовали освободить арестованных. Тогда власти отправили к ним для разрешения назревающего конфликта руководителя Казымской культбазы Шершнева и председателя Интеграл-союза Хозяинова. Но эти посланцы, однако, прибыв на факторию, базу Урал-пушнины в районе Нум-То, занялись не переговорами, а производством... самодельных бомб. Они называли их гранатами. Выбирали серединку редьки, насыпали туда порох, а вместо взрывателя вставляли фитиль из ниток. По верховьям рек быстро разнеслась весть, что красные русские готовятся к войне. Не менее странно повела себя и вторая группа переговорщиков от властей. Они доехали до Божьего озера и ни с чем вернулась обратно, говорили, якобы поднялась метель и они заблудились, потеряли дорогу. Хотя каюры-проводники были из местных и не могли не сориентироваться в своих вотчинах. Между тем конфликт все углублялся. Потом поехала на переговоры третья, более многочисленная группа. Она тоже заняла странную позицию: первоначально решила расправиться с остяцкими богами, а потом приступить к переговорам. Возможно, переговорщики полагали, что мятежники без богов будут более сговорчивыми. Группа пропала без вести. Позднее выяснилось, что вся она погибла. Идея уничтожения остяцких богов принадлежала члену этой группы комиссарше Ш., представителю Уралобкома. Размахивая револьвером, постреливая по святыням, она поднялась на священный остров, куда никогда не ступала нога чужеземца. Так была осквернена главная, особо чтимая земля коренных жителей. Такого кощунства остяки уже не могли терпеть. Практически с этого дня начались военные действия между двумя сторонами – остяками и Советской властью. Затем к мятежникам была отправлена четвертая, оперативная группа сотрудников ОГПУ. Но она была уничтожена практически одной семьей. Григорий Сенгепов с женой вступили в бой и побили оперативников. Правда, сами супруги тоже погибли.

По оперативным данным, в конце 1933 года восемьдесят семей остяков и самоедов верховья Казыма собрались близ своего священного места и избрали нового вождя «всего остяцкого и самоедского народов». Им стал остяк Ефим Семенович Вандымов. Сюда съехались остяцкие роды верхнего течения реки: Вандымовы, Молдановы, Ерныховы, Лозямовы, Сенгеповы, Тарлины и другие, а также самоедские роды, жившие возле озера Нум-То. На этом сходе было принято решение о начале войны: если придут красные, то «воевать с ними до смерти». Вскоре власти получили ультиматум восставших из семи основных пунктов. Вот некоторые из них:

«Отменить всякие аресты туземцев и судить их только своим судом и из тундры никуда не увозить.

Не отбирать у кулаков оленей для культбазы и не заставлять туземцев работать на культбазе.

Снять налоги с кулаков, не облагать их твердыми заданиями и не привлекать к суду за невыполнение этих заданий.

Закрыть на культбазе интернат и не брать обучать детей в школу, а тех, которые учатся сейчас, из школы вернуть родителям...»

Ультиматум заканчивался словами, что в случае неудовлетворения этих требований «пойдем войной».

Власти поняли, что мирным путем конфликт не разрешить. Тем более что ни одно из этих требований удовлетворять не собирались, поэтому-то срочно и вызвали войска из Екатеринбурга. Вот получается, что Чухновский теперь возглавляет пятый поход на восставших.

Сколько же их, мятежников? На сходе было восемьдесят семей. А семьи у них большие. Если взять в среднем по пять человек, то получится четыреста. Пусть сто – сто пятьдесят из них малые дети и

грудные младенцы. Пусть еще примкнет к ним в округе 20 – 30 семей, что не приняли участия в сходе. Это еще сто – сто пятьдесят человек. Малых и грудных – 40 – 50. В общей сложности будет 500 – 550 человек. Пусть из них поставят под ружье половину – двести пятьдесят – триста. Если жители других рек не примкнут к восстанию, то в обычных условиях с ними можно было бы разделаться за одну хорошо спланированную войсковую операцию. Тут же много неясного и непредсказуемого. По поступающим сведениям, наравне с мужчинами здесь «воюют до смерти» и женщины, и дети. Как это было с семьей Сенгеповых. Но все равно для регулярных войсковых частей это слишком незначительная сила.

И командир красных начал рассуждать вслух:

– Ну, недельку туда, до их логова. Столько же на обратную дорогу. Там неделька-другая понадобится. За месяц управлюсь. Больше не потребуется.

– А если все затянется?

– Ну, такому не бывать. Управлюсь быстро. У меня опыт большой. Недаром же бросили сюда. Не к теще на блины.

– Не знаю...

– Ну, думай до утра. Надумаешь – в отряд зачислим.

– Может, и надумаю. Ведь во мне бунтарский дух сидит, – рассмеялась девушка.

– Что за бунтарский дух?

– Это с детства мне так говорили. Мол, много кровей в тебе смешалось: и остяцкая, и казацкая, и питерско-разночинная, вот и несет тебя вечно туда, куда, может, и не следовало бы...

Они оба помолчали. Потом Чухновский поинтересовался:

– Может, тебя бойцы пугают? Все же одни мужики...

Она дернула плечом, взглянула на него сверху вниз, со смехом ответила вопросом на вопрос:

– С таким-то командиром?!

Он тоже усмехнулся в усы: вот девка-то – нигде не пропадет!

На другой день Машу Оболкину зачислили в отряд красных, и она засобиралась в поход на неведомое правобережье Оби, захваченное восставшими остяками.

ГЛАВА 5

Аэроплан, заполняя гулом все небо, стал описывать круг, как бы накидывая на упряжку огромную петлю.

Матерь Детей остановила оленей посреди кочкастого болотца с редкими сосенками. Укрыться все равно негде – поблизости нет ни леса, ни бугорка. Она всем существом почувствовала, что сейчас это крылатое чудовище-хищник начнет затягивать петлю, чтобы удавить ее вместе с детьми. Она знала, что аэропланы в хорошую погоду охотятся за каждым человеком. А сегодня день что надо. Все как на ладони видно. Но у нее блеснула надежда. Надежда на спасение. И она быстро завязала вожжу на первый копыл нарты.

Роман тут же соскочил с сиденья и громким шепотом, словно летун мог услышать, предложил Матери:

– Давай стрельнем!.. Стрельнем, что ль?!

– Нет-нет! – закричала Мать. – Не показывай ружье!

У нее была надежда на другое. И она скороговоркой скомандовала:

– Анна! Мария! Слезайте с нарты! Выходите на дорогу!

Девочки поспешно спрыгнули со своих мест. Матерь Детей, командуя, одновременно разъясняла свои действия:

– Становитесь на дорогу! Назад идите, подальше от нарты. Пусть крылатая машина нас хорошо видит! Пусть видит, что мы не воины. В руках у нас нет ружей. Мы с красными не воюем. Мы красных русских не убивали. Пусть видит, что тут дети и женщины! Мы к себе домой едем. Мы никого не трогаем...

На нарте, внутри меховой полости, в люльке спал самый младший, Савва. Мать хотела взять его на руки, чтобы крылатая машина все видела. Вот, мол, самый младшенький, он еще не ходит, на руках его носим. Не станешь ведь с ним воевать, хоть ты и красная крылатая машина!.. Но Мать не успела вовремя взять Савву на руки. А суетиться было нельзя. Это она чувствовала всем нутром. Аэроплан может подумать, что она из полости нарты вытаскивает ружье и патроны. Нет, надо твердо и уверенно стоять перед красной машиной. Не нужно показывать, что мы боимся красных, что мы виноваты перед ними.

Так Савва один остался на нарте.

Между тем аэроплан замкнул небесную петлю, развернулся на закатной стороне и устремился прямо на беззащитный выводок женщины. А она уже всех расставила по своим местам: Романа позади всех, за свою спину, и сказала ему:

– Ты, Роман, тут будешь стоять. Ты у нас в мужской малице. Хоть и мал, а могут принять за воина... Поэтому стой за нами и не высовывайся!

А дочерей поставила перед собой, чуть впереди. С левой руки – Мария, с правой – Анна. Все трое в женских ягушках и платках. Сразу видно – тут две девочки и одна женщина. Все безоружные, бежать и прятаться от красных не собираются.

Теперь Женщина заговорила языком детей, от их имени:

– Нас не надо убивать. Мы только-только на свет вылупились. Мы еще совсем маленькие. Нам еще надо пожить. Мы еще жизни-то не видели. Мы еще на Солнышко не налюбовались. Мы еще на Луну не насмотрелись. Мы еще путей-троп не успели по жизни натоптать...

Все стояли лицом к аэроплану. Он, гудя, все приближался, напоминая хищную птицу с расправленными когтями. А когтями казались ее лыжи-ноги, на которые она падает на ровный лед рек и озер. За опасную птицу принял ее и молодой рыжий пес Хвост Крючком. Натянув цепь, вскакивая на задние лапы, он неистово облаивал неведомую ему птицу. А Пойтэк, пнем застыв возле копыла нарты, почему-то смотрел не на небо, а на своих хозяев посреди голого зимника.

Но Матерь Детей не теряла надежды. Красная машина посмотрит на них, убедится, что это женщина и дети, и оставит их в покое. И, успокаивая своих птенцов, наполняя пустоту голосом, все повторяла-говорила:

– Мы еще маленькие. Нам еще нужно пожить. Красная машина нас не тронет...

Последние ее слова растворились в нарастающем гуле. Аэроплан, снижаясь, метил прямо на них. А они, со смешанным чувством любопытства и страха, с широко раскрытыми глазами смотрели на приближающуюся крылатую машину, которую никогда так близко не видели. Вон, кажется, шевельнулся рулевой в огромных очках. Видно, хочет как следует рассмотреть детей...

Гул мотора уже стал переходить в рев.

На подлете вдруг от аэроплана стали отделяться черные точки: одна, вторая, третья...

Роман, уже многое знавший о войне со слов взрослых, истошно завопил за спиной Матери:

– Огненные камни! Падайте! Ложитесь!

И как-то неосознанно – ноги сами подтолкнули – нырнул в сугроб.

А Матерь Детей, заколдованно глядя на падающие «камни», вдруг оцепенела и не смогла даже шелохнуться. Ее парализовала мысль: «Камни летят на моих деток!» Дочери Анна и Мария тоже замерли от испуга и неожиданности.

Через мгновение грохнул взрыв. Вихрь ударил в грудь – и Матерь Детей упала навзничь. Падая, краем глаза она увидела, как Хвост Крючком сорвался с цепи и, радостно взмахнув своим пышным лохматым хвостом, рыжим клубком понесся к ним. Но предсмертный визг попавшей под огненный камень собаки она уже не слышала.

Все вокруг потонуло в снежном урагане. Все вокруг взвихрилось. И показалось Матери Детей, что вместе с грохотом она провалилась в Нижний Мир и навеки оставила Землю людей. Все исчезло. Все потонуло во мраке. Время для нее остановилось. Воцарилась мертвая тишина... Потом стала наплывать белая пелена. Она еще успела удивиться, почему в Нижнем Мире белая пелена, а не черная тьма. Странно, очень это странно... Затем пелена стала медленно рассеиваться. Проступили очертания поникших сосенок, дороги и меховых ягушек дочерей. Машинально отметила: вот Мариина шубка – на ней орнамент «заячье ушко», сама вырезала и шила. А вот Анин узор, называется «спинка соболя». Значит, они рядом, это хорошо... Матерь Детей лежала неподвижно, она стала будто бестелесной, будто тело ее разнесло огненным камнем на мелкие-мелкие крупинки и превратило в белую пыль.

Безмолвное небо. Покалеченные сосенки. Мариино «заячье ушко». Анина «спинка соболя» .

Прошло еще сколько-то времени. Потом в ее ушах появился звон, а в ноздри ударил противный запах огненного камня. Но окончательно вернул ее на землю зов, полный мольбы и пронзительной боли:

– Мамм-ма-а-а...

– Ан-на-а! – живо откликнулась Мать, напрягая все силы.

Зов старшей дочери подбросил женщину, оторвал от земли. Она всем своим нутром почувствовала, что сейчас Анна больше всех нуждается в ее помощи. И она подползла к Анне, села на снег, положила голову дочери к себе на колени.

– Мам-ма... – почти шепотом повторила Анна.

– Я тут, я тут, Анна! – закричала Мать.

Она обхватила голову дочери двумя руками, низко наклонилась над ней. Лицо Анны неузнаваемо изменилось: заострились нос и скулы, угас живой румянец на щеках, и прорезались впервые тонкие нити страдальческих морщин. Она побелела, как весенний снег, исходящий трещинами под неумолимым жаром небесного светила. Глаза ее, как два озера, были полны слез, но взор все еще оставался ясным. И она тихо, но отчетливо выговорила:

– Мама, я хочу жить...

– Что ты, Анна! Ты будешь жить! Будешь жить! – закричала Мать.

С этим криком на устах она ощупала голову дочери, развязала платки на шее. Торопливо приговаривая, успокаивала Анну:

– Ты будешь жить! Вот, головушка цела. Вот, рученьки-ноженьки на месте. Конечно же будешь жить! Ничего плохого с тобой не случится.

Говоря так, Мать развязала тесемки-завязки на груди дочери, запустила руку под полы ягушки и стала ощупывать тело Анны в поисках раны. И ее рука почти сразу же наткнулась на липкое и горячее. Анна вздрогнула всем телом и тяжело застонала.

Мать рывком сорвала с головы свой платок и, свернув его, приложила к ране на груди дочери. Теперь она сидела на снегу, держа левую руку под ягушкой, пытаясь ладонью приостановить кровотечение, а правой, унимая боль, вбирая ее в себя, нежно водила по лицу Анны и страстно, как молитву, громко шептала:

– Анна, миленькая моя деточка! Богом данная мне деточка! Анна, я отниму твою боль, залечу твои раны, сделаю тебя здоровой, невредимой. Ты не оставишь эту солнечную землю, не оставишь эту лунную землю, не покинешь этот светлый мир!

Под теплом материнских ладоней Анна перестала стонать и впала в полудрему, успокоилась, затихла. А Мать, словно напевая колыбельную песенку, все нашептывала тихонько:

– Моя миленькая, моя хорошенькая, моя умненькая, разве для того я тебя вскормила-взлелеяла, чтобы ты сгинула посреди этого горестного болота?! Разве для того я тебя вскормила-взлелеяла, чтобы твоя душа до срока покинула эту землю?! Нет-нет, Анна, нет, не бывать этому! Ты будешь жить! Это говорю тебе я, твоя Мама. Ты слышишь меня, Анна? У тебя впереди еще много солнечных дней! У тебя впереди еще много лунных дней! Ты у меня на руку проворненькая! Ты у меня на ногу скоренькая! Возьмешь ли иглу большую иль малую – она звенит-поет в твоей руке! У тебя впереди еще много стежек-дорожек, у тебя впереди еще много узоров-орнаментов... И наступит когда-нибудь яркий безоблачный день: на трех белых оленях примчится за тобой человек, и своего дома ты станешь хозяйкой, и своего очага ты станешь хранительницей, и станешь любимой женщиной, и станешь ласковою матерью, и станешь доброю бабушкой... Ты – моя солнечная красавица, ты – моя лунная красавица... Анна, доченька, слышишь ли меня?..

Анна, убаюканная молитвой Матери, слабо шевельнула пальцами правой руки, с трудом разлепила отяжелевшие веки и медленно, через долгие паузы, едва слышно выговаривая каждое слово, спросила:

– Мам-ма... а ТАМ... солнце... свет-тит?..

– Что ты, Анна?! – закричала Мать. – Анна, душенька моя! Анна, сердце мое! Солнышко ЗДЕСЬ! Вот оно, на небе! Солнышко смотрит только на тебя! Солнышко светит только для тебя! Это твое солнышко! Только – твое! Солнышко – твое! Анна, не оставляй солнышко! Только не оставляй солнышко, слышишь?!.

Говоря это, Мать подняла голову к солнцу, к небу, отчаянно призывая их на помощь. Теперь она обращалась то к Анне, то к Богу:

– Милый Торум, где же Ты?! Где же Ты, где?! Анна, вот солнышко тянет к тебе свои ласковые руки-лучи! Милый Торум... Анна, доченька...

Мать говорила быстро, скороговоркой, то опуская, то поднимая голову к небу. И не заметила, как помутнел взор Анны и как стали гаснуть ее по-детски чистые глаза. А Мать все говорила и говорила, убеждала дочку, что та будет жить. И вдруг замерла, застыла на полуслове с открытым ртом: левой рукой почувствовала, что у Анны перестало биться сердца... Еще мгновение, не веря этому, окаменевшая Мать сидела молча. Потом, опомнившись, дико закричала.

Так закричала, что от ее крика треснули льды и снега болота.

Треснуло небо.

Треснуло солнце.

Все вокруг покрылось трещинами.

И Мать повалилась на остывающее тело Анны, завыла нечеловеческим голосом. Ее жуткий вой, вползая во все земные и небесные трещины, расшатывал, казалось, все мироздание. Все рушилось. Все рассыпалось. Казалось, подступал конец Мира, человечества, остяцкого народа и вместе с ним подступала кончина Матери и ее Детей. И эту надвигающуюся катастрофу не сможет предотвратить никто, ибо даже истекающая кровью Божья Матерь оказалась бессильной перед красными.

– Какую девочку погу-би-ли-и!.. – подвывала она, давясь слезами. – Псы... мерзавцы... сволочи... Какие твари вас пор-ро-ди-ли... Твар-ри... будьте про-кля-ты... на все времена... пока Земля сто-ит...

Наконец, вой перешел в глухое шипение. И Матерь Детей, омертвевшая, затихла и теперь лежала, подобно подбитой птице, распластавшись на стынущем теле милой доченьки...

ГЛАВА 6

Помощник командира Мингал поднес бинокль к глазам. Две упряжки в снежном вихре стремительно уходили по озеру. Они неслись с такой скоростью, будто взлетели по морозному воздуху. Казалось, вот-вот насовсем унесутся в небо. На первой нарте сидела женщина в платке. На второй – мужчина: мелькал светлый гусь[27] с белым капюшоном.

Мингал оторвал бинокль от лица и уверенно сказал командиру:

– Разведка!

Командир помедлил, потом глухо приказал:

– Взять! Живыми!

Мингал развернул красноармейцев цепью, скомандовал:

– По оленям – огонь! – Выдохнул морозный пар, снова заорал: – Огонь по оленям! – Перевел дух и опять: – Огонь!

Дали три залпа. На задней упряжке сначала захромал правый пристяжной, потом упал вожак. Остался на ногах средний олень. Мужчина соскочил с нарты, развернул последнего оленя поперек дороги, прикрылся им от преследователей и вытащил винтовку. Женщина тоже остановила упряжку. Но спутник что-то крикнул ей и замахал руками: мол, уезжай, прикрою.

Тут Мингал пустил за ними четыре упряжки с красноармейцами: две слева, две справа от основной дороги. По мелкоснежью озера ездовые быки понеслись галопом. Преследуемый открыл огонь по красноармейцам. Тогда Мингал пустил еще две упряжки с каюрами и новыми карателями. Теперь уже по основной нартовой колее. Шесть упряжек стали окружать остяка с подбитыми оленями.

– Не уйдут! – уверил Мингал. Командир молча наблюдал за неравной схваткой. Потом, кивнув в сторону озера, откуда приехали, сказал помощнику:

– Переночуем на фактории!

– А их куда? – помощник показал на середину озера.

– Привезешь туда.

Глава красных тронул своего каюра за плечо. Командирская упряжка развернулась и направилась в сторону фактории, базы Уралпушнины, до которой был не ближний путь. Она находилась в сосновом бору, недалеко от Священного озера, на берегу таежной речки, на окраине болота, где в просторной избе жил русский приемщик пушнины. Хозяйство у него было крепкое, добротное. Имелась всякая мелкая домашняя живность, соленья-варенья, банька и другие хозяйственные постройки. Когда-то это была купеческая заимка, при советской власти здесь открыли заготпункт и назвали факторией. Тут можно было хорошо отдохнуть. И командир решил оборудовать в этом месте своего рода базу, командный пункт, откуда удобно делать вылазки небольшими отрядами по всем направлениям для поимки беглых остяков и усмирения непокорных селений. В крепких складских помещениях содержались пленные.

После главного сражения и разгрома ледяной крепости возле Божьего озера в задачу главы красного войска входило выловить и доставить в окружной центр Остяко-Вогульск как можно больше участников восстания для следствия и показательного суда над теми, кто замахнулся на советскую власть, кто захотел свободы и независимости. Нужно было показать всем, кто хозяин на этой земле. Красная власть – не русский царь, ни с кем церемониться не станет. Всякого, кто пойдет против нее, покарает сурово и жестоко.

Остальные упряжки тронулись за командирской. На озере остался только помощник Мингал со своим каюром и парой красноармейцев.

[27] Гусь – мужская глухая одежда мехом наружу, надеваемая на малицу.

На фактории командир красных с мороза выпил полкружки спирта и плотно поужинал в просторной пятистенке, которую занял. Он придавал большое значение вечернему приему пищи, поэтому в это время никто не смел его тревожить. Потом, уже к полуночи, он вызвал помощника для доклада. Тот в сенях поставил печку-буржуйку – таким образом оборудовал что-то типа караульного помещения. Всегда рядом, всегда под рукой.

– Ну, что? – спросил командир.

– Да почти ничего не узнали, – сказал помощник.

– Как так?

– Молодожены были. Ехали навестить родителей жены да наткнулись на нас. Мол, никого не видели, ничего не знаем.

– Где он?

– Да там и прикончили.

– Что так спешно? И ничего не выяснили?

– Так ведь отстреливался – бойцы злые были.

– А женщина?

– Она этого не видела. Ее раньше отправили.

– Думает, что муж жив?

– Да, наверно.

– Где она?

– Здесь.

– Как она?

– Все молчит. Пока не трогали.

– Давай ее. Сам начну.

Конвоир привел пленную – хрупкую молоденькую девушку с черными длинными косами и приятными чертами чуть удлиненного смуглого лица. Обхватив плечи тонкими, как у девочки-подростка, руками, она остановилась у порога. Видно, в одном платье ей было зябко. Поскольку не хватало людей на конвой, охрану и на прочие обязательные наряды, у пленных прежде всего отбирали теплую одежду, чтобы они не смогли сбежать. В этом случае мороз становился своего рода красным охранником.

Командир сделал знак, и конвоир с помощником вышли в сени. Теперь они остались вдвоем.

Командир подвинул к печке табуретку, сказал:

– Садись.

Она взглянула на табуретку, отошла от порога в сторону печки, но не села.

Тогда он налил чаю в кружку, поставил на край стола, пододвинул нарезанный большими ломтями хлеб и деревянное блюдо с вареным мясом. Жестом гостеприимного хозяина пригласил:

– Ну, садись к столу, чайку попей!

Она не двинулась с места, но повернула голову к столу, посмотрела, как над кружкой струится пар от горячего чая, и с деланным равнодушием отвела взгляд в сторону.

– Не хочешь – как хочешь, – проговорил командир.

Он помолчал, потом начал задавать ей вопросы домашним голосом:

– Скажи, как тебя зовут?

Она молчала.

– Ладно, будешь Безымянной. Скажи, откуда родом?

В ответ молчок.

– Куда ехала?

Нет ответа.

– Откуда ехала?

Молчок.

– Кого видела в пути?

Молчание.

– Сколько вооруженных?

Все без ответа.

– Сколько безоружных?

Без ответа.

– Сколько селений проехала?

Нет ответа.

– Расскажи, не бойся, – почти ласково проговорил он. – Мы все равно скоро узнаем. Вот распогодится, полетят наши аэропланы – и все высмотрят с неба. Все занесут на карты, зарисуют на бумагу. От нас никуда не спрячешься, нигде не притаишься. Все небо над тайгой и тундрой исчертим-изрисуем, поэтому таиться нечего. Честных да мирных остяков не тронем. А кто поможет выловить бандитов – благодарность нашу получит. Так что подумай. Может, что и захочешь нам рассказать.

Девушка будто не слышала его слов.

Он немного помолчал. Оглядел, чуть сощурившись, ее стройное гибкое тело под тонким платьем, потом сказал:

– А ты... будешь ездить в моем обозе до тех пор, пока не заговоришь. Поняла?

Молчание. Он вытащил армейскую фляжку, плеснул спирта сначала в одну, потом в другую кружку, предложил:

– Раз чаю не хочешь, может, спирта со мной выпьешь?

Она опять промолчала.

Тогда он поднял свою кружку, медленно поднес к губам, выпил и вытер губы рукавом гимнастерки. Крякнул от удовольствия, перевел дух. Потом, чуть подавшись вперед, остановил взгляд на лице девушки и резко и отрывисто выстрелил вопрос:

– Где полковник?.. Белый!..

У девушки вздрогнули ресницы. Он откинулся на своем сиденье, расслабился и, потирая руки, с удовлетворением сказал вслух:

– А ты, оказывается, важная птица...

Дело в том, что ходили упорные слухи, что одним из руководителей восстания является белогвардеец, полковник генштаба царской армии, который остался здесь после окончания гражданской войны. Он и разрабатывал все военные операции остяков, обучал их военному делу, инструктировал, из подручных средств изобретал различные мины-ловушки и другие взрывные устройства, чинил поврежденное оружие, занимался снабжением боеприпасами. А база его якобы находилась в глубине лесов, в верховьях остяцких рек, в районе православной русской церкви или лесной часовни. Там остяки заряжались верою, укрепляли дух. Молились, как они выражались, русскому Богу, просили у русского Бога помощи в борьбе против красных русских.

В том, что лесная часовня существует, Чухновский не сомневался. Ибо дед-остяк, которого взяли в заложники, прямо и без всякого страха объявил командиру-главарю: «Ты нас не победишь!» Командир спросил: «Почему?» Дед ответил: «Потому что нам помогают два Бога – остяцкий и русский. Мы молимся русскому Богу в русском Божьем доме». Это была чистая правда. Дело в том, что все старшее, дореволюционное, поколение было крещеным. «Славно поработали русские попы», – подумал командир. Остяки считали, что православная икона оберегает человека в доме и во дворе, а за их пределами вступают в силу их остяцкие боги. Так причудливо переплелись две религии. Вот и получается: какой Бог тебе нужен, к тому и идешь на поклон. Тогда командир попросил деда: «Укажи дорогу к Божьему дому». – «Нет, не укажу». – «Почему?» И дед-заложник пояснил: «Если я открою тебе дорогу, Бог меня накажет, и я умру». Командир сказал: «А если не покажешь, так от моей руки можешь помереть...» На что мудрый дед возразил: «Это уже как мой Бог решит, не от твоей воли зависит». Командир ему: «Я решаю, а не твой Бог!» Дед опять возразил: «А мой Бог поворачивает твой ум. Куда захочет, туда и повернет. Как Он захочет, так и сделаешь». Командир взялся за голову. Ведь он не жаловал перебежчиков и предателей, а деда за честность просто так не отправишь, как они выражаются, в Нижний Мир...

Напасть на след полковника так и не удавалось. Впрочем, говорят, он не столько на своей базе или своем штабе сидит, сколько разъезжает и управляет восстанием. А выловить его трудно потому, что обличьем он похож на остяка, одет в малицу и кисы, знает язык и обычаи, изучил местность и приметы погоды, хорошо владеет различными видами оружия, а упряжкой управляет не хуже всякого оленевода или охотника. В военных операциях дерзок и непредсказуем. Поди, не одну академию закончил, не одну войну прошел. По другой версии, это даже не полковник, не генштабист, а боевой царский генерал. Но Чухновский называл его полковником. Когда терпел неудачу, чертыхался про себя: опять чертов полковник обошел меня.

Впрочем, Чухновский понимал: если бы полковника не было, то его бы придумали. Руководители-большевики и партийные агитаторы-пропагандисты всегда подчеркивали: Советская власть – это народная власть, стало быть, народ должен любить эту власть, но тогда отчего народ поднялся против этой власти? Отчего восстал? Говорят: это не народ, а кучка шаманов-кулаков, поднятая белым полковником.

«Как бы не так», – рассуждал про себя Чухновский. Хотя он и был без военного образования, но зато практику имел большую и многие вещи понимал. Во всем выискивал корень. Если бы это была кучка, небольшая группа, то местные карательные органы сами бы с ней справились, не стали бы вызывать на помощь войско с аэропланами. Все намного серьезнее. Полковник знает свое дело, работает хорошо. На днях перехватили гонца, который направлялся в обские села поднимать народ. Там, в районе устья Казыма, проживают Молдановы, Новьюховы, Харамзины и другие остяцкие роды. Там у них еще сохранились шаманы и старейшины, которым предстояло принять решение об участии в восстании. А немного раньше в Березово был схвачен другой посланец, ехавший на Сосьву поднимать вогульские роды Анямовых, Гоголевых, Сайнаховых, Хозумовых, Шешкиных, Ромбандеевых... Это сколько народу-то будет! А если еще поднимутся низовье и верховье Оби?! Тогда уж за одну зиму никак не управишься. Если восстание перекинется на юг Западной Сибири, так и вовсе трудно предположить, сколько времени потребуется на подавление. Хотя там есть свои преимущества: транспортная система развита, маневрировать можно, быстро перебрасывать войска с одного места на другое, не то что в здешних непролазных снегах, лесах и болотах...

Видно, полковник выполнял функции штаба восстания, дергал за ниточки. Чухновский понимал: уничтожить штаб противника – значит обеспечить себе полпобеды. Поэтому важно было выйти на его след или на того, кто заменяет его, будь он генерал, поручик или рядовой белогвардеец. На лесную церковь-часовню потребуется две связки гранат с аэроплана, а вот со штабистом придется повозиться, голыми руками его не возьмешь. Похоже, спутник девушки мог бы вывести на него, но дурак Мингал-Мангал, как всегда, перестарался: раньше времени забили парня лиственничными дубинками, которые придумал для устрашения и наказания восставших.

Трудность поиска заключалась в том, что каждый каюр-проводник хорошо знал только свою реку, свою вотчину. Он мог вывести на любую точку, указанную на карте, но в чужом хозяйстве не разбирался: ему было неведомо, что и где расположено. Да к тому же по бездорожью далеко не уедешь. А тут, как назло, местами снег чуть ли не до шеи.

Но теперь появилась ниточка. Только тянуть ее надо осторожно, самому, без участия старательного помощника. Девушка что-то знает о полковнике, о белом. И он опять повторил свои слова-мысли вслух:

– Важная птица...

Потом, помолчав, с многозначительным намеком добавил:

– Если не заговоришь, можно уйти за своим спутником... Война..

Она в первый раз вперила в него свои темные глаза – из них брызнул черный огонь ненависти. Она вспомнила, как, связав руки и ноги, ее бросили на нарту и увезли с озера. Выстрела она не слышала. Значит, не стреляли. Но когда упряжка тронулась, она краешком глаза видела, как красноармеец вытаскивал лиственничную дубинку, какими, по слухам, красные забивают самых непокорных. Она все время надеялась, думала, что жив ее муж. Но теперь поняла, что его уже нет. И, стало быть, коль нет любимого, жизнь ей ни к чему. Ведь он пожертвовал собой ради того, чтобы спасти ее.

Глаза ее горели черным огнем. Она подошла к столу, взяла кружку со спиртом, поднесла ко рту, понюхала, сморщилась, подержала в руке. Постояла в раздумье, потом не спеша поставила кружку на стол. Постояла еще мгновенье. И вдруг молнией метнулась к командиру – и ударила его ножом в живот. Удар был настолько неожиданным и резким, что командир опрокинул стол и плюхнулся на лавку возле стены. На грохот в избу вбежал Мингал, выбил из руки девушки нож, схватил ее сзади за волосы, задрал ей голову и к виску приставил револьвер. Застыв в этой позе, уставился на командира. Ждал приказа. А командир сидел, оторопело прижав обе руки к животу. Наконец он опомнился, осторожно, опустив глаза, отнял сначала одну руку, потом другую. Крови не было, кишки не вывалились, остались на месте. Удар пришелся на пряжку ремня – кончик ножа обломился, не причинив вреда.

Командир поймал огненные глаза девушки, потом перевел взгляд на помощника. Тот подобострастно ждал знака, когда можно будет нажать на курок. В доме повисла жуткая тишина. Командир все молчал. Возможно, соображал, что же его спасло: армейская пряжка или перекаленный кончик самодельного охотничьего ножа, почему-то не изъятый при аресте. Наконец он мотнул головой, глухо приказал:

– В обоз!

Потом добавил:

– С-мотри!..

Это означало: с нее не спускать глаз и без его ведома к ней не прикасаться.

Помощник Мингал резко повернул девушку и, подтолкнув в спину, вывел ее в открытые двери, ведущие в сени, точнее, в караульное помещение.

Красноармеец-конвоир печально и, кажется, с сочувствием взглянул на ее бледно-прекрасное в гневе лицо.

После того как дверь закрылась, командир налил себе в кружку спирта и одним залпом выпил. Посидел неподвижно, ожидая мгновения, когда тепло начнет разливаться по телу. Вот и согрелось нутро. Тогда он крикнул часовому через закрытые двери:

– Машку давай!

Та пришла румяная от мороза, с медицинской сумкой, поздоровалась и весело спросила:

– В чем нужда, товарищ командир? Без всяких предисловий он брякнул:

– Ты у меня сегодня на вертеле будешь вертеться.

– Вертело бы вертело! – беззаботно откликнулась Маша.

– Не боишься?

– Вот еще! – фыркнула она.

– Такая храбрая?

– Что я, мужиков, что ль, не видела! – в тон ему ответила она и захохотала, уловив на его лице тень легкого замешательства.

«Вот девка: ничего ее не пугает», – подумал он. И молча снял с ее плеча сумку с медикаментами.

А девушка-пленница с этого дня со связанными ногами и с постоянным охранником-конвоиром станет мотаться по всем тропам-дорогам войны, куда бы ни двинулись красные, потому что глава войска, командир, хозяин-владыка, может затребовать ее к себе в любое время дня и ночи. И никому, даже самому Господу Богу, неведомо, какая судьба ее ждет.

ГЛАВА 7

Ехала Матерь Детей, потихоньку погоняя оленей. Мгновения медленно наматывались на клубок ее жизни. Мысли ее ходили то вперед, то назад. Потом она вспомнила, как несколько лет назад в селении впервые появился чудной русский. Белый. Отец Детей подобрал его посреди болота в зимнюю весну, в середине Месяца Вороны, когда снег уже вовсю стал подтаивать и на чистине проклюнулись вершинки кочек, а на бору вот-вот должны были появится первые проталины. Но тут неожиданно запуржило, и на два дня Верхний и Средний Миры напрочь смешались: не поймешь, где небо, где земля. Когда пурга улеглась и Отец Детей поехал проверить и вытащить на лето морду на болотной речушке, он наткнулся на человека. Тот, припорошенный снегом, лежал ничком на санной колее. Перевернул его. Обмороженное, почерневшее лицо. Обтрепанная шинель. В руках зажата винтовка. Он напоминал мертвеца, но жизнь в нем еще теплилась, и охотник уложил его на свою нарту, привез домой.

– Это кто? – спросила Матерь Детей.

– Белый Человек, – ответил муж.

– Откуда узнал?

– При нем винтовка была.

– А-а...

Белого переодели в сухое, с трудом влили ему в рот теплый бульон и уложили в постель. Он был без сознания: то бредил и, бормоча, отдавал какие-то отрывистые и невнятные команды, то успокаивался и надолго затихал. Хозяйка дома изредка поглядывала в его сторону, ничем внешне не выдавая своей тревоги. А было отчего беспокоиться: кто знает, что у незнакомца на уме. Особенно в эти смутные времена.

В доме знали по слухам, что закончилась война между белыми и красными. Красные взяли верх. И белые спасались кто как мог. Одни с Большой Оби уходили прямо на Север, в тайгу и тундру, где красные не могли их достать, и там мирно оседали среди остяков, обзаводились семьями и оленями, обучались промысловому делу. Другие добирались до самого побережья Холодного Океана, а там сворачивали на запад или восток. Третьи из лесов делали набеги на красных и, постращав тех, снова возвращались в тайгу. Правда, не было таких случаев, чтобы они ссорились с остяками или нападали на них. И тем не менее за каждым новым человеком нужен глаз да глаз. Это не повредит дому.

Окончательно же хозяйка успокоилась лишь после того, как Белый очнулся и, скосив впалые глаза, долго смотрел на висевшую над ним икону Божьей Матери, а потом слабой рукой молча попытался осенить себя крестным знамением. Женщина поняла, что этот человек с Богом в душе, стало быть, нечего опасаться. «Верховный Отец присматривает за ним», – подумала она.

Потом Белый молча отыскал взглядом хозяйку дома и, показав глазом на икону, спросил тихо и хрипло:

– Откуда?

– Из Божьего дома, – ответила Матерь Детей.

После этих слов Белый снова уснул и спал очень долго. Раны его смазывали медвежьим жиром. Поили отваром трав. Силы ему возвращали медвежьей горькой.[28] Матерь Детей заносила с улицы это застывшее в лед снадобье, скалывала маленький кусочек и заставляла глотать, а уж потом запивать водой. Проглотить льдинкой – не так горько. Позже, с приходом тепла, достали высохшую в порошок желчь, щепотку которой брали острым кончиком ножа и насыпали в блюдце с чаем. Лекарство было жгуче-горьким, но полезным.

Пробуждаясь, каждый раз он поднимал глаза и крестился на икону, а потом долго и молча смотрел на нее. Ежеутренне он словно проходил по трем мирам: из мира сновидений перебирался в мир Божьей Матери, а оттуда – в мир людей. И в Божьем мире пребывал ровно столько, чтобы получить необходимые силы для продолжения жизни на земле в эти смутные времена. После он долгим взглядом обводил дом, как бы заново открывая мир людей, и снова закрывал глаза, молча слушал. Слушал неведомый и странный мир остяков. По голосам он теперь узнавал всех домочадцев. Хозяйка дома, хозяин дома, дети. На улице лают собаки. Олени хрустят снегом, стучат копытами, вороны радостно каркают. На улице весна, звенит капель, там солнце – солнце, похожее на Божью Матерь. На Божью Матерь в золотом окладе.

Больше всего его занимала икона. Как она попала сюда? Зачем язычникам православная икона? У них же свои боги, размышлял он.

С Божьей Матери он перевел глаза на хозяйку. Она сидела в своем углу и, держа на правом бедре младенца, кормила его грудью. Голова ее с ровным пробором черных волос, сплетенных в две косы, прикрытых цветастым платком, была высоко поднята. Со строгим и непроницаемым выражением она смотрела на тихо бормочущий в чувале огонь. Сидела она неподвижно, словно была высечена из камня. Потом, когда младенец оставил грудь и шевельнулся, она очнулась от своих потаенных мыслей, чуть заметно улыбнулась огню за тепло и склонила голову над дитя, повернув его лицом к очагу. С живою любовью и нежностью она глядела на него. В это мгновение она точь-в-точь напомнила Божью Матерь с иконы в золотом окладе, она была так же красива и добра. Но промелькнуло мгновение, и она чмокнула дитя в щечку и, осторожно встряхнув, поставила на ноги.

Белый Человек все молчал. Долго-долго молчал, глядя на таинственную икону. Почувствовав его интерес к ней, хозяйка как-то вечером неторопливо рассказала историю этой иконы.

«А попала она к нам в давние-давние времена, – сказала Матерь Детей. – Сказывают, еще во времена царя Петра. Прислали в Сургут нового князя-воеводу. Привез он с собой молодую да красивую жену, княгиню, которую от себя далеко никогда не отпускал. Как-то плыл он на большой лодке с казаками, да, приустав, причалили к берегу, остановились отдохнуть да пообедать. Там их выследили самоеды и неожиданно напали на них. Промышляли они набегами на наши земли, грабили селения и увозили молодых женщин и девушек. Завязалась схватка. Побили друг друга, но князь-воевода все-таки одержал верх, победил. Самоеды отступили и умчались на легких обласах-калданках. Тут хватились: а княгини-то нет. Подумали, что в суматохе боя самоеды ее захватили и увезли с собой. Князь снарядил новый отряд казаков – да за ними. В конце концов догнали разбойников, но женщины среди них не оказалось.

Закручинился князь-воевода.

А дело было к концу лета, в пору поспевания черемухи и смородины. Наша прабабушка Анна, в те годы молоденькая девушка, собирая ягоды со своей матерью в приречных зарослях, наткнулась на искусанную комарами, обессилевшую от голода княгиню. Привезли ее домой, травами да отварами напоили-накормили, в чувство привели, обогрели-приютили. Прабабушке она так понравилась, что ни на шаг от нее не отходила – все ухаживала за ней, как за маленьким ребенком. Оказалось, что во время нападения, когда на нее нацелился главарь самоедов-разбойников, чтобы схватить и бросить в облас-калданку, она с такой прытью бросилась в чащу, что никто не смог ее догнать. Бежала она до тех пор, пока не упала в изнеможении. Несколько дней и ночей блуждала она по лесу. Спаслась от самоедов, так потеряла своих.

Когда она поправилась, отвезли ее в Сургут. Князь-воевода будто заново родился – так был рад спасению жены. А княгиня пожелала, чтобы Анна погостила у нее в доме. Да так она у нее и осталась. Нарядилась в русские одежды, а княгиня научила ее читать книги и говорить на других иноземных наречиях.

[28] Горькая – иносказательное название медвежьей желчи.

Прошло сколько-то лет. Царь отозвал своего князя-воеводу в столицу. Прабабушка Анна не захотела оставаться в городе без княгини, вернулась в родительский дом, на реку Тромаган, то есть Божью Реку. Там, недалеко от устья, находились их родовые угодья. Привезла с собой обитый железом сундук. В сундуке были одежда, книги Божьи и икона Божьей Матери. Княгиня, прощаясь, поцеловала нашу Анну и сказала: «Да хранит тебя и твой род Божья Матерь многие лета!»

Дома Анна долго печалилась и молчала. Целыми днями перелистывала божественные книги и смотрела на икону. Видно, молилась, разговаривала, беседовала с Божьей Матерью. Родители ей ни в чем не перечили и против иконы ничего не имели. К тому времени русские священники окрестили уже всех остяков, и в каждом доме была икона. Удивительно сплелись две веры – православная и остяцкая. Считалось, русская икона охраняет человека от нечистой силы только внутри дома, поблизости от него. А за пределами дома человек находится во власти языческих богов и богинь.

Как-то вечером, глядя на икону, Анна вздрогнула, замерла на мгновение, а потом посветлела лицом. На другой день она переоделась, городскую одежду сложила в сундук и принялась помогать матери по хозяйству. Спустя какое-то время она родила сына. Мальчика в роду прозвали Городским Человеком. Он рано научился ловить рыбу, охотиться на зверей и птиц, пасти оленей, отражать набеги разбойных самоедов. А когда состарился, его стали называть Городским Стариком. Он народил семерых сыновей и четверых дочерей и прожил до глубокой старости.

Сказывают, от княгини-воеводши приходило письмо. Будто бы она написала, что князь-воевода во главе войска ушел на войну с чужестранцами, пришедшими завоевывать русскую землю, и пал на поле брани. А у нее-де, у княгини, растут дочка да сын, славные дети. И все они, втроем, вспоминают ее, спасительницу Анну, и молятся за ее здравие. В конце послания, сказывают, приписка была: «Да хранит тебя, Анна, Божья Матерь!»

Прабабушка Анна многажды перечитывала письмо и потом прятала в сундук среди божественных книг. Она тоже прожила долгую жизнь. Видно, и вправду ее хранили молитвы княгини и Божья Матерь. Будто бы она занемогла на сто первом или сто втором году жизни. Сказывают, она взяла в руки икону и спросила:

– Как с тобою быть, Божья Матерь?

И долго и терпеливо ждала, что Та скажет. Потом, видно, получив ответ, позвала самую младшую внучку и передала ей икону со словами:

– Пусть она тебя хранит, Мария! – Потом, помолчав, добавила: – Когда придет мгновение твоего ухода, передай Ее самой младшей дочери или самой младшей внучке!

Так она досталась нашей бабушке Марии. Она тоже прожила не короткую жизнь. Потом перешла к моей маме Дарье, в род Тэвлиных. Они тоже жители Тромагана, Божьей Реки. Но мама перебралась на другую реку. Вышла замуж за моего отца Савву, он из рода Покачевых, что в нижнем течении Агана. Это был ее первый дом. Но папа наш ушел из жизни. Потом она вышла замуж за человека из рода Сардаковых в верхнем течении реки. Сейчас у нее голова побелела, как перо халея. По ее словам, она тоже прожила долгую жизнь. И, надеюсь, проживет еще немало лет и зим...»

Матерь Детей помолчала.

«...Но потом, с приходом красных, что-то случилось то ли с иконой, то ли с нашей жизнью, – печально заговорила она после паузы. – Все пошло вперекос, будто течение жизни повернулось в другую сторону. Вскоре после замужества заболела и умерла моя средняя сестра. Потом младшая вышла замуж, родила мальчика и тоже умерла, оставив сироту. И мама, вместо самой младшей в первом доме, передала икону мне, старшей дочери. Вера, сказала мне мама, пусть Божия Матерь оберегает тебя, присматривает за тобой, за твоим домом. Жизнь у меня, как и у сестер, получилась не очень складная. Моего первого мужа Степана «русские увезли», как у нас говорят, и сгинул он сразу после революции бесследно. Шаманом он был, вот люди и попросили его узнать судьбу новой власти. Он пошаманил и сказал: «Слышу, вижу, идет Огонь, который спалит красных!..»

Вот за эти слова и поплатился он своими земными днями. За то, что пророчил красной власти недолгий век. От него у меня двое старших детей осталось – да теперь они уже самостоятельные, почти взрослые. Всего-то от первого дома было трое детей. Один, Константином окрестили, во младенчестве умер».

Замолчала, закончила свой рассказ хозяйка дома. И, вздохнув тяжело, взглянула на древнюю икону. Может быть, в эту минуту, вспоминая своих преждевременно ушедших сестер, она про себя молилась Божьей Матери, чтобы Та была более благосклонна к ее дому и семейству...

ГЛАВА 8

Слушая историю о Божьей Матери, Белый то ли впал в забытье, то ли погрузился в сон. Очнувшись, размышлял о своем прошлом и будущем, долго молчал, потом тихим голосом обратился к хозяйке дома:

– Вас ведь, как я понял, Верой Саввичной зовут?

Она непроизвольным движением платка прикрыла лоб, глянула в его сторону через головку младенца и негромко ответила:

– Да, верно, по-русски будет так.

– Что, есть второе имя?

– Да, еще Матерью Детей зовут. – Помолчала, потом добавила: – Так зовет мой муж, Отец Детей.

Белый задал новый вопрос:

– А имена-то у вас русские?

– Так ведь нас крестили русские попы.

– А-а, да.

– Помню, каждое лето приезжал поп...

– Это до прихода красных? – уточнил он.

– Да, в царское время. Поп крестил младенцев, что за зиму пришли на эту землю. А потом взрослые вставали перед иконой, крестились и говорили непонятные слова на русском языке. Мне слышалось так: «Осподи, по-мило-о-ой!» Уже потом, когда стала старше, узнала, что означают эти слова. А тогда мы, малые дети, побаивались батюшки-попа. Он был с бородой, весь в длинных волосах, в черных одеждах. Мы прятались за постелями, уложенными вдоль нар в доме. И все же любопытство брало вверх – высовывались из своих укрытий, подсматривали, что же делает поп. А наиболее озорные ребятишки еще и подсмеивались, если смешинка попадала в рот. Вот так навещал нас батюшка каждое лето...

Белый молча слушал.

В дом вошел Отец Детей. Вместе с ним с улицы нахлынула свежесть весеннего утра с запахом распускающихся почек и тающего снега.

Сели завтракать.Белый сказал, обращаясь к хозяину:

– Поправлюсь и уйду.

Хозяин отхлебнул чай из блюдца и издал неопределенный звук:

– Хм-м...

Белый помолчал, потом добавил:

– Незваный гость – я все понимаю... Хозяин чуть улыбнулся уголками губ и, упреждая невеселые мысли-рассуждения гостя, успокоил его:

– Про это дело не беспокойся – не мы тебя кормим-поим...

– А кто же?

Хозяин кивнул в сторону неба:

– Наш Верховный Отец.

– Каким образом?

Хозяин удивился наивному непониманию простейших истин, но виду не показал, а терпеливо начал растолковывать:

– Он пошлет в мои сети-невода лишнюю рыбку, на мои стрелы-пули – лишнюю птицу и лишнего зверя, в мое стадо – лишнего оленя. Для гостя, а ты у нас гость. Он прибавит мне немного удачи во всех делах. Он высоко сидит – далеко видит...

Женщина дополнила слова мужа:

– Все видит, все знает.

– Хороший Отец, – улыбнулся гость.

– Хороший-хороший, – согласился хозяин.

– Да, все может, – подтвердила женщина.

– Ему спасибо! – поблагодарил гость. Хозяева молча переглянулись. И гость по их выражению понял, что он поступил совершенно правильно, выразив благодарность не им, а Отцу в небесах.

Все удовлетворенно замолчали – и гость, и хозяева. Все они, очевидно, думали об одном и том же – о том, кто наделяет удачей, кто оберегает дом, кто плетет-нашептывает долгую и счастливую жизнь...

Потом гость, видя, что хозяева ни о чем его не расспрашивают (у них это не принято), сам рассказал о своих дорогах-путях, слегка кивнув в сторону, куда направлялся:

– Иду на север.

Хозяин выдержал нужную в таких случаях паузу, потом деликатно, из приличия, осведомился:

– Далеко ли?

– Да уж неблизко. С севера поверну на запад, дойду до Финляндии. Оттуда перееду в Скандинавию. А там уж доберусь до Европы...

– Дорогу знаешь?

– Дорогу-то найду. Здесь люди подскажут, а там уже места знакомые.

– Кто у тебя там, в этой... как ее?..

– В Европе-то?

– Да-да.

– Семья должна быть...

Хозяин долго молчал, размышляя над услышанным, потом сказал гостю:

– Сейчас далеко не уйдешь.

– Знаю.

– Потому как распутица.

– Распутица не вечная.

– Летом далеко тоже не уйдешь.

– Да догадываюсь.

– Много озер и рек, много воды.

– Лето тоже не вечное.

– Верно, лету тоже приходит конец, – согласился хозяин.

Хозяин помолчал, словно мысленно примерил на себе предстоящие тропы-дороги путника, и, выдержав долгую паузу, сказал:

– Сначала здоровье надо вернуть...

Гость согласился:

– Да, надо...

Белый выздоравливал медленно. Был он бледным, под прозрачной кожей, казалось, высвечивалась каждая косточка. По утрам, перекрестившись на икону, он медленно умывался, затем крохотной половинкой расчески поправлял усы цвета осыпающейся лиственницы и такого же цвета волосы и только после этого садился за стол.

На мир он смотрел грустно, глубоко запавшими узорчатыми, то есть голубыми, глазами. Всех русских остяки обычно называли узорчатоглазыми, поскольку большинство из них обладали очами небесного цвета. А среди остяков почти не попадалось голубоглазых.

Когда Белый ни на кого не смотрел и как бы уходил в себя, из его узорчатых очей выплескивалась тоска. Всем в доме, кто видел это, становилось тоскливо. И хозяйка разговорами старалась отвлечь его от тоскливых дум. Но лучше всего отвлекали его младшие дети, особенно Роман. Мальчик лез к нему со своими игрушками, с любопытством рассматривал его необыкновенного цвета усы и волосы, пытался дотянуться до них, потрогать руками. У Белого оживали глаза. Костлявой рукой он проводил по черной головке мальчика и говорил:

– Зови меня Петром Николаевичем или дядей Петей.

– Дядя Петя, дядя Петя... – нараспев тянул мальчик.

– Молодец, – похвалил Белый. – Ты хороший ученик. Сразу запомнил и выговорил.

– Петя-петя, – бормотал мальчик. – Петя-петя-петя...

– Что, имя понравилось? – спросил Белый.

– Не-е, – сказала Матерь Детей. – Это он здоровается.

– Почему здоровается?

– На нашем языке почти так звучит слово «здравствуй», – пояснила женщина.

– Чудно! – удивился гость.

Потом он повернулся к мальчику и, показав на свои усы, спросил:

– А ну-ка, Ромка, скажи, что это такое?

Ромка на родном языке отвечал:

– Туш.

– Ага, понятно. А по-русски будет «ус». Понял?

Мальчик с удовольствием повторил новое слово:

– У-ус!..

– Правильно. А это что такое?

И он прикоснулся к своим волосам.

– Опт, – бойко отвечал мальчик.

– Ага, понятно. А по-русски будет «волос».

– Волос, – повторял ученик. Белый прикоснулся к глазу, спросил:

– А это как будет?

– Сам.

– Глаз.

– Сам.

– Глаз.

Белый сделал паузу, вздохнул, похвалил мальчика:

– Молодец, Ромка: из тебя вырастет хороший учитель!

Мальчик поправил его:

– Я не Ромка, а Роман.

– Хорошо, Роман так Роман.

Так Белый учился остяцкому языку, а Роман русскому. И уже непонятно было, кто у кого учится – то ли большой у малого, то ли малый у большого. Пойми, кто учитель, а кто ученик. Потом к братику присоседилась сестричка Анна. Уже вдвоем они хором отвечали на вопросы гостя и вместе спрашивали, как называется тот или иной предмет по-русски. Эта игра им явно пришлась по душе.

А после, когда Белый стал чувствовать себя намного лучше, он коротким карандашиком вывел на листочке знак и сказал:

– Это буква А.

Роман охотно повторил:

– Это буква А.

Повторила и Анна:

– А.

На другой день Белый написал У, затем М, потом пошли другие буквы алфавита. И дети сами начали рисовать их. Бумаги, видимо, не хватало. Писали на белых дощечках-срезках, что подбирали на уличной мастерской отца, где тот изготовлял разные деревянные инструменты и другую домашнюю утварь. Писали карандашиком, который называли пишущей палочкой или просто короткоклювым.

Как-то вечером, глядя на старательно пишущих детей, хозяин поинтересовался у гостя:

– Вы, наверно, учитель?

– Нет, не учитель, – ответил Белый. Как и хозяева, он уже привык неспешно выражать свои мысли. Выдержав нужную паузу, добавил:

– Вообще-то солдат умею учить.

– И детей тоже умеете учить, – сказала женщина.

– Это я вспомнил, как учили меня. И как учили азбуке моих детей.

– А-а-а... – понимающе сказала хозяйка.

Все в доме замолчали, ожидая следующих слов гостя. И Белый, почувствовав это, повторил:

– Да, военному делу могу обучить...

– Значит, война увела из дома.

– Точнее, к вам меня привела боль...

Белый прижал ладонь правой руки к груди, как бы унимая боль, повторил:

– Сюда меня привела боль...

Он помолчал, потом неторопливо заговорил о своих корнях. По отцовской линии он скандинавского, финно-шведского происхождения. Оттуда в очень давние времена его предки попали в Россию. Говорил очень скупо. Про своего отца сказал, что он тоже был военным, ходил в японскую. Дед защищал Крым, а прадед участвовал в войне против Наполеона. Таким образом, все его предки были военными. Все воевали. Точнее, Россию, свое Отечество, защищали от врагов. Сам он тоже принимал участие в войне, воевал с немцами. Это было совсем недавно. Про эту войну еще помнят.

Но боль в душе рождает не только война...

ГЛАВА 9

Боль кольнула его душу в то мгновение, когда он узнал, что российский государь Николай Александрович отрекся от престола. Он еще ничего не мог понять и осмыслить, а только интуитивно почувство-

вал, что Россия погибла, что у него теперь нет родины, что у него нет отеческого дома. И его самого как бы тоже не стало. Вдруг улетела куда-то душа вместе с болью, улетучились куда-то мысли. Почему такое произошло с ним? Почему боль так резко ударила его? Может быть, потому, что он очень хорошо понимал и чувствовал, что случилось. Ведь Николай Александрович был не просто государем-императором. Для истинного русского он был больше, чем просто царь.

Государь – это символ России, государства, нации, русского народа, символ веры. Государь – это наместник Божий на земле.

И тот, кто замахнулся на него, замахнулся на русский народ и на Бога, замахнулся на Российскую государственность. Поэтому он так близко принял к сердцу отречение царя.

Потом зародилась надежда: может быть, Россия еще не погибла, пока жив император?.. А император жив, только сослан вместе с семьей в Сибирь, в Тобольск. Стало быть, чтобы спасти Россию, надо спасать императора. И он поехал к нему, поехал за ним, чтобы помочь ему спастись, помочь остаться в живых. Его надо было вывезти вместе с семьей в безопасное место, где он смог бы пережить это смутное время.

Это стало его главной целью жизни. От исхода дела зависела не только судьба его, русского офицера, но прежде всего судьба России, всего русского народа. А свой народ он хорошо знал. Русский не может жить без царя и без Бога в душе. Во всяком случае, долго не протянет. Без Бога и царя в нем просыпаются самые низменные страсти. Он становится разбойником, бандитом, вором, начинает все крушить на своем пути и в конце концов уничтожает самого себя. А разве мы для того родились, чтобы уничтожать себя? Разве для этого много веков обустраивали и оберегали свое Отечество? Нет, не для этого.

И он ехал с надеждой, что принесет спасение своему Отечеству и своему народу. Ехал он долго, ехал очень медленно. Дорога была длинной и опасной, особенно для царского офицера, который все еще гордился своей родиной и сохранил чувство собственного достоинства. Да еще в пути угораздило его угодить к красным, в ЧК.[29] Чего он там только не насмотрелся. Одному юнкеру на его глазах... Нет, об этом лучше не стоит вспоминать... Из рук чекистов его вырвала армия Колчака. Отделался он довольно легко – несколькими поломанными ребрами и сединой в волосах.

Но как он ни спешил, как ни торопился, все же опоздал. Не успел. Перед самым его приездом в Екатеринбург красные, приспешники сатаны, расстреляли государя. Уничтожили его семью. И тогда он понял: это конец. Окончательно погибла Россия. Пропала Россия. И вместе с ней пропал и русский народ. Надежды на спасение рухнули. И жизнь его утратила всякий смысл. Ему хотелось умереть. И умереть достойно. Он не боялся смерти, но был не настолько слабым человеком, чтобы взять и просто застрелиться. Ведь все его предки были военными. И если умирали, то погибали в бою, защищая свое Отечество. Отец воевал с японцами. Дед принимал участие в Крымской кампании 1854 – 1855 годов, защищал Севастополь. Прадед сражался с Наполеоном. И ему следовало, сохранив традиции, погибнуть в бою и кануть в небытие вслед за погибшей Россией. Так он пришел к Александру Васильевичу, Верховному главнокомандующему в Сибири, с которым был давно знаком. Вступил в его армию. Ходил в атаки, лез в самое пекло, но пули обходили его стороной. Если и задевали, то как бы ненароком, слегка царапали его мертвеющее тело. Физических страданий он почти не чувствовал, поскольку болела душа, и душевная боль за гибель страны затмевала все остальное. Но при этом он старался до конца остаться человеком, хотел сохранить человеческое лицо, лицо русского человека. В спину никому не стрелял, безоружных не трогал. А в бою был на равных с противником; или он мог убить, или его самого. Тут уж кому как повезет. Красные убивали его, он убивал красных, точнее, русские убивали его, и он, русский, убивал русских. Это была гражданская война, кровавая война. Видит Бог, он не хотел участвовать в ней, ибо знал, что победы не будет и Россию из бездны не вытащить. Но, однако, в ожидании конца попал в водоворот войны, а конца все нет и нет. Пуля его не брала, осколки не находили, клинок не доставал. А между тем русские без царя озверели, утратили человеческий облик. Красные, обезумев, озверев, будто в каменном веке, разрывали своих врагов на части, устраивая кровавые пиры, возвели убийство в ранг человеческой морали. Впрочем, белые потом тоже ожесточились.

Но, в конце концов, он дождался своего – пуля ударила его в грудь во время атаки. Сгоряча пробежал еще несколько шагов, а потом уткнулся лицом в мокрую грязную землю, вдохнул в последний раз запах прелых листьев и с мыслью в гаснущем мозгу, что погибает на поле боя, потерял сознание.

[29] ЧК – сокращенное название Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией в 1917 – 1921 годах. Позднее – ОГПУ, НКВД, КГБ.

Выходила его семья сельского священника. Как выяснилось, пуля прошла навылет, не задев сердца. Значит, судьбе угодно, чтобы он еще походил по белому свету. Лечили его в основном молитвами, поскольку лекарств в деревне не было.

Пока он встал на ноги, утекло немало воды и случилось немало событий. Александра Васильевича уже не было в живых: красные расстреляли его, а остатки его частей оттеснили на Дальний Восток, в Приморье. Завершалась гражданская война. Точнее, кровавая бойня русских с русскими. И оказалось, что опять он никому не нужен.

Царя, которому он присягал служить верою и правдою, нет. Царя растерзали. России, которую он обязан был защищать, тоже нет. Российское государство рухнуло. Дома своего у него не стало. Имение разграбили озверевшие мужики, а библиотеку и картины сожгли. Слава Богу, хоть семья успела уехать в Европу.

Залечивая раны в доме священника, он много размышлял о том, ради чего и кто затеял эту кровавую бойню. Ради чего? Кому это нужно? Кто и что получил от российского разора? Время у него было, размышлять никто не мешал.

«Ради чего?» Этот вопрос мучил его больше всего. Ради чего проливалось море крови, отнимались миллионы жизней, разрушались дворцы и храмы, уничтожались картины и книги? Ради чего так рьяно и жестоко русские убивали русских?.. И по всему выходило, что все это было сотворено ради того, чтобы небольшая группа каких-то проходимцев получила власть, села в Кремле и правила обезглавленным и обезличенным русским народом, точнее, тем сбродом, что остался от народа. Ибо лучшую часть народа, что имела высокую душу, прикончили в пору кровавой бойни. На главу Российской державы замахнулись не те, кто хотел блага своему отечеству и народу, а те, кто хотел заполучить власть для удовлетворения собственных амбиций и набивания живота себе и своим близким.

Он знал историю. Ни одна революция не принесла блага ни государству, ни народу. Революционная верхушка завязнет в вечной борьбе за власть. Она сама, разделяясь на группки, начнет пожирать себя. Первых уничтожат вторые, вторых – третьи, третьих – четвертые. И так бесконечно. Разница только во временных интервалах. Это могут быть месяцы, годы или десятилетия. Захочется править кухарке и сапожнику, уголовнику и вору, душевнобольному и прочим. Жизнь народа и дела государства никого не будут интересовать. Россия рухнула в эту бездну. При государе это было бы невозможно. Поэтому его и растоптали.

Кому это нужно было? Конечно же, не друзьям России. Когда он воевал против Германии, то знал, что она не победит. Победить русского, защищающего свое Отечество, невозможно. Впрочем, нельзя победить любой народ, обороняющий свою землю. Немцы не могли одолеть русских лоб в лоб. Но они оказались намного коварнее, чем он мог предположить. Они взяли не в лоб, а с тыла. Когда немцы поняли, что пушками и штыками русских не взять, они вложили свои деньги в большевиков, которые успешно разрушили российскую державу изнутри.

Ничего не скажешь, хорошо было придумано. То, что не смогли сделать немецкие солдаты, сделали красные большевики. Они заставили русских воевать с русскими. Если в 1914 году он, русский офицер, шел на немца, то теперь наставил винтовку на красного русского, который стал выполнять кровавую работу немецкого захватчика. Никто и никогда в истории человечества, пожалуй, так ловко не воспользовался российской доверчивостью и добротой, вернее, доверчивостью и человечностью русского государя Николая Александровича.

Много чего достанется нашим врагам от российского разора. Во-первых, нет Российской державы. Великой державы. Стало быть, кто-то другой займет это место. Во-вторых, можно запустить руку в российский карман – это земли и недра. Если одна верховенствующая группа в Кремле этого не позволит, можно поставить другую. Если с другой не договоришься, можно ставить на третью. Для этого все уже подготовлено. В-третьих, нет больше совестливого русского народа. Точнее, уничтожена его совесть.

Рана его зажила, но душевная боль не проходила. Он все еще жил вопреки желанию, точнее, существовал. Без царя, без Родины, без дома. Вспомнил о семье. Она, как ему казалось, уже могла обходиться без него: дети подросли, крыша, хоть и на чужбине, у них была. А он все думал о России, о ее бесславном конце... Война закончилась, а он все еще живой, все еще дышит, ходит по земле, обильно политой русской кровью, кровью белых и красных. И эта окровавленная земля жгла ему пятки. Еще в доме священника, прислушиваясь к молитвам хозяина, пришел к мысли, что надо бы помолиться за своих товарищей, погибших за Россию на поле брани. Но немного позже он понял, что в первую голову нужно денно и

нощно молиться за безвинно убиенного русского государя и его детей. Может быть, на том свете их души обретут покой и немного полегчает им в загробной жизни.

«И моя вина есть в том, что все они преждевременно погибли страшной мученической смертью, – вздохнул Белый. – Моя вина в том, что я вовремя не приехал, не сумел их спасти, не успел поднять всех тех людей, кто помог бы им выжить».

Так легло на нас страшное клеймо народа-цареубийцы, страны-цареубийцы.

ГЛАВА 10

Когда Белый встал на ноги, первым делом попросил у хозяина топор и пилу и, как одержимый, с утра до вечера начал работать. Сваливал молодые прямоствольные сосны, раскряжевывал их и старательно, переворачивая с одного бока на другой, подходя то с комля, то с вершинки, ошкуривал каждое бревнышко. Теперь они напоминали статуи, но безжизненные. Потом, как бы вдыхая в каждое вечную жизнь, бережно брал на руки и укладывал в один ряд на нетолстую лежку-слегу. Своим дыханием и руками он не спеша оживлял их. Легкий теплый ветерок и яркое весеннее солнце быстро вытягивали из них влагу, облегчая и покрывая, как золотистым загаром, тонким слоем янтарной смолы. Теперь они напоминали сказочных лесных фей, стыдливо загорающих на бело-ягельном бору под сенью золотисто-зеленых сосен.

Поздно вечером он входил в дом, ужинал и сразу забывался беспробудным сном. Утром он быстро завтракал и молча уходил в бор к своим белотелым лесным феям. А когда наступило время белых ночей, он и после ужина стал уходить на свое дело. И, бывало, к концу ночи, ближе к утру, засыпал там, прислонившись к стогу зеленых сучьев.

Стал он сосредоточенным, замкнутым, молчаливым, если не сказать – угрюмым. Во всех его жестах и движениях появилась загадочность, непостижимая таинственность. Даже дети не стали к нему приставать с вопросами.

Как-то Матерь Детей все-таки спросила мужа:

– Что он там задумал?

– Хорошее он задумал, – ответил Отец Детей.

– Что же?

– Божий дом возводит.

– Божий дом?!

– Да.

– Русский Божий дом?

– Русский.

– Молиться будет?

– Да.

Хозяева немного помолчали. Потом муж сказал:

– И мы вместе с ним помолимся русскому Богу. После прихода красных я ни разу в Божьем доме не был, – проговорил муж.

– Красные, говорят, все Божьи дома порушили.

– Да все-то не могли порушить, – как бы размышляя вслух, сказал муж. – Может, в термне[30] и сожгли, а вот в Сургуте-городе так быстро не расправятся с Божьим домом. Там он прочный, крепкий, из хорошего камня, хорошего кирпича. Сам бывал там, сам видел...

– Даже если и сохранился, красные все равно туда не пустят.

– Это так, не пустят.

Белый в лесу возводил часовню. Внутри – четыре шага в длину и четыре шага в ширину. В высоту – четыре аршина, или двенадцать лесных фей. Башенка-колокольня с четырьмя квадратными окошечками на четыре стороны света в два аршина в высоту, или восемь фей. И все это над четырехскатной крышей, покрытой берестой и колотым тесом.

Часовню он возводил сам, только класть верхние венцы и крыть крышу взялся помогать ему хозяин, Отец Детей.

Когда строительство было закончено, когда одноглавая часовня прочно встала на землю, над ней поднялся крест. Белый попросил Отца Детей выстрогать семь прямоугольных дощечек, размером чуть

[30] Термнь – так остяки в старину, вплоть до установления власти красных, называли небольшое селение, где имелась церковь и жили русские переселенцы. Вернее всего, название произошло от слова «терем».

меньше столика на одного человека. Потом ему понадобилась краска. И Матерь Детей помогла ему отварить краску из коры лиственницы. Именно таким светло-коричневым отваром женщины красили одежду, обувь, упряжные ремни и украшения из ровдуги.

Получив все необходимое, Белый взялся за новую работу, взялся с опаской, с внутренним трепетом. Иконы он никогда не писал. Но когда-то увлекался живописью. И сейчас понадеялся, что рука после некоторой разминки заработает сама. Он водил указательным пальцем по доске, создавая воображаемый рисунок, потом долго сидел с закрытыми глазами, как бы высматривая что-то невидимое другим. Затем, на мгновение остановив взор на спокойном, непроницаемом, коричневатом от весеннего загара лице хозяина дома, протянул руку за кистью. И, к своему удивлению, довольно легко и быстро начал писать портрет императора Николая Александровича. После создал образы Великих княжон и самой императрицы. В его памяти остались лишь основные черты их лиц и характеров, детали время безжалостно стерло. Теперь он двумя-тремя десятками линий и штрихов оживлял лики царской семьи. Каждый день он делал по одной работе. Работал с раннего утра до позднего вечера.

С утра, проснувшись, он сразу начинал думать о том, кого предстояло написать. Сначала рисовал в воображении, лишь потом, к концу дня, брался за кисть. После каждой завершенной работы он чувствовал необыкновенную легкость. Был почти счастлив от осознания того, что ему удалось оживить черты человека, вдохнуть в них жизнь. И с этой легкостью и ощущением счастья ходил до следующего утра.

Но на седьмой день дела застопорились. Осталось нарисовать портрет цесаревича Алексея. Его Белый хотел изобразить в будущем. Но образ «не шел», «не приходил». Может быть, оттого что смутно представлял себе будущее Российского государства. Он долго сидел с крепко зажмуренными глазами и наконец почти в отчаянии мысленно попросил: «Алексей Николаевич, приди-ите! Откликни-итесь!»

Так он промучился два дня – седьмой и восьмой. На девятый день проснулся рано утром от того, будто кто толкнул его в плечо. Он встал, умылся. И быстро, за один присест, написал цесаревича Алексея. И порадовался тому, что ясно увидел и изобразил будущее России...

Потом он лег на белый ягель и долго лежал на спине. Жмурясь от яркого солнца, он смотрел на высокое голубое небо и ощущал себя одновременно и частью солнечных лучей, и частью неба, и частью белесых облачков в вышине, и частью зеленой хвои соснового бора. Словом, он был частью всего того, что его окружало.

Хозяева проснулись, встали, разожги огонь, повесили чайник над костром. После завтрака, попросив с собой икону Божией Матери, Белый удалился в одноглавую часовню. Было видно, как оттуда потянулись струйки легкого и очищающего дыма.

Хотя хозяйка и сама догадывалась, в чем дело, но на всякий случай спросила мужа:

– Что он там делает?

– Сказал, что нужно освятить Божий дом, – ответил Отец Детей.

– То есть вселяет туда святых? – уточнила хозяйка.

– Да, примерно об этом говорил.

– Так я и думала, – сказала женщина.

– Совсем как у ханты: божьи дела с дымом делает...

– Да, совсем как у нас.

Освятив часовню, Белый позвал хозяев:

– Если хотите, посетите Божий дом...

Войдя в часовню, хозяева, как учил когда-то русский поп, перекрестились на иконы. Все они были сотворены руками Белого. И он неторопливо пояснял:

– Это великомученик Николай, наш государь... Достойно принял мученическую смерть за Россию. Царство ему Небесное!..

Белый перекрестился, и все молча постояли, глядя на икону. Они подошли к каждой из сотворенных им икон. Потом остановились у иконы цесаревича. Белый им объяснил:

– Это святой Алексей великомученик, наследник престола. – И положил перед иконой крест.

– Часовню возводил во имя царских великомучеников, – пояснил Белый. – Возможно, мои потомки когда-нибудь поставят им настоящий храм.

Все помолились, молча постояли и вышли из часовни.

Матерь Детей была поражена и встревожена тем, что в иконах, писанных то ли острием ножа, то ли отваром травы, то ли кровью, проступали образы ее милых детей – и дочерей, и сыновей. А в облике государя просматривались черты Отца Детей, а в государыне – некоторые линии ее собственного лица. Что это такое? Почему так получилось? Неужели и ее семью, ее близких ждет такая же мученическая

кончина?! Но потом она постаралась подальше отогнать эту тревожную мысль. Себе она объяснила это тем, что Белый сотворил иконы по памяти, поэтому в его творениях невольно нашли отражение черты тех людей, среди которых он жил и которых лицезрел каждый день... Но в суждениях Белого она уловила еще одну неувязку: тот сказал, что цесаревич – будущее России. Но ведь юный наследник престола погиб, принял мученическую смерть. Что теперь?! Получается, что у России нет будущего? Или ее ждет, как и этого безвинного мальчика, гибель?! Каково жить в гибнущем государстве?! Нет, такого даже своему врагу нельзя пожелать... Возможно, Белый, как человек знающий и бывалый, так не считает, а просто оговорился, успокаивала себя Матерь Детей.

С этими мыслями она вернулась в дом. Все еще находились под впечатлениями от посещения часовни. «Пусть на том свете их души обретут покой», – сказал Белый. Потом он долго-долго спал, как после тяжелой болезни. А проснулся с таким чувством, будто заново родился. Вышел на улицу, и ноги сами повели его в Божий дом. Теперь он ходил туда по утрам и вечерам. Молился. А днем стал помогать Отцу Детей ловить рыбу, делать заготовки для нарт и мастерить разный промысловый инструмент, пасти оленей. По вечерам он рассказывал о разных странах, где побывал. Говорил об обычаях и традициях разных народов, которых видел в заморских краях. Вспоминал забавные истории из своей жизни. Иногда, задумавшись, надолго замолкал. Бывало, очень редко, как бы забывшись, заговаривал о том, что его мучило, что терзало душу...

Как-то тихим вечером он вспомнил про свой погибший дом.

«Я долго и много размышлял о кончине моей страны, – сказал он. – И мне пришла мысль, что в этом вины моей намного больше, чем я полагал. Ведь в разорении моего дома, моего имения есть большая доля и моей вины. Жгли мои книги и картины, грабили мой дом и мои конюшни, мои амбары и сады русские люди, которые не умели читать и писать, не могли понять назначения картин и скульптур, парков и фонтанов. Если бы они могли читать и писать, они не стали бы жечь книги Пушкина и Толстого, не стали бы разрезать холсты Верещагина и Кипренского, не стали бы отбивать на грузила конечности скульптурам Фальконе и Опекушина, не стали бы насекать капусту на иконах Рублева. Я мог бы обучить их грамоте, позаботиться об их пище, одежде и кровле. Но, однако, я заботился только о своих детях, о своих родных и близких, чтобы они учились, чтобы были сыты и одеты-обуты, а над головой имели крышу. Вот в итоге и захотелось этим несчастным вытащить кусок хлеба изо рта того, кто жил в хорошем доме или дворце. Многие из них при этом были голодны, раздеты и разуты, не имели крыши над головой.

И все мы получили то, что сейчас имеем...

И вот иду я в Европу...

ГЛАВА 11

Два ворона летели по-над дорогой. Держались низко к земле. Впереди упряжки. Матерь Детей ждала, что они свернут влево или вправо или поднимутся высоко в небо. Но нет, они не сворачивали с дороги и не устремлялись в высоту. Они продолжали свой полет в том же направлении, куда она ехала с детьми.

Матери Детей это очень не понравилось. И она придержала упряжку, замедлила движение. Но и вороны, заметив это, сделали разворот в сторону, снова нагнали нарту и медленнее стали махать крыльями, словно поджидая путников-людей. Тогда женщина стала подгонять оленей, прибавила скорость. Но и вороны побыстрее зашевелили крыльями, не стали отставать.

«Вороны – вещие птицы, что-то хотят сказать, куда-то ведут, – подумала женщина. – Только к хорошему или плохому?»

Тут упряжка вывезла ее с детьми на озеро, где недалеко от берега, посреди дороги, темнело что-то серое. Подъехав ближе, Матерь Детей увидела окровавленный снег и распятого посреди дороги человека. Она подняла повыше края нартового полога, в котором сидели дети, невольно зажмурилась и поводком дала команду вожаку обойти преграду справа, по неглубокой целине, и только когда нарта снова выехала на твердую колею, открыла глаза и остановила упряжку. И с построжевшим лицом сказала детям:

– Сидите, не слезайте с нарты.

– Что там? – спрашивали дети. – Кто там? Почему остановились?

– Сидите! – строго сказала мать, завязывая поводок. – Я сейчас. Скоро. Только гляну.

Она медленно слезла с нарты, сначала глянула вперед, оглядела уставших быков, только потом повернулась и пошла назад к тому, что объехала по целине.

Посреди дороги лежал вмороженный в колею человек, вернее, то, что осталось от человека. По обычаю, женщина не задержала взгляд на неприкрытом, изуродованном лице покойника, а только боко-

вым зрением скользнула по нему. Чуть в сторонке валялись обломки разбитой нарты и три убитых оленя с пулевыми ранами. Женщина поняла все, что здесь произошло. Она стояла оцепенев. Потом, очнувшись, поспешно вытянула затоптанную в сугроб шкуру-амдер и накрыла ею окровавленный труп, а сверху и с боков придавила обломками изрубленной нарты, чтобы не унесло ветром. Какое-никакое, а все пристанище ушедшему из жизни, подобие могилы. Пусть успокоится его душа, пусть не мечется по белому свету, напрасно тормоша оставшихся в живых.

Матерь Детей зажгла спичку, подержала в руке очищающий огонь, затем бросила ее на землю и сказала покойнику: «Оставайся тут, не ходи за нами».

Она вернулась на нарту и тронула упряжку.

– Кто там? – повторили дети свой вопрос.

– Погибший, – ответила Матерь.

– Один?

– Там еще погибшие олени, погибшая нарта...

Хотя о нарте надо было сказать «изрубленная», но она думала о ней как о живой. Все, что истребляла война, истребляли красные, ей казалось живым.

Дети печально замолкли.

А Матерь ехала, и пред ее глазами встала картина трагедии, что разыгралась на этом озере. Красные солдаты держали парня за ноги, двое за руки, а другие стояли с боков и лиственничными дубинами молотили его, начиная с ног и постепенно перенося удары все выше и выше, неминуемо подбираясь к голове. А один красный топтался возле головы пленного, видно, начальник или старший, допрашивал, что-то пытался выведать. Пленный или не хотел отвечать, или не знал того, о чем его спрашивали, или, в конце концов, уже просто не мог пошевелить языком, не мог говорить.

А солдаты, что стояли с боков, то останавливались, то снова начинали бить: на снегу остались ямки, куда они втыкали дубины, когда им старший давал передышку. Тот, видимо, в это время задавал пленному вопросы и ожидал ответа. Потом палачи-дубинщики снова брались за свою кровавую работу. Последними ударами разбили пленному лицо, чтобы невозможно было опознать. Затем красные, не забыв прихватить кисы, малицу и кумыш своей жертвы, укатили дальше воевать, усмирять восставших остяков. Солдаты в своей казенной форме крепко мерзли, поэтому с обреченных на гибель они заранее снимали меховую одежду и обувь.

Матерь Детей воочию убедилась, как «работают» лиственничные дубины, о которых много говорили в народе. Красные солдаты, передавала молва, избивали ими не только пленных, не только восставших, но и тех, кто им приходился не по нутру. Точнее, не избивали, а забивали, как скот. Ибо никто не помнит ни одного случая, чтобы битый этой дубиной выжил. Нет таких. Кого приговорили к дубине, тот, считай, мертв.

Женщина ехала и никак не могла избавиться от тягостной картины на озере. Где-то в глубине души, еще не выраженное в мысль и слово, шевельнулось ощущение, слабое предчувствие: а не помощь ли это шла к ним, не подмога ли? В эту зиму собиралась приехать к ним старшая дочь Федосья, не так давно вышедшая замуж за нижнеаганского парня Егора из рода Тырлиных. Правда, Матерь через людей передала им весть-послание, чтобы они не приезжали. Зима выдалась тревожная. Еще с осени стали доходить слухи о лиственничных дубинах. Хотя война началась в верховьях Казыма, но у войны, как говорили в старину, нет границ. Она может и до этих мест дойти, как, впрочем, и получилось. Молодые могли и собраться в путь, могли и рискнуть. Матерь настолько была ошеломлена увиденным, что не догадалась взглянуть на уши убитых оленей, над которыми уже потрудились вороны: у них были выклеваны глаза и продырявлены верхние бока. По меткам она бы сразу определила, из чьего они пастбища. А на покойника с неприкрытым лицом смотреть нельзя, но боковым зрением она заметила, что окровавленные волосы ушедшего черные и густые. Значит, принадлежали молодому человеку. Но разве мало молодых людей с такими волосами в селениях по рекам остяцкой земли?! Будь это зять Егор, ехал бы не один, внушала себе Матерь. Они были бы вдвоем, с Федосьей. А та не дала бы вот так погибнуть мужу на голом снегу, сама бы приняла смерть рядом с ним.

Немного успокоив себя такими рассуждениями, Матерь Детей стала погонять упряжку, чтобы побыстрее отъехать подальше от места трагедии.

На выезде с озера, на стыке ледяного покрова и берега, Матерь соскочила с нарты и побежала рядом с левым полозом, чтобы оленям легче было втащить тяжелую нарту в гору. Немного отъехав, она остановила упряжку, чтобы быки отдышались после довольного долгого подъема. Все слезли с нарты, чтобы размять затекшие ноги-руки. Роман пошел назад, вниз, за горку, оставив женщин у нарты одних.

Матерь поправила и получше укрыла люльку спящего Саввы, потом оглядела Марию, поправила ей платок, спросила:

– Мария, тебе не холодно?

– Нет, – ответила девочка.

– Есть хочешь?

– Нет.

– Пить хочешь?

– Нет.

– Вот проедем болото, выедем на бор и там сварим чай, – сказала Матерь.

– Почему на бору? – спросила Мария.

– Там ягель хороший. Пока мы чай пьем, олени наши немного отдохнут и поедят.

– Они уже кушать хотят?

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Да вожак Угольный уже зубами поскрипывает, влево-вправо поглядывает, удобную копаницу[31] ищет.

– А-а, умный.

– Умный-умный. И смирный. Между тем олени отдышались.

Из-под горки показалась голова Романа. Возвращаясь, недалеко от нарты, возле колдобины на правой обочине дороги, он выковырнул полузанесенный снегом обрубок ствола дерева почти с сажень длиной. Мальчик остановился, взглянул на Маму и спросил:

– Это что такое?

Матерь подошла ближе и, помедлив секунду, сказала:

– Палка. Просто палка. Не трогай ее.

И, подхватив сына за руку, повела к нарте. Вдруг она заторопилась. Усаживая детей на нарту, сказала:

– Поехали, поехали. Олени есть хотят. Их нужно хорошо покормить.

Но перед тем как тронуть упряжку, она ищущим взглядом обвела стоянку, еще раз заглянула в полог нарты и лишь затем, как бы что-то припомнив, дернула поводок. Вожак Угольный послушно двинулся вперед. Ищет погибшую Анну, понял сын Роман, внимательно наблюдавший за Матерью.

Ехала она, погоняя оленей, а перед глазами все стояла преждевременно погибшая доченька Анна. Матерь перед отъездом привыкла проверять, все ли на месте. А тут не нашла Анну и не сразу поняла, что старшенькая навсегда оставила их. У нее невольно потекли слезы, и она незаметно для детей смахнула их рукой. Долго ехала молча, размышляя об ушедшей, моля Бога о том, чтобы ей хорошо было в Небесном Царстве.

С уходом Анны у нее все усиливалось ощущение пустоты. Пустоты в сердце. Пустоты в душе. Пустоты вокруг себя. Пустоты на земле.

Потом она вспомнила про лиственничную дубину, которую сын вытащил из-под снега. Видно, красные потеряли ее случайно, на колдобине, когда нарту сильно тряхнуло. Дубина была вырублена из ствола молодой лиственницы, плохо вытесана, сучья плохо обрублены, кора не снята. Это, видно, для того, чтобы она была суковато-шершавой, чтобы с кровью вырывала из тела наказываемого куски живого мяса... Видно, красные знали, что лиственница – самое прочное дерево на этой земле. В огне плохо горит, на морозе не ломается, тяжелее железа и камня. Поэтому, видно, красные и решили лиственничными дубинами выколачивать правду из самых стойких и усмирять самых крепких из восставших остяков, рискнувших ослушаться и подняться против них за освобождение своей земли. Красные, когда в сражениях берут верх, посмеиваются, внушают: лиственничные дубины научат вас, как воевать за свободу. Освобождения от красных русских захотели?! Свободы захотели?! Вот вам лиственничные дубины! Понюхайте, чем они пахнут! А пахнут они кровью. Пахнут остяцкой кровью.

Так, первым и скорым инструментом наказания и усмирения стала лиственничная дубина. Затем шли более медленные пытки – жестоким морозом, ледяной водой, многодневным голодом. А если получил пулю – так это за счастье считай.

Теперь Матерь преследовали тяжесть, цвет, суковатые шипы и запах дубин. Ей казалось, будто они сами передвигаются по земле, оставляя следы на снегу, сами избивают людей, сами мчатся с одной реки на другую, из одного селения в другое, то есть получалось, ими уже никто не управляет. И они как сумасшедшие до смерти забивали всякого, кто им попадался на пути.

[31] Копаница – яма в снегу, разгребаемая оленем для добычи ягеля.

«Побыстрей надо доехать до людей, довезти до дома дыхание детей», – думала Матерь. И все торопила, торопила уставших быков упряжки.

ГЛАВА 12

Хозяева очень внимательно, ни разу не перебив, выслушали гостя. Многое из того, о чем он поведал, они уже хорошо знали. В разгар войны между белыми и красными на Аган частенько заезжали небольшие отряды вооруженных людей: то проводников искали, то оленьи упряжки, то продовольствие. Конечно, более всего они докучали селениям близ побережья Агана, близ большой Оби и города Сургута. Говорили, что объявился Красный царь и пошел войной на Белого царя. В этой войне остяки больше сочувствовали Белому царю – он был ближе и понятнее. Он много веков уже был царем и остяков. Как выражались ханты, «на Белого царя сидя живем». При его руке нарождались на свет, жили и любили, молились своим Богам, охотились и пасли оленей, ловили рыбу, старились и уходили в Нижний Мир. Его рукой подписывались указы о поддержке остяков и их промыслов. От его имени управляли краем остяцкие князья и русские воеводы, которых позднее заменили губернаторы. И вот теперь его одолел и уничтожил Красный царь, люди которого обещают много всяких благ на словах. Но словом сыт не будешь.

Словом не укроешься от дождя и снега.

Словом не затопишь чувал в доме.

Слово не запряжешь в нарты...

После долгого молчания Отец Детей поднял глаза, обвел взглядом семью и дом и неторопливо спросил Белого:

– А что теперь будет с нами?..

Белый, немного подумав, сказал:

– Пока русским будет плохо, вам нечего ждать хорошего.

– Нашему народу?

– Да, вашему народу.

– Неутешительная весть.

– С какой стати красные пощадят вас, если своих не пожалели?..

– Да, конечно.

Белый помолчал, потом, успокаивая хозяев, в раздумье проговорил:

– Ну, может быть, красные еще не скоро доберутся до вас.

– Утешение слабое.

Матерь Детей, покачивая дремлющего в люльке малыша, внимательно прислушивалась к разговору мужчин. Ее волновала судьба народа, но в первую очередь судьба детей. Детей она в обиду не даст. Ни единой волосинке детей на землю упасть не позволит. Ни единой слезинке детей на землю капнуть не даст. За детей она в живой огонь войдет, в живую воду ступит. Поэтому ей очень важно знать, как им завтра жить. На какого царя им сидеть, на какого Бога молиться. Когда мужчины замолкли, она стала расспрашивать гостя:

– Стало быть, красные и царя остяков уничтожили?

– Конечно. Вы же все были его подданными.

– И семью его уничтожили?

– Да.

– И матерь его детей?

– Да.

– Сколько у них детей-то было?

– Пятеро. Четверо девочек и один мальчик.

– Это мы их лики видели в Божьем доме?

– Так, да.

– И всех их... – у Матери Детей язык не повернулся произнести страшное слово, и она словно споткнулась.

– Всех.

– Ох-х-х, То-рым!.. А детей-то за что?! Белый помолчал, потом сказал:

– За то, что из царской семьи.

– Разве за это можно лишать солнца и луны?!

– Красным все можно...

– Ох, То-рым!.. В какой век мы попали!..

Женщина глубоко вздохнула и подняла влажно заблестевшие глаза на Божью Матерь, будто ища у нее одновременно и объяснения, и поддержки, и защиты. Она невольным движением притянула к себе малыша в люльке, а взглядом – остальных детей в доме. Потом подняла очи на мужа, защитника детей, защитника семьи и дома.

И Отец Детей, проведя правой ладонью по лбу и волосам, стал вслух размышлять о русских:

– Русские друг друга не жалеют...

– Да, если уже царя не пожалели.

– Поэтому им плохо.

– Наверное, так.

– А не жалеют друг друга потому, что их много. Сказывают, в ваших городах людей больше, чем деревьев-трав. Правда ли это?

– Верно, в городах людей хватает.

– Поэтому жизнь русского там ничего не стоит. Так ли это?

Белый удивленно поднял брови, остановил свои голубые глаза на невозмутимо-серьезном лице хозяина, немного подумал, а потом согласился:

– Да, получается так.

– Так-так... – неопределенно протянул хозяин. – Выходит, жизнь русского ничего не стоит... А ведь это нехорошо.

– Жизнь любого человека должна быть бесценна.

– Да, мы это понимаем.

– Независимо от того, русский он или остяк.

– Да, правильно.

– Значит, для вас нет разницы, чья жизнь более ценна?

– Для нас-то, остяков, разницы нету, – уверил хозяин.

– А для кого разница?

– Для русских, конечно.

– Понимаю.

– Поэтому, если можем, мы поддерживаем дыхание всякого человека, кто к нам приходит, не спрашивая, кто он и чем занимается. На нашей холодной земле, если человек попадает в беду, не может выжить без помощи другого человека.

– А как вы поняли, что русские менее всего ценят жизнь своих же русских?

– Из лесной жизни, – охотно пояснил Отец Детей. – К примеру, чем меньше оленей в стаде, тем жальче их. Тем они ценнее и для хозяина, и для всех других людей. Это, по-моему, всегда так: чего мало – то более всего и ценится.

Помолчали собеседники, призадумались.

Потом хозяин пояснил, что у остяков каждое время имеет свою окраску. Отсчет времени начинается с какого-либо значительного, эпохального события. Вспоминая прошлое, старики обычно говорили, что наступил или закончился такой-то век. Или Век Удачи и Благополучия. Или Век Горя и Страданий. В жизни народа всякое случалось. Были и светлые полосы, были и темные полосы. И необязательно эти периоды составляли ровно сто лет и зим. Они могли тянуться чуть больше или чуть меньше. Их долгота зависела от воли Верховного Отца. Он мог сократить Век Страданий и удлинить Век Благополучия. Или сделать наоборот. Все было в его власти.

И теперь, как бы ответно притупляя боль Белого, Отец Детей сказал уверенно:

– Век красных тоже имеет предел.

– Дожить бы до этого предела!.. – вздохнул Белый.

– Не мы, так другие доживут.

– И где этот предел находится?

– Если верить нашим старикам, так это не меньше одной человеческой жизни.

– Жизнь одного поколения?

– Да.

– Но потом могут прийти зеленые, коричневые или еще какие-нибудь неведомые нам чудища – опять на целое поколение?

– Да, может такое случиться.

– А за это время что от России останется?
– Большая страна не пропадет.
– А что с народом русским станет?
– Большой народ не погибнет.
– Хотелось бы надеяться, но...
– Белый царь пройдет по небесному кругу и вернется на Землю, – уверил Отец Детей.
– Как?!
– И дети его тоже вернутся на Землю.
– Когда?!
– Вот послушайте...

И Отец Детей неспешно стал рассказывать, куда, по остяцким верованиям, уходит человек. Все земные люди, умирающие своей смертью, попадают в Нижний Мир, мир ушедших. Этот мир располагается прямо под Средним Миром, миром людей, то есть под землей. Этот мир для простых смертных. А воины, погибающие в бою, и люди, преждевременно погибающие не своей смертью, уходят в Верхний Мир, мир богов. Там, в укромном уголке шестого ли Небесного Слоя, седьмого ли Небесного Слоя, есть священное место, где живут их бессмертные души. Место это называется особым, очень редко употребляемым, почти запретным и непереводимым словом «Тарн». Старцы иногда добавляли к этому таинственному понятию другие слова «Пухол», «Пауль» или «Торум», что в первом случае означает «Селение», во втором «Небо», или, если хотите, «Верховный Бог»... Души, пройдя по шести ли Небесным Слоям, по семи ли Небесным Слоям, снова возвращаются на Землю. Там начинается жизнь после смерти.

И Белый царь, побродив по Небесным Слоям необходимое число лет и зим, вернется на Землю. Душа его нетленна. Душа его бессмертна. И его дочери вернутся на Землю. И его сын вернется на Землю. И его супруга вернется на Землю. И все его люди, у кого преждевременно была отнята жизнь, вернутся на Землю.

И снова Белый царь взойдет на свой трон и начнет править Россией, русским народом и всеми россиянами российской земли. А если не захочет сам, то уступит свое место на царском троне сыну-наследнику, или дочке-наследнице, или внуку-наследнику, или внучке-наследнице. И возродится царь, ибо человеку он так же необходим, как Бог, как Солнце, как Луна. И жизнь пойдет по следующему кругу. Ведь Земля будет на своем месте, значит, останется и страна, и народ.

– Так продолжится их жизнь на Земле, – закончил свой рассказ Отец Детей.

Долго молчал Белый человек. Потом спросил:

– Вы уверены...

– Если бы не было такого, то и жизнь бы невозможна была на Земле, – уверил хозяин.

Еще дольше молчал Белый. Еще дольше размышлял. Потом тяжело вздохнул, тяжело отвесил слова:

– Россия погибла... И мне не дожить до того дня, когда возродится Россия и русский народ. А возродятся Россия и русский народ лишь в том случае, если вернется русский царь – душа народа, лицо России. А это будет, как вы сами утверждаете, очень не скоро. Все это будет после моей кончины, без меня...

– А ваши дети?

– Никому не ведомо, дождутся ли мои дети.

– Ну, внуки будут.

– А кем будут внуки – тоже никому не ведомо. Они далеко от родины. Не забудут ли родной язык? Вспомнят ли свои корни? Захотят ли вернуться назад? А о правнуках и думать страшно... Русский вдали от родины не может жить. Он либо спивается, стреляется, либо уходит в другой народ.

– Остались же русские в России?

– Пока русский царь вернется, из них большевики весь русский дух вытравят, а где не смогут вытравить – так прикладами выбьют. Это они умеют делать, поверьте мне... Сейчас в народе разбудили самые низменные страсти, чтобы одна половина народа уничтожила другую. В живых останутся те, у кого напрочь искалечена душа. Это уже не люди, а существа страшнее зверя. И может так случиться, что царь вернется и его уничтожат второй раз. Могут уничтожить и в третий раз. Вот и получается: погибает царь – погибает народ, а погибает народ – погибает страна. Не хочется с этим смириться, ибо русский народ – народ добродушный по природе, незлобивый, добрый. А доброта бесследно не исчезает. Но пришла погибель... Не хочется в такое верить, но это так...

Замолчал Белый человек.

Молчал и хозяин дома, Отец Детей. Тут трудно что возразить. Он всем своим нутром почувствовал, что у дальнестороннего гостя в душе вместе с Белым царем и Его детьми погибли народ и страна Россия.

Жаль его. Больно за его искромсанную самими же русскими светлую и добрую душу. И, к сожалению, никто не в состоянии помочь ему.

Разве что русский Бог?

Разве что возведенный им Божий дом?

Разве что Божья Матерь?

А Божья Матерь, казалось, внимательно прислушиваясь к горьким словам людей о судьбе русского царя и его детей, о судьбе русского народа и о судьбе Белого человека, попытавшегося в одиночку предотвратить самое страшное и гнусное преступление двадцатого века на Земле, молча уронила слезу.

И в притихшем доме каждый подумал о своем. Кто о слезинке сердобольной Божьей Матери, кто о прозрачной капельке тающего под весенним солнцем божьего снега на крыше.

Но в конечном итоге все: и то, и другое – от Бога...

ГЛАВА 13

Матерь Детей, внимательно слушавшая беседу мужчин, воспользовалась паузой в разговоре и сказала:

– А ведь мы могли бы спасти русского царя.

– Да, спасти могли бы, – подтвердил и хозяин дома.

– Каким образом? – спросил гость.

– Он был на окраине наших земель. – сказал хозяин дома.

– Да, недалеко, в Тобольске.

– Так вот, его надо было привезти в наши места, – начал размышлять вслух хозяин. – В глубь наших земель ему нужно было идти. Тут бы он и переждал это время... Как вы его называете?

– Смуту.

– Во-во, переждал бы смутное время. В наших лесах-болотах его бы ни один красный не достал.

– Это, пожалуй, правда.

– Пожил бы до зимы, дождался бы первого снега, а там, если бы захотел, уехал бы на оленях то ли в сторону восхода, то ли в сторону заката. Воля царская...

– Я вот не успел... – русский развел руками. – Впрочем, про этот вариант я тоже размышлял. На самый крайний случай, если бы другого выхода не нашли.

– Это про отъезд на оленях?

– Да. Был случай бегства на оленях.

– Где это было?

– Про город Березово слыхали?

– Да, Березово мы знаем.

– Бывали там?

– Нет, но знаем, как народ туда ездит. Надо добраться до вершины Казыма, потом ехать вдоль реки до самого устья, а там переехать через Обь – и будет Березово.

– Так это по карте-бумаге?

– Да, верно. Там сам светлейший князь Меншиков земные дни закончил. Что-нибудь про него слыхали?

– В нашем доме вроде бы не было речи о нем.

– А про царя Петра Первого знаете?

– О, про царя Петра много кое-чего рассказывают старые люди. Хорошим словом его вспоминают.

– Сам-то он вроде бы не доезжал до этих мест, а вот князь Меншиков, правая рука Петра Первого, попал на ваши земли – был сослан в Березов. Там побывали многие известные россияне.

– Это, говорят знающие люди, не очень далеко. Ведь верховья наших рек довольно близко сходятся.

– Так вот, один из главарей большевиков, господин Бронштейн,[32] бежал из ссылки на оленьей упряжке. Из Березова. Помогали, конечно, остяки и вогулы.

– Не поймали?

– Нет, конечно. Кто ж в снегах его след разыщет.

– Вот мы про то и говорим: и Белый царь мог бы уехать на оленях туда, где красные не смогли бы его достать. Есть же такие места? Есть же такие страны?

– Есть.

– Вот и остался бы жив.

[32] Речь идет о Л.Д. Троцком, который в 1906 году по пути на место ссылки на оленьей упряжке бежал из Березова, перевалил через Урал и затем уехал за границу.

– Да.

– И дети бы его выжили.

– Да. Но не получилось так, – сказал Белый человек. – Это я виноват. Я виноват в их погибели. Не будет мне прощения ни на этом, ни на том свете. Не смог, не успел...

Он опустил седую голову, обхватил ее руками и так, притихнув, долго сидел неподвижно. Может быть, припоминал свою долгую дорогу в Сибирь, на земли остяков. Когда он очнулся и приподнял голову, хозяин, стараясь приободрить гостя, сказал:

– У нас человеку просто так погибнуть не дадут.

– Почему?

– Нас мало. Нас намного меньше, чем деревьев-трав. Поэтому мы особо ценим каждую человеческую жизнь. Человеческое дыхание не имеет цены. И оборвать его никто не решится в мирное время. Особенно дыхание безвинного человека. Особенно дыхание царя. И тем более детей, совсем безвинных пред Верховным Отцом.

– Понимаю, – сказал Белый человек. – Вас мало, поэтому вы, может быть и совсем неосознанно, бережете друг друга. В вас больше доброты и жалости, чем у русских.

– Наверное, так.

Опять все помолчали. Потом снова, взглянув на мужа, первой заговорила Матерь Детей:

– А ведь мы могли бы защитить Белого царя. Будь он на нашей земле.

– Да, мы умели воевать, – подтвердил муж. Они помолчали. И затем, дополняя друг друга, начали вспоминать прошлое своего народа. Это был неторопливый диалог людей, понимающих друг друга с полуслова. А возможно, даже и без слов. Муж скажет слово, жена добавляет другое. Первым было слово хозяина:

– Наши предки были храбрыми воинами.

– Да, это всем известно.

– Князья наши были мудрыми военачальниками.

– А богатыри сильными.

– Малым числом завладели большими землями.

– И сохранили эти земли до сегодняшнего дня.

– Земли эти конца и края не имеют.

– Мало кто достигал их окраин.

– На полдень пойдешь – до степи дойдешь.

– В полуночную сторону повернешь – океан с вечными льдами и снегами увидишь.

– На восход пойдешь – широкая, как море, река остановит.

– На закат повернешь – каменные горы увидишь.

– Тут леса и горы, тундра и болота, реки и озера.

– И всюду на этих землях расселился наш остяцкий народ.

– Пришли сюда в древние-задревние времена.

– Может быть, семь-восемь тысячелетий назад...

Белый человек понимал, что беседа-диалог предназначается для его ушей. Поэтому не перебивал их, но, когда хозяева сделали паузу, сказал:

– Тысячу-то лет вы уж точно живете здесь...

– Откуда вы так точно знаете? – немного удивился хозяин.

– Из летописи. Из бумаг.

И он пояснил, что, собираясь сюда, в Сибирь, просмотрел кое-какую литературу об этом крае и его коренных народах.

Почти тысячу лет назад сюда проникли русские – новгородские торговые люди, которые встретили угров. И землю эту назвали Угрой или Югрой, а ее жителей угорцами. А теперь они стали называться остяками и вогулами.

– Чудно, – проговорил хозяин. – Значит, все записано на бумагу?

– Да, в летописи.

– Там и время указано?

– Да, конечно. А вы откуда знаете свое прошлое?

– Из преданий, их пересказывают наши старцы.

– Мы их древними сказаниями называем, – добавила хозяйка.

– А откуда пришли?

– С того края, где стоит вечное лето.

– Там вода в океане такая же горячая, как в чайнике, только что снятом с огня, – уточнила женщина.

– А почему такую теплую землю поменяли на холодную?

– Не знаю. Это было очень давно.

– Предания ничего об этом будто бы не говорят...

– А хотелось бы узнать?

– Конечно, каждому народу интересно, откуда он взялся, что было в древнем прошлом.

Все замолчали, задумались каждым о своем. Если не о прошлом, то о будущем. Всякое смутное время наталкивает на размышления о сегодняшнем и завтрашнем дне, о годе прошедшем и будущем.

Затем Матерь Детей снова вернула всех к судьбе царской семьи:

– Если бы Белый царь добрался до селения остяков, то можно было бы призвать ему на помощь и магические силы нашей земли, нашего народа. Мы одели бы его в белые одеяния.

– В какие одеяния? – спросил гость.

– В белые, в божественные.

– В божественные?

– Да, в оберегающие.

И женщина не спеша стала рассказывать, кого одевают в белые одеяния. В белых одеяниях ходят только боги. Белый цвет – это цвет жизни у остяков. А белого не так мало и не так много вокруг. Белый снег. Это божественный снег. Сам Верховный Отец присылает с Неба белый снег. Стало быть, снег божественный. Снег здесь для того, чтобы лучше скользили полозья нарт, чтобы легче было оленям тянуть поклажу. Снег для того, чтобы прикрыть уставшую землю и дать ей передохнуть до весны. Снег для того, чтобы охотник мог выследить зверя и насытить добычей свою семью. Белый снег, запорошив след, при необходимости спасает человека от коварного врага.

Белая зима сменяется зеленым летом. Но взамен белому снегу приходит белая ночь. Наступает время царства белого солнца. Солнце приносило белый день, чтобы люди могли увидеть друг друга и полюбоваться деревьями, травами, водами, землей и небом.

Когда напрочь угасает белая ночь и приходит прохлада бесснежного предзимья, в доме поселяется огонь чувала, освещающий белым светом людей, чтобы они бесследно не растворились в черной осенней мгле.

Потом вступает в свои права белоснежная зима. А ее заменяет ласковая весна с серебристо-белым настом, матово-белой коркой льда и талыми водами. И земля начинает принимать пополнение. Оленихи приносят оленят. Изредка – белых.

Рождение белого оленя всегда было радостным событием. Наверное, белые олени тоже от Бога. И обычно их вручали Верховному Отцу или его сыновьям и дочерям. Таких оленей, если в стаде достаточно было ездовых, в нарту не запрягали. Они жили, украшая жизнь, дом и пастбище. Бывало, белые олени проживали долгую жизнь. А потом, исполнив священный обряд, вручали души белых оленей их Верховному Хозяину, а белошерстные шубы животных водружали на самой верхушке высокой сосны святого места. Если возникала необходимость, то белыми тканями заменяли белошерстные, а из них создавали белые одежды. И они еще долго оберегали от всяких невзгод человека, который ходил в таком одеянии. Обычно это были князья, богатыри, шаманы, старцы и просто мудрые люди.

И русскому царю, будь он здесь, сотворили бы белые одеяния, которые оберегали бы его от красных, оберегали бы от всех невзгод и напастей смутного времени. Сам Небесный Отец повелел бы ему ходить в божественном одеянии. И его сыну-наследнику Алексею предназначено божественное одеяние, оберегающее от всех напастей смутного времени. И его дочерям-княжнам тоже бы сотворили белые одеяния. В них бы они печали-горя не знали. Так казалось Матери Детей.

Она все размышляла о детях Белого царя. И в мыслях уже сотворила им белые шубки. Теплые, легкие, красивые, богато изукрашенные орнаментами. Старшей княжне Ольге она подобрала широкий узор «ветка большой березы». Как первенец в семье, как старшая, княжна Ольга имела право на самый сложный и мудрый орнамент в своих одеждах. И Матерь Детей заботливой рукой мастерицы мысленно вписывала в узор всю жизнь великой княжны, жизнь прошлую и будущую. «Ветка большой березы» держалась на одной заглавной линии, напоминавшей долгую и древнюю реку, от которой ответвлялось бесконечное множество малых речек, ручьев, стариц и заливчиков с самыми замысловатыми изгибами-извивами, куда иглой мастера заносились все мгновения земных и небесных дней милой девушки. Но при этом каждый штрих и каждый стежок строго соразмерны, подпитывают одно заглавное русло и утверждают одну мысль о вечном бытии великой княжны в этом

мире. Таким образом, «ветка большой березы» для девушки станет надеждой, оберегающей от всех невзгод на жизненном пути.

Княжна Татьяна получила чуть меньший узор под названием просто «ветка березы». Ведь ее земные дни немного короче, чем старшей сестры. Стало быть, и ее жизнеописание потребует меньше места.

Княжне Марии достался орнамент «рог оленя». В белоснежную зиму без оленя никуда. А олень может умчать и в неведомую даль, и в неведомую высь.

Младшей княжне Анастасии больше всего подходит узор «заячьи ушки». Это и оберег, и игрушка. Дети всегда любят зайца: с ним можно поиграть и порезвиться.

Матери княжон пригодился бы солидный узор «спинка соболя на две стороны», ограждающий от многих земных неприятностей. Мать должна быть не только доброй и ласковой, но и сильной. А силы прибавит ей «спинка соболя на две стороны», прикрывающая ее саму и ее детей справа и слева, отводящая все беды. С этим узором несчастья обойдут ее.

Если бы гость сумел привезти с собой русского царя с семьей, то все это могло бы быть не только в ее воображении, но и в реальности. Тогда бы призвали на помощь всех остяков-сородичей, всех богов и самого Верховного Отца. Разве устояли бы красные пред такой земной и небесной силой? Не только не устояли бы, но и напрочь потеряли бы след государя императора. До тех пор, пока он сам не объявился бы в нужное время в нужном месте.

Между тем Белый человек вернулся к началу разговора о малой численности остяков:

– Вас мало, поэтому вас надо оберегать, чтобы совсем не исчезли с лица земли.

И, вздохнув, добавил, что это понимают не все русские. Особенно красные. Эту истину могут постичь только умные и образованные.

Но их всегда не хватало на Руси. Русь всегда много страдала от дураков... Но хозяин возразил:

– Надо беречь дыхание каждого человека.

И пояснил свою мысль:

– Наша земля огромна и хороша тем, что мы здесь бережем жизнь любого человека. И русский, попадая сюда, становится малым народом. Поэтому и его жизнь становится бесценной, и мы его так же оберегаем, как и остяка.

Белый человек молча слушал. Очевидно, нечего было возразить.

ГЛАВА 14

Как-то тихим вечером после второго легкого ужина Белый человек стал расспрашивать хозяина об остяках и вогулах, их истории, о том, откуда они пришли на эту землю. Что говорит об этом народ?

– История эта длинная, – начал хозяин. Привычным движением правой ладони он пригладил кучерявый затылок и, припомнив с участием Матери Детей все предания и рассказы стариков, поведал о заселении этой земли.

В древние-предревние времена остяков и вогулов называли уграми. Долго ли, коротко ли жили угры на берегу Тепловодного Океана, где было вечное лето. Но однажды что-то стряслось. Может, земля провалилась в бездну – ушла под воды Океана, может, мор какой напал на народ, может, какие завоеватели захватили теплое побережье. Об этом народные предания умалчивают. Но двинулся народ на север. Шли медленно, неторопливо, защищаясь от древних воинственных племен. Шли, может быть, несколько столетий, а может, и тысячелетий. Шли в тяготах и лишениях. Чем дальше на север, тем меньше привычной пищи для теплобережного угра и тем больше нужда в теплой одежде и теплом жилище. Чем дальше, тем труднее прокормиться и укрыться от непогоды большому народу.

И однажды, чтобы выжить, угры разделились на три группы. Одни пошли в сторону заката, держа полуденное солнце на левой половине лица. Дошли до реки Дунай, обосновались там и стали называться мадьярами. О них отдельная история... Вторая группа тоже ушла в сторону заката, держа полуденное солнце на левой половинке затылка. Они ушли очень далеко, до самого края земли, до Закатностороннего Океана, и обосновались там, на приполярном побережье Атлантики, и стали называться саамами. В этом многотрудном пути они растеряли, оставили на встречных реках-землях много своих соплеменников, из которых со временем сложились родственные народы, близкие уграм по языку. А наиболее выносливая и хладостойкая часть угров все продолжала двигаться дальше на север, неся полуденное солнце прямо на затылке. Эти стали называться обскими уграми. Сначала они жили в безлесных степях, а потом заняли всю пойму реки Обь.

Угры – это воины-богатыри, не знавшие ни одного поражения в своей древней истории. Это обстоятельство подтверждается тем, что малым числом и за короткое время они заняли и закрепили за собой

огромную территорию Западной Сибири. На востоке – до реки Енисея. На западе – до Уральских хребтов. На севере – до самого устья Оби, до вечных, не тающих снегов и льдов, до самого Льдистого Океана. На юге – до степной зоны. А врагов хватало. Со стороны Восходящего солнца на угорские земли делали набеги тунгусы, со стороны Заходящего солнца – зыряне, с Полуденной – татары, а с Полунощной – самоеды, или «шерстяные люди». Так их прозвали потому, что одеты они были в шкуры зверей, что было в диковинку уграм, пришедшим с побережья теплого океана.

Угры умели воевать и могли постоять за себя. Даже самые многочисленные племена татар не рискнули идти дальше на угорские земли и остановились на границе лесов и степей.

Угры понастроили города-крепости и плавильные печи для выплавки железа. Они еще не успели утратить ремесла и традиции, приобретенные в период жизни на побережье теплого океана.

Мудрые князья-предводители думали прежде всего о безопасности народа. Они обучали юношей военному делу, выплавляли железо, ковали мечи и пики, изготовляли боевые шлемы и рубахи-кольчуги. Немного позднее соорудили святилища-капища, обустроили угодья-вотчины и занялись охотой и ловлей рыбы. Южные угры сохранили коней и коров, а северные пересели на оленьи упряжки и позаимствовали у самоедов глухую «шерстяную одежду» и «шерстяные дома» – кочевые чумы.

Земли оказались бескрайними, что с запада на восток, что с юга на север. Те, кто оказались на окраинных вотчинах, общались друг с другом все меньше и меньше. Так постепенно из приуральских угров сложился новый народ вогулы со своим языком, конечно, очень близким к остяцкому.

Между тем вогулы периодически отражали набеги татар и самоедов. Особенно докучали последние, издавна промышлявшие грабежом и разбоем. В открытый бой они не вступали, а нападали на малые селения и на одиночные семьи промысловиков. Перебив стариков и детей, поживившись добром в домах и амбарах, полонив женщин и захватив скот, резво укрывались на тундровом побережье океана. Лучшей добычей у них считались женщины и стада оленей. Женщин они брали в жены. Своих, что ли, не хватало? А оленей в первую очередь использовали в пищу. Через год-другой, когда проедали награбленное, делали новый набег. Бывало, вогулы преследовали их, отнимали добычу и освобождали полоненных женщин, а случалось, те уходили безнаказанно, по-заячьи путая следы, прикрываясь метелью-пургой. Угры не принимали их за серьезных противников: и войска не выставишь – не с кем воевать, и колесить по тундре, по одному истребляя их племя, тоже не дело: гордые богатыри не хотели и не могли стать подлыми убийцами. Правда, после появления русских «шерстяные тундровики» намного присмирели, но их набеги исподтишка продолжались вплоть до прихода красных. С одной стороны, они побаивались русского царя и царских князей-воевод, с другой стороны, когда крепости-города угров оказались разрушенными и те расселились по большим и средним судоходным рекам, удобнее стало нападать и грабить отдельные семьи и малые селения.

Татары же нападали большим войском, и с ними бились до победного конца. В этих битвах угорские богатыри одерживали верх, и остатки войск противника всегда отступали и возвращались в свои степные владения.

Времена были суровые. Выживали только те народы, кто мог защитить себя и свои земли. Но когда границы установились, угры повели себя миролюбиво: чужое не отбирали, но и свое не отдавали. Никто не помнит случая, чтобы они ходили в поход с целью захвата или грабежа чужих земель. Может быть, потому, что всего своего было в достатке: и земель, и рек-озер, и оленьих пастбищ, и лугов-покосов, и зверя-рыбы. Зачем чужое, когда есть свое.

Так прошло много веков. Так жили угры до прихода русских.

Русские побили татар, но не остановились на этом, пошли дальше на север, на обских угров. Но, однако, не смогли одолеть их, не смогли взять их города-крепости. Долго бились, но все тщетно...

До прихода русских никто не одерживал верх над угорскими богатырями, никто не мог их одолеть. Были они стройными, ловкими, рослыми. Грудь спящего богатыря вздымалась до уровня трех нижних венцов деревянного терема города-крепости. При необходимости богатырь мог надолго схорониться под снегом в тайге и под водой и льдом в реке. Попав в засаду, легко перемахивал через конные повозки татарского войска и беспрепятственно перелетал через огненное кольцо многих костров. Стряхивал, разбивая насмерть, одновременно дюжину воинов с левой и с правой руки. В безвыходной ситуации богатырь прибегал к магической шаманской силе – мог обернуться иголкой и затеряться в траве-мураве под ногами иноземного войска. Богатырь заговаривал болезни, останавливал кровь, снимал боль, прикосновением пальцев руки заживлял колотые и резаные раны, мог превратиться в невидимку... Возможно, поэтому еще в древние-задревние времена о них начали складывать легенды и сказания. До сих пор передаются из уст в уста предания о богатыре Мадур Вазе и богатыре-шамане Танье. На протяжении многих веков угорские богатыри были непобедимыми.

Все знали, что непобедимы угорские богатыри. Бесстрашны, как медведи. Проворны и ловки, как горностаи. Быстры, как лоси. Живучи, как семиголовые великаны. Благородны, как угорские боги.

Для богатыря считалось позором обмануть врага и одолеть его в нечестном бою. Только слабый духом и телом может пойти на обман и таким путем завоевать победу. Но таких среди угорских богатырей не водилось.

Может быть, честность и доверчивость в конце концов погубили угорских богатырей.

Долго бились русские, но не могли победить угорский народ. И тогда русские пошли на хитрость. После очередной безуспешной попытки одолеть остяков и вогулов привезли и оставили возле стен города-крепости какие-то бочки, а сами ушли. В них оказалась веселящая вода. Напились этой дурной воды угорские богатыри. Сначала всем стало необыкновенно легко и весело, а потом все потеряли разум, нахлынули слабость и апатия, притупилось чувство опасности, и всех сморил сон. Тут русское войско и ворвалось в город-крепость – перебили князей-военачальников и воинов-богатырей, а женщин и детей взяли в плен.

Так русские захватили первую крепость, первый город.

Потом таким же образом русские захватили и разрушили и другие города-крепости обских угров – остяков и вогулов. Всего же порушили, по одним подсчетам, сорок городов-крепостей, по другим, пятьдесят. А возможно, и все сто...

Князья, оставшиеся живыми после падения городов-крепостей, присягнули на верность русскому царю. С тех пор вот уже триста с лишним лет остяки «сидя на Белого царя живут». Русский царь оказался мудрым: в дела остяков почти не вмешивался и не пытался бездумно поломать привычный уклад их жизни. По его воле остяками продолжали руководить сами же остяки. Остяцкие князья, получив еще и княжеские титулы от русского престола, продолжали управлять делами остяцкого народа уже от имени самого государя императора.

Одним из последних титулованных остяцких княжеских родов был род Тайшиных. 2 февраля 1887 года тобольский губернатор сообщал министру внутренних дел:

«3 февраля истекшего года в с. Обдорском Березовского округа вверенной мне губернии скончался обдорский остяцкий князь Иван Матвеевич Тайшин, имевший высочайшую грамоту, данную в 14 день января 1768 г. отцу покойного князя Матвею Тайшину за собственною подписью ее величества государыни императрицы Екатерины II об утверждении его, Матвея Тайшина, в княжеском достоинстве с предоставлением ему права заведывания остяцким народом и собиранием ясака со сдачею такового в казну.

После смерти Тайшина осталось значительное для остяка имущество и, между прочим, следующие предметы, пожалованные ему высочайшими особами: большая золотая медаль для ношения на шее, пожалованная государем императором Николаем Павловичем с надписью «За полезное»; большой серебряный кубок, пожалованный покойному государем императором, а также малинового бархата шитый золотом кафтан и парчовый камзол. Кроме того, бронзовая медаль в память войны 1853 – 1856 гг.

Прямыми наследниками покойного князя являются родные его сыновья старший Иван и младший Марк Тайшины, которым в последнее время перечисленные выше предметы и выданы, кроме объясненной высочайшей грамоты...».[33]

Так управлялась угорская земля три столетия.

Остяки и вогулы верой и правдой служили государю императору, пополняя его казну мягкой рухлядью.

Однако как ни мудр был русский царь, как ни заботился об остяках, его правление принесло и горькие плоды. Русские заняли лучшие рыбные угодья на Оби и привезли кроме водки и табака многие неведомые здесь ранее болезни. Измельчал народ, а воины-богатыри почти совсем перевелись. Теперь не часто встретишь молодца с грудью высотой в три толстых венца. Как полагают сами же пришлые, все это от русской водки. С одной стороны, оно и понятно: им хотелось спокойно жить и спать. Совсем ни к чему держать под боком сильных инородческих богатырей. С другой стороны, народ не может позабыть о своей былой силе и мощи...

Теперь остяки с каждым годом все убывают и убывают числом, а земля их, Югра, остается неизменной в границах. Их опустошающиеся земли занимают новопоселенцы, пришельцы из других мест, из городов-селений, где людей больше, чем деревьев-трав. Ничто не вечно под Солнцем и Луной. Очевидно, кончается земная эра обских угров...

[33] Тобольский фонд гос. архива Тюм. обл. (ТФ ГАТО). Ф.И. – 152. Оп. 33. Д. 596. Л. 4–4 об. Подлинник. Рукопись.

Они прошли через многие тысячелетия, одержав верх во многих битвах-сражениях, закалившись в жаре у Тепловодного Океана и в холоде у Льдистого Моря, презрев многие тяготы и лишения, одолев безжалостные моры и болезни, познав любовь земную человеческую и небесную божью.

И если будет суждено им волею Верховного Отца покинуть навсегда свою землю, то последние остяки уйдут с достоинством, присущим угорским богатырям, и с надеждой, что найдут пристанище в священном месте шестого ли Небесного Слоя, седьмого ли Небесного Слоя, где покоятся души чудо-богатырей, князей-предводителей, воинов, мудрых старцев и шаманов, преждевременно погибших женщин и детей, всех тех, кто положил живот свой за остяцкий народ...

ГЛАВА 15

«Пойду я в Европу, – сказал Белый. – Пойду молиться. Буду молиться за упокой души государя и его детей, за души всех безвинно убиенных, буду отмаливать свои и чужие грехи. Решил идти по снегам, Северным Ледовитым океаном, потому что видеть не могу красных. Смотреть на них не могу. Как увижу красных, так и всплывают в памяти их жертвы: не те, что в бою убиты, а те, что в плену в их застенках замучены, забиты, заживо заморожены, сожжены, растерзаны на части...

В свои сети заманивают лаской, лестью, коварством, подлостью, не щадя ни своих, ни чужих детей, ни родных, ни близких. В этой подлой жестокости никто не в силах их остановить. Только Бог может их образумить. Если, конечно, захочет. Вот я и хочу просить Его об этом. Просить буду до конца дней моих. Может, услышит, может, образумит их, может, захочет помочь, ибо красные без царя в голове и без Бога в душе не знают, что творят. Словом, буду помолиться и за белых, и за красных. Ведь все они русские.

Пойду по снегам, потому что не хочу отдавать свою жизнь красным. Не хочу, чтобы была уничтожена еще одна капля русской крови. И сам я тоже не хочу и не могу более отнимать чужие жизни... Иду по этой земле, зная, что непременно доберусь до своей цели, что не сгину бесследно в белых снегах, ибо Бог сохранит меня, раз не дал погибнуть в гражданской бойне, раз не дал растерзать безумной толпе, раз не дал сгинуть бесследно в застенках чекистов.

Вот с такою верою иду на запад. И чем ближе я к цели, тем больше убеждаюсь в своей правоте, ибо в самый трудный час кто-то всегда приходит мне на помощь. Вот и сейчас Бог послал вас...»

Белый взглянул на Отца Детей и повторил:

– Это Бог послал вас...

– Да, без Него ничего не делается на земле... – согласился хозяин.

– Знаю.

– Когда выпадет снег, я дам тебе упряжку самых смирных и выносливых оленей, и ты уедешь на них, – сказал хозяин.

– Хорошо, дожить бы до снега.

Потом, ловя рыбу, сидя в «мастерской» в кругу стружек, стоя возле дымокура или осматривая стадо, они в деталях обсуждали, как Белый поедет в Европу. Можно было по побережью Ледовитого океана, но эта дорога долгая и трудная, а можно было через Березово, этот путь короче, но опаснее. Для этого надо доехать до верховья Казыма, оттуда вдоль реки до Березово, а затем вдоль Сосьвы до Урала и дальше к Богословскому заводу. Там начинается узкоколейная железная дорога. По ней – до Кушвы. А дальше через Пермь, Вятку, Вологду, Санкт-Петербург прямая дорога на Гельсингфорс – это уже Финляндия, это уже свобода.

У каждого пути были свои преимущества и недостатки.

– Ладно, доживем до осени, – сказал Отец Детей.

– Доживем, там видно будет, – согласился Белый.

Когда выпал снег и встали реки и озера, мужчины собрались в путь на двух упряжках. Договорились, что Отец Детей проводит гостя до Божьего Озера, что в верховье Казыма, где живут его дальние родственник, а там окончательно решат, по какому пути дальше поедет Белый: то ли оттуда повернет прямо на Север, то ли на запад – вдоль реки, к Березово. В любом случае, как это принято у остяков, хозяева тамошнего селения проводят его до следующего селения. Одного не отпустят. А красных особо остерегаться нечего: в меховой одежде, владея языком, мало кто догадается, что он не остяк, а русский.

«Тем более что в нашем роду был русский, – сказал Отец Детей. – Лет сто назад Белый Царь выслал сюда на поселение каких-то бунтарей, которые против него пошли. Так вот, один из них женился на девушке из нашего рода и остался здесь. Звали его Аи Русь Вунг.[34] Почему так прозвали? Обычно так зовут

[34] «Ай Русь Вунг» в переводе на остяцкий означает «Младший Русский Зять».

тех, кто женился на младшей дочери, на младшей сестрице рода. Есть старший зять, есть средний, есть младший. Так вот, всякие забавные истории про младшего русского зятя рассказывают: как он учился ловить рыбу, пасти оленей, выслеживать зверя и птицу. Вначале все делал не так, как нужно. Ну и часто попадал впросак. Но настырный был, работящий, всему научился, и в роду полюбили его. А потом у него свой род пошел. То ли сыновьям его, то ли внукам очень пришлась по душе рыбная ловля. Они занялись рыбным делом, и двое из них переселились к устью Оби, где водится много белой рыбы: осетр, стерлядь, нельма, муксун... Сказывают, до сих пор их потомки там живут, возле Обдорска-города рыбу промышляют. А фамилия у них не остяцкая – Салтыковы. У царицы Екатерины кто-то из их предков служил. Вот от тех Салтыковых и досталась фамилия нашему Малому Русскому Зятю и его потомкам...

– Спросят, скажешь: в роду был русский, – сказал хозяин. Белый кивнул.

– У многих остяков, живущих по берегам Иртыша и Оби, фамилии почему-то пошли чисто русские, – рассказывал хозяин. – Может, смешались давно с пришедшими из России?

Хозяйка накрыла на стол, сели выпить чай перед дорогой. Хозяин, попивая чай, кивнул в сторону, куда они поедут, и сказал, давая понять Белому, что собрался в путь не только ради него:

– У меня там есть и свои дела...

– Какие?

– Давно там не был, пора поклониться богам тех земель и вод.

Перед отъездом Белый, отдавая Отцу Детей винтовку и револьвер со всеми патронами, сказал:

– В лесу живете, в смутное время. Может, пригодится дом, землю защитить...

– А ты как же?

– Обойдусь.

– Без оружия, без защиты?

– Теперь я с Богом, – улыбнулся Белый и кивнул на часовню.

Отец Детей тоже глянул на Божий дом.

– Захочет – спасет, захочет – погубит, – сказал Белый.

– Так-то оно так.

– И оружие не поможет.

– Так-то оно так, – повторил Отец Детей.

Белый обвел погрустневшим взглядом селение, потом расцеловал детей, а Матери поцеловал руку и на прощание сказал:

– Мир тесен. Может, еще свидимся когда. Может, наши дети свидятся.

– Свидимся... – многозначительно сказал хозяин, глянув на небо.

– Жизнь не имеет предела... – вздохнула Матерь Детей.

– Не забывайте Божий дом, – попросил Белый. Помолчал, потом добавил: – Буду молиться за всех вас.

– Удачи и здоровья! – пожелала хозяйка.

– С Богом!..

Упряжки тронулись. Хозяин впереди, а за ним гость, ставший близким и родным за прошедшее лето. Отъехав, он оглянулся. Полукругом неподвижно стояли дети возле Матери. Они молча и грустно смотрели ему вслед. Только неугомонный Ромка, не совсем понимая, что дядя Петя, дядя Здравствуй, покидает их дом навсегда, бодро помахивал правой рукой.

Он уезжал в Европу, к своей семье, и чтобы молиться за безвинно убиенных русских, за свой, как он выражался, неразумный народ, за свою погибшую Россию. Что его ожидало в пути, никто не знал.

ГЛАВА 16

Дорога привела Матерь с детьми к селению. Первыми почуяли приближающееся жилище олени, Угольный и Молочный. Предчувствуя отдых, быки-братья сами прибавили шаг, заспешили. Увидев чумы, обрадовались и путники.

Наконец-то люди! Наконец-то тепло, пища и уют! Наконец-то олени!

Матерь Детей остановила упряжку, быстро завязала поводок-вожжу и рванула дверь ближайшего чума. И остолбенела. В чуме было полно людей, но все они в странных позах. Все неподвижны.

Голова в платке с бахромой.

Головка в оранжевом платке.

Черная с проседью толстая коса на белом песцовом воротнике ягушки.

Костлявый, бугристый в суставах кулак с крепко зажатой табакеркой из желтой кости мамонта.

Затылок с сорванной вместе с кожей светлой косичкой.
Головка в лисьем капюшоне с ушками.
Руки, скомкавшие окровавленный платок.
Головка в выдровой шапке.
Цветастый платок с бахромой.
Огромный перекошенный рот, захлебнувшийся немым криком.
Голова без капюшона.
Сведенные судорогой челюсти.
Лоб с круглым черным отверстием чуть выше переносицы.
Головка в голубом.
Высокая женская шапка из белого пыжика.
Тугая женская грудь с коричневым соском, вывалившаяся из полы расстегнутой ягушки.
Под грудью расшитый бисером маленький капюшончик малицы с медными подвесками и бубенчиком.
Перед грудью беленький платочек.
Губки с белым налетом от молока.
Взлохмаченная ягушка.
Пустая глазница.
Единственный глаз покрылся сухой пленкой всепрожигающей ненависти к убийцам.
Перебитая рука.
Перебитая нога.
Полчерепа.
Пол-лица.

Стол посреди чума обрызган сгустками побуревшей крови и облеплен ошметками слегка пожелтевшего головного мозга. Стенки чума в крови. Лежанки в крови. Посуда в крови. Одежда в крови. Весь дом в крови.

Все неподвижны. Все уснули вечным сном. Только младенец с высоты своей люльки, наклонившись вперед, прижав подбородок к груди, красными, как у тетерева, глазенками, кажется, с удивлением вглядывался в неподвижные лица своих сородичей. Сейчас, когда задели жердину чума, люлька качнулась и медленно закружилась сначала в правую сторону, потом в левую. И, казалось, раскрыв ротик, он еще с большим нетерпением стал высматривать внизу свою молодую и красивую маму. Он надеялся на чудо. Он звал маму. Он ждал маму. Он просил воды, пищи и тепла. Его мучила жажда, ибо слезами выплакал всю воду.

Младенец поседел. Стал белым как снег. От плача он охрип и смолк. Притих. Только подвесной ремень его люльки, вращаясь, жалобно постанывал.

Младенца ни одна пуля не задела. И не потому, что красные пощадили его, просто красные стреляли по сидящим. В упор. Залпами. Через тонкую стенку чума. Поэтому сидевшие слева приняли смерть спиной, а те, кто были на правой лежанке, – грудью. И лишь младенец с высоты своей люльки, как небесный херувим, видел, кто и как принял неминуемую кончину. Только ему было суждено пережить всех сородичей в этом чуме.

Матерь Детей быстро захлопнула дверь чума. За ее спиной вырос старшенький Роман, спросил:

– Кто там?

И Матерь вдруг стала заикаться:

– Т-т-т-т-т...

Не могла вытолкнуть первое слово:

– Та-та-та...

Наконец, после паузы, ей удалось родить первое слово:

– Там... кровавый пир красных!..

Она хлебнула воздуха. Потом повернула сына лицом в сторону упряжки и, слегка подтолкнув в спину, шепотом сказала:

– Иди к младшим... Этого тебе лучше не видеть...

И мальчик молча поплелся к нарте.

А Матерь Детей в нерешительности смотрела на второй чум. Он выглядел более мирным, чем первый. Не видно дыр, вырванных пулями с расстояния в десяток шагов. Вроде бы стены целы. Вдруг там осталась хоть одна живая душа!.. Женщина подошла, осторожно приподняла меховую полость-дверь и заглянула внутрь.

Показалась левая лежанка, сплошь устланная шкурами. На шкурах покоилась совершенно обнаженная молодка, словно изваянная из снега и льда. Мертвенно-холодным блеском отсвечивали ее широкие бедра...

Матерь Детей, не чувствуя рук и ног, не ощущая своего тела, с подступившей к горлу тошнотой, пошатываясь, медленно побрела к нарте. И там свалилась на сиденье. Пришла она в себя от легкого прикосновения Романа:

– А там что?

– Там... живых тоже нет... – ответила она. – Дай отдышаться, сейчас поедем...

«Красные не дураки», – подумала она. В своих бумагах-отчетах они напишут, что «ликвидировали очередной очаг сопротивления». Ликвидировали. Никто из них, скажут, не стрелял по безоружным женщинам, детям, старикам. Они расстреляли чум, в котором засели восставшие остяки. И даже если они уничтожат подряд всех взрослых и малых, власть им ничего не скажет и не сделает. Они хорошо усвоили, что им можно все, что ничего запретного для них не существует. Никто и никогда не полезет в эти дебри для того, чтобы посмотреть, какой след там оставило «доблестное» войско красных.

Матерь Детей заторопилась в дорогу. Побыстрее отсюда, подальше. Она подняла уставшего вожака Угольного, повернула его голову в сторону дороги. Отъехав немного, остановилась. Оглянулась, окинула недолгим взглядом мертвое селение, тихо сказала погибшим сородичам:

– Схоронить вас нет сил... Сами это видите... Поэтому плохое в уме на нас не держите...

Затем она чиркнула спичку, бросила горящую палочку на дорогу и через этот всеочищающий огонь, потянув за собой вожака, шагнула прочь от мертвого селения.

Как ей показалось, она бодрым шагом повела старого Угольного в сторону родного дома. Широко открывая рот и раздувая ноздри, она жадно хватала морозный воздух. Ей подумалось, что весенний целебный дух лесов, озер и рек этой земли очистит ее нутро, ее сердце и душу. Сначала и вправду немного полегчало, но потом картина увиденного во всех мельчайших деталях опять всплыла в ее памяти. И она поняла, что от этого видения нельзя так просто избавиться. Тут либо с ума сойдешь, либо по доброй воле смерти начнешь искать. Маяться, мучая себя и своих близких, не хотелось. Нет, это не дело. Это не для нее. Теперь, особенно со дня гибели дочери Анны, ее постоянно тянуло в мир ушедших. Но умереть надо не просто так. Лучше умереть в борьбе с красными. В схватке с ними. Рвать их руками, ногами, когтями, зубами. Чем угодно, лишь бы уничтожить их. Такой кровавый разбой прощать и оставлять безнаказанным нельзя. Так можно уничтожить один народ, потом другой, а затем жизнь вообще... Вот только оставшихся детей нужно довезти до родичей, до живых людей. Ведь они еще совсем не успели пожить, им нельзя так рано уходить из жизни... А своего дыхания ни капельки не жалко. Но сначала спасти детей, отвести их в безопасное место, а потом на войну, на красных. Хоть с ружьем, хоть с топором, хоть просто зубами.

Она понимала, что ее загнали в угол, в тупик. Другого выхода нет. В мертвом чуме могли оказаться ее птенчики, ее дети. И красные с такой же легкостью расстреляли бы их, как и этих несчастных сородичей. Только за то, что остяки дышали и хотели жить на своей земле. Хотели жить по своим обычаям и традициям, со своими радостями и болями, со своими богами и богинями. И, стало быть, если хочешь, чтобы жизнь на этой земле продолжалась и предки спокойно покоились в своем Нижнем Мире, нужно остановить красных, остановить их злодеяния. Остановить даже ценою собственного дыхания. Правда, это очень высокая цена. Ведь человеку только один раз дано пройти по земле. Один раз согреться теплом Солнца. Один раз озариться светом Луны.

Теперь, после мертвого селения, Матерь Детей все поняла. Поняла, почему аэроплан сбрасывал на головы ее детей огненные камни. Летчик не ошибался. Он отлично видел, что на дороге стояли не воины-мужчины, а женщина с детьми. Просто красные решили никого живым с Водораздела не выпускать. Особенно в южном и юго-западном направлениях. Там, на Оби, стояли старинные крепости-города Березово, Сургут, Кондинское, Самарово, или, по-новому, Остяко-Вогульск. И красным совсем не хотелось, чтобы весть об их кровавых и бессмысленных зверствах дошла до людей. И поэтому Водораздел они превратили в мертвую зону, в мертвую землю, где надлежало уничтожить всех восставших остяков, успевших скрыться здесь после главного сражения на Божьем Озере. Северное и восточное направления не столь рьяно оберегали. На севере тебе никто не поможет, хоть льдам-торосам жалуйся, хоть на богов своих молись, хоть красных анафеме предавай. А на востоке упрешься в водораздел между Енисеем и Обью, дальше пойдешь – к Енисею придешь, в незаселенные районы Красноярского края попадешь. Там ты тоже не опасен... Поэтому, выходит, коль не оборвали твое дыхание, не отняли твою жизнь в мертвой зоне, так сиди тихо, смиренно дожидайся своей кончины.

Нет-нет, Матерь Детей с такою участью не смирится. Она до последнего станет спасать уцелевших детей, а потом пойдет войной на красную нелюдь. Другого ей не дано. С такими мыслями она покидала мертвое селение.

ГЛАВА 17

И когда в воздухе снова загудел аэроплан, между Матерью и старшеньким Романом завязалась короткая схватка из-за ружья.

– Дай мне, я буду стрелять! – сказала Мать.

– Нет, я! – закричал сын Роман.

– У меня лучше получится!

– Я тоже постараюсь!

– Его нужно крепко наказать! За Анну!

– Я постараюсь! Я очень буду стараться!

– Его нельзя упускать!.. За нашу Анну!..

– Знаю, знаю, Мама!

Каждый из них тянул ружье на себя. Каждому из них хотелось вложить в выстрел по аэроплану всю ярость и боль. Хотелось отомстить за погибших от рук красных дочку и сестру, мужа и отца, сына и брата. Молча взывало о справедливой мести и мертвое селение. Поэтому никак нельзя промахнуться.

Между тем железная птица заметила упряжку и людей и начала описывать полукруг, чтобы по прямой ринуться в атаку. А ружье все еще не могли поделить – кому стрелять.

Матерь сказала сыну:

– У меня рука тверже. Я охотилась.

Сын на это ответил:

– Я – мужчина! Я – воин!

– Ладно, возьми, – уступила Матерь. – Только не спеши.

Они отошли подальше от нарты в надежде, что аэроплан начнет бомбить людей с ружьем, а не упряжку с малышами. И начали выбирать удобную позицию. Но это оказалось непростым делом. Нет поблизости ни толстого дерева, ни бугорка для упора руки или спины. Как и в первую бомбежку, их застали на чистом месте, посреди небольшого озерка. А добежать до берега, где стояло несколько ветвистых сосен, просто не успеть.

Роман лихорадочно перетряхивал подсумок с патронами.

Матерь деловито спросила:

– Сколько у тебя пуль?

– Было пять-шесть.

– Потерял, что ли?

– Да нет. Один патрон нашел.

– Заряжай, я остальные найду! – скомандовала Матерь.

Она вытряхнула на твердый наст дороги все содержимое подсумка, без труда отобрала еще пять пулевых зарядов и отбросила ставший теперь ненужным подсумок. Один патрон отдала сыну, остальные зажала в левой ладони.

– Если успеешь, сделай два выстрела. Самолет не быстрее птицы летит... Хоть и железный, мерзавец...

– Да-да, постараюсь! – с лихорадочным блеском в глазах отмахнулся сын.

– Только не спеши.

– Знаю, Мама.

Роман быстро зарядил ружье, затем сбросил на дорогу свою малицу и стал на ней поудобнее устраиваться. «С колена будет стрелять», – сообразила Матерь Детей. И молча похвалила: молодец, на этом чистом заснеженном льду ничего другого не придумаешь. Хороший охотник из него вырастет. И удачливый, и сообразительный, и скорый на руку и на ногу. Нужда заставит, так преждевременно и неплохим воином станет. Хотя война – это недетское дело. Но тут деваться некуда.

Между тем аэроплан развернулся и по-над нартовой дорогой полетел с северо-востока на юго-запад. Его темная тушка показалась за озером над верхушками сосен. Держал он курс прямо на одинокую упряжку.

Роман, кажется, успел подготовиться к встрече с железным чудовищем. Он уже согнул левое колено и положил на него локоть левой руки. Ружье держал на правой вытянутой ноге, пряча до поры до времени от аэроплана, чтобы тот его не заметил и не свернул в сторону до выстрела. И только когда аэроплан, преодолев

полоску озерного берега, на небольшой высоте вышел на прямую линию со стрелком, мальчик поднял ружье, чуть согнул для устойчивости правую ногу, а левой рукой, с плотно прижатым к колену локтем, взялся за цевье. Осталось поймать на мушку чудовище, изрыгающее огненные камни, и спустить курок.

Матерь Детей на несколько шагов отошла за спину сына и, невольно сжавшись, стараясь стать как можно меньше, присела на корточки. Она молчала. Знала, что иногда скажешь под руку – так этим скорее повредишь, нежели поможешь делу. Мальчик все-таки держит в руках ружье не первый раз. Правда, до сей поры он охотился только на зверей и птиц, а вот тут впервые... Прости, Господи, не по своей воле дожили до такого дня...

Матерь Детей не мигая, заколдованно смотрела на ствол ружья, откуда должно выскочить возмездие за гибель доченьки Анны, за мужа, за сына, за девушку-ненку, за сородичей мертвого селения. От аэроплана уже отделились одна черная точка, вторая, третья. Это огненные камни. Ну, давай же, давай, стреляй! Пора, не то поздно будет!

Ревя, как хищное чудовище, аэроплан несся на Матерь и ее детей. И когда он навис почти над головой Романа, Матерь увидела обрывок пламени из ружейного ствола. Наконец-то! В следующий миг воздушная волна ударила ее в спину и ничком бросила на шершавый наст зимника. Ах, упреждение, упреждение он не взял, пронеслось в голове Женщины. Надо было сказать ему об этом. Ах, не догадалась, не успела. Гул мотора стал удаляться, начала оседать снежная пыль. Что же со старшеньким?! Матерь бросилась к сыну. Роман лежал на спине, прижимая к себе ружье. Видно, волна огненного камня хлестнула его спереди и свалила навзничь.

– Ну, цел-жив?! – выдохнула Мама. – Не задело?! Не стукнуло?!

В глазах сына метались яростные огоньки. Но он не попытался даже пошевелиться и встать на ноги. В правом углу рта выступила сукровица, почти незаметная. Он чуть шевельнул ружье на груди и с внутренним хрипом, тяжко, но внятно выговорил одними губами:

– Возьми... – и метнул горевшие живым огнем глаза в сторону гудевшего в небе аэроплана.

И Матерь без слов поддалась страстному порыву сына: уничтожить огненно-каменное чудовище. Она схватила ружье за ствол и, озираясь на небосвод, выскочила на нартовую колею. Выпрямилась, повернула голову в сторону гудящего аэроплана, замахала руками и, словно тот мог ее услышать, закричала свистящим шепотом надсаженного горла:

– Давай, давай сюда! Вернись!

И пуще прежнего замахала руками. Сейчас она больше всего боялась, что аэроплан безнаказанно улетит. А этого никак нельзя допустить. Есть еще заряды: в левой руке она крепко сжимала четыре патрона с пулями.

– Вернись! – кричала она. – Видишь, мы еще живы!

Аэроплан гудел над кромкой приозерного леса. Его не было видно с озера.

– Вернись, чтобы убить нас! – кричала в небо Женщина. – Посмотри, мы еще не все погибли! Ты не всех убил!

И, словно услышав крики Женщины, аэроплан начал разворачиваться. Он показался на полуденной стороне неба. Он шел прежним курсом, по старому замыслу: на северо-востоке залечь на прямую над оленьим зимником и спикировать к упряжке с людьми.

Увидев серебристый бок разворачивающейся крылатой машины, Матерь облегченно вздохнула. Наконец-то представилась возможность расквитаться за преждевременно погубленную жизнь доченьки Анны, всех родственников и близких. Пусть только не испугается, не свернет в сторону эта смертокрылая машина. Она, Матерь Детей, слава Торуму, знает, как обращаться с ружьем. Жизнь научила этому. С ружьем она уже прошла два круга жизни.

На первый круг ступила в ранней юности, когда умер отец Савва и она, как старшая в семье, по первоснежью пустилась на охоту на белок и глухарей, чтобы прокормить семью. Второй круг одолела после того, как ее первого мужа русские увезли за шаманство, а на нее повесили пушной и рыбный план за мужа. Делать было нечего, пожаловаться некому. Два года ей пришлось тянуть эту лямку, пока не сменили председателя колхоза и она не вышла замуж во второй раз, за Отца Детей. Но за это время научилась стрелять не хуже охотника-мужчины. А теперь вот вступает с ружьем в третий, последний круг своей жизни. И сейчас она вынуждена поднять ружье не на зверя-птицу, а – прости, Бог, – на красную крылатую машину, на красную нелюдь. По аэроплану, конечно, ей не приходилось стрелять. Но почти за год войны с красными она наслышалась много рассказов, в том числе и о стрельбе по крылатым машинам. Она хорошо представляла себе, где находится сердце чудовища – мотор, где топливный бак, где сидит летчик-рулевой. Если аэроплан пролетит прямо над ней, то ведущего ирода, конечно, пулей не достать. Его можно зацепить на развороте или на взлете, коль вдруг задумает сесть на озере или реке. Не попасть, промахнуться по такой махине, не

повредить ее – грех. Это тебе не чирок-свистунок, который за мгновение десять раз метнется влево-вправо или вверх-вниз... А эта крылатая дура хоть и железная, но громоздкая и поэтому вполне уязвимая. Только пугаться ее не следует. Но Матерь Детей давно уже утратила всякий страх.

Пока аэроплан разворачивался и ложился на нужный курс, Матерь Детей готовилась к стрельбе. К защите своих детей, своей упряжки, своего дома, а точнее, готовилась к защите своей Земли и тех людей, кто жил на ней. Она зарядила ружье и приложила приклад к плечу. Приклад оказался длинноватым – не очень удобно прицеливаться. Тогда она быстро развязала, кое-где обрывая, тесемки ягушки и освободила от одежды правую руку, отпихнув пустой рукав за спину. Теперь приклад ружья пришелся впору. Ведь толщина меховой шубы на плече была больше высоты одной ладони.

Все, ружье готово для стрельбы. Второй пулевой патрон она зажала вместе с цевьем левой рукой.

Теперь она присела посреди дороги на правую согнутую в колене ногу, а левую чуть выставила вперед для опоры стволодержащей руки. Все у нее было рассчитано. Если после первого выстрела огненный камень не упадет на нее, она развернет корпус толчком правого колена, в развороте перезарядит ружье и выстрелит второй раз вслед железному людоеду. Вторая пуля не будет лишней.

Между выстрелами, если огненный камень упадет поблизости, нужно будет, перезаряжая ружье, плотно прижаться к земле, чтобы взрывной волной не отбросило в рыхлый снег на обочину дороги.

Матерь Детей полубоком, выставив вперед левое плечо, с ружьем в руках сидела посреди дороги в ожидании огнемечущеи крылатой машины. Женщина была готова к защите. И аэроплан красных был готов к атаке. Он вышел на пикирующую прямую. Женщина отметила машинально, что он держится чуть левее дороги. Это хорошо, подумала она. Слева удобнее взять его на прицел. Но он летел немного выше, чем в первый заход, однако при подлете будет на расстоянии верного выстрела.

Смертоносный аэроплан все ближе и ближе. Женщина взяла его на мушку, но с неженским хладнокровием выжидала. Ей нужно было бить наверняка, ибо другой такой возможности у нее не будет. Женщина замерла в ожидании, как бывало на охоте на подлетающую птицу с учетом скорости ее полета и направления ветра. Наконец она выдохнула:

– Ах, за Анну!

И нажала на курок. Приклад приятно ударил в плечо. Значит, крепкий заряд.

Но как ни старалась, а упустила единственно нужный миг и второй выстрел не успела сделать. Аэроплан даже не шелохнулся. Выбросил свои смертоносные камни и полетел дальше.

Матерь Детей в отчаянии повалилась на дорогу. Только теперь она поняла, что стрелять надо было на подлете, когда аэроплан подставляет свой двигатель, а не в момент нависания над головой. Она лежала на утоптанном снегу зимника и горько сожалела о том, что упустила свой шанс, не отомстила за Анну, за всех погибших. Вряд ли теперь крылатая машина вернется. Она лежала неподвижно, будто подкошенная. Хотя ее не задело осколком. На сей раз огненные камни упали где-то в стороне.

И вдруг она услышала гул. Подняла голову и увидела, что аэроплан возвращается. То ли его раззадорило это неравное единоборство, то ли он хотел взглянуть на результаты своей работы и убедиться, что в живых никого не осталось. То ли Бог внял мольбам женщины и решил дать ей еще один шанс, дабы она могла расквитаться с крылатой машиной за гибель дочери.

Матерь Детей, лежа, быстро зарядила ружье. Что-то ей подсказало, что раньше времени нельзя подниматься и показывать, что она еще жива. И только когда аэроплан стал подлетать к ней, она вскинулась на колени, подняла ружье и почти беззвучно выдохнула:

– За Анну!

И плавно нажала на курок. Аэроплан дернуло. Припав к земле, она быстро перезарядила ружье и, уже не целясь, навскидку выстрелила вслед уходящей машине.

Аэроплан качнуло влево-вправо, потом повело вниз. Но перед кромкой озерного леса он опять пошел вверх, поднялся над деревьями, и там от него повалил дым. С этим сизым дымным хвостом он и скрылся за лесом.

– Попала! Попала! – закричала она. – Анна, я попала! Попала!

И она захохотала глухим, шипящим, истерическим хохотом. Потом как-то незаметно ее хохот перешел в заунывный вой-плач. Она бросила на дорогу ружье, вытерла глаза уголком платка и медленно, покачиваясь из стороны в сторону, пошла к неподвижно распластанному на своей малице старшенькому Роману.

– Я попала в мерзавца! Слышишь, Роман? – говорила она сыну. – От него дым повалил. До Березово никак не дотянет. И до фактории не дотянет. Посреди какого-нибудь болотца протухнет!..

Они оба знали, что для гибели крылатых машин требуется не очень много. В снег и пургу они не летают. В пасмурную погоду могут потерять ориентир и, израсходовав топливо, шмякаются о землю. В этом случае даже рулевые-огнеметчики не остаются в живых. Если они не погибают при падении, то замерзают в снегах и льдах за сотни верст от человеческого жилья. Похоже, у красного войска каждая крылатая машина на особом учете. Стало быть, сегодня Матерь с сыном нанесли карателям ощутимый урон. Правда, красные наверняка спишут эту потерю на счет неуловимого Малого Сеньки-старика, одного из последних остяцких воинов, которого никак не могут взять ни живым, ни мертвым. Впрочем, это не имеет значения. Главное – вот на этом озере они одолели красных, побили их.

– Мы их побили, слышишь, Роман?! – повторила Матерь Детей, останавливаясь возле сына. Тот не ответил.

Матерь, охваченная азартом охоты на ненавистный аэроплан, не сразу обратила внимание на то, что сын смертельно бледен и неподвижно лежит на малице, крепко сжав грудь и бока скрещенными руками, словно основательно продрог и хотел таким образом согреться. Веки его были опущены и тоже неподвижны. Мать наклонилась над ним, как несколькими днями раньше над умирающей Анной, нежно взяла его обеими ладонями за щеки и тихо позвала:

– Ро-ман!.. Роман, ты слышишь меня?!

Сын медленно поднял веки. В его глазах уже не метались яростные живые огоньки. В них стояла смертная тоска, сжавшая материнское сердце до дикой боли.

– Тебе холодно? Давай малицу надень!.. – в отчаянии прошептала Мать.

Она хотела поднять сына, чтобы вытащить из-под него малицу, но по его лицу скользнула такая боль, что она тотчас же опустила его на снег. Сквозь пальцы его правой руки, сжимавшей бок, проступила кровь. «Нужно перевязать и укрыть его!» – мелькнуло в голове Матери, и она уже собралась было бежать к нарте за перевязочным материалом и теплой одеждой, как сын взглядом остановил ее. Он разлепил спекшиеся губы и, с трудом выталкивая слова, тихо спросил:

– Мама, а наш Верхний Отец возьмет меня к себе на Небесное кладбище?

И Мать, почувствовав, что ему нельзя перечить, торопливо, ибо спешила к нарте за теплыми вещами, уверила его:

– Конечно, возьмет. Он забирает туда воинов и всех лучших людей, кто не своей смертью уходит из жизни. Ты ведь знаешь об этом...

– А-а, хорошо... – выдохнул сын.

– Ты тут немного потерпи, – сказала Мать. – Я сейчас, мигом – до нарты и сразу обратно. Перевяжу – и тебе полегчает. Ну, потерпишь немного без меня?!

Лицо сына немного вроде бы посветлело, а глазами он будто сказал «да».

Матерь тут же сорвалась с места.

Глянула, а нарта уже возле противоположного берега озера. Вожак Угольный, прихрамывая на переднюю правую ногу, пытался увезти нарту с младшими детьми в прибрежный лес. Видно, осколком огненного камня перебило вожжу, и раненый Угольный поспешил укрыться под соснами бора от назойливой железной птицы, больно бьющей горячим клювом. Но у берега огненный камень сразил правого пристяжного быка, Молочного. И теперь вожак уже не мог тянуть всех – и нарту, и своего подбитого младшего брата. И встал. «Вот умник, вот умник», – машинально отметила Матерь.

Она догнала упряжку, завязала обрывок вожжи, быстро собрала тряпки на перевязку, схватила лебяжью ягушку-одеяло и, бегло оглядев младшеньких, Савву и спустившуюся с нарты Марию, – не задеты ли осколками, не нуждаются ли в помощи, – бросилась обратно к старшенькому Роману. Но опоздала. Пока она ходила – оборвалось его дыхание. Из приоткрытых уголков рта стекала кровь, оставляя две полосы. Его болотно-зеленые глаза, еще не успевшие покрыться сухой пленкой, были устремлены прямо вверх, на весеннее голубое небо, словно там он высматривал свое будущее Небесное пристанище, о котором спрашивал Маму перед самой кончиной.

Вот туда и ушла душа старшенького Романа, пока Матерь бегала к нарте.

Матерь опустилась на землю у изголовья сына, закрыла ему веки, навечно отняв от его любознательной и озорно-болотной зелени глаз весь мир с последним ярким весенним днем, замотала его лицо и голову своим платком, завязала уголки под его подбородком. Потом надела на него малицу, застегнула ремень с ножнами на правом боку, сложила ему на груди руки, одетые в рукавицы.

Делая все это, Матерь глухо рыдала-приговаривала:
– Мой последний кормилец,
Мой последний защитник,
Мой последний воин,
На кого ж ты нас оставил?
На кого ж ты нас покинул?
Куда ж я теперь с твоим неоперившимся братиком?
Куда ж я теперь с твоей неоперившейся сестренкой?
Как мы без тебя дорогу к дому найдем?
Как мы без тебя эту дорогу одолеем?
Кто ж нам рыбу озерную наловит?
Кто ж нам рыбу речную добудет?
Кто ж нам зверя-птицу принесет?
Мой миленький ребеночек!..
Моя миленькая кровинушка!..

С этими рыданиями-причитаниями, все продолжая разговаривать с сыном, Матерь закидала комьями снега окровавленный наст дороги. Человеческую «светлую», «яркую», то есть кровь, не должны видеть ни Солнце, ни Луна, ни Небо, не должны клевать-крошить ее вместе со снегом ни глупые птицы, ни неразумные звери.

Потом она осторожно положила тело сына на шкуру и волоком, тяжело потянула ее к берегу озера, в сосны, где она соорудит ему последнее земное пристанище. Она прошла мимо одинокой упряжки с хромым вожаком и убитым пристяжным, которых подбил-таки проклятый аэроплан. После, как в тумане, плохо соображая, но все делая так, как нужно, машинально освободила от упряжи убитого Молочного, при этом отметила, что пристяжной принял на свой бок все осколки от огненного камня. Он прикрыл собою детей на нарте, спас их. Конечно, так вышло в силу обстоятельств, как бы невольно, но все равно она благодарно провела рукой по остывающему «лицу» старого оленя. Затем на одном хромающем быке она притянула нарту под сосны, где начала устраивать привал. Перевязала рану на ноге вожака Угольного, сняла с него лямку и на поводке привязала за сосенку на целине – пусть копает и достает себе ягель. Развела костер, повесила над ним чайник. Утоптала снег для лежанки, нарубила туда соснового лапника и постелила шкуру. На шкуру поставила люльку с Саввой, а рядом посадила няньку – младшенькую Марию. Сначала нужно накормить детей, а потом надо будет собрать в последний путь погибшего старшенького.

Вечером, когда Матерь готовила для детей постель, Мария вдруг сказала:
– А меня железная птица тоже клюнула.
– Как?! Куда?! – изумилась Мать.
– Вот сюда, – и девочка показала на бедро.
– А почему сразу не сказала?!
– Не больно было.

Матерь немного успокоилась, когда, осмотрев рану, присыпала ее пеплом и забинтовала. Она оказалась неглубокой, и кровь на ней давно уже запеклась. Но под утро Матерь проснулась от стонов Марии.
– Что с тобой? – спросила Мать.
– Мне жарко, Мама.
Матерь приложила руку к ее лбу. У девочки был жар.
– Только не вздумай болеть, доченька! – взмолилась Мать.

Она встала и, тяжело ступая, собирая сухие сосновые сучья для костра, сквозь наворачивающиеся слезы все вопрошала:
– Почему огненный камень красных мое тело не заберет?! Почему огненный камень красных мою душу не заберет?!

Но над ней только безмолвное небо, только безмолвные снега.

ГЛАВА 18

Волчица-мать плакала беззвучно и без слез... В тот день аэроплану-лазутчику не повезло: не сбросил огненные камни, никого не прибил, не навел ужас, не напугал до смерти. Это уже был непорядок. И поэтому летун очень обрадовался, когда увидел внизу на чистине волчью семью.

Волчица-мать лежала на животе, подставив теплым лучам весеннего солнца голову на вытянутых передних лапах. Перед ее прикрытыми холодными глазами проплывали картинки этой зимы. Война хорошо кормила ее семью. То попадутся туши убитых в перестрелках оленей, то остатки всякой еды на местах привалов и ночевок, то брошенные селения, где всегда есть чем поживиться. Красные не трогали волчью семью – им было не до волков.

А с хозяином этих земель волки почти всегда жили в ладу. Правда, Волчица-мать иногда брала оленей из хозяйского стада, но ровно столько, сколько разрешал Верховный, ибо пред тем, как взять оленя, на окраине пастбища она задирала голову к небу и просила добычу у Верховного. И если Тот разрешал, брала, если нет, то уходила ни с чем. Не станешь же ссориться с Верховным из-за одного-двух оленей. Да и Он всегда знал, сколько полагается Волчице-матери. И она знала меру – лишнего не просила. Но если она начинала брать без разрешения Верховного, то хозяин сначала смотрел сквозь пальцы, терпел сколько-то времени, но потом наказывал ее род. Такими были отношения между хозяином и его четвероногой соседкой.

Сейчас Волчице-матери инстинкт подсказывал, что надо уходить. И уходить на север, подальше от сытных снегов войны. В семье не могли ее понять: почему нужно покидать эти земли, тем более что теперь все можно, все дозволено. Но умная звериная матерь смутно ощущала, что в мире существует очень тонкая, почти призрачная связь между двуногими и четвероногими. Если хозяин исчез, если превратился в пустоту, в ничто, то наступает твой черед. И, только уйдя на другие земли, к другому хозяину, можно спастись, потому что нормальной жизни не может быть в хаосе и беспорядке. Надо бы подняться, развернуться всем корпусом и медленно двинуться по протоптанной тропе, которая уводит прямо на север. И ее семья нехотя, с оглядкой на место пиршества, поплетется за ней.

Она услышала гул железной птицы, но не придала этому особого значения. Не впервые она шумит над снегами-льдами. Эта птица охотится на двуногих, а не на четвероногих. И Волчица-мать все продолжала думать о пути на север. Не обратили внимания на аэроплан и ее детеныши с Волком-отцом, что за ее хвостом «прибирали» впадинку посреди болота, где завалили молодого бычка, который был подранен шальной пулей, и поэтому стал довольно легкой добычей. Точнее, отец учил молодых каким должно оставаться место пиршества. Верховный с неба все видит: плохо сделаешь – не будет удачи. Правда, теперь война все перепутала и в волчьей жизни: время охоты и время отдыха, ночь и день, утро и вечер.

Гул все нарастал со стороны севера.

И этот гул стал наполнять нутро Волчицы-матери. Нужно было подняться, взглянуть на железную птицу, попытаться понять, что та задумала. Но картинки-видения так захватили ее, что не дали вовремя почувствовать опасность.

А железный гул все набивался в ее нутро и как бы завораживал, сковывал волю, не давал шевельнуться. И наконец, когда все ее нутро переполнилось, гул мгновенно сорвал ее с места и она четырежды скакнула в сторону южной тропы. Это ее и спасло. На пятом прыжке сзади грохнуло – и земля будто раскололась. Но она все продолжала огромными прыжками нестись на юг. И не могла остановиться. И только когда тень железной птицы перегнала ее, она остановилась, перевела дух и оглянулась.

Волк-отец с сыном неслись по старому следу-тропе на север, в противоположную сторону. А над местом пиршества висело облако снежной пыли. Когда эта пелена, оседая, поредела, она никого там не увидела. Там зияла бездна. Так ей показалось.

Значит, двое ее детенышей канули в бездну.

Ее детеныши превратились в пустоту.

Ее детеныши превратились в ничто.

Они ушли, как и хозяин этих земель.

И Волчица-мать заплакала. По-собачьи села на снег, задрала голову к небу и заплакала-завыла. Она плакала протяжно и тоскливо. На одной плачущей и долгой ноте. Так она оплакивала своих детенышей. Так она жаловалась Верховному на свою потерю, на свою судьбу.

А между тем, сделав разворот, железная птица пошла на новый заход. Со стороны севера она вышла на прямую, на которой находились три уцелевших волка. Два первых неслись навстречу аэроплану, стараясь до его приближения укрыться в небольшом приболотном леске. А Волчица-мать все сидела неподвижно и плакала. Но когда грохнули взрывы по первым двум бегущим и после этого гул особенно сильно стал давить на ее нутро, она медленно поднялась, повернула в свою, южную, сторону и как бы нехотя, как бы по принуждению затрусила к ближнему лесу. Вернее, инстинкт самосохранения заставил ее сделать это. И уже на окраине бора, в мелком сосновом подросте сзади, грохнуло, и ее подтолкнуло снежным

вихрем и занесло в глубь леса. Там ее накрыло снежным шквалом и пронесло то ли по Верхнему Миру, то ли по Нижнему. Сколько ее носило по этим мирам, она не представляла. Когда открыла глаза, увидела дорогу. Пошевелила передними лапами. Они были целы. Но вся задняя часть туловища онемела, точнее, помертвела. И невозможно было дотянуться туда, чтобы зализать раны. Все ее тело сверху было присыпано снегом. Она чувствовала тяжесть снежных комьев. Нужно стряхнуть их с себя, избавиться от них. И чтобы не оказаться в леденеющей от весенних заморозков снежной берлоге, она с трудом выползла на нартовую колею. Дорога сохранила запах человека.Она лежала неподвижно на обледеневшей тверди дорожной спины и, прикрыв глаза, смотрела картинки.

Волк-отец с сыном проваливаются в бездну.

Превращаются в пустоту.

Превращаются в ничто.

Но оплакивать их нет сил.

И нет голоса. Вместо плача она выдавила из себя только жалостливый хрип. Значит, на севере делать нечего. Значит, нужно идти туда, куда повернута голова. В полуденную сторону.

Дорога пахнет человеком. А ей и нужен человек. Она видела призрачную картинку: хозяин, человек. Может быть, хозяйка. Может быть, их сын. Нужен человек с любым оружием: с ружьем, копьем, ножом или с топором. Чутье ей безошибочно подсказывало: это ее последняя картинка в Среднем Мире. И эту картинку надо догонять.

И Волчица-мать поползла по дороге, пахнущей человеком.

Она ползла, когда зажигалась утренняя заря.

Она ползла, когда светило солнце.

Она ползла, когда угасала вечерняя заря.

Она ползла, когда на небо поднималась луна.

И наконец догнала человека. Быть может, хозяйку. С сыном и собакой. Но женщина странно себя повела. Она не прикоснулась ни к ножу, ни к топору. Вместо этого она заговорила с непрошеной гостьей и затем поделилась едой, которую положила на дорогу. Увидев это, Волчица-мать заплакала. Она ничего не могла понять. Что, все в этом мире перевернулось?.. Кто перевернул? Война? Красные? Белые? Когда же это случилось? Когда?..

Волчица-мать плакала беззвучно и без слез.

ГЛАВА 19

И настало утро, когда Матерь Детей не смогла подняться на ноги. Она лежала на спине у костра и смотрела на высокое весеннее небо, на восходящее золотистое солнце, на рыже-зеленые верхушки боровых сосен и не захотела смириться с мыслью, что пришел конец. Она закрыла глаза, крепко зажмурилась, и перед ее мысленным взором пронеслась череда событий последних дней. Точнее, череда смертей: муж, сын, девушка-ненка, старшенькая Анна, старшенький Роман, мертвое селение, распятый на дороге, младшенькая Мария.

Мария проболела совсем недолго, ушла из жизни ночью, тихо и спокойно, без плача и стонов. Мать проснулась, может быть, одним мгновением позже, будто кто, подтолкнув, спешно разбудил ее. Она открыла глаза, прислушалась к зловещей тишине и поняла, что они с Саввой-несмышленышем остались вдвоем.

Вслед за людьми красная крылатая машина отправила на тот свет беззаботного и веселого рыжего пса Хвост Крючком, быков-братьев Угольного и Молочного. Хозяином быков был старшенький Роман. Как это принято у всех ханты, олени в семье распределялись между всеми членами семьи, на оленью удачу каждого. Еще во младенчестве Отец подарил Роману темношерстную красивую важенку Высокий Рог. Она в первую же весну родила теленка, черненького, резвенького. По цвету шерсти и назвали его Угольным. В следующую весну Высокий Рог принесла второго малыша, со светло-коричневой шерсткой. Он сразу себя проявил тем, что, как только матери-оленихи начинали кормить его сверстников, он пристраивался рядом к свободному соску. Значит, любил молоко. Вот и стал Молочным. Через год их мама, Высокий Рог, после вольного выпаса не вернулась осенью домой. А братьев-быков обучили нарте, и стали они степенными стариками по оленьему возрасту. Если старшему было около восьми-девяти лет, то младшему семь-восемь. И вожак Угольный погиб от голода и раны, полученной при второй бомбежке. Главное, после ранения он не мог самостоятельно прокормить себя, не мог добраться до сладкого ягеля. Раненная передняя нога не работала, не разгребала снег. И нельзя было на нее опираться, чтобы левым копытом доставать корм. Матерь, зная, что без оленя станет совсем тяжко, из последних сил боролась за

дыхание вожака. Сама разгребала для него снег, но без лопаты это было трудно делать. Потом стала подкармливать Угольного лишайником с деревьев. Но все равно это был не сытный ягель. И в одно утро она обнаружила, что вожак как лежал в снежной яме на животе, изогнув шею, уткнув морду в левое предплечье, в свою теплую шубу, так и уснул вечным сном. С этого дня Матерь Детей, точнее, теперь уже Матерь Дитя, бросила нарту и впряглась в волокушу.

Просматривая картинки прошедших дней, она тотчас же начала наполняться яростным злом. До хруста сжав челюсти, она открыла глаза и сказала Небу назло красным:

– Нет, не умру! Не умру!..

Медленно повернулась на бок, потом на живот и, опираясь на локти, подползла к потухшему кострищу. Сдвинула в кучку вчерашние не догоревшие головешки и угольки, собрала в горсть сорванные ветром с деревьев кусочки лишайника и мелкие-мелкие веточки, осторожно, как большую ценность, сунула их в головешки и, вытащив спички из платяного нагрудного кармана под ягушкой, запалила с таким трудом собранную растопку. Влажный лишайник зашипел и лениво зашаял.

Костер нехотя разгорался. Струйки сизого дыма потянулись прямо в небо, обещая устойчивую ясную погоду.

Матерь Детей собрала в закопченную кружку кусочки потемневшего под весенним солнцем снега и вскипятила воду, куда бросила три-четыре дольки чаги. Чай уже давно кончился. Выпив кипяток, она немного приободрилась. Чага издавна, если ничего другого не было, заменяла чай. На вкус, правда, напиток горьковатый, но цвет приятный – оранжево-коричневый, здоровый, лесной. После чагового чая она достала из-за пазухи куропачье крылышко с кусочком грудинки с беличью головку, последнюю добычу Пойтэка, и сварила все в той же закопченной кружке, которая теперь служила и чайником, и котлом. Она откусывала по кусочку от грудинки и, старательно прожевав, эту мясную жвачку небольшими порциями вкладывала в ротик маленькому Савве. Он глотал жвачку, почти не жуя. Матерь давала ему время от времени глотнуть из блюдца бульон от крылышка. Савва сейчас очень смахивал на птенца в гнезде: проглотив пищу, он тотчас же разевал ротик. Ждал следующую порцию. После бульона Матерь дала ему несколько глотков чагового чая, чтобы утолить жажду. От такой трапезы Савва вроде бы даже повеселел: заблестели его глубоко впавшие болотно-зеленые глазенки, и он довольно бодро сказал:

– Ням-ням-ням!..

– Ты что – еще хочешь есть? – удивилась Матерь.

– Ням, – повторил маленький Савва.

– На этот раз все, Савва, нет ням, терпи, – сказала Матерь. – У нас впереди еще длинный день...

Савва на это среагировал по-своему. Он оглядел кострище, посветлев личиком, улыбнулся Пойтэку, как старому другу, откинулся на высокую спинку люльки и, наклонив головку к правому плечику, вдруг беззаботно запел:

– А-а-а-у-у-у-а-а-а...

Матерь лишилась дара речи. Она долго широко раскрытыми глазами смотрела на младшенького сына, потом со слезами осыпала поцелуями своего несмышленыша, говоря радостно:

– Савва, миленький! Ты еще можешь петь?! Значит, мы с тобой не пропадем?! Значит, еще поживем! А про ням-ням ты просто пошутил, да?

– А-а-а... – ответил Савва.

– Ай да Савва! Ай да шутник! Ведь твое сердце уже не клюет голод?

– У-у-у...

– Хорошо. Сегодняшний день как-нибудь проживем. Правда, Савва?

– А-а-а...

– Мы выйдем к людям. Обязательно выйдем, Савва!..

Так, беседуя с сыном, Матерь распеленала его и заменила мокрые стружки в нижней куженьке-сиденье на сухую оленью шерсть. Теперь она выстригала шерсть со шкуры-волокуши. Сделав это, Матерь облегченно вздохнула. С Саввой все в порядке на сегодняшний день. Вроде бы насытился, в люльке сухо, настроение у него бодрое. Только побыстрее бы в дорогу собраться.

Запеленав Савву, Матерь взялась за свои дела. А дела у нее не настолько хороши, как показалось ее неразумному младенцу. Она не спеша обсосала косточки крылышка, вытянула из них самое ценное – тоненький костный мозг и все это запила остатками бульона. В желудке остро покалывало и время от времени урчало.

Подержав двумя ладонями живот, она уняла боль.

Старик Пойтэк, лежа на краю шкуры-волокуши у ног хозяйки, изредка открывая один глаз, внимательно поглядывал на нее. Ждал своей доли. Женщина протянула ему две косточки. Он осторожно взял их одними губами, подержал немного и положил перед собою на снег. Только после этого обнюхал и отправил в пасть, громко хрустнув.

– А ты, Пойтэк, кажется, сытый? – спросила хозяйка.

Услышав свое имя, пес слабо шевельнул хвостом.

– Знаю, ночью ты на охоту ходил, – продолжала женщина. – Что-нибудь добыл?

Пойтэк широко разинул пасть и ответил:

– Ав-вав...

– Знаю, ты охотник удачливый, – говорила хозяйка. – Мышами и прочими мелкими зверюшками-птичками ты, конечно, напитался. Напитался, но, конечно, не досыта, но все же сердце немного обмягчил. Ты у нас с голоду не пропадешь.

Пойтэк встал и, изобразив на морде собачью улыбку, подошел к хозяйке и попытался лизнуть ее в лицо.

– Ах ты проказник, остальные косточки выпрашиваешь, – со смешком удивилась хозяйка. – Нет, тебе достаточно. А эта пища для Ползущей, для Высоконогой. У нее тоже сердце есть. Она тоже голодная. Совсем без куска ее нельзя оставлять, Пойтэк.

С этими словами женщина завязала оставшиеся косточки в уголок платка, искоса глянув в обратную сторону дороги, где, прикрыв глаза, лежала раненая Волчица, за ночь ползком догнавшая людей с собакой на этой стоянке. Она приползла рано поутру, когда только начало светать. У Пойтэка на холке вздыбилась шерсть, и он грозным лаем разбудил хозяйку. Женщина приподнялась на лежанке, внимательно посмотрела на незваную гостью. Она остановилась на границе, разделяющую животный мир от человеческого. Главное, не перешла эту невидимую линию, не нарушила ее. Стало быть, Высоконогая в своем разуме. Понимает, что можно, а чего нельзя. А хозяйка погладила старого Пойтэка по шее и, успокаивая его, унимая его злобно-азартную дрожь, сказала:

– Пойтэк, не трогай ее. У нее дела намного хуже, чем у нас!..

С этими словами Матерь опустилась на лежанку и задремала. Пойтэк перестал лаять. Но, сев на задние лапы, до самого восхода солнца недоверчиво поглядывал в сторону Волчицы. Он не мог понять, почему хозяйка с таким сочувствием отнеслась к этой незваной гостье.

Сейчас, после разговора с Пойтэком, Матерь занялась своими ногами. Все прошедшие дни пронеслись, как в кошмарном сне. Она билась только за одно – за жизнь детей, за дыхание детей. Как бы их защитить, как бы их спасти! О себе она напрочь позабыла: что ест, что пьет, во что одета, спит ли по ночам, бодрствует ли, оберегая сон детей. И вот теперь обнаружила, что шершаво-острый, как нож, весенний наст давно протер ее подошвы, а утренние и вечерние заморозки обморозили ее пятки. Пятки отекли и посинели. И теперь ступить на них невозможно. Они не держат ее хрупкое, высохшее тело. Но умирать она не собиралась. Вернее, она была готова принять смерть, но не сейчас, а немного позже, когда сделает еще несколько неотложных земных дел. И поэтому она принялась лечить свои пятки. Из дорожной мужской игольницы она вытащила самую толстую иголку и толстую нитку. Водя ниткой по бокам закопченной кружки-чайника, со всех сторон покрыла сажей. Иглу тоже смазала сажей. Потом, стиснув зубы, без единого оха и вздоха, прошила большими стежками сажевой ниткой левую обмороженную пятку. После, сменив нитку на новую, со свежей сажей, то же самое проделала с правой пяткой. По нитяным отверстиям стала сочиться кроваво-гнойная жидкость. Сейчас, должно быть, немного полегчает.

Так когда-то в древности лечили обмороженные места.

Обе нитки, которыми она прошила пятки, свернув, отдала огню. Затем из шкуры-волокуши вырезала два куска и приспособила их вместо подошв, примотав к ногам матерчатыми завязками. Осторожно, опираясь на посошок, она встала. Выдержав несколько мгновений, опустилась на землю. Она поняла, что, клокочущим в груди гневом убивая боль в пятках, может идти небольшими шажками в сторону дома. Но одно дело нести себя, и совсем другое – тянуть волокушу с Саввой. Так далеко не уйдешь, но и сидеть на месте нельзя. Неоткуда ждать помощи. Все, кто мог бы помочь, покинули Средний Мир.

Она поставила на шкуру-волокушу люльку с Саввой и сложила все остальные вещи: маленький топорик, ружье, дорожный мешок с посудой, какое-то тряпье и легкую лебяжью ягушку с верхом из тонкого зеленого сукна. Все это перевязала веревками, пропущенными через дырочки по краям шкуры. Потом надела через плечо лямку волокуши, предварительно чуть удлинив ремень-тяж, и с обочины дороги, где было кострище и место ночлега, выползла на коленях на нартовую колею и осторожно вытянула туда

шкуру. Остановилась, отдышалась, внимательным оком окинула стоянку – не позабыла ли тут чего нужного. Затем окликнула собаку.

Старик Пойтэк еще не вышел на дорогу. Он стоял у кострища и смотрел на хозяйку.

– Пойтэк, иди, – сказала хозяйка. – Впереди иди.

Пойтэк вильнул хвостом, подтвердив этим, что понял хозяйку, и не спеша, как бы нехотя, вышел на зимник, прошел вперед и встал.

Хозяйка махнула рукой вперед и повторила:

– Пойтэк, впереди иди, зверя ищи!..

Пойтэк снова слабо махнул хвостом и двинулся по дороге. Пройдя немного, он оглянулся и, увидев, что хозяйка еще не стронулась с места, вновь остановился, поджидая ее.

Женщина, глянув в обратную сторону, развязала уголок платка и положила на обочину оставшиеся косточки от куропачьего крылышка. Немного подумав, она достала нож и от края шкуры-волокуши срезала две неширокие полоски, которые прибавила к косточкам. Это была шкура довольно упитанного бычка, забитого уже в весеннюю половину зимы. На мездре кое-где оставались кусочки жира. Поэтому шкура была вполне съедобна для голодного.

Женщина повернулась к Ползущей. Она лежала посреди дороги на расстоянии полутора-двух арканов и, подставив солнцу белесую морду, приоткрыв желтеющие щелки глаз, настороженно наблюдала за человеком.

Женщина сказала:

– Вот, Ползущая, свое сердце немного обмягчи. Больше этого дать не можем... Мы сами тоже почти ничего не едим...

Помолчав, добавила:

– Ну, мы пошли домой...

Однако женщина и после этих слов не сдвинулась с места. Что-то удерживало ее. Поразмыслив, она сказала Волчице еще несколько слов:

– Я не знаю, куда сейчас пойдешь, куда тебя наш Верховный Отец направит... Но ты сама знаешь, что не мы тебя до такого состояния довели!

И женщина, поправив на плече лямку, не оглядываясь, поползла на четвереньках в сторону родного дома, потянув шкуру-волокушу с последним ребенком.

Пойтэк, ревниво наблюдавший за хозяйкой, повернулся и затрусил вперед по зимнику.

ГЛАВА 20

Пойтэк был не просто умным, а мудрым стариком. Когда не осталось ни крошки еды, он принес в зубах куропатку. Где и как он добыл птицу – осталось тайной. Но сейчас главное для Матери Детей – заполучить его добычу. Еще издали заметив старого пса-охотника, хозяйка ласково позвала его:

– Пойтэк, кац-кац-кац!..

Он шел медленно, часто останавливаясь. Как бы нехотя, как бы раздумывая, стоит ли поделиться с людьми своей добычей. Понимала это и Матерь Детей. Она знала, что Пойтэк не настолько был голоден, чтобы в лесу, на месте поимки, сразу разодрать и съесть куропатку. Но и не настолько сыт, чтобы вот так просто отдать свою пищу. И она еще более ласковым голосом продолжала подзывать его:

– Пойтэк-Пойтэк! Кац-кац-кац!

Но Пойтэк не был простаком. Он понимал, для чего так настойчиво его подзывают. Он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Навострил короткие округлые ушки и слабо вильнул белым пушистым хвостом, сказав этим, что слышит хозяйку. А та пустилась на хитрость, прикинулась, будто ничего не знает и интересуется только удачной охотой Пойтэка:

– Покажи нам, кого ты там добыл? Покажи, какую птицу поймал?

Пойтэк повернул голову назад, показывая, где он охотился. Потом прилег на дорогу и, опустив тушку птицы на снег, принялся слизывать льдинки с подушечек передних лап. Делал он это с таким видом, будто ничего более важного для него на свете не существует. Никого не слышит и не видит. Ведь лапы носят и кормят его и поэтому требуют особого ухода. Сегодня не почистишь их, ранки не зализешь – завтра не встанешь, на охоту не пойдешь, значит, останешься голодным, а голод – это смерть. Стало быть, здоровые лапы – это жизнь. И Пойтэк отлично это понимал.

Матерь Детей пошла на новую хитрость. Она отвернулась от Пойтэка, наклонила голову, приспустила платок на лоб и сделала вид, будто напрочь забыла про удачливого пса-охотника, будто его нет и не было с куропаткой в зубах. Это должно было задеть самолюбие Старика. Как же так?! Неужели Хозяйка

позабыла о нем?! Быть того не может! Конечно же, Хозяйка думала только о старом псе. Она знала, что коль уж он принес свою добычу, то вряд ли слопает у хозяев на глазах или убежит с ней обратно в лес. Хотя кто предугадает, какими тропами собачий ум ходит, куда он может повернуть. Поэтому лучше его пока не трогать. Пусть привыкает к мысли, что нужно поделиться с Хозяйкой и Маленьким Хозяином.

И ум женщины помчался в обратную сторону, в глубь прожитых лет. Вспомнился тот год, когда родился Пойтэк. А родился он в год жестокой зимы, в самые сильные срединнозимние морозы. В помете было пять или шесть щенков. Все они замерзли, кроме одного.

В тот вечер, покормив собак, Хозяйка задержалась у конуры Пойтэковой матери, оленегонной лайки Соснэ. Та, дрожа от холода, жадно глотала пищу. Хозяйка поняла, что собака обрадовалась не столько ужину, сколько теплу. В холода всегда хорошо нагревали «собачий котел». Под ногами матери на травяной подстилке копошился и едва слышно попискивал беленький комочек, последний щенок. Матерь Детей постояла в раздумье: не взять ли щенка в дом? Выживет ли в такой мороз?.. Вообще-то для собак были свои правила. С самого рождения собаки должны жить собачьей жизнью. В человеческом доме их никогда не держали и к теплу не приучали. Если начинаешь держать в людском доме, значит, как бы очеловечиваешь их. Стало быть, они должны тогда жить по человеческим правилам. А так не годится. У них свой дом, своя пища, своя тропа. Сам Верховный определил им такую жизнь. У каждой из них своя судьба. У всех разная. И наверное, их судьбы могут быть не менее счастливыми, чем у людей. Кому что предначертано свыше. И жизнь этого белого комочка, как и всякой живности, тоже в руках самого Верхнего. Как Он решит, так тому и быть...

С такими мыслями в тот лунный морозный вечер Матерь Детей вернулась в дом. И, надеясь на советы домашних, рассказала о последнем щенке. Потом, как бы ни к кому не обращаясь, проговорила в раздумье: «Может, в дом его взять...» Хозяин, Отец Детей, молча выслушал ее и ничего не сказал. Это значило: решай сама, как считаешь нужным, так и делай. И Матерь Детей взялась за шитье, отвлеклась от мыслей о белом комочке, как бы забылась на время. Жизнь в доме текла своим чередом. Вечерний чай, колыбельная песенка для доченьки Анны, снова шитье. И вдруг будто кто-то слегка подтолкнул Матерь. Она вздрогнула от неожиданности. Остановила иголку, посидела мгновенье неподвижно, затем не спеша отложила шитье и вышла на улицу. Вдохнув колючий воздух, остановилась у сенных дверей.

От луны было светло как днем. Мороз гулко протыкал «пузыри» деревьев. Изредка с хрустом отваливались ветви сосен. Со звоном оседали на снег лунные куржинки.

Мать щенка, собака Соснэ, звякнув цепью, негромко затявкала, словно подзывала Хозяйку. Подойди, посмотри, что тут с нами происходит! Матерь Детей подошла к конуре. Новорожденный щенок, белый комочек, едва различимый на подлунном снегу, повизгивая, пробирался по тропинке в сторону дома. Не то шагом, не то ползком. Он еще совсем неуверенно держался на дрожащих ножках. Делал несколько шажков, на неровностях тропы спотыкался и плюхался на брюхо. Тоненько поскуливая, царапая утоптанный наст еще не отвердевшими коготками, чуть проползал вперед на животе и потом с трудом поднимался и начинал семенить к дому. Падал. Барахтался на месте. Если переворачивался на бок или спинку, то сучил лапками, как человеческое дитя. Довольно шустро пытался вскочить. Наконец вновь поднимался. Бежал. Неуклюже. Почти на одном месте. Но настойчиво, целеустремленно. При этом радостно повизгивал. Опять же, как ребенок. Он был почти невидимкой на снегу под призрачным лунным светом. И только мечущаяся туда-сюда черная пуговичка кончика носа и тоненький голосок выдавали живое существо.

Женщина остановилась возле собачьего дома. Соснэ, потянувшись вслед за своим дитем и брякнув цепью, опять взлаяла, как бы пожаловалась Хозяйке:

– Смотри, убегает мой сынок!

– А куда ты глядела? – укоризненно спросила хозяйка.

Соснэ потупила умные глаза, опустила взор к снегу, потом виновато ответила:

– Да вот... не усмотрела!

– Упустила?

– Да... вот!

– Ну, так я заберу беглеца в дом?

– Да... так!

– В тепле будет...

– Да... ав-вав!

– Не пропадет...

– Авв-вавв!.. – протяжно, вильнув хвостом, ответила Соснэ.

– Как только потеплеет, он вернется, – сказала хозяйка.

– Авв...

– В твой дом.

– Авв-вавв! – согласилась собака. Разговаривали, конечно, на разных языках.

Женщина – на человеческом, собака – на собачьем. Но Матерь Детей все слова переводила на родной язык, понимала все, что «говорила» собеседница. Да и как не понять ее, если с рождения изо дня в день кормила и поила Соснэ?

Между тем щенок, падая, кувыркаясь, настойчиво полз в сторону людского дома.

– Ну, мы пошли... – сказала женщина.

С этими словами она подняла щенка и направилась в дом. Чудеса, да и только, соображала она, плывя по лунной дорожке, ведущей к сеням. Чудеса! Кто направил неразумного щенка к человеческому жилищу?! Кто оторвал его от теплого материнского бока?! Неужели инстинкт самосохранения подтолкнул малыша на поиски человеческого тепла. Но это невероятно. Он еще слишком мало пожил на земле, чтобы так четко мог сформироваться инстинкт выживания... А могло быть и совсем по-другому. Умная и все понимающая Соснэ сама, взяв зубами сыночка за шкирку, поставила его на тропинку и подтолкнула носом в сторону хозяйского дома, чтобы спасти последнего дитяти. Мол, иди, ползи к спасительному теплу, цепляйся еще неокрепшими коготками за белый свет, за земную жизнь. Но в это тоже поверить трудно. Собака все же не человек, чтобы думать о будущем...

Так и осталось это загадкой для Матери Детей. Так она этого и не узнала, вплоть до сегодняшнего дня.

Женщина шла к дому с теплым пушистым комочком в руках и не только спиной, а всем телом ощущала на себе глаза собаки. Она пристально, не отрываясь смотрела вслед человеку. И когда Хозяйка уже подходила к сеням, взлаяла так протяжно, так жалобно, будто со стоном заплакала: «У-у-ув-вув-вув-ву-у-у!..»

У женщины дрогнуло сердце, она поняла: «Может, оставишь мне сыночка...».

Она остановилась и, унимая застучавшее сердце, глубоко вздохнула, потом, медленно повернувшись, посмотрела на собаку. И негромким, но твердым голосом приказала:

– Кэча, Соснэ!.. Кэча!.. – И, помолчав, тихо спросила: – Это... что с тобой случилось? – Опять помолчала, потом добавила: – Он же вернется к тебе...

Соснэ слабо махнула хвостом, брякнула цепью, присела на задние лапы и, впившись немигающими глазами в хозяйку с ее сыночком в руках, навострив чуткие острые уши, под призрачным лунным светом застыла белым истуканом. Ее материнскую душу одолевали недобрые предчувствия и терзала черная тоска.

Женщина быстро открыла промерзшие двери.

Так Пойтэк впервые попал в человеческий дом. Сначала у него не было имени. Звали его просто Парнишка, Сыночек Соснэ, Собаки Дитя. Он оказался весь белым, ни одной черной шерстинки. Поэтому и получил имя Пойтэк, что значит «куропатка». Был он, как всякий ребенок, очень забавным и любопытным. Отогревшись и окрепнув, он по-хозяйски обошел всю нижнюю, околодверную, часть дома, проверил и обнюхал оба нижних угла. Желая поближе познакомиться, подходил к людям, терся о ноги, иногда ненавязчиво взвизгивал, просил внимания. А может быть, просился на руки. Всем домочадцам он понравился. Но когда холода пошли на убыль, его отвели на улицу, в собачий домик. Ибо в семье придерживались веками сложившегося правила: человеку – человечье, собаке – собачье. Так в первый и в последний раз Пойтэк пожил в человеческом доме.

Со временем он стал степенным оленегонным псом. Делал свое дело обстоятельно, без суеты, не по-собачьи разумно. Понимал хозяина без слов: по едва уловимому движению руки, кончика носа, глаз. Не говоря уже об интонации голоса. И конечно, никого, кроме хозяина, не признавал и не слушался. Тот платил тем же: многое прощалось Пойтэку, особенно в последние годы. Разозлившись, он мог наказать убегающего от стада оленя, укусив его за ляжки. А весной и в начале лета, когда отелившиеся важенки становились непослушными, Пойтэк, бывало, опять же в ярости от бесконечной беготни за ними и усталости, хватал олененка за горло и мигом валил на землю. Обычно за такие грехи псы бывали биты, но Пойтэку все сходило с рук. Точнее, с лап. Он знал себе цену. За хорошую оленегонную лайку могли отдать не одного оленя. А Пойтэк, если того требовали обстоятельства, за стадо стоял насмерть пред крылатой ли птицей, пред четвероногим ли зверем, пред двуногим ли существом.

С возрастом Пойтэк становился все менее резвым. У него стали побаливать суставы. Полдня он еще мог топтаться возле стада, а потом потихоньку удалялся в укромное местечко, под грузовую ли нарту, на кем-то брошенный ли кумыш, и, лежа на животе, подремывая, наблюдал, как молодые и шумливые со-

братья сбивали оленей в стадо. Все понимали, что он уже отработал свое, что с него уже ничего больше не возьмешь. Но все настолько к нему привыкли, что не представляли жизнь селения без него.

Уже в первый год жизни он на удивление быстро освоил многие житейские истины. Конечно же, после хозяина главным человеком в доме была Матерь Детей, кормилица и поилица. Услышав ее шаги, он выходил из конуры и, потягиваясь и помахивая хвостом, с «улыбкой на лице» ластился к хозяйке. Разве можно не слушаться того, кто с рождения, изо дня в день, из года в год, кормил и поил тебя?!

Сейчас, облизав лапы, полечив ранки на них, Пойтэк встал и наконец отошел от тушки куропатки. Матерь Дитя тотчас же подобрала птицу, отеребила, разделала и поделила на четыре порции. Затем в кружке поставила варить на огонь четвертинку от куропатки. Делая все это, она бодро говорила своему малышу:

– Савва, с таким удачливым охотником Пойтэком мы с тобой не пропадем!..

– Ням-ням, – сказал мальчик.

– Потерпи, сейчас будет тебе ням-ням, – ответила Мать. – Вместо белой водицы ты сегодня получишь сытный бульон.

Она помолчала, потом продолжила:

– С мудрым Пойтэком мы не пропадем.

А Пойтэк неподвижным пнем уселся у костра и, втягивая в себя запах кипящей в кружке куропатины, как всякий охотник, вернувшийся с добычей, ожидал своей доли.

ГЛАВА 21

Матерь все ползла. Ползла днем и ночью. И пришло время, когда Савва стал плакать безутешно.

Матерь сменила ему мокрое сиденье из остриженной шерсти в люльке. Вместо мягких березовых стружек, которые давно уже кончились, она настригла в «нижнюю подкуженьку» люльки теплую оленью шерсть со своей ягушки. Теперь она напоминала весеннюю утицу, которая со своей грудки срывает пух и им устилает свое гнездо, чтобы кладка не вымерзла в заморозки, чтобы благополучно вылупились и выжили все ее птенцы. Раньше настригала подстилку со шкуры-амдера, но теперь та стала влажной от тающего снега. А для дитя нужно сухое сиденье.

Но Савва все равно продолжал хныкать. Может быть, он хочет пить? Матерь набрала в рот снега, шевеля языком, растопила его и изо рта в рот попыталась напоить сыночка теплой водицей. Но он сделал всего несколько глотков и затем отказался пить. Значит, его мучает не жажда. Водой нельзя заменить пищу. Матерь знала, что он хочет есть. А есть нечего. Молоко в ее грудях давно пропало. То ли после гибели старшенькой Анны, то ли после второй бомбежки и гибели сына Романа, то ли после смерти доченьки Марии. А может, после распятого на дороге или мертвого чума.

Чем накормить Савву? Как поддержать его дыхание? Жвачкой из шкуры его не накормишь. Развести костер и сварить бульон из той же шкуры просто не хватит сил. Надо дрова собрать, чтобы хороший огонь получился. Савве нужна теплая и питательная еда. Есть, правда, еще Пойтэк... Но на него рука не поднимется, да с ним и не справиться ей, ослабевшей женщине, Матери Дитя. Что же делать? Что делать? Выход должен быть, иначе плач малыша разорвет сердце Матери.

Она лежала лицом вниз и слушала жалобный и тихий плач Саввы. Потом подняла голову, сняла рукавицы, ибо голыми руками легче цепляться за бугорки и кочечки на дороге, и снова поползла вперед, яростно цепляясь за все, за что можно ухватиться. Ползла вперед, помогая себе и ногами, и руками. Она понимала, что чем раньше придет к людям, тем больше шансов спасти Савву. И она все ползла и ползла. На обледеневшей кочке она больно оцарапнула ребро правой ладони и невольно, унимая боль, приложила рану ко рту. И почувствовала теплый и солоноватый привкус крови, В ней еще осталась теплая кровь, подумала она о себе в третьем лице. Кровь? Теплая?..

Она закрыла глаза. Кровь напомнила ей сказку про большую птицу Карс, которая в древние времена жила на этой земле. Человек Сказки, так его зовут, или герой сказки, как-то уговорил птицу Каре, чтобы та его куда-то быстро и далеко отвезла. Карс согласился, но с одним условием: в полете его нужно постоянно подкармливать мясом, иначе он не выдержит человеческую тяжесть – и они рухнут на землю. Человек Сказки набрал мяса, сел на птицу и полетел. Летят высоко, под облаками. Как только Карс попросит мяса, седок даст ему кусок. Летели-летели, и наконец мясо закончилось. А тут Каре снова просит пищу. Человек туда-сюда, а еда вся закончилась. Что делать? Не падать же на землю! Не разбиваться же вдребезги!.. И тут Человек схватил нож, отрезал от своей ноги сначала одну икру, потом вторую – подал птице. Прилетели на место, приземлились. Тут Карс и спрашивает Человека: «Два последних куска были со странным привкусом. Что за мясо ты мне дал?» Человек отвечает: «Это было мое мясо. Когда все запасы кончились, я отрезал свои икры». Карс по-

смотрел на своего седока и выплюнул два последних куска. Человек приложил их к своим ногам, и они сразу же приросли на свои места. Так Человек спас себя и птицу.

Матерь Дитя оторвала руку ото рта, взглянула на рану. Кровь почти перестала сочиться. Не отрывая взгляда, она все смотрела на ссадину на ребре ладони. Через несколько мгновений там выступили красные капельки.

Теперь она знала, что делать...

Она села, подтянула волокушу с Саввой. Личико его осунулось и покрылось тоненькими, как ниточки, едва заметными морщинками, хотя на весеннем солнце слегка загорело и обветрилось. Теперь он напоминал маленького сморщенного старичка с древним, потемневшим от дымных и смутных времен ликом. Притянув малыша, она развязала тесемки ягушки от шеи до пояса, медленно вытащила правую грудь, из берестяных ножен на правом боку вытянула поясной нож и, посидев мгновение неподвижно, как бы в оцепенении, острием лезвия надрезала грудь. И когда засочилась кровь, притянула сыночка и дала ему кровоточащую грудь.

С неба кротко смотрело на нее печальное Солнце. Савва перестал хныкать. Посопел носиком, а потом задремал. Матерь подобрала с обочины дороги пожухлый коричневый листок березы, смочила его во рту и заклеила ранку на груди. Затем завязала тесемки ягушки, пожевала кусочек от шкуры и вновь, опустившись на четвереньки, поползла в сторону дома. Теперь она знала, что, пока в ее жилах течет кровь, Савва будет жить. А это самое главное. Это придало ей новые силы.

Ползла она днем и ночью. Не очень разбирая и понимая, сколько же времени прошло, когда день сменяется ночью, а ночь днем. Лишь о Савве ни на мгновение не забывала. Как только он подавал голос, она сменяла ему подстилку и начинала кормить. И он впадал то ли в дрему, то ли в сон. Словом, переставал плакать.

Она ползла и с благодарностью вспоминала про птицу Карс, которая надоумила, как спасти малыша. По словам стариков, Карс смахивал на орла. Только он намного крупнее и сильнее. И долго жил на земле остяков. Возможно, Карс и сейчас жил бы здесь, да в глубокой древности однажды с ним приключилось несчастье. Рассказывают, летел он и увидел бегущих оленей. И напал на них, хотел закогтить добычу. А это была упряжка, на которой ехал человек. Увидев, что на его оленей нацелилась огромная птица, путник поднял хорей толстым концом вверх, на котором был укреплен кованый тяжелый наконечник. И когда птица спустилась совсем низко, человек железным наконечником перебил ей крыло. Шуганул упряжку и уехал. Говорят, человек-то был не простой. Это значило: он обладал шаманской силой. А Карс остался на дороге с перебитым крылом. Ходит, взлететь не может... Некоторое время спустя по этой дороге ехал другой человек. Смотрит, огромная птица на дороге – ни объехать, ни обойти. Человек, озадаченный видом птицы, остановил свою упряжку. Размышляет, что делать. Назад, что ли, повернуть? Тут человек видит, что Карс на свое перебитое крыло показывает. Мол, подъезжай, помоги мне. Делать нечего, человек подъехал к нему. Осмотрев перелом, человек с двух сторон приложил дощечки и перевязал крыло. Карс разбежался и взлетел. Дело было на чистине. То ли на озере, то ли на чистом болоте или сору. Человек поехал дальше по своим делам. Потом к себе домой вернулся. Дома, конечно, он рассказал о том, что с ним приключилось в пути. Прошло времени что-то около года. Однажды видит человек, что к его селению подлетает птица Карс. С добычей. В когтях одной лапы держит медведя, в когтях другой – лося. Опустил их на землю возле дома. Значит, так отблагодарил хозяина селения, своего спасителя. Потом Карс улетел насовсем в другие края, в другие страны. Так навсегда покинул он наши земли. После этого его здесь никто больше не видел, не встречал. Такую историю передают про птицу Карс.

Матерь Дитя вспоминала про Карса, как только малыш Савва подавал голос.

Она все упорно ползла. В полдень яркое мартовское солнце стояло почти над головой и животворными лучами тянуло ее к себе. Ей казалось, что при полуденном солнце она ползла быстрее, что волокуша с дитем становилась легче. И это вселяло в нее надежду, что обязательно доберется до людей, что ее последний ребеночек выживет.

Солнце помогало.

Солнце прибавляло силы.

Солнце притягивало к себе.

И она ползла и молилась Солнышку-Матушке. Ведь Солнце было Матушкой всех земных людей. Солнце было красавицей-женщиной. Солнце было богиней. А богине можно молиться. С богиней можно поговорить.

Когда Солнце скрывалось за горизонтом, она молилась и другим богиням. Часто она разговаривала и просила силы у покровительницы родной реки, у покровительницы Агана. Ведь Она совсем близка. Ее земной дом и ее священные земли и воды расположились почти по соседству с родным селением Матери Дитя.

Ночью она призывала на помощь Месяца-Старика. Он тоже был богом. Во всех молитвах его связывали с Солнцем, подразумевая, что они муж и жена, семейная пара. Обращались к ним, говоря: «Месяц-с-Солнцем (или Солнце-с-Месяцем), взор свой на землю, на нас обратите». Сейчас Матерь посылала мысль-молитву: «Месяц-Старик, со своей высоты на меня взгляни, силы мне дай и дух мой укрепи, до человеческого жилья добраться помоги!» Месяц, то открывая из-за тучек, то закрывая половину своего лица, размышлял. Но женщина чувствовала, что он не оставит ее в беде.

Савва просыпался, начинал плакать. Матерь садилась, притягивала его к себе, развязывала тесемки ягушки. И, смочив слюной, отклеивала березовый лист на ранке на груди. После этого малыш переставал хныкать. То ли засыпал, то ли впадал в забытье.

Когда на обочинах зимника появились старые, занесенные снегом копаницы, Матерь поняла, что жилье должно быть где-то не очень далеко. Вдруг силы покинут ее на подступах к живому дому? Обидно будет... Теперь, наверное, нужно доверить судьбу малыша Саввы старому Пойтэку. Один он не уйдет, не бросит хозяев. А вот с Маленьким Хозяином старик пес пойдет и намного быстрее доберется до человеческого очага. Единственное, что требуется, так это хорошо закрепить люльку с мальчиком на шкуре-волокуше, чтобы она не выпала в пути, не потерялась.

Матерь, поразмыслив, села посреди дороги, притянула к себе волокушу с ребенком, потом позвала старика Пойтэка.

Пойтэк подошел и, словно почувствовав всю значимость и важность возлагаемого на него поручения, взмахнул хвостом и радостно сказал:

– Ав-вав!

– Все-то ты понимаешь! – удивилась хозяйка.

И она молча погладила его по «улыбающемуся лицу». Савва уже не плакал. Он впал в дрему.

ГЛАВА 22

Пленница, казалось, равнодушно дожидалась своей участи. И когда пришел скособоченный помощник главаря красных, открыл ее каморку в какой-то отдельной пристройке фактории и крикнул «Безымянная, на выход», она продолжала сидеть, безучастно уставившись в одну точку на стене. Ушлый Мингал молча ощупал ее замороженно-холодными глазками – цела ли, выдержал паузу, потом повторил: «Выходи, к командиру пойдешь». И тронул ее за плечо. Она невидящим взором, словно вернувшись из другого мира, взглянула на него, еще несколько мгновений сидела неподвижно, потом медленно поднялась.

Командир в жарко натопленном доме сидел за столом в исподнем. Увидел вошедшую пленницу, и его широкое мясистое лицо расплылось в улыбке, он ласково, насколько позволял его грубый голос, сказал:

– А, Безымянная, садись! Сейчас чайку попьем да поговорим! Может, что интересное вспомнишь!..

Он сделал знак помощнику, и тот, шаркнув ногой, вышел.

Вместо чая он налил в кружку спирта, но на сей раз разбавил его водой и пододвинул девушке.

– Пей, – сказал он. – Согрейся. Поди, не в таких теплых хоромах тебя держат.

И обвел взглядом свое жарко натопленное жилище.

Сам себе он тоже в кружку побулькал из солдатской фляжки и, не разбавляя, выпил залпом. Потом он двумя руками взял большой мясистый мослак с блюда на столе и, отрывая зубами, начал смачно жевать и глотать куски. Сейчас он горой возвышался над столом и поэтому напомнил девушке исполинского Мэнква из остяцких сказок и преданий. Это были полулюди, звероподобные существа, жившие в древние времена в лесах. У них было много голов – от одной до семи, но при этом соображали туговато. По словам сказителей, их даже дети довольно легко могли перехитрить в житейских делах. Они отличались злобным нравом и в ярости все сокрушали на своем пути. Попадая же в нужду, а то и просто из потехи часто становились людоедами. Словом, более страшного существа в народных сказаниях не попадалось.

Отложив мослак, командир хозяйским жестом показал на стол, заставленный блюдами с мясной и рыбной пищей, и сказал:

– Выпей и поешь. Поди, не такой пищей тебя там потчуют.

Девушка молчала. Хотя она была голодна, но к еде не притронулась. Огонь ненависти был сильнее голода.

Подняв глаза на девушку, он спросил:

– Теперь-то, поди, без ножа пришла? Передумала меня убивать?

Помолчал, потом сказал:

– Глупая девчонка... Меня белогвардейская шрапнель не скосила. Казацкая сабля не зарубила. Колчаковская контрразведка не сломала. Бандитская пуля не взяла... А ты меня каким-то паршивым ножичком хотела загубить!.. Хо-хо!..

И он коротко хохотнул. Но тут же оборвал смех и, построжев лицом, поставил свой главный вопрос:

– Где полковник? Отдай мне полковника.

Девушка не ответила.

А полковник знал свое дело. По поступающим донесениям, вокруг большого села Полноват, что стоит на правом берегу Малой Оби возле устья Казыма, в урманах формируются отряды обских остяков, готовые выступить по первому сигналу от казымских мятежников. Чухновский понимал, что если они пойдут на помощь повстанцам со стороны низовья реки, ему придется туго. Придется воевать на два фронта. А на это нет ни боеприпасов, ни людских ресурсов, ни возможности маневрировать. Тогда уж не только одним месяцем, как он вначале предполагал, но и одним сезоном не обойтись, если не разобьют наголову. И аэропланы не помогут, ибо они не транспортные и не грузовые. Они летают лишь на разведку и при надобности бомбят связками гранат. Больше ни на что не годятся. Поэтому как можно скорее нужно взять полковника, пока он не успел дернуть за ниточку, не успел поднять отряды полноватцев.

Вести поступали тревожные. В самом конце 1933 года в Ларьякском районе, на восточной границе округа, поднял мятеж-восстание князь Шатин, фактический хозяин села Толька, до которого шестьсот километров от райцентра. События там развивались в таком же порядке, как и на Казыме. Первый отряд, сформированный в районе против восставших, потерпел неудачу в самом начале похода. Руководитель отряда, начальник райотдела милиции Перевалов, был убит из боевой винтовки-трехлинейки. Стало быть, мятежники хорошо вооружены. Против них снарядили второй объединенный отряд из сотрудников ГПУ и милиции из окружного и районного центров.

Второй поход тоже не принес желаемых для властей результатов. Князь Шатин с ближайшим окружением скрылся в красноярской тайге, остальных участников восстания рассеяли по Толькинской тундре. Отряд вернулся с тремя плененными, включая брата князя Шатина, которых сразу же судили и всех троих приговорили к высшей мере наказания – расстрелу.

На Ваховских землях было неспокойно. Активно велась антисоветская пропаганда. Возможно, и там приложил руку неуловимый полковник. Хоть и далековато отсюда, от Казыма. Но кто знает, на что он способен. Чухновский понимал, что, если поднимется большая река Вах, его войско надолго застрянет здесь, в таежно-тундровых дебрях Остяко-Вогульского края. И сейчас все нажимал на девушку-пленницу:

– Отдашь полковника – на все четыре стороны отпущу. Сразу. И упряжку дам. Улетишь – куда захочешь. Клянусь!..

Он замолк на мгновение. Потом, видно, вспомнил, что остяки обычно клянутся самым дорогим. Поэтому брякнул:

– Отпущу. Товарищем Сталиным клянусь!

Но, услышав неожиданно вылетевшее имя вождя, командир вздрогнул, замолк и встревоженным взглядом обвел дом. Было тихо. За окном темная ночь. А в избе, кроме пленницы, никого. Он быстро налил себе спирта, выпил, деловито крякнул и, кажется, только после этого немного успокоился. Конечно, сам понимал, что перегнул. Клятвы на войне ничего не стоят. Вот и председателя Казымского туземного Совета Прокопия Спиридонова убедил в том, чтобы тот приложил все свои силы и влияние, использовал свой авторитет и не дал выступить полноватским отрядам обских остяков, пообещав от имени красного командира Чухновского, что в этом случае с их головы ни один волос не упадет. Он, Чухновский, пока еще не ведал, что, разбив восставших казымцев, частью рассеяв их по Надымской тундре и Водоразделу, на обратном пути в Березово завернет в Полноват, произведет аресты среди так и не выступивших остяков и вывезет их на суд в Остяко-Вогульск как мятежников и врагов Советской власти. А Прокопия Спиридонова обвинят в пособничестве восставшим и, приговоренного к смертной казни, вместе с сыновьями забьют в камере предварительного заключения сразу после окончания суда. Он же, красный командир, будет оправдывать себя тем, что изменилась ситуация. В гражданскую войну, когда приходилось особенно трудно, обстоятельства заставляли всячески выворачиваться, и понятия чести и совести напрочь притупились, пропали куда-то, исчезли, растворились в крови и грязи страшной бойни

по всей огромной России. Чухновский знал, что и здесь, на Севере, гражданская завершалась клятвоотступничеством победителей. В верховье Сосьвы, в селе Саранпауль, поверив клятвенным обещаниям, что всем сохранят жизнь, сдался отряд последнего белого офицера Туркова. Но как только побежденные сложили оружие, всех их расстреляли там же, на том же месте, в том же селе. Победителей не судят, ибо они сами становятся судьями.

Наконец, совсем успокоившись после неожиданно вылетевшего имени любимого вождя, командир-главарь обрел голос и снова заговорил:

– Полковник ведь не ваш. Он из русских. Чего его жалеть? Все равно от вас уйдет когда-нибудь. Не будет же тут вечно сидеть, смутьян. Это он взбаламутил народ. Без него жили бы спокойно. Видишь, сколько он бед вам принес. Восстание устроил. Войну открыл... Думаю, народ любит красных, любит Советскую власть...

Он помолчал, потом продолжил свою мысль, добавил философски:

– А коль не любит – так полюбит. Ведь жить-то надо!..

После паузы он сказал:

– Отдашь полковника – мы тоже уйдем ко всем чертям. Уйдет войско. – В сердцах, как бы для себя, выдал: – Все осточертело!

Девушка молча слушала.

– Хоть себя пожалей, – продолжал он увещевать. – Укажи дорогу к этому проклятому полковнику. А не то я ведь могу и озлиться. Могу отдать тебя солдатам. У меня мужики звереют от походной жизни. Даже бить не будут, одними ласками замучают тебя.

Он пристально, как бы завораживая, откровенно, как мужчина, рассматривал ее через стол. Она сидела пред ним каменным изваянием, как языческая богиня – прямо и неподвижно. Только глаза опущены вниз.

– Такая красивая девушка – и можешь пропасть ни за что, – с сожалением проговорил он в неожиданном для себя самого, в каком-то лирическом затмении. – Пожалей себя.

Он протянул руку через стол, приложил ладонь к ее щеке и большим пальцем провел по ее плотно сжатым губам. Словно таким образом одновременно пытался распечатать ей рот и войти в ее плоть.

Она не шелохнулась.

Когда он отнял руку, она, обхватив двумя ладонями, подняла кружку, медленно поднесла ко рту и смочила нижнюю губу, будто выпила. Хотя спирт был разведен водой, все равно запах был неприятным, а губу слегка ожгло.

Потом поставила кружку на столешницу, встала, одернула платье, поправила легким прикосновением волосы и не спеша пошла к широкой деревянной кровати, стоявшей возле окна в переднем углу, во второй половине пятистенки. Мгновение постояв над этим ложем, неторопливыми движениями скомкала серое солдатское одеяло, прикрывавшее постель, и, сунув его в изголовье, легла на спину поперек кровати, оставив согнутые в коленях ноги на полу.

Командир-главарь самодовольно крякнул, тяжело поднялся из-за стола и, потирая руки, подошел к ней. Широко расставив ноги, чуть покачиваясь от выпитого, он остановился над девушкой. Она лежала сощурившись, почти с закрытыми глазами. Но он видел только четко прорисовавшиеся под тонким платьем упругие девичьи бедра и трепетно вздымающуюся грудь.

Все это было похоже на начало разговора. На начало пути к полковнику. И он, довольный собой, сказал чуть охрипшим басом:

– Вот это дело!..

И в то же мгновение у него потемнело в глазах. Он двумя руками схватился за свое мужское достоинство, согнулся в поясе пополам и, не выдержав, в таком положении осел на пол. Тоненько, по-поросячьи простонал:

– Уссс, ссука!..

Девушка саданула его в промежность и, накинув на себя одеяло, сиганула в окно, а там – в дежурную упряжку.

Только звон стекол ударил ему в уши. Он, корчась на полу, постанывая, терпел, сколько мог. Но боль, как ему показалось, не убывала, а усиливалась. Наконец он взревел, вместе с криком выплескивая из себя эту боль. На его рев влетел Мингал и заметался по избе. Сначала бросился к командиру, потом рванулся к разбитому окну, затем – к двери. Но с порога вернулся к командиру, хотел поднять его и положить на кровать, но как только прикоснулся к нему, ушибленный злобно прохрипел:

– Не трожь!

И Мингал затоптался перед корчившимся на полу командиром, не зная, что делать. Наконец он догадался напомнить о себе, к нему вернулся дар речи, и он закричал:

– Товарищ командир!..

Командир поймал его краем глаза – будто только теперь узнал своего помощника. А узнав, рявкнул:

– Взять!

Мингал бросился к окну – туда, что ли, хотел вылететь вслед за беглянкой. Но потом опомнился и выскочил в двери.

А командир все лежал на полу. Потом, когда боль немного отпустила, он сел, прислонившись спиной к стене. Из разбитого окна тянуло холодом, но почему-то никто не спешил забить или занавесить дыру. Он еще не знал, что в эту ночь почему-то дежурила одна упряжка. Второй не было. Поэтому на фактории поднялась суматоха: надо было срочно найти упряжки для погони.

Когда боль почти совсем прошла и к нему вернулась сила голоса, он, продолжая сидеть на полу, закричал в сторону дверей:

– Кто там есть?

Дверь приоткрылась. И он, опережая, не давая солдату войти, крикнул в дверную щель:

– Машку давай! Срочно!

И пока дверь не успела закрыться, подал вторую команду:

– Окно забить! С улицы!

И устало прикрыл налившиеся кровью глаза.

ГЛАВА 23

Там, в Европе, Белый еще не однажды вспомнит, как после мокрой снежной пурги он впервые очнулся в теплом человеческом доме.

В туманных наплывах, как из потустороннего мира, он уловил тихий говор. Связь с этим миром была еще настолько слабой, что он не мог вникнуть в смысл слов. Различал только голоса: мужской и женский. Звонкие голоса девочек и голос мальчика. И показалось ему, что он, дежурный флигель-адъютант, сидит за обеденным столом с августейшей семьей в Царскосельском дворце в ноябре 1916 года. Сидел он за большим овальным столом по левую руку от государя-императора. Слева от него – наследник престола Алексей, недавно назначенный шефом его Первого энского казачьего полка. Напротив, по правую руку от государя, – великая княжна Ольга, рядом с ней великая княжна Татьяна. На другом конце стола государыня Александра Федоровна, по левую руку которой сидела великая княжна Анастасия, а по правую – великая княжна Мария. Сестры были настолько же милы, насколько красивы. Они шутили и весело смеялись. Особенно грациозна была старшая, Ольга. Он знал, что к ней уже сватались из европейских императорских домов. В частности, в кругах высшего света шли разговоры о румынском принце, которого она якобы отвергла. С другой стороны, это объясняли тем, что царствующая семья, члены которой были очень привязаны друг к другу и дружны, не хотела и не спешила расставаться со старшей великой княжной. А он, глядя на веселые, оживленные лица девушек, думал о том, что их всех ожидает в будущем. По сложившимся веками традициям, каждой из них нужно выйти замуж только за принца из какого-либо императорского дома. А каким будет этот принц? Любимым или нелюбимым? Любящим или нелюбящим? Но, главное, как военный, он предчувствовал приближение грозы, время больших потрясений.

Что ждет впереди этих милых и жизнерадостных девушек? Конечно, хотелось бы, чтобы счастливая и безоблачная жизнь.

Наследник престола Алексей расспрашивал о полке, шефом которого стал после августа месяца. Какие в полку кавалеристы? Откуда они? Какие лошади? Какая форма?

Государь же интересовался общим положением дел на фронте. Впрочем, не оставлял без внимания и частные эпизоды войны. Подробно, в деталях выслушал о блестящей атаке Первого энского полка в Лесистых Карпатах.

Он отвечал на вопросы и в душе был рад тому, что его здесь принимали за своего. За обедом семья вела себя так, как будто не было посторонних, то есть его, прибывшего с фронта офицера, поставленного на один день дежурить при государе. Он смотрел на государя и думал, что более деликатного, доброго и умного человека вряд ли встречал в жизни. Было приятно осознавать, что символом православной веры, символом России и русского народа, символом Отечества является такой человек.

Только императрица, Александра Федоровна, выглядела болезненной и встревоженной и не особо активно принимала участие в общей беседе. Хотя, надо заметить, с блеском исполняла обязанности матери семейства и хозяйки дома.

Это была его последняя встреча с государем императором и его семьей. И сейчас, находясь в полуобморочном состоянии, как бы между двумя мирами, настоящим и потусторонним, он вслушивался в говор за семейным столом и радовался: царь жив, и семья его жива. Он слышит их голоса. Значит, будет жива и Россия. И с этой мыслью, с верою, что царская семья жива, что она спасена, он опять впал в забытье, потерял сознание.

Уже много позже, очнувшись и обретя дар речи, он первым делом слабым голосом спросил:

– Где государь Николай Александрович? Где его семья?

В ответ тишина. И долгое-долгое молчание. Наконец женский голос ответил:

– Мы не знаем. Мы не ведаем...

Он не поверил этому. И впервые за много дней беспамятства с трудом разлепил веки. И прямо над головой увидел скорбный лик Божией Матери. Будто бы это она отвечала на его вопросы.

...Там, в Европе, когда он почувствовал, что подступило его последнее мгновение и впереди его уже ничего не ждет, он облачился в старенький мундир, в котором субботним днем в середине ноября 1916 года в Царском Селе, будучи дежурным флигель-адъютантом, обедал с семьей государя-императора Николая Александровича. Надев мундир и взяв трость, он пошел к православному храму, опустился на холодный мрамор садовой скамьи, откинулся на спинку, высоко поднял седую голову в военном кепи с двуглавым золотым орлом и устремил взгляд все еще ясных очей на восток, в сторону России, словно силился увидеть давным-давно покинутое Отечество. Потом медленно скрестил руки на трости, прикрыл глаза и, затаив дыхание, замер на своем месте, затих. Лишь легкое движение осеннего воздуха слегка пошевеливало прядь его белых волос на затылке, да низкое осеннее небо осторожно давило на него сверху. За деревьями сада тихо постанывал океан. Пусто, глухо, уныло. Пронзительно-осенний воздух, низкое небо, стон океана. Он постоянно чувствовал его. Время остановилось и не отпускало. Господи, возьми меня, мысленно взмолился он. Но Господь не спешил его брать к себе. Почему? Возможно, потому, что при его попустительстве некогда великая страна стала разбойником на большой дороге. Это случилось после того, как без суда и следствия уничтожили государя-императора и его семью. Пролили безвинную кровь. И Россия обезумела. Стало все дозволенным, все возможным. И произошло это при его попустительстве. Теперь, на пороге в другую жизнь, он снова вынужден все пережить заново. Конечно, не он один виновен в падении государства Российского, но каждый отвечает за себя. А ведь была сила, была опора у государства, была опора у России – русская армия.

И в русской армии он был не последним русским офицером. Ведь через его руки прошли лучшие русские воины и воинские формирования. В первую мировую командовал Первым энским казачьим наследника цесаревича полком. В августе 1916 года в Лесистых Карпатах полк провел блистательную атаку, за что был отмечен особой наградой – шефом полка был назначен наследник цесаревич Алексей. Потом он получил дивизию, затем, в гражданскую, – армию. Но настал миг – и в одночасье развалили, растоптали русскую армию.

Теперь земные дни его прошли, и не дождаться ему возрождения России. А оно не за горами. Он знает, чувствует это. Остяки, эти дети природы, даровавшие ему вторую жизнь, пророчески чувствительны к колебаниям времени. Они сказали ему там, за заснеженным Уралом: красные будут править один век, один отрезок времени. Потом жизнь полегчает. Да, он знает это. Придет следующий, новый русский царь, который объединит всю бескрайнюю Великую Россию. Без него невозможно возрождение России. Вернее, она все равно возродится, встанет на ноги, но этого не произойдет до тех пор, пока не появится новый русский царь. Только Бог в критическую минуту спасет мир. Стало быть, спасет и Россию, не оставит ее без царя. Государя Николая Александровича нельзя считать последним русским царем. Нет, он не последний русский царь.

А ведь история могла пойти по-иному. Можно было сохранить и русскую армию, и царя, и русский народ. И главное, прирастить мощь российскую. Тогда высок и крепок был патриотический дух. Простые русские люди почитали за честь умереть за веру, царя и Отечество. Все можно было уберечь и сохранить. А не получилось. Не вышло. Не удалось. Обидно, тяжко, горько на душе. И тут он почувствовал, как впервые после отроческих лет скупые слезы невольно выкатились из прикрытых глаз и, как бы рассекая лицо на части, прорыли к подбородку глубокие траншеи. Припомнилась ему истина, что у Господа надо просить не легкой жизни, а легкой смерти. Но и жизнь его не была легка, и легкой смерти он не хотел. Не подобает русскому офицеру заканчивать свой жизненный путь пулей в виске. Он до конца пронесет свой крест, каким бы тяжким он ни был, какие бы муки ни пришлось ему испытать.

Небо все ниже опускалось над ним. Океан постанывал все глуше и глуше. Ветер уже перестал прикасаться к седой пряди волос на затылке. Но он еще чувствовал, как на его лице углубляются ходы-траншеи, по которым пришлось ему ходить в первую мировую.

Незрячими очами, с высоко поднятым подбородком, он все пытался одним взглядом охватить огромную, покинутую много лет назад родину, свою Россию... Ему хотелось уловить миг, когда его душа отделится от тела и медленно станет подниматься к небу, к Господу Богу. Но Господь не торопится, видно, все размышляет: принять ли его душу. И он знает, почему Тот сомневается. Сколько раз в семнадцатом и в восемнадцатом он взывал к Нему: «Господи, спаси и сохрани царя! Господи, спаси и сохрани Россию!» А Господь то ли не услышал его молитвы, то ли просто не устоял перед красными. От этого в нем всегда оставался горький осадок. Он считал, что подвергать кровавым испытаниям огромную страну и целый народ было немилосердно, неразумно и слишком жестоко. Так складывались у него отношения с Господом Богом. Но Бог милостив... Пред последним земным мгновением он ощутил необыкновенный прилив сил и увидел себя молодым, блестящим командиром, гарцующим на белом коне перед Первым энским казачьим наследника цесаревича полком. Наступил наивысший миг напряжения перед атакой. Сейчас его полк сорвется с места и конная лава сметет врагов России. И он спиной, точнее, всем телом почувствовал, что в этой атаке каждый его воин-кавалерист готов сложить свою голову за веру, царя и Отечество. И принял бы как высокую честь.

Он набрал воздуху, чтобы скомандовать атаку полку, – и на этом дыхание его замедлилось. Но он и без слов сумел выдохнуть: «За веру, царя и Отечество...» И его белый конь взвился к небесам...

ГЛАВА 24

Скрылись за поворотом Савва с Пойтэком. Матерь Детей лежала на подтаивающей колее и, прислушиваясь к утихающему шороху шкуры-волокуши о комья снега, провела руками по лицу, пытаясь осушить мокрые щеки. Неразумный малыш уехал в неведомую даль. Оторвалась от нее последняя родимая кровиночка. Вернее, она сама отправила его. Сама оторвала его от себя. И он отправился в путь то ли навстречу жизни, то ли навстречу... гибели. Гибели? Нет, нет! Только не гибели!.. Но мысль о гибели вдруг резанула ее по сердцу так больно – она закричала на все заснеженное пространство, встала на колени и попыталась побежать за сыночком, чтобы остановить, вернуть его. Но тут же упала.

Тогда она развернулась поперек дороги и, переворачиваясь с боку на бок, словно бревнышко, покатилась, царапая лицо и руки об острые комья обледеневшего снега, вслед за мальчиком с собакой. Катилась до тех пор, пока могла шевелиться. Но дорога была пуста. И она поняла – не догнать, не вернуть. С протяжным стоном она зарыдала. Зарыдала, более не сдерживая себя. Ее заколотило в рыданиях. Она билась о ледяную корку, но боли не чувствовала. Наконец, обессиленная, она затихла и, словно помертвевшая, распласталась посреди зимника.

Она лежала неподвижно. Ей казалось, что ее слезы прожигают снег и медленно растекаются по плечам Сидящей Матери, по плечам Земли-Матушки. И богиня Земля чувствует их и слышит мольбы человеческой женщины, матери неразумного младенца. А молила она за своего сыночка Савву: пусть Сидящая держит его на краешке глаза, чтобы его люлька не свалилась на обочине дороги, не опрокинулась на крутых спусках и подъемах, на горках и впадинах, на буграх и колдобинах. Пусть Сидящая доведет его до людей, до человеческого жилья. Ведь всесильная Богиня все видит и слышит, все знает и понимает. Если Савва спасется – значит, и народ спасется. Разве может позволить Сидящая Матерь, чтобы бесследно исчез целый народ?! Нет, конечно же Она этого не допустит! Ни за что не допустит! На то и определен ей этот пятачок Вселенной, где живут люди, чтобы она сохранила каждый народ, который поклоняется ей, чтобы вняла мольбам каждого человека, кто помнит о ней.

Теперь, когда ушли Савва с Пойтэком и прошел прилив отчаяния, Матерь Детей стала размышлять и искать новую опору. Хотя рядом нет сыночка, последней кровиночки, но она не должна чувствовать себя одинокой. Одной будет плохо. Кто же ближе всех? Конечно же, Сидящая. Вот она, с нижней стороны, совсем близко. И женщина обратилась к ней с главным вопросом. То ли вслух, то ли мысленно спросила:

– Как быть?

И замерла, прислушиваясь к звукам и мыслям, идущим с нижней стороны. Ждала. Долго ли, коротко ли? Она не знала. И наконец, то ли в дреме, то ли наяву, дождалась ответа:

– Живым быть.

Это значило – нужно двигаться вперед. Она подняла голову, оперлась на локти, оглядела пустынную дорогу. Пошевелилась и, собрав остатки сил в локтях и коленях, поползла в сторону людского жилья.

Ползла до тех пор, пока поднимались руки. Потом остановилась передохнуть. Перевернулась на спину и долго лежала неподвижно с закрытыми глазами. Когда открыла глаза, увидела высокое ясное небо. Там, на Седьмом Слое, живет Верховный Отец, Бог Торум. Вот Он, с верхней стороны, совсем близко. И она опять поставила свой вопрос:

– Как быть?

Верховный Отец не заставил себя долго ждать. Как ей показалось, ответ пришел довольно быстро:

– Живи.

Это значило – ее земные дни еще не закончились. Стало быть, надо выжить. А выжить можно, только двигаясь вперед. И она, перевернувшись на живот, снова поползла в сторону полуденного солнца. Выбившись из последних сил, останавливалась, отдыхала, лежа неподвижно, потом опять ползла. Вперед, только вперед.

Время от времени она разговаривала. Ведь она была не одна. Их было трое. Небесно-земная троица. С нижней стороны – Земля-Матушка. С верхней стороны – Верховный Отец, Торум. Они стали ее неразлучными попутчиками. Они помогали ей двигаться вперед. Они вдыхали в ее истощенное тело новые силы. Они поддерживали и укрепляли ниточку ее разума, чтобы она не сошла с ума, не потеряла голову. И она разговаривала, вела с ними беседу, спрашивала о том, что не знала и не понимала, в чем сомневалась. Или же проверяла свои мысли-думы: в правильном ли направлении идет.

Потом из глубин ее сознания всплыла Божья Матерь. Истекающая кровью, с красной пулей в груди. Она приняла пулю, которая предназначалась для Матери Детей. Тем самым спасла от преждевременной гибели хозяйку дома. И теперь женщина, вспомнив своих бабушек по материнской линии, спросила Божью Матерь:

– Как быть? Ответ был кратким:

– Жить.

Стало быть, надо шевелиться. Вперед, домой, к людям. Сейчас движение для нее – жизнь. Нужно двигаться, ползти. Понемножку, чуть-чуть, через силу. Ответ также значил и то, что Божья Матерь до сих пор, несмотря на рану, сохранила магическую энергию. Она была добра и сильна. Недаром защищала и охраняла столько поколений человеческого рода.

И женщина снова поползла. Она ползла и ползла. Потом остановилась, перевела дух, перевернулась на спину. Из-за пазухи вытащила кусок шкуры от амдера, отрывая зубами небольшие клочья от края, пожевала. Впрочем, о голоде она почти не думала. Горький огонь потерь, сжимавший сердце, давно притупил ее чувства, но она знала: чтобы сохранить силы, надо что-нибудь есть. Это для ребенка трудно найти пищу в такой ситуации, а для взрослого всегда найдется корм. Закончится кусок шкуры-амдера, можно есть кору деревьев, березовые и тальниковые почки. В крайнем случае, как глухарь, пожуешь хвою молодых сосенок. Но до хвои дело не дойдет. Ведь у нее еще есть шубка-сах и кисы с чижами. Все это из оленьих шкур и оленьих лап. Значит, кожа съедобная. Лучше, конечно, старую кожу отваривать, если нужда заставит есть ее. Пока же остались еще запасы свежей шкуры, которая сохранила запах мяса. На ней даже попадаются небольшие кусочки сала и мясные волокна. Олень не даст погибнуть, если в тебе не иссякла сила духа.

Женщина перевернулась на живот, подползла к обочине и из оленьего копытца выпила немного талой воды. Она могла разжечь костерок и в кружке вскипятить чай, то есть белую водицу, но не стала. Это отняло бы немало времени и сил. А она спешила, торопилась вслед за сыном и собакой. Вдруг какая преграда возникнет на их пути? Вдруг им потребуется помощь?! Медлить нельзя.

И она двинулась вперед. Как ей самой показалось, бодро, споро. Когда дыхание совсем укоротилось, она остановилась на короткий передых. Положила голову на согнутую руку, закрыла глаза и направила мысль-вопрос Божьей Матери:

– Как мой Савва?!

– Жив, – ответила Богоматерь.

– Где он?

– У людей.

– Это хорошо!.. – вздохнула женщина. Она закрыла глаза увидела картину. Вот Пойтэк подбежал к дверям дома и остановился. Хозяйские собаки подняли невообразимый лай на чужака, посмевшего прийти без видимого путника-гостя, со странной волокушей. Из дома вышли люди. Удивились. Мгновение стояли неподвижно. Потом опомнились, отвязали люльку и с малышом вернулись в дом. Пойтэк постоял еще немного, оглянулся на пустую волокушу и затем сделал несколько шагов в сторону. Он знал, что от

него требуется: он должен вернуться к хозяйке, туда, где оставил ее. Сразу, немедленно. Но он стоял головой в сторону собачьих конур, а оттуда тянуло сладким запахом теплой пищи. Он пошевелил ноздрями. Его собратьям недавно дали разваренных чебаков в навaристой ухе. Такого лакомства он давно не едал. В последнее время сам себе добывал корм, а тут готовая еда. На тебе, подойди, поешь.

Собаки продолжали лаять. И Пойтэк не выдержал. Уверенной, но внешне ленивой трусцой по ровненькой прямой побежал к конурам и остановился в десяти шагах от них. За свою долгую жизнь старик Пойтэк хорошо освоил все собачьи правила. Он вздыбил шерсть на загривке, а потом показал клыки, чтобы все видели, что они на месте. И лишь после этого не спеша, шагом, как бы вразвалку подошел к корыту молодого пса и начал есть. Молодой раза два тявкнул обиженно и забился в конуру.

Все собаки разом, как по команде, перестали лаять. И теперь они с любопытством разглядывали нахального чужака. А Пойтэк, поев, облизнулся, обвел глазом все конуры, постоял как бы в раздумье и с достоинством отошел в сторону. Только после этого с пустой волокушей ровной трусцой поспешил обратно к своей хозяйке. Когда он уже уходил, собаки, как бы опомнившись, залаяли ему вслед.

А люди в доме вскоре хватились: где же белый пес, который привез малыша? Убежал обратно? Значит, там есть живой человек. И люди засобирались в дорогу, вслед за Пойтэком.

Женщина так четко увидела эту картину, что, пошевелив левой рукой, не открывая глаз, спросила:

– Пойтэк, ты вернулся?

Но ответа не последовало. А она продолжала спрашивать:

– Пойтэк, ты здесь? Тишина.

– Пойтэк, ты где? Ты чего молчишь? Опять нет ответа.

Левая рука женщины все ощупывала дорогу. Но пес не отвечал. И она открыла глаза. Оказалось, ее рука наткнулась на ком снега, который она приняла за собаку. Но эта ошибка не огорчила ее, она сказала себе:

– А-а, Пойтэк еще не вернулся...

В том, что Пойтэк вернется и ляжет рядом с ней возле левого бока, с солнечной стороны, она нисколько не сомневалась. Не сомневалась потому, что у него была хорошая родословная. Дедушка Детей погиб в самый разгар войны между белыми и красными. Его взяли проводником-каюром, и в бою между двумя отрядами то ли шальная, то ли прицельная пуля лишила его жизни. Поскольку это случилось недалеко от селения, тело его привезли домой и похоронили на родовом кладбище. Родичи оплакали его, исполнили все обряды по погибшему. Только его собака не могла успокоиться: перестала есть и все выла и выла. Когда она своим воем всем измотала нервы, ее отвязали и отпустили. Она убежала на кладбище, легла обочь верхней домовины-надгробия хозяина и там околела. Вот из этой породы и был Пойтэк. Поэтому он не бросит хозяйку, не оставит ее одну, обязательно вернется.

Теперь Матерь Детей знала, что сделает и сколько земных дней осталось в ее жизни. В доме людей она отлежится, залечит раны, потом отвезет Савву к бабушке Дарье, а сама достанет винтовку и пойдет на войну. И станет – прости, Господи, – отстреливать красных, преследуя их повсюду. Где на оленях, где на лыжах, где по тонкому насту. Ведь там, где проваливаются красные, наст легко выдерживает вес ее хрупкого тела. Вот и пригодится опыт охоты, что она приобрела в юности и в зрелые годы. И станет она таким же неуловимым и бесстрашным воином, как и Малый Сеня-старик. Красные еще долго ничего не будут знать о ней. Все свои потери они спишут на Сеню-старика, который в конце концов останется один на один с красным войском. Закончится война, и красное войско уйдет, а поимкой Сени-воина займутся энкэвэдэшники. Еще многие годы он будет уходить из их широко расставленных сетей, из любых засад целым и невредимым.

Матерь Детей увидела и свой последний день жизни на Земле. Наступала весна, наступала распутица. И остатки красного войска через Божье озеро, через верховье реки Казым заспешили в Березово, на свою базу. Летом они не могли воевать в этих местах. Не могли передвигаться по болотам, по тундре, по рекам и озерам. Заканчивался сезон войны. И они очень торопились. До ледохода нужно выбраться в город по рыхлеющим зимникам... Женщина обстреляла красных с вершины крутой горы-сопки. Они остановились внизу, на открытом месте, на льду реки, где проходила дорога, и по крутояру открыли огонь. Но стреляли беспорядочно, как-то вяло, неохотно. Не то что в начале войны. Тогда они палили шустро, залпами, по команде. А, иссякает порох, с удовлетворением отметила женщина. И мороз, видно, немного укоротил вам лапы... Когда кончились патроны, она встала, неторопливо стряхнула с белой ягушки налипшие комочки снега, не спеша повернулась по солнцу, охватив взглядом всю округу, и вышла на открытую залысину-полянку на макушке горы. Стрельба смолкла. На нее с удивлением смотрели и враги, и пленные остяки. Пленных перевозили странным способом. Их посадили попарно в нарты, спиной друг к другу, и крепко связали им руки, притянув туловище к туловищу.

В таком положении никто не сможет бежать. Сейчас все их головы были повернуты в ее сторону. Она не видела выражения их глаз, все-таки далековато. Но в напряженном развороте головы каждого пленника она уловила один немой вопрос: отчего ты, свободная, не стреляешь?.. Она постояла еще немного, потом подняла винтовку. И тогда снова загремели выстрелы красных. Но их пули со свистом пролетали мимо. И все мимо, мимо. Как будто она была заколдована, заговорена от смерти, от красных пуль. Она слышала: пули то вверх уходили, то куда-то левее. Все левее и левее ложились пули. Когда ожидание стало томительным, она сделала шаг влево. И приняла пулю в грудь. Приложила ладонь к ране и медленно шагнула в молодой кедровый подрост. Хотя она знала, что красные не полезут на крутояр, но ей не хотелось, чтобы они видели, как она упадет. В кедраче она присела, застыв на мгновение в неподвижности, и лишь потом повалилась на землю. Пуля прошла навылет. И она еще чувствовала и осознавала, как ее Светлая сочится на плечи Сидящей, а через пулевое отверстие на спине ее тепло и дух уходят вверх, в небо, к Верховному Отцу, туда, в заповедный уголок неба. Она еще раз напомнила себе, что туда забирают тех, кто погибает на войне, и всех тех, кто умирает не своей смертью. Туда поднялись души погибших дочерей и сыновей женщины вместе с Отцом Детей. И вот теперь она по своей доброй воле уходит к ним, к своему семейству, к своему выводку. Ее ждет небесная жизнь в кругу семьи. Там все начнется сначала. Там всех ждет иная, более счастливая судьба. А конец ее земной жизни первой оплачет Сидящая, затем Верховный Отец, а после этого, возможно, много времени спустя, сыночек-несмышленыш Савва. Его вырастит бабушка. Сама она, Матерь Детей, все равно не смогла бы прожить на земле с таким тяжким грузом потерь, с таким черным грузом зла и ненависти в душе. Сидящая перестала бы удерживать ее на своих плечах. И преждевременно ушедшие дети все зовут ее, зовут. Хотя и на небе, но им плохо без мамы, плохо. А Савву жалко, но он один, а ушедших много. Они все перетягивают, они все тянут. И в меркнущем сознании она еще долго удерживала мысль-послание своим ушедшим детям: я иду к вам...

Так закончится ее земная жизнь в яркий, солнечный весенний день с высоким небом. Так завершится третий круг ее жизни с ружьем в руках...

Женщина очнулась, и картина ее последнего дня исчезла. Ощупала, не открывая глаз, нартовую колею возле себя. Было пусто. Но все равно спросила:

– Пойтэк, ты еще не пришел? Ответа нет.

– Что-то долго ты ходишь, старый... – вздохнула женщина.

Теперь ее беспокоило, как бы дожить до своего последнего земного дня. Скоро наступит время наста. Тогда она уже должна стоять на ногах. А ее все клонит ко сну, не хочется двигать ни руками, ни ногами. Она понимала: если перестанет шевелиться, то раньше времени может уснуть вечным сном. Кого же позвать на помощь? Сидящая рядом, но она не сможет оставить свой главный пост. Верховный Отец тоже ни на мгновение не должен останавливать миродвижение и отлучаться куда-либо по другим делам. А вот Божья Матерь могла бы прийти на подмогу. И женщина обратилась к ней, позвала ее:

– Божья Мама, приди, помоги мне добраться до человеческого жилья...

Потом, вспомнив, что Богоматерь ранена, женщина стала подсказывать, как быть. Она посылала в сторону оставленного чума мысли-послания. Божья Мама, ступи со своей высоты на лежанку дома, попросила женщина. В изголовье постели найди мешочек с листовым табаком. Возьми два листа. Один приложи к ране спереди, а другой со спины. Так закроешь рану. Так тебе полегчает. Надень мою ягушку и мои кисы с чижами. Дитя свое одень в одежды моих детей. Там все найдется для него. И иди по нашему следу – придешь ко мне... Женщина остановила поток мыслей-посланий, передохнула немного. После подумала: ведь это Божья Мама, она может идти по-над дорогой, не прикасаясь к снегу, и ей совсем не будет холодно.

Вскоре пришел ответ Богоматери:

– Приду.

Женщина облегченно вздохнула. В следующее мгновение в туманных наплывах увидела, как Божья Матерь с иконы сходит на землю. Стало быть, помощь идет и с обратного конца дороги. Это прибавит сил и уверенности. И путница опять впала в сон-забытье. Очнувшись, спросила:

– Божья Мама, ты идешь? Тишина, звенящая в ушах.

– Где же ты?

Снова вопрос остался безответным.

– Что с тобой?

И этот вопрос канул в пустоту.

Женщина поняла: что-то случилось. На военных путях-дорогах много неожиданностей и преград. Может, у Божьей Матери рана открылась. Может, с красными столкнулась. Может, как раз в это время

аэроплан забрасывает ее огненными камнями. Все может быть. Сколько женщина ни звала ее, не откликалась она, не отвечала на мысли-послания.

Устав от бесплодных взываний к Богоматери, женщина забылась тяжким сном. Очнулась она от прикосновения к щеке чего-то липкого и шершавого. Она открыла глаза и увидела над собой белое лицо Пойтэка. Он вовсю улыбался и радостно помахивал хвостом. Это он лизнул свою хозяйку в щеку.

– А-а, вернулся, старый! – обрадовалась женщина. – Ты хороший старик! Хороший человек!..

Она погладила собаку слабеющей рукой. Пойтэк взвизгнул и тявкнул два раза:

– Ав-вав!

– Теперь вдвоем не пропадем! – сказала хозяйка. – Дождемся кого-нибудь!

Она перебралась на шкуру-волокушу – все снизу теплее. И, к ее удивлению, Пойтэк сам, без команды, попытался потянуть ношу в сторону человеческого жилья. Но сдвинуть с места не смог – не хватило сил, изрядно отощал за последние дни. Тогда хозяйка наполовину сползла со шкуры-амдера и, отталкиваясь ногами, стала помогать собаке. Так, вдвоем, подсобляя друг другу, они медленно двигались вперед. Когда женщина впадала в сон-забытье и надолго затихала, Пойтэк подходил к ней и, лизнув ее в лицо, начинал поскуливать. Хозяйка открывала глаза и говорила ему:

– Дай отдохнуть. Сейчас пойдем-поедем вперед.

Она знала: Пойтэк понимает все. Точнее, чувствует все. Они рано или поздно доберутся до жилья. Если бы исход предвещал быть другим, то старик пес просто лег бы рядом с ней и, подобно своему предку на могиле Дедушки Детей, околел бы возле хозяйки. Но они все шли-ползли вперед.

В небольшую лощинку скатились легко, а вот на взгорок по обледеневшей дороге взбирались долго и мучительно. На взгорке женщина сказала Пойтэку:

– Давай отдохнем.

Старик пес посреди зимника сел на задние лапы, навострил уши и замер неподвижным пнем, повернув голову в полуденную сторону. А женщина, глянув вперед, увидела по обочинам нартовой колеи совсем свежие копаницы – здесь паслись олени. Верный признак, что человеческое жилье недалеко.

Яркий снег слепил глаза. Она зажмурилась. И тут снова явилась к ней картина ее последнего земного дня. И показалось ей, что лежит она не посреди оленьего зимника, а в кедровом подросте на вершине сопки-крутояра с простреленной грудью. И, рассыпаясь на мельчайшие песчинки-пылинки, одновременно уходит вниз к Сидящей и вверх к Верховному Отцу – в его Божий Мир, Небесный Мир. У нее как бы не стало тела, душа отделилась от плоти, и все земные беды, горе, потери, ненависть, зло и злоба остались позади. Ей стало легко и хорошо. Начинается новая, небесная жизнь. И впереди радостная встреча с любимыми детьми и мужем. Как хорошо-то, хорошо... Но к реальности ее вернули земные звуки, пока еще неясные, невнятные, далекие, но они жили в снегах, усиливаясь и медленно приближаясь. Она уловила легкую поступь идущих к ней на помощь. То ли людей, то ли Божьей Матери...

1996–1999, Москва – Нижневартовск – Ханты-Мансийск

ЭПИЛОГ

Улов Чухновского оказался большим. Около сотни пленных и арестованных он доставил для суда в столицу округа Остяко-Вогульск. Одиннадцать руководителей восстания были приговорены к смертной казни. Потом смертную казнь гуманный советский суд заменил им тюремным заключением.

Шестьдесят участников восстания, как указано в протоколе заседания, суд оправдал, остальных приговорили к различным срокам заключения. Освобожденных из-под стражи выпустили на улицу. Без крова, без пищи, без транспорта. На окраине города, под сопкой, близ берега Иртыша, они соорудили шалаши и стали дожидаться лета. Наступала весна, но река была еще подо льдом, земля была еще покрыта снегом. До дома не добраться, пока не откроется вода. Еды нет. Теплой одежды нет.

Русские старожилы-горожане вспоминают, что в ту пору каждое утро на дороге в пригородную деревушку ОМК, на тропе на Иртышский берег и на окраинных улицах подбирали одного-двух умерших остяков. Кто замерзал на ходу от холода и голода, кто умирал от болезней и ран, кого линчевали под покровом ночи. Возможно, поэтому через десяток лет уже трудно было найти живого участника восстания 1934 года.

На свободе остался только неуловимый Сеня Малый. Так звали его в народе. Он продолжал воевать с красными на Водоразделе. Имя его обрастало легендами. Люди каждой реки считали его своим. Казымские уверяли, что он из рода Молдановых, ляминские и пимские – из рода Хоровых, тромаганские – из

рода Медведя, аганские – из рода Бобра. Словом, он был из народа... На него охотились, заезжая в верховья по правым притокам Средней Оби уже малыми силами, без екатеринбургских войск.

Царского полковника тоже не взяли. И след его канул в Лету.

Как только закончился суд, на последней странице протокола появилась запись, которая гласила: все одиннадцать руководителей восстания, смертную казнь которым заменили на тюремное заключение, умерли «от сердечной недостаточности». На самом деле их просто забили в камерах. Власть объяснила это по-своему правдиво: «Остяки совершенно не переносят жизнь в неволе». Суд закончился, справедливость по-советски восторжествовала.

Такова истинная цена воли... Для остяков.

КРАСНАЯ НАРТА

ПРОЛОГ

Бой тайги, свист ветра, отдаленный гул тайги. Из темноты с лучем света выезжает красная нарта с красным флагом. Проезжает, освещая заимку охотника, партизан.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Вдоль урманов и рек красная нарта с красным флагом идет!..

ВТОРОЙ ГОЛОС: Зачем в дебри таежные красная нарта ломится?! Зачем?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Она людям везет Красное Время. Новое Время!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Кому это новое Время?! Зачем оно, красное Время?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Новое время охотнику и рыбаку! Красное Время таежнику и оленеводу!

ВТОРОЙ ГОЛОС: А что же купцу?! А что же шаману?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Красная нарта и купца и шамана прогонит!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Как без купца да шамана народ проживет?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Красное время народ от всякой беды спасет!

ВТОРОЙ ГОЛОС: (*зловеще*). Красная нарта в вековых сугробах тайги завязнет! В непроходимых урманах с пути собьется. В таежные реки-озера провалится! На крутых сопках-горах разобьется! В вековых сугробах тайги завязнет! Завяззззнет!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: (*подхватывая окончание последнего слова*) Нет!.. Врешь – не завязнет!.. Вдоль урманов и рек красная нарта с красным флагом идет! У красной нарты:

– Красное солнце!

– Светлое небо!

– Удачливые тропы – удачливые пути!

У красной нарты:

..... Счастливые песни, счастливые сказки!

(*Торжествующе.*) Вдоль урманов и рек красная нарта с красным флагом идет!

(*После песни включаются все прожектора*).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Охотничье зимовье. В переднем углу Аксинья в окружении туесков, игольниц, мешочков – шьет кисы. Возле нее, собрав из утиных носов длинный аргиш, играет Миколка. Захар занят ремонтом подволок.

ЗАХАР: Теперя – все пурга, пурга... (*Покосился на потолочное окно.*) На кого небо разгневалось? Такого года не упомню. На охоту с собаками как пойдешь?

АКСИНЬЯ: Может, это хорошо? Старые охотники говорят, новый снег удачу приносит.

ЗАХАР: (*в раздумье*). Удачу-то, удачу. Так-то так. Но, Нум Торыму не мешало бы и людей послушать. Чтоб охотника послушал. Чтобы рыбака послушал. Знал бы, чо от него таежные человеки хотят...

АКСИНЬЯ: (*сердито*). Жди-ка, услышит!.. Мои молитвы в год большого мора он услышал?! Помнишь – ему сколько молилась?! Услышал?! Всех ребятишек моих взял! Всех троих! В год один! В день один... Его сколько просила?! Слез моих сколько в землю упало! Тогда в тайге один человек все людские поклоны брал – Гаврил Паук! Вороном над зимовьями летал, добычу смотрел. Они с купцом самогонку хохотом закусывали, а мы лосиные копыта варили. Рыбьи кости толкали, чтобы ребятишки не померли.

ЗАХАР: Ладны, хватит...

МИКОЛА: Мама?! Ма-ма-а?!

ЗАХАР: (*жене*). Ребятишку не пугай...

АКСИНЬЯ: Иди, иди, маленький, играй.

МИКОЛА: (*радостно*). Мама, Харгур лает – гость! Я посмотрю, кто приехал?

АКСИНЬЯ: Иди, только теплую малицу надевай! (*Микола бросается к малице*)

ЗАХАР: (*прислушиваясь*). Таперя не успеешь, Микола – быстрый гость, в сенях ужо идет.

(*В зимовье стремительно влетает молодой охотник Василий, брат Аксиньи*).

ВАСИЛИИ: Питя вола! Питя вола!

ЗАХАР: Питя вола!

АКСИНЬЯ: Питя вола!

ВАСИЛИИ: Питя вола, маленький человек Микола!

МИКОЛА: Мама говорит, скоро я большой совсем стану!

ВАСИЛИЙ: Верно Микола – Большое время пришло (*возбужденно*) Слыхали, родичи. Большую новость?!

АКСИНЬЯ: (*настороженно*). Что случилось, Васи?! Какое горе, несчастье идет? Война?!

ВАСИЛИЙ: Сестра, не пугайся. По словам знающих людей, это хорошая новость. Белого царя скинули!

АКСИНЬЯ: (*удивленно*). Скинули?!

ЗАХАР: (*недоверчиво*). Как так?!

АКСИНЬЯ: (*все еще удивленно*). Откуда ... Скинули?!

ВАСИЛИЙ: Где он всю жизнь спал, вот оттуда и скинули. Говорят, травой-мхом весь оброс. Страшный такой, у-ух!

АКСИНЬЯ: Его разбудили, значит. Подняли. А кинули куда?

ВАСИЛИЙ: К нам кинули. Говорят, в Тобольск-город везут. Там им сидеть место. Жить место. Вот какое время пришло! *(Смеется.)*

ЗАХАР: Куда твой смех, Васи?! Теперя кто заместо Белого царя-то править будет?! Скажи. На кого сидеть нам, таежным людям?! Таперя как без царя-то жить?!

ВАСИЛИЙ: Жить можно. Время Красного царя пришло. Мне говорили, – это царь бедных людей. Царь охотников и рыбаков. На него теперь будем сидеть. Он станет править!

(*Аксинья накрывает на стол, наливает брату чай. Тот садится к столу, ест, Аксинья и Захар некоторое время молчат*).

ЗАХАР: А его имя как?

ВАСИЛИИ: Про кого ты?

ЗАХАР: Этого Красного царя. Белого знал – Миколой звали. А этого как?

ВАСИЛИИ: *(озадаченно морщит лоб, потом воскликнул)*. Вспомнил!.. Много в голове новостей – все спуталось! Вспомнил, имя его – Совет! Советская власть теперь заместо Белого царя!

ЗАХАР: (*сдержанно*). И какой он ... этот... Сое... Совет? Советская власть? Видел – так скажи.

ВАСИЛИИ: Совет и есть Красный царь. А в Совете не один есть человек, а много. В городе был. В Совет хотил. Он теперь главный. Своими глазами видел. Там больше бедные. Попа и купца к Совету не пустили. Бот как там! А главным в Совете, председателем, – Арсений-старик. Теперь он заглавный в городе! Большой человек!

ЗАХАР: Это который мой Арсений-старик?

ВАСИЛИЙ: Тот. Тот Каторжник. Твой друг Арсений-старик, которого Белый царь из большого города прогнал.

АКСИНЬЯ: Ох, это он в Год Большого мора нас от смерти спасал! Только ребятишек не успел, а нас вот... Пусть он с удачей-здоровьем долго-долго живет! Хоть и не старый, а недаром люди к его имени мудрое слово «старик» приложили – Арсений-старик!

ВАСИЛИИ: Видно, недаром. А над домом, где Совет и где Арсений-старик, красную материю повесили. Флагом называется.

АКСИНЬЯ: А что это такое? Для какого дела?

ВАСИЛИЙ: Арсений-старик так сказал: это значит, время белых кончилось, а теперь Время Красных пришло. Был век богатых, Начался век бедных!

ЗАХАР: Таперя скажи: Время красных сколько будет жить? Надолго?

ВАСИЛИЙ: Арсений-старик сказал, навсегда. Такие его слова помню.

АКСИНЬЯ: Время крепкое, наверно?! Он напрасно слова на ветер не пустит.

ВАСИЛИЙ: Крепкое-крепкое. И красную материю, которая флагом называется – ненапрасно повесили. Так я думаю. Видел Гаврилу Паука, так ниже травы стал, ниже уха стал. Семенит, косится на красное –

и дрожь его взяла. Тихий такой, но злой, как змея. Флаг бы сорвал – но руки копоткие (*Довольно*) Ах, какой Паук стал. Не признаешь. Совсем другой стал.

ВАСИЛИЙ: А купцов совсем не видел – видно, дома притаились. Конец пришел. Шипят. Арсений говорит, все у них возьмут будто бы бедным. Рыбаку – сети, невода, пески стрежевьте! Охотнику – угодья в урманах и кедровниках! Оленным людям – стада и пастбища! И шаманам ничего не будет! Вот кто такой Совет!

(*Василий допивает чай, поднимается. Надевает капюшон, поправляет малицу.*)

ЗАХАР: Ужо поехали? Сидел бы ишо, вестей много везешь.

ВАСИЛИИ: Нет. Мне надо быстро-быстро ехать! Весть о Совете и революции всем охотникам надо передать! Всем, всем!

АКСИНЬЯ: А кто такой ... Ррр ... Ре-во-лю-ца?

ВАСИЛИИ: Красная нарта по тайге идет. Скоро до ваших мест доберется. Тогда поймете, что такое Совет, революция! Кто такой Ленин! Красная нарта с теплом, удачей идет! Ждите Красную нарту!..

(*Василий уходит. За ним выходит Микола.*)

АКСИНЬЯ: Вот какая весть!.. И Васи другим стал: легким и скорым. Раньше будто сонный ходил. А тут проснулся и по тайге с большой вестью о Совете помчался? Что скажешь?

ЗАХАР: (*раскуривая трубку*). Таперя вот дела-а...

АКСИНЬЯ: Чо-дела-а?.. Тебе тоже не мешало в город ходить. Мож быть, маленько другим бы стал. Паука сколько поклонами кормить? Сколько? Он привык, давно охотников обирает! Его одними поклонами не накормишь! Он не такой, сыт не будет!

ЗАХАР: (*задумчиво*). Вот пошто осенью он не ехал? Не успел?

АКСИНЬЯ: (*возмущенно*). Не успел?! Да эта новая... Со-советская власть... ему разбои держать не дает. Арсень-старик не дает. Ежели бы не так – давно тут был!

ЗАХАР: (*пуская облако дыма*). Новая власть таперя... С Советом! с Революца? Непонятная она, неожиданная – будто с неба упала ...

АКСИНЬЯ: Пошто неожиданная? Какая большая весть завсегда неожиданно приходит. Пошто непонятная?.. Мне понятная. Мне сердце завсегда говорило: ожидай, когда-нибудь лучше время придет! Особенно когда Год большого мора ушел. Не может быть все плохо да плохо. Конец должен прийти. И вот старое время ушло, которое ребятишек наших взяло... Понимаешь, слышу нутром – то светлое Время идет, которое ожидала. Так ожидала!.. Как думаешь, это Время, про которое мое сердце говорило?! (*Смотрит на мужа в ожидании ответа.*)

ЗАХАР: Может, и то время. Не знаю.

АКСИНЬЯ: Нет, новое Время быстро не уйдет. Мне сердце так говорит. А сердце неправду не скажет.

(*Захар отходит к чувалу с трубкой в зубах и с отрешенным видом садится на чурку. Выходит Микола.*)

МИКОЛА: Мама, а кто... Революца? Кто Ленин?

АКСИНЬЯ: Думаю, что это все хорошие люди?! Слыхал, дядя Вася говорил: новое Время идет! Вот Красная Нарта придет – все узнаешь.

МИКОЛА: Харгур как залает – встречать побегу. Я первым увижу красную нарту, мама?!

АКСИНЬЯ: Ты, ты увидишь, мой маленький охотник!

(*Микола снимает кисы. Захар рассматривает отремонтированные подводки. Аксинья возится с постелью. Затемнение.*)

НОЧЬ

(*Слышится лай собаки. Аксинья засветила плошку, накинула на плечи сак. Сидит, прислушивается к лаю. Затем начинает будить мужа.*)

АКСИНЬЯ: Вставай, слышишь! Харгур лает, кто-то едет. Слышишь!

ЗАХАР: (*с просонья*) Таперя слышу...

АКСИНЬЯ: Да вставай! Может быть, Красная нарта ?! Гости ?!

ЗАХАР: (*садится*). Гости – так мимо не пойдут. Не напрасно с большей дороги завернули.

АКСИНЬЯ: И пошто оне в полночь?! Темно!

(*Входит Федор Суерин. Весь в снегу. На шапке красный бант. На поясе в кобуре револьвер.*)

СУЕРИН: Захара зимовье?..

АКСИНЬЯ: Его, его.

СУЕРИИ: Нас тут много. Я не один. (*Высунувшись в дверь кричит в темноту.*) Давай сюда!

(*Входит Катя. За ней партизаны вносят раненного Андрея. За ними сухонький старичок Михеич. Вооружены чем попало: тут и охотничьи ружья, и винтовки и револьверы. Раненого укладывают на нары, Катя придерживает ему голову.*)

МИХЕИЧ: (*потирая руки, оглядывая зимовье)*. Ох и снежура! Вон какие мохнашки *(хлопнул рукавицами*) – а руки того, закоченели! Как ты Катеринушка?! Не озябла?!

КАТЯ: Нет. Вот Андрей (*ласково*) Потерпи немного. В избушку приехали. Потерпи, отогреем.

(*Захар разводит огонь в чувале, подвешивает чайник. Возле него суетится Михеич. Микола садится на постели внимательно смотрит на гостей.*)

МИКОЛА: Мама, кто это? Люди Красной нарты?

АКСИНЬЯ: Это... гости. Ты пошто не спишь, Микола? Утро ишо не пришло. До утра далеко.

МИКОЛА: Мой сон убежал... Скажи, мама, кто эти люди?

КАТЯ: (*подходит к Миколе, дает ему кусок сахара, ласково*). Как зовут тебя, мальчик?

МИКОЛА: Микола.

КАТЯ: На охоту еще не ходишь, Микола?

МИКОЛА: Нет, папа сказал: маленький, ружье не терпит.

КАТЯ: А учиться хочешь?

МИКОЛА (*недоуменно смотрит на нее*). Ууу... учи-ца ? Белку искать папа учит.

КАТЯ: Не охоте, а грамоте. Читать и писать хочешь? Книгу станешь читать.

МИКОЛА: Кто учит?.. Папа не читать – охота ходит. Мама не читать – кисы шьет. Кто учит?

КАТЯ: Теперь вот все по другому будет при Советской власти. Все охотники – по-новому жить станут. И читать научатся, и писать. Я сама буду всех учить.

АКСИНЬЯ: *(обращаясь к Кате)*. Нарта Красный где, скажи? Как живет, как едет?

КАТЯ: (*недоуменно*) Красная нарта?

АКСИНЬЯ: Мы Красный нарта слыхали. Новый Время везет.

КАТЯ: Красная... (*Уверенно.*) Есть такая нарта. Только она немного задержится, но обязательно придет. И новое Время привезет. И для Миколы. Он уже будет жить совсем по-новому. Будет в школу ходить, выучится разным наукам. Вот какое новое Время.

АКСИНЬЯ**:** Чо слышно – скоро придет?

КАТЯ: Скоро, скоро. Ждите.

АКСИНЬЯ: (*обняв сына*). Слышишь, Микола: для тебя Новое Время идет! Для тебя!.. О Торым, как долго ждала! Как этот день ждала!.. (*Миколе.*) Ты братьев и сестер не помнишь. Ничего не помнишь!.. Ты один остался … один! Никому тебя не отдам, никому! (*Аксинья укладывает сына в, постель.*) Спи, сынок, утро еще не пришло...

(*Катя отходит к раненому. Возле раненого Михеич, Аксинья наливает воду в куженьку, подходит к раненому. Катя перевязывает, помогает ей Аксинья и Михеич. Затем все садятся на нары и чурки и пьют чай. В сторонке Захар курит трубку. К нему подсаживается Суерин.*)

СУЕРИН: Вот какое дело, хозяин!.. (*Помолчал.*) Совет разгромили! Кулачье! Контра! В городе и верховых селах разгромили! Купец Тетюцкий банду сколотил. С Пауком вешают и топят в проруби! Вешают и топят большевиков! Комсомольцев! Советчиков! Всех! Против Совета поперли. Совет им поперек глотки! Совет у них в глотке сидит! Но мы свернем контру! Свернем! (*Стукнул кулаком по коленке.*) Мы всех поднимем, нас много будет! Революцию им никак не победить! Нет! (*Пауза.*) Вот бой был. Товарища ранило. Его с Катей оставить нужно, тут, Катя вылечит его... Дорога тяжкая, длинная. Холод, что контра бандитская. Плохо ему в дороге. Оставим тут – только укрыть их надо. Вдруг банда нагрянет – чтобы не нашли!.. Такое вот дело, хозяин! (*Захар молча и старательно сосет трубку.*)

ЗАХАР: Красный... Белый... Моя, однако, охотник. Таперя мой какой дела, пущай красный белый бьет, ежели дела больше нет. А моя тайга надо ходить. Охота надо ходить.

СУЕРИН: Погодь!..

ЗАХАР: Мой какой дела...

СУЕРИН: (*перебивает*). Как твое какое дело? Как? Это твое дело! Твое!.. Не купец?! Нет! Не шаман?! Нет! Ты – пролетариат?! Вот ты есть пролетариат! Скоро пролетариат мировую революцию учинит! Раз ты пролетариат – это твое дело! Твое! Должен ты устанавливать советскую власть! Должен бороться – это твоя власть! Должен выступить против Белого царя и купца! Так, хозяин?

ЗАХАР: Таперя скажи: что моя Советская власть давал?

СУЕРИН: (*в упор уставился на него*). Ты это... што?! Ты што мелешь – да Советская власть тебе все! Как отец будет! Как мать будет! А царь што тебе давал?! А купец тебе што давал?!

ЗАХАР: Чо Белый царь давал! Чо купец давал?! Белый царь не видал – неправда не скажу. Купец видал. Купец порох давал. Дробь давал. Ружье давал. Купец мука давал. Чай давал.

СУЕРИН: Хочешь сказать – Советская власть шиш тебе давала?! (*приподымаясь*) Што хочешь сказать?! Ши-шш-ш?

ЗАХАР: (*молча кивает в знак согласия*). Моя сказать. А таперя Советская власть –моя не видал ишо. Новый он, на ум ишо не пришел. Хороший али плохой. Сам говорит – Советскую власть воевать нада. А сам ужо от купец бежит. Как таперя понимать?

СУЕРИН: (*вскакивает*). Это я-то бегу?! Против Совета агитки разводишь?! Да я тебя, контра старорежимная! Собственными руками пролетариата (*Тянет руку к кобуре*)

(*К Суерину бросается Катя и Михеич. Тот уже вытащил револьвер. Михеич хватает его за руку, Аксинья семенит к мужу, останавливается возле него. Поднимаются остальные партизаны. Захар невозмутимо курит трубку.*)

КАТЯ: Федор, Федор, товарищ Суерин!

МИХЕИЧ: Федыша, лихомант! Выпорю! Брось – выпорю!

СУЕРИН: Ладно, ладно. Разговоры такие... не могу слышать. Про нашу Советскую власть. Нутро разом закипает! Все во мне кипит.

МИХЕИЧ: (*кивнув на Захара*). Не контра он, не контра, а темный. Аль не видно: темный. Свет-то революции еще не проник сюды. Токмо идет. Токмо доходит. Экая глухомань, тута еще лешачки бродют! Понимаешь?

КАТЯ: (*Суерину*). Михеич прав. Ничего не знают, одними слухами живут. Красную нарту ждут. Ах, был бы с нами Арсений Петрович!

МИХЕИЧ: Дак, кремень-человек был. Могутный души человек был... (*Опускает голову.*)

ЗАХАР: (*насторожившись*). Чо с ним?! Он – где?!

АКСИНЬЯ: (*испуганно*). Ему плохо? Болезнь пришла?!

МИХЕИЧ: Тяжело Арсений Петров...

(*Захар замер с трубкой в руке. Аксинья медленно опускается на нары возле мужа.*)

КАТЯ: Погиб.

СУЕРИН: Убили. (*Сжимает кулаки.*)

МИХЕИЧ: Сгубили ироды-ы-ы! Сгубили!

АКСИНЬЯ: О Торым, чо земля делает! Чо небо делает! Такой человек!..

ЗАХАР: Пошто убил?

КАТЯ: За что? Он хотел... Он хотел, чтобы в дома всех бедных охотников пришла удача. Чтобы все люди хорошо стали жить. Чтобы никто не знал горя и нужды...

ЗАХАР и АКСИНЬЯ: (*в голос*). За такой дела разве можна убить?!

КАТЯ: Убивают. Белые всех убивают, кто против них.

АКСИНЬЯ: *(вздыхает)*. Э-э, Арсепь-старик...

КАТЯ: (*после паузы*). Он и о вас говорил. Последний раз.

АКСИНЬЯ: (*быстро).* Какие слова?!

КАТЯ: (*медленно*). Хорошие слова...

(*Все замолкают. Захар сидит с опущенной головой. Мнет в руках кисет. Несколько мгновений в зимовье полная тишина. Затем все взгляды устремляются на Захара. Но тут выпрямилась Аксинья.*)

АКСИНЬЯ: (*печально и негромко*). Мой муж... ваши люди возьмет.

(*Все молча ждут. Захар поднимает голову, смотрит на Аксинью, затем переводит взгляд на Суерина.*)

ЗАХАР: (*твердо*). Жена правда говорит: моя люди прятать будет. Таперя так. Раз такой дела...

АКСИНЬЯ: Он женщина и парень такой места возит – собака след не находит!

СУЕРИН: (*недоверчиво косится на Захара*). Как бы в лапы Паука не угодили наши товарищи.

МИХЕИЧ: (*Суерину*). Ты чо – остяку не веришь?! Окстись! Побойся бога! Коды остяк неправду на себя брал?! Как сказал – так и делает. Аль не слыхал, не знаешь?!

ЗАХАР: Таперя много слов не надо. Пошто языка мозоль делать?

СУЕРИН: Это я к тому, чтоб и сам не попадался Пауку. Попадешься – никого не пожалеет (*Махнул в сторону товарища.*) – ни ребенка, ни жену. Большая дорога тут, недалече, наверняка, сюда нагрянут. По зимовьям и селам шастают, гады! Страх наводят.

ЗАХАР: (*глянул в потолочное окно*). Звезда Утренний Зари придет – поедем. Месте поедем. Ты – свой дорога. Мы – свой дорога.

АКСИНЬЯ: (*гостям*). Устал маленько – так лежи спать. Ночь ишо. Нам никто не ездит. Как ехать станет – так Харгур далеко слышит, его голос скажет. Моя тоже не спим – муж дорога собирай.

(*Гости расходятся по нарам, устраиваются на ночевку. Захар и Аксинья в своем углу зимовья.*)

ЗАХАР: Нет Арсень-старика. Как так вышло? Не понимаю никак...

АКСИНЬЯ: Думаешь, что-нибудь понимаю?

ЗАХАР: А Арсень-старик-то за красных был уже.

АКСИНЬЯ: Красный. Сразу тебе сказала: Время красных, новое время пришло. Мне сердце так говорит. А ты никак время понять не можешь.

ЗАХАР: Мой ум не быстро ходит – долго идет. Твой быстро ходит, мой ум перегоняет. Может, и мой ум скоро до нового Время, до Революца, до Ленина дойдет. Таперя так думаю.

АКСИНЬЯ: Это хорошо. Шибко-то не отставай – не догонишь вдруг! (*Смеется.*) Заблудишься.

ЗАХАР: Не-е, таперя дорогу найду.

АКСИНЬЯ: (*вздохнув*). Арсень-старика вот не стало. А Микола так его видеть хотел. Чо теперь – не увидишь...

ЗАХАР: (*медленно*). Таперя на одного красного меньше стало. На одного меньше...

(*Микола садится, протирает глаза.*)

МИКОЛА: Мама, папа, почему это не спите?

ЗАХАР: Спи, Микола, маленькие быстро растут, когда хорошо спят. Тропа охотника близко будет. Спи.

МИКОЛА: А ночь далеко ушла?

АКСИНЬЯ: Далеко, далеко. За урман, за озеро, за горы ушла ужо. Скоро утро придет!

ЗАХАР: Таперя скоро Звезда Утренней Зари придет. И тайга светлая станет.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(*Полдень. То же зимовье. Аксинья шьет кисы. Возле нее Микола строгает палочку*).

МИКОЛА: Где папа? Почему так долго нет его?

АКСИНЬЯ: Его, наверное, охота далеко в тайгу увела. Скоро придет.

МИКОЛА: А гости уехали?

АКСИНЬЯ: Чо им тут делать: по делам поехали.

МИКОЛА: А тетенька, которая учить хотела, – тоже с ними уехала?

АКСИНЬЯ: Катерина-то? Она тоже уехала.

МИКОЛА: А почему они так быстро уехали?

АКСИНЬЯ: Дела у них есть. Они шибко спешили.

МИКОЛА: Я думал, они маленько поживут у нас, в нашем доме. А ты не разбудила, когда уехали. Я «до свидания» им не сказал.

АКСИНЬЯ: Мал-мал потерпи, Микола. Они скоро обратно приедут. Сказали – мимо не проедут.

МИКОЛА: А мне сон приснился, мама. Наши гости там были.

АКСИНЬЯ: Расскажи, Микола, послушаю.

МИКОЛА: Такой сон я еще не видел. Сначала слышу, снег шумит – по снегу едем. Открываю глаза, вижу – солнце. Такое яркое-яркое. Бежит за нами по кедрам. Как белочка скачет – с дерева на дерево. А снег белый-белый, сверкнет на солнце, глазам больно. Потом русскую тетеньку увидел, которая...

АКСИНЬЯ: Катерину? Она была?

МИКОЛА: Она, она, я сразу узнал ее. Вот – улыбается тетенька Катерина, а лицо красивое такое. Слышу, говорит она: «Андрей, смотри – наш Микола глаза открыл». Тот оглянулся и говорит: «Верно, оклемается наш остячок!».

АКСИНЬЯ: Это который Андрей-то?

МИКОЛА: Не знаю.

АКСИНЬЯ: Неужто который раненый?.. Поправляется, значит... А дальше-то что было?

МИКОЛА: А тетенька Катерина ему: «Ведь он выживет Андрей?». А он говорит «Как же, обязательно должен выжить». Тут я проснулся. Смотрю, светло стало – день пришел.

АКСИНЬЯ: (*озабоченно*). А куда тебя везли? Не знаешь?

МИКОЛА: Не знаю, мама.

АКСИНЬЯ: Ну, вот сон... Солнце – это хорошо. А вот пошто оне тебя везли? Куда?

МИКОЛА: Не успел спросить – проснулся.

АКСИНЬЯ: Ладно. Чтобы сон плохой стороной к нам не повернулся.

МИКОЛА: Сон мне понравился. Хорошо ехали.

АКСИНЬЯ: Пусть все хорошо будет.

(*Тревожный лай собаки.*)

МИКОЛА: Красная нарта?! Пойду?!

АКСИНЬЯ: Погоди. Как Харгур лает – что-то недоволен, шибко много шума. Погоди...

(*Слышится скрип полозьев, ржание лошадей. Топот и крик. Дверь с грохотом распахивается и в зимовье вваливается Паук. За ним Петруха. Паук весь в ремнях, увешан оружием. Аксинья вздрогнула и уколола палец парусиновой иглой для шитья кожи. Микола прячется за спину матери*).

ПАУК: (*простреливая зимовье но всем углам*). Кто сторонний есть?

АКСИНЬЯ: Не видит? Глаз нет?

ПАУК: Не твое собачье дело... о моих глазах. То-то! Петруха, потыкай носом туды-сюды, понюхай нет ли кого?

(*Петруха смотрит за чувал, затем в другие углы и нары. Паук поставил в чувал большую охапку дров, протянул к пламени руки, погрел их*).

ПАУК: Батюшка Иван Семенович жар обожают. Теплых, благородных кровей они.

АКСИНЬЯ: Куда шибко много дров, дом горит!

ПАУК: Не бойсь. Раньше батюшки не горит. Пока мы тут не сгорит. А там – как господу богу угодно будет. Вернее, батюшке Иван Семеновичу.

ПЕТРУХА: (*подскакивает к Пауку*). Нету-ка никого!

ПАУК: Ну, ступай, батюшку веди!

(*Петруха уходит. Дверь с грохотом распахнулась, и в след за Петрухой в зимовье ввалились толстый бородатый атаман – купец Иван Семенович Тетюцкий, в тулупе и мохнатой шапке. За ним его банда. Паук бросился к атаману, помог ему снять тулуп и усадил возле чувала. Бандиты на ходу сбрасывали шапки, руковицы и, потирая руки, столпились у чувала. Заголдели, загремели котелками.*)

ГОЛОСА: Эх, пожрем сейчас! Пусти к огню, оглобля! Потерпишь, не сдохнешь! В нутро бы – где бутыль?! Ух, в санях оставили? Живо сюды!

ПАУК: Петруха – подать стол!

(*Петруха приносит стол, ставит перед атаманом. На стол живо нагромождают закуску, кружки и четверть самогона.*)

ПАУК: Тих-хо! Батя Иван Семенович... сказать имеют!

АТАМАН: (*медленно поднимает кружку*). Изничтожим красную мразь!..

ПАУК: Изничтожим!

ГОЛОСА: – Всех советчиков разз-туды, мать твою!

– В преисподнюю! Дьяволу! И большевиков туды их!

– Комсомолию, комсомолию не забудь!

– А комсомолок … (*Конец фразы тонет в хохоте.*)

(*Пьют. Закусывают. Горланят старорежимные песни. Аксинья склонилась над шитьем. Микола испуганно выглядывает из-за ее спины.*)

АТАМАН: (*утробно*). Гаврила!

ПАУК: (*подбегает с постной физиономией, крутит головой*). Слушаю, Иван Семенович! (*Меняет выражение лица.*)

АТАМАН: Ищ-щи! Чу-ю-у!

ПАУК: Ищу, ищу, батя Иван Семенович!

(*Паук отходит, выпрямляется, поправляет маузер и саблю. Огляделся.*)

ПАУК: Петруха, Дугин!

(*Петруха и Дугин поднимаются.*)

ПЕТРУХА: Чаво опить?

ДУГИН: Тута я.

ПАУК: (*озлобляясь*). У-у, мерзавцы! Я вам покажу «тута я». Кто перед вами, а? Тут вам не шайка партизан, а сибирская белая армия! А?!

ПЕТРУХА и ДУГИН: Так точно!

ПАУК: Ладно. А теперь: Дугин – дом! Петруха – улица, амбары. Все обнюхать, перевернуть! Подать Советчиков! Аль след их!.. (*Многозначительно хлопает по маузеру.*) Хозяин – мне! Я – вам! Дошло?

ПЕТРУХА и ДУГИН: Так точно!

ПАУК: Марш!

(*Петруха и Дугин убегают.*)

ПАУК: (*оборачиваясь к Аксинье*). Аксинья, где твой муж, Захарка?

АКСИНЬЯ: Известно где – охота.

ПАУК: А почему собака дома?

АКСИНЬЯ: (*твердо*). Собачий время кончилось.

ПАУК: (*поперхнувшись*). Кончилось... собачье время?!

АКСИНЬЯ: Так. Так. Кончилось.

ПАУК: (*с угрозой*). Ты-ы... Полегче с временем-то! Почем знаешь, чья верх возьмет?!

АКСИНЬЯ: Новый снег пришел.

ПАУК: Новый снег – да. А скажи, метелит – кто в такой метель на охоту ходит? Где Захарка?

ПАУК: Капканы снегом занесло. Кому ты веришь-то, Аксинья? Думай, что он проверяет!.. Может, он петли проверить ушел, а?! Может, петля по нему плачет, а?!

(*Появляется Дугин, затем Петруха.*)

ПАУК: Ну-с?

ДУГИН: Нету-ка никого.

ПАУК: Петруха!

ПЕТРУХА: (*вытягивается перед ним*). Ничего нет, господин штабс-капитан!

АТАМАН: (*утробно, не шелохнувшись*). Ищ-щи. Чую-у!

(*Паук крутанулся по зимовью с перекошенным лицом.*)

ПАУК: У-у, партизаны!..

(*Петруха и Дугин вздрагивают и втягивают головы в плечи. Паук, изогнувшись, ударил ногой подвернувшуюся мусорную куженьку. Куженька перевернулась, из нее вывалился мусор и окровавленные бинты. Паук в неловкой позе замирает теред мусором. Тишина. Затем медленно наклоняется, втягивает воздух в себя, медленно выпрямляется и оборачивается к Аксинье.*)

ПАУК: (*торжествующе и злорадно*) Аксинья, это что, а? Лучше добром, ты меня знаешь (*Вытащил маузер, поигрывает им.*) Лучше добром! По какой дороге уехали, а?! Где красная сволота?

АКСИНЬЯ: Моя ружье не пугай – не боится.

ПАУК: Неужель? А почему?!

АКСИНЬЯ: Почему – ты сам боится. Раньше не такой был. Теперь шибко боится – плохой конец чует...

ПАУК: (*с наигранным любопытством*). Неужель?! Говори, говори. Может, последний разик.

АКСИНЬЯ: Раньше моя не верил – твой время, кончилось. Теперь видно – твой собачьий время помирает!

ПАУК: Ох. Аксинья, много на себя берешь – не выдюжишь! Лучше отвечай: где твой муж Захарка? Где красная сволота?! Брось иглу-то! Хоть она парусиновая, трехгранная – не поможет! Лучше отвечай: где Захарка, где красная мразь?!

АКСИНЬЯ: Моя все сказал.

(*Аксинья наклонилась над шитьем. Руки ее перебирают камус, оленьи жилы, парусиновую иглу для шитья кожи. Микола притаился у нее за спиной, Петруха и Дугин в малых нарах видно завалились спать. Паук, торжествующий, ходит по зимовью, останавливается перед Аксиньей, поигрывает маузером.*)

ПАУК: Где красная мразь? Скажешь, Аксинья, – в покое оставим. Отложи шитье-то, отложи иглу. Я ж тебя спрашиваю: куда их Захарка повел? (*Пауза, ждет ответа.*) Молчишь?! А ведь ты у меня заговоришь. Я все могу. Все... Ты знаешь, где Арсений-то?! Наилучший друг твоего Захарки где?! Не слыхала? Так уже на том свете. Ждет там своих друзей-приятелей не дождется. Вот мы ему и хотим услугу, пообещали ему – побыстрее отправить за ним всех его друзей-большевиков! Чего нам стоит маленькую службу сослужить!.. Так вот – через царство рыб он попал на тот свет. Ты что думаешь – просто туда попасть? Говори, Аксинья, где красная сволота? По-хорошему не хочешь – так этот приятель заставит! Он быстро твой язык развяжет. Вынудит! (*Трясет маузером.)* Ну, говори! (*Багровея.*) Сейчас по-другому запоешь! Моментом заговоришь! Заговоришь!

(*Паук потянулся к Миколе. Мать заслонила его собой.*)

АКСИНЬЯ: (*яростно*). Не дам сына! Уходи вот!..

(*Паук схватил мальчика. Тут Аксинья всадила в руку Паука иглу-трехгранку. Тот вскрикнул и выпустил мальчика. И тут же выстрелил дважды.*)

АКСИНЬЯ: (*падая на шитье, гаснущим голосом*). Ты где, Красный нарта рре-е-е ...

(*Взревел Микола. Банда вскочила, схватилась за оружие.*)

(*Один только атаман даже не шевельнулся. Напряженная тишина. Атаман медленно повернулся, медленно садится, не поворачивая головы, взглядом ловит Паука, и тот, словно загипнотизированный, неслышно подлетает к Атаману.*)

АТАМАН: (*не меняя позы, чуть помедлив, сквозь зубы*). Дур-рак!..

(*Паук съежился словно от удара. Заюлил... завертелся по зимовью. Затем схватил Миколку и снова подскочил к Атаману – выставил левый бок, всем своим видом выражая преданность и послушание. Атаман чуть повернул голову, покосился на мальчика, не то с удивлением, не то с осуждением. Микола захлебнулся криком и слезами.*)

АТАМАН: Сам... подох... нет.

(*Атаман подал знак. С шубой подскочил Петруха, накинул на него. Атаман оделся и вышел. За ним вывалилась банда.*)

ГОЛОС ПАУКА: Изничтожить огонь! Изничтожить жратву! Изничтожить воду!..

(*Плачь Миколы. Лай Харгура. Крик и ругань. Скрип саней. Слабый луч света выхватывает из мрака Миколу. Он дрожит от холода и кутается в тряпье. Подходит к чувалу, дует на угли, но огня нет.*)

МИКОЛА: (*всхлипывает*). Ма-ма-а! Ма-ма-а! Мама, иди сюда! Мне холодно, мам! Слышишь, добрый чувал-йки, дай искорку огня для мамы! Маме холодно! Дай огня – согрей маму, встанет она! Слышишь, чували-ики?!

(*Прислушивается Микола. Тишина. Идет, пошатывается, к куженьке для питьевой воды. Куженька проколота штыками – ни капли воды. Но тут послышался стон возле двери. Поспешил туда. Сунул руку в приоткрытую дверь. Слышится тяжкий хрип.)*

МИКОЛА: Харгур, ты?! (*Харгур пытается взвизгнуть, но слышится только хрип.*) Харгур, ты куда ползешь? Ты в дом ползешь? Что с тобой сделали?! (*Гладит собаку по голове.*) Холодно, замерз? Иди, иди в дом Харгур! Иди! (*Неожиданно резко отдергивает руку.*) Что это?! (*С ужасом смотрит на руку.*) С тобой что сделали?! Что?! (*Пятится от двери.*) Ма-ма-а! Папа, когда придешь?

(*Микола в беспамятстве падает на пол.*)

(Тайга. Снег. Сидят атаман, Томка, Паук. В стороне Петруха, Дугин, другие бандиты. Из-за деревьев выходит Захар с ружьем, останавливается.)

ПАУК: (*кричит*). Д-е, дружище! Захарка! Здорово что ль!

ЗАХАР: (*сдержанно*). Здорово.

ПАУК: Ты где это шлялся, а?

ЗАХАР: Тайга ходил. Охота ходил.

ПАУК: Попался кто?

ЗАХАР: Попался. Нет.

ПАУК: Никто не попался, говоришь?.. Тогда сам ты попался, дружище, Захарка! Попался в мои когти! Ха-ха-ха. Вон у меня сколько молодцов-гвардейцев (*Показал за спину.*) – рвать-то некуда!

ЗАХАР: (*спокойно*). Таперя некуда.

ПАУК: Ну, так, скажи, дружище, куда красную мразь запрятал, а?

ЗАХАР: (*мрачно и жестоко*). Твоя первый сказать!

ПАУК: Что тебе сказать? Так и быть, одно твое желание исполню.

ЗАХАР: Скажи, таперя: Аксень-старик убил?

ПАУК: Ну, я помог твоему другу-приятелю. Все красные через меня проходят. И Арсению помог. Как с ним дело было: все в подробностях Аксинье рассказал. Встретишь когда – спросишь у нее. Расскажет!

ДУГИН: (*машинально поднимает руку, бормочет*). Царство ей ...

ЗАХАР: (*взглянул на Дугина*). Чо? Чо он говорит?!

ПАУК: (*покрутив пальцем вокруг виска*). Кераж этот... Малость того...

ПЕТРУХА: (*глядя в сторону*). Верно, он... энто...

ПАУК: Ну, дружище Захарка: где красная мразь? Скажешь – ей богу, на все четыре стороны отпущу! На все четыре! Хоть в небо лети! Только Советчиков мне подавай! (*Выжидательно смотрит на Захара.*) Ну, что тебе еще сказать. Про Арсения я все выложил, что еше?

ЗАХАР: Таперя все. Ватит.

ПАУК: Теперь твое слово. Скажешь, где красные – жить будешь. Что, слов не стало. Где твое слово?!

ЗАХАР: Таперя... вот мое слово!

(*Захар вскидывает ружье и стреляет в Паука. Бандиты хватаются за оружие. Выстрелы.*)
ГОЛОСА: Не уйдет, идти некуда!
– По кедровнику, по кедровнику!
– Стой! Живым его, живым!
– Не уйдет, сволочь!.. Попал...
(*Выстрелы. Крики: Красные! Там красные... Паника.*)
АТАМАН: (*пытаясь остановить своих*). Стой! Стой! Гады!
КРИКИ: Красные комиссары!... На красных нартах... Красные!..
АТАМАН: Атамана бросили! Мерзавцы! (*Семенит за своими.*) Я вам, мерзавцы!..
КРИКИ: Красные партизаны! Красные! ...
(*Банда убегает, за ними появляются красные партизаны.*)
СУЕРИН: (*приостанавливаясь, Михеичу*). Видел Захара? Где Захар?
МИХЕИЧ: Пал, пал наш Захар. Погиб.
СУЕРИН: И-х!..
МИХЕИЧ: Вишь темный был, темный, а... (*Махнул рукой.*) Да что теперя!

ВАГАТОВА (ВОЛДИНА) МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА

Вагатова (Волдина) Мария Кузьминична – хантыйская поэтесса, сказительница. Родилась 28 декабря 1936 года на реке Курьёх, недалеко от деревни Юильск Березовского (ныне Белоярского) района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в семье оленеводов.

В 1955 году окончила Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище и в 1971 году педагогический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Работала учительницей начальных классов в Казымской восьмилетней школе, заведующей Казымским интернатом (1955–1968). С 1968 года работала в Ханты-Мансийском педагогическом училище. В 1974 году назначена редактором окружной газеты «Ленин пант хуват».

В 1991 году была создана окружная редакция национальных газет «Ханты Ясанг» и «Луима сэрипос» и М.К. Вагатова назначена ее главным редактором. В этой должности она трудилась до ухода на заслуженный отдых.

По инициативе М.К. Вагатовой и при непосредственном участии в 1975 году вышла первая пластинка хантыйских песен, вместе с артистами театра «Теремок» ею впервые был поставлен кукольный спектакль по хантыйским сказкам. Она основатель первого семейного фольклорно-этнографического народного ансамбля «Ешак най».

На протяжении всей своей жизни М.К. Вагатова активно занимается общественной работой, избиралась много раз депутатом в сельские, районные, окружные Советы.

Первооткрывателями литературного таланта М.К. Вагатовой стали хантыйские поэты Владимир Семенович Волдин (ставший ее мужем) и Григорий Дмитриевич Лазарев.

Член Союза журналистов СССР с 1973 года, в настоящее время член Союза журналистов Российской Федерации, член Союза писателей России.

М.К. Вагатова пишет на родном хантыйском и на русском языках. Ее очерки, стихотворения, сказки, легенды публиковались в коллективных сборниках, учебниках, журналах, газетах округа и страны.

Автор книг: «Ас аланг» («Утро Оби»), «Ай нерум хо» («Маленький тундровый человек»); двухтомника «Ма арием, арием» – «Моя песня, моя песня», «Тей, тей» («Баю, баю»), «Материнское сердце» в соавторстве с поэтом А. Керданом; сборника песен с 4 дисками «Самем арийл» («Сердце поет»). Многие произведения М. Вагатовой переведены на русский, чешский, таджикский, узбекский, якутский, венгерский, французский, английский и другие языки.

М.К. Вагатова награждалась множеством почетных грамот, дипломами различных организаций и органов власти (их более 200). Она Заслуженный работник культуры РСФСР (1987). Награждена Орденом Почета (1996), медалями.

В День печати 13 января 2013 года ее многолетний труд был высоко отмечен – она стала обладателем звания «Легенда журналистики Югры», а также М.К. Вагатова стала лауреатом в номинации «Поэзия» и награждена нагрудными знаком за сборник стихотворений и песен «Сердце поет…» Литературной премии Уральского федерального округа (2014).

М.К. Вагатова является лауреатом Международной литературной премии им. М.А. Кастрена, Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2003), международной литературной премии «Полярная звезда» (2012), Всероссийской литературной премии им. Л.К. Татьяничевой (2007), Литературной премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (2006), лауреат международной литературной премии «Югра» в номинации «За сохранение народных традиций в литературе» (2013).

Живет в Ханты-Мансийске.

ВЫ БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ ВЗГЛЯДУ МОЕМУ

Я здесь рожден, и что грядет, – приму
Под северной бескрайней синевою.
Вы белый лебедь взгляду моему,
Как лебедя, не смею вас неволить.
А красота – оленей, что луной
Сотворены из золота и ветра.
И я на все готов для вас одной,
Прислушайтесь, поймите и поверьте.
Хотя бы отчуждения не сейте.
Напряжены, болят все нити сердца.

(Перевод Г. Слинкиной)

МОЕ СЛОВО, МОЙ ЯЗЫК

Если б слово свое я не слышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на Земле прожила?
Каждая веточка моего языка –
Это моего народа святой звук.
Каждый корешок моего слова
Крепко связан с нитями сердца.
Если бы я слово свое не услышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на Земле жила?

МОЛИТВА МАТЕРИ

Вот столик с едой я поставила,
Вот столик с питьем я накрыла.
С горячих блюд пар поднимается,
С горячей еды и питья поднимается легкий дымок – пар.
Пусть посетят пешие святые сто духов мой дом,
Пусть витают крылатые святые сто духов.
Дом мой, полный маленькими детьми,
Пусть заслонят от зла полой святой одежды.
Дом мой, полный молочными детьми,
Закроют святой одежды рукавом,
Отделят от болезней и смертей.
Пусть светлые дни, для жизни данные,
Не потемнеют, черными не станут.
Торумом Большим Отцом посланные,
Моим молоком вскормленные маленькие дети
Пусть будут бережены Тобой,
Твоими полами святой одежды заслонены,
Рукавами святого гуся[35]
Прикрыты от горя и несчастья.
Я молю дочерям светлую жизнь,
Я молю сыновьям долгую жизнь,
Чтобы на их пути не было преград,
Чтобы их жизненные дороги бежали
По мягкой и гладкой Земле,
Мы бы все вместе спокойно жили.
Пусть этот стол с едой,
Пусть этот стол с питьем
Всевидящие сто святых,
Всеслышащие сто святых
Увидели, приняли, вкусили
Пищи и питья.

(Перевод М.К. Вагатовой)

МОЯ ПЕСНЯ, МОЯ ПЕСНЯ!

В ритмах сердца и устно, и письменно
Я к народу лечу моему,

[35] Гусь – мужская одежда мехом наружу.

Ибо слово рождается истиной
Женской доли в таежном краю.
Оттого и крылатою стала
Негромкая песня моя,
Но куда бы она ни летала –
Возвращается в наши края.
Никогда никого не обижу
Здесь, где звуки любви родились,
Где я в сердце ношу все, что вижу,
Что песнею названо: жизнь!
На просторе крылатом не тесно нам,
И рвутся из каждой избы
По хантыйской земле долгопесенной
Ветвистые кроны судьбы.
Я не дерево, веток лишенное,
Потерявшее корни свои,
Но хантыйской судьбою исконною
Меня дедовский дар напоил.
Не догонят ни звери, ни птицы
Распевное слово мое –
Как олень на свободе, все мчится
Окрыленное житие.
В ритмах сердца и устно, и письменно
Из моей небогатой избы
Посылаю слова свои листьями
По сибирскому ветру судьбы.
Не догонят ни звери, ни птицы
Окрыленную песней жизнь,
Что оленем упрямо домчится
В небесную высь.

(Перевод В. Мазина)

НЕ МЕНЯЙ РУКУ ДРУГА

Теплый ли ветер лицо твое нежно гладит,
Или злой буран колючими льдинками
Бьет по щекам,
В жизнь твою придет беда или горе,
А может, войдет в твой дом – в твою душу радость.
Может, по своей жизни-глади ты легко и быстро идешь,
Вдруг ямы и рытвины
Испещрят эту гладь, идти по ним станет невозможно.
Может, так свободна душа твоя:
В ней поместится весь мир,
А может, так станет тесно, что
Дыханию негде жить.
Во всякое время, в любую пору
Крепко держи руку друга,
Не меняй его руку на другую…
Не меняй друга.

ПЕСНЯ БАБУШКИ

За окном гнездо зиме
Ветер с ночью вьют.
Спой мне, бабушка, про жизнь твою.
– Песня, внучка, как Обь, длинна.
У людей зима, а мне все весна.
Я про первую жизнь вспоминать хочу,
Как любила я наш веселый чум,
Как шила, расшивала,
Как я пела, танцевала,
Била белку, мяла кожи
И богам молилась, – что же,
У кого просить участья?
Мы в урмане жили, в чаще
Годы девичьи прошли.
Помню, как-то зимней ночью
Руки мне связали, ноги,
В юрту мужа повезли…
Лицо скрывала, внученька,
Велел обычай мучиться.
Из бересты раз десять
Я колыбели шила.
Один живой, что делать?
Так мы прежде жили.
О добрый час! И в будни
В душе поет ручей.
И стала я как будто
Ровесницей твоей.

(Перевод Г. Слинкиной)

РЫБАКИ

Ханты встали раньше солнца –
Летом ночи нету,
И, потягиваясь сонно,
Обь влезала в невод.
Как ее светилась шея,
Колыхался невод!
Обь роняла украшенья
Осетров и нельм.
Волочились, будто бревна,
Щуки и налимы,
Стерлядь шла легко и ровно
Желтого налива.
Руки сильные у ханты.
Тонь к концу. И ловко
Круг на круге, как арканы,
На песке – веревка.
Бьет щурят зеленый ливень
По рыбачьей жажде.
Что улов идет великий,
Сердцем чует каждый.
Притонили,
Обь вздохнула

Мягко, с облегченьем,
Листья солнца протянулись
К людям по теченью.

(Перевод Г. Слинкиной)

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Как деревья одевались б неуемною листвой?
Как цветы бы распускались долгожданною весной?
Если бы, у жизнестойких, не было у них корней,
если бы у нас с тобою не было Земли моей!
Смотрит ласковое солнце с исполинской высоты,
взгляд его исполнен щедрой, небывалой теплоты.
Не было б детей на свете, на большой Земле моей,
если б не было на свете незабвенных матерей.
Сердце матери!
Скажите, в чем его простой секрет? –
столько в нем тепла! – у солнца и десятой доли нет.
Красный свет светлей и крашен кровью красной матерей,
не с чем сравнивать на свете сердце матери моей:
коль с дорогой – то дорога бесконечно широка,
если с силой – сила эта необъятно велика.
Коль с ценой – то нет дороже той цены на всей Земле,
если с честью, без корысти, – не найти и слова мне.
Ну, а коль с ценою жизни сердце матери сравню,
то достоинства и чести сердца я не уроню.
В него старость не заходит, в нем упрека не найти,
и усталости в то сердце путь заказан. Нет пути!
В нем – мы первое дыханье, долгожданные, берем,
открывая в жизнь двери незабвенно белым днем.
Сердце матери!
Достойно, в счастье – жить оно велит.
Сердце матери!
Ты – совесть и моя, и всей Земли!

(Перевод Н. Шамсутдинова)

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Как деревья бы листья имели?
Как бы они цветы распускали?
Если бы не было корней!
Если бы не было Земли!
Ласковыми глазами Солнце смотрит,
Пусть очень много тепла бы нам посылало.
Никогда не появились на свет бы дети
(девочки и мальчики),
Если на свете, на Земле, не было Матери!
Сердце матери!
Что это такое?
В нем тепла больше, чем у солнца!
Кровь краснее, чем красный свет!
С чем бы сравнить сердце матери?
Если дорога, то она бесконечна и широка!
Если сила, то другой такой силы нет на Земле!

Если цена, то нет дороже
Другой цены на свете!
Если честь, то без корысти!
Разве только с ценою жизни
Можно сравнить
Сердце матери!
Сюда старость не приходит,
И усталость не заходит.
Отсюда первое дыхание
Ребеночек берет.
Отсюда двери в белый день мы открываем.
Сердце матери!
Это совесть моя, твоя и Земли!

(Перевод М.К. Вагатовой)

СЛОВО ДЕДА

Дед размышляет: силы немного.
Видно, от старости не убежишь.
Не успевают слабые ноги
И отстают от скользких лыж.

Сколько мехов преподнес Отчизне,
Чтобы красивее всех была.
Сколько оленей!
С совестью чистой
Ты на свои оглянулся дела.

Люди в твой дом, как к родному, заходят:
То посоветуй, то рассуди.
Ну, а вчера на собраньи колхозном
Дружно сказали: на отдых иди.

Пенсия будет.
О добрые дети!
Пенсия – что за питье, за еда?
Дед мой бывалый не слышал про это,
Да и отец не видал никогда.

Вот ты какая, страна Россия,
Помнишь мой труд, мной дорожишь.

СТАРЫЙ МУРАВЕЙНИК

Старый, заброшенный муравейник
Подобен старой заброшенной юрте.
Вершина муравейника распалась и упала,
Стал он похож на старый дом с
Провалившейся крышей.
Нет поблизости ни одного муравья,
Только их ходы, словно живые нервы, сплетены
Вокруг муравейника.
Мне кажется, что это затянувшиеся мхом и травой
Пешие тропы
Охотников и рыбаков, идущих к старой юрте

И ведущих людей в леса и в воды за добычей…
Сколько хвои, сколько серы
Муравьи собрали сюда!
Сколько раз всем муравьиным миром
Надо было по этим ходам ходить,
Сколько сил и труда надо было,
Чтобы все это собрать и сделать дом муравьям.
Вижу снова труд людей – предков,
Сколько надо было иметь силы в руках и ногах,
Чтобы строить дом жизни…
Листья, хвоя и кора деревьев, сера…
Никому сейчас здесь не нужны,
Гниют здесь напрасно, без пользы.
Я не могу ни о чем думать,
Будто близкий человек ушел из жизни навсегда.
Старый муравейник – заброшенная юрта,
Хвоя, листья, кора деревьев и сера –
Старые вещи народа ханты.
Очень больно сердцу.
Вижу площадки, где дети играли,
Громкий смех и детские голоса
Дразнили эхо в лесу.
Вот и сосна. Через ее сильный и толстый сук
Была переброшена веревка,
На которой качались дети –
И этот сук как бы качал детей.
…Вижу места, где старые ханты мастерили из дерева,
Корней, серы свои прекрасные, нужные для жизни вещи
С помощью топора и ножа.
Узнаю эти заветные места по почерневшим щепкам и стружкам,
Здесь весла, лодки делали,
Плели морды, обрабатывали корни деревьев, из них
Делали прочные нити для сшивания частей лодок,
Домашней утвари.
Высокая нарта с лиственничными ножками
Вот-вот помчится ввысь.
Нарта для невесты с двадцатью шестью ножками
В образе журавля вперед бежит…
Все это я вижу,
Хотя никто уже не делает их, и их тут не было.
Старый заброшенный муравейник,
Зачем ты попался мне на глаза?
Может, и правда, что-то есть в тебе
Похожее на судьбу моих заброшенных юрт?
Потому ты больно задел мое сердце,
Как будто всегда был частью моей крови.
Хоть и радостей много у меня,
Не пойму, почему сердце не радуется тому,
О чем ты мне рассказал,
Старый, заброшенный муравейник…
Слезы прощальные, вода моей крови, пролились
На старый муравейник,
На след заброшенной юрты
И ушли в землю, впитались в нее.

ТЕМ, В КОМ НЕТ СЕРДЦА

Нет в вас сердца. Ваша плоть
Сотворит ли кровь живую?
Вот что нелюдям живым
Неустанно говорю я.
Вам ли жизнь любить, когда
Вы впились в нее так злобно?
Скоро вытопчете вы
Ваш лужок, скоту подобно.
И падете – морды в пыль,
Обескровив ваши вены.
Впрочем, кровь ли в них текла?
Зло с дерьмом попеременно,
Знали ль солнце ваши дни,
Ночи – звезд живых свеченье?
На Земле вам, без сомненья,
Потому не будет, нет,
Вам на свете продолженья.

(Перевод А. Смольникова)

УТРО НА ОБИ

Золотое лицо безмятежная тронет улыбка,
И согреется Север, как ранний рыбак у костра.
Вышло солнце на Обь,
Чей, скажите, там, верткий, как рыбка,
Обласок выплывает из синих и розовых трав?
Золотое лицо наклонилось к реке, окунулось.
Это стерлядь идет иль жемчужный осетр заблестел?
Княженика проснулась, и нежная пихта проснулась,
Жирный селезень трудно, как брошенный камень, летел.
Этот берег!
Милее на свете не сыщешь!
Здесь красавицы полог, дразнящий, на самом виду!
Ах ты, горе-рыбак!
Ты садись на смоленое днище,
И гляди на всходящую утром, на лукавую эту звезду.
Нет, не зря у моторов
Рыбачьи хантыйские песни
Бесконечны, как Обь, где сулит богатейший улов
И ручей, и проточка, и сор, и протяжное плесо…
Хорошо по утрам на Оби, хорошо, нету слов.

(Перевод Г. Слинкиной)

ХВАСТУН

Как сорока, скок да скок –
Даже клюв от скока взмок.
Сбоку на бок голова,
Все сорит, сорит слова…
Хватит, хватит людям врать,
Уж давно пора понять,
Как береста в лютый год,
Лопнешь вдруг, а кто доврет?

Ложь, как тот худой олень,
Мчит, бывает, целый день,
Упадет, и не поднимешь.
Вот беда!

(Перевод А. Смольникова)

СЯСЕМ АР

Я, сясие, ария, сар,
Хуты вәсан, холҗсан хуты?
Наӈ, сясие, путарта, сар,
Нәптэн, йисэн хулас хуты?
– Арэм, тёпаӈ, вера суваӈ,
Нәптэм, няврэм, арсыр нуваӈ.
Венш хурасэм – сорум сумат.
Эл хурасэм – шимум полтьюх.
Сыры симась хэн куш вәсум.
Вотум нюки хотыеман
Ханшаӈ юл па ёнтылумем,
Пояксясум ма куш вәрта,
Ёшем йирман, курэм йирман
Тәтлясыюм ма ел кәрта.
Ныҷы емаҷ, вәҷы емаҷ
Емҷыҷасум акем эваҷт.
Ант си вәсэм си вер ямаҷ
Нәптэм, йисэм вәҷмем эваҷт.
Суӈтыҷасум катхусьяӈ сэн,
Ёнтыҷасум ма яӈ онтуп,
Асен тумпи, наӈ си вәҷэн,
Нух энмаҷтум няврэм антәм.
Ситы си па вәсат мирэв,
Монсь йистэҷан вәҷум сирэв.
Хоят кепа! Каҷы тутсэм
Наӈен похнас, хыҷнэӈие!
Уяӈ хотэн сэман вантсэм,
Йиҷпа вәҷҷум ма, веӈие!

АӇКИ САМ

Тынаӈ аӈкиема В.И. Вагатова

Хуты юхат лыпат тайсат?
Хуты ҷәҷн ҷыв сёрхатсат?
Ҷэрат ки ҷыв ант па тайсат!
Муй па мув ки антәм вәс!
Нявлак сэман хатҷ вантаҷ,
Муйкем хошум куш ат тайлҷ:
Эвпух сэма ант па питҷ,
Мува Аӈки ант ки китҷ!
Аӈки сам!
Муй сит симась?
Сит хатҷ кинся хошмаҷ вән!
Каҷэҷ вураӈ вурты кинся,
Сит ант суханты вутаӈ йәш!
Мувн вәҷты мет так әр!

Тынат кинся тынаӈ ут!
Сит ханнэхо вəлты лут!
Аӈки сам!
Сив па пирась ант ӈюхтыйл.
Сив па вев ант луӈтыйл.
Талта олаӈ лыл рув
Пуншилалув муӈ!
Тами кинся тынаӈ ут,
Тами кинся каврум тут
Нэмалт хəнтты,
Немалт артан
Иса па, мал, антəм Мувн!

1995

СОРНЕӇ НУМСАТ

Самем хуся ласькам мувем,
Лыпем хуся сорнеӈ нумсат.
Тайлат сыр-сыр хурам нуват –
Хатлан хətлум вусьлум сумтат.
Лыв ат луӈлат мирем сама!
Ат лыв этлат мувем лакка!
Ал хəрлалат лыв нартама –
Манэм сыры сурум лампа.

АӇКЕМ ПОЯК

Там омсум пасаныем,
Там верум пасаныем,
Шиваӈ ан шивием,
Пəсӈаӈ ан пəсӈием
Кураӈсотн ат сэвила,
Тухлаӈ сотн ат сэвила
Ай пушах тəлуп
Тэлаӈ хотыем,
Ай сюси тэлуп
Тэлаӈ хотыем
Кимлаӈ сахи кималн
Атые сайлылатэлые,
Мевлаӈ сахи мевалн
Атые сайлылатэлые.
Еллы вəлты тынаӈ хатлэл
Лəлн лап ал тətлилатыие.
Вэн Тəрум Вэн Асиев,
Лув китум ай сюсилам,
Лув миюм ай пушахлам
Лытаӈ кувась вутаӈ лытан
Ат па лəлн сайлылатэлые.
Эви омасты лылаӈ Тəрум,
Пух омасты нэптаӈ хатл
Еллы па лəлн ат олтысыялталые.
Эви шətши пайлы əш,
Пух шətшы пайлы əш
Еллы па лəлн ат омсылатэвие.

Там омсум пасаныем,
Там верум пасаныем
Хуӆ вәӆты сэмпаӆ ар вәрта
Ат па, мал, каӆӆиӆатаӆые,
Хуӆ вәӆты сэмпаӆ ар ӆәӈха.
Ат па, мал, каӆӆиӆатаӆые.

1991

ЭТАРХАРЫ

Мув мир нэӈат хурам ухшам –
Тәрумхары хәтӆаӆ.
Сята хатӆэв венш туныйӆ.
Тылась венш па ховийӆ.
Сорнеӈ хәсн ухшам ханшум,
Тутняӆуман хурасыяӆ.
Этархары – мув мир нэӈат
Уха пунум тынаӈ ухшам.
Аӆ питатаӆ пәсаӈ эваӆт.
Этар, сорнеӈ, нуӆтьюх русэн ухшам!
Аӆ маншаӆы похты утан!
Па аӆ ёсла ухшам тутан!

ВОР ЁХ ПЕӆА

Самӆы-мухаӆӆы хумаӆхайт! –
Ситы луплум вор ёх пеӆа.
Нынан ант каӆ сорнеӈ йис,
Тәп ӆаӈхаӆты ӆув ат пеӆӆа.
Сора нын, сар, мухалӆайты,
Паватӆайты иса пайӆы.
Каӆы лэрӆан каӆы такӆа,
Сята яӈхӆат ӆык па атум.
Вәӆты хатӆан хатӆ такӆа,
Ант суханты патлам атуп.
Самӆы-мухаӆӆы хумаӆхайт!
Эвпух шәшмаӈ эвмаӈ муван
Нынан тахи антәм хуван!

МА СУМТЫЕМ

Ӆыӆаӈ самуп нуви юхем,
Нуви сахуп тынаӈ юхем…
Сит ма сумтыем ӆоӆь.
Ӆув манэма ӆыӆ рув тәӆ.
Ӆыӆаӈ сампи тынаӈ юхем
Ма пеӆэма иса вантаӆ.
Вәӆэм, ӆув манэма ясаӈ маӆ:
«Вәӆа, вәӆа, ешак нэ,
Ӆыпен хәтӆаӆ нувия.
Вәӆа, вәӆа, ханты нэ,
Вәӆупсэн вере нуваӈа».
Ма па вантӆум юхем пела,
Ситы ӆуплум ӆув пеӆэӆа:
«Ӆоӆя, ӆоӆя, ма юхием,

Самем хәтӆаӆ наӈ рувенан!
Вәӆа, вәӆа, ма сумтыем,
Әӆэм ӆуӈӆа ӆыӆаӈ рувн!»
Ӆыӆаӈ самуп нуви юхем,
Нуви сахуп тынаӈ юхем…
Сит ма сумтыем ӆоӆь.
Ӆув манэма ӆыӆ рув тәл.

МИЙМАН ТАЕ ӅУВЕӅ ЁШЕН!

Тэван вот…
Муй тарум вотас
Вәлупсэнан хойӆ наӈен.
Ӆаӆты мосаӈ наӈен ермат,
Мосаӈ пантэн хуӆты ермаӆ.
Тәп пиӆэн вераӆ кена пантэн.
Ӆув пиӆәӆа кен наӈ мантэн.
Питаӆ әмась вәӆупсы әшен,
Мийман тае ӆувел ёшен!

ЯРАСЬ

Веӆпас панта Ярась ӆоӆь,
Араӆ ӆув пиӆәӆа вәӆ.
Хантэт кутн ӆув ки ӆоӆь,
Араӆ иси еӆӆы тәӆ.
Мосты йиӈкаӆ – мувaӆ
Экшансюпан вераӆ.
Мосаӈ сирн ӆув ин
Иса пантаӆ вераӈ.
Веӆпасӆаты ёшӆ каркам.
Лув ант тайӆ ясаӈ нартам:
Ярась хоӆуп хуӆан тәӆаӈ.
Уяӆ симась тәняӆтәӆан.
Паӆаттәӈ па весяӈ Ярась
Вәӆты тахеӆ вера карась.
Мосаӈ тухӆаӈхопа ӆәӆты,
Си хо пиӆа яха вәӆты…
Тәп ма паӆӆум, уяӈ Ярась
Мосты пиӆаӆ аӆтпа вәйтас.

ӅАПАТ САӇХУМ ӅАПАТ УХ…

Еремей Айпин пата

Оӈтаӈ вуӆы хурасан
Сапӆаӆ аӆмум карась вәнт
Си па ӆоӆиияӆтаӆ.
Шаншаӈ вои харасан
Порхаӆ аӆмум карась вәнт
Си па ӆоӆиияӆтаӆ.
Емаӈ саӈхум ӆапат ух
Сята вәӆӆиӆатәл, мал.
Нэхо курпат иӆпия
Хась па пәрантумат.
Нэхо курпат иӆпия

Хась па павтыӆумат.
Тәрмиен хурас ям ёхан
Ант ки сайӆыӆуматые,
Весяӈ ёхиет ям ёшан
Ант ки апаӆтуматые,
Ӆапат саӈхум ӆапат ух
Сята нюхӆыӆумеӆ нух.
Хантэт, мансет ӆапат ләӈх
Йиӆпа этӆиӆумеӆ нух.
Оӈтаӆ аӆмум карась мув
Йиӆпа ӆыӆаӈӆумаӆые.
Порхаӆ аӆмум карась мув
Йиӆпа ӆаӆмиӆумаӆые.
Нурэӆ омсум шиншаӈ хот
Ма си омсыӆатэмие…
Пояксяты хән ма ӆоӆьсум –
Ӆыӆэм еӆӆы си ма оӆсум.

ВЕНГРАТ АРСУВ

Ева Шмидт пата

Па мув эваӆт юхтум эви,
Тәсан вуся ёхен эваӆт.
Хәӆӆат Ас мув ханты мир,
Ясӈеӆ манты ймсыр сир.
Венграт арсув паӆа хойс.
Сам ӆэрӆама шаӈкап хойс:
Сасьӆ сясем араӆ сув.
Монсь йис сикуш хасяс хув.
Венграт, мансет па йис хантэт
Ёхартсюмеӆ хувн пантэӆ.
Хәнтты арэӆ вәс ӆыв ит,
Тыхӆэӆ вәӆмаӆ иси ит…
Тынаӈ эви Ева Шмидт
Сирн хотвуӆ верас тыв.
Ханты нэӈи весяӈ хурн
Вәӆ ӆув рәтӆаӆ кутн.

ХИЛЫ И АКИ ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ

На перепутье семи соров, на перепутье семи рек жил Хилы со своей бабушкой, звали ее Има. Это были самые добрые, самые честные люди, и поэтому земля и воды не жалели своих даров для них, солнце им дни освещало, луна им ночи освещала, людское зло не трогало их сердца.

Очень гордилась Има любимым внуком. Он был умен, ловок, храбр. Какой бы день ни настал на земле, Хилы не сидел дома – он проверял ловушки. Попадал ли зверь, ловилась ли рыба в них, мы не знаем, но одно место, где ловил он налимов с большими и жирными максами, длиною в сажень, знали все люди семи соров, семи рек. Если кого застала неудача в пути, если в доме стало пусто и в котле варить нечего было, то Има и Хилы не скупились на помощь. Все считали, что за добрые души их земля дала им это место.

Так жили они, долго ли – тоже про то не знаем.

Но однажды случилось вот что. Пришел Хилы к своей налимьей ловушке, глазам не верит, думы и мысли отгоняет, которые тут же подсказывают ему недоброе: кто-то только что проверил морды и всю рыбу взял. Стоит Хилы, а ноги словно сетью опутаны, мимо него бегут то холодные ветры, то теплые ветры и шепчут ему: «Да, ты не ошибаешься. Недобрый человек только что был тут, проверил твою ловушку и унес добычу».

Люди семи соров, семи рек никогда не слышали о таком, не видели такого.

Стал думать Хилы, как найти этого злодея и как его наказать. В его человеческое сердце не вмещалось чувство, которое принес этот злой человек, посмевший проверить чужие ловушки. Лицо у него стало белым, как кора березы, сердце стало дуплистым деревом. Пришел Хилы домой к Има. Ни слова не сказав, лег на свои нары в переднем углу избы. Думы, как ветер, не давали покоя. Ночь прошла. Утром чуть свет снова Хилы отправился в путь. Много ли прошел, мало ли прошел, подходит к налимьей ловушке. Снова злой человек опередил его, проверил морды и всю рыбу вынул. У Хилы вместо налимов – пустой кузов и пустой пояс. «В одной голове ума и мудрости мало, надо посоветоваться с Има», – решил Хилы и отправился домой.

– Има, ты старый и мудрый человек, скажи, кто может нарушить закон предков, закон людей семи соров и семи рек – ходить росомахой и воровать чужую добычу?

– Кто про это сразу скажет? Ведь рука там не осталась. Но не простят воды, не простят леса, не простят люди человека, потерявшего душу, – сказала мудрая старуха. – Ты не печалься. Если люди днем не увидят этого человека, то нам помогут луна и звезды, им все видно с высоты небес, а ты можешь укрыться около ловушки и покараулить, – советовала Има.

Хилы так и поступил. Чуть вечер наступил, Хилы ушел караулить. Кусты постарались укрыть его надежно, чтобы злой человек не заметил. Ночь проходит, утро приближается. Слышит Хилы скрип полозьев карточки, насторожился, глаза и уши направил, чтобы увидеть и услышать, кто идет. Луна стала ярче светить, засверкали звезды, помогая глазам Хилы.

Пришел злой человек к ловушке, вытащил из воды морды, вынул налимов с большими и жирными максами, наполнил кузов, крепко привязал его к карточке, поставил снова ловушку и хотел было отправиться в обратную дорогу, но тут перед собой увидел Хилы.

Хилы сразу узнал его, еще когда сидел в кустах. Это был Аки, который жил среди людей семи соров, семи рек. Сидело в нем черное сердце: он попавшему в беду первым не протянет руки, никогда к костру не позовет погреться. Никого не грело его черное сердце. Знали это все.

– Ивлап-аслап! – воскликнул Хилы. – Не стыдно тебе, Аки, чужие ловушки проверять? Вот на какие дела ведет тебя черное сердце!

У Аки задрожали руки и ноги, как ветки деревьев в большой ветер, лицо стало черным как ночь. Семь раз его подбросило над землей, семь раз падал на землю, потом вымолвил нечеловеческим голосом как велело его черное сердце:

– Это ловушка моя, а не твоя!

Всего ожидал Хилы от этого человека, только не этих слов.

– Это ловушка моя, знают люди семи соров, семи рек, знают небо и земля! Как у тебя язык повернулся так сказать? – возмутился Хилы.

– Что мне люди семи соров, люди семи рек? Знает бог Торум, – процедил с закрытыми глазами Аки Черное Сердце.

– Хорошо, приведи своего Торума, пусть он докажет.

Как решили, так и сделали. В условленный час, в установленный день пришел Аки Черное Сердце с деревянным идолом-божком, и Хилы тоже побеспокоился о защите: уговорил свою мудрую бабушку Има сесть в карточку, надел на нее украшения, платки, платья – преобразилась старуха.

«Сама богиня Вут-Ими пожаловала на спор», – подумал трусливый Аки, увидев разнаряженную «куклу».

Хилы поставил карточку с Има на горку так, чтобы, чуть покачнувшись, она покатилась вниз.

Аки подошел со своим деревянным идолом и поставил его у дерева.

– Ну давай, Аки, будем решать, чья все-таки ловушка налимов. Спрашивай своего бога! – обратился Хилы к вору.

Подошел Аки к своему идолу и взмолился:

– Все, что имею, отдам тебе, хочешь, еще тебе сделаю подарок? – Повернулся он семь раз вокруг себя по ходу солнца. – Не обходил я тебя вниманием, полка твоя полна мехов и шелков. Дай знать Хилы, что ловушка налимов моя, она мне оставлена в наследство от предков моих.

Деревянный идол как стоял, наклонившись к дереву, так и стоял. Лицо Аки скривилось от боли, даже зубы оголились, а Хилы так громко засмеялся, что услышали люди семи соров, семи рек и решили узнать, что случилось, над кем смеется Хилы. И собрались в путь.

– А теперь, Аки, моя очередь спрашивать! Подойди сюда, встань перед моей карточкой. Пусть эта женщина разрешит наш спор, чья ловушка налимов: моя или твоя. Пусть она наедет на того, кто лгун и вор.

Начала Има раскачиваться, а карточка стала скатываться под уклон на Аки. Мечется Аки из стороны в сторону, катится вниз, а за ним – карточка с Има. Над бедным старым Аки Черное Сердце стали смеяться воды и леса, ветер и люди семи соров и семи рек, успевшие добраться сюда. Не могло выдержать черное сердце вора, оно лопнуло, и он стал уже человеческим голосом кричать:

– Не моя ловушка налимов, а Хилы! Простите меня, люди, прости меня, Хилы!

И Аки не заметил, как у него появилось новое сердце, уже не черное, а такое же, как и у людей семи соров, семи рек.

Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, много ли, мало ли дней и ночей ушло, но Хилы и Има по-прежнему живут среди людей семи соров, семи рек. И мы с ними живем.

ХЛЕБУШКО

Жили-были муж с женой. Мужа звали Икилэ, а жену Имилэ. Уж так издавна велось: Икилэ находил себе занятие в лесу или ловил рыбу. Ездит-ездит, приедет домой, сменит износившуюся обувь и одежду, привезет жене мясо, рыбу, шкурки убитых зверей – и снова в лес. Был он добр к людям.

И Имилэ тоже знала, что делать. Ведь не мужское дело отапливать дом, заготовлять хворост, шить одежду, готовить еду. Она сушила рыбу и мясо. Всего у них в доме было полно, только муки мало. Все умела делать Имилэ, только вот беда: была очень грубая и жадная.

Однажды жена решила состряпать хлебушко – Няние, уж очень ей захотелось мягкого душистого хлебушка попробовать. Взяла икры, сбила ее деревянной ложкой, высыпала последнюю муку в берестяной бачок. Замесила тесто. И грубо, как камень, бросила тесто на сковородку.

Очень обиделся Няние, но ничего не сказал, стал печься. Тем временем Имилэ выстругала остроконечную палочку – и ну тыкать Няние то тут, то там, словно шилом. Пробует – испекся ли. Няние стал прыгать от боли. То на одну, то на другую сторону повернется. Больно ему было, очень больно. Жадная Имилэ не успокаивалась – ей хотелось скорее съесть Няние.

– Ждешь-ждешь! Пекись скорей! Я есть хочу! – кричала она на весь дом.

Хлеб старался скорее поспеть, зарумяниться, вздрагивая от страшных уколов.

А у Имилэ глаза больше прежнего разгорелись, зубы стали острее, а сердце еще злее.

– Скоро я тебя съем, Нянилэ! Ты будешь в моем животе! – дразнила она Няние.

Только хлеб поспел, стал румяным и пышным, – Имилэ тут как тут. Хотела ткнуть острой палочкой и поднести ко рту, а Няние – прыг! На столе оказался. Имилэ – к столу,а Няняе – на полку с посудой. Полка эта находилась на женской половине дома! Имилэ в ярости бросилась туда.

А Няние покатился в передний угол дома и прыгнул на святую полку, где жил домашний бог. Женщине нельзя было даже касаться этой полочки.

«Здесь Имилэ меня не достанет», – подумал Няние.

Испугалась Имилэ: «Как же я теперь съем хлеба?». Но забыв обо всем и даже о боге, она с руганью потянулась за Няние. Хлеб засмеялся, изловчился и прыгнул через голову женщины, стал кататься по всему дому и смеяться над грубой и жадной Имилэ. Она старалась его догнать, пока не перебила всю посуду, Хлеб открыл двери и выкатился на улицу. Имилэ опомнилась, выскочила за ним, увидела собак и сколько есть силы закричала:

– Пурыс, пурыс! Лэвыс, лэвыс! – что значит: «Кусайте, кусайте! Съешьте, съешьте!».

Собаки помчались за Няние. Вот-вот его поймают и съедят. А Няние подумал: «Ведь собаки есть хотят. Они ведь не то, что их хозяйка, – добрые. А я, Няние, неблагодарный».

Он отломил от себя корочку и бросил собакам. Они схватили корочку и не стали преследовать. Няние тем временем исчез.

Имилэ, беспомощно разводя руками, громко плакала и звала Няние. Но он и слушать не стал ее.

В густом ли лесу, в темном ли бору сидел Икилэ и варил мясо. Не один бор обошел, не одну речку переехал – сил не стало, и хлеба нет. Думы тяжелые, горе гложет сердце.

«Вот Няние бы пришел на помощь», – сетовал он. Только подумал – гладь, около него сидит Няние, лица на нем нет. Усталый, истыканный чем-то…

Икилэ взял его осторожно натруженными руками, загладил раны на хлебе и поцеловал его. Посадил на самое почетное место у костра. Няние стал веселым, румяным, пышным и очень хотел, чтобы Икилэ его съел и стал самым сильным и умным.

Икилэ съел Няние, улыбнулся и сразу почувствовал такую силу в руках, в ногах, что мог объехать не одно болото, мог пройти не одну землю. В голове прояснилось, а сердце стало еще добрее.

Пусть здесь этой сказке будет конец.

Только Икилэ просит вот что запомнить. Няние – это сила людская, да не простая. У кого недобрые сердце и руки – хлеб не дается им.

Да и я так же думаю: злой человек пусть и близко к Няние не подходит.

ВАЙВЕТКИН ЛЕОНИД

Леонид Вайветкин – поэт, чье имя связано с зарождением хантыйской литературы. В.В. Сенкевич стала первым переводчиком на русский язык поэтических творений самобытного хантыйского автора. Она представила его произведения читателям в 1940 году в книге «Хантэйская и мансийская поэзия», изданной в Омском областном издательстве.

В сборник вошли два стихотворения: «Песня рыбака», «Наша школа».

Стихотворение «Песня рыбака» Л. Вайветкина было опубликовано и в сборнике «Творчество народов Севера», изданном Ленинградским газетно-журнальным и книжным издательством в 1955 году, наряду с произведениями других начинающих поэтов ханты – Г.Д. Лазаревым и Л. Вайветкиным, затем вошло в первую часть хрестоматии «Хантыйская литература» (2010) как часть истории национального литературного наследия ханты.

ПЕСНЯ РЫБАКА

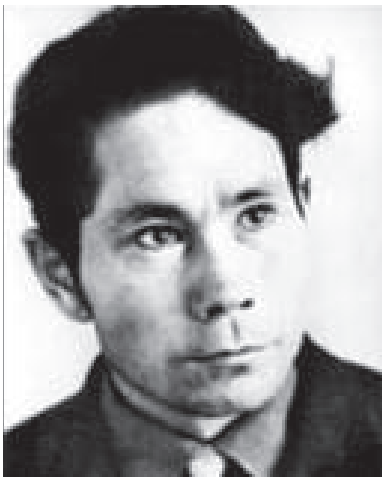
Стали дни к весне длиннее,
Солнце землю согревает:
И рыбак спешит скорее,
Весновать он начинает.
День погодный! Ясный вечер.
Ветра нет и тишь такая…
Только слышны взмахи крыльев
Молодой гусиной стаи.
Гладь зеркальная тиха,
Лодку ласково качает.
Вот в такие вечера
Рыба в сети попадает.
Лодку рыбой нагрузив,
По течению пускает.
Незатейливый мотив
Тишь речную нарушает:
«Я седой рыбак-старик,
От купцов я видел горе,
Я к своей нужде привык,
Век рыбача на просторе.
Жил я в горечи и тьме,
Лишь при новой Красной власти
Улыбнулось солнце мне, –
Я направил лодку к счастью».

(Перевод В. Сенкевич)

НАША ШКОЛА

Где был лес дремучий.
Где медведь шагал,
Волей партии могучей
На урмане город стал.
Не могло присниться дедам,
Что из тьмы тайги глухой
Внуки выедут учиться
В светлый город молодой.
В городе советском новом
С каждым годом жизнь светлей.
Там хантыйская есть школа –
Школа северных детей.
Там за книгой и тетрадью,
Время весело бежит –
Все мы счастливы и рады,
Путь широкий нам открыт.
Взвейся песня звонкой пташкой
Над безбрежною тайгой,
Чтоб услышал радость нашу
Сталин – наш отец родной!

(Перевод В. Сенкевич)

ВОЛДИН ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ

Владимир Семёнович Волдин (1938–1971) – талантливый хантыйский поэт родился 25 мая 1938 года в деревне Сынг-Вар Назымского сельского Совета Остяко-Вогульского национального округа (в настоящее время – Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) в семье рыбака-охотника. Здесь будущий поэт с похвальным листом окончил начальную школу, затем он уехал учиться в Вершинскую семилетнюю школу.

Окончив годичные курсы в Ханты-Мансийской сельскохозяйственной школе, стал работать заведующим животноводческой фермой в колхозе «Первое мая». Отсюда его призвали в армию, но вскоре по состоянию здоровья комиссовали.

Владимир Волдин решил не возвращаться домой, а поступил учиться в Ханты-Мансийское педагогическое училище. Здесь он начал писать стихи. Первые произведения отдал в газету «Ленин пант хуват». Писал в основном на родном языке.

По окончании педагогического училища В.С. Волдин был направлен в окружной радиокомитет, где трудился до конца своей жизни, которая была прервана трагической гибелью в октябре 1971 года в одной из поездок в Октябрьский район. Похоронен 5 ноября 1971 года в городе Тобольске.

Стихи талантливого хантыйского поэта, журналиста публиковались в газетах «Ленинская правда», «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец», в Ленинградской областной газете «Смена», журнале «Сибирские Огни», коллективных сборниках «Поэты народов Сибири» (1967 год), «Братство» (1982 год), «Обновлённая Югра» (1978 год), «Вам, романтики» (1978 год), «Владимир Волдин – Ханты мир поэт» (1993 год); в альманахе «Эринтур» впервые представлена поэма «Так молупси» (1996 год).

В.С. Волдин оставил большое фольклорное наследство: тексты песен, сказок, легенд, записи на плёнках, которые хранятся в государственном архиве, а также опубликованы на языке ханты в окружной национальной газете «Ханты ясанг». В 1968 году вышел первый сборник стихотворений Волдина «Ханты» на родном языке.

Е.Д. Айпин в книге «У гаснущего очага» написал: «Владимир Волдин, поэт, воспевший свою суровую землю. Поэт, которого Райшев никогда не видел и теперь уже никогда не увидит, поэт и человек, которого помнит Север, которого помнят сородичи на Иртыше и Оби, на Ить-Яхе и Казыме.

Поэт с недопитой кружкой в руке.
Поэт с недопетой песней на устах.
Поэт с недо…»

ВЕСНОЙ

Есть время светлого веселья,
Когда, томясь, как вешний лед.
Предчувствием грозы весенней
Таежный полон небосвод.
Когда над крутоплечей кручей
Сойдутся грозные на вид,
Оленьим стадом вздрогнут тучи,
И – только гром из-под копыт.
И каждый сук, и каждый листик,
Травинки, лепестки коры
Следят за бегом капель быстрых,
Глаза зеленые раскрыв.
И я слежу, как ливень льется.
А позже, в свежей тишине,
Протягивает руки солнце
И их кладет на плечи мне.

(Перевод В. Нечволоды)

***

Если дым веселый кружит
Над осеннею избушкой,
Лай собак плывет над бором –

Значит день охоты скоро.
Человек проснется рано,
Вспомнит тихие поляны
И озера, где обычно
Брал он щедрую добычу.
Как в патроне злых дробинок,
Много в памяти тропинок
Над какой-то тропкой в чаще
Прошумит крылом удача.

(Перевод В. Нечволоды)

ЛЕТИ, МОЯ ПЕСНЯ

Под небом хантыйским, над краем богатым
Звучи, мое слово, светло и крылато.
Возьми остроту у зрачков ястребиных,
Певучую мягкость походки рысиной,
Собак бескорыстность,
оленя сторожкость,
Величие лося,
лисы осторожность.
Костром будешь путнику,
посохом старцу.
Охотнику – пулей,
Больному – лекарством.
Будь полем и небом,
рекою и лесом,
Будь мной и соседом,
Будь Родиной, песня!

(Перевод В. Нечволоды)

ЛЕТОМ

Мне под ноги стелет бор
Пестрый ягельный ковер,
И от сосен краснолицых
Веет запахом смолистым.
Лес живет, свистит, кричит,
Ловит жгучие лучи.
Под рукой прозрачной солнца
Бор играет, бор смеется.
Вьются травы, рдеют кисти,
Что-то ветру шепчут листья.
Их глазастые узоры
Устремляют в небо взоры.
Слышу тихий голос сосен:
– Ты придешь ли в эту осень?
И цветы мне шепчут тоже:
– Улыбнись и ты, прохожий!
Лес мой, друг ты мой чудесный,
Ты навеял эту песню.
Смотрит солнца желтый глаз.
Я приду проведать вас.

(Перевод Э. Кияна)

МОЙ ДРУГ И Я

На берегу реки – сосна,
Береза рядом с нею.
И, кажется мне, что она
И старше, и сильнее.
Гроза гремит ли, сыплет град,
Трещит мороз иль вьюга,
Плечом к плечу они стоят,
Как верные подруги.
И у меня есть русский друг
Надежный, без сомненья.
И наших душ, и наших рук
Я славлю единенье...
Стоят два дерева.
Весна.
И, кажется мне: я – сосна,
Мой русский друг – береза.

(Перевод Н. Касьянова)

МУЗЫКА

Сдал я шкурки и безмерно рад:
Продали мне чудо-аппарат –
В маленькой коробке на ремне...
Пошумит и что-то скажет мне.
Я иду, а с неба дождик льет.
Я пою, и радио поет.
Сумерки и ветер нипочем
С музыкой хорошею вдвоем.
Я шагаю по родной земле,
И трава поет со мной, и лес,
Пляшут ели пышные легко.
Горе, неудачи – далеко!
Темнота и ветер нипочем
С музыкой веселою идем.
И усталость ветерком смело.
Показалось вдалеке село.
И в окошках, словно мотыльки,
Подхватили песню огоньки.

(Перевод Н. Касьянова)

МЫ С ТОБОЙ

Я тебя искал, тебя я ждал,
И, глазам не верю, повстречал!
Милая стройна и смуглолица,
Но боюсь к тебе я наклониться.
В мыслях нежно за руку беру,
Сердце, будто ветка на ветру
Птицею в моей груди взметнулось:
Ты его дыханием коснулась.
Только что же молча мы стоим?
Осмелев, тебе сказал я, – Мин.

Мы вдвоем, ты видишь – мы с тобой!..
Так вот и пришла ко мне любовь.

(Перевод Н. Касьянова)

НА ОЗЕРЕ

Как на сбруе на оленьей,
На коре накрапы солнца.
Раззадорен птичьим пеньем,
Ветер лапой бьет по соснам.
След ондатры в речке зыбок,
Вечер кружит над водою.
Лег чешуйчатый, как рыба,
Млечный путь над головою.
За ресницами осоки
Караси качнули сети.
Под котла радушный клекот
Душу мне костер осветит.
Стихли птицы.
Лес спокоен.
Пусть их зло не потревожит.
Кроме мира, что иное
На земле всего дороже?

(Перевод В. Нечволоды)

НА ОХОТНИЧЬИХ ТРОПАХ

Не гулять – на трудную работу
Человек выходит на охоту.
Тут нужны и ловкость, и терпенье,
Смелость, сила, скорость, вдохновенье.
Не дает тайга легко ответ.
Вот и лыжи вывели на след,
Началась погоня из погонь.
В жилах кровь струится, как огонь,
Кедр ветвь вытянул – прыжок.
По сугробу пламенем зверек
Лишь мелькнул – и вот уже исчез.
И за ним охотник дальше, в лес,
И погоня по следам опять
На опушку, в чащу леса, в падь –
Не уйти теперь зверьку из рук.
Сладок, но нелегок этот труд.

(Перевод Н. Касьянова)

ОХОТНИК

Как из давней сказки воин –
За спиной с колчаном стрел,
Он отважен и спокоен,
Он стремителен и смел.
И в руках его – не стрелы,
А новейшее ружье.
Вот бежит он рощей белой,
Зорко смотрит сквозь нее.

Видит он за веток чащей
Разных почерков следы:
След петляющий, скользящий,
Уводящий от беды.
Вот в своей землянке грубой –
Под навес корней залез –
Спит медведь, укрывшись шубой,
И храпит на целый лес.
Вот лосенка сквозь чащобу
От волков уводит лось.
У волков от дикой злобы
Аж дыхание зашлось.
Вот лиса в огнистой шкуре
Подползает из-под пня
К той зайчихе, что, как дура,
Зорю бьет в средине дня...
И охотник – не разбойник,
Брат гонимому зверью,
Заложив патрон в патронник,
Бьет, имея мысль свою.
Он сначала целит молча
Волку меж горящих глаз,
Чтоб не чья-нибудь, а волчья
Кровь на землю пролилась.
А лису – вторым зарядом,
Чтоб она не рвала жил
У зайчихи.
Чтобы рядом
Лось с лосенком мирно жил.
Вот каков он, добр, спокоен,
Смел, решителен, умен,
Наш охотник.
Словно воин.
Вот какой хороший он.

(Перевод Л. Решетникова)

СЕВЕР МОЙ

Где б мои пути ни пролегли,
Где бы ни встречал зарю свою,
Слышу я дыхание земли,
Чувствую ее в любом краю.
Подожгло ли золотом леса –
Значит, час страды у деревень;
Выпала глубокая роса –
Это будет завтра добрый день.
Пляшет ошалело поплавок –
Значит, дождь почуяла река.
Будет ли грибов и ягод впрок –
Обо всем расскажет мне тайга.

(Перевод В. Нечволоды)

СОРУМ ОВ

На Казыме яр крутой.
Он легендами овеян.
Прадеды сюда с собой
Приносили дар деревьям:
Деньги, идолов своих,
Шкуры пойманного зверя...
Интересно знать о них,
Я ведь в бога тоже верю.
На Казыме Сорум Ов –
Это место было свято.
Слышал я от стариков –
Охраняли лес когда-то
От случайных разных бед.
От плохих людей скрывали
И за сломанную ветвь,
Как за подлости карали.
Слушаю об этом речь –
Очень мудро все в легендах.
Я учусь тайгу беречь
У седобородых дедов.

(Перевод В.Нечволоды)

СОСНОВЫЙ БОР

Я люблю сосновый бор.
Сосны в нем, как руки солнца.
Песни сыплет птичий хор.
Воздух сладок – пей до донца.
Я люблю сосновый бор.
Им лесные звери живы.
Наши земли, наши воды,
Бережет он с давних пор.
Ну, а если жадный вор
Или враг в него прорвется,
Он обратно не вернется:
Будет страшным приговор.
Лось забьет его в упор,
И олень пронзит рогами.
Так ведет он речь с врагами
Наш сосновый, гордый бор.
Ты же, добрый человек,
В бор иди, как к человеку,
Как ручей впадает в реку,
Или в море – воды рек.
От дождя тебя шатром
Он в ненастный день укроет,
На поляне стол накроет,
За добро платя добром.

(Перевод Л. Решетникова)

У РЫБАКОВ

Снова я в рыбацком стане,
На Назыме с рыбаками.
С ними с детских лет дружу,
В дом их запросто вхожу,
Чтобы здесь услышать снова
Звуки языка родного.
К ним иду с открытым сердцем,
Чтоб душою обогреться
У огня их добрых шуток.
С ними лето – трое суток.
Самолет облит зарею
Блещет рыбьей чешуею.
Снова я в рыбацком стане,
На Назыме с рыбаками.
Пусть свистит свирепый ветер.
Будет вспомнить что о лете.

(Перевод Э. Кияна)

ХАНТЫ

Всех людей мы называем – ханты.
Ханты – русский, ненец и узбек,
Потому что это слово – ханты
В переводе значит человек.
Это очень дорогое слово.
Ты не выпускай его из рук,
Не развей по ветру бестолково –
На него откликнется твой друг.
И куда б потом ты ни поехал,
Разнеси своим друзьям его –
Словно раскаленные орехи,
Искры из чувала своего.
Это слово северным сияньем
Пусть пылает и в полярной мгле.
Помни наше мудрое названье,
Ханты – все народы на Земле.

(Перевод Э. Кияна)

ХВАСТЛИВЫЙ ПАРЕНЬ

Тянет полоз тонкий след,
Словно нитку из клубочка,
Мошкарой взлетает снег,
Нарта прыгает на кочках.
– Я заряд не трачу зря,
Хоть не тоже восхваляться.
Буду бить я глухаря,
Добывать песца-красавца.
Кто там лучший из стрелков?
Славу я твою оспорю!
Потягаться я готов,
И себя не опозорю!
Я – жених, и счастлив так,

Что готов подпрыгнуть в небо!
– Что ж ты хвастаешь, чудак!
Ты еще в лесу-то не был...
Опозоришься, ей-ей,
Вот народ-то посмеется,
От невесты от своей
Червяком ползти придется.

(Перевод Л. Решетникова)

ЛЮБИМОЙ МАТЕРИ

Моя дума идет назад
К родному дому.
Как живешь ты, мама,
Хочу я услышать.
Дорогие слова я говорю.
Тебе я весточку шлю.
Мама, дорогая ты, мама,
Очень ты мне нужна.
Вниз ты жалко сгибаешься,
Радость ты мне несешь.
Смотрю я с радостью
На твое лицо.
Когда отец мой
На память приходит
Тяжело мне на душе становится.
У тебя я живу
Всегда ты мне друг.
Я живу на краю земли.
Где темная ночь.
В окно стучит ветер.
Путь наш далеко лежит.
И ты сильней обрадуйся
Мне назад напиши.
Пусть улыбка озарит твое лицо.
И я сильней стану.

(Перевод А.Д. Каксина)

ОБЬ

Быстро текущая река без песчаных отмелей.
На обрыве сушится рыба.
Встречный ветер очень холодный,
Волна большая и широко разбегается…
На утренней зорьке поднялось солнце
Порыв северного ветра услышало мое сердце.
Он сегодня радость принес.
Река Обь могучая и широкая.

(Перевод А.Д. Каксина)

БЕРЕЗА

Говорит через окно
Посаженная мной белая береза:

Злой ветер и снежная метель
В мое лицо сильно били.
– Немного потерпи, моя березонька,
Скоро пройдет большой холод.
Много ты возьми тепла,
Быстро вырастет твоя новая ветвь.
Возле окна интересная невестка,
Красивый с кистями платок надень.
Люди сюда идут на тебя посмотреть.
Кисти платка до земли достают.

(Перевод А.Д. Каксина)

ТАК МОЛУПСИ

(ПОЭМА)

I

О людях, о судьбах я думаю часто.
В чем видели прадеды светлое счастье?
В сказаньях и песнях ищу я ответ...
Мне в детстве легенду рассказывал дед.
Давно это было.
Вы, может, слыхали,
Что к юртам хантыйским песцы прибегали?
И волки бродили, лишь станет темно,
И вещие совы стучались в окно.
Жил-был человек. Кто он родом, откуда?
Сегодня и мы не узнали покуда.
Наверно, его наградила тайга
Веселым характером, силой в руках,
Умом, красотою, в работе сноровкой.
За что бы ни взялся, все делал он ловко.
Один уходил за добычею в бор.
И промысел был ему легок любой.
Однажды, проверив слопцы на полянах,
Он был изумлен неудачею странной:
В надежных слопцах не нашел глухаря.
Неужто приманка положена зря?
– Эге! Кто-то съел, насмехаясь, приманку! –
Воскликнул, вглядевшись, рассерженный ханты.
А мусор подбросил! И ханты сказал:
– Ну, зверь, попадись мне теперь на глаза!
Я знаю: медведь на такое способен.
Он туче лохматой и черной подобен,
Да только со слабыми ловок и храбр.
Давно бы его проучить мне пора!
Едва он воскликнул – за деревом рядом
Раздался треск сучьев медвежьей засады.
Встал зверь на дыбы, зубы дико оскалив.
Страшны его лапы, шерсть с рыжей подпалиной.
И замерло солнце. Зверь прыгнул на спину.
Но храбро вступил человек в поединок.
Ушел от удара, силен и хорош,
Да времени нет, чтобы выхватить нож.

Как выпустить руку, коль пасть он разинул
И дышит в лицо духом тошным звериным?
Бежит по щеке кровяная слеза.
Как угли горящие, зверя глаза.
Момент улучил. Сталь протяжно взметнулась,
И ревом предсмертным тайгу покачнуло.
Обрушило небо закат на траву,
Багряным окрасила кровь синеву...
Охотника звали с тех пор «Так Молупси» –
Что «Крепкая Малица» будет по-русски...
Как долго он жил? Есть ли внуки сейчас?
Послушай же дальше легенду-рассказ.

II

Последнею льдиной растаяла вьюга.
На плесе приветствуют люди друг друга.
Бескрайне весной половодье Оби.
Купцы понаехали. Празднику быть...
Ты скажешь, приятель:
– Купцов нынче нету.
Эге, не спеши! Лучше слушай легенду.
Кто злую усмешку хранит на лице,
Смеется в начале, да плачет в конце!
Мы любим преданья и песни хорошие,
Они забывать не дают нам о прошлом.
Веселые, грустные песни подчас
Народною мудростью радуют нас.
И если я вспомнил легенду, быть может,
Кому-то она поученьем поможет,
Кого-то обрадует светлой мечтой,
Кого-то накажет насмешкою злой.
Был берег зеленой тайгой оторочен.
Веселье кипело с утра и до ночи.
Вот кто-то смеется и кто-то поет.
Вот пляска танцоров за плечи берет.
А рядом торговля. Корзины рядами.
В них нельмы еще шевелят плавниками.
Себе на уме, все приметив давно,
За рыбу купец предлагает вино.
Опившись веселого этого зелья,
Друзья его мучатся сытым бездельем.
Нахальные, с гирями злых кулаков
Кричат и зовут на борьбу рыбаков.
Стал берег похож на живун с пескарями,
Где ходят свирепо купцы с осетрами.
Глядит Так Молупси, кто верх здесь берет:
Не выдержал он и сердито встает:
– Эй, кто там суровой борьбы не боится,
Один на один вызываю сразиться.
Плечистый и сильный стоит на песке,
И гневно дрожит бурый шрам на щеке.
Смеется купец:
– Что-то очень ты храбрый!
Коль так ты силен, почему покарябан?

Медвежью тамгу на лице залижи!
Уж лучше бы рыбы ты мне предложил.
Вскипел Так Молупси от речи ехидной:
– Ты хуже налима, что ест мертвечину –
Питаешься кровью родных мне людей,
А в алчности ты не жалеешь детей!
Пускай на лице моем горькая мета:
По-разному платят в борьбе за победу.
Медведь-богатырь был, не ровня другим,
Но я не упал на колени пред ним!
Бой начался вмиг, словно зимняя вьюга,
Купец и таежник вцепились друг в друга.
Ломаясь, тальник распластался у ног –
Швырнул Так Молупси купца на песок.
Сапог торгаша взвился к звездным накрапам,
Плыла по воде соболиная шапка.
Услышали небо, тайга и река:
– Ну, вот и увидел ты гнев рыбака!

III

У памяти нашей есть доброе свойство –
Деянья героев беречь для потомства,
В легендах и песнях хранить их черты...
Жизнь наша – свершение древней мечты.
Мне чудится ночью:
Пытливо и строго
Застыли огни над тайгой, над дорогой.
Вниз звезды глядят, озаряя леса,
Как будто героев погибших глаза.
Их малицы, были крепки, как кольчуги,
Туги и надежны упругие луки.
А стрелы, чьи клювы острее иглы,
Разили врагов, беспощадны и злы.
Рассказывал мне дед Андрей на Назыме,
Встречал Так Молупси он днями былыми.
Был парень, как парень.
Винтовка в руке.
Пониже буденовки – шрам на щеке.
Встречали его пастухи молодые.
А кто-то с ним строил в тайге буровые...
А, может, и внук Так Молупси сейчас
Взволнованно слушает этот рассказ.

IV

Легенды мои, сказки дедов и песни!
Всего мне дороже напев их чудесный.
Таежную свежесть, величия миг
Вобрал мой красивый хантыйский язык.
Словами про звезды скажу, про озера,
Как будто на малице вышью узоры.
Веселый иль хмурый в печали своей
Пускай мой рассказ вам напомнит людей.
Ведь каждое слово на сердце похоже:
Такое живое и чуткое тоже.

Кто нынче не знает язык свой родной,
Тот край свой не любит, народу чужой.
Такой человек – просто место пустое.
Он путь мне на нартах вовек не закроет.
Он глуп и смешон, как глухарь красноглаз.
Я дальше продолжу свой прежний рассказ.

V

Друзья на Казыме! Ну как вы живете?
Я знаю: опять меня в гости вы ждете.
Когда приезжаю, ребята гурьбой
Приходят всегда повидаться со мной.
Рыбак и охотник, идущий навстречу –
Здесь все говорят на отцовском наречьи.
Труд любят, как малицу или кисы.
Труд нужен, как малица или кисы.
Сегодня я гость у них. Кружатся песни
В морозном февральском седом поднебесье,
И нарты оленьи построились в ряд.
Хантыйскому празднику каждый здесь рад.
Веселье, как кровь, по артериям бродит.
На празднике новые песни сегодня –
О жизни хорошей в югорской земле,
О звездных ракетах, что мчатся во мгле.
Пастух молодой с сердцем полным отваги,
Старик с бородою кудрявой, как ягель...
Проворны их руки, и ноги сильны.
Готовы и сами лететь до Луны.
Да только нужны на Земле эти руки
Оленей растить и воспитывать внуков.
О прошлом рассказывать нам не из книг...
Я слышу, поет Лэл Микола-старик:
Он – лесной мужичок
Чуть раскос, невысок.
Ханты, я о вас пою.
Песню слушайте мою.
С первых от рожденья дней
Половину жизни всей
Лямкой лодки я таскал
Для купца, что торговал.
Ни одним не ведал днем,
Что помогут мне потом.
Пять оленей, пешек пять
Мне решили люди дать.
Так вот я их доставал,
Так растил и сберегал.
А теперь сижу, грущу:
Где пастись я их пущу?
О! Есть место – Сорум Ов.
Вдоль зеленых берегов
Распущу их, отведу.
Там не встречу я беду.
И оленей десять штук
Побежали рысью вдруг.

Был тогда я очень рад,
Только не был я богат:
Если снежный день придет,
След их быстро заметет.
Если дождь пойдет, в момент
Смоет всех оленей след.
Нет от них богатства мне,
Нет от них одежды мне.
Так их мало у меня –
Дунет ветер среди дня,
Как пушинки разнесет.
Кто оленей мне найдет?
А в совхозе над рекой
Нынче сейф большой стальной.
Деньги сообща кладет
Ханты – трудовой народ.
Позабыта здесь беда.
Бродят тучные стада.
Надо ехать – выбирай,
Сколько хочешь запрягай.
Погляди: любой из нас
Носит малицу сейчас.
Вот богатство и одежда,
Наше счастье и надежда!
– Подожди, не торопись
И за всех нас не хвались, –
Карысь Петар перебил.
Тоже стар, но полон сил.
Начал так он свой рассказ:
– Жаль, не молод я сейчас.
Только не причем года,
Если песня молода.
Решты сын я самый старший.
Имя вам любой подскажет:
Карысь Петар – это я.
Есть олени у меня.
Дал совхоз их мне. В дороге,
Словно ветер, быстроноги.
И в метели, и в грозу
Грузы ценные везу.
От далекой юрты зимней
Ездил я в село Вершина.
И на путь меж деревень
Я затратил только день.
В нарте легкой, в нарте быстрой
Вез мех ценный, серебристый.
Служат людям пусть теперь
Красный зверь и черный зверь.
Мне сказал товарищ русский:
Ловок ты, как Так Молупси!
Всем пример ты показал.
Ты ударник, – он сказал.
Я купил в подарок милой
Ткани радужной, красивой,

С расписным узором шаль.
Денег было мне не жаль!
Понеслись домой олени,
Песня взвилась до небес.
Подпевал мне старый лес.
– Да, олени, – тихо молвил
Невысокий Лэл Микола, –
В них была всей жизни суть.
Молодежь, не позабудь,
Размечтавшись, о ракетах,
Что полеты над планетой
Начинались на земле
С бега нарт в метельной мгле.

VI

Небо – пятнистая шкура оленя.
Звезды глядят, чуть мигая, на землю.
Мысли мои, как олени, бегут,
Думы мои про тайгу, про тайгу.
Края хантыйского лучше не знаю.
Солнечный бор – сердце милого края.
В сердце моем кровь горячая бьет.
Сердце трепещет живое мое.
Разве тайга не живая? Взгляните:
Солнца прозрачные руки, как нити.
Слушайте – бьются в подземных корнях
Соки земли, силой ветви поя.
Силу вбирают иглистые листья.
Жить здесь легко будет зверю и птице.
Людям понять это легче всего,
Корни народа – легенды его.
Ветви – растущее новое племя.
Люди – живое легенд продолженье.
Жить нам, бороться, тайгу сберегать...
Я Так Молупси припомнил опять.
Не потому ли в наряде как будто
Наша тайга в это светлое утро.
Крепкий веселый узор из ветвей,
Точно на малице, вышит на ней.
То ли в душе моей песенка дремлет
Или поют ее сами деревья.
Не уставая звенит в вышине.
Песенка, с детства знакомая мне.
В шорохе листьев, в рябиновых бусах
Слышу мелодию о Так Молупси.
Слышат и звери, и птицы ее –
Это же край мой любимый поет!
Пусть же взлетает мелодия к тучам –
С нею живется и легче, и лучше.
Пусть я устану в суровом пути,
Песенка дальше моя полетит.
Солнечным утром с прохладным туманом
Я выхожу на лесную поляну.
Вижу – охотник идет промышлять,

Лодку рыбак приготовил опять.
Вместе со всею хантыйской землею,
Всеми глазами погибших героев,
Всеми глазами живущих смотрю.
Песню пою я, встречая зарю.

(Перевод В. Нечволоды)

ВЕЛПАС ПАНТАН

Вәнт мув хуват вәнт хә яӈхалӆ,
Вантӆэм, ром ӆув иса веншалӆ,
Шаӈкап ёхум хары тэван.
Амат этаӆ сэмӈал эвалт.
Ӆувеӆ ӆәӆн панта этты,
Ӆувеӆ ӆәӆн вәнтвой веӆты.
Ӆув сэмвояӆ елӆы манал,
Кусьман тәӆӆэ ӆаӈки пантаӆ.
Ар вер нумсаӆ ин си тайӆ,
Вәнт хә верат ӆув си верӆ.
Сэмем манаӆ ӆув ювпеӆан.
Ӆув си митра ма ванттэман.
Хасьпа нэпек ӆоньсев вантты,
Ханшты юхем вутн хәхаӆ,
Ӆәӈх ёш иты сята хәхаӆ.
Лухн ханшум каӆы пантат –
Вэнтвой пантат хурас тайӆат.
Ин сувaӈ ясаӈ – хув сыхат
Ӆув си сэваӆ, арат па ариял.
Ситы вәнт мув хуват
Вәнт хә яӈхал…
Ханшты юхем ӆув юпеӆн
Вәрт ёш иты сята яӈхаӆ…

ТУТ

Иса маран хәтӆаӆ тут.
Катра йисн хәтӆас тут,
Интам иси хәтӆаӆ тут,
Арсыр йисн – арсыр тут.
Хуты вәсат катра мирэм,
Ясӈат эваӆт тәп ма вәӆэм.
Асем ӆупты ясаӈ хәӆӆэм,
Йис вәлупсы уша верӆэм.
Па йис верэв яма вәӆэм,
Си вәӆупсэв ин ма ишакӆэм.
Тынаӈ ясӈат муӈев няхӆат,
Воньсюмутн самем хәтӆаӆ.
Вут мув хуся ӆыӆ шив этӆ,
Нефтьсэм няхман нухӆы вантаӆ,
Самем Хатӆа вуся китаӆ.
Мувев тась ин сэма питаӆ.
Иса марн хәтӆас тут.
Катра йисн хәтӆас тут,
Антәм шимаӆ йәраӆ йәраӆ тутэв,
Ин вәлупсы – сяваӈ тутәв.

ХАНТЫ

Ханты хə лупаӆ: русь хоят ханты,
Вухаль ёх иси муӈева хантэт,
Юрн хə пеӆа муӈ лупӆув ханты…
Ханты ёх ясаӈан иса мир хантэт.
Сорнеӈ па мосты ханты сир ясаӈ,
Сама па мəстум хурамаӈ ясаӈ.
Питарн вəӆты хə эваӆт хəӆӆэн,
Хэн куш ӆув айӆта си хэйн лупӆа.
Шаӈкап сюхаӆ тут суӆтум рываӆ,
Сорнеӈ нохар сэмат этӆат.
Увты ант питӆув ӆэваса – нартам,
Амтуп ар тайӆув, ёхиет, интам.
Ӆув си хэтӆал най тут иты,
Иса мира мосты ханты.
Нəмман тае хурам нэмиев,
Ханты – иса мувтэӆ мирыев.

ТАРУМ ВОТАС ПУРАЙН

Тухӆаӈхопн паста манӆум:
Нумас иты сора пəрӆаӆ.
Тəп аршак хатӆ тəрум атум,
Мəшаӈ хоят иты ӆаӆтаӆ.
Ин нартама хатӆат манӆат.
Вера айӆта ӆыв си хатӆат.
Куш шəмлаӈьюх наӈ вера,
Хуты йисн хантэт версат.
Хатӆат айӆта манлат шеӈк –
Ёвӆум йəшн манты шəк.
Вуӆэӈ əхаӆ, тухӆаӈхоп
Имурт антəм, ӆупӆа, шоп.
Тəрум вевтам – əхаӆа ӆэӆа,
Йис ки вевӆы кирум вуӆы,
Курн муй па ӆухн мана.
Тəп вотас артан
Ханты аӆ ӆоӆь йитахийн.
Сит йина марэм,
Хэн пантэн ермал йитахия…

МИН КАТ ХОЯТ

Интам наӈат вəятмемн,
Самен хасяс ма нумсэмн.
Тəп ма паӆӆум наӈен нюрты.
Муя паӆӆум ситы верты…?
Вəнши нохар ай самием
Сыры кинься шеӈк сурыиӆ:
Вəӆэм: нəман нохраӈ нуват
Вотӆы ант си ёваӆӆаит.
Сирн иси, мосты эви,
Наӈ ӆыӆ рувен юхтас тыв си.
Хумасвəӆан самем хэтӆас?
Кат хоятн мин ӆоӆьӆуман.

«Мин» – ям ясаӈ мин тайӆуман.
Ӆув кат ханты ясаӈ вуӆ,
Кат вәӆупсы яха тәӆ.
Мосты тынаӈ ям эвие,
Сякраӈ әптуп ям пухие,
Мин иси вәӆупсэман
Яха ин, сар, верумӆэман.

УВАС МУВЕМ

Иси сирн сумат юхат
Вусты лыптаӈ аня ухшам
Па товийн пунӆат йиӆпа –
Верат йиӆат нумсаӈ уха.
Па иситы ханнэхоя
Тови артн сём йиӆ, вәе.
Асн манӆум сус пурайн –
Тови вантӆум ма рувайн.
Мувев илпи сыиӈ ӆыӆ рув.
Муӈ мувеван иса тови,
Елӆы манты пелка овев
Әмасьӆаӆэм Асэм пуӈаӆ.
Рува хонаӈ хәӆьюх ухат
Йинтуп иты вота хойӆат.
Йис сирэӆн вәнтат ӆоӆьӆат.
Сусн хоюм сумат лыптат –
Антәм ӆуӈ мар таюм ныпат.
Йиӈкан яӈхты арсыр хуӆат
Манты пантэӆ ант си хуӆаӆ.

КУРАӇВОЙ

Хошум хатӆ.Сус пурайн
Вәюм юхан пәхар пайн
Роман этмас кураӈвой.
Карась вән па оӈтаӈ ӆув.
Еша шәшас, ӆоӆяс па сив
Юхаӈ мувн кариман.
Ӆув әхтэӆн хатӆ ӆарийс,
Хәтӆас, вурхас иса тыв.
Карась кураӈ, таксар ӆув.
Сыя хәӆтмаӆ хәӆантуп.
Ара ӆоӆьтэӆ оӈат нуват.
Елта вурхаӆ вотум сухаӆ.
Ёш-кур, вантты, нувет еша.
Нёпаӈ воят этӆат йәша.
Кашиӈ сусн йиӆат тыв.
Пактаӈ сирн яӈхӆат ӆыв.
Пәхар ӆыӆаӈ иса, хән
Ма елпеман сярпи вән.
Елӆы манты пантаӆ хув.
Интам ӆоӆяс атэӆт ӆув.

СУС

Сусн тәрум атма йиӆ.
Хатӆӆуӈта ерта йиӆ.
Еша вәлман ӆоньсь рав питӆ,
Вана йиӆ па интам хатӆ.
Ӆаӈки канштыванкут хасяс,
Сорнеӈ лыпат хувн питас,
Нымаӆ пушкан, сэӆя вуӆы,
Сывкеӆ, суӆкел ёша вуӆы.
Сус – сит муӈев мосты арт,
Ханты вәнта манты пура,
Ӆаӈки канштыампаӈ арт,
Лук сэсыйн веӆты пура.
Хопн вутӆы хантэт манӆат,
Наӈкат, сумтат сивеӆт вантӆат.
Манты хантэт ар сый сасьӆ.
Хур тумпийн ӆәп сый сасьӆ.
Ӆоньсь питтыйн вуты манӆат,
Ӆук па ӆаӈки хантэт веӆӆат,
Юхат эваӆт ӆаӈкет питӆат,
Вантаты, сорниет – сорниет сит.
Муӈев сит мосӆ таӆ сусэв вера.
Хатӆ мар яӈхаӆ ампиен вера.

ТАК МОЛУПСИ

(ПОЭМА)

I

Так Молупси паста манаӆ.
Хойн вантса муй ант вантса,
Иса мирн вәсы нэмаӆ!
Вурак ёхн вера паӆса.
Симась ханты вәс шеӈк хуван.
Иса хантэт ясаӈ сиран
Ёшӈаӆ лупла, сар ӆампайӈан,
Муйпа мосӆ, сит верӆаӈан.
Тәрум Аси симась хәя
Мас, муӈ вәӆэв йэр па нумас –
Сяӆта йәраӆ, сяӆта сёмаӆ,
Наӈ па нәме, наӈ па вәе.
Таӆта путрэм оӆӈаӆ вуӆэм,
Сяӆта ясӈем еӆӆы тәӆэм.
Мойпар ики сёмаӈ, куншаӈ,
Ант шалитса, ант си паӆса.
Хута ёхум, хута вәюм,
Екрат, калат хуся вәӆум,
Вәнтвой веӆпас, йиӈкхуӆ веӆпас
Так Молупси тәса верас.
Хошум тэван ям хатӆые.
Омсум сэсы, омсум веӆпас
Лук ант тайӆ, вой ант тайӆ!
Так Молупси шаӈкап нёхмас:
«Хой тыв пунум ма сэсэма

Ӆыюм полтьюх, хәӆэӈ юх шәп?
Муйсар куӆем, муйсар уксюм?
Ат, сар, хойӆял ма сэмема!
Мосаӈ, тата мойпар икем –
Питы паӆаӈ ӆампа вой.
Тәнялтэӆн ӆув шеӈк нураӈ,
Хуӆна, хасьпа, нумсаӆ юраӈ».
Елӆы ситы ики манаӆ.
Вевӆы ёхн наӈ тәп йәраӈ,
Ситэн пата вуӆэм нурэн!
Ант тәп хуӆас си хә ясӈаӆ…
Юхат ворсаӈ, мараӈ сый –
Есялт этмас мойпар тыв.
Суӆтум иты ӆык сэм тахман –
Си пуӈаӆн сята воӆмаӆ.
Ёхум харн тывас ӆаӆь –
Мойпар хәса шума ӆоӆь.
Ики пупи катӆа катӆ.
Нәмаӆта илӆы вантӆ хатӆ.
Ёхум харн хыш пуӆыйӆ –
Ханты, пупи нух питыйӆ.
Лыкаӈ вәнтвой тутаӈ хәсӆ.
Сотуп эваӆт кеши мосӆ.
Кәм па антәм, пись па антәм.
Ёшен эсӆа – сурмен тата.
Нәмаӆта хатӆэв сивеӆт вантас –
Йәрӆан икем вәнтвой, ханты.
Ёш эсӆумса кеши пата –
Паӆтап няшат венша хойсат.
Кеши эваӆт рывӆат тутат.
Аньсар сихраӈ, мараӈ сыит.
Ёхмат, вәймат, екрат кутн
Хеньсюм вән сый сасяс вутн…
Нәман каӆӆат вурты паӆӈат,
Мув харийн каӆы пантат.
Ёшаӆ таӆаӈ, кураӆ таӆаӈ,
Таюм молупсел иси таӆаӈ.
Ӆаӈкраӈ, таксар, нумсаӆ хув,
Паста шәшман манаӆ ӆув…
Так Молупси, Так Молупси, –
Юхатмаӆ артн хантэт лупсат.
Интам вәнта си нэм воӆ –
Нумсаӈ, таксар ханты хә.

II

Єэй пан – Ас пан хонаӈ хуся
Юхтум хантэт верӆат вуся.
Ас йиӈк вантты – шаӈкап сёрас.
Вән вош эваӆт юхтас сюрас.
Мосаӈ, манэм нын лупӆаты
«Муй наӈ хои, ясаӈ верӆан.
Наӈ хән сюрас хәнтты вантсэн?
Антәм сята наӈ ант вәсан».
Симась хоя лупӆум ма:

Ант ки мəстал, муя па
Ханты ясӈат, ханты путрат,
Сасьӆат мува – тəрума.
Си вер пата ханшӆум ма
Митра – путрат, əмась арат,
Хəнтты йилӆпа верӆум па
Араӈ – моньсяӈ əмась карат.
Пан вур сора ӆыӆаӈӆас,
Па арсыр мир сив акумсат.
Хуван сасьӆ сыиӈ нях,
Елта хəтӆаӆ хурам як.
Сюрас ики вуна тэваӆ –
Кашаӈ ханты ӆувеӆ эваӆ.
Сорнеӈ эӆпуп лылаӈ хуӆат
Тынӆы тынан си ёх маӆат.
Антəм тата сюрас атəӆт,
Ӆув пиӆаӆа лаӈкар ёхӆаӆ,
Ӆыв тахантты хантэт вохӆат,
Так Молупси ант тэп вəӆэӆ.
Пан вур хар шеӈк тохарӆа –
Мир кутэӆан тахантӆат.
Тəх хə нумпи, па хə иӆпи.
Сит антəм усьхуль, антəм юнтуп –
Мир ӆыкмаӆты верум верат.
Так Молупси ушаӈ, нумсуп –
Артаӆаӆӆэ вор ёх йəрат…
Роман ӆоӆяс, карась, таксар,
Тəп ӆув веншаӆ еша куншум:
Хойтан пакаӆ, ювa тыв, сар,
Кəсӆан – сёмӆан ма ин вантӆум.
Сюрас ӆоӆяс иси сёмаӈ:
«Симурт ки наӈ йəраӈ – сяваӈ,
Муя веншен – куншаӈ пос,
Хуӆ ки масн – нух ин вəс».
Ӆыкмум хəев сивеӆт керӆас
Па имухты юхӆы нёхмас:
«Ма сит паксум мойпар пиӆа,
Ант си питсум мува иӆы.
Наӈ па муя вəӆӆан юӆан,
Тася тувум нюхи, юхаӆ
Мирэв эваӆт иса шепӆан,
Ханты тура лыс наӈ пунӆан?»
Сялта кат хə напатсаӈан,
Хаш вур – вəнт вур пайӆы тəӆӈан –
Ӆəмтуп – молупси хараӈ сый,
Нух аӆумса пан хар сэй.
Так Молупси йəрал пакаӆ,
Тывеӆт – тухеӆт лув ин тахаӆ
Йəр каншумум сюрас ики,
Си куш этӆ си хə ӆыкал.
Вəнтвой кинься таксар хəйн
Порах эӆты ёваӆмасы.
Си вер хəӆас вəнт па вəюм.
Тəрум харн шиваӆасы.

Ма сиреман кат мир ӆаӆь –
Тасиӈ ёх па нуша мир.
Так Молупси така ӆоӆь,
Мираӆ иты шеӈк ӆув йәр.
Сяӆта кимат куншемуман
Еӆӆы ракнас сюрас милаӆ.
Юхан йиӈка – сопек пелкаӆ.
Хопа ӆув ин тэрмат хунтаӆ:
«Вәӆтэв пуӆяӈ талумтак
Манлув сора, си веӆӆаюв.
Йина си нэш молупсеӆ так,
Ёшӈаӆ шаӈкап пасты ӆаюм…

III

Ас хумпатны хоп ховыйӆ.
Нумсаӈ ханты ям ариеӆ.
Хур турпийн па сасийӆ.
Сорнеӈ хуӆ шанш тум вуӆийӆ.
Увас муван нуви атан
Лаваӈ тут сэм – сорнеӈ хәсн
Мувал йиӈкаӆ тәрум вантаӆ
– Хуты хоӆӆан, хуты вәсн.
Нумсат хуся, нэпек лысн,
Моньсят, путрат, арат эваӆт
Муӈев каӆӆат хантэт йисн.
Ма сит лупӆум, нумсэм эваӆ.
Интам вәӆупсэв верты пата
Антәм йи хә нётас тата.
Арсыр нэмат хәӆӆув муӈ ин,
Антәм атэлт Пиеттомин.
Так Молупси – вантэ тум ин –
Мосаӈ, иси Пиеттомин.
«Йиӈквой Порха» муван яӈхаӆ –
Пиеттомин» мосаӈ, яӈхаӆ.
Си ёх молупсет шаӈкап ӆахрат
Мувеӆ ӆавӆум артыеӆан –
Тыиӈ пастэт нёӆӆаӆ йәхӆат
Вурак хойты пураеӆан.
Мосум пирась Сюрас Вәнтар
Манэм лупас, матты ӆув
Так Молупси вантмал хәнтты.
Си хә нәмаӆ ин па мув.
Касум мирэв лупӆат интам,
Так Молупси иси вантум.
Вантсэв, – нэмаӆ, – нэмаӆ, шоп,
Ванька нэмуп Юранхоп.
Лапи лампа ёхум харат.
Сюрсаӈ, суртаӈ вуӆы пактат.
Пешаӈ – суртаӈ вуӆы пактат.
Әхӆаӈ анас шеӈк хув карат.
Айлат ханты пастух ёх,
Тась ӆаваӆты нумсаӈ ёх
Йиӆуп вера иса хәӆӆат.
Катра йис вер ин па нәмӆат.
Мин сирәман ӆыв кутэӆан

Ин па сята, мосаӈ, вəлӆ
Так Молупси энмум хыӆəӆ,
Лупты ясӈем ӆув ин хəӆ.

IV

Ӆыкем этаӆ симась нэхə пеӆа.
Хойтат иса муйпа хəӆӆат,
Иса муй муӈ мирэв вераӆ:
Ханты мувев ям моньсь-арат –
Сит ӆывеӆа иса атум,
Ӆыв лук сэман сивеӆт вантӆат…
Вəн нэпекаӈ айлат ханты.
Ӆыкем этӆ сивеӆт вантты.
Ханты ясӈаӆ юрэмумаӆ.
– Тəрум верат ханша! – лупаӆ,
Ханты монсен, араӈ ясӈен
Мосӆ юрəматы наӈен.
Ма имухты лупӆум ӆувел:
Тəрум хары,
вышка,
вуӆэт
Араӈ-моньсяӈ ясӈем мухты
Ям нумасн вантӆат нухӆы.
Ясӈаӆ пеӆа атмась вантты.
Мираӆ пеӆа ӆыкаӈ ханты.
Хой ант ӆаӈхаӆ ясӈаӆ хəӆты.
Ӆув «лук сэман» хасьӆ вəӆты.
Сивеӆт ма сит кашем антəм.
Муймурт турас куш ат тəӆ.
Па ма верэм
нəмӆэм,
вəӆэм,
Па йəр ясӈем еӆӆы тəӆэм.
Увас муван арсыр хантэт
Ар хурасуп вəс ӆыв ясӈеӆ:
Тум сəрханӆ мирэв, вантэ,
Тəх муӈ ясӈев анта па хəӆӆəӆ,
Сята си ёх путартӆат.
Мосум хантэт хəӆантӆат –
Си мир ясаӈ ӆыв ант вəӆəӆ,
Ин па си вер муӈ ин хəӆӆэв.
Хəнтты катра Увас хантэт
Арсыр ясаӈ ара таӆас,
Хуты вəнтвой маншас тахты,
Ар оӆ ситы мирэв вəӆас.
…Ханты ясӈат яха ӆуӈӆат,
Ин ӆыв ёшӆаӆ вəться катӆӆат,
Ант па манӆат вера катна
Иса мира хəӆты пата.
Ӆуӈлат яха йи семьяя,
Яма вəӆӆат апалыя-яя.
Иса мирэв ӆəхсат интам.
Хуты Касум – ханты юхан
Вəн Ас йиӈка паста хəхаӆ.

Манэм мосӆан, йəр ясӈием –
Мосман тайты вəн нумсыем.

V

Касум ханты ар мирэма
Ям муй атум вəлты интам?
Хэн па сив ки
юхаттэм,
йитэм,
Вуся верӆат ма пиӆэма.
Лыв рət ясӈеӆ, путрэӆ.
Кашиӈ хатӆ рəпатаеӆ,
Молупсия, вея тайӆэл.
Ма ин сята моиӈхə.
Арсыр əмась паӆэм хəӆ.
Ар па путар, моньсь па вəӆ.
Вуӆэӈ тасьн вошев тəӆ.
Паӆаӈ тəрум лап ант хатӆ.
Вуӆы тайты мирэм пата
Интам вера хətӆас тата
Тəрум хосаӈ емаӈхатӆ.

VI

Йиӆуп, йəраӈ хəсмит векан,
Ракета яӈхты пасты векан
Нёрум мувн вуӆы тасят,
Иси тата вəӆты хасьӆат.
Вуӆы тайты айӆат ёх,
Тушӆаӆ нуви пирась икет
Йəрэӆ, нумсэӆ иса икем,
Ёшеӆ апраӈ, куреӆ апраӈ,
Хэн мосматӆ, манӆат нухӆы
Тəрум хəсат, тыӆясь пеӆа.
Нəптаӆ пирась ӆэӆ Микоӆа
Ай ёх иты нумсаӆ тухӆаӈ:
Турэм вевӆы йис куш интам.
Антэм арэм ясӈаӆ вевтам.
Нын ин хəӆты арэм кулы –
Касман манты курмаӈ вуӆы:
«Нёрум, нёрум икилэн,
Нёрум ханты икилэн,
Си ариияӆӆум, си лупиияӆӆум.
Нын па хəӆантаты,
Нын па арияты.
Йи шəпаӆн вəӆмеман,
Имуӆтыян вəӆмеман
Хэйӈ хон хə вэн лямка
Хаш вур есяӆт оритмем.
Сяӆта миран нётмем ма,
Йəран, сёман миймем па.
Пешаӈ ки вет вуӆы,
Суртаӈ ки хэт вуӆы
Ситы хоӆумтыяӆмем.
Ситы энмаӆтыяӆмем,

Хулта, хулта эсалтэм.
Хулта, хулта тэтэм?
Сэрум юхан тыйлама.
Сэрум юхан кутлама,
Сив тувиялмем.
Сив эслыялмем.
Пасты курмаң сотаң тась
Сялта хохалмиялмел,
Пасты хохлаң сюрсаң тась
Сялта хохалмиялмел.
Сит, я, сит, я, муй тась.
Сит, я, сит, я муй вуш!
Ӆоньсяң хатл ки верал,
Йи хаталан пуртатат.
Ертаң хатл ки верал.
Йи хаталан люхаттат.
Тася ант си нэмлэм.
Вот алумты пуны пай
Мув хар лакка вотлаит,
Шаңкап ара тэлыит,
Сора ара пуллаит…
Картаң няруп вэн ларась,
Картаң кусап вэн ларась
Совхоз вухн пунля ин,
Яха мирн тайля ин.
Нёрум муван сюрсаң тась,
Пешаң-суртаң сотаң тась
Саран, ханты мирэван
Хэн мосматл, кирлаит.
Нюпаллув ям молупси
Араттэвн тайлув муң.
Сит, я сит, я вушев си,
Сит, я сит, я тасев си»
Наң, сар, пака ешак хэем,
Па ёх ясаң, ар па вэс, –
Турас верас Карась Петар,
Иси пирась, тэп лув карась.
Еллы тэл лув симась путар:
Вэлум артэм анта парас –
Айлат хэя вэлум артэм
Наңен лупал ма ин арэм:
«Карась Петар ма, ма,
Рештывэн пух ма, ма.
Совхоз мирэм кирилум
Вурты хопты икилам.
Келлал такат, нюрлал такат.
Вотас ёвлум йэшем хуват,
Ӆоньсят питум пантэм хуват
Сора, сора ма тэтлятэм.
Ин Вур ёхум кэртэм эвалт
Сортаң ай вош харияХатля навралтыялтэм,
Хатля тэтлииялтэм.
Сора, сора яңхилатэм,

Йиӈкхулы тасяӈ әхалӷ,
Вәнтвои тәӆаӈ әхалӷ
Ма си тәтӆииялмем.
Вурты вой сух пунум хыр,
Питы вой сух пунум хыр
Пушеӈ әхалӷ пушеман
Ныk си тәтӆииялмем,
Ныk ма навралтыялмем.
Мирлапка вән икиламан
Ударнека лупсаюм,
Ударнека нэматсаюм.
Хатл ханшаӈ вән ухшам,
Ханшаӈ сяшкан ар метра
Йина ләтыиялмем,
Йина холумтыялмем.
Юхӆы манмем пурайны ма
Ленин олаӈ арием сув
Кулыя си манал,
Вулы мар кутн хәӆӆа ӆув.
Карась Петар ма, ма.
Хәиӈ русь хә ӆәхсэма
Пәмасипа си лупсум.
Ситэм пата ариӷум.
Хуты, сит па пирась икет,
Вулэт, вулэт, иса вулэт! –
Ӆыкал юхтас ӆэӆ Микола:
Мосаӈ вулэт эвалт елӆы
Йәшев хәсат, тыӷась пеӷа.
Хән ки манӷан, айӷат ханты,
Нухӆы хува этар вантты,
Хоят хая тасев пиӷа.
Тәрум хары – ханшаӈ тахты
Нуви хәсат вантӷат илӆы.
Паста манты вулы иты,
Ма ин нумсэм манӷ ситы:
Манэм мосты Увас мувем –
Сэмаӈ лантаӈ вән ёхмием.
Си вән ёхмем мосман тайӷэм.
Ӆув сит шаӈкап самаӷ хәтӷаӷ.
Ӆыӷаӈ каӷы сята яӈхаӷ.
Сит ма вәлэм,
сит ма вантсэм.
Мира амтуп – вут мув ёхмем.
Вера каӷты хатӷ ёшат –
Мува йиты нёлаӈ йәшат,
Ёхум вәнши мув сам лэрат
– Самӷув ӆыпи каӷы йәрат,
Ӆыв си ёхмев ӆыӆӈа верӷат.
Си унтасн вәнтвой ӆыӆӈат.
Хуты вәӆӆат ёхум вәншет,
Вән мувева нётӷат хантэт.
Молупсийн мувев шаӈкап,
Вәнши нув-хураман ханшса.
Увас мувем молупси так.

Так Молупси питас нумаса.
Па ат сора манӆ елӆы
Тайты ясӈем пасты хәхаӆ.
Аӆ йиӆ сора ясӈем вевӆы.
Арэм тата аӆ тәп хуӆаӆ.
Манэм сасьӆ вәнт мув ар сув.
Манэм хәӆты әмась ӆув.
Хәӆӆа си ар ар тахийн,
Юхан хурн, хур тумпийн.
Хәӆӆа ӆув ин моньсты хәйн,
Ёхмаӈ мувн, тухӆаӈвойн.
Так Молупси! Йиӈк вой порха!
Си ям аран ясӈат хәӆӆа.
Мув арийӆ си оӆаӈан,
Хуты яма вәӆӆув муӈ ин,
Хуты вәлупсэв интам нуви.
Ар сув сасьӆ елта хуван.
Ӆув си манӆ вера паста
Атум верат хайты пата.
Сит шукатӆ вера шеӈк, –
Хуты ӆыюм юхат еӈк.
Ин нумсэман матты ма
Шаӈкап этмем вурама…

СЕРЫС НАЙ

Живут – поживают муж с женой, растят одного сына. Однажды мальчик лег спать и видит сон: стоит мужчина с черным лицом и говорит: «Скоро тебя мать с отцом в женихи будут сватать. Ты отказывайся, ничего не говори. Потом встань и выйди на улицу. Выйдешь на улицу, иди в заднюю сторону дома и пойди по дороге…».

Как только так сказал человек с черным лицом, так и исчез, и мальчик проснулся.

Наступило утро. И вот отец начал говорить:

– Сыночек ты стал взрослым, к нам приходит старость. Наступила пора привести тебе в дом жену.

Отец называет одно имя, другое, еще и еще, а сын не отвечает. Отец начал сердиться. А сын так молча и сидит. Отец так устал и говорит жене:

– Твой сын ты его и уговаривай, я совсем изнемог.

Мать уговаривала – уговаривала, кого только ни предлагала, сын по прежнему молча сидит, потом тихонько встал и пошел по дороге за заднюю сторону дома.

По той дороге идет, идет и вдруг видит, лежит большой камень. Когда близко подошел, вышел из-за камня живой человек и говорит:

– Меня возьми с собой.

– Иди, вместе будет веселее, мне нужен друг. Садись в нарту.

– Нет, я в нарту не сяду, за тобой пойду.

Погнал побыстрее лошадь. Чем быстрее едет, оглянется назад, а человек медленно шагает.

Долго или коротко шагали, видят, стоит высокая лиственница. Около лиственницы стоит высокий человек. Чем ближе подходят, тем меньше становится. Когда они близко подошли, то стоящий говорит:

– Возьмите меня с собой.

– Идем, мне будет хорошо, садись в нарту.

– Нет, я в нарту не сяду, за нартой пешком пойду.

Поехал дальше. Назад оглянется, видит, а спутники медленно шагают.

Шли – шли, увидели озеро. У озера стоит человек и говорит:

– Возьмите меня с собой.

– Иди с нами, нам нужен друг.

Он снова погнал лошадь побыстрее. Смотрит назад, а попутчики-мужчины медленно идут.

Шли – шли, долго шли, и вдруг показался большой город. Три его путника говорят: «Вот в этом городе живет Бог моря, ты его дочь попроси в жены».

Пошел герой к Богу моря. Бог моря читает большую бумагу: глаза вниз ведет, глаза вверх ведет, вдруг говорит:

– В той стороне живущего божества сын, в том краю живущего стойбища сын, что несущее тебя принесло, что ведущее тебя принесло.

– Вот расту, вот живу, и как-то так и хожу.

Потом сказал:

– У тебя есть дочь, в невесты я ее сватать пришел.

– Дорогой мой, кто сватался, сотнями лежат в сырой земле. Они все желали жениться на моей дочери, но мои хитрости не прошли, ты уверен, что пройдешь мои хитрости. У меня есть одна хитрость: за городом стоят поленницы дров. Садись в середину поленницы, потом эти дрова сожгут огнем. Пока дрова не сгорят от огня и не останутся угли, ты там сиди, потом только встань. Вот он вышел от Бога моря и со слезами отправился к друзьям. Когда пришел, то его спрашивают:

– Что с тобой случилось, почему плачешь?

– Как мне не плакать, мне дали задание, сесть в середину поленницы, потом дрова подожгут огнем, пока дрова горят, мне нужно там просидеть.

– Это мелкая хитрость. Отдай нам свою одежду – говорит человек, который стоял около лиственницы, – ты одень мою, переоденемся.

Пошли за город. Действительно, стоят поленницы дров. Переодевшийся сел туда, дрова подожгли огнем. Бог моря и люди смотрят.

Дрова сгорели от огня, остались угли. Из-за углей вдруг выскочил человек, и дальше пошел. Пришли в дом, переоделись обратно в свою одежду, и пошел герой к Богу моря.

– Да, но у меня есть еще одна хитрость. За городом лежит большой камень. Этот камень подбрось рукой и подхвати на лету. И положи на землю.

Пошел снова герой к друзьям в горести и слезах. Эту хитрость выполнять пошел человек, который вышел из-за камня, выполнил.

Потом снова пошел к Богу моря.

– Вот осталась еще одна хитрость, надо исполнить, потом получишь мою дочь в жены. За городом есть озеро, в озере водится нечто, съедающее человека. Ты должен переплыть через озеро без одежды. В слезах вновь отправился герой к друзьям. В этот раз ему помог человек, который стоял около озера.

Куда деваться Богу моря, пришлось отдать свою дочь в жены молодому человеку. Перед тем как отдать он сказал:

– Ты тоже с хитростями, ты умеешь хитрить. Эти хитрости никто не мог разгадать, все умерли, только тебя не смог перехитрить, сил не хватило.

Увез молодой человек дочь Бога морского к себе на родину. Богатую свадьбу устроили, и этим богатством до сих пор живут.

(Перевод Л.В. Молдановой)

БЕДНАЯ СТАРУШКА И ЁХЫМ ПАЙ ХО

Жили-были бедная старушка и Ёхым пай хо. Ёхым пай хо еще совсем маленький был. Рос он очень быстро, вскоре начал бегать по полу, а потом и на улице начал играть. Прошло еще немного времени и мальчик начал бегать неподалеку от дома. Однажды старушка ему так говорит:

– Ёхым пай хо, ты бегай только перед домом, а за домом не бегай!

Играет Ёхым пай хо на улице, пришла к нему мысль побегать за домом. Видит: за домом гора, а под горой река течет. На реке стоит запор. Подошел ближе. Смотрит, на снегу огромные человечьи следы. Совсем близко к запору подошел и решил проверить рыболовную ловушку. Вытащил морду, попались налимы. Вывалил на лед, а морду обратно поставил. Налимов домой понес. Дома старушке показывает и говорит:

– Ты меня не пускаешь ходить за дом, а я много рыбы принес. Теперь у нас есть еда, а то вчера без продуктов жили. Старушка ему отвечает:

– Твои дед и папа тоже ходили так же смотреть рыболовные морды. Только их проглотил хозяин рыболовной морды.

– Они были глупыми и поэтому их проглотил Менк ики, – ответил Ёхым пай хо.

В эту ночь Ёхым пай хо совсем не спал. Проснулся, взял маленькие нарточки и пошел к реке. Оказывается, Менк проверяет морду рыболовную, сел на маленькие нарточки и скатился с горки. Прокатился на другой берег реки и потом прикатил к Менку. Менк сердитый, но ему было интересно, как Ёхым пай хо прокатился на нарточке с берега на берег по реке. Ёхым пай хо начал разговор:

– Здравствуй! Менк ики!

– Здравствуй! Ёхым пай хо!

Менк ики немного постоял, а потом говорит:

– Твой дедушка и отец, когда проверяли рыболовную ловушку, то отверстие закрывали, а ты открытым оставил. Как по твоему, мне что, рыбы не надо.

Ёхым пай хо отвечает:

– Я еще маленький, и не знал, что нужно отверстие закрывать.

После этого разговора Ёхым пай хо пригласил Менка покататься на нарточке. Взобрались на горку и Ёхым пай хо начал давать советы:

– Будем кататься по очереди.

Сперва Менка попросил прокатиться. Сел на маленькую нарточку Менк и увидел свое отражение. Начал хорошенько разглядывать, оглядывается туда сюда, В это время Ёхым пай хо повернул маленькие нарточки прямо на пень. Покатились нарточки на пень, ударился о пень Менк ики и умер.

Ёхым пай хо сказал:

– Людоед съел моего отца и дедушку, а меня съесть сил не хватило. Рыболовная морда моей стала.

Спустился с горки на речку и пошел по следу Менка. Смотрит, стоит высокий дом, высотой с лиственницы. Подошел поближе, открыл двери, в доме сидит жена Менка.

– Я думала, что мой муж пришел, – сказала она, – оказывается, пришел Ёхым пай хо.

А Ёхым пай хо говорит:

– Своего мужа ты больше не увидишь.

– Почему не увижу?

– Потому что я убил его.

– Зачем его убил? – спросила в слезах его жена Менка.

– Я его убил, потому что он съел моего отца и дедушку, и тебя убью.

Ёхым пай хо так же убил жену Менка.

После этого начал осматривать дом, нашел лисьи, собольи шкуры. Собрал и в нарты сложил, всех оленей забрал себе. А дом сжег огнем и сказал: «Когда наступит время божественное, Менков, которые съедают людей, пусть больше не будет».

Все, что взял себе, с этим и пришел к старушке.

– Посмотри, сколько принес тебе богатства, а ты меня далеко не отпускала. Нам хватит до конца дней.

Бедная старушка и Ёхым пай хо прожили всю зиму. Наступила весна, старушка говорит:

– Надо кочевать в другое место. В этом бору нет ягеля, земля истоптана, дичи нет.

Ёхым пай хо согласился, и они кочевали на другое место. Поставили чум на другом месте. На другой день Ёхым пай хо говорит бедной старушке:

– Знаешь, сегодня к нам приедут гости.

– Я об этом ничего не знаю.

– Сейчас я положу в нарточки лисью и соболью шкурку, запрягу собаку и увезу в лес.

Ёхым пай хо отвел собаку в лес и говорит:

– Когда приедут гости, я буду говорить о тебе, когда я в третий раз буду говорить, ты домой заходи, а если не будешь слушаться, то я тебя убью.

Приехали гости, Ёхым пай хо начал разговор: «Когда мой сын из лесу домой вернется?».

– На улице темно, заблудится, – сказала старушка.

Ёхым пай хо в третий раз говорит: «Когда мой сын из лесу вернется?» В дверях чума слышится шорох.

Ёхым пай хо повернулся к старушке и говорит:

– Открывай двери чума.

Действительно, собака с нарточкой зашла домой. Гости думают, правда, сын ходил в лес, а здесь собака. Нарту разобрали. Гости не верят своим глазам. На нарте лисицы, соболя и там же котел. Ёхым пай хо, обманывая гостей, говорит собаке:

– Хороший сынок, хорошо сегодня охотился, день напрасно не прошел.

Гости на улицу вышли и удивляются, разговаривают между собой: «Хорошая собака, надо бы выкупить». Вернулись в дом и начали выпрашивать собаку. Ёхым пай хо говорит:

– Как мы без собаки, мы умрем с голоду.

Долго думал, но потом согласился продать собаку, но попросил 5 быков.

Обрадовались гости, купили собаку. Перед тем как отдать собаку, Ёхым пай хо горит:

– Вы собаку кормите жирным мясом и обской рыбой. Только тогда она будет искать зверя.

Ёхым пай хо знал, гости еще раз приедут к нему, говорит старушке: «Гости к нам еще раз приедут. Сейчас я заколю самого жирного оленя. Желудок вытащу и наполню кровью. А ты его под платье спрячь. Потом я скажу, приготовь покушать. А ты не слушайся. Тогда я в желудок оленя воткну нож. А ты притворись, что ты упала и умерла. Тогда я скажу: «Мой нож оживи старушку». И ты встанешь на ноги».

Приехали гости. Ёхым пай хо так и сделал. Гости вышли на улицу и говорят:

– У него хороший нож. Наши жены такие ленивые. Им говорят приготовить еду, а они не готовят. Надо взять такой нож.

Начали выпрашивать нож у Ёхым пай хо, а он отвечает:

– Без ножа жить не могу.

Но гости начали пуще прежнего просить, им нужен нож. Все-таки Ёхым пай хо согласился, и говорит:

– Нож отдам, но ненадолго, вернете обратно.

Порезали гости своих жен, а потом просят нож, чтоб он оживил их жен, а он не слушается. Так они остались без жен.

Ёхым пай хо знал, они снова придут. Говорит старушке:

– Ты ложись в мою постель, а я в твою.

Утром проснулся, видит, убили старушку. Кто-то ножом убил. Стало известно – это вчерашние гости, это они были здесь. А когда они приходили, он не знал.

Ёхым пай хо погрузил старушку в нарты, помчался в сторону города. Неподалеку оставил, а сам отправился в город. Пришел к царю и говорит:

– Я-то зашел в теплый дом, а за городом у меня старушка.

Дочери царя переговариваются: «Мы за ней сходим».

Когда дочери ушли, он говорит царю: «Забыл им сказать, старушка страшная».

В это время дочери пришли и говорят: «Твоя старушка умерла». Ёхым пай хо начал ругаться, кричать, нападает на царя, хочет его зарубить. Царь испугался и говорит:

– Старушка долго не может жить, возьми мою младшую дочь в жены, только меня не губи.

Тут они договорились.

На следующий день у царя собралось много народу. Глядят, а Ёхым пай хо тут. Говорят они царю:

– Это вор. Из-за него мы убили своих жен. А его старушку мы убили.

И они надумали утопить Ёхым пай хо в проруби. Тогда он оговорит:

– Да, я грешен, топите меня в проруби.

Слуги положили его в мешок и потащили к проруби. Начали на реке рубить лед. А Ёхым пай хо кричит из мешка:

– Вы оставьте меня на ночь. Я здесь просижу, а вы идите домой.

Слуги царя ушли домой.

Вдруг ночью Ёхым пай хо услышал шум нарты идущей. Оказывается, это торговец-купец. Он с товаром едет в город. Ёхым пай хо начал кричать из мешка:

– Ты почему мне мешаешь. Я считаю деньги царя. А сейчас садись вместо меня в мешок и до утра пересчитай деньги. Если этого не сделаешь, то отрублю голову твою.

Купец-торговец открыл мешок. Выпустил Ёхым пай хо, а сам сел в мешок.

– Тут темно, как я буду считать деньги, – кричит из мешка купец торговец.

– А ты немного погоди, я завяжу отверстие в мешке, тогда загорится огонь, – ответил ему Ёхым пай хо.

А лошадей начал обливать водой холодной. Когда они замерзли, он поехал в город. Прибыл в город и говорит царю:

– Я в подводном мире жил. Там мне подарили семь лошадей. Одного коня велели тебе передать, три твоим дочерям, а остальных мне.

С той поры царь и Ёхым пай хо начали жить вместе. Однажды царь говорит:

– Я однако, схожу, пожалуй, в подводный мир.

– Что плохого, хочешь, так сходи! Люди под землей тебе обрадуются, – Ёхым пай хо отвечает.

Царь обрадовался, скорее собрался и бросился в прорубь, там и утонул. Прошло время и дочери начали отца дома ждать и беспокоиться:

– Почему отец так долго ходит?

А Ёхым пай хо им отвечает:

– Подождите немного, скоро вернется. Кто в гости ходит, разве быстро возвращается.

Тут и дочери царя собрались:

– Мы тоже к проруби сходим и посмотрим подводный мир.

Они зашли в прорубь и там замерзли. Так все богатые зашли в прорубь и потонули, а на земле остались простые люди.

Однажды Ёхым пай хо стала спрашивать его жена:

– А когда мои родственники сюда вернуться?

Тогда он ответил:

– У них нет в голове мозгов, умный никогда не залезет в прорубь с ледяной водой. Когда человек задохнется в воде, он больше не живет. Я это хорошо знал, поэтому живой остался. А у кого нет мозгов, тому незачем жить на земле.

(Перевод Л.В. Молдановой)

ЕНОВ ВЛАДИМИР ЕГОРОВИЧ

Енов Владимир Егорович – поэт, сказитель и журналист. Родился 15 мая 1967 года в деревне Карвожи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в семье рыбака-охотника. С детских лет рос и воспитывался у бабушки с дедушкой – знатоков устного поэтического творчества народа ханты.

Окончив Горковскую среднюю школу, трудился рыбаком и плотником Азовского рыбоучастка Горковского рыбозавода Объединения «Ямалрыба». Служил в Группе Советских войск в Германии.

По окончании Томского государственного педагогического института им. 50-летия ВЛКСМ, работал учителем русского языка и литературы (1991–2001), корреспондентом и ведущим диктором национальных телепередач творческого объединения «Очаг» ГТРК «Югория» в Ханты-Мансийске (2001–2003), начиная с 2003 года и по настоящее время – корреспондент Объединённой редакции национальных газет «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос».

Пишет на хантыйском и русском языках. Дебютировал в газете «Ханты ясанг» (2001). Стихи, сказания и предания печатались на хантыйском языке в газетах «Ханты ясанг» ХМАО (2001–2014), «Лух Авт» ЯНАО (2005–2011), на русском языке в газетах «Новости Югры» (2006), «Финно-Угорской газете» (2008), «Югра Литературная» (2008), «Литературная Россия» (2009), в региональных и российских журналах: «Югра» (2008–2015), «Мир Севера» (2009), «Финно-угория. Этнический комфорт» (2009), «Второй Петербург» (2009, 2010), «Северяне» (2011, 2014) и др.

В январе 2013 года В.Е. Еновым выпущен первый сборник «Сказы рода Правдивых людей», который в марте 2014 года был опубликован в Канаде (г. Торонто). В сентябре 2014 года Тюменское книжное издательство выпустило вторую книгу В.Е. Енова «Подарок менква» на хантыйском и русском языках. Она была опубликована в г. Роли штата Северная Каролина США для русскоязычных читателей, проживающих за рубежом. В 2015 году вышел третий двуязычный сборник сказок для детей среднего и старшего школьного возрастов «Обские сказы» («Ас ёх моньщат»).

В.Е. Енов – член Союза журналистов России с 2007 года, лауреат премии Губернатора ХМАО – Югры в области литературы за 2014 год в номинации «Детская литература».

Живет в Ханты-Мансийске.

АЩИИКЕМ ЯСАНГ

– Потрат щукащ таилылом,
Верат, алпа, нумилылом.
Илэм потар номсан тайлом,
Нанген, хилы, лувел хайлом:

Катра, холна хон пораин,
Хоя-воя ювмем кутан
Суматвоша янгхилысом,
Ям таллыман, рупитысом.

Ипуш таром ищки хатлан
Пилху пилн, кат хоятан,
Етнайн воша ёхтылысман,
Щутщатыя лэщатысман.

Тылащ турман лоилыис,
Матты мунгев ванталыис.
Щи кут юша ангкармисом,
Илан молты шиялысом.

Нюки элты ёнтом тутхот
Юш йир элты алмилысэм,
Овал пелки пуншмилысэм.
Щалта лыпел вантылысэм:

Нюмар тутхот хон охатан
Таланг тэлан понылыём.
Нюки элты вером тутхот
Миркем ох ал таилымал.

Ма пилэман янгхом лухсэм
Щиты манэм потартыис:
«Уйтом охат ил ханята,
Нэмл хоята ал па яста».

Щи щирэман хот лыпия
Мин щи лонгемасман,
Ям талтыя ёхат кутан
Ил щи опсалысман.

Еша уллы ов пушмаса:
Саран ики ёхи лонгас.
Вой вутыя Машпан курта
Катра тэлн лув янгхилыис.

Инпа кур ов ещалт лоис:
Охсох маншты керлас,
Охпат ёшан хатьщас,
Курпат такан пурмас.

Щалта щиты увалтыис:
– Ин па ма щи омаслаём,
Кассна хота щи тулаём,
Хойн ма щата шалитлаём?

Щи кут ма нох лоилысом,
Щиты лувел иньщмемасом:
– Яста-сары, ханмем ики,
Муйсыр тутхот ушталысан?

Саран ики тунга лоис,
Охиел нох алэмаслы,
Манэм сэман валэмаслы,
Тутхот хорас потрэмаслы.

Норы олнга карэмасом,
Уйтом пормас алэмасом
Па лувела мешомтысэм.
Щалта ил щи опсалысом.

Ин вой вуты саран ики,
Аматман, нох навармиис,
Манэм такан апалмиис,
Янг солкова мойломтыис.

Юхат лухса ювильиис,
Арпуш холна ёхтылыис:
Мунг хощаев волыльиис,
Машпан куртан холылыис.

Ма нынана, хилылама,
Ялоп юшан манты ёха,
Ялоп щиран улты ёха
Улопсаем потартылом,

Тамиты щи ясталылом:
Яма, вещката улаты,
Хоят хулы ал нярaты,
Хоят хулы ал вуяты!

ДЕДОВСКИЙ ЗАВЕТ

Я в памяти много событий держу, –
Говаривал дед мой, нас благословляя, –
Один такой случай сейчас расскажу,
И вам, моим внукам, его завещаю.

Свой пояс мужской[36] я давно стал носить,
В те дни, когда царь Николай был на троне.
Мне выпало почту в Берёзов возить
В санях, схоронившись от стужи в попоне.

Вот как-то студёною снежной порой
С напарником в город вечерний добрались,
Коней распрягли и пошли на постой,
К ямщицкой избе вразнобой зашагали.

Серп месяца сверху наш путь освещал,
Вдали улыбаясь приветливо, добро…
Мой взгляд у тропы невзначай увидал
Какой-то темнеющий ком за сугробом.

Комок для забавы ногою поддел –
Тяжёлый кошель заскрипел под ногами, –
Его развязал: – Вот он, счастья удел!
Кошель под завязку набит был деньгами!

Не думал я сам, что мне так подфартит.
Деньжища – ну, впору хозяйство поставить!
Да кто ж обронил их? А может, убит
Хозяин, который кошель здесь оставил?

Напарник, увидев находку мою,
Шепнул: – Враз поделим и станем богаты!
Я тайну твою ото всех утаю,
На деньги шальные – построим палаты!..

Я чуть не поддался советам таким,
Но вспомнил заветы покойного деда:
– Неправдой мы только себе навредим,
А с правдою нас ожидает победа.
Чуть позже, усевшись на нарах в ямской,

[36] Пояс мужской – когда юноша становится совершеннолетним, то он считается мужчиной и имеет право на ношение мужского пояса с ножнами и ножом.

С напарником день обсуждали прошедший.
От печки струились тепло и покой.
Вдруг, стукнув замком, встал у двери вошедший.

Казалось, зайти у него нету сил.
Он взором потухшим обвёл всю ямскую
И голову скорбно на грудь уронил,
Заплакал. А после, в кручине, тоскуя,

Сидевшим в избе рассказал ямщикам,
Что деньги большие, и деньги чужие,
Увы, потерял и виновен в том сам…
Что вскорости ждут его казни лихие.

Я в госте знакомого быстро признал,
Который дела вёл в деревне Машпаны.
О нём говорили, что лихвы не брал,
Был честен с людьми, мех скупал без обмана.

Из сумки дорожной кошель я извлёк,
Знакомому строго промолвил: – Смотри же,
Впредь лучше б чужое богатство стерёг,
Но ведает Бог, я тебя не обижу!

Лишь деньги казённые он сосчитал,
Воскликнул: – Господь тебя да не покинет!
Обняв меня, братом хантыйским назвал,
И стали мы званые братья отныне.

Вам этот рассказ как в наследство даю.
Конечно, обучитесь разным наукам,
Но главную заповедь знайте мою –
Пусть правда живёт в сердце каждого внука.

В беде никогда не бросайте людей,
По жизни своею шагайте тропою.
Впредь будьте честны – и тогда лиходей
Не сможет грозить вам бедой никакою!

г. Ханты-Мансийск,
25 февраля 2010

МАШПАН ИКИ ПОТРАТ

Ма ащиикем, Т.И. Енов,
шунгат уранган

«Матты айкел, алпа, тусан,
Молты потар, алпа, тайлан?»,
– Ащиикем, ванта, няхман,
Нэман манэм иньщаслалы.
Ма па, такан потартыман,
Ёхлы молты ясталыман,
Норы олнга опсалылом.

Шингшъюх элты, норы олнган
Яха мин щи опсалылман,
Верат элты потрэмилман.
Нуптанг ики потрат хуват,
Пираш ики яснгат умщат.
Лылэм ёхи ермилылэм,
Рома омсман, хулантылэм.

Ин па щи вушат ям элты
Хус вет талкем парылыис,
Хус вет лунгкем манылыис.
Ищи кеман торлы нумлэм:
Лув норыйн, утща щунган,
Омастыя ям хорасал,
Потар тутыя хуватал.

Ошинг-щащинг ики потрат
Нох ханштыя ищи рахлат.
Щаха, ванта, катра верат
Хоятатн лунгатлаит,
Мосанг, оша паитлаит.
Мосанг, молтыя верлаит
Машпан ики потрат.

РАССКАЗЫ ЖИТЕЛЯ МАШПАНЫ

Памяти моего деда
Тимофея Ивановича Енова

– «Какую-то новость, видать, разузнал,
Наверно, спешишь поделиться со мною?» –
Так старый мой дед каждый раз вопрошал,
Смеялся хитро и качал головою,
Когда приходил я к нему поутру,
Здоровался и улыбался ответно
Да ближе садился в уютном углу.
Минуты в том доме текли незаметно.

На нарах тесовых, на краешке самом
Вдвоём мы сидели, вели разговор
О веке вчерашнем, о времени старом, –
Дед многое помнил из тех давних пор.
Довольно длинны были деда рассказы,
А речь интересна, жива и мудра.
Как будто не быль, а волшебные сказы!
Я слушать готов был всю ночь до утра!

Ах, дед! Ведь не зря совершенно седа
Твоя голова – ты видал в жизни много.
Событий мгновенья сложились в года,
В них вдоволь как доброго, так и дурного.
Ты даже о нравах имперских времён
Легко говорил, не спеша и толково,
А я все истории – так увлечён! –
Как губка, вбирал до последнего слова.

Уже четверть века с тех пор промелькнула,
Ручьёв, снегопадов, листвы череда.
Но памяти свечи судьба не задула,
Я помню те давние детства года:
Немного чадит на столе керосинка,
Степенный старик на кровати сидит… –
Почти наяву оживает картинка,
И дедушкин голос сквозь время летит!

Хочу записать, чтобы знал мой народ
Рассказы его – из Машпан старожила.
Корнями могуч человеческий род,
И в памяти нашей великая сила!

г. Ханты-Мансийск,

21 августа 2007

ЕРМАКОВА (ТАРЛИНА) ЕЛЕНА НИКИФОРОВНА

Ермакова (Тарлина) Елена Никифоровна родилась в Белоярском районе в поселке Казым в 1975 году. В шестнадцать лет окончила школу и поступила в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена на факультет народов Крайнего Севера (г. Санкт-Петербург). Е.Н. Ермакова мечтала стать художницей, но набор студентов на художественно-графический факультет прекратили, и она поступила на филологический факультет. В Санкт-Петербурге Е.Н. Ермакова начала писать стихи.

Окончила Нижневартовский государственный педагогический институт, филологический факультет. Работала в телерадиокомпании «Югра» ведущей и корреспондентом в программе «Северный дом». В одной из командировок познакомилась со своим будущим мужем. Затем вышла замуж и переехала в город Когалым Сургутского района. Супруг Е.Н. Ермаковой оленевод. Воспитывают четверых детей, живут на родовых угодьях и ведут традиционный образ жизни народа ханты.

Е.Н. Ермакова (Тарлина) публиковалась в еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Мир Севера», окружной газете «Новости Югры».

***

Мои стихи – это не строки
О сладком мире грез.
Мои стихи – это потоки
Невыплаканных слез.

2003

***

Тут родные бродят звуки,
Память в кладовой.
Здесь теперь один хозяин –
Добрый домовой.
Не тушите свет в прихожей,
Не гасите здесь огня.
Нет на всей земле дороже
Места для меня.

2003

АВРОРЕ

Сорвись, звезда, зовущаяся дикой,
Что даже млечный затмевает путь,
И обернись испанкой огнеликой,
И пламенную пляску не забудь.
Сойди, звезда, пленяющая гордых
И женскою душою назовись,
И поднеси кинжал к мужскому горлу,
И на отказ немедленно взорвись.
Зачем тебе холодный блеск могильный,
Мерцание, зовущее вдали?
Ты на земле была бы самой сильной
И поцелуя б ждали короли.

***

Руками не обнять тебя,
Не отогнать беду.
Отчаянье с бессонницей
Не бродят лишь в раю.
Ты – солнце мое ясное,
Навек желанный гость;
Хочу, чтобы ужасное
С тобою не стряслось.

2003

***

Луна растет и убывает,
А жизнь бесследно исчезает.
Никто на свете не узнает,
Куда уходит караван
Минут, часов, недель и лет...
Открою вам один секрет:
Я сон, я пыль.
Я чей-то бред,
Вот я была – меня уж нет.

1997

***

Не храните дым от сигарет,
Опавшую листву сжигайте,
Бумаге чувств не доверяйте
И письма рвите – смысла нет
Хранить останки прошлых лет.

1996

***

Вы тот, кто мне принёс беду,
Мой нежный дьявол черноокий.
Я ныне как изгой живу,
Но вы ведь тоже одиноки.
Вы там сейчас, где рай и свет,
А тут, где я, одни руины.
Я шлю вам горький мой привет
И знайте, вы всегда любимы.

1996

***

Мой любимый, я все знала,
Я все знала наперед.
Мне цыганка предсказала:
«Будет счастье и уйдет».
Говорить тебе не стала,
Ведь судьбу не проведешь.
Я любовь перелистала,
Словно книгу. Ну и что ж?
Я тебя всю жизнь искала,
Да и ты меня искал.
В нашей встрече толку мало:
Я все знала, и ты все знал.

1996

***

Я причину не забыла моей грусти и тоски.
Я сегодня ночь простила за бессонные тиски.
Мирно спит на кресле кошка и мурлыкает во сне.
С нею схожи мы немножко: обе сами по себе.
И вздыхает тяжко город шелестом летящих шин.
Знаю, ты уже не молод, и всю жизнь свою один.
Ты в годах, но ты мне дорог в шуме ветра и дождя,
Мой безумно страстный город, настальгиюшка моя.
На перроне я заплачу, когда буду уезжать.
Я люблю тебя, а значит, буду по тебе скучать.
По твоим хмельным трущобам, по расправленным мостам,
По ползущим в ночь дорогам, обожаемым местам.
Завтра в полдень уезжаю в мой родной таежный край,
Здесь я сердце оставляю, ты его оберегай.
И когда-нибудь, однажды, я к тебе, мой друг, вернусь,
Не единожды, не дважды, миллион раз поклонюсь.
Тем скамеечкам в аллее, паркам, людям, фонарям.
За окном уже светлеет, не до отдыха лишь нам.
Мы с тобою неразлучны, хоть разлука у двора.
До свиданья, друг мой лучший, да хранит нас дух Петра.

1997

***

Ищи меня в удушье улиц,
В чужих глазах меня ищи,
На свалке сумасшедших судеб,
В потемках собственной души.

ПРОРОЧЕСТВО ШАМАНА

Щартанг ики на Агане
Предсказал, что много горя
В будущем его народа,
Что священным и нищим
Станет он, что страшным зельем
Ясноглазый разум ханты
Будет навсегда отравлен.

Что священные обряды
Запретят, и всех шаманов
Как врагов сгноят в застенках.
Что от мала до велика
Речь свою забудут угры.
Что стыдиться станут ханты
Своих песен и нарядов.
А еще старик увидел
Много ран на теле Бога,
Что землёй у тех зовется,
Кто ей боли причиняет.
Грудь сковали всю железом,
Острых копий ей вонзили
Прямо в печень, прямо в сердце.
Кровь ее они качают,
Продают и богатеют.
Словно сетью рыболовной
Проводами скрыто небо.
Нет для ханты больше солнца,
Нет для ханты больше жизни,
Нет для ханты больше места
Ни в тайге, ни в дикой тундре!
Но не только беды видел
Тот шаман, что на Агане
Жил пророкочеловеком.
А еще сказал он людям:
Женщина с земли Казыма
Принесет на свет ребенка
Девочку, что став на ноги,
Свой язык не будет ведать,
Но познав без края горе,
Грязь и стыд, и униженье,
Нищету и боли ханты,
И услышав голос предков
Вспомнит мудрость и наречье,
Соберет народ и скажет:
Эй, сородичи, прозрейте!
Вспомните былое время!
Разве предки наши жили
В подневолье, в раболепстве?
И не славился народ мой
Духом воинским, сноровкой?
А когда война, бывало,
Ты отпор давал достойный,
Где твоя былая храбрость?
Или ханты в тридцать третьем
Так напуганы террором,
Что голов своих поныне
Приподнять они страшатся?
Где твое оружье битвы?
Заржавело на дне моря,
Что из слез твоих наплыло?
Эй, народ, забудь, что было!
Встань с колен, тебе ли плакать?

Унижаясь, побираться.
И возглавит государство,
И вернет народу разум,
И вернет народу землю,
Пищу, богу и свободу
Все вернет она народу.
Так сказал шаман с Агана,
Так ему открыли боги.
Где ты, женщина-легенда
Из ведения шамана?
Где ты? Татья-богатырша!
Из хантыйской деревушки?
Скоро ль явишься ты к людям
Угнетенным и скорбящим?
И народ заявит гордо:
Я хозяин этих пастбищ,
Этих ягельных просторов.
Я властитель своей жизни,
Моя песня вдаль уходит,
Вам за нею не угнаться,
Мои мысли о насущном,
Сам пою свою я песню,
Песнь судьбы народа ханты.
И появятся, как прежде,
У людей стада оленей
И просторные угодья,
Где растет молочный ягель
И янтарная морошка.
В предсказание шамана
Верю я, жива надежда,
Но не только в богатыршу,
Я в народ свой стойкий верю.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

Памяти мэра города Нефтеюганска
В.А. Петухова

Ему приснился жуткий сон,
Что в стае вожаком был он,
Что стали истреблять их род,
И волк решил поднять народ
Пусть на неравную борьбу,
Но так достойней, чем в плену,
За право волею дышать,
Как предки жить и умирать.
Погибли братья в том бою
За бор, за родину свою.
А над погибшими луна
Молчит, чужда и холодна.
Растерзан волк и одинок.
Уже не вождь, но все ж пророк.
Он у подножья высоты.
Глоток предсмертной чистоты
Мятежный друг, испить спеши.

И он, собрав все сгустки сил,
Взобраться на гору решил.
И скрежетал зубами волк.
Из ран на сердце алый шелк
Стекал на травы, но в груди
Все силы жизни и земли
Взметнулись в нем: живи, живи!
А ночь над ним, как бездна зла,
И на вершине – тишина.
И там, на самом острие,
Как рыба в белой чешуе,
Глаз смерти, но опять в груди
Еще неистовей: живи!
И храбрый волк тогда запел,
И вой над миром полетел:
Смотри, как смертен я и слаб,
Как из моих разбитых лап
Струится кровь на пыль земли.
Но не увидишь и слезы
В глазах моих, как и враги
– Безжалостны и холодны.
Я жалок, я как змей ползу,
У смерти я уже в плену,
Но есть преданье старины –
Мы волки, значит мы вольны!
И пусть от стаи лишь вожак
Остался жив, и вечен враг,
Лизать его подошвы ног
Не станет гордый волк-пророк.
И по моим стопам опять
Мой внук пойдет врага искать,
А находя, уничтожать.
И умер воин. Был последним,
Прощальным крик его души
В ночной раздавшийся тиши.
Но в этот миг в его норе
Волчонок на сырой земле
Вдруг распахнул свой лунный глаз.
Он видел сон, он слышал сказ.
Не выдержав, он вышел в ночь.
Он нюхал ветер, он помочь
Хотел собрату своему,
Ушел который на войну.
На выжженной своей земле,
В истерзанной людьми тайге,
На протяжении злых зим
Волчонок слышал волчий гимн,
Который бился из груди –
Мы волки, значит – мы вольны!

1998

***

Расскажи мне сказку, ветер,
Спой мне песнь моих ты предков,
Растрепай послушный волос,
Раскачай вершины сосен
И овей стада оленьи
Свежим холодом от мошки,
Разбуди мою ты матерь.
Пусть тайга моя родная
Мудростью наполнит дупла
Старых кедров и простая
В ней душа проснется утром,
И зашепчет, зашаманит.
Затрещит валежник старый,
Оленята зарезвятся, и сохатый,
Пробегая через мхи сырых болот,
Слышит, как тайга поет.
Утром все разбудит ветер –
Сказка древняя такая,
Что и давних наших предков
Много лет назад будила,
На работу вдохновляла.
Расскажи мне сказку, ветер,
Спой мне песнь моих ты предков,
Растрепай послушный волос,
Раскачай вершины сосен
И овей стада оленьи
Свежим холодом от мошки,
Разбуди мою ты матерь.

***

Уходящий юный воин
Где-то встретит смерть свою.
Сердца стук его неровен
И с любимой, и в бою.
Уходящий воин юный,
И воюя, и любя,
Не забудь,
Что в отчем доме
Мама будет ждать тебя.

ЕРНЫХОВ ИОСИФ НИКИТИЧ

Иосиф Никитич Ерныхов – хантыйский поэт, родился в 1939 году в многодетной семье охотника и рыбака Никиты (Микая) Ивановича Ерныхова в деревне Амня. Имя свое он получил в честь «вождя всех народов» Иосифа Виссарионовича Сталина. Учился в Казымской школе. Друзья ласково называли его Осей. Еще в детстве начал писать небольшие рассказы и стихотворения на хантыйском языке. Интерес к фольклору ему привил старший брат Алексей, собиратель хантыйских легенд, сказок, загадок. После окончания Ханты-Мансийского национального педагогического училища работал корреспондентом газеты «Ленин пант хуват». Любовь к родному слову поддерживал в талантливом студенте преподаватель училища А.М. Сенгепов.

За годы работы корреспондентом И.Н. Ерныхов подготовил много материалов о жителях северного края (пользуясь псевдонимами В. Ампин, В. Казымин), передал свою любовь к журналистике брату Даниле и сестре Полине. Свои поэтические произведения он представил читателям на страницах газеты «Ленин пант хуват».

Жизнь талантливого поэта и журналиста рано прервалась. В начале 1960-х гг. И.Н. Ерныхов заболел туберкулезом легких и умер. Похоронен в деревне Юильск Белоярского района.

ВОШЭНМЫТ

Ма вошем пета ванттым,
Тув вера паста энмыт,
Хоты тйита тывтыт,
Унтыт ара мантыт.

Вошем омсым лотны
Хутымъянг отны ехты
Нуптынг юхыт тотьсыт,
Ин репни тотьтэтиты.

Мансыт си пораит,
Вошэв уна энмыс,
Пирыщ мойпар ики
Ун хытэвыт тывым.

Вошем етыэнма.
Советской мир оингхатл –
Коммунизм верыт.

1959

ЙИТЫП ХОТА

Унши павырт хотна унгхынг,
Семья йитып хота касл.
Отьпынг ишни юхыт пита
Куртны хот хувэвыт катл.

Пирыщ ханты там етпины
Катра нюки хотны утыс.
Хулы кутны, пусынгкутны
Вуты тахты сохныотыс.

Оинг утыпсыям тым,
Йитып хот нявремны тэт.

Рувынг хошим хатл ёшит
Енттыт ишни кеван лысны.

Тата норем омыста питл, –
Лопыт питы уптып няврем, –
Тув школая там от мантл,
Атэт хот йит тувет мосл.

Питы сэвып кат опийе
Уны книга пай аттынгын,
Катры пормыс рахыт хайта,
Йитып хотны книга мосл.

1959

УНТЫТЫ МАНТЫ ЕТПИНЫ

Хот етпины имет,
Нявремыт актысьсыт.
Ёхунтыты манты,
Этсыттэсятыйлты.

Нёплув сохып сахны,
Тат енк кепыт вейны.
Еви шуши тыит,
Иськи рув ант хутман.

Вутэт тётытыт кирман,
Ухтыт така хушман,
Ампыт амтыт титыт,
Ванттэт, унта пентыс.

Сахы пай эвие
Вантман асет пета,
Лопыт: «Тытынгт ангки
Манэм ехитува».

1959

ИШТИМИРОВА-ПОСОХОВА АЛЛА РОМАНОВНА

Алла Романовна Иштимирова-Посохова родилась в 1980 году. Детство прошло в поселке Полноват Белоярского района ХМАО-Югры. Большую роль в воспитании молодой поэтессы сыграли дедушка Костин Павел Тарасович – потомок мансийского рода «Ялпус ика махум» и бабушка Костина (Миляхова) Ольга Ильинична из хантыйского рода Новьюховых.

В 2001 году окончила Ханты-Мансийский Колледж искусств, в 2007 году Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, в 2010 году Екатеринбургский государственный театральный институт. В студенческие годы появилась потребность выражать мысли и чувства в стихотворной форме.

С 2006 года работает в Театре обско-угорских народов «Солнце» актрисой драмы. С 2009 года член Общественной организации «Молодежная организация обско-угорских народов». С 2013 по 2015 гг. член Правления Международной общественной организации «Молодежная ассоциация финно-угорских народов». В 2014 г была удостоена Премией Губернатора «За вклад в развитие межэтнических отношений в ХМАО-Югре» за семейный проект «Ялпус махум». Пишет поэзию и публицистику. Произведения публикуются в национальных газетах «Ханты ясан» и «Луима сэрипос». Живет в Ханты-Мансийске.

***

Зеркало:
миллион капель-росинок…
Ступаю.
Пусть зеркало – на куски!
Пусть ноги –
в хрустальных кровинках!
Блаженство –
в осколках зреть отраженье души.

И пусть
меня утро увидит нагой, не обутой.
С травою и воздухом,
небом и солнцем сольюсь я.
Осколком зеркала,
что к счастью разбилось, я стану.
Звеня, трепеща –
Ликую и плачу ….

2015

***

Чёрточки, зигзаги,
ромбики, кружочки…
Не печалься, милая,
Спи спокойно, дочка!
Завтра день настанет –
улыбнётся солнце,
Поцелует ласково –
Улыбнёшься тоже!

Полоски и линеечки –
Далека дорога!
Зашагаем дружненько!
Зашагаем в ногу!

Не спеши, родная,
В нолики, да крестики
Мы не раз с тобою
Поиграем весело…

Точки, запятые,
Вопросы, снова точки…
Жизнь сама расставит.
Спи спокойно, дочка.

2012

***

Возьму в руки юности книгу –
Междустрочья пахнут осенью дивной...
Осень играла в любовь.

Ярко-красную гроздь рябины
Ты однажды вплёл в мои локоны длинные…
Осень играла в любовь.

А пора осенняя покрылась инеем,
Превратившись в льдинки хрустально – синие…
Осень играла в любовь.

Мне на память осталась эта рябина,
Словно фото из жизни, словно кадр из фильма
«Осень играла в любовь»…

2012

***

Меня совсем не мучит совесть!
А мне твердят, что это – грех...
Хочу я с дикой жаждой снова
Испить бокал земных утех!

Хочу напиться допьяна,
Смеяться , плакать, громко петь!
Ведь жизнь у нас – всего одна!
А мне твердят , что это – грех …

Я почитаю вслух молитву –
Не слышу я себя совсем!
Да кто сказал, что бог услышит?!
И кто сказал, что жить так – грех?
Пройду я снова мимо храма!
Пройду – войти не захочу!...
Мне рассказала одна дама:
«Я после храма не грешу!»…

«И слава богу!», – ей отвечу, –
Да только Бог – не при делах –
Безгрешны на земле лишь дети,
В чьих душах не родился страх.

И мне так жить – совсем не тяжко!
Пусть говорят, что это – грех!
Хочу! Хочу я с дикой жаждой
Испить бокал земных утех!

2009

***

Она – дождинка,
Он – могучий Эверест.
Она – вода,
что точит, точит камень.
А испарится капелька совсем –
Дождём вернётся.
Морем.
Океаном…

Стоять
Всё так же будет Эверест?

***

Откажусь от себя. Оттолкну. Отвергну.
Я хочу себя новую. Чистую. Свежую.
Как найти в своем мире – другую себя?
И куда подевать себя – прежнюю?

Я хочу себя новую. Но скажите искать где?
Если всюду уже бывала:
От любви в сгоревших лесах и полях,
В море гневном, в страстях океана…

Где же я – на себя не похожая?
Может быть – в тебе? Может, ты – это я?
Как, скажите, распутать нить жизни,
Чтоб связать себя – заново?

Я хочу себя новую…

2014

***

Вы
когда-нибудь танцевали…
с деревом?
С сосной, берёзой
иль кедром?...

Потанцуйте!
Обнимите ствол, закройте глаза,
Прислушайтесь к музыке ветра…
В дыхании дерева
Вы –
услышите ритмы Времени.
Танцуйте!
И если захочется Вам

плакать или смеяться–
Продолжайте!

Знаете,
часто я на встречи к друзьям
древоствольным хожу –
то к кедру в полноватском лесу,[37]
то к берёзам вежакарским[38] –
свидания –
разные.
Неповоторимые.

То танцуем мы Детство:
Снова
мама меня – младенца
убаюкивает.
Словом.
Дыханием…

То годы юности вспомним,
как нёс на руках меня тот,
с кем была готова
делить воду,
воздух,
огонь…..

Иногда, танцуя,
вижу опять
все свои сны, что когда-то снились.
Иногда – веду разговоры
с теми,
кого любила…

Время…
Я танцую во Времени.
Чувствую: любят меня
Деревья мои.
Дом мой.
Планета.
Вселенная…

А Вы
когда-нибудь танцевали …
с деревом?

2012

***

О, тише, боги! О, тише, люди!
Не надо лишних, ненужных звуков.
Лишь сердца стук пусть откликнется эхом.
О, тише, птицы! О, тише, ветры!
О, тише, воды! Застыньте на время!

[37] п. Полноват.
[38] д. Вежакары.

Замри, теченье! Усни, мгновенье!
Я слушаю сердце… Я слышу – звук бубна!
Стучи сильнее! На всю планету!

2015

***

Вдруг
  ступаю на берег родной,
И иду не спеша.
    Домой.
Только вижу:
  тропинка моя заросла,
И, как лес, до небес
  крапива взросла…

Сквозь крапиву виднеется
  маленький дом
С обветшалою крышей,
  низким крыльцом.
В этом доме давно уже
  песен не пели,
Здесь не топится печь,
 не скрипят больше двери…

Посижу я тихонько на табурете –
  слишком долгим был путь – отдохну.
А потом, расправив уставшие плечи,
  паутину с окна уберу,
Приберу «красный угол»,
    затоплю я печку,
Родниковой воды принесу…
Вдруг
  на пыльной полке замечу
акань – Ай эви –
  куклу свою….

Аккуратно встряхну я
    акань от пыли,
 и цветной на ней поправлю платок...
Сколько лет и зим
  мы с ней пережили!
Сколько зим и лет
  пережили врозь!..

К сердцу милую Эви
  прижму крепко-крепко,
Колыбельную песню
  ей тихо спою.
И под тресканье дров,
  как в далеком детстве –
в неземную жизнь окунусь...

Меня утром разбудит
  птиц клокотанье,
скрип двери и запах ухи!
Войдя в дом,
  как обычно дедушка скажет:
«Внучка,
  вставай! Пора в лес по грибы!»…

2006

***

Нить узоров – нить дорог из песен –
Тропами оленьими ложится…
Сшила бабушка для внука
Рубашоночку из ситца.
Рубашонку цвета неба –
Полюбуйся-ка, на ней
Пляшут веточки деревьев,
Пляшет рыбка, птица, зверь!

По дорогам тем из песен
Ходит внук, и сам поёт.
Скачут птицы и деревья!
В пляс пустился весь народ.
Обь играет, Обь искрится,
Лихо пляшет вся тайга!...
Сшила бабушка из ситца
Рубашонку для внучка.

2008

***

Загляну в свою ладонь –
Вижу реки и озёра,
Дом стоит, за ним – другой,
Солнце прячется за горы…
Вижу я оленьи тропы,
вижу нарты на снегу,
Вижу ягоду морошку,
Вижу древнюю тайгу…

Поднесу ладонь я к сердцу –
Слышу милой мамы песню,
Слышу – лодочка плывёт,
Слышу, как играет Обь.
Слышу я молитвы деда,
Запах дыма от костра,
Звуки бубна чётко слышу,
Слышу, как поёт тайга…

Загляни в свою ладонь…
Поднеси ладонь ты к сердцу...

2010

***

Семь берёз! Семь поколений!
Всё кружатся в танце вечном!
С вами тоже я кружусь!
Семь берёз – танцует время!

Семь берёз! А я – восьмая –
Ухожу, но возвращаюсь –
Я без вас, мои берёзки,
Не пою, не улыбаюсь.

Семь берёз! Я знаю точно:
Бесконечной будет роща.
Семь берёз – танцует время:
Семь эпох, как семь мгновений!

2014

КАКСИНА ЕВДОКИЯ ДАНИЛОВНА

Каксина Евдокия Даниловна родилась 28 сентября 1968 года в оленеводческой бригаде № 9. Родители: отец Тарлин Данил Николаевич, мать – Дарья Григорьевна всю свою трудовую деятельность посвятили оленеводству. Сорок с лишним лет проработали в Оленеводческом совхозе «Казымский».

Е.Д. Каксина училась в Казымской школе-интернате, окончила 11 классов. В 2008 году окончила филологический факультет Югорского государственного университета по специальности «Учитель родного языка и литературы».

Первые стихотворения Е.Д. Каксина начала писать в школьные годы, это были небольшие произведения о птицах, животных, о любимых оленятах-авках. Следующий этап – годы юности. В поэзии Е.Д. Каксиной звучат воспоминания о детстве, о малой родине. Одно из первых стихотворений «Варсанг йухан мувийсм», что в переводе на русский язык звучит как «Земля Тальниковой речки», посвящено земле, где прошло детство поэтессы. До школы Е.Д. Каксина воспитывалась у дедушки и бабушки по отцовской линии. Именно они научили любить природу, видеть в ней всю красоту, всё живое и пользоваться ее волшебным языком. «И на всю жизнь эта любовь осталась в моём сердце», – признается Е.Д. Каксина. Поэтому темы природы и родины доминируют в творчестве хантыйской поэтессы. Позднее, на третьем этапе, как делит творчество сама поэтесса, появились стихотворения о Матери, затем стала писать стихи для детей.

Е.Д. Каксина является знатоком фольклора и традиционной культуры ханты и активно делится своими знаниями через статьи и фольклорные сборники с читателями. Живет в городе Белоярский.

ЊӨРӘМ МЎВ

Њөрәм мўва ма ки єтсәм
Њөрәм хумсәт өмщаӆаӆәм
Хумсәт хуща хўӆна кӑӆӆәт
Хөнты йаӈхәм вўӆы йөшәт
Тор кўр йихӆӑӈ ар йөшийэ
Њөрәм хуват ара мӑнӆәт.
Щӑта ӆорәт этәрхарэт
Вана шөшӆәм, ӆоӆиӆєӆәм
Йиӈкна вєншєм ма ӆухатӆєм
Щи мурт өмәщ ин хөӆтємна
Сӑмєм ӆӑщкам щи мурт сӑщәӆ,
Тывәӆт вӑнтӆәм ма мўвийєм
Тухәӆт вӑнтӆәм ма йиӈкийєм
Йис хө рўтэв вөӆәм айм мўв
Ма сӑмємән иса тӑйӆэм
Вөӆтєм нөпәт иса нөмӆэм.

2012

ТУНДРА

Если я вышла в открытую тундру,
Любуюсь простором, свободой дышу.
Радует глаз, что на болотных кочках видны
Те заросшие тропки, что оставленные оленями,
Словно журавлиными ногами, протоптанные нити
Раскинулись по тундре просторной.
Вижу я озеро голубое, как небо.
Тихо подойду я к нему,
Лицо я помою озерной водой.
И так приятно на душе мне,

В моем сердце простор огромный.
Смотрю направо, моя земля,
Смотрю налево, мои воды.
Землю, где жили мои предки,
В сердце своем я буду беречь,
Пока жива, я буду помнить…

(Перевод Е.Д. Каксиной)

СУМӘТ

Йохәм хуща, вөншэт кӳтән
Вӳщӆәм ухшам пунәм Най,
Хуӆщат рӑкнәм атэӆт сӳмәт
Мэњ нє иты ӆољ.
Йохәм кӳтәп атэӆт сӳмәт
Ӆӳвэӆ йӑм, муй атэм?
Мӳӈәва хөн лупаӆ
Сӳмтєм хуща вана мӑнсәм
Ӆӳв пиӆаӆа вӳща вєрсәм.
Ӆӳв питраӆән йэша ӆољсәм-хөӆәнтсәм.
Сӳмтэн лыттәт ӆөриты сый
Хӑнты ар сув иты мӑнӆәт.

БЕРЕЗА

В бору среди сосен
В желтом платочке красавица – Най.
Откуда-то выпавшая единственная березка
Словно невеста явилась сюда.
Посреди хвойного бора березка одна.
Ей хорошо ли, а может и плохо,
Разве об этом расскажет она?
Близко к березке я подошла,
Ласково поздоровалась с ней.
Рядом постояла немного, прислушиваясь,
Шепот ее листьев
Имеет мелодию хантыйской песни

(Перевод Е.Д. Каксиной)

СӲС

Хӑтӆәт вана йиты питсәт,
Камн йєрт па ищки вот,
Ӆоњщ супәла йӳвємийәӆ.
Пӑӆӈәт кӳтән Хӑтӆ Имэн
Йєша кєша нух єтмийәӆ,
Хошәм рӳвәӆ шимӆа йис.
Вӳрщәклэӈкэн сыйәӆ хөрӆәс,
Көрт хӑриӆәв вөшємәсӆэ.
Йухи хӑщәм ӆөнт пӑкәтӆан
Хошәм мӳвэӆ пєӆа мӑнӆәт.
Морт мӳв войэн щурәӈ сый
Тови вөнта хөрӆәс.

2010

ОСЕНЬ

Стали дни короткими.
На улице дождь с холодным ветром
И снежинки пролетают
Из-за серых мрачных туч.
Солнце выглядывает лишь на миг,
Его тепло утратилось куда-то.
Исчезло пение трясогузки,
Наши дворы покинула она.
Последние оставшиеся стаи гусей
Торопливо тянутся на юг,
Веселое пение перелетных птиц
Замолкнет снова до прихода новой весны.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

ВЎЉЫ

Кӧрт хӑрыйән вўљэт хөхәјљәт:
Йэӈкәт, питэт, сӑмөрөтәт,
Щи хурасәп љыљәӈ сорњэт
Увәс мирэн тӑйты войат.

Вўљы тӑйты мўвән
Йохмәт, йэкрәт, њөрмәт хуща
Вўљы тащэн йӑӈхәм йөшәт
Йўх љєр иты ара мӑнљәт.

ОЛЕНЬ

В окрестностях стойбища бегают олени:
Белой, черной, пестрой масти.
Они – золото живое,
Животные северных народов.

В местах, где держат оленей,
В борах, болотах, в тундре,
Где олени проходили,
Как расходятся корни деревьев,
Так и их тропы раскинулись повсюду.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

АӇКИ НУМАС

Аӈки нумас ар тӑхийән
Атљ-хӑтљ йӑӈхәљ.
Аӈки нумас вєра хув,
Аӈки, ат хөљты љўв мӑрәљән
Лыпәт-ванши љуӈәтты иты
Љўв эвәљ, пухәљ нөмәљ.
Аӈки, вөнши-нохәр љўв ай сӑмаја
Эвәљ-пухәљ хуљ щив љєпљәт.

2003

МЫСЛИ МАТЕРИ

Мысли матери в пространстве
День и ночь гуляют.
Мысли матери длинные,
Мать, пока проводит ночь,
Словно считая лепесточки,
Она помнит своих сыновей и дочерей.
В ее маленькое сердечко
Величиной с сосновую шишку.
Всех поместит она в него
Сыновей и дочерей.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

АӈКИ СĂМ

Аӈки сăм ӆўв вєра хошəм,
Аӈки сăм щит вєра шаӆəӈ.
Сєма питты ай ӈаврємəн
Оӆəӈ хошəпсы рўвийəӆ
Аӈки йош эвəӆт щи хөӆӆəӆӆэ.
Оӆəӈ шаӆəпсы рўвийəӆ
Аӈки сăм эвəӆт щи хөӆӆəӆӆэ.
Хошəм пăта, вөӆəпсы пăта
Аӈки мўва парса.

2006

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

В материнском сердце тепло всегда в нем есть,
В материнском сердце жалости полно.
Вновь родившийся ребенок
Первое чувство теплоты и уюта
Получит от маминых рук,
Первое чувство жалости
Подарит ему мамино сердце.
Ради тепла и жизни на земле
Матери созданы на свет.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

МА АӈКЄМА

Нăӈ ар ат оӆəм шөпəн
Мўӈ пăтэва нөман вөсты
Хăтӆ рөпата ар тăйсаты,
Атӆəн мөсəӈ йөнтəсман омассəн
Муӈ пăтэва арсыр хурам.
Щи пăта щи мөсəӈ сыри
Нăӈ ух өптэн нувийа йис.
Йөрəн мăсəн нăӈ мўӈəва
Щит мўӈ йөхəт уша вєрсэв
Оӆӆəв вөна йувəм артэн,
Муй нэш вўрəн мосəс ӆавəӆты.
Нăӈ омасты тынəӈ нувəн,
Нăӈ омəсты нуви Төрмəн.

Мӯӈ нӑӈ хошəм тыхӆəн эвəӆт
Ара кӯш мӯӈ пөрӆэмасəв,
Ухэн вотəм пирəщ ими,
Нӑӈ мӯӈ тынəӈ Аӈкəв,
Хошəм вӯща ар йӑм йасəӈ,
Ар мӯв эвəӆт Нӑӈəн китӆӯв.

1997

МОЕЙ МАТЕРИ…

Сколько бессонных ночей
Ты проводила для нас.
Днем работы хватало тебе,
Порой и ночью сидела, ты шила,
Чтоб обшить нас красотою.
Может, и поэтому так рано
Сединой покрылись волосы твои.
Все силы были отданы ведь нам –
Об этом мы узнали позже,
Когда уж были в возрасте покорном,
Как надо было тебя беречь.
Мы с твоего теплого гнезда,
Хоть и мы все разлетелись.
Ты женщина, седовласая теперь.
Ты наша дорогая мать.
Много теплых слов приветствий
С разных уголков земли
Мы будем посылать тебе.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

ИМЕТ ХӐТӇ

Ай кэр тыӆəщ 8-мит хӑтӇ
Иса имəт йємəӈ хӑтӇ
Хӑтӆəӈ няхман нөмəн ӆарийəӆ
Хошӯм рув имета мойӆаӆ.
ХӑтӇ йошəӆ тӯвəмаӆӆэ
Мӯв-Аӈкийəӆ хошмаӆӆаӆӆэ.
Йешəк сөрнəӈ, тынəӈ нєӈət!
Нын патəна хӑтӆəн хөтӆəс
Няхəӈ вєншан нын вөӆаты
Нын па хӑтӆəн хошəм рув иты
Самӆəн хошəм рув ат тӑйӆət
Эвиӆəн, пухӆын єнмаӆтаты
Па хув нөпət нын вөӆаты.

2011

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Восьмое число месяца малого наста –
Праздник женщин всей страны.
Солнце на небе веселится,
Тепло свое дарит женщинам земли.
Лучами жаркими оно

Землю-Матушку согреет.
Золотые, дорогие женщины вы мира,
Ради вас сегодня светит солнце,
С улыбкой на лице живите.
Какое тепло имеет солнце,
Так же в сердцах имейте вы тепло,
Растите сыновей и дочерей
И век живите на земле…

(Перевод Е.Д. Каксиной)

КЎРӘҢ ВОЙ

Йухан хуща хашәт кўтән
Рома ӆоӆәс кўрәң вой.
Ӆўв оңәтңәӆ щи мурт вөнңән,
Йэӆта вантӆән ӈўр воша пэщңән.
Рома ӆоӆ ин кўрәң войән
Хӑшӆан карәт айӆта пурман.

ЛОСЬ

У реки, среди кустов,
Стоял спокойно лось.
Красивые ветви его рогов
Издали смотрелись так чудно.
Стоял спокойно лось у речки,
Тальниковую кору жуя лениво и достойно.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

ХӐНТЫ ХӨ

Хӑнты хө ӑнт пӑӆ
Ищки вот эвәӆт,
Хӑнты хө ӑнт пӑӆ
Вөнт войат эвәӆт.
Тӑӆ ищки пурайән
Ӆухңаӆ ӆўв ваттаӆ,
Йухәң пєлак кєратӆ.
Хӑнты хө пухен
Нємәӆт эвәӆт ӑнт пӑӆ,
Мойпар ки шиваӆӑӆ
Вуща ӆўв вєрӆ.

2005

МУЖЧИНА ХАНТЫ

Мужчина ханты не боится мороза,
Мужчина ханты не боится зверя лесного.
Зимою в мороз
Он лыжи наденет
И зверя в тайге промышляет,
И рыбу в реке добывает.
Мужчина ханты
Ничего не боится.

Если увидел «брата» медведя,
То здоровья ему пожелает.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

ЄТӘР АТ

Йэтн пєӆа хӑтӆән кєрӆәс,
Кӑмән римха йиты питәс
Щиты хӑтӆэн ӆєӆа йис,
Йухәт кӳта щи хӑњємәс.
Тӑӆаӈ хӑтӆ мӑр, ӆӳв вэвӆы питәс
Ӆӳв рӳтщаты ищи ӆӑӈхаӆ.
Хӑтӆэн омсас, кӑмн пӑтлас,
Сыр-сыр сыйат шитамасәт,
Иӆӆы уӆсӑт варсат-турнәт,
Тухӆәӈ войат хӑнємасәт.
Иӆӆы уӆсәт кӳрәӈ войат,
Йухан хуща хӳӆәт уӆсәт.
Мӳӈэва Ӑӈкэв ищи лупас:
«Аӆәӈ вөнта нын уӆаты,
Йошӆан-кӳрӆән ӑт рӳтщаӆәт.
Хӑтӆ имэн ищи уӆты
Ӆӳв хотаӆа мӑнәс».
Мӳӈ Ӑӈкэв ищи вэвӆы питәс,
Ӆӳв рӳтщаты ищи ӆаӈхаӆ.
Ӑӈкэв уӆас, хотэв тэвнас,
Аӆәӈ вөнта мӳӈ рӳтщаӆув.
Кӑмн пӑтлам, сый па ӑнтө,
Мӳв өхтыйән иса шиитам.
Пӑӆәӈӆан ищи ара мӑнсәт,
Тӑм атищи ӆыв рӳтщаӆәт.
Сорт пєӈк ӆампа єтар ат
Мӳв өхтыйа ӆарпиӆас,
Айӆтыйэва хөсӆан єтсәт,
Төрәм эвәӆт иӆӆы вантӆәт,
Ӆыв уӆты мирәӆ ӆавәӆты йох.
Тыӆәщ пухэн хөсӆа-сыйӆы
Хөсӆаӆ кӳта нух ховємас
Хөсӆаӆ пиӆа айӆтыйэва
Ӆємпємуман путартәӆ
Уӆты мирәӆ оӆәӈан.

ЯСНАЯ НОЧЬ

Солнце к вечеру повернуло,
Сумерки спустились над землею,
Солнце низко к лесу опустилось
И молча спряталось за деревья.
За целый день оно устало,
И ему хочется отдохнуть.
Солнце село,
Темно вокруг.
Дневные звуки исчезли все,
Кусты уснули, травы спят,

Звук крылатых птиц стих,
Улеглись и звери в лесу,
И рыбы притихли в речке.
Нам мама тихо прошептала:
«И вы ложитесь, спите до утра,
Пусть ваши руки, ноги отдохнут.
Ведь наша Женщина-Солнце тоже спать ушла
В свою красивую избу».
И наша мама, она устала,
И ей надо тоже отдохнуть.
Мама легла, стих наш дом,
До утра покой и лад.
Ночь стоит, кругом затишье,
Тучи тоже разошлись,
Видно, в эту ночь, они решили отдохнуть.
Как щучьи зубы,
Ясная выдалась ночь.
Ярко зажглись на небе Звёзды,
С высоты смотрят на землю, светясь –
Они охранники сна и покоя земли.
Вот Месяц-сыночек спокойно крадется,
Всплыл среди звёзд незаметно,
Голосом тихим звездам он шепчет
О спокойной ночи людей на земле…

(Перевод Е.Д. Каксиной)

***

Ӑӈкийəӆ йуӆəн, ӑӈкийəӆ ӆавӆасəӆ
Хӑтӆаӆ ӆўӈətман, оӆӆаӆ щи мӑнӆət,
Пухийəӆ мӑнəс, пухийəӆ ӆаӆь йоша ӆоӆəс,
Вөӆəман ӑнт вантыӆəм ар мўвəӆ
Ӆўв сємӈаӆəн вантман щи төӆӆэ.
Ӑӈкийəӆ йонтыӆўм пунəӈ ай молўпщəӆ,
Пунəӈ ай молўпщəӆəн ӆаӆь йоша шөшмӑс,
Ар сыр ӆаӆь хӑтӆ вантӑс, ар шөк па төс,
Пунəӈ ай молўпщийəӆ, пунəӆ па лакнəс,
Кар нюки молўпщəӆан па йəӆы ӆаӆəсӆ…
Ӑӈкийəӆ йуӆəн, ӑӈкийəӆ ӆавӆасəӆ
Аӆəӈ нух питӆ, щухал тўтӆ вўщətӆ,
Тўт Ӑӈкəӆ эвəӆт айкэӆ ӆўв иньщасəӆ:
Муйа, нуви хон ӆаӆьэн йорӑӆ па вөн?
Муйа, нуви хон ӆаӆьэн вошət-көртət шўкатӆ?
Муйа, нуви хон ӆаӆьэн мир сєм йиӈк ӑкətӆ?
Муйа, нуви хон ӆаӆьэн сөрӑх йапəӆ иты
Хө нөпӑт панəн төӆ, нє нөпӑт панəн төӆ?
Тўт Ӑӈкэӆ пӑщӆумтəс, Тўт Ӑӈкэӆ ӊөхмӑс:
Ими нӑӈ пӑка, ими нӑӈ ӆавӆəса!
Пухийəн ӆыӆəӈ, пухийəн йухӑтӆ
Нуви хон ӆаӆьэн, ӆўв йошӑӆ кўш вўйӆасы,
Нуви хон ӆаӆьэн, ӆўв кўрəӆ кўш вўйӆасы
Ӆўвətты ӆавəӆты Тухӆəӈ сот па вөӆ,
Ӆўвətты ӆавəӆты Кўрəӈ сот па вөӆ…
Ӑӈкийəӆ йуӆəн, ӑӈкийəӆ ӆавӆасəӆ
Хӑтӆаӆ ӆўӈətман, няӆ оӆ щи мӑнəс

Тови хăтӆ пӧхнəс, ӆаљəн щи сухнəс,
Пухийəӆ ӆыӆəӈ, пухийəӆ йухтăс
Пунəӈ ай моляпщəл, нюр кар сухăӆ хăшмащ
Моляпщи мэвӆаӆ орденăн ихэтмаӆ,
Моляпщи мэвӆаӆ медаљəн ихэтмаӆ…

Май 2015

***

Мать сидит в юрте, она все ждет,
Считая дни, – так проходят годы.
Сыночек ушёл, он встал на дорогу войны.
Земли, что во сне не снились ему,
Своими глазами их повидал.
Матерью сшитая теплая малица,
Теплая малица, в ней и ушёл он на войну.
Много дней разных повидал, много недуг испытал –
С зимней малицы шерсть вся слезла,
В малице из кожи он дальше воюет.
Мать сидит в юрте, мама все ждет,
Утром встает, затопит чувал,
У Матерь-Огня новости спросит:
Почему у царя белой власти большая ли сила?
Почему люди царя белой власти ломают юрты-селения?
Почему царь белой власти живёт слезами людей?
Почему царь белой власти, словно голодный дьявол?
Почему людские судьбы, жизнь людей уносит с собой?
Матерь-Огонь сигнал подала, ласково прошептала:
– Женщина, ты терпи, женщина, жди ты.
Сыночек твой жив, сыночек вернется.
Война белого царя, руку его брала (ранило),
Война белого царя, ногу его брала (ранило).
Его охранять тысяча крылатых божеств существует,
Его охранять тысяча ногастых божеств существует…
Мать сидит в юрте, мать его все ждет,
Дни считая – так четыре года пролетело.
Выдался весенний денёк, закончилась война.
Сыночек живой, сыночек вернулся.
От теплой малицы лишь кожа осталась.
Грудь малицы орденами украшена,
Грудь малицы медалями украшена.

(Перевод Е.Д. Каксиной)

КЕЛЬЧИН ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ

Кельчин Геннадий Павлович – журналист, фольклорист, прозаик – родился 2 декабря 1957 года в селе Шурышкары ЯНАО в семье потомственного рыбака-оленевода Павла Григорьевича Кельчина. Когда он появился на свет, его маме Марии Ивановне был пятьдесят один год. В семье уже выросли четверо сыновей, подрастала маленькая дочка. Двое сыновей пошли по стопам отца, ловили рыбу, следили за оленями, ходили на охоту. Двое выбрали оседлый образ жизни. У всех уже росли свои дети. Рядом с мамой была восьмилетняя дочка, которая с большим усердием помогала ей.

В семь лет его забрали в школу-интернат. Через год умер отец, а ещё через три – мама. Его забрал к себе старший брат Владимир. Он научил младшего брата пасти оленей, ловить рыбу, добывать зверя.

В 1978 году окончил Салехардское национальное педагогическое училище, в 1985 году Вологодский педагогический институт. С 1982 года. работал корреспондентом окружного радио на Ямале. В командировках по Приуральскому и Шурышкарскому районам собирал, записывал и обрабатывал хантыйский фольклор. В 1987 году принял участие в работе международного окружного семинара писателей народов Севера и фольклористов в Салехарде, а в 1988 году – в работе IV Всероссийского семинара молодых писателей и фольклористов народов Севера в городе Пицунда. Будучи профессиональным биологом, в 1988–1989 гг. был заместителем председателя президиума окружного совета Общества охраны природы. В течение двух лет вел тематическую полосу на хантыйском языке в газете «Нарьяна Нгэрм» («Красный Север»). Был главным специалистом по традиционным отраслям хозяйства в администрации ЯНАО. В 1994–2000 гг. работал старшим редактором и заместителем директора студии художественно-образовательных программ на хантыйском языке в ГТРК «Ямал». С января 2001 года – главный редактор газеты на хантыйском языке «Мыс Богов» (Салехард).

Много занимается переводами русских текстов на хантыйский язык. Так, перевод книги П.П. Ершова «Конек-Горбунок» переиздавался несколько раз. Ему же принадлежит перевод сказки А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», стихотворение В.В. Маяковского «Что такое хорошо, а что такое плохо». Живет в Салехарде.

СӐМАТ ӇОӇТАС

Ма хуӆӆымем щиран:
Овас муван катра йисан,
Ищки пора вуӆмаӆ.
Хоятыет войт пиӆан
Иса хаӆӆыӆымеӆ.
Хошам морты мувaӆ эваӆт
Ворна ёхтыӆымаӆ.
Тохаӆ тайн нуман яӈхман,
Верат ӆэрамтымаӆ.
Еӈка потам хоятыет,
Века питам ӆонщат.
Ворна тувам каврам руван,
Нох щи ӆоӆтыӆымаӆ.
Аӈкем манэм потартыйс,
Ворӈа ими матты,
Няврэм пеӆа яма вуӆтаӆ,
Ӆувеӆ мойт тутаӆ.
Ма там хатаӆ аӆаӈ киӆсам.
Ворӈа хатаӆ ӆаяӆсам.
Хувӆта тувам калащ караӆ
Юхэм тайн мощатсам.
Хуцы хун ма уна иӆам,
Похэм онтап паты эӆты,
Ворӈа имем хошмаӆтыты,
Имем партӆэм поӆтшӯк понты.

ЮШХУР

Юхиен йохмаӆ, торныен хараӆ,
Ханты ёх куртан хатӆыен хутӆаӆ.
Ищкияӈ таӆан, вотасаӈ таӆан
Татащи, тата сэма ма питсам.

Пощтуӆ няврэмен, хорасаӆ вантман,
Хор курэн эвтам сусэн пораян,
Атъйиӈкан пошам торан кут эӆты,
Няр куран ма щи ху-хухатӆысам.
Ертан ма лехи-лёхитысаям.
Вотан ма мунхи-мунхиӆысаям.
Энмам кутыем ант па ма нумӆэм.
Хоты ӆув сора, сора хащамтас.
Вантаса, ванта! Таӆасаӆ юшхур
Сумтыен сая, пащаръюх сая.
Моса щи юшхур ямии хуват,
Ма ин тамхатаӆ хоӆна па шушӆам.

МУВХОР

Хуван, хуван, катра йис порайн, муӈ мувеван ун, ун вой уӆмаӆ. Ӆув мувхора хантэтан айӆтам. Потар щиран, ищимет, мувхор мув иӆпина яӈхты верытмаӆ. Мувхор, вантам войт кутан мет, мет ун уӆмаӆ. Эӆаӆ куӆ па хув пӳнна энамман, ищкийн ант потӆа. Куран ӆойтаӆан шаншаӆ урхот хунвус кема ёхаттаӆ. Уӈаӆан кат оӈат тайӆ. Щит оӈатӈан ант вуӆӆатан. Щит ӆув пеӈкӈаӆаӆ щимащ хорас тайӆатан. Щимащ пеӈкна мувхорат хота юх иӆ пайтӆат, хота мув хирӆат, хота па веӆпас юкана тайӆаӆӆаӆ. Нэмаӆты войн ӆув веӆты ант верытсайт. Щи хорпи юурӈат па унат ӆув усат. Тухаӆ ишан хоятатан туп веӆӆысайт. Щиӈанща, муӈ мувев ищкийн ёхтами, ёӈкан лап потам, мувхорат па потамат, иса хаӆмеӆ. Муӈ ин ӆув ӆӧв шукӆаӆ туп мощатыӆув.

ОВС ТУРАМ НЯХА АӅ ТАЯӅАН

Тунял ванхатӆап тыӆщев хуватаӆан ищки вус. Хольмаӈ граӆус эваӆт ищкеӆ мортаӈ хатаӆан лэньмийс. Ӧшаӈ хоят тамащ ищкийн ёӆан омасаӆ. Хуцы сяха турам ям хатаӆ маӆ. Ныты сӧрма муя вуратӆа. Там ван кут хуӆӆыйм антом – кураӆ-ёшаӆ потаӆтам хоят. Еӆпишак хоты хуӆӆыӆам си. Хойтэн ант хурыман хоӆты пеӆа манаӆ сэр тахая. Сиӈанся, потаӆтыйӆ. Ойӆы ки – сӧрма питаӆ. Овс мув турам няха тайты ант мосаӆ. Там ванкут па муват эваӆт араӆ хоят ёхатты питас. Ищкеӈ муван ант хошӆат вуӆтыя. Симась мохэт вера питӆат. Ёхтам отата мосаӆ шошеӈ муваӈ мират эваӆт уталтытыя, хотсат там муван вуӆтыя.

Овас мув шошеӈ мират, монщ порайт вуш эваӆт, ӆув сэма питам мувеӆан туӈа сира вуӆмитсат. Па муватан мират кӑмн хорпи хотат оматӆат, кӑмн хорпи курат аӆӆыӆат, новитутан похапталӆаӆ. Хот эваӆт ким этмаӆат (тата ки) мохты си шохармаӆайт ищкийн.

Шошеӈ муваӈ мират хоятат ин там ищкетан араӆ иса нюки хотан вуӆӆат. Хот эваӆт ким этӆат – молщаӈ, сах па вай ӆуматӆат. Там ӆуматты сохат моӆхатаӆ хун тайты питсайт? Ӆуматӆыӆан па исимет ищки антом. Омайн ёнтом пормасан эӆэн ант потӆа, курэн ант потӆа.

Аӆ потарты хоты муйӆ ун онтас. Тухаӆ порайн хоӆна ханты сохна вуӆман рахаӆ вера питтыя. Там йисан кӑмн хорпи мутра этаӆ. Вуӆы ухаӆ юкана ӆонщхопатна янхты питсув. Каман хорпи машина этас. Си мутрайт овас мув шоши мирата, ямас ки артаӆаман – сэмна ныты сӧрам. Си мутрайт онтасна муӈ ханты сиран вуӆты верӆув веккеша ёрэматы питсаӆӆув.

Вер тамиты ус. И там пора кеман. Веӆпасӆаман ӆонщхопан янхӆам. Ханты соха ӆуматӆыман, антаптыман. Ищкеӆ хольмаӈ градус кем. Каӆмат каншман лэпак каӆма хойӆам. Нюхаӆӆэм. Каӆмаӆ хув па ващ тув шоппи вуӆмаӆ. Тува питӆам. Тувем кутпаӆ кеман ӆонщхопем путъйиӈка ӆоӈэмаӆ. Ин картшуп кур понапты норам вушкеман йиӈка ӆоӈас. Нох шитты ант вертӆэм. Муй вертыя? Мосаӆ ванна вуӆты хот унты шуштыя па нётап вохтыя. Сяӆта йинк хуват тупаран ситы руксам. Хота ёхатмем унты курӈаӆам хась потсайӈан. Йиӈкан пошам вайӈан юх иты истаӈ кур поняма тохи ханапсатан. Сит ям – хотан хоятат вуӆмеӆ. Нётсайм. Ситы си хась курӆы хасьсам – Овс турам няха таймем ураӈан. Юухат си нумасыӆам: «Няр куран вуты ки руӈкапсам ӆуӆан, курнаӆам еша моса потмасайӈан – вайнаӆам сорма хасьсатан. Сорам кешан, сорам вайн аӆ па ямшак».

КИТАЕВ ДАНИИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

Данил Яковлевич Китаев (1946 – 1984) родился и вырос в деревне Катравож. Его отец, манси, имел прекрасный голос, хорошо пел, играл на хантыйском музыкальном инструменте нарсъюхе.

Д.Я. Китаев после окончания Катравожской школы поступил в Салехардское культпросветучилище, здесь он увлекся живописью, поэзией.

Стихи Д. Я. Китаева есть практически во всех учебниках хантыйского языка, изданных на рубеже восьмидесятых – девяностых годов XX века.

Заново читателям это имя открыла хантыйская исследовательница Р.Скамейко. В 1994 году она проводила на родине Китаева, в селении Катравож семинар с воспитателями национальных детских садов, и кто-то тогда обронил, что после трагической смерти поэта осталось много неразобранных бумаг. Брат Китаева подтвердил, была какая-то папка, но за ненадобностью он кинул ее в сарай.

К счастью, рукописи не потерялись. Большую часть в обнаруженном архиве составили стихи на хантыйском и русском языках. Некоторые из них датированы концом шестидесятых годов. Вероятно, Д.Я. Китаев сочинил эти стихи, когда проходил срочную службу в Североморске.

Впервые оказавшись так далеко от Ямала и вне своей языковой среды, потомственный охотник растерялся и пытался писать исключительно на русском языке. Но что важно, практически все картинки из армейской жизни Китаев предварял пейзажными зарисовками.

Возвратившись на Ямал, Китаев буквально ликовал. У него появилась возможность часами наслаждаться хантыйским языком. Не случайно первую свою книгу он хотел назвать «Нарасьюх» (в переводе – «Поющее дерево»). Р. Скамейко удалось отыскать тетрадку поэта со стихами для этого сборника на хантыйском языке и в переводе Альфреда Гольда.

Стихи Д.Я. Китаева печатались в изданиях «Ленин пант хуват», «Красный Север».

ХЎЈ ВЕЈТЫ ЁХ АР

Хўјăӈ Асэв ӈыкăӈ хŏмпăт,
Сух шăш иты тăяӈăт.
Сорни най вŏјиял йиӈкна,
Шек хŏрамаӈ ма Асэм!
Ŏй, ным мўвем ма мўвием!
Кўш нăӈ ищки щит ай вер,
Хошăма Асэн юшăл ŏвăл
Нăӈ хŏрам урӈан кўтна.
Вўтăӈ Асна хўјăт веӈман
Атăт-хăтӈăт рупитӈўв.
Сойпăт таӈӈўв, хоӈпăт ватӈўв,
Ям хўл веӈман ăнт метӈўв.
Асна веӈăм тынăӈ хўјăт
Мўв хўват лукии китӈўв,
Щи юканăн моторăӈ хопăт
Ӈухăс ёх мўӈев китӈăт.
Ŏй, ным мўвем ма мўвием!
Кўш нăӈ ищки щит ай вер,
Хŏрама Асэн юшăл ŏвăл
Нăӈ хŏрам урӈан кўтна.

ПЕСНЯ РЫБАКОВ

Рыбной Оби сердитые волны,
Как спина осетра остные.
Золотое солнце блестит на воде,
Очень красивая моя Обь!
Счастье – северная земля, моя земля!
Хоть ты и холодная – это ничего (это не большое дело), –

Красивой Оби дорога течет
Между красивых твоих холмов (берегов).
На широкой Оби рыбача,
Ночи-дни работаем.
Неводы тянем, сети проверяем,
Хорошую рыбу добывая, не устаем.
На Оби добытую ценную рыбу
По земле в разные стороны отправляем,
Взамен с моторами лодки
Дружлюбный народ нам присылает.
Счастье – северная земля, моя земля!
Хоть ты и холодная – это ничего (это не большое дело),
Красивой Оби дорога течет
Между красивых твоих холмов (берегов).

(Перевод А.А. Шияновой)

ХӐНТЫ НЭ

Хорам, хӑншеӈ
Нови ваят,
Мутра хӑншеӈ
Вӯӆы сӑхӑт.
Лыптӑӈ рӧсэӈ
Ун охшамӑт,
Питы уптэӈ
Картэӈ сэвӑт,
Вӧсты сэмӑӈ
Ошӑӈ вешӑн.
Рут ясӈена
Сӑм ар тӑйӆӑн,
Сора юкан
Каркам кӯрӑт...
Нӧмсӑӈ, хӧрасӑӈ
Нэ веншен;
Хошам, нӧмсӑӈ
Ясӈӑт лӧпӆӑт.
Сорнеӈ ӆуйтӑӈ
Каркам ёшӑт,
Тумтак, ӧшӑӈ
Няврэм тӑйӆӑт.
Асн вотӑӈ...
Щи нэ ёшӑт
Вӯтӑӈ ӆупн
Ныk ӆовӑӆӆӑт.
Оми нӧмсӑӆ
Хӑнты нэ.
Ӆӯв ма наем,
Оми – нэ.
Нӑӈ эвӑӆтэн
Тӑм ар хӑшсӑм.

ХАНТЫЙСКАЯ ДЕВУШКА

Красивые, с узорами
Белые кисы,
Со сложными узорами
Из оленей шкуры ягушки.
С цветами, кистями
Большие платки,
С черным волосами
Железные косы (ложные косы)
С зелеными глазами
Умное лицо.
По словам родни,
Добрая (большое сердце имеет),
Быстрые, сильные
Проворные ноги…
Умное, красивое
Лицо девушки;
Теплые, умные
Слова говорит.
С золотыми кольцами
Проворные руки,
Здорового, умного
Ребенка воспитывает…
На Оби, когда ветер,..
Этой девушки руки
Широкими веслами
Гребут к середине реки.
Маминими мыслями
Хантыйская девушка.
Она – мое солнце,
Мама – девушка,
Для тебя
Эту песню написал.

(Перевод А.А. Шияновой)

ТĂЈ

Нави кувăщ иты,
Тынăӈ лэпăк сŏхн.
Вŏрјаӆ сорни иты
Кер аӆăӈ сăхăтн.
Вӳрты най сэм
Вŏӆийӆ ӆощ эӆтыйн.
Ӆӳв потум сэм,
Ӆӳв вŏрјаӆ тăкалийн.
Щикӳш вӳрты ернаса
Тăӆ наев ӆумăтӆяс,
Кӳш этăр, кӳш вотасн,
Ӆӳв нюр ăн хошмăӆтыйс.
Ат рӳтщăӆ наев.
Щи юкана ӆӳӈн,
Атăӈ хăтӆ нюрмев
Хошмăӆтыйӆтаӆ така.
Пŏрнэ иты ищки.

Сэӈкӑӆ ек тӑратман.
Ма ёшн тӑйӆӑм пӯрӆи,
Ун ӧмлэп пӧритӆӧм.

ЗИМА

Словно белый гусь (малица мехом наружу)
Драгоценной песцовой шкурой
Сверкает, как золото,
Наст с утра.
Красный солнца глаз
Сверкает на снегу.
Снежинка (букв.: он холодный глаз)
Он сверкает понапрасну.
Хоть и красное платье
Зимнее солнце одело,
Хоть ясно, хоть метель,
Оно совсем не греет.
Пусть отдыхает солнце (наше).
Вместо этого летом
Ночью и днем тундра
Греется хорошо.
Как Порнэ холод.
Стучит лед, трещит.
У меня в руках есть пешня,
Большую прорубь пробурлю.

(Перевод А.А. Шияновой)

ПӦРА

Кӯрӑт пурӑнтты сый
Сохӑӆ юшӑт, кевӑт эӆты,
Нэпек хӑншӑпсы, щищкет ар сый –
Аса ӆиӆӆӑс и ун верӑн.
Йис Аса и ун юрӑн,
Ун кев так мӑшӑк иты.
Пӧра мӑнӆ, пӧра пӑрӆ:
Ямӑс уӆӑт, ӧвӑӆ сора уӆӑпса!
Тӑм щукӑт уӆӑпсӑна, ма шушӆӑм,
Таклии уӆӑпсэм ӑнт посатӆэм,
Муй веритӆӑм – кӑша верӆэм,
Муй вер щукӑт – Юрна вӯӆэм!

ВРЕМЯ

Шаги
по тратуарам, по камням,
письмо на бумаге, пение птиц –
Все смешалось в одном большом деле.
Стало все одной большой силой,
Большой камень, как сильный кулак.
Время идет, время проходит:
Хорошо живите, течет быстро жизнь!
В это тяжелое время я иду,
Напрасно жизнь не трачу,

Что могу – радость делаю,
Какое дело тяжелое – силой беру!

(Перевод А.А. Шияновой)

ЭВЉА

Ма нӧмсэмна ёхтыӆӑт вӧсты сэмӆан.
Нӑӈ няхты вӳрты веншен,
Нави тыӆӑщ этӑр атӑт,
Хӧрам ун вош нави тӳтӑт.
Щи атӑт, эвие, ма нумӆэм,
Сӑмем хӧща век хӑйсӑӆам.
Нӑӈ кашиӈ иӆа тыӆӑщ ванта.
Па ӆайӆи мӑнэм – ма ёхӑтӆӑм.

ВЕРЬ

В мои мысли приходят твои зеленые глаза.
Твое смеющееся румяное лицо,
Белой луны ясные ночи,
Красивого большого города белые огни.
В эти ночи я дувушку помню,
В сердце навсегда оставил,
Ты каждый вечер на луну смотри.
И жди меня – я приду.

(Перевод А.А. Шияновой)

ЯМ ЭВИ

Аӆ нумӑса атмащ, эви,
Кӳш ӑӆ ватман ма ӧшхуӆь.
Ма нӧмӑсӆамна нӑӈ – найн,
Сыстам нӧмсӑт тови туӆ.
Хун шияӆӑсэм нӑӈен,
Сӑмэма хошӑма йис,
Мӧхты умӑщӆӑсэм нӑӈен,
Нӑӈ еӆӑмӆӑн, нӑӈ еӆӑмӆӑн
Ма пиӆэмна пӧтӑртты,
Кӳш еӆӑмӆӑн, ищипа
Ватӆӑн
Ма пеӆама, ям эви,
Нӑӈен шек
Ма умӑщӆӑӆэм,
Сӑмна тӑйӆэм
Кашиӈ хӑтӆ,
Кашиӈ етн,
Кашиӈ ат…

ХОРОШАЯ ДЕВУШКА

Не думай плохо, девушка,
просто смотри – я веселый.
мои мысли о тебе – солнце,
Чистые мысли весна несет.
Когда увидел я тебя,

В сердце стало тепло,
Сразу любовался тобой,
Ты стыдишься, ты стыдишься
Со мной разговаривать,
Хоть сны все равно
видишь
со мною, хорошая девушка,
ты очень.
Я любуюсь,
в сердце держу
каждый день,
каждый вечер,
каждую ночь…

(Перевод А.А. Шияновой)

КОСАЧЕВА (ЛОНГОРТОВА) ИРИНА МАКАРОВНА

Косачева (Лонгортова) Ирина Макаровна родилась 30 марта 1987 года. Дочь известной на Ямале и за его пределами писательницы, сказительницы и общественного деятеля Зинаиды Викторовны Лонгортовой (Хартагановой).

Окончив школу в 2005 году, поступила в Югорский государственный университет в институт Языка, истории и культуры народов Югры, где изучала родной язык и хантыйскую литературу. В университете с большим интересом слушала лекции любимого преподавателя д.филол.н. Елены Викторовны Косинцевой по родной литературе, с огромным интересом читала книги северных авторов. Именно тогда она и начала писать сказки и рассказы. Писала о бабушке, маме, родном крае, в ее воображении рождались волшебные образы.

В 2007 году выиграла студенческий грант, на средства которого она издала первую книгу «Огонек», куда вошли сказки ее бабушки Анастасии Лонгортовой, а также авторские рассказы и сказки. Будучи студенткой, работала корреспондентом и ведущей национальных программ в окружной государственной телерадиокомпании в ХМАО-Югре.

Получила 2 высших образования, лауреат Губернаторской сотни ЯНАО, известный ямальский блогер. Работает старшим редактором сайта ГТРК «Ямал» – филиала крупнейшего медиахолдинга ВГТРК в России. Имеет авторский сайт.

Замужем, есть сын. Живет в Салехарде.

ЛУЧИК

Однажды солнечным утром среди зеленого пространства леса, на одной из цветущих, пахнущих сочной травой полянке, в бутоне небольшого голубого цветка родился Лучик. Сюда его поместило солнце, окунув в прозрачную каплю росы. Покачивающийся стебель убаюкивал Лучик по ночам, а теплое дыхание земли согревало его, дарило жизнь.

Как-то сидел он на своем цветке, ни о чем не думая, медленно раскачивая стебель из стороны в сторону, вверх-вниз.

– Кто ты? – услышал он голосок, похожий на брызги прохладного родника. Повернув голову, увидел среди листвы одной из берез, стоявших неподалеку, странное маленькое существо. Оно было серого цвета, миниатюрную головку украшал хорошенький клювик, живые круглые глазки, как две бруснички, так и сияли. Существо хлопало крылышками от нетерпения.

– Не знаю. А ты? – спросил он.

– Я Щищьки[39].

– А разве и я должен быть кем-то?

– Конечно, здесь все имеют свое имя, и каждый знает, для чего он был создан Великим Турамом[40]. А ты знаешь, зачем существуешь на земле? Ты приносишь лесу пользу?

– Я никогда не задумывался над этим. А разве я должен?

– Ну конечно. А иначе зачем бы тебя создали? Ты должен иметь цель в жизни, делать благо для ближних!

– Я никогда еще никому не делал благо! Как это интересно! – не успел он произнести еще и слова, как птичка, взмахнув крыльями, прощебетала:

– Ладно, мой маленький дружок, мне надо лететь на соседнюю поляну. Там меня ждут мои друзья цветы, которым я обещала спеть свои песни – от них они начинают веселеть, раскрываться и хорошеть! Приятно делать что-то нужное!

Лучик остался один с новой мыслью, которая ни разу в жизни не приходила ему в голову. «Кто я? – думал он. – Зачем, с какой целью я родился на земле?» Он не находил ответа. Тогда, спустившись со своего цветка, он отправился искать ответ на мучивший его вопрос. Миновав поляну, остановился. Навстречу ему вприпрыжку шла белочка.

– Здравствуй, человечек! Ты не знаешь, когда же солнышко выглянет из-за туч? А то наделала я запасов на зиму, все под дождем и намокло. Когда же солнышко улыбнется нам, просушит мои запасы? Хоть бы лучик один выглянул, и то бы хорошо!

– Не знаю. А кто такой лучик?

[39] Птичка.

[40] Верховный Бог в верованиях народа ханты.

– Лучи – это дети солнца. Они маленькие и веселые. Их сверкающие улыбки настолько теплы, что, кажется, что они все так и светятся изнутри. Они будто сотканы из золота.

– Как красиво! Как бы я хотел быть лучиком! А я даже не знаю, кто я.

– Как не знаешь? Иди сейчас же к старой сосне. Она поможет тебе.

И он пошел к сосне. Он всем сердцем надеялся, что она расскажет ему, как его зовут, и он осознает свое предназначение в жизни. Пока он шел, натолкнулся на хилый, бледный цветочек. Тот тихо плакал.

– Почему ты плачешь, цветочек?

– Я нахожусь в тени, поэтому не могу как следует вырасти и превратиться в Ягодку-Морошку. Хотя бы один лучик коснулся своей улыбкой до моего больного тельца! Тогда бы я точно вырос и стал сочной ягодкой, и мной полакомилась бы какая-нибудь голодная птица или зверек…

– Не плачь, Морошка. Ты обязательно вырастешь, из тебя выйдет красивая ягодка, очень похожая на золотое солнышко. Если я увижу по дороге какой-нибудь лучик, то обязательно расскажу про тебя.

С этими словами он пошел дальше. Не пройдя и половины пути, увидел маленьких шоврат – зайчат. Они молчали, а на маленьких мордочках застыла грусть.

– Что случилось? Почему не смеетесь и не радуетесь жизни? – поинтересовался он.

– Солнышко исчезло. Оно грело нас, улыбалось так приветливо! А эти тучи спрятали его! Мы хотим солнышка, мы хотим света и тепла! – загалдели зайчата. – Дяденька, скажите ему, что мы по нему скучаем!

– Хорошо! Я обязательно передам, как только увижу его!

…Пока он шел, на землю тихо опустилась ночь. Тишина как будто запеленала всех в свои объятия. Зверюшки разбежались по норкам, цветы спрятались в бутоны, птички, беспрестанно щебечущие в листве, замолкли. И лишь изредка из глубины леса слышалось уханье совы. На небо выплыла луна. То тут, то там поблескивали яркими точками звезды.

Лучик остановился, с удивлением оглядывая все это призрачное великолепие. Его завораживала бездонная глубина неба, завораживало неизвестное. Вдруг он увидел впереди что-то необычное. Заинтересовавшись, он тихонько подкрался и затаился за кустиком.

На поляне он увидел маленьких человечков, похожих на него. Прозрачные, словно сотканные из серебра, взявшись за руки, они танцевали какой-то странный медленный танец. На лицах застыло задумчиво-холодное выражение.

«Они похожи на меня, значит, я один из них, – решил Лучик. – Наконец-то я узнал, кто я!»

С радостным криком побежал он на поляну поприветствовать братьев.

– Ты кто? – медленно окружили его странные существа.

– Я ваш брат, разве вы не видите?

– Ты не наш брат! Дети Луны живут сами по себе. У нас нет братьев. Оставь нас!

– Но неужели я не могу быть с вами? Я хочу быть таким же, как и вы! Я хочу делать то же, что и вы!

– Оставь нас, оставь, оставь… – шептали человечки. – Нам не нужны братья, нам никто не нужен… – их хоровод медленно пропадал в пространстве ночи.

Обида и отчаянье пронзили его насквозь. Он не понимал, почему они не приняли его. Разве они не похожи? Разве он был с ними груб и дерзок? Может, что-то с ним не так? От обиды и отчаяния из его всегда веселых глаз покатились прозрачные слезы. Так он и плакал до самого утра, ничего не понимая. Почему же они не приняли его в свою семью?

Вдруг сквозь рыдания он услышал скрипучий голос. Посмотрев по сторонам, увидел неподалеку старушку-сосну. Она только что проснулась и была недовольна тем, что ее разбудил так рано громкий плач.

– Лучик, отчего ты плачешь? Почему не находишься рядом со своими братьями и не согреваешь землю после холодной ночи? Скоро проснутся звери и птицы, скоро проснутся растения, а солнца нет и твоих собратьев тоже! Непорядок!

И тогда он понял, кто же он на самом деле. Радость заиграла искринками в его глазах, он понял, для чего он нужен в этой жизни! От радости, уже не слушая недовольного скрипа старой сосны, он запрыгал на месте, пританцовывая в такт песням проснувшихся птиц. Вдруг, вспомнив Белочку, Ягодку-Морошку и зайчат, решил, что надо помогать друзьям, чтобы и они улыбались так же весело, как он. Стрелой взметнулся он ввысь, искрясь так лучисто и ярко, что тучи разошлись. Устремился навстречу Сорни най[41], лучистой и улыбающейся.

– Эй, братья мои, просыпайтесь! Лесные жители плачут без нашего тепла и света. Они нуждаются в нас!

[41] Золотое солнце.

И тогда лес залил солнечный свет! Снопы солнечных лучей, весело растворяясь в воздухе, касались улыбками всего живого. Лес в тот момент будто окунулся в счастье, в сияние света.

В это мгновение на поляне в одном из тысячи других цветов, лучисто улыбаясь жизни, родился новый лучик.

НЕБЕСНАЯ ВЕСТНИЦА

1

Нэ[42] проснулась среди ночи от громкого кашля. Торопливо встав с кровати, она подбежала к младшей дочке, лежавшей под пологом, чуть поодаль. Девочка была вся мокрая и в жару. Голова металась по подушке, на лбу выступили капельки пота…

– Боже, да у нее жар! – вскрикнула женщина, положив руку ей на лоб.

На крик поднялась со шкур ее мать, женщина, многое повидавшая на своем веку. Всю ночь мать и дочь плечо в плечо сидели у изголовья девочки, сторожа ее неспокойный сон. Всю ночь женщина следила за каждым ее движением, каждая ее мышца, даже каждая частичка мозга были в сильном напряжении. Прошло мучительно много времени, прежде чем в окно забился первый луч света.

Солнце, проснувшись после глубокого сна, стало величественно, словно сверкающая царица на золотой колеснице, подниматься на еще темное небо. Нетронутый, девственный лес, окружавший единственную избушку, стал постепенно оживать.

Забывшись тяжелым, неспокойным сном, женщина лежала рядом с девочкой. Вдруг, почувствовав легкий шорох, она открыла глаза. Ее маленькая Ай Эви[43] лежала на постели из оленьих шкур и глядела в потолок потемневшими глазами.

– Доченька, хочешь горячего чаю?

– Нет, мамочка, не хочу… У меня головка болит и животик… – пролепетав эти слова, она свернулась в клубочек и закрыла глаза.

Анканки[44], мать женщины, встала и разожгла в маленькой печке огонь. По избушке стало расходиться тепло. Настал новый день, и нужно было заниматься домашними обязанностями, что бы ни случилось…

Женщина вышла на улицу. Пройдя по тоненькой тропинке, она вышла к самому концу обрыва над рекой. Ее беспокоило то, что мужчины, уехав еще два дня назад в близлежащий поселок, до сих пор не вернулись…

Она думала о дочери, которую не могла отправить в поселковую больницу, потому что рядом не было ни мужчин, ни транспорта…

Нэ долго стояла, глядя вдаль на линию горизонта. Так никого и не увидев, она повернулась и пошла назад, в избушку.

Весь день девочка лежала в лихорадке, ничего не слыша и не видя. Ее старшая сестренка Опи[45] все прыгала вокруг нее, предлагая Ай Эвие то свои игрушки, то конфеты, которые она потихоньку от матери спрятала у себя под подушкой.

– Ну пойдем поиграем, Ай Эвие! Хватит лежать, давай я тебе конфетку дам! Так и не услышав ничего в ответ, она побежала на улицу, надеясь поиграть с собакой, которая охраняла их дом. Затем, так и не найдя себе товарища по играм, она возвратилась в избушку, надула свои пухлые детские губки и сердито стала глядеть в окно.

– Анки[46], а почему Ай Эвие не хочет со мной играть? Почему она такая противная?

– Она просто болеет… Скоро она выздоровеет, и вы пойдете вместе с ней на улицу играть с собачками!

– А почему она не может выздороветь прямо сейчас? Мне очень скучно одной!

– Потерпи, доченька, скоро ей станет лучше! – ответив девочке, она подошла к больной.

– Тебе лучше, дочка? Хочешь горячей вкусной ухи? А если ты ее выпьешь, я тебя угощу большущей конфетой!

Приподняв голову девочки, она дала ей рыбный бульон. Отпив несколько глотков, девочка отвернусь, не в силах больше пить. Устало вздохнув, женщина вышла на улицу.

Настал день. Солнце стало разогревать все вокруг. Воздух наполнялся солнечным теплом. Солнечные лучи, словно золотые зайчики, прыгали и скакали по всему лесу. Добравшись наконец до хантыйского домика, ворвались

[42] Женщина.

[43] Младшая дочка.

[44] Бабушка.

[45] Старшая сестра.

[46] Мама.

сквозь небольшое окошко и стали вытанцовывать какие-то свои, ведомые только им танцы. Чтобы в полной мере почувствовать это живительное тепло и вздохнуть свежего и чистого, словно горный ручей, воздуха, в доме предусмотрительно открыли все двери и окна. Казалось, ничто не нарушало гармонии природы и человека. Только лежавшая в углу девочка тихонько постанывала, да часы, висевшие на стене, мерно постукивали в такт музыке жизни. Вдруг сквозь дверной проем в дом залетела Щищьки – маленькая птичка. Беспокойно щебеча, она попыталась вырваться обратно на волю – туда, откуда только что прилетела. Она металась по всему дому, натыкаясь на стены. В дом вбежала с громкими криками Анканки.

– Дочка, закрывай быстрее окна и двери! Сора, сора[47], пока она не вылетела! Она смерть несет! Нельзя ее выпускать назад!

В доме поднялась суматоха. Двери и окна тотчас же были плотно закрыты. Анканки носилась с тряпкой по всему дому, Нэ, схватив палку, пыталась оглушить птицу. Ее старшая дочка вскочила и отчаянно закричала:

– Анканки, Анки, не убивайте птичку. Она хорошая!

Размазывая детские слезы по личику своими маленькими кулачками, она схватила маму за подол платья и еще сильнее заревела.

Ай Эвие тихо лежала. Широко распахнув глаза, она смотрела на птичку. Та порхала, с жалобным криком металась из угла в угол. Перед глазами девочки мелькало маленькое жалкое существо, в ушах стоял отчаянный крик старшей сестры. Но она ничего уже не понимала. Закрыв глаза, она забылась в бреду. Рядом с ней лежала мертвая птичка. В последний раз она дернулась, и ее маленькая душа наконец-то оказалась на свободе, в далеких бездонно-голубых небесах. Серые перышки мягким ореолом разлетелись вокруг нее, некоторые, еще кружась в воздухе, тихо опускались на пол рядом с нею.

– Мама, бабушка, зачем вы убили птичку?! – плакала старшая дочка. Она крепко прижала ее к груди маленькими ручонками, детские слезинки беспрестанно катились по щекам.

2

Утреннее солнце нещадно било в окна. Женщина проснулась от неясного предчувствия. Поднявшись, она огляделась. Посреди избушки стояла Ай Эвие.

– Мамочка, у нас есть что-нибудь покушать? Я есть хочу! У меня животик болит!

Увидев более-менее окрепшую дочь, женщина кинулась к ней с объятиями.

– Конечно, конечно, сейчас я тебя накормлю. Дам тебе все, что захочешь. Только спроси. Не стесняйся! – радостная, она подбросила дров в печку, развела огонь и стала готовить завтрак.

Вечером приехали мужчины. Дом наполнился счастьем и спокойствием. Наконец-то женщина спокойно вздохнула. Умиротворенная, она села в женской половине дома и принялась за рукоделие. Жизнь продолжалась!

СКАЗКА ОБ АНГЕЛЕ

– Бабушка, расскажи историю! Ты ведь знаешь их так много! Ну, чего тебе стоит? – назойливо наседала на старенькую женщину маленькая девочка. В свои пять лет она знала бесчисленное количество сказок и рассказов. Большинство из них она узнала от бабушки. Девочка была совсем еще маленькая, с двумя светлыми косичками, янтарными глазами и красивым, тонким лицом. Смотря на нее, люди, сами не понимая того, не могли отвести глаз. Говорили, что бабушка в детстве была точной копией своей внучки, как внешне, так и внутренне.

Немного поколебавшись, женщина сказала:

– Я расскажу, но при одном условии: ты будешь сидеть тихо-тихо, как маленькая мышка. Слушай…

I

– Давным-давно это было. В одном из городов России жила-была прекрасная девушка с веселыми золотыми глазами и мечтательной улыбкой. Семья у нее была самая обычная – самые обычные родители, братья и сестры. Она была старшая, поэтому большинство забот по дому ей пришлось взять на себя. Каждый день она совмещала учебу и работу, а вечером, придя домой, после долгого тяжелого дня принималась за нескончаемые домашние обязанности: готовила ужин, убирала, стирала, возилась с детьми. Так шло время.

Однажды утром, в один из однообразных бесконечных дней, девушка отправилась в библиотеку, собираясь взять очередную книгу. Поиск среди стареньких полок вскоре увенчался успехом: в ее руках оказалась необычная повесть, повесть о трагичной любви двух прекрасных людей. Оформив книгу, девушка направилась домой. Она была так поглощена осмотром неожиданной находки, что, выходя из зала, резко столкнулась с молодым человеком, который шел ей навстречу. От неожиданности девушка пошатнулась,

[47] Быстрее, быстрее!

пальцы ее разжались, а книга упала. При этом она раскрылась, и перед их глазами оказалась чудная картинка. Она так манила взгляд своим необычным видом, что девушка и молодой человек невольно бросили на нее любопытный взор. Ее сюжет был очень интересен: на переднем плане были изображены два рыцаря, Белый и Черный. Они были поглощены боем, который происходил между ними. Все было настолько живо, что казалось, что они вот-вот убьют друг друга. Позади них стояла грустная девушка, ожидавшая исхода боя. В отчаянии она простерла к небу руки и молила Бога пощадить ее любимого. Но Бог не услышал отчаянные молитвы. Черный рыцарь поразил копьем Белого. Но любовь вечна – грустным ангелом выскользнул из тела возлюбленный девы и, протянув свои призрачные руки, обвил невидимо хрупкую шею девушки и стал верно охранять свою любовь от всех опасностей, недугов и грехов.

Рассмотрев картинку, юноша внимательно посмотрел на ту, которая обронила столь необычную вещь. В его глазах мелькнула тень восхищения – никогда еще не видел он таких кротких и красивых глаз, милого лица. Тут же, не теряя времени даром, он схватил книгу и вручил ее девушке.

– В следующий раз будьте поосторожнее, на моем месте мог оказаться другой человек, способный нагрубить вам…

– Не стоит за меня беспокоиться, я могу постоять за себя. Но все равно спасибо за совет!

– Зачем мне благодарность? Лучше скажите имя прекрасной особы, столь внезапно поразившей мое сердце?

– Я думаю, оно вам не понадобится.

Судорожно сжимая в руках книгу, заливаясь краской, девушка бросилась вон из здания. Никогда еще не знакомилась она с такими красивыми молодыми людьми. И действительно, парень был настолько хорош, что невозможно было отвести глаз: светлые волосы, хорошо очерченные брови, голубые глаза, тонкие черты лица… Точно принц, вышедший из сказки.

Прибежав домой, девушка бросилась лихорадочно заниматься домашними делами. Так она пыталась забыть эту встречу. Однако вечером, раскрыв книгу и сев у старенькой настольной лампы, она невольно вспомнила молодого человека, и его образ полностью завладел ее воображением. С сердитым вздохом она отбросила книгу подальше от себя. Встав у окна, будто забывшись, с замиранием стала наблюдать она за ночным небом. За окном царила летняя свежесть. Тишину изредка нарушало пересвистывание ночных птиц, в сонной траве грустно и протяжно напевали сверчки. Казалось, землю наполнила неземная мелодия, которая лилась словно из неоткуда – она рождалась сама по себе, без помощи композиторов и музыкантов. Ночные звезды, словно бабочки, порхали по бесконечному небу, они плясали в такт этой музыке. Диск луны, будто вылитый из золота, дополнял это захватывающее душу зрелище. Задумчивый взгляд девушки направился к небу, душа же направилась к нему, к принцу, вышедшему из сказки. В это же время в другом конце города у небольшого окна стоял юноша, направив свой взор на небо. О чем они думали, неизвестно…

Утром следующего дня он направился к библиотеке и просидел там весь день, точно ожидая кого-то. Так продолжалось несколько дней. Но тщетно. Та, которую он ждал, все не приходила.

Шли дни, недели. Однажды на занятии девушке пришла записка. Лучшая подруга пригласила ее на день рождения. Ответ не заставил себя ждать – как же отказать одному из самых близких людей, с которым она делилась всеми своими мыслями и желаниями!

На следующий день, прихватив подарок, Златоглазка направилась на маленькое торжество. И вот, войдя в квартиру, увидела радостную подругу и услышала радостный возглас:

– Аня, ты не представляешь! Ко мне приехал двоюродный брат, пойдем, я вас познакомлю… – весело вбежав в комнату, подружки оглядели гостей. Схватив Аню за руку, именинница подвела ее к молодому человеку.

– Анна, познакомься, это мой брат Владимир.

Перед глазами девушки предстал тот молодой человек, которого она безрезультатно пыталась выгнать из своих дум. Судьба во второй раз свела их.

– А вот и та, которую я так долго искал! Наконец-то я узнал твое имя, прекрасная незнакомка!

Девушка смутилась, отвела глаза и под предлогом нежелания оставить именинницу одну ушла. Но весь вечер ее взгляд все время метался среди гостей, выискивая его…

Наступила пора расходиться. Анна засобиралась домой. Но не тут-то было! Заботливая подруга отказалась отпустить гостью одну. Подведя своего брата, попросила проводить ее. При этой просьбе глаза юноши засверкали, с радостью он согласился проводить девушку.

Лунный свет освещал дорожку, по которой они шли, словно провожая их в новый мир. Он читал ей стихотворение…

Где ты, прекрасная бабочка,
Ангел с нежными крыльями?

Где ты? Мой взор ищет тебя –
Бесится, кружится –
Ни на кого не глядя…
Где ты, прекрасная бабочка,
Ангел, увитый цветами?
С глазами, полными слез,
С душой, вечно метающейся
От бесконечных грез…

Она с замиранием слушала, с жадностью проглатывая каждое слово, которое он произносил. Внутри нее все бушевало, ревело от непонятных, странных чувств, которых она еще никогда-никогда не испытывала. И в то же мгновение почувствовала, что они вдвоем – одно целое, маленькая частичка Вселенной, уходящая вглубь неизведанной темноты. Дом становился все ближе, расставание – тяжелей. Путь закончился, у крыльца маленького домика, освещенного ночными светилами, он посмотрел на нее, схватил порывисто ее руку и произнес вздрагивающим голосом:

– Что сделала ты со мной? И с сердцем, и с душой… Почему мои глаза все время ищут твое лицо среди людской толпы? Почему я ни о чем другом не могу думать, как о тебе? Почему, ответь мне? Почему?

В ответ она застенчиво поцеловала его в щеку и скрылась в проеме двери. Теперь каждый день он приходил ее провожать по утрам на занятия, а вечером – домой.

II

Прошло несколько месяцев. С каждым днем они все чаще и чаще виделись, они просто не могли обойтись друг без друга, их любовь росла и росла. Будто роза, она сначала протянула свои молоденькие листики к солнцу, а позже распустила свой прекрасный бутон на радость людям, источая при этом нежный аромат. Дни шли за днями, однажды утром Россию сотрясла страшная весть. Пришла Великая Отечественная война. Холодная и страшная. Повсюду обреченный и раздирающий душу плач: плач матерей и возлюбленных, стариков и детей – не будет больше отцов и сыновей, женихов и мужей. День за днем массы людей уезжали с холодных и серых перронов защищать Родину.

Пришел черед и Владимира. В один из таких тревожных дней он направился к Анне. Увидев его глаза, она поняла все. Не спрашивая ничего, дала ему серебряное кольцо. Кольцо было просто на вид, но вместе с тем очень прелестно: посередине был изображен ангел неописуемой красоты с янтарными крыльями и глазами, в руках он держал сердце. В последний раз заглянула в глубину его глаз… и ушла сама. Идя по улице, она взглянула на солнце, на небо.

Все в этот день было прекрасно. Казалось, солнечные лучики, нежно касающиеся ее лица, ветерок, шевеливший ее золотистые кудри, птички, напевающие нежную мелодию, – все хотело ободрить ее, успокоить, вдохнуть в нее энергию, жизнь. Устремив свой взор в синюю глубину неба, она долго-долго думала о чем-то. Вдруг, словно проснувшись, встрепенулась и… залилась слезами. Комок в горле мешал ей дышать, она задыхалась от рыданий, все как будто сжалось внутри нее. Давило, давило, давило… Она сотрясалась от жгучей боли. Душевной боли.

Идя по улице, она не видела ничего вокруг себя. Вдруг почувствовала у ног что-то маленькое и мягкое. Взглянув вниз, сквозь слезы увидела котенка, которого бросила нерасторопная мать. Он был один, явно хотел есть и был очень испуган. Вместо хвоста висел обрубок, клоки шерсти свисали со спины. Но он жил, он стремился к той маленькой жизни, которую подарил ему Бог. Посмотрел на нее своими грустными глазками и словно попросил с мольбой: «Помоги! Я хочу жить!»

И вдруг она поняла. Не она одна несчастна. Боль везде. Ласково взяв котенка на руки, произнесла твердым голосом: «Мы будем жить! Слышишь, мой маленький? Мы будем жить…»

III

На следующий день толпа людей собралась на перроне. Небо заполонили грозовые тучи, серый дневной свет мрачно касался здания железнодорожного вокзала. Все было настолько ужасающе, что казалось, что у перрона стоит огромный серый морг, а вагоны, стоявшие рядом, – огромные гробы, увозящие пассажиров на кладбище… Одиночная молния зловеще озарила небо.

Владимир стоял у выхода одного из вагонов. С тревогой вглядываясь в огромную толпу людей, искал он кого-то беспокойными глазами. Так и не увидев свою единственную, грустно улыбнулся и отвернулся. Его ждала новая жизнь… Анна тем временем с отчаянием бежала на перрон из госпиталя. С этого дня она стала медицинской сестрой. Став ей, поклялась помогать всем людям, просящим

помощи. А помогая им, молила Бога, чтобы и ее любимому в беде помог такой же самоотверженный человек, как и она.

Поезд с грохотом тронулся и направился навстречу своей судьбе. Одинокая ниточка бесчисленных вагонов беспощадно разрезала жизнь в ее глазах. Она успела. Еще долго в ее памяти будут стучать колеса, точка, виднеющаяся где-то далеко-далеко, на горизонте, будет напоминать тот поезд, что унес ее любимого.

IV

Время шло. Сменилось уже три весны. Страну мучил голод, повсюду царила смерть, слезы были везде, кровь залила всю Россию. Ярким пятном она разлилась повсюду, душила, мучила людей своими крепкими объятиями…

Владимир был в самом центре сражения. С многочисленными войсками он еще держался. Любовь к Ней помогала ему жить. Он защищал Ее. Каждый убитый им фашист срывал с его уст вздох облегчения, ведь, кто знает, может, именно этот человек мог бы убить Ее, изнасиловать, изуродовать. Он боролся с отчаяньем и с силой, которую давала ему безграничная любовь.

Однажды утром на лагерь, в котором он находился, напали немцы. Он боролся с особенным ожесточением. Боролся ради Нее. Когда надежды на спасение уже не было, он вырвался из укрытия и побежал наперерез немцам со своим автоматом. Расстреливая всех попадавшихся ему на пути, выкрикнул последнее слово – «Анна». Из его груди вырвался хриплый стон, кровь потоком хлынула из бесчисленных ран. Но на лице появилась блаженная улыбка, остекленевшие глаза были устремлены в небо…

Через трое суток через вымерший лагерь прошел отряд партизан. Проходя по месту смерти, обыскали все, ища продукты, оружие, теплые вещи. Один из молодых людей остановился у красивой тонкой березы. У ее изголовья лежал юноша. Человек обыскал его, ища документы. В кармане он обнаружил только паспорт и фотографию. На ней была изображена девушка необыкновенной красоты. Лицо умершего обрамляла улыбка, улыбка блаженства. Он был весь в крови, уже бурой и запекшейся. Но все это не портило впечатления. Он и при смерти был такой же прекрасный, как и всегда. Руки его были раскиданы в разные стороны. Внимание партизана привлекло то, что один кулак был плотно сжат. Осмотрев кисть, он разжал ее и обнаружил дивное кольцо.

V

14 февраля. Анна сидит в больнице рядом со спящим больным. На коленях ее лежит небольшая посылка, в сжатой руке сверкает небольшое кольцо. Слезы, слезы чистым потоком льются из ее янтарных глаз и падают на колечко. Ангел будто плакал вместе с ней.

Боль в груди давит, давит на ее сознание с такой силой, что, не выдержав, она падает на пол. Через час ее обнаружил врач. Девушка была в глубоком обмороке…

– Бабуль, милая, ну скажи, что случилось с этой девушкой?

– Ничего. Она живет и по сей день. И любит его так же, как он любил ее. Он охраняет ее своими золотыми крыльями, а она чувствует его присутствие. Он ждет, когда она придет к нему…

Вечером того же дня старушка сняла с пальца серебряное колечко. Встав у окна и глядя на ночное небо, поцеловала ангела с золотыми крыльями. Надев его обратно, легла спать. Сквозь сон чуть слышно пробормотала: «Милый, забери меня, поцелуй, обними…»

Утром ее нашли мертвой… Она улыбалась. Сноп солнечного света проник сквозь открытое окно, с нежностью ласкал старое лицо и все вокруг. Весенний ветер принес с собой что-то необыкновенное, воздух был особенный. Казалось, все вокруг улыбалось. На пальце ее радостно сверкал ангел. Он уже не охранял ее…

ЦВЕТОК ЦВЕТА НЕБА

Этим утром он проснулся от яркого света, который настойчиво бил в глаза. Весело играя, солнечные лучи блуждали по его телу, а затем, словно решившись напроказничать, осторожно пробрались к лицу и стали щекотать нос юноши. Он долго лежал – не хотелось терять удовольствия, которое может дать только утро выходного дня. Зарывшись в подушку, думал о том, что за окном улыбается рыжее солнце, а лазурное небо, словно кладовая, хранящая в себе все сокровища мира, уносит куда-то вдаль, в бездонную глубину случайных мечтателей, которым вздумалось проснуться ни свет ни заря и выйти на улицу. Выйти навстречу миру, залитому трелями птиц и снопами искрящегося света.

Шевельнувшись, он потянулся, встал, лениво оделся. Неспешно подошел к окну. Его взгляд рассеяно блуждал по улицам, мокрым после дождя. Непостоянное осеннее солнце в этот день решило щедро одарить своей теплотой уже завядшие цветы на лужайке, золотистые кроны деревьев и все живое вокруг.

Какое-то странное ощущение появилось у него в душе, будто нечто закралось к нему в душу и пыталось что-то сказать. Сердце тянуло его невидимой паутиной, приказывало идти, будто что-то важное должно случиться именно в этот день, именно сейчас…

…Он медленно шел вдоль заасфальтированной улицы, бесконечного ряда кирпичных домов, нависавших над головой.

«Возьми меня…»

– Кто это сказал? – воскликнул он. Но поблизости не увидел ни одного живого существа.

«Возьми…»

– Где ты, неизвестный? – его взгляд метался по всей улице: дом с синей крышей, рыжая кошка, сидящая у дерева и умывающая свою смешную мордочку, несколько скамей, магазин. Пусто. Никого нет.

– Где ты?

Тишина… Он ничего не мог понять. Что с ним происходит? Кто попытается сыграть с ним злую шутку? Раздраженно воскликнув, он решил, что ему уже надо идти домой. Не сделав и шага, почувствовал, как что-то хрустнуло у него под ногами. Только теперь он увидел невесть откуда взявшийся горшок с хрупким росточком нежно-зеленого цвета.

«Откуда ты?» – завертелась в голове мысль.

«Я оттуда, где живет любовь...»

В ответ молодой человек почувствовал лишь дуновение теплого ветра, струи теплого воздуха забились, нежно шевеля пряди его волос…

«Странно! – подумал он. – Как это растение оказалось здесь?»

Взглянув на разбитый горшок, подхватил его и понес свою необычную находку домой…

…Оказавшись дома, он пересадил росточек в стеклянную банку, бережно полил водой. Струйки воды нежно касались листиков растения, и, наконец, земля пропиталась живительной влагой. Молодой человек стоял и смотрел. Ему вдруг показалось, что листики ожили, заиграли и потянулись к нему.

От скуки он начал расспрашивать растение.

– Это ты разговаривал со мной на улице?

«Нет. Твое сердце сказало тебе…» – ответил росток.

Он ничего не услышал. Он не понимал языка цветов. Он увидел лишь, как колыхнулся лист на тонком стебле.

– Как же ты мал! Я даже не знаю, как ухаживать за цветами… Что же мне с тобой делать, горемычный?

Ответа не последовало. Он провел рукой по зеленому листу и удивился его мягкости.

– Как же тебя назвать? – пальцы нежно гладили листья.

«Ирис, меня зовут Ирис», – прошептало растение.

Услышав только шелест листьев, он сказал:

– Я назову тебя Ирисом. В честь самого загадочного цветка, которого я никогда не видел, но уверен – самого красивого!

***

Следующим утром он, сходив в цветочный магазин, купил горшок небесно-голубого цвета, пересадил туда растение.

– Надеюсь, тебе будет хорошо в твоем новом доме, странное маленькое растение. «Мне будет хорошо в твоем сердце…»

В ответ он слышал лишь тишину.

Шли день за днем. Растение набирало силу, протягивало руки солнцу, тянулось к жизни. Из голубого цветка уже не выглядывал скромный расточек, а величаво высился окрепший цветок. Его листья налились соком и вытянулись. Очень скоро на растении должны были появиться первые бутоны. Всякий раз, когда молодой человек подходил к столу, листья словно тянулись к нему и улыбались, мягко и застенчиво.

– Скажи, почему ты такой прекрасный?

«Я делаю это для тебя…»

…Он засыпал под пьянящий тонкий аромат. Воздух, качая тонкие листья, убаюкал сам сон, который бесшумно прокрался в полумрак комнаты… Лишь луна осмелилась осветить полумрак комнаты, про-

низывая окно призрачными лучами. Цветок возвышался на письменном столе, освещенный лунными зайчиками. Тонкий аромат струился по всей комнате…

«Я люблю тебя, – сказало растение. – Полюби и ты меня. Только ты способен принять мой дар – меня…»

«Властвуй мной», – покачивались листья.

Он слышал лишь шелест. Тихий шелест. Убаюкивающий шелест. Нежный шелест…

…Его разбудил телефонный звонок.

– Алло! – ответил он проснувшись.

– Здравствуй, любимый. Как у тебя дела? – услышал он в трубке голос своей девушки.

– Как всегда. А у тебя?

– У меня все просто отлично. И я хочу сказать тебе ошеломляющую новость: мы едем вместе в отпуск… Предупреждаю, никаких отговорок!..

Перед самым отъездом подошел к Ирису:

– Ну, пока, растение! Не скучай по мне. Мы с тобой обязательно еще увидимся. От жажды ты не умрешь – соседи будут за тобой ухаживать, каждый день проведывать тебя. А за меня не волнуйся – у меня все будет хорошо.

«Не уезжай, не покидай меня, твоя любовь помогает мне жить…» – сказало растение.

Он опять ничего не услышал. Увидев лишь поникшие листья, нежно погладил пальцем стебель и сказал:

– Не огорчайся, мой маленький, красивенький и самый любимый цветочек. Я никогда-никогда не брошу тебя, ты всегда останешься в моем сердце!

«Вспоминай обо мне. Я буду ждать тебя, любить и жить ради тебя…» – прошептало растение.

Нежный шепот еще долго витал в опустевшей комнате…

***

Прошел месяц. Ирис тихо стоял на столе. На крепких стеблях появились бутоны. Со дня на день они должны были раскрыться. Но, казалось, растение не торопилось – оно как будто чего-то ждало…

День шел за днем. Однажды вечером в коридоре послышалось позвякивание ключей.

«Ирис, я приехал!» – радостно вбежал молодой человек.

«Здравствуй, любимый! Если бы ты знал, как хочу я обвить тебя своими листьями, окутать тебя своим нежным запахом, но корни связывают меня, не дают вырваться на волю», – грустно сказало растение…

…Тихий шелест разбудил юношу. Его взгляд направился к столу. На нем величественно и прекрасно стоял Ирис. Освещенный лунным светом, он казался сказочным.

«Я люблю тебя, – сказало растение. – Полюби и ты меня. Только ты способен принять мой дар – меня… – шептало растение. – Я принадлежу тебе. Возьми меня, сорви плоды моей любви…», – покачивались листья…

Он видел только мерное покачивание распустившихся цветов. Он слышал лишь тишину…

Наутро он сказал цветку:

– Прости, мой цветочек, но я переезжаю к своей невесте, тебя, я, к сожалению, взять не могу…

Он видел лишь поникшие листья…

***

«Не надо!» – сказал цветок.

«Не забирай меня!» – прошептал цветок.

«Я не люблю тебя!» – качались цветы.

«Мои плоды не для тебя, оставь меня…» – прозрачные росинки катились по стеблю.

Цветок забрал сосед, живший в соседней квартире. Срезав красивый стебель, он поставил его в вазу.

Через несколько дней цветка не стало. Красивая ваза была окружена нежным ореолом цвета небесных далей лепестков. Лишь только последний шепот далеко-далеко уносился вдаль, навстречу неизвестному…

ЛАЗАРЕВ ГРИГОРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Григорий Дмитриевич Лазарев (1917–1979) – журналист, писатель, основоположник хантыйской литературы. Родился 27 октября 1917 года в деревне Большой Атлым Октябрьского района в семье рыбака и охотника.

В 1937 году в окружной газете были напечатаны первые стихотворения поэта. Литературные обработки народных песен и легенд он публиковал в рукописном фольклорно-этнографическом и литературно-искусствоведческом альманахе «Советский Север».

После окончания Ханты-Мансийского педагогического училища в 1938 году заведовал начальной школой. В 1939–1941 годах работал редактором национальной страницы в газете «Остяко-Вогульская правда». В 1940 году Омское областное книжное издательство выпустило в свет сборник «Хантыйская и мансийская поэзия», в котором были опубликованы и произведения Г.Д. Лазарева.

С первых дней Великой Отечественной войны до 1947 года Г.Д. Лазарев служил в Советской Армии. После войны и армейской службы он окончил Высшую партийную школу, работал заместителем редактора окружной газеты «Ленинская правда» по отделу народов Крайнего Севера, первым редактором окружной газеты «Ленин пант хуват».

Его стихотворения печатались в журналах, альманахах и коллективных сборниках «На рубеже», «Советская Арктика», «Сибирские огни», включены в 200-томное издание Всемирной литературы.

В последние годы жизни Г.Д. Лазарев первым из литераторов ханты начал писать прозу. Автор сборника рассказов для детей на хантыйском языке «Ас мувны» – «На обской земле» (1960 год), книги «Сорненг тов» – «Золотой конь» (1966 год), сборника «Рассказы и сказки старого Ики» (1963 год) на русском языке.

Фольклорист, создатель кружка национального творчества (1937), ставшего прообразом будущего городского литературного объединения Остяко-Вогульска, Виктория Вячеславовна Сенкевич (Гудкова) так писала о творчестве Г.Д. Лазарева: «У Григория Лазарева нет предшественников, так как у ханты не было художественной литературы, ее функции выполняет только устное народное творчество. К этому роднику народной поэтики и обратился молодой поэт… Нынешние стихи Лазарева – это уже настоящие поэтические произведения, первые ласточки зарождения хантыйской художественной литературы».

ДЕВУШКА ИЗ ТАЙГИ

Знаю, в тесной избенке, вдали от селений,
Среди заячьих «строчек» она родилась.
Знаю, ползать училась – на шкуре оленьей,
А ходить – за подол материнский держась.

Подрастала – зимы не боялась морозной,
Новой жизни высокий закон поняла.
И пошла по счастливой дороге колхозной,
Свою силу с народною силой слила!

А народная сила не знает преграды,
Перед ней расступилась глухая тайга.
Вот – проходит деревнею тучное стадо,
Электрический свет отражают снега...

Ясным утром, сощурясь от яркого света,
На крыльцо она выйдет – и скажет народ:
«Наша дочь, Александра Ивановна это,
Вместе с солнышком встала, на ферму идет!»

«Поднимайтесь, красавицы, время на дойку!»
Гладит морды коровам, халатом шуршит.
И поводит ушами любимица Зорька,
Узнавая хозяйку, подняться спешит.
Белой шапкой молочная пена клубится,

И ведра не хватает – еще подставляй!
Так по капле богатство народа творится,
Серебристою струйкой стекая за край.

А деревня – что город, большой и прекрасный,
Свет зари отражается в каждом стекле...
Александра Ивановна! Здравствуй и властвуй,
Будь счастливой всегда
На счастливой земле!

(Перевод И. Фонякова)

ЛИСТВЕННИЦА

Видишь, лиственница встала
На скале береговой,
Небо синее достала
Непокорной головой.
Есть преданье, что когда-то
Обессилевший старик
К ней добрался в час заката,
Прислонился к ней на миг.
И услышал: «Сын мой милый,
Я хочу тебе сказать:
От меня займи ты силы,
Благо, мне не занимать!»
Отдохнул старик душою,
И наутро помогло
Совладать ему с волною
Лиственничное весло.
Стал надежен на охоте
Крепкий лиственничный лук.
Вот и славится в народе
Это дерево, как друг!

(Перевод Г. Семенова, И. Фонякова)

ОБЬ

Обь! Я люблю тебя
Больше всей природы,
Ты моей колыбелью была
В далекие детские годы.
Много, много раз
Чайки плыл быстрей.
Не охватит глаз
Ширины твоей.
Крапивы волокна
Легче лодка моя.
Качаясь слегка,
Плыла в дальние края.
Разной рыбы, рыбы не сочтешь
В твоих водах,
Ты кормишь ее, бережешь
Для нашего народа.
И весной и летом теплым

У твоих берегов
Неводные ходят лодки
Наших вольных рыбаков.
Ты к морю бежать не устала.
Но бег остановишь зимой,
И снежное одеяло
Покроет твой лед голубой.
Весной ты вновь заблистаешь
Вечной своей красотой…
Я песню тебе слагаю,
Поэт, взращенный тобой.

(Перевод В. Сенкевич)

МЫ ДЕТИ ОДНОЙ СЕМЬИ

Солнцем счастья и свободы
Наша Родина полна.
Русский, ханты – все народы
Дружны, как одна семья.
Все мы вместе счастье строим
И рабов меж нами нет.
Вписан в Сталинском законе
Ряд прекраснейших побед!
Города, леса, заводы –
Мы владеем ими все,
В нашей радостной, свободной,
В нашей солнечной стране.
Русский, ханты, ненец – братья,
Мы в правах своих равны,
Все мы счастливы в объятьях
Нашей матери – страны.

(Перевод В. Сенкевич)

ВОРОНЫ-СТОРОЖА

На Обскую землю пришла осень. Небо заволокли тёмные тучи. Беспрерывно дул холодный северный ветер. У таловых рощ, сбросивших летний наряд, был жалкий, скучный вид. На полянах меж перелесками, где летом шелестел высокий зелёный пырей, лежала теперь увядшая жёлтая трава. Лишь кое-где высились одинокие кусты черёмухи, сохранившие яркую жёлто-красную листву. Всё замерло. Не слышно было больше криков уток и гусей. Покинули свои промысловые угодья мастера-рыболовы – халеи и чайки. Только вороны всё ещё сидели на кустах. Сидели они большими стаями и, нахохлившись, жадно озирались по сторонам.

Озёра и заливы ещё не застыли, рыбаки продолжали промысел. Поехали на рыбалку и Тореп с Опонькой.

После полудня ветер немного стих, заморосил дождь вперемежку со снегом. Но холод не слабел. Обжигало лицо, мёрзли руки. Рыбаки с трудом добрались до угодья. Выбрав место за ветром, выставили сети. Трудились до вечерних сумерек.

А за ночь столько выпало снегу, что можно было ехать на санях. Озёра и маленькие заливы покрылись льдом. Осмотреть сети оказалось трудно, и Тореп с Опонькой справились с этим только к обеду. Зато улов был богатый.

– Рыба есть! – радовался Опонька.

– Перед ледоставом хорошо рыба пошла! – ликовал и Тореп.

Но проверить сети ещё раз им не позволила погода. На следующий день, под вечер, рыбаки отправились на ближний стан за продуктами.

– А куда рыбу денем? С собой не увезти – не меньше трёх центнеров, – забеспокоился Опонька.

– Сложим на берегу, завалим снегом. Не лето – не испортится, – успокоил его Тореп и пошутил: – Пусть вороны сторожат.

– Пожалуй, насторожат тебе вороны, – рассмеялся Опонька.

Через сутки рыбаки возвратились к месту промысла. Ещё издали Тореп заметил над заливом большую стаю ворон и сорок.

– Опонька, вороны над нашей рыбой кружатся!

– Верно. Ой, сколько их! Носятся, как мухи!

– А ну, скорей спасать рыбу! – и Тореп заработал вёслами.

Однако. когда рыбаки подплыли к берегу, вороны даже не встревожились, наоборот, к этому времени их налетело ещё больше. С громким карканьем кружили они над кучей. Жадно набрасывались на рыбу, выхватывали её друг у друга, теребили, потрошили. Видя, как разбойничьи уничтожается их добыча, рыбаки обозлились. Тореп замахал веслом, закричал. Но в сторону отлетело лишь несколько ворон.

Не успела лодка коснуться берега, как Опонька выпрыгнул из неё и, тоже размахивая вёслами и громко крича, бросился на ворон.

Словно огромная чёрная туча нависла над берегом – поднялись с земли вороны. Отлетев немного от кучи, они уселись на берегу, устроились на кустах, но улетать совсем, как видно, не собирались.

Особенно нагло вела себя одна ворона. Её легко было отличить от других: вся какая-то общипанная, на клюве – нарост вроде шишки, на правом крыле – грязно-серое пятно. Бывалая разбойница. Ворона даже не отлетела, сделала круг и снова возвратилась к рыбе. Выставив грудь, приседая на хвост, громко, отвратительно каркая, шла она прямо на людей.

– Опонька, смотри! Опять эта нахалка возле рыбы! – кричал Тореп, носясь с веслом по берегу.

– Сейчас я им покажу! – Опонька побежал к лодке, взял ружьё.

Вороны словно догадались, что им угрожает опасность, поднялись, отлетели, на этот раз далеко.

Рыбаки были так обозлены на нахальных птиц, что открыли по ним стрельбу. Ведь вся рыба оказалась растасканной по берегу, испорченной – выклеваны глаза, распорот живот, вытащены потроха. Тореп и Опонька от всей добычи смогли собрать меньше половины.

– Вот тебе и улов, – ругался Тореп. – Всё растащили, проклятые!

– Будь они неладны, эти вороны-сторожа, – вторил ему Опонька.

– Мы сами оказались воронами, – горестно признался Тореп. – Проморгали добычу.

ГУСЬ-СИРОТКА

Пришлось мне как-то летом в конце августа плыть по притоку Оби. Плыли мы в лодке-неводнике с подвесным мотором. Почти с самого начала пути «подвесник» стал барахлить. Километров через двадцать пять он совершенно отказал, и мы были вынуждены сделать остановку. Моторист занялся ремонтом.

Причалили к отлогому песчаному берегу. На нем одиноко стояла маленькая избушка, возле избушки был небольшой загон для оленей, в котором они у дымокуров спасались от комаров.

Встретила нас пожилая женщина, очень подвижная, словоохотливая. На вид Марии Николаевне было не более пятидесяти, но оказалось, что ей перевалило за шестьдесят. Хозяйка настояла на том, чтобы я прошел в избушку, гостеприимно предложила сесть и поставила передо мной большое блюдо с ягодой – голубикой.

– Набрала только сегодня. Перед вашим приездом пришла из лесу, – пояснила она.

Поблагодарив хозяйку, я принялся было за ягоды, но вдруг услышал гусиный крик.

– В тайге гуси живут? – удивился я.

– Это мой, домовой, – рассмеялась Мария Николаевна. – Гулять со мной ходил. Я собирала ягоды возле болота, и он тут же кружился. Теперь домой возвращается.

Не успела она закончить рассказ, как гусь опустился на землю и, что-то лопоча по-гусиному, зашагал к загону. Мария Николаевна окликнула его:

– Тунт, тунт! (Гусь, гусь!)

Гусь услышал голос хозяйки и враз перевел свой «разговор» на другой тон. Подойдя к избушке, он вытянул шею и просунул в открытую дверь голову.

– Есть, наверно, хочет, – сказал я.

– Он сытый. Хорошо наедается на болоте. Если бы не наелся, не прилетел бы.

Это был обычный большой серый гусь. Их называют здесь «речниками». Гусь был еще молодой. Все перышки аккуратно приглажены.

– Давно его держите? – поинтересовался я.

– Нет. С начала лета.

– А где купили?

– Гусь этот – сиротка. Случайно остался живым, – ответила женщина и замолчала.

Дальше рассказ о гусе продолжил хозяин Иван Кечимов, только что вернувшийся из леса.

– Бродил я однажды в лесу, – рассказывал Иван, – нужно было черемушник достать. Иду по гривке, посматриваю по сторонам, выискиваю нужные мне деревья. Вдруг – лиса. Крутнула хвостом и – была такова. Скрылась в кустах.

Подхожу ближе к месту, откуда она тягу дала, гляжу – валяются гусиные перья. «Значит, дело не чистое, думаю, плутовка тут без дела не была». Стою, размышляю, как все это могло произойти. Слышу – писк птенца. Подался на писк, а он, бедненький, беспомощный, видать, совсем недавно выбился из скорлупы. Взял я его в руки, а у него сердце так и бьется, готово выскочить. Нашел тут же гнездо. Было оно пустое.

Гусиху лиса схватила, знать, прямо на гнезде. Борьба между ними была крепкая: перьев много осталось на месте. Жалко мне стало птенца-сиротку: погибнет беспомощный. Взял его и принес домой.

– Выходила я бедняжку. Теперь он уже сам себе еду добывает, – добавила Мария Николаевна. – А сколько хлопотала: гнездышко теплое сделала, мошек и комаров для него ловила. И самого гусенка от них оберегала. Теперь уже все ест, сам находит себе пищу, какую надо... А умница! Что тебе человек – все понимает, только что не говорит.

Ремонт нашего «подвесника» затянулся. Сидя возле избушки, я часто наблюдал за гусем. Он важно разгуливал по двору, а встретив хозяйку, бормотал ей что-то на своем гусином языке. Она в ответ ему ласково отзывалась: «Тунт, тунт!»

Перед нашим отъездом Иван Петрович с женой стали собираться на рыбалку.

Уложив в лодку все необходимое снаряжение, Мария Николаевна побежала к избушке, взяла берестяной туес с продуктами. Гусь неотступно следовал за своей хозяйкой.

Спускаясь с пригорка, женщина произнесла:

– Мантымин, мантымин! (Поехали, поехали!)

Гусь в ответ громко загоготал. Мария Николаевна раскинула руки в стороны, замахала ими и засеменила к речке. Гусь тоже замахал крыльями, вытянулся на лапах и поднялся в воздух. Сделав круг над берегом, загоготал, полетел за лодкой, уходившей вверх, против течения. Он то залетал вперед лодки, то возвращался, летел над ней и все что-то наговаривал. А снизу ему отвечала хозяйка:

– Мантув, мантув! (Едем, едем!)

Они понимали друг друга.

КАТАНЬЕ НА ЛОСЕ

Был тихий июльский день. Над водой, высматривая добычу, кружились чайки. У правого берега протоки Широкой неводили рыбаки. Только что произошла мена бригад. И бригадир Павел Иванович, освободившись от работы, устало направлялся к стану. На пригорке он остановился, обвел взглядом из-под ладони устье протоки и вдруг оживился.

– Ребята! – крикнул он членам своей бригады, хлопотавшим на берегу возле лодки. – Глаза у вас молодые, посмотрите, что это там плывет по реке?

Первым взбежал на пригорок Семен, за ним бросились Василии и Петр.

– Да не туда, на стрежень смотрите! – показал им рукой бригадир.

– Кажись, лошадь, – неуверенно сказал Петр.

– Однако не лошадь. Нечего ей делать на горной стороне. Здесь и травы-то нет, – возразил Василий.

– Да это же лось! – рассмеялся Семен. – А ну, ребята, поехали, посмотрим его!

– Поехали! – согласились товарищи, и все трое бросились к лодке.

– Будьте осторожней, как бы он у вас лодку не опрокинул! – крикнул им вслед бригадир и зашагал дальше. «Пусть потешатся, – думал он. – Народ молодой, усталость у них проходит быстро».

Добежав до протоки, друзья сели в лодку. Василий с Петром налегли на весла, Семен взялся за руль. Когда лодка приблизилась к животному, рулевой воскликнул:

– Какой здоровый! Куда лошади! Одна голова вдвое больше лошадиной!

– К нашему берегу направился, – заметил Василий.

Лось, почуяв приближение лодки, забеспокоился. Резко изменив направление, поплыл вдоль Оби, потом метнулся к противоположному берегу. А когда лодка оказалась совсем близко, повернул обратно, к месту, откуда отчалили приятели. Рыбаки залюбовались животным. Даже сейчас, в минуту грозившей ему опасности, лось был красив. Почти весь погрузившись в воду – видна была лишь узкая полоска спины – он плыл стремительно, мощной грудью рассекая воду. Гордую голову держал высоко. Поводил ушами, пофыркивал.

– Вот плывет! Мастак! – восхищался Семен. – Решился переплыть! А ширь-то какая – с одного берега не видать другого! Не понравилось, видно, ему что-то на том берегу.

– Поехали обратно, – предложил Петр. Плавать он умеет, – не потонет и без нас.

– Ребята, я что придумал! – весело воскликнул Василий. – Зачем грести? Пусть лось нас везет...

– Что же ты предлагаешь? Сесть на него верхом? Или, может за хвост ухватиться? – рассмеялись друзья.

– Не смейтесь, серьезно вам говорю, прокатимся на лосе, убеждал их Василий. – Заарканим бечевой и – баста.

– А ведь верно, – согласился Семен. – Бечева у нас есть.

– Сейчас соорудим аркан, – хлопотал Василий.

Лось, казалось, плыл снова спокойно, только сильнее сопел, дышал тяжело.

Василий ловко, с первого раза, заарканил животное. Просвистев в воздухе, веревка легла лосю на уши. Он недовольно, гневно потряс головой. Петля соскользнула вниз и оказалась у него на шее. Василий дернул бечеву на себя.

– Вот и готова упряжка! – радостно возвестил он. Разъяренное животное быстро продвигалось вперед. Лодка мчалась на буксире так легко, словно лось не чувствовал за собой груза. Довольные своей находчивостью, рыбаки шутили, весело смеялись.

Но вдруг лось так сильно дернул лодку, что пассажиры чуть не вылетели из нее. Не успели они оправиться от неожиданности, как их вновь сильно качнуло. Лодка рывками двигалась по воде, виляя из стороны в сторону.

– Держись, ребята! – закричал Семен, впившись руками в борта лодки.

– Вот так упряжка! – растерянно произнес Петр.

– Однако как же мы теперь? – недоуменно спрашивал Василий.

А лось, почуяв под собой дно, пошел вскачь. Громко фыркая, выбрасывал он вперед длинные ноги. Вода разлеталась фонтаном. Теперь лодка болталась, словно рыбка на леске. Она касалась воды лишь кормовой частью, поскрипывала, трещала. Добежав до берега, лось с ходу прыгнул на пригорок. Лодка с пассажирами на какой-то миг взлетела в воздух, затем грохнулась о землю и ... раскололась во всю длину. Корма отлетела. Семен вместе с сиденьем остался позади. Лось же помчал Василия и Петра, вцепившихся в края лодки, дальше. Они никак не могли остановить, укротить взбесившегося зверя. Наконец, лодка врезалась в кусты тальника и застряла. Лось на мгновенье остановился, но тут же напрягся, дернулся с огромной силой, веревка оборвалась, и он скрылся в кустах.

Первым пришел в себя Семен. Он со всех ног бросился на помощь товарищам.

– Берегитесь, берегитесь! Где вы? – кричал он.

Но друзья не отзывались. Лишь добежав до кустов, услышал он стоны.

Когда Петр с Василием выбрались из тальника, их невозможно было узнать: с головы до ног облеплены мокрым песком, грязью, лицо, руки в ссадинах, кровоподтеках, шишках.

– Правый бок ушиб, однако, – жалобно охая, произнес Василий.

– Сами виноваты, – с трудом выговорил Петр. – Ох! Ой!

– Ты первый придумал прокатиться на лосе, – начал упрекать Василия Семен.

– Все мы виноваты, – стряхивая с себя грязь, остановил готовую вспыхнуть ссору Петр.

– А силенка у него есть! Лошадь бы так не прокатила! – восхищенно говорил Василий, тоже приводя себя в порядок.

Обратный путь к стану рыбаки совершили пешком. Отмерили километров пять.

Катанье на лосе обошлось им дорого: не отделались одними ушибами да царапинами, пришлось уплатить артели за разбитую лодку.

НЕПА РАНИЛИ

В пятый апрельский день, рано утром, Микута стал на лыжи и направился в лес. Зачем он пошел, никому не сказал. Только подвязывая подволоки, предупредил жену:

– Етынота ехытым (Под вечер вернусь).

Ружья с собой не взял. Заложил топор за пояс, которым был подпоясан гусь, и, ловко скользя по насту, скрылся в лесу. Уликси, как только проснулся, спросил мать:

– А где отец?

– В лес ушел.

– А Сапко взял?

– Зачем сейчас собака?

Уликси быстро оделся и стал собираться в школу. Учился он в восьмом классе, но был уже неплохим следопытом. В зимние каникулы сдал на приемный пункт более ста беличьих шкурок. Сейчас ему хотелось знать, зачем отец ушел в лес, когда охота закончилась. Вернулся он из школы поздно: задержался на занятиях математического кружка. Когда Уликси пришел из школы, отец был уже дома. И он тут же начал расспрашивать его.

– Да вот Непа тебе приволок.

– Вот это да! – воскликнул Уликси радостно. – А где он?

– Отдыхает, лежит в кухне.

Уликси побежал к нему и давай гладить.

– Он еще дрожит.

– Теперь уже согрелся. Это так, волнуется. Раз молоко пьет, значит, будет жить. Сердце мне подсказывало. Еще зимой заметил: кружится лосиха в зарослях у сопки Орла. Думаю, схожу, посмотрю, не загубил бы кто ее.

Теперь Уликси, возвращаясь из школы, только и занимался Непом. Поил молоком, потом приучал к ухе. Весной по совету отца стал молодой осинник заготовлять.

– Надо, чтобы зубы развивались, – говорил Микута

А когда сошел снег, стал Уликси подкармливать его свежей травкой. Неп сам ходил по лесной чаще, находил себе пищу. Но быстро возвращался обратно и, как только открывалась дверь, смело входил в дом.

Уликси часто с лосенком уходил в лес. Маленький питомец шел за своим хозяином вслед, а он ему давал по дороге какую-нибудь еду.

Летом Микута переехал вместе со всей семьей на рыбное угодье Вась-Лор. Вместе с хозяином переселился и Неп. Он шел по берегу речки и наблюдал, куда плывет лодка Уликси то и дело окликал его:

– Тухсэм! Тухсэм! (Друг! Друг!) – кричал Уликси. Неп навострял свои большие уши, а потом водил ими из стороны в сторону.

За лето Неп стал неузнаваемым: подался ввысь и вширь. Похож был на взрослого лося: подтянут и строен, покрыт короткой коричневой шерстью. Голову держал высоко. Объедал листья у маленьких осин прямо с верхушек. Под осень Неп стал бывать в отлучке целыми днями. Иногда и ночь где-то бродил.

Микута тревожился: «Зверь есть зверь, может и навсегда уйти в лес». Но своих мыслей вслух не высказывал.

Как только Неп появлялся, он сразу требовал угощенья. А Уликси тут и был. Он заранее заготовлял ему пищу. А больше всего лось любил чемых, Уликси в этом деле помогала его сестра Матра. Хотя ей было всего шесть лет, она не страшилась лесного великана. Смело подходила к нему, гладила морду, он лизал ее руки и просил лакомства. А она отдавала ему все, что у нее бывало. Ничего не жалела для него.

Как то Уликси спросил отца:

– А можно Непа научить, чтобы он в упряжке ходил?

– Вот этого не знаю. – А сам Микута давно думал: «Олень тоже дикое животное, а человек им управляет».

Выезжает Микута на рыбалку на оленях, а за ним следом бежит Неп. Пока рыбак делает свои дела, он разгуливает то по речке, то идет в лес, а то подходит к оленям и начинает с ними играть, те только отмахиваются от него.

Микута кормил оленей прямо на льду мелкой мерзлой рыбой, и скоро Неп возле них стал собирать мелкие крошки. А потом так пристрастился к мерзлой рыбе, что стал даже отнимать ее у оленей.

Как-то раз Микута собирался домой с рыбалки и запряг в упряжку лося, а оленей пустил вперед на поводу. Неп оказался хорошим коренным. Он свободно волок нарту со всем грузом. Повторил это Микута еще раз при выезде на рыбалку.

С этого времени Неп стал чаще привлекаться к работе. А какая была радость, когда Уликси и Матра вместе с отцом прокатились на Непе!

Занимается Микута своим делом возле дома: смотрит, выбегает Неп из лесу, а на нем верхом катит Уликси.

– Как же ты на него забрался?

– Подвел к пню и прыгнул на него.

– А если бы он тебя мотнул, что бы от тебя осталось?

– Он меня слушает.

Минута покачал головой и добавил:

– Смотри, как бы он тебя не покалечил.

… Микута только пришел из лесу – заготовлял материал для ловушек:

– А где наш Непушка? – спросил он.

– Куда-то в лес ушел, – ответил Уликси.

– Долго бы не прогулял. Завтра он нужен мне, надо поработать.

Солнце уходило на закат. Слышит Микута: лает Сапко. Не как обычно, а как будто воет. Он вышел на улицу: «Что-то случилось, – промелькнуло в голове Микуты, – зовет меня!». Сапко подбежал к хозяину и тут же повернул обратно. Микута направился за ним. Видит – стоит Неп на опушке леса, прислонившись к большой сосне и низко опустив голову.

– Эй, ешик хатл! (Эй, дорогое солнце!) – воскликнул он. – Моты вер воем пита тывмат. (Какая-то беда с моим зверем случилась).

Тут прибежал Уликси, а за ним примчалась Матра. Микута ходил вокруг зверя и не мог понять, что с ним случилось. Зверь стоял в одном положении и с трудом переводил дыхание, чувствовалось, что он слабеет.

Микута стал осматривать лося, а тот протянул к нему морду, чуть-чуть раздвинул губы, как будто хотел что-то сказать, но не хватило сил. Микута взглянул ему в глаза. Они были в тумане, на них навертывались слезы.

Вдруг Неп судорожно задвигал задними ногами и стал сползать вниз по стволу дерева.

– Эй, эй! – громко произнес Микута. – Бедняжка! Да он ранен. Стреляли в него пулей. Кто же его ранил?

Уликси и Матра стояли перед зверем, понурив головы, по их лицам катились слезы.

Лось вздернул головой, упал на колени. Матра громко зарыдала и побежала домой.

А Уликси только произнес

– Папа, надо ему рану забинтовать.

– Сынок, теперь мы ему ничем не поможем. А чтобы он не мучился… Сходи, принеси мой нож.

Уликси пошел выполнять указание отца, а сам заливался слезами.

Когда забили лося, никто из семьи не пожелал есть мясо. Всем было его жалко. Микута сказал:

– Мясо придется сдать на звероферму.

... Что только не передумал Микута за ночь. Не выходило у него из головы: «Кто в него стрелял? А лось к людям сильно привык. Ранили, и еще добежал до дому. Что-то соображал. Думал – помогут».

Рано утром Микута положил на карточку лыжи и направился по дороге в лес. Увидев на снегу следы, залитые кровью, стал на лыжи и направился по тропе лося.

Микута уходил все дальше и дальше. Подошел к первой стоянке Непа, где он сдирал кору с молодого осинника. Потом спустился в лог, поднялся на увал, прошел по хребту и стал спускаться к речке.

Микута знал, где лось должен остановиться. И вот его новая стоянка. Охотник, срезая углы, идет по его следу. «Нет, это они, никто другой. И вот их след. Ходили на узких лыжах. Было их двое. Вот они откуда стреляли...»

– Надо начальнику Быстрову сказать, – решил Микута. – Если ручного зверя бьют, то диких и вовсе ни одного не оставят.

С этими мыслями он направился прямо на базу сейсморазведки Патынг Тор.

ОХОТНИК-СОНЯ

Кончалась зима. На южных склонах гор появились проталины, днём по оврагам журчали ручейки, в реках и протоках прибывала вода. Над деревней пролетали вороны – первые весенние гости Обской земли. Воробьи, пережив холодную пору, вели на солнцепёке перепляс, громко чирикали. Повыползали из

своих нор бурундуки. Радуясь весне, резвились долгохвостые сороки. Они поднимались высоко в небо, кружились в воздухе, носясь друг за другом, а потом вдруг исчезали в лесной чаще...

Радовались весне и охотники. В эти дни только и разговору было об охоте.

– Утки прилетели!

– Вчера на Кузькиной курье, – волнуясь, рассказывал товарищу Михаил, – видел пару уток.

– Значит, можно идти на охоту! – решил Иван.

Идти надо было пешком: на протоках и озёрах, еще стоял лёд. Путь был нелёгкий. С большим трудом перебирались охотники через протоку. Иван одной ногой провалился под лёд и набрал в голенище сапога воды. Но это не остановило друзей.

До перелёта уток были уже на месте. Наскоро соорудили скрадки-шалаши, расставили на воде чучела.

– Набьём, Иван, сегодня уток. Как только домой понесём? – направляясь к своему скраду, шутил Михаил.

– Я-то набью, а ты едва ли, – самоуверенно ответил ему Иван.

... Прошёл час, другой, третий. Погасла вечерняя зорька. Сидя в своём скрадке, Михаил думал: «Теперь уж нечего ждать. Холодно стало...» Вдруг над самый скрадом послышался свист крыльев – прилетели утки, потом всплеск воды возле чучел. Михаил прильнул к бойнице скрадка – на воде мелкая рябь: к чучелам подплывала пара уток.

«Эх, как бы не улетели!». Он осторожно просунул в бойницу ружьё. Утки-острохвосты плыли рядом, касаясь друг друга.

Выстрел – и обе, сражённые, остались на месте.

Иван дремал. От выстрела он вздрогнул, быстро протёр глаза, глянул в бойницу. Но кроме чучел, ничего не увидел. Пересчитал их. Все были на месте. Посидел, и опять дремота одолела его.

А высоко на дереве возле скрадка Ивана сидела сова и высматривала себе добычу. Вот она оторвалась от дерева, устремилась к заливчику и бесшумно набросилась на утку-чучело. Глубоко вонзила в нее когти. Но «утка» даже не пошевелилась. Сова яростно теребила её. Перья, клочья – деревянное чучело было обтянуто утиной шкуркой – летели во все стороны. Но полакомиться сове так и не пришлось. Рассерженная, бросив злополучную «утку», уселась она обратно на дерево. Однако вскоре вновь вспорхнула, сделала круг над «утками». Опять уселась на дереве. Потом снова снялась, облетела охотничий шалаш, посидела на нём, перемахнула на другую сторону и устроилась на колышке возле смотрового окошка.

Иван, продолжая спать, сладко посапывал. Ему и невдомёк было, что творила возле него сова. А сова, учуяв в шалаше что-то живое, встрепенулась, подобралась к смотровому окошку совсем близко и уставилась немигающими круглыми глазами в шалаш. Теперь она не только слышала, но и видела добычу. Сидит сова, пощелкивает крючковатым клювом. Разгорается у неё аппетит. Но как достать добычу? Как с ней справиться?

С полночи похолодало ещё сильнее. Заливчик схватило льдом. Иван стал мёрзнуть. Спал он сидя, склонив голову на колени. Поёживаясь от мороза, то и дело втягивал голову в плечи. Зубы его выбивали дробь. Наконец, не выдержав, Иван поднял голову и увидел перед собой две светящиеся фары. Не разобравшись, что бы это могло быть, протянул к ним руку. Сова как будто только этого и ждала – всадила когти в руку охотника. От боли, неожиданности, испуга Иван закричал. Он старался высвободить руку, но сова с силой тянула к себе. Завязалась борьба. Однако добыча оказалась не под силу птице. Она уже хотела бросить её – махала крыльями, пытаясь высвободить когти, и не могла. А Иван продолжал кричать, всё ещё не понимая случившегося.

Михаил услышал вопли друга и с тревогой подумал: «Однако медведь напал на него...».

– Михаил! Помоги!.. – голос Ивана охрип и был какой-то неестественный.

Выскочив из скрадка, Михаил поспешил на помощь другу. Возле самого шалаша Ивана над ним низко пролетела сова. Из шалаша на коленях выполз Иван, держа на весу растерзанную правую руку. От запястья до пальцев вся верхняя сторона руки была разодрана и из неё сочилась кровь.

– Что случилось?

– Беда! Искалечили! – Иван чуть не плакал.

– Кто? – спросил Михаил.

– Не знаю...

– Охотник, а не знаешь, – насмешливо бросил Михаил. – Сова тебя покалечила. Сейчас только пролетела надо мной. Могла и глаза выклевать. Вон смотри, как расправилась с твоим чучелом. Начала с него, а добралась до охотника-сони!

ЛАПТЕВА ГАЛИНА ПАВЛОВНА

Галина Павловна Лаптева родилась 18 марта 1966 года. В 2003 году окончила Сургутский государственный университет по специальности «Психолог, преподаватель психологии», а в 2014 году Уральский государственный педагогический университет. Работает учителем хантыйского языка и литературы МБОУ «Ляминская СОШ» Сургутского района. Руководит детским фольклорным коллективом «Канкэлы – Ягодка». Жизненное кредо: «Жизнь дана на добрые дела».

Автор сборника хантыйских песен для детей «Поющее озеро». Публиковалась в периодическом издании Сургутского госуниверситета «Скрижаль», в газете «Слово народов Севера» и в газете «Вестник» Сургутского района. В 2015 году была в числе делегации ХМАО – Югра в Венгрии на XIII Международном конгрессе финно-угорских писателей.

Г.П. Лаптевой написаны рассказы-воспоминания о детстве «Сон Глухарки» и стихотворения.

***

– Кому нужна война?
Где плачут не рожденные дети
На выжженной земле,
Кровавым платком Земли
вытирая слезу:
– Я жить хочу!
Я хочу родиться!
Мама, ты здесь, ещё жива?
Отец мой в 45 убит…–
Я ваш не рожденный сын...
Как донести до людей:
Мир на планете нужен сейчас!
Я хочу родиться – парень из 45!
Взываю к миру, услышьте меня!
Я больше не хочу утирать слезу
кровавым платком убитой матери.
Слышу рокот войны сейчас…
А в ответ, как всегда тишина…
Люди вытирают слезу
Кровавым платком Земли…
Снова иду по окровавленной Земле…
Остановите, Люди, войну!
Я хочу родиться: есть шанс у детей!
Кому нужна война?
В ответ как всегда тишина…

2015

СОН ГЛУХАРКИ

СОН ГЛУХАРКИ: О, ЗОЛОТАЯ БОГИНЯ ДОМА, ОБЕРЕГАЙ НАС!

Эти слова моих предков всегда звучат при виде огня в чувале моей мамы, которая живёт на реке Юты. Сегодня с мамой мы проводим обряд «Поклонение Най Анки».

Мама шепчет тихим голосом:

– Хорошей, трудолюбивой невесткой была, вот и оставили меня охранять нашу речку Юты…

Голос мамы задрожал от воспоминаний о большой семье, которая у нее когда-то была, заблестели её глаза, и она быстро прикрыла их хантыйским платком.

Огонь одобрительно трещит, принимая из моих рук красную материю. Языки пламени заплясали, запели. Обряд очищения прошёл удачно!

– Какую песню споёшь сегодня, Огонь-Мать?

– А вот и видение! Не успеваю прислушаться, звучит голос деда Ефима: – Юты юхан Луклэнки!

– Хуты илум?

– Хуты илум?

– С Юты речки, Глухарь!

– Что мне делать? Что?

В этот момент Лук ики не принадлежал себе. И пронизывающая громкая песня старца всё больше захватывала пространство старой хантыйской избы, где собрался весь род Мущан ёх. Бабушка, Татья – Лимэн Якор эви, идёт плясать, только кисти платка, как огонь, замелькали. Ещё мгновение, и мне кажется, что она и есть Огонь-Мать, которая в танце поёт:

– Танцуй, танцуй, внученька! Пусть радость будет в доме!

Сердце моё стучит:

– Так надо! Так надо всем! Пусть радость будет в доме!

И мне кажется, что я вижу сон: мелькают люди, берестяные маски, платки, голоса, огонь и я тоже часть огня:

– Это сон? Нет!

– Это привели в дом его…

– Медвежий праздник!

– Пусть этот Священный день оберегает нас!

– Это сон? Да!

– Как я раньше не догадалась! Это Сон Глухарки!

– Да! Глухарка во сне прилетает к младенцам и оберегает их покой, даёт им здоровье!

– И только открой глаза, Глухарка сна улетит!

– С Глухаркой сна мы дружим. Она часто мерцает перед моими сонными глазами на выскобленной берестяной люльке, подвешенной к потолку деревянной избы, когда я качаю моих младших братиков.

Долго ещё мне слышатся песни старшего поколения. Тогда мне было шесть лет. Это одно из ярких впечатлений детства. С тех давних пор прошло много лет. Я благодарна огню в чувале хантыйской избы и Глухарке сна, которая, закрой глаза и прилетит!

– О чём еще расскажешь, Огонь-Мать?

– И вот я вижу солнечный, летний день моего детства на реке Юты.

Детство моё прошло в верховье реки Лямы, на малой протоке Юты. Для нас она была кормилицей и любимой рекой. На поверхности речной глади играли на длинных стебельках кувшинки, а по берегам росли могучие зелёные сосны. В солнечном бору росла сладкая ягода, но не было чёрной смородины. Только спелая брусника на белом ягельнике нежилась на солнце.

Девочка, с глазами смородины цеплялась своей ручонкой за красный, кустик брусники, и круглые щёки наполнялись сладким соком. Рядом токовали глухари, которые, конечно же, радовались красному ковру из спелой брусники. Доносились песни лесных чаек с Поющего озера. Девочка пела свои песни на родном хантыйском языке. А иногда лесные могучие сосны на ягельном бору слышали песню Людмилы Зыкиной:

– Над колхозным над полем зори рано встают!

Девочка смеялась, и игривые солнечные лучики отражались в её чёрных глазах. Эту и другие песни выучила она, не зная русского языка, слушая радио долгими зимними вечерами. И полюбила звонкий русский язык, который завораживал воображение, и новый, зовущий, неизведанный мир манил, звал девочку в дорогу. Так закончилось обучение в Лесной школе.

И девочку повезли в школу на деревянной лодке с мотором «Ветерок», который делил Ляму речной волной на две половинки. Девочка-Природа прощалась с Солнечным Ягельным бором, сидя в «жужжащей» лодке, где пролистывали свои берега Лесные сосны.

– В школу! В школу! – шептала тихим голосом девочка, и солнечные сосны на ягельном бору подмигивали ей.

Прошло много лет, и только лучи Солнца, отражаясь в воде бликами, остались воспоминаниями в моих глазах.

«СОН ГЛУХАРКИ» МОЙ ДЕД ОВЭР ЯКОП

Прошло уже тридцать пять лет, как нет со мной моего деда Овэр Якоп ики – Высокого Якова. А о нём помнят мои родственники из рода Ляты йох. Ляты, по легенде, – это люди, сделанные из хлебного мякиша, хлебные люди, которые не стоят на месте. Встречаясь со мной мои родственники, говорят:

– Ты же Ляты, и дед твой был Ляты.

– Звали его Овэр – Высокий Якоп.

– Мы о нём слышали!

Ещё «ляты» переводится как оленьи люди: когда по тундре бегут многочисленные стада оленей, то их лодыжки в мороз издают звук ляты-ляты! Одно из больших болот в тундре назвали Ляты-нёрэм, там жили мои предки по отцовской линии.

Дед учил меня самому простому – шить. Мы с ним шили священный халат для моей покровительницы Нум Анки – Небесной Матери. Дед шил и рассказывал о моей покровительнице. Она чистая, белая, как снег, ибо помыслы и дела её чисты, она трудолюбива. Люди, живущие под её покровительством, должны совершать важные, нужные дела.

Вечерами дед рассказывал сказки, легенды, различные истории из своей жизни. Он говорил, что на нашей реке Обь много святых мест, и каждое святилище имеет свои священные сказания, которые пелись на Медвежьих игрищах. Мой дед Овэр Якоп ики был знатоком священных песен, и ханты из других родов всегда приглашали его исполнять их на Медвежьих игрищах.

После Казымского восстания дед перестал петь эти сакральные песни. Одна легенда особенно запомнилась мне:

«Жили на земле люди, они были трудолюбивыми, чистыми людьми. Вот однажды они решили переселиться на небо. Попрощавшись с родственниками, они отправились наверх. Три дня они уходили на небо. Люди снизу смотрели, как они кочевали, оленей своих отправляли пастись. И вот у них одни нарты, где было много женской утвари, стремительно полетели вниз и наполовину вошли в Землю около реки Тром-Аган. И это место стало святым. Ханты поклоняются этому месту до сих пор. А людей с этой реки стали звать Люди с Божьей реки».

Тром-Аган – это Божья река, значит, и я стала Человеком с Божьей реки!

Я была маленькой и часто смотрела на небо в ясную погоду. Овэр Якоп говорил, что только послушные, хорошие дети могут увидеть этих Божьих людей с неба. Мне казалось, что они там, на небесах, знают о моих радостях и огорчениях и непременно помогут в трудную минуту. Иногда я просила о помощи и благодарила их про себя, они мне всегда помогали. Когда в детстве очень хотелось плакать, хотелось к маме, на речку Юты, откуда меня увезли на Тром-Аган, я думала, что Божественные Люди не могут помочь, потому что они трудятся на небе. Дед говорил, что боги, как и люди, трудятся. У них большое оленье стадо.

За оленями надо смотреть, ухаживать и летом, когда мошкара, и зимой, в лютые морозы, чтобы они знали, что нужны человеку. Это очень тяжёлый труд – ходить за оленями и пасти их и в холод, и в жару. Когда умер Овэр Якоп, мне пришлось зимой ходить за оленями одной с собакой Кунчи. После похорон деда мы переехали на новое место. Брат Толя в тот год женился и уехал к священному озеру Нумто и не знал, что не стало деда, и поэтому мы остались со слепой бабушкой Марией одни на зимнем стойбище в юрте. До сих пор от тяжести ноют мои руки и ноги, и я невольно вздрагиваю от воспоминаний о морозных днях. В те далёкие годы мороз доходил до пятидесяти градусов, и северный ветер не жалел трудолюбивую девочку.

Помню, Овэр Якоп ещё при жизни подарил мне маленького оленёнка и сказал, если я буду хорошей хозяйкой, то стадо моё приумножится. Оленье счастье бывает не у всех, а только у честных и трудолюбивых людей, которые со светлыми мыслями поклоняются богам. И ещё помнится, как Овэр Якоп поглаживал мою голову и, разглядывая руки, говорил:

– Смотри, какая у тебя широкая дорога на макушке. У нас, у Ляты, у всех так! Ты будешь счастливой, люди добрые будут встречаться тебе. Смотри, и оленье счастье у тебя тоже есть!

– Дед, а если я буду жить в посёлке, будет ли у меня оленье счастье? – спрашивала я.

– Да, оленье счастье – не значит иметь оленей, это гораздо больше. Об этом ты узнаешь потом, когда вырастешь.

Когда мне был годик, мама ушла от моего отца, они разошлись. Старших сыновей у мамы забрали, дети раньше оставались в отцовской семье. Мой дед Овэр Якоп ики не хотел, чтобы его кровинушки блуждали на других реках, где другие боги и покровители рек, другой хантыйский говор. А меня оставили в люльке, я ещё сосала грудь, и дед не смог оторвать меня от мамы. Да и чем накормишь младенца, когда кочуешь с места на место в зимний холод. Он только сказал, что обязательно заберёт меня, как только я подрасту.

И я с мамой уехала на озеро Нумто, где она сама охотилась на белок по первому снегу и сдавала пушнину государству. А я, под навесом у осеннего костра, привязанная к бабушкиной ноге, чтобы не

уползла, пела свои песни. Моя бабушка, мамина мама, была старой и слепой, старшие её сыновья имели свои семьи, а мама моя была у неё самой младшей. Как бы бабушка ни старалась нащупать меня, не могла за мной угнаться, я была шустрой – Ляты. Однажды я впервые встала, держась за жерди чума. Встала, осмелела и стала танцевать и петь свою песню. Мамин брат Веко сказал:

– Дедушка этой певуньи Овэр Якоп, наверно, горюет по своей внучке. Нехорошо, когда твоя кровиночка гуляет по другим землям.

И действительно, дед мой очень переживал, много раз загонял упряжку из четырёх оленей, чтобы вернуть меня, и доезжал только до реки Пим.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я впервые увидела своего «белого» дедушку, стриженного под горшок Овэр Якопа ики. Он был седым, глаза его были очень живыми. Когда мне было лет пять или шесть, и жила я у мамы, то кто-то мне сказал, что у меня есть ещё дедушка и бабушка, которые живут далеко от нас, на реке Тром-Аган. Мне было непонятно: как так – далеко? Под словом «далеко» я понимала небо! Смотрела в небеса и искала глазами хоть что-то, на чём можно было остановить взгляд, но не могла найти ничего, и засыпала. И снилась мне Глухарка сна, мои дедушка и бабушка.

Только потом, при встрече, дед Овэр Якоп рассказал мне легенду о людях ушедших наверх. В детстве я часто смотрела на небо, мне становилось хорошо и легко на душе. Глядя в синеву небес, здоровалась с дедушкой и бабушкой. Скучала по родным, хоть никогда и не видела их, мне так хотелось к ним хоть на один миг. Но взрослым нельзя задавать таких вопросов. Нельзя было спрашивать у мамы, огорчать её. К тому времени у мамы появилась новая семья, она вышла замуж за казымского ханты на реке Юты. Мне надо было нянчить новых братишек. И только мелькала люлька с хантыйским орнаментом глухарки перед моими глазами.

Однажды, когда я училась в школе-интернате посёлка Горный Сургутского района, одноклассницы сообщили, что меня спрашивает «какой-то красивый дяденька, сидящий в белой оленьей упряжке». Я быстро выскочила на улицу и увидела мужчину в национальной одежде, в выдровой шапке, в белых кисах, который стоял возле оленьей упряжки из четырёх белых оленей. Я сразу узнала родного отца, почувствовала, что это он, хотя мы не виделись с самого моего рождения. Мы молча разглядывали друг друга в упор, оценивали. Секунды ушли на размышления. Перед моими глазами прошла моя небольшая жизнь, и мелькнула мысль, что если я сейчас не уеду с родным отцом, то мама вряд ли оставит меня в живых. У меня не было выхода: мама ревновала меня к отчиму, своему молодому мужу, как только я стала подрастать. Я любила свою маму и старалась угодить ей и оправдать её. А сейчас мне нужно было сделать правильный выбор. И тут отец прервал паузу:

– Садись в нарты!

...Оленья упряжка мчалась мимо Пима, держа путь на Русскинскую. По дороге отец останавливался у святых мест и молился. Олени чувствовали дорогу домой, и мчались быстрее прежнего, подгоняемые подвыпившим ездоком. От быстрой езды у меня перехватывало дыхание, и морозный иней щипал лицо, которое я старалась прятать за спину отца. В январе было очень холодно, на мне не было тёплой одежды, а страшнее всего было то, что отец потеряет меня в ночи. Вцепившись в нарты окоченевшими руками, цепко держалась я за полозья нарт. Мелькали чумы, избушки, люди, наши ночёвки у зимнего костра. Наконец мы доехали до Русскинской, и отец оставил меня у тёти Моти, а сам ушёл.

Согревшись, я осмотрела взглядом четвертинку дома, где никого не было. Вскоре за мной пришёл старший брат Толя и сказал:

– Мы поедем к деду Овэр Якоп ики. Отец потеряет тебя или пропьёт.

Я испугалась и быстро накинула на себя принесённый братом сак, который был мне маловат. Но мне было уже всё равно, куда ехать и с кем.

Снова путь, мелькали заснеженные озерки и болотца в зимних сумерках. Глубокой ночью мы доехали до посёлка Кочевые и остановились у Анны Петровны. В полутёмной избушке было много народу, одни уходили, другие заходили. Я молча наблюдала за людьми и старалась прислушаться к разговору, но ничего не понимала, поскольку с детства знала только казымский и русский язык. Зашёл начальник геологоразведки, он сразу заприметил меня и подошёл. Стал быстро говорить на русском языке, что у меня должна быть другая жизнь и что он увёз бы меня в Москву к своей жене. И тут брат Толя быстро взял меня за руку, толкнул в нарты, а начальнику пригрозил хореем. В суете я услышала только: «Будешь учиться! Жить в Москве! Будешь нашей дочкой!»

И оленья упряжка быстро понесла нас в ночь. Тёмная скользкая дорога, озябшие руки, сон Глухарки, и снова пурга.

По рассказам мамы, когда я родилась, была страшная мартовская пурга. Небо и Земля соединились в танце «белого шамана»! Мы были пастухами и кочевали, потому что держали не только своё стадо оленей, но и колхозное. Из мужчин был дома только мой дед Высокий Якоп. Он подрёмывал, прислушиваясь к шуму в соседнем чуме, где собрались женщины. Да что услышишь? Только ветер закручивает белый снег в танце. И вот прибежала заснеженная бабушка Мария, неся добрую весть о рождении внучки. Что делать: родился ребёнок, но скоро он потеряет свою маму, которая может умереть от кровотечения!.. И Овэр Якоп, несмотря на пургу, быстро надевает малицу, выбегает к священной нарте и открывает её, потом берёт свой аркан и бросает его на священное дерево у святой нарты. Кажется, этот седой старик, участник Казымского восстания, потерявший брата в Великой Отечественной войне, труженик тыла, борется не только с собой, но и со стихией. Дед обещал, что, если внучка выживет, её жизнь он посвятит Верхней Матери. Мама, истекая кровью, услышала отчаянный крик моего деда:

– Что же вы делаете? Помогите этой женщине! Если она умрёт, то умрёт моя единственная внучка!

И Земля воссоединилась с Небом в танце «белого шамана»! Он всю ночь бил в бубен. К утру у мамы прекратилось кровотечение. Так было, когда я родилась… Сейчас снова была страшная пурга, как будто мое второе рождение на родной дедовской земле, где выросли мои старшие братья, которых я, не видя, полюбила. Метель снова кружила в танце «белого шамана», старший брат Толя отпустил вожжи, и оленья упряжка, кружась в ночи, медленно искала дорогу домой. Ветер кружил дым родного очага, лай собак рассеивался в ночи. Помню только одно: мы плутаем, кружим, и я боюсь упасть с нарт, и руки мои окоченели. Я всю дорогу переживала, что где-то там далеко осталась моя мама, и кто знает, куда я еду…. И в такт моим мыслям стучали от холода зубы. По всему телу бежала дрожь, страх постепенно захватывал моё сознание. И вдруг, как эхо, в темноте раздался голос брата:

– Мы вышли из пурги! Мы живы!

Сквозь заиндевелые ресницы в темноте я увидела еле уловимые очертания чума. Раздался лай собак. Меня действительно ждали в этом чуме в ночи, хотя и не знали, когда я вернусь обратно на землю, где я родилась в мартовскую пургу. Очень приятно, когда тебя ждут, трещит огонь в печи, тепло в чуме. Согревшись перед сном, я подумала: «Люди, жившие на небе, живут со мной рядом, и я нужна им! И сон Глухарки сбылся!»

Потухла керосиновая лампа, и долго ещё трещал огонь в печи. После проведения всех обрядов дед сказал, что он дождался меня, и через две недели знакомства уснул и утром не проснулся. Не стало моего седого деда Овэр Якоп ики, он умер...

Это был единственный человек, который умел ждать годами. Он говорил, что знал и слышал от людей, что мне живётся нелегко. Когда я снова была рядом с ним, он часто обнимал меня, целовал в макушку, крепко сжимал, как будто боясь, что кто-то отберёт меня и шептал:

– Дети от ненки только выжили в проклятии шаманов! Тебе, внучка, скажу!

И грудной плач деда Овэр Якоп ики, его раскаяние отзывалось в моём сердце, он тыкал себя в грудь пальцем, как пистолетом, и плакал. Только помню его крик-исповедь: «Советскую власть на Севере!.. Восстали!.. Уничтожим!.. Будете знать!»

– Взрослых детей будешь хоронить! – надрывный шёпот Овэр Якоп ики переходил в грудной кашель. Дед уже не принадлежал себе, его душа была в танце «белого шамана» между Небом и Землёй...

Остановилось изношенное сердце старца, он затих и умер во сне. Бог дал ему хорошую смерть. Перед смертью Овэр Якоп шептал мне:

– Живи всегда с добрым сердцем, внучка, и в трудах! Люди добрые будут встречаться тебе!

...Две недели школьных каникул, знакомство с моим родным дедом Овэр Якоп ики, который спас меня при рождении, камлая в старый бубен, дали мне стержень в жизни. Очень важно верить в то, что ты человек с Божественной реки. У тайги, у речки, у озера обязательно есть душа, и если ты не слаб духом и телом, если ты умеешь видеть прекрасное в том, мимо чего проходят другие, ты обязательно увидишь эту душу и сможешь жить в удивительной гармонии с природой. Ты растворишься в ней и будешь бесконечно счастлив.

«СОН ГЛУХАРКИ» МОЯ БАБУШКА МАРИЯ

Воспоминание о бабушке, Марии Кечимовой, согревает душу. Это человек с удивительным даром доброты и терпения. Бабушка рассказывала о том, что когда она была ребенком, русский батюшка ездил на нартах и крестил всех. Поэтому Крест – Перна считается Святым. Ещё она рассказывала о хантыйском воспитании, о Великой Отечественной войне, о том, как они возили рыбу в Сургут. Как шли оленьи

обозы во время войны с мороженой рыбой из посёлка Тром-Аган на Сургутский рыбокомбинат. Бабушка рассказывала, что кантэх ёх боялись произносить слово война – ляль, чтобы она не приблизилась к нам. Говорили о ней только шёпотом: «Когда Солнце и Луна совсем потемнели, с плохими мыслями птица прилетела, среди живых нужных людей выбрала и под землю увела. Поэтому ушедшие на войну люди не нашли обратной дороги и умерли. Женщину-Солнце и Мужчину-Луну хоть силой держи, не удержишь! Они всё равно поднимутся Землю осматривать, так Бог им назначил, чистый огонь нести людям».

Много хантыйских узоров вышила бабушка за свою долгую жизнь. Бабушка Мария говорила, что смерть запутается пока бежит по узорам, и поэтому каждая хозяйка стремилась огородить себя и свою семью от неё. Под старость она ослепла и переживала, что не смогла меня обучить этому искусству, потому что я жила далеко от неё. «В каждом узоре зверь спрятался, – говорила она. – Есть узоры для богов, есть узоры-обереги для мужчин, женщин и детей».

Ещё Мария рассказывала, что Бог, приносящий смерть, справедлив. Помню бабушкины легенды, которые я любила слушать долгими зимними вечерами, когда мы остались одни на стойбище. Вот одна из них:

«Живёт Торум ики на седьмом небе со своей семьёй. Один из сыновей был такой шустрый, непослушный. И вот однажды вечером он так расшумелся, что упал на землю. Только он упал не на твёрдую землю, а в воду АСЧОРОСА в низовьях реки Обь. Торум ики проснулся рано утром и увидел, что сын упал в воду и попал в Нижний мир. И с тех пор его стали звать КЫНЬ ИКИ – Бог, приносящий болезнь. Говорят, однажды, заболела женщина, мать семерых детей. Вечером в ее доме, откуда ни возьмись, прибежали с четырёх углов, с песнями, плясками слуги КЫНЬ ИКИ. Подхватили женщину и потащили в Нижний мир. Мать семерых детей была рукодельница, много узоров-оберегов сшила она, поэтому слуги КЫНЬ ИКИ долго блуждали по ним. Наконец они добрались до Нижнего мира, где царствовал КЫНЬ ИКИ – болезнь приносящий. Женщина пригляделась и видит: сидит на троне великан с одним глазом и с одним рогом, одна нога лосиная, а другая лошадиная. Он пристально посмотрел на женщину, а она закрыла лицо платком в знак уважения. И тут КЫНЬ ИКИ заговорил:

– А!!! Это мать семерых детей! Посмотрю в своей «Книге Жизни», пора ей к нам в Нижний мир или нет?

Тут он воскликнул:

– Слышите, эта женщина должна жить! Много дел ей ещё нужно завершить в Среднем мире, где живут люди! Она помнит меня в Среднем мире. Когда открываются реки, она несёт тёмную ткань мне на Сак – верхнюю одежду. Унесите её снова в мир живых людей, пусть рассказывает она всем, что нужно помнить о болезни раньше, чем человек заболел.

Долгой ли, короткой была дорога в Нижний мир, женщина уже и не помнит. Только увидела она, что наступило утро, кругом свет, и летает она, лёгкость чувствует. Услышала плач своих детей внизу, пригляделась: дети склонились над ней и зовут её. Тут женщину как магнитом притянуло к своему телу, которое было отдельно от неё. Тепло стало ей. Ожила она. Дети обрадовались матери, развели огонь в очаге. Все, что было, поставила женщина на стол и стала благодарить Богов Верхнего, Среднего, Нижнего мира. Чего и всем живущим ханты наказала».

Говорят, раньше это Священное сказание пелось при сакральных действиях «Пупи ики ек» – во время праздника «Медвежьи пляски». Тогда, из-за смерти дедушки, я отстала от учёбы. Другую, лесную школу, проходила. Помню наказ слепой бабушки Марии и до сих пор слышу её тихий, но твёрдый голос, бабушку невозможно ослушаться:

– Ничего, внученька, ты у меня одна и сильная, запомни: ты – Покачева! А все Покачевы – терпеливые. Ты не иди вперёд сразу, а иди назад, а потом иди хорошо вперёд!

Мысленно я буду рядом. И запомни, у тебя добрая, светлая покровительница Нум Анки – Небесная Мать! Она будет всегда рядом, даже если меня не станет. Ты будешь жить в посёлке, потому что не умеешь шить тёплую одежду. Раз нет с нами дедушки, а я слепая, то я тебя отпускаю с лёгким сердцем. Учись, работай, когда вырастешь, выходи замуж за русского, он тебя не обидит, ты будешь жить в тепле. Я буду молиться за тебя, пока жива. Среди русских будь русской, среди кантэх ёх будь женщиной ханты. Ты узнаешь, что людей много, как муравьёв в муравейнике. И с ними нужно уметь общаться: плохого не делай, бери от них только хорошее...

Мы с бабушкой договорились, как наступит осень, я поеду учиться в школу в четвёртый класс, хотя должна была учиться в пятом. В те годы просто так детей не отпускали в другую культуру, тем более, я была для бабушки долгожданной внучкой. Но бабушка Мария была старой и мудрой женщиной, она как никто понимала, что не сможет поднять меня на ноги.

И вот наступила долгожданная осень, все взрослые ушли собирать ягоды. Бабушка говорила, что осенью всегда летает вертолёт, который забирает детей в школу, но к нам он может не сесть, так как у нас нет детей-школьников.

– Они же не знают, что у нас есть ты!

Я очень переживала, вдруг вертолёт не прилетит. Но однажды раздался гул вертолёта. Бабушка последний раз ощупала моё лицо, меня и говорит:

– Живи хорошо! Учись, учись!

Дала мне пять рублей (тогда это были большие деньги). Я ей кричу:

– Бабушка, у меня нет сапог, я же не поеду в школу без сапог!

– Возьми у брата, они где-то валяются на улице, – кричала она сквозь шум вертолёта, который кружил над нами.

Я быстро нашла сапоги, они были в заплатах, надела их на босу ногу и побежала к вертолёту. Оглянулась: бабушка моя слепая стоит, распахнув полу дверцы чума, машет мне и кричит:

– Мэна! Мэна! Лети, лети!

Как птичку, выпустила меня бабушка Мария. Вертолёт не ждёт, нет времени вернуться к моей мудрой бабушке, с которой мы зимовали зиму, и только сердце моё стучит:

– Лети! Лети!

И мы взлетели над Поющим озером! Какое оно красивое, бескрайнее! И только лучи солнца, отражённые в воде, остались воспоминанием. Первый мой полёт над моей Землёй! Шум ветра! Манящий простор неизведанного, зовущего, и я лечу над Кладовой Знаний, и Сон Глухарки сбылся!

ЛОНГОРТОВА ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА

Лонгортова Валентина Петровна родилась 5 февраля 1952 года в стойбище на реке Нёс юган сынского отделения колхоза «Верный путь», впоследствии сынское отделение совхоза «Мужевский».

Отец Лонгортов Пётр Николаевич долгое время работал пастухом в оленеводческой бригаде, мать Лонгортова Александра Мартыновна была чумработницей.

До семилетнего возраста В.П. Лонгортова воспитывалась в кругу своих многочисленных родственников: оленеводов, рыбаков, охотников, умельцев мастерить предметы быта, искусных мастеров слова, знавших множество сказок, легенд, обрядовых, священных песен, также сочинявших свои личные песни и песни «иш-каньщап».

В сентябре 1959 года В.П. Лонгортову забрали учиться в школу-интернат посёлка Овгорт Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа. В 1968–1969 годах, окончив Овгортскую восьмилетнюю школу, поступила учиться в Салехардское педагогическое училище. После завершения учёбы работала учителем, воспитателем. В конце 90-х годов XX века была приглашена на работу в качестве корреспондента в государственную телерадиокомпанию. Работа журналистом способствовала окончательному выбору – писать стихи и прозу.

В.П. Лонгортовой удается сочетать творческую деятельность с преподаванием родного языка.

АӇЪИЙЭМ

Хӑтəӆ йош иты
Аӈъэм йош хошəм.
Хӧйатэт эӆты
Аӈъэм мет мосəӆ.

Аӈъийэм, аӈъийэм,
Сӑмемэн-аӈъийэм.
Мет-мет йӑм нэӈийэ
Тӑм мӯвэн аӈъийэм.

Хӑтəӆ ки нумэн,
Амэтман йӑӈхӆэм.
Аӈъэм ки ванэм
Шек йӑма уӆӆэм.

Хӯва ки мӑнӆэм.
Ма ӆавəӆӆайэм.
Хӑӈайэн аӈъийэм
Сэм йиӈкəӆ муӈхсəӆ.

МОЯ МАМОЧКА

Мамины руки такие же тёплые, как солнечные лучи. Среди всех людей самая любимая – это моя мамочка. Если на небе солнышко, радостно мне. Если рядом со мной мама, то мне так легко. А если я вдалеке от неё, то она меня ждёт, украдкой вытирая слезы.

АКАӇƏТ

Акаӈьы – мӯй эви?
Акаӈьы – мӑрэм.
Тӯтщаӈьы – мӯй эви?
Тӯтщаӈьы – йэлэм.
Хӑтнэху эвийэт
Акань хӧӆ тӑйӆэт.
Ай хӑнты эвийэт
Тӯтщаӈ па тӑйӆэт.

Тӯтщаӈлаӆ ӆыпийән
Акаӊлаӆ сӧхәт.
«Ӧхшамәӈ, йэрнасәӈ
Эвет пӑ нэӈәт».

Вот рӯвәӈ хӑтӆәтән
Эвет ким этӆәт.
Акаӊлаӆ урәӈән
Ай хот ӆӯв верӆәт.

Шӑӆта щи рут щирән
«Нӧры» ӆэщатӆәт.
«Меӊ нэӈәт» йэмәӆман,
Хул эӆты вантӆәт.

«Ӯпәт па унтәпәт»
«Порыйа» мӑнӆәт.
Лӯв сӧхнәм «пӧхийэӆ»
«Ай нэӈән» туӆэӆ.

Тупайәт – вӯӆыӆаӆ,
Нэ ухӆа кирӆәт.
Варсәт пӑ – «сӯвӆаӆ»

«Йошӆаӆән» тӑйӆәт.
«Нэ туты порыйән»
Ар ӑнт сӧхәнәӆ.
Щишән щи хот шӑншән
«Поры» ӑӆ солыйәӆ.

Хӑтнэху эвийэт
Акаӊәт тӑйӊәт.
Ай хӑнты эвийэт
Акаӊән йӧнтӆәт.

КУКЛЫ

У каждой ханты девочки имеются куклы, без них ей скучно. У каждой ханты девочки имеется личная сумочка, где хранятся куклы. Отсутствие сумочки вызывает стыд.

В ветреный день девочки выходят на улицу, ставят для своих кукол маленький чум и начинают играть: игра-подражание взрослой жизни своих родителей, сородичей. Так же, как и у них в чуме две половины. С одной стороны – одна «семья» – «свёкор и свекровь» со своим «неженатым младшим сыном». С другой стороны – младшее поколение, «семьи женатых сыновей». «Невестки» скрывают лица от старших братьев, мужей и свёкра, натянув на лица платки, лишь из «щелей» поглядывают на тех, от кого скрываются. Однажды они все: «свёкры и свекрови» – едут за невестой младшему сыну.

Оленьи «копыта» – это их «олени». Тонкие хворостинки – это их «хореи». Свадебный гул не затихает – это играют на улице маленькие ханты девочки.

ЙЭВӘККУ

Ӯрты хурап нэ вӯлыйэ
Кер товийән сэма питмалӈ.
Аньъэлӈ хӧрпи нэ вӯлыйэ
Нӧви турәм шийалӈымалӈ.

Шӯвән талӈәм питы сэмӈән
Нэмәлт мӧштәты ӑт верәттан.
Питы ун ӈӑрахэӈ сэмӈән
Вартылӈәты щом ӑт тӑйтан.

Ньар ай ӯӈәлӈ кӑт олӈийэлӈ
Ньавәр пӧталэтән опсәм.
Пӑлӈилӈалӈ пӑ – кӑт йущийэ,
Вӧщӈа кӑт ӈӯй, мӑтты, алӈмәм.

Тупайилӈалӈ – щикем айәт,
Велӈщи этәм сан пӯл хӧрпет.
Ващ курыйӈалӈ – шек пӑ хувәт,
Ищи мӑтты, варәс нӯвәт.

Ӧхәлӈ ты-тӧхы рӑньӈәлӈтман,
Аньъэлӈ эсәм, щикущ, кӑншәлӈ,
Таӈха, мӧштәслы сӑмәлӈән –
Аньъэлӈ ӈылӈ шӯв хӯвән мӑнмалӈ.

Шанш ӧх йӑтыйӈалӈ тӑрыман,
Вӑщ курӈалӈән нӧх ӯратәлӈ
Сыйәӈ тӯрән йэл ӯвалӈтман,
Турәм пелӈа нӧхӈы вӑнтәлӈ.

Мӑтты ньотәпса ӈӯв кӑншәлӈ
Нӧви Турәм Ащелӈ элӈты.
Мӑтты иньщмәты ӯтщийәлӈ
Нӧви Турәм Опәль Ащелӈ:

– Хӧты улӈты мӑнэм, йасты
Йэлӈы пелӈа… йийлы-ӑслы?

Нӯмәлӈтта пӧхнәм хӑтәлӈ йошән
Ӯрты шӑншәлӈ вӧщхэмәса,
Йэлӈта йӧхтәм ай вотрӯвән
Ӈӧватәлӈән мосәлӈтәса:

– Аньъэн хӧрпи нэ вӯлыйэ,
Ӯрты хурап сӯйувийэ,
Аньъэн хӑйәм йушәт ӯва,
Тӯмтак ӯӈа, уна йӯва!

СИРОТА

Ранней весной родился оленёнок женского пола, похожий на мать. Спинка рыжего цвета, точь-в-точь, как у матери. Подёрнутые плёнкой большие круглые глаза бессильны, ничего не видят. Голые уголки рта ещё в пене. Ушки острые, наподобие поднятых к верху мизинцев. Копытца маленькие и чёрненькие, как

выступившие наросты на березке. Ножки тоненькие, словно хворостинки. Слабенькая головка трясется, ищет губами соски матери, поворачивает её туда-сюда. Наверно, наткнувшись на неподвижный труп матери, почувствовала, что матери больше нет. Дрожа коленными суставчиками, стала подниматься на ножки. Подняв головку к небу, она громко издала звук, похожий на клич о помощи. Как будто она просила помощи и спрашивала у всевышнего Отца: «Скажи мне, Небесный Отец, как мне жить дальше без отца и матери»?

Появившийся сверху луч солнца «погладил» её рыженькую спинку. А лёгкий теплый ветерок своим прикосновением «расцеловал» её всю. И она услышала ответ: «Похожая на маму рыжая важеночка. Иди смело по тропам, проложенными твоей матерью. Будь здорова и вырастай быстрей»!

ӇĂПƏТ НАӉК ВОШ

Йис пŏрайəн верəм курт
Катра уӆəм хŏйатətəн.
Тăм йисəн пă ӆўв – ун вош,
«Лабытнанги» нэмпи вош.

Ӆапət наӈки вошийэ,
Ӆапət йўхпи вошийэ.
Ий пелкəӆəн – Кев Ащи,
Кимет пелкəӆəн – Ун Ас.

Ун Ас шики ар хўӆ тăйəӆ,
Ноптəӆтыӆəн – иса тэӆ:
Ӊар хўӆ ӆэва: мŏхсəӈ, ўнш,
Ŏх, нăӈ, пŏна хуӆəм пўш.

Наӈкət ӆоймəм лотӆаӆ хŏща –
Кăт пă хуӆəм пўшпи хот.
Войət йăӈхəм мўвət хŏща –
Картэӈ йуш пă картэӈ хоп.

Ӆапət наӈки вошийэ,
Ӆапət йўхпи вошийэ.
Ий пелкəӆəн – Кев Ащи,
Кимет пелкəӆəн – Ун Ас.

ГОРОД ЛАБЫТНАНГИ

Давным-давно ханты у берега протоки поставили чумы. С тех пор здесь возникло поселение, получившее название в честь стоящих на священном месте деревьев: «ӆапэт» – семь, «наӈк» – лиственница. В настоящее время это – город Лабытнанги. Рядом река Обь, кормящая людей свежей рыбой: муксуном, нельмой. Ешь, сколько хочешь, но только не забывай трижды поклониться «духам» реки Обь и похвалить город, в котором живёшь:

«Лабытнанги – город мой, город семи лиственниц, с одной стороны – Уральские горы, с другой – река Обь».

В тех местах, где, когда-то стояли лиственницы, теперь стоят двухэтажные и трёхэтажные дома. А по тундре, где бегали дикие животные, нынче проходит железная дорога, и мчат по ней поезда.

Здесь была когда-то глушь,
Среди лиственниц-три чума.
А теперь, ты не поверишь,
Как из сказки, встало чудо.
Лабытнанги – город наш
У Полярного Урала.
Лабытнанги – город наш
Белоснежного Ямала.

ЛЎҢ КЎТӘП ХӐТӘЛ

Тӑм хӑтәл камән
Рўвәң пӑ мӑрщәм.
Питы пӑлңәтән
Турәм лӑп таләм.
Кев пеләк әлты
Похләт әлләсәт.
Лўв кев пўт иты
Ийулты питэт.

Ван кўтән нумэн
Тўт ўщемийәл
Мўв ӆӧватәләән
Лўв хутӆәптыйәл.

Щӑлта щи похәл
Такан мӑратәс.
Энәмты нохәр
Шӑңкап тӑратәс.

Мӑрыйты сыйәл
Сӑм хура ӆӧңәл.
Лўң кўтәп хӑтәл
Лўв йӧхтәптыйәл.

ДЕНЬ СЕРЕДИНЫ ЛЕТА

(2 АВГУСТА, ИЛЬИН ДЕНЬ)

Сегодня на улице жарко и душно. Всё небо затянуто чёрными тучами. С западной стороны поднялись грозовые тучи. Цвет их похож на прокопчённый котел. Часто сверкает молния, освещая землю. Следом раздаётся страшный гром, отчего вздрагивает молодой кедр. От грохочущего шума сердце сжимается в маленький комок. Гроза предвещает, что скоро наступит середина лета.

МУРХӘҢ ЛЎҢ

Тӑм пўш пелңа щи арат пӑ:
Кӑтӆэм кўншән кўншты арат.
Мӧлты верты кум ӑт мӑләт,
Йущ ӊӧлӆаләән ўрӆэр кӑншләт…
Ий йўпийән кўрәм ўйман,
Нэңәт мурәх воӊщты шушләт.
Ӊаврэмләл пӑ ӆыв кўтӆаләән
Йӧлта хӑщәптытэл ӑнтом.

Ай ӧхшамләл пелңа әлты
Питы лотәңа хӧл йўвмел.
Нэңәт щийәл вер ӑт тӑйләт
Мўрәх воӊщты ӊурма мӑнләт.

Тӧнты әлты йонтәм воӊщпәт
Ӊаврэм сапләтән рӑӊиләт.
Нэңәт пӑ – кӑт пеләк сӑхат
Ӑнтпа йӑрмел эвтәм йиңләт.

Хăтəӆ пăӆӈət эӆты этəс.
Йăмкем вотрӳв шăӈкап хойəс.
Йиӈки тӳӈкət эӆты рӳӈкман,
Мурхи лота йӧхтəптыӆət.

Йэшауӆ – мӳй хӧты йӳвмаӆ?
Сэмӆаӆ ныты хӳват кемən –
Иса мӳрəх! măтты, нэман
Лакки йовӆəм ахӧй йошən.

Ӳрты ӧхпи мурəх сэмət
Сора, хăрщийа воньщӆыӆаӆ.
Щи йӳпийən Мӳвəӈ икеӆ
Йăм нӧмəсən кащтыӆыӆэӆ…

Мурəх тăм пӳш щи ар этмаӆ:
Кăтӆэм кӳншən кӳншты арат.
Тăмəщ тэӆəӈ, мурхəӈ йăм ӆӳӈ
Ньăӆ ӆӳӈ хăщман йӧхтыӆыйəӆ.

МОРОШКОВОЕ ЛЕТО

В это лето столько комаров, что успевай двумя руками отгонять. Невозможно, что-либо делать, ищут острыми носами кровеносные сосуды...

Друг за другом, шаг в шаг женщины идут собирать морошку. Между ними, не отставая, шагают их дети. Старенькие платки на головах от множества комаров, сидящих на них, стали пятнистыми. А женщины и дети не обращают на них внимания, идут к болоту за морошкой. У детей на шеях сшитые из бересты лукошки. У женщин по обоим бедрам женские лукошки, вырезанные орнаментом.

Вот показалось солнце из-за облаков. Внезапно подул ветерок. Не обращая внимания по вязкому болоту женщины и дети спешат к морошковым местам. Вскоре: «Что за чудо! Что случилось?»

Куда ни глянь – всюду морошка, как будто специально для них чьи-то добрые руки разбросали ягоды по всей тундре. С быстротой и ловкостью набрали полные лукошки. Затем женщины и дети отблагодарили за щедрый дар Хозяина земли.

В это лето столько морошки, что успевай двумя руками собирать. Такое морошковое лето бывает один раз в четыре года.

ЊОС ЙӦХАН

Катра Њос йӧхан курт ӆэпən
Ӳӆы тащ хот ӆăрпəӆтымаӆ.
Щӧрəс вӳӆы тупайəтən
Щăхра пуртəм ӳтəӈ њурəм.

Њищта хорəт век ăт мийəсӆəт
Тӳна вӧщкəм ху тынщаӈа.
Тупайӆаӆən ӆоньщ пӳӆӈəӆтӆəт,
Вотас иты ӆăрӈəӆтыӆət.

Кущайəӆən хуӆəм хопты
Велмащ ухӆа кирəпсайəт.
Сӳвəӆ йоша ӳймаӆ кемən –
Сăмӆаӆ мăнман, навəрмəсəт!

Хусэт нуман рӑпсэмиӆэт
Лакки рыйэм сӑксэм хӧрпет.
Йӑрэӈӆэм тыӆэщ, амтэтӆыман,
Ухӆэӆ йӧӆта ӈухэӆӆэӆы.

Хуӆэм питы мӧлха хопты,
Ӧх хӑӊщэртман, наврэӆтыӆэт.
Соймэт, уймэт, ӊурмэт, калэт,
Вопсэмиман, йӧӆта хӑщӆэт.

НЁС ЮГАН

Возле старой заброшенной деревни, носящей название реки – Нёс югангорт, расположилось стойбище оленеводов. Копытами тысячеголового стада оленей протоптана вся тундра. Молодые, необузданные самцы – «хоры» не поддаются арканам, свистящим в воздухе. Они кружат в неистовстве, отбивая копытами снег, превращая его в вихрь.

Пастух запряг в свои нарты трёх комолых быков, и, как только он взял в руки хорей, они испуганно сорвались с места. На небе звёзды, словно рассыпанный бисер, подмигивают каюру, а полнотелая луна радостно их догоняет.

Три комолых быка бегут, гордо вскинув свои головы, оставляя сзади себя речки, болота, голь тундровых простор.

ПӦРЫӆЫТЫ ХӐР

Аса касэӆтэӆ йэӆпийэн,
Куртэӈ мӧхэт пӧрыӆыӆэт
Ӆэра йастантэм хӑтӆэӆэн
Пӧрыӆыты унта мӑнӆэт.
Хӑтэӆ сӑмэн айэӆ-унэӆ
Йэмэӈ хӑра йӧхтэптыӆэт.
Нэӈэт рат хӑр ӆэщатӆэт,
Тэӆэӈ кев пӳт тӑхэртӆэт.

Карты ӧхэӈ щӑшкан ӆэрэт
Сӳмэт нӳва нэӈэт йӑрӆэт,
Йэӆпи тащтэм ун лӳк ӊӧхэт
Порыӆыйты ана хонӆэт.

Намэӆта йӧхтэм ӧвэс вотэн
Сӳмэт нӳвэт йовэӆӆайэт,
Ищи мӑтты ӧхшам рӧсэт
Йӧнтман, вот рӳвэн тӑйӆайэт.

Хуӆэм пӳш ӆӳв, ӆӑрэмиман.
Турэм пеӆа ӧх пӧнӆэт.
Куртэӈ нэӈэт йӑм нӧмэсэн
Мӳвэӈ икеӆ пойкӆэт.

Йэтэн унты ӆэӆэт-йиӊщӆэт,
Апрэӈ ай йох хопэн кӑсӆэт.
Пирэщ ики йэмэӈ арэт
Щикем хуләттыйа йӑмэт…

Аса йӧхӑттэӆ йӳпийэн,
Куртэн мӧхэт пӧрыӆыйӆэт.

МЕСТО СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЯ

В каждой хантыйской деревне, расположенной по берегам горной речки Сыня, перед касланием на Обь жители устраивают обряд угощения и поклонения родовым «духам», также другим, не менее почитаемым. (Примечание автора: эта традиция сохранена до сих пор). Заранее договаривались и назначали время, день. И когда он наступал, то стар, и млад обоего пола шли к полудню на место священнодействия. Места поклонения у мужчин и женщин были с давних пор как общие, так и отдельно друг от друга. Также обрядовые деревья были разные. Если у женщин только берёза, то мужчин – это лиственница или кедр. (Прим. *лиственница* у народа ханты мужское дерево, следовательно, лиственница – мужского рода)

И вот женщины на своём месте поклонения разжигают костёр, ставят котёл с мясом глухаря, специально припасённым для такого случая. Сварившееся мясо вынимают и вместе с другими яствами ставят на стол, придвинув его к подножию берёзы. До этого женщины и дети завязали на ветки берёзы лоскуты из новой ткани, на уголках которых непременно завязывается монета. Прилетевший ветерок, играючи, треплет лоскуты, словно кисти на платках у женщин. Три раза сделав круг по часовой стрелке, делают поклоны, затем ставят столы на удобное место, и все рассаживаются вкруговую.

Праздник поклонения длится целый день. Вся деревня гуляет, веселится. Молодые люди устраивают различные соревнования, в том числе и на колданках, выявляя самых ловких, быстрых, сильных. А песни седовласого старца затрагивают душу.

Приезжая на Обь, в места летней путины, все жители вновь через какое-то время собираются и идут на место священнодействия, поклониться «духам» этой земли.

ТӐНТЫ ХОТ

Ӆӯӈ пӧрайән тӧнты хотәт
Хӑтәӆ йэщаӆт вӧрӆысәт.
Йӑха йонтәм тӧнты лопсәт
Хӑтнэху ӆыӆ сайӆысәт.

Нуптәӆ ма ӆӧватэм хӧйат
Ий ӆӯӈ хун ӆӯв щита ус.
Йис хӧйатӆам тӧнты ӆӯӈ хот
Ӆоњщты щирән туӆт пӑ тус.

Хут тӧнтыйән лаӈкәм хотәм
Мӧӆт пӧрайән йӑма усәм.
Вотәӈ, йэртәӈ сӱс хӑтӆәтән
Рат хӑр сыӆа рӑхәӆтыйсәм.

«Намән ӆэты нэӈем» йэщаӆт
Ий хӑтәӆ хун хошмәӆтыйсәм.
Нумән йакты «ӱрты ӈаӆмәӆ»
Хурыманшәк умәщӆыйсэм.

Ӆӯв рӱвәӆән энмәӆыйсәм,
Ӆӯв йӑмәӆән тӱмтак усәм.
– Йэшәк йӑм Най – Тӱт имийэ,
Хӑнты мира нупәт мийа

Тӧнты хотән уӆты хӧйат
Ин, иӆампа, щӑх ӑнт хӑщәс.
Катра хӧйат тӧнты ӆӯӈ хот
Сӑм ӆыпеман пщәӆ хӑйәс.

БЕРЕСТЯНОЙ ЧУМ

Берестяной чум – летнее жилище народа ханты. При построении прост, для жилья удобен. Берестяные лоскуты, сшиваемые вместе, образовывали покрывало традиционной формы, которым покрывали каркас чума. Ханты моего поколения хорошо помнят берестяные чумы, и так же, как я, часто вспоминают, как спасались в них от летнего зноя, от докучливых комаров и от осенней непогоды. Так же, как я, зачарованно смотрели на пляшущие огоньки пламени, боготворили, благодарили и умоляли со словами: «Всемогущая Мать Огневица, спаси и сохрани мой народ».

ЙАКТЫ ХОТ

Хутмен хота ӆӧӈәӆтса «ики» –
Утән уӆты «уртэв ики».
Хотәӈ мӧхэт ӆэщатыӆәт,
Ӆэты-йиӈщты, йакты питӆәт.

Ищи мӧхты айкеӆ мӑнәс:
– Сора йӯват, «икев йӧхтәс.»
Йакты кеша хот лӯв ӆоӈщсэт,
Вет ат-хӑтәӆ йакты питӆәт.
Щимәщ хота хӧй ӑнт мӑнәӆ?
Кашәӈ хӧйат сӑмәӆ ӆӑӈхаӆ:
Рутӆаӆ пиӆән уйтантәты,
Пӑсан сурән пӧтрэмәты.

Йакты хота ӆӧӈтэн ишән
Мӧхты йиӈкән шошәмӆайән.
Йиӈк ки ӑнтом – кӯнш тәӆ ӆоӈщән
Лумен ӆыпийа вӧртӆайән.
Йӧхы хӑщәм нупәт йӑтән
Щимәщ хота ищи йаӈхсәм…

Ӆӧӈәӆтәп араӈ пирәщ ики
«Апщеӆ» пиӆән мӯӆән омсәс.
Ӧхәӆ вӧтәм шепан ики
Тус тӯр сыйәӆ хӯва щащәс.

«Найәт ар» щӑӆта арэмәсӆы,
Нэӈәт, эвет йакты ӆойсәт.
Картэӈ сэвӆаӆ щуӆьӈ сыйәт
Щикем хуӆәттыйа кашәт.

Ӆӧӈәӆтәп арәт кӯтән пӑ
Сӯмәт вешпи йӑпет йаксәт.
Щимәщ ӧщхӯӆь версәт пӑ
Мӧхэт, сэм йиӈк мӯӈхман, ӈӑхсәт

Йӧхы хӑщәм нупәт йисән
Щита ӧщхӯӆь ар ма вантсәм.

ПОЧИТАНИЕ МЕДВЕДЯ

В шестое стойбище внесли «мужчину», в лесу живущего «дядю». В стойбище идёт подготовка к торжествам «прибытия гостя». Будут проводить обряды почитания, извинения и веселья. Сразу прошла молва по всем деревням и стойбищам: «Приезжайте скорей, к нам приехал «мужчина»! Специально поставили чум, пять дней и ночей будет торжество. Кто в такой чум не поедет? Каждый человек имеет желание посетить священный обрядовый чум. Встретиться там с родственниками, поговорить за столом о жизни.

Как только зайдёшь в чум, сразу плеснут в тебя воду, если нет, то за шиворот затолкают снег. В минувшие лета, в годы детства и отрочества, я тоже там была...

Старый мужчина сидел в мужской половине чума и исполнял обрядовую песню, посвящённую виновнику торжества. Вот запел он «Найт ар», вышли танцевать женщины, девушки, девочки. Звенели металлические украшения на их длинных косах. В промежутках между песнями и танцами мужчины в берестяных масках ставили разные сценки из повседневной жизни на актуальные темы, где высмеивались трусость, леность, жадность, неверность мужей и жён. Над некоторыми сценками смеялись до слёз.

ЛОНГОРТОВА (ХАРТАГАНОВА) ЗИНАИДА ВИКТОРОВНА

Зинаида Викторовна Лонгортова (Хартаганова) родилась 22 июня 1962 года в селе Кушеват Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

Отец – Хартаганов (Ругин) Виктор Константинович работал в Кушевате киномехаником. Мама – Хартаганова (Русмиленко) Варвара Семёновна работала дояркой. В семье было восемь детей. Зинаида была старшей из детей. Детство прошло под пристальным присмотром бабушки Ун Кунаватнэ, маминой мамы. По словам Зинаиды Лонгортовой, все творческие порывы, увлечение рукодельем – это от бабушки.

Училась в Горковской средней школе-интернате. В 1983 году окончила Салехардское педагогическое училище им. Анатолия Зверева по специальности «Учитель начальных классов». Начинала работать учителем начальных классов в посёлке Овгорт. Но мужа после окончания Тюменского медицинского института оставили работать в окружном центре врачом. С тех пор живет и работает в Салехарде. Воспитывает двух дочерей и сына. В 2000 году заочно окончила Российский государственный университет им. А.И. Герцена по специальности «Культурология».

В 1988 году Р.П. Ругин пригласил З.В. Лонгортову работать переводчиком ханты языка в государственную телерадиокомпанию «Ямал» города Салехарда. В телерадиокомпании она познакомилась с известной на Ямале журналисткой Анастасией Лапсуй. Именно она передала ей любовь к профессии журналиста. Работает в должности заместителя директора дирекции программ народов Севера ОГТРК «Ямал-Регион». Является автором программы на русском языке «Северный колорит» и программы на хантыйском языке «Тут султам».

В 2005 году она вместе с творческой группой ОГТРК и самодеятельными актёрами – оленеводами, рыбаками, национальной интеллигенцией Салехарда сняла игровой фильм на хантыйском языке «Свадебный аргиш».

Печаталась в журналах «Ямальский меридиан», «Северяне», «Мир Севера». В газетах «Ханты ясан», «Лух Ават», «Красный север».

В.П. Лонгортовой удается сочетать творческую деятельность с преподаванием родного языка.

Живет в Салехарде.

СВАДЕБНЫЙ АРГИШ

Было уже довольно поздно, ближе к полуночи, когда на окраине Сангимгорта, маленького таежного поселения хантыйских охотников, спрятавшегося среди могучих кедров, явственно послышался звон колокольчиков, предвещавших движущееся стадо оленей. Впереди шли три оленьи упряжки, в каждую из которой было запряжено по три быка. Видно, путь их был неблизким: на капюшонах каюров застыл иней, одежда побелела от изморози.

Приближалась весенняя пора, дни в месяце малого наста становились всё длиннее, в природе заново зарождалась жизнь. Пока же стояли ясные морозные дни. Ярко сверкали в бездонной ночи, в блеклой темноте небесные звезды и, хотя зародившаяся краюшка месяца не освещала путникам дорогу к маленькой незаметной среди снегов деревне, многочисленные светила, как бы благословляя людей в пути, освещали каждый куст, заваленный за долгую зиму плотным снегом.

Люди в избах прислушивались к звукам колокольчиков, по гулкому топоту многочисленных животных жители догадались, что это оленье стадо. Наверняка движется свадебный аргиш, весной – это обычное явление. Но к кому он завернет, чей дом будет принимать гостей? Невест в Сангимгорте много, и чьё же девичье сердце сегодня запоет колокольчиком? И запоет ли??? Оленьи упряжки передвигались по едва заметным тропинкам от избы к избе. Дома словно прятались в темноте между ветвистых раскидистых кедров, запорошенных затвердевшим за зиму снегом, ничем не выдавая своего присутствия, под белоснежными шапками кедрача. Скоро каюр уверенно остановился у дома старика Юхура. Небольшой уютный двор, возле приземистой избушки высятся три хозяйственных лабаза. С левой стороны на одной ноге, с крутой лесенкой, стоит лабаз с запасами продуктов. Справа от двери, на высоком кедре, уютно расположилось хранилище для вещей. А позади дома крепко стоит на трёх ногах священный лабаз, куда нет доступа ни для одной женщины.

В избушке, кроме самого старика, не было мужчин, зато невесты подрастали одна за другой. И никто не удивился, что аргиш остановился у их двора. Люди в деревне с завистью прислушивались к лаю собак, доносившемуся от избы Юхура. Приехали прошлогодние гости с Оби, значит договор о невесте у них в силе. И сегодня они пригнали стадо оленей – выкуп за невесту. Но за которую?

Гости тщательно отряхивали заиндевевшую одежду, привязывали оленей, не торопясь их распрягать: кто знает, как встретят хозяева?

Громко скрипнула в морозной ночи дверь, выпуская клубы теплого пара, из дому вышел человек в легкой домашней малице и неторопливо направился к гостям, полный внутреннего достоинства и спокойствия.

– Вуся улат. Здравствуйте! Как ехали, олени как?

– Вуся ула! Ханам! Благополучно приехали.

Обратное приветствие говорило о том, что гости не раздумали родниться. «Ханам» обозначает родственные отношения людей, которых породнили дети, создавшие семьи. Над крышей старика Юхура из трубы чувала-печи, повалил дымок с крупными разлетающимися искрами. Растопку сделали сухими берёзовыми дровами. Берёза хорошо даёт жар, и чайник вскипает моментально.

– Пусть гости зайдут в дом, ночь морозная, дорога дальняя, – произнес в ответ Юхур.

Также немногословные, приехавшие женщина и двое мужчин, отряхнувшись, стали уверенно освобождать оленей от нарядной свадебной упряжи. Уставшие за долгий путь олени тут же легли возле нарт. Еще раз скрипнула дверь, и теперь, уже по устоявшемуся веками обычаю, вслед за мужчиной через определённое время вышла женщина, лицо ее было прикрыто цветастым хантыйским платком с длинными кистями, никаких эмоций на ее лице заметить было невозможно. Хозяйка дома и гостья молча совершили тройной поцелуй приветствия.

– Вуся ула!

– Вуся, вуся! Пусть гостья заходит в дом.

Женщины, тихонечко переговариваясь, направились к дверям. Открыв дверь избы, приехавшая почувствовала гостеприимный, тёплый и сладкий запах дыма, исходивший от только что затопленного чувала. У низенького окошка, с левой стороны чувала горела керосиновая лампа, которая освещала присутствующих в помещении. У огня хозяйничала рослая, статная девушка, ей уже в самую пору ожидать сватов, иначе ради нее женихи уж точно не заедут в их дом. Лицо её было прикрыто платком. У столика, вынимая чашки для чая из посудного ящичка и быстро передвигаясь от хозяйственных полок к столу, издавая звуки, похожие на смех, распоряжалась длиннокосая, с непокрытой головой девочка лет шестнадцати. Девушка, что находилась возле чувала, быстро накинула на себя ягушку и, закутавшись в платок, юркнула мимо гостьи за дверь. Буквально сразу же, гостья еще не успела снять дорожную нарядную ягушку, она вошла обратно с охапкой дров. Подтопила чувал пахнущими морозом дровами.

На нарах сидела девочка лет двенадцати, спешно прятавшая куклы. Малышка внимательно, зоркими глазками наблюдала за гостьей, которую мама пригласила сесть на нары в женской стороне. Оглядевшись, Кеваватнэ увидела на мужской половине дома еще одну девочку, лет тринадцати-четырнадцати.

– За этой еще не скоро приедут женихи, – подумала гостья. – В мужской половине сидит, ещё ребенок, как и младшая. А вот старшие в самом соку, которая же моя невестка? Уж точно не черноволосая красавица у столика, ведь взрослая, и не стесняется, даже на голову платок не накинула! – подумала она. Почему-то к этой девушке у нее сразу возникла неприязнь. Наверно, вот та, что у чувала котёл готовит, вон и чайник у нее уже вскипел, расторопная. Такая моему сыну точно подойдет. А платком, хоть и не закрывает лицо, волосы прикрыла и не вертится, и лицом ни разу не повернулась в сторону взрослых. Ещё одна девушка, полностью закрыв лицо, сидела за чувалом, так и не взглянув ни разу на гостей. На её коленях лежала старая оленья шкурка, а ее длинные косы с металлическими украшениями издавали звук в такт ее движениям. Она деловито и умело снимала шкуру с беличьей тушки. Рядом с ней лежала небольшая горка мяса. Рыжие шкурки она быстро натягивала на специальные узенькие досочки. Работы у нее было еще много, видно, у охотника сегодня был удачный день. Возраст девушки выдавали руки – натруженные, жёсткие и в то же время ловкие и умелые. Видимо, среди сестер она и была самой старшей.

Взгляд гостьи вновь остановился на мужской половине, когда вошли мужчины, хозяин с ее мужем и сватом. Девочка, что находилась на мужской половине, отодвинулась в самый угол, освобождая гостям место, и чуть отвернулась к стене. Взяла в руки орнаменты, вырезанные из лап оленьей летней шкуры, видимо, отложенные в момент приезда гостей. Уже почти готовые узоры для подола ягушки длинной лентой свешивались с ее колен. Иголка же, изящно мелькая в ее правой руке, быстро входила в золотистый мех, делая стежок за стежком. Задумчивое, доброе личико девочки иногда расплывалось в улыбке, наверное, вспоминала дневные девчоночьи радости в кругу сестричек.

Ее игла, стукаясь о стальной, широкий хантыйский наперсток, плотно обхвативший указательный палец, издавала мелодичный звон. Орнамент, отсвечивая от керосиновой лампы, теплой меховой ажурной лентой поблёскивал чёрно-белым цветом.

Тут перед гостями поставили низенький обеденный столик, вплотную придвигая его ближе к коленям, чтобы было удобно брать пищу. Никто из девочек, кроме младшенькой, не был приглашен к столу. Двенадцатилетняя девочка, весело щебеча, как птичка, дала повод для разговора между взрослыми, и односложные вопросы, ответы плавно перешли в беседу.

– Как нынче на Урале? Благополучно добрались до леса, волков не много было? – спрашивал Юхур.

– Волков-то нынче мало было, особо не беспокоили нас. А вот в мохнатой ягушке мужчина замучил нас, – отвечал широколицый гость. – Без огня не обходились, много оленей увел. Нынче у русского друга-купца ружьё на мех красных лис выменял. Ох! Здорово шумело ружьё. Боятся хищники близко подойти, от звука его бегут. Под осень, когда обратно путь держали, взял грех на душу, завалил одного: близко к стойбищу подошёл. Играть, танцевать не стали, некогда было, но обряд, как надо совершили, вроде, ничего не упустили, не забыли. Вот только на один день остановились в пути, кажись, грех вышел, самое меньшее, пять дней надо было почести оказывать, да торопились к перевалу, непогода за Уралом начиналась, – вздохнул гость.

– Дорогу заметет, тоже плохо, оленей берегли, – вторил ему сват, весело, с шумом втягивавший чай с блюдца.

Юхур, с детства знающий все обычаи, связанные с промыслом медведя, да и сам не раз добывавший хозяина тайги, понял, что оленеводы действительно не сумели соблюсти много условностей.

– Ну да, это их дело, – думал, прихлебывая ароматный чай с блюдца, хозяин дома.

Женщины тоже переговаривались, чуть отвернувшись от мужской половины стола, прикрывая лица с их стороны цветастыми платками.

Голову гостьи, Кеваватнэ прикрывала дорогая, цветастая шаль с длинными кистями, купленная на Оби у русских купцов. Хозяйка дома Суппосланнэ успела накинуть на голову шелковый платок, вышитый летом.

– Красиво шьет твоя дочь, орнамент ровный, шов, словно следы маленького зайчика, который быстро убегает от росомахи. Видно, мастерицей будет знатной.

– Любит Кунават эвие шить, только свет забрезжит в окошечке так сразу к своим орнаментам, как будто невидимой жилкой привязали ее к игле. В прошлом году старшеньким, каждой по ягушке смастерила. Кисы для сестричек с мельчайшими орнаментами шьёт, словно следы горностая мелькают в снегу, такая она у меня старательная. Бывает, отец ругает Кунават эвие, отправляет заниматься делами по хозяйству, а она сидит себе, словно и не слышит его, ничего не делает по дому, а я и не заставляю, маленькая ещё. Придёт пора, быстро привыкнет к женской работе, она у меня смышлёная.

У старших-то моих не лежит сердце к шитью. Если бы не младшенькая, все бы в лохмотьях ходили, иглу в руки ни за что не хотят брать. А она из всего зимнюю шубу-ягушку может сшить. Из беличьих шкурок, из утиных головок – и не лень ей собирать эти лоскутки – из шкурок оленьего лба такой «тучан» – женский мешочек для рукоделья смастерит, любо посмотреть. И чем меньше лоскуток, тем искусней его выкладывает на своём изделии.

Каждый кусочек меха в доме прибирает, прямо сносу нет. Прошлой зимой отец песцов добыл, уж очень их много было. Так доченька моя, – рассказывала Суппосланнэ, – оказывается, все лапки от шкурок отрезала. Ох, разгневала она отца. Никогда таким не видела старика, бушевал и пенился, как волны на Оби во время шторма.

Купец потом не хотел принимать мех, говорит, испорченные шкурки. Старик выменял охапку белоснежных шкурок за один мешок муки.

А девочка моя ягушку с узорами меньшенькой смастерила. Все соседи удивлялись: мягкая, пушистая, беленькая, как первый снег на речке Куноват. Орнамент так и играет, глаз не оторвать.

– Старшая-то, видно, у тебя расторопная?

– Парску у меня все больше в лесу, да и когда ей шить, отец наш уже стар, в лес, в урманы дальние – тайгу, богатую диким зверем, теперь не ходит. Старшенькие мясо заготавливают и лося тоже добывают сами. Соболя бьют, белок вон нынче много в тайге. Кедр хороший урожай в это лето дал, а звери, птицы чуют, где пищи достаточно. Каждый день Парску добывает зверьков на весь мужской пояс.

Пока женщины беседовали, закончилось время чая, и мужчины вышли немного остыть на морозный воздух.

Кеваватнэ из-за своей цветастой шали зорко наблюдала за девушками... Вот мелькнули черные косы Ели, непокрытые платком, она скоро и быстро убрала чайный столик и стала накрывать горячее. Котёл был уже готов, и молчаливая Татья, так ни разу не оглянувшись на гостей, присев на корточки, вынимала ароматное беличье мясо в длинную деревянную чашу – «хуван». Гостье даже мельком не удалось увидеть черты лица девушки.

– Которая же моя невестка? – непрерывно сверлила её мысль. Лишь бы не эта егоза, которая так и мелькает с непокрытой головой перед мужчинами. Смуглые щёки Ели покрывал густой здоровый румянец цвета спелой брусники. Было видно, что она входила в пору своего девичества, подвижная, веселая и совершенно непохожая яркой, смелой красотой на своих покладистых сестёр, и уж точно она распорядится этой красотой по своему усмотрению. Поди, старшая, – думала Кеваватнэ, – уже выходит из возраста невесты, быстрей нужно избавляться от нее. Вон как ловко белок разделала. Но лицо-то какое хмурое, словно туча перед непогодой. Тяжело с такой невесткой в одном чуме. Руки-то вон какие, мужские, уж никак не приголубит моего сына. А сердцем гостья все время останавливала свой взгляд на той, что возилась у чувала.

Девушка и с сестрами не переговаривалась. Стройный стан, плечи, склоненная головка прикрыты платком с длинными кистями. Словно лицо её должно быть обращено только к огню. Хоть бы мельком, краешком повернулась! Освободившись от забот у чувала, Татья присела спиной к гостям на низенький стульчик и взяла в руки берестяной туесок для воды, недавно изготовленный, орнаментов на нем ещё не было. Кончиком ножа, скребя по бересте, она стала писать диковинные узоры с причудливыми птицами и животными, слегка смачивая то место, где водила лезвием по бересте. И коричневая основа изнаночной, внутренней стороны березовой коры, приобретала желтый цвет, плавные линии орнамента на берестяном туеске превращались в чудную картину, главными героями которой были птицы, лесные зверьки: соболи, белки, горностаи.

Плотно поужинав, хозяева избушки стали укладывать своих гостей спать. В избушке наступила тишина, ни разговоров, ни предсвадебной суматохи. Все стали ждать следующего дня, когда разговор пойдет о самом главном, ради чего и проделали гости путь, длиной в несколько оленьих переходов, вместе со стадом условленных оленей.

Чуть только забрезжил рассвет, встала хозяйка дома Суппосланнэ и раздула огонь в очаге чувала. Девочки почти разом, кроме самых младших, тоже поднялись и одна за другой вышли из дому. Парску, встала на широкие лыжины, обитые лосиной шкурой и ушла проверять ловушки и петли, находившиеся вблизи от деревни. К весне куропатки возле речки табунами летают, да и лиса повадилась ходить в деревню, глядишь, в ловушку попадет.

Татья углубилась в ближайшую опушку леса, там у неё был заготовлен лес для дров. Веселая, неугомонная Еля, подшучивая над сестрами, взяла берестяные туеса для воды и убежала к живуну, незамерзающему источнику на краю деревни, там с утра обязательно собираются шаловливые девушки. На этот раз она скоро вернулась домой. И пока мать доставала угощенье, быстренько собрала гостям столик для завтрака.

После утреннего густого, настоянного на таёжных травах чая, весёлый сват, прочистил горло:

– Охе, хе, хе – в прошлом году в это же время приезжали мы в гости в ваш гостеприимный дом, в котором в заточении сидят глухарки, не видя света солнечного. Одну из них обещали оленеводу удачливому, кочующему в Приобской тундре. Условие со стороны жениха мы выполнили. Долог был наш путь до Куновата, но быстро добрались до реки, всего за четыре дня. У подъезда в Сангимгорт, на ягельной опушке стоят тридцать оленей. Теперь ждем ответа, которая же наша невестка?

В избе воцарилась такая тишина, что слышно было, как далеко на речке сосед долбит лёд в проруби. Хозяин, который в прошлую весну с легкостью обещал отдать любую из дочерей, почему-то долго молчал.

Только стук иглы Куноват эвие об металлический напёрсток – чок, чок, чок – нарушал угрожающую тишину. Наконец, хозяин дома начал говорить, видно было, что он уже стар, сухим шепотом, не терпящим никаких возражений, голосом который ни разу не дрогнул, он сказал:

– Лето думал над своим обещанием, осень думал, вот и зима прошла, и снова бог Турам к весне повернул природу. Стар я уже. Всё думаю, на кого я оставлю своих дочерей, дом, случись, что со мной. Нет у меня сыновей, нет кормильца, который бы принес с урманов мясо, наловил в реке рыбу. Старшую Парску, помощницу, кормилицу, хотел отдать. Отдам её при одном условии, зять должен войти в дом невесты, а не невеста к нему. А иначе ...

Отец жениха хмуро шевельнулся на оленьей шкуре. Кеваватнэ, не скрывая чувства досады и возмущения, охнула: «Да как же так, не было такого уговора»!

Хозяин ждал ответа мужчин, сидя так же спокойно, как и говорил. Растерявшийся сват глянул на отца жениха и только раскрывал беззвучно рот, как рыба, выкинутая на песчаный берег

– Только сирота входит в дом тестя, – выдавил оленевод. – Мой же сын при отце и матери и имеет свои шесты для чума, свои нюки возит в грузовых нартах, грех такому парню при живых родителях входить в дом жены. У тебя еще две дочери на выданье, любую из них возьмем.

Сердце Кеваватнэ радостно запрыгало в груди, не откажется она от молчаливой Татьи, уже и сердце за это короткое время прикипело к ней материнской любовью.

А сыну пора жениться, не могла она одна кочевать с мужчинами-тундровиками, ох, много хлопот с ними. Оленеводу ежедневно надо сушить меховую обувь, часто рвутся кисы, и чинить их приходится почти ежедневно. Ох, и много бегают её мужчины по тундре вслед за оленем. Тяжело одной, нужна помощница.

И опять заговорил старый Юхур: «Татья в доме помощница матери, никак без нее. У Ели характер, только посмеется, в лес сбежит, а в свадебную нарту не сядет, знаю ее».

Возмущённая Кеваватнэ, редко прислушивавшаяся к слову мужа и к мужскому мнению, напомнила:

– Ханам, мы, как обещали, пригнали тридцать оленей к твоим урманам. Подарки для всех привезли: и сукно, и шелк лежат в моих дорожных нартах, отдай Татью и породнимся с миром.

Молчала Суппосланнэ, зная тяжёлый характер своего старика, она уже поняла – другого ответа не даст. Ему ни подарков, ни оленей не нужно, кому их пасти без мужчины? А на стороне, в других руках держать, всё равно, что чужие будут, пропадут.

Юхур ики кашлянул и твердо сказал: «Мужское слово во второй раз не повторю. Не хочет ваш сын зайти в мой дом, другой зайдет. Будем ждать». И почти в шутку сказал: «А хотите, берите Куноват эви, все равно толку от нее никакого, одни убытки», – видно, надолго засела обида на дочь за обесцененных прошлогодних песцов.

Ахнула под своим платком Суппосланнэ: «Да что ты, старик, говоришь, грех какой, ребенок она, еще на мужской половине сидящая. Не отдам дочку»!

– А тебя, женщина, никто не спрашивает, молчи, не давал тебе слово, – резко осадил старик сникшую жену.

Кеваватнэ, содрогнувшись от услышанного, долго не могла прийти в себя, но, хорошенько подумав под прикрытым платком, как халей, который спрятал голову под крыло, ожидая добычу, решила: «Такая мастерица в чуме не помеха, а что молода, так не страшно, сама буду учить Кунават эвие хозяйству, глядишь, и вырастет когда. А помощница в чуме нужна. Ничего, сын подождет год-другой, не гнать же оленей назад в четыре дня пути, они и не выдержат, по пути все свалятся: дело к весне, они и так отощали. В дороге и ягеля-то не найдёшь: не одна упряжка, почти стадо, пока доберемся в таежные урманы, всё равно погибнут». И все было решено в считанные минуты.

Кеваватнэ, как халей, в красивом белом оперении, но хищник, в душе, быстро дала добро, пока никто не передумал, она берёт девочку. Суппосланнэ из-за жгучих слез и боли в сердце промолчала, обрадованный Юхур и успокоившаяся Кеваватнэ, быстро договорились друг с другом, при чудовищном решении двух сторон, они как обские ненасытные халеи уже готовы были разорвать свою добычу. Остальные же молчали, не подавая признаков жизни, словно и не было их в избушке.

Кунават эвие не прислушивалась к разговору взрослых, тихая улыбка освещала её нежное личико, и стежки один за другим мерно бежали за её иголочкой.

Суппосланнэ, осмелившись, объяснила случившееся дочери. Кунават эвие, словно проснувшись ото сна, широко распахнув глаза, вздрогнула, пронзительно вскрикнула и, как маленький нахохлившийся гусёнок, бросилась к ней в объятия, желая спрятаться под тёплым материнским крылом. Она долго молчала, а Суппосланнэ слышала сердцем всю огромную боль, разом поселившуюся в маленькой груди молчаливой девочки. Съежившись, вся превратившаяся в комочек горя, Кунават эвие чуть слышно проронила, ещё на что-то надеясь:

– Анги, не отдавай меня. Я знаю, сестра ждала гостей, она согласна, только не говорила никому. Уже от третьего жениха отказываетесь. Она уже устала ждать своего счастья. Мама, скажи отцу, пусть пожалеет меня, я не хочу уходить из нашего дома. Пусть он отдаст Парску.

Но мать только крепче прижимала дочь к застывшей груди, знала, муж все решил и никогда не изменит своего мнения...

К обеду в дом вернулись Татья и Еля, чуть позже с богатой добычей зашла Парску. И, услышав похоронный плач сестренки и матери, все поняла. Потемнело лицо старшенькой, зло глянув из-под платка на отца, с грохотом бросила дичь возле чувала и выскочила из дома, ставшего для неё мрачным заточением, обратно на улицу, где солнце, не замечая горя девичьего сердца, светлым лучиком ласково коснулось её потемневшего от негодования лица. Но она этого даже не заметила. Солнечные лучики скользнули дальше на ветки берез, заблестели серебряными капельками воды на длинных сосульках, свисавших с крыши домов и высоких лабазов, стоящих на высоких ножках вокруг дома. Весна затяжной будет, шептали

длинноногие сосульки, сердце девичье не скоро отойдёт от обиды. Схватив лыжи, Парску побежала в дальние урманы, где было множество теплых охотничьих избушек. Она переждет свое горе там, в светлой весенней тайге, далеко от дома, от упрямого отца и бессловесной матери...

На следующий день после вялого невестиного свадебного стола и без особого азарта забитого у священного лабаза в честь неё оленя, соседи, приглашённые на такое событие, узнав об очередной выходке Юхура, выпив крови и поев свежего мяса, быстро разошлись по своим домам. Каждый нашел пищу для обсуждения и разговоров на целый год. Такое не скоро забудется: полный дом невест, а выдать замуж девочку, еще сидящую на мужской половине! Суппосланнэ и две ее дочери укладывали свадебный аргиш Кунават эвие. Кеваватнэ внимательно наблюдала, какое приданное дают за девочку. Придраться было не к чему. И постель, и посуда, и берестяные покрышки для чума, все было в порядке. А ягушки! На загляденье!

Вывели из дому невесту. Даже в меховой ягушке слепой мог увидеть хрупкое тельце ребенка, а не женщины. Покрытую сразу тремя слоями платков, верхний – предназначался духам рода будущего мужа, с закрытым лицом ее усадили в свадебную нарту, под нарядной накидкой, которую она сама же вышивала для старшей сестры. А теперь сестры именно её почему-то собирают в дальнюю дорогу.

От непрерывных слез и щемящей тоски молчаливая Татья, собиравшая в дальний путь пожитки сестрёнки, уже ничего не чувствовала: ни обиды на родителей, ни злости, только беспрестанно жалела худенькую, рыдающую мать и застывшую, как льдинка, сестричку. Словно на похороны собирались. А не невесту рядили в богатый чум. Даже веселая Еля утирала набегавшие жгучие слезы и все старалась что-то шепнуть Кунават эвие. Татья, так и не показав своего лица гостям, молча складывала приданное – платки, кисы, ягушки, нарядные женские платья, еран хир – мешок для одежды и обуви, тучан – мешочек для рукоделья, вещи любимой сестренки. Она знала, пока отец не дождется зятя в свой дом, ни за что не отдаст и ее замуж. Но найдется ли такой мужчина или сирота, что заменит отцу сына? Три раза объехала невестина нарта вокруг оси, чтобы не было возврата невесты обратно в девичий дом, и свадебный аргиш тронулся в путь. Сама свекровь везла бесчувственную Кунават эвие. Девочка же сидела без движений, как деревянный идол, застыв за спиной свекрови, ни слова не проронила больше, не ответила на поцелуи матери, сестёр.

У Кеваватнэ бешено колотилось сердце от гнева на Юхура, так легко продавшего дочь, на всех новых родственников, но и она молчала.

«В хозяйстве все пригодится, и невеста-подросток тоже», – думала она. Четыре дня пути пролетели для Кеваватнэ моментально, как ни растягивай мысли, а все приходит им конец. Под вечер пятого дня приехали в Вулыгорт. На лесной опушке в ряд стояли три чума. Весело залаяли собаки, учуяв своих, над шестами чумов появился дымок.

Хозяева распрягали оленей, снимали отяжелевшую кожаную упряжь оленей, отряхивали одежду от изморози. И только Кунават эвие молча, затаившись, как напуганный таежный зверек, не двигалась в нарте. Наконец, когда мужчины уже вошли в чум, к ней приблизились свекровь и соседка по чуму. Лицо Кеваватнэ уже не прикрывала тяжелая шаль, лишь накинутый на волосы лёгкий платок. Она взяла под руку Кунават эвие, с другой стороны подхватила соседка, и они повели её к чуму. Еще не подняв покрышку от входа в чум, свекровь прошептала на ухо невестке: «В этом чуме, покрытом нюками из оленьих шкур, ты будешь жить так, как сама устроишь свое гнездышко. Будет в нем холодно, если в твоем сердце будет лед, и будет в нем тепло, если в сердце твоем будет гореть огонь». С этими словами свекровь широко откинула покрышку чумового входа. Жених, сидевший в мужской половине, шевельнулся. От волнения он опустил взгляд на свои кисы, сшитые из белоснежных оленьих лап, перевязанные ниже колен яркой шерстяной повязкой.

И все же, когда с невесты убрали слой платков и сняли нарядную, из черно-белого неблюя ягушку, он поднял незаметно взгляд и вскрикнул:

«Анки, так это девочка, она же ребенок! Мама, кого ты привезла»? Кеваватнэ молча усаживала невестку. Достала из дорожных мешков Кунават эвие семейный полог и повесила его за спиной сына. Не проронив ни слова, подвела под руку дрожавшую, как таежный зайчонок, девочку и усадила рядом с сыном. Занесла с невестиной нарты ее столик и стала готовить невестин ужин. По обычаю, заведенному не ею, она достала продукты из невестиной продуктовой нарты. Здесь было все: и рыба, и мясо, даже хлеб, шумах – рыба, вяленная на солнце и затем обжаренная на огне, незатейливые сладости, болотная морошка, лесная голубика, брусника, травы и березовая чага для чая. Была припасена и священная вода для богов рода Сорьёхан ех, предназначенная для первой молитвы в доме жениха о благополучной жизни девушки в чужой еще для нее семье. Все это накрывала сама свекровь и соседки по чуму. Ни звука, ни

разговоров, тишина, будто в чум покойницу привезли, а не невесту. Только огонь отчего-то весело потрескивал в очаге. Он с жаром облизывал большой черный закопченный чайник, чугунный котел с оленьим мясом, висевший тут же на шесте, прикрепленный на двух рогатинах.

Огонь сполохами освещал вечерний, просторный чум, играл яркими язычками, пытаясь заглянуть под закрытое платком лицо невесты. Именно она теперь будет пробуждать ежедневно его жизнь. Какая она хозяйка, какие дрова, какую растопку приготовит для огня? Вот что было интересно весёлому пламени в чуме жениха.

Накрыв столик, Кеваватнэ придвинула его в угол, где находились духи семьи. И только, когда закипел чайник, свекровь подняла низенький столик, перенесла его на новую семейную половину, поставив к коленям жениха и невесты. Пригласила молчаливого мужа, соседей угоститься.

Трудно давался ей разговор, голос ее прерывался, от волнения чарка в ее руке дрогнула:

– Сынок! Так получилось, боги дали тебе в жены совсем девочку. Потерпи год, может, другой, Охшаман хоятэн («человек в платке», жена) станет хозяйкой в чуме. Я видела, какая она мастерица, от такой невесты грех отказываться, и я привезла ее в свой чум, в твою половину хозяйкой, мне невесткой, помощницей в чуме.

Она пригубила горькую водку. Но сердце все не отходило, словно обманули ее, а не сама соглашалась на страшный грех...

Как только над дымоходом забрезжил блеклый рассвет дня, Кеваватнэ, так и не отдохнувшая за ночь, уже готовая было по привычке подняться с постели, чтобы разжечь огонь в очаге, услышала шорох на второй половине чума. Худенькая, почти незаметная в предутренних сумерках, Кунават эвие, накинув на себя старенькую ягушку, подошла к очагу чума, присев на корточки перед кострищем, положила на самую его сердцевину серебряную монетку. Губы ее слегка дрожали, но она шептала: «Богиня огня! Прошу тебя, прими мой дар, теперь я буду каждое утро будить тебя. Я буду очень стараться, растопка и дрова всегда будут сухими, только прими меня у своего очага». Затем разгребла нежными пальчиками золу и, найдя ещё тлеющий уголёк, поднесла к нему тоненькую сухую пластинку бересты, слегка подула на уголек, словно целовала его, и тот обрадовано вздохнул, весело лизнул сухую мягкую бересту и запылал ярким пламенем в руках Кунават эвие. Улыбнулась и сама девочка.

Разведя огонь, новая хозяйка очага выскользнула из чума.

ВЕДЬМА И СКАЗОЧНИЦА

ПОРНЭ ПА МОСЬНЭ

Живут в одном чуме две женщины. В одной половине остроконечного берестяного жилища висит полог из ткани, привязанный уголками к жердям чума, сотканный из крапивного волокна доброй женщиной Мощнэ. Живет она с дочерью и маленьким сыном. Во второй половине чума, в пологе, кое-как склеенном из плохо выделанной рыбьей кожи, живет Порнэ со своими многочисленными детьми. Ее дети вечно грязные, лохматые и непричесанные. Никогда не слушаются мать, ведьму Порнэ, и даже по ночам громко кричат. Дети Мощнэ, маленький сыночек и дочка, прилежные, всегда причесанные и чистенькие. Дочь Мощнэ старательно вышивает узоры для одежды.

Порнэ – злая, завистливая женщина. Все мечтает извести молчаливую, трудолюбивую Мощнэ, которая мастерит нарядные и красивые вещи для своих детей. То шубку сошьет для дочери, то обувь для сына. Только косы с медными да серебряными украшениями слегка позванивали в такт трудолюбивым рукам мастерицы. Часто и детям сварливой соседки перепадали теплые вещи от доброй женщины. Сама же Порнэ ничего не умела делать, даже циновку из травы и то вкривь и вкось плела.

Однажды, так и не причесавшись с утра, лохматая, вся в страшных, рваных одеждах, Порнэ позвала Мощнэ на луг, к берегу реки, чтобы нарвать осоки для новой циновки. Соседке было некогда: занималась домашними делами. Но Порнэ страшно рассердилась:

– Ах! Какая ты лентяйка! А траву для циновки я одна должна заготовить на зиму?

Чтобы не злить Порнэ, Мощнэ молча собралась, поцеловала дочку с сыночком –недоброе чуяло ее сердце – и пошла с соседкой за осокой.

Долго ждали дети свою маму, да так и не дождались. Выглядывают из чума, ждут. К вечеру, глядят, Порнэ пришла к чуму. Несет большую охапку осоки, крепко перетянутую толстой веревкой, наспех сплетенной из луговой травы. Из пучка осоки косы Мощнэ с серебряными да медными украшениями до самой земли свешиваются. Убила Порнэ их безотказную молчаливую маму, поняли дети. Спрятались в пологе и слышат, как дети Порнэ кричат:

– Мне, мне дай глаза!

– А мне уши!

– Нет, – говорит Порнэ. – Не дам я вам старые глаза, не дам я вам старые уши, сама их съем. А вы завтра поедите. Вон в соседнем пологе мягкие ушки, вкусные глазки.

Испугалась дочь Мощнэ, решила сбежать с братиком. Тихонько выскользнула из полога с задней стороны чума, поймала двух птиц, привязала их друг к другу крыльями и запустила в полог. Птицы от испуга громко щебечут. Порнэ прикрикивает:

– Чего расшумелись! Смотрите у меня! Завтра я вам покажу, как щебетать. Щебечите, щебечите там.

Девочка собрала братика, одела, обула в дальнюю дорогу и посадила в большой заплечный туесок, с наружной стороны которого посередине был нарисован мамой оберег – образ хозяина леса. Прихватила девочка с собой мамино точило, огниво и костяной гребешок, накинула большой туесок с братиком за плечи и убежала от Порнэ.

Долго ли, коротко ли бежала, кто знает. Где вместе бегут, где на спине несет в туеске брата. Тяжело девочке, нелегкая ноша тянет кожаными ремнями за плечики, но не жалуется она, хочет до бабушки добежать. Немного осталось до бабушкиного стойбища, вдруг слышит, бежит сзади ведьма Порнэ, нагоняет детей. Вот-вот догонит их, так и хочет схватить своими кривыми скрюченными пальцами маленького братика.

– Бегите-бегите! – кричит ведьма. – Далеко не уйдете! Все равно догоню, все равно вас съем, все равно выпью вашу кровь.

Достала девочка из-за пазухи точило и бросила его через плечо назад со словами:

– Если нашей песне продолжаться, нашей сказке продолжаться, пусть вырастет такая высокая гора, что ни птице через нее не перелететь, ни зверю не пройти.

Огромная каменная гора выросла за спинами бегущих детей. Осталась Порнэ за каменной грядой. Пока ведьма через гору перебиралась, убежали от нее дети. Но недалеко они ушли, вновь нагоняет их взлохмаченная, с ободранными ногтями и руками Порнэ. Вот-вот их схватит, вот-вот их достанет.

Бросила дочь Мощнэ гребешок через плечо и крикнула:

– Если нашей песне продолжаться, нашей сказке продолжаться, пусть вырастет такой густой лес, что ни носу, ни глазу туда не проникнуть.

Вырос за их спиной густой темный лес. Дальше бегут они с братиком. Где за ручку его ведет, где на спине несет. Совсем немного осталось до бабушкиного дома. Но тут опять показалась Порнэ. Исцарапала она лицо свое в кровь колючими ветками, в клочья ободрала старую свою ягушку, одни лохмотья на ней остались. Снова нагоняет детей. Вот-вот схватит скрюченными пальцами детей. Оглянулась девочка, увидела страшную Порнэ и бросила через плечо мамино огниво со словами:

– Если нашей песне продолжаться, нашей сказке продолжаться, пусть вспыхнет такой большой огонь, что жар воду высушит, дым горизонт скроет.

Вспыхнул огонь, пропала Порнэ, не видать ее. Совсем немного осталось до бабушки, до маминой мамы. Уж она-то пожалеет детей, уж она-то пригреет внуков.

Впереди показалась речка. А на том берегу речки бабушкин чум стоит, покрытый берестяными покрышками.

– Бабушка, бабушка, помоги нам, переправь нам лодку, перевези нас быстрее через речку! Порнэ нас догоняет, хочет нас съесть! – кричат дети.

Бабушка быстренько столкнула в воду свою маленькую лодочку-колданку и переправила детей на свой берег.

Ничто не может остановить Порнэ, даже сквозь огонь прошла, хоть и подпалил он ее косматые волосы. Вскоре показалась ведьма на берегу. На расстоянии от реки пахло ее паленой одеждой: старая ягушка вся сморщилась от жара огня, а она все живая.

– Бабка! И меня переправь на ту сторону.

Бабушка выпустила на берег детей, вытянула на сухое место колданочку и говорит:

– Хорошо, сейчас переправлю. Садись мне на спину.

– Как я сяду на твою спину, вдруг промокну!

– Не промокнешь, я тебя аккуратно переправлю.

Пришлось Порнэ сесть на бабушкины плечи, уж очень хотелось ей съесть детей. Бабушка доплыла до середины реки и перевернулась на спину. Ведьма с бульканьем и шумом ушла под воду, а бабушка добралась до своего берега. Накормила, напоила внуков, и стали они жить втроем.

Вырастила бабушка внуков. Дочь Мощнэ превратилась в красивую, стройную девушку. Бабушка для внучки справила ягушку, для внука парку из шкур цветного олененка.

Однажды бабушка говорит:

– Вашей песне, вашей сказке дальше продолжаться. Выростила я вас, к самостоятельной жизни оперились, окрылились. Приготовила я вам в дорогу одежду теплую. А вот тебе еще волшебный мешочек, твой тучан. Не смотри, что он маленький: все, что понадобится в пути, в нем найдешь. Привяжу его к завязкам твоей ягушки. Внученька, в дороге вам разные препятствия встретятся. Главное, братика убереги. Три священных места вы должны пройти. Сначала вы встретите святилище мужское, стороной его пройдите. Присматривай за братиком, чтобы он мужские подколенные подвязки для обуви не тронул. Все-то ему интересно. Коснется их – ты его в последний раз увидишь, он тебя в последний раз увидит. Потом встретится вам святилище, там висят на деревьях ножны для ножей. Смотри, держи братика за руку, не отпускай его. Нельзя дотрагиваться до священных предметов. В третий раз увидите святилище, где поклоняются предкам нашим, богам нашим. На деревьях висят связки священных лисьих шкур, дарованных духам, богам нашим. Не давай брату прикасаться к ним – увидишь его в последний раз, он тебя в последний раз увидит.

Собрались дочь Мощнэ с братом и пошли счастья искать, удачи искать.

Долго ли шли, кто знает. Сказке дальше идти, песне дальше звучать, вот и идут по свету.

Идут девушка с братом и видят мужское святилище, кругом мужские подвязки для кисов висят. Взяла девушка братика за руку, стороной обошли места, где поклоняются лесным духам, лесным богам мужчины. Дальше идут. Брат впереди бежит, не слушается. Глядит дочь Мощнэ – опять святилище. Кругом ножны мужские висят. Так и хочет братик ножны схватить. Успела девушка отвести брата от святилища, где земным духам, земным богам поклоняются люди. Дальше идут дочь Мощнэ с братиком. Устали они. Уже и сил нет дальше двигаться, есть хочется. Смотрят, на болотце морошка поспела, уже в желтый платочек нарядилась, сама просится в рот. Едят они сладкую морошку, оторваться не могут от лакомства. Не заметила дочь Мощнэ святилище недалеко, кругом связки лисьих шкур висят на березах. Не уследила за братом девушка. Пока ела морошку, оторвал он четыре зеленых листочка с белоствольной молоденькой березки, где висели связки из лисьих шкур, на том месте небесным духам, небесным богам поклонялись люди.

Оглянулась только тогда, когда услышала голос братика.

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка!

Рука моя вот-вот оторвется, оторвется. Опи, опи, опие!

Не успела Мощнэ – брат без одной руки стоит.

– Братик мой, зачем ты оторвал листочки с березы? Дерево живое и ему тоже больно, как и тебе сейчас. Пойдем быстрее отсюда!

Только отошли чуть-чуть, мальчик опять кричит:

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка! Вторая рука моя осталась, тоже осталась. Опи, опи, опие!

Во второй раз обернувшись, увидела Мощнэ своего братика без обеих рук. Убежали они со страшного места. Только вновь братик кричит сестре:

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка! Нога моя вот-вот оторвется, оторвется! Опи, опи, опие!

Посмотрела Мощнэ назад, а братик на одной ноге стоит. Взяла она брата на руки и побежала, да мальчик опять плачет:

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка! Вторая нога моя оторвалась, оторвалась. Опи, опи, опие!

В четвертый раз глянув на брата, увидела его без обеих ног и рук.

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка! Оставь меня на этом месте. Опи, опи, опие!

– Братик, братик, мой братик! Посажу тебя под сосной.

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка! Не оставляй меня под сосной, не оставляй.

– Братик, братик, мой братик! Посажу тебя под осинкой.

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка! Не оставляй меня под осиной, не оставляй.

– Братик, братик, мой братик! Посажу тебя под березкой.

– Опи, опи, опие! Сестра, сестра, сестричка! Под березой мне будет хорошо, хорошо.

Только посадила Мощнэ брата под березку, возле берлоги медвежьей, как исчез мальчик куда-то, то ли под землю провалился, то ли еще куда делся, неизвестно.

Плачет дочь Мощнэ, печалится, но делать нечего, не уберегла родного брата. Осталась на белом свете одна-одинешенька. Пошла дальше – глаза слезы застилают, ничего не видит. Остановилась она на опушке, чтобы слезы вытереть, грусть унять, прислонилась плечом к гнилому березовому пеньку, а пенек возьми да и развались. И вдруг выпрыгнула из-под пенька живая и невредимая Порнэ, а за ней ее чумазые ребятишки, и давай кричать:

– Ты зачем дымоход моего чувала поломала?

– Да разве я знала, что это твой дом! Смотрю, березовый пенек, вот и прислонилась. Остановилась отдохнуть, свою печаль, свое горе оплакиваю. Братик у меня умер, вот и горюю.

– Куда идешь?

– Куда иду, сама не знаю...

– Я с тобой пойду, чего тебе одной ходить.

И пошла, напросившись, с дочерью Мощнэ, оставив в жилище под корнями березы своих детей.

Идут они счастья искать, идут свою долю искать. Долго ли, коротко ли шли, кто их знает. Видно, дальше песне звучать, дальше сказке сказываться, вот и идут они по земле.

Однажды подошли они к речке. Порнэ и говорит дочери Мощнэ:

– Давай искупаемся.

– Нет, не хочу купаться, – отвечает девушка. Боится она Порнэ, знает, что та может ее обидеть.

– Давай раздевайся! Будем купаться, – стала настаивать Порнэ.

Пришлось дочери Мощнэ раздеться и идти в воду. Порнэ же быстренько окунулась в воду и обратно на берег выпрыгнула. Схватила красивую одежду дочери Мощнэ и нарядилась в ее платье, в ее обувь. Вышла из воды девушка, заплакала.

– Как же я дальше пойду, раздетая, разутая?

– Чего ревешь! – кричит Порнэ. – Вот моя одежда, одевайся.

Пришлось дочери Мощнэ натягивать на себя лохмотья ведьмы, склеенные из коры деревьев. Тут девушка вспомнила о волшебном мешочке, подаренном бабушкой.

– Порнэ, соседушка моя, отдай мне маленький мешочек из оленьих шкур, что привязан к тесемкам ягушки. Тебе он не нужен, а мне это память о моей бабушке.

Отвязала ведьма мешочек и бросила его на землю:

– Бери свою безделушку, нужна она мне! Ты посмотри только на меня, какая я нарядная, какая я красивая! – крутилась Порнэ перед дочерью Мощнэ в нарядном платье, вглядывалась в свое отраженье в речке и все не могла налюбоваться на себя.

Дочь Мощнэ стала смотреть содержимое тучана и достала из него новое платье, шелковый платок, новую нарядную обувь, украшения. Оделась, обулась, краше прежнего стала. Порнэ выхватила мешочек из рук Мощнэ, порылась в нем, но ничего не нашла и с досады выкинула его подальше. Девушка молча подобрала свой мешочек и спрятала его у себя на груди в потайном карманчике.

Пошли дальше. Вот уже и осень прошла, пошел снег, зима наступила. А они все идут и идут. Девушка из мешочка еду достает, одевается и с Порнэ делится.

Однажды пришли они к стойбищу оленеводов. Люди чумы недавно сняли и перекаслали на другое стойбище. Пока через пустое чумовище переходили, нашла дочь Мощнэ лопатку для выбивания снега с обуви. Порнэ подскочила к ней:

– Что нашла, что? Отдай мне! – и вырвала из рук девушки лопатку. – Зачем она тебе? А мне пригодится.

Понурившись, пошла дочь Мощнэ дальше и увидела тынзян. Оглянулась, не смотрит ли Порнэ, и быстренько спрятала его за пазуху под ягушкой.

Глядят – впереди снег заклубился, едет кто-то на оленьей упряжке. Первым подъехал Сонтан Ики, мужчина в белой парке. Три белых быка, три оленя запряжены в нарты, белой шкурой нарта покрыта. Обрадовалась Порнэ и сама к нему в нарты запрыгнула. За Сонтан Ики едет Тонтон Ики, одет в пеструю оленью парку, олени у него пестрые-пятнистые. Остановился возле дочери Мощнэ и спрашивает:

– Не находила ли ты чего на чумовище?

– Находила. Сначала нашла лопатку для выбивания снега, да спутница моя отобрала ее.

– Ничего, – говорит Тонтон Ики. – Это друга моего выбивалка. А больше ничего не нашла?

– Нашла тынзян, – достает она из-под ягушки собранный, смотанный в кружок, искусно сплетенный тынзян.

– Это мой тынзян, хорошо, что нашла, он мне очень нужен. Садись, девушка, на мои нарты, – сказал он дочери Мощнэ. – Будешь женой любимой, хозяйкой в моем доме.

Отказывается девушка, неудобно, стыдно в чужую нарту садиться. Все же уговорил юноша девушку. Села она в нарты, и поехали к нему домой.

Вскоре подъехали к деревне – два дома рядышком стоят. В одном жил Вошан Куртан Ики Пох, Тонтон, в другом – Сонтан Ики Пох. Пришлось опять жить по соседству с Порнэ. Дочь Мощнэ и Вошан Куртан Пох дружно жили, любили друг друга. Долго ли, коротко ли жили, кто знает, да сказке дальше сказываться, да песне дальше петься.

Вот однажды говорит дочь Мощнэ мужу:

– По дороге, когда шла, искала судьбу свою, долю свою, братик мой умер. Положила его под белой березкой, возле берлоги медведя. Хочу проведать, помянуть братика.

А Порнэ услышала эти слова и тоже заторопилась.

– И я с тобой поеду, детей надо проведать.

Делать нечего, поехали вместе. Тонтон Ики для жены три пятнистых быка в нарты запряг. Для Порнэ муж тоже три быка запряг, только белоснежных.

Едут они, едут. У обломленного гнилого березового пенька Порнэ осталась, чтобы проведать своих детей. Дочь Мощнэ поехала дальше – к белой березке возле медвежьей берлоги. На том месте березки не оказалось, а там, где была берлога, стоит в пять углов семистенный дом. Солнцем отражались его стены, месяцем сверкали углы дома.

«Чей это такой красивый дом?» – думает девушка.

У двери собака большая привязана. Слышит Мощнэ голос хозяйки:

– Если нужный человек пришел, если хороший человек пришел, руки оближи да домой втолкни. Если ненужный человек пришел, если нехороший человек пришел, разорви да выкинь подальше.

Собака подошла к девушке, облизала да домой втолкнула. В доме хозяйка сидит, словно солнце ее лицо. Сидит за шитьем, вышивает узоры древние, а на руке четырех пальцев не хватает. Лицо ее белое, брови черные – совсем как березка, у которой брат четыре листочка оторвал. Подняла она голову и говорит Мощнэ:

– Скоро брат твой вернется с охоты, будет входить в дом – не смотри на него. Молча сиди, прикрой лицо платком. Скоро дорога его закончится да путь назад начнется.

Села девушка в углу и думает: «Как же так, ведь умер мой брат без рук, без ног, сама и положила его рядом с берлогой. Кто же должен вернуться с охоты? Кто же живет в этом красивом светлом доме?»

Вскоре послушался шум на улице. Кто-то лыжи снимает с ног и громко рычит. Натянула Мощнэ платок на лицо и сидит, ждет, не шелохнется. Входит мужчина в дом, злой, не подступиться к такому. Прошел к священному месту, снял медвежью шубу, разделся, разулся, стал потихоньку успокаиваться.

Девушка чуть сдвинула платок с лица и узнала братика. Красивым юношей он стал, как месяц светится его лицо. Обнялись, поцеловались. Обрадовался братишка ей. Рассказал, что стала белая березка его женой. А он долго был медведем за то, что лишил ее четырех пальцев. Березка когда-то была девушкой, но злой Куль превратил ее на святилище в дерево. Брат сказал, что раньше чем через семь дней не отпустит сестру домой.

– А за это время подготовлю для тебя оленью упряжку, да не одну, а несколько нарт. Приданого мужу увезешь с собой.

Узнала тут Мощнэ, что у брата стадо оленей несметное. И белые, и цветные, черно-белые олени у Мощ Ху.

Гостила она семь дней, семь ночей у брата. Да песне дальше звучать, сказке дальше продолжаться нужно. Стала она собираться домой, брат снарядил аргиш. Приданого приготовил сестре – и одежду, и шубы, все, с чем девушка замуж выходит. И белых, и цветных оленей запряг. На шее у каждого оленя серебряные колокольчики звенят.

– Дорога твоя нелегка, – говорит брат. – Тронешься в дорогу – не оглядывайся назад. А будешь проезжать мимо норы Порнэ, завяжи колокольчики. Надо тебе успеть вперед Порнэ уехать. Если услышит она, что ты подъезжаешь, выскочит и заберет всех твоих оленей, твои упряжки, все приданое, убьет тебя и оленей съест. Если Порнэ позади тебя поедет, ничего она тебе не сможет сделать. Потом и колокольчики развяжешь, пусть они звенят, а дорога радует тебя.

Поехала девушка в обратную сторону. Тронула аргиш, едет. Любопытно ей, почему брат запретил оглядываться. «Что случится, если оглянусь?» – думает. И оглянулась. Оглянулась и увидела, большое стадо оленей за аргишем тянется. И насколько девушка окинула взглядом стадо, настолько оторвалась лента бегущих оленей, и помчались они назад в свои пастбища.

– Так вот, оказывается, какое приданое мне брат приготовил! А я ослушалась родного брата. Уж теперь точно буду помнить каждое его слово.

Приближаясь к тому месту, где оставила Порнэ, завязала язычки колокольчиков, чтобы не звенели. Постаралась тихонечко объехать гнилой пенек, только Порнэ все равно услышала. Запрягла она в нарты трех карасей, трех озерных рыб, кричит:

– Жди меня! Жди меня! Не бойся меня!

Не стала ждать Мощнэ ведьму. Уж она-то очень хорошо знала, как умеет та лгать. Порнэ подгоняет своих рыб, хочет догнать дочь Мощнэ:

– Пир, пир, мои кельщи, двигайтесь быстрее!

Но рыбы не могут бежать по земле, как олени. Ведьма с досады то рядом с рыбами бежит, то вновь на нарты запрыгивает. Далеко отстала она от девушки, не досталось ей приданого, о котором она мечтала.

Подъезжают дочь Мощнэ и Порнэ к стойбищу. Вышли из чумов встречать женщин Сонтан Ики и Тонтон Ики. Тонтон Ики встретил Мощнэ, распряг оленей и на пастбище отпустил. Сонтан Ики, увидев Порнэ на рыбьей упряжке, вошел обратно в чум, со стыда прикрыв за собой полог входа в чум. Но не тут-то было, Порнэ на все стойбище подняла крик:

– Ты куда спрятался, муженек? Распрягай мою упряжку, устали мои рыбки!

Смущенный муж вышел, отвязал рыб и спрашивает:

– Где же олени? Я для тебя самых лучших запряг в дорогу!

– Съели их мои дети!

Карасей занесли домой, и они попрыгали к кострищу, где была вырыта ямка для воды.

Долго ли, коротко ли жили, кто их знает, только однажды приходит Сонтан Ики Пох к Мощнэ с мужем и говорит:

– Не могу больше терпеть, замучила меня ведьма. Чуть что бросается на меня, царапает своими длинными когтями, хочет меня убить. Нет мочи терпеть ее издевательства. Как же остановить ее?

Долго думали. Говорит Мощнэ:

– Завтра пусть люди всем стойбищем нанесут сухих дров, да побольше. Будем костры жечь да угощение ставить духам нашим, земным и небесным, богам нашим, земным и небесным, пусть они помогут нам избавиться от такой нечисти.

Назавтра собрались все жители стойбища, набрали сухого хвороста, зажгли костры, поставили богатую пищу земным и небесным духам, поставили пищу земным и небесным богам. А как занялся огонь жаром, ярким пламенем, говорит дочь Мощнэ:

– Глядите, кто там в огне пляшет, какая красивая женщина в алом платье!

Порнэ растолкала всех людей, оттолкнула дочь Мощнэ и кричит:

– Кто, кто пляшет в огне, покажите мне! – и сама лезет в самое пламя.

Люди подхватили ее и в самую середину костра закинули. Сгорела она, только пепел черный летел во все стороны. Мощнэ говорит:

– Бейте пепел, что летит в небо, к земле, а что по земле стелется, кверху бейте. Иначе вновь оживет ведьма.

Бьют люди пепел и вниз, и вверх, только сквозь пальцы пролетевший пепел в комаров превратился. Оставшийся пепел мелкой мошкарой туманом стелется по земле, больно кусая и жаля людей. Сама Порнэ больше не ожила, погибла в огне, только ее злость так и летает по земле. А дочь Мощнэ до сих пор живет, радуя своей добротой людей. Все.

С НЕБА СПУСТИВШАЯСЯ ДЕВУШКА

ТУРАМ ЭЛТЫ ОХДАМ НЭ

В некоторых водах, в некоторых землях, вдали от людских поселений жили муж и жена. В сказочные времена это было, в песенные времена это было, когда боги на землю к людям спускались, а люди в гости к богам на небо поднимались, когда боги с простыми людьми роднились.

Сколько там жили муж с женой, никто не знает. Послал однажды им Великий Турам радость великую, радость несказанную – родился у них сын, долгожданный и желанный. Муж с женой сына растят, не нарадуются. Мальчик растет, силой наливается. Как зима пролетела, как лето промелькнуло, не заметили; вскоре на ножки свои встал малыш, сам начал бегать. Отец обучает сына делу мужскому, делу нужному. Весной они гимки плетут, чтобы рыбу летом ловить, осенью ловушки в борах ставят, чтобы зверя, птицу добывать, зимой в тайге зверя промышляют. Время летит, что птица крыльями машет. Вырос сын, стал, как отец, охотником удачливым, охотником сметливым. В гимки его рыба сама заходит, в ловушки его зверь сам идет.

Состарились отец с матерью. Однажды отец сказал сыну:

– Сколько можно тебе одному жить? Зверь живет – подругу имеет, рыба и та не одна плавает в воде. И человек не может жить один. Мир так устроен, все живут парами. Надо тебе жену найти. Мы с матерью твоей давно не были среди людей. Съездим в селение, поищем себе невестку, тебе жену.

На отцовские слова сын ответил:

– Не нужна мне в жены девушка, которую вы найдете. Нужна мне только та, что я полюблю, что меня полюбит. Неужели не найдется такая девушка?! Если полюбит – сама меня найдет.

Всплеснула руками мать юноши, закрыла лицо платком и со слезами вскрикнула:

– Ийлап, аслап! Да разве может девушка сама к мужчине прийти!? Ем антом! Не грех ли это! Мужчина, подпоясавшийся мужским поясом, сам должен искать подругу для жизненной тропы. А иначе счастье мимо тебя пройдет, и не догнать его.

– Нет, – ответил сын родителям, – не поеду в селение. Придет время – я сам найду себе подругу или она меня разыщет.

Мать с отцом расстроились, но попросили сына запрячь для них упряжку оленей. В упряжку впрягли трех выносливых важенок. Путь долгий, не скоро вернутся домой.

– Съездим в селение, с людьми повидаемся, а ты, сынок, – сказал отец, – до моего приезда очисти от коры черемуховые прутья, настрогай их, приеду – сплетем новую гимку.

И уехали мать с отцом.

Юноша, оставшись в пустом стойбище, старательно исполнял просьбу отца, строгал длинные ровные прутья для гимги. Но вдруг сильно захотел он спать. Зашел в дом, поел, попил, а перед сном решил выйти на улицу.

Было уже поздно, время вечернее, но летнее солнце все еще стояло на горизонте.

Оглянулся юноша и обомлел. В лучах заходящего солнца пятистенный дом сверху светится, семистенный дом изнутри светится. Светом озарен так, что глазам больно глядеть.

– Хей, – думает парень, – вчера там точно не было дома. Чей это дом? Так и светится, так и сверкает. Что за чудеса?!

Сходил в сторону леса, назад возвратился. Не удержался, опять за угол дома глянул. Видит – стоит девушка.

Если с солнцем сравнить – солнцу подобна, если с луной сравнить – луне подобна. Так прекрасна, что сердце парня из груди готово было выскочить.

– Если мысли твои ко мне лежат, если мысли твои с моими на одной тропке сошлись, если сердце твое с моим сердцем одной струной нарасъюха звенит, одним гулом стучит, войди в мой дом. Поешь, попей. Посидим, поговорим. На тебя глядя, я себя потеряла, тобой любуясь, уже ни на что не гожусь. Если нужна тебе, если полюбишь меня, к тебе в жены проситься сама пришла я.

«Как же так, – думает парень, – еще сегодня утром мать сказала, что девушка сама не может к мужчине прийти. А девушка все же сама ко мне пришла. Чудеса, и только!»

Вошли юноша с девушкой в дом. В ее доме словно солнце светит – все светится, переливается. Поели, попили. Откуда еда берется, не видно, откуда питье появляется, не понятно. Кто-то стол накрывает, потом убирает.

Накормила, напоила девушка парня и говорит:

– Скоро мать с отцом твои приедут, невесту тебе не они нашли. Ты же ничего не говори обо мне, дом мой для них невидим, а ты в любой момент, когда пожелаешь, можешь прийти. Если мысли твои будут со мною, если сердце твое будет со мною, если ты желаешь, буду я тебе женой, буду тебе подругой.

– Мои мысли уже с тобой, мое сердце уже с тобой. Но захочешь ли ты с простым человеком жить, с хантыйским мужчиной жизнь делить?

– Проделала бы я этот путь, не полюбив тебя? Мое сердце иссохло, мои мысли уже заблудились.

Сколько времени прошло, никто не знает, вернулись домой мать с отцом в расстроенных чувствах. Невестку себе не нашли, жену сыну не засватали.

Не видят они за углом пятистенного, семистенного дома, не замечают счастья сына. Вне глаз находится девушка, за тенью глаз живет молодая. Как только солнце спрячется за горизонтом, мать с отцом уснут, так их сын к жене уходит.

Сколько времени молодые так живут, никто не знает, никто не видит их любовь.

Рано утром, до восхода солнца, жена будит мужа и отправляет к отцу, к матери. Целый день в мучениях и в ожидании встречи с любимой живет их сын. Пойдет за угол, посмотрит – дом жены на месте. Успокоится. Займется ежедневными делами, поймает рыбу, добудет дичь. Долго ли так жили, коротко ли так жили... Сколько времени прошло, неизвестно. Однажды жена его, подобная солнцу, подобная луне, говорит мужу:

– Скоро – долго ли будем жить, коротко ли будем жить – родится у нас ребенок, появится у нас сын. Колыбельку с сыном твоим я в священном углу дома на серебряной цепочке подвешу В самом дальнем

углу ты своего сына найдешь. В люльке детской он будет висеть, покачиваться. Будет плакать, ты качай его за веревочку, что привязана в ногах колыбели, и говори такие слова:

– Сонная веревка, турщ, турщ, Колыбельная веревка, турщ, турщ, Веревка колыбели, турщ, турщ.

Если забудешь эти слова, сына в последний раз увидишь, меня в последний раз видел.

Однажды вышел он за угол дома и видит: нет его жены, нет его любимой, только в самом дальнем углу висит колыбелька на серебряной цепочке.

А в колыбели той ребенок лежит и плачет. Колыбелька его золотом отсвечивает, серебром поблескивает. Сын плачет и плачет, мать зовет. Взялся отец за веревочку и покачал ребенка.

– Сонная веревка, турщ, турщ, Колыбельная веревка, турщ, турщ, Веревка колыбели, турщ, турщ.

Мать твоя такие слова тебе петь весела.

С этими словами малыш уснул. Так и растили они своего ребенка – муж приходит, качает, а жена, когда приходит, неизвестно. Так шло время. Родители юноши состарились, пока ждали, когда сын женится.

– Сыночек, – говорят мать с отцом, – совсем уже мы стары стали. Без сил в спине остались, без сил в плечах остались. Не знаем, когда ты женишься.

– Что вы, родители, нет сил – и не надо ничего делать! В лес пойду, зверя добуду, к реке пойду, рыбу поймаю. Проживем. Пища, что рыба, что мясо, в доме не переводится. Отдыхайте да жизни радуйтесь. Разве голодаете вы, разве мерзнете вы? Все у нас есть.

А сам только и думает: «Только вчера я еще счастливым был, только вчера еще жена у меня была. Где она теперь, куда ушла?» Зайдет после заката в дом любимой, а там только колыбель в самом дальнем углу висит. Плачет, заливается ребенок, успокоиться не может. Качает колыбельку отец и говорит:

– Что ты плачешь, почему успокоиться не можешь? От хантыйского мужчины рожденный сын, хантыйская кровь в тебе течет! До какой поры я буду тебя качать? Ты скажи мне, где же мать твоя, где моя жена?

И только начал так говорить, ребенок зашелся от плача:

– Папа, что ты говоришь, не понимаю я тебя!..

Испугался отец, не знает, за что браться – то ли сына успокаивать, то ли жену искать. Пока метался между двумя домами, и сына потерял.

Увидела Богиня с небес, что внук горько плачет, слезами заливается, и подняла его по тонкой серебряной веревочке на небеса. Отдала его успокоить матери, дочери своей старшей; только успокоила мать ребенка, Богиня опять его вниз опустила. Человеческое это дитя, на земле он должен жить. Только боги на небесах живут.

В доме ее, кроме старшей дочери ослушавшейся, связавшей жизнь с человеком, жили еще две младшие дочери.

– Доченьки, – сказала она им однажды, – проснется ваша старшая сестричка, захочет волосы расчесать. Гребень ее лежит в священном углу за сундучком. Сестре вашей нельзя туда подходить, так вы подайте ей ее серебряный гребешок. А я рано утром уйду осматривать землю. На сыновей деревни, дочерей деревни посмотрю, погляжу, что на земле творится, чем люди заняты. Домой поздно вернусь, не обижайте сестру, у нее и так тяжело на душе. По сыну скучает, не может она больше на землю спускаться – ослушался ее муж, не выполнил ее наказа.

И улетела Богиня на белоснежных оленях на землю.

Вскоре проснулась старшая дочь, просит у младших сестер гребешок, чтобы расчесать свои густые золотистые волосы:

– Там, в священном углу, лежит мой серебряный гребешок, принесите его!

– А вчера разве мы тебе гребешок приносили? Сходи до священного угла да сама и возьми гребень!

– Мне мама наша запретила подходить к священному углу, не могу я нарушить ее запрет!

Села она на свое место и заплакала. Слезы до самой земли капают. Муж ее на улице сидит, что-то строгает.

– Хей! Что это за соленая вода мне на ладони капает, что это за соленая вода мне на руки капает? Вроде нет туч на небе.

Понюхал, попробовал слезы на вкус и говорит:

– Да это моей кровинушки слезы, да это моего сердечка слезы! Где-то живет она и плачет, а слезы ее в мои ладони капают.

А сыночек его уже вырос, сам, на своих ножках бегает. Долго ли сказке сказываться. Бегает вокруг отца трехлетний Мось Ху, хватает отцовские вещи да играет ими. А мать, глядя на них сверху, слезы льет.

Вскоре вернулась Богиня. Сыновей деревни обошла, дочерей деревни обошла. Все кругом спокойно, везде благополучно. Увидела дочь старшую в слезах и говорит младшим:

– Сестра ваша днем гребешок просила, почему не дали? Весь день плакала, от слез глаза опухли, и слезы закончились. Завтра, пока сыновей деревни, дочерей деревни обходить буду, сестра попросит у вас лоханку для мытья головы, так вы принесите ей лоханку. Она лежит в дальнем углу, а ей туда теперь нельзя ходить, ей теперь только в своей части дома можно ходить.

Наутро Богиня вновь ушла обходить землю. Вскоре проснулась ее старшая дочь и попросила лоханку у сестричек:

– Сестрички, принесите мне с дальнего угла лоханку для воды. Хочу волосы помыть.

– Вчера мы, что ли, тебе лоханку приносили? Сама сходи да возьми лоханку! – и занялись своими делами.

Опять заплакала их сестра. Плачет, а сама вниз на землю смотрит, как там ее сыночек да муж? Сердце ее от горя разрывается, по сыну да по любимому скучает.

На земле муж ее сидит, что-то строгает, сын возле него бегает. Берет у отца то прутья, то веревки, играется с ними. Плачет мать, а слезы ее на ладони мужа капают.

– Сыночек, – говорит отец, – опять где-то мать твоя плачет, опять слезы ее на ладони мои капают! Такие соленые они, некоторые слезинки пополам с кровью перемешаны. Чем ей помочь, что же делать?

Вечером приходит домой Богиня и ругает дочерей:

– Разве не говорила я вам: принесите сестре лоханку из дальнего угла, нельзя ей в священный угол ходить, не положено теперь! Накажу я вас, дождетесь у меня! Не обижайте ее завтра. Пока я хожу, ей шапку соболем нужно обшить. А иглы, нити в священном углу лежат. Отдайте иглы сестричке.

В третий раз уходит Богиня делать обход в своих владениях. Сыновей деревни, дочерей деревни обходит, за порядком смотрит.

Утром просыпается старшая дочь и просит сестер принести иглы да нити для шитья:

– Сестрички милые, прошу вас, принесите мне иглы, нити для шитья. Соболиная шкурка лежит в священном углу. Шапку хочу соболем обшить!

– Вчера разве мы приносили тебе швейные принадлежности? Сходи до священного угла да возьми свои иглы, нити. Ийлап, Аслап! Сколько нас можно мучить! Мы на улице хотим играть, а тут иглы ей неси! – и убежали играть на улицу.

Опять заплакала старшая сестра. От плача без сил осталась, ни в груди силенок, ни в спине силенок. Плачет и смотрит вниз, что же делают на земле ее сыночек и муж.

Муж ее возле дома сидит, для сына стрелы строгает да лук мастерит. Мальчик здесь и там бегает, то в птиц стреляет, то в бабочек метит.

Поднес отец ладони к лицу и слизнул слезинки:

– Где-то моя кровинушка плачет, где-то мое сердечко слезы льет. Твоя мать опять где-то плачет, сынок. Только слез у нее уже нет, одни кровавые капли.

Пришла Богиня небесная домой и говорит младшим дочерям:

– Придется вас наказать, ослушались вы меня, ничем не помогли сестре!

– Доченька моя, – говорит она старшей дочери, – что же мне делать? Если так сильно хочешь, спущу я тебя вниз, на землю. Только обратной дороги в небеса у тебя уже никогда не будет.

– Как же, мама, я не спущусь на землю, как же не сойду вниз? Мне с моим мужем, с моим сердечком хочется жить. Как же останусь я без сыночка? Спущусь я на землю, что бы там ни было, ни о чем не буду жалеть. Сыночек наш уже вырос, сам ножками бегает, скоро охотником будет.

Пожалела Богиня свою дочку и спустила ее на землю – человеческой жизнью жить, с хантыйским мужчиной жизнь делить.

Спустилась дочь Богини на землю, сыночек маленький, как увидел мать, насмерть свалился, кое-как оживили. А свекр со свекровью до того состарились, ничего уже не понимают! Посадил их сын на носок ноги и подбросил кверху. Улетели они в небо. Летали, летали, упали на землю и вновь помолодели. Обрадовались невестке. И стали они одной семьей дальше жить. И до сих пор, наверное, живут. Все.

МАЗИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

Мазин Владимир Алексеевич родился 1 января 1951 г. в с. Ларьяк Ларьякского (ныне Нижневартовского) района Ханты-Мансийского автономного округа.

Учился в национальной школе-интернате. С 11 лет писал стихотворения, частушки, басни. Его литературные опыты появлялись тогда в школьных и интернатских стенных газетах, рукописном журнале. В школьные годы занимался изучением сольфеджио, пел в хоре, играл в школьном театре. Мечтал стать профессиональным артистом. В 1967 г. поступил в Тобольское отделение Тюменского культурно-просветительного училища на дирижерско-хоровое отделение, позже перевелся на хореографическое. В годы учебы познакомился с творчеством А. Блока, с тех пор это его любимый поэт и мыслитель. Тогда же появилась его первая публикация – стихотворение «Милый друг» в районной газете «Ленинское знамя». Окончив училище, вернулся в Ларьяк художественным руководителем Ларьякского Дома культуры. Пробовал силы в постановке русских и хантыйских народных танцев, создал танцевальный ансамбль «Сибирячка», который стал известным в округе.

С 1974 по 1978 г. учился в Ленинградской высшей профсоюзной школе культуры по специальности «организатор-методист культурно-просветительной работы». В годы учебы занимался в литературном объединении.

В 1980 г. переехал с семьей в г. Нижневартовск. Работал электромашинистом земснаряда в СУ-496 и одновременно руководителем художественной самодеятельности в клубе пос. Песчаный мыс. С 1983 г. – директор ДК «Радуга». Тогда же трижды стал лауреатом праздников «Человек. Труд. Искусство» в г. Новосибирске как мастер художественного слова. В составлении концертных программ использовал свои стихотворения. Появились публикации в районной газете «Ленинское знамя», многие за подписью «В. Кунин».

В 1992 г. поступил в Ишимский педагогический институт на филологический факультет. В 1996 г. стал учителем русского языка и литературы и руководителем литературной студии учащихся школы № 3.

За это время вышло 5 сборников детского поэтического творчества «Здравствуй, Пушкин!». Стихотворения учеников В.А. Мазина публиковались в альманахе «Эринтур» и других периодических изданиях.

С 1997 г. занимался изучением и сбором фольклора хантов, публиковал сказки ваховских хантов в литературной обработке.

С 2002 г. работал старшим преподавателем кафедры культурологии Нижневартовского педагогического института, защитил диссертацию и получил ученую степень «кандидат культурологии».

Первый поэтический сборник «Судьба, надежда и любовь» вышел в 1996 г. Затем последовали «Пристань радостей и печалей» (Сургут, 1997), «Ларьякский голос» (Нижневартовск, 1998), «Вихрастое золото» (Москва, 2000), «Бубен и скрипка» (Москва, 2001), «По собственной гамме» (Москва, 2001), «Встреча разлук» (Санкт-Петербург, 2003), «Негасимый свет чувала» (Екатеринбург, 2005), «Ритмы времени в ритмах судьбы» (Екатеринбург, 2010).

Член Союза писателей России с 1998 г.

Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы за книгу «Бубен и скрипка» (2002), премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера» (2005), Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2012). Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (2010).

Награжден «Медалью Пушкина» (2003), памятной медалью «65 лет Победы» (2005), Почетной грамотой Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (2005), знаком «За отличную работу в культпросветучреждениях профсоюзов» (1990).

С 1980 по 2013 г. проживал в г. Нижневартовске. В настоящее время живет в г. Саранске.

***

Минорную мелодию метели
Нельзя переиначить,
изменить
И понарошку,
как на самом деле,
По спуску молчаливо семенить.
Внизу исповедальный упокой нам
Рассыпали закатные лучи…
Со всеми попрощаемся спокойно,
Хотя слеза на выдохе горчит.

***

Пожала провожавшим руки,
Но мне шепнула одному:
Не забываются разлуки,
А встречи помнить ни к чему.

Исчислен век. Средь ночи тёмной
Часы разлучные стоят –
Безмолвный, дальний и огромный
Горит над миром циферблат.

И сотни встреч соединились –
Путь к ним разлукою разрыт,
Когда часы остановились
С последним шёпотом навзрыд.

***

Четверть века назад
на брожении сил
Молодецки мечты раззадоривал,
Будто звонко не пел,
будто вовсе не жил,
А ленивое время пришпоривал.
У хантыйского чума
мне русская мать
Подарила тетрадь и чернила
И просила свой
почерк не искажать,
Благочестию строго учила.
Что мне выверты хама,
невежды, враля,
Гневный пафос напудренной дуры?
Пусть они графоманскую страсть
утолят
На обочинах литературы.
Торопился любить
и не жил без потерь,
Был утешен лирической речью
Как прилежный школяр
европейских манер
И наследник российских предтечей.
Вскачь летел от распахнутых
в город ворот,
У села притормаживал вежливо,
Будто в смутное время,
смущая народ,
Старомодное время удерживал.

***

Ценю тебя, сибирская река,
За вечное, красивое занятье –
Тепло бурлить и плыть издалека
В ледовые холодные объятья.

Легко играешь падшею листвой,
Привет осенний унося к зимовью
Родством души, родимая, я твой,
Но с берегом соединен любовью.

1977

***

Для меня забота леса
И награда, и удел...
Из пеленок звездных месяц
Улыбался и глазел,
Мне хотелось быть отважным
В первой песне и в любви.
Но упал я там, где важно
Речка Вах течет к Оби.
Поскользнулся там, где глина
Не просохла от дождей...
Пожалел кедровник сына –
Жди поддержки от людей.

1979

ПОДЛУННОЕ РАЗДОЛЬЕ

Люблю зарю, мой малый челн
(У нас зовется обласочком)
Пускаю среди желтых волн
И в песню собираю строчки.
Мы по течению втроем:
Певец, судьба и вдохновенье
По Ваху наугад плывем,
Вернее, по веленью пенья.
Пусть будет петься нам о том
Прекрасном мире единенья...
Хладеет влага за бортом,
А нам тепло порой осенней.
К нам листья падают на дно
С ветвистой раскаленной кручи.
Расшторено небес окно,
Луна выходит из-за тучи.
Заря вечерняя течет
Старинной немудреной сагой.
Луна всю ночь горит свечой
И примерения, и блага.
Поется слаженно втроем,
Под утро рано ставит точку,
Мы в три весла на обласочке
К родимой пристани плывем.

1970, 1996

***

Под ветром у косматых елей
Первоянварский снег хрустел.
Родился я под шум метелей

Рыбацкий разделить удел,
А рыбаки в семье отцовской
В старинном промысле ловки,
Тянули невода веревкой
И дружно жили у реки.
А мама-то с Урала родом,
Любила песни распевать,
Когда к холодным вахским водам
Белье ходила полоскать.
Со мной намучились порядком
Немало лет отец и мать,
Чтоб дать рыбацкую ухватку
И песней душу воспитать.

1981

***

Как просто говорить о сложном,
Когда былое не вернуть.
Когда исправить невозможно
События. Не зачеркнуть
Слова в несправедливых фразах.
Их можно всуе подзабыть,
Как дерзкой юности проказы, –
Но значимости не избыть.
Затоптаны уклюжим бытом
Отцветшей боли семена,
В аллеях памяти забыта
Упрёков общая вина.
И справедливо мы не ждали,
Чтоб через годы проросли
Из редких зёрнышек печали
Кусты, цветущие вдали.
Дойти до них едва ли можно,
Но очень хочется теперь,
Когда пора уже итожить
Года находок и потерь.

...И ВДРУГ ЗИМА

Туман вчерашнего заката
В ночь на весёлый выходной,
Как предрождественская вата,
Упал холодной белизной.
Мольберты спрятали деревья,
Штрихи садов обнажены,
А пятна рыжего кочевья
В кострах осенних сожжены.
Обские резвые просторы
Оледенели возле дня,
И солнце окунулось в прорубь,
Как тлеющая головня.
Ветра прибрежья растрепали
Зеленокудрые боры,
Но сединой не испугали
Урмана мудрого вихры.

***

Давно валяюсь на родной траве
И облаком, как простыней, играю:
То скомкаю, то в клочья разрываю,
То приложу к горячей голове,
То по-мальчишески укроюсь весь,
Изображая то, что не увижу,
Лицо открою – видите: я выжил...
А может быть, для Родины воскрес.

МЫГЫЯХ[48]

Всё в жизни неожиданно
И все непросто, как у всех,
А редкий за труды успех
Случайно выдан мне.

На резвой нарте – по снегам,
На обласке – вдоль берегов,
Я древней песне остяков
Свое дыхание отдам.

В родном краю пред очагом,
Среди хозяев и гостей,
Услышу голоса детей,
Гордясь хантыйским языком.

***

Возле древнего чувала
Всем не будет места мало –
Разноликими гостями
Веселитесь вместе с нами!
Вот отведайте ушицы,
А на тальниковой спице
Рыба жарится речная,
А потом напьемся чаю
И споем многоголосно
На обрыве сенокосном,
Когда спустятся туманы
На могучие урманы.
Пусть живет многоязычье
На просторе нашем птичьем,
Лишь бы доброта звучала
Возле древнего чувала.

НОЧЕНЬКА

Полусонная изба
Жмурит окна, словно очи...
Отработана, слаба
Сила матушкина к ночи.
Перемыла, убрала,
Уложила, довязала...

[48] Мыгыях (хант.) – человек определенной земли, абориген.

И сложила два крыла
На коленочки устало.
И невмочь заголосить,
Боль снимая поясницы, –
Лампу надо погасить,
Помолиться у божницы.

МАМЕ

Не красоту ты нежила
Купальщицей в реке,
С детьми на рыбе выжила
В военной той беде.
Бросала моя матушка
Сеть-невод в кровь-зарю,
Голодные ребятушки
Сидели на яру.
Все повторила кроме бы
Слезы – в кормилец-Вах...
Держала экономику
На худеньких плечах.

***

Заря в обской воде устало брезжит,
Последний луч искрится на волнах,
Туман крадется вдоль по побережью,
И я лечу, как птица в облаках.
Вечерний ветер напрягает руки
И превращает в крылья облака,
Я улетаю от обидной скуки,
Я нахожу сердечные слова
Об этом крае в кедровом просторе,
Где научился я ценить мечту,
Любить людей и в радости, и в горе,
Беречь тайги старинной красоту.

***

Из ночи выйду, позабывши все
Сомнения, как забывают боли
Излеченные. И на раннем поле
Валяться буду в солнечной росе.
Испариной безлюдною дыша,
Возрадуюсь: ничто не изменилось,
И длится, колосится божья милость,
И жизнь по-сумасшедши хороша.

***

Необычно мне милость погоды
Посредине зимы ожидать,
В предъянварскую ночь новогодья
Жизнь дала мне родимая мать.

Ее песня в суровую стужу
Над моей колыбелью плыла.
Когда рвался буран в мою душу,
Мама добрые сказки плела.

В чудном кружеве сказок волшебных
Пели звезды, цветы... И не вдруг
Было масло на ломтиках хлебных
Из мозолистых ласковых рук...

Освященные Богом мгновенья
Оценить полной мерой не мог,
С поколением послевоенным
Я не знал злополучных тревог.

Как и все, достоверно не ведал,
Что трудны от порога пути,
Хоть не досыта часто обедал,
Но щедрее стола не найти.

Отшагав по краям незнакомым,
Возвращался поесть сухарей,
В теплом царстве бедняцкого дома
Слушать песни седых январей.

И теперь в мои зрелые годы,
Когда надо пургу переждать
Иль утешить в душе непогоду,
С благодарностью слушаю мать.

НОВОСТИ

А у меня – стихотворенье,
Оно написано как раз...
Б. А. Ахмадулина

Презрев отеческое право
Грехи замаливать свои,
У нищих отобрали славу,
Замешенную на крови.
Бесстыдные отметив лица
Загаром купленных широт,
Лишь помните, как матерится
Российский проданный народ.
Купив диплом, машину, дачу,
Швырнув голодному кусок,
Вы измеряете удачу,
Как осужденные на срок.

***

Я научился думать о тебе
Печальнее, чем думают о счастье,
Прошедшем неоглядно по судьбе
Чужой по крови, но реальной властью.
Теперь бы душу болью не пугать,

Возрадоваться можно – миновала;
Свободно ерничать, спокойно лгать...
Но без тебя мне и простора мало.
Утрачу день и не замечу век,
Кляну теперь то холода, то слякоть...
Так, видно, Богом создан человек:
Томиться в клетке,
а на воле плакать.

МИРСКАЯ БЛАГОДАТЬ

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа...
А.С. Пушкин

Приму, как дар, случайные права
Клониться над живительным потоком
Глубокого речения пророка,
Где строфами стекаются слова
Из трех неиссякаемых ключей,
Волнуемых родными голосами,
Утешен я неспешными часами
Таинственно разрозненных свечей.
Охваченные временем ключи
Младенчества, Восторга и Забвенья
Возвышенно до самоотреченья
Сливаются мелодией в ночи.
Легко покорно голову клонить,
Когда открыт немолчаливый Пушкин,
Свободу пить из деревенской кружки
И жажду пониманья утолить.

***

...Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог...
Н. С. Гумилёв

Города исчезают и страны,
Человек не рождается снова.
Но бессмертием он не обманут,
Оставляя родимое слово.
Камни в прах рассыпаются ветром,
Умирают могучие кедры,
Но живет изможденное Слово,
С буйным временем спорить готово.
Мы за тысячу лет настрадались,
Нас лишали и хлеба, и крова,
Сердце русича помнит скрижали –
Богом данное доброе Слово.
Нас Господь поднимает над миром,
Мы невежества рушим оковы,
Забываем царей и кумиров,
Сохраняя свободное Слово.

МОЛДАНОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Молданов Андрей Андреевич родился в 1980 году. Служил в Чеченской Республике в 1998–2000 годах. Живёт на родовых угодьях вблизи посёлка Кышик Ханты-Мансийского района.

Произведения начинающего поэта опубликованы в литературных сборниках «Самаровский ямб» и «Притоки Великой Оби».

***

Вы часто мне снитесь, избушка и бор,
Пышные кедры и сосны кругом,
Шепот деревьев и шелест листвы,
Быстрая речка, меня подожди.

1998

***

Лось прошел, стуча копытом,
На высоком каблуке.
Проскользнула тень по лицам
Рыб, плывущих по реке.
Белка в терем деревянный
Поселилась жить навек.
На поляну с песней странной
Вышел старый человек.
И над ним комар летает,
А по следу ходит тень.
Тяжело ему идти,
Он бредет не первый день.
Он у Бога на заметке,
На земле и на воде.
И как будто птица в клетке,
И как белка в колесе.
Воздух очень изменился,
Больно стало птицам петь.
Сильный ураган начался,
И дождь закапал наконец.

***

Вернулся я к родной избушке,
Где чистой свежестью дышу.
И слышу, как поет кукушка,
И как ребенок я кричу.
Сосновый бор, в нем царство мира.
Я кланяюсь им до земли.
И ухожу глубоко я в мечты,

И радуюсь я птичьим песням.
Свобода здесь, вокруг тайга.
Кругом тут бродят звери.
А здесь леса, они ничьи,
Стоят большие ели.
На этот бор ступив ногой,
Я чувствую тепло и свежесть.
Как будто говорит он мне: постой,
Ты посмотри на эту прелесть.

2002

***

Горит свеча и тут же тает,
Дым сигаретный за столом.
И дух по комнате летает,
Он надо мной, под потолком.
Его я чувствую и слышу,
Как будто входит он в меня,
Моей рукою управляет,
Выводит буквы за меня...

2001

***

Бог даст – я уцелею.
Бог даст – и я вернусь.
Дождитесь, братья, дождитесь, сестры,
А главное, чтоб мама дождалась.
Прошу, дождитесь сквозь время, версты,
Чтоб цепь семьи не порвалась.

1999

***

Луна на небе, ночь светла.
Снег белый серебрится.
И вдруг над снегом тень прошла,
За нею крик, и снова повторился.
И скрылась тень в глуши лесной,
А крики не кончались.
И снова шум в тиши ночной,
Все только начиналось.
Как будто леший на сосне
Сидит, под нос бормочет.
Я затаился в темноте,
Он надо мной хохочет.
Я головой кивнул своей,
Он повторил за мною.
Я зашагал вновь по тропе,
Он рядом за спиною.
А это филин был тогда,
Он не боялся даже.
Летел со мною до конца,
Я уходил все дальше.

***

Кышик – маленький поселок
На реке Назым.
Я уехал далеко, не забыл его.
Почти каждую ночь
Снился он мне.
К нему я возвращаюсь
Лишь только во сне.
Там прошло мое детство
И счастлив я был.
Хочу вновь приехать
И жить там, как жил.
Хорошо бы время
Назад повернуть.
И сказали парни мне:
«На два года забыть!»

1999

***

Скажите мне, люди,
Скажите мне честно.
Куда все исчезло?
Куда все ушло?
Пожалуйста, люди,
Покажите то место,
Где же все это
Приют свой нашло?
Где та земля,
Что была под ногами?
Где те все звери,
Что были со мной?
Куда же озера ушли с карасями?
Где же то место,
Что называлось рекой?
Все изменилось,
Ничто не знакомо.
Избушки тут были,
Их тоже снесли.
Народ изменился,
Машин стало много.
А вместо избушек
Дома возвели.
Всю землю изрыли,
Деревья срубили.
Кругом стало пусто.
Лишь грохот машин.
Зачем же вы, люди,
Все это сгубили?
И что же вы сделали
Из таежных глубин?

2001

***

Пусть уеду я далеко,
Пусть даже в небо улечу.
В свои угодья возвратиться
Все равно я захочу.
Здесь солнце я люблю встречать,
Сидеть часами у воды.
Здесь научился различать
Крик птиц лесных, зверей следы.

2003

***

В лесу живет старик один,
Сегодня трех лосей убил.
Он круглый год в лесу живет.
Природа-мать зверей дает.
Его все знают много лет,
На лыжах ходит как атлет.
Он с малых лет в лесу живет,
Куда захочешь – приведет.
Спросите, как зовут его?
Ай, Ванька! Просто и всего!

***

Бог на небе,
Бог на земле,
Бог во Вселенной,
Есть и в душе.
Бог невидим,
Но великий такой.
Его никто не видел,
Знать не знают какой.
Он у разных народов,
И у каждого – он свой.
Отвернешься от Бога –
И ты станешь чужой
Богу на небе,
Богу на земле,
Богу в себе...

***

Провожая нас,
Молодых парней,
Видели не раз
Слезы матерей.
С сыном обнимаясь,
Пожилая мать
Плачет, надрываясь,
Ей же ждать.
Только б уцелел он,
Милый мой сынок.
Два года отслужил бы
И пришел домой.

***

Летели лебеди над лесом,
Кружили плавно над землей.
Они искали себе место,
Где навсегда найдут покой.
Они летели, не боялись
Людей, что видели внизу.
Полетом, жизнью наслаждались,
Но только тут не повезло.
Летели низко над землей,
Не опасаясь ничего.
Раздался выстрел где-то близко,
Вдруг птице стало тяжело.
На перьях белых у нее
Кровь просочилась на груди.
И для нее мир серым стал,
И слезы с глаз ее текли.
Тут лебедь стал вокруг кружиться,
Кричать и звать ее к себе.
Смотрю, вдруг стал он к ней садиться,
И стало тихо на земле.
Минуты три он с ней прощался,
Потом поднялся над землей.
И гром раздался,
Нарушив весь земной покой.

МОЛДАНОВА АННА ЕВГЕНЬЕВНА

Молданова Анна Евгеньевна родилась 29 марта 1991 года в поселке Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В 2013 году окончила филологический факультет Югорского государственного университета.

Поэтический талант проявился в детстве. Ее произведения опубликованы в книге детских творческих работ «Сохраним язык в семье» и поэтическом сборнике «Притоки Великой Оби».

ЗЕМЛЯ

Земля – нам матушка родная,
Она просторная, большая,
В ней разной живности полно,
Она приносит нам зерно,
Цветов, растений, овощей
И фруктов в ней полным-полно!
Она рождает всех и всё!
Земля чудеснее всего,
Так берегите вы её!

ВОДА

Моря и реки, океаны
Большие водные буяны
Вода – прекрасна, голуба,
Зелена, чуть красна,
А ночью чёрная бывает.
В ней небо звёзды отражает,
Она богата и мягка,
Она велика и горда,
Цунами, бури, водопады –
Всё это водные награды.
Они красивы и страшны.
Вода – часть жизни, как и мы.

ВОЗДУХ

Ветер – есть в нём жизни сила,
Развеваясь в мире живо,
Он летит во все края,
Унося с собой года,
Через моря и океаны
Он проносит ураганы,
Видел он уже весь свет,
Проходит он мимо бед,
Счастья краски приносил,
Убивал, спасал, любил.
Ветер может сделать много,
Он стихия всей природы.

МОЛДАНОВА ВИКТОРИЯ МИХАЙЛОВНА

Молданова Виктория Михайловна родилась 31 декабря 1994 года в посёлке Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В 2012 году окончила школу и поступила в Югорский государственный университет на факультет информатики и вычислительной техники.

Литературный талант проявился в детские годы. Стихотворения В. М. Молдановой опубликованы в книге детских творческих работ «Сохраним язык в семье» и сборнике поэзии «Притоки Великой Оби».

ТАК И ЖИВЁМ

Пролетит наша жизнь, как стрела,
И в мишени найдет свою цель.
И никто не вернется назад,
За светом шагая в тоннель.
Мы всю жизнь куда-то спешим,
На ветер бросая слова.
«Всё хорошо» – себе говорим,
Остальное пусть ждёт до утра.
Мы любовь заменили купюрой,
Шелест денег нам по душе.
Уповая богине Фортуне,
Исполнения просим мечте.

ВИДЕНИЕ ЗИМЫ

Зимний морозный воздух
На окне рисовал узор.
Лёгкий прекрасный образ
Вмиг посетил мой взор.
Тугая снежная коса
До пола ниспадала.
Милая сердцу краса
Среди снегов сияла.
Снежинки на руках
Она рассеяла кругом.
И в серебро одела окна,
И инеем покрыла дом.
Она, улыбаясь весело,
Растворилась в ночи.
След оставляя яркий,
Словно шлейф от звезды.

ЗИМНИЕ ВЕТРА

Белым снегом белеют сугробы,
Алым закатом краснеет даль.
Зима в молчании суровом,
Пурга завьюжит, и заметет

Метель, не оставляя следа,
Тёмный лес засеребрится
От света солнца и луны.
В снегу утопают ноги по колено,
И на морозе стынет рука.

МАМА. АНГКИ

Твои руки полны теплоты,
В глазах горит любовь,
Мне не хватает доброты
Свои чувства тебе передать.
Ты для нас солнце заменишь
Лучезарной улыбкой своей.
В непогожие дни нас согреешь,
И вокруг всё станет светлей.
Ты путеводная наша звезда
На жизненной дороге суеты.
Нам не страшна любая беда,
Если ты с нами рядом, Ангки.

НА МОИХ ПРОСТОРАХ

Зелёные, бескрайние леса,
Болота, реки и озёра.
Видны вдали оленьи стада
На фоне утренней зари.
И где-то лебединый клин,
Встречая день, ликует.
Зрелище – прекраснее картин
Природа Севера рисует.
Запах соснового бора,
Особенно после дождя,
Свежее тумана городского
И слаще любого вина.

ПРО ТЕБЯ

Весёлый, немного серьёзный,
С иронией, как всегда.
Ты мой «ребёнок» беззаботный,
С тобой растают холода.
Мне указал ты смысл жизни,
Согнал тоску с моей души.
Накрыл всё белой полосою
И спас от вязкой черноты.

ДВА ЗАЙЧОНКА

Живут в одной квартире
Двое задорных зайчат.
Второй – самый милый,
А первый любит читать.
Книжка за книжкой, читает зайчонок,
Он может читать до утра.

Утро наступит, он книгу спросонок
Уже прочитал до конца.
Милый зайчонок-шалун.
Он спокойно не будет сидеть.
Вот рядом он был, и нет его тут,
За ним никогда не поспеть.
Мои любимые зайчата
Сердцу близкие всегда.
Эти маленькие братья
Всех дороже для меня.

ЭГОИСТ

Не умею радость дарить,
Что значат эти слова?
Когда ты эгоист,
Они не значат ничего.
Для себя ты готов на всё,
Даже горы покорить.
Для себя всегда легко
Моря и реки переплыть.
Не умею радость дарить,
Хотя скорее не хочу.
Да, соглашусь. Я эгоист.
И для себя живу.

МОЛДАНОВ ВЛАДИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

Молданов Владислав Васильевич родился в 1968 году в семье рыбака и охотника в маленькой хантыйской деревне Ванзеват Березовского (ныне Белоярского) района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В 1987–1988 годах проходил службу в армии в Красноярском крае. После армии учился в учебно-производственном комбинате – стал мастером по ремонту бытовой техники.

Пишет стихотворения, песни. Его произведения были опубликованы в газетах «Белоярские вести», «Литературный Белоярск», «Новости Югры», в книге «Земля Ванзеватская», в сборниках «Город белых ночей», «Притоки Великой Оби».

Я СЫН НАРОДА ХАНТЫ

Пишу стихи я о природе,
О нашей северной земле,
О малом коренном народе,
Его укладе и судьбе.

Народ наш мал,
и много он в сей жизни
Несправедливости, лишений испытал.
Как часто подрубали его корни!
Но выжил он, окреп
и вновь на ноги встал.

Я сын и плоть народа ханты,
В стихах хочу я показать:
Есть на земле нашей таланты.
О них я должен рассказать!

О нежно-ласковых
мелодиях нарсъюха,
Что подсказала Мастеру тайга.
В них слышится печаль,
любовь,
разлука.
Воспета в них народная судьба.

Род Гришкиных прославил нашу землю,
Оставив вековечный добрый след.
Картины самородков – гимн Природе,
Неиссякаемо-проникновенный свет.

Ещё хочу я рассказать о том,
Что в каждой деревеньке и в селе
Гордиться можем мы охотником и рыбаком
Или умельцем деревянных дел.

Калданку-лодку изготовить сможет,
Поставить чум
или избу срубить,
Спеть,

станцевать на игрищах Медвежьих –
Сумеют ханты мир искусством удивить!

Нам предки наши передали
Детали и движенья ритуалов.
Учёные их тайн не разгадали,
Душа народная навечно их впитала.

Из поколенья
новым поколеньям
Передавался сокровенный смысл,
Ведь в каждом жесте –
животворное значение
И древняя непознанная мысль.

ДЕРЕВНЯ НАША ВАНЗЕВАТ

Страна огромная,
Не видно ни конца, ни края,
В ней сотни тысяч сёл и деревень.
Но среди них я никогда не потеряю
Ту землю, где увидел светлый день
И врос корнями.
Покидая ненадолго,
Я возвращаюсь всё равно к тебе.
Прекрасных мест на свете много,
Но сердцу не прижиться вдалеке.
Деревня наша Ванзеват!
Горжусь я, у тебя судьба такая:
Ты сотни лет стояла здесь не зря –
Стране огромной помогая.
Мне деревенька не даёт душе покоя –
В делах, в заботах думаешь о ней.
Чем виновата ты? Где видано такое:
Уходит молодёжь из деревень...

Деревня наша Ванзеват,
Мы за тебя всегда в ответе.
С надеждой смотришь в голубую даль,
Что, может быть, ещё вернутся дети...

ХАНТЫЙСКИЕ МАСТЕРИЦЫ

Хантыйские умело мастерицы
И ёрнас могут сшить, и новый сах,
И малицу красиво так украсят –
Наденет муж и будет рад:
Ему уютно и тепло, как в чуме,
И вспоминает он родной очаг.
Пока он на охоте или на рыбалке,
Его жена без дел не остаётся:
Оленью шкуру чистит и скоблит,
Потом кисы надёжные сошьёт,
Соединив полоски и кусочки,
Орнамент так искусно подберёт.

У каждой мастерицы свой подход:
Особенный семейный есть узор –
Передаётся он из рода в род
И по нему хозяйку всякий узнаёт.
Так из поколенья в поколенье
Знак рода передан на сохраненье.

Как ловко рукодельницы хантыйские
Цветной и яркий бисер подбирают,
Сплетут, соединят замысловато –
И вот уж на груди тур-лопес,
Словно радуга, сияет.
Ной хир с любовью изготовят дочки,
Подвесив кольца, и монеты, и цепочки.
Мевл-лопс украсит щашкан сах,
Паркан ухшам на плечи ляжет.
Вам свою сумочку – тучан
Любая модница покажет.

Нарядные и дивно-тёплые узоры
На севен-пос и севен-вей
Нам говорят о мастерице:
Она работала с душой
И радость творчества вложила
В труд благодатный свой.

МОЯ ПЕСНЬ МЕДВЕДЮ

О дедушка, о мой бур аги!
Ты сильный, крепкий, ты большой,
И разумом ты с человеком схож.
Свободно бродишь ты в чащобе вековой,
Здесь всё, что нужно, для себя найдёшь.
Ты знаешь все дремучие дороги
И бережёшь тайги покой.
Ты неподкупный, строгий здесь хозяин,
Хранитель мудрости лесной.
А если в жизнь тайги вмешается вдруг зло,
Нарушив все законы вековые,
Ты как судья и прокурор – за справедливость,
За правду ты встаёшь с медвежьей силой,
Жестоко можешь отомстить.
Мы просим нас, людей, простить
За то, что жизнь твою забрали мы.
Прости нас, брат, на человека так похожий,
Прости, что твой покой был потревожен.
Прервалась нить твоя земная.
Ты в небо синее взгляни:
Медведица там ждёт тебя, сверкая,
Её ты нежно обними.
С Медведицею Звёздной
Твоя душа сольётся,
Останешься ты с ней навек.
А здесь же почести тебе окажет человек,

Твой брат. Тебя он не забудет.
Уж ты охотника в лесу не трогай, не пугай.
Ты мимо проходи,
Обид на брата не таи.

ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ ЧУДО ПРИРОДЫ

Величие Природы нашей
Вдруг входит в сердце,
Когда смотрю на полотно.

Я был знаком с художником.
Он, как и я в стихах,
Всю сокровенную любовь
К родному краю
Вложил в свои работы.
Его картины – это песни-гимны
Во славу матери Природы.

Вот «Утренний вид на Оби».
Я вижу то,
Что мне близко и дорого с детства:
Синий обский простор,
Лодка-бударка в центре,
В ней – тёмные две фигурки...
И мне кажется, что это я и отец.
Какие мы маленькие
На фоне суровой природы!
Вот знакомые заросли ракитников и тальников
Спускаются по кручам к воде.
За ними – тёмная стена тайги,
А на сопках дальних –
В тумане седые урманы.
В вышине над ними,
В небесно-облачной и мягкой колыбели,
Покоится чудесное светило,
Даря тепло и свет,
Надежду и любовь,
Уверенность, что мы
Увидим его завтра снова.

«Чудо февральского дня» –
Зимняя сказка и зимняя тайна...
Холодом веет
От сине-белых просторов,
Небо враждебно-огромное...
В круговороте пространства,
В космическом вихре
Холодное солнце
Тревожно застыло,
Словно что-то хочет сказать нам,
Проглядывая сквозь облака,
Но кажется, через мгновенье
И оно унесётся
Вместе с белыми перьями облаков.

Над замёрзшей соймой,
Застывшей под синим льдом,
Высокие берега скованы морозом
И дряхлым спасительным мостиком...
Чёрный обугленный ствол кедра
Словно крест над чьей-то могилой.
В мрачных думах застыла тайга,
А кудрявые тальники,
Опушенные инеем,
Приникли друг к другу,
Дружески согревая
И тайною думой делясь.

2011

МАМЕ

На свете много песен разных.
И песен всех не перепеть.
Но я хочу одну из главных –
О милой маме моей – спеть.

Суровы были твои годы.
Была разруха и война,
И холод, голод и невзгоды –
Тогда вот так жила страна!

А с детских лет пришлось работать,
Семью, страну, детей кормить.
Не до игрушек, не до книжек...
А как хотелось петь, любить!

Как тяжела была работа!
И мама не смыкала глаз.
И постоянная забота
Была, конечно же, о нас.

Ты на работе уставала.
Домой придёшь – не отдохнёшь.
До полночи забот хватало.
А на заре чуть свет – уйдёшь...
Мы были сыты и обуты,
Хватало ласки и любви.
Всем даровала ты заботу.
Не зная горя, мы росли.
Любви и дружбе нас учила
И приучала нас к труду.
Откуда мама столько силы
Нашла в себе, я не пойму.

...И вот теперь мы повзрослели,
И каждый на своём пути.
Но твёрдо на дорогу жизни
Поставила нас, мама, ты.

Хоть далеко порой от дома,
Но, за родной шагнув порог,
Мы говорим: «Спасибо, мама,
За добрый жизненный урок!»

ОБЬ

С Алтайских гор и перевалов,
Из маленького крохи-ручейка –
Оттуда и берёт своё начало
Могучая сибирская река.

Несёшь свои ты воды величаво,
Просторна, широка и глубока.
И восхищаться я не перестану
Тобой, равнинная красавица река.

Кормилица ты, Обь моя родная.
Как много рыбы ловят рыбаки!
Богатств несметных кладовая,
И среди них осётр – царь реки.

А как прекрасен на Оби закат!
Леса и воды – всё в цветах багряных.
Бесшумно утки над водой летят,
Чтоб подкормиться до зарянки.

Вот белый теплоход за поворотом,
Как лебедь величавая, плывёт...
Пыхтит буксир, весь чёрный от работы, –
Он баржи многотонные везёт.

Не засоряйте, люди, эти воды.
Не надо рыбу без конца губить.
Позвольте ей спокойно течь сквозь годы,
Чтобы река могла спокойно жить.

СПАСЁМ И СОХРАНИМ

Река всегда куда-то манит –
Пуститься в плаванье, в поход.
Буксир-трудяга баржи тянет,
Гудит красавец теплоход.

Плывёшь в моторке, любуясь берегами:
Вот на одном раскинулась тайга,
Посмотришь на другой – увидишь
Озёра и бескрайние луга...
Трава растёт и урожаи созревают,
В разгаре сенокосная страда.
Погода не всегда теплом встречает.
Здесь север. Мы привыкли – не беда!

В упорном, яростном труде
День летний северный проходит.
В полях, в лесу и на родной реке
Здесь каждый дело для себя находит.

И как не восхищаться нам рекою,
Что с гор течёт из тысяч ручейков
С прохладной, быстрою водою –
До белых океанских льдов.

И пусть она суровая, шальная,
Но мы не сможем без Оби прожить.
Нас кормит, поит всех река родная...
Должны её мы сохранить!

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

...Лето красное кончается,
Осень входит в свой шатёр.
Будто в сказке, лес меняется,
Под ногами – бархатный ковёр.

Заходи: нет никакой ограды.
Осень не скупится на дары.
Шишкам, ягодам, грибам все рады.
А понравится: что хочешь, – ешь, бери.

Трудно жить без перелётной птицы
И без крика белых лебедей.
Их призыв во сне мне часто снится,
Будто просят: помоги нам, пожалей!

Вот раскинулись красивым клином –
Улетают в тёплые края,
Очаруют, заворожат криком,
В страны неизвестные маня.

Только нет, не улечу я с вами.
Мне всего дороже край родной.
Помашу рукой вам на прощанье:
– Прилетайте будущей весной!

1988

ПОМНИ, ДРУГ!..

Как хочется осеннею порою
В копну душистую упасть,
Смотреть на небо голубое,
И думать, думать и мечтать!
Мечтать о счастье, что вьётся птицей,
Край милый вспоминать,
Душой к нему стремиться
И встречи жадно ожидать!

У многих уж вошло в привычку
Свои деревни покидать,
Чтоб в шуме, где машины, электрички,
Жизнь городскую повидать.
Но помни, друг: куда бы ни вели дороги,
Нельзя святое забывать,
Где ты родился, встал на ноги,
Где дом родной, отец и мать.
Не спорю я: учиться тоже нужно,
Свою профессию искать.
Но как бы в суете пустопорожней
Свой край родной не затерять...

И, обращаясь к девушкам и юношам,
Хочу им искренне сказать:
«Чтоб край наш был по-прежнему всех краше,
Не надо в город убегать.
Чтобы сберечь богатство наше,
Его делами нужно украшать!»

МОЛДАНОВ ТИМОФЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Тимофей Алексеевич Молданов родился в 1957 году в деревне Юильск Берёзовского района Ханты-Мансийского национального округа в семье оленевода. Он тонкий знаток и носитель обрядового фольклора казымских хантов, который многое сделал для возрождения праздника «Медвежьи игрища».

Наряду с научной работой Молданов Т. А. постоянно ведёт просветительскую деятельность: преподавание хантыйского языка, этнографии, промыслов, разучивание сценок из репертуара медвежьих игрищ в этнооздоровительных центрах. Т. А. Молданов – кандидат исторических наук. Он читал лекции по традиционной культуре хантов в Японии в 1999 году, за что был награждён Почётной грамотой Министерства культуры Японии за значительный вклад в сохранение культуры малочисленных народов мира.

Т. А. Молданов постоянно занимается общественной работой. Он стоит у истоков создания центров национальных культур, этнооздоровительных стойбищ, основатель серии фольклорных сборников «Земля кошачьего локотка», которая стала номинантом конкурса «Чудо финно-угорских народов». Он был одним из тех, кто создавал ассоциацию «Союз оленеводов ХМАО», и в течение десяти лет являлся вице-президентом этой организации.

Будучи разносторонне одаренным человеком, Т. А. Молданов является автором ряда научно-популярных фильмов. Его фильм «О чём поведал медведь на Югане» в 1995 году получил диплом на V Международном фестивале телепрограмм и телефильмов «Финно-угорский мир». Из всех имеющихся наград самой ценной для себя считает золотую медаль Лиги малочисленных народов мира, которой был награждён в 2002 году за сохранение культуры малочисленных народов Севера, поскольку сохранение культуры хантов считает своей главной задачей.

Свои песни он представил читателям на хантыйском языке в сборнике «Олаӈ ясӈем». Перевод на русский язык всех его песен в сборнике выполнила Т. А. Молданова.

Живет и работает в городе Ханты-Мансийске.

ОЛАӇ ЯСӇЕМ

Олаӈ ясӈем ма щи луплӆем,
Олəӈ ясӈем ма щи ханлем
Ханты мирем ям олаӈан,
Ханты мирем ями пата.
Ӆыв олӈеӆан олаӈ ясӈем
Нəрум юхан тыяӆ хуща
Шеӈк ай вөлтаӆ
Хуты ӆув.
Олаӈ ясаӈ ищи ай.
Юхан вəна йитаӆ ищи,
Ясəӈ ханла па ясаӈан,
Вəн путара йитаӆ ӆув.
Щиты ясӈем елӆы тəӆəм,
Памтум ясаӈ елӆы луплӆем.
Ханты хошӆ ясаӈ лупты,
Ин липахан ар ясаӈ
Нəрум юхан ями иты,
Ям ясӈие, елӆы мана.
Ӆəӈх поякты нараӈ ясаӈ,
Каӆт поякты нараӈ ясаӈ
Щел кев, мур кев
Ями иты наӈ па хана.
Ясаӈ кутӈ вəӆӆат ясӈат,
Йемаӈ ясаӈ ӆыв па вəӆӆат.
Ел паматты ар ям ясаӈ,
Юв паматты ар ям ясаӈ,
Йина тайӆув, шоп щи, тайӆув.
Ар сыр ясаӈ, муӈ щи тайӆув.

Хом юх ясаӈ ищи ясаӈ,
Муӆаслан-ки ищи ясаӈ,
Эӈрасӆан-ки ищи ясаӈ.
Ям нёӆ иты ясаӈ вәӆ.
И ясаӈан ӆаӆь па тывaӆ,
Кимат ясаӈ нух вуӆытӆ.
Ясӈев щимәщ йина вәӆтаӆ
Ханты хәет юраӈ ясаӈ,
Вера юраӈ вәӆтаӆ ӆув.

1997

МОЕ ПЕРВОЕ СЛОВО

Первое слово свое я скажу,
Первое слово свое напишу
Для хантыйских людей хороших
О народе хантыйском родном.
Лишь для этого песни слагаю,
Лишь для этого песни пою.
У тундровой речки
Истоки узкие,
Первое слово –
Оно маленькое,
Как речка водой наполняется
Да широко разливается,
Так и слово к слову нанизывается,
Большим разговором становится.
Вот, видимо, и мне
Слова собирать предназначено,
Чтоб Богом данная хантыйская речь
Дальше продолжилась.
Хантыйские люди слово
Умеют прекрасно сказать,
Хантыйские люди слово
Умеют ветвисто сказать.
Вот такая вот речь,
Вот такое вот слово
Рекою свободной
Тундровой
Дальше должна течь.
Есть слова, что с богами нас связывают,
Есть слова к божествам взывающие.
Эти молитвенные фразы
Неделимы как камень,
Тверды как камень,
И пусть они льнут к тебе.
Драгоценную россыпь такую
Бережно ты храни.
Средь слов живут разные слова,
Прекрасные слова живут,
Священные слова живут,
В ушедшей жизни
Существовавшие,
В дальнейшей жизни

Надобные,
Многие хорошие слова.
Они имеются.
Мы имеем.
Средь слов живут разные слова,
Дурного человека слово тоже слово.
Проклятье посылают словом,
Беды насылают словом.
Как меткая стрела
Слово действует.
С одного слова
Война начинается,
А вот с другого слова
Вражда кончается.
Средь слов живут разные слова,
Многими словами мы пользуемся.
Лучшие слова хантыйских людей,
Гордые слова хантыйских людей,
Они и в будущем нам нужны,
Они и в будущем жить должны.

(Перевод Т. А. Молдановой)

ШИВАЛАСУМ

Л.Т. пата

Ӆәӈх ават нюӆ, йемаӈ нюӆ
Сэмема питас вәрт, па ӆоӆь.
Сәри әпат ями кема.
Ӆув па ювмаӆ.
Сәваӈ вәрт, маӆ, хурасаӆан.
Сәваӈ хэ, маӆ, хурасаӆан,

Ӆәӈх ават нюӆ йемаӈ нюӆ
Ӆув мухтэла шуваӆасум.
Эӆ хошумты йемаӈ нюӆ,
Эӆ ториты йемаӈ нюӆ
Йина воӆмаӆ, йина тӑймаӆ.

Вәрт, ӆув лоль
Хащ па лупаӆ:
«Пушхиет, кай пушхиет,
Ар йис хәйем йемаӈ ясаӈ
Нын нәматы, нын вәяӆан.
Ӆәӈх ават нюӆ юхатсан-ки
Каӆтен нәман яӈха, наӈ,
Ӆәӈхен нәман яӈха, наӈ
Вәрт, ӆув яӈхас ар сыр муван,
Ясаӈ таяӆ, путар таяӆ,
Ӆәӈх ават нюӆ, йемаӈ нюӆ,
Щи оӆаӈан ясӈаӆ ӆув

Сэмӆы хуят ями иты
Тови тахты кувщаӈ ёх
Муӈ хәӈхи тахт
Муй тахиян, нумсаӆ ӆув.

Ӆәӈх ават нюӆ, йемаӈ нюӆ
Щата вәӆмаӆ нумсаӆ ӆув.

Я УВИДЕЛ

Божественной местности мыс, священный мыс...
Моим глазам явился Вэрт, стоит в молчании.
До серебряных волос добравшийся,
Серебро в волосы вобравший,
Прекрасноволосый, он стоит
В образе косатого мужчины,
В образе косатого божества.

Божественной местности мыс, священный мыс
Сквозь него я увидел...
Тела согревающий священный мыс,
Души в дрожь приводящий священный мыс,
Он существует, у него он имеется.

Отрешённый, стоит,
И слышу слова молчания:
«Деточки, деточки,
Многими мудрыми людьми
С древности заповедованные священные слова
Не забывайте, в себя их вбирайте.
Божественной местности мыс,
если сюда пришли,
Под именами своих богов ходите,
Под именами своих божеств ходите».

Вэрт, он много ездил, много земли видел,
Слова имеет, разговоры имеет...
Божественной местности мыс,
Священный мыс –
Об этом его слова.
Многослойные глухие одежды
Весной не снявшие,
В густом длинном ворсе запутавшиеся,
Неслышащие, невидящие,
Ведать не могли мы,
Знать не могли мы,
Где он мысли свои таит.
Божественной местности мыс,
Священный мыс –
Вот где мысли его хранятся...

(Перевод Т. А. Молдановой)

КУРЪЁХ ЁХМӘТ

Кутуп Куръёх хонаӈан
Щата шәшты ар хәем,
Щата манты ар хәем.
Куръёх пуӈаӆ ӆапат ёхәм ,
Ӆаӈки наврум ӆапат ёхәм.
Ар мир шәшум йәш оват

Воӈхэплэӆаӆ энуммеӆ.
Ар мир яӈхум йәшиет,
Вуӆы ӆэты куӆ ӆантны
Хуван хуты этумат.
Ӆантан этум ар ӆупас,
Муван этум ар хот лот,
Араӆ вәйтыияӆӆан.
Иӆы питум ар ӆупас,
Араӆ вәйтыияӆӆан.

Ӆупас лакӆаӆ
Ӆыв таймеӆ,
Ӆәӈха пунум ари сух,
Каӆта пунум ари сух,
Щимащ хатаӆ щи вәӆмаӆ
Ёх сэм эваӆт ханятум
Мир сэм эваӆт ханятум.
Эвпух тэӆпи тэӆаӈ йис
Щимащ йис па щи вәӆмаӆ.
Хатӆ похнум, ям хатаӆ.
Хатӆ похнум, щуняӈ хатӆ
Хуӆща вуйӆиияӆтэв.
Ар йис хәев тайииӆум
Ӆәӈх пойкиӆум ар ясаӈ,
Каӆт пойкиӆум ар ясаӈ
Хуӆща вуйӆиияӆтев.

КУРЪЁХСКИЕ БОРА

Возле Среднего Куръёха боры,
Где многочисленные мужчины ходили,
Где многочисленные мужчины шагали,
Возле Среднего Куръёха семь боров,
Где белки скачут, семь боров.
Вот многими людьми исхоженных троп начало,
Затесы, что к ним вели,
Давно не видны.
Вот многими людьми исхоженные дороги,
Пути, по которым ходили,
Давно заросли.
Землёй засыпанные многие дома,
Я их видел.
На землю павшие многие лабазы,
Я их видел.
Умирающие, они всё еще
Пытаются спрятать,
Дыхание теряющие, они всё ещё
Пытаются укрыть
Когда-то богам принесённые одеяния,
Когда-то богам вознесённые дары.
Да, такие вот дни были,
От глаз чуждых скрытые,
От людей чуждых скрытые,
Хантыйских девочек время жизни,

Хантыйских мальчиков время жизни.
Для наших сердец хороший день,
Для наших душ счастливый день
Где мы теперь возьмём?
Многочисленными предками хранимые,
Многочисленными предками оберегаемые,
Те божественные высокие слова,
Те священные высокие слова
Где мы теперь найдём?

(Перевод Т. А. Молдановой)

НЭМЛЫ ПИТУМ МЎВ

Хэтта хонаӈ ёхэм хуща,
Ёхум хуват вэлӆат ӆыв.
Ваншаӈ, турнаӈ хот вуӆ ар.
Щата вэсат ханты ёх.
Щата ая вэсум ма.
Хар сурт кэрт вуӆ,
Тэщин кэрт вуӆ,
Ин па, айлэ вэӆум
Кэрт вул.
Хэтта юхан щата вэӆ,
Кашаӈ муви нэм па таяӆ.
Амаляев вараӈ муви,
Микитаев вараӈ лух.
Щиты юхан нэмаӈ вэс.
Ин ки манӆат па ёх щив
Муйсар муви ӆыв ант вэлэӆ.
Муйсар лух па хуӆща вэлэӆ.
Муӈ па мансув ар тахия
Щиты йиӈкев нэмӆы питас,
Щиты мувев нэмӆы питас.

ИМЕНА ПОТЕРЯВШИЕ ЗЕМЛИ

В бору возле речки Хетта,
По длинному бору всему,
Зелеными травами скрытые,
Высокими кустами заросшие
Останки от многих домов.
В них жили хантыйские люди,
И детство моё там прошло.
Вот это вот место было
Под именем Хар сурт корт вул.
Вот это вот место было
Под именем Тозин корт вул.
Где Хетта река протекает,
Всё с именем жило тогда.
В ушедшую бытность все знали:
Здесь Амали ставил запор.
В ушедшую бытность все знали:
Никиты здесь рыбный залив –
Так речка вся имя имела.
Вновь прибывающим людям,

Вновь приезжающим людям
Что земли те могут поведать,
Что земли те могут сказать?
Мы, знавшие все, разъехались,
Мы, знавшие всё, ушли.
Так земель имена потерялись,
Так вод имена утекли.

(Перевод Т. А. Молдановой)

КАТ АСЫЕН КАТН КУТН

Ём вош хуся, вəлӆан наӈ,
Хуӆаӈ Ӆаӈаӆ ям пуӈаӆан.
Кеши пука хəӆум вəнт нюӆ,
Кеши енаӆ хəӆум вəнт нюӆ
Кат Асыен сяӆта иртас,
Араӈ йис ёх, моньсяӈ йис ёх
Си йистэӆан вəӆмеӆ ищи.
Тови лаӈки вətат хон
Ӆапат муви суӈаӆ эваӆт,
Хətӆа муви суӈаӆ эваӆт
Мояӈ пантат нёсы ават,
Ӆаӆян пантат нёсы ават
Наӈ щи вəлӆан, вəйман тае.
Ӆапат муви шаншаӆ эваӆт,
Хətӆа муви шаншаӆ эваӆт
Пушхиеӆан ӆыв юхаттэӆ
Пори анэӆ, пори сэнэӆ
Сюпар вухи пэӆаӈ ёш,
Камар вухи пэӆаӈ ёш
Йис ёхиты ӆыв омсаӆӆат.

ГОРОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕКАМИ

В Ханты-Мансийске ты живешь,
Возле Иртыша рыбного, обильного,
Где острое лезвие семи холмов,
Где острое лезвие шести холмов
Рассекает реку надвое.
В те далекие времена,
Что в сказках остались,
В те далекие времена,
Что в песнях остались,
Помни, здесь жили тоже.
Весенней белкой дань принимающий
Великий царь,
Осенней белкой дань принимающий
Великий царь,
Помни, здесь жил тоже.
С семи углов земли нашей,
С шести углов земли нашей,
Мимо священной земли этой
Гостевые пути проходили.
Мимо священной земли этой
Тропы военные пролегали.
Ты сегодня живешь, но

Помни, здесь жили тоже.
С семи сторон земли нашей,
С шести сторон земли нашей
Сегодняшние многие сыновья
Теми, жившими, сюда созываются.
Жертвенные блюда, жертвенные чаши
Серебро подающей рукой,
Золото подающей рукой
Своим могучим духам-предкам,
Как в прежние времена, они ставят.
Помни, здесь жили тоже.

(Перевод Т.А. Молдановой)

СЎМĂТ ВОШН

Ай сумат юх вэраӈ вош,
Ай сюпар юх вэраӈ вош
Ариен муви суӈев эвəлт
Тыв муӈ хуты акмиӆумев,
Йис ёх верум ариен вертут
Муӈ щиомсыӆумев ищи.
Нюхсаӈ шанши оӆӈаӆ эвэлт
Щуӆы əпат ариен ими
Ӆыв па юхтыӆумеӆ ищи.
Еӆӆы вəлты ар эвеӆа,
Еӆӆы вəлты ар пухеӆа
Ханшаӈ йолы ар пищиеӆ,
Ханшаӈ йолы ар митраеӆ
Ёха паматты ӆыв щи ювмеӆ
Еха аӆщи, ӆыв щи ювмеӆ.
Ар артиы ёхтыӆумеӆ,
Моньщӆаӆ моньщты юхтыӆумеӆ.
Миреӆ вантты ӆыв па яӈхмеӆ,
Пори анеӆ, ӆыв па тувмеӆ,
Вурты наӈк кар сэвпи вəрта,
Вəрта тотьӆиияӆмеӆ.

В БЕРЁЗОВО

В берёзах утопающий рукодельный город,
В серебряных деревьях утопающий,
Рукодельный город.
Со всех уголков земли хантыйской
Мы здесь собрались.
В глубокой древности сотворенные изделия,
Многими поколениями воссоздаваемые изделия,
И мы за ними сидим.
С земли соболиных коленей приехали
Божественноволосые многие женщины,
Серебряноволосые многие женщины.
В будущую жизнь шагающим девушкам,
В будущую жизнь идущим юношам
Узорных стежков различные таинства,
Узорчатых изделий разнообразные таинства
Они показывают, они рассказывают.

Божественноволосые многие женщины,
Серебряноволосые многие женщины
Песни свои оставить приехали,
Сказки свои поведать приехали.
Красной лиственничной коре подобному
Великому Духу Берёзово,
Красной лиственничной коре подобному
Великому Вэрту Берёзово,
С душой благодарной, с душой признательной
За прошедшую жизнь народа хантыйского
Дымящие чаши, жертвенные чаши
Они поставить приехали.
Божественноволосые многие женщины,
Серебряноволосые многие женщины,
С душой верующей, с душой надеющейся
За будущую жизнь народа хантыйского
Дымящие чаши, жертвенные чаши они ставят.

(Перевод Т. А. Молдановой)

МАРЬЯ НЫЮМА ХАНШУМ АРЭМ

Нӓрум ай Куръёх ям пуӈаӆан,
Хӓлум Куръёх ям ов хуща
Най, ӆув сэмӈаӆ пуншиӆумаӆ,
Эви лув сэмӈаӆ пуншиӆумаӆ.
Вошаӈ ими аӈкеӆан
Нэӈа мал вӓӆтыиӆум,
Ханнэхӓя тайиӆум.
Куръёх хонаӈ ар сумтаӆн,
Сюпар нуви ар сумтаӆн
Энумты нэ ар нумсыеӆ
Куръёх хонаӈ ар сумтаӆн
Ӆувеӆа щи пуштыиӆум.
Иса вӓлты еӈки нӓрум,
Иса вӓӆты лоньщи нӓрум,
Хетта хонаӈ вӓн нӓрум
Сама пунум ар рувал,
Эла пунум ар хошмал
Нӓпат хуват щи тоӆӆэ.
Нумсаӆ шакум ар эвия,
Нумсаӆ шакум ар пуха
Лув щи ортыиӆумаӆ.
Ин там хатӆ, эхтыйн
Ханты ёхӆан оӆаӈ нэпек,
Хӓлы ханши сотӆа нув
Ӆув щи йишиияӆтаӆ.
Паӆа вӓӆты ар ясӈаӆ,
Карща вӓӆты ар путраӆ
Хуӆ па ханшиияӆтаӆ.
Рышиен нумсуп ар пухаӆ,
Рышиен нумсуп ар эвеӆ
Нумсыеӆ туӈматыяӆтаӆ,
Вӓӆупсыеӆ ӆэрумтыяӆтаӆ
Ин там хатл охтыян,

Вош омасты вән юх ӆэра
Кәрт омасты вән юх лэра.
Вошаӈ ими аӈкел юпийна
Ӆув щи хащиияӆмаӆ,
Ӆув щи омсыияӆмаӆ.
Хиӆыя тайты ар хәяӆ,
Хиӆнэ пелак ар нэӈаӆ
Хуӆ ясаӈан тармуптаӆӆэ,
Хуӆ арна мал тармуптаӆӆэ.

МОЕЙ ТЕТЕ МАРИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Возле речки тундровой,
У устья, где волны трех Куръёхов сливаются,
Она, богиня-най, глаза открыла,
Она, девочка-най, на свет появилась.
Мать, что из крепкого рода Вошан,
В ней женскую нежность, люльку качая, пестовала,
В ней человеческую силу, люльку качая, взращивала.
Многочисленные березы родного Куръёха,
С серебряными ветвями многочисленные березы
В растущую девочку мысли свои вплетали.
В мудрость набирающую девочку мысли свои вкладывали,
Многочисленные березы Куръёха
Мысли вплетали в неё, вплетали.
В лед укутанная тундра,
В снег укутанная тундра,
Необозримая тундра, что возле речки Хетта
Девочку тоже лелеяла.
Сердце юное теплом наполняла,
Душу юную теплом наделяла,
И тепло то безмерное она по жизни несет.
Веру в жизнь потерявшим многим девочкам,
Веру в жизнь потерявшим многим мальчикам
Она раздаёт то тепло, раздает.
Вот сегодня она,
Над буднями жизни поднявшись,
Хантыйского языка живой поток
На изначальную бумагу народа хантыйского
С помощью ветвистых узоров-знаков
Она наносит, наносит.
Возвышающие многие слова,
Поднимающие многие рассказы
На бумагу кладет,
В орнамент из букв свивает.
С запутавшимися мыслями
Многие мальчики,
С запутавшимися мыслями
Многие девочки
К ней сегодня идут.
Мысли свои распутать,
Жизни свои выпрямить.
Ведь сегодня она
После Матери своей хорошей
Город на себе удерживающим, могучим корневищем,

Стойбище на себе удерживающим, могучим корневищем
Старшая в роду осталась.
Богиней на[49] восседающая,
Внуками себя называющим многим юношам,
Внучками себя называющим многим девушкам,
Для каждого из них слово находит,
Для каждого из них ласку находит.

(Перевод Т. А. Молдановой)

ВОШАҢ ХӘ

Хаюпшәп саӈхум ай вошн,
Ай щюнь юхан пуӈаӆан,
Няврэм энмиӆумаӆыйе.
Ерт ки ертыияӆмаӆ,
Ӆоньщ-ки питыияӆмаӆ,
Ӆувеӆ питыияӆмаӆ,
Ӆувеӆ ертыияӆмаӆ.
Ар йис хәяӆ ям юпийн
Сэма увум ар сэм йиӈкаӆ
Вотан сораӆтыӆум хуты.
Щиты, ӆув щи энмиӆумаӆ,
Щиты, ӆув щи вормиӆумаӆ.
Русиен ханшум ар ханши,
Ар ханши ям панта
Оӆаӈ ӆув ӆоӆияӆмаӆыйе.
Ханты ант шәшум аплак йәш,
Ханты ант яӈхум ӆонщяӈ йәш
Ӆув щи пантыияӆмаӆ,
Ӆув щи верыияӆмаӆ.
Кэӆсеӈ ики вутаӈ йәш,
Вошаӈ ики вутаӈ йәш
Еӆӆы вәӆты ар щющиен,
Еӆӆы вәӆты ар пушхиет
Ӆыв щи кущияӆтэӆ,
Ӆыв щи каншияӆтэӆ.
Наӈ лупиӆум ям итэна,
Наӈ ханшиӆум ям сирэна
Наӈ ант верум ар вериен,
Наӈ ант лупум ар ясӈиен
Еӆӆы тэтьӆияӆӆэм,
Еӆӆы вериияӆтэм.

1997

МУЖЧИНА ЮИЛЬСКА

На берегу реки
С названием Хаюп шоп санхум
Маленький поселок стоит.
Возле обильной речки стоит.
Ребенок там рос.
Если дожди лили,
На него лили,
Если снега падали,

[49] Най – божество женского рода.

На него падали.
Ведь после многих хороших людей
Он остался.
Из глаз текущие слезы
Лишь ветер ему вытирал.
Так он рос,
Так он окреп.
Русских людей многие узоры,
На узорный этот след
Он первый встал.
Где хантыйский человек не ходил,
По целине той,
Где хантыйский человек не шагал,
По глубокому снегу тому
Он первый пошёл,
Он первый дорогу торил.
Кельщюганского мужчины широкая тропа,
Юильского мужчины широкая дорога,
За ним идущие деточки,
За ним идущие ребята
Этот след видят, по готовой тропе идут.
Мы помним, что нам ты сказал,
Мы помним, что нам ты писал.
Те слова, что сказать не успеешь,
Обещаем, что скажем.
Те дела, что свершить не успеешь,
Обещаем, доделаем.

(Перевод Т. А. Молдановой)

ВӘН ВОШ ХАРА ПИТУМ АРЕМ

(НЯХ АР)

Вән воша ма щи мансум
Вән кәрта ма ща мансум.
Хаюп шәп саӈхум ай вошем
Ма щи хайияӆмем.
Еӆӆы манты ар хәем
Щиты лупииияӆтеӆ,
Щиты ястыияӆтеӆ
Ӆаӈаӆ пуӈаӆ вән вош
Вош па тайияӆтев.
Сэм рапсаты ар эви
Эвет таияӆтев.
Кусеӈ оӈтуп хәтъяӈ хор
Ма щи хайияӆмем.
Вурты щойтуп ар ӆаӈки
Ма хән веӆӆиияӆтем.
Хувиен сапӆуп тови курек
Ма хән веӆӆиияӆум.
Караӈ ухпи вән сорт ики
Па хән катӆыияӆӆум
Юбилейный вән вәри
Муй ант тайияӆтаӆ.
Ёмиен воши ари рущ

Манем веӆӆиияӆӆат
Манем катӆыияӆӆат
Кариен ухпи ар сэхие
Манем катӆыияӆӆат
Вурты шаншуп ар вушиет
Манем катӆыияӆӆат
Па хон пелак ям мув эваӆт
Муй ант тэтӆиияӆӆат
Иса ӆэтут щи тэӆат
Иса пурмас щи тэӆат.
Кевиен лиспи вэны ӆапка
Ма ки ӆуӈтыияӆум
Ма паӆӆатем вэныен кеван
Ант хэн вуйӆиияӆум.
Кеван ящты ям пиӆ
Ма щи каншиияӆум
Щарка ящты ям пиӆ
Ма щи каншиияӆум.
Шоят ёваӆты ар нэӈат
Ещал шэшииӆӆат
Шоят ӆарӈаӆты ар нэӈат
Ещаӆ этииӆӆат.
Я, ихуты, ихуты
Хуты ювантыяӆтев
Ма паӆӆатем вэн кеван
Яха яньщииӆтев.
Ар йис хэев шэшиӆум
Сухта ляӈхев ин хуща
Кэви ляӈхев ин хуща
Вусты веншуп вэн кеван
Щата пориияӆӆув
Вусты веншуп вэн кеван
Щата яньщииӆӆув.
Улицая питтевн
Ёш тахрумман хэхаӆӆув
Кур тахрумман хэхаӆӆув.
Ин Ём вошаӈ ар эвет
Ями эвет ям пиӆа,
Ма хэ ляшииӆӆум
Ма хэ кариияӆӆум.
Щи пата, щи пата
Вэн воша щи юхатсум
Щи пата, ма щи пата
Тата хащииӆсум.

ПОЧЕМУ Я В БОЛЬШОЙ ГОРОД ПЕРЕЕХАЛ

(ШУТОЧНАЯ ПЕСНЯ)

В большой город я поехал,
В большой поселок я поехал.
Свою маленькую деревушку
С названием Хаюп шоп санхум
Я оставил,

Да, я оставил.
Мимо проезжавшие мужчины
О том мне рассказывали,
О том мне поведали.
Возле Иртыша большой город,
Город там есть,
Глазами подмигивающие женщины,
Женщины есть.
С красиво изогнутыми рогами
Шестьдесят оленей,
Я их покинул.
С красными хвостами
Маленьких белок,
Я их покинул.
Длинношеих весенних уток
Зачем добывать.
Крепкоголовых больших щук
Зачем добывать.
«Юбилейной» названная курья
Что не имеет?
Всё имеет.
Ханты-мансийские мужчины
Для меня добывают,
Для меня ловят.
Твердоголовых больших осетров
Для меня ловят,
Красноспинных больших нельм
Для меня ловят.
С заграничной хорошей стороны
Что не привозят?
Со всех земель еду,
Еду привозят.
Со всех краев вещи
Вещи привозят.
Из твердого стекла большой магазин
Туда я иду.
Высотой с меня большую бутылку
Разве я не куплю?
Бутылку распить хорошего друга
Теперь я ищу.
Стопку выпить хорошего друга
Теперь я ищу.
Хвостами крутящие женщины
Навстречу идут,
Хвостами вертящие женщины
Навстречу идут.
Ну что, ну что,
Ну что мы будем делать?
Высотой с меня большую бутылку
Вместе выпьем.
Многими людьми посещаемая площадь,
Многими поколениями посещаемая площадь.
Там глиняный идол стоит,
Там каменный дух стоит,

Туда пойдем.
С зелёным лицом большую бутылку
Ему посвятим.
С зелёным лицом большую бутылку
Там мы выпьем.
А на улицу лишь только выскочим,
Рука об руку закручивается,
Так бежим.
Нога о ногу спотыкается,
Так бежим.
С ханты-мансийскими женщинами
Вот я, мужчина, приплясываю.
С ханты-мансийскими многими женщинами
Вот я, мужчина, покручиваюсь.
Вот поэтому, вот поэтому
В большой город приехал.
Вот поэтому, вот поэтому
Здесь я остался.

(Перевод Т. А. Молдановой)

ХӘЈУМ СЫР НЭ

(НЯХ АР)

Оваң Асы овал эвалт
Тыяң Асы тыял пеља.
Ма щи маныиялјум
Щиты мантем ями кутн
Пелкаң Асы Йи пелкеман
Ојаң ант калты хар нәрум
Хар нәрум щи хойтал.
Щив па хуты катјјум.
Кутпаң нәрум кутпалн
И нэ вәлтал, щи вәлтал.
Палјатыел айие
Јувытыел айие.
Увас вотем хойтыян
Јув нумпељн щи мантал,
Нум вотем мантыян
Јув нумпел ям эвалт,
Јув щи маныиялтал.
И сыраң нэ сырые
Ма щи вантыиялмем.
Елјы пеља Асем хув
Елјы пеља па манјум
Кутпаң Асы кутпема
Ма щи юхтыиялмем.
Саран хопем щи йитал
Кутпаң хопи кутпеман
Вутаң ими омастал.
Вутаң Асы вутатыян
Јув щи омсыиялтал.
Ма хә хуты нәмасјум
Тәты хуты щи тәљэм
Иљампа мал, иљампа

Ованӈ хоты овиема,
Ӆув ант ӈэпииялталӈ.
Кимат сыраӈ сыраӈ нэ
Ма щи вантыиялмем
Ма ӈыпема ант ӈэпталӈ
Ма самема ант хойталӈ.
Елӆы пеӆа ӈовалӆум,
Елӆы пеӆа щи манӆум,
Тыяӈ Асы тыял пеӆа
Елӆы маныиялӆум.
Хәс хор хәхӆум вән Ас
Хатӆ пелак йираӆа
Юхан иртыиялталӈ.
Ин тыяӈ юхан тыяӆа
Па щи тәтьӆиялмем.
Шик юхпи ар вәюм
Ма хаймем-ки юпиян
Юхан нэӈат вәятсум
Варс хурпи хураӈ нэӈат
Турн ващат, ващ нэӈат.
Апалматы куш вутчасум
Самем хуты щи пакнас
Щимащ ващ, мал
Ващ нэӈат
Камн шәпа мәриӆӆат.
Ованӈ юхан овалӈ пеӆа
Щиты ӈовалмиялсум.
Хәӆмит сыры сыраӈ нэӆам
Ма щи вантыиялсум.
Ар сыр мув, ма щи яӈсум,
И ат холты ями пилӈ
Пилӈ ант вәйтыиялсум.
Шеӈк хув манмем юпиян
Ӆаӈалӈ пуӈалӈ вән воша
Тыв щи юхтыиялмем.
Кутпаӈ воши кутпиеӆна,
Нэӈат кут ан, нэ мал калӈ.
Ма щи артащиялӆум.
Нэӈа тәты хурпи нэ
Там иӆампа щи вәлталӈ.
Щиты, щиты, щитыса
Нэпат вәлты оты пилӈ
Пилӈ па вәйтыиялсум.
Ованӈ юхан овиеӆ
Тыяӈ юхан тыяӆа
Ма щи тәтьӆиялмем
И ат холты оты пилӈ
Ма ант вәйтыиялсум.
Ин щит пата, щит пата
Ма вош хуща щи вәлӆум,
Ӆыпеӈ хоты ӈыпеман
Ар нэ вантмен юпиян
Пилӆэм пиӆа омасӆум.
Хареӈ воши харемн

Ар нэ вантем юпиян
Пиӆем пиӆа шәшӆум
Пиӆем пиӆа щи яӈхӆум.

РАЗНЫХ ЗЕМЕЛЬ, РАЗНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

(ШУТОЧНАЯ ПЕСНЯ)

С устья Оби, с устья
К истокам Оби, к истокам
Я плыву.
Стройный мужчина, гребу,
Статный мужчина, гребу.
Плыву я, плыву,
Вижу.
К берегу реки, к берегу,
Тундра необъятная
Прикасается.
Там причалил.
В середине тундры,
Посреди неё
Женщина, одна-одинёшенька
Живет она.
Ростиком-то она махонькая,
Шириной она справненькая.
Северный ветер ударит,
Над ней пронесется.
Южный ветер подует,
Её обойдёт.
Вот такую вот
Женщину
Видел я.
Обь, она длинная,
Обь, она долгая,
Дальше еду.
К середине Оби, к середине
Я приплыл.
Огромная лодка,
Большая лодка
Навстречу движется.
В середине лодки,
Посреди неё
Женщина сидит,
Посиживает.
Широкая, как Обь, она,
Полная, как Обь, она
И высокая.
Во-от такая вот
Посиживает.
Я задумался, призадумался.
Ну, наверное, наверное,
В жёны возьму.
Я задумался, призадумался.
Ну как же быть?

Ведь такая она
В двери мои
Не протиснется.
Ведь такая она
В сердце моём
Не поместится.
Да-а,
Вторую женщину
Видел я.
К вершине Оби, к вершине
Я плыву.
В Обь великую
Речка вливается,
К истокам реки, к истокам
Я плыву.
В деревьях больших
Густой лес,
Там причалил.
Что же я увидел,
Увидел?
В зарослях сплошных
Пробираются,
Промеж бурелома
Просачиваются
Как тростиночки, тростиночки
Тоненькие,
Как травиночка, травиночка
Узенькие
Женщины, женщины многие.
Мне одну бы, одну
Приобнять, приобнять,
Да сердечко мое что-то
Вздрогнуло,
Ведь такая, такая
Тонюсенькая
Ненароком еще переломится.
Да, таких вот, таких
Женщин видел.
К устью реки,
В сторону устья
Опять поплыл.
Многие земли я
Много прошёл,
В жёны годную
Не нашел.
После этого
На Иртыш приплыл.
В середине города,
Посреди него
Меж женщин многих
Женщину вижу.
И примериваюсь,
И присматриваюсь.
Неужели, неужели

Мне под стать нашёл?
Вот так, вот так
Жену я нашёл.
Вот так, вот так
Подругу нашёл.
А теперь, вот теперь
В городе живу.
Я, женщин знающий,
Я, женщин видевший,
Дома с подругой, с подругой
Сижу.
Дома с парой, с парой
Сижу.
Я, женщин знающий,
Толк понимающий,
На просторах города,
На просторах
С подругой, подругой
Вышагиваю.
С ровней, ровней
Вышагиваю.

(Перевод Т. А. Молдановой)

ВУХАЛЬ ЭВЕТ

Алаӈ хәнль хурас эвет
Тови варас хурас эвет.
Лаӈал пуӈал вухаль эвет,
Лыв щи этыиялтэл.
Лыв щи шәшииялтел.
Тови сумат хурпи нэӈат,
Лыв щи вәллиялтэл,
Тови пащяр хурпи нэӈат,
Лыв щи вәллиялтэл.
Хатлыен-ки этыял, –
Лывел похныиялтал.
Тыллщиен-ки этыиял –
Лывел похныиялтал.
Там Ём вошаӈ ям эвет
Хараӈ воши харела
Лыв-ки этыиятэл,
Лыв-ки шәшииялтэл,
Талэн потум, потум еӈк
Лыв щи луӆтыиялтэл,
Талэн ёвлум ар тәлас
Лыв щи луӆтыиялтэл.
Ма ищиты, ищиты
Самем луӆтыиялла,
Лыпем луӆтыиялла.
Вәнши нохар ай самием
Каман ёвласыялтал,
Вәнши нохар ай самием
Каман ланьщалтыялтал.
Йина, йина арисум

Йина, йина путарсум
Хатӆыен хойты хурам эвет
Йина таиияӆӆув
Тыӆщиен хойты хурам эвет
Йина таиияӆӆув.
Хурасаӈ нэ хурасӆаӆан
Там щи шəшиияӆтəӆ.
Хурасаӈ нэ хурасӆаӆан
Там щи кариияӆтəӆ.

МАНСИЙСКИЕ ДЕВУШКИ

На утреннюю зарю похожие девушки,
На весенний кустарник похожие девушки,
Возле Иртыша живущие мансийские девушки,
Вот они выходят.
Возле Иртыша живущие мансийские девушки,
Вот они показываются.
На весеннюю березку похожие девушки,
Живут они.
На весеннюю рябинку похожие девушки,
Живут они.
Если Солнце выглянет –
Для них оно светит.
Если Месяц выглянет –
Для них он светит.
Ханты-Мансийские хорошие девушки,
В светлом городе своём
Если они выходят,
Если они идут,
За зиму намерзший, мёрзлый лёд
Начинает таять,
За зиму наметённые, огромные сугробы
Начинают таять,
И я также, я также,
Сердце мое тает,
Душа моя тает.
Если на просторные улицы,
На многие улицы
Они выходят,
С сосновую шишку
Моё маленькое сердце
Снаружи трепещется.
С сосновую шишку
Моё маленькое сердце
Снаружи колыхается.
Правду, правду говорю,
Верно, верно я пою.
Солнца лучей достойные
Красивые девушки,
Месяца лучей достойные
Красивые девушки.
Есть они, есть.
Прекрасные девушки, с красой своей

Вот они вышагивают.
Прекрасные девушки, с красой своей
Вот они поворачиваются.

(Перевод Т. А. Молдановой)

СЭВАӇ ЭВЕТ

Хар Пулӈават хар воша
Ма щи юхтыияӆмем
Ӆәӈх ават нюӆ емаӈ нюӆ
Щивеӆ нәмасыяӆмем.
Щи ӆоӆьтем мал, ям кутна
Паӆа питыияӆмаӆ
Карты сэвем савлаӈ сый
Карты сэвем шәӆяӈ сый
Ма щи хәӆӆиияӆмем.
Ӆуртум ухуп Касум хә
Ӆыпи вәнтар ям луха,
Емаӈ ясаӈ ям оӆаӈ
Щиран хойииияӆмаӆ.
Сэмем пуншмен ям артна:
Муем ныӆыияӆмаӆ,
Муем вантыиӆмем:
Картаӈ сэвпи ар наем
Кувлаӈ сэвпи ар нэӈем,
Найӆам этыияӆмеӆ
Ӆыв щи этыияӆмеӆ.
Ләӈхем шиви ям кута
Каӆтем шиви ям кута
Ма щи ӆыӆыияӆмем.
Сумат шуви ай самием
Ханты хәйи ай самием
Паӆаӈ хуши ям нумпия
Нух па наврыияӆмаӆ
Нух па пәрӆыияӆмаӆ.

ДЕВУШКИ С КОСАМИ

В просторный Салехард, в просторный город
Я приехал.
Божественной местности мыс, священный мыс,
Туда обратился, задумался.
Так стою,
Вдруг слышу где-то
Девичьих кос, их украшений
Мелодичный звук.
Женских кос, их украшений,
Ударяющихся льдинок звук
Я слышу.
Со стриженой головой Казымский мужчина,
В душе моей, внутри меня
Священные слова
Вдруг всколыхнулись.
Глаза я открыл,

Что я увидел,
Чем поражен.
Шумящими железными подвесками украшенные косы,
Это многие наи идут.
Звонкими бубенчиками украшенные косы,
Это многие наи шагают.
Наи выплывают
Они выплывают,
Божественный туман меня окутал,
Священный туман меня окутал,
В тумане я растворился.
С березовую почку моё маленькое сердце,
Хантыйского мужчины маленькое сердце
Вверх, за светлые облака,
Выпрыгнуло,
Вверх, за светлые облака,
Вылетело.

(Перевод Т. А. Молдановой)

АТЕЛ СУМАТ

Юхлы нӑрум кутпиенан
Сумат ател лолщал лув.
Увас вотен, хоял щив.
Нум вот питл, ищи хойла.
Йивлы-аслы ател сумат.
Шомаӈ сумат щитал пата
Нӑрум лакка лэрлал эслас.
Пэмлы нэрум кутпиенан
Ател сумат, ател лоль
Ател лолщи, антэм щунь
Вотас хойял ищи лувел.
Тэрум сот-сыр ар войиен
Хулыева лыв пилаӈат.
Юхлы нэрум кутуп хуща
Сумат ател лув щи лоль.
Нэптал хуват
Карща ант йил
Йивлы-аслы, ател юх.

ОДИНОКОЕ ДРЕВО БЕРЕЗА

Посреди безлесой тундры,
Посреди необъятной тундры
Одинокое древо береза стоит.
Северный ветер хлещет его,
И южный ветер колотит его,
Без отца и без матери
Одинокое дерево.
В отметинах тело его,
В рубцах все тело его.
Посреди безтравных просторов,
Посреди необозримых просторов.
За землю то древо вцепилось,
По тундре корнями ползет...
Одинокое древо береза растет,

Метель разыгралась, стегает его,
Пурга расшалилась, ломает его.
Божественные многие звери,
Поднебесные многие создания,
Все они, все они парой.
Лишь среди тундры безлесой
Одинокое древо стоит.
Тянется, тянется древо,
Но в жизни своей
Не станет высоким оно
Никогда.
Тянется, тянется древо,
Но в жизни своей
Не узреет высот
Никогда.
Без отца и без матери
Одинокое дерево.

(Перевод Т. А. Молдановой)

ЮРАН ИМИ

Арсыр нӓрум хащас ищи
Арсыр хар мув, хащас ищи.
Шеӈк хув манмем иран ищи
Иса вәлты еӈки нӓрум
Щив па хуты, щи юхатсум.
Еӈки нӓрум кутуп хуща,
Ӆоньщи нӓрум кутуп хуща
Юран ёхӆам юран хот.
Ӆыпеӈ хоты ӆыпиеӆа
Ма-сар ӆуӈтыӆаӆум ищи.
Мой хә вәлты ям вуӆаӆа
Ма щи омсаӆтыяӆмем.
Юран ёхӆам ясаӈ вусат:
Хуты тащеӆ ӆыв вошитсэӆ.
Ӆыв путартэӆ ями кутн,
Маӈанмасум ма муй пеӆы.
Мосаӈ йина, вер ма вантсум:
Юран ими…
Ӆув омастал нуры хуща.
Ясаӈ лупаӆ:
«Увас щёрс лухан эваӆт:
Йина пушхат,
Араӈ йисан, моньщаӈ йисан
Тащ ма хуты, тэтьӆиӆасум.
Ар оӆ манас, ар йис хащас,
Вал юхатты вутаӈ йәшем
Ӆантан этум хуван, хуты.
Итәх пухем
Әхаӆ кирты йи ям хопты
Па ант таяӆ.
Юхан хонаӈ ар пушхиет
Эви шаӆяӈ-шаӆяӈ нумсэм,
Пухен шаӆяӈ-шаӆяӈ нумсэм
Веӆьщи хувтыияӆмем.

Щюрсаӈ тащем ма вошитсум
Сотаӈ тащем ма вошитсум».
Ясаӈ сухнум ям юпийн:
Нух па сэмӆам мэнэмасум.
Юран ёхӆам, ӆыв омастеӆ,
Юрнат пиӆа ма омастэм
Юхтум мой хə
Аен-кеӆен.
Иса ясӈев, иса вуӆы
Ӆыв вəӆупсəӆ уша версум.
Аӆаӈ нуви ӆыв тывтыян
Юран хəен
Ищи ӆув мал, омсыӆатаӆ,
Нял вой кирмаӈ,
Кирмаӈ əхаӆ
Хуӆна омсыияӆтаӆ.
Етн хуты муӈ омастэв.
Юрнат лупӆат:
«Ханты ёх,
Йиӆэм ар-ки хуватӆаты…»
Хар сурт хəев няхмулаӈан:
«Ар-ки мосӆ, хуӆта манас».
Араӆ ищи:
«Увас щёрс лухаӆ эваӆт
Пупи щящев тащ мал тəӆ…»
Ма нəмасӆум:
«Мосаӈ йина, ӆуват вансум,
Мосаӈ йина ӆуват хəӆсум»
Ар хəӆантэм сахат ищи
Кат мув кута маӈанмасум.
Тащ вошитты сыяӆ ищи
Тата хуты, па щи сащӆ.
Касум мув…
Ӆув оӆӈаӆ хута?
Пухаӆ хаяс кунаватн.
Щирн щята ищи Касум.
Увас щёрс оваӆ хуща
Курӆы лэлы, ёшӆы лэлы
Ӆув пиӆыеӆ щята вəӆтаӆ.
Мосаӈ щята, щята мосаӈ
Оӆаӈ муви оӆӈиев
Йираӈ муви йириев.
Йиӈка сащюм, мува сащюм
Емаӈ кеви шиӈшап вəн най:
Тащ вошитты ями сыяӆ
Тыяӈ Касум тыяӆ пеӆа,
Эӆаӆ потты ар пушхаӆа,
Самаӆ вохты ар пушхаӆа
Айен пеши ям щюниеӆ,
Айен сурты ям щюниеӆ
Моньщаӈ йис мал,
Ями иты
Ӆув вошитмаӆ
Ӆув щи тувмаӆ.

Юхан хонаӈ ари пухаӆ
Кара картум хуви кара
Хуӆ щи картыӆумаӆ ищи.
Нӓрум Куръёх ями хуща
Вэнтэн войн ортмаӈ ям ёш
Хуӆ щи ортыӆумаӆ ищи.
Сумат вуран хуӆна сащӆ
Тащ вошитты ями сый:
Пеши сащӆ, аӈкеӆ вохаӆ
Аӈкеӆ сащӆ, пеши вохаӆ.
Мосаӈ йина сый хэӆӆясум,
Мосаӈ уяӆ тыв, мал, тэс.

НЕНЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА[50]

Разнообразные открытые пространства,
Многие тундровые пространства
Позади остались.
Так долго мчался.
И вот приехал
В необозримую сплошную тундру,
В лед одетую необъятную тундру.
Посреди ледяной тундры,
Посреди снежной тундры –
Ненецких людей ненецкий чум.
Вовнутрь его
Я вхожу.
Вот гостям отведённое, почетное место,
Там, разморившись, сижу.
Ненецкие люди слово взяли
О том, как стадо сюда вели.
Меж разговоров таких приятных
Я задремал...
А может, и правда, то дело было.
Ненецкая женщина...
Она в почётном углу
Деревянного дома сидит,
Слова говорит:
«Деточки, деточки,
С северного моря-океана,
С далекой Обской губы
В старинные времена,
Что в сказках остались,
Я стада приводила
На земли казымские.
Века пролетели,
Года пролетели,
С вытянутый хорей51 шириной,
С хорей шириной,
Просторная дорога моя
Ягелем давно поросла.

[50] Ненецкая женщина – один из эпитетов духа-охранителя р. Казым.

[51] Хорей – шест для управления ездовыми оленями.

И вижу я:
Иные сыночки мои,
По рекам живущие,
Многие птенчики мои
В нарту запрячь оленей-быков,
В упряжку запрячь оленей-быков
Уже не имеют.
Девочек жалеющую, жалеющую мысль,
Мальчиков жалеющую, жалеющую мысль
Только что из себя выплеснула.
Тысячное стадо к вам повела,
Сотенное стадо к вам повела...»
Слова тут умолкли,
Закончилась речь.
Глаза открываю.
Все в чуме, как прежде,
Ненецкие люди спокойно сидят,
И я среди них, приехавший гость.
Неспешный меж всеми идёт разговор,
Какие где вести и новости,
Какое бы слово они ни сказали,
Всё сердце ласкает.
Какое бы слово они ни сказали,
Всё олень да олень.
Так о быте прослышал,
Так быт их узнал.
А днём я увидел их жизнь.
Лишь утренний свет
Вновь родиться надумает
Ненец-мужчина уж в нарту садится.
Да, всё еще в нарту.
Четыре красавца,
Четыре оленя-быка
Весть день неразлучно с ним в тундре.
Зимняя ночь,
Она быстро приходит,
Нас в чум загоняет.
Сидим мы.
Тут ненцы друзья говорят:
«Хантыйские люди,
А что, если песню из вас мы
Одну зачерпнём...»
Мужчина из рода Харсурт
Улыбаясь ответил:
«Если песня нужна,
То куда ж она денется...»
Вот с уст его льются слова –
И странно, что пел он о том же,
О том, что я видел вчера.
«С северного моря-океана,
С далекой Обской губы
Богиня великая Пупи сязи[52]
Стадо своё ведёт...»

[52] Пупи сязи – один из эпитетов духа-охранителя р. Казым.

И подумалось мне:
«Вряд ли спал я тогда,
И мне не почудилось вовсе –
Правда то, что я видел Ее.
Правда то, что я слышал Её».
Песни мотив не смолкает.
Голос приятно звучит.
Под ритмы мелодии этой
Опять я не там и не тут.
Вновь слышу дыхание стада,
Первичного стада земли.
Ведомый великою волей?
Табун тот к Казыму идёт.
И подумалось мне:
О Земля,
На коленях меня взрастившая,
Где же начало твоего начала
Где же края твоего край?
О Богиня великая!
По земле зарождавшейся,
Земли духом могучим пронизывая,
Ты когда-то сюда шла,
Со стадами сюда шла.
О Богиня казымская!
В Куновате твой сын восседает,
Ты там его богом оставила,
Значит, это твоя земля?
О Богиня ненецкая!
У северного моря-океана,
У далекой Обской губы
Безрукий лолы, безногий лолы,[53]
Твой ненец-муж восседает.
Начало имеющей земли начало,
Край имеющей земли край
Не там ли начинается?
По всем водам хантыйским звучащее,
По всем землям хантыйским звучащее,
Имя твоё
Священный камень у порога, великий най.[54]
С одного края земли твоей
В другой край земли твоей
Стада ведомого благостные звуки,
Стада идущего радостные звуки
В верховья имеющей реки,
В верховья его направляется.
О Богиня великая!
Для деточек своих,
Для тех, у кого тела стынут,
Для тех, у кого сердца просят,[55]
Как в те времена, что в сказках остались,
Благополучие оленье ты привела,

[53] Безрукий лолы, безногий лолы – эпитет духа-охранителя низовий Оби, мужа Казымской богини.

[54] Священный камень у порога великая най – один из эпитетов духа-охранителя р.Казым.

[55] Сердца просят – хантыйское выражение, означающее голод.

Богатство оленье ты принесла.
По рекам живущим многим сыночкам,
В тундровый Куръёх хороший
Друг за другом нанизанных оленей
Стадо ты привела.
Зверя раздающей хорошей рукой[56]
Ты здесь оленей раздала.
В березовой роще священной
Всё ещё слышатся
Идущего стада звуки,
Бегущего стада звуки.
В березовой роще священной
Всё еще слышится,
Важенка[57] хоркает, оленёнка зовёт,
Оленёнок хоркает, мать зовёт.
Да, видимо, правда те звуки я слышал,
Видимо, правда Земля оживёт!

(Перевод Т. А. Молдановой)

[56] Зверя раздающей хорошей рукой – выражение, означающее, что духи-охранители раздают охотничью и иную удачу.

[57] Важенка – самка оленя.

МОЛДАНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

Татьяна Александровна Молданова родилась 6 июня 1951 года в деревне Юильск Березовского района. Окончила Казымскую среднюю школу в 1968 году и поступила в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена на физико-математический факультет.

После окончания института в 1974 году работала учителем физики и математики, инженером-программистом на тюменском заводе «Электрон». Затем вернулась в Казым и стала работать в школе. В 1982 году вместе со своими учениками она начала собирать фольклорные материалы, орнаменты, семейные родословные. Переехав в 1985 году в Ханты-Мансийск, Т.А. Молданова продолжила начатую работу, став методистом, а затем и руководителем фольклорного отдела Ханты-Мансийского окружного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы.

В 1989 году Т.А. Молданова поступила в аспирантуру Томского университета. Параллельно с научно-исследовательской деятельностью Т.А. Молданова начала писать свою первую повесть «В гнездышке одиноком».

Во второй повести «Касания цивилизации» Т.А. Молданова описала судьбу своих сверстниц.

В начале 1994 года Т.А. Молданова защищает кандидатскую диссертацию. В 1996 году учёная стала заведовать окружным фольклорным архивом при НИИ Возрождения обско-угорских народов.

Заслуги Т.А. Молдановой оценены Правительством округа: в 2000 году она стала лауреатом премии Ханты-Мансийского автономного округа «За развитие культуры коренных малочисленных народов Севера».

В 60-летнему юбилею Т.А. Молдановой «Театр обско-угорских народов – Солнце» представил зрителям спектакль «Чёрная песня» по её повести «В гнездышке одиноком».

Живет в Ханты-Мансийске.

КАСАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С любовью хантыйским женщинам моего поколения посвящается.

ГЛАВА 1

ЗОВ

Единственным ощущением последнего месяца ее жизни было то, что она превращается в свою собственную израненную Душу, в кровоточащую, пульсирующую плоть, опухшую от множества ран и побоев. Эта плоть все расширялась и расширялась и, наконец, заполнила собою все ее чувства, все ее сознание.

Татьяна воочию видела сгустки запекшейся крови и трупные пятна по краям глубоких рваных ран, а по всей поверхности этой плоти, сквозь засохшие комья грязи просачивались огромные ярко-красные капли свежей крови – они собирались в ручейки и стекали в некую бездонную черную пропасть. Она знала, что это все еще страдает и плачет живая сердцевина ее Души. Окружающий мир потерял всякое значение, и только умирающая Душа была реальностью, ее пульсации становятся все слабее и слабее...

Почти месяц пролежала Татьяна в огромной палате областной больницы и за это время не произнесла ни одного слова: ни врачам, ни следователю, ни квартирной хозяйке, которая заходила с заискивающим видом, ставила на тумбочку какие-то кушанья и что-то лепетала своим гнусавым голоском. Соседи по палате привыкли к молчащей молодой женщине, и, несмотря на то, что больничная скука побуждала к длительным разговорам и к поиску новых контактов, ее они не беспокоили.

А Душа продолжала умирать, она более не напухала, не кровоточила, а усыхала, уменьшалась в размерах. Пространство вокруг нее высвобождалось, и туда вползал мрак абсолютной пустоты. Вот уже и нет никакой боли, появился всеобъемлющий, вселенский холод. Нет больше тепла, есть только холод, холод, холод. Зябнут руки, зябнут ноги, зябнет крохотный остаток Души.

Закончился казавшийся бесконечным день. Уснули больные, не спится только Татьяне. За окном темная сентябрьская ночь. Она резко усилила внутренний холод, и неуемная всепронизывающая дрожь охватила женщину. Громко затряслась капельница, что день и ночь вливала некую живительную влагу в ее слабое тело. Игла, воткнутая в перебинтованную вену, опасно задергалась, необходимо придержать ее, однако пассивная воля молодой женщины не могла поднять обессиленную левую руку и подвести к правой. Дрожь усиливалась.

Вдруг в сумеречном пространстве комнаты начались странные вибрации, зашевелились воздушные потоки, и откуда-то сверху повеяло теплом. Татьяна подняла голову и вверху, над самым потолком, увидела печальные глаза своей любимой бабушки, умершей два года назад. Татьяна родилась в хантыйском стойбище, неподалеку от маленького поселка Вутвож, а бабушка была единственным близким человеком. Сейчас, в минуту тяжелого душевного состояния внучки, старая женщина пыталась помочь ей и, вопреки физическому небытию, изо всех сил тянула к ней свои теплые, ласковые руки. Мягкие пальцы коснулись лица Татьяны, стало тепло и уютно. Дрожь прекратилась. В тело потекли неведомые силы, и зазвучала сладостная песня на родном языке:

Внученька, моя внученька,
Приходи ко мне, приходи.
Руки твои озябшие я отогрею, отогрею,
Ноги твои озябшие я отогрею, отогрею...

Затем голос стал удаляться, постепенно затих. Татьяна осторожно села на кровать, осмотрелась. В палате все было обычным, нет никаких движений, звуков, больные все спят, и только прилив сил, что ощущался во всем теле, говорил женщине о том, что нечто действительно произошло.

Татьяна посмотрела на капельницу, жидкости было часа на полтора. Затем осторожно вытащила из вены иглу, встала на пол. Голова кружилась, однако ощущение внутренней силы не покидало ее. Она обула тапочки, накинула больничный халат, вышла в коридор. Дежурной сестры на посту не было. Еще не совсем сознавая то, что ей хочется сделать, Татьяна подошла к лестнице, стала спускаться на первый этаж. Идти было невыносимо трудно, внутренности горели, разбитая голова слабо держалась на шее, вывихнутые руки не могли служить надежной опорой, и ей приходилось то и дело наваливаться на перила.

Дойдя до первого этажа, Татьяна поняла смысл своих действий. Сумасшедшее желание пронзило всю ее сущность: «Сейчас, немедленно, во что бы то ни стало выбраться из этой больницы. Сейчас, немедленно, во что бы то ни стало выехать из этого города».

Энергия желания придавала силы изувеченному телу. Татьяна без труда обнаружила и открыла форточку; оказавшись на улице, аккуратно прикрыла ее и поплелась в сторону своей жалкой лачуги, которая, к счастью, находилась недалеко от больницы. Страх перед погоней сконцентрировал силы, и Татьяна довольно быстро дошла до развалюхи своей квартирной хозяйки, холодная, гнилая пристройка которой всего месяц назад сожрала жизнь ее нежного, голубоглазого сына.

Увидев в дверях Татьяну, хозяйка перепугалась, ее заспанные глаза забегали, руки затряслись. Затем ее жалкое лицо со следами частых запоев засветилось подобострастием, и весь ее вид заговорил: «Я вот она, вся в твоей власти». Хозяйка являлась единственной свидетельницей, теперь ее вызывали в суд, и она очень боялась, что вдруг на следствии Татьяна начнет рассказывать и про ее участие в моральном истязании молодой женщины с грудным ребенком. Ожесточившаяся, огрубевшая, но некогда сердобольная душа хозяйки явно ощущала вину за смерть Татьяниного малыша.

– Тетя Пана, мне надо уехать домой. Мне нужны деньги, – поражаясь слабым звукам собственного голоса, впервые за много дней заговорила Татьяна.

– Да че ты придумала. Тебе в больницу надо...

– Тетя Пана, дайте денег, сколько можете, я вам вышлю, – еще тверже повторила свою просьбу Татьяна.

– Да че же так, да как же этак... – залепетала тетя Пана и отправилась в свой закуток.

Получив деньги, Татьяна прошла к бывшему прибежищу. Открыла уродливо сколоченную дверь, удушающе затхлый запах подземелья остановил ее, голова закружилась, и, теряя сознание, она опустилась на пол. Хозяйка заметалась по дому.

– Не зови «скорую». Чай. Горячий чай с сахаром, – успела промолвить Татьяна.

Чай, а скорее всего страх перед больницей привели Татьяну в чувство. Преодолевая головокружение и вновь обострившуюся боль во всем теле, она вновь заспешила: «Во что бы то ни стало надо успеть. Надо успеть, пока дежурная сестра не хватилась меня».

Сборы, путь до вокзала казались нескончаемыми, каждое мгновение ощущалось как вечность. «Уехать, уехать, срочно уехать», – с трудом удерживала расплывающиеся куски туманящегося сознания. Купив билет на первый поезд, идущий в сторону Севера, и добравшись до своего места в вагоне, Татьяна вновь потеряла сознание.

ГЛАВА 2

ДОРОГА К ОСТЫВШЕМУ ОЧАГУ

Пронизанная великим зовом бабушки, Татьяна не помнила, как она добралась до поселка газовиков, что расположен на родной Казымской земле. Сознание запечатлело безликую вереницу каких-то людей, глаз, которые с ужасом смотрели на ее обезображенное лицо, а она бесконечно, слово в слово повторяла одно и то же, что ее избили, отобрали деньги, что она ничего не помнит, а теперь ей нужно домой. Люди верили, помогали. В последний раз она ехала на каком-то маленьком катеришке, который вез баржу до этого поселка, представлявшего собою груду огромных железных труб и десятка два скособоченных балочков. На катере Татьяна чувствовала себя значительно лучше. Она спала, затем выходила на палубу и все еще затуманенным взором наблюдала, как красавцы деревья пожирались беспощадной рекой. Она видела, как, оказавшись на берегу, почуяв опасность, деревья всеми силами пытались сохранить жизнь, цеплялись за питающую их землю, но вода знала свою работу, шаг за шагом наступала она, посягая на самое сокровенное – оголяла корни. Неспособные убежать, беспомощные кедры, березки, рябинки все ниже и ниже склоняли свои обреченные головы. Наконец обламывался последний корешок, и они падали. Река радостно подхватывала их трупы, уносила неведомо куда и энергично бралась за очередную жертву.

В поселок приехали поздно вечером. Члены команды, а их было трое, засобирались на берег к знакомым. Татьяне никуда не хотелось выходить, она знала, что завтра ей предстоит трудный день, поэтому упросила капитана оставить ее на катере. Попутчики, люди уже пожилые, всю дорогу пили, ссорились, выясняли между собой отношения, но молодую женщину не обижали, как могли, сочувствовали. И сейчас без колебаний согласились выполнить ее просьбу.

Оставшись одна, Татьяна не могла заснуть. Над ней вновь простирались теплые бабушкины руки и звали, звали домой. Не дождавшись рассвета, женщина взяла засаленный рюкзак, что еще раньше приметила в углу каюты, свернула и сложила в него одеяло. Затем пошла на кухню, нашла две зачерственелые булки хлеба, собрала все куски с грязного стола и, аккуратно завернув в какую-то тряпицу, положила поверх одеяла. До Вутвожа, куда она собиралась идти, напрямую более ста двадцати километров, а это пять-семь дней пути, если, конечно, не собьешься с дороги. Татьяна обшарила все углы, все ящики кухонного столика, обнаружила три банки каких-то консервов, вермишель, немного сахара, заварку, спички. Нашла хороший нож и даже ржавый топорик. Всего этого было почти достаточно, чтобы отправиться в дорогу. Однако на улице холодная, сырая осень, поэтому нужны сапоги. Татьяна пересмотрела все закутки катера, но сапог так и не обнаружила, зато нашла старый брезентовый дождевик и какие-то рваные суконные чулки.

Так и не дождавшись утра, Татьяна тронулась в путь. Слабые огоньки поселка быстро исчезли, и молодая женщина погрузилась в холодные объятия темного сурового леса. Чувство опасности в одно мгновение стерло с ее сознания последние сгустки тумана, оно стало ясным и чистым. Зрение, слух обострились и улавливали малейшее движение, малейший шорох.

Вот уже и солнце поднялось, оно бодрило, придавало силы, и Татьяна уверенно шла вслед за протянутой бабушкиной рукой. Солнце спокойно совершило свой дневной круг, стало склоняться к верхушкам деревьев. И только тогда женщина почувствовала, что ноги полностью отказываются ей повиноваться. Они не хотят больше идти. Татьяна присела на невысокую мшистую кочку, ноги моментально прилипли к ней, и казалось, никакая сила уже не способна их оторвать. Молодая женщина упала, прильнула к холодной, сырой земле! «Нет! Нужно набрать дров! Нет! Нужно разжечь костер! Встать, встать, встать...» – командовало сознание. Все силы иссякли, только бы отдохнуть, только бы поспать. «Встать, немедленно встать...» – твердило сознание. И Татьяна встала. Она набрала сухой валежник, разожгла костер. Достала из рюкзака прихваченную с катера кастрюльку, принесла воды, поставила на огонь. И только тогда, радостная, счастливая, села у костра. Сняв изодранные мокрые туфли, протянула свои избитые, онемевшие ноги к оживляющей Великой Богине огня.

Наступали сумерки. Над верхушками деревьев, стоящих вдоль старой оленьей дороги, по которой вела Татьяну теплая бабушкина рука, показался только что рожденный молоденький Месяц. Вокруг было тихо, красиво, чисто. Ноги, обласканные Богиней огня, вновь стали послушными, хотя все еще сильно болели. Татьяна поела, напилась горячего крепкого чая, натаскала огромную кучу лапника, устроила себе мягкую постель.

Набрала дров, чтобы хватило на долгую холодную ночь, высушила обувь, одежду и принялась за лечение ног, которым предстоял еще долгий-долгий путь. Она размешала горячую золу с хвоей, как это

когда-то делала ее бабушка, обула большущие суконные чулки и, обжигая кожу ног, до краев наполнила их приготовленной смесью.

Ноги успокоились, боль прошла. Татьяна легла на приготовленную постель и сразу уснула. И снится ей, что нежится она на огромном ложе, устланном соболиным мехом. Вокруг светло-зеленый, какой-то нереальный лес, пронизанный тысячами лучиков крохотных теплых Солнышек. Она такая маленькая, такая крошечная на необъятной пуховой постели. Мех высокий, шелковистый. Татьяна утопает в нем, она будто плывет по нему, то поднимаясь, то вновь и вновь с наслаждением погружаясь в мягкий пух. Мех щекочет, ласкает ее... Проснулась с радостной улыбкой на устах: «Я на родной земле. Я на соболиных коленях Великой Казымской богини»[58].

Ощущение радости не покидало молодую женщину весь последующий день, когда она вновь пошла на зов бабушки. Погода стояла на удивление теплая и солнечная. Подходя к небольшому ручейку, справа от себя Татьяна услышала какой-то шум. Она обернулась и замерла, пораженная удивительным зрелищем. Совсем рядом вполоборота к ней под разлапистым деревом сидела великолепная медведица. Ветерок играл густым шелковистым мехом. Она вся светилась в лучах заходящего Солнца и казалась свежей, чистой, умытой. Медведица сидела в расслабленной позе и с любовью смотрела на двух медвежат, что резвились возле ручья. Татьяна сделала несколько осторожных шагов, спряталась за ствол дерева и с наслаждением наблюдала за этой картиной. Медвежата барахтались, игриво покусывали, шлепали друг друга, то и дело подбегали к матери, которая ласкала, прижимала их к себе своей мохнатой лапой. «Какая счастливая мать», – подумалось Татьяне, и жгучая тоска по сыну захлестнула радость. Татьяна застонала, сознание затуманилось, и она стала медленно опускаться под дерево. Медведица услышала шум, громко рыкнула на своих детей, и все трое скрылись в кустах.

...Бабушка продолжала звать. На пятый день заморосил холодный дождь, подул северный ветер. Прошагав полдня, Татьяна вся промокла, устала, ноги опять гудели, не хотели идти, и она двигалась очень медленно. Необходимо было остановиться, разжечь костер, напиться чая, но место было сырое и топкое. Вдали виднелся сосновый бор, нужно добраться до него, и Татьяна поволокла непослушные ноги дальше. Перед самым бором повстречалась глубокая болотная речушка. Продрогшей женщине совсем не хотелось лезть в студеную воду. Она осмотрелась и увидела, что метрах в ста от нее, над самой водой, склонился надломленный кедр. Татьяна поплелась к нему. Вершина кедра нависла слишком высоко над противоположным берегом, но можно попробовать с него как-то спрыгнуть. Татьяна взобралась на дерево и, огибая его толстые ветви, стала двигаться вперед. Почти достигнув берега, она неудачно наступила на ветку, нога поскользнулась, с силой ударилась о ствол. От резкой боли женщина отпрянула и, потеряв равновесие, полетела вниз в холодную воду. Выбравшись на сушу, Татьяна сразу схватилась за спички, но они были мокрые. Замерзшая, обессиленная женщина с ужасом поняла, что она осталась без огня. Стараясь унять дрожь, в надежде согреться, она обхватила себя руками и, свернувшись клубочком, опустилась на землю. Все ополчилось против нее. Усилившийся ветер леденил мокрую одежду, сверху лил дождь, под ней была жесткая сырая земля. Холод проползал в сердце.

«Идти, нужно идти». – Татьяна попыталась подняться, но боль в левом колене вновь осадила на землю.

И вдруг, как и в больнице, перед Татьяной появились печальные глаза бабушки, она ощутила ласковые, теплые руки. Дрожь прекратилась. Женщина встала, подобрала первую попавшуюся палку и, опираясь на нее, бессознательно побрела дальше. Шагов через двадцать увидела заросшую тропинку, которая вела в сторону от дороги. Не раздумывая, свернула и пошла по ней. Шла, шла и шла. Неожиданно Татьяна ощутила: нечто громоздкое преграждает путь. Она подняла глаза. Почти перед ней стояла покосившаяся охотничья избушка. Татьяна отодвинула бревно, подпиравшее дверь, ввалилась в жилье человека. Сырой, затхлый запах перехватил дыхание, но вверху, над нарами, ее глаза увидели несколько облезлых оленьих шкур. Женщина лихорадочно схватилась за них, стащила на нары, стянула с себя всю мокрую одежду, заползла под ворох шкур и потеряла сознание.

Проснулась от нестерпимой боли в ноге. На улице было темно, лил сильный дождь. Заброшенное жилье... Страх колыхнул сердце. Стало жутко. Обнаженная женщина поднялась, накинула на себя какую-то тряпку и на одной ноге, опираясь на палку, поковыляла к дверям, широко распахнула их. Вышла под потоки холодного осеннего дождя и, обойдя все четыре угла избушки, постучала по каждому со словами: «Уходите, кто здесь прижился. Человек пришел...». Стало спокойно. Татьяна вошла в домик, в полной темноте стала шарить по стенкам. Рука нащупала тряпичный мешочек. Там были искрошившиеся сухари, два коробка сухих спичек. Боль в ноге

[58] По представлениям казымских ханты, один из священных обликов духа-охранителя р. Казым – соболь. Считается, что каждый, кто находится на казымской земле, сидит на соболиных коленях богини.

сразу отступила, а все ее измученное тело каждой своей клеточкой исторгало и исторгало безмерную благодарность всем поколениям хантыйских людей, сотворившим и сохранившим мудрый закон выживания.

За железной скособоченной печуркой Татьяна обнаружила кучку сухих дров, бересту. Разожгла огонь, вместо ожидаемого тепла по избушке пополз едкий дым. Женщина расстроилась, но при свете печурки увидела, что труба просто накренилась и разошлась на стыке. Схватившись за нее, она обожгла руку, но труба встала на место. Жилье ожило. Татьяна отогрелась, захотелось есть. Нужно было идти за водой. Женщина внимательно осмотрела больную ногу – она посинела и распухла. Ходить невозможно... Увидев в углу чугунный котелок, Татьяна взяла его, вынула из рюкзака кастрюльку. Прыгая на одной ноге, выбралась на улицу, поставила посуду под струящиеся потоки дождя. Теперь она радовалась дождю. Горячий чай, кусочек хлеба и остатки консервов придали ей бодрости. Татьяна принялась за лечение. Все так же перемещаясь на одной ноге, что уже смешило ее, она набрала хвои, багульника. Все это заварила в кастрюльке, вылила в котел с нагретой водой и опустила в него ноющие ноги. Это была длительная процедура, она много раз черпала воду из котла, много раз грела и вновь выливала ее обратно. Боль в ушибленной ноге не проходила. Возможно, это был вывих и его нужно вправить. Единственный раз, в раннем детстве, Татьяна наблюдала, как это делала подруга ее бабушки. Сейчас услужливое сознание высветило тот день в мельчайших подробностях. Татьяна двумя руками крепко обхватила больную ногу чуть ниже колена и изо всех сил дернула вниз. В ноге действительно что-то хрустнуло, но боль оставалась нестерпимой. Тогда Татьяна взяла нож, раскалила его на огне и, чуть остудив, стала наносить резкие удары острием по всей длине икр распаренной опухшей ноги, именно так, как некогда делала ее бабушка с помощью высушенных щучьих челюстей. Нога покрылась красными бусинками, кровь ручейками потекла на пол. Подождав, когда кровотечение остановится, подложив под подвязку распаренную хвою, туго перебинтовала колено.

Через несколько дней опухоль исчезла, боль притупилась. Еда кончилась, нужно было двигаться дальше. А еще через три дня, обогнув Вутвож, хромая женщина увидела родное стойбище.

ГЛАВА 3

БОЛЬ ВОСПОМИНАНИЙ

До избушки Татьяна добралась засветло. Прошло два бесконечных года, но все оставалось на своих местах, только бабушкины личные вещи ушли вместе с ней в другой мир. Женщина подошла к очагу, который бережно хранил пепел последнего огня, высеченного любимой бабушкиной рукой. Она помнит, как крошечной девочкой пробуждалась от звуков этого священнодейства, выбиралась из мягкой постели и босая бежала к разогретому очагу. Бабушка брала ее на теплые колени, обеими руками прижимала к теплой груди, и девочка вновь засыпала, убаюканная задушевным говором пламени.

Сегодня, движение в движение повторяя свою бабушку, Татьяна вновь разожгла остывший очаг. Затем села на любимое бабушкино место, и боль воспоминаний нахлынула на нее. Она поджала ноги, обняла себя руками. Этот жест жалости оказался губительным – слезы потоком полились из глаз. Татьяна обнимала себя, будто обнимала свою теплую бабушку. Обнимала себя, будто обнимала своего теплого сына. Слезы смешивались с ее горестными протяжными стонами. Она знала, что единственная правда жизни – это беспросветное женское одиночество...

Татьяну родила семнадцатилетняя мать здесь, в этом доме. Роды принимала бабушка. Татьяна была ущал – нагулянная. Это позорное для тех лет событие являлось причиной несчастий матери. Суровая бабушка не смогла простить дочь, и через шесть месяцев после рождения Татьяны мать сбежала из дому.

Пройдет много лет, подросшая девочка встретит эту женщину, которая вновь вернется на родную землю. Однако разрушенная душа матери тогда желала только алкогольного забвения. Татьяна знала, что мать где-то рожала и оставляла детей, но жалела несчастное существо и втайне от бабушки приносила ей кое-какую одежду, еду. Если мать была трезвой, то она робко принимала предложенную пищу и говорила дочери, что ее отец был самый веселый и добрый человек. При этом ее взгляд теплел и она вспоминала их краткие встречи, рассказывала про его белокурые вьющиеся волосы, голубые глаза. В такие минуты Татьяне хотелось приласкаться к матери, пожалеть ее, и она все ожидала, что та окликнет ее, они обнимутся и вместе поплачут. Если мать была пьяной, то швыряла в лицо девочки принесенную еду, обвиняла ее во всех своих несчастьях, орала: «Что глазища пучишь? Меня вздумала осуждать... Знай, что ты сама такое же дерьмо...» Через полгода, зимой, мать нашли мертвой на крыльце грязной, заброшенной избушки, где она попыталась жить. На похороны пришли только две старухи, и Татьяна с бабушкой сами долбили землю.

Как-то летом Татьяна отыскала место свиданий своих родителей под старым лабазом, находившимся недалеко от их стойбища и палаточной стоянки «рубителей просек», как их называла бабушка. Тринадцатилетняя девочка понимала, что она отличается от своих сородичей, в ней отражались чьи-то иные черты, иные чувства, ощущения. Порой она улавливала в себе некую беспечность, беспричинную жизнерадостность, так несвойственную ее хрупкой матери и волевой бабушке, поэтому она знала, что в ней прорастает чье-то иное семя, семя ее отца. Она постоянно пыталась представить себе его, грезила о нем и видела в снах сказочного, белокурого богатыря. Охраняемая от людских пересудов мощным крылом бабушки, она могла мечтать сколько угодно. В грезах прошло несколько лет, образ отца преследовал девочку. Он где-то сейчас ходит, он что-то делает, и ей мучительно хотелось увидеть его и сказать: «Папа, я такая же веселая, как ты. Найди меня».

На первом курсе института, в Ленинграде, Татьяна получила весть о смерти бабушки, на похороны ее никто не вызвал, письмо пришло через месяц. Нацеленная только на учебу, желая доказать миру, что она не просто нагулянная дочь спившейся женщины, Татьяна настойчиво стала приучать себя к мысли, что она теперь одна и ей не на кого надеяться. К лету, поработав на хлебозаводе, который охотно принимал вечно голодных студентов, она накопила на дорогу денег, купила бабушкиным подругам небольшие подарки и на каникулы поехала в родной поселок. Всей душой желая, чтобы бабушке и в том мире было хорошо, приехав в деревню, Татьяна тщательно исполнила все-все обряды, что требует хантыйская традиция. Был олень, и были поминки, ее избушка вместила всех людей Вутвожа. Старые женщины искренне благодарили ее, обнимали, плакали и говорили, что она достойная внучка своей бабушки. Денег на обратную дорогу не осталось. Прослышав, что в сейсмопартию, приехавшую на их земли и обустраивающуюся возле старой звероферм на лето, нужен повар, Татьяна пошла туда. На работу ее приняли, но наглые, пьяные рабочие не давали проходу. Она пожаловалась их начальнику, который показался ей добродушным приятным человеком, чем-то напоминавшим отца ее детских грез, хотя внешне был совсем иной – невысокий, полный. Сегодня Татьяна не помнит, как и почему между ними сложились доверительные, дружеские отношения, ее тянуло к нему.

Потом в ее жизни был солнечный юг и теплое Черное море. Он любил Татьяну, он восхищался ею. Он называл ее самой красивой девушкой мира. Он тратил на нее уйму денег, наряжал как только мог. А она, счастливая, гордая, помнит множество восхищенных мужских глаз.

Радостная, загоревшая девушка вернулась в Ленинград. Получала нежные письма и всем подряд рассказывала о своих счастливых днях. И даже предчувствие беременности не удручало девушку. Она оставалась веселой и беззаботной, только с еще большим усердием принялась за учебу, чтобы пораньше поехать к нему. Он почему-то предлагал встречу в областном центре.

Сегодня Татьяна помнит каждое сказанное им слово, эти слова так не соответствовали ее радостному настроению: «Как смела не написать, обманщица! Я знать тебя не хочу... Да и неизвестно от кого, все вы такие...» Он ушел. Ушел навсегда, оставив после себя искреннее недоумение, ведь Татьяна не совершала ничего неестественного, безобразного.

Только к вечеру Татьяна отчетливо осознала, что у нее будет ребенок и что она не может ехать в Ленинград, где болтала невесть что, не может ехать в Вутвож.

Нужно кормить себя, нужно будет кормить ребенка. Татьяна пошла на поиски работы. Всем говорила, что она студентка и ей нужно немного заработать. Наконец кто-то направил ее к некой тете Пане, которой нужно срочно уехать в отпуск. Тетя Пана оказалась низенькой, полной женщиной лет сорока. Она обрадовалась и всем шепелявила: «Вот и холосо, вот и холосо... Путевку дают...» Узнав, что Татьяне негде жить, она тут же предложила: «Живи у меня, плистрой у меня, только печки нет».

В начале июня родился слабенький голубоглазый сын. Этот хрупкий, теплый комочек Татьяна не выпускала из рук. И сегодня эти руки ощущают каждый изгиб его нежного тельца. Она прижимала дитя к себе, видела, как бегут его быстрые ножки по белоягельному бору ее детства. Она целовала его щечки, любовалась его глазками и видела белокурого богатыря своих детских грез. Он вырастет сильным, смелым, красивым, и никто, никогда не посмеет его обидеть.

Со временем отношения с хозяйкой стали осложняться. Тети Панин хахаль, с которым они пили-гуляли, все настырнее начинал приставать к Татьяне. Денег не было. Татьяна буквально вымаливала хозяйку еще и еще раз занять. Трезвая тетя Пана, жалеючи ее, бедную, всегда давала взаймы, а выпивши наговаривала всякую всячину своему хахалю и его собутыльникам, среди которых был чернявый, вдвое выше и шире хозяйкиного кавалера. Картонная дверь Татьяниного пристроя ничего не скрывает. Однажды, когда хозяйка, по обыкновению, начала ныть, сколько гадкого сделала

Татьяна, сколько она задолжала, чернявый не выдержал: «Чего бабу грызешь, она же детная». Затем подошел к Татьяниной двери, постучал. Женщина не посмела не открыть. Он вошел, вытащил из кармана горсть мятых денег и высыпал на кровать. Ничего не сказав, вышел. На следующий день вечером пришел трезвый, принес сетку с продуктами и деньги. Татьяна взяла. Единственное, чего она боялась, – это потерять молоко, пищу нежного голубоглазого сына. Друг тети Паниного хахаля стал приходить часто, всегда трезвый, и хозяйка вновь зауважала Татьяну, стала лебезить перед ней. Татьяна понимала, что женская плата одна, но другого выхода не было. Ее слабенький сыночек требовал защиты, ей нужны силы.

Он приходил и приходил. Татьяна никогда не знала, что он думает. Казалось, он не думает. Татьяна никогда не знала, что он чувствует. Казалось, он не чувствует. Молча приходил, молча уходил.

Однажды Татьяна заметила какое-то странное поведение хозяйки, она пыталась придать своему круглому, оплывшему лицу выражение высокомерия, явно порывалась что-то сказать. Наконец не выдержала:

– Чавой ты не сказала, что не русская?

Татьяна поняла, что хозяйка, как всегда, шарилась в ее вещах и заглянула в паспорт.

– Какая разница.

– А глаза чаво-то не узкие.

– Какие есть.

Тете Пане очень не нравилось, что Татьяна всегда была спокойной, обо всем имела собственное мнение. Хозяйка не понимала, как это молодая женщина совсем не пьет и почему все мужчины липнут к ней. Раньше хозяйка чувствовала себя рядом с Татьяной маленькой, пришибленной, теперь горделиво восседала за грязным кухонным столиком и снисходительно смотрела на нее. Открытие тети Паны незамедлительно сказалось на поведении чернявого, он тоже вырос в собственных глазах. Теперь Татьяна знала, что и у него имеется некий запас слов: «Сука, ублюдок...» Он перестал приносить продукты, приходил только пьяный.

Деньги кончились. Татьяна опять просила у хозяйки занять, та наотрез отказалась. А за картонной дверкой то и дело слышалось: «Неряха... Засранка...» Смешило то, что все это было как раз наоборот – в отличие от ленивой хозяйки проворная Татьяна содержала свою убогую конуру в чистоте и уюте.

Август выдался дождливый, холодный. Ссылаясь на то, что Татьяна не платит за свет, хозяйка отрезала все провода, теперь невозможно было включить обогреватель. Сын стал чахнуть, его слабенький плач становился все тише, нежные ручки и ножки все тоньше. У Татьяны не было прописки, и в больнице их никто не принимал.

Чтобы сохранить молоко, она стала брать у хозяйки еду, та заметила, устроила скандал:

– Воровка, я щас тебя в милицию сдам.

– Сдавай, у меня ребенок, и мы должны есть.

Тетя Пана стала прятать продукты. После каждого кормления сына Татьяна тщательно сцеживала остатки молока и выпивала, чтобы эта пища вновь вернулась к ее угасающему сыночку.

Усыпив сына, в поисках работы Татьяна бегала по ближайшим организациям. К ее приходу ребенок всегда просыпался, всхлипывал. Сегодня было тихо. Татьяна на цыпочках вошла в комнату. Открытые голубые глазки малыша неподвижно смотрели в потолок, ротик полуоткрыт. Татьяна схватила ребенка, его теплое тельце остывало. Она прижала к себе крохотный трупик, целовала и все повторяла: «Ничего, ничего, так лучше. Теперь никто никогда тебя не обидит...»

Вечером пришла хозяйка. Обнаружив странную тишину, вошла в комнату. Поняв, в чем дело, завопила: «Убийца! В милицию... Иди в милицию... Вызови «скорую»!..»

Татьяна молча обнимала мертвого сыночка и думала, что так для него лучше, только так правильно. Он слабенький, ему в этой жизни не выжить.

Приехала «скорая», отобрали сыночка. Татьяну не взяли. Тетя Пана куда-то вышла, и в это время вошел чернявый. Он был пьян, полез к ней. Татьяна, сконцентрировав все силы, начала драться: «Ненавижу... Звери, все вы звери...» Она хватала зубами его омерзительную плоть, рвала на части. Он отшвырнул ее и, дико вращая опухшими глазами, пошел на нее. Татьяна наклонилась, пыталась схватить колченогую табуретку. Не успела. От удара громадного кулачища пушинкой полетела в сторону. Падая, заметила, как подошва огромного грязного сапожища зависает над ней. Пыталась сжаться, защитить голову и живот. Не успела. Удар пришелся по лицу...

Через несколько дней Татьяна открыла глаза и увидела белый-белый больничный потолок.

ГЛАВА 4

ВЫЖИВАНИЕ

Проснувшись в родной избушке, нежась на мягких оленьих шкурах, Татьяна ощутила свою Душу. Давно не соприкасаясь с ней, женщина даже не знала, жива ли она. На месте Души Татьяна давно носила одни только камни да грязь. Вчерашний поток слез начисто промыл всю эту гадость, осталось лишь несколько тяжких глыб, но скрюченная Душа уже могла свободно вздохнуть и расправиться в освобожденном для нее вместилище.

Татьяна вышла на улицу. Над лесом поднималось светлое Солнышко счастливого детства. Сегодня оно не решалось заглянуть в глаза женщине, то так же нежно тянуло к ней свои лучики и щедро заливало светом родной двор. Здесь не было ни боли, ни унижений, здесь все дышало Татьяниной младенческой радостью, когда-то свято охраняемой ее теплой бабушкой. Сегодня в стойбище вновь ощущался ее спокойный дух, но он был бесплотен, трехдневный же голод давал о себе знать физически. Нужно позаботиться о пище. В ближайшем лабазе[59] Татьяна обнаружила слегка подмоченный мешок муки, местами засплесневелые продукты. Занятая их сортировкой и уборкой избушки, она не заметила, как пролетел день. На следующее утро, окурив чагой чистое уютное жилище, сняла с полки медвежью голову, поставила перед ней дымящуюся чашу свежеприготовленной похлебки и чай. Так она благодарила друга детства. Татьяна хорошо помнит: когда бабушка на целые дни уходила в лес, то оставляла маленькую девочку одну. Чтобы внучка не боялась, бабушка ставила возле нее голову медведя и говорила: «Ты не одна, он тебя защитит». И если слышала девочка непонятные шорохи, звуки, тотчас припадала к могучей мохнатой голове и успокаивалась.

Утро началось с заботы о самом главном – мясе и рыбе. Без них не выжить. Куръехские места считались обильными. Ее трудолюбивая бабушка именно рыбой и пушниной прокармливала себя и внучку.

Несмотря на то что нога все еще болела, Татьяна решила сходить и насторожить слопцы,[60] когда-то установленные километрах в пяти от стойбища. Вот и длинный пологий лог с высокими зарослями голубичника, на детском языке Татьяны он назывался «Место голубеньких Солнышек». Здесь бабушка собирала голубику и обычно брала маленькую внучку с собой. Утомленная ходьбой, девочка любила ложиться под огромные, как тогда казалось, кусты, усыпанные голубикой, и смотрела вверх. Происходило чудо. Лучи большого желтого Солнца падали на ягодки, и те вспыхивали, превращаясь во множество маленьких голубеньких Солнышек. При малейшем дуновении ветерка Солнышки переливались, искрились, дотягивались до Татьяны и щекотали ее своими голубенькими лучиками.

Осень проходит быстро. Татьяна знала, что сытость долгой зимы в неустанном труде. Она быстро перегородила небольшую речушку, поставила мордушки[61]. Так ловила рыбу ее бабушка.

Природа в этом году была на редкость щедрой, все плодоносило, и запасы Татьяны быстро росли. Появился первый знакомый. Общая любовь к кедровым орешкам подружила ее с бурундучком. Их знакомство началось с того, что Татьяна приносила из леса шишки и высыпала во двор. Бурундучок как-то наткнулся на эту готовую кучу, привык к ней и стал делать запасы. По своей юной бестолковости орешки он зарывал тут же, среди щепок. Он совсем не боялся. Рано утром, увидев Татьяну, быстро поднимался на рукоятку топора, воткнутого в бревно, и, встав на задние лапки, приветствовал Татьяну пронзительным свистом. Так же встречал ее, когда она возвращалась из леса. Потом и вовсе стал заглядывать в раскрытые двери избушки, заходил в дом, бегал по столу, собирал крошки. Иногда, если женщина сидела тихо и занималась шитьем, он вставал на край стола и с любопытством наблюдал за ней. Более опытная бурундучиха, видимо его мать, была явно недовольна поведением сына. Она поднималась на близстоящее дерево и продолжительным посвистом взывала к благоразумию.

Полноценное питание, труд на свежем воздухе окончательно укрепили Татьяну. Она чувствовала себя здоровой и сильной. Выпал первый снег. Татьяна вышла на улицу. Белое-белое пушистое одеяние нарядило землю. Лохматые хлопья все еще медленно хороводили в воздухе, мягко ложились на ветви деревьев. Шустрые тучки, учудившие это диво, быстрехонько убегали от лучей поднимающегося Солнца. Все дышало чистотой и свежестью. Очарованная сказочной белизной леса, Татьяна расслабилась. Упругий, настырный Воздух, воспользовавшийся этим, настойчиво пробивался к окаменевшим остаткам ее боли, упрямо дробил их и выносил вон. Душа расширяла свои владения и радовалась. Доверившись живительному Воздуху и живучей Душе, женщина решила сегодня просто отдохнуть. Она шла, шла и шла

[59] Лабаз – амбарчик на высоких ножках.

[60] Давящая ловушка на боровую дичь.

[61] Ловушка для рыбы.

по лесу. На обратном пути наткнулась на горку своего детства. Здесь она любила кататься на нарточках, изготовленных дедом Егором, у которого они с бабушкой держали несколько своих личных оленей. Старик очень любил девочку. Где он? Жив ли? Татьяна вспомнила выдренка, подаренного ей этим добрым дедушкой. По ее детским представлениям, выдренок был настоящий наглец, он никогда не давал прокатиться. Стоило девочке собраться на горку, он тотчас увязывался за ней, нападал на девочку, покусывал, рвал шубку. Если Татьяна садилась на нарточки, он стремительно бросался вниз и ложился поперек дороги. Чтобы не раздавить этого задиру, съехавшей было девочке приходилось заруливать в сугроб. Снег залеплял лицо, заполнял рукава, лез за шиворот... От обиды Татьяна плакала и начинала драться с выдренком, чему он, кажется, был очень рад. Ели и спали они вместе. Татьяна помнит, как однажды к ней пришло страшное понимание, что ее друг не такое же существо, как она, – он не человек. Подросший выдренок никого не боялся, шатался где только мог. Его убили люди какой-то экспедиции, стоявшей недалеко от их стойбища.

Первый снег быстро растаял. Долго стояли ясные дни. Татьяна набрала брусники, клюквы. Озера покрывались льдом, снова шел снег. Как-то, натопив избушку, Татьяна вышла на улицу. Прямо у дверей стояла тощая, промерзшая уточка. Женщина огляделась, следы вели в сторону ближайшего озерка, Татьяна подняла горемычную, та не шелохнулась. Занесла нежданную гостью в дом и увидела, что одно крыло было покалечено. Перевязав раненую, женщина соорудила из кусочков оленьих шкур теплое гнездышко, поставила еду. Уточка не притронулась. Чтобы в избушке было тепло, Татьяна всю ночь поддерживала огонь. К утру новая знакомая отогрелась и даже что-то пыталась клевать. Ради любопытства женщина пошла по следу гостьи, он действительно привел к озерку, расположенному более чем в двух километрах от стойбища. Вода уже подернулась льдом, лишь в одном месте виднелась малюсенькая полынья. Бедное существо. Поразительно, что вера в человека заставила ее маленькие ножки протопать такой длинный путь по глубокому снегу. Теперь они жили вдвоем. Уточка окрепла.

Осень затягивалась, дни вновь стали теплые. Амбарчик для хранения рыбы находился метрах в сорока от избушки. Туда повадилась лиса, и похоже, не одна. Рыбы было не так уж и много. Татьяна поздно поставила запор, поэтому ей не понравилось это воровство. Часть запасов пришлось перенести в лабаз. Рыба вовсе перестала ловиться, пора разбирать запор. Исполнив обряд благодарности богине воды, она принялась за работу. Вытаскивала жерди, переносила на берег и аккуратно ставила под дерево. Вернувшись домой, Татьяна увидела, что дверь распахнута, а ее уточки нигде нет. Она пошла искать подругу. Возле амбарчика обнаружила несколько перышек и пятна крови. Татьяна, видимо, плохо прикрыла дверь, уточка вышла на улицу, где ее и схватили кровожадные лисы. Столько мучиться, страдать, терпеть и все ради того, чтобы тебя сожрала какая-то сволочь. Татьяна решила переловить всех лис и удушить их собственными руками. Вокруг амбарчика, где только могла, она понаставила капканы и петли. Наконец рыжая тварь попалась, вскоре еще две. Но многострадальную подругу уже не оживить.

Наступила зима. В дальнем лабазе Татьяна нашла школьные книги, тетради, среди них две общие, карандаши. В свободное время, которого уже стало достаточно, при свете очага она записывала свои дневные впечатления, прошлую жизнь.

Татьяна не знала, какое сегодня число, месяц. Однажды приснился сон. Она – школьница, стоит на какой-то площадке, ветер треплет ее коричневую форму, белый фартук и белые бантики. Впереди – сопки, покрытые высокими деревьями. Вдруг ощущает Татьяна странное оживление в природе. Смотрит – а это на верхушках деревьев распускаются красивые желтые цветы. Небо прозрачное. Слева поднимается Солнце. За спиной послышалось отдаленное щебетанье. Оглянулась девочка. Стайка желтеньких солнечных птичек несет по небу маленькую елочку. Видимо, наступил Новый год...

Мысли о дедушке Егоре все чаще и чаще будоражили Татьяну. Она решила сходить в его стойбище. Почти тридцать лет дед жил один, неподалеку от своей дочери. Снег был глубокий, рыхлый. До избушки деда Егора около тридцати километров. Татьяна достала широкие охотничьи лыжи, приготовила все необходимое для ночлега в лесу и отправилась в путь.

ГЛАВА 5

ЛЮБОВЬ

Сколько помнит Татьяна, дед Егор никогда ничем не болел и был очень жизнерадостным человеком. Любил пошутить, посмеяться, особенно над собой. Раньше он жил на реке Назым, во времена, которые бабушка называет «Когда русские сошли с ума», всех мужчин Казымской земли увезли, и дед Егор с

семейством приехал сюда, чтобы помогать овдовевшим сестрам. В поисках жены за ним увязался сын двоюродной сестры, он и стал Татьяниным родным дедушкой, который позже погиб на войне. Бабушка вышла замуж очень поздно, где-то после тридцати лет, и была почти на десять лет старше мужа. Когда Татьяниного деда взяли на фронт, у них было двое детей. Младшенький умер в младенчестве.

Деда Егора тоже брали на войну, и про это он любил очень подробно рассказывать. Его вызвали в Березово со всеми мужчинами Вутвожа. Там проходил какие-то комиссии, а когда довезли до Омска, обратили внимание, что, согласно метрике сельского Совета, он рожден приблизительно в 1880-м году. Ему не поверили, однако вместе с ним, в одном призыве, находились двое сыновей, старшему уже исполнилось сорок. Как рассказывает дед Егор, все очень удивлялись такой ошибке и не знали, как отправить его обратно. Егор не знал ни одного русского слова. Тогда решили, что он вместе со старшим сыном будет работать на танковом заводе. Дед проработал почти год, за это время выучился русскому языку, но словарный запас для лесной жизни у него был оригинальный – он знал всю производственную терминологию и название каждой детали танка. Память деда Егора вообще была удивительной. Он знал родной и русский, свободно общался на восточном диалекте хантыйского, двух диалектах ненецкого, зырянском языках. Никогда ничего не путал и при необходимости служил переводчиком. Татьяна очень любила слушать деда Егора, он помнил абсолютно все, что с ним происходило, в мельчайших подробностях. Обычно дедушка садил перед собой Татьяну и говорил – вот это было давненько, при царе Николашке, или – это было не очень давно, когда русские стали белыми и красными. Рассказы о военных годах начинал с того, что это было совсем недавно. Народ поговаривал, что после смерти жены дед Егор настойчиво сватался к ее бабушке, которая стыдила его, как это он смеет такое предлагать. Дело в том, что он считался старшим родственником по мужу. Зато дружба у них была крепкой. Когда однажды бабушке нужно было куда-то уехать на целый месяц, то свою внученьку она могла доверить только ему. Как теперь понимает Татьяна, дед Егор любил бабушку, даже в те детские годы она видела, что при ней он как-то весь приободрялся, подтягивался, много шутил, стараясь как можно дольше задержать их у себя. Ему самому приезжать в гости было строго-настрого запрещено.

В то лето, узнав, что приехала Татьяна и устраивает поминки, дед Егор впервые за много лет появился в Вутвоже. Ему уже было за 90, но все еще выглядел крепеньким, только глаза стали печальными, чуть-чуть выпив, по-детски расплакался. Татьяна подошла, обняла его, он трогательно стал просить ее поехать с ним в стойбище и, как всегда, начал шутить: «Вот свяжу тебя и увезу. На привязи буду держать, чтобы не сбежала. Приедет Степан из армии, а у него уже жена. Вот обрадуется...» Степан – самый младший внук деда Егора, на год моложе Татьяны. В школьные годы, как говорят, бегал за ней и даже написал несколько писем в Ленинград. Татьяна вздохнула: «Все знают и понимают старики».

С думами о деде Егоре она прошла более половины пути до его стойбища. День стоял холодный, солнечный. Попив чаю, она решила, что сегодня же дойдет до избушки. Мороз усиливался, и ей не хотелось ночевать в лесу. Вторую половину дороги она шла совсем медленно, больная нога разнылась, и женщина еле тащила ее. Наступила ночь. Когда стало казаться, что стойбище вот-вот появится, силы покинули ее. Татьяна уже не могла развести огонь, не могла идти дальше. Мороз продолжал крепчать. Женщина понимала, что если только она сейчас расслабится, то никогда больше не поднимется. Наконец появилось стойбище. При свете Луны Татьяна увидела, что на месте старенькой избушки стоит новый добротный домик. У нее заныло сердце: «Неужели дедушка умер?» Ей совсем, совсем не хотелось видеть других людей. Ей было так хорошо, так спокойно одной. Татьяна заплакала. В это время собаки, учуяв человека, подняли лай. Кто-то в малице вышел на улицу, постоял, подошел к собакам. По походке Татьяна узнала деда Егора. Ей захотелось тут же закричать от радости, но она была еще так далеко и боялась напугать дедушку. Татьяна стала наспех выбираться на открытое место, поскользнулась, упала. Собаки залаяли еще истошнее. Дедушка заволновался, зашел в избушку. Вынес ружье, стал целиться в ее сторону. Татьяна изо всех сил крикнула: «Дедушка, это я, Таня!»

Дед услышал голос человека, опустил ружье. Обоюдной радости не было предела, чувства переполняли их. Татьяна поняла, как сильно она истосковалась по человеческому теплу, голосу. Понимая, что так никто никогда не делает, ей хотелось обнимать дедушку и целовать его милое, мудрое лицо. А дед Егор помолодел на все 70 лет, его глаза блестели, он суетился, чуть не бегал. Наконец, сходил в лабаз, принес самые мягкие шкуры, сам постелил: «Внученька, вот твое гнездышко».

Легли под утро. Когда Татьяна проснулась, в избушке уже было тепло, дедушка сварил еду и ждал ее. Давным-давно никто о ней так не заботился. Татьяна казалась себе маленькой счастливой девочкой, у которой еще ничего в жизни не было. Ей не хотелось, чтобы кто-то разрушил это чувство.

Вечером дедушка сказал:

– Внученька, я старый, ничего делать не могу, но привык жить один. Мои приезжают иногда, чтобы посмотреть, жив ли я... Дрова наколоть, лед привезти... Вот новую избушку внук построил... Я хочу, чтобы ты здесь пожила, глаза мои закрыла, я скоро буду уходить к твоей бабушке.

– Дедушка, тебе еще жить да жить...

– Нет, внученька, я уже собираюсь.

Татьяна чувствовала, что это правда. Дедушка быстро уставал, часто ложился отдыхать. Вечерами он пел песни, чтобы Татьяна слушала, запоминала. В молодости, да и в пожилом возрасте, дед Егор считался самым лучшим певцом на Медвежьих игрищах.

На четвертый день приехал зять дедушки Егора. Увидев Татьяну, ничего не сказал, оставил продукты, уехал. Рано утром та же упряжка привезла Степана.

В то лето, когда бабушка уезжала и наказывала Татьяне жить только у деда Егора, помогать ему, сюда же привезли Степана. Дед Егор боялся, что шестилетняя девочка будет тосковать по бабушке. Степа, в отличие от рослой Татьяны, тогда был совсем еще маленький, но очень энергичный, шустрый. Напарника по играм не получалось. Татьяна уже помогала дедушке по хозяйству, а мальчик убегал по своим делам, приходил весь мокрый, изодранный. Она, как и ее бабушка, терпеть не могла такое безобразие, и ей ничего не оставалось, как взять на себя роль опекунши. Она снимала с него одежду, стирала, сушила, штопала. Зато вечером они оба прижимались к деду Егору и слушали одни и те же сказки, одни и те же легенды.

В школу их со Степой отдали вместе, в нулевой класс, так как ни один из них не представлял, что кроме родного хантыйского языка могут существовать другие. От людей Татьяна слышала, что бабушка ее прятала, не хотела отдавать в школу, поэтому только в восемь лет девочка узнала, что существуют поселки, и долго не могла понять, как можно жить такой кучей и что можно делать в деревне.

В восьмом классе Амнявожского интерната Степан стал уделять ей знаки особого внимания, хотел всегда быть рядом, помогал в бесконечных дежурствах на кухне, но он все еще был такой маленький и низенький, что Татьяна думала лишь о том, что его, как прежде, нужно обстирывать, а теперь и обглаживать. Этим она и занималась. Еще их объединяли общие посылки, отправляемые дедом Егором. Узнав, что дедушка опять что-то прислал, они шли к Татьяниной бабушке, которая, чтобы внученьку не смели обидеть, подолгу жила в Амнявоже, и ели мороженую оленину, что в интернате строго запрещалось. Сейчас Татьяне казалось, что бабушка имела единственную цель жизни – сохранить тайну рождения внучки, сберечь ее от людских пересудов. В Вутвоже у них была собственная избушка, поэтому Татьяна не жила в интернате. Здесь бабушка ютилась в многолюдном домике дальних родственников, где за печкой имела собственный закуток, правда вмещавший только ее постель.

В девятом классе Степан вместе с Татьяной поехал в Березовский интернат, при этом постоянно твердил, что об этом его попросила бабушка. Бабушка уже не могла сама последовать за внучкой, она стала часто прибаливать, сказывались колхозные и военные времена – тогда ей приходилось заниматься подледным ловом рыбы, возить на дальние расстояния тяжелые грузы, таскать сырые бревна.

В новом интернате Татьяна нравилась многим ребятам, но Степан со всеми дрался, пресекал всякие симпатии. В последний раз они виделись после выпускного вечера. Тогда Степан впервые с настойчивой решительностью, удивившей Татьяну, отвел ее в сторону от одноклассников и заставил остаться наедине. Татьяна помнит, что они пошли в лес, в консервной банке сварили чай, говорили о своих детских годах и много смеялись. Утром ей нужно было уезжать для поступления в институт, а Степан осенью собирался в армию. Большой белый теплоход разъединил их, Татьяна стояла на палубе и смотрела в грустные глаза Степана, и, как ей кажется теперь, тогда он тянул к ней свои руки.

Сегодня, увидев Степана, сердце Татьяны заныло. Он стал высокий, стройный, очень напоминал деда Егора. Его глаза сияли, он весь лучился и оставался все тем же чистым, светлым ребенком. Между ними простиралась разница не в год, а в столетия.

Счастливый Степан не замечал Татьяниного состояния. Он был весел, беспечен. Наколол большую охапку дров, навез столько льда, что хватит до скончания зимы, и явно уже не знал, где себя применить. Радостный, он подошел к Татьяне, увидев ее глаза, вздрогнул.

– Степа, ты должен знать: у меня был ребенок.

– Ты замужем?

– Нет, но у меня был сын.

Степан весь сгорбился. Нет горше преступления, чем вот так, наотмашь, бить невинную душу человека. Понурив голову, Степан наспех поел и уехал.

Все понимал и видел дед Егор. Вечером снова повторил просьбу: «Внученька, не уходи. Я хочу, чтобы именно ты закрыла мне глаза...»

Ночью приснился сон. Весенний день. Набухший снег. Во всем лесу под единственным деревом проталина. Татьяна стоит на ней и очень удивляется, как же это может быть. Снег давно осел, и все деревья должны обнажить свои корни для теплых лучей весеннего Солнца. Рядом река, по ней плывут абсолютно белые льдины. Вдруг вода стала подниматься, хлынула на берег. Вот уже весь лес заполнился талой водой, осталась только ее проталина. Льдинки медленно кружат между светло-коричневыми стволами деревьев. Вода прибывает, касается Татьяниных ног. Вдруг из-за деревьев показывается лодка. Спасение... Лодочка медленно-медленно выплывает... В ней Степан...

Татьяна проснулась. В избушке холодно, а в ней странная весенняя свежесть. Сегодня она впервые встала раньше деда Егора.

Прошла неделя. Никто не приезжал. Дед Егор прислушивался к каждому шороху. Он слабел на глазах. Татьяна как могла поддерживала его. Он уже редко поднимался, не мог петь, просто рассказывал про свою жизнь, про Татьянину бабушку.

Татьяна узнала, что впервые он увидел ее бабушку, когда той было не больше шестнадцати лет. Он приезжал к сестрам, по пути останавливался у бабушкиных родителей. Ему было лет тридцать пять, он имел жену, но черноволосая, трудолюбивая красавица запала в сердце. Он сватал ее второй женой, та отказалась. И сейчас, уходя в Нижний мир, он думал о ней.

Долго молчавшие собаки залаяли. Приехал Степан. Не раздеваясь, он вызвал Татьяну на улицу. С решимостью, когда-то удивившей, взял ее за плечи, поставил перед собой.

– Его нужно разыскать и привезти.

– Кого? – не поняла Татьяна.

– Сына. Он же твой.

Степан думал, что она так же, как мать, оставила где-то ребенка.

– Его нет. Он умер.

– Мы приедем свататься.

Он снова сел на нарты и уехал.

Дедушка Егор умер с закрытыми глазами. В этот вечер он уснул и больше не проснулся.

ГЛАВА 6

ДОЧЬ

С мужем они жили в избушке деда Егора. Каждая мелочь здесь сделана изящно, добротно. Мужчины этих родов были талантливейшими мастерами. За что бы ни брался Степан, все у него в руках спорилось, все в его руках играло. Даже стружки, что подметала Татьяна, казались ей образцом красоты.

В муже ей нравилось все – его глаза, голос, руки... Татьяна ощущала совершенное счастье. Чтобы не нарушить его, неустанно трудилась, тщательно исполняла каждую мелочь, отшлифованную традицией хантыйского народа. Она не могла допустить промаха. Ничто случайное не должно ворваться в их жизнь.

Муж возжег в избушке прочный, надежный очаг человеческого тепла и света. Татьяна таяла в его объятиях. И он нуждался в ее так долго невостребованной любви и ласке. Они не могли разъединиться, повсюду ходили вместе. Самое великое наслаждение – жить рядом с любимым и любящим человеком. Он затмил все ее боли и печали, он отогрел ее. Он был одновременно всем – и теплыми бабушкиными руками, и мягким уютным гнездышком детства, и каждым счастливым мгновением ее жизни и снов. Все, все – весь теплый, ласковый мир жил в одном человеке – в ее муже.

Татьяна забеременела сразу. Так некстати. Она еще не отошла, не отогрелась, не насытилась лаской. Зачем, к чему, это несправедливо. Нет, ничто не должно разделять их. Должны существовать только он и она. Не желая видеть, как Степан обрадуется кому-то другому, не ей, Татьяна упорно молчала, ничего не говорила мужу. Чувство ревности к неродившемуся существу скребло сердце.

Сейчас Татьяна даже радовалась тому, что ее сын ушел из жизни. Сложись все иначе, жалея сыночка, она никогда бы не взбунтовалась, никогда бы не восстала против унижений. А теперь счастье, полное счастье. Она так долго шла к нему... Никто, никто не смеет мешать ей. Она имеет на это право.

Пришла весна. Зеленая травка во дворе стойбища потянулась к Солнцу. Татьяна принялась за уборку. Подметала за зиму накопившийся мусор, высвобождала из-под него желтенькие травинки и вспомнила, что это было любимым занятием детства. В эту же пору она ходила по бабушкиному двору, подбирала

каждую щепку, палочку, чтобы утром побежать и увидеть, что еще вчера придавленные худосочные стебельки сегодня позеленели, выправились и с благодарностью смотрят на нее. Позже в Ленинграде она постоянно ощущала беспричинную тоску и вдруг тогда же поняла, что ей очень хочется убрать эту серую асфальтовую корку, замуровавшую жизнь. Ей было больно наступать на эти погребенные травинки, которые, как ей казалось, лежат там, под серой глыбой, и никогда не увидят Солнца.

Двор сиял под ярким весенним Небом. Наполненная точно такой же радостью, как в детстве, Татьяна любовалась своей работой. Неожиданно мягкая, теплая волна прокатилась по ней. Пробудилась новая жизнь. Женщина подошла к мужу, который ничего не спрашивал, но в последнее время стал как-то странно бережно относиться к ней. Прижавшись к нему, она сказала, что у них будет ребенок. Он приподнял ее голову, его светло-коричневые глаза излучали такую искрящуюся радость, что Татьяна пожалела, что не сказала об этом раньше. За блеск этих глаз она готова на все. В начале декабря родилась черноволосая, черноглазая девочка. Татьяна решительно отказалась ехать в больницу, роды принимала свекровь.

Девочка была на редкость спокойной. Все это так не вязалось с первым материнским опытом Татьяны, с ее представлением о нежном существе, нуждающемся в неустанной опеке. Ее сыночек непрерывно всхлипывал, тонюсеньким голосочком беспрестанно на что-то жаловался. Девочка крепко спала, пока была сытой, и требовательно кричала, если хотела есть. Особенно Татьяну поразило, что, когда дочь впервые поднесли к груди, она уверенным движением совершенно самостоятельно нашла сосок. Ее слабенький сыночек до конца своей коротенькой жизни так и не научился этому.

Татьяна родила быстро, однако правая почка, в свое время поколоченная огромным сапожищем, дававшая о себе знать во время беременности, сейчас воспалилась. Татьяну отпаивали медвежьей желчью, жиром, еще чем-то и не разрешали вставать с постели. Свекровь сама ухаживала за девочкой.

Мать Степана, младшая дочь деда Егора, была поразительно доброй женщиной. К Татьяне, как и ко всем, она относилась сердобольно, но совершенно не понимала ее и даже как-то пугалась. Ей хотелось невестку попроще. Сейчас она кудесничала над внучкой, все время что-то напевала. Даже когда Татьяна поднялась, свекровь не захотела уезжать, кажется, она не доверяла ребенка невестке. Татьяне было обидно, что ее используют лишь для кормления. К ней подносили крепко запеленатую девочку в берестяной люлечке и она совершенно не ощущала ее тельце. Татьяна знала, что в дочери возродилась душа ее бабушки. Личико девочки отражало любимые черты Степана и ее собственные, но почему-то матерью Татьяна себя не ощущала. Сердце молчало.

Всем своим существом она продолжала принадлежать мужу. Только в нем она страстно искала и находила тепло. По-прежнему утопала в его объятиях.

Прошло три года, девочка подрастала. Той всепоглощающей близости, что была у Татьяны с первенцем, так и не получилось. Малютка хотела быть самостоятельной личностью. Чтобы хоть как-то быть полезной дочери, рукодельница Татьяна неустанно сидела и обшивала девочку, та всегда была ухоженной и больше походила на разряженную куколку, чем на теплое существо, нуждающееся в ее ласке. Она даже никогда не болела. Женщина, как и все, любовалась этой девчушкой, но как-то внешне, отстраненно, и сама не могла понять, в чем дело. Зато Татьяна видела ту самую, недоступную ей прилепленность души к ребенку у своего мужа и свекрови. Девочка постоянно взбиралась на колени к отцу, обнимала его ручонками и что-то шептала, голосочек у нее становился тихим, нежным. Мать Степана все чаще оставляла супруга, любителя выпить, надолго приезжала к внученьке. Они целыми днями неразлучно ворковали, обнявшись, спали. Малышка скучала без нее. Оставшись же наедине с матерью, девочка становилась капризной. Татьяна совершенно не знала, что делать, она не умела управлять ребенком.

Как-то Степан сказал: «Если бы ты нашла сына, то и сердце твое успокоилось бы». Ну что могла ответить женщина? Как объяснить этой чистой неопытной душе, почему она не желает ездить в деревню, почему не знает, где похоронен ребенок. Мужу нужен сын. Татьяна не беременела.

Распугивая оленей и всю живность, над Куръехом затарахтели вертолеты, в верховьях реки ставили буровую. В прошлом году половина важенок оказалась яловой. Во время гнуса, когда день и ночь необходимы дымокуры, их семья обычно ставила чум возле избушки родителей, где держали общее стадо. В это лето Татьяну и ее уже пятилетнюю дочь сблизила общая забота о трех искалеченных оленятах. Шел отел, вертолеты зачастили и летали так низко, что очумелые оленихи, не ведавшие урчащих страшилищ, ошалело метались по лесу и в панике давили детенышей. Подобранные оленятки настолько привязались к дочери, что, видимо, считали девочку своей матерью. Если утомленная за день девчушка, едва добравшись до постели, засыпала, то оленята призывно хоркали, тыкали в покрытие чума свои носики и пытались пролезть в дверное отверстие. Два олененка окрепли, один стал чахнуть. Его пришлось забить. Тогда Татьяна впервые увидела, как плачет ее дочь. Она убежала за избушку, припав к березке, во весь

голос рыдала. Татьяна подошла к ней, пыталась обнять, но девочка с ненавистью отстранила руку: «У него были такие черные глаза... Не смей меня трогать...»

Татьяна сочувствовала дочери. Она тоже помнит черные глаза подстреленной куропатки, когда впервые в жизни промахнулась. Со Степаном они шли по лесу, неожиданно прямо из-под ног выпорхнула стайка белых птиц. Она машинально выстрелила и одну ранила. Когда Татьяна подбирала дичь, та смотрела на нее печальными глазами...

Еще тогда Татьяна вспомнила рассказ бабушки: «Один человек научился слышать разговоры деревьев, разговоры зверей. Не мог срубить ни одного деревца. Не мог добыть ни одного зверя. Он умер от холода и голода...»

Татьяна с детства впитала то, что жизнь человека должна сохраняться. Пища – первейшая необходимость. Однако, стоило ей поднять ружье, перед ней возникали глаза раненой куропатки, она не могла больше охотиться. Но твердо знала – чтобы жить, нужно есть, и была безмерно благодарна мужу за любую принесенную добычу.

Отношения с дочкой становились все хуже. Татьяна пыталась вновь и вновь сблизиться с девочкой. Но подросшая куколка не хотела иметь с ней ничего общего, все делала назло матери. И вдруг перед Татьяной обнажилась истина. Не кто иной, как ее добрейшая и святейшая свекровь, напичканная сплетнями, наговорами, нагло отобрала у нее единственную дочь. Это она, только она разбивает ее жизнь. Если бы тогда ей дали ощутить крохотное тельце малышки, все было бы иначе. Татьяна возненавидела свекровь. Никто ничего не понимал. Муж метался между двумя женщинами, девочка постоянно просилась к бабушке. Степан с дочерью, такие же счастливые вместе, как некогда Татьяна с мужем, все чаще и чаще стали уезжать к родителям. Все ополчились против Татьяны, ей оставалось одно – записывать и записывать свои страдания.

Однажды Степан приехал нетрезвый, это стало повторяться. Еще раньше к ним на стойбище зачастил свекор, он бесконечно рассказывал о том, что его стадо убывает, что нашел в лесу отрубленную голову лучшего передового оленя, что исчез красавец хор. При этом он вымаливал у них шкурки, тут же уезжал на буровую к своим «русским друзьям» и непробудно пил.

Татьяна сконцентрировала всю свою волю. Нужно было спасать семью. Она наглухо закупорила всякую антипатию к свекрови, неотступно, вслед за мужем и дочерью, ездила к родителям, стала приучать девочку к себе. Татьянина память была почти как у деда Егора, она знала все когда-либо слышанные сказки, рассказы, а дочка, как и она в детстве, страстно любила слушать. Татьяна успевала к вечеру управиться со всеми домашними делами, стала ложиться вместе с дочерью и начинала непрерывные рассказы до тех пор, пока дочка не засыпала. И так каждый день. Дочка больше не просилась к бабушке. Теперь даже днем, когда муж был на охоте, а Татьяна шила, девочка подсаживалась к матери, доставала лоскутки, хотя и не любила этим заниматься, и просила: «Мама, расскажи что-нибудь».

Сейчас Татьяна желала только одного – родить сына, вынянчить его собственными руками и чтобы никто не смел прикасаться к нему. Она докажет, что способна быть любящей матерью.

Как-то приснился сон: она – маленькая девочка, залитая солнечными лучами, стоит во дворе бабушкиной избушки. Неожиданно дворик с домиком и с ней стал уменьшаться и превратился в желтенький лучистый шарик. Вот уже Татьяна взрослая женщина, стоит на пригорке, смотрит на это прозрачное чудо и видит в нем маленькую девочку с печальными глазами, которая одна-одинешенька возле их ветхого, но такого теплого родного домика. Татьяне жаль эту грустную девочку. Она пытается дотянуться до шарика, чтоб обнять, погладить, приласкать девочку, но стоит ей сделать шаг, как этот кусочек теплой жизни отодвигается. Трогательная малышка с черными бусинками глаз так и остается печальной в солнечной стране-шарике. Девочка безмолвно взирает на свой желтый мирок, и неведомо ей, что там, за тонюсенькой пленочкой, к ней тянутся теплые руки взрослой женщины...

Татьяна проснулась. Ей было странно, ее детство никак нельзя назвать печальным, у нее тогда не было таких глаз. Сияющий желтенький шарик с печальной девочкой все чаще и чаще стал являться в сновидениях и всегда мягко уходил от Татьяны. Женщина стала просыпаться в слезах. «Ничего, – думала Татьяна, – так тоже хорошо, девочке в желтом шарике тепло и уютно».

Весной в Татьяне вновь поселилась новая жизнь.

ГЛАВА 7

СЛОМ

Сегодня Татьяна никак не могла проснуться, сновидение не отпускало ее. По голубому безоблачному небу медленно плывет какое-то суровое, сумрачное Солнце. Запад начинает темнеть, и она видит, как из-за горизонта появляется Чернота. Это не туча, это абсолютная Чернота. Татьяна знает, что там, дальше, смертельная тьма уходит в бесконечность, и теперь очень медленно, с чувством профессионально исполняемого долга пожирает Землю и Небо. Съедена зелень лесов, исчезают первые лучи странного Солнца, которое само, совершенно спокойно, в согласии с Чернотой необратимо движется навстречу собственному Небытию...

Наконец женщина проснулась. Вышла на улицу. В спокойной тишине морозного утра с запада, из-за горизонта едва слышался слабый гул буровой. Непонятная тоска легла на сердце...

В семье все было хорошо. Старания Татьяны не прошли даром, дочка все больше привязывалась к матери, помогала ей во всем. Несмотря на ревностные переживания свекрови, они уже находили общий язык, хотя внешне это как будто никак не проявлялось. Татьяна по-прежнему не умела приласкать дочь, но они были друзьями. Все в доме было хорошо, но тоска не покидала женщину. Татьяна заметила, что она начала рассказывать дочке какие-то страшные сказки, истории, от которых девочка сжималась в комочек и засыпала только прижавшись к отцу.

Степан был доволен женой, он, как и раньше, много охотился, год выдался щедрый. Татьяна опять ничего не говорила о своей беременности. Дело в том, что, когда Степан запил, Татьяна безумно хотела родить сына, она была уверена, что только это остановит мужа, вернет их былые отношения. Тогда женщине показалось, что наконец-то Небо услышало ее мольбу, и поторопилась сообщить Степану. Однако Татьяна ошиблась, и потом ей было невыносимо больно, что она обманом заставила сиять любимые глаза мужа.

Наступало комариное время, они вновь жили рядом с родителями. Вертолетный гул продолжал разгонять оленей, и их нужно было постоянно разыскивать. Сегодня, как всегда, Татьяна шла по лесу. Вдруг увидела свежую просеку, проходившую через кедровый лес, видимо, зимой перевозили буровую, – вышла на нее. Все пространство справа и слева было устлано растерзанными обрубками деревьев. Женщина не представляла, что так можно кромсать лес, казалось, чьи-то громадные челюсти хватали деревья, жевали и тут же выплевывали. Просека шла в сторону голубеньких Солнышек детства. В голове прозвучали слова бабушкиной легенды: «И деревья когда-то были людьми...». И вот перед глазами не горы поломанных деревьев, а трупы раздавленных человеческих жизней. Она зримо увидела, как вросшие в родную землю, неспособные бежать, кричать, сотни хантыйских матерей в немом ужасе прикрывают руками своих беззащитных детей. И она с ними. Изо всех сил прижимает к груди живого сыночка, до боли сладостно ощущает его теплое, нежное тельце. Она видит, как огромное железное Чудовище приближается к ней. Раскрытая лязгающая пасть выхватывает сына... Явственный хруст детских косточек судорогой прошелся по телу женщины. Опустив пустые руки, задыхаясь, Татьяна села на землю. В животе впервые, но резко забилась новая жизнь. А вокруг стонали и плакали, стонали и плакали искалеченные хантыйские женщины.

Домой Татьяна вернулась поздно. Этой же ночью приснился сон. Она, такая легкая, воздушная, порхает по зеленой травке. Ее юное сердце желает любви и ласки. Где-то вдали появляется отец голубоглазого сыночка. Он стремительно движется к ней. Татьяну поражает, что его полное тело все перебинтовано. Он распахивает объятья, пытается обнять девушку... И видит Татьяна, что из-под белой марлевой повязки повсюду сочится гной... В омерзеньи Татьяна кричит, кричит... Проснулась в ласковых руках мужа. Рядом сидела перепуганная дочь...

Просека кедрового леса трещиной прошла по сердцу Татьяны. Гусеницы железного Чудовища приволокли всю грязь и боль прошлого, от которых так терпеливо, так настойчиво бегала женщина. По стойбищу забродила тень чернявого, сквозь продавленную щель кедрача прорывался солоноватый запах южного моря. Татьяне казалось, что муж все это видит и чувствует. Теперь женщина резко оборачивалась на каждый шорох, сжималась от любого прикосновения Степана. Омерзительные сновидения прошлого стали повторяться, и Татьяна возненавидела себя, грязную тварь. В сознании отчетливо всплывали слова матери: «Знай, что ты сама такое же дерьмо...» Да, это так. И как только она посмела себя и всю эту грязь притащить сюда, в их уютное, чистое стойбище.

Пугаясь собственных снов, Татьяна вообще перестала высыпаться. Появились несвойственные ей вялость, усталость, апатия. Ей хотелось только спать. Но и этого женщина боялась. Вопреки всегдашней подав-

ленности, где-то там, внутри, Татьяна твердо знала – никогда нельзя расслабляться. Расслабление – это холод и голод. Это смерть. Благодарная тому, что у нее руки и ноги целы, она каждое утро ставила себя на ноги и мужественно принималась за повседневные дела. Руки делали, ноги ходили, но усталость накапливалась. Она уже переполняла Татьяну, поднималась вверх, пропитывала веки, уголки глаз, рта, тянула их вниз.

Лето в этом году выдалось комариное. Казалось, небесная кара пала на стойбище. Гнус никому не давал покоя. Олени не отходили от дымокуров. Неокрепшие еще оленята, замученные кровожадными насекомыми, падали один за другим. Нужна неустанная работа, а мужчины будто лишились всякого разумного начала, их все крепче присасывала буровая. Степан возвращался оттуда жалкий, виноватый. Несколько дней молча работал и вновь исчезал. Между ним и Татьяной уже не было никакого понимания, никакой близости. Только разумом женщина понимала, что это некогда любимый ею муж. Чувства же напрочь отвергали всякое мужское прикосновение. Поначалу Степан еще пытался выяснить, что же случилось с женой. Однако упорное молчание Татьяны все более утверждало его в мысли о ее виновности. Татьяна видела страдания Степана, но изнуренная жизнью, сама нуждалась в помощи. Поэтому когда муж стал пропадать по нескольку дней, то ей становилось даже как-то легче, спокойнее, она не видела его мучения, не чувствовала своей вины.

Дочка и свекровь были на стороне Татьяны, они неутомимо помогали ей во всем, таскали тяжелый влажный мох, собирали дрова, разводили дымокуры... Мать Степана, видимо, догадывалась о Татьяниной беременности, ее беспокоило душевное состояние невестки, и она умоляла ее поехать в больницу. Услышав решительное «нет», стала собирать и настаивать какие-то травы и бесконечно заставляла их пить. Порой Татьяне становилось лучше, но любой шум вертолета, моторной лодки, буровой опять ввергал ее в прежнее состояние, она вновь ощущала грязь и гниль жизни. Сейчас Татьяне хотелось только тишины, абсолютной тишины. Тишины на ее родной земле уже не было.

Как-то случайно Татьяна подслушала разговор дочки с отцом.

– Папа, бабушка говорит, что мама очень сильно болеет.

– Чем болеет?

– Ее кто-то сглазил.

– Почему она так думает?

– Бабушка все знает. Она говорит, что вутвожские женщины сильно завидуют нам. Вот и направили порчу.

– И что теперь делать?

– Надо кому-нибудь пошаманить. Тогда мама опять станет здоровой. Бабушка говорит, что мама у нас хорошая, поэтому ты больше не пей...

Они еще долго о чем-то шептались, но Татьяна не слышала. Однако после этого разговора Степан перестал ездить на буровую и ни к какой тяжелой работе жену не допускал. Он постоянно, даже днем заставлял ее отдыхать, и вскоре физически Татьяна почувствовала себя значительно лучше.

В стойбище родителей закончилась мука. Все запасы, что были привезены по снегу, все еще оставались возле их избушки. И сегодня с утра Степан с дочерью на четырех оленях поехали за продуктами. Вскоре они вернулись. Как только нарта остановилась, дочка соскочила, подбежала, затараторила: «Бабушка, мама, у нас в стойбище был медведь. Под навесом все разворотил. Все семь мешков муки по земле рассыпал, весь двор белый... всю еду съел. Банки со сгущенкой, как веревка, закрученные, все из них выжато...»

Свекровь подошла к Степану.

– Вот видишь, что вино с людьми делает. Вам бы только водкой рот заливать. Что, сразу не могли привезти или хотя бы в лабаз спрятать? Чем теперь семью-то кормить?..

– Ничего страшного, – успокоил ее Степан, – завтра в Вутвож поеду, баржа с мукой наверняка пришла.

– Деньги где возьмешь? – не унималась свекровь.

– Пенсии ваши получу, займу у людей.

Рано утром Степан с отцом засобирались в поселок. Татьяне очень не хотелось отпускать мужа, сколько она помнит, вслед за мукой обязательно привозили полную баржу водки. Тоскливое предчувствие заползло в сердце. Женщина подошла к мужу:

– Степан, может, не поедете?

– Что есть-то будем?

– Тогда прошу тебя, совсем не пей. Сразу же возвращайтесь.

– Ну что ты, сегодня же к ночи приедем.

Мужчины исчезли на неделю. Татьяна не могла спать. Предчувствие росло и росло...

Наконец Степан с отцом появились. Продукты они не привезли. С ними приехали двое вутвожских: брат и сестра. Все были пьяные. Войдя в избушку, свекор вытащил несколько бутылок, поставил на стол.

– По обычаю моих русских друзей, помянем твоего покойного брата Василия, – сказал он, обращаясь к жене.

– Брата Василия? Что с ним?

– Ленька его убил. Перед нашим приездом это случилось. Племянник Мишка где-то пил, приходит домой, а отец на части разрублен. Руки, голова, ноги – все отдельно, весь дом в крови. Рядом пьяный Ленька с недопитой бутылкой валяется. Милицию по рации вызвали, Леньку увезли, Василия похоронили. Еще Ай Ефим умер, его возле речки нашли, шея переломана, лицо черное... Каращ Кирилл тоже пропал.

– Что с Кириллом случилось?

– Два месяца назад ушел в избушку лодку строить, так и не вернулся. Искали, да только заготовку для лодки нашли и сдохшую собаку на привязи.

Приехавшая молодая женщина пьяным взором шарила по Татьяне и явно порывалась что-то сказать. Наконец не выдержала, вызвала ее на улицу, еле ворочая языком, пробормотала:

– А ты знаешь, твой муж с Колодой ночевал.

– Почему ты так думаешь?

– Все в поселке только об этом и говорят. Ваш отец пил в доме Петра. Рано утром пошел домой, а дверь изнутри заперта. Он стал стучать, наконец открыли, а там Колода. Соседка и другие женщины тоже видели, как она уходила.

Колода была очень молодой, но падшей женщиной. Она относилась к новому поколению хантыйских девушек, которые не хотели учиться, не хотели работать, жили на иждивении родителей, беспробудно пили и, как говорят люди, за глоток водки спали со всеми сейсмиками подряд.

К огорчению гостьи, совершившей столь длинный путь, чтобы сообщить новость и посмотреть, как скорчится эта гордячка, Татьяна выслушала все совершенно спокойно, ничего не сказала в ответ. Только войдя в дом, она очень внимательно посмотрела на Степана, муж прятал глаза и впервые в ее присутствии жадно пил. Да, все сказанное – правда.

Татьяна вышла к оленям, проверила все дымокуры, натаскала побольше мха и направилась в сторону бабушкиного стойбища. Она никого не хотела видеть.

Не обращая внимания на гнус и усиливающуюся боль внизу живота, Татьяна все шла и шла. К ночи вышла на широкое озеро, по другую сторону которого находилась бабушкина избушка. Она присела на поваленное дерево, осмотрелась. Где-то здесь должна быть лодка... Тщательно укрытые лодка и весла были на месте.

Над лесом поднималась ущербная Луна. Уключины визжали. Добравшись до середины озера, женщина огляделась. Деревья, вода заполнены ужасающей свинцовой Чернотой. Отовсюду веяло Тоской. И казалось Татьяне, что неведомая хантыйскому народу ядовитая кислота цивилизации пожирает лес, ползет по воде. Кислота добралась до весел, до уключин, заползла в лодку, просочилась в живот. Невыносимая боль скрутила женщину. Лодка застыла посреди мертвого озера. В животе изо всех сил забился неродившийся ребенок, он боролся за жизнь, но вскоре затих. Боль отпустила Татьяну, она вновь взялась за весла. Выбравшись на сушу, женщина увидела, что и здесь властвует кислота. Выеденная дыра, пустая глазница окна зловеще темнели на фоне некогда родной теплой избушки. Обезображенный берег, обезображенное жилье. К утру нерожденное существо покинуло женщину...

После полудня появился Степан. Обессиленная кровотечением женщина молчаливо повиновалась действиям мужа, когда он осторожно поднял ее и перенес в латаный-перелатанный полог, сшитый еще руками теплой бабушки. Комары перестали докучать, Татьяна сразу провалилась в сон. Снились голубенькие Солнышки, белоягельный бор, отрубленная голова дяди Василия и вязкая наползающая пелена Черноты. Проснулась от нестерпимой жары, ее лихорадило. Рядом, опустив голову, сидел Степан, его рука с влажной тряпкой покоилась на ее лбу. Родная, любимая, такая знакомая рука. Татьяна погладила эту сильную, трудолюбивую руку, прижалась к ней разгоряченной щекой.

– Почему, почему ничего не сказала? – с трудом подбирая слова, горестно вздыхал Степан.

– Не знаю.

– Я совсем не понимаю тебя. Но почему ты всегда молчишь?

– Не знаю... Тебе нельзя было отпускать меня на белый теплоход...

– Ничего, все у нас будет хорошо.

Татьяна молчала. Она знала, что хорошо уже никогда не будет. В жизни есть только Тоска, черная Тоска.

Малюсенький гробик с останками неродившегося сына вопреки традиции Татьяна упросила повесить на стороне восхода Солнца, на высокое дерево рядом с обветшалым кузовочком своей внутриутробной колыбели[62]. Ребенок так хотел выжить. Он должен видеть Солнце.

Утром следующего дня пришли свекровь и дочка. Татьяна чувствовала себя лучше, жар спадал. Она даже пыталась подняться, чтобы поздороваться с пришедшими, но голова закружилась, и ей снова пришлось лечь. Дочка сама впорхнула в полог. Татьяна увидела, что все ее личико покусано комарами, а когда она с трудом стащила с себя мокрую обувь, то на пяточках обнажились огромные кровавые мозоли.

– Доченька, как же ты шла?

– Быстро.

– Ножки не болели?

– Болели... Немножко.

В полог заглянула свекровь. Увидев внучкины ноги, запричитала:

– Ана-найе[63], внученька, да как же ты мне ничего не сказала?

Когда уставшая девочка уснула, Татьяна узнала от свекрови, что после ее исчезновения малышка стала искать мать. Не найдя, налетела драться на отца с дедушкой, выгнала гостей, разбила оставшуюся бутылку... Затем, никому ничего не сказав, ушла на свое стойбище. Когда свекровь нашла ее там, то девочка наотрез отказалась возвращаться, заявила, что здесь она дождется матери и они будут жить только вдвоем, пьяницы им не нужны. Услышав, что Татьяна, наверное, ушла в свою старую избушку, девочка тотчас объявила бабушке: «Если ты сейчас же не отведешь меня к маме, то я пойду сама».

– Вот и пришлось нам выходить на ночь глядя, а олени без присмотра оставлены, старик-то у меня ненадежный, – закончила свой рассказ свекровь. Даже не поспав, объяснив Степану, чем отпаивать жену, она засобиралась в обратный путь. – Отца Степана пришлю, из еды что-нибудь отправлю. Муки-то нет, все деньги пропили. Если тебе станет хуже, сразу же отправь одного из них в поселок, – обратилась она к Татьяне.

Прошло два дня, свекор не появлялся, похоже было на то, что, воспользовавшись отсутствием жены, он опять ушел на буровую. Татьяне становилось все хуже и хуже. Она вновь вся горела и уже теряла связь с реальностью. Степан ждал отца, он боялся оставить жену наедине с ребенком.

К вечеру Татьяна явственно ощутила, что крохотная нерожденная жизнь своей неотрезанной пуповиной тянет ее за собой. Жар усиливался. Нужна срочная помощь. Степан собрался и пошел в поселок. Наступила летняя ночь. Девочка не спала, она молча сидела у изголовья матери, которая все реже и реже приходила в себя. В забытьи Татьяна услышала лязг железных гусениц. Чудовище, пировавшее на просеке, двигалось в их сторону. Татьяна видит, как Громадина давит ее голубенькие Солнышки, сдирает белый ягель соснового бора. Лязг все усиливается и усиливается. Он заполнил каждую клеточку ее тела, стал невыносим. И вот уже Татьяна чувствует, как огромные гусеницы медленно-медленно наползают на живот. Боль... Нестерпимая боль... Холод... Смертельный холод железа... Женщина кричит...

И вдруг, как уже много, много раз, Татьяна опять ощутила над собой теплые бабушкины руки. Стало светло и радостно, как в детстве. Сознание очистилось, женщина очнулась и увидела ручки своей дочери, они тянулись к ней:

– Мамочка, не умирай... Мамочка, я люблю тебя...

– Доченька...

Черные, грустные глаза ребенка склонились над ней. Это были глаза ее бабушки... Нет. Это были печальные глаза девочки из желтого солнечного шарика. Татьяна протянула руки, шарик распахнулся, разделявшая их призрачная пленка лопнула, девочка бросилась в объятия матери. Беспредельная нежность, невысказанная любовь к дочери захлестнула боль:

– Доченька, милая, родная...

Девочка все крепче и крепче прижималась к матери. Они стали единым целым, они растворились друг в друге.

Проклятая железная глыба продолжала наползать, уродина надвигалась на грудь. Черный туман окружил сознание. Татьяна поняла, что она уже ничем не может помочь дочери. Она не может подсказать, защитить, пожалеть... Она ничего не может. Остался единственный вздох. Женщина вобрала в себя этот последний глоток воздуха, последним движением оттолкнула от себя любимое существо и успела, успела выкрикнуть:

---

[62] По хантыйским обычаям, послед вывешивался на дерево в берестяном кузовочке, а мертворожденные дети и выкидыш хранились на отдельном кладбище.

[63] Ана-найе – восклицание типа «ой-ой-ой».

– Доченька, спа-сай-ся...

Тьма проглотила сознание.

«Спасайся», – подхватили искореженные сосны белоягельного бора. «Спа-сай-ся...» – закричали реки, озера, болота. «Спа-сай-ся, спа-сай-ся...» – неслось по Вселенной.

А по хантыйским землям уверенно чеканила шаг глухая Цивилизация.

1996

«СРЕДНИЙ МИР» АННЫ ИЗ МАЛАНГА

ГЛАВА I

Сегодня она уходила к нему. Сорок зим без него прожила... Сорок лет без него. Все исполнила в Среднем мире, спокойно уходит. Детей, кого смогла, сохранила, внуки – взрослые, правнуки растут. Их время жить в Среднем мире, а ей пора в Нижний: в этом глаза уже плохо видят, уши плохо слышат.

Пора, давно пора уходить.

Анна перебирает в памяти: все ли взяла с собой для дальней дороги. До Нижнего мира дойти, да и там чтоб без нужды жить.

«Много платьев с узорами возьму, подолы бисером вышиты. Внучка вышивала, мужу расскажу... Нужно бисер с собой взять. Как буду в Нижний мир спускаться, вдруг мышка за мной побежит, я ей бисеринку и брошу, пока грызет – дальше убегу. Да и узоры мои сложные, побежит мышка по ним, запутается...

Теперь она в большом городе, большим бумагам учится. Не надо ее звать, ехать далеко... У нее ум свой, пусть теперь в больших бумагах разберется.

Вспомнилось давнее... Стылое зимнее утро принесло в маленькое стойбище тревогу.

Анна открыла глаза. Темно. Потрогала рядом стоящую люльку, прислушалась к дыханию сына. Здесь все спокойно. Слева ощутила спящего мужа. Его присутствие всегда рождало в ней внутреннее тепло, которое разгоняло сомнения. Она осторожно погладила мужа по волосам, полюбовалась им. Теплота и нежность плавно разлились по телу. Снова стало спокойно. Сон опять пришел к ней.

Но страшное предчувствие снова выхватило ее из сна. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, Анна выбралась из-под уютного саха[64]. Отверстие чума едва светилось. Привычными движениями она нащупала дрова, бересту, высекла огонь, повесила чайник. Сухие дрова разгорались быстро, свет пламени осветил ее чум, детей, мужа. В жилище входило тепло огня. Но это тепло грело лишь лицо и руки и никак не проникало в нее, не глушило предчувствие беды, тревога продолжала нарастать.

Анна обвела взглядом свое жилище, где каждая вещь обласкана ее руками. Настороженно прислушалась к спящим: «Неужели злые духи пришли в дом? Или завистливые люди наслали болезнь? Восемь детей родила мужу, и все восемь сегодня спокойно спят в моем доме!..»

Сердце дрожало. Анна не могла как всегда беседовать с Тут-имие и ждать, когда закипит чайник и проснется ее странная семилетняя дочь Татья. Раньше всех просыпается девочка, сразу к очагу садится, смотрит в огонь, молчит. «Непростую судьбу, видно, при рождении ей нарекли. Наверное, в род отца пошла, силу шаманскую имеет... Вот и огонь ей что-то тайное сообщает...» – думает женщина.

Мысли о Татье не отгоняли предчувствия. Анна достала из мехового мешочка кусочек белой ткани. Вернулась к огню, стала шептать молитвы и заклинания:

– Ма мувям, ма лонгхлам, ма хотыям шавилаты, ма няврямлам шавилаты[65].

Анна молилась Небу-отцу, Земле-матери, молилась огню...

Затем расправила ткань, накрыла ею костер, но пепел не поднимался, как обычно, а оседал, прилипал к поленьям. Духи не принимали жертву. Беда идет. В стойбище идет беда!

Каркам эви – проворной – называли Анну, среднюю дочь Максюма. Старшую и младшую замуж отдали, а средняя дочь украшением дома оставалась. По многим ближним и дальним родам весть о трудолюбивой красавице шла. Лучшие женихи сватов засылали. Да не хотела Анна замуж. Мать стыдилась своенравной дочери, бабушка ругивала внучку, а Максюм не неволил, всегда уважительную причину находил, такую, чтобы и сватов не обидеть. Злобные языки порочили Анну. Да не льнули их слова к ней. Об ее трудолюбие да веселый нрав разбивались.

Вспоминает Анна, как по первому снегу летела она на лучших оленях отца; далеко, весело разносился звук колокольчиков упряжки. И в ней – она в белом сахе, сшитом своими руками. И сейчас помнит она

[64] Сах – меховая женская одежда.

[65] Моя земля, мои духи, мой дом, моих детей охраняйте.

каждую стежку орнамента. Мир и покой отчего дома, мечты о будущем вкладывала в работу. В самую комариную пору не боялась Анна за морошкой ходить. Жужжит гнус, в нос, в глаза лезет, мелодично позванивают накосные украшения. А руки так и мелькают – ни один комар сесть не успевал.

«Да, проворная я была», – думает Анна, и звуки оленьей упряжки, мелодия девичьих украшений сопровождают ее в Нижний мир.

Караваном оленьих упряжек пришла беда в стойбище. В полдень собаки, чувствуя приближение чужаков, начали скулить, а затем подняли оглушительный лай.

Старшие дети высыпали на улицу. Анна, занятая шитьем, боялась поднять на мужа глаза: чувствовала, что творится в его душе. Их обманули, выдали. Лживую весть по тундре пронесли. «Возвращайтесь. Не тронут вас». Кто поверил, горькой бедой расплатился. Теперь вот и их семья останется без кормильца. Старшему сыну всего шесть лет, а младшему и месяца нет. Почти год по тундре кочевали, оленей растеряли...

Упряжек было много – десять-пятнадцать. Приехавшие разговаривали на русском и хантыйском языках. Входное отверстие чума раскрылось, вошли двое. Один, видимо, моймский ханты, одет в красивый белый гусь[66], второй с ружьем, чужой. Анна вскочила, достала малицу мужа, подала. Тот оделся и вместе с вошедшими вышел на улицу. Анна накинула сах, вышла вслед.

По стойбищу бродили вооруженные люди, осматривали грузовые нарты, выискивали оружие, съестные припасы, пушнину, меховые одежду и обувь. Все сбрасывалось в кучу. А на нартах, с опущенными головами, сидели связанные по двое знакомые ханты.

Из соседнего чума вытолкнули его хозяина, связали в пару с мужем Анны, усадили на нарты.

Младшие дети, перепуганные невиданным скоплением людей и лаем собак, подняли рев. Анна крикнула старшей дочери, чтобы отвела их в чум, а сама подошла к мужчинам. Отгоняя страх перед случившимся, тихо сказала:

– Суд обязательно правильно решит. Вы скоро вернетесь домой.

Женские слова, они и есть женские. Мысли же мужчин, знавших больше, сразу потеряли надежду на возвращение. Им было тяжело и больно за жен и детей. Выживут ли? Сильные, ловкие охотники были унижены, раздавлены своей беспомощностью.

Вечером приезжие заняли соседний чум, а его хозяйка Дарья с детьми перешла к Анне. Не угасал в эту ночь огонь ее жилища.

Наконец, в стойбище пришло утро. Засуетились люди, Анна вышла на улицу. Проводники ханты деловито запрягали их ездовых оленей. Небрежно, даже не стряхнув снега, бросили в нарты белый и темный неплюй[67], приготовленный Анной для саха. А как она мечтала в новом узорчатом сахе показаться: не потеряли ее глаза зоркость, а руки – ловкость. Ни у кого из ровесниц нет такого тонкого стежка: не хватает терпения такие тоненькие жилки для шитья орнамента плести. А у нее хватает. И мужу такая жена – гордость.

А чужие люди небрежно кидают в нарты выходные кисы[68], топоры[69], гусь мужа. «Будто покойника снаряжают», – холодом пронзило Анну.

Перехватив его испуганный взгляд, Анна, пересиливая себя, как будто ничего не случилось, стала давать привычные распоряжения детям:

– Марья, почему дров в чуме мало? Вара, сходи за снегом. Татья, почему собак не кормишь?

Анна смотрела только на мужа, она верила предчувствию, которое говорило, что отца своих детей она видит в последний раз. Юван смотрел, как нарты глотают беличьи шкурки, лисиц и выдру – все, что добыл он в этом году и на что можно было купить муку, соль... «Нет, не выживут мои дети. Сыновей до поры зверя-рыбу добывать не успел вырастить. А жена, хоть и сильная, да все же женщина. И ружье забрали. Нет, не выживут...»

Анна глубоко чувствовала мысли мужа, только не знала: Юван уже просил начальника, чтобы оставили женщинам еду и ружья.

А тот пришел в ярость:

– Да ваши остячки нас тут же прихлопнут. Одна уже нашлась такая...

– Не будут наши жены стрелять, – пытался вставить Юван. Но не слушал его начальник:

---

[66] Гусь – мужская одежда мехом наружу.

[67] Неплюй – шкура оленя летнего забоя.

[68] Кисы – зимняя меховая обувь.

[69] Топоры – зимняя меховая обувь, надеваемая на кисы во время длительных переездов.

– Мы их из дерьма вытаскиваем, а они, твари неблагодарные, руку против Советской власти подняли...

Обоз погрузили. Нарты двинулись в путь. Все опустело. Только на снегу валялись оказавшиеся ненужными вещи. Собаки, отвязанные от нарт, не лаяли вслед уходящему обозу, а, виновато опустив глаза, ласкались к детям.

Анна стояла на улице, пока не исчезла последняя нарта обоза. Затемно попыталась заняться будничными делами, но духи насмехались над женщиной, и работа валилась из рук.

Анна села к огню. Всем своим существом она ощущала полную пустоту вокруг. В душу и сердце заползал холод. Дети, придавленные ее молчанием, съежились и молчали.

Анна прислушивалась к Тут-имие – огню, но он ничего не рассказывал. Люди и огонь домашнего очага неотделимы друг от друга. Беда этого дома – и огня беда. Людям нужны тепло и ласка Тут-имие, а разве может огонь без людей разгореться? Это руки человека каждый день готовят дрова. А если обессилеют, остынут эти руки?..

В люльке заплакал сын. Татья соскочила, поднесла ребенка матери. «Проворная, в меня», – подумалось Анне.

Анна накормила малыша, поставила столик для еды, позвала детей. Но они со страхом смотрели на мать, только глаза безмолвной Татьи, любимой дочери мужа, излучали понимание и боль сочувствия.

Анна взяла топор, нарточки для дров и ушла в лес.

...Мелодия девичьих украшений сопровождает Анну в Нижний мир. Вновь перед глазами пора юности. Созрела она, созрела для любви и ласки. Бурлят в ней великие женские силы, и то смеется она без причины, то вдруг темная тень накроет ее лицо.

И вот заводит она песню про Казымскую богиню-богатыршу.

...Жила она с тремя братьями. Способной и сильной была, в разных животных могла превращаться. То черной кошкой в отверстие чума проскользнет, то соболем по лесу мчится. И на охоте удачливее братьев была. Да пришло ее время замуж выходить. Прислал сватов самый сильный, самый ловкий рыбак и охотник, что стрелой любого зверя, любую рыбу в глаз убивал.

– Продайте сестру, – просят его сваты.

– Нет такой цены, – отвечают братья.

Отказали.

Услышала девушка разговор, кольчугу накинула, мужчиной оделась, сватов догнала. Молва о юноше давно по земле шла, нравился он Казымской богине. Договорились.

Так и вышла замуж Великая Казымская богиня.

Выбирает Анна сети – поет, оленями правит – поет. Верит, верит и она в счастье. Ждет своего богатыря.

ГЛАВА 2

Той ночью сон не пришел к Анне. Холодно без мужа в чуме. Холодно без мужа в сердце. Не спит ее ум, распутывает и распутывает все узелки разговоров, что к сегодняшнему дню привели.

...Вот они на Маланг-вори живут. Летнее и зимнее стойбище рядом. Аккуратные дома муж построил. Горит огонь чувала в зимнем доме, дети сказки друг другу рассказывают. Анна новую малицу сыну шить принялась. Пять зим мальчику, а за отцом повсюду тянется. Мужчиной себя чувствует, с сестрами уже не играет. Отец его балует, лыжи широкие смастерил, лук со стрелами изготовил. Теперь из детской малицы парень вырос, новую шить надо. С нежностью кладет Анна стежок за стежком. «Настоящий, сильный мужчина из Степана вырастет», – вспоминает она, как тот увертывается, уже стесняется материнской ласки.

На улице залаяли собаки, послышался шум приближающихся нарт. «Что за люди? Кажется, знакомые», – определила она по ленивому лаю собак. Муж вышел встречать гостей. Анна захлопотала у столика. Погода стояла метельная; приезжий на улице снял верхнюю одежду. Долго вытряхивал снег. Наконец вошел, поздоровался. Анна узнала гостя, мужа старшей сестры. «В такое время?» – встревожилась. Гость снял малицу, подсел к огню. Анна определила по лицу: «Плохие новости будут. Плохие».

Она отошла от столика. Принялась плести нити из оленьих жил.

Уснули дети. Тихо разговаривают мужчины, не слышит их Анна. Но видит: помрачнело лицо мужа, эхом затрепетало сердце женщины.

Ничего не сказал в тот вечер Юван жене, а утром, когда гость уехал, сообщил:

– Слухи до Вутвоша дошли, будто в Торумлоре русских убили. Повсюду вооруженные ездят, мужчин забирают. Нянь Пашку, Нярух Мишку увезли: их за то, что детей из школы забрали. С Вутвоша откочевывать начали. Собираться и нам надо.

– Снег тает. Скоро реки откроются. Куда кочевать?

– Собираться надо. Палтап Ванька в проводниках...

Несколько раз сватался Ванька к дочерям Максюма. Да не хотел он жизнь дочерям портить, за хвастливого, ленивого жениха отдавать.

Один раз осенью приехал Ванька, насильно решил невесту увезти. Выждал с друзьями, когда отец с матерью на рыбалку уйдут, а дочь одна останется... Вовремя заметила их Анна, поняла. Бросилась бежать, на самую верхушку огромного кедра забралась. Не может жених невесту достать, злится, а друзья над ним потешаются. Так и просидела до прихода родителей. А к Ваньке с тех пор насмешливая кличка привязалась: Палтап – Страшный.

Затаил Палтап Ванька на людей злобу.

Много времени прошло. Анна замуж вышла. Ванька жену сосватал, дети растут. Да говорят люди: ленивый добытчик Ванька, семью впроголодь держит. И вот много русских на Казымскую землю пришло, нашел себе легкое дело: в проводники к ним устроился. Говорят, любят его за это. Дом ему в Казыме построили, муки и другой русской еды у него вдоволь.

ГЛАВА 3

Черным туманом повисла беда над священной землей предков. Увезли мужчин. Осиротели женщины и дети. Песня-стон полетела по Казымской земле.

...Под корень, под корень
Вырублены сосны наши широкоплечие.
На высоте стволов их мощных
Свои гнездышки пуховые мы вили.
Кронами ветвистыми
От дождя, снега птенчиков укрывали мы...
Ах, горе, горе,
Попадали гнездышки наши уютные,
Крыльями нашими слабыми
Птенчиков мы укроем ли?
Клювами нашими слабыми
Пищу для них добудем ли?..
Ах, горе, горе...

«Как жить, как жить?» – кружился вопрос и над стоянкой двух чумов, оставленных далеко от родных мест. Пять ночевок до Вутвоша, четыре ночевки до Маланг-вори, родового стойбища мужей. Горстка оленей. Незнакомая дорога.

Как жить? В глубине души Анна верила, что если не Юван, то Максюм вернется.

– Только шаманов совсем увозят. Не может же Палтап Ванька сказать, что все шаманят, – говорила она соседке Дарье, которая вместе с детьми перебралась в ее чум.

Наступал месяц метелей. Съестные припасы кончились. Осталось немного сушеной рыбы. Дарьины старшие мальчики – девятилетний Егор и двенадцатилетний Кузьма – брали с собой Степана и с раннего утра уходили ставить петли на куропаток. Охоте мешали собаки, которые теперь кормились самостоятельно, поэтому дичи приносили мало. Анна ощипывала добычу, ставила на огонь огромный котел, над ним и потрошила крохотную птицу, чтобы ни одна кровиночка не пролилась мимо. Чистила и внутренности, клала в котел.

Мальчиков кормили отдельно. Нужно было сохранить силу добытчиков, и Анна полностью отдавала им все мясо, если куропатка была одна. Девочки и женщины пили бульон, обсасывали и съедали косточки.

Если дети возвращались без добычи, то в том же огромном котле Анна варила несколько сушеных рыбок. Рыба раздавалась мальчикам, а девочки вновь пили одну воду.

Анна сделалась каменной. Никто не смел прекословить ей, когда она раз в день священнодействовала над котлом. Однажды, когда ели мальчики, Наста стала плакать и просила поесть. Анна избила ее.

С тех пор, если кормили мальчиков, девочек отправляли на улицу.

Однажды Степан отказался есть: ему было стыдно смотреть в глаза голодным сестрам. Анна долго говорила с ним наедине и внушила, что девочки и женщины едят меньше мальчиков.

Анна потеряла молоко. Гриша кричал день и ночь, просил есть. Она носила сына на руках, прижимала к себе, тыкала в ротик пустую грудь. Ребенок кричал. Она пыталась подкармливать малыша, тщательно жевала сушеную рыбу, разбавляла бульоном. Сын глотал, но оставался голодным.

Порой сознание Анны, утомленное бессонными ночами, теряло связь с реальностью. Ее преследовало одно и то же видение, будто шагает она с сыном по ярко-красному пространству. Над головой громыхает темно-багровое небо, кровавые тучи в ярости бьются друг о друга, пляшут молнии. Анна крепко прижимает к себе малыша, она молит о спасении, смотрит на Землю. Леса, реки, озера Земли наполняются той же отвратительной краснотой, они распухают до уродливых размеров, наползают друг на друга и ударяются, поднимая вверх огненные брызги кровавой воды. Анна, зажатая между разбушевавшимися стихиями Неба и Земли, от ужаса теряет сознание, она задыхается. Нет в мире устойчивости, нет в мире спасения.

Когда видение проходило, Анна опять и опять вглядывалась в личико своего сына, искала и искала в его чертах надежду на спасение.

Ребенок таял. И однажды вечером она ощутила, как дрогнуло тельце малыша. Тетива лопнула. Сын умер.

Женщины зажгли перед входным отверстием чума поминальный костер. И опять, как в тот день, когда увозили мужей, молча просидели до рассвета.

Выгоревшим бором стала Анна после смерти сына. Сгорело прошлое, сгорело настоящее. Молчаливая и безразличная ходила она между людьми.

Глухарка сна совсем покинула Анну[70]. С открытыми глазами лежала она ночами и слушала, как воет метель, стараясь сорвать покрытие с дважды осиротевшего чума, слушала, как хохочут духи над опустевшей постелью.

Пусто с ее правой стороны; не ощущает Анна ласковой, сильной руки, никогда больше не наполнится она сладостным женским трепетом. Пусто с левой стороны. Нет мягкого, нежного тельца, никогда больше не разольется в ней истома материнства.

Холодно справа, холодно слева.

Хохочут духи, беду нагоняют. Однажды ночью Анна отчетливо ощутила, как треснула ее душа и разверзлась бездонная черная пропасть в Нижний мир. Она встала, разожгла огонь. Тут-имие проснулась, осветила жилище, стала ласкать и успокаивать женщину: «Жить надо, жить надо... Для детей жить...»

Анна боялась, как бы дети не увидели в ее глазах холода черной пропасти, ходила с опущенной головой, надвинув низко на лицо платок.

Сегодня не поднялась с постели Татья. Анна подошла к дочери. Глаза, полные боли и любви, очерченные огромными синими кругами, смотрели на нее. Мать впервые за много дней увидела таким своего ребенка: почерневшее лицо, провалившиеся щеки.

Дрогнуло сердце:

– Дитеночек мой, птенчик мой, что с тобой? – спросила, гладя девочку.

– Ничего, мамочка, я устала вчера, полежу немного и встану.

Анна видела: дочери уже не подняться. Нужна еда. Нужно много еды.

Анна вышла на улицу. Метель укротилась. Сквозь светло-коричневые стволы сосен игриво пробирались солнечные лучи, нежно касались снежной целины бора, и снег тут же вспыхивал, искрился, переливался. Природа жила. Природа радовалась.

Вокруг чума намело огромный снежный сугроб, и только узенькая тропка вела к дровам, к месту, где черпали снег. Возле дров, свернувшись, лежал отощавший Питюх, любимая собака Татьи. Обязанностью ее было кормление собак, поэтому они ей оказывали особое внимание. Голод снял с Татьи эту заботу, и девочку преследовали глаза животных, она боялась выходить на улицу.

Сначала собаки ждали пищу. Когда Татья выходила из жилья, они провожали ее взглядами. Девочка подходила, ласкала их и умоляла:

– Добудем много еды, добудем. Подождать надо.

Нужно отыскать и забить оленя. В этом сейчас единственное спасение. Анна пробралась к нартам, где хранились широкие охотничьи лыжи мужа, на дне грузовых нарт нащупала аркан.

На поиски оленей вышли втроем: Анна, Кузьма и Егор.

Целый день ходила Анна, но оленьих следов не обнаружила. Остановилась в березовой рощице возле озера, развела костер, сняла с себя платок – лучшее, что у нее было, и принесла в жертву духам.

– Ногами, голодом обессиленными, руками, голодом обессиленными, пищу добудем ли, добудем ли?.. – спрашивала-жаловалась она.

Духи помогли: навели мальчиков, которые уходили в другую сторону, на свежие следы.

– И еще, – взволнованно говорил Кузьма, – вроде волки за оленями гнались. Следы очень большие видели. У наших собак они маленькие, а тут с ладонь.

– Какие здесь волки? Они возле больших стад держатся. У нас им делать нечего, – успокоила его Анна.

[70] По хант. поверьям носителем сна является глухарка, которая живет в лесу.

Вечером Татье стало совсем плохо. Девочка запылала жаром, стала терять сознание. Анна не отходила от дочери.

– Дитеночек мой золотой, дитеночек мой драгоценный, чужими бедами живешь, чужой болью страдаешь. За других сердце твое нежное горит, за других душа твоя чистая пылает, – шептала Анна, то и дело поправляя сах, который девочка скидывала с себя. Анна пыталась накормить ее: сегодня за куропатками вместе со Степаном ходили Марья и Вара. Анна подносила чашечку теплого бульона к высохшим губам девочки, когда та приходила в себя. В беспамятстве девочка улыбалась чему-то, разговаривала с собаками, звала их по кличкам. На улице жалобно скулил Питюх, он царапался, просился в дом. В полночь собака завыла. Анна вышла на улицу, чтобы успокоить пса. Стояла светлая лунная ночь. Питюх, высоко закинув голову, выл на Луну. Анна отогнала его, но он, отойдя, завыл еще громче и протяжнее. Тогда женщина пустила собаку в жилье. Питюх прошел к ногам больной девочки, лег, положил морду на лапы, успокоился.

Наутро Татье стало лучше. Увидев собаку, заулыбалась.

– Питюх, Питюх, иди сюда, – позвала она слабеньким голосом. Собака подошла к изголовью, вытянулась рядом. Татья гладила собаку, а пес лизал ее руки, доставал до лица. Когда Анна поднесла дочери чашечку с бульоном и крохотными кусочками мяса, девочка выпила бульон, а мясо попросила отдать собаке.

– Доченька, милая, тебе кушать надо, тебе силу набирать надо. Собака пищу себе сама добудет...

– Мамочка, Питюх очень голодный, отдай ему, – просила девочка.

– Она все равно сама есть не будет, – вмешался в разговор Степан.

С утра Анна с Кузьмой вновь направились на поиски оленей. Анна взяла лук со стрелами, которые изготовил Кузьма. «Хоть бы белочку подстрелить, дитя желудочком накормить», – вспомнила она о любимом лакомстве дочери.

– Хоть бы плохонькое ружье было, все равно что-нибудь настреляла бы...

Стрелять она начала рано. Максюм не имел сыновей, поэтому вопреки тихому ворчанию жены брал с собой на охоту Анну.

...Путь до озера, где ребята видели оленьи следы, был неблизок.

Пошли по вчерашней лыжне. Она вывела их к месту ночевки оленей. Анна рассматривала поляну, стараясь определить, сколько же было животных. Истоптано довольно большое пространство, олени двигались как-то очень уж беспорядочно. И тут за старой валежиной увидела причину их волнения – следы огромного волка.

Анна сжалась, посмотрела – далеко ли Кузьма. «Только этой беды нам не хватало», – подумала, внимательно изучая следы. Волк охотился один. «Где стая?» – недоумевала женщина.

Следы оленей и волка заворачивали в сторону стойбища. «К человеку идут, защиту ищут. Ах, горе наше, горе, чем же мы их защитим, чем поможем?..»

Идти по следам было опасно. Анна подозвала Кузьму, объяснила, что случилось, и они решили сегодня вернуться домой, а завтра идти, вооружившись хотя бы топорами. Не дойдя до дома, путники заметили Нуви, белую собаку Кузьмы. Она лежала сытая и довольная, ее белоснежная мордочка была запачкана кровью, которую она пыталась стереть двумя лапами. Увидев хозяина, Нуви бросилась к нему, приседала на передние лапы, виляла хвостом, лизала руки, всем своим видом показывала любовь и преданность.

«Где же Пянк?» – подумала Анна о своей собаке. Пянк был неравнодушен к Нуви и всюду бродил за ней, а на добычу они тем более уходили вместе. Сильный, ловкий Пянк был охотничьей собакой. Легкая, быстроногая Нуви – собакой оленегонной, поэтому сейчас ей пища доставалась значительно труднее. Пянк старался за двоих.

Посоветовавшись, Анна с Кузьмой пошли по следу Нуви. Он привел к кромке соснового бора, где виднелись следы ожесточенной схватки. На краю возвышенности с перекушенным горлом лежал окровавленный Пянк, а внизу, в глубоком сугробе, виднелась туша важенки с выеденными внутренностями.

Волку все-таки удалось отбить от небольшого стада стельную олениху. Он долго гонял ее, знал свое дело. Обессиленная олениха оказалась отрезанной на краю возвышенности. Впереди голодный хищник, позади непроходимый сугроб. Исход сражения был предрешен.

Неподалеку пробегали Пянк и Нуви. Чуткие ноздри собак издали ощутили запах свежей крови. Много дней подряд их охота была неудачной, потревоженные звери и птицы уходили от человеческого жилья. Нужно идти следом, но собаки еще не решались окончательно бросить людей и жить своей жизнью. Тело Пянка теряло силы. За ним, едва переставляя лапы, семенила измученная Нуви.

Запах взбодрил животных, и они прибавили шаг.

Волк закончил свою трапезу, но еще лениво лакал пьянящую теплую кровь, когда услышал приближающихся собак. Он поднялся на пригорок, приготовился отстаивать добычу. Собаки подходили все ближе и ближе. И Анна воочию увидела, как ее отощавший, ставший словно высушенный листок Пянк, возбуждаемый близкой пищей и присутствием любимой подруги, храбро идет навстречу сильному, сытому зверю. Ни тени сомнения, ни тени страха: «Драться, драться и только драться. Драться за пищу. Драться за жизнь. Шаг, еще шаг... живое рвет живое, жизнь убивает жизнь. Высоко взлетает легкое тело пса от бросков мощного хищника. Лютая ненависть и уверенность! Уверенность в себе, уверенность в подруге. Закапала кровь. Он ожидает помощи... Враг тянется к горлу. Нужна помощь! Смыкаются челюсти противника, наползает тьма, и скользнул предсмертный взор Пянка по равнодушной Нуви, стоящей с поджатым хвостом. Выражение удивления навсегда застыло в его раскрытых глазах.

Анна увидела: заскулив, повалилась на снег беленькая Нуви. Волк, не остывший после победы, приблизился к ней, обнюхал, но трогать не стал. Впереди манила пища, ее запах кружил голову Нуви, она хотела есть и только есть. И тогда... превозмогая страх перед зверем, она поползла к пище. Она ползла и виляла хвостом, она ползла и умиленно заглядывала в глаза хищнику. Она ползла...

Вот и появилась пища. Анна с Кузьмой, забыв о близком присутствии волка, разделали еще не замерзшую тушу и принесли домой столько мяса, сколько смогли. Впервые за много дней люди были сытые. Весело горел огонь, Тут-имие расплавляла на лицах детей застывшие маски страдания. Они начали шутить, рассказывать друг другу про свои дневные дела и заботы. Старшие девочки вытащили рукодельные мешочки, тряпочки и шили малышам куколки. Наста и ее одногодка Дарьина Уля уже получили новые игрушки и баюкали своих «детей». Кузьма сидел на чурочке возле огня, изготовлял стрелы с тяжелыми тупыми наконечниками для охоты на белок, ему помогали Степан и Егор. Дарья рассказывала коротенькие детские сказки-прибаутки Петру и своему трехлетнему Павлу. Всех освещает Тут-имие, всем расправляет печали и лишь до двух Лиц не дотягивается она.

Низко склонившись над больной девочкой, далеко от огня сидела Анна. Дочка была в забытьи. «Бродит, бродит душа ее светлая», – думает Анна.

Горит огонь, сытый дух по жилью витает. Детей, Дарью разморил, все спать легли. Лишь Анна не спит да дочка в беспамятстве мечется.

– Доченька моя, доченька, – шепчет женщина, – открой свои глазки да посмотри, сколько еды в доме. Братья твои, сестры твои сытые спят, Питюх и Пеля накормлены. Посмотри, доченька, и успокоится твоя душа. Посмотри только, и успокоится твое сердце.

Не слышит Татья, жаром пылает. Питюх, которого днем выпроводили на улицу, в полночь снова завыл, и Анна опять впустила его.

Не спят огонь, собака и женщина, вьется над ними тяжелое дыхание девочки. Гладит Анна дитя по пылающему личику, по тоненьким ручкам и мучительно жаждет вобрать в себя ее страдания. Но как это сделать? Как?

На рассвете Татья ушла из Среднего мира.

ГЛАВА 4

Ушла Татья, напрочь захлопнув за собой черную пропасть в душе Анны. Огнем любви согрела умирающая девочка сердце матери, отступил холод. Анна смотрела на мир глазами дочери. Ушла Татья, Боль оставила. Не боль отчаяния, а Боль созидающую, Боль рождающую, Боль понимающую. Великое чудо несгибаемой любви к детям вызревало в Анне. Она видела и понимала всех. Видела решительную Марью, ставшую самым надежным человеком в семье. Видела заботливую Вару, которая ни на миг не оставляла без внимания младшеньких Насту и Петра, видела, как пытается расцвести, вопреки безжалостному голоду, личико ласковой Катерины, видела, как в детской фигурке Степана вызревает спокойный и твердый характер мужа. Все видела, все понимала мать.

Постели в чуме Анна перестелила. На мужскую половину жилища, заняв место отца, перешел Степан, а слева от матери спал Петр. Заполнилась пустота.

Дни ползли за днями, оставляя все меньше надежды на возвращение мужей. Олени, преследуемые волком, который расправился с очередной жертвой, подошли к жилью. Их было всего восемь.

Волк понял, что у людей нет опасного оружия, поэтому нагло подходил к самому чуму. Собаки поднимали лай, но нападать на хищника боялись. Волк самоуверенно садился в снег и презрительно наблюдал за ними. Это красивое и смелое животное вызывало в Анне уважение.

Мальчики пытались стрелять из луков в сторону хищника, но у них не было острых железных наконечников для стрел, да и силы еще были детскими, поэтому волк их не боялся.

Ночью волк принимался выть. Беспросветное одиночество, тягучая тоска заполняла стойбище. Анна крепко прижимала к себе теплое тельце спящего Петра и думала о том, что в жизни самое страшное – жить без себе подобных.

Она жалела и волка.

Надо было что-то решать. Стало ясно, что никто из мужчин не вернется. Оставаться здесь без муки, без необходимых промысловых снастей – означало обрекать детей на голодную смерть. В родовом стойбище мужей женщины оставляли небольшой запас пищи, но главное, там есть ловушки на зверя и рыбу и прочие охотничьи и рыболовные принадлежности. В Вутвоше у людей, должно быть, есть и пища, и олени. Но как добраться туда, как ехать на необученных оленях по целине почти незнакомой дороги? Да и оленей всего на две-три упряжки, всем не уехать. Надо было решать.

Анна разговаривала с Дарьей, с Кузьмой, советовалась с Марьей, думали, как поступить. Дарья опять плакала и умоляла отправить ее из этого места, где поселились духи болезней и обязательно заберут они всех ее детей. В конце концов пришли к тому, что Дарья со своими детьми направится в сторону Вутвоша, а Анна подождет, пока кто-нибудь не приедет за ее семьей.

Волк не отходил от стойбища. Мелкая добыча попадалась ему все реже и реже, он начинал голодать, становясь опасным. Женщины и дети делали все возможное, чтобы сохранить оленей.

Однажды утром Кузьма недосчитался опытного передового оленя. Взяв с собой двух собак, он и Анна пошли на розыски и скоро вышли к месту очередного преступления. На этот раз волк оказался возле добычи, и по всему было видно, что не собирается отступать. Привыкший к тому, что собаки его боялись, а люди не представляли опасности, он с высокомерным видом сидел перед тушей.

Анна увидела, как сузились от ненависти глаза Кузьмы, сжались его зубы, по лицу пробежала судорога. Он пошел на волка... Рядом с мальчиком хищник казался сверхогромным. И тогда Анне показалось, что вовсе не зверь перед ним, а исчадие Нижнего мира, кровожадный Тарен с раскрытой пастью. Анна вслед за Кузьмой бросается на волка...

Четверо против одного. Силы неравны. По морде хищника льется кровь, он отступает. И... вздрогнула Анна от взгляда, пылающего непримиримой ненавистью к человеку. Волк вырвался. Залитый кровью, с гордо поднятой головой уходил он от людей.

Через день после схватки Дарья с детьми были готовы к отъезду. Женщины поднялись до рассвета. Анна, превозмогая боль, держала над костром прокушенную волком левую ладонь руки. Она верила, что Тут-имие обязательно излечит ее. «Хорошо, что в рукавицах оказалась», – думает она, заговаривая свои раны. На огонь капала лиственничная смола, которой Анна смазывала укусы. После каждой упавшей капли Тут-имие сердито повторяла: «Осторожными нужно быть, осторожными нужно быть...» Кончив лечение, Анна кропотливо, будто малому ребенку, стала объяснять Дарье, как себя вести, если волк пойдет по их следу.

– Жилья на пути нет, дорогу не знаете, чуть стемнеет – сразу разводите костры. Оленей держите на привязи, детей от себя не отпускайте. Если поймете, что заблудились, по своим же следам возвращайтесь назад и ищите старые метки, здесь когда-то проходила оленья тропа...

Дарья торопливо кивала головой:

– Конечно, конечно... лишь бы довести моих птенчиков, лишь бы сохранить моих птенчиков.

Анна надеялась только на Кузьму и на то, что хищник останется здесь. Как-то она заметила, что волк пытается ухаживать за Нуви, поэтому эту противную собачонку она оставляла у себя, а отъезжающие брали с собой только одну собаку.

Тщательно готовили нарты. Нельзя ехать без необходимого и нельзя брать ничего лишнего.

Путь предстоял неблизкий, при нормальной дороге пять ночевок, теперь надо рассчитывать дней на десять.

При расставании Дарья плакала, а Анна целовала отъезжающих и мысленно повторяла каждому: «О Небо-отец, сохрани его, сохрани...»

Уехала Дарья с детьми. Семь человек остались в ожидании. Семь человек и три собаки на сотни километров вокруг. Волк не показывался, но Анна строго-настрого запретила детям выходить на улицу. Оставленную олениху и собак привязали к колышкам у входного отверстия чума. На третий день к вечеру зверь показался. Красивое животное было изуродовано. Без уха, с изодранной пастью, с заплывшим правым глазом, с источавшим злобу левым глазом. Он теперь казался Анне безобразным лесным людоедом Менком. Его вид был ужасен; Анна смотрела на эту тварь, и ее единственная рука, способная держать оружие, крепко сжимала топор. Волк не отступит, новой схватки не миновать.

К ночи зверь завыл. Леденящая тоска, слепая ненависть ко всему живому, кровавая жажда мести слышалась Анне в этом вое. Собак и даже олениху она запустила в жилье.

Утром волк исчез. Анна вышла на улицу. Сияло ласковое солнце, на землю пришло тепло весны. Снег оседал, наступал месяц наста. Легкий хруст под ногами наталкивал на мысли о Дарье. Женщина прошептала молитву: «О Торум-отец, Священное золото, наш Бог. Под белым небом едущих в этот миг ты в беде не оставь, не оставь, ноги оленьи об наст не разбей, не разбей».

После полудня неожиданно появился волк. Услышав какой-то визг, шум, Анна, схватив топор, выскочила на улицу. Нуви билась в предсмертных судорогах. Она, видимо, по привычке подошла близко к волку, и хищник метким броском впился в незащищенное горло. В ее гаснущих глазах, как в свое время у Пянка, застывало удивление. На привязи металась олениха. Но волк шел... на женщину. «Хранит нас Небо, все мои детки в доме», – мелькнуло в сознании, и Анна заскочила в жилье. Тогда хищник всю силу удара, всю собранную в нем энергию направил на олениху, вторая жертва пала у его ног.

Прошло два дня, зверь не появлялся. Ожидание было ужасным. «Где он? Что с ним? Почему не выходит?» – крутилось в голове Анны. Неопределенность была мучительна. Наконец, Анна решилась идти по следам волка. Рано поднялась женщина, села к огню, долго, неистово и горячо молилась. Затем принесла последний платок, накрыла костер. Пепел легко поднимался вверх. «Удача. Будет удача», – радовалась она.

Дети просыпались, она каждого встречала ласковой улыбкой и нежными словами. После еды собрала старших детей и сказала, что идет искать волка. Марья, Вара и Степан стали проситься с ней.

– Нет, одна пойду, – сказала мать. – Я обязательно вернусь.

Взяв топор, нож, отвязав Пелю, полная веры в счастливый исход предстоящей борьбы, женщина отправилась на поиски волка.

Погода стояла ясная, тихая. Лыжи легко скользили по подстывшему с утра снегу. Следы волка встречались, но они были старые. И особенно много виднелось их на пути уехавших упряжек. После отъезда Дарьи снега еще не было, и женщина пошла по оленьей дороге. Судя по следам, два дня назад волк бежал в том же направлении. «Неужели, неужели пошел за нартами? – думала Анна. – Одна собака, беспомощная Дарья, слабые дети против расчетливого, безумного хищника».

Долго шла она по дороге, хотя было очевидно, что волк назад не вернулся. Вся ее утренняя уверенность и собранность улетучилась, мысли ходили печальными кругами вокруг одного и того же: «Загрызет, загрызет всех уехавших зверь...» Анна была уверена, что в волка вселились духи безумия, которые во сто крат увеличили его силы и теперь бросают его бессмысленно, бесцельно убивать все живое. «Загрызет, загрызет...» – вертелось в голове.

Солнце опустилось совсем низко, идти дальше не было смысла, и Анна повернула назад. Устала, сникла душой женщина, увидев березовую рощу, где приносила жертву, подумала: «Один раз духи не оставили в беде, может быть, сейчас помогут?»

Она подошла к старому кострищу, разгребла снег и приготовила дрова, бересту. Затем достала меховой мешочек с огнивом и сверточками мягкого, тщательно перемятого верхнего слоя гриба-тутовика, который обычно моментально вспыхивал от первой же искры. Стала высекать огонь.

ГЛАВА 5

В стойбище поселилась тягучая неопределенность. Анна не знала, что сталось с Дарьей, с ее детьми. Она мало верила, что уехавшие доберутся до Вутвоша. Ее редкие сны пока не извещали о смерти. Медленной чередой проходили дни ожидания.

На землю пришла весна. Она напоила реки и озера влагой, размела на болотах кочки, разгребла возле пней и под деревьями проталины. Под руку с весной приковылял голод. Запасы оленины пришли к концу; куропатки, дававшие зимнее пропитание, улетели дальше на север. И теперь девочки целыми днями ходили по лесу, собирали прошлогоднюю бруснику и клюкву, раскапывая их из-под снега.

Опять голод не давал Анне спать, но однажды ночью... Чувствует она, будто незримая паутинка на лицо ложится, тепло в сердце рождается, по телу расходится, и раздался спокойный, ласковый голос мужа.

– Не бойся меня, жена. Внимательно слушай. Не телом своим я к тебе пришел, а тенью. Тело в большом городе умирает, попрощаться зашел... Не бойся меня, единственная. Была ты хорошей женой, была ты хорошей матерью, да оставил я вас... Моя вина. На узелок судьбы твоей я, Анна, глянул, долгую жизнь ты проживешь. Многие раньше тебя из Среднего мира уйдут... Крепись, жена. Я ждать тебя буду, ждать...

Все слабее становится голос, затихает совсем... Уснула Анна.

Хорошо выспалась женщина в эту ночь, а утром развела третий поминальный костер. С удивлением глядят на нее дети.

– Сегодня отец ваш из нашего мира ушел, – объясняет Анна.

– Мамочка, может, ошибаешься ты? – с испугом спрашивает Марья.

– Нет, доченька, нет, милая, ушел он. Знаю я.

...Костер горит, прошлое озаряет, прошлое оживляет. Едет молодая девушка с отцом и матерью в соседнее стойбище на праздник медведя. На двух нартах едут, второй упряжкой Анна правит.

Легко бегут олени по наезженной дороге, мерно колышутся нарты. Чистота. Простор. Мелькают в глазах Анны белые шубы спящих деревьев, голубое небо, желтое Солнце. Светло и свежо на сердце девушки.

Бегут, бегут олени по серебристому снегу, но вот уже кажется Анне, что вовсе не бегут они, а летят. Летят над дорогой. Летят над лесом. Сколько света! Сколько простора! И запела, запела Анна слова из песни о юноше-богатыре:

Острых деревьев
Верхушки только
Нарты огромной
Краешком только
Он задевал.
Так он мчался...

Летит девушка над лесом, песню поет. И льются из памяти легенды о прошлом края, зримо поднимаются из небытия сильные и ловкие богатыри, что жили на первозданной земле. И тянется душа Анны в то далекое время, мечтает она вровень с богатырями стать. Поет Анна.

Мерно цокают оленьи копыта, показывается стойбище, опускается Анна на землю. И вдруг... совсем иные чувства на девушку нахлынули. Неведомый ветерок грусти повеял, мягким волнением ее обволокло, сердце предчувствием заныло. «Что будет? Что?»

Подходит Анна к дому. Громко и сладко бьется сердце. И только открыла дверь, тут же погрузилась в ласковое сияние глаз незнакомого юноши. Один лишь раз встретились их взгляды, но будто огромное Солнце домик заполнило. Пылают щеки девушки, в жар бросает, тихо сидит она, ресницы поднять боится.

Грустной вернулась Анна домой. Все чувства ее, что вольно бродили, в жгучий комочек собрались. Печально что-то, страшно девушке. Дни сменяются ночами, но не уносят они девичьей грусти. Мать беду чувствует, на дочь сердиться начала.

– Женихи ей не нравились... Где это видано, чтобы девушка сама выбирала. Вон твои сестры давно детей нянчат, а ты усыхаешь, будто морошка перезрелая, перед людьми стыдно.

Так выговаривает Анне мать.

Молчит дочь, сказать нечего.

– Морошинка соком наливается, чтобы во рту таять, людям, зверям радость приносить.

Так вторит матери бабушка. Молчит внучка, сказать нечего.

«Ну ладно, – думает она, – если кто еще посватает, пусть замуж отдают».

Не испросила ее судьба на этот раз. В ненастный, метельный день вихрем влетели в их стойбище нарты. Схватили, связали девушку ловкие руки и увезли из родительского дома.

Пылает костер, прошлое оживляет...

Вспоминает Анна свадебный обряд. А суженый ее – тот самый юноша, что взглядом одним девичью душу растревожил. Сидит разнаряженная невеста рядом с женихом. Народу вокруг много. Как-то страшно девушке перед новой дорогой в ее жизни.

Карыс нумсанг ханняхо – человек высоких мыслей – обряд вершит. Тайными словами да магическими кругами над головой свивает их в одно целое. Медленно двигается рука, усыпляя, успокаивая невесту. Хорошо и спокойно становится Анне.

И вот коснулась рука Ювана ее руки, и потекли, потекли в нее тепло, доброта, желания... Заполняется Анна, ласкается Анна. Тает. Радуется. Радуется Солнцу. Радуется жизни. А вокруг все озаряется сиянием любимого.

Горит костер; то там, то здесь бродит память Анны, и вновь вспоминает она молодость.

Возвращаются они с Ювaном из соседнего стойбища. Лето. Поздний вечер. Перемешались на цветущей земле лунное сияние с белой ночью. Призрачно и светло вокруг. Сливаются в оплодотворенной природе тишина таинства рождения жизни с вечерним покоем. Ни звука вокруг. Легко шагают молодые меж белыми пышными шапками багульника, меж трогательными лепестками морошки.

Насквозь пронизана Анна мягким светом, до краев наполнена она трепетным чувством. Идет женщина осторожно-осторожно, чтобы тишину не нарушить, чтобы цветы не помять. За мужем след в след ступает. Не поднимает Анна глаз от земли, а все вокруг ощущает, чувствует.

Подошли они к озеру, что среди хрупких сосенок да громадных кочек спряталось.

Остановился Юван, остановилась Анна. Остановились оба, пораженные величественным зрелищем. Огромная луна поднималась над водной гладью, вечное светило мироздания залило озеро эфирным светом, проложило на его поверхности серебряную тропинку. И в этом эфирном, серебряном мире совсем близко от них красовался белый лебедь.

«Калтась ангки яманг хур – матери неродившихся детей священный образ», – вспыхнуло в сознании Ювана.

«Калтась ангки яманг хур» – эхом повторило сердце женщины. «Нас ожидает отцовское счастье! Нас ожидает материнское счастье!» – в такт друг другу пульсировали их сердца. Молодые, сильные, очарованные чудным мгновением жизни, долго-долго стояли они, впитывая в себя эти краски, эти ощущения, эти чувства и посылая божественному Небу-отцу, священной Земле-матери безмерную благодарность за свое счастье и желая такого же счастья всем-всем людям Земли.

Юван и Анна ожидали первенца.

...Горит, горит поминальный костер.

ГЛАВА 6

Весна и голод набирали силу, а надежда на то, что кто-то приедет за ними, слабела.

Сегодня она проснулась от ужаса; тревога колотилась в сознание, перед глазами стоял сон.

«Из черной пучины вод во весь гигантский рост поднимается рыбина. У нее глубоко отпластан плавник. Из раны хлещет ярко-красная кровь. В этой рыбине все чувства человеческие. Она – человек. Она страдает. Мучительная боль поднимает ее из воды. Она ищет спасения. Но кругом мрак, сплошной мрак, только мрак. Нет спасения! Только боль...»

Проснулась Анна, небо чуть-чуть светилось. Рядом спали ее дети, и она опять, в который раз прислушалась ко сну каждого своего ребенка. Сегодня чье-то дыхание очередной бедой сверлило сердце, Анна села, обхватив колени руками, и, раскачиваясь из стороны в сторону, зашептала молитву. Затем, впервые не разжигая утреннего огня, погрузилась в думы. «Надо добыть пищу. Надо во что бы то ни стало добыть пищу».

Днем у Насты открылась рвота. Еще вчера девочка отказывалась от ягод. Она плакала и жалобно говорила:

– Наста мяса хочет, Наста рыбы хочет.

Сейчас желудочек у малышки был пустой, и ее рвало одной желчью. Анна пошла за своими последними запасами. Пока встречались белки, она охотилась на них и три тушки хранила для крайнего случая. Она долго смотрела на дно грузовых нарт, думала, затем взяла две белочки.

Много дней не кипел в чуме котел, сегодня голодные Петр с Настой следили за каждым движением матери. Дети не могли ждать, Петр ревел и тянул ручонки в кипящую воду, у Насты катились тихие слезы, она глотала слюну, ее рвало.

Анна опять тщательно делила пищу. Нужно накормить мальчиков и больную Насту. Старшим девочкам досталось по крохотному кусочку мяса, себе Анна не позволила даже бульона выпить: сегодня она наливала в котел мало воды.

Наста с жадностью ела, но ее тут же снова рвало. Дочка плакала и опять просила есть. Еды не было. Анна заварила чагу, давала девочке пить, но от каждого глотка дочке было плохо. Мать перенесла Насту к костру, положила свое дитя на спину и, чтобы откатилась мучительная рвота, подставляла свои ладони к огню, молилась, клала нагретые руки на детский животик, поглаживая его. Тошнота у девочки проходила. Но стоило Анне отойти от девочки, та вновь корчилась в судорогах.

Наста просила кушать, и Анна отправила Марью за последней беличьей тушкой.

Наступила ночь. Наста страдала, у ее изголовья, впитывая боль малышки, плакала Вара.

– Доченька, милая, иди спать, я посижу, – просила мать.

– Не могу я без нее, не могу, – рыдала Вара. Наста просила и просила кушать. Анна смачивала ее губки бульоном, но даже от запаха пищи девочку стало рвать. К утру Наста начала метаться и кричать. Дети проснулись. Анна держала дочку на руках, раздела ее донага и тянула голенькое тельце к Тут-имие. На мгновенье Наста успокаивалась, но тут же с очередным приливом судороги ее ротик заполнялся слизью, пеной. Дочка задыхалась.

Изо рта хлынула ярко-красная кровь. Девочка захлебывалась в крови, ее личико синело.

Наста истекла кровью. Ее мучения кончились.

На кладбище Анна пошла одна. Поклонившись на все четыре стороны света, попросив прощения у всех богов, она принялась рыть могилку для Насты. Тщательно исполняя похоронный обряд, она боялась, как бы Наста не пришла за Варой, не взяла ее с собой в Нижний мир: они в этом мире будто две жилки, в одну свитые.

Тщательно рисует Анна на детском гробике месяц, Солнце.

– Хорошо там Насте будет. И месяц она с собой берет, и Солнце она с собой берет.

Она обращалась к Варе, которая сидела, будто замороженная, с выражением ужаса на лице.

– Куколок много у Насты, там Татье покажет, вместе играть будут, – продолжала мать, укладывая все необходимое для дальней дороги.

На могилке, в момент прощания с девочкой, Вара не сдержалась, стала плакать и кричать. Ее голос разлетелся во все стороны, бился о деревья, усиливался, возвращался назад. Заплакали и другие дети.

Анну охватил страх, над умершими нельзя плакать. Она прижала к себе головку Вары и стала шептать:

– Терпеть, доченька, надо, терпеть. Нельзя плакать, Насте уходить больно. Не о себе, о ней подумай.

Вара старалась сдерживать плач, глотала слезы, и ужас вновь наползал на ее лицо. Казалось, девочку покидает разум.

Костер в этот раз был больше обычного. При возвращении домой Анна взяла самое большое, ярко горящее полено, положила поперек дороги с живой сосновой веточкой. Уходя, как можно строже, чтобы умершая не захотела вернуться за душами живых, сказала:

– Наста, оставайся, не ходи больше за нами!

Внимательно наблюдала мать, чтобы каждый из ее живых детей правильно переступил через живой огонь, сосновую веточку, тем самым отгородился от Нижнего мира, мира мертвых. Она не хотела больше терять детей.

Духи болезней поселились в их чуме. Необходимо было уходить с этого места. Сразу после похорон Анна и Марья стали разбирать жилье. Нагрузили три нарты. Анна пыталась тронуть их с места, но сил не было. И только когда к Анне впряглись и все дети, поклажа медленно поехала. Голодные, ослабшие, они тащили свои пожитки с этого проклятого места. С Анны лил пот, голова кружилась, к горлу подступала тошнота, руки и ноги дрожали. Но она тянула, тянула и тянула... Оттащив одни нарты, возвращалась за вторыми, за третьими... И вдруг в глазах Анны потемнело, деревья вокруг заплясали, она рухнула на землю.

Очнулась Анна от холода, от плача и от того, что кто-то царапал ее. Она открыла глаза, увидела заплаканную Марью. Стояла светлая ночь, горел огонь, в котле кипела вода.

Увидев, что Анна приходит в себя, Марья обняла ее, прижалась.

– Мамочка, мамочка, как ты меня напугала. Девочка помогла матери подняться, а потом отошла, села под дерево и горько заплакала.

Светили тусклые звезды, горел костер. Перед лицом Вселенной, на ладони Всеобщей Матери сидели голодные дети, рыдала девочка, и Земля, такая же беспомощная, как все, глотала и глотала слезы.

Перенесли жилище, но старания Анны оказались напрасными. Нарушен закон Жизни. Вара постоянно слышала голос и плач покойной. Наста звала сестру.

Боги не простили ее. Вару похоронили рядом с Настой.

Анну мучили кошмары, она почти не спала. Но только стоило закрыть глаза, тотчас к ней приходили муж, дети, прошлое, душили ужасы. Дети во снах замерзали, тонули, теряли руки, ноги, головы, рассыпались на части. Она их отогревала, спасала, собирала из кусочков.

Не сдавалась женщина.

Вслед за Варой занемогла Катерина.

Мать снова склонила голову. Смотрела на опухшее от голода лицо дочери, и в ней поднималась ненависть, сжимались зубы и кулаки.

– Ненавижу! Ненавижу! – грозила женщина всему миру.

– Нет! Не отдам! Не отдам дочь! – обращалась она к Нижнему миру, готовая зубами, ногтями впиться в любую тварь, что повиснет над изголовьем дочери. Но твари не появлялись, и она в кровь искусала губы и сжатые кулаки.

Ненависть, отвращение к миру, отвергающему ее детей, однако рождали силы. Надо действовать.

– Доченька, только не уходи от нас. Я добуду, добуду пищу, – повторяла Анна.

Она взяла лук, стрелы, ушла в лес. В горле застрял огромный горячий ком. Равнодушный лес. Равнодушное небо. Равнодушное Солнце. Ком растет; давит, давит, рвет на части. Анна не может просто идти, она бежит...

«Поплакать, надо поплакать», – думает женщина. Не идут слезы. «Надо петь, петь!»

По лесу бежала страшная, черная женщина, с провалами вместо глаз, щек и хрипела:

Я – красавица,
Дочь Максюма из рода Похранг,
Горя не знала,
Жила.
Беды не знала,
Жила.
Сильнее сильного,
Красивее красивого
Мужчина-богатырь
Меня сосватал.
В счастье и радости
Восемь птенцов в нашем гнезде
Вывели, вывели...
Но друга взяли
И увезли, увезли.
В гнездышке одиноком
Птенчиков
Уж не прибавится, не прибавится.
В гнездышке одиноком
Птенчиков
Лишь убавляется, убавляется.
О! Боги священные!
Вы ль так решили,
Вы ли решили...
«А вы ли решили?» – думает Анна.

Вернулась женщина с добычей. Устала она. И тогда в лесу ее обостренный слух и обоняние одновременно уловили шум, движение и даже запах живого. Это был заяц. Не зря носилась возбужденная женщина за несчастным зверьком.

Появилась пища. Накормила Анна детей, прилегла рядом с Катериной, обняла ее и тотчас уснула. Снится мрачное, сырое жилище и... прилетают уродливые из пыли и праха скомканные чудовища. Они более омерзительны, чем опасны. Тычут корявыми пальцами в людей и считают, что те тоже из их рода-племени, забрать их с собой хотят. Не боится Анна. Знает, что легко от чудовищ избавиться можно. Великая сила в простом слове человеческом, от него рассыпаются уродцы. Подходит Анна к каждому и повторяет слово: «Исчезни!» Исчезает чудовище. А в дверь ползет новая и новая мразь.

Тогда растопыривает Анна все десять пальцев рук, направляет их в сторону страшилищ и говорит: «Все рассыпьтесь!» Все рассыпались.

Пыль, пыль вокруг. Широко распахивает женщина двери, а на Земле новый день рождается. Солнце из-за зеленого леса поднимается.

Проснулась Анна. Рядом ровно дышит девочка. Спасла Анна Катерину, спасла, а там и еды стало вдоволь. Утки прилетели, рыба появилась. Уток навесами ловили, что девочки наплели, а для рыбы морду[71] сплели да речушку перегородили. Сытой стала жизнь, даже запасы на зиму готовить принялись.

Сытой стала жизнь, заскучали ее детки. Плохо человеку без людей, плохо деточкам без ровесников. И тогда начала Анна петь. Рыбу ловит – поет, варит – поет...

Поет Анна, и рушатся стенки ее жилища, входят в него века прошлые и века грядущие, идут сражения, кипят страсти, рождаются и умирают люди, поколения сменяются поколениями.

Поет Анна – и входят в ее дом веселье и задор, таинства и поучения. Верит, верит женщина: наступит пора, и ее выросшие сыновья обязательно исполнят предками завещанные ритуалы, придет на землю Казыма праздник.

[71] Морда – рыболовная снасть.

Проходит лето. Поет Анна. Слушают ее трое детей, Петр ушел. Из сытой жизни ушел Петр. Красная-красная, ярко-красная морошка проглотила ребенка. Много ее в этом году уродилось. Не в меру наелись сынки недозрелой ягоды, вспучились их животики. Сражалась с болезнью женщина. Все свои силы, чувства, всю себя собрала на кончиках пальцев, которыми мяла и мяла животики.

Каждую морошку растирала, каждое зернышко растирала. Спасла Анна Степана, а для Петра сил не хватило.

Поет Анна и думает: «Жизнь, что деревья на берегу речки таежной. Кто у обрыва очутился, в воду канет. И старые падают, и молодые, не разбирается река, не разбирается судьба...

Но речку... кто же ее бурные воды в ее тихое гнездышко повернул? Кто?»

Осенью, со снегом, в стойбище пришла радость. Приехала старшая сестра Анны с шестнадцатилетним сыном Сандром и слепым старцем Кузьмой. На трех нартах приехали, да еще оленей на три упряжки. Муки, соли привезли.

Не узнавала Марфа горделивую красавицу Анну, перед ней стояла совершенно седая старуха. Целовались, обнимались и плакали сестры.

– В прошлом году вас искали, да весна ранняя наступила, реки вскрываться начали... – бормотала сквозь слезы Марфа.

– И нынче долго искали, хорошо, что старый Кузьма эти места знает, с нами поехал, а то неизвестно, нашли бы вас или нет.

– А Дарья, где Дарья?

Беда с Дарьей. С ума сошла. Совсем случайно между Вутвошем и Помутом ее нашли почти голую, пятки и пальцы из кисов торчат, сах в клочья изодран. Бежать от людей пыталась, проклятия изрыгает. Все одно и то же твердит, что людоедка Анна всех ее детей сожрала, что Торумлорский великан каждую ночь к ней приходит – жалуется, что чьи-то ноги его живое сердце топчут...

Детей ее долго искали, так и не нашли никого.

– Бедная, бедная женщина... – вздыхает Анна. – Большой волк за ними гнался. Наверное, на глазах матери птенчиков загрызал.

– Бедная, бедная... – вздыхает Марфа.

– А про Торумлорского великана она слышала, когда мы еще в тундре кочевали. Священный остров, что посреди озера Торумлор находится, как сердце великана почитается, испокон веков женская нога туда не ступала. А в ту весну приехали к ним начальники, народ собрать просили, хорошо говорить думали. Да пошла их женщина на священный остров, ружьем там размахивала, ругалась. Кто такое поганство допустит, убили женщину... Так и развязался узел большой беды...

Уезжали на пяти упряжках. В прошлое уходила грозовая полоса жизни Анны.

Бегут, бегут деревья назад, к оставленной стоянке, и слезы утраты заливают лицо женщины. Видит Анна живых своих деток, и слезы счастья льются из ее глаз. Гордость охватывает, что сохранила, что все-таки сохранила она троих.

Сегодня она уходит в Нижний мир. Сорок зим без него прожила. Сорок лет без него прожила в Среднем мире. Спокойно Анне.

НАКОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА

Накова Юлия Николаевна родилась 13 января 1968 года в семье оленевода-рыбака в п. Катравож Приуральского района Тюменской области.

В 1991 году окончила Тобольское училище культуры им. Алябьева, в 1998 году – Российский государственный университет имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге и в 1999 году – Тюменский институт искусств и культуры. С 1998 года работает в Окружной государственной телерадиокомпании «Ямал-Регион». Автор телевизионных циклов «В глухариных зорях Сыни», «В светлом лике новолунья», «Снег», «Путешествие к Югорскому Солнцу», «Обнимая Солнце…».

Печаталась в журналах «Северяне», «Ямальский меридиан», «Мир Севера», в венгерском журнале «Большая жизнь», в газетах «Красный Север», «Лух авт», «Ханты ясаӈ», «Слово народов Севера».

Повесть «Когда улыбаются звезды» и цикл эссе «Утро пахнет Рекой, или Путешествие к Югорскому Солнцу» переведены на венгерский язык.

Ю. Н. Накова руководствуется в жизни девизом: «Радуйтесь жизни… Смейтесь от счастья… Улыбок не прячьте… назло всем несчастьям… Живите, любите безумно и страстно… Грустить не спешите… ведь жизнь так прекрасна…»

Живет в Салехарде.

ВИДЕЛО НЕБО, И СЛЫШАЛИ ВОДЫ ПОР-АВАТА И НЕВЫ

«Великий маршал Победы» – так называют в народе Георгия Константиновича Жукова, выдающегося военачальника, четырежды Героя, Маршала Советского Союза. Он говорил: «Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. А народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе».

Многие мирные весны прошли с той поры, как были сказаны эти мудрые слова, которые глубоко трогают память и наводят на размышления о ценности мира на земле и о том, как война жива, жива в нашей общей человеческой жизни. У одной из моих прабабушек фамилия была Нева. Природа была к ней благосклонна и щедро одарила. У неё рождались не раз дети-двойни. Из-за чего в народе её называли Еманг ими, что метафорично с ханты языка можно перевести как Мощью силы деторождения наделенная женщина. Когда я была маленькой, думала, что она с берегов Невы, раз у неё такая легендарная фамилия. А после я сама оказалась в этом городе -герое Ленинград, в Санкт-Петербурге, и у священной Невы. Когда я смотрела в её воды, у меня было чувство, что и моя прабабушка здесь, раз она и есть Нева. Теперь у моей семьи есть традиция: бывая в этом городе-герое, в эти святые воды мы бросаем монеты в знак приветствия и с Рекой, и с моей прастарицей, а еще в знак памяти тех людей, кто защищал нашу Родину и навсегда остался погребенным в этих землях и на Пискаревском кладбище. Из рассказов своих родственников знала, что этот город защищали от войны многие мои соплеменники-ханты, а среди них прадед моих детей Лазарь Антонович Наков, который, как многие защитники, защищал блокадный Ленинград и выстоял средь голода и войны. Его нет в живых, но память о нем жива в его родовом селении Пор-ават и его жизнь продолжается в его внуках и правнуках.

…Мирный майский салехардский вечер… Отец и сын рассматривают пожелтевшие от времени фотографии. Светло-русый мальчуган, с зеленью в глазах, пухлым пальчиком тычет в одно фото и спрашивает:

– А это кто в гимнастерке военной?

Отец присмотревшись, отвечает:

– Это твой прадед Лазарь. Его душа, по нашим ханты поверьям, поселилась в тебе, когда ты пришел на эту землю.

– А это, как и почему он так одет, он на войне был?

– Да, конечно, он защищал нашу родину от фашистов…

Малыш никак не мог угомониться со своими «почему», а в это время Великая Обь, как и много лет назад, после ледохода расправила свои воды по шикарному телу предлетней земли. Если б она могла говорить, то рассказала удивительную историю, полную счастья, трагизма и большой Любви, и в это время ей вторили бы торжественно-белые дальние горы Полярного Урала, потому что они тоже свидетели тех событий…

Давно-давно Творец этого мира определил в предгорьях Урала, вдоль Оби и её притокам каждому ханты роду свою территорию. И вот при слиянии Большой и Малой Оби, на крутом изгибе, издревле расположилось красивейшее селение с дивным названием – именем Пор-ават. Это земли трех родовых братьев:

Ямру, Наковых, Родямовых. Имя родной земли навечно вписалось памятью времени в их общеродовое имя Пор-ават Ёх, что значит Люди Пор-авата, Мужчины Пор-авата. До сих пор на возвышенности селения стоит их мощный и непоколебимый временем охранитель территории, покровитель хозяев этих земель – Еманг Нангк – Священная Лиственница. Отсюда родовые братья каслали со своими оленьими стадами по весенним снегам к горным кочевьям, а когда земля надевала новый снежный наряд, возвращались. Среди братьев рос светло-русый, с зеленью в глазах, крепкого сложения мальчуган Лазарь.

Не раз вешние воды омывали его лучистое селение талыми снегами. Отсюда, с Пор-аватских холмов, маленький Лазарь вглядывался в теплые дали, где просыпалось великое северное солнце. Его тепло вбирала дикая малина, которую он собирал с бабушкой на светлых склонах селения. Отсюда он наблюдал, как его дядья, дед и братья перегоняют вереницы оленьих обозов в сторону, где засыпает северное солнце весной. Тогда он еще не знал, что в будущем он станет лучшим знатоком этих долгих горных и речных путей и будет главным управителем оленного мира своего рода Пор-ават Ёх, а еще и большого колхозного оленьего стада.

Годы белокрылой птицей пролетели над осенями, зимами, веснами, летами детства… Время еще более добавило зелени в глазах, силы в мышцах, и теперь он уже сам заменял старших во время кочевий. Как-то весной по просьбе отца Лазарь заехал в селение Кельчи Ас, что значит Река рода Кельчиных. Когда его оленья упряжка поднималась в гору, то навстречу попала кареглазая девушка. Улыбаясь ему, а может быть дню, она шла по весеннему насту. Кисти большого платка развевались при ходьбе, а украшения на косах издавали звуки в такт её шагам, а может быть в такт биения её сердца. Это тайна… Её улыбающийся взгляд Лазарь запомнил навсегда и после пронес через всю жизнь. Он вошел в его сердце и тронул самую главную струну в душе. Так вместе с первой весенней капелью в жизнь молодых людей пришла Любовь, высокая, как Небо, и чистая, как роса. Настя, Настасья, Настена, Анастасия – так звали главную тайну-весну его жизни. Прежде Он никогда её не видел, но был наслышан о красоте её сердца, ума и глаз. Слышал о её умении орнаментировать жизнь вокруг добром, её рукам все подчинялось и поэтому ладилось. Отсюда, с земель рода Кельчиных, он забрал её в свои урманы Пор-авата, и там перед святостью родовой Лиственницы они скажут друг другу самые важные и главные слова в жизни.

Пройдет время, и придет новый, ясный день июня, и однажды при кочевье через ущелье, в унисон с летним щебетом птиц, горы услышат голос ребенка. Светлоглазого первенца назовут Юхур, что значит Егор по-русски. Это было время большого земного Счастья этой семьи. Оно смущенно радовалось в их берестяном летнем чуме, оно нежилось в детской колыбельке, оно вшивалось в орнамент одежды, обуви, Счастье жило с ними: в дыхании оленьего стада, в ранних росах и первых снегах. Счастье топало шагами их первенца Юхура, улыбалось нежностью рассветов и перед сном целовало переливами красок горных закатов. Цветочные лета сменялись рябиновыми осенями, звездные зимы лебедиными веснами. У молодой пары родился ещё сынишка со цветом глаз озер.

А после – война, как дикий зверь, ворвалась в жизнь семьи, в жизнь их стойбища, в жизнь большой страны. И вот они все вместе стоят перед Священной Лиственницей, она видит все, хочет скрыть и защитить под своей сенью, но ветер военных перемен времени ждет Лазаря на берегу Пор-авата, потому что он вместе с родовыми братьями должен ехать защищать свой дом, свой мир семьи, мир своей земли от войны.

Перед тем как оттолкнуть лодку-колданку, Лазарь крепко обнял сыновей-несмышленышей, тронул губами их носики и взглянул на Настасью. По ханты обычаю на её лице не было предательски выкатившихся слез, они глубоко внутри. В её умных, самых прекрасных глазах в этом мире он прочел затаившуюся боль расставания и большую надежду на встречу. Он смотрел в эти любимые глаза и молча пообещал, что вернется, обязательно вернется, потому что его ждут. Это прощание слышали осенние воды Пор-авата, они тоже были печальны, это прощание видело бесконечно Великое Небо… Тогда они еще не знали, что не война так страшна, которую они боятся, а людская подлая молва имеет страшную силу разрушения.

Война, испытания, горе ярко проявляют и четко высвечивают в людях слабые и сильные стороны. Многие оленеводы и охотники во время войны были хорошими стрелками, и Лазарь тоже. Их умения использовались и в снайперском деле. Терпеливо выжидать противника, как зверя, умение обращаться с оружием, природное внимание к изменениям в природе и в окружающем мире, их тактические навыки очень пригодились во время войны и порой были делом спасения жизни многих. Лазарь, как и многие его однополчане и жители Ленинграда, оборонял город, спасал из разрушенных войной домов детей и взрослых, собирал замерзшие на улице трупы людей, хоронил умерших от голода и бомбежек. Ночами

и днями ужас войны присутствовал. Сквозь боли и мучения людей, слезы умирающих от голода детей Лазарь видел разрушенный мир его страны и поэтому, как и многие его однополчане, беспощадно бил врага, приближая Великую Победу. В одном из боев немецкий снайпер попал ему в палец руки и раздробил оружие, после госпиталя Лазарь долго искал его в прицеле своей винтовки и все-таки нашел, и стали они квиты…

И однажды, ярким днем золотой осени, он вернулся победителем к родным берегам Пор-авата. Шинель он нес в руках, потому что на груди у него была медаль «За отвагу». Он все выше и выше поднимался в лиственничную гору селения. Время еще было военное, все работали на войну, и его Настасья тоже. Мужчины еще не все вернулись, потому женщины заменяли их в оленеводстве. После радостных объятий встречи с родственниками, после поклонения Священной Лиственнице, были долгие разговоры о самом главном, вожделенном – о жизни после войны. Лазарю было непривычно слышать тишину мира, слушать плеск речной волны Пор-авата и шелест листьев. Ему для полного ощущения счастья хотелось видеть милые глаза Настасьи и сыновей. Он собрался ехать за ними в предгорья, был счастлив, предвкушая встречу. Наутро, заехав в поселок, чтоб отметиться о прибытии, злые языки, задолго до войны завидовавшие их с Настасьей счастью, поспешили донести, что его, солдата-победителя, никто не ждал с войны и что его второй сын с озерным цветом глаз умер по легкомысленному недосмотру матери.

Что в этот миг испытал солдат? Солдат, который выстоял вместе с городом, который хотели стереть с лица земли, который видел земной ад, солдат, который из ужаса войны спасал детей, женщин и стариков, он научился быть беспощадным к врагу, но в душе даже война не разрушила нежность чувств, которые он испытывал к Настасье.

Вот он идет по родной земле, которую он любит самыми сокровенными, святыми чувствами, а над ним смеются. Вскипела в нем кровь, и обида, и боль предательства переполнили сердце и затуманили разум. Он не поехал за Настасьей, а передал через людей, чтоб она возвращалась к себе домой. Так они расстались навсегда… Поэтесса Юлия Друнина пишет:

Мы порой чужих впускаем в душу.
В дом, построенный таким большим трудом…
Как легко чужим наш дом разрушить,
Как строить трудно новый дом.

После он забрал сына у Настасьи. Она не раз за ним приезжала, но, по ханты обычаю, мальчика ставили за центральным шестом в чуме, который нельзя – табу – переходить женщинам, и она оставалась, жалкая, стоять у входа. Умоляющими глазами она смотрела на своего Лазаря, но это был уже другой, чужой человек, который слушал всех, но не хотел слышать её. Он разлучил её с сыном, и она, поверженная и согбенная этой болью предательства, уехала навсегда с этих земель. Это видело Бесконечное Небо и слышали снеги, они разделяли её боли, но в лабиринтах, в хитросплетениях человеческих отношений они не могли помочь.

После расставания он был уверен и его мужское самолюбие ожидало и надеялось, что Настасья еще не раз приедет просить прощения в слезах. Он ждал белоснежными зимами, он ждал с первыми проталинами, он ждал её летними росами, он ждал её с улетающими на юг журавлиными песнями. Когда уставал ждать, то, перегоняя стадо через Обь, он не раз ехал за ней вновь и вновь к берегам Кельчи Ас. Наверное, унижения и позор, в которые он поверг её, выжгли в сердце Настасьи все добрые чувства к нему, может, боялась еще предательства, а может, по совокупности всех обстоятельств не вернулась, как бы он её ни умолял. Наверное, любимым людям можно и нужно прощать все, даже самое подлое, гнусно-мерзкое предательство. Только любимыми они вновь уже не могут стать никогда… Так получилось и в жизни Лазаря.

После он стал бригадиром большого колхозного оленьего стада, были хорошие жены и очень хорошие, но такой, как Настасья, больше не было для него в этом мире. Он жаждал и искал с ней встречи. Лазарь часто видел её во сне, идущей по первому снегу, но не к нему, а от него уходящей. Память хранила и создавала вновь и вновь её улыбающийся образ, когда она баюкала их сыновей в их наполненном летним счастьем чуме. Тогда он понял, как хрупок этот мир и без войны и как зыбко Счастье.

Время – это лучший прожектор, лучший светильник в лабиринтах наших человеческих чувств и поступков. Оно ставит все на свои места, а после оказалось, что Настасья была оговорена, оклеветана. Ребенок, их второй, сын действительно умер, но умер он в горах от болезни, во время долгого каслания, там нет врачей, и помочь ему было невозможно. Он, Лазарь, понял поздно, что не все люди одинаковы, что обычная людская зависть очень коварна и беспощадна, как пуля на войне. Зависть не простила бла-

гополучия в его доме, завидовала уму, умениям, красоте Настасьи и что её муж пришел живым с войны и многое другое. Настасья была виновата лишь в том, что все это было в ней и у неё. Она была мудрой, терпеливой и проницательной женщиной, поэтому знала, что её сын обязательно, обязательно будет с ней и с отцом. Так оно и вышло. Юхур помнил свою Маму, он приезжал к ней, это были незабываемые встречи. Всю свою материнскую нежность любви она вшивала в орнаменты его одежды, а он привозил ей белые платки с кистями и без кистей, потому что именно такой белый платок когда-то с войны ей привез его отец Лазарь, но так и не смог подарить.

Прошло время, вырос их общий единственный сын Юхур, который, как и отец, стал бригадиром большого оленьего стада, которое он перегонял через мамины земли. Когда выпадали новые снега, Настасья знала, что её Юхур возвращается с гор на зимние земли, в ожидании сына она пекла ему круглые хлеба и клала ему в дорогу. Как-то Лазарь увидел один из таких хлебов, по запаху понял, что это хлеб его Настасьи, такие же она пекла еще до войны. Держа его в руках, он будет мысленно просить прощения у сына, что осиротил его при живой матери. Он смотрел на этот круглый хлеб и чувствовал тепло её рук, которые умеют творить в этом мире святость. После он будет не раз говорить сыну и внукам, что не война страшна, а еще страшнее людская подлая молва. Он позволил ей завладеть его сердцем, разрушить его дом, мир его любви, осиротить сына и этим сделал несчастной самую дорогую сердцу Настасью.

Очень часто с высоких холмов Пор-авата он смотрел вдаль, будто хотел увидеть земли Настасьи. Как она, с кем она? Весеннее небо как хрустальный купол, в нем ясно слышен звонкий звук жизни, и вдруг этот звон превратился во внутренний рев, потому что плакала земля: красавица Настасья её покинула…

Он тосковал по ней все оставшиеся годы. И перед смертью Лазарь вновь скажет сыну: «Не впускай в свой мир чужих, не предавай свои светлые чувства на растерзания своре сплетников, не позволяй растаптывать святость в тебе». Он уходил в Небо в ожидании, что он обязательно там, высоко, в этой голубой бездне встретится с ней и уже никто, никто их не разлучит, потому что там все святое…

…Мирный майский салехардский вечер… Отец и сын рассматривают пожелтевшие от времени фотографии. Светло-русый мальчуган, с зеленью в глазах, пухлыми пальчиками гладит фото и целует. Теперь малыш он знает того, кто в гимнастерке военной, и знает, что в нем сила жизни, энергия его прадеда-победителя – Лазаря Антоновича Накова, который защищал свою Родину, потому что любил.

Скоро, очень скоро человечество будет отмечать 70-ю весну Великой Победы. Легендарное поколение победителей, которое добыло для нас Великою Победу, уходит, а память остается, время бессильно пред ней. И прав «Великий Маршал Победы» Георгий Жуков, сказавший: «Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. А народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе». И это живо и сегодня, потому что жива память…

КОГДА УЛЫБАЮТСЯ ЗВЁЗДЫ...

Шел путник...

Раннее мартовское солнце, заняв свой трон на небосводе, играло на снегах наступающей весны, перекрашивая их белизну в разные краски. В это время молодой месяц, выгнувшись спинкой прекрасного горностая, радуясь своему росту, разглядывая земного путника, весело улыбался с небес... Человек в темных одеждах сначала шел медленно в проснувшемся утре наступающего дня. Взгляд был устремлен вдаль, в ту даль, где виднелась седая шапка каменного великана Кев Йир. В нем любопытный месяц разглядел молодого парня. Когда путник щурился от яркого солнца, его глаза сияли, излучая внутренний свет. В целом в облике человека можно было увидеть и печать трагедии, и нескрываемое свечение радости от встречи с новым и очень долгожданным моментом жизни – свободой...

Человек шел, шел и шел, иногда останавливался, разглядывая окрестности, смотрел на небо, гладил взглядом синь родных заснеженных земель и рек. Временами он снимал свою шапку-ушанку и слушал. Слышал каждый звук, каждый шелест, трепет ветра, переходящий в мелодию родной земли. Он вдыхал свежесть снега, слышал его скрип под ногами и был твердо уверен, что земля, его породившая, так же ждет в свои щедрые объятья, как могла бы ждать его Мама. Он шел и шел, а его путь сопровождали два вечных странника, живущие на небосводе, – яркое весеннее Солнце и подобный белому горностаю молодой Месяц. Человек уходил все дальше и дальше, в новую свою жизнь, но страшная тяжесть неволи, скрепленная печатью памяти, непрошеным наглым гостем врывалась во вновь обретенную свободу...

В страшный день суда после объявления приговора, казалось, всю земную твердь и окружающие воды взяла в плен беспросветная сила тумана. На маленьком катерке он отплывал от берегов родного се-

ления. Мелкий колючий дождь осени покрывал палубу судна, ложился на защищающий человека от непогоды суконный гусь. Сквозь пелену тумана и дождя он пытался разглядеть берег родной реки, который, теряясь и исчезая из виду, также промокая насквозь, провожал его в неизвестность. Рассматривая его густоту и насыщенность, он подумал: «А может быть, я больше не вернусь, раз туман застилает мне путь и родные места?» Мокнущие под дождем последние дрожащие листочки пытался сорвать с деревьев грубой силой ветер осени. В этом молочном покрывале ему казалось, что вселенский туман окутал все: небо, землю, сердца и разум людей. Туман сильнее и сильнее, торопливыми объятьями пытался закрыть глаза всему миру. И никто, кроме самого юноши, никогда и не узнает, как рыдало, словно раздираемое волчьей стаей, глубоко внутри его сердце и как скупые мужские слезы его растерзанной, растоптанной злосчастным случаем души застелют этот день жизни.

...В такие тяжелые дни независимо от возраста человеку всегда не хватает Мамы. Прикосновение ее нежных рук, гладящих его жесткие черные волосы, прятал он от всего мира глубоко внутри своей памяти, всегда хранил в «иконостасе» души. Это самые сокровенные моменты жизни.

В пору его военного детства, когда большая-большая вода залила всю округу, в месте, называемом Куртвол, что находится в протоке Сорам Ас, на возвышенности стояло много берестяных чумов. Кроме их семьи неводить для дела Победы остались многие оленеводы. Бригадиром среди промышляющих неводом был старик Рускаламов. Рядом стояли чумы Василия Реври, братьев Кондыгиных, Александра и Афанасия, и еще многих других. Военное время требовало от людей выполнения плана по вылову рыбы. Когда изнуренные за целый день на солнцепеке рыбаки подъезжали к берегу, то специально назначенный человек проверял добытое за день, и если не хватало установленного вылова, то лодку тотчас отталкивали от берега без разговоров до выполнения экипажем определенной войной нормы.

В недолгие минуты отдыха, когда Мама была свободна, маленький Акка очень любил ходить с ней на морошковую поляну, на их нюром[72]. Эти краткие, отпущенные свыше мгновения щедрого сыновьего и материнского счастья будут согревать его на пути многих жизненных холодов. Именно там, на этой морошковой поляне, узнал, что в пору месяца ледостава на Оби, днем, освещенным выпавшими снегами, родился он первенцем в семье своих молодых родителей Хорасангху Унтри и молодой, хрупкой Наталь Пораватнэ, которая была сосватана в Лиственничном селении, что на Большой Оби. Имя Акке досталось от прадеда Атэлыйи, что в переводе с ханты языка – старец, дед. Но его мама Наталь вкладывала в это имя свое понятие, свой материнский смысл: ее младенец, ее малыш, ее долгожданный первенец очень похож на маленького несмышленыша олененка окка, особенно когда тот встает на еще не крепкие, дрожащие ножки и делает первые шаги по земле своих предков. Как и маленький олененочек окка, Акка лез везде, куда не разрешалось, но ласковые, самые добрые в мире руки Мамы заботливо оберегали его. Позднее именно здесь, на любимой Маминой морошковой поляне, ее руки нежно стряхивали и убирали с его лица налетевшее комарье, будто она хотела защитить сына, своего дорогого первенца-птенчика, не только от полчищ гнуса, но и от многих внезапно врывающихся бед. Когда поправляла его платок, который покрывал не только голову, но и спину, ласково смотрела в глазки своего несмышленыша сына, глядела, словно внутрь его и будто хотела что-то сказать или от чего-то предостеречь.

– Оми, омии, ты что-то хочешь спросить?

– М… м... нет, нет, сыночек, просто смотрю и радуюсь, что у меня есть такой помощник...

Ее длинные, черные, как смоль, подвязанные для удобства к поясу косы, по-хантыйски были переплетены тесемками красного цвета, и при ходьбе металлические украшения издавали мелодичные звуки. Образ Мамы сливался в его детском воображении с понятиями добра и счастья. Еще тогда, в свои младенческие годы, он понял, что у его Мамы самое лучезарное лицо в этом мире. Неважно, светит солнце или нет, а оно всегда сияет и излучает необычный внутренний свет, щедро переполненный только маминым свечением любви и ласки. Гладя сына рукой и лаская взглядом, она сорвала несколько янтарных ягод и поднесла к его ротику:

– Скоро, очень скоро, сыночек, птенчик мой, кончится эта большая беда, и жители нашего становья вновь пересядут из лодок в нарты. Жизнь для осевших в поселках потечет по мирному руслу, а мы вновь вернемся в свой оленный мир.

Она задумчиво смотрела куда-то вдаль, будто пыталась что-то разглядеть, при этом продолжая гладить его по голове и по расправленному на всю спину платку.

На эту любимую его Мамой янтарную поляну маленький Акка будет приходить не раз с двоюродным братом Иосифом собирать наполненную соками земли морошку, цвет и свет которой, несмотря на прожитые годы, всегда будет напоминать сияние Маминого лика...

[72] Нюром – открытое место.

Это самое дорогое его сердцу место на земле. Память будет не раз возвращать его сюда златолиственной осенью, белой зимою, в пору первых капелей и морошковым летом. Именно здесь жизнь качала его в колыбели познания счастья, и здесь же он понял уязвимость и зыбкость этого мира...

В пору сильных морозов, в месяц длинных ночей в их наполненное Маминым теплом зимнее стойбище вползет невидимый, скрытый от человеческого взгляда призрак смерти. Уродливыми лапами он разорвет целостность мира семьи и заберет в свои объятья Маму, самого дорогого на земле человека, умертвит ее плоть и душу. В тот страшный день превосходства тьмы над светом в его беззаботный детский мир ворвется бесприютное, безжалостное сиротство, которое безутешно покроет слезами жизнь ребенка...

Солнце молодой весны уже успело согреть его телогрейку. Молодой человек все шел и шел, любуясь до боли родными местами. Вдруг навстречу ему из-за тальникового островка выехали два всадника – мужчины в шапках-ушанках со звездами. Юноша вздрогнул. Незнакомцы недоверчиво оглядели путника, представившись, попросили документы. Молодой человек, расстегнув две верхние пуговицы поношенной телогрейки, вытащил и протянул самые важные в его жизни документы. Удостоверившись в их подлинности, люди в полушубках спешились, один из них вытащил портсигар и предложил закурить. Юноша отказался. Они спросили, в какую сторону он держит путь и ждет ли кто его. После непродолжительного разговора всадники вновь сели на коней, пожалели, что им не по пути, и разошлись – разъехались.

…Старые скрипучие доски нар, будто не выдерживая тяжести мыслей и участи их хозяев, издавали стонущие звуки, скрежет сердечной боли многих обитателей тюремного барака. Рассвет медленно, как младенец, не понимающий меру дозволенного, вползал по бревенчатым стенам, играл лучами на испещренных морщинами, изнуренных непосильным трудом лицах людей. В глубине этого большого длинного дома, который стал свидетелем жизни его невольников, не спал лишь Акка. Уже вторая весна из его девятнадцатилетней жизни будит его в ранний час своей веселой капелью в стенах промерзающего насквозь барака. Его мысли, его молодое желание жизни уводили в родной оленный мир, на берега своенравной горной Соби на Полярном Урале, где он, Акка, как и многие его сородичи, до появления этой большой «501 стройки», стройки века, жил древним ритмом жизни, определенным свыше его народу. Мысли, как предгрозовые облака, находили одна на другую. Новые снега два раза покрывали землю своими белыми одеяниями в пору его невольничьих лет. Ему казалось, что, кроме него самого, боль и сожаление о том, что не его тропа касалась первого снега, молчаливо и терпеливо разделяло только время. Оно являло собой веру, большую веру, что обязательно – обязательно где-то там, «вверху», разберутся в том страшном деле, которого он не совершал. Лежа на стонущих от времени и бремени нарах, он наблюдал, что лучи утреннего весеннего света таили в себе большую силу, они пробуждали не только ото сна, а даже здесь, в темноте, сырости и в тесноте, у многих невольников они выявляли как самые высшие человеческие черты характера, так и самые низменные.

Он знал и понимал в свои девятнадцать лет, что время всесильно и в то же время беспомощно. Очень часто во сне и наяву он слышал звук того страшного подлого выстрела, похожего на звериный рев. Именно этот выстрел разделил его молодую, только набирающую цвет жизнь на два периода. В его тюремные сны приходила та маленькая девочка со смородиновой горсткой так и недоеденных ягод, и он далеко, в глубине, в тайниках своей души, захлебываясь слезами боли, пытался объяснить ей, что нет его вины в ее смерти, и эта роковая пуля, разделившая прекрасный августовский день на время жизни и смерти, была не его и вложена рукой человека, которому неведомо земное понятие о человеческой совести.

Сколько раз прилетали и улетали птицы, сколько раз появлялась и падала листва с деревьев, сколько раз выходили луна и солнце на небе, столько пыталось его истерзанное душевными муками сердце найти оправдание тому, из-за кого ему присуждены годы неволи! И именно там же, в глубине души, жила вера, что обязательно наступит долгожданный день освобождения.

Время не шло, а тянулось. Тюремная жизнь со своими волчьими законами помогла понять ему как величие человеческого духа, так и несовершенство этого мира.

...Первые ноябрьские морозы сковали в ледяные оковы воды Великой Оби. Прямо на лед укладывали шпалы из лиственниц. Их покрывали черной смолой. Темное, только что вставшее и ставшее льдистым тело Вечнотекущей каждый день поливали из шлангов водой, которая за ночь, по плану «великих строителей», должна замерзнуть. На это не желающее поддаться человеческой воле кое-как застывающее полотно воды-снега укладывали рельсы, по которым должен был пройти паровоз от берега Семилиственничного селения к берегам Города на Мысу. Учитывая немыслимые сроки осужденных, перевезти паровоз предложили желающим испы-

тать свое счастье, но даже среди них не оказалось того, кто решился бы получить свободу, вступив в противоборство с силами природы. Лишь один человек пошел на этот отчаянный шаг, по сути же – на героический поступок. За перегон поезда на другую сторону Оби тюремное руководство обещало невольнику свободу.

Осторожный ноябрьский рассвет не торопясь развеивал тьму ночи. Солнце предзимья своими лучами пыталось хоть чуть-чуть согреть обуглившиеся сердца людей в темных одеждах, что столпились у берега. Невысокого роста, в очках, худой человек, попрощавшись с братьями по несчастью, сняв с головы ушанку, сел в кабину паровоза, который должен был везти советское человечество к светлому будущему или исчезнуть вместе с ним в темных, намытых трудом невольников и природой водах-льдах Вечнонесущей. Послышался долгожданный гудок паровоза, и никому: ни тюремному начальству, ни мерзнущим на промозглом ветру строителям этой дороги – не дано было знать, прощальный он или первый. Стук колес, гул двигателя и дальний треск льда слышались и над зыбким пространством невольника, и над рельсами, проложенными поперек тела замерзающей Реки, как сопротивляющийся рев природы. Сокамерникам, стоявшим неподалеку, успевшим попрощаться со смельчаком, показалось время его в пути таким же долгим, как сроки их осуждения. Что пережил, о чем думал он в кабине, выкупая у случая свободу, неведомо никому, кроме самого машиниста. Достигнув желанного противоположного берега Великой Реки, человек вышел из кабины паровоза, снял очки и ощутил, что наконец-то за долгие годы томления в неволе он достиг самого себя, потерянного во времени страха и унижения. Это короткое и в то же время бесконечно длинное пребывание в пути показалось ему самой главной дорогой в жизни, потому что позволило стряхнуть оковы плена и снять с глаз пелену заблуждения в прошлом...

Действительно, руководство тюрьмы сдержало свое слово, и перегнавшему паровоз великой стройки на желанный берег было даровано продолжение жизни...

...На белой снежной фигуре великана Кев Йир, так величают ханты Старца Гор, солнечные лучи играли бликами и окрашивали его тело в различные краски весны. Издали, когда лучи оттеняли его снега, облик Каменного Старца виделся юноше строгим, неприступным из-за синевы его нарядов, а когда же лучи переливались в его белизне и окрашивали его лик в веселые нежно-розовые оттенки весеннего солнцестояния, то в сиянии снегов Старца-великана можно было увидеть радость долгожданной встречи с его внуком. Юноша шел и шел по мартовским снегам. Душа его ликовала в предвкушении встречи с отцом, братом и сестрами. За спиной остался город Священного Мыса и мысли, одолевавшие его долгие невольничьи ночи...

Молодой месяц, выгнувшийся тоненькой ручкой котла, заглядывал через тусклые окна барака. Акка, размышляя над своей жизнью, ждал подъема. Рядом кашлял и ворочался на нарах старик ханты по фамилии Ёмру, видать, тоже уже проснулся. Он не понимал русского языка, потому что родился задолго до того, как в его Лиственничном краю стали строить школы и обучать детей оленеводов русской грамоте. В своем родовом селении, что у Большой Оби, в Поравате и далеко за его пределами, он считался самым уважаемым оленеводом и духовником. Не раз из многих близких и дальних окрестностей к нему приезжали зимой на оленях, летом на гребях в поисках защиты и с верой в благоденствие и здравие. Не раз седой старец по просьбам сородичей отправлял свои молитвы и заклинания в небесную высь. После кто-то получал долгожданное выздоровление, у кого-то росло поголовье оленей, а кому-то ниспослана была удача на промыслах. Оказавшись в невольничьих лапах, умудренный жизнью старец очень часто спрашивал молодого Акку:

– Сынок, а сынок, может, хоть ты знаешь, почему я здесь и почему так долго меня не отпускают?

Что мог ответить юноша, пряча глаза, проглатывая ком в горле, испытывая стыд перед старостью?.. Несмотря на свои молодые годы, ему досталось вкусить сиротское детство, горечь военного лихолетья, время «безвозвратного плена», людскую подлость и предательство. Казалось, судьба испытывала его, оставляя глубокие рубцы в памяти. В схватках и в противоборстве жизненных перипетий она, жизнь, ковала его дух быть твердым и непокоренным.

Солнце достигло своего зенита. Юноша остановился, снял с плеча рюкзак и достал из него скромный завтрак. Разворачивая его, он думал о том, как непредсказуема жизнь. Вчера из Города на Мысу с такими же, как он, под конвоем пошел он через реку, в селение Семи Лиственниц для получения документов на освобождение.

Весенние сумерки опустились на землю. Юноша, рассматривая окрестности селения, пошел в сторону реки. Вдруг его кто-то окликнул на родном хантыйском языке. Он очень удивился. Перед ним стоял пожилой человек. Разговорились. Оказалось, что он зырянин, работал в оленеводстве, близко общался с ханты и выучил их язык. Старик по одежде определил, кто пред ним, спросил, куда он держит путь и предложил переночевать у него, а рано утром выйти в путь. Сейчас же, стоя на дороге, вытирая со лба пот, юноша мысленно благодарил гостеприимного старика Витязева…

В один из поздних дней ноября, когда замерзающее на морозе солнце тоже стало красным и хотело согреть своими лучами маленькие сердца обритых всех одинаково наголо тундровых ребятишек, их молодой учитель Анатолий Михайлович объяснял им, рисуя на доске знаки-письмена другого народа. Маленький Акка старательно переносил их чернилами в тетрадь. Неведомо было тогда еще мальчику, что через многие годы он будет рассказывать своим детям и внукам о своем первом учителе – Герое Советского Союза Анатолии Звереве, который в горниле войны ценой своей жизни во имя мирного будущего своих учеников повторил подвиг Александра Матросова. В отличие от многих привезенных из стойбищ детей Акке очень хотелось учиться и познать следы-письмена далеко и рядом живущего народа. Листая страницы книг, которые им показывали в школе, маленький Акка более всего любил разглядывать картинки с изображением чудесной птицы-машины. Многие в их краях в те времена знали из уст висевшего в центре селения громкоговорителя о советском летчике Валерии Чкалове, перелетевшем через полюс вечного холода и достигшем неизвестную малышу Америку. Поэтому детское воображение обязательно дорисовывало эту картинку с летающей чудо-машиной, которой управляет самый смелый на земле Чкалов. Именно этот сюжет он старательно, чтоб не расползлись чернила, перенес в середину своей тетради. Акка тоже очень хотел посмотреть на землю с той высоты, куда поднимаются земные птицы, полюбоваться своей Мамой и увидеть с высоты небес самую быструю Папину упряжку. Ему очень нравилось, когда эту книгу с рисунками листала пухленькими пальчиками сидевшая за партой впереди девочка Лувийиэви с очень умными глазами. Акка был шалуном, поэтому, чтобы привлечь внимание, часто дергал ее, притворяясь незнайкой и обязательно находя какой-нибудь вопрос. В этом деле ему помогал родственник Пантя. Вместе они крепили кнопками ее тетрадку к парте, тем самым, привлекая к себе внимание, но Лувийиэви, спокойно улыбаясь, открепляла ее от парты. При ней, наблюдая за ее смиренными стараниями, эти шалуны, которые не всегда слушались строгого замечания учителя, оба робели, сгорая от стыда, испытывая неловкость, и сами уже были готовы прийти на помощь. Эта девочка навсегда осталась в памяти Акки, и именно она после многих жизненных передряг будет ниспослана ему как подарок судьбы уже во взрослой жизни.

А пока он выводил в своей тетрадке трудно поддающиеся его руке знаки-следы какого-то слова, неожиданно в окно увидел своего деда Павла, идущего по улице мимо школы. Малыш очень обрадовался, потому что его привезли в интернат задолго до того времени, как многочисленные оленьи стада покинули предгорья Урала. Сейчас ничто не могло удержать его на стуле, он стал стучать кулачком деду в окно, чтобы тот увидел, как его непоседа-внук может сидеть тихо и даже научился понимать другой язык. Мальчик, обрадовавшийся долгожданной встрече, рванулся было к двери, но вдруг детское сердечко вздрогнуло, и он остановился. Вслед за дедом, семеня, в черном полушубке, с пятиконечной звездой на шапке, толкая его прикладом ружья, боясь отстать, торопливо шел человек невысокого роста. Внутри мальчика все сжалось. Предчувствуя опасность, он замер: на дедушке не было ремня-пояса с вырезанными из мамонтовой кости украшениями и ножнами. Обычно, приезжая из стойбища на своей белоснежной упряжке, дед, решая свои поселковые дела, снимал капюшон малицы, но никогда не ходил по улице со снятым ремнем, это было не принято и поэтому очень насторожило внука. Открылась дверь класса, и вошли какие-то люди, они смотрели в окна: кто с тяжелым вздохом сочувствия, а кто просто не скрывая любопытства. Они произносили непонятные для маленького Акки выражения:

– Кулака ведут?!

– Врага народа поймали!..

По чьим-то тяжелым вздохам и еле слышной, невнятно произносимой речи взрослых мальчик понял: происходит что-то очень страшное, о чем боятся даже говорить вслух. Мальчик недоуменно посмотрел на взрослых, смахнув рукой появившийся от волнения пот, и перевел уже не по-детски серьезный, наполненный ужасом взгляд на удалявшихся людей. В классе стало так тихо, что Акка услышал биение своего перепуганного сердца.

...Когда-то, будучи совсем юным, Павел слышал от своего отца Атэлыйи, как во время поры поздней осени в петлю, поставленную для лосей, попала молодая важенка, рядом с ней оказался и ее олененок. Этой удаче молодой Атэлыйи был очень рад. Когда белые снега зимы сменились темными проталинами, а поднебесье огласилось звонкой мелодией вешних вод, на свет появились маленькие оленята, матерью которых была Мощатамнынг – Пойманная, та, что однажды принесла удачу на охотничьей тропе деду Атэлыйи. Именно этот случай и оказался той отправной точкой благополучия для всего рода людей Ледяного селения, что издревле жили в месте Священного Изгиба Великой Реки. Немногочисленное вначале оленье поголовье умножалось с каждым годом рожденными по весне телятами, и большое стадо унасле-

довал дед Акки Павел. Сквозь пелену запотевших окон и сквозь страх, слыша и чувствуя биение своего маленького сердца, Акка видел, но по хантыйским обычаям отвел свой взгляд от фигуры уходящего в неизвестность деда. Тогда малыш еще не знал, что он будет свидетелем последних его мгновений на родной земле… и долгожданная встреча так никогда и не состоится…

Солнце перешагнуло через высоту своей дневной силы и перебиралось ближе к Уралу. Медленно, незаметно человеческому взгляду меняло дневной ярко-жёлтый наряд на вечерний – малиновый. Искристый снег под ногами стал издавать более чёткие скрипучие звуки, словно запел песню наступающей весне. Путник всё шел по узкой колее, проложенной полозьями нарт, саней, протоптанной упряжками оленей и копытами лошадей. Отливающая серебром, кружевная льдистая вуаль покрыла обочины дороги. Разглядывая окрестности с редкими тальниковыми зарослями, с дальними смешанными лесами из еловых и лиственничных деревьев, юноша думал, что и дорога похожа на человеческую судьбу, на жизнь, где пологие и крутые подъёмы сменяются такими же спусками.

Остановился, стёр пот со лба. Позади остался Луймас – бывшая почтовая яма, которая располагалась на острове. В прошлом через неё проходила дорога, которая связывала большие и маленькие селения вдоль Оби. С западной стороны Луймас омывают воды Великой Реки, на востоке с ней соседствуют две протоки: Ларанг – Ершовая и Харанг – Открытая, которая позже, когда берега Луймаса размывались весенним полноводьем, изменила свое название на Харанг Ас, что значит Открытая Река. Сейчас, в пору снежной весны, Луймас был безлюдным и поэтому молчаливым, но народная память хранила много событий, связанных с этим местом.

Когда-то, во времена древних ханты здесь жили две семьи. Промышляя на лесных оленей, мужчины ушли по их следу. В доме остались две женщины, их жёны с детьми. Та, что была постарше, заготовила дрова на вечер и ночь, накормила ездовых собак, растопила снег для питья. Два дня прошло, как мужья ушли на охоту, и сегодня к вечеру они их ждали. Быстрые зимние сумерки опустились на одинокое селение, в чувале избы над огнём зашипел «вечерний котёл», наполненный мясом. Пока старшая женщина справлялась по хозяйству, молодая, сидя на нарах, играя грудью, кормила младенца. Хохоча и щекоча ребенка, то давала ему сосок, то вытаскивала.

– Солнце уже село, – предупредила старшая.

Но та никак не хотела угомониться. Даже не обратив внимания на слова, продолжала играть с малышом.

– Мужья наши ушли так давно и до сих пор не вернулись, темень опустилась на землю, ведь на закате солнца нельзя будить тёмные силы, – со вздохом предупреждала старшая.

Но женщина, не внимая сказанному, держа на коленях ребёнка, далее баловалась с ним.

Через завешенное снаружи оленьей шкурой окно в вечерней тишине послышался скрип снега. Женщины обрадовались, подумали, что это скольжение лыж их мужей. Но скрип быстро приближался к двери и был очень громким. Они насторожились. Предчувствуя неладное, старшая женщина спрятала своего сына, спящего в берестяной люльке, в переднем углу за священным сундуком. Следы стали ещё отчётливее и ближе.

– Вот и дождалась ты ночного гостя, – с укором в голосе сказала старшая.

Открылась дверь, и в дверном проеме появилась сначала большая волосатая рука, а потом и сам куль – лесное чудище.

– В этом доме меня, похоже, очень ждали, – сказал и, пригнувшись под низким потолком, прошёл к нарам, которые заскрипели-заскулили под его тяжестью.

Глядя на него, та, что играла с ребёнком, с ужасом в глазах, вся съёжилась и забилась с ним в угол. Прикрывая по-хантыйски платком лицо, старшая женщина стала угощать позднего гостя тем, что у них было. В продолговатом деревянном блюде – хуван – поставила перед ним оленину. Куль большими волосатыми руками брал мясо и, громко чавкая, быстро расправился с содержимым. Женщина, вновь наполнив блюдо мясом, спрашивает ночного гостя:

– Йирэм ики – дедушка, не видел ли где наших мужей?

Куль, проглотив целиком мясо с костью, сквозь громкое чмоканье не торопясь промолвил:

– Встречались мне вчера две маленькие птички. Одну ночь переночевали у Песчаного озера, а на другой день спустились к Черной реке и поплыли, больше я их не видел.

Уразумев смысл этих слов, скрывая слёзы, она ещё более прикрыла лицо платком. Мясо в блюде стало заканчиваться, а аппетит у куля всё нарастал. Заметив это, женщина вышла в сени, где хранились запасы сунгхлант (мука из сушёной молотой рыбы). Заодно успела запрячь одну из ездовых собак. Куль очень быстро расправился с сунгхлантом, поэтому она вышла ещё раз за пищей и при этом успела запрячь

вторую собаку. Перед тем как выйти последний раз на улицу, женщина незаметно вытащила спящего сына из-за священного сундучка, прикрыв его полой меховой шубы-сах, вышла на улицу, где запрягла ещё одну собаку и тронулась в путь. Съезжая с горы, услышала, что в доме раздались страшные крики. Погоняя собак, вспотев от страха, оглянувшись, увидела, что куль на взгорье, на дереве, развесил черепа молодой женщины с сыном, а теперь со звериным рёвом гонится за ней. Уже слышно за спиной хриплое, громкое дыхание, а лунный свет отражает его страшную тень с длинными руками впереди ее упряжки. Собаки, чуя запах куля и чувствуя страшную опасность, мчались, как бешеные, комья снега из-под их лап попадали в лицо женщины и застилали глаза.

Спустившись в протоку Харанг, догоняемая волосатым разъяренным кулем, она укусила свой мизинец и взмахом окровавленной руки очертила крест на ночном сизо-синем снегу. Бежавший в неистовой ярости и реве, куль стал заплетаться в своих ногах и в бессилии бросил её преследовать.

Перебравшись на левый берег Великой Реки у лесного селения Суп, увидев людей, женщина упала без чувств.

Это событие, хорошо сохранившееся в общей предковой памяти жителей этих мест, и закрепилось в названии Луймас (луй – палец, мас – отдала). Впоследствии юноша не раз будет рассказывать о нём своим неугомонным внукам, эту поучительную историю из жизни своего народа, когда в вечернее время те сильно расшалятся.

Исконная жизнь ханты была всегда подчинена единому, вечному ритму природы. Когда долгие зимние холода сменялись весенними оттепелями, многочисленные оленьи стада, покидая зимние пастбища, перекочёвывали через Великую Реку и держали свой путь через Тэнар – Лесной Урал на места летних стоянок. Узкими, словно серпантинами, петляющими между гор, проходили вековые тропы касланий древних ханты к предгорьям и горам Полярного Урала. Преодолевая сложный путь, оленеводы переплавлялись через бурные потоки горных рек. Зная безопасные водные переходы – лухрамат, достигали необходимого местостояния, где олени были менее подвержены полчищу кровососущих.

А в это время на Оби вслед за весёлым гулом ледохода, в такт прорастающей зелени и устройства птичьих гнёзд сюда, в Луймас, тянулись на длинных, нагруженных домашним скарбом лодках – каяк, на вёртких лодках-калданках ханты. Некоторые из оленеводов оставляли своих оленей родственникам и до самой осени выезжали на вылов рыбы. Это особое время, когда земля меняет свои отяжелевшие за зиму наряды и когда вновь зарождается новая жизнь. Здесь, в древнем Луймасе, в новолуние устраивали большой праздник в честь нового промыслового периода, новой энергии Великой Реки. Кровью жертвенного оленя, в некоторых случаях лошади, окропляли священные воды и землю. Просили милости в непогоду, чтоб не обходила стороной удача и благих дней для всего живого.

Юноша шел по снегам родной земли и удивлялся тому, как древние ханты умели давать точные названия тем местам, которые окружали их. Как и улицы городов, здесь имели имя: незначительный изгиб реки, лиственничные взгорья, места больших водоворотов. Словно читая книгу, по названиям можно было узнать, какие хантыйские роды здесь жили, каковы были их занятия. Пригревшись в тёплых лучах, из-за осевших весенних сугробов выглядывал Пенщаркурт – летнее становье рода Тарымовых.

– Видимо, они знали тайны общения мира людей с миром тех сил, что есть за пределами обычных человеческих возможностей, поэтому умели хорошо обходиться со священным бубном, что и место так прозвали, – подумал юноша, – ведь зря названия землям, тем более такие, не дают.

Старый Пенщаркурт, улыбаясь светом сияющего снега, приветствовал путника, а он в ответ, слегка кивая головой, словно жал ему руку.

В прошлом в этих краях было немало умеющих держать в руках священный бубен. Они, в тяжёлых духовных и физических муках постигнувшие тайну гармонии этого мира, знали молитвы древних врачующих заклинаний, умели взывать к высшим силам с просьбами о благополучии сородичей. Но пришла страшная пора: лжесвидетельств и безвозвратного плена, когда смешались воедино и правда, и ложь. Многих забирали. Кого по причине большого поголовья оленей, кого за то, что он был шаманом, кого просто по доносу. Так, разрывая, ломая традиционные, вековые устои мира ханты, устанавливался новый миропорядок, единый для всех. Такие трагические перемены переживала вся большая страна, но здесь, в северных окраинах, усугублялось все тем, что большинство ханты не знали русского языка, не понимали, что от них требуют, за что забирают, что они натворили противоправного против своего народа, против своей земли. Новая система силы и безнаказанности, запугивая людей, топила в крови волю немногочисленного народа, калеча и выколачивая сознание особо непокорных, строило им светлое-светлое завтра…

Сейчас юноша уже знал, что значит неволя и какое оно, вожделенное чувство свободы. Оказалось, это одно из самых главных жизненных ценностей, ради чего люди готовы жертвовать самой жизнью.

В августовскую пору вода стояла еще большая. К берегу заливного сора Щангитам причалила лодка бригадиров рыбаков Гурия Канева и Петра Кондыгина. После производственного собрания было решено каслать в протоку Ощаху, а Акка с несколькими рыбаками должен был отправиться на главную ниву, на Обь. С другом Макаром они попросили бригадиров их не разлучать. Но те и слышать не хотели. Тогда за юношу замолвил слово статный седовласый фронтовик, зырянин Антон Федорович Вокуев:

– Ну как же это вы моего друга оставите? Молодая сила это всегда хорошо. Да и молодым ведь порознь скучно.

Повидавший своими глазами горе войны старик говорил убедительно, и бригадиры не могли не согласиться с ним.

Вода в сору не убывала. Через какое-то время берестяные покрытия с чумов стали снимать и длинные лодки рыбаков потянулись в сторону протоки Ощаху.

Добравшись до нужного промыслового места, стали выгружаться. Дети тащили мелкие вещи, а взрослые на берегу устанавливали из длинных жердей остовы чумов. В летнее время оружием не пользовались, но, оставшись еще с поры весенней охоты, они были с собой, поэтому сейчас черноволосый, крепкого телосложения, перепоясанный патронташем Ульку, который был старше Акки и Макара, собрав ружья за ремешки вместе, нес их в гору, навстречу молодым людям.

Уже созрела смородина, переливаясь в лучах августовского солнца, она словно манила к себе. Две маленькие девчушки пяти и семи лет сновали у смородиновых кустов. У одной из них родители сейчас с оленями в горах, и поэтому временно оставили ее у бабушки здесь. Девчушки, весело хохоча, играя, ненадолго приседали то у одного куста, то у другого. Ульку, рассматривая с любопытством Аккино ружьё, зарядил его патроном, и пока все были заняты перетаскиванием вещей на берег, решил тайно поохотиться, хотя была еще не пора. Ведь где-то совсем рядом слышны кряканья уток, которые словно звали его.

Солнечный день, в небе ни облака, ясный звонкий детский смех переливался с щебетанием птиц и еле слышной, тихой песней бегущей воды. Девчушки, удобно усевшись у самого края берега, о чем-то весело ворковали между собой и пухленькими детскими пальчиками срывали красные, наполненные соком земли ягоды и с особым наслаждением подносили ко рту. Вдруг в воздухе раздался выстрел, один из кустов резко вздрогнул, а затем молящий крик ребёнка, и пурпурно-красные ягоды, словно кровавые слезы, стали капать на летнюю землю с маленькой детской ладони. Акка с Макаром побросали жерди и побежали на звук внезапного выстрела.

Маленькое, уже бездыханное детское тело с горсткой ягод в руке и кровавым следом на груди лежало у смородинового куста. Прибежали бригадиры:

– Кто же? Как же? Ой-е-ей! Беда-то, горе-то какое!

– Хылыем, эвием! Внучень-доченька, – со стоном, пряча горестные слёзы, гладя ребёнка по голове, поверженная внезапным горем, тихо под платком рыдала старая женщина.

В это время спрятавшийся в высокой траве Ульку, увидев, что натворил, бросил чужое ружье и побежал прочь от людей. А для Акки этот августовский день раскололся надвое. Еще утром солнце купало, нежило его в своих лучах, а уже вечерняя роса вместе с жителями становья захлёбывалась в горьких слезах заката.

Потом был быстрый суд, где Улькины грамотные родственники, живущие в городе, в том числе один из бригадиров, он же главный свидетель, всеми мыслимыми и немыслимыми способами доказали суду, что Ульке нет еще и восемнадцати, а ружье Акки и было заряжено прежде.

Что мог доказать сирота? Кто мог за него заступиться в это запуганное, запутанное послевоенное время? Родственники находились далеко, в предгорьях. И этот ясный августовский день навсегда врезался в память юноши своими кровавыми красками капающего с ладони мертвой девочки смородинового сока и убегающим от своего же страха и трусости Ульку. Может быть, именно эти дни молодой, только начинающейся жизни Акки вместе с постигнувшим его горем и пробудили в нем большую внутреннюю силу, чтобы, несмотря на торжество страшной лжи, клеветы и бессилие правды, не быть согбенным в дальнейшем ударами судьбы.

Именно тогда Акка и вспомнит слова своего сгинувшего в небытие деда Павла о той поре, когда улыбаются звёзды.

– Звёзды улыбаются, внучек. Они и вправду улыбаются, сынок, с синевы выси, когда хотят разделить большую, переполняющую сердце человека радость счастья. Счастья настоящего, потому что им дано видеть с высоты небес всё. Всю нашу человеческую жизнь, плохое и хорошее. И если хоть раз в жизни они тебе улыбнутся, значит, ты действительно достоин такой высоты.

Дед у Акки был одарён разными талантами, он умел глубоко рассуждать и понимать многие тайны и скрытый смысл природы разных явлений жизни. Судьба его была непроста. Даже жену ему сосватали

необычную. Народная молва назвала её Еманг ими – Священная женщина. Бабушку Акка никогда не видел, но её жизнь, овеянная легендами, передавалась из уст в уста по дальним оленьим тропам, и память о ней жила вдоль берегов Великой Реки.

Когда-то её сосватали с красивого урманного правобережья Вечнотекущей, где у тихой речки Суптэнг жили и живут представители рода Нева. Среди густых лиственниц и пышных берёз стояли островерхие чумы, а рядом – бревенчатые лопасы (амбары) на ногах. Из этих богатых дичью, густых лесистых мест её увезли к хрустально-чистым водам Соби, где горные речные перезвоны сливались с хорканьем оленей.

В этих краях редко рождались двойни, а она рожала, и в третьих родах, тоже с двойней, умерла, но история продлила её посмертную жизнь. Об этом знали многие жители окрестных селений и стойбищ. Позднее на родине своей легендарной Бабушки, ему, Акке, покажут место, которое так и назовет людская молва – Еманг Ими Хотвол – Стоянка Чума (домовище) Священной Женщины.

Из рассказов деда Акка знал, что корни их рода очень крепкие. Когда-то, зимой в древности на их селение, что у Изгиба Священной Оби, напали недруги. Жители этих мест, его пращуры защитили свои земли, обливая их склоны водой, которая превращалась в ледяную крепость и не позволила неприятелям шагнуть на неё. Вот и стали называть их род Ледяного Селения Люди…

Солнце левым боком всё приближалось к Уралу…

Уже не так слепило глаза. Юноша взглянул на небо. Над самой его головой оно было высоким и синим, словно в пору его детства.

В Пулнгавате – так ханты издавна называют Город на Священном Мысу – на взгорье расположен дом его крёстного – зырянина Никкаса. Оттуда в детстве он очень любил разглядывать разливы Пулёхана, которые в половодье сливались с водами Великой Реки. Казалось, их волны после долгой зимней разлуки, соединившись в крепких объятьях, минуя линию горизонта, поднимаются прямо в небо.

Оленьих стад в этих краях хватало, причём зачастую жили в одном стойбище как оленеводы ханты, так и зыряне, поэтому особых языковых барьеров не было. Крестный Никкас в прошлом работал в экспедиции в горах, ну а потом в оленеводстве среди хантов. Как они с отцом познакомились, юноша не знает, но оба хорошо понимали друг друга и говорили как на хантыйском, так и на зырянском языках. В то время весь груз и людей возили на оленях как вверх по Оби, так и вниз. Зачастую это было по приказу, а не по доброй воле. Никкас с отцом юноши были молодыми, поэтому им очень нравилось узнавать новые дороги и видеть неведомые земли, и они не упускали возможности перевозить грузы и людей на оленях в Тобольск, в Надым, в Березово, в Воркуту.

По возвращении рассказывали очень много интересных и смешных историй. Потом Никкас женился на русской женщине и остался жить в древнем Пулнгавате. Своих детей у него не было, и он с особой теплотой и любовью относился к крестнику, понимал, как нелегко с малолетства остаться без матери.

Никкас раза два приходил в тюрьму к крестнику, но ни передачи, ни свидания не разрешили. Позднее в один из морозных дней января, приехали отец со своим братом Елисеем, чтоб передать сыну теплые вещи. Свидания опять не разрешили, поэтому родных лиц юноша не видел, но было приятно и тепло, что в том большом мире, за стенами промёрзшего тесного барака, за пределами кольца из колючей проволоки есть люди, которые ждут. Именно эта мысль и согревала юношу на всём протяжении срока. Поэтому сразу после того, как он вышел из Семилиственничного селения, когда еще день не проснулся, он пришёл к своему крёстному. Старик, увидев человека в своей ограде, сначала не узнал его. Юноша снял шапку и поздоровался по-хантыйски:

– Вуща улла!

Никкас остановился, словно опешил, а потом, узнав по голосу, семеня по снегу, опираясь на палочку, подошёл, крепко обнял крестника и приговаривая «Ёхатсан, лиланг, йикием! Вернулся, живой, сыночек!», провёл рукой по колючей лысой голове.

– Лиланг – живой, йикеем-сыночек, – продолжал повторять Никкас.

Голубые глаза старика заблестели, он словно помолодел и быстрой походкой повел юношу в дом. Сейчас, вспоминая своего крёстного, радость встречи и утренний чай, он думал о незримом присутствии Мамы.

…В горах прошел дождь, из-за чего маленькие горные ручейки – тольпы, словно шалуны, с перезвоном прыгая с камня на камень, набирая силу, – превращались в полноправные ручьи. Утро дышало прохладой. Вершины гор, окутанные туманом, выглядели седыми. Эти ранние часы здесь, в предгорьях, особенные. Всё ещё не тронуто движением ритма дня: молчаливые, строгие лики гор, в морщинках которых еще лежат прошлогодние снега, зелёное-зеленое покрывало из кустарников, лишайников, а по краям горных ручьёв – тальниковые заросли, в некоторых местах низко склоненные к самой воде. Время гнуса уже закончилось, потому дышалось легко. Берестяные покрытия чума, выгоревшие на солнце, были бе-

лыми-белыми, как ягель. В ручье лежат заготовленные Папой детали будущей нарты. Длинные лиственничные полозья и подполозья нарт отмокали, чтоб лучше гнуться при работе.

У Акки был олененок окка, который остался один, поэтому они с Мамой его выхаживали. У него были белые пятнышки на передних ногах, из-за чего и дали ему кличку – Навикур. Специально для него собирали траву у ручьёв, хвощ, ягель, поили ухой, ставили маленький чум, в котором разводили дымокур, защищавший окку от комаров. Когда Навикур окреп, завидев маленького хозяина издали, бежал и подставлял свою шею, чтоб его гладили. Молодые родители Наталь и Унтри молча, чтоб не вспугнуть тихое, семейное счастье, смотрели на играющих детей, белоногого окку и Акку и просто улыбались. Вечером, когда не заходящее за горизонт летнее светило пыталось сесть на плечи горных великанов, Мама звала детей в чум. Конечно, у Акки было много его детских неотложных дел. Но как ослушаться?.. К «вечернему котлу» собирались все, кто жил в чуме и не был занят на окарауливании стада. Шла неторопливая беседа, можно было услышать древнее сказание из уст Деда или интересную, поучительную историю дяди Елисея. Он был очень одаренным человеком, поэтому любой предмет словно оживал в его руках. Его сын Юхур был ровесником Акки. По приезде на новую стоянку они ставили свой общий детский чум, где, как и взрослые, рассказывали своим младшим какие-нибудь истории и сказки, услышанные от старших. Оба умели держать мастеровой нож и вырезать несложные предметы. Им, как старшим, разрешалось ходить за водой. В прозрачной воде горного ручья мелкие камешки смотрелись особо красиво. Усевшись на край каменистого берега, ребятня наблюдала за быстрым течением и как большие валуны, распластавшиеся поперёк ручья, всё равно не могли остановить дыхание тольпы, а наоборот, ручей еще больше бурля и озорно обтекал-обходил каменного лежебоку. Акка с Юхуром шалили, придумывали игры для младших, ловили своих «оленей» – расставленные рога, помогали своим тётушкам, дядюшкам, ведь жили в одном стойбище. Не было чужой радости, чужого горя, чужих детей, чужих стариков. Так было издавна устроено в жизни ханты – общее родовое воспитание. Единая боль и единое счастье. Маленькому человеку помогали не только родители, но и все те родственники, что жили в стойбище. Ведь традиционный хантыйский мир – это тесная связь неба, земли и всего живого, где одно не может существовать без другого, как ночь, которая сменяется утром, утро переходит в день, день в вечер, перетекающий в ночь, и так по кругу – все друг другу необходимы.

В дневные часы Акка часто заставал Маму за шитьем. Иголка и наперсток в её руках превращали отдельные кусочки белого и черного меха в единый мир удивительного причудливого орнамента, но еще более интереснее выглядели они на завершённых вещах – обуви, меховых шубах – сах. Иногда Акка садился рядом с Мамой на нары и наблюдал за её работой.

– Омие, омие, что ты шьёшь?

– Кисы для Папы твоего.

– А когда я вырасту и буду таким, как Папа, кто мне будет шить обувь, одежду?

Мама вытащила тонкую сухожильную нить. Узким концом вдела в ушко иголки, чуть подняв от удивления брови, улыбаясь, сказала:

– Ну как кто? Жена твоя.

– А где же я жену возьму, откуда?

Мама, отвечая на такие серьёзные вопросы сына, заулыбалась еще больше. В такт мелодии иглы и наперстка она, делая ровные стежки, словно вписывала его жизнь в изделие.

– У тебя будет добрая семья. Настанет время, и твой Папа сделает колыбель-онтап твоему первенцу. Семья – это очень важно. Нельзя человеку одному. Придёт время и ты, ай-е – малыш, будешь знать, как и твои деды, дядья, следы многих зверей, повадки птиц, знать нравы горных рек, маршруты наших касланий, читать время по звёздам, знать направление ветров и будешь нести честь своего древнего рода через добрые дела дальше. Ты ведь мужчина, а на нём большая ответственность за семью, за род. Ты как передовой олень в упряжке, от которого зависит многое в пути. Помни об этом. Ай-е – малыш, не торопись.

Она гладила его чёрные жесткие волосы, и сын засыпал от теплых прикосновений и ласковой, тихой мелодии её слов.

На взгорье, среди раскидистых крон деревьев, показались тёмные крыши приземистых хантыйских избушек. Их красно-коричневые бока отливались в лучах заходящего солнца, в воздухе потянуло сладковатым запахом бересты. Дорога стала еще более крепкой и широкой. Местные собаки, увидев человека в тёмных одеждах, стали громко лаять и бежали с собачьей яростью навстречу.

– Нави, Нави-й-и, Ляпа, Ляпа-е! – назвал юноша по кличке собак.

Те, услышав знакомую хантыйскую речь, завиляли хвостами, стали ласться, прижиматься к ногам, будто и не они только что в бешеной ярости хотели наброситься. Вместе и поднялись в гору. Селение смотрело в сторону восхода, видать, днём хорошо прогревалось под лучами весеннего солнца, поэтому в некоторых местах была уже видна земля. На крышах домов висели прозрачные сосульки, которые сейчас, рассматривая путника, словно присмирели и застыли в своём движении.

Здесь, в этом маленьком селении Собь, жила его тетя Оккуля, сестра отца. Одна из собак, что отозвалась на кличку Ляпа, с особой радостью проводила путника прямо к дверям дома, стоящего среди молодого березняка. Юноше стало жарко, он расстегнул вторую пуговицу своей телогрейки и вступил на крыльцо. Тётя Оккуля его сразу и не узнала, но когда он снял шапку, она, поправляя на голове платок, вымолвила:

– Апщийи, нанг? Братик, ты?

Бросив шитьё, опершись о маленькую скамейку, встала.

– Акка, Акка! – всматриваясь в него, твердила она, – братик, живой, вернулся… – Трижды целуя, радостно приветствовала его.

Юноша прошел к нарам, ближе к окну, на полу лежала расстеленная еще без подклада меховая новая шуба – сах. Рядом вырезанный и заготовленный рукав.

Пока тетя Окуля хлопотала у железной печи и за столом, пришли двоюродные братья Порака и Пантя. Их радости не было предела. Порака воевал, на войне он был снайпером, освобождал многие города в Европе, но особенно запомнился венгерский город Будапешт, с боями дошёл он до самого Берлина и где-то там, на стенах самого Рейхстага, оставил вычерченную свою хантыйскую тамгу. Он поздно вернулся с войны, потому что помогал восстанавливать разрушенные города, и часто очень звучно напевал «Хороша-а-а страна Болга-а-рия, но Россия лучше всех…»

Тетя Окуля поставила низенький хантыйский столик с угощениями.

– Наконец-то братик – апщием, лилнгат ехатсан – живой вернулся, – ещё долго будет повторять тетя, словно не веря, что это на самом деле.

Она рассматривала его, провела рукой по жесткой, коротко стриженной голове.

– Кус кепа ёхатсан – хоть вернулся.

Радость от встречи слышали старые стены дома, а весёлый чайник на огне, булькая пузырями, ворковал, ведь и он тоже хотел помочь растопить эту долгую боль и грусть в синих глазах юноши.

Отведав пышущее ароматом жаркое из оленины, попив до выступившего пота чай, братья предложили пойти вместе на стойбище к отцу Акки, ведь это совсем недалеко, рядом.

На темно-синем небе появились звезды, а растущий Месяц с таким же, как и утром, любопытством рассматривал не одного, а уже троих путников. Молодые березки, стоявшие вдоль дороги, застенчиво улыбаясь, перешёптывались между собой и передавали одну и ту же счастливую, долгожданную весть:

– Наш Акка вернулся! Акка вернулся!

Несмотря на спустившиеся сумерки, от сияния звёзд и Месяца вся округа была залита сине-серебряным светом. Дышалось легко. Братья шли, наперебой рассказывая Акке последние новости, смеялись и радовались тому, что вновь они вместе.

И вот поворот в устье родной реки, по которой когда-то он, одинокий, отплывал ранним утром, когда беспросветный туман и слёзы застилали, казалось, весь мир. У подножия большого склона с полуденной стороны раскинулось стойбище. Белый дым ровной струёй поднимался над чумами. Внутри юноши всё клокотало. Акка взглянул вверх, а там… Сопровождавшие его звёзды переливались и ярко мерцали в тёмно-синей выси небес, а чудные переливы цветов северного сияния, поражая грацией движений таинственного танца, сливались в радости с растущим над становьем Месяцем. Небесные светила глядели на юношу, а он на них и память воспроизвела те далекие, но очень дорогие мудрые слова деда:

– Есть такая, сынок, пора, когда улыбаются звёзды, и ты обязательно будешь достоин этого. Они действительно улыбаются вместе с человеком, когда разделяют его счастье. Это и есть чудо – слияние земной человеческой радости с небесной…

Проqдет время… и эtf Река в звоне хрустальных волн запоёт новую песню и о своём славном сыне, который прославит высотой душевных помыслов, трудом всю ее стать и красоту, а люди будут величать его Хозяином Горной Соби. И однажды один из его кареглазых внуков спросит:

– Йиры – Деда, ну почему, почему же я такой маленький, почти не расту?

– Хылые – внучек, ведь не в этом дело, не это главное в жизни. Ты посмотри на меня: и я небольшого роста, зато многое познал в этом мире, и ты обязательно увидишь и поймёшь удивительно прекрасную пору, когда улыбаются звёзды… А они и вправду улыбаются, сынок!

P. S. Нежно-розовое оперенье рассвета отражалось в плеске утренних волн, которые поведали мне эту историю, теперь и вы её узнали.

Ноябрь 2007, Сыктывкар; май 2008, г. Салехард

УТРО ПАХНЕТ РЕКОЙ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ К ЮГОРСКОМУ СОЛНЦУ…

1. СИМФОНИЯ ЛЕТА

Сейчас и июнь, и июль, и август. Природа особо щедра и мощна в этот период. За это короткое время весь мир преображается, приумножается: птицами, рыбами, цветами, оленями, дождями, россами, водами и делает большой прыжок в Вечность. Поэтому я люблю Вас – Лето.

Лето – это чудо природы. Большое, незаходящее за горизонт северное солнце. Утренние одуванчики распахнули реснички и детским чистым взглядом, улыбаясь, разглядывают округу. Весь мир в потоке движения добра. Кто-то грезит теплом морского бриза. Кто-то в мыслях уже спускается по горным перекатам. Кто-то гладит сердцем теплые ставни отчего дома. И птицы, и звери, и рыбы, и насекомые, и воды, и Люди – всё в движении. Я слушаю звуки танца летнего дождя, любуюсь изяществом его движений на нежных листочках соседской березы. Она ждала дождь, и он пришел в сопровождении раскатов высокого грома. Веселые дождинки озорно играют на листве, играют молодой травой, играют на лицах людей. Это есть новый дождь, дождь нового лета, дождь, обновляющий землю. И я иду по миру, по летним тропам своей жизни, и тоже новая, потому что холод зимы во мне оттаивает, потому что меня согревают капельки теплого дождя, в которых отражается щедрый свет северного солнца. Это удивительное явление – солнце днем и солнце ночью.

Жизнь прекрасна, потому что в ней каждый раз все новое. Новый день, которого у меня еще не было, в котором еще не жила. Новый дождь, который еще не приходил. Новые цветы, которые еще не расцветали. И в этом новом дне у меня состоится новое шествие по северному лету, в котором у меня будет новое путешествие к Югорскому Солнцу и новое возвращение к себе.

2. УТРО ПАХНЕТ РЕКОЙ…

Сегодня 18 июля 2013 года. Утро в росах, потому очень нежное. Не спящий свет июльского лета. По лесенке неба оно взбирается к зениту. Причал Салехарда. Наш путь: Салехард – Березово – Ханты-Мансийск и обратно. В нашей съемочной группе: Валерий Крылов – начальник Редакции программ народов Севера, исполняющий обязанности оператора, вообще, он универсальный. Умеет сам снимать, сам монтировать, сам писать, редактировать, накладывать звуки, слышать и слушать т. д. Артур Рябицев – второй оператор, он же кандидат биологических наук, который изучает жизнь насекомых, я называю его Курангвой, что значит с ханты языка – лось. Он очень похож на него внешне и наполнен какой-то мифической таинственностью. Я – корреспондент на ханты и русском языках. Наша задача – сбор видеоматериалов о современной жизни ханты и манси. Нам очень повезло с билетами, в «Метеоре» у нас передний салон и места 1, 2, 3. Путешествие вверх по летним водам началось…

Вслед за Солнцем по июльским водам северного лета мы поднимаемся все выше и выше по Оби и ее притокам и отправляемся в удивительное путешествие к нашим друзьям-современникам, которые умеют творить, созидать, мастерить, умиляться и любить…

Наш белокрылый «Метеор», петляя в зигзагах Полуя, набирая скорость, вышел на воды Вечнотекущей. Ясный день. Высокое небо смотрело в спокойное водное зеркало Оби. Дальние горы, словно верблюды-великаны, отдыхали у самой кромки неба и земли. А Река – это могучая Река в шикарном платье, сотканном из водной синевы, в шелках которой пушистые облака любуются своим отражением. Мимо оставались суда, плывущие, как и мы, к своей цели. Мой любимый город, город моего дома, город моей семьи ревниво смотрел на меня, не хотел отпускать и еще долго прощально махал мне изумрудной листвой.

По ханты обычаю у священного Ангальского мыса в святые воды Оби бросила белые монеты и знала, что обязательно вернусь. Рассматриваю свой путь. Река и горы – это те четкие фундаментальные образы мира моего рода, с которыми, наверное, я пришла в этот мир. Взгляд искал родные берега, где жило мое детство, где выросла я, мои братья и сестры. Нить прошлого ведет меня туда, когда эти берега были украшены светом и смыслом ханты жизни.

Стояли белые берестяные и покрытые брезентом чумы, разноцветье платков и платьев ханты женщин. Река слышала речи на ханты языке, кругом родные, добрые люди, пахло дымокуром и, казалось мне, что это будет вечно…

Я знаю здесь название каждого поворота великой Реки. Зимой и весной по её телу перегоняли оленей в сторону гор и обратно мои сородичи. Когда-то тоже светило солнце и был жаркий Петров день, и в него пришел мой брат Лева. Он вобрал в себя тепло и щедрость июля.

В синеве лета исчезли границы могучей Реки. А мы стали обедать. Мне было приятно открывать банку со свежесоленым муксуном. Уже второй год меня кормит такими вкусностями – муксунами и нельмами – мой тринадцатилетний сын Елисей. Проезжая по этим святым водам, я мысленно поблагодарила и пожелала удачных уловов моим сильным братьям, с которыми и рыбачит мой сладкий сын.

Наш торжественно-белый «Метеор», подобно птице расправив крылья, продолжал лететь над водами моего рода, над водами моего детства и моего сегодняшнего дня. Разве это не счастье? Быть одновременно в двух измерениях времени, того, что было, и того, что есть сейчас. Жизнь тем хороша и прекрасна, что мне есть чем дорожить и что помнить, тогда обретается смысл.

3. МОСТ ПОМНИТ, И Я ПОМНЮ

Мы проехали границу Ямала, и перед нами уже воды Югры. Солнца много, много. Оно жаркое, оно знойное. По пути следования берега Реки сменяли свои наряды, становились все круче и круче.

Свет солнечного июля купался, нежился в теплых колыбельных водах Северной Сосьвы. Высокие кедры, задумчиво молчали и рассматривали светлые дали. Наверное, и они помнят времена, когда здесь перевозили грузы на оленях, и кто-то, точно так же как мы сегодня, с умилением и любованием созерцал великолепие летнего мира и наделял его своим смыслом. Белые, пушистые облака, как странники вечности, проплывая над миром, любуются вековыми кедрами, а те, махая кроной, шепчут, что в этом мире все взаимосвязано нитями жизни.

Перед нами на солнечном берегу раскинулся Суматвош – Березовый городок, так ханты издавна назвали это северное селение. Мы остановились в гостинице «Град Березов».

Из окна моего номера открывался еще один дивный мир. Вдалеке над Обью были видны священные холмы Ай Ас Торума, были видны дальние луга, пристань, дорога к ней. Но более всего мой взгляд упирался в купола церкви, золотом которых играло вечернее солнце. После небольшого перерыва, чтобы застать красоту вечернего солнца на камеру, мы пошли работать. Нам помогла в съемках моя давняя знакомая Любовь Кашлатова – научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, который находится в Ханты-Мансийске. Она поведала разные истории жизни своего Березового городка. О ханты богатырях, защищавших мир в древности, из копий которых выросли священные лиственницы, которые до сих пор хранят в себе святость времени. Она поведала о событиях, когда здесь отбывали ссылку опальные графские особы Александр Меньшиков и Генрих Остерман. Рассказала о жизни купечества, показала их выдержавшие груз времени дома, поведала о первом газовом фонтане на севере и о том, когда в здании церкви Святой Богородицы был переговорный пункт и она там работала телефонисткой.

Мы идем с Любовью по старому деревянному мосту на кряжах, который также много мог поведать о себе, если бы у него были уста. Он тихо радовался мне и людям, с которыми я пришла к нему через 24 года. Мост дышал вечером. Ему было приятно, что я его помню. Деревянные перила впитали тепло знойных лет и холод зимних морозов, при ходьбе половицы издавали протяжные звуки-слова, он здоровался со мной, а я с ним, ведь он помнит меня молодую, и я его помню. С этим мостом связана уже и моя личная, хорошая история, которую я рассказала Любови.

…Помню яркий двадцать первый апрель своей жизни. Я была молодым ветеринарным фельдшером, по этому мосту ходила на работу. Была весенняя капель, были светлые березы, а рядом с ними моя печаль и грусть. Мне очень хотелось домой, чтоб видеть и любоваться извилистой горной Собью с её бурными перекатами, чтоб были видны светлые горы-великаны. Мне было тесно здесь. Я знала, что мой дед по отцовской линии, Андрей Павлович Сязи, не раз бывал здесь на оленях. Он был статен и очень красив внешне, поэтому его звали Хорасангху, что значит Красавец, при этом он был шустрым и выносливым, дороги его не утомляли, поэтому он занимался перевозками грузов и людей. Его манили дальние земли, и жажда нового влекла в путь. Когда я ходила по улицам Суматвоша, мысленно говорила с ним: «Дед, здравствуй! Вот мы с тобой и встретились. Я знаю, ты меня видишь с небес, но я, как и ты, люблю горную Собь и очень, очень скучаю».

Здесь, в Березовом городке, я еще никого не знала, приходила на этот мост и долго смотрела вдаль. Мне очень хотелось, чтоб из-за поворота появилась упряжка оленей деда, и я бы запрыгала в танце радости на мосту, а после рассказала бы деду свою юную печаль. Он бы понял меня, и мы бы вместе уехали

домой, к нашим горным закатам и рассветам. Мой внутренний диалог слышал этот деревянный мост, уже тогда вздыхал и поскрипывал, давал мне понять, что он разделяет мою тоску по дому и что я уже не одна, а с ним – с мостом. От этого мне становилось легче.

А сегодня мы все медленно идем по нему. Каждый тронут теплом и необычностью этого моста на кряжах и находит в нем свое очарование. Этот мост как символ времени, наверное, по нему ходили революционеры в лице Льва Троцкого, а сегодня мы идем по этому мосту. Я шла и думала, как бы сложилась моя судьба, если бы, переболев той тоскливой печалью по родным местам, я осталась?..

После съемок мы пошли провожать Любу, я смотрела на эти красивые дома с палисадниками, на широкие ухоженные улицы, мне очень нравился этот Березовый край. Сюда я приезжала на научную конференцию, здесь читал свои стихи великий манси Юван Шесталов, здесь по работе я записывала красивейшего и умнейшего ханты Дмитрия Гындышева, но по-настоящему Суматвош я разглядела и оценила только сейчас, поэтому попросила прощения, что не смогла тогда остаться…

Один летний день, но какой он событийный, как спрессовано в нем время, как много вмещает в себя Солнца, Реки, Неба, Людей и творит историю, только уже другую, которую видела и слышала я.

Перед сном я открыла окно. Летний закат любовался своим отражением в шелке реки. Купола церкви окутаны легкой вуалью вечернего тепла. Все очень нежно и по-летнему в меру лениво. «Утро пахнет Рекой, и вечер пахнет Рекой, и лето пахнет Рекой», – прошептала я себе. Разве это не прелесть жизни? Таким было мое позднее 18 июля 2013 года в краю белых берез, на берегах Северной Сосьвы.

4. НЕОБЪЯТНЫЕ ДАЛИ НЕОБЪЯТНОГО ВРЕМЕНИ

Веселый звонок телефона будил мой мир. 5 часов утра. Солнце с восточной стороны и очень нежно, бережно трогало своими лучиками землю. С распахнутого окна пахнет летом. Птицы наперебой что-то рассказывают утру. В их щебете слышны ноты жизнеутверждения. Я любуюсь миром из окна. Утро пахнет зарей и свежими грибами. Оператор и режиссер снимали на камеру краски летнего утра села Березова. За нами приехало такси, и мы уже на причале. Наш путь – город древнего остяцкого князя Самара – Ханты-Мансийск. Высокие холмы, распаренные веселым летним солнцем, прикрывшись елово-кедровыми шапками, смотрят на нас. Необъятные дали необъятного времени. Великолепие мира, во всем блеске природы фиксирует видеокамера, а мои глаза не могут вобрать, потому что так много красоты и она не вмещается в мой человеческий взгляд. Такой мне виделась Река в щедром июльском свете дня.

На землю медленно приходит в гости вечер. А наш «Метеор», как большая мифическая птица, летит уже над водами Вечнотекущей Оби и Богатырского Иртыша, которым тесно на земле, и кажется, взявшись за руки, минуя линию горизонта, они поднимаются прямо в небо. Перед тем как ступить на священную твердь, по ханты поверьям бросаем монеты в летние воды Иртыша.

Мы причаливаем к священной земле ханты и манси, к земле, добытой во времена потопа из глубины водной бездны мифической птицей Лули, спасшей перволюдей. Мы на земле угорского князя Самара, мы в Ханты-Мансийске.

Нас встречают моя подруга Татьяна, её сестра Наталья и моя дочь Лилия. Радость и восторг от встречи. Этот жаркий день тоже не стесняясь, искренне радовался вместе с нами, потому что он понимает, ведь это такая редкость и человеческое счастье – иметь долгожданные, желанные встречи.

Здесь открываются каналы предковой памяти и оживает мифическое время первожителей этих земель.

…Величественные холмы времен потопа, они помнят времена угорских богатырей. Стоя у их подножия, на пристани, сквозь объятья людей я смущенно смотрела на них и взглядом, и мыслью приветствовалась с их неугасимой святостью. Несмотря на давность их сотворения, они не утеряли дыхание святости, и до сих пор по ханты воззрениям на них нельзя смотреть ханты женщинам, не прикрывши лицо платком. Могучие кедрачи плотной стеной, словно древние воины князя Самара, наблюдая за окрестностями, на богатырских плечах здесь держат небо. У их подножия красавец Иртыш, раскинув свои воды по ближним и дальним лугам, спешит в щедрые объятья Оби. Я ощущаю, как время чуть притормаживается, отделяется на время суетность бытия и меня окутывает, и в меня вселяется энергия этой земли, ты отдаешь ей дань уважения и просишь разрешения ступить на её святую древнюю твердь. Именно таким предстал предо мною впервые город князя Самара, и за многие годы это чувство святости во мне ничуть не изменилось, а стало еще более значимым. В этот момент я еще раз почувствовала, что значит в жизни уметь понимать и принимать ощущение счастья не того далекого, что когда-то и где-то, а именно здесь, сегодня и сейчас.

Не громкого и кричащего, а чувство счастья тихого и спокойного, настоянного на искренности эмоций и чистоте помыслов, как свет летней вечерней зари.

Березы высокие и стройные, смущенные нашими взглядами, тихой листвой перешептывались между собой. Я слышала это шепот. Они кивали мне шевелюрой листвы, и я им ответно. На двух машинах мы поднимаемся в высь холмов, в сам г. Ханты-Мансийск. Я давно заметила, что каждый дом, город, страна похожи на своих хозяев, которые живут в нем долго. Считаю, что у каждого «долгого» Губернатора его регион начинает походить на него, так же как и дом человека со временем становится его продолжением. Поэтому в Самарово – это древняя, историческая часть Ханты-Мансийска – для меня оживает дыхание князя Самара. Каждый раз, приезжая сюда, я чувствую его незримое присутствие в водах, в земле, во времени. А современный Ханты-Мансийск напоминает мне бывшего, «долгого» Губернатора земли хантов и манси – Александра Филиппенко. Мне кажется, каждая улица грустит здесь о нем и люди тоже, но по мудрой ханты философии энергия жизни бесконечна. И поэтому в небе нашего бытия загораются звезды, и поэтому ночь сменяется днем, и поэтому на смену одних героев приходят другие…

Ханты-Мансийск раскинулся широко. Утопающий в цветах, в белом свете берез, в чистоте улиц, он похож на горячо любимого и ухоженного ребенка. Он в новых одеждах библиотек, киноконцертных залов, галерей, церкви. Город красавец, во всей своей стати и мощи. В этом городе я живу всегда в одной и той же гостинице – «Югра». Удобное расположение, и на время она становится моим домом, поэтому я люблю её. На этот раз всей группой мы остановились здесь же. Обсудив планы на завтрашний день с оператором и режиссером, наконец-то мы остались с моей дочерью вдвоем. Наперебой мы рассказывали друг другу, как мы обоюдно соскучились друг по другу. Я смотрела на дочь. Мы не виделись с ней чуть больше месяца, но мне кажется, она так повзрослела внутренне. А после, по нашей давней традиции, с моей подругой Татьяной мы встретились у неё дома, где живут прекрасные кошечки Лучана-Канделапа и Мосяня и три кролика. Татьяна с сестрой Натальей понимают их язык, еще не ведомый мне, но я обожаю наблюдать за их общением, потому что сама так не умею. Татьяна живет на пятом этаже, её окна выходят на юг, а еще можно видеть вечерний Иртыш, утопающий в лучах заходящего июльского солнца, и мурлыкать про себя или чуть вслух: «Ты меня одна…»

А после они проводят нас в гостиницу, и я буду наблюдать за спустившейся на эту благодатную землю ночь и мысленно благодарить жизнь за эти мирные, наполненные щедростью лета и благожелательностью людских сердец утро, день, вечер, ночь…

Такими людьми и явлениями запомнилось мне 19 июля 2013 года.

5. МАНСИЙСКАЯ ЮИЛЬХОНДА И ПЕРЕШАГИВАЮЩИЙ ВРЕМЕНА

Сегодня суббота. Через раскрытое окно было слышно, город уже проснулся. Где-то дворники подметали улицы, а гул машин становился громче и громче. После двухдневной дороги мне так хочется понежиться в своей норке-постельке, но утро пришло, гладя своим светом, оно приглашает меня в новый день.

Вместе с доченькой, оператором и режиссером мы позавтракали в ресторане гостиницы и собрались в дорогу. За нами приехала моя подруга Татьяна Нагибина. Я её называю Татья, а Тээрне Вищне – это её мансийское имя, что значит Проворная, Стремительная Девушка. Вместе с её сестрой Натальей, на двух машинах, минуя воды Иртыша, загадав над ними желания, мы отправились для съёмок на 33 километра от Ханты-Мансийска. По дороге заехали за Татьяниной сестрой Любашей. Мы давно не виделись, и поэтому обе были рады этой летней встрече. Позади оставались холмы Самара, древняя Река, а впереди – разноцветье луговых ковров и нежные летние просторы.

Я считаю, что профессию, работу, даже дом, в котором живем, мы выбираем сами. А близкое наше окружение: родители, дети, любимые, настоящие друзья – нам посылаются свыше. В процессе жизни поняла для себя, что настоящая подруга или друг – это не те люди, которые приходят в твой дом, когда у тебя горе и ты согбенна, раздавлена им, тебя утешают, это естественно. Я считаю, что настоящие друзья умеют искренне радоваться за тебя, твоим совсем крохотным и большим успехам еще больше, чем ты сама. Настоящие друзья – их не может быть много, это большое счастье, когда они есть, они умеют любить тебя, безусловно, равно как и ты их. И вот моя Тээрне Вищне одна из них. Я никогда не была на её родине, но наслышана об ее дивности.

…В тишине таёжных урманов сквозь белоягельные, сосновые боры бежит река. Она неширокая, но извилистая. Древние манси ей дали красивое женское имя-название Юконда, в ранних источниках Юильхонда. И в том и в другом случае в этих названиях чувствуется зашифрованная, закодированная тайна. Древние люди умели выбирать место для жизни. На берегах этой тайны, на берегах Юконды-

Юильхонды стоит поселок Шугур. Зимой – в тишине снегов, весной – в юной капели, летом окружён задумчивыми водами озер, осенью утопает в свете брусничных и клюквенных ковров. Это великолепие и живет в сердце Тээрне. Она – глубокая в мыслях, сильная духом, а душа у неё нежная, как дуновение легкого летнего ветерка. Мне всегда нравились и нравятся люди, которые умеют, знают, могут больше, чем я. Они вызывают глубокое уважение, потому что я понимаю: чтобы знать, уметь и мочь нужно иметь много внутренней силы, надо уметь побороть свою робость, преодолевать свой страх и победить собственную лень. Вот Тээрне такая. Она легко водит машину, рыбачит, охотится, купила дачный участок, построила дом, баню, но более всего меня удивили маленькие дубки у нас на севере, которые она вырастила через желуди, и сейчас они растут возле дома. А еще она написала книгу «Семейная летопись», где очень подробно рассказывает о своих корнях и о жизни своего рода. Тээрне по образованию историк, поэтому на мир смотрит через призму исторических процессов, происходивших и происходящих в мире в целом и в локальном значении. Она преподавала историю и уже много лет работает в Думе Югры.

Вот мы и подъехали. Этот бревенчатый, выполненный из соснового кругляка дом, Тээрне строила с отцом. Я еще больше поражаюсь её силе. Оглядываюсь. Смотрю на небо над её домом, оно ласковое, но день уже хорошо вобрал в себя жар июльского солнца. Рассматриваю березовую округу, огород, баню. Тээрне приглашает в свой сосновый дом. Еще не перешагнув порога, я приветствую его и прошу разрешения войти в него. После летнего зноя в доме мятная прохлада. Пахнет свежей древесиной.

По жизни мне нравится сельский быт, и вот дом Тээрни именно тот случай. Мебель выполнена вся из дерева, поэтому воздух наполнен свежестью его дыхания. Возле дверей, в рамочке, мне нравится надпись: «Боже, благослови того, кто входит в этот дом. Защити и сохрани того, кто выходит из него. И дай мир тому, кто в нем остается». Удивительно просто, но простота всегда сложна по своей сути, и этим мне она нравится. Ведь чтобы спортсмену легко и просто выиграть, за этой легкостью и кажущейся простотой всегда огромный, титанический труд, поэтому я люблю простоту, потому что понимаю её сердцевину. Еще одна надпись на сувенире, примерно такая: «Настоящие друзья помогают проявиться, моим самым лучшим качествам и талантам». В своей жизни я видела это.

Сегодня наша съемочная группа работает здесь. Тээрне – одна из героинь телеочерков. Она быстро разделала утку и поставила её на огонь и с оператором и режиссером поехала к реке, где обычно рыбачит на больших щук.

А после в прохладе её соснового дома состоялось наше интервью. Она отвечает на мои вопросы, которые отражают суть её пути. Пройдет совсем немного времени, и это уже будут мысли людей, живших на рубеже столетий и тысячелетий. Во времени, в котором жило моё поколение. Как люди искали пути выражения своего «Я», чтобы после стать «Мы». Наш вселенский макромир состоит из множества микромиров. Всё это вместе я называю жизнью Вечности. И вот, какое оно, дыхание времени, в мыслях нынешних манси и ханты?

После в залитом летним солнцем доме мы вкусненько пообедали и засобирались в обратный путь. Потому что нужно было выполнить объем работ, предусмотренный планом командировки. Этот день на земле Тээрне, в доме Тээрне мне запомнился шутками и очень смешным курьёзом, произошедшим со мной. Теперь, когда я вспоминаю тот случай, мне становится по-летнему тепло и радостно, что я могу сама над собой по-доброму посмеяться.

Мы отправились в обратный путь. По дороге были съемки общих планов природы и въезда в город легендарного Самара. Немного передохнув, вслед за солнцем мы вновь отправились к Иртышу, где продолжались съемки археопарка, могучих холмов и летние виды земли и воды с высоты памятника «Покорителям». Непонятно, покорителям чего? Если покорителям земли, то разве её можно покорять? Её можно только любить, как жизнь.

А после я увидела удивительную картину, словно распахнулось окно в древность мифологического времени.

…Вечерний закат расплескал свои лучи на могучие холмы, лики которых испещрены ручейковыми морщинками. У их подножия скульптурный, мамонтовый мир, который неспешно проживает свое время. И вдруг на фоне этой археовечности вдоль холмов, словно на экране большого вселенского телевизора, с треногой в руке и камерой на плече идет наш оператор Курангвой. Он как древний титан-великан, оставшийся после потопа. Его длинные ноги очень легко перешагивают через ручейковые морщинки холмов, весь его облик озадачен съёмками. Видно, что он в поисках самого лучшего своего кадра. Он хочет успеть зафиксировать этот современный археомир в лучах заходящего солнца. Его быстрый, длин-

ный шаг говорит, что он дорожит настоящим. Издали кажется, что он один, совсем один остался среди мамонтов и идет по этой большой зеленой планете, а мощный земной экран показывает его и его мир сейчас в увеличенном масштабе. Для меня это был удивительнейший фрагмент показа земной картины мира в теплых красках этого доброго, прекрасного дня. Большая земная телепанорама, где на главном полотне Творца наш Курангвой, смело шагающий по жизни с телекамерой и умеющий перешагивать через времена Вечности и ценить каждую капельку жизни.

А после мы фотографировались на фоне летних пейзажей и уже хорошо уставшие поехали в гостиницу. За ужином, одухотворенный съёмками, нас смешил Курангвой. Обычно он сдержан, немногословен. А если и говорит, то говорит осмысленно и продумывает каждую фразу. Из рассказов я знаю, что он вырос в семье профессора, поэтому и сам серьезно занимается биологической наукой и выступает с научными докладами как в России, так и за рубежом. А еще они вместе с нашим режиссером Валерием Крыловым снимают серии документальных фильмов «Записки сибирского натуралиста». Я видела их фильмы об Алтае, где берет истоки Обь, и о празднике Ивана Купалы. Меня очень тронули их работы. Но была еще больше удивлена, когда узнала, что в прошлом Курангвой был рок-музыкантом. И вот за ужином казалось, что все мы устали за день. Играла музыка. За столом нас было четверо. В такт быстрой музыки Курангвой смешил нас, его мимика лица, движения шеи, рук, торса были очень пластичны, и сам очень артистичен. Будто он и не устал. Это здорово, когда человек не боится своих чувств и эмоций, он позволяет себе быть тем, кто он есть, и умеет искренне радоваться жизни. Это ведь тоже счастье!

Когда я собиралась уже спать, то на устах у меня было слово «Юильхонда», именно оно, на мой взгляд, еще полнее выражало суть моей Татьи. Она сливается с рекой, с мансийской Юильхондой. Спасибо, что ты есть в моей жизни. Тихая теплая ночь с мерцанием далеких звезд спустилась на землю и ждет своего продолжения в новом дне. Таким было моё 20 июля 2013года.

6. ТАК ВИЖУ, ТАК НЕ ВИЖУ

Сегодня воскресенье. Пятый день моего путешествия к Югорскому Солнцу. Мне нравится просыпаться рано, очень рано и наблюдать за птичьим миром, миром распускающихся цветов, осязать, слушать земную тишину и вдыхать аромат пряного утра. В нем есть своя прелесть. Мир еще не тронут людской суетой, и я с ним в тайном диалоге.

Новое раннее утро, оно, как новое платье, несет в себе заряд нового, еще не прожитого мною дня. Белая сатиновая постель отдает прохладой. Сквозь открытое окно в воздухе чувствуется приближение летнего зноя. Чуть позже пришла моя сладенькая дочь – Лилия, а Лясёней я называю её с младенчества в уменьшительно-ласкательном значении. Здесь, в городе Самара, нам очень помогает в организации съемок. Она обладает хорошей хваткой современного менеджера. Умеет практично использовать время. Очень организованна. Мне приятно это видеть. Всей группой позавтракали в ресторане гостиницы, и в 10. 00 мы были в парке Лосева. Там нас ожидала Мария Кузьминична Волдина. По национальности ханты, учитель по образованию, мыслитель, философ, фольклорист по взглядам, мама, бабушка по жизни, и еще можно перечислять много, много ролей, которыми её наградила природа и с которыми она с легкостью справляется. Бог знает - кому, сколько и что посылать.

Когда мы шли к ней, то по дороге я прочла удивительную надпись, к сожалению, имя автора этих строк было неудачно спрятано за рамкой стенда: «Все люди излучают свет, а некоторые – это целое солнце». Это действительно так! У нас именно такая встреча с человеком-Солнцем – с Марией Кузьминичной Волдиной.

В нашем древнем Обдорске – Салехарде мне всегда необходимо видеть гордый лик Уральских гор. Они не только украшают мой мир, мир моей семьи своим величавым видом, но еще и своей непоколебимой мощью наводят на размышления.

…Бывает, большие облака обволакивают горный хребет и гор не видать. В такие дни нет ни дождя и ни солнца. И я заметила, что и в жизни есть люди, похожие на такие дни. Им не хорошо и не плохо на этой прекрасной Земле. Словно всегда ноль градусов в душе и в сердце. Рядом с ними тоже никак: и не плохо, и не хорошо. Чаще всего они пытаются на кого-то походить, но не на себя. Порой лезут из кожи, чтоб выделиться. Какое-то время они могут быть и на виду, но до тех пор, пока рядом с ними не появляются другие, которые по природе своего происхождения наделены большим. В них есть главное, роскошь – умение быть самим собой, и этим они притягивают к себе. Они источают древний свет – свет таинства первотворения. Словно жизнь после дождя, когда вновь в мире все новое.

Такие люди похожи на дни, когда с гор сползают облака. Солнце отражается в их далеких вершинах. Горы сияют чистотой первоснежья, и мы, люди, созерцая такое величие природы, кто молча, кто вслух,

восторгаемся нерукотворным полотном Творца, при этом ощущаем приток физических сил, энергию природы в себе. Кажется, небо разверзлось, нет его купола, а мир стал прозрачным, невесомым, хочется дотянуться, дотронуться, коснуться этой высоты-чистоты и вобрать в себя.

При встрече с такими людьми мы не сразу можем ответить, почему они притягивают наш взор среди многих, мы тянемся к теплу их сердец, свету глаз, нам приятно общение с ними и хочется их видеть и слушать, кажется, что им все удается с легкостью, все получается, что они баловни судьбы. Обычно у таких людей очень задорный смех, раскатистый, и хочется тоже улыбаться, и в этом они тоже щедры и талантливы. Они озаряют светом силы жизни, они способны вдохновлять на добро. В мире много людей с красивыми глазами, но я давно заметила, что есть внешне красивые глаза, но пустые внутри, еще не заполненные смыслом. А есть люди, взгляд которых притягивает содержанием, красотой души. В свете их глаз есть нежность силы. Такой взгляд более мощный и тонкий. Когда они смотрят, то кажется, что они видят тебя насквозь и дальше. Они говорят глазами, смеются глазами, задумываются глазами и гладят глазами. Такие люди, независимо от должности, положения в обществе, выделяются, их видно, даже когда они молчат или слушают. Рядом с ними легко и свободно.

Подобно приближению к горам, ты видишь и понимаешь, как непросто такие люди сотворены и созданы. Они смотрят на мир нежно. Умеют гладить взглядом облака на небе и трогать их завитушки, целовать глазами первую зелень земли, умеют восторгаться блеском осеннего инея на тротуаре и говорить с первым снегом. Как и в лабиринтах горных ущелий, в их добром взоре можно прочесть очень многое, и где-то глубоко, в сиянии этих глаз притаилась горькая боль, которая никогда никуда не уходит, она внутри самого человека. Они не гонят её, а живут с нею, творят с нею, созидают и любят через неё и учат этому других. Чаще всего таким взглядом обладают наши родители, и, к моему счастью, я не раз в жизни встречалась с такими людьми, они среди нас. Именно к таким людям отношу и Марию Кузьминичну Волдину.

Сейчас, в июльском лете 2013 года, Мария Кузьминична встретила нас в ярко-синем ханты платье. Я смотрела на неё и мысленно благодарила свою работу, что у меня есть счастье видеть, слушать и слышать её. В центре парка Лосева есть небольшой пруд, в нем отражались кудряшки берез. В один момент мне казалось, что она полностью слилась с их белыми стволами и листвой, и я подумала, как человек похож на свою землю, как он гармоничен с ней. С Марией Кузьминичной я заочно знакома давно. Еще в школе я услышала её ханты песни, записанные на виниловую пластинку, но лично познакомилась с ней в 1996 году, на съезде писателей Севера в городе Салехарде, тогда она возглавляла газеты на ханты и манси языках в Югре. У каждого народа есть свои легендарные сыновья и дочери, есть свои мудрецы, через жизнь которых виден и сам народ. Думаю, что Мария Кузьминична Волдина как раз из них. И вот что она поведала нашей съёмочной группе.

Её родина – это священные земли и воды оленеводов реки Казым. Там прошло детство, где учили её уметь жалеть, сострадать, не обижать, не срывать попусту цветы и травы, чтобы не делать больно ни земле, ни птицам, ни зверям, ни людям, потому что весь этот мир – живой. Это было время становления колхозов. Кочевья её рода Вогатовых доходили до земель Ямала. На многие её детские «почему» мудрые взрослые находили ответы. Я слушаю её, и мне видится такая картина…

Весна, весь её дом готовится к далекому кочевью на весенние земли. Уже появились первые оленята, и она, шалунья, девочка с двумя хантыйскими косами, в ярком, красочном ханты платье с нагрудными украшениями, с руки кормит маленького олененка. Они похожи с ним, потому что в этом мире для них все ново и поэтому интересно. Они смотрят на небо, оно одно у них, они ходят по весеннему снегу и не проваливаются, потому что оба легки, в них нет еще тяжести и у обоих впереди – Жизнь. У неё школа, где она будет очень скучать по нему, по своему ручному олененку, а он будет ждать её на зимних и весенних землях, когда выйдет его маленькая хозяйка и поделит с ним кусочек душистого хлеба, и оба, оба будут по-детски счастливы. В этом и есть вся сила и мощь, и гармония жизни, и в ней же зыбкость этого мира. Самое главное, что эти двое – маленькая девочка Мария и её олененок – уже знают об этом.

Школьные годы птицей пролетели над родными землями. После была учеба в Ханты-Мансийском педагогическом училище. Молодость – это большие горизонты жизни, это резерв времени, которого одновременно и много, но в то же время не хватает молодой девушке, потому что она уже в красивейшем городе-музее, она у вод святой Невы, она в великом Ленинграде. Здесь, в эпицентре научной, культурной мысли, она встречается со своими сверстниками из других северных регионов и все вместе они постигают тайны знаний великих философов, литераторов, ученых, режиссеров… Позади учеба в городе на Неве и возвращение домой, в родной поселок Казым, где она молодой специалист – учитель. Мария Кузьминична рассказывает далее, как в партийные времена она самостоятельно разобрала ветхий интернат в

родном селе и сложила его заново, но этого делать было нельзя: это государственная собственность – напомнили ей строго на собрании. Вспоминая этот случай, моя собеседница смеётся и мы, слушая её, тоже смеемся, а я вновь в ней вижу ту смелую девочку-шалунью, что веснами кормила с руки своего олененка во время кочевья по детству.

Чуть позже в двери её жизни вошла Любовь. Молодой парень по фамилии Тарлин, за которого она и вышла замуж. Судьба человека как дерево: если есть крепкие корни, то обязательно, должна быть и крона – это дети. Их у молодой пары родилось трое. Река времени вместила все в её сердце: и любовь, и семью, и работу. Это было время счастья, но внезапная смерть мужа многое изменила в её судьбе. Человеку, не познавшему горя, очень сложно понять боль скорби женщины-матери-жены, оставшейся с тремя маленькими детьми на руках, было больно за детей, было больно за себя… Но горечь слез одиночества не сломили её. Неудачи и беды тоже устают. Вслед за метелями жизни приходят оттепели.

В нашей жизни нет случайностей, и не мною замечено, что подобное всегда будет притягиваться к подобному, и поэтому я уверена, что все наши земные встречи предопределены свыше. Большое счастье – встретить в жизни своего человека. Как-то раз в Казым приехал молодой радиожурналист-поэт Владимир Волдин, и ему небесами предопределено было встретиться с молодой учительницей Марией Кузьминичной. А после в этом мире счастья стало стократ больше, оно было одето в одежды поэзии. Каждый раз Мария Кузьминична получала из Ханты-Мансийска письма, написанные стихами. Так в её жизнь и в жизнь её детей пришел Владимир Волдин. Поэтическим дыханием он оживотворил весь её мир. У неё появились еще два мощных крыла, и, подобно солнечным лучам, счастье раскинуло свои кисти по её жизненному пути. На мой взгляд, настоящая, высокая любовь в жизни мужчины делает его сильнее и определяется не столько словами, сколько способностью совершать мужские поступки, брать на себя ответственность. Владимир Волдин забрал её вместе с детьми Ханты-Мансийск, после они стали работать на окружном радио, и их передачи стали единым голосом народа ханты, что зазвучал над родной Югрой, над озерами и реками, над землями и водами, в городах и дальних таёжных угодьях. После родилась дочь Татьяна, ныне она кандидат исторических наук и сейчас возглавляет Центр культурного наследия ханты имени Владимира Волдина, жизнь которого продолжается в его поэтических строках, в делах дочери, во внуках и в памяти женщины, которую ему посчастливилось любить и остаться навсегда быть любимым... Это тоже великое счастье!

В момент рассказа Марии Кузьминичны о себе легкий летний ветер закружил над нами, стал играть листьями берез, и мне казалось, что сам Владимир Волдин, её муж, вторил ей, каждому слову, напоминая, что он незримо всегда рядом с ней.

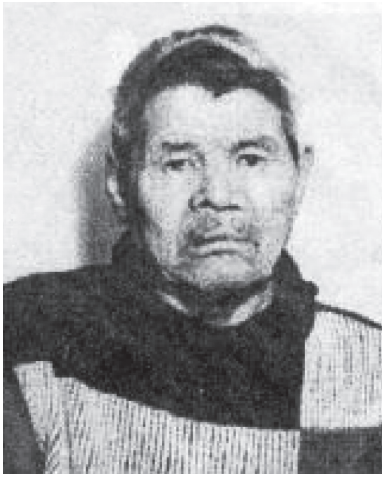
После Мария Кузьминична долгое время возглавляла объединённые редакции газет на ханты, а потом и на манси языках. Талантливый человек многогранен. Она пишет стихи, её книги востребованы. Более 25 лет прошло, как она создала свой семейный ансамбль «Ешак Най», который стал визитной карточкой Югры, с которым, по её словам, она объездила пол земного шара и которому присуждено звание «Народный». Через родное ханты слово она учила и учит своих детей, внуков, людей любить, ибо ради этого мы и приходим в этот светлый, прекрасный мир. Любить свой дом, близних, работу, дело, которое делаешь, день, в котором живешь. В этом и заключается смысл жизни. Она щедро делится своими талантами, теперь уже её внуки в лице Виктора Банка привлекают молодежь к родной культуре и выступают на различных молодежных площадках. Мария Кузьминична своим лучезарным светом души наполняет свое окружение. У костра её души греются люди с низовьев и с верховьев Оби.

После интервью Мария Кузьминична, легко пританцовывая, как блик солнца на водах пруда, задавала ханты загадки нашей съемочной группе, мы с трудом отгадали некоторые. Но больше всего мне запомнился облик Марии Кузьминичны, её своеобразная пластика рук, движение головы и слова: «Так вижу, так не вижу, что это?!» Мы долго думали. Она не торопила. Мне было очень интересно. Что же это? Я поняла, что ответ находится где-то в телодвижениях, но где?..

Когда я готовилась к встрече с ней, то захватила собой ей с подарок, – сплетенное мною еще когда-то в молодости ханты бисерное украшение. Оно очень подошло к её синему платью. Она же в ответ подарила нам свои книги и аудиодиски. Еще мы фотографировались вместе и распрощались. А после я опять увидела, как в ней проснулась шалунья, она по-детски озорно стала перебегать проезжую часть, и в тот момент даже дорога тоже стала светлой и радостной. Её имя стало известно далеко за пределами Югорской земли, она прославила её своей любовью. Её песни поют в разных землях, сила, вложенная в её стихи, песни, объединяет людей. Такая женщина – жена, мама, бабушка, поэтесса, журналист, общественный деятель – живет у вод Иртыша, где летний ветер ласково играет с листьями берез. Умеющая

любить и быть любимой, умеющая озарять жизнь вокруг светом добра, светом созидания. А её загадка: «Так вижу, так не вижу» и при этом движение ладонями то тыльной стороной, то внутренней, озадачили меня философским вопросом: «Так вижу мир, а так уже не вижу?..»

P. S. Эта встреча была у нас в первой половине знойного 21 дня июля 2013 года в березовом сердце г. Ханты-Мансийска.

НОВЬЮХОВ МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ

Новьюхов Матвей Иванович (1928–1992) родился в 1928 году в деревне Тутлеим Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа в семье ханты. Окончил восьмилетнюю школу-интернат. Затем был длительный период, полный драматических событий, среди которых М.И. Новьюхову удалось сохранить и дар поэтической речи, и добрые чувства к людям, любовь к миру. О.С. Прокофьева заметила: «Ему достались долгая разлука с родительским домом, судимость как наказание, которое он воспринимал несправедливым, положение отверженного, трудное взаимодействие с литературными редакторами, напряженный путь совмещения традиционного для его народа образа жизни (охотника и рыболова) с новым, что принесли в тайгу создатели леспромхоза и города. Творчество М. Новьюхова полно контрастов. При этом есть отчетливые объединяющие лейтмотивы: любовь к стихам, потребность в отзывчивости и готовность к ней, вера в силу природных начал жизни, тревога за устойчивость мира на земле».

С 1969 года поэт жил в Нягани. Тетради рукописей этого автора хранятся в краеведческих фондах двух музеев города Нягань. В двух рукописных сборниках-тетрадях М.И. Новьюхова около пятисот стихотворных текстов. Большинство произведений поэта, в которых указана дата, относятся к 1962, 1963 годам.

Произведения самобытного хантыйского поэта печатались в региональных газетах, в альманахе «Няганские родники».

РОДНОМУ КРАЮ

Привет тебе, мой край лесной,
с тобой сроднился я навеки.
И днем и ночью предо мной
твои луга, становья, реки.

Люблю я шум родных лесов
под звездной чашей небосвода,
люблю я песни стариков
о прошлом нашего народа.

Нарс-юх – нет в мире ничего
его светлей и мелодичней,
в нём грозной битвы торжество
и сладкозвучный голос птичий.

Родимый край, мои следы
в твоих просторах не завянут.
Они, как алые цветы,
горят вдоль рек и на полянах.

Родимый край, неужли вновь
с тобой не встретимся мы вскоре?
Я так давно не видел Обь –
реку, раздольную, как море.

Я так давно не кочевал
под перезвонный бег оленей,
давно веслом я не играл,
борясь с неистовым теченьем.

И сети белые мои
совсем соскучились без дела,
вдали от ласковой реки
они висят осиротело.

Прими, хантыйский мой народ –
и рыбаки, и звероловы –
моё приветственное слово,
что из души само поет.

Как вы живете? Как дела
в труде нелегком и тревожном?
Щедра ль по-прежнему земля?
Богат ли зверем край таёжный?

Я вам желаю от души
строфой, как солнца шар, горячей:
пускай родные шалаши
не покидает свет удачи!

ВШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ…

I

Среди рек больших и малых
в очень давний, древний год
поселился мой отсталый,
но воинственный народ.

Он охотился на зверя,
ставил сети, птицу бил
и в чертей таежных верил,
и чертовски водку пил.

Водку пил самозабвенно,
пропивая шалаши,
но хранил он неизменно
крепкий дух своей души.

Постепенно, год за годом
мой народ тропинку вел
в стан советского народа,
в мир дворцов и светлых школ.

Незаметно, понемногу
продвигаяся вперед,
на широкую дорогу
вышел мой родной народ.

Жадно он тянулся к знаньям,
словно к солнышку листва,
И в его образованьи
помогла ему Москва.

По тайге зазолотились
школьных зданий огоньки,
и заводы появились
вдоль прославленной реки.

Водят Обью пароходы
капитаны – мой народ;
Ханты – славные пилоты –
водят в небе самолет.

Мой народ во все секреты
проложил победный след.
Только не было поэта,
но явился и поэт.

II

Не хвалюсь я понапрасну,
что поэт я неплохой.
Хоть стихи порой неясны,
но написаны с душой.

И придет то время скоро,
песнь моя войдет в зенит.
По родным лесным просторам
мое имя прогремит.

И ударит громом в ухо
всех трудящихся людей
грандиозное: Новьюхов,
величайшее: Матвей.

Я войду в Москву со славой
и спокойно встану в ряд,
может слева, может справа,
в поэтический парад.

И скажу я Исаковским,
Долматовским и Твардовским
и еще кому-нибудь:
«Потеснитесь-ка чуть-чуть!

Я читал творенья ваши
о Москве, о целине,
о борщах, о пшенной каше,
о видениях во сне…»

Не скажу я вам: «Ол райте».
Не воскликну: «Э-ге-ге!»
Я скажу: «Вы почитайте
мои песни о тайге.

В них медведи и синицы,
в них тревожные пути…
Есть чему в них поучиться,
если хочется расти».

Это всё, конечно, шутки,
скородумки, прибаутки;
обижаться вам не след.
Здесь, под мирным небосводом,
у хантыйского народа
появился свой поэт.

ПОД ГАРМОНЬ

Грустили под осень березки,
был ветер, как жгучий огонь.
Парнишка плечистый и рослый
на улицу вынес гармонь.

И вот, грусть-тоску разгоняя,
гармоника звонко поет,
как будто тебя называет, –
на пляски, на песни зовёт.

Напев ее разнообразный
сливался, как реки весной,
в веселый и радостный праздник
над Северною стороной.

Хотелось мне так, как гармошка,
крылатую песню запеть,
чтоб песней моей хоть немножко
мой Север суровый согреть.

ПЕСНЯ

Я родился над Обью
и рыбачил на ней,
к ней с особой любовью
бьется сердце во мне.
Здравствуй, Обь дорогая.
Сколько зим, сколько лет?!
Из далекого края
шлю тебе я привет.

Здравствуй, берег скалистый!
Где зимой и весной
воздух свежий и чистый
и как будто хмельной;
где любуются ивы
в чудо-зеркало вод.
Здравствуй, край мой любимый,
мой хантыйский народ!

***

Вот вечер, и ветер капризный,
и дождичек мелкий идет,
несется туман серо-сизый
над валом бушующих вод.

Мы в парусной лодке с сетями
пустились рекой в дальний путь.
Огромные волны за нами
разгневанным зверем бегут.

Бегут и шипят за кормою,
их взгляд неприязнью горит,
и, словно седой бородою,
хотят они лодку накрыть.

Но парус могучею птицей
стрелою уносит нас вдаль,
туда, где муксун серебрится,
где нельма сверкает, как сталь…

***

Слышу ласковый шепот деревьев,
слышу ласковый лепет травы.
Облака белокурым кочевьем
на востоке разбили шатры.

Из-за гор розоватым сияньем
о себе заявила заря.
И плывет, и цветет в мироздании
утро нового русского дня.

Утро новых надежд и свершений…
И я чувствую, в сердце моем,
раскрывается стихотворенье,
словно роза под вешним дождем.

***

Не звенят подковы,
ветер чуть живой.
Вымыт бор сосновый
желтою водой.

Птичье лепетанье,
всполох воронья.
Сонное дыханье
мартовского дня.

Медною монетой
солнце в вышине.
Здесь, по всем приметам,
нелегко весне.

Вспоминаю снова
март в краю ином:
землю рвут подковы,
осыпая гром.

Над ущельем горным
крылья распростер
величавый, гордый
молодой орел.

Солнце там бодрее,
веселей поля,
но мне всех милее
русская земля!

Парень незнакомый
машет мне рукой…
Здесь я всюду – дома,
здесь я всюду – свой.

***

Над Русью небо чистое
раскрылось колпаком,
вновь солнышко лучистое
согрело все кругом.

И стаей пташки носятся,
задорны и нежны.
Из сердца в сердце просятся
слова большой любви.

В душе моей весеннее
цветет, растет тепло.
И снова вдохновение
ведет мое перо,

как будто бы растаяла
вся боль в душе моей,
как будто мне подарено
все золото лучей.

РОДИНЕ

Для меня ты не просто большое понятье,
для меня ты не просто торжественный тост.
Для меня ты – я сам! И не раз умирать я
шел за счастье твое в свой несогнутый рост.

Твои думы, мечты мне близки и понятны,
как понятен и близок голос рек и полей…
В каждом творческом взлете,
в каждом подвиге ратном
я тебя узнаю в гордой силе твоей.

***

Если любишь ты Отчизну,
пусть всегда твое перо
от прекрасной нашей жизни
отсекает с корнем зло.

***

Если думать только о себе,
в собственной замкнувшись скорлупе,
в стороне от всенародных дел
незавидным будет твой удел.

Уважая одного себя,
ты поймешь (но поздно): прожил зря.
Если думать о стране родной,
жить её заботой и мечтой,
укреплять её и украшать,
ей навек всего себя отдать,
будет жизнь твоя ясна, красна,
чистокровной радостью полна.
И в глазах народа ты прочтешь:
«Человеком – правильно живешь».

***

Уйти из жизни очень просто:
взведи курок, петлю надень,
и для тебя погаснут звезды,
и для тебя погаснет день.

Но жизнь, прекрасная и в горе,
не переменится ни в чем:
всё те же утром будут зори,
всё то же солнце будет днём.

И будут женщины украдкой
своих любимых целовать.
Лишь, постарев, походкой шаткой
быстрей сойдет в могилу мать…

Уйти из жизни очень просто,
но подожди, не торопись,
взгляни внимательно на звезды,
всмотрись внимательнее в жизнь.

И ты поймешь, не вся измята
еще тобой в садах трава
и ждут красивые девчата
твои сердечные слова,

так заманчиво искрится
в бокалах добрый огонек.
В небытие зачем стремиться,
когда весь мир лежит у ног!

***

Грустно солнце над рекой склоняется,
розовеют кедры и сосна,
из-за леса важно поднимается
по незримой лестнице луна.

Круглая луна, розовощекая,
приоткрыв единственный свой глаз,
о тебе, любимая, далекая,
мне напоминает в этот час.

ТЫ И Я

Меня обидела судьба,
тебе во всем везет.
И что в достатке у тебя,
то мне не достается.

Судьбе, как видно, суждено
вторгаться в нашу жизнь:
за счет паденья одного
поднять другого ввысь.

***

Пока еще тропинкой узкой,
никем не ведомый, иду
и об Отчизне нашей русской
слагаю песни на ходу.
Но день придет, и песни эти
войдут в житейский обиход,
и обо мне как о поэте
заговорит родной народ.

КРИТИКАМ

Не зная чувств и вдохновенья
в своих душонках неживых,
терзали вы стихотворенья
и убивали молодых.

Когда на кладбище поэтов
уж не осталось больше мест,
вы поползли из кабинетов
ужом смирения на съезд.

И там, плаксиво сморщив лица,
признали вы свою вину:
так на суде иной убийца
льет преподлейшую слезу.

Но с ним недолги разговоры….
А вам дозволено опять
своим бездушным приговором
живых в могилы зарывать.

Вот так Есенина гноили
вы в замогильных погребах!
Какому черту вы служили,
благоухая на костях!

Кто вы?! Что дали вы народу!
Как вы воспели путь его!
Ведь он прошел огонь и воду,
разбил коричневое зло!

Я в бой иду на бессердечность
и повторяю всем в пути:
«Поэт не лошадь – вдел уздечку,
пришпорил, гикнул и кати…»

***

Смешно поэзии учиться,
Поэтом надобно родиться.

***

Для поэта первым делом – смелость.
Потому и в счастье, и в тоске
надо так писать, чтоб совесть пела,
пела в каждой песенной строке.

Кто силен душевною отвагой,
тот достоин звания «поэт».
Откровенье – родине на благо,
лицемерье – родине во вред.

***

Ни хореев, ни ямбов не знаю,
просто в памяти их не сдержать.
Мое сердце стихи вырубает
из чего – самому не понять.

Что за клад в моем сердце таится,
из которого мне невзначай
вылетают то пулей, то птицей
гнев и радость, ненастье и май.

Может быть, я не прав, ошибаюсь,
но не нужно теории мне.
Так, людского вниманья не зная,
расцветают цветы по весне.

Так поют соловьи, нас волнуя,
музыкантам давая урок.
Так лети же, смеясь и бичуя,
мой влюбленный в Россию стишок.

Пусть хореем тебя называют
или ямбом покличут порой,
ты ж лети, путь к сердцам пробивая,
на других непохожий, родной.

***

Пусть ты другому нежно говоришь:
«Люблю тебя…» – своим лучистым взглядом.
Но никогда ты мне не запретишь
Любить тебя, не требуя награды.

Я полюбил твой горделивый взор,
Прекрасных ног волшебное сиянье,
И твоих губ пленительный узор,
И речь твою, и милое молчанье.

Всё, всё в тебе волнует грудь мою,
Как душный вечер голубого мая.
О, как тебя безумно я люблю,
Всё это мысленно в ночи перебирая.

Пусть никогда мне губ своих не слить
С твоей чудесной трехкостровой новью,
Но счастлив я, что мне дано любить
Такой всесильной чувственной любовью.

***

О, не грусти, что нет любви,
что остаются без ответа
все чувства нежные твои,
хотя идет к исходу лето.

Любви таинственный рассказ
идет к нам следом за тоскою…
Быть может, в твой последний час
любовь предстанет пред тобою.

И всей планеты соловьи
провозгласят над миром грубым,
что миг восторженной любви
полнее многих лет безлюбых…

ГЛАЗА

В иных глазах такая пустота,
что кажется, ни мысль, ни мечта,
ни радости, ни светлые печали
их никогда собой не освещали.
Лишь злобный блеск увидишь в них подчас.
Держись подальше от подобных глаз.

К другим невольно зреет уваженье
за их честолюбивое горенье,
в котором, всё прекрасное любя,

увидишь ты порою и себя…
Но трудно с ними быть наедине,
они пустых опаснее вдвойне.

Но есть глаза – из миллиона глаз
они одни поймут, оценят нас.
Ты безошибочно в их искренность поверишь,
всё сокровенное им с радостью доверишь…
И улыбнутся четверо, как дети…
Дай бог тебе глаза такие встретить.

МУРАВЕЙНИК

День сегодня воскресный. Я сегодня – бездельник.
Но не знают спокойствия мысли мои.
У меня под ногами небольшой муравейник,
с грузом быстро вбегают в него муравьи.

Беспокойный народец, он любит движенье
И без устали строит подземный чертог.
Он во что-нибудь верит; в его представлении
я, наверное, злой и кощунственный бог.

На оседлых полях и в просторе целинном,
на бессчетных дорогах и в море цветов
плуг мой острый не раз резал мир муравьиный
и ногами невольно я давил муравьев.

И какой-нибудь мудрый, седой муравьище
говорил, собирая муравьиную рать,
что, мол, дескать, судьба их оставила нищими,
что, мол, надо немедленно строить опять…

День сегодня воскресный. Я сегодня – бездельник.
Мысли горько свивают больные мечты:
«Может быть, вся планета – небольшой муравейник
для того, кто глядит на людей с высоты…»

БОБЁР-РАСХИТИТЕЛЬ

(БАСНЯ)

Откуда-то из теплых мест
приплыл Бобер в уральский лес
и, времени не тратя по-пустому,
вошел к Медведю в кабинет.
«День добрый. Я здесь житель новый,
но обо мне наслышан целый свет.
Какие чудные готовлю я обеды: –
рагу и антрекот, салат и винегреты!..»
«Ну что ж, – сказал Медведь, – нам повара нужны...»
И в тот же день Бобра шеф-поваром назначил.
Медведь наш поспешил… Но в эти дни
пред ним стояли сложные задачи,
и он не мог вникать во все дела…

В столовой между тем жизнь кувырком пошла.
С утра до вечера бушуют разговоры.
На кухне, дескать, появились воры,
и потому-де постным стал обед.
Барсук немедленно созвал лесной совет.
И выяснилось в ходе обсужденья,
что у Бобра
продуктов полная нора,
а посему Бобру объявлено... предупрежденье…
Опять Бобер на кухне куролесит:
там – недодаст, там – недовесит…
Ну, в общем снова у Бобра
продуктов полная нора…

Порой советы коллектива за хищенье
выносят очень мягкие решенья.
А надо бы, не тратя лишних слов,
снимать с работы и наказывать «бобров».

***

Люди, умом богатые,
над чертежами гнулись,
догнулись до бомбы атомной,
взорвали… и ужаснулись…
На форумах и в эфире
нажали на все педали,
чтоб мир сохранился в мире.
Зачем же вы расщепляли?!

***

Не жду я реплики красивой
в родной и в дальней стороне,
но кто-то просто и правдиво
когда-то скажет обо мне:
«Он горемыкой в жизни был
и пред судом стоял в ответе,
но так Отечество любил,
как, может быть, никто на свете».

НОХРАЩ МИКУЛЬ (НАХРАЧЕВ НИКОЛАЙ НИКИТИЧ)

Нохращ Микуль (1957–2013) – это творческий псевдоним Нахрачева Николая Никитича. Родился в 1957 году в деревне Машпан Шурышкарского района ЯНАО. Закончил Салехардское национально-педагогическое училище, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева. В 1981 году окончил Надымское ТУ-4. По окончании Салехардского педучилища два года работал учителем начальных классов, затем оператором по добыче нефти и газа в Надыме, Уренгое, Игриме, Тамбейской экспедиции, одновременно был внештатным корреспондентом газеты «Наръяна Нгэрм». С января 2001 года работал специальным корреспондентом окружной газеты на хантыйском языке «Лух Авт». В 2002 году в переводе и литературной обработке Н.Н. Нахрачёва вышел сборник хантыйских сказок «Мозям ими».

Микуль Нохращ – сказитель, самобытный автор и исполнитель собственных песен, собирал фольклор народа ханты, был активным организатором национальных праздников.

За добросовестную работу награждался грамотами и благодарственными письмами Губернатора ЯНАО, Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО и Ассоциации «Ямал – потомкам!». За вклад в совершенствование газеты «Лух Авт» удостоен Знака отличия Международной профессиональной выставки «Пресса – 2007» – «Золотой фонд прессы». Он награжден памятной медалью «За успехи в создании, сохранении и пропаганде культурных ценностей коренных малочисленных народов Севера».

ЈАҢКИЕ

Јаҥкиен, јаҥкиен, јаҥкиен, јаҥкиен.
«Овс вот Акем ики,
Ешаи воӆыя, ешаи ронайи.
Еҥки ӆонщен аӆ аӆми.

Унт вой сох тары-туры
Эвием ӆумаӆтаӆом,
Эвием поналтаӆом.
Минэман аӆ тэрматы.

Каняр ёхан кимаӆан
Питы юхпи ун ёхом.
Щиелт ки манӆоман,
Щиелт ки наварӆоман?

Вошаҥ икен ун ампан
Щита ат хоратӆайман,
Щита ат уятӆайман.
Јанкиен, јанкиен.

ВУХСАР ПА ХӨЛӘХ

Вухсар ими вөс. Јєтут мощӑтты ӆўвэӆ шөк вөс. И пўш ӆўв эвэӆа путәрәӆ:

– Хөләх ики, сары, ӆєпәӆӆәм. Јупӆәм ӆўвэӆ: «Ма ики төсәм, тащәҥа йисәм».

Эвәӆ лупәӆ:

– Ӑнт мосәӆ ӆєпәӆтатыя! Нӑҥ йӑма ӆєтут воха.

Вухсар ими эвәӆ хөӆӆәты ӑнт питсәӆӆы. Катра йиҥки хўӆ вэӆты холәп вўсӆы па хира вортсаӆӆы. Хөләх икәӆ хуща мӑнәс. Хөләх хөӆәнтәӆ: ӑхуй йиӆ.

Иньщәсәӆ:

– Хуй щита?

Вухсар ими ӆєпәҥ эвәӆт ўвеӆ:

– Щит мин икем пиӆән йухәтсамән. Хөләх нумәсәӆ: «Ӑсэвәм нэш ики тувмәӆ. Йухи ат ӆуҥтыӆтән. Икеӆ кўш кєпа вантӆәм.»

Вухсар имеӆ лупəӆ:

– Икем опəращлаӆ пăтлам кӳтəн вөсəт, щитпăта ин ӆӳв хăтəӆ нувийəн вөӆты ăнт вєрətəӆ. Ищи мăттэ-ки сємӆы йиӆ.

Хөлəх лупəӆ:

– Щитпăта тӳтəн лăп хөртэӆəн. Ат ӆуӈӆətəн.

Төп вухсар ими ӆуӈəс, Хөлəх ики иӈщəсəӆ:

– Муй ӆєты питӆətəн?

Вухсар ими лупəӆ:

– Ныи ӆєваты. Мин йуӆəн ӆєтут ар тăйӆəмəн.

Хөлəх имəӆ ӆєпӈа ӆєтут урəӈəн мăнəс, вухсар имəӆ ӆӳв йӳпийəн ӆєпӈа ӆунəс па хирəӆа ӆєтут пунты питəс. Хирəӆ тєӆ вортсаӆӆы, ким ӆєпӈа төсӆэ па сӳӈа омəссаӆы. Хөлəх па щи нөмəсəӆ: «Щикем йăм, ăсэвəм ики төвмəӆ!»

Вухсар имəӆ ишкащəӆ:

– Ма икем ар вӳӆы тăйəӆ. Тăӆаӈ кăт вөн тащ. Ныи васы пушəх йӳкана вӳӆы сухəи мăӆєм. Тăта щи, вӳӆы сухӆам, хир ӆыпийəн.

Хөлəх йошӈəӆан хирəӆ валємəсӆы. Йăна па хирəӆəи муӆты ӆєпəт ут уӆ, ищиматты ки вӳӆы сух. Хөлəх нух амтəс: «Тăм вӳӆы сухəт эвəӆт ӆөмəтты сух йонтты рăхəӆ». Хирəӆ ӆєпӈа төты партсəӆэ.

Хөлəх ими лупəӆ:

– Мин пух тăйӆəмəн, ныи па эви тăйӆətəн. Йăм ӆуӆəи вөс, лын йăха вөӆты питсаӈəи.

Вухсар ими йэша нумəсыйəс па лупəӆ:

– Ныи пухəи ӆăӈхəӆ-ки, ма эвэм мăӆєм. Щиты шай йаньщман путəрӆəт.

Щăӆта вухсар ими ищимăтты ки икəӆ пеӆа лупəӆ:

– Я йухи мăнӆəмəн, вӳӆыӆəмəн аӆ лака мăнӆət.

Вухсар ими хирəӆ ӆєпаӈ эвəӆт аӆємəсӆы па йухи мăнəс. Йуӆəи эвəӆ пеӆа ньăхман путəрəӆ:

– Вантэ, ма хөлəх ики ӆєпəӆсэм. Ӆӳв нумəсəӆ ма йăна щи ики төсəм. Ӆыйəм холəп лэӈки вӳӆы сух йӳкана тăйӆəӆэ.

Эвəӆ па щи лупəс:

– Муйа нăӈ ӆєпəӆтантыӆан? Йăмəн мосəс ӆєтут вохтыя.

Вухсар ими лупəс:

– Нăӈ мăнєм аӆ вөнəӆты, ăнтөм-ки ма нăӈен ӆєӆы хăйӆəм!

Эвəӆ мăшйайа йис, ӆӳв па васы пушəхӆəӆ ӆавємəсӆы па ньухи кавəрты питəс. Щи кӳтəн хөлəх, вӳӆы сух мощăтман урəӈəн амтəѣьийӆ. Имəӆтыйəн йиӈки холпи хирəӆ щӳрыты питəс.

Хөлəх ими ӳвəӆтас:

– Муй щита щӳрыйəӆ?

Хөлəх ики лупəс:

– Ăсəвəм, таӈха, йӳвмəӆəн хирəӆ мурəӆса.

Пухəн йухи йухтəс. Ӆын пухəна вӳӆы сухəт эвəӆт лупсатəн.

Пухəн путəрəӆ:

– Хута вөӆӆəт? Єтəӆтəӆəн.

Хөлəх ими хирəӆ єӈхсаӆӆы, катра хӳӆ веӆты холəп хирəӆ эвəӆт ким таӆсəӆӆы, лупəӆ:

– Вантəты, – нємəӆты ăнтом! Төп ӆыйəм йиӈки холəп!

Хөлəх ики ӆыкащəс, лупəӆ:

– Ӆэпаӈ ов холəпəн лăп таӆӆəӆəн. Вухсар ими па-ки йухəтəӆ, ӆєтут ӆєпаӈ эвəӆт ӆӳв сахəт ат вӳӆ, йошəӆ хира хойӆсəӆə, йошəӆ карсэсыя хойӆ.

Йэша пура хăщəс, вухсар ими па щи йухтəс, па щи оӆмємəты питəс:

–Мин икемəн пиӆəн па щи нын хуща йухəтсəӆəн. Вӳӆы сух төсман.

Хөлəх ими кашаӈ верасəс, лупəӆ:

– Ма тăмхăтəӆ ухєм щикем каши. Ким этты ăнт вєрətӆəм.

Вухсар ими лупəӆ:

– Мин тєрмаӆəӆман.

Ӆӳв ӆєпӈа ӆоӈəс. Йошəӆ хира лӳкемəсӆы. Йошəӆ хирəн тăхəрӆəс. Хунтаты вӳтщитəс па холəпа тахəрӆəс.

Ӳвəӆ: Муй нын ма пиӆəмəн верӆəты?

Хөлəх ики лупəӆ:

– Нăӈена нăӈ атəм версэн. Муйа муӈэв ӆєпəӆсэн? Муйа вӳӆы сух йӳкана ӆыйəм холəп мăсэн? Муйа па хоятат ӆєпӈата ӆоӈтыӆəн?

Вухсар ими хоӆӆəты питəс:

– Єсӆəӆən мăнєм!

Нємəӆты хойн ăнт њотса. Йөхи карсэсəӆ пиӆən йухтəс. Эвəӆ парӆəӆы:

– Эвие, њоты мăнем карсэсəм нох вуты.

Эвəӆан ӆєпəӆтытаӆ урəӈən њотты ăнт ӆаӈхəса. Па хоты верты, аӈкэӆ шаӆа йис па њотсəӆӆы.

Щиты вухсар ими хөӆəхən вөнəӆтəса!

ЛИСА И ВОРОН

Жила Лиса. Добывать пищу ей было лень. Однажды она говорит своей дочери:

– Обману-ка я Ворона. Скажу ему: «Я замуж вышла, богатая стала».

Дочь отвечает:

– Не надо обманывать! Ты по-хорошему попроси еду!

Лиса свою дочь не стала слушать. Старую мокрую рыбацкую сеть взяла и в мешок положила. К Ворону пошла. Ворон слушает: кто хоть пришел? Спрашивает:

– Кто там?

Лиса из сеней отвечает:

– Это мы с мужем пришли.

Ворон думает: «Сестра (двоюродная), оказывается, замуж вышла. Пусть домой заходят. На ее мужа хоть посмотрю».

Лиса говорит:

– Предки мужа в темноте жили, поэтому он при дневном свете не может жить. Тоже как будто может ослепнуть.

Ворон говорит:

– Свет гасите. Пусть заходят.

Как только Лиса зашла, Ворон спрашивает:

– Что будете есть?

Лиса говорит:

– Вы ешьте. У нас дома много еды.

Жена Ворона в сени пошла за едой, Лиса за ней в сени зашла и в мешок стала складывать еду. Мешок полный набрала, в сени вынесла и в угол поставила. А Ворон думает: «Как хорошо, сестра (двоюродная) замуж вышла».

А Лиса хвастает:

– У моего мужа много оленей. Два огромных стада. Вам вместо утиных яиц дам оленьи шкуры. Вот здесь оленьи шкуры, в мешке.

Ворон потрогал мешок. И правда, в мешке что-то мягкое лежит. Наверно, оленьи шкуры. Ворон думает: «Из этих оленьих шкур можно одежду сшить». Мешок попросил в сени унести.

Жена Ворона говорит:

– У нас есть сын, а у вас дочь. Хорошо бы было, если бы они поженились.

Лиса немного подумала и говорит:

– Если ваш сын будет согласен, то я отдам дочь замуж.

Так и беседовали за чаем.

Затем Лиса как будто мужу говорит:

– Ну, пора домой собираться, а то вдруг наши олени разбегутся.

Лиса мешок из сеней взяла и пошла домой. Дома дочери, смеясь, говорит:

– Гляди, как я обманула Ворона. Он подумал, я правда замуж вышла. Гнилую рыбацкую сеть отдала вместо оленьих шкур.

Дочь опять говорит:

– Зачем ты обманываешь? По-хорошему надо было попросить еду.

Лиса говорит:

– Ты меня не учи, а то я тебя голодной оставлю.

Дочь замолчала, а Лиса съела утиные яйца и стала варить мясо. В это время Ворон не нарадуется тому, что приобрел оленьи шкуры. Вдруг из мешка со шкурами стала вытекать вода.

Жена Ворона воскликнула:

– Что там капает?

Ворон говорит:

– Сестра, наверно, пока шла, под дождь попала, мешок промок.

В это время пришел сын домой. Они сыну рассказали про оленьи шкуры.

Сын говорит:

– Где лежат шкуры? Покажите.

Жена Ворона мешок открыла, старую мокрую рыбацкую сеть вытащила из мешка и говорит:

– Посмотрите, – ничего нет! Только гнилая мокрая рыбацкая сеть!

Ворон рассердился, говорит:

– Двери сеней сеткой обтянуть надо. Если Лиса опять придет продукты из сеней самовольно брать, лапу засунет, лапой в капкан попадет.

Немного времени прошло, Лиса опять пришла и стала опять врать:

– Мы с мужем снова пришли к вам в гости. Принесли оленьи шкуры.

Жена Ворона притворилась больной, говорит:

– У меня сегодня так голова болит. Проводить вас не смогу.

Лиса говорит:

– Мы торопимся.

Она в сени зашла. Лапу в мешок засунула. Лапа застряла в мешке. Хотела убежать, да в сети запуталась.

Кричит:

– Что вы со мной делаете?

Ворон говорит:

– Ты сама себе плохо сделала. Зачем ты нас обманула? Зачем вместо оленьих шкур дала гнилую мокрую рыбацкую сеть? Зачем в чужие сени заходишь и воруешь?

Лиса стала плакать:

– Отпустите меня!

Никто ей не помог. Домой вернулась с капканом. Дочери говорит:

– Доченька, помоги мне освободиться от капкана.

Дочь не хотела ей помогать из-за того, что она обманывала всех. Ну что сделаешь?! Стало ей жаль мать и она ей помогла.

Так вот Ворон проучил Лису!

(Перевод Г.Л. Нахрачевой)

ХӨЈӘМ ЙАЙ

Хөјәм йай вөсәт. Вөнта ӑктәщты питсәт. Ай апщәј вөн йайәја лупәј:

– Тӑм хӑтәј, вөн йайе, нӑӈ йујән хӑща, мин йухәтты вөнта ӈєтут вєра.

Апщиӈан мӑнтсәӈән. Вөн йай йујән хӑщәс, хот ӈыпэј ӈэщатәс, йўх сэврәс, ӈоњщ аӈтәс. Ӈант вєрты њухи ӈуӈәӈтәс, ӈаӈки њухие. Пўта њухи муӈәмсәјэ, шай кавәртәс, омәсәј.

Имәӈтыйән хот хӑр иӈпи сохәј нух рӑкнәс, щит єӈты и «муӈты» щи єтмәј. Хуйат хурпи ӑнт вөј, кўљ хурпи па ӑнтөм. Ухәј пуӈпи, вой тыхәј хурпи, кўрӈаӈәј ващәт-ващәт. Хот хўват щи наврәс, щӑӈта вөн йай хуща кутәрмәты питәс. Иӈ њӑрємәсӈы вөн йай. Ин кавәртам пўт хоӈ ӈєсӈы, щӑӈта мӑнәс хуӈща йухтыӈыйәс.

Йэтна йис. Апщиӈәӈан йухи йухәтты пурайа йис. Камән путәртән щащәс:

– Йаймэн ин йуӈән, кўш кєпа хотэв хошәм. Ӈєтут аӈпа вєрәс, ин ӈєӈув па иӈ уӈув. Шитам йуӈән, иӈ, таӈха, вуйемса?

Йухи ӈуӈємәсӈән, пӑтлам. Ай апщеј көрәј ӑӈәс, ӈєтут кавәрты питәс. Кўтәп йайәј вөн йайӈ курытты питсаӈӈы, ӑнт вєрӈәӈ.

– Муй щирән щиты таха вуйәмса, мосәӈ вэӈса?

Апщәј лупәј:

– Ӈєтут вєра, йайе, ма па вөн йайєм киӈтаӈэм.

Ай апщәј вөн йайәј и ӈўйән њухтасӈы па, хот хӑр сохәј нух рӑкнәс, вөн йайәј па нух вєрәмәс. Пӑсан вєрсәт, йӑма ӈэсәт, иӈы уӈсәт.

Аӈәӈсахәта йис, апщәј лупәј:

– Тӑмхӑтәј ма хӑщӈєм, вӑнтӈєм, муй щимәщ «муӈты» йухтыйәј мӯӈ хотәва. Йӑна пеӈа йурәӈ?

Йайӈəлан мăнтсаӈən. Лӯв йӯх сэврəс, ӆоњщ алтəс, хот ӆыпэл ӆэщатəс. Лупаса йăӈхəс, ӆов сух тəс, ӆов сух эвəлт ар кэл эвтəс. Көрəл ăлəс, ӆєтут вєрəс. Йэша омсəс. Щăлта муй хоты йис? Хотхăр сохəл нух рăкнəс, щăлта и «мулты» щи єтмəл. Хот хӯвət щи навəрты питəс, хот щуӈət хол вантсалӆы. Йай апщи хуща кӯлащты питəс. Йăна щи, хуйат хурпи ăнт вөлмал, кӯль хурпи па ăнтөм. Ухəл пулпəӈ – вой тыхəл хурпи, кӯрӈалəл ващиеӈən- ващиеӈən. Хӯв кутəрмəсӈən, шєӈк хӯв. Ай апщи нөмəсəл: «Йурən, ӆөлən, ат йухəтлайєм». Төп щиты нөмəлмəс па йурən щи йухəтса, ин мөнты ӆэщатам кэлəлən и «мулты» ил щи йирсəлэ. Ищи матты кăт ху, хөлəм ху йурən măса. Сора-сора ил йирсəлэ ин «мулты», көр пӯӈəла вущкəслэ.

Йэшащтən эвəлт йэтна йис. Йайӈəлан йухəтты пурайа йис, камəн щи щащилыӆтан:

– Апщемən ăнт щащəл, мосəӈ вєӆса и «мултыйən»?

– Вєрытас, ăнт вєритас, хуй вөл.

Йухи луӈсəӈən: апщən ӆылəӈ, хотəл хошəм, ӆєтут вєрам.

Ай апщəл лупəл:

– Вантатən, хой көр пӯӈəлən ул?

Йайӈəлан вантлətən – йăна щи, и «мулты» хуйат хурпи ăнтөм, куль хурпи па ăнтөм. Көр пӯӈеӆən ул, төп ӆылəл вөл.

Хөлəм йай и «мулты» вӯсət па хӯва вөнта төсəл. Щита ат ӆыйəл, войətн ат ӆєла, ӊухəл ӆєты хурпи ки. Щиты щи хөлəм йай хот куль вəлсəл. Йэллы йăма па щӯӊəӈа вөлты питсət.

ТРИ БРАТА

Жили три брата. Собрались они идти в лес. Младший брат старшему брату говорит:

– Сегодня ты, старший брат, дома останься, к нашему приходу еды приготовь поесть.

Младшие братья ушли. Старший брат дома остался, прибрал в доме, дров нарубил, снег принес. Занес мясо белки, чтобы приготовить суп. В котел мясо положил, чай вскипятил, присел отдохнуть.

Вдруг доски пола развалились, и оттуда появилось некое существо. На человека не похоже, на Куля – злого духа – тоже не похоже. Голова лохматая, как птичье гнездо, ноги тонкие-тонкие. По дому прыгало, прыгало, потом на старшего брата накинулось драться. Избило старшего брата. То, что было сварено, все съело, потом скрылось туда, откуда пришло.

Наступил вечер. Младшие братья отправились домой. На улице разговаривают:

– Старший брат дома, значит, дома тепло, еду, наверно, приготовил, сейчас поедим да спать ляжем. Тихо дома, спит, видимо.

Домой зашли, темно. Младший брат печь затопил, стал готовить еду. Средний брат старшего брата стал будить, тот не просыпается.

– Как он так крепко мог заснуть? Может быть, его убили?

Младший брат говорит:

– Готовь еду, брат, я старшего брата сам разбужу.

Младший брат старшего брата одним пальцем толкнул, доска пола отвалилась, и старший брат проснулся. Затем стол накрыли, хорошо поели и легли спать.

Утро наступило, младший брат говорит:

– Сегодня я останусь дома, посмотрю, что за такое существо приходит к нам. Действительно ли оно такое сильное?

Братья ушли в лес. Младший брат нарубил дров, натаскал снега, прибрал в доме. Сходил в лабаз, шкуру лошади принес, из лошадиной шкуры сделал много веревок. Печь затопил, еду приготовил. Присел немного отдохнуть. Вдруг что-то стало происходить. Доски пола разошлись, и оттуда показалось некое существо. По дому стало скакать, все углы проверило, с младшим братом стало драться. Действительно, на человека не похоже, на Куля тоже не похоже. Голова лохматая, как птичье гнездо, ноги тонкие-тонкие. Долго они дрались, очень долго. Младший брат думает: «Вот бы сила ко мне пришла». Только так подумал, как почувствовал себя сильнее, одолел существо, связал его заранее приготовленными веревками и возле печки положил. Пока они боролись друг с другом, наступил вечер. Старшие братья собрались домой идти. На улице разговаривают:

– Младшего брата нашего не слышно, может, его это существо убило?

– Одолел его, не одолел, кто знает.

В дом зашли: младший брат живой, в доме тепло, еда приготовлена.

Младший брат им говорит:

– Поглядите, кто лежит возле печки!

Братья смотрят – действительно, это существо на человека не похоже, на Куля тоже не похоже. Возле печки лежит, чуть живое. Три брата взяли это существо и далеко в лес унесли. Пусть там сгниет, звери пусть съедят, если его мясо съедобное.

Так и избавились три брата от этого существа. Дальше стали жить хорошо и счастливо.

(Перевод Г.Л. Нахрачевой)

ОЗЕЛОВА-ЧУГАЕВСКАЯ ДАРЬЯ ИВАНОВНА

Дарья Ивановна Озелова родилась в 1950 году в деревне Усть-Войкары Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа. Первый рассказ «Мурах» (Морошка) она посвятила своей малой родине. В нем нашли отражение социальные проблемы односельчан, автор сумела создать яркие образы рыбаков и охотников.

Дарья Озелова пишет: «Каждый человек должен беречь свою землю, Родину, дом. Все прекрасное воспитывается именно с родного уголка земли, только тогда человек становится истинным хозяином своей земли, своей судьбы».

Первое стихотворение «Юхан ов» («Устье речки») было напечатано в Шурышкарской районной газете «Ленинский путь» в 1984 году.

Однажды Дарья Озелова робко заговорила о своих рассказах и стихотворениях с известным прозаиком и поэтом Романом Прокопьевичем Ругиным. Внимательно ознакомившись с текстами молодого автора, Роман Ругин порекомендовал Дарье Озеловой продолжать писать и сочинять произведения для детей.

Ее произведения воспитывают любовь к родной культуре, родному краю, родному языку.

Стихотворения на хантыйском языке напечатаны в газете «Ханты ясаӈ».

ЕМАӇ МУВ НЁЛ

Ханты мирэн симось ун пись:
Сумат юх нув аӆ морита,
Аӆ шуката наӈк юх ӆэпас,
Иӈкен, мувен сяӆита!

Нёрапса ёх емаӈ шик нёӆ
Юхаӆ сэварты ӑт мосаӆ.
Мувaӆ сюратты ӑт рахаӆ,
Курэн, ёшен мушмаӆ.

Ёх порӆыты емаӈ ун нёӆ
Ӆор питаран омасаӆ.
Нэӈа пуратты ӑт рахаӆ.
Эвет-похат нумаӆан!

Ханты мирэн симось ун пись:
Сумат юх нув аӆ морита,
Аӆ шуката наӈк юх ӆэпас,
Иӈкен, мувен сяӆита!

СВЯЩЕННЫЙ ПОЛУОСТРОВ

Хантыйского народа такая возможность:
Березовые ветки не ломай,
Не ломай лиственницы ветки,
Воду, землю береги!

Нёрапса ёх священный мыс,
Деревья рубить не надо.
Землю копать нельзя –
Нога, рука поранится.
Людей обрядовый священный большой мыс
Возде озера находятся.
Женщинам наступать нельзя.
Девочки-мальчики, помните!

Хантыйского народа такая возможность:
Березовые ветки не ломай,
Не ломай лиственницы ветки,
Воду, землю береги!

(Перевод А. А. Шияновой)

НЮКИ ХОТ

Ёхан сыӆан ӆойӆ ӆув
Катра йис ёх хот.
Хотаӈ иты ворӆаӆ ӆув –
Вотан иӆ ант поӆӆа.

Утан норы ӆэсятам,
Ехаӆ такан ярам,
Емаӈ ратхар тутан аӆам –
Тут суӆтамат рыйӆат.

Катра йис ёх нюки хот!
Якан ӆув ант таяӆ,
Самен вохты пуӆяӈ ям
Ун тэӆаӈ пасан уӆ.

ЧУМ

Около реки стоит он,
Древних людей чум.
Как лебедь сверкает он –
Ветром не сдует.

Широкая постель застелена,
Жерди крепко связаны,
В священном очаге зажгли огонь –
Искры летят.

Древних людей чум.
Замков у него нет,
Когда проголодаешься,
Большой полный стол есть.

(Перевод А. А. Шияновой)

ПОРЫӇЫТЫ ХАР

Яха ёхтас куртаӈ мир,
Наӈк юх воша актасьсат;
уӈӆаӈ-потраӈ ай вош мир
Емаӈ мувеӆ порыӆыӆат.

Ойна йиты таксар ёх
Емаӈ турмеӆ пояккӆат.
Хуӆаӈа йиты ошаӈ ёх
Этар турма ох потсат.

Яӆап тэӆат мува ярсат,
Тэӆан пасан омассат;
Каӆтась аӈки порыӆисат,
Хуӆаӈ ан-сун каварсат.

СВЯЩЕННОЕ МЕСТО

Вместе собрался поселковый народ,
У лиственницы собрались;
Разговорчивый народ маленького города,
Священной земли праздник.

Счастливыми становятся сильные люди,
Священное небо просят.
Рыбными становящиеся умные люди
Ясному небу поклонились.

Новые подношения земле завязали,
Полные столы поставили;
Матери Калтась поклонились,
Рыбные котлы сварили.

(Перевод А. А. Шияновой)

АМПИЕ

Асем ӆутам мойӆапса –
Тась шавиты ай амп.
Хот ӆыпия ӆоӈаӆса
Ошаӈ ӆыпи ай амп.

Каӆася ӆув ёвармас,
Хот ова ӆув оӆас,
Веськат хоят ант порaӆ,
Тасьӆ-ушаӆ шавияӆ.

Хоят хорпи ӆув ошаӈ –
Уӈаӆ туп ант таяӆ.
Ма ампием мет апраӈ –
Ухаӆ таӆты таксар.

Вой веӆты ӆув мет самаӈ –
Ас шоппи ӆув усяӆ.
Атом хоят пеӆа ӆикаӈ,
Ёх нявrэма-пиӆ ху.

ЩЕНОК

Папой купленный подарок –
Оленеводческий щенок.
В дом занесли,
Умная маленькая собачка.

В калачик он свернулся,
У дверей дома он лег,
Хороших людей он не кусает,
Добро сторожит.

Как человек он умный –
Только не говорит.
Мой щеночек самый ласковый,
Нарту тянуть – сильный

Охотиться он любит –
Через Обь он переплывает.
На плохих людей он злой,
Мальчику он друг.

(Перевод А. А. Шияновой)

ТАЈ

Па си ёхтас кувсяӈ таӆ,
Ӆумтас ӆонсям, хошам сох.
Верааӆ туӈа ӆэсятаӆ –
Мойӆас шовра ай сах.

Пунаӈ нови моӆсяӈат
Ӆэпат тахты посат
Юхат, варсат хояӆсат,
Ям хорасан кариӆат.

Таӆ ут пеӆа вантас най,
Мувев иӆ вояпса,
Иськи таӆ хошкас ун вай,
Херс-ворас нови куль ӆось.

Лоп кияртам пасяръюх,
Уӈхаӈ ӆэпсат оӆӆат.
Аньтем хопатаӆ наӈк ух,
Асем вантаӆ ӆысат.

ЗИМА

Опять пришел мужчина в гусе [73]
Надел снежную теплую одежду.
Дело хорошо делает –
Подарил зайцу маленькую шубку.

Меховые белые малицы,
Мягкие меховые рукавицы
Деревья, кусты надели,
Хорошие, красивые стоят.

На зимний лес смотрит солнце,
Земля заснула,
Холодная зима надела толстые кисы,
Херс-ворас – белый глубокий снег.
Заиндевела рябина,
Смолянистые лапники спят.

[73] Малица мехом наружу.

Мама собирает смолу лиственницы,
Папа проверяет петли.

(Перевод А. А. Шияновой)

ВОТАС

Вотас, вотас, вотас –
Атаӆ-хатаӆ вотас.
Овас вот-пох паӆаӆ,
Тал-ими си ёхтас.

Вотаса си карэмас,
Хон юш ӆап нёхтаса,
Туӆас паис этсат,
Сяӈар пулат оӆӆат.

Иськи кев вот хояс,
Ӆэпат ӆонсь рав питаӆ,
Арсыр вой си амтас –
Хошам ӆонсь хот верӆат.

Эвет, похат ёнтӆат,
Хошам ай хот хирсат.
Хон юш ӆап нёхтаса –
Иса вотас, вотас.

МЕТЕЛЬ

Метель, метель, метель –
Ночь-день метель.
Северный ветер дует,
Зима скоро придет.

Ветер сменился,
Главную дорогу занесло,
Снежные заносы появились,
Куски снега лежат.

Холодный северный ветер дунул,
Мягкий снег падает,
Разные звери образовались –
Теплый снежный дом делают.

Девочки, мальчики играют,
Теплый маленький дом выкопали.
Главную дорогу замело –
Все метель, метель.

(Перевод А. А. Шияновой)

САХ

Аньтем ёнтам ай сахие
Ма па еша тайӆэм,
Яӆап кивнат, ай тулхие
Хорам нуй таӆам.

Хошам хатар ай сахие
Шовар пушна етса,
Ханшаӈ мевалӈ ай сылӈые
Ма эӆэм ӑт потса.

Куш олаӈан луӈхансяпат.
Мевӆа етса карты кеӆ.
Алӈ мулӈилат ханты сакат.
Атпа ярса паркан кеӆ.

Аньтем ёнтам ай сахие
Ма па еша тайӆэм,
Яӆап кивнат, ай тулхие
Хорам нуй таӆам.

ЯГУШКА

Мама сшила маленькую ягушку,
Я еще немного поношу,
Новые завязки, маленький воротник,
С красивым сукном каемка.

Теплая серая маленькая ягушка,
С заячьей подкладкой сшили,
Пятнистая маленькая каемка,
Я не замерзну.

Под рукавами колокольчики.
Спереди пришили цепочку.
Блестят хантыйские украшения.
На пояс завязали завязку.

Мамой сшитую маленькую ягушку
Я еще немного поношу,
Новые завязки, маленький воротник,
С красивым сукном каемка.

(Перевод А. А. Шияновой)

ВЕСЬКАТ ЭВИ

Ёхан-ован сэма питсан,
Ошаӈ веншен алӈ еӆэмты.
Наӈ мирэна си мосмитсан,
Нопсаӈ верат оша павты!

Картэӈ сэвпи веськат эви,
Кат вешпия наӈ алӈ уӆа.
Савар-вавар тарам опи,
Вутаӈ тонты хот ӆув ӆонсяӆ.
Хоят пеӆа ӆув шеӈк самаӈ.
Тумтак, ошаӈ няврэм таяӆ.
Моӆты хося шеӈк вураяӈ.
Хошам, хорам нуй сах ёнтас.

Нови вешпи, питы сэмпи,
Ермак росэӈ охшам таяӆ.
Воӆӆы каркам ханты эви,
Хошман нэӈат ухаӆ кираӆ.

Шоши мува ёхи ёхтас,
Ай няврэмат утаӆтаӆ.
Вуркаӈ вер ӆув ант па таяӆ.
Ханты эви – ошаӈ нэ!

ЧЕСТНАЯ ДЕВОЧКА

В Ёхан-ове родилась,
Умное лицо не прячь.
Твоему народу ты пригодилась,
Умным делам научись!

С железными косами (ложные косы) честная девочка,
Двуличной ты не будь.
Быстрая-шустрая строгая сестра,
Широкий берястяной чум она поставит.

К людям она очень прилежная.
Здоровый, умный ребенок у нее есть.
К чему-то очень упряма.
Теплую, красивую суконную ягушку сшила.

С белым лицом, черными глазами,
Шелковый с кистями платок носит.
Очень проворная хантыйская девушка,
Умело женскую нарту запрягает.

На родную землю, домой приехала
Маленьких детей обучать.
Не краснеет (не стесняется)
Хантыйская девушка – умная женщина!

(Перевод А. А. Шияновой)

ТАСЯӇ АЙ ПОХИЕ

Аӆаӈ киӆас ай похие,
Няр молсяӈаӆ хояӆтас,
Аӈкеӆ аӆас ай тутые,
Антпаӆ вана ярамтас.

Хуӆам хопты ухаӆ кирас,
Сувaӆ сора аӆэмас,
Асеӆ пиӆна унта манас,
Хошман сяхар мохаӆтас.
Ханшаӈ тасяӆ яха актас,
Нум турам аси ай пох,
Карты сэсӆаӆ вантас,
Веӆам войӆаӆ актас.

СО СТАДОМ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК

Рано встал маленький мальчик,
Тонкую малицу надел,
Мама разожгла маленький огонь,
Пояс коротко подвязал.

С тремя быками нарту запряг,
Хорей быстро схватил,
С отцом в лес поехал,
Умело пастбище обошел.

Пятнистое (красивое) стадо вместе собрал,
Верхнего бога отца маленький мальчик
Капканы проверил,
Добытых зверей собрал.

(Перевод А. А. Шияновой)

ПОСОХОВ КИРИЛЛ

Кирилл Посохов – поэт, чье имя стоит у истоков зарождения хантыйской литературы. В.В. Сенкевич, ставшая первым переводчиком на русский язык поэтических творений начинающих авторов и представившая их произведения читателю в 1940 году в книге «Хантэйская и мансийская поэзия», изданной в Омском областном издательстве, отметила во вступительной статье: «Более молодые из поэтов, как, например, Посохов и Вайветкин, еще не научились хорошо пользоваться неисчерпаемым богатством народной речи, они порой допускают отступления от нее… Более сложно и углубленно подошел к языку и стилю Г. Лазарев. Он занялся поэтическим отбором наиболее музыкальных и ярких слов из поэтического и частично из разговорного языка… Посохов и Вайветкин (опираются – сост.) на бытовую разговорную речь. Несмотря на стилистическое различие, творчество начинающих поэтов имеет одну общую основу: национальную поэтическую форму и социалистическое содержание».

В сборник вошли два стихотворения К. Посохова: «Привет Сталину» и «Северный полюс». Именно этими произведениями вошел в историю хантыйской литературы начинающий поэт.

ПРИВЕТ СТАЛИНУ

Я стих тебе сложил,
Сын северных окраин.
Ты нам счастье подарил,
Великий Сталин.
С нашей земли холодной,
Из Обского дальнего края
Тебе, отец всех народов,
Горячий привет посылаем.
Нам голос твой глубокий
По радио звучал,
Как пароход далекий,
Нам счастье обещал.
Густые леса, просеки
И воды, где рыб без числа, –
Все это хантэ навеки
Советская власть отдала.
В самом мудром законе,
Что крепче стали и скал,
Счастье людей миллионов
Сталин наш записал.

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Помнят льдины океана
Водопьяновский прилет,
Как на снежные равнины
Опускался самолет.
Ярче севера сиянья
Героизм сердец горел,
Плыть не страшно в океане
Тем, кто молод, горд и смел.
Долго льдину их носило
Между скал полярных льдов.
Гневный полюс победила
Горсть борцов-большевиков.

РУГИН РОМАН ПРОКОПЬЕВИЧ

Роман Прокопьевич Ругин (1939–2016) родился 31 января 1939 года в поселке Питляр Шурышкарского района ЯНАО. Окончил Ленинградский педагогический институт имени Герцена и 3-годичную заочную высшую партийную школу при КПСС. С 1972 года Р. П. Ругин – секретарь по идеологии Пуровского райкома КПСС. Затем работал директором санаторно-лесной школы № 2, корреспондентом газеты «Красный Север», преподавателем языка ханты в педучилище. Р. П. Ругин активно занимался просветительской деятельностью, им написано три учебника для дополнительного чтения на языке ханты для учащихся 1–8 классов. В 1989 году избран депутатом Верховного Совета СССР от Ямало-Ненецкого автономного округа. С 1992 года Р. П. Ругин – главный редактор журнала «Ямальский меридиан».

Ещё учась в институте, он выпустил книгу стихотворений на хантыйском языке и сборник повестей на русском языке. Публиковался во многих коллективных сборниках и антологиях. В 1996–1998 годах вышел трехтомник избранных произведений Р.П. Ругина. Отдельные стихотворения и проза автора переведены на финский, эстонский, французский, итальянский, венгерский, чешский, испанский, польский и английский языки. Два его стихотворения вошли в антологию мировой поэзии.

Писал на хантыйском и русском языках. Автор книг «Погоня» (Свердловск, 1965), «Снежные мелодии» (Свердловск, 1976), «Метель на ладони. Стихи» (М., 1986), «Ранний ледостав. Повести» (М., 1998), «В ожидании сына» (Свердловск, 1990), «Сорок Северных Ветров» (Екатеринбург, 1996), «Мелодии Полярного круга» (Екатеринбург, 1996), «Волшебная земля. Легенды. Сказки. Повести. Рассказы» (Екатеринбург, 1997), «Снежная держава. Стихи» (Тюмень, 1998), «Легенды и мифы народа ханты» (Екатеринберг, 2003) и др.

Р. П. Ругин активно сотрудничал с композиторами, многие его стихотворения положены на музыку.

В 1999 году к 60-летию со дня рождения Р. П. Ругин был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. В 2001 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ».

С 1983 года Р. П. Ругин – член Союза писателей СССР, лауреат литературной премии Союза писателей России 1988 года.

Умер 9 сентября 2016 года.

ДУМА О СЕВЕРЕ

Милый мой Север меня одарил
Всеми своими щедротами,
Дымом пастушьих костров окурил
Под снеговыми широтами.

Обские волны качали меня
С детства военного, скудного,
Дух закаляя и мышцы граня
Впрок – для пути многотрудного.

Ветер железный в полярной ночи
Голос мне ставил заранее:
«Эй, постарайся-ка, перекричи,
Мальчик, мое завывание!»

Соком березы поила весна –
Дивной природной микстурою,
Чтобы душа оставалась ясна
В непогодь самую хмурую.

Лето, как лебедь, над тундрой летя,
Песню мне пело старинную:
«Светом, теплом запасайся, дитя,
На зиму длинную, длинную!»
Долгие наши полярные дни
Слово шептали заветное:

«Радугу в сердце своем сохрани,
Чудо ее семицветное!»

Осенью небо, как тусклая жесть,
Тоже учило по-своему:
«Жизнь принимать какова она есть
Следует мужу и воину!»

Север учил, ничего не тая.
Помню его попечение!
Что же в ответ подарю ему я?
Чем расплачусь за учение?

(Перевод И. Фонякова)

***

С той поры, когда в родном селенье
Стал я понимать людскую речь,
Врезалось мне в память наставленье:
Нашу землю вечную беречь.

Мать с отцом негромко и спокойно
Помогали истину постичь:
По земле всегда ступай достойно,
Попусту ножом в нее не тычь.

Сердцем от нее не отдаляйся,
Радость и печали с ней деля,
Пляшешь – не куражься, не кривляйся,
Помни: под ногой твоей – земля.

От нее – и зверь лесной, и рыба,
И кедровых шишек урожай.
Говори ей мысленно: «Спасибо».
Словно мать родную, уважай.

Как она добра, щедра, красива –
Достоянье отчее твое!
И не только мускульная сила,
Ум и сердце – тоже от нее.

Ведь не зря по дедовским законам
Свято мы традицию блюли:
Под подушку только что рожденным
Класть на счастье горсть родной земли.

Иногда – щепоть песка речного,
Камешек обкатанный со дна...
Это все земля, она – основа
Нашей жизни. Это все – она!

Пусть ее живительные токи
Юный мозг пронижут навсегда,
Чтобы после в жизненном потоке
Нас не пересилила беда.

Пусть земля родная будет с нами
В странствии, в бою, в кольце врагов,
В маленькой, бросаемой волнами
Лодке вдалеке от берегов!

Ну а если путь твой оборвется
Где-нибудь вдали, в ином краю,
И душа, прощаясь, обернется,
Чтоб взглянуть на Родину свою,

И друзья, собравшись, ни любовью,
Ни мольбой тебя уж не спасут, –
Пусть, как при рожденье, к изголовью
Горсть земли родимой принесут...

Отчая земля, леса и недра!
Я всю жизнь перед тобой в долгу.
Ты всегда мне помогала щедро –
Чем тебе сегодня помогу?

(Перевод И. Фонякова)

***

Я родился в хантыйском рыбацком селенье
У Оби – величавой сибирской реки.
Поразъехалось нынче его населенье,
На другие угодья ушли рыбаки.

Здесь теперь заповедник, здесь травы густые,
Чуть пониже – осока, чуть выше – пырей,
И места, где стояли жилища людские,
Поспешили об этом забыть поскорей.

Что ж, пусть так!
Это время велело, я знаю,
Все равно каждый год приезжаю сюда,
И мне кажется: добрая фея лесная
Привечает меня у родного гнезда.

Вот земля, что с рожденья любить мне досталось!
Я брожу над рекой, свежим ветром дыша.
Кто сказал – ни души здесь теперь не осталось?
Если что и осталось, так только душа.

Это – Родины милой душа, это с нею
Я неслышно беседую здесь в тишине,
И становятся чувства светлей и острее,
И высокие мысли приходят ко мне.

Для меня никогда он не пуст, не заброшен,
Край, где детство мое протекло.
И всегда, и в любую погоду хорош он.
Здесь грущу я порою, но здесь мне тепло.

Здесь душа моя радуется и страдает,
Здесь мне память о детстве покоя не даст –
Так порывистый ветер упрямо строгает
В зимней тундре морозный, слежавшийся наст.

А когда я мой берег родной покидаю,
Прикоснувшись к земле, где учился ходить, –
Ощущаю: Отчизну, большую, без края,
В чем-то стал я сильнее и глубже любить.

Я родился в хантыйском рыбацком селенье,
Где играют у берега волны Оби,
И толчки моей крови, и сердцебиенье
Говорят: «Не забудь!»
Говорят мне: «Люби!»

(Перевод И. Фонякова)

***

Каждый живущий на этой земле
Счастья имеет в той мере,
Сколько он отдал друзьям и семье:
Вознаграждение – по вере.

Этот вот хитрость избрал «ремеслом»,
Бога и то не боится,
Быстро в карьере его вознесло,
Ну а делов – с полмизинца.

Умница этот и тих, и стыдлив,
В жизни запросов немного.
Но остается в потомках он жив,
Ибо открыл им дорогу.

Как человек изначально живет,
Что ему наша эпоха,
Где он дыханье для жизни берет,
Как он почувствовал Бога?

Думаю, дело в работе сердец.
Мало об этом мы знаем...
И уж совсем не узнает подлец,
Завистью тайной снедаем.

Если отпинывать лень и тоску
Сможешь ты, как мухоморы,
Счастья рука прикоснется к виску,
Славы узнаешь просторы.

Будет тропа и тверда, и легка.
И, целый мир обнимая,
Вырвется дух твой за облака,
Щедрость земли понимая.

(Перевод М. Торопова)

ДОБРОТА

Маленький народ мой, вечное спасибо,
Что в тебе родиться было мне дано!
Ты одна чешуйка великанши рыбы,
Ты в тайге бескрайней деревце одно!

Что с того! На свете ты немало значишь:
Добротой велик ты, щедростью высок,
Помыслы и чувства от людей не прячешь
В погребок под снегом, в тайный туесок.

Ты ладонь открытой подаешь при встрече
В знак доверья к людям, вечной доброты,
Как ручей весенний, прямодушны речи,
И, как снег таежный, помыслы чисты.

Добрый ты не только к брату или куму,
А ко всем, кого бы к нам ни занесло.
И дорога к сердцу – как дорога к чуму,
Где всегда для гостя – пища и тепло.

Я твоя частица, мой народ, и мне ли
Умолчать о том, что в жизни непростой
Мелкие людишки издавна умели
Пользоваться ловко этой добротой.

«Ах, народ-ребенок, он такой наивный...» –
После повторяли, смеха не тая.
По при всех обидах стойкой, неизбывной
Все же оставалась доброта твоя!

Жалости слезливой вовсе не просила,
И твердить готов я нынче неспроста:
«Разве это слабость? Это признак силы!
Славься же, святая сила – доброта!»

(Перевод И. Фонякова)

БРОДЯЧИЕ СОБАКИ

Когда я вижу брошенных собак,
Такая боль одолевает сердце,
Что затмевает белый свет в глазах,
И камень давит на душу; и деться
Куда от той сжимающей тоски,
От темной наплывающей печали,
Когда я вижу, как они, скучая,
Подолгу бродят улицами, ждут
Чего-то, вечно сидя у помоек,
Как будто грязь отбросов стерегут,
Как будто ждут, что позовут домой их.

Я думаю: за что же человек
Наколдовал им эту злую долю?
Как можно друга вышвырнуть на снег,

К бездомной жизни брата приневолить?
На то ли разум человеку дан?
Их жизнь – что плод на стебельке увядшем:
Подкарауливать кусок дразнящий,
Чтоб у помойки волю дать зубам;
Отстаивать у жизни каждый час,
Когда судьба так безучастна стала...

Собака эта руки вам лизала
От радости, когда встречала вас!
Она бы снова дом ваш стерегла,
Она детей бы из беды спасала.
Но человеку дружбы стало мало,
Или в душе огонь уже угас?
Бывало, ханты свято берегли
Помощников своих четвероногих.
Есть или нет еды, а поделись
С собакою. Я не встречал убогих
Таких животных в Северном краю,
Им там, как нищим, кус не подают.
Ужель и я смогу привыкнуть сам
К голодным их и жаждущим глазам?..

(Перевод И. Голотиной)

***

Хорошо, когда с березки пестрой
Листья косо падают, легки,
Словно день, уже морозно-острый,
Маленькие крутит оселки.
Я, как все поэты, осень славлю,
Листья разноцветные люблю.
Вот ладонь летящему подставлю,
Жизнь его воздушную продлю!

Хорошо, когда легко слетает
Тихий дождь из тучки надо мной
И струится, словно бы сплетает
Гимку – с небосвод величиной.
Не сидится мне в уютном доме,
Выбегу под дождик на крыльцо
И подставлю лодочкой ладони –
Освежить усталое лицо.

Хорошо и в пору снегопада:
С высоты течет со всех сторон
Теплый снег, насколько хватит взгляда,
В сеть меня завертывает он.
Подставляю руку я снежинкам
И любуюсь, как во все концы
По ладони, по ее тропинкам,
Горностаи скачут и песцы.

Мне любезна Севера природа,
Я смотрю с восторгом с детских лет,

Как съезжают звезды с небосвода,
Как за ними остывает след.
Тех маршрутов нет на звездных картах,
Но зато отлично помню я:
«Ездят в гости звездочки на нартах», –
Объясняла матушка моя.

И представьте, как мне больно это:
Взглядом проводив полет звезды,
Вспомнить вдруг, что для кого-то где-то
Стало небо символом беды.
Знать, что где-то день в смертельном стоне
Бомбами расколот на куски...
И тогда открытые ладони
Я сжимаю с хрустом в кулаки.

Тем, по чьим приказам гибнут дети,
Кто к живому мстительно-жесток,
Не хочу оставить на планете
Места – даже с малый ноготок.
Я хочу, чтобы на землю с неба
Падали на радость вам и мне
Только звезды, только хлопья снега,
Только листья в чуткой тишине!

(Перевод И. Фонякова)

НЕ ТОРОПИСЬ, ЗИМА...

Не торопись в края мои, зима!
Не разоряй осенние палаты!
Что дашь взамен ты? Серебро – не злато,
Ведь ты об этом знаешь и сама.

Чем ты богата? Чем заменишь ты
Лесной брусники пламенные вспышки,
Могучих кедров бронзовые шишки,
Глядящие на землю с высоты?

Почувствовав дыхание твое,
Сожмутся шишки и простятся с кедром,
Падут на землю, сорванные ветром,
И стукнутся затылком об нее...

Постой, зима, не торопись пока
Сковать морозом ток древесной крови
И листьев речь прервать на полуслове,
Лишив леса живого языка.

Не торопись, пожалуйста, зима,
Срывать с лесов их шубу золотую
И под ноги бросать себе, лютуя,
Чтобы она погибла задарма!

Не торопись наполнить облака
Чешуйками бесчисленными снега,
Чтобы на землю их обрушить с неба –
На лес и дол, на реки и луга.

На солнечные пальцы не спеши
Напялить ледяные рукавицы
И женщине любимой на ресницы
В усилии холодном не дыши.

В свой белый невод землю не лови,
Пускай еще продлится хоть немного
Усыпанная листьями дорога
Моей осенней трепетной любви…

(Перевод И. Фонякова)

ПРИМЕТЫ

Как много было дедовских примет!
Иных из них давно уж нет в помине.
Другие сквозь десятки зим и лет
Дошли до нас и вот – живут поныне.

Нельзя, они гласили, называть
По именам зверей и птиц, иначе
Тебе вовек в любом лесу не знать
Ни счастья на охоте, ни удачи.

Нельзя плевать в костер – огонь всерьез
Обидится и дом спалит твой сразу.
И там бывать, где жертву ты принес,
Чтоб не бояться порчи или сглазу.

Ни снег не смел обидеть, ни грозу,
Ни землю, ни свирепый океан ты
И должен был беречь зверей в лесу,
Что духами родов считали ханты.

Приметы! Вы прошли святой тропой.
Бывали и в забвении, и силе,
Случалось, что удачу за собой
Иль невезенье людям приносили.

Сам рассуди, где мудрость в них, где ложь,
И оцени старинные советы.
Но ты греха на душу не берешь
За то, что помнишь отчие приметы.

(Перевод И. Фонякова)

ОБЫЧАЙ

Так бывало: дочку или сына
Женщина в свой срок родит на свет –
И в руках свернется пуповина...

Как с ней быть?
Важней вопроса нет!

Тут напрасно время не теряли:
Загадав желание свое,
Где рожали – там и оставляли
На здоровом дереве ее.
Если дочь – березка постройнее
Выбиралась неспроста:
В жизни пусть не расстаются с нею
Стройность, нежность, красота.

Чтобы льнули к ней, другим на зависть,
Парни, сердцем горячи,
Чтобы взгляды их ее касались,
Как листвы – лучи.

Если сын – на лиственнице крепкой
Надо пуповину повязать,
Чтобы в жизни плыл не утлой щепкой,
Силу мог и удаль показать.

Чтобы волны в споре с ним сдавали
И теченья мощная струя,
И с почтеньем травы целовали
Малицы охотничьей края...

А привяжутся к ребенку хвори –
Поступали предки так:
Пуповину скармливали вскоре
Самой лучшей из собак.

Пусть и это вам не будет странно:
Издавна в краю обском
Знали все: любые можно раны
Врачевать собачьим языком.

Эти дни уж больше не вернутся,
Навсегда остались далеко,
Но до нас сумели дотянуться,
Словно нить, продетая в ушко,

Думы предков, как они желали
Каждому наследнику добра!
В этом переспорят их едва ли
Лучшие на свете доктора!

(Перевод И. Фонякова)

ЭЛЕГИЯ

Завернут небрежно, лежит он в амбаре,
Свой век доживает никчемно, бескрыло.
Ни ветер попутный в него не ударит,
Не вспыхнет над ним заревое светило.

Гниет на полу он, от времени старясь.
Насквозь его кромки прогрызли мышата.
Смотрю на него я, и жалко мне парус,
Летавший над Обью широкой когда-то.

Его бы опять на речные дороги,
На крепкую мачту, в рассветный огонь,
Чтоб солнечный лучик и ветер безногий
Зажал он, как прежде, в тугую ладонь.

Чтоб, ветром студеным и солнышком полный,
Летел он, на быструю чайку похож,
Чтоб резала лодка высокие волны,
Как жирную нельму отточенный нож...

Ведь парусу снятся и ветры, и грозы,
Высокие волны, раскатистый гром,
И рыбьи чешуйки, как светлые слезы,
Еще до сих пор серебрятся на нем.

Мне жаль этот парус. Мне слышится снова
Отцовская просьба к седым небесам:
– О небо! Пошли нам большого улова
И ветра – рыбацким тугим парусам!

(Перевод И. Фонякова)

ЯЗЫК ХАНТЫ

Отчий язык мой, зовущий
К правде и свету язык!
В малом народе живущий,
Разве он впрямь невелик?

Кладезь немеркнущих знаний:
В нем сохранились, точны,
Сотни для снега названий,
Сотни – для резвой волны.

Сотня имен и для ветра
В нем на сегодня жива...
Нет, не впустую так щедро
Он расточает слова!

Наша за ними природа,
В них никогда не умрут
Нашего – ханты – народа
Опыт, и разум, и труд.

Мощен, как прежде, и волен
Северный древний язык,
Кто говорит, что он болен,
Высох, зачахнул и сник?

Годы его не сгубили,
Меток он, гибок, богат,
Если вы что-то забыли,
Это ж не он виноват!

Шел я по нашему краю,
Множество рек пересек,
Ягодки слов собирая
В берестяной туесок.

Тысячу лет проживете,
Перешагнете века –
Знаю: никто не увидит
Донца того туеска.

Недрам сибирским подобен,
Где над пластами пласты,
Тонок язык наш, подробен,
Полон живой красоты.
Высказать все он способен –
Всю глубину доброты!

Может, как быстрая речка,
Песню весеннюю спеть.
Может, как жаркая печка,
В стужу людей обогреть.

Может взреветь ураганом,
Нельмой на солнце блеснуть,
Может ременным арканом
Горло врага захлестнуть.

Если ж явление ново –
И для него в свой черед
Сыщет, придумает слово,
В русском подчас призаймет.

Отчий язык мой, зовущий
К счастью и свету язык!
В братстве народов живущий,
Разве ты впрямь не велик?

(Перевод И. Фонякова)

ВЕСЕННИЙ РУЧЕЙ

Когда воткнутся в землю, грея,
Мильоны солнечных лучей,
Как золоченые хореи, –
В снегу рождается ручей.

И тает снег, его питая,
Не замедляясь ни на миг,
Сначала, вроде горностая,
Бежит он – гибок, невелик.

Потом, окрепнув понемногу,
Он начинает матереть:
Летит оленем по разлогу,
Крушит преграды, как медведь.

Несется, ласковый и грубый,
И лишь тогда найдет покой,
Когда с налета, губы в губы,
Вдруг поцелуется с рекой!

Таких ручьев должно немало
К реке сбежаться всякий год.
Чтоб наконец она взломала
Свой потемневший толстый лед.

Теки, широкая, работай!
Но, отражая белый свет,
Кому обязана свободой,
Скажи, ты помнишь или нет?

(Перевод И. Фонякова)

СОВЕТЫ ОТЦА

Всего нагляделся. Объездил полсвета.
Узнал, как живут племена и народы,
Но помню и ныне отцовы советы –
Не властны над ними ни годы, ни моды.

Умел он советовать мне без нажима,
Зарубкою слово его становилось:
– Будь смелым и твердым, но не одержимым
И случаю не отдавайся на милость.

Достоинство наше храни родовое.
Будь скуп на слова. Не мели, как Емеля.
Болтливый язык, как весло кормовое,
Ломается на полдороге до цели.

Наловишь ли рыбы, добудешь ли зверя –
Не надо кичиться своею удачей.
Гласит же старинное наше поверье:
Молчун – на коне, хвастунишка – на кляче.

И в ведро с друзьями дружи, и в ненастье.
Проверь, а помог ли ты в жизни кому-то.
Чтоб ждать не пришлось понапрасну участья
Тебе самому в грозовую минуту.

Не жадничай. Древний закон запрещает
Транжирить запасы природы живые.
Бери сколько надо, Земля не прощает
Тому, кто зорит у нее кладовые.

В дорогу собрался – умом запасайся,
Ведь знанье важнее мясного припаса.
И раны чужой осторожно касайся,
И в жизни чужой никогда не копайся.

Без правды душа словно печь без отдушин.
Без горечи жизнь словно пища без соли.
Не будь подозрителен и благодушен,
Сдружи в своем сердце и чувство, и волю.

Всего нагляделся. Объездил полсвета.
Узнал, как живут племена и народы,
Но помню и ныне отцовы советы –
Не властны над ними ни годы, ни моды.

(Перевод В. Кочеткова)

БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ

Мальчишеской порой, в далекие года
Увижу, как летит орел ширококрылый, –
И робкая душа становится тверда,
Исполнившись в мечтах его небесной силы.

Чье сердце не пленит величие орла,
Когда на свете нет могущественней птицы?
Распластывает он просторные крыла –
Влекомый вышиной без края, без границы.

И с этой неземной, чудесной высоты,
Где им изучен мир, его лесной обычай,
Он камнем упадет в сторожкие кусты,
Чтоб миг спустя взлететь с весомою добычей.

И человек не зря орла-богатыря,
В преданьях наделив судьбой необычайной,
Издревле почитал за Птичьего Царя,
Владевшего досель неведомою тайной.

А мой народ его признал как божество,
Хранящее очаг с отеческой любовью.
Спокойствие несло могущество его
Богатому жилью и нищему становью.

Обиды от людей не ведали орлы –
Герои вековых распевов и сказаний,
Ведь освящал дома, их красные углы,
Животворящий дух орлиных изваяний.

Такие вот дела... И мне на ум пришла
Из тех же детских дней история другая:
На улице села увидел я орла
С простреленным крылом – узнать бы негодяя...

Подумайте: орел – и вбитый в землю кол.
Затянута узлом на голени веревка.
Поодаль – ребятня, хоть кто бы подошел
К подранку, на земле сидящему неловко.

Боятся – и визжат! И лишь безродный пес
Испробовать решил на пленнике силенку –
Да только ноги он в тот миг едва унес
От сабельных когтей, метнувшихся вдогонку!

А дети, хохоча, швыряют сгоряча
В пернатого царя огрызки, рыбьи кости –
Презрительно в ответ глядит он, клекоча,
Лишь землю иногда когтит в бессильной злости.

И грозно, тяжело косится на крыло.
Прислушайся к его болезненному стону –
В нем тщетная мольба, чтоб небо помогло
Взлететь и заскользить, как встарь, по небосклону.

Но глух небесный свод, и явственен исход,
И пленник, потеряв последнее терпенье,
Повисшее крыло в отчаянье клюет,
Да так, что брызжет кровь, пятная оперенье.

Ворочаясь, крутясь, расшвыривая грязь,
Неволей тяготясь куда сильней увечья,
Он плоть свою долбил – пока не поддалась
Истерзанная кость увечного предплечья.

Все силы истощив, от боли еле жив,
Наивный! Он и впрямь уверовал в свободу –
Здоровое крыло с обрубленным сложив,
Надеялся взлететь навстречу небосводу.

Вот мышцы напряглись... На полсажени ввысь
Взметнулся – и упал пернатый полонянин.
Пытался вновь и вновь – а силы пресеклись,
Учился небом жить, а был землею ранен.

С ночною темнотой, обманутый мечтой,
Он ткнулся головой в дорожные каменья...
Не мог, наверно, жить в разлуке с высотой
Ни месяца,
ни дня,
ни часа,
ни мгновенья...

(Перевод А. Вершинского)

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Память о войне во мне осталась,
И ничем ее не оскрести.
Все при мне, что в детстве мне досталось
Перевидеть и перенести.

Хлебные едва увижу крошки –
Вспомню, как в лихие времена
Мать, собрав, глотала их с ладошки,
Будто целовала их она.

Я теперь и сам уже немолод,
Но и нынче, в мирной тишине,
Зимний холод, мимолетный голод
Мне напоминают о воине.

Вспоминаю все, что за плечами,
Все, что было пройдено в былом:
Как пришлось рыбацкими ночами
Мне, мальчишке, действовать веслом.

И с ладоней давние мозоли
Не сошли – укрылись в глубине,
И в спине внезапный приступ боли –
Это тоже память о войне.

Много лет прошло, но если нынче
Женский плач услышу в стороне, –
По какой бы ни был он причине,
Он напоминает о войне.

Но и та, сильнее год от года,
С той поры звучащая во мне
Вера в несгибаемость народа –
Это тоже память о войне!

(Перевод И. Фонякова)

ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Всю войну и четверть века после
Сына в отчий дом ждала она.
Солнце светит, ливень ли, мороз ли –
Все не отходила от окна.

Все напрасно! И тогда решила
Побывать хотя бы в том краю,
Где его солдатская могила,
Где сложил он голову свою.

Только где, в каком далеком месте
Ей рассыпать горсть родной земли?
Сказано о нем: «Пропал без вести...»
А другие вести не дошли.

Но решилась. В дальний путь пустилась.
И однажды на исходе дня
Тихо на колени опустилась
На гранит близ Вечного огня.

Это место для народа свято,
И не вянут здесь поверх плиты
В память Неизвестного солдата
Все цветы, цветы, цветы, цветы.

На граните – белизна и алость,
Разноцветным нет цветам числа!
Мать, вздохнув, впервые растерялась:
Ведь она цветов не принесла,

Ведь природа Севера сурова,
Лето – кратко, холода – круты,
Нет у нас обычая такого –
На могилы приносить цветы.

Краешком платка отерла слезы –
И туда, на камень, где легли
Георгины скорбные и розы,
Робко положила горсть земли.

И опять в молчании застыла,
Но сквозь боль и полузабытье
Материнским сердцем ощутила:
Люди рядом поняли ее.

И молчала, сына вспоминая,
И лежала серой горсткой там
Та земля, что всюду нам – родная,
Та земля, что мать любым цветам.

(Перевод И. Фонякова)

ГЛАЗА

Глаза – как две струящихся реки.
Они, как реки, тихие бывают –
Тогда они бездонно-глубоки
И мысли в них, как рыбы, проплывают.

Вот нельма драгоценная блестит,
Скользнул налим-хитрец, не дастся в руки!
Проплыл осетр – и важен, и мастит,
А вот возник оскал зубастой щуки.

Глаза – как реки... Могут иногда
Разлиться щедрым, теплым половодьем.
Вдруг обмелеть заставит их беда –
На дне их камни острые находим.

В них отразится радуга порой –
Невеста неба в ярком одеянье,
И месяц юный тешится игрой,
По ним рассыпав нежное сиянье.

То, потемнев, нахмурятся всерьез,
Шторм забушует, устали не зная,
А там, глядишь, навалится мороз,
И все затянет корка ледяная.

То глянут по-весеннему, незло,
И все ж – поберегись, неосторожный:
Бывает в них обманчивым тепло,
И глубина подчас бывает ложной.

Я изучал их многие года,
Я вопрошал их: «О глаза людские,
Не лучше ль быть прозрачными всегда,
К чему, скажите, сложности такие?»

И неизменно приходил ответ:
«Ты в нас находишь то же, что и в мире!
Есть в мире солнца благодатный свет
И ветер ледяной в осенней шири.

Есть в мире чистота и глубина,
Но есть и чернота, и страх, и муки,
Гнилье и темень илистого дна,
Налимья скользкость, жадность хищной щуки.

Освободясь, как реки, ото льда,
Под голубеющими небесами,
О, быть бы нам прозрачными всегда!
Об этом, брат, мечтаем мы и сами...»

(Перевод И. Фонякова)

БЕРЕЗА

Всех деревьев ты нарядней
В шали нежно-золотой,
Всех красивей, всех приглядней
На ветру шумишь листвой.

Ведь недаром, в самом деле,
Предки наши, столь мудры,
Стали делать колыбели
Из березовой коры,

Ведь недаром даже грозы,
Радуясь красе такой,
Редко-редко ствол березы
Тронут огненной рукой!

Есть рассказ, давно известный,
Что береза та была
Дочкой радуги небесной –
И на землю к нам сошла.

Потому-то в белой роще
Поброжу я – и уже
Станет чище, легче, проще
И светлее на душе.

Нет следа заботы черной,
Неудачи – все не в счет,
Будто в теле животворный
Сок березовый течет.

Я б тебя укрыл, береза,
Белоствольная сестра,
От метели, от мороза,
От шального топора.

Ведь не даром даже грозы,
Радуясь красе такой,
Редко-редко ствол березы
Ранят огненной рукой!

(Перевод И. Фонякова)

МАТЬ

С первого пронзительного крика
До молчания смертельного
У нас,
Даже если ходим далью дикой,
Нету ближе материнских глаз.

Горе сына стянется арканом
И на сердце матери моей.
Мать меня считает мальчуганом
Даже и на склоне моих дней.

Добрые ж дела сынов, как птицы,
К матерям летят среди зимы.
Нам во сне любое может сниться,
Ну а мамам снимся только мы.

Снится: сын опять не пообедал!
Снится: сын опять летит не к ней.
Эти наши радости и беды
Молодят иль старят матерей.

Солнце не лучится в непогоду,
Вечно в доме не сберечь тепло.
Только сердце матери сквозь годы
Светит одинаково светло.

Снова по ночам не спится мамам.
Вновь тревожно им за сыновей.
…Знаешь что? Пойду и телеграмму
Я отправлю матери своей.

(Перевод И. Фонякова)

ЛЕБЕДИНАЯ БЫЛЬ

Белые лебеди. Белая пара влюбленная
В озеро синее с неба спустились весной.
Меж берегов, где трава серебристо-зеленая,
Песня взвилась лебединая феей лесной.
Песня взвилась – полутемная ночь стала белою.
Из-за угора откликнулся вмиг соловей.
Песня лилась над лесами под облачной пеною
И постепенно в душе растворялась моей.
Так бы они и летали, гонимы морозами.
И возвращались на милую родину вновь,
Так бы они и скользили по синему озеру,
Если бы выстрел ночной не разбил их любовь.

…Лебедь лежала в воде неподвижной пушинкою.
Друг ее верный над ней суматошно кружил.
Молния в небе плеснула озерною синькою,
И браконьер, испугавшись, домой заспешил.
Время прошло. Гуси-лебеди в страны далекие
Откочевали. Отчаянный лебедь один
Не улетал и кружил.
...Браконьер тот жестокий
Чучело птицы убитой спускает с ладьи…
Лебедь, слепой от любви, закружился стремительно –
Видно, любимую по оперенью узнал.
Белые крылья свистели в лесу удивительно.
Но он напрасно в дорогу любимую звал!
Ведал охотник, что эта приманка надежная,
Глаз его точен, и порох его не дымит!
Так и случилось: молчаньем подруги встревоженный,
Лебедь спустился и был беспощадно убит.

Люди узнали об этом убийственном случае,
И покатилась молва. Но охотник рябой
Не унывал – никогда его совесть не мучила,
Месяц спустя он забрал лебединые чучела
И укатил… потому что был выгнан женой.

(Перевод А. Юдахина)

***

Кашанг хоят,
Улман, таял ин
Лув кемална
Мосятыян тын.

Тамен сыял
Шекшак манал ел,
Сикуш верам отал,
Мосанг, лэл.
Тумен, нёмша иты,
Сикуш ул,
Лув тув верал
Ел юш еллы тул.

Муй от элты
Си вер олнгал ил,
Маты лотна
Лалмилыял лыл?

Ма сиремна
Веськат самна вер,
Ал таят туп
Ма пелаем нер
Си ёх, хойтэт
Иса тайлат век
Па ёх пела
Пенгкаситы пек.

Там сёс
Ёхи хасьмел урангна –
Акмалтал лув
Атам охална.
Ясталам ма, ёхат,
Тунга ин:
– мосятлаты си порана
Тын,
Хун нын лэнян
Шухсэмаллан ел,
Си порана юшан
Питал вел.
Уятлаты мувна
Арсыр сюнь,
Палнгат нумпийн
Питал нэман ун…

АСЕМ НОПСАТ

Асем ястылыям нопсат
Яма нумлам ма,
Самем хося шумал отсат,
Мала шуйламан.

Ат лув эслас лэвас, улман,
Рувематыя –
Ун вер – ай вер верамтыял
Тахрематыя.

Партас вой – хул моссятына,
Шек ат ишкасьты –
Сюнен век хун ел кутэнна
Питал омасты.

Лавар ята питам ёха,
Ястыйс, нётапты –
Хойна ватса, мосанг, сяха
Питлан иситы.

Лэтот, тарамты кем уты
Партылыяс лув.
Ут – ик элты молтас аял
Ем ус кушты хув.

Ястылыяс, велпаслаты
Манман – хатла куш,
Мосал элсох луматматы –
Этмал муй сыр пуш?!

Ястыйс, велпаслан, ки холна
Ат ки ватсаллан –
Шитам ула. Мосанг, хота
Талты раканлан.

Нюхмийс, ай ки тайлам юшемн,
Ётлам сюнянг ял.
Воланг лухас мосятлам ки –
Питас метшак ям.

Муй куш верна, ястыйс, тунга
Потартыя туп –
Нялмилыман, улты питман,
Юшен тохнал шупн.

Асем мойлам сорненг нопсат
Питлам нумты век.
Нынан иси, хулам ёхат,
Мосмал кут – кутн шек.

АНГКЕМА

Таллам мантэлн,
кашанг хатлалн ангкем
Ма кешаем
тынангашак ил.
Исиматты,
таям хошмалн самемн,
Волангашак
вылси ёхтылыйл.
Ёхтал хошмал,
мосанг, сишан вылси.
Самем хувшак
хался тахрамтыйс,
Атшак уйтас
манты юшал еллы,
Сялта па вер
хался катламтыйс.
Матат юшем хося
уна тайсэм,
Матат нэмалн –
хошмалн ваншак ус,
Яха рахман,
ангкем пунгла хайсэл,

Матты лунген
таям хошмал сусн.
Ин туп вылси,
охем вотты кеман,
Хун па ёлта
хасяс еша юш,
Мошталэм ма
ангкем хошам кемал.
Сикуш хуван
антама ис пушл.
Нумасылам:
«Муя лыланг улмалн,
Лув пелаял
тайсам шимал вер?
Муя шимал
шавилысэм, улмалн,
Ётсам самалн
шимал воланг лэр?»
Сикуш си вер, мосанг,
тунгапсэм ин. –
Ат туп ёхлы
сыхлэн манам кут,
Сикуш ангкем
ныла ма елпеман, –
Ат туп апалмалэм
мосты кутн.
Ныла сишан:
ашанга ат усам,
Ёвра курам
атат мосятсам,
Муйкем номас
холна, ангкем, тулан,
муйкем ям вер
холна мойлалан?..
Уйта халася
холна симась хоят,
Хойтэн утнгат
мойлал мет ун ТЫН.
Матэн туллы
нанг хосяен оял,
Хошмаллаллы
хасимлыям лылн?

***

Ханты ясанг
Хун хуллам ма ханты ясанг,
Исимет хутламтал най,
Ма мурем потарты ясанг,
Хойна па аялла ай?
Лось кеша сот нэм лув таял,
Сот нэмна аялла вот,
Сот сирна нюхамла ингкен,
Муй Вера ат посмал вол.
Ма яснгем юранг па тасянг,

Сорайи хун халал лув.
Хой ястас ма яснгем кашанг,
Исимет хохалтам сув.
Сот тал-лунг муземна улман,
Ат парас, ат шашмас ил.
Холна лув нёвсянг па тусанг,
Потарты таял лув лыл.
Мувевна калтам ма хайсам.
Туватна, лоратна, Асн.
Ясангат, рих иты, восьсам,
Сунэмна акатсам ар.
Сун элты ясанглам – рихлам
Вонся куш ар сярас тал,
Патэла века ат питлан,
Ясангна си сунэн мал.
Яснгем ма пал турам хорпи,
Ванта куш – ат таял кимл,
Хусатна сита лув сорнийл,
Лохна лув селтамтал ил.
Сишан нанг энма па ула,
Тусанг па, ашанг па тунг.
Потарты ма ханты яснгем
Юшенна ар уйта сюнь!

ЛАНГИ

1

Тавет, закинув за плечо двустволку, шел по берегу неширокой протоки Васяхово, которая к осени обмелела настолько, что местами ее можно было переходить вброд. С правой стороны поднимался торенной берег, поросший молодыми березками, кедрами и лиственницей.

Первые осенние заморозки уже тронули все вокруг, и листья берез, отрываясь от веток, словно распластанные стрижи в полете, плавно падали на землю.

Но солнце еще было теплым. Тавет с удовольствием подставлял его лучам свое смуглое лицо. Был он среднего роста, широк в плечах. Темноволосая голова крепко сидела на короткой, толстой шее. В поселке иногда посмеивались над ним:

– Эй! Шею-то куда подевал? Может, она у тебя с затылком срослась?

Тавет на подобные шуточки не обращал внимания: пусть себе зубоскалят, если им делать нечего!

Гораздо больше его задевало, когда подтрунивали над Ланги, полуторамесячным щенком охотничьей лайки, которого он начал выводить с собой на охоту. Вот и сегодня утром сосед Ай-Паял крикнул ему вдогонку:

– Хватит людей смешить! Кто таких мальков в тайгу берет?

Тавет, хмуро огрызнулся:

– Не твое дело, Ай-Паял!

Сейчас Ланги, загнув хвост колечком, весело бежал рядом с хозяином. Среди осенней желтизны четко выделялась его темная густошерстная спинка. А когда пес оборачивался, на груди мелькало белое, похожее на бабочку-капустницу пятнышко. Стоило Тавету остановиться – останавливался и Ланги. Уши у него вставали торчком, а в черных, словно угольки, глазах загорался вопрос: в какую сторону мчаться? Кого догнать?

«Добрая растет собака!» – радовался Тавет и наклонялся, чтобы потрепать Ланги по мягкому загривку. Давно мечтал о чистопородной лайке, с которой можно будет зоревать весной и осенью, надолго уходить в тайгу. Без хорошего пса что за охота? Блуждание в потемках! «Один умный пес надежней ста помощников. Зверь шерстинку на траве оставит, и то собака его сыщет», – говаривали старики ханты.

Нынче мечта сбылась – зоотехник Хозяинов, чья лайка недавно ощенилась, отдал ему кобелька. Тавет долго выбирал щенка – кобельков было двое, – взвешивал каждого по очереди на ладони, водил пальцем

по кончику носа, щупал уши и зубы: чутье, слух у будущей охотничьей собаки должны быть безупречными. Наконец он остановился на том, у которого на груди белела отметина.

– Назову тебя Ланги! – сказал он щенку. – Ланги, слышишь? Это значит – «бельчатник».

– Красивое имя! – одобрил Хозяинов. – Звучное!

– В старину у нас говорили: «Кто лайкой на белок не владеет, у того ни рук, ни ног, ни глаз нету», – засмеялся, пряча щенка за пазуху, Тавет.

Поблагодарив зоотехника, он поспешил домой обрадовать мать: та в молодости была хорошей охотницей и знала толк в собаках.

Матери щенок понравился.

– Маленький, да удаленький! – сказала она, погладив Ланги. Смотри-ка, как разумно посматривает! Щенок, смешно загребая неокрепшими лапами и переваливаясь с боку на бок, пустился обследовать комнату. Мать завела ему вслед старинное причитание:

Песца пушистого следы
Будешь ты тропить умело,
За лисицей быстроногой
Смело пустишься вдогон,
Белок, скачущих по веткам,
Зорким взглядом не упустишь,
Птиц застреленных отыщешь
И хозяину снесешь!..

Тавет заботливо ухаживал за щенком. Он даже попросил на работе небольшой отпуск. Сам кормил его, выгуливал и, думая о наступлении холодов, смастерил во дворе добротную конуру, обшитую дерматином. По вечерам он читал книги по дрессировке охотничьих собак, и не было в поселке старика из бывших опытных охотников, с которым бы Тавет не затеял обстоятельной беседы о натаскивании лаек. Ланги научился подавать хозяину то правую, то левую лапу, без разрешения не принимался за еду и вообще проявлял редкую сообразительность.

– Молодец! – хвалил щенка Тавет. – Умнейший пес! Умник!

Довольный Ланги вилял хвостом и радостно повизгивал...

Разумеется, Ай-Паял прав: полуторамесячного щенка выводить в лес рановато, – но разве знает сосед, каких успехов достиг Ланги, как стремительно он развивается? Собаку к охоте надо приучать смолоду, и не на словах, а на деле – кое-где в лесу лежал выпавший накануне и не успевший растаять первый осенний снежок. Самое время подстеречь выводок рябчиков или даже косачей! Интересно, как поведет себя, учуяв дичь, Ланги?

Шагая вдоль протоки, по которой шла шуга, – вода жила уже последним дыханием – Тавет вдруг приметил за песчаным мыском двух уток-турпанов. Вскинув ружье, он замер на месте. Утки в поисках корма скрылись в зарослях. Тавет подкрался ближе к берегу. Ланги, насторожившись, последовал за ним. Когда турпаны появились вновь, прогремели два выстрела.

Тавет был метким стрелком. Не промахнулся он и сегодня. Теперь предстояло работать Ланги! Упрашивать щенка не пришлось. Негромко, энергично залаяв, молодой пес короткими прыжками понесся к протоке, и не успел Тавет присвистнуть ему вдогонку, призывая к осторожности, как Ланги, ступив на тонкий ледяной припай метрах в двух от берега, провалился в холодную осеннюю воду.

С досады Тавет даже пристукнул себя кулаком по лбу: надо же быть таким дураком! Вывел, называется, пса на охоту! Долго ли щенку простудиться? Правильно насмешничал Ай-Паял, слушаться надо умных людей, а не огрызаться в ответ!

Протока была мелкой, утонуть Ланги не мог.

– Ко мне! Ко мне! Назад! – крикнул Тавет, но, к его удивлению, щенок не послушался – лишь мельком взглянул на хозяина и все рвался вперед, к добыче, с треском ломая лапами лед. Впереди блестела на солнце полоса чистой воды.

– Куда ты?! – закричал Тавет, бросаясь к протоке. Он еле-еле успел схватить Ланги за загривок: еще мгновение, и пес пустился бы к уткам вплавь – видно, свой охотничий долг он осознавал в полной мере!

Ланги был очень возбужден. Он чуть не вырвался из рук Тавета и глухо заворчал, когда тот попытался его слегка обтереть и обсушить. Чтобы щенок опять не ринулся в воду, Тавет привязал его ремешком к невысокому сетевому колу, торчавшему у протоки. Отыскав подходящей длины жердину, сам побрел по воде за утками. Пес смотрел на него хмуро, исподлобья.

– Ладно, ладно, не сердись, – попытался утешить его Тавет. – Поохотились мы с тобой не худо, но рановато тебе еще со мной в тайгу ходить. Придется подождать малость. Пусть зубы окрепнут, шерсть погуще отрастет. Тогда тебе никакая вода страшна не будет. Потерпи, песик! Мы с тобой еще не раз и зверя, и птицу перехитрим. Вот увидишь! Ведь ты у меня умный, смышленый, отважный!

Обычно в ответ на подобные похвалы Ланги радостно повизгивал, но сейчас он молчал.

Тавет встревожился: что-то неладное происходило с собакой. Неужели обиделась на хозяина?

– Я же хотел тебе помочь, глупыш! – стал оправдываться Тавет. – Ну простыл бы ты, закоченел окончательно – вода-то ведь уже ледяная, – и что бы тогда было?

Ланги не отзывался, а если бы умел говорить, то, наверное, сказал бы примерно следующее: «Привязал меня тут. Как дворняжку какую. Уток сам палкой из воды достаешь. Зачем тогда меня натаскивал? Птичьи крылышки заставлял тебе приносить? Беличьи хвосты? Разве плохо я это проделывал? Ты же сам меня хвалил, рыбки или мяса в награду давал, а то и косточкой баловал! Один раз хвоста не принес – так ты со мной и разговаривать не захотел! Я ведь должен был этих турпанов взять! Должен! Я твердо это знал до сегодняшнего дня, а теперь вот – не знаю. Должен или не должен? Лезть мне в воду за дичью следующий раз или не лезть?..»

Но Ланги даром речи не обладал, и Тавету оставалось лишь догадываться, почему загрустил его веселый щенок. Беспокойство в душе осталось, но большого значения происшествию он все-таки тогда не придал.

Вернулись домой. Тавет разогрел уху из щуки, поел сам и накормил Ланги. Пес в дороге все же устал и теперь быстро опустошил свою миску...

За зиму Ланги изрядно подрос, превратился в крепкую молодую лайку. Тавет с нетерпением ждал весны, чтобы испробовать своего любимца в новой охоте.

Как только открылась вода, он снарядил моторную лодку и, посадив пса на корму, поехал вниз по Горной Оби к Птичьему острову. Здесь во время весенних перелетов любили ночевать дикие гуси и утки.

К вечерней зорьке Тавет и Ланги, с трудом переступая через пружинившие, покрытые прошлогодней пожухлой травой кочки, добрались до озерка, где водилось особенно много дичи. Тавет притаился в тальниках. Рядом расположился вымазанный жидкой глиной Ланги.

Ждать им особенно не пришлось. Четыре шилохвости взлетели из камышей и кругами пошли над озером, высматривая место для новой посадки. Тавет выстрелил дуплетом. Утки стали падать вниз. Но одна из шилохвостей была, видимо, лишь ранена – забившись в воде, она поплыла в прибрежные заросли.

– Ланги! Ищи! – скомандовал собаке Тавет.

Пес не двинулся с места.

– Ланги! Кому сказано?!

Собака вскочила и юркнула в кусты, в противоположную от озерной отмели сторону.

– Куда?! – закричал Тавет. – С ума сошел, что ли?!

Но Ланги и след простыл. Сколько ни звал его хозяин, сколько ни метался по берегу – все было тщетно. Обозлившись, он сам побрел на поиски уплывшей шилохвости. Но и та куда-то запропастилась. Забилась, наверное, подальше в камыши, поди ее теперь сыщи в желтовато-бурых весенних травах без собаки!

Подобрав лишь одну утку, Тавет, уставший и злой, стал караулить других шилохвостей. Но время было уже упущено – вечерняя зорька догорела, и в сгустившейся темноте слышался теперь только посвист пролетающих птиц, да в вышине мелькали их неясные силуэты.

Ланги все не было. Тавет, разыскивая его, едва не сорвал голос. Наконец решил вернуться к лодке... Пес, как ни в чем не бывало, сидел на носу моторки. Заметив хозяина, он легко спрыгнул на берег и затрусил к Тавету. Обнюхал единственную шилохвость, болтавшуюся на ремне, и протянул Тавету лапу, – настроение у пса, судя по всему, было отличное. Еще бы, ведь он не помешал хозяину охотиться, дал ему самому спокойно поискать раненую утку!

Тавет разозлился еще больше.

– У-уть! – сердито прикрикнул он на Ланги и замахнулся на него прикладом ружья. – Пошел прочь от меня! Видеть тебя не могу! Всю зорьку мне испортил!

И тут вдруг с высоты на освещенную молодой луной гладь Горной Оби ухнула стая белокрылых турпанов. Мгновенно прицелившись, Тавет нажал на курок. Один из турпанов стал падать в воду.

– Ну, Ланги! Вперед! – с надеждой скомандовал собаке хозяин.

Но ситуация повторилась – пес отступил от берега и растаял в зарослях.

В растерянности Тавет присел на корягу. Хорошенькая история! Это что же, теперь всегда так будет? Мечтал, мечтал об охотничьей лайке, и вот на тебе – все труды впустую.

Над рекой гулял пронизывающий ветер. Стало совсем темно. Тавет сильно промерз, а Ланги все не появлялся. Еще не хватало тут из-за него ночевать!

Раздосадованный Тавет сновал по влажному песку, свистел, кричал, и когда, наконец, из-за кустов выскочил Ланги, швырнул в него первой попавшейся палкой. Какой это было ошибкой, он понял мгновение спустя – пес снова исчез!

Измучившись и охрипнув, подзывая собаку, Тавет сел в лодку.

– Раз так, – крикнул он напоследок, – я тебя проучу! Оставайся здесь один. Проголодаешься – сам реку переплывешь, авось умнее станешь! Уже не щенок, чтобы я тебя из холодной воды вытаскивал, – шерсть вон как у медведя! – и дернул за шнур; мотор заревел, дюралька, кренясь, полетела к дому.

2

Ссориться с собакой ничуть не легче, чем разругаться с близким другом.

Весь следующий день Ланги не появлялся, и Тавет просто места себе не находил – мотался по окрестностям, словно олень, донимаемый в летнюю жару гнусом. То и дело он бегал к реке, всматривался в направлении песчаной косы Кев Ур, откуда, по его расчетам, мог приплыть провинившийся пес. Но никого не было видно на пустынном берегу, только снежные шапки отрогов Полярного Урала, сверкавшие на солнце, слепили глаза.

И зачем он только вчера поддался своему раздражению, уехал, бросив собаку? Да, Ланги вел себя скверно, но разве не он сам, Тавет, в том виноват? Грубо кричал, швырял палкой. А тогда, прошлой осенью? Ведь он просто не понял Ланги, помешал ему исполнить свой охотничий долг и тем самым посеял в нем смятение. Ланги сбит с толку, не знает, как вести себя на охоте, в его поведении есть своя логика, и бессмысленно теперь на него сердиться. Нужно было проявить побольше терпения, поработать с собакой, добиться послушания лаской, а не безобразными криками.

Под вечер, взяв ружье, Тавет спустился к Оби и завел моторку. Он быстро пересек реку, достиг места вчерашней охоты, тщательно осмотрел все вокруг. На песке никаких следов – Ланги и не думал искать хозяина. В груди шевельнулась обида, но Тавет подавил ее: нечего упрекать животное, сам во всем виноват!

Он стал не спеша обследовать окрестность. Перебрался на лодке к поросшему кустарником островку: вдруг Ланги приплыл сюда? Здесь можно разжиться дичью, а то и зайца поймать: косые любят на острове лакомиться корой молодых тальников. Ребятня из поселка всегда ставит тут капканы и петли. Теша себя мыслью, что пес добыл пищу и теперь лежит где-нибудь в подветренном ложке, отдыхает, Тавет время от времени принимался ласково подзывать его:

– Ланги! Ланги! Умный пес, умник! Иди сюда! Я привез тебе косточку! Ланги!

Стало смеркаться. Но Тавет решил не уезжать, пока не отыщет собаку, – только так он сумеет загладить перед ней свою вину!

Вернулся на коренной берег, тщательно всматриваясь в исхоженный чайками-халеями и утками песок. Ничего!.. И вдруг, когда он уже почти перестал надеяться, в устье небольшого ручейка глаза приметили что-то похожее на отпечаток собачьей лапы. А может быть, это след лисы? Но нет, тот был бы помельче. Неужели Ланги?!

Сердце у Тавета забилось сильнее – теперь он уже не сомневался: собака на острове. Нужно только как следует обшарить все тальники и заросли.

Утром Тавет снова отправился на поиски. Наконец в густом березняке на западной оконечности острова он вдруг услыхал какие-то странные звуки: не то царапанье по корню, не то шорканье по земле. Кинулся в чащу. Среди корявых полярных березок что-то темнело. Неужели Ланги?!

Ланги!

Но что случилось с собакой?! Тавет глазам своим не поверил: крутясь и извиваясь среди поломанных веток, пес пытался освободиться от захлопнувшего морду капкана! Так вот почему он не откликался на зов хозяина...

Тавет бросился к собаке, разжал ножом пружину капкана, настороженного, видимо, на зайца или лисицу, и высвободил Ланги. Повыше переносицы у того кровоточила довольно глубокая рана. Заскулив, Ланги благодарно прильнул к хозяину и лизнул ему руку.

Слезы подступили к горлу Тавета. Он обнял пса, горячо шепнул ему в ухо:

– Прости меня, песик, прости!

И, словно отвечая на эту просьбу хозяина, Ланги еще теснее прижался к нему.

Тавет промыл и просушил кровоточащую ранку, зашил порванную кожу оленьей жилкой. Затем из кармана ватника достал сухари, косточку и вяленую рыбу. Пораненная капканом морда у Ланги еще, конечно, болела, но угощение он съел с аппетитом.

– Поедем домой! – сказал Тавет и пошел было вперед, уверенный, что пес побежит за ним, но вдруг услыхал за спиной жалобное поскуливание.

Пытаясь догнать хозяина, Ланги волочил по земле перебитую лапу. Упав на колени, Тавет осмотрел собаку. Как это он сразу не заметил, что у Ланги перебита нога? Правда, больное место скрывала густая черная шерсть, запекшуюся кровь на ней не было видно. Неужто в него стреляли? Похоже на то! Наверно, на острове побывал вчера утром кто-то из молодых неопытных парней-охотников.

– Мерзавцы! – выругался вслух Тавет, – собаку от зайца отличить не могут!

Подняв Ланги на руки, он понес его к лодке.

Дома Тавет, осторожно положив лайку на пол в сенках, побежал к зоотехнику Хозяинову.

– Николай Петрович, выручайте! Мой Ланги занемог.

Зоотехник посмотрел пса и покачал головой:

– Плохи дела! Рана на бедре загрязнилась, может начаться гангрена. И кабы он, бедняга, мог себе кровь сразу зализать. Собачья слюна дезинфицирует лучше всякого лекарства. Но тут случай особый; морду ведь капканом замкнуло.

Тавет повез Ланги в районную ветлечебницу. Там ему прочистили рану, сделали несколько уколов.

После этого случая Ланги еще больше привязался к хозяину. Однако охотничьи навыки привить ему так и не удалось.

– Да, – вздыхала мать всякий раз как Тавет собирался идти в тайгу, – не повезло тебе, сынок. Зря ты тогда, в первый раз, отогнал его от раненой утки. Вот он и считает, что убитую дичь трогать нельзя, а от выстрелов лучше прятаться.

– Хватит, не трави душу, сам знаю, – мрачно отзывался Тавет.

Обидно было потерять такую собаку. Но что поделаешь? За собственную глупость надо расплачиваться.

Впрочем, Ланги даром своего собачьего хлеба не ел – он теперь видел свой долг в том, чтобы везде и всюду охранять хозяина. По утрам он сопровождал Тавета до школы, где тот работал учителем, бодро трусил впереди, и не дай Бог повстречать им какую-нибудь собаку! Ланги вихрем налетал на нее и отгонял в сторону. В его сердитом лае так и слышалось: «Прочь с дороги, бездельник! Не мешайся под ногами, когда мой хозяин спешит на работу».

Пока шли уроки, Ланги лежал под школьным крыльцом. И какая бы на дворе ни стояла погода, сколько бы ни задерживался Тавет на занятиях, пес не покидал своего поста. Потом они вместе возвращались домой, здесь Ланги ждали и другие обязанности: стеречь дом, предупреждать Тавета о любой опасности или, наоборот, о появлении друга. На каждый такой случай пес лаял по-особому, Тавет понимал его, как говорится, «с полуслова». К трехлетнему возрасту Ланги так возмужал, что ни одна поселковая собака не решалась вступать с ним в драку. Только соседская овчарка Рекс постоянно задирала его видно, горделивая осанка Ланги не нравилась ей. Рекс был сильнее, но не отличался изворотливостью, и Тавет испытал истинное удовольствие, наблюдая, как Ланги однажды перехитрил агрессивного соседа.

В заборе, который разделял участки, имелся лаз. В него сравнительно легко мог протиснуться Ланги. Он это местечко хорошо знал и не раз им пользовался, когда требовалось почесать во время линьки густую шерсть на спине. В этот вечер Рекс вел себя особенно нагло. Ланги глухо заворчал, опасаясь вступать в открытую схватку. Потом, словно что-то надумав, все-таки приблизился к овчарке и начал кружить возле нее, то подскакивая, то отступая. Таким маневром он заманил Рекса к самому забору. Потом события развернулись следующим образом: Ланги, изловчившись, куснул овчарку. Разъяренный Рекс оскалил зубы и грудью налетел на противника. Тогда Ланги вдруг припал к земле и скользнул в лаз. Рекс, на секунду опешив, ринулся вслед за ним, но не тут-то было! Более крупная и плотная овчарка застряла в дыре, зажатая со всех сторон деревянными плахами, а лайка как ни в чем не бывало разлеглась в огороде на травке!

Тавет от души хохотал, глядя из окна на эту сценку. Потом он подозвал Ланги и потрепал его по мохнатой шее:

– Умнейший пес! Умник!

А Рексу сказал:

– Знай наших! Впредь не будешь обижать собрата!

Однако решительный бой с Рексом был у Ланги впереди.

Неподалеку от дома Тавета, на крутояре, стоял колхозный склад. В начале зимы подле него обычно забивали скот. Разумеется, все собаки поселка сбегались в эту пору сюда. Здесь разыгрывались ожесточенные драки, и не один пес потом зализывал себе раны.

Ланги и тут проявил редкую сообразительность. Пока собаки, слепившись в один бешено вертящийся шерстяной ком, дрались из-за какой-нибудь требухи, сама требуха оставалась как бы ничейной. Ланги это приметил. Теперь он, явившись к складу, первым кидался к выброшенному куску, провоцируя тем самым драку. Собаки, пытаясь отогнать Ланги, затевали схватку. Пока они визжали и кусали друг друга, Ланги быстренько оттаскивал в сторону «забытую» всеми добычу.

Рекс, видимо разгадав тактику соседа, решил ему отомстить: сбив изрядную собачью ватагу, в один прекрасный день окружил Ланги в его собственной конуре. Тому хочешь не хочешь пришлось принимать ближний бой. Но, видно, добрые духи были на стороне Ланги: когда клыки Рекса уже коснулись его горла, какой-то гвоздь, валявшийся на земле, впился овчарке в лапу. Взвыв, она подпрыгнула вверх, а лайка успела отскочить к дому, откуда уже в тревоге выбегал Тавет.

После этого случая Рекс уже никогда не посягал ни на владения Ланги, ни на его собачье достоинство.

3

– Коль унес ноги от верной смерти, другая уже не настигнет: ей ведь через тень первой перескочить потребуется, – приговаривала иногда мать Тавета, поглаживая Ланги по спине. Она тоже привязалась к собаке, даже, пожалуй, больше, чем сам Тавет.

Самые лакомые кусочки из общего семейного котла доставались Ланги, а в сенках на полу появилась теплая лосиная шкура, на которой он спал в зимние холода. Мать еще и укрывала его своей старой ягушкой.

– Зачем ты балуешь собаку? – рассердился однажды Тавет. – Ведь она не ребенок.

Мать в ответ пристально посмотрела на своего взрослого сына, и Тавет сразу умолк – столько было в ее глазах невысказанного страдания. И дернул же кто-то его за язык: «Ребенок!» Разве не знает он, как та давняя трагедия разрывает матери сердце, не дает покоя ни днем ни ночью?

...Время было послевоенное, трудное, жили впроголодь. Чтобы хоть как-то прокормиться, летом всей семьей выезжали на плавной лов куда-нибудь в дальние глухие места. О лодочных моторах тогда еще и мечтать не смели, ходили на гребях или под самодельным парусом. Гребли все – и взрослые, и дети. Тавета возили с собой в берестяной люльке, он был совсем маленьким.

По реке гулял сильный ветер. К полудню он усилился, волны стали закручиваться белыми пенными барашками. Мать умоляла мужа поднять сеть пораньше и укрыться где-нибудь в тихой заводи, но рыба шла хорошо, и отцу Тавета не хотелось терять лишних муксунов или нельм. Когда же, наконец, стали выбирать сеть, оказалось, что она зацепилась под водой за «задеву» – корягу-топляк. Лодку начало захлестывать, дно залило водой. Сеть все не отпускало. Отец тянул ее на себя изо всех сил, три старших брата Тавета – мальчики-погодки – помогали ему.

– Брось сеть! – кричала сквозь ветер мать. – Брось! Утонем!

Но отец и в момент опасности оставался рыбаком: бросить сеть для него было равносильно тому, чтобы покинуть в беде верного друга.

Но вот сеть подалась и... в это мгновение огромная волна накрыла лодку. Бударка пошла ко дну. Отец метнул в воду спасательный круг, крикнул матери:

– Хватай люльку и плыви!

Отец и три старших сына утонули. А мать каким-то чудом добралась до берега. Чудом было то, что Тавет не захлебнулся в своей насквозь промокшей берестянке. Обоих подобрали потом жители близлежащего поселка...

С тех пор прошло много лет. Мать стала известной в их краях охотницей, и не было женщины в округе смелее ее: ведь ей пришлось пережить такое, после чего и собственная смерть не страшна. Всю силу своей материнской любви перенесла на единственного, оставшегося в живых сына Тавета, мечтала о внуках, а пока что баловала собаку...

Тавет продолжал ходить с ружьем в тайгу. Ланги он всегда брал с собой, хотя тот по-прежнему не прикасался к подбитой дичи. Особенно он любил сборы на охоту и первым бежал по длинному спуску к дюралевой лодке, где важно усаживался на переднее сиденье, поджидая хозяина.

В один из весенних дней, в субботу, они отправились на остров Горелый, названный так из-за сильного лесного пожара, некогда на нем бушевавшего. От поселка до острова километров тридцать по извилистой, неширокой протоке Осхем.

Пристав к острову, Тавет выбрался из лодки и пошел на разведку. Ланги потрусил за ним. Они пересекли несколько небольших болотец, взобрались на песчаную гриву и вдруг услыхали вдали гортанные крики диких гусей.

Тавет молниеносно перезарядил ружье, сменив четвертый номер дроби на более крупный – нулевой. Гуси! Надо же, такая удача! Теперь только бы не промахнуться!

Вот со стороны Куншольского сора показалась небольшая стая. Кружа над болотом, гуси высматривали место для посадки. Тавет выругался с досады: птицы явно не собирались подлетать ближе, а с такого расстояния целиться бесполезно. Чем бы их подманить? Наконец его осенило – как же он мог забыть, что гуси всегда реагируют на бегающую по земле собаку?

– Эй, Ланги! – крикнул он. – Вперед! Туда! – и указал на болото. Для верности он сдернул с головы и швырнул подальше свою шапку. Шапка не утка, Ланги обязательно постарается ее принести. А гуси наверняка заметят пса.

Так и произошло. Гуси, увидев собаку, подались к песчаной гриве. Укрывшись за березой, Тавет взвел курок. Но помешала мелькнувшая перед глазами веточка – она вдруг прикрыла мушку. Пришлось выскакивать на открытое место, время было потеряно, и он, конечно, промазал. Гуси тем временем отлетели уже далеко. Раздосадованный Тавет пнул носком болотного сапога не растаявший ком снега. И тут случилось непредвиденное: под снегом, видно, оказался какой-то пенек. Тавет от неожиданности потерял равновесие, споткнулся и начал падать. Инстинктивно отводя в сторону руку с заряженным ружьем, он нечаянно нажал пальцем на курок. Прогремел выстрел, и левое бедро пронзило резкой болью.

«Дурак! – выругал он сам себя. – Я же забыл поставить предохранитель!»

Кровь теплой струйкой побежала вдоль икры. Превозмогая подступившую сразу слабость, Тавет сел на ягель и стал стаскивать с себя сапог и толстые ватные брюки. Как хорошо, что он надел сегодня именно их: иначе весь заряд сидел бы в ноге!

Сильно шла кровь. Но вена, кажется, осталась неповрежденной. И почему только он не взял походную аптечку? Всегда берет, а сегодня, как назло, оставил в лодке... «Что же делать?» – лихорадочно думал он. И вдруг вспомнил: мать говорила, что внутренние пластинки березовой коры хорошо останавливают кровь. С их помощью она однажды спасла соседа, проткнувшего себе в лесу руку острым ножом-сёхаром.

Кое-как доковыляв до росшей неподалеку березки, Тавет отодрал кусок белой коры, отщепил прозрачную берестяную пленку и наложил на рану. Потом, разорвав нижнюю рубаху, перевязал бедро. Попробовал идти – но на раненую ногу ступить не смог. «Неужели задета кость? – Он снова опустился на ягель. – Да... в хорошее положеньице я угодил!.. – с горечью усмехнулся Тавет. – И главное – сам опять во всем виноват!»

Нужно добраться до лодки, но как? Ведь до нее не менее километра, а идти он не может... тем более по болоту, по кочкам... И еды с собой нет... Ведь мать приготовила, а он от нее отмахнулся: дескать, зачем лишнюю тяжесть таскать, к вечеру вернусь, поем. Боль в ноге становилась все нестерпимей. Но Тавет все же потащился к березняку, охотничьим ножом срезал молодое деревце. Расщепил его слегка посредине, сделал небольшую поперечину. Опираясь на это сооружение – нечто вроде костыля, можно было немного передвигаться. Но далеко, конечно, так не уйдешь.

Тавета охватило отчаяние. Вечерело. Солнце, словно рыба, купалось среди облаков. Скоро станет темно. Тавет почувствовал, что сильно проголодался. «Может, удастся подстрелить хотя бы утку? – подумал он. – Но ведь Ланги не допросишься за ней сбегать... Пустой номер!»

А чирки и шилохвости, как нарочно, то и дело низко пролетали над самой его головой. Не утерпев, Тавет все же сделал пару выстрелов. Две утки упали в болото.

– Ну! – с надеждой сказал Тавет крутившемуся неподалеку псу. – Ну же, Ланги! Сделай такую милость! Возьми уток!

Но собака, услышав просительные, ласковые интонации в голосе, подбежала к раненому хозяину и, ластясь, протянула ему правую лапу в знак особой благожелательности.

– Тьфу! – сплюнул со злости Тавет. – И в кого ты только такой уродился? Разве что в меня, дурака?

К счастью, чирки свалились неподалеку. Опираясь на костыль, Тавет все же сумел подобрать их. Кое-как развел костерок и бросил уток в раскаленные угли. Никогда в жизни жареный чирок не казался ему таким вкусным. Одного Тавет, поделившись с Ланги, съел, а второго оставил про запас.

Подкрепившись, он решил все-таки добраться до лодки. Пожалуй, надо идти по песчаной гриве. Это гораздо длиннее, но, по крайней мере, будет сухо, в случае чего и присесть можно, передохнуть – не то что в болоте.

Уже в сумерках Тавет двинулся в путь. Все небо заволокло тяжелыми черными тучами, дул холодный северный ветер. Не успел он пройти и сотни метров, как повалил снег.

– Скорее, Ланги, беги вон в тот ельничек. Зимовать будем! – сказал Тавет приунывшей собаке.

В ельнике они застряли надолго – до самого утра. Слава богу, удалось развести костер, да и чирок у них был. Еще раз перекусив, Тавет прижался спиной к улегшемуся Ланги, прикрыл себе ноги еловыми лапами и забылся тяжелым сном.

Проснулся он на рассвете, дрожа от холода. Снег перестал, а ветер, наоборот, усилился. Все кругом заволокло пеленой – уже не разберешь, где болото, где песок. Разворошив кострище, Тавет нашел несколько тлеющих угольков и снова развел костер. Идти дальше он пока не решался: пусть хотя бы уляжется ветер. Ланги заскулил. Крылышко чирка – не слишком обильный ужин для здорового, сильного пса, а на завтрак ни ему, ни хозяину не досталось и этого.

– Все четыре лапы у тебя в порядке. Промысли себе что-нибудь, – посоветовал Тавет собаке. И приказал: – Иди! Ищи!

Лайка, порыскав в ельничке, нашла мышиные следы. Комья земли так и полетели в разные стороны, но мышиная норка оказалось пустой. Ланги, зарычав, помчался по гриве в сторону берега.

Одному Тавету стало совсем тоскливо. Нога болела все больше и больше – не началось бы заражение. Озноб сменился сильным жаром, явно поднималась температура.

Ланги не было довольно долго. Но каково же было удивление Тавета, когда он вдруг увидел своего пса... с увесистым зайцем в зубах!

– Ну, Ланги! – обрадовался Тавет. – Такого я от тебя не ожидал! Молодчина! Умнейший пес! Умник!

Неужели в собаке наконец проснулся инстинкт охотника? Или Ланги затравил зайца в порыве горячего желания помочь раненому хозяину?

Как бы то ни было, пища теперь у них есть, огонь тоже, а с этим ханты ни в какой тайге не пропадет. Теперь надо только набраться сил, а там видно будет, что делать дальше.

Тавет освежевал зайца, и вскоре над заснеженными болотами поплыл аппетитный запах жареного мяса.

– Шашлык на острове Горелом! – пошутил Тавет. – Будем его потом вспоминать, а, Ланги?

Пес ответил радостным заливистым лаем.

Еще через час Ланги приволок к костерку растрепанного ястреба-тетеревятника, и Тавет понял, откуда у лайки на носу глубокая ссадина: Ланги со свойственной ему хитростью воспользовался случаем. Ястреб терзал зайца, а пес, оказавшись свидетелем этой маленькой лесной трагедии, решил ее исход в свою пользу. В общей схватке досталось и ему.

– Молодец! – сказал Тавет и поцеловал собаку в теплую мордочку. – Ты, конечно, пройдоха, но друг настоящий. Спасибо!

Тем временем снова поднялась пурга. Утихла она лишь на следующий день. Тавет, превозмогая боль, тронулся в путь. Ему казалось, что он идет довольно быстро, но когда обернулся, увидел: ельник темнеет совсем рядом. Он со своим березовым костылем не протащился к полудню и четверти километра! Тавет чуть не заплакал, а вместе с подступившими слезами пришел и новый приступ слабости. Глаза заливал пот, хотелось пить. Пожевав снег, Тавет опустился на землю. Когда Ланги подскочил к нему, он обвязал его шарфом, а конец прикрепил к своему поясу. Теперь с помощью собаки, отталкиваясь локтями и коленом здоровой ноги, он медленно пополз к протоке.

К вечеру показался берег. Лодка была на месте. До нее оставалось не более сотни метров, когда Тавет вдруг потерял сознание.

Очнулся он от неистового собачьего лая. Над головой маячила кедровая ветка. Сквозь нее просвечивало серое небо.

– Ланги! Потише! – попросил Тавет. И подумал: «На кого это ты так расшумелся?»

Переведя взгляд в сторону берега, он оцепенел: возле лодки стоял огромный медведь.

Тавет нашарил двустволку. Слегка приподнявшись, достал из кармана патроны. Не успел он перезарядить ружье, как медведь, мотая головой, двинулся прямо к нему.

«Весна! – мелькнуло в мозгу Тавета. – Медведь голоден! Голоден, зол и опасен! Если промажу – конец».

Хозяина тайги явно раздражал собачий лай. Не натасканный на медведя, Ланги не слишком боялся зверя, но как вести себя – толком не знал. Он то подскакивал к берегу, то мчался обратно, а медведь медленно приближался к редкому кедрачу, где лежал Тавет. Метрах в десяти он вдруг взревел и встал на задние лапы.

У Тавета замерло сердце. Он положил палец на спусковой крючок и застыл в страшном напряжении. Ланги в страхе прижался к нему.

Неожиданно медведь развернулся и длинными прыжками устремился в лес.

Напряжение спало, но теперь Тавет вконец ослабел. Он распластался на ягеле, не в силах даже пошевелиться. И вскоре впал в новое забытье.

Сколько оно длилось, Тавет не знал. День снова клонился к вечеру. И снова нестерпимо хотелось есть. Нащупав на земле кедровую шишку, он с трудом выколупнул из нее несколько прошлогодних орешков и сжевал их вместе с кожурой. Ланги тоже понюхал шишку, но есть не стал.

Вдруг со стороны реки донесся еле слышный рокот подвесного мотора. Лодка! Люди! Возможно, что Тавета ищут!

Теперь главное – дать о себе знать!

Тавет выстрелил в воздух. Шум мотора стал удаляться. Неужели не услыхали?!

– Ланги! – закричал он. – Голос! Песик мой, голос-с!!!

Вся надежда была только на собаку.

Ланги тотчас оказался возле лодки и залаял так, что у Тавета зазвенело в ушах, а с ближайшего болотца поднялись испуганные птицы.

Неужели и теперь не услышат?

Не услышали... Наверное, мешал ветер, относивший звуки в сторону от реки.

Мотор на мгновение притих, потом заработал снова. Было ясно, что лодка, обогнув Горелый, спускается дальше, вниз но течению.

«Наверное, просто для заправки останавливались», – подумал Тавет. И еще подумал, что протока, по которой они с Ланги добрались до острова, могла за эти дни обмелеть. Тогда на остров нет иного пути, как через более глубокую протоку Мекхот-Пухар, а это лишних полсотни километров. В поселке, поди, и не сообразят, что он подался в такую даль – ведь матери сказал: к вечеру, мол, буду дома.

Значит, выход один: во что бы то ни стало доползти до своей лодки.

Цепляясь руками за мокрую от растаявшего снега прошлогоднюю траву, он продвинулся немного вперед. Каждый метр давался ему с огромным трудом, перед глазами стоял туман, перехватывало дыхание. Но, кусая до крови губы, Тавет упрямо полз к лодке...

Наконец, сделав последнее неимоверное усилие, он схватился ладонью за корму.

Тут его ожидал новый удар. Рюкзак со съестными припасами – хлебом, чаем, маслом, сушеной рыбой – был разодран и пустой валялся на дне. Пробка бензобака выдернута, а сам бак свернут на сторону. Весь бензин вытек. Хозяин тайги похозяйничал здесь в свое удовольствие. Не такой уж он, значит, был голодный!

– Дьявол косолапый! – выругался Тавет. – Обобрал меня подчистую! Чтоб тебе провалиться!

Забравшись в лодку, Тавет примостился рядом с мотором. Идти на гребях? Но вряд ли у него хватит на это сил.

В лодку запрыгнул Ланги. Предвкушая поездку, он устроился на своем излюбленном месте – на самом носу.

– Зря радуешься! – усмехнулся Тавет. – Никуда мы не едем...

Какое-то странное безразличие вдруг овладело им. Нога словно закаменела – видимо, сильно опухла. Тяжелым туманом наползал сон. Откинувшись к заднему сиденью, Тавет уснул.

Ему снились бесконечные крутолобые сугробы, среди которых он скользил на своей дюральке, снился медведь, оскаливший клыкастую пасть. Протянув руку, Тавет хватал зверя за мощный загривок и силился позвать собаку: «Ланги! Ланги! Почему ты не помогаешь? Ланги!» Но язык не слушался, и пес лишь с недоумением глядел на хозяина. Наконец удалось крикнуть: «Ланги! Спасай!»

Видимо, он кричал во сне, потому что, вздрогнув, тотчас проснулся. Лайки в лодке не было, на берегу – тоже.

– Ланги! Где же ты? Ланги! – простонал Тавет.

В ответ лишь прошелестел легкий ветерок. Похожие на спины гигантских осетров отроги Полярного Урала розовели на закатном солнце. Кругом было тихо. Заметно потеплело, снег почти растаял.

«Куда могла подеваться собака? Неужели опять медведь?»

– Ланги! – еще раз тихо позвал Тавет. – Вернись, Ланги! Я же без тебя совсем пропаду...

Пес все не возвращался.

Но вот наконец за дальним мыском раздался собачий лай.

– Слава богу! – облегченно вздохнул Тавет.

Вскоре из-за кустов тальника, облепленный глиной и грязью, показался Ланги. Увидев хозяина, он взвизгнул и устремился к нему. Лизнув Тавету висок, снова умчался в лес. Потом опять прибежал. «Чему он радуется? – удивился Тавет. – Может, какую дичину промыслил?»

Но тут в реденьком кедраче, метрах в ста от берега, показался какой-то человек.

Тавет протер глаза: наяву или во сне?

Но человек быстро шел к лодке.

Тавет не удержался, заплакал...

– Ладно, ладно, успокойся! – сказал человек. – Теперь все будет в порядке...

– Это ты, Микипур? – улыбнулся сквозь слезы Тавет.

– Я самый, забыл, что мы с тобой в одной школе ребятишек учим? – засмеялся тот.

– Как же ты меня нашел?!

– Пса своего благодари! Я к родственникам на лодке ездил. Возвращаюсь мимо Горелого, смотрю, какая-то собака на крутояре сидит и волком воет. Подошел поближе к берегу, пригляделся, смотрю – Ланги! Э-э, думаю, что-то тут не так, с Таветом, видно, беда...

– Понимаешь, оступился, на курок нечаянно нажал...

– А ну, повернись, покажи ногу-то.

– Угораздило, понимаешь...

– Молчи, молчи, разговаривать потом будем. На охоте всякое бывает...

4

Пролежав месяца полтора в районной больнице, Тавет начал потихоньку ходить. К осени решилось, что его переводят на работу в город. Первого сентября уже надо было приступать к новым обязанностям, а квартиру еще не дали.

– Поживите пока в гостинице, – сказали Тавету в Гороно. – Потом с жильем все уладим.

«А как же Ланги? – сжалось сердце Тавета. – Для матери место в гостинице, конечно, найдется, но кто пропишет собаку?»

Стали готовиться к переезду. Вещи, книги, охотничье снаряжение – все в доме вверх тормашками.

Чувствуя какие-то перемены, Ланги с беспокойством крутился среди этого беспорядка.

– Ну что ты тут вертишься? – с досадой спрашивал его Тавет. – Иди погуляй! Не видишь разве, как мне тошно?

Ему и в самом деле было не по себе: куда девать собаку? Разумеется, в поселке есть кому приютить на время Ланги, а то и вовсе забрать к себе. Но ведь не всякой семье доверишь такого пса, как этот! Там грубоватый подросток растет, тут за собакой толком присмотреть некому, у тех вечный кавардак – и сами поесть вовремя не успевают, и Ланги не накормят.

Мать тоже нервничала. Ей трудно было расставаться не только с Ланги, но и с поселком, в котором прошла вся ее жизнь...

Как-то вечером к Тавету наведался его старый приятель – Логи.

– Узлы вяжешь? – спросил он, встав на пороге. – Давай помогу!

– Узлы-то я сам соберу, – вздохнул Тавет, – а вот что с лайкой делать – ума не приложу. В город не повезешь, здесь тоже не придумаю, с кем оставить.

– Мало думаешь! – улыбнулся Логи. И присвистнул: – Джек, ко мне!

В комнату вбежала тёмно-серая мохнатая дворняга. Ланги, поставив уши торчком, вытянул морду в сторону гостя. Потом, приблизясь к нему и обнюхав со всех сторон, добродушно оскалился.

– Вот видишь, – сказал приятель, – наши песики уже нашли общий язык. Почему бы тебе не оставить Ланги у меня?

– Хм, – отозвался в раздумье Тавет. – Это мысль!

– И неплохая.

– Правда, твой Джек бывает и агрессивным. Помнишь, как они однажды подрались с Ланги?

– Помню. Это когда ты у Джека попросил лапу, а твой красавец вздумал тебя ревновать?

– Стал Джека отпихивать и сам мне лапу подал...

– А мой, конечно, такого нахальства не стерпел и пустил в ход клыки... Еле мы их растащили тогда.

– Что поделаешь, собачья дружба без драк не обходится.

– И не только собачья!

Они вышли на крыльцо покурить. Псы мирно играли во дворе. Решение было принято. Ланги оставался в поселке.

В день отъезда Тавет перетащил во двор к другу собачью конуру. Чтобы не возбуждать у Ланги никаких подозрений, он не стал с ним прощаться. А Ланги, увлеченный свежей костью, не заметил его поспешного бегства.

Мать с вещами ждала Тавета на пристани.

Подошел теплоход, идущий от Омска до Салехарда. Стоянка была недолгой – всего полчаса. Тавет грузил узлы, книги, чемоданы, а на душе было неспокойно. Он тоже вырос в этом поселке, работал здесь

в школе, у него тут много друзей... Трудное дело – переезд на новое место... Угнетало Тавета и чувство вины перед любимой собакой. Пусть Ланги не худо пристроен у хорошего человека, но все-таки тот для него не хозяин... И вряд ли Ланги привыкнет к нему...

Матросы уже собирались убирать трап, как вдруг на деревянные сходни метнулась чья-то лохматая тень.

Ланги!

Мгновенно сыскав Тавета в толпе пассажиров, пес забросил ему лапы на грудь. Он тяжело дышал, свесив язык, но глаза у него были счастливые. Еще бы! Ведь он нашел хозяина!

Мать заплакала и отвернулась. Тавет и сам с трудом сдерживал слезы. Он погладил лайку по упругой спине.

– Молодец, Ланги. Умнейший пес! Умник! А теперь иди, иди!..

Ланги в ответ лизнул Тавета в щеку.

– Знаешь что? – сказала мать. – Возьмем его с собой. Как-нибудь устроимся.

– Да! Возьмем! – обрадовался Тавет.

– Конечно, возьмем!

В это время раздался басовитый гудок теплохода. Расталкивая людей, к ним протиснулся помощник капитана.

– Товарищ! Возить животных на пассажирских судах без намордника запрещено. Сейчас же уберите пса. Слышите?! Мы и так опаздываем!

Пришлось схватить Ланги за ошейник и спустить на дебаркадер.

– Держи его! – крикнул Тавет стоявшему на пристани Логи. – Держи покрепче! Я скоро за ним приеду! Счастливо!

Теплоход отчалил. Скрывшись в каюте, Тавет долго еще слышал душераздирающий вой своей верной собаки.

5

Прошло полтора года, Тавет с матерью жили в гостинице, обещанной квартиры все не было. За это время Тавет, как ни рвался, не смог выбраться в родные края повидать Ланги – дела не пускали.

Потом пришло письмо от приятеля.

«Должен тебя огорчить, – писал тот. – Не удается мне совладать с твоей лайкой. Поначалу вроде стала привыкать к нашему дому, но как гудок теплохода услышит, так сама не своя. Не ест, не пьет, Джека моего чуть не загрызла, когда он к ней сунулся. А в последнее время Ланги и вообще одичал. Пропадает неделями. Часто видят его возле твоего бывшего дома. Тяжело мне про такое писать, ведь вроде сам вызвался за собакой приглядывать, но ничего поделать с ней не могу...»

Только следующей осенью удалось Тавету поехать в поселок. Прямо с пристани поспешил он к дому своего друга. Но собаки там не было...

– Секи повинную голову! Не знаю, где Ланги. Уже месяца два его не видел, – развел руками приятель.

Тавет побрел по знакомым улицам.

– Не видели мою лайку? – спрашивал он у каждого встречного.

Люди пожимали плечами – в северном поселке столько собак, разве за каждой из них уследишь?.. Но кто-то ему все же сказал:

– Старика Кулю знаешь?

– Это который на отшибе живет?

– Да, подслеповатый такой.

– Знаю, конечно.

– Загляни к нему. Может, туда твой пес прибился? У него часто приблудные собаки живут.

Прибавив шагу, Тавет заторопился на топкую окраину поселка, где в бревенчатом пятистенном доме жил старый Куля. По дороге он заскочил в магазин, набил карманы печеньем и сахаром – побаловать Ланги, если он там. А для деда купил бутылку портвейна.

Ланги действительно оказался у Кули.

Но лучше бы Тавет его не видел.

Нечто всклокоченное, облезлое, тощее лежало, растянувшись, на деревянном крылечке. Если бы не белая отметина, похожая на бабочку-капустницу, Тавет не признал бы Ланги.

Ошеломленный, он присел на корточки, погладил собаку по костлявой спине и с ужасом заметил, что в темно-серой шерсти белеют седые волоски.

– Ланги, – шепнул он. – Бедный мой Ланги...

Пес даже не шелохнулся, только скосил на него гноящиеся глаза.

– Умнейший пес. Умник...

Эти некогда такие вожделенные слова, казалось, что-то пробудили в собаке. Она поднялась, села и потянула носом воздух.

Но, видно, и запах Тавета был уже не таким, как прежде, – Ланги, зевнув, снова улегся на крыльце и безучастно уставился в одну точку.

– А, это ты, Тавет? – послышался старческий голос. В дверях избы стоял старый Куля.

– Здравствуйте, – сказал Тавет.

– Здравствуй, здравствуй. Значит, снова в наших краях?

Дед присел на рыбный ящик, достал прокуренную до черноты трубку.

– Так, так... Соскучился, значит, по родным местам? – вздохнул он. – Не надо было уезжать. Я вон всю жизнь на одном месте сижу... Здесь родился, здесь и помру. Теперь уж скоро. Ноги не держат...

Голубой табачный дымок поплыл над болотцем. Тавет молчал, не зная, что сказать. На душе у него было тяжко.

– Собаку-то свою признал? – продолжал Куля. – Постарела она. Глухая стала, слепнет, вроде меня. Жаль, жаль... Хороший, говорят, был пес. Он ведь тебя однажды от верной смерти спас, когда ты себе на Горелом прострелил ногу. Было такое?

– Было.

– Да-а, вот так-то.

Дед умолк, посасывая свою трубку. Тавет вручил ему портвейн, а печенье и сахар положил на крылечко под самую морду задремавшего пса.

– Привязался ко мне, – дед ткнул пальцем в сторону собаки. – Заявился однажды – вот и живет. Я его не гоню. Мы с ним как раз пара – последние денечки на белый свет смотрим...

– Ланги! – снова наклонился к нему Тавет. – Пойдем со мной! Я ведь за тобой приехал. За тобой, слышишь?!

Старик встревожился.

– Что это ты надумал? Пес совсем плох. Только измучаешь его в дороге. Да и меня последней радости лишишь. Я привык к нему, все не один в доме.

Ланги тем временем проснулся и захрустел печеньем. Но и ел он как-то вяло, без удовольствия, не выражая ни малейшей благодарности. Тавет был уже для него никем.

«Да, – подумал он, – животное, как и человек, не прощает измены».

– Видишь, – кашлянув, сказал дед, – не признает он тебя. Оставь уж его здесь, не мучай...

На следующий день Тавет уезжал. На пристань проводить его пришел Логи со своим Джеком, а в последнюю минуту у дебаркадера появился вдруг старый Куля. За ним понуро плелся Ланги.

– Смотри, кто пришел! – сказал Логи. – Поднимайся скорей на трап!

Теплоход дал гудок. Лайка дернулась и бросилась к реке.

– Ланги!!! – изо всех сил закричал Тавет. – Прощай! Прости меня! Умнейший пес! Умник!

Пальцы его, вцепившиеся в поручни, побелели. Горло сдавил горький тугой комок.

Пес с размаху влетел в холодную воду. Белое пятнышко на его мохнатой груди в последний раз мелькнуло перед глазами Тавета.

Через несколько минут на поверхности реки можно было разглядеть лишь вспененные буруны от винтов теплохода.

С берега что-то кричали Логи и старик Куля, но скоро и они скрылись из виду.

Когда за излучиной реки показался остров Горелый, Тавет ушел в каюту. Лег на койку лицом к стене и пролежал так, не двигаясь, до самого вечера.

(Перевод Э. Ефремовой)

ПО СЛЕДУ

Пиляп и Мартин разложили на прошлогодней сухой траве дымящееся жаркое – двух жирных самцов-шилохвостей, добытых сегодня утром. Вкусный запах возбуждал аппетит и обещал хороший обед.

Устроившись поудобнее возле костра, охотники принялись за еду. Мартин первый с хрустом переломил жареное утиное крылышко.

– Вкусно, – сказал он, облизывая губы. – Первая удача на весенней охоте!

– Да-а, – ответил Пиляп. – Щедра природа дарами. Не забыл нас Вой Шавиты-Ики.

– Это кто такой? – спросил не слишком искушенный в старых хантыйских поверьях Мартин.

– Идол, охраняющий дичь. – Пиляп почему-то медлил с едой, подозрительно поглядывал по сторонам и вдруг тревожно завертел головой: – Тихо! Подожди! Слышишь?

Мартин насторожился. В прибрежном тальнике что-то колыхнулось, раздался треск сухих сучьев.

Охотники переглянулись: что за зверь?!

Треск за протокой усилился. Потом над крутолобым, просевшим с южной стороны сугробом вдруг резко обозначился в слепящем солнечном свете силуэт огромного косматого зверя.

– Старик! – сдавленно прошептал Пиляп. – Он! Поставь кружку, не время языки мочить.

Медведь зашевелился и, мотая головой, медленно двинулся вдоль протоки Ай-Варов. Полоса серебряной талой воды шириной метров в двести отделяла его от охотников.

– Что будем делать? – спросил Мартин и потянулся к ружью.

– С ума сошел? Утиной дробью по Старику палить вздумал? Постой, я с ним поговорю.

– Поговоришь?! – удивился Мартин.

И усмехнулся:

– Ну поговори, поговори, а я послушаю, что он тебе ответит...

Но Пиляп на эти слова не обратил никакого внимания. Прикрыв глаза и обернувшись лицом к медведю, забормотал:

– Кой, Старик! Зачем ты вышел из лесу к нам на луга? Разве здесь есть для тебя пища? И мыши сейчас не найдешь! А найдешь – удастся ли тебе ее сцапать? Ведь ты ослаб в своей зимней берлоге, обленился. Возвращайся в тайгу! Вон она, синеет у тебя за спиной. Там ты все найдешь, что тебе нужно! Прошу тебя, Старик, уходи!

Медведь, словно услыхав обращенную к нему речь, остановился и затоптался на месте. Затем развернулся и медленно удалился в низкий тальник.

Пиляп с облегчением вздохнул.

– Видишь, я все же договорился с ним!

– Договорился... но ведь он все равно обратно пожалует. Сам знаешь.

– Знаю.

Пиляп задумался. Это надо же, чтобы мойпар весной на заливных лугах показался! Редкий случай. И он снова вздохнул, на этот раз озабоченно: медведь, объявившийся невовремя и не в своих местах – большая опасность. Он голоден, свиреп и хитер, как сам дьявол. Пиляпу вдруг стало жарко, он откинул назад капюшон малицы: суеверная мысль обожгла его, а что, если это тот самый мойпар?! И пришел неспроста, а потому, что Ему настала пора встретиться именно с ним, с Пиляпом?

Ветер трепал седые волосы старого охотника, но он не замечал этого, не чувствовал. Волнение охватило его.

Мартин тем временем осматривал охотничье снаряжение.

– Н-да! – заявил он. – Плохи наши дела. Я думал, может, хоть одна пуля в мешке завалялась.

– Так ведь на уток шли, – очнулся Пиляп. – Откуда же ей быть, пуле? Ну ладно, давай доедим дичину, чаю попьем. Пустой желудок ни ума, ни силы не прибавит. А тут вопрос непростой...

Они молча принялись за еду, и каждый из них думал примерно об одном и том же. Днем, конечно, медведь их не тронет, а вот ночью – покоя не жди. И почему только собак в этот раз не взяли? Конечно, от весенней ледяной воды их уберечь хотели, – да кто же знал, что такое случится? Надо бы поскорее уйти... Но как расстаться с заветными охотничьими местами? Ведь столько ждали эту охоту, столько снилась она в долгие зимние ночи...

Пиляп и Мартин переглянулись и поняли друг друга без слов: первым делом нужны пули.

– Может, перелить попробуем? Дроби хватит, – предложил Мартин.

Пиляп кивнул и тут же сам взялся за дело. Принес из лодки-колданки жестянку, срезал с сетей четыре пенопластовых поплавка-балбера.

– Давай расколю, – предложил Мартин, берясь за острый нож-сёхар.

– Только режь аккуратней, с дулом ружья сверься.

Скоро были готовы две круглые формочки для пуль шестнадцатого калибра. Сквозь маленькие отверстия залили туда расплавленный свинец, слегка остудили, затем комочки металла подправили и чуть раскатали. Получилось шесть довольно приличных пуль, с которыми уже можно было чувствовать себя спокойней. Мартин весело подмигнул Пиляпу:

– А что? Может, попробуем поискать Старика? Наверняка залег где-то поблизости.

– Уж больно ты расхрабрился, голову до небес вскинул, – проворчал Пиляп. Но ружье зарядил: ему не терпелось проверить свою догадку.

– Так как? – подзадорил старшего друга Мартин. – Пойдем или нет?

– Погоди, не царапайся языком. Дай подумать.

– А чего тут думать, растягивать мысли в длину женского волоса?

Пиляп нахмурился:

– На Старика идти – затея нешуточная. Уж я-то знаю. Когда с оленями кочевал по Уралу, повидал всякого – чуть не за руку с мойпаром здоровался. А четырех – домой привел.

Мартин засмеялся:

– Привел! Словно о корове говоришь.

– Не зубоскаль! Не знаешь разве? По старым обычаям про медведя нельзя говорить «убил». Духи прогневаются.

Мартин притих и тоже зарядил двустволку. Он хорошо знал охотничий азарт своего товарища – еще минута, и тот сдастся. Именно так и вышло.

– Ладно, – заявил Пиляп. – Садимся в лодку. Нож не забудь.

На крутоносой широкой колданке, тихонько подгребая, они переправились на противоположный берег протоки. Приткнулись к затянутой илом коряге.

Пиляп выбрался из лодки и устроился с ружьем на влажном стволе, положив рядом свои охотничьи лыжи.

– Я здесь останусь. А ты поезжай дальше, за тальник. Думаю, он на остров подался. Услышишь – гони на меня. А я учую – к тебе направлю. Не стреляй только раньше времени – на половину броска аркана сперва подпусти.

Мартин кивнул в ответ и, оттолкнув колданку, бесшумно заскользил к видневшемуся за зарослями тальника мысу.

Пиляп достал из кармана свою трубку, не торопясь набил ее махоркой, сделал пару глубоких затяжек. Над водой поплыл голубоватый дым. Трубка у старика самодельная, когда-то Пиляп собственноручно выточил ее из кирпичного, обкатанного рекой таша – грузила для невода. Трубки из березового капа, которые делали местные умельцы, быстро прогорали, никаких других в продаже в ту пору не было. Вот и пришлось мастерить самому. Трубка получилась тяжеловатой, зато – надежной.

Накурившись, Пиляп надел лыжи, взял ружье и решил сам пойти поискать медведя. Подтаявший снег проседал под его тяжестью, несколько раз он проваливался до колен. Идти приходилось медленно, с большой осторожностью: здесь, под хрупким настом, могла оказаться вода. Минут через двадцать Пиляп сильно вспотел под своей малицей. «А каково Старику? – подумал он. – Тоже ведь в шубе! Я хоть на лыжах...»

На сером мокром снегу отчетливо виднелся отпечаток могучей медвежьей лапы. Пиляп нагнулся, чтобы получше разглядеть его – в последнее время зрение резко ухудшилось. Один глаз уже почти затянуло пленкой. Если б не это, он, конечно, по-прежнему пас бы оленьи стада, кочуя по предгорьям Полярного Урала. Но и охота, и рыбный промысел были для него делом привычным – он с младенческих лет на реке да в тайге.

Медведь шел назад тем же путем, каким выбирался к протоке. Следы вели к густому тальнику, темневшему неподалеку.

Пиляпа так и тянуло в этот тальник, но он сдержал себя: Старик – не волк и не лось, весной с ним один на один, да еще без собаки, в зарослях, лучше не встречаться. Пошел дальше по следу.

Примерно через полкилометра опять выбрался на луга.

Ага, снег раскидан, помята прошлогодняя трава. Здесь Старик лежал до того, как почуял охотника. Потом он, вспахивая вокруг снег, побежал дальше.

Пиляп понял: он где-то рядом, придется гнать его в сторону Мартина. Только бы тот не струсил, не выстрелил раньше времени, не выдал себя суетливым движением!

В эту минуту раздались один за другим два выстрела.

Сердце Пиляпа тревожно забилось.

Он замер и тут же увидел, как по луговине навстречу ему мчится здоровенный мойпар.

– Остановитесь! Остановитесь, Старик! – прошептал Пиляп, следуя обычаю старых хантыйских охотников, утверждающих, что при таком заклинании зверь непременно должен остановиться.

Но медведь и не думал останавливаться. Он продолжал мчаться вперед, не замечая опасности.

«Странный какой-то», – мелькнуло в голове у Пиляпа, а руки тем временем сами привычно взялись за ружье...

Медведь рявкнул, затряс задней лапой и ринулся в сторону протоки.

Пиляп оторопело смотрел ему вслед. Как же так? Почему не попал? Что помешало ему хорошенько прицелиться?

И снова суеверный страх заполз в душу. Этот медведь еще надеется встретиться с ним, иначе не ушел бы от пули!

Пиляп повернул назад. Выйдя к протоке, увидел, как Старик, сильно загребая лапами, наискосок пересекает полоску блестящей на солнце воды. Вот он выбрался на другой берег, отряхнулся и, внезапно обернувшись, пристально взглянул на Пиляпа, словно стараясь его хорошенько запомнить. Потом, почувствовав себя в безопасности, спокойно ушел в сторону тайги.

Пиляпу стало не по себе. Как у всякого старого ханты – а ему перевалило за шестьдесят, – у него были весьма запутанные отношения с медвежьим племенем. Он верил многочисленным преданиям о них, в юности не раз участвовал в знаменитых медвежьих плясках, а бессонными ночами, случалось, размышлял о том или ином мойпаре, с которым сводила его охотничья тропа. Ведь каждый из них особенный, не похож на другого!

Вот и этот Старик – кто он такой? Что ему надо? Зачем появился на его, Пиляпа, пути в неурочный час?

Над этим нужно было серьезно подумать, и охотник опять присел на берегу.

Вскоре из-за мыса показалась колданка. Взбудораженный Мартин издали размахивал рукой и что-то кричал – видно, встреча с медведем не прошла для него даром.

Пиляп поднялся ему навстречу, помог подтащить лодку.

– Промазал я! – заявил запыхавшийся Мартин. – Сам не пойму, как такое случилось!

Пиляп усмехнулся: чего уж тут непонятного? Разнервничался, заторопился, ну и выпалил, ничего толком не видя. Впрочем, и сам он нынче стрелял не лучше.

– Ничего, – утешил он Мартина, – ушел, значит, так надо. По-моему, больше он не вернется – отстояли мы свои охотничьи угодья! – И, помолчав, добавил, словно убеждая самого себя: – Не наш был Старик. Не к нам приходил.

– Может, не к нам... Только я узнал его...

– Узнал?!

– Да! Это позапрошлогодний шатун. Честное слово – он! С белым ободком на шее. Я хорошо разглядел! Он на расстоянии броска аркана от меня был. Белый ободок – редкая примета.

– Белый ободок... – сдавленно прошептал Пиляп. – Не может быть...

– Он, он!

– Ладно, давай к палатке, чаю попьем. Греби! – сказал Пиляп, стараясь не выказать своего смятения.

Мартин взялся за весла, Пиляп сел к рулю, и колданка плавно вывернула на середину протоки Ай-Варов, упруго ударяясь носом в поднявшуюся под внезапно налетевшим ветром волну.

«Нен-гась, нен-гась», – монотонно поскрипывали уключины, нарушая окрестную тишину. И под этот скрип Пиляп в тайной тревоге думал свою думу...

«Неужто сегодняшний медведь и в самом деле тот самый, с белым ободком?! Тот, который...»

Не в силах додумать фразу до конца, Пиляп даже застонал. Но тут же притворно закашлялся: зачем до поры до времени будоражить Мартина?

Конечно, в пылу охоты можно и ошибиться. А вдруг белое пятно – просто снег, налипший на медвежью шерсть? Тогда возникала куча новых сомнений...

Старика упустили – это хорошо или плохо?

С одной стороны можно быть спокойным: у ханты существует примета – шатун должен попадаться медвежатнику седьмым. Справился с ним – без страха охоться дальше. Нет – пеняй на себя, удачи потом не будет. Нынешний же мойпар явился пятым. Значит, все было правильно? Но если это действительно Белый Ободок и он уже второй раз ускользает от охотника целым и невредимым?

От такой путаницы в мыслях Пиляп нервно выхватил изо рта недокуренную трубку и в сердцах с громким стуком выбил ее о край лодки. Мартин удивленно посмотрел на товарища.

Лодка тем временем мягко ткнулась в прибрежный песок.

Возле купы тала темнела их четырехместная палатка.

– Хорошее место мы выбрали для стоянки! – залюбовался Мартин. – Здесь тебе и Обь, и сор рядышком, и коса песчаная! Уток сюда так и манит. Пойду-ка я постреляю...

Мартин ушел, а Пиляп нырнул в палатку и лег ничком на оленьей шкуре в надежде уснуть.

Сон, однако, к нему не шел...

Позапрошлой зимой Месяц Замерзания Оби выдался пуржистым и снежным. Из низких темных облаков так и сеяло крупными белыми хлопьями – словно кто-то снимал чешую с огромной рыбы.

Помнится, в тот день снегу нанесло особенно много. Пиляп еле-еле выбрался утром из своего зимовья и невольно залюбовался розово-белым пушистым покрывалом, укутавшим тайгу. Мартин и Курпелак-Ванька, рыбачившие вместе с ним в ямах-живунах на вершине Ханты-Питлярского сора, ворчали: «Опять берись за лопаты и откапывай самого себя из-под снега!»

Однако за завтраком они успокоились и, благодушествуя за горячим чаем, стали мечтать. Курпелак-Ванька вспомнил, что у Пиляпа в кармане целых две неиспользованные лицензии на отстрел лосей.

– Денек-то какой, а? – начал издалека Мартин.

– Снег... Небольшой ветерок... – вторил ему Курпелак-Ванька. – Тальник шумит. Лось слышать перестает.

– Точно! С подветренной стороны – бери его голыми руками.

– Я вчера сам следы видел.

– Рыбу есть уже невмоготу. Надоела!

– Вот бы лосятинки! Представляю, до чего она сейчас жирная... Вкусная...

У Пиляпа от этих разговоров засосало под ложечкой: что правда, то правда – самый подходящий день тропить лося! Не хотелось только сразу соглашаться с товарищами (такой уж у него характер), чтобы не выдать вспыхнувшую в нем охотничью страсть.

– Я бы сам ружьишко подхватил да пошел, – прижал руку к груди Курпелак-Ванька, – деревяшка проклятая мешает! – и он потряс в воздухе костылем.

– И я пошел бы! – вздохнул Мартин. – Только Ваньке без меня не управиться.

Все это было ясно как день, но Пиляп для виду еще немножко поупирался, неспеша покуривая свою трубку. И, наконец, не выдержал, широко улыбнулся:

– Пожалуй, правильно говорите. Пойти, что ли, потаскаться по тайге часок-другой?

– Пойди, пойди, – обрадовались рыбаки. – На вот, поешь как следует.

Перед Пиляпом сразу выросла горка тающей во рту строганины из муксуна, задымилась чашка тетеревиного наваристого бульона. Он не возражал – на охоту надо отправляться сытым: всякое может случиться, иной раз тайга так заведет, так закружит, что и через два дня не выберешься.

Наевшись, Пиляп выглянул на крыльцо. Все еще шел снег – перед глазами словно мельтешила мелкоячеистая сеть. «Надо полегче одеться, – подумал он, – тяжелая одежда быстрее намокнет – и какой тогда из меня охотник?»

Минут через десять, тщательно почистив лыжи, обитые оленьим камусом, сменив малицу и перекинув через плечо двустволку, Пиляп отправился в путь.

Сперва он шел густым кедрачом, затем пересек Карасевое озеро, взобрался на Горелый холм. Местность отсюда открывалась довольно угрюмая – чахлый кустарник, одинокие черные лиственницы с засохшими ветвями, вдали новые холмы, на одном из которых темнел силуэт топографической вышки. Вряд ли тут могло бы понравиться лосям, если бы не молодой осинник, видневшийся в ближней ложбине...

Пиляп достал походный бинокль, осмотрелся. Сквозь налипающий на стекла снег все же разглядел – или ему почудилось?! – два силуэта.

– Сохатые! – невольно вскрикнул он. – Сохатые! Он быстро зарядил ружье пулей и, бесшумно скользя на лыжах, устремился к осиннику. Путь ему преградила протока, видимо, Пор-Ёхан. Сверху он ее не заметил: тонкий еще ледок замело снегом. Похоже, придется идти в обход. Пиляп огорчился – это сильно удлиняло путь.

Время приближалось к полудню.

Ветер усилился, идти по открытой местности было трудно. Но он все же достиг осинника, остановился передохнуть. И тут вдруг с оглушительным треском из близкого уже леска выдрались два больших лося и, срезая копытами тонкие деревца, припустили к видневшемуся у Пор-Ёхана мысу, поросшему редким березняком.

Догнать их теперь невозможно. Кто знает, где они остановятся... Лось может бежать без передыху несколько часов кряду.

– Э, какой из меня лосятник! – посетовал на себя Пиляп. – Староват, видно, стал для такой охоты! Зря взялся!

Он решил отдохнуть и подкрепиться. Смахнул снег с поваленной ураганом лиственницы, достал из походной сумки кусок вареной тетеревятины, краюху хлеба.

Присев, почувствовал усталость. «Это все непогода, – решил Пиляп. – Вон как облака свои подолы распустили!»

Прежде, когда был помоложе, он развел бы большой костер, заночевал бы в тайге, а спозаранку снова побежал преследовать зверя... Теперь силы были уже не те... Придется возвращаться ни с чем...

Он тяжело поднялся с лиственницы и пошел к зимовью, думая о том, что сегодняшняя неудача не обошлась, конечно, без вмешательства недоброго духа и не иначе как он, Пиляп, в чем-то повинен и терпит за то наказание.

Подумал он и о том, что лосей в осиннике кто-то вспугнул. Волки, наверное.

Быстро темнело, и к охотничьей избушке Пиляп добрался уже в полной мгле.

Мартин и Курпелак-Ванька выскочили ему навстречу.

– Пиляп?! Ну наконец-то! А мы тут места себе не находим!

Было, конечно, приятно, что напарники беспокоятся, но Пиляп тем не менее удивился: впервой, что ли, он в тайгу ходит? Есть из-за чего волноваться!

Он пожаловался на сумасшедших лосей.

– Как бешеные сорвались – только я их и видел! Не отведать вам нынче лосятины. Может, я еще завтра за ними побегаю?

Но Мартин с Курпелаком ничего не сказали, только озабоченно переглянулись.

– Слушай, а Старик тебе не встречался?

Пиляп засмеялся:

– Кой! В берлоге у него небось теплее, чем в нашей избушке!

Но приятели не оценили шутку. Мартин сказал:

– Он сегодня был здесь, пока мы рыбачили. Под окнами натоптал. Сети трогал.

Пиляп насторожился:

– Когда приходил?

– Днем, перед обедом. Мы как следы увидели – извелись. Думаем: Пиляп-то один, без собаки. Еще немного, и пошли бы тебя искать.

– Так вот кто напугал лосей...

Как всегда при упоминании о мойпаре, Пиляп взволновался. Перекинув через поперечный шест малицу – просушить возле печки, достал из кармана трубку: обычно он перед сном не курил.

«Прямо с утра отправлюсь за ним, – решил он. – Далеко не уйдет... Иначе этот Старик натворит беды – рядом-то оленье пастбище...»

– Завтра пойдем его искать, – словно подслушав его мысли, сказал Мартин. – А то он жизни никому не даст!

Утром Курпелак вскочил спозаранку, жарко натопил железную печь. За окном нехотя разгоралась волчья заря[74].

Курпелак распластал острым ножом четырех икряных карасей и принялся колдовать над ухой, кипятить чай.

Пиляп поспешил к оленям, пригнал упряжку к зимовью. Мартин напоил свою лошадь, снарядил сани.

– Уха готова! – гордо объявил Курпелак-Ванька. – По-моему, ничего получилась – есть можно.

– Сейчас посмотрим, коль обманываешь – берегись... – шутливо пригрозил ему Пиляп.

Мартин достал с полки три миски.

– Четвертую давай! – строго сказал Пиляп.

– Для кого это?

– Для Старика. Пусти-ка, я налью ему ухи! Может, тогда у него злобы поубавится!

Курпелак одобрительно взглянул на Пиляпа, а Мартин, как всегда в таких случаях, рассмеялся: чудят старики, все в сказки верят – что с них возьмешь? Уха и в самом деле удалась – так и светилась янтарным жиром, а хлопья икры таяли на языке.

– Ну, спасибо, Курпелак! Накормил в дорогу. Теперь сиди здесь, жди вестей. – Пиляп первым поднялся из-за стола и взял стоявшее в углу ружье: – Пошли, что ли?

Медвежьи следы отчетливо видны были на свежем снегу: чтобы разглядеть их, не надо было даже слезать с упряжки.

Оказывается, мойпар почти все время сопровождал Пиляпа на вчерашней охоте. Двигался сзади, метрах в трехстах, а иногда забегал сбоку и шел почти параллельно с лыжней. Значит, лосей в осиннике

[74] Волчья заря – время, когда волк уходит с охоты.

он заметил одновременно с охотником. И успел опередить его, проскочив тальником. Он тоже не решился преследовать добычу – понял, это бесполезно. И на охотника Старик нападать не стал, побоялся.

Пиляп усмехнулся: до чего же умен! Кто говорит, что медведи не умеют думать?

Потерпев неудачу, мойпар поспешил наведаться к рыбакам, на остров Ём-Пухар. Там он действительно обнаружил сеть, заброшенную накануне Мартином и Курпелаком. Из сетевых лунок выудить ничего не смог, но сложенных на снегу щурят подъел. Они, конечно, не могли утолить голода, и Старик с досады разломал ручку лежавшей на льду пешни и далеко откинул топор.

Потом ушел в дремучий кедровник.

Ём-Пухар далеко выдается в сор и соединяется с берегом длинной узкой косой, поросшей рябиной и талом. Пиляп с Мартином остановились посовещаться. Старик на острове – это ясно. Обратных следов нет. Наверное, он забрался в чащу и залег там. Главное сейчас – не спугнуть его, затаиться, выждать.

– Но и проверить, там ли он, не мешает, – сказал Мартин. – А вдруг ускользнет, кустами проскочит?

– Да, – согласился Пиляп. – Он хитрый, этот Старик.

Наконец порешили так: Мартин возьмет оленей и объедет остров по окружности, а Пиляп «замкнет» косу – другого выхода с Ём-Пухара нет.

Мартин прыгнул в нарту и, взмахнув хореем, тихо присвистнул. Упитанные хоры, раскидывая копытами снег, скрылись за поворотом.

Пиляп принялся кружить на месте, посасывая холодную трубку, – закуривать он не стал, ведь Старик может учуять запах дыма.

Минут через двадцать Мартин вернулся.

– Здесь он! Точно, – сообщил шепотом. – Вокруг острова чисто.

Пиляп велел Мартину пойти вперед, по следу медведя, тем более что с ним была охотничья лайка Пеля – умная, надежная собака, умевшая, когда нужно, молчать, а когда нужно – лаять без устали. А сам остался подкарауливать зверя на прежнем месте, предварительно заведя оленью упряжку в густой рябинник и привязав вожжи к копылу нарты.

Позицию для себя он выбрал очень удобную – скрылся за стволом большой ели, одиноко стоявшей на косе.

Вскоре послышался яростный лай собаки. Пеля явно облаивал мойпара.

«Сейчас поднимут Старика», – определил Пиляп, взводя курки своей двустволки, и забормотал свое обычное заклинание:

– Остановитесь, Старик, остановитесь...

Зверь послушался, на расстоянии броска аркана вдруг резко притормозил и присел – словно опрокинулся на задние лапы.

Пиляп прицелился, задержал дыхание и хотел было уже нажать на спусковой крючок, но... не выстрелил.

Как он мог забыть, безмозглая голова, что шатун должен быть седьмым?

– Не нужны вы мне... Уходите! – сказал он Старику, по древнему хантыйскому обычаю обращаясь к нему на «вы».

Несколько долгих, как вечность, секунд они пристально смотрели друг на друга – человек и зверь. На мохнатой шее медведя отчетливо виден был ободок.

Но вот Старик двинулся на Пиляпа...

Охотник выстрелил в воздух.

Медведь рявкнул, подскочил на месте и... побежал.

– Кой! Кой! – завопил ему вслед Пиляп. – Быстрее! Кой!

Старик вихрем промчался по косе и скрылся в лесу.

Пиляп вытер ладонью вспотевший лоб: только сейчас он почувствовал все неимоверное напряжение этих минут.

Когда прибежали Мартин с Пелей, он без колебаний соврал:

– Промахнулся!

Это была его первая встреча с белошеим мойпаром.

***

А когда же произошла вторая? Кажется, осенью, вскоре после того, как Пиляп вышел на пенсию и ездил в Салехард к глазному врачу. Он вернулся из города в начале Месяца Подъема Щекура.

...Воспоминания охотника прервал выстрел. Это Мартин отводил душу, стреляя пролетавших над косой уток. Да, место для охоты они выбрали удачно...

Пиляп вышел из палатки, выплеснул на землю спитой чай.

Ветер стих. Вода на протоке блестела и лоснилась, словно смазанная жиром. Вечернее солнце неподвижно застыло, усевшись на оленьи рога лесных верхушек. Закат горел, как раскаленные бока железной печки. Со стороны речушки Сорт-Ёх тянуло весенней сыростью.

Погода для охоты тоже была подходящей.

Можно было от всей души радоваться этому дню, но бродяга с белым ободком на шее вторгся на их территорию и теперь грозил сорвать им охоту.

Пиляп казнился, что не узнал его сам, – видно, подвело-таки зрение. А Старик, конечно, разглядел, кто поднял на него ружье и ранил в бедро. Недаром он так пристально смотрел на него сегодня из-за протоки! Он-то хорошо запомнил Пиляпа!

Сердце старого охотника исходило тревогой. Он облегченно вздохнул, когда из тальника наконец вынырнул Мартин с целой связкой дичи.

– Садись, садись, – Пиляп захлопотал у костра. – Сейчас я тебе чаю согрею.

Но и Мартин, видно, неотступно думал о мойпаре.

– Простить себе не могу, что промазал! – сказал он, бросая добычу на землю. – Это же не медведь – преступник! Ведь ты знаешь, что он натворил в поселке Питляр?

– Знаю, – помолчав, глухо отозвался Пиляп и схватился за трубку: она всегда успокаивала его в такие минуты.

– Слушай, – не унимался Мартин, – а прошлой осенью, на Мелексимском сору, мне Ипринь говорил, вы с ним охотились, медведи вам попались – этого среди них не было?

– Был, – опять помолчав, сказал Пиляп.

– Расскажи подробнее.

Пиляп сделал глубокую затяжку.

– Лил дождь. Мы забрались с Ипринем в палатку. Сидели, чай пили. Что еще делать в такую погоду? Вдруг что-то как бы ударилось о брезент снаружи. Сильно ударилось. Я хотел выйти, а Ипринь говорит: «Брось, это сушняк ветром свалило». Сидим, пьем чай. Вдруг собака залаяла – Нявар мой. Потом слышим, Старик заревел. Схватили мы ружья, выглянули из палатки...

– Ну и что?! Что вы увидели?! – Мартин сгорал от нетерпения.

– Медведицу увидели. И двух медвежат. Притихли, смотрим.

– А потом? Потом?

– Из пырея Старик вывалился. Страшный, лохматый. Медведица и та его испугалась: так и шарахнулась. И детей в кусты погнала.

– Так это что же – наш шатун был?

– Похоже, он.

– С белым ободком?

– С белым.

– И что же вы?

Пиляп выпустил изо рта струю сизого дыма:

– А что мы? Погрузили в лодку палатку, взяли Нявара да уехали... Их все же целая семья была...

– Да-а, – протянул Мартин. – Если медведица с медвежатами, тут уж надо поскорее сматываться. Что верно – то верно.

Пиляп усердно попыхивал трубкой, уставясь взглядом на полыхающий закатным жаром солнечный диск. Лучше бы Мартин не поминал того, что взбудоражило весь поселок Питляр, – теперь впереди бессонная ночь...

В прошлом году кто-то повадился разорять неподалеку от поселка древнее родовое кладбище. Ханты не роют глубоких могил – их заменяет невысокий, с оленью нарту, деревянный сруб, закрытый сверху досками и плотно заложенный мхом.

Разворошить такое захоронение легко. Но кому придет в голову тревожить вечный покой ушедших?

Однажды люди вернулись с кладбища перепуганные, потрясенные: несколько срубов кто-то разворотил, и на земле белели следы варварского, страшного пиршества.

От такого хоть у кого волосы встанут дыбом!

Преодолевая суеверный страх, Пиляп сходил тогда на кладбище, тщательно осмотрел землю вокруг осквернённых могил и понял: тут побывал медведь. Он, конечно, сразу подумал о белошеем, и смутное,

тяжелое предчувствие закралось ему в душу. Но прямых доказательств не было – это мог быть и какой-то другой, ошалевший от весенней голодухи, бродячий мойпар.

Люди стали по очереди дежурить подле кладбища, и мохнатый мародер, видно учуяв опасность, больше не появлялся.

...В конце Месяца Замерзания Малых Ручьев Пиляп с племянником Митри рыбачили на своих родовых угодьях – вокруг полузаброшенного селения Ханты-Питляр. Здесь хорошо ловилась рыба – муксун, щекур, сырок – нагулявшая жир в тихом сору. Утром поставишь сеть – вечером бери богатый улов.

Пиляп с племянником вялили рыбу, подсаливали ее то мелкой, то крупной солью. Днем они уходили в кедровник, где Митри шишковал, а сам Пиляп на склонах брусничных ёхамов[75] ставил петли на глухарей да тетеревов.

Тайга была к ним щедра.

В лиственничном дровянике на вешалках уже красовалось с полтора десятка упитанных глухарей, лежало два мешка кедровых орехов, стояли бочонки с соленой рыбой и сочной ярко-красной брусникой.

Начало подмораживать. Ночью уже выпадал иней, белым неблюевым мехом ложась на крыши; мелкие речки кое-где прихватывало ледком.

Как-то вечером Пиляп при свете керосиновой лампы «молния» готовил ужин – ощипывал глухаря, варил суп. Митри в ожидании еды сидел рядом.

Вдруг, насторожив уши, заскулили собаки – Нявар и Лопас.

– Пет! – прикрикнул на них Пиляп. – Лежать!

– Лошадь, наверное, прошла, – предположил Митри. – Пойти посмотреть?

– Сиди, – сказал Пиляп. – Вон, еда уж готова. Давай положу.

Но собаки не унимались.

Пиляп прикрутил фитиль в лампе. Стало темно, зато высветлилось небольшое оконце.

– Ох! – тихо выдохнул Митри. – Гляди, дядя Пиляп!

В окне, за стеклом, на фоне затухающей вечерней зари четко вырисовывался силуэт огромного медведя, ухватившегося передними лапами за наличник.

– Сейчас выдавит стекло... – прошептал, бледнея, Митри.

– Не бойся. Там валерная сетка...

Пиляп, подавляя невольный страх, приблизился к окну. Теперь медведь был от него на расстоянии вытянутой руки. Явственно слышалось его сиплое, тяжелое дыхание, видны были маленькие свирепые глазки, вцепившиеся в дерево когти, настороженные, изогнутые уши.

На шерсти, покрывавшей горло, проступал белый ободок.

Опять он! Шатун, пятый – и тем самым недоступный для него, Пиляпа!

– Дядя! Ну что же ты! Вот ружье! – Митри заметался по избе.

Собаки зашлись в неистовом лае.

Но Пиляп словно ничего не слышал. Он отпрянул от окна и рухнул на лавку, закрыв руками лицо.

Наконец совладав со своим смятением, он сказал Митри:

– Ладно, высунь в дверь дуло – пальни дробью вверх, пугни его.

– Но ведь у нас пули есть?!

– Делай что велено! – прикрикнул на него Пиляп.

Митри схватил двустволку и бросился к дверям.

А Пиляп обернулся к окну и еле слышно проговорил, словно увещевая медведя:

– Ну что же вы? Грешно через окно лезть!

Грохнул выстрел, гулким эхом отозвавшись в окрестной тайге. Медведь отпрянул от окна и скрылся в кустах. Собаки выскочили на улицу. Их лай стал удаляться в сторону сора, к мысу Торнанг Вош. Значит, Старик подался туда.

Митри вернулся в избу. Взглянув на дядю, он поостерегся выказывать недовольство. Они молча поужинали и легли спать.

На рассвете повалил снег, белоснежными песцовыми шкурами устилая землю. Оголенные березы преобразились, словно накинув на себя узорчатые хантыйские платки с кистями.

Медвежий след, конечно, основательно замело, так что охотники не сразу разглядели, что дверь дровяника чуть поцарапана – на старых высохших кедровых досках, словно острыми гвоздями, было прочерчено пять линий. Старик, видно, пытался здесь похозяйничать, да не смог, что-то помешало ему.

[75] Ёхам – небольшой холм.

Митри выругался, а Пиляп тихо проговорил:

– Зачем вы так? Не стыдно ли? Все другие мойпары уже ложатся в берлоги. Листья осыпались, снег выпал, а вы все шастаете!

Племянник с удивлением выслушал эту странную речь – молодым не понять взаимоотношений старых ханты со зверем, с тайгой, они выросли в другое время – и суеверный страх старших им неведом. Однако, уважая Пиляпа, промолчал.

Вернулись в избу. Надо было одеться потеплее да пойти проверить сети. Но оба отчего-то медлили – ведь ночной гость был явно неподалеку.

– Ай! – вдруг воскликнул Пиляп, схватившись за левый висок. – Ай! Как стрельнуло!

Это была плохая примета.

– Напрасно ты так, – упрекнул он собственный висок. – Зачем несчастье пророчишь?

Пиляп снова представил злобные глазки старого знакомца – медведя с белым ободком на шее. Не иначе как беда придет от него...

Опасаясь за своего племянника – у Митри как-никак жизнь впереди, – Пиляп решил, что пора, наверное, заканчивать промысел. Разве только напоследок еще разок закинуть сеть, чтобы увезти домой свежей рыбы.

– Поедем на плавной песок, – сказал он Митри. – Там более серьезная рыба ловится.

Нумпан, плавной песок, лежит километрах в трех от Ханты-Питляра, вверх по Оби.

Митри, пока ехали, подготовил сеть.

– Попадись, попадись, большой осетр, попадись, попадись, большая нельма! – приговаривал Пиляп, забрасывая в свинцовую воду конец сети.

И река словно послушалась старика. Вскоре они вытащили с десяток крутогорбых муксунов и одного икряного – килограммов на тридцать – осетра. Какая удача! Осетр настолько заплыл жиром, что боковые хрящи его еле видны.

Пиляп даже усомнился вдруг в верности недоброй приметы, встревожившей его утром. Сбудься она, вряд ли бы так расщедрилась кормилица Обь!

Осетр бревном лежал на дне лодки, она даже осела под его тяжестью.

По древним обычаям, ханты, поймав осетра, сразу идут на кладбище навестить близких. Четыре года назад в глубокой старости скончалась мать Пиляпа. Покоится она неподалеку от родного села Ханты-Питляр. Самое время проведать ее, угостить хорошенько, показать, как удачлив в рыбной ловле ее сын...

...Вернувшись в избу, они разделали осетра и, выбрав самый лучший кусок, положили его в мешок. Прихватили еще четырех вяленых муксунов, несколько рябчиков. Пиляп достал из чемодана припасенную еще в Питляре бутылку марочного портвейна.

Приплыв к кладбищу, прежде, чем пойти к могильному срубу, Пиляп отстегнул и бросил в лодку свой широкий кожаный ремень, украшенный четырьмя медвежьими клыками – по числу приведенных им мойпаров.

– Зачем ты это сделал? – поинтересовался Митри.

– Не хочу мать пугать, – кивнул в сторону сруба Пиляп. – Если она увидит клыки – ни за что не подойдет к нашему угощению. И тогда не узнает, на что я еще способен. Набери-ка ведро воды да чайник возьми...

– А вода для чего?

– Мать угостится – захочет чаю попить.

Митри зачерпнул в эмалированное ведро воды, и они зашагали вверх по прибрежному склону.

Пиляп шел к могиле матери справлять поминальный обряд, но настроение у него, как ни странно, было светлым, приподнятым. Его грело горделивое чувство, что он исполнит этот обряд достойно, как настоящий мужчина – рыбак и охотник – и что не зря, значит, живет он на белом свете.

Маленькое лесное кладбище густо заросло кустарником и травой, что сейчас, осенью, топорщилась высохшими прутьями и будыльями. Только мшистые верхушки срубов еще бархатно зеленели среди присыпанных сентябрьским снегом голых ветвей. Многие холмики были тут Пиляпу знакомы. Проходя по кладбищу, он по хантыйскому обычаю постукивал кулаком по крышкам срубов, под которыми покоились его близкие и дальние родственники.

– Надо же всех поприветствовать! – объяснил он племяннику. – Вот, смотри! Когда-нибудь и со мной будешь так здороваться.

Впереди, гордо вскинувшись ввысь, словно часовой на карауле, встала темная густохвойная ель. Еще несколько метров, и Пиляп склонит голову у последней материнской постели.

Он откинул капюшон малицы и зашагал быстрее.

Митри немного поотстал, давая возможность дяде побыть одному. Он даже отвернулся, но тотчас вздрогнул, услышав хриплый крик.

Бросившись вперед, Митри увидел застывшего в ужасе Пиляпа – тот даже не опустил ноги, поднятой для очередного шага. Лицо его было страшно искажено.

– Что?! Что случилось?!

Говорить Пиляп не мог – губы его дрожали. Он только указал рукой вниз.

Митри перевел взгляд и тоже оторопел.

Могильный сруб был взломан. Кругом валялся раскиданный дерн, поломанные доски, домашняя утварь, которую ханты обычно кладут в свои захоронения. Внутри чернел искромсанный, помятый гроб.

Они, оцепенев, долго стояли молча, не решаясь приблизиться к могиле.

Потом Пиляп, закрыв лицо руками, упал на землю. Митри не знал, что делать. Наконец он поднял старика, обхватил за плечи, пытаясь утешить:

– Ветер недавно был... Настоящий ураган! Вот, наверное...

– Нет, нет! – застонал Пиляп. – Нет! Я знаю, кто это сделал...

– Может, лось пробежал, задел невзначай...

– Какой там лось! Старик это! Тот самый. С белой шеей! – И он затрясся, запричитал, затопал ногами. – Кой! Что тебе моя мать сделала?! Что?! Чем я перед тобой провинился?! – Тут Пиляп резко выбросил вперед правую руку. – Тем провинился, что не убил тебя раньше! Позволил безнаказанно по тайге бегать! Все думал, раз ты Пятый – тебя и трогать нельзя! За темноту свою я наказан! Ведь знал, что не мойпар ты – разбойник. В Питляре еще знал. Вот он – мой левый висок!

Митри обхватил Пиляпа за плечи:

– Успокойся, дядя! Пойдем! Шатун здесь недавно был – может вернуться. А у нас ни собак, ни ружья...

Пиляп вдруг сник, ослабел.

– Забудь, забудь, что я сейчас сказал... И ты тоже ничего не говорил... Нельзя на кладбище Старику грозить...

– Идем же!

– Нет! Прибрать надо.

Все еще глухо постанывая, Пиляп собрал разбросанную утварь, сложил ее в сруб. Достав топор, нож, привел в порядок доски, заложил ими могилу. Митри собирал мох, уже успевший промерзнуть, и клал его ровными рядами сверху.

Когда все было закончено, Пиляп сказал:

– Разжигай, Митри, костер. Раз мы пришли справлять поминки – справим их как положено.

Над костром он повесил ведро с водой. Митри быстро почистил и нанизал на прочный сук рябчиков, просолил свежую осетрину. Когда все было готово, Пиляп разлил по кружкам портвейн.

– Вот, мать, гляди! Мы пришли к тебе и принесли хорошее угощение. Будь добра, посиди с нами, попробуй рыбы, поешь жареной дичи – все это мы добыли своими руками!

Перевалившее полуденную черту оранжевое солнце безмолвно глядело на них из своих небесных глубин, внизу под обрывом холодно блестела осенняя Обь...

Пора было ехать.

Они спустились на песчаную, застывшую от первых морозов отмель и сели в лодку. Пиляп яростно рванул шнур мотора.

Надо было завернуть в Ханты-Питляр, чтобы забрать припасы. Они бросили якорь у обрывистого берега и направились в поселок. Навстречу им уже бежали их лайки – Нявар и Лопас, обе сильно взбудораженные.

Пиляп и Митри, не сговариваясь, сразу устремились к дровянику. Щелястая дверь висела на одной петле, поскрипывая на ветру.

Митри заглянул в сарай.

– Пусто! Ни глухарей, ни рыбы. Посмотри, дядя, что он тут натворил...

Опрокинута бочка с брусникой, ягода вся раздавлена, на земляном полу кедровые орехи, перемешанные с глухариными перьями...

Пока они ездили справлять поминки, Старик побывал у них дома. Он словно насмехался над людьми!

Пиляп сильно расстроился. Он ведь уважал мойпаров – так за что же Старик наказывает его? Нет, такую обиду охотник ему не простит... Теперь Пиляп не успокоится, пока не найдет белошеего...

Если б не Митри, он, наверное, прямо сейчас пустился бы по следу мойпара, но парень торопился домой, в Питляр, а оттуда в оленье стадо, на практику – Митри учился на зоотехника. Отпустить племянника одного Пиляп не осмелился.

Мартин и не знал, какие воспоминания одолевают сейчас его старшего друга, вроде бы задремавшего на теплой оленьей шкуре.

Но Пиляп не спал. Он мучительно решал для себя вопрос: что делать со Стариком? Теперь он твердо верил, что упущенный им шатун – его личный враг, мойпар с белым ободком на мохнатой шее. Да, он пришел пятым, как и в прошлый раз. Ну и что? Может, не стоит придавать значения приметам? Вон молодые не больно-то в них верят... Надо найти белошеего... Надо встретиться с ним один на один, пока тот не натворил еще большей беды...

Можно бы пойти по следу прямо утром, но нужны собаки – без них на медвежьей охоте нельзя. Кроме того, нужны настоящие пули, а не те комочки свинца, которые они отлили с Мартином в пенопластовых балберах.

Да, он пойдет на мойпара один, только заглянет ненадолго в Питляр – взять снаряжение. Мартину он ничего не скажет. Во всяком случае сейчас. Просто попросит кого-нибудь из поселковых передать охотникам: мол, Пиляп в тайгу ушел, если долго не будет – отправляйтесь искать.

Пиляп заворочался, забормотал:

– Что ж, Старик! Сам виноват – вынудил поднять на тебя громкокричащую палку! Будь ты другим...

По старинным поверьям, ханты, беседуя с медведем, нельзя называть ружье ружьем – требуется какое-нибудь иносказание. И Пиляп, ненавидя белошеего, не решился все же нарушить древний закон. Хорошо, что Мартин к этому времени уже спал и не слышал его заклинаний.

Дома, в поселке, Пиляп прежде всего хорошенько накормил лаек. Смазал, почистил, трижды перепроверил двустволку. Весь вечер он старался ни о чем серьезном не думать – на медвежьей охоте нужны крепкие нервы, ясная голова.

Наутро легкая колданка заскользила в сторону знакомой протоки Ай-Варов. Нявар и Лопас, насторожив чуткие уши, сидели на носу лодки, зорко вглядываясь вдаль, словно зная, что им предстоит важное дело.

Вот и коса, на которой они с Мартином вчера охотились на уток, остров Ём-Пухар, поросший рябиной и тальником, сверкающая полоса протоки. Начинать поиски надо отсюда, хотя, конечно, Старик мог за сутки уйти далеко.

Вытащив на песок лодку, Пиляп постарался припомнить то место, где он в последний раз видел медведя и где тот на него пристально посмотрел. Там обязательно должны быть следы.

Пустив вперед лаек, Пиляп медленно шел вдоль протоки, оглядывая каждый куст.

Как он и предполагал, след нашелся довольно быстро. Зверь припадал на одну ногу – значит, это был тот, кого он искал.

Нявар и Лопас глухо заворчали и ринулись вперед.

Через пару часов – за это время Пиляп так разогрелся в быстрой ходьбе, что ему захотелось сбросить малицу, – он заметил в талом снегу свежий медвежий помет: значит, мойпар был здесь совсем недавно.

Пиляп вытер ладонью покрывшийся испариной лоб. Огляделся. Тальник остался позади, впереди синел густой ельник. Лопас с Няваром исчезли там – только хвосты мелькнули.

Еще секунду-другую передохнув, Пиляп пошагал за ними.

Теперь он читал медвежьи следы, как линии на раскрытой ладони.

Мойпар долго шел по лесной тропе, ведущей к речке Сорт-Ех. Достигнув истока, он не стал пересекать болотистые верховья, а направился вниз, продираясь через кусты багульника и мелкий тальник.

Пиляп уговаривал себя не спешить, но невольно все прибавлял и прибавлял шагу. Хвоя разлапистых елей и сосен колола руки, лицо, за ноги цеплялись низкорослые карликовые березки. Потом идти стало еще труднее – медведь свернул в сторону топкой низины, покрытой крутыми, пружинящими кочками. Ноги с них так и соскальзывали – приходилось переваливаться с боку на бок, чтобы не увязнуть в трясине, лишь сверху затянутой тонким весенним ледком. Такое передвижение изматывало, и Пиляп стал нервничать.

– Кой! – пробормотал он, обращаясь к медведю. – Зачем в такие дебри забрался? Я тебя все равно найду!

Сейчас ему не хотелось называть мойпара на «вы», как обычно.

Уже в сумерках охотник остановился передохнуть. Выбрал место посуше, положил в снег рукавицы и сел на них. Достал из заплечного мешка флягу, кусок хлеба и вяленую рыбу и совсем уже было приготовился перекусить, как вдруг услыхал стремительно приближающийся собачий лай. Из зарослей выскочил Нявар и, покрутившись возле хозяина, снова исчез в тайге.

Это был верный знак!

Пиляп взволновался, сунул обратно в мешок еду, схватил ружье. Собаки надрывались где-то совсем рядом. Он пошел на их голоса и вскоре очутился на открытой поляне, за которой виднелся молодой кедрач.

Медведь наверняка прячется там.

Пиляп приблизился к кедрачу на бросок аркана. В чаще шла схватка – хвойные ветви покачивались, взлетали вверх комья снега, доносилось громкое рычание собак и рев озлобленного мойпара.

Лайки старались удержать Старика в кедраче, не выпустить его на поляну. Охотнику входить в такой момент в гущу леса – все равно что безоружным выйти на разъяренного зверя.

Пиляп громко кашлянул. Лопас с Няваром поняли его сигнал и повернули к опушке кедровника. Охотник укрылся за стволом ближнего дерева.

Он видел, как резко качнулись, словно подрубленные, молодые кедры. Одна из лаек вылетела вперед, и вслед ей молнией метнулась простертая медвежья лапа. Собака кувыркнулась в воздухе и душераздирающе завизжала. Это был Нявар.

Тотчас показался лающий взахлеб Лопас, за ним – Старик.

Мойпар попытался достать и эту собаку, однако не смог. В ярости он присел, оскалил клыки и глухо зарычал.

Пиляп вскинул ружье. Зверь метнулся вправо и скрылся за невысокой елкой. Сквозь хвою белел ободок на его шее.

Стрелять было нельзя – пуля могла срикошетить. А если испуганный Старик подастся обратно в кедрач, его оттуда больше не выманишь.

Пиляп, стараясь не дышать, сделал шаг-другой...

Теперь медведь увидел его. Они снова взглянули друг на друга – глаза в глаза.

Охотник выстрелил. Но за какую-то долю секунды до этого мойпар резко рванулся в сторону, и пуля, видимо, угодила ему в правую лопатку.

У Пиляпа заныло сердце – этот зверь был словно заколдован!

– Остановитесь, Старик, остановитесь... – машинально прошептал он побледневшими дрожащими губами, но мойпар, подскочив, развернулся и бросился назад в кедровник.

Видимо, он все-таки был сильно ранен – на мокром снегу остались пятна крови.

Охотник рванулся по следу, но тотчас опомнился: нужно было помочь покалеченному Нявару.

Раненый пес жалобно скулил, мотал головой и дергал передними лапами. Пиляп опустился перед ним на колени, ощупал теплое тело собаки. Нявар притих, с надеждой уставился на хозяина. «Плохи дела... – сразу определил охотник. – Перебит позвоночник...» А вслух сказал:

– Прости, друг, не уберег я тебя...

Взрывая снег, подполз Лопас, лег рядом с Няваром, лизнул его языком.

Медлить было нельзя. Зачем продлевать мучения верного друга? Пиляп достал из вещмешка капроновый шнур, подозвал Лопаса и, отведя его в сторону, за деревья, крепко привязал к стволу могучего кедра.

Затем вышел на открытое место, повернулся лицом к югу, где находился Ампат-Лух – залив Священной Собаки, и тихо запричитал:

– Гляди, гляди, мать Священной Собаки! Ты видишь, как мучается мой Нявар. Чем я могу помочь? Ничем! Мне остается только одно – прекратить его страдания. Пойми меня и укрепи в этом тяжелом решении! Ты все понимаешь, мать Священной Собаки!

Уже в темноте прозвучал одинокий выстрел...

– Слушай, слушай, мать Священной Собаки! Все кончено...

Долго стоял Пиляп, понурясь и не в силах тронуться с места, возле несчастного Нявара. Потом разгреб снег, собрал мох и укрыл им собаку. Сверху набросал сучьев.

Надо было идти дальше, но Пиляп почувствовал себя обессиленным и опустошенным. Ноги словно одеревенели, поташнивало от голода – ведь он так и не успел поесть.

Он подошел к Лопасу, ласково потрепал его по загривку. Тот жалобно тявкнул в ответ.

– Вот мы с тобой и остались одни, – сказал Пиляп. – Будем устраиваться на ночлег.

Согревшись возле костра, Пиляп накормил Лопаса. Но тот, против обыкновения, ел вяло. Да и сам он без всякого аппетита пожевал вяленой рыбы, запил кипятком.

Потом, поплотнее завернувшись в малицу, попытался уснуть. Сон, однако, не шел. Мысли о коварном мойпаре бередили душу.

Старик снова обидел его – отнял любимого пса. Но Пиляп отчего-то больше не чувствовал к нему ненависти, той, что горела в нем утром, когда он шел на охоту. На смену ей пришли мысли о вечном единстве людей и природы и вечном противоборстве. Вот он, Пиляп, старый ханты, в тайге рожден и вскормлен тайгою. Чем был бы он без нее? Что делал бы в жизни? Однако, вооружась «огнедышащей палкой», он рыщет по лесу, разыскивая медведя и страстно желая его убить. Не зря, видно, древние ханты обожествляли мойпаров, обращались к ним на «вы»... Они сознавали свой грех перед живущими на земле...

Пиляпу теперь хотелось, чтобы Старик ушел подальше в тайгу, чтоб скрылся в глубокой чаще... И в то же время он знал: как только забрезжит рассвет, он снова пойдет по медвежьему следу...

Наконец Пиляп задремал, но и сквозь дрему он продолжал терзаться сомнениями. Ведь Старик с белым ободком на шее не был Седьмым – он пришел Пятым! Значит, по закону, трогать его нельзя... Но он решил, решил отомстить коварному зверю... И он настигнет его, он отомстит... И это будет его последней медвежьей охотой...

Заскулил Лопас...

Пиляп поднялся, подбросил в затухающий костер сучьев, вскипятил чай.

Небо поголубело, верхушки деревьев позолотили первые солнечные лучи. С шумом пролетели, растопыря веерами хвосты, тетерева.

Пиляп взял собаку на поводок и углубился в лес – он не хотел рисковать второй лайкой: раненый медведь страшен и зол, как сот хоятпи ляль – зверь, равный по силе ста лучникам.

Следы Старика хорошо были видны на снегу. Вдоль всей цепочки следов тянулись алые пятна крови. Километра через полтора зверь начал терять силы – он какое-то время отлеживался в густом ельнике, зализывал рану. Шаг его сделался тяжелым и неуклюжим – он то и дело проваливался в рыхлый весенний снег.

Пиляп шел почти машинально, преодолевая в себе желание повернуть назад...

Да, странная это была охота. След вел к устью Сорт-Ёха, к Ханты-Питлярскому сору.

Взобравшись на небольшой холм, покрытый прошлогодними прибрежными травами – муксутунем и осокой, Пиляп осмотрелся. Лопас рванул поводок и встал на дыбы, заходясь неистовым лаем: он первым увидел медведя!

Прихрамывая и озираясь, мойпар торопливо ковылял к руслу сора, где чернела на песке перевернутая колданка.

«Видно, Курпелак-Ванька ее здесь оставил», – подумал Пиляп: он знал все лодки своего поселка.

Сор поблескивал истончившимся ноздреватым весенним льдом. Едва ступив на него, мойпар провалился в воду. Выскочил на берег и стал отряхиваться. Затем, будто давая выход своей злобе, принялся крушить колданку.

Пиляп спустился с пригорка, приблизился к зверю.

Когда между ними осталось метров пятьдесят, он пал на колено и, тщательно прицелившись, выстрелил.

Промах!

Выстрелил снова – и опять промазал.

– Лопас! Вперед! – крикнул Пиляп.

Мойпар завертелся на месте, рыча и махая лапами, затем бросился обратно в сор и, круша лед, понесся прямо по мелководью.

Пиляп еще раз выстрелил. Но неведомые силы словно оберегали этого шатуна: пуля – в который раз! – прошла мимо.

– Нет! Не уйдешь! – прошептал Пиляп. – Ни за что не уйдешь!

Он подбежал к разломанной лодке, выбрал два обломка бортовой доски и капроновым шнуром привязал их к подошвам, соорудив нечто наподобие лыж. Сделав два-три пробных шага по льду, Пиляп пустился в погоню.

Медведь пересекал русло. Бежал медленно, тяжело. Лопас мешал ему: он громко лаял, заходил то спереди, то сзади.

Приблизившись к берегу, Старик обернулся и, как показалось Пиляпу, взглянул на него торжествующе: видно, он считал себя в безопасности.

Но охотник уже настигал его.

Подняв ружье, он нажал на спусковой крючок.

Медведь взвыл, дернулся и повалился на влажный песок. По горлу с белым ободком прошла волной предсмертная судорога...

Пиляп, охваченный смятением, смотрел, как уходит жизнь из мощного тела могучего зверя...

Потом, отойдя в сторону, он упал лицом в снег, и плечи его задрожали. Лопас ткнулся носом в руку хозяина, заскулил.

Пиляп приподнялся, сгреб ладонями снег и бросил комочек в своего верного друга[76].

(Перевод Э. Ефремовой), 1986

СВАТОВСТВО

Возвращаясь домой, Туньла издали увидела оленью упряжку. На улице стояли нарты, упитанные олени тяжело дышали – языки чуть не вываливались наружу.

«Лихо ехал пастух! – подумала Туньла, разглядывая высоконосый лохсянг – выездную нарту, поперек которой был небрежно брошен разукрашенный цветными лоскутками сукна белоснежный гусь, припорошенный снегом. – Да еще, видать, пыль в глаза пустить любит. Кто бы это мог быть?»

Потом она заметила еще одну нарту – женскую. На шеях белобоких оленей поблескивали металлические колокольчики. Эта упряжь была ей знакома: она принадлежала старухе Остяр.

И тут неприятная догадка впервые шевельнулась в голове у Туньлы. Она как березка приросла к земле. Занемевшими внезапно пальцами расслабила на шее узел платка.

«Не пойду в дом, – решила. – Ни за что не пойду».

Туньла вспомнила необычно ласковый, суетливый говорок отца за завтраком. Он все подшучивал, посмеивался, взглядывал на мать, и один раз даже хлопнул Туньлу ладонью по плечу – жест, совершенно ему не свойственный. Зачем-то потребовал, чтобы она понарядней оделась, хотя Туньла следила за собой и здесь ее не в чем было упрекнуть.

– Нормально я одета, – огрызнулась она. – Чего еще надо?

Но отец настоял на своем.

– Ну-ка, мать, доставай платок, который мы в Салехарде купили! Где ты его прячешь?

Мать, усевшаяся на низкую скамеечку и приладившаяся было вырезать узоры для меховых бурок, поспешно вскочила с места и метнулась к шкафу. Из заветных глубин извлекла пеструю кашемировую шаль с кистями и набросила на спину дочери.

– Вот! Это другое дело, – одобрил отец. – Теперь ты настоящая невеста.

Тогда, утром, Туньла не почувствовала особенного смысла в этом слове – невеста. Но теперь ей все было ясно. Она со страхом взглянула на белых полнобоких важенок. Пусть убираются, откуда приехали! Нечего им здесь делать.

Из-за дровяника вышла мать с миской замороженной рыбы в руках. Лицо ее было радостно-озабоченным.

– Где же ты пропадаешь, дочка? Иди, иди скорее в комнату! У нас гости.

– Какие еще гости? – хмуро отозвалась Туньла. – Зачем?

– Что с тобой случилось? Гости есть гости. Ступай!

В этот момент скрипнули двери и на крыльце появился отец. За ним семенила старуха Остяр. А рядом с ней, широко, крепко расставив обутые в узорные кисы ноги, встал молодой незнакомый мужчина в новехонькой неблюевой малице. Было заметно, что все трое уже успели выпить.

Увидев Туньлу, Остяр разулыбалась, а незнакомец метнул на девушку острый оценивающий взгляд. Туньла молча наклонила голову в знак приветствия и отвернулась. Гость тоже промолчал, пожал отцу руку и, ловко прыгнув в нарту, пустил своих хоров рысью. Стоявшие на крыльце долго смотрели ему вслед, пока упряжка не скрылась в снежной дали.

Туньла же тем временем шмыгнула в дом и укрылась в своем любимом углу – за шкафом. Ей надо было побыть одной и подумать.

Конечно, отец прав: она давно уже в возрасте, невеста. Можно сказать, пересиживает в девках. Но, в конце концов, это никого не касается! Кому какое дело? Она взрослый, самостоятельный человек. Работает. На звероферме все с ней считаются, даже медаль «За трудовое отличие» дали! Вправе она сама решать свою судьбу или не вправе? Советской власти уже чуть не полвека, недавно первый корабль в космос отправился, а ей приводят в дом жениха, которого она знать не знает да и не хочет с ним, пижоном этаким, даже знакомиться!

[76] Когда убивают медведя, ханты по обычаю бросают снег в человека или в любое другое живое существо, отдавая таким образом дань уважения медведю, по преданию – предку человека.

Не ждала она такого от своих родителей! Не могли, что ли, с ней посоветоваться? Забыли, что старые времена давным-давно прошли? Что она не безграмотная покорная хантыйка, а молодой специалист – за плечами у нее восьмилетка, курсы звероводов в Ханты-Мансийске – и на общественной работе она не из последних? Да, она осталась в родных краях, не укатила в большой город, живет по-прежнему в семье, но это вовсе не значит, что ее чувствами можно пренебрегать! Да, она любит родных – сколько пришлось ухаживать за матерью, пока та болела ревматизмом! А младшие сестренки и братья? Она же вынянчила всех подряд! Но дома не должны смотреть на нее просто как на собственность! У нее своя жизнь, своя судьба, и она распорядится ею так, как захочет сама. И только сама!

Так с возмущением и обидой думала Туньла, сидя на застланной меховым покрывалом койке в своем любимом углу, и невольно слезы застилали ей глаза – хотя вообще-то плакать она не любила. Туньла, разумеется, понимала, что гнев – плохой советчик. Отец и мать – люди прежнего закала, они от всей души желают ей счастья по своему р;иумению, и трудно убедить их в том, что они неправы – ведь и сами соединились по воле родителей, а вот, поди ж, прожили жизнь в полном согласии, многие могли бы им позавидовать.

«Надо успокоиться, – решила Туньла. – Нельзя себя распускать».

Она вытерла мокрые веки, провела рукой по своим пушистым, похожим на мех черно-бурой лисицы волосам и погляделась в небольшое овальное зеркало, висевшее на стене. Желтоватое стекло отразило чистый овал лица, полные смятения живые темные глаза и чуть широковатый, курносый, как у выездной нарты, нос. Туньла была недовольна своим носом и не очень доверяла красивым словам, которыми ее называли в Шурышкарах – «Лонгхитам юх хорпи» – «Девушка, похожая на березу без единого сучка». Но что ей нравилось на собственном лице – так это брови! Оленьими рогами они гордо взмывали вверх на ее гладком, хоть и не слишком высоком лбу. Брови говорили о ее характере – неужели дома не видят, что он у нее есть?

Половицы слегка качнулись – вернулся с улицы отец. Туньла слышала, как прошелестела сброшенная малица. Она осторожно выглянула из-за шкафа: отец снимал со стены охотничье ружье, красовавшееся на лиственничном суку рядом с чучелом свинцово-серого глухаря и ножом в деревянном чехле, украшенном волчьими и медвежьими клыками. Он сдул с ружья пыль, оглядел его и повесил обратно. Эти его действия выдавали волнение – отец явно нервничал и не знал, за что приняться. Наконец он нашел себе занятие: вытащил из кармана костяную трубку и уселся у окна вырезать на ней рисунок. Интересно, что он изобразит? Лису? Оленя? Птицу? Как она любила в детстве сидеть рядышком и наблюдать искусное движение резца в отцовских пальцах! Мастер он на все руки. Любое дело ему удавалось, а вот жизнь удачами не баловала. Что-нибудь да обязательно мешало задуманному.

Еще несколько лет назад они кочевали – отец пас оленей в предгорьях Северного Урала. Сколько их у него было? Немного, кажется, пятьдесят или около того. Частью кормился сам, часть сдавал государству. Жилось нелегко. Особенно трудно было со школой – Туньлу иной раз доставляли на занятия вертолетом, а иной раз она по ползимы просиживала в тундре: училась по книжкам, урывками. Но отцу нравилось возиться с оленями – эта древняя работа была у него в крови. Наверное, они и сейчас мотались бы по Предуралью, если бы однажды к ним не пожаловал дальний родственник – Хон-Ванька ики из селения Ворзям. Он привез подарок – целый ящик спирта. И сказал отцу:

– Держи, Лор Вош ики, это тебе. Хочешь, меня угощай, хочешь, сам пей.

Отец остолбенел от такой щедрости.

Два дня гуляли вольные оленеводы. Сколько выпили, сами не помнили. Мать пыталась их обуздать – да куда там! Пустые бутылки так и летели в тундру. Пару раз отец хотел было наведаться к оленям, но Хон-Ванька удерживал:

– Куда твои олешки денутся? Не видишь, какая пурга? Сиди в тепле. Спирта полно, еды полно – хорошо! А олени твои не глупее нас: ягелем отъедаются. Кой, сколько его у тебя тут – целые километры.

На третий день Хон-Ванька отбыл, а когда отец, проспавшись, побежал на пастбище – ягель меланхолично пожевывало не больше десятка оленей из тех, что поплоше.

С неделю, наверное, носился отец по тундре, отыскивая пропажу, – все никак не мог поверить, что родственник обобрал его самым бессовестным образом. Люди советовали подать в суд на Хон-Ванька ики, но отец не стал связываться с мошенником и подался сюда, в Шурышкары, стал охотиться и рыбачить.

Да, не везло отцу. Вот и теперь ему вряд ли удастся задуманное сватовство Туньлы. Она не подчинится его воле, пусть и не мечтает об этом. Туньла сердито уставилась в отцовскую спину, но тут же смягчилась: «А все же что он такое там вырезает?»

Она на носках подкралась к окну, встала у Лор Вош ики за спиной и посмотрела на трубку – на черенке красовался силуэт песца. И как это у него получается? Ведь несколько минут назад этого песца и в помине не было! Туньла улыбнулась и попыталась ласково заговорить.

Но в это время с охапкой дров появилась мать. За ней – старуха Остяр. Затопили печь, уселись возле стола и оживленно зашептались. Туньла не прислушивалась – зачем? Она и так знала, о чем они говорят. Ее вновь охватило раздражение. Она вернулась в свой угол и села на койку, подвернув под себя ноги. В комнате заговорили громче. Голос отца прогудел:

– Я-а! Женщины! Сколько лисиц-востриц ваши языки на волю выпустили? Сколько резвых оленей заарканили?

Мать отвечала загадкой:

– Одним язычком пламени котел супа не сваришь. Нарта с одним полозом далеко не уедет.

– Я-а! – парировал Лор Вош ики. – Что с вами сделаешь? Болтайте, болтайте. Для хорошего дела времени не жалко.

Стемнело. Туньла устала сидеть неподвижно.

– Я пройдусь, подышу! – крикнула она родителям, на ходу накидывая пальто и хватая шапочку.

– Я-а! – только успел воскликнуть ей вслед отец. – Куда ты, словно на пожар?

Было не слишком морозно, безветренно. Снег искрился под молодой, набирающей силу луной. Туньла повернула на зимник, ведущий на остров, к рыболовецкому стану Панзи. Небо было на редкость ясным, многозвездным. Растянувшимся оленьим стадом пролег над горизонтом Млечный Путь. Сзади чернел лес – кедры и ели словно застыли, придавленные сверху тяжелым снеговым убором. В упор глядела на эту первозданную тишь Большая Медведица со своим верным другом – Полярной звездой.

Туньла медленно шла вперед. Вот и остров с одинокой разлапой елью, под которой они с Унтари отсиживались прошлым летом, пережидая грозу.

...Прошлым летом в их местах уродились невиданные травы. Особенно здесь, на острове, по дороге в Панзи. Как-то вечером она отправилась сюда косить – их корова любила полакомиться свежим, чуть подсохшим сенцом. Договорились, что отец попозже подъедет за ней на лодке и перевезет к рыбакам, в стан: там в конце дня варилась отменная уха.

Вечер был спокойным, солнечным, но вдруг, откуда ни возьмись, налетел какой-то бешеный шквальный ветер. Вода в реке почернела, забурлила, как варево в котле, и стала вздыматься волнами – одна круче другой. Рыбаки на той стороне собрались кучкой на берегу и пытались что-то кричать Туньле. Но, конечно, услышать ничего не удавалось: разве перекричишь такую реку, как Обь? Да еще если она разбушуется?

Хлынул дождь. Одетая в легкий сарафанчик, Туньла продрогла и вымокла до нитки. В небе громыхало, и толстенные молнии огненными клиньями вонзались в воду.

Она не испугалась, нет! Непогодой северян не удивишь. Но было ясно, что в такую круговерть никто – даже отец! – не сможет приехать за ней на лодке: придется ждать, пока уляжется шторм.

Туньла сгребла побольше мокрой травы и попыталась соорудить нечто вроде шалаша, чтобы спрятаться хотя бы от ветра. Но вихрь разметал в стороны траву и ветки тальника. Тогда она приникла к этой вот самой ели, обхватив руками смолистый ствол. От него шло накопленное за день тепло, и ей удалось немного согреться.

– Ты – моя печка, – помнится, сказала она ели, обращаясь к ней вслух. – Грей меня дольше!

Так, вместе с елью, собралась она коротать время. Но вдруг увидела в сумятице волн какую-то лодку. Она то вертелась на пляшущих волнах, то зарывалась носом в воду, то неровными толчками двигалась вперед.

– Отец! – решила она.

Лодка приближалась медленно, но все-таки вскоре уже можно было разглядеть, что она дюралевая, не отцовская, и что сидят в ней, отчаянно борясь с взбесившейся Обью, двое. На корме тем не менее действительно притулился отец. А вот второй... Вторым был Унтари!

Туньла еще теснее прижалась к ели, и сердце у ней учащенно забилось.

Унтари!

Неужели он?

Лодка причалила, и мужчины спрыгнули на влажный песок.

– Доченька! – закричал отец. – Ну как ты? Что ты? Я уж думал, не доберемся. Рыбаки мне и лодки не дали. «Ты, – говорят, – сумасшедший! Погоди, – говорят, – пока гроза не пройдет. Ничего с твоей Туньлой не станется. Не сахарная – не рассыплется». Спасибо, Унтари прибежал. «Давайте, – говорит, – на моей лодке поедем!»

И он обнял Унтари рукой за плечи.

– Молодец парень! Герой!

Унтари молча смотрел на облепленную мокрым сарафаном Туньлу и улыбался.

Она тоже улыбнулась. Но ничто не могло бы ее в этот момент заставить произнести хоть слово!

А ведь она знала Унтари с детства. В восьмом классе даже какое-то время сидела с ним за одной партой. И чего уж греха таить: была влюблена в него по уши. Но, разумеется, об этом никто не знал. Она и себе-то в том не признавалась. Так только взглядывала иногда на него исподлобья, когда он не мог этого заметить, и душа ее при этом изнывала от какой-то сладкой тоски. Потом Унтари уехал в Салехард – поступил в педагогическое училище. Она тоже отправилась в Ханты-Мансийск на свои зверо водческие курсы. В Шурышкары они приезжали только летом и виделись изредка, случайно натолкнувшись где-нибудь на улице или в клубе, в кино. Унтари вполне дружелюбно приветствовал бывшую одноклассницу, ничуть не подозревая, в какие горячие бездны повергало Лонгхитам юх хорпи обычное «Здравствуй!».

Впрочем, иногда Туньле казалось, что в его взгляде, направленном на нее, теплится какой-то особенный огонек. Тогда она ликовала: «Я ему нравлюсь!»

Иногда, наоборот, ей чудился холод. И по ночам она плакала, уткнувшись курносым носом в пуховую подушку: «Он ко мне безразличен!»

Кого в восемнадцать лет не сжигают подобные страсти? Туньла была переполнена своей тайной – во все цвета радуги эта тайна окрашивала жизнь – и берегла ее пуще зеницы ока.

На танцах Унтари приглашал ее редко: Туньла при всей своей красоте была застенчива, не умела поддержать легкий «танцевальный» разговор, не любила твистов и роков.

«Ему со мной скучно», – с болью думала она и, отойдя подальше в сторону, украдкой наблюдала, как он крутился и болтал с другими девушками. А чаще всего он отплясывал с одной – студенткой по имени Нерка. Она тоже училась в Салехарде, собиралась стать медицинской сестрой.

Как мучилась, как ревновала Туньла, возвращаясь вечерами после танцев домой! Но опять же этого никто не знал. Только Млечный Путь да Большая Медведица были свидетелями ее страданий! ...А в тот день, в грозу, Туньла сидела ошеломленная и смотрела, как Унтари пытается разжечь под дождем костер.

И разжег!

Пламя сначала робко, потом все сильней и жарче занималось над хитро уложенными сучьями.

– Сейчас, Туньла, вскипятим чай!

Унтари подвесил над костерком походный чайник и сел рядом с девушкой, укутанной в оленью тужурку.

– Продрогла? Сейчас будет тепло!

А ей уже было тепло. Впервые за долгое время их знакомства она открыто, прямо посмотрела ему в глаза. И он не отвел взгляда.

Это была минута, которой ей не забыть!

Кругом все еще неистовствовала гроза, а в душе у Туньлы на мгновение воцарились светлая тишина и покой.

«Он любит меня, – подумала она. – Как же иначе? Ведь никто не приплыл сюда за мной – только он и отец. Любит, любит, любит!»

Но тут же уверенность покинула ее.

И недобрые духи толкнули на маленькую женскую хитрость.

– Все-таки странно, что именно ты приехал на своей лодке, – сказала она, отвернув лицо. – Вообще-то я ждала, что это Туля сделает.

– Туля?

– Да, Туля. Наш киномеханик. Ты что, не знаешь его разве?

– Нет, почему же, знаю, – после минутной паузы отозвался Унтари. – Кто же этого красавца не знает? Я его видел на берегу. Ждал, наверное, пока ветер утихнет.

И поднялся с мокрой земли.

– Ты пей чай, грейся, а я пойду Лор Вош ики помогу воду вычерпать из лодки.

Унтари повернулся к ней спиной и направился к своей дюральке, хлюпая по траве резиновыми болотниками.

Что-то чужое, независимое уже было в его походке – Туньла так и сжалась в комок под раскисшей оленьей тужуркой. И кто дернул ее за язык? Ненормальная! Дура!

Ей захотелось вскочить, догнать Унтари, обхватить его за шею руками, рассказать, как думала о нем все эти годы, как ждала лета, чтобы увидеть его хотя бы издали. И кто знает, может, не будь тут отца, она

именно так бы и сделала. Но отец был здесь. И Туньла осталась на месте – мокрая, голодная и очень, очень несчастная.

Гроза улеглась, они благополучно вернулись на берег. Унтари вежливо попрощался и исчез во внезапно упавшем тумане. А еще через несколько дней она узнала, что он уехал в туристический поход на Байкал.

Осенью, когда начался учебный год, Туньла в приступе какой-то отчаянной решимости вдруг решила написать ему письмо в Салехард.

Хотела рассказать о любви, но ничего не получилось. Письмо вышло коротким и скучным: шурышкарские новости, приветы от одноклассников. Унтари ответил тоже коротко, в шутливом тоне: мол, живу не тужу, грызу гранит наук, уже изрядный кусок отгрыз, привет родным и знакомым. Но Туньла была рада и этому.

В таком стиле переписка их длилась некоторое время, а потом увяла.

Все письма Унтари хранились у Туньлы в деревянной узорчатой шкатулке, спрятанной в дальний ящик комода. Она их часто перечитывала, а то и просто перебирала, с нежностью прикасаясь пальцами к бумаге, по которой маленькими зверьками разбегались его слова. Писать ему она больше не осмелилась, но постоянно сочиняла в уме для Унтари длиннейшие послания.

Чаще всего она приходила к мысли, что ничего и никогда между ними быть не может. Он – студент, станет учителем, а она – сельская жительница, возится со зверьем и, наверное, до конца своих дней просидит в Шурышкарах. Унтари нужна другая – пообразованней, поинтеллигентней. И разумеется, он такую себе найдет – вон их сколько, красоток с портфелями, по Салехарду разгуливает.

Так что, может, отец с матерью и правы, подыскивая ей жениха из оленеводов? Этот, в неблюевой малице, молодец хоть куда. Вон каким вихрем в нарту вскочил! Как вот только его зовут?

Мысли Туньлы прервал донесшийся со стороны поселка звон колокольчиков – это отбывала старуха Остяр, всласть нагостившаяся и наговорившаяся у них в доме.

Пора было возвращаться. Туньла погладила рукой ствол ели и покинула заснеженный остров.

Луна сияла во всей своей немыслимой красе. Длинные тени от прибрежных деревьев прямыми хореями располагались по ледяному покрову Оби. Звезды казались еще ярче, чем были, а вот Млечный Путь как-то разнесло, размыло по небу, и он уже не был так четко очерчен, как раньше.

Дома не спали, поджидая Туньлу, хотя время приближалось к полуночи. На столе остыл давно приготовленный ужин.

– Садись, доченька, я сейчас рыбу разогрею, – захлопотала мать.

– Я ничего не хочу. Спасибо, мама.

– Ну хоть чайку хлебни. Вот варенье из морошки.

– Чайку хлебну.

Отец налил Туньле полную чашку – тоже действие, ему не свойственное. «Сейчас о сватовстве начнет», – подумала девушка.

И точно.

Но повел отец издалека.

– До чего же хорошие люди к нам сегодня наведывались!

– Люди? Так ведь один приезжал.

– Один. Но он из большой семьи, из большого, известного рода. Нарту новостей привез.

– Что же это за новости?

– Рыбка нынче в реке Сыня замечательно ловится. Они уже амбар до отказу набили. Все щекуром да сырком – не чем-нибудь. И в стадах падежа почти что нет. Совхоз им премию выделил – пятнадцать оленей. У них теперь своих олешек – ого-го сколько!

– Приятно все-таки, когда в доме достаток, – вставила мать, уже успевшая вернуться из кухни с разогретой рыбой: она не оставляла надежды накормить дочь.

– Еще бы! – поддержал ее отец. – Мне вот с оленями не повезло, зато у других порядок. Есть чем кормиться.

– А мы что, голодаем? – возмутилась Туньла. – Вон полный стол едой заставлен – девать некуда.

– А все же с оленями лучше – смелей вперед смотришь.

Туньла умолкла. Психология оленевода есть психология оленевода. Тут уж ничего не поделаешь. Она молча глотала горячий крепкий чай и ждала, когда отец вывернет на главную дорогу.

Лор Вош ики особой хитростью не отличался. Покряхтев, покашляв и зачем-то потеребив себе уши, он пошел напрямик:

– Вот что, дочка: расставаться с тобой нам жаль. Но не век же под родительским крылом сидеть взрослой девушке. Да-а! Пришла и твоя пора.

Туньла отвернулась.

– Чего глаза прячешь? Солнца вроде нет. От жизни не спрячешься. Старухе Остяр насчет калыма я сегодня сказал. Дня через три будет ответ.

– Что-о? – вскинулась Туньла. – Какого еще калыма?! Ты в своем уме?

– Древний обычай. Не я придумал.

– Да кто его сейчас соблюдает?

– Многие, дочка. Ох, многие еще! А мы чем хуже других? Почему не взять, если дают? Чего тут худого?

– Помнишь, Лор Вош ики, какой калым твой отец отвалил, когда ты меня в жены брал? – пропела мать. – Половина оленей, которых Хонь-Ванька угнал, из нашего стада были.

– Молчи! – прикрикнул на нее отец. Он не любил вспоминать о своей незадаче.

Мать прикусила язык и скрылась на кухне. Отец подступил к Туньле с другой стороны.

– Погляди на нас, дочка. Мы уже старимся. Гнемся к земле, как ручка котла. Сколько еще протянем? А выйдешь ты замуж, глядишь, и у нас сил прибавится. Дети счастливы – старики счастливы. Разве не так?

– Да какое же здесь счастье – силком замуж идти? Чтобы я старухи Остяр, этой сводницы, у нас больше не видела! Нечего ей тут делать. Пусть в своем Тильтиме невест ищет.

– Много себе позволяешь, дочка! – рассердился отец, и брови его взлетели вверх крыльями рыбного коршуна. – Я тебя и спрашивать не должен.

– Не должен, правильно! – поддержала его из кухни мать. – Меня в свое время в нарту, словно мешок, кинули и умчали: я и пикнуть не посмела.

– Так это когда было! – заплакала Туньла. – За это время не одно дерево уродилось, не одно засохло.

Туньла вскочила и, опрокинув чашку с чаем, ринулась вон из комнаты. В сенях она бросилась на ворох старых оленьих шкур и в голос зарыдала.

Прибежала мать. Села рядом и попыталась успокоить:

– Поплачь, поплачь, доченька. Легче станет. А потом и совсем отпустит. Лед рушится, дерево ломается – человек гнется. Все будет хорошо. Ты хоть парня-то разглядела? Статный, сильный – настоящий кедр... Не то что твой Унтари. Я ведь все знаю – матери сердцем чуют...

У Туньлы плечи так и затряслись.

Но чтобы больше не слышать никаких разговоров, она встала и, пробежав через большую комнату, как в омут, нырнула в постель. Там она закрылась одеялом с головой и долго еще ворочалась, всхлипывая, пока наконец не заснула.

Ночью ей снился Унтари. Кудрявый, плечистый, скуластый и черноглазый. Вовсе не красавец, но зато – любимый! Опять бушевала вокруг гроза, пенилась разгневанная Обь, шумела ветвями могучая ель, а они стояли, приникнув друг к другу, и не было конца этому объятию... Потом почему-то увиделась звероферма. Она, Туньла, не спеша идет вдоль шедов[77], а голубые песцы, виляя пышными хвостами, мечутся в каком-то паническом страхе, словно предупреждая об опасности.

Проснулась она утром вконец разбитой, безразличной ко всему. И даже мысль о том, что в поселке могут проведать о калыме, не внушала ей ужаса.

Туньла походила по дому, в котором все еще спали, отпила глоток холодного чая и, натянув кисы, поплелась на работу. На ферме подивились ее бледному лицу, но Туньла сказала, что у нее побаливает голова, и подруги больше не приставали с расспросами. Обедать домой она не пошла и предстала перед встревоженными родителями только поздно вечером.

– Ешак ый! Где ты пропадаешь? – накинулся на нее отец.

Туньла, не ответив, прошла в свой угол.

– У тебя, что, уши льдом затянуло?

Туньле хотелось сейчас только одного – остаться одной. Но за шкафом, сидя на койке дочери, уже готовилась к атаке мать.

– Мама, я устала.

– Одумайся, Туньла! Хватит нас мучить! – Мать сплюнула в сторону кусок табака с утлапом. – Ведь отец людям уже слово дал!

[77] Шеды – клетки для зверей, обитые вольерной сеткой.

– А меня вы спросили?! – голос у Туньлы сорвался в крике.

Мать испугалась и в страхе откинула назад тяжелые косы с вплетенными в них старинными монетами, медными колечками, металлическими фигурками зверюшек и рыб. Ей ничего не оставалось, как пустить в ход главное оружие.

– Туньла, опомнись! Не говори с нами так. Мы же о тебе заботимся. Подумай сама: тебе за двадцать. Все твои приятельницы уже замужем. А ты кого ждешь? Унтари? Сиди, жди гуся в небе! Да он из Салехарда возвращаться и не думает. Что он в нашей глуши потерял? Я слышала, он в институт собирается. Нужна ты ему, как прошлогодний снег. Когда он в последний раз тебе письмо прислал?

Туньла закрыла глаза руками: мать попала в самую точку. И точкой этой было ее изболевшееся сердце.

«Она права, – с ужасом подумала Туньла. – Снежный чум – не дом, придет весна, и растает. Унтари ко мне равнодушен. А если не он – так не все ли равно кто?»

После долгого молчания она сказала:

– Ладно, мама. Пусть этот, в малице, приедет. Я посмотрю... подумаю...

Через три дня, вечером, к дому подлетели две ездовые нарты.

– Я-а! Кажется, будущая родня приехала! – всполошился отец. – Женщины, куда вы запропастились? Кипятите чай, рыбу несите!

Мать заметалась между кухней и ледником, отец стал быстро натягивать праздничные, расшитые кисы – салтам вай, достал из сундука голубую шелковую рубаху.

– Переоденься и ты, дочка! Да поживее!

Но Туньла и не подумала переодеваться. Она скрылась в своему углу. Оттуда все было слышно да и видно кое-что тоже.

Гости сбросили в сенках малицы и ягушки и степенно вступили в дом. Отец приветствовал их стоя, пригласил к столу. Они молча сели.

Туньла вдруг закашлялась. Отец насторожился:

– Где ты, дочка? Выходи, не прячься.

Пришлось выбираться из укрытия. Туньла предстала перед родителями будущего жениха вся пунцовая от гнева и смущения.

– Вот она, наша старшая. Знаете, как ее в поселке зовут? Лонгхитам юх хорпи!

Гости одобрительно засмеялись.

Туньла готова была провалиться сквозь землю.

– Ну, а теперь, дочка, сбегай-ка к Мохсар Семану. Я у него свой ремень забыл, с ножом. – И Лор Вошики пояснил: – У меня новый нож. В городе купил. Попробуем сегодня, как он строганину строгает!

Ну, конечно, предстоял торг – разговор о калыме, и ее хотели спровадить. Туньла только успела выскочить в сени, как вслед ей донеслись слова:

– Как насчет оленей?

– Пятнадцать! И деньгами – пятьсот...

Позор! Словно на рынке! Туньлу жгло, будто она наелась крапивы. Ну что ж, сама виновата – дрогнула в какую-то минуту, пошла на поводу у матери, словно неразумная важенка. Она остановилась на крыльце – идти или не идти к Мохсар Семану? Ведь нож, конечно, всего лишь предлог – вон их сколько, этих ножей, у отца по стенам висит! Есть чем нельму настрогать.

В нарте, стоявшей справа у крыльца, шевельнулась какая-то одетая в меха фигура. В груди у Туньлы кольнуло: ведь это жених! Подойти, поздороваться? И чего он тут, на морозе, расселся? Она осторожно шагнула к нартам. Фигура проворно вскочила на ноги и двинулась к ней. На расстоянии вытянутой руки он остановился и спросил:

– Ты – Туньла?

– Ну, я.

– Здравствуй!

– Здравствуй.

Они помолчали, топчась на снегу, словно олени. Наконец Туньла прервала паузу.

– Как тебя звать-то?

– Меня Ека. – Он откинул с головы капюшон малицы. «Парень как парень, – подумала Туньла. – Здоров, силен».

– Слушай, – спросила она, – чего это ты вздумал ко мне свататься? Что, у вас в Тильтиме девушек не хватает?

– Хватает! – засмеялся Ека. – Да вот тетка Остяр больно много о тебе распространялась. – Он снова, как в первый раз, оценивающе взглянул на Туньлу. – Дело тетка говорила! Ты – во! – И он поднял вверх большой палец правой руки.

Хоть Туньле это и не понравилось, но все-таки она была польщена столь откровенным одобрением и усмехнулась. Ека хохотнул:

– Ну как, пойдешь за меня?

Туньла снова ощетинилась.

– Разбежался!

– Ну-ну, ты не очень! – рассердился Ека. – Мы за тебя калым даем немалый.

– Забирай свой калым и проваливай!

Жених оторопел, Туньла повернулась и пошла прочь, к темневшему за домом лесу. Ека догнал ее. Глаза горели упрямством.

– Уж не вздумала ли ты меня опозорить? Гляди, в роду Лонгортовых обиды не прошают.

– В нашем роду Кельчиных – тоже.

Они уперлись друг в друга злыми глазами, как разодравшиеся псы.

Ека переменил тактику.

– Ладно, перестань. Чем я тебе плох? Работать умею, на оленях ездить умею. Охочусь, рыбачу. Хочешь, самого красивого соболя тебе на шапку добуду?

– Поосторожней с соболями. Угодишь куда следует.

– Не угожу. Я ловкий! Послушай, не артачься, Туньла. Родилась уткой – в лебедя не превратишься. Поняла?

– Нет!

– Зарубку матери темного дома никаким ножом не выскоблить.

– Какую еще зарубку? Не мели ерунды.

– Я хант, ты – хантыйка. Наше дело – олени, зверье, река, тайга. И нечего тут церемонии разводить.

«Может, и правда – нечего», – мелькнуло в мозгу у Туньлы. Она опустила веки.

– Дай мне поразмыслить.

– А чего размышлять? Соглашайся!

Туньла отвернулась от него и вновь направилась к лесу.

– Слышишь! Может, тебе калым маловат? – крикнул ей вслед Ека.

Она не ответила. Поколебавшись секунду, он бросился за ней вслед, меряя снег рысьими прыжками.

– Стой! Скажи отцу – Ека калым удваивает. Тридцать оленей! И тысяча рублей! Слышишь – тридцать и тысяча!

Туньла стремительно обернулась. Щеки ее пылали.

– Чтобы духу твоего здесь не было! Торгаш!

Она схватила ком снега и запустила в жениха. Снежок угодил Еке в лоб – недаром же Туньла была дочерью оленевода и охотника!

– Ах ты так!.. – Ека внятно выругался и побежал к дому. Через несколько минут высоконосый лохсянг рванул с места и исчез в темноте – словно растаял.

Руки у Туньлы дрожали, но начатое надо было доводить до конца. Вдохнув полной грудью морозный воздух, она рывком открыла двери и вошла в дом.

Здесь вовсю разворачивалось праздничное застолье. В мисках дымилась отварная оленина, горой лежала на сковороде обжаренная в жиру рыба, светилась желтым светом моченая морошка, алела клюква. Гости, обо всем договорившиеся с хозяевами, благодушествовали, расстегнув верхние пуговицы своих рубашек.

Гостеприимство – закон северян, и нелегко было Туньле его нарушать – ох, нелегко! – но все же она встала посреди комнаты и сказала:

– Я не стану женой вашего сына!

– Замолчи! – вскочил со стула отец. – Сейчас же замолчи!

– Не стану!

Гости всполошились:

– Чем тебе Ека не угодил? Подожди, сейчас мы тебе подарки принесем – они в нарте остались...

– Мне не нужно ваших подарков. Уезжайте. Ека уже укатил.

– Не обращайте на нее внимания! Она сама не знает, что говорит, – запричитала мать. – Глупая еще, молодая... Не оперилась. Ешьте, я сейчас оленьих языков принесу!..

Но гости уже поднимались со своих мест. Зашуршали в сенях малицы и ягушки, и вскоре и вторая нарта растворилась в пуржистой ночной мгле.

У Туньлы ослабели колени, она села на лавку. Отец, сгорбясь, отвернулся к окну. Над разгромленным столом поникла мать. Словно испуганные мыши, попрятались по углам сестренки и братья.

Бесконечным, как дневной переезд по тундре, было молчание. Наконец Туньла тихонько позвала:

– Аси!.. Отец!..

Лор Вош ики не отвечал, только лопатки судорожно сошлись у него под голубой праздничной рубашкой.

– Прости, отец...

Туньла села рядом с матерью и обняла ее за шею.

– Мама... И ты прости... Иначе я не могла.

Лор Вош ики шумно, как усталый хор, вздохнул и повернул лицо к непокорной дочери. Нет, не было гнева на этом лице, таком родном и любимом для Туньлы. Может быть, лишь растерянность или недоумение.

– Ты проголодалась, дочка. Поешь...

– А вы?

– Кусок в горло не лезет! – всхлипнула мать. – Такое ты нам устроила – от Шурышкар до Тильтима судачить будут!

Но отец вдруг сказал:

– Пусть судачат. Не все ли равно?– И громко рассмеялся: – Калым, калым! Прощай, калым! Тю-тю!

Туньла улыбнулась и положила себе на тарелку большой кусок жареной нельмы. Завтра на ферме много работы – и вправду надо хорошенько поесть.

(Перевод Э. Ефремовой),
1980

СОРОК СЕВЕРНЫХ ВЕТРОВ

В Месяц Ледохода, перед началом весенней охоты, решил Арсин проверить свою избушку на острове Шиян: не побывал ли в ней какой чужой человек, на месте ли теплые оленьи шкуры, посуда, лыжи, кисы и всякая иная охотничья принадлежность. Много в последнее время объявилось любителей поживиться за чужой счет – и местных, что помоложе, и приезжего люда, будто и не слыхавших о добрых вековых традициях. Мало того что заберутся куда не надо из баловства, они еще и след поганый после себя оставят: побьют, поломают, раскидают как попало все, что под руку подвернется, – и посуду, и припас, и утварь, а взамен, в насмешку, бросят пустые бутылки из-под вина. Бывает, еще и прихватят с собой что-нибудь из наиболее ценного, а то и вовсе охотничий стан подожгут. Вон, как у его соседа Иприня прошлой осенью...

К счастью, Арсина до сей поры Бог миловал. То ли потому, что избушка его пряталась в самой глубине острова и знали о ней только жители ближнего поселка, то ли потому, что на лодке добраться до нее можно было лишь по большой воде – весной или летом. А по суше, да еще не зная точного места – вряд ли кому найти, если, конечно, случайно на нее не наткнуться...

К немалой радости Арсина, в его избушке и на этот раз все было так, как оставил он в Месяц Ветров. Опытным глазом таежника сразу определил: с тех самых пор, то есть с марта, никто в его избушку не наведывался.

С утра, пока наст хорошо держал лыжи, Арсин заготавливал на тальниковом мысу хворост, свозил на легкой нарте к зимовью. Старую железную печку, прогоревшую за долгие годы так, что при топке из стенок ружейными залпами летели искры, заменил на новую, чугунную. Новая, конечно, была тяжеловата, громоздка (ни за что бы не переправить ее сюда, если б не лошадь), зато грела отменно – избушка вмиг наполнялась теплом. Спасаясь от жары, Арсин даже вышел на улицу малость охолонуться на любимом своем месте, на толстом, почти в два обхвата комле старой ели – «диване», как он его называл. Он решил так: сейчас немного отдохнет, потом переберется опять на тальниковый берег реки и уже оттуда доедет на своем мерине Буране до родного селения Порават. Наберет продуктов, а через недельку по заберегам приплывет сюда на лодке на весновку: половит в протоках щуку, язя, окуня, а заодно спокойно тут в тиши и поохотится.

Хорошо было Арсину на его «диване» рядом с приземистой охотничьей избушкой. Он стащил с себя суконный гусь, свернул его, положил под голову, расстелил уже изрядно повытершуюся оленью шкуру и улегся, подставив лицо теплым лучам весеннего солнца. Эта огромная ель, из которой получилась такая удобная

лежанка, простояла здесь, по словам его отца Марата, несколько веков. Предки Арсина, особенно дед Калой, любили ночевать под ее раскидистой кроной во время весенней охоты или летней путины. Широкие густые лапы надежно укрывали их от затяжной осенней измороси, от проливных грозовых дождей.

Лет десять назад, приехав сюда по весне, увидел Арсин многовековое дерево лежащим на земле. Видно, силен был пронесшийся шквал, раз пообломал вершины старых кедров, а могучую ель даже выворотил с корнем...

По-хозяйски распорядился Арсин полувысохшим, сполна прожившим свой век лесным великаном. В один из приездов он вместе с женой распилил ель на дрова, и дров этих надолго хватило для обогрева вот этой избушки, которую ставили они вдвоем с отцом еще до войны. Только самую толстую часть ствола, почти от начала корней, длиной, наверное, метра в три, Арсин оставил. Он аккуратно, с небольшим выемом подтесал толстенное бревно – так вот и получился его «диван», на котором хорошо отдыхать в весенние солнечные дни, когда не бывает еще ни нудных комаров, ни назойливых оводов.

Рядом, в двух шагах, потрескивал костер, подле которого свернулась калачиком его верная охотничья лайка Акар. Вообще-то, слово «акар», если перевести, означает овчарка. Коричнево-рыжий пес, родившийся от породистой сибирской лаечки, и в самом деле многое унаследовал от папаши Рекса – немецкой овчарки, которую держал продавец магазина у них в поселке. Арсин долго натаскивал своего Акара, чтобы привить ему качества охотничьей сибирской лайки. А все же больше у него было от овчарки: крупная голова, мощные, с крепко посаженными зубами челюсти, грозный взгляд, зычный раскатистый лай, приводивший в трепет все зверье, оказавшееся поблизости. Да и люди – тоже по возможности старались обходить Акара стороной, подальше.

Арсин расслабленно посмотрел на пса, прикрывшего нос хвостом, на свою окруженную молодыми березками избушку, срубленную из тонкомерной лиственницы, и мысли его сами собой перенеслись в тот день, когда они с отцом закончили ее строить.

– На твой век хватит, да еще и сыновьям твоим останется, – радостно приговаривал отец, навешивая дверь, которую сколотили они из сплавных досок. – Смотри, какая надежная. Когда свой теплый уголок есть – легче и думать, и дышать, да жить безопасней. Все же лес разному зверю приют дает!..

Весной это было... Арсину только-только восемнадцать исполнилось, крепкий был, в плечах широкий и – что самое приметное – русоволосый (это редко у ханты бывает), с необычно белой, как у отца, кожей. Не зря их род «белокожими людьми» называли.

И вот теперь Арсин, уже поседевший, глядел на свою избушку, исхлестанную жестокими северными ветрами, иссеченную снежными буранами, выгоревшую под летним полярным солнцем, и, как всегда с ним бывало в такие минуты, невольно вспоминал события, свидетелем которых был этот домик. Воспоминания, как след топора на стволе молодого деревца, врубились в его память на всю жизнь, и годы не в силах оказались стереть их...

Так и думал бы Арсин свои думы под ласковыми лучами щедрого весеннего солнца, слушал веселый пересвист снегирей, если бы не подал вдруг голос верный Акар. Арсин насторожился, вслушиваясь в шелест тайги: какие-то новые звуки вплелись в них. Он стянул с головы выдровую шапку, весь обратился в слух. Что за чертовщина: за спиной, со стороны талого берега, раздавалось хорканье важенок, потрескивание под копытами оленей молодого ледка на заберегах, бульканье воды...

«Откуда здесь быть оленям?! – Арсин в недоумении приподнялся на своем «диване». – Последнее стадо, кажется, еще неделю назад на Каменную сторону[78] переправилось. Вроде стадо Ребася Иприня было...»

На всякий случай Арсин сердито прикрикнул на Акара:

– Тихо. Сиди – и ни с места!

Но потом этого ему показалось мало – Арсин подозвал пса и длинной капроновой веревкой привязал его к стоявшей рядом березке.

– Так оно надежнее будет, – сказал он. – А то кинешься – не дай Бог, еще разгонишь. Мастер на глупости-то, оленей стеречь не приучен...

Бульканье воды под копытами и хорканье становились все громче, все слышнее, и Арсин, еще не видя оленей, понял, что на остров переправляется довольно большое стадо. Чтобы убедиться в этом, он решил залезть наверх по лестнице, сооруженной для обзора окрестности еще тогда, когда строили с отцом избушку. На две стоявших рядом лиственницы они набили с десяток прочных поперечин – получилось надежное сооружение, служившее исправно вот уже почти пять десятков лет; так иногда заменит только подгнившую от времени перекладину...

[78] Каменная сторона – Уральская сторона Оби.

Оттуда, сверху, остров виден был как на ладони. Да, он не ошибся: со стороны талового берега Малой Оби, от мыса Хул-Лойты-Посл, переправлялось через забереги большое оленье стадо.

Еще не было подвижки льда, и забереги оставались пока узкими и мелкими: даже отсюда было заметно, что вода едва достигает брюха животных. Рядом с некоторыми важенками семенили только-только появившиеся на свет оленята; Арсин видел, как нерешительно пускались малыши вплавь, слышал, как усиленно при этом хоркали важенки, давая, очевидно, сигнал следовать за ними.

Арсин пастухом почти не работал, мало имел дело с оленями, но своим наметанным охотничьим глазом прикинул, что в стаде не меньше двух-трех сотен голов. Он подумал, что кто-то гонит отбившихся оленей: неделю назад два дня подряд бесилась пурга, и немудрено было животным в такую непогоду отбиться от основной массы.

«Да, но почему тогда не прокладывает дорогу стаду оленья упряжка? Кто-то же обязательно должен быть, – размышлял Арсин. – Если есть пастухи, почему тогда не слышно собачьего лая? Как-никак, а переход через забереги – шибко ответственный момент, не дай Бог, олени в стороны разбегутся...»

Арсин знал, как перегоняют стада, и оттого все, что происходило сейчас на его глазах, было так необычно и непонятно. Он решил набраться терпения, не гадать больше, а подождать, пока переправятся последние олени. Может, пастух один, едет в упряжке сзади, следуя за стадом. Может, животные и сами хорошо дорогу знают – не раз, чай, переправлялись здесь на Каменную сторону... тогда пастух, конечно, может и позади быть...

Однако вот перебрались через забереги последние важенки с оленятами, и все – со стороны мелкого тальника, откуда вышло стадо, больше никто не появился.

Арсин подождал на всякий случай еще, внимательно оглядел далеко выдававшийся в реку тальниковый мыс, похожий на длинную шею гагары, и, так и не обнаружив больше в кустах ни одной живой души, слез со своего наблюдательного пункта.

– Кой! – сказал он сам себе, подходя к нарточке и усаживаясь на ней. – Ничего не понятно! Целое стадо – и без пастуха! Никак в голове моей не укладывается. Разве можно не заметить такую большую пропажу? – Арсин вытащил потертый кисет и как следует набил трубку. – Кой, кой! – продолжал рассуждать он, пуская густые струи дыма. – Редкий случай, ни разу еще, сколько живу, не видел такого. Десяток оленей пропало – можно не доглядеть, а если сотня... Как это прозевать целое стадо?! Кой! Или в бригаде все вымерли, или все пьяные. Что они там, пастухи, с ума посходили?!

Арсин делал долгие затяжки, гладил в задумчивости подбородок, тер морщинистые щеки.

– Я-а! – вдруг всполошился он. – Что же я сижу-то?! Как неживой все равно! Надо же что-то делать, иначе олени с острова еще дальше уйдут. На Уральскую сторону переправятся. В тайгу. Тогда, считай, совсем потерялись!.. Разбрелись по тайге, растеклись, как ручейки, а там, глядишь, кого волк, а кого и медведь подкараулил. А которого не подкараулил – тот одичал. Попробуй поймай тогда. Нет, надо как-то задержать олешков на острове. Обязательно задержать!

Арсин чуть не вскочил с нарточки, готовый бежать, что-то делать, но тут толкнулась в его голове, подобно могучему корявому осетру, внезапно всплывшему из воды, новая мысль:

«Погоди-ка, погоди, семь мудрецов старины, – вспоминал он, лихорадочно размышляя о том, что сейчас делать, свое любимое выражение. – Ну, хорошо. Задержу я стадо здесь, на острове. Ну, и что дальше? Островок-то крохотный, корму на нем – ну, ягеля там, прошлогодней травы – совсем мало. Правда, есть еще кора тала. Но, опять же, все это дня на три-четыре. А дальше что? Пусть голодной смертью помирают? Как раз за эти три-четыре дня вода и поднимется – вон уже как прибыло... – Арсин опять скинул шапку, растерянно почесал полысевшую седую голову. – Кой, кой! Через три-четыре дня забереги ох как свои щеки надуют! Вряд ли важенки с телятами пойдут в такую ледяную воду...»

А теперь, пожалуй, и не удастся повернуть оленей назад, угнать с Шияна...

«Они небось потому и переправились на остров, что приняли его за коренной берег реки, – подумал Арсин. – Да, теперь их, да еще без собаки (на своего Акара он в этом деле не полагался), обратно не отгонишь. Никак!»

Арсин выколотил трубку о перекладину нарты, не думая ни о чем, кроме нежданно появившихся здесь оленей, вскочил, прошелся взад-вперед перед избушкой.

«Значит, выходит дело, один путь остается: караулить на острове. А там... дальше – дальше видно будет. Глядишь, и пастухи появятся. Должны же они опомниться, должны заметить, что у них половины стада нет...»

Конечно, не было у него никакой уверенности, что пастухи появятся быстро: ведь они могли – после такой-то пурги – искать оленей совсем в другом месте, но все равно... Арсин уже принял решение: пока

нет хозяев, он, подчиняясь стечению обстоятельств, сделается пастухом. А какой еще может быть выход? Не погибать же оленям, верно? А он подождет – если не пастухов (что было бы лучше всего), то хотя бы кого-нибудь из ближайшего селения – чтобы было с кем передать весть в контору совхоза. Конечно, сюда вряд ли кто заявится, пока не пройдет лед. А до ледохода, по прикидкам Арсина, оставалась неделя, ну, самое большее – дней десять.

«Ну что ж, будем, значит, пастушить, семь мудрецов старины!» – твердо подвел черту Арсин. Первым делом он подошел к мерину, подобрал раскиданное вокруг сено, сгреб его в кошевку: теперь надо ух как корм экономить. Хотя и стоял около избушки начатый стожок – Арсин каждое лето заготавливал, – но там его оставалось всего, наверное, с центнер, так что разбрасываться сеном никак нельзя...

А олени были уже совсем рядом, за кустами рябины и тала, подступавшими к самой реке. Стадо, как и предполагал Арсин, не задержалось там; манимые хвойными деревьями – настоящим лесом, в котором, как говорил животным инстинкт, они могут отыскать ягель, олени, с шумом раздвигая ветки, подступали к нему все ближе и ближе. И вот уже из-за старого, наполовину засохшего куста тала, выдыхая клубы пара, вышла прямо на Арсина пестрая важенка с ветвистыми рогами – наверное, вожак.

Тут же заскулил, заметался на своей веревке Акар, громко залаял. Важенка от неожиданности стала как вкопанная, вскинула вверх голову, подняла торчком хвост – видно, готова была сорваться с места, увести за собой все стадо.

Но и Арсин был начеку: в этот самый миг он издал короткий, хорошо знакомый оленям, успокаивающий их звук. «Хо-хо-хо», – выдохнул он. Важенка огляделась еще раз, обернулась назад, на шум приближающегося стада, принялась медленно скалывать передними копытами зернистый снег, искать ягель.

«Вот и ладно, – подумал Арсин. – Первое знакомство состоялось. Заводила меня приняла – значит, не испугаются и остальные».

Он взял с нарты широкие, обносившиеся на весеннем насте охотничьи лыжи, поставил их на снег. Акар тут же заскулил, радостно завилял хвостом, попытался было снова подать голос, но Арсин цыкнул на него грозно, и пес послушно приткнулся возле березки.

В это время на поляну начало наплывать все стадо. Увидев человека, каждый олень ненадолго поднимал голову, смотрел на Арсина, на бревенчатую избушку, на запряженную лошадь и особенно долго на могучего пса, словно пытаясь сообразить: не исходит ли опасность от этого зверя, так напоминающего волка и совсем не похожего на тех низкорослых лаечек, что веками окарауливали оленьи стада в тайге и тундре.

Олени все шли и шли, и Арсин окончательно убедился, что все это были стельные важенки, которых к весне специально отделяют от основного стада, чтобы драчливые хоры-самцы не мешали им спокойно рожать детенышей.

Арсин насчитал, наверное, с десяток важенок с маленькими, видно, только что появившимися на свет, телятами, которые, не успев еще толком окрепнуть, плелись за матерями, едва переставляя тоненькие, будто точеные, ножки. А всего важенок, шедших то редкой цепочкой, то тесной гурьбой, по его прикидке, оказалось здесь не менее трех сотен. Арсин вначале даже пытался считать их, но вскоре сбился – олени обтекали его уже с обеих сторон. У некоторых важенок болтались на шее бубенцы, и звук их, сливаясь, голосистым ручейком раздавался между деревьями. Но вскоре звон бубенцов поутих, и Арсин понял, олени нашли ягель, остановились и теперь кормятся. Да только надолго ли хватит здесь ягеля?! Он хорошо знал свой остров – исходил его вдоль и поперек. Много ли могло вырасти мха на единственном тут пятачке хвойного леса – всего в километр длиной да с полкилометра шириной? Правда, на острове был еще тальниковый мыс, вытянувшийся примерно на полверсты. Здесь было изобилие тала, рябины, прошлогодней сухой осоки, пырея – в бескормицу олени не брезговали и такой едой, но ведь то в основном летом и осенью, когда и травы, и тальниковая кора были еще сочными и питательными.

«Как же быть-то?» – ломал голову Арсин. И двести голов, как он определил сначала, немалое стадо, – а уж триста... Ягеля на острове хватит на день, самое большее на два, – а дальше? Дальше оленям придется перейти на необычный для них рацион: сухую прошлогоднюю траву, зимнюю кору тала... Но ведь и этого здесь дня на три, не больше... А потом?»

Арсин, хотя и мало кочевал со стадами, но, как всякий северянин, знал, что олень животное на редкость неприхотливое и выносливое – дней пять, а то и неделю может обходиться без всякой еды, было б только чем утолить жажду... А тут, на острове, кроме всего прочего, одни важенки, которые вот-вот должны отелиться, им в эту пору нужен самый что ни на есть питательный корм...

От этих размышлений Арсину становилось не по себе. Вот попал в переплет! Доверили стадо каким-то разгильдяям, они его упустили, а он теперь неси за это ответственность. При чем тут он? Да случись что – какой с него спрос-то?

«Только вот как же их теперь бросишь, – думал Арсин. – Живые ведь твари! И потом – они ж совхозные... Упустил разгильдяй, так почему из-за него должны страдать все? Если б еще быки... с теми попроще, наверно, было бы... А тут все важенки, да стельные... А он ведь тоже в совхозе работает... Господи, как же их в такой беде бросишь? Как грех на душу возьмешь? Оленят одних враз сколько погибнет...»

Конечно, если быть честным до конца, Арсин немного преувеличивал, когда говорил о себе мысленно, что он тоже в совхозе работает. Работал... Всю жизнь в меру своих сил работал, хоть и вернулся с войны инвалидом, не лодырничал... Это уж он теперь, когда подошел пенсионный возраст, вот уже третий год занимается, как сам говорит, «личным делом». Но если совхозу надо – он всегда поможет, ни от какой работы не откажется...

«Ведь это ж в голове не укладывается! – говорил Арсин сам с собой. – Три сотни важенок! А после отела – еще столько же добавляй! Целое стадо, да какое стадо! Ведь это даже подумать нельзя, что такое богатство погибнуть может! Никак нельзя. Никогда сердце не согласится. Придумать бы только что с кормами... А там пастухи подъедут, поди, уж ищут пропажу...»

Арсин сунул тоборы в размокшие от талого снега кожаные ремни лыж, по привычке прихватил под мышку легкий топор, взял еще на всякий случай деревянную лопатку – сонгхеп: решил, пока есть возможность, не торопясь обойти стадо, остановившееся на кормежку.

Перед тем как отправиться в обход, Арсин, подумав, связал для Акара специальный намордник из веревки, чтобы тот не лаял почем зря и не исхитрился бы перегрызть привязь. Да, Арсину теперь обо всем надо заранее думать: если пес сорвется – может случиться беда. Не обученный пастушьему делу, пес разгонит стадо в один момент – и где тогда искать важенок? Где искать оленят, которых они с перепугу могут скинуть в любом месте...

Время шло к полудню, наст под весенним солнцем отмяк настолько, что порой не выдерживал тяжести, и тогда лыжи Арсина с глухим шумом уходили глубоко в снег. Он осторожно вытягивал лыжи из-под навалившихся на них зернистых глыб, медленно двигался дальше. Олени, как и в самом начале, при его приближении поднимали головы и, пережевывая ягель, окидывали недолгим взглядом: потом, словно убедившись, что это тот самый человек, который встретил их, вновь тянулись губами в нарытые в снегу глубокие ямы. Арсин понял, что животные все же побаиваются его, стараются держаться на безопасном расстоянии. Теперь он беспрестанно покашливал, когда подходил к очередной группе. Так обошел он все стадо и понял, что животные, подобно разлившейся воде, успели уже разбрестись по всему островку.

Вернулся он к своей избушке изрядно вспотевший. Опять же, не касаясь ремней руками, скинул лыжи, стащил через голову малицу, положил на нарточку. Оставшись в одной вельветовой куртке, стряхнул прилипшую к плечам оленью шерсть, расстегнул молнию.

– Вот хорошо когда. Самый раз, – пробормотал облегченно, глубоко вдыхая весенний бодрящий воздух. – И освежусь маленько, и мозги заодно проветрятся.

Он не боялся простуд, и вот такое сидение на весеннем солнце, когда после работы ли, ходьбы ли на лыжах можно охладиться, скинув с себя меховые одежки, всегда доставляло ему удовольствие.

Но до удовольствий ли было Арсину теперь, когда ему не давали покоя мысли о том, как сохранить стадо, дать важенкам возможность нормально отелиться и суметь продержаться до тех пор, пока не придет подмога...

Почувствовав, что освежился, Арсин снова надел малицу. Тело, начавшее было мерзнуть, быстро согревалось. Сидя на нарте, он думал о том, что как ни мало разбирается в пастушеском деле, а все же знает: олени, остановившиеся на кормежку, первые сутки, пока ягеля много, особого беспокойства проявлять не будут и, если их ничто не спугнет, никуда не тронутся с острова, где нашли наконец долгожданное пастбище.

Арсин решил, что до вечера больше не будет тревожить стадо. Немного успокоенный, он зашел в избушку, налил себе из чайника, стоявшего на чугунной печке, полную кружку чая и, прихватив две сушки, вышел на улицу. Слегка подкрепившись, улегся на свой любимый «диван».

«Да, деваться некуда, – пришел он к окончательному выводу, – придется пожить в избушке, подождать пастухов. Все же следы целого стада даже пурга ни в какой карман не упрячет. Обязательно не сегодня-завтра появятся хозяева стада. А уж тогда можно будет и домой податься. Главное – успеть бы до паводка...»

Он снова бросил взгляд на свое лесное жилище, и теплая волна окатила сердце – столько всего с ним связано было! А уж кажется, что в ней особенного, в этой избенке? Поверх толя, которым она покрыта,

все еще лежал нетолстый слой снега. На коньке прибиты ветвистые рога семилетнего сохатого – несколько лет назад он добыл его здесь, на острове... Рога очень понравились тогда жене, она и уговорила приколотить их на крыше...

Жена... При одной мысли о ней поплыли перед глазами, словно вереницы колданок по широкой глади реки, незабываемые картины, оживляя в душе давно ушедшие в прошлое дни его жизни...

Арсин улегся поудобнее, подпершись рукой.

«Эх, избушка ты моя избушка! – думал он. – Сколько еще нарядных кисов, сколько охотничьих тоборов переступят твой порог после меня? Сколько снегу стряхнут с малиц завтрашние люди, зайдя под твою крышу? Сколько налипшей глины смоют с резиновых сапог другие охотники? Эх, если бы знать... Конечно, хотелось бы, чтоб переступали порог твой люди с хорошими, добрыми мыслями, чтобы радовала ты их, чем могла, давала кров и пищу. Чтобы хранила добрую славу. И как утешение мне, помогала бы людям поминать меня добрым словом... Был, мол, такой человек Арсин. Охотничал, рыбачил, зла никому не делал... А может, найдутся и такие, которые под этой крышей догадаются и о моей весновке с любимой. С Таясь... Ох, наделала тогда Таясь переполоху в маленьком селении Пора-ват! Весь поселок, казалось, перевернула тогда вверх дном... Покойницы на кладбище возле речушки Нарпенг-Ёхан – и те, по-моему, вздрогнули...»

Арсин лежал, вздыхая, на своем «диване», а думы его были сейчас далеко-далеко...

Шла первая военная весна.

Арсин после тяжелого ранения, после госпиталя возвращался с фронта. Насколько коротка была прошлой осенью дорога на фронт, лежавшая через Омск, где шло формирование их части, настолько долгой казалась она ему теперь, когда он торопился домой. Конечно, он мечтал побыстрее увидеть мать, отца, сестер, братьев, но больше всего спешил к ней, к своей Таясь: ни днем, ни ночью не забывал он о первой своей любви.

Он ехал и думал о том, как они встретятся, заглядывал в будущее; охваченный могучим чувством, Арсин вновь, как и до фронта, казался себе крепким и здоровым парнем, способным, подобно сказочному герою Ими Хилы, вершить чудеса и подвиги. Вот только быстрее бы попасть в родные края, домой. Быстрее!..

Не раз пытался представить себе встречу в родном селенье, но ни одна воображаемая им радостная картина не устраивала его до конца – душа ждала чего-то большего, чего-то совсем необыкновенного: ведь дома-то наверняка считали его давно погибшим! Даже и похоронку уже послали, об этом ему один однополчанин сказал, с которым случайно встретился после госпиталя. Они считают его погибшим, а он живой, живой!

Конечно, у них там, в части, были все основания считать Арсина погибшим. Не успел он попасть на фронт, как их сразу бросили на прорыв. И вот во время форсирования какой-то реки – он и названия-то не запомнил – мина угодила в лодку, на которой переправлялся Арсин. Последнее, что он помнил, – как схватился за какой-то обломок... Но, видно, хранила Арсина любовь – контуженого, потерявшего сознание, его прибило к берегу, местные жители подобрали, выходили, а потом, когда немного окреп, переправили к партизанам. И тут, в калининских лесах, Арсин снова встал в боевой строй.

Охотник, вскоре он прослыл первым снайпером в партизанском отряде. Свыше двух десятков фашистов отправил Арсин в могилу, пока в одном из боев сам не получил осколочное ранение в правое предплечье. Поврежденным оказалось и легкое, и Арсина с первым же самолетом отправили на Большую землю. Почти три месяца провалялся он в госпитале, перенес две операции, а потом его комиссовали...

За все то время, что был в армии, только раз, со сборного пункта под Омском, послал домой весточку, да и то просил написать одного из товарищей – сам-то он, хоть и кончил курсы ликбеза, грамоту толком не уразумел. Так – расписаться только да прочесть вывеску... Потом – и в партизанском отряде, и в госпитале – не раз думал о том, что надо бы отписать домой: жив, мол, здоров, чего и вам желаю... Но ведь отписать – это значит опять просить кого-то, а другому человеку разве откроешь самое сокровенное? Когда узнал, что его комиссуют, успокоился: скоро сам увидит родных, сам им все расскажет – чего ж писать-то про то, что ранен, лежит в госпитале, лишний раз огорчать близких. У них, поди, жизнь сейчас и без того нелегкая. Так и не написал ничего...

...Курсы ликбеза он кончал перед самой войной, в селенье Шурышкары, где находилась самая близкая от него семилетняя школа. Вот там-то Арсин и встретил Таясь – девушку из соседнего поселка Ванды.

Они были одногодки, только училась Таясь не на курсах, а в школе, в седьмом классе.

Встретил ее Арсин – и весь мир словно бы перестал для него существовать. Будто и не было для него той весной ни прилета пернатой дичи, когда после долгой зимы наступает пора долгожданной охоты, ни

Месяца Прихода Вонзя, когда поднимаются с Обской губы косяки рыбы (а уж его-то значимость ханты издавна равняют с молоком материнской груди). Только она, Таясь, только эта внезапно вспыхнувшая любовь. Будто крылья орлиные у Арсина выросли; кровь бурлила в нем, подобно соку весенней березы...

Чутье влюбленного подсказывало Арсину, что и девушка неравнодушна к нему, может, даже любит его. Но он все же сомневался: а вдруг ему только кажется?..

На этот вопрос могла ответить только сама Таясь...

Он мечтал о случае, который поможет ему объясниться, рассказать ей все, – но где его взять, этот случай? Если бы он учился с ней в одном классе! Он каждый день видел ее и в школе, и в интернате, где она жила, но там Таясь всегда была в окружении подруг.

И вот однажды ребята расчистили на реке ледяную площадку, да такую, что из одного конца в другой стрела бы не долетела.

Интернатские здорово гоняли на этом катке, и, увидев среди них Таясь, Арсин кинулся искать коньки. Он думал, что на коньках ездить так же просто, как на охотничьих лыжах, к которым каждый ханты с детства приучен. Но и шага он не успел сделать, как тут же на лед грохнулся. Раздался звонкий, как олений колокольчик, смех, и тут же над ним, протягивая руку, склонилась стройная девушка. У него даже голова слегка закружилась – это была Таясь! С ее помощью Арсин кое-как поднялся, встал на ноги, но когда, глядя, как это делают другие ребята, снова попробовал хоть немного проехать, правая его нога вдруг заскользила куда-то сама по себе, и он снова упал. Девушка опять рассмеялась, поднимая его.

Когда он рухнул в третий раз, Таясь сжалилась, сама вызвалась научить его кататься. Ох, до чего же тяжело давалась ему эта наука! Арсин уставал так, словно гонялся целый день за хитрой росомахой, петляющей по глухой тайге. Поначалу он только и делал что падал и вставал, и снова падал, увлекая за собой свою учительницу. Как-то раз одну его ногу занесло так, что он резко и неожиданно развернулся лицом к Таясь, и она поневоле оказалась в его объятиях. На Арсине была теплая неблюевая безрукавка, но даже через нее почувствовал он мягкое прикосновение девичьей груди.

До самой темноты пробыли они на катке; под конец у Арсина дела все же пошли на лад, он немного выучился и стоять на коньках, и скользить, мог теперь самостоятельно проехать несколько метров. Они уже договорились, что следующим вечером опять покатаются вместе, но утром разгулялась на целую неделю метель, площадку завалило толстым-претолстым слоем снега, а там пришло весеннее тепло...

Вот так они с Таясь и подружились...

Все дни, что оставалось ему учиться на курсах ликбеза, искал Арсин случая, чтобы побыть с ней наедине, но, как назло, такого случая все не было.

А под конец сама судьба, казалось, решила помочь ему.

За Таясь после окончания занятий должны были приехать родители, забрать ее из интерната. Она ждала их со дня на день, но время шло, а никто так и не ехал... Потом уж стало известно, что тяжело заболел ее отец, так тяжело, что мать не могла от него отлучиться ни на минуту. Лодочных моторов тогда в их краях и в помине не было, ездили только на гребях да порой ставили парус, если повезет и задует попутный ветер.

А между тем наступил уже Месяц Прихода Вонзя. Как раз в эти дни закончились занятия на курсах ликбеза. Начиналась путина, и Арсин, чтобы как можно быстрее попасть домой и успеть уйти с рыболовецкой бригадой, пошел за помощью к председателю местного колхоза «Заря» Нятаме Хартаганову, который хорошо знал и самого Арсина и, главное, его отца. И Хартаганов, хотя в эту горячую пору каждая лодка была на счету, согласился помочь: велел выдать Арсину, как парню вполне совершеннолетнему, бударку. Но при одном условии: что по пути Арсин подвезет двух девушек-школьниц – одну в рыбстан Вырвош, а другую, Таясь, – в ее родное селение Ванды.

Они быстро собрались. В этот день, как будто специально для них, задул попутный, с юго-запада, ветер. Остроносая бударка легко скользила под надувшимся, как глухариный зоб, парусом, да еще и течение помогало им. Девушки радовались, что скоро попадут домой, один только Арсин был недоволен: ему-то как раз хотелось, чтобы ветер не дул совсем – уж тогда он бы, за веслами, показал девушкам, а точнее – Таясь, на что способен. Да к тому же, если на гребях, сам путь занял бы намного больше времени, а значит, он мог бы подольше любоваться своей любимой...

Больше всего ему нравились ее глаза, впитавшие, казалось, в себя всю синеву того неба, каким оно бывает в редкие здесь погожие летние дни. Стройна была Таясь, гибка, как обская нельма, а голос ее переливался колокольчиками звенящего ручья.

Арсин, хотя и не знал здешних мест, сидел, как полагается мужчине, на корме, уверенно правил кормовым веслом; так же ловко управлялся он со шкотом паруса, следя, чтобы порывы свежего ветра надували полот-

но как можно полнее. А девушки по его команде налегали то на один, то на другой борт, чтобы бударку не слишком кренило, чтобы не черпала воду. Развлекая и их, и самого себя, Арсин то и дело спрашивал у них названия узких речушек и широких проток, далеко выдававшихся в реку мысов, тальниковых островов, а сам тем временем лихорадочно обдумывал, что станет делать, когда высадит подругу Таясь в Вырвоше и они останутся вдвоем. От Вырвоша до селения Ванды километров десять – расстояние не больно великое...

«И трубку за это время не успеешь выкурить толком, – сокрушался Арсин, – не то что потолковать».

Он соображал, как лучше сделать, как не упустить возможность переговорить с Таясь, прикидывал так и этак, словно перебирал из одного конца в другой плавную сеть. И Таясь, похоже, догадывалась, какие желания терзают его душу, потому что, ловя на себе его быстрые взгляды, она тем гуще заливалась румянцем, чем ближе они подходили к Вырвошу.

Смущение Таясь можно было понять: она, видно, не могла не думать о том, как это ее, да еще одну, повезет домой никому у них не известный парень из другого селения. Вопрос, как еще поглядят на это блюстители старых обычаев, что подумают люди о ней, честной девушке? Не отвернутся ли после этого свои парни-женихи? Таясь не могла не думать обо всем этом, все-таки она была уже в возрасте невесты...

Арсина же нисколько не смущало, кто и что подумает о нем, или о Таясь, или о них вместе. Для себя он уже решил, что сделает дальше. «Сейчас или никогда, – твердо сказал он себе. – Сейчас или никогда...»

Высадив подругу Таясь в Вырвоше, Арсин вдруг переложил руль и погнал лодку на другую сторону реки, к протоке Рынги, хотя селение Ванды находилось здесь, на левой стороне Малой Оби.

– Что ты делаешь? – всполошилась Таясь. – Ты что, с ума сошел?! Куда меня везешь-то?

– Не бойся, Таясь, – не к месту улыбнулся Арсин. – Скоро узнаешь.

– Что узнаю? – не на шутку рассердилась она. – Ванды вон где, – она махнула рукой в сторону левого берега, – а ты куда правишь? Там же таловый берег, ни одной живой души нет!

– Живой души нет, – попытался засмеяться Арсин, но смех от волнения у него получился какой-то неестественный, сдавленный, – зато избушка есть.

– Какая еще избушка, Господи! Я ведь здешняя, лучше тебя наши места знаю.

– Здешняя-то здешняя, а места лучше не знаешь, – опять хохотнул Арсин. – Можем даже поспорить.

– О чем это спорить?

– Ну, что есть здесь избушка. Охотничья...

– Ну и что из того, что есть? Зачем она мне? Мы что, охотиться с тобой будем?

– Охотиться, конечно, не будем... – потупился Арсин. – Просто я хочу тебе избушку показать...

– Да зачем она мне? – еще больше рассердилась Таясь. – Я что, по-твоему, избушек не видела? А ну, поворачивай давай лодку! – Она встала было, чтобы ринуться на корму и вырвать у него весло, но бударку в этот момент накренило, и Таясь вынуждена была снова сесть. – Ну принту тебя, Арсин. Нехорошо так, ведь люди Вырвоша все видят, – что они обо мне подумают? – Таясь глянула на него так, что у Арсина все внутри перевернулось, как на Оби во время внезапно налетевшего грозового шквала.

«Наверно, и правда нехорошо делаю», – подумал он, уже готовый повернуть лодку назад. И чуть было не повернул, но посмотрел на девушку еще раз и, заметив мгновенно скользнувшую по ее лицу улыбку, каким-то внутренним чутьем, свойственным, наверное, лишь влюбленным, понял: все эти суровые слова о приличиях – только слова, а сердце ее хочет совсем другого... И это вновь придало ему уверенности.

– Да ты не бойся, Таясь, – уже весело прокричал сквозь ветер Арсин. – У меня ничего плохого и на уме-то нет. Только покажу тебе мою охотничью избушку. Только поговорю с тобой...

– И в дороге можно было поговорить, – все еще не сдавалась Таясь. – При чем тут избушка?

– В дороге нет... Ты пойми, Таясь... Важный разговор у меня. Не могу вот так, на ходу. Приедем... и там поговорим, ладно?

– А здесь чем плохо? Или боишься, что убегу? В воду прыгну?!

– Ну зачем ты так, Таясь... Я ж тебе плохого не делаю. И не сделаю никогда – клянусь глазами небесного Турама-Всевышнего... Радугой небесной клянусь.

– Клянусь, клянусь, – насмешливо повторила она, вроде бы успокаиваясь. – Смотри, коль обманываешь – покарают тебя боги. Громовой пулей сразят.

– Да ну, Таясь, я серьезно, а ты... Громовой пулей... Я же не маленький, писать научился, грамоту понимаю. Уполномоченный района сказал – бригадиром звена поставят...

– Ну и что из этого? Мне зачем про то говоришь?

– Ну... так. Чтобы знала. – Арсин резко повернул лодку влево, и волны сразу заплескали в борт, обдавая их брызгами. – Вот заболтался – чуть мимо не проскочили!

– Что чуть не проскочили? – прокричала она, вытирая лицо.

– Здесь, Таясь, протока Пертанг-Посл. Знаешь?

– Слыхала от отца. Только тут не наши угодья.

– Верно, Таясь. Здесь пораватские охотятся и рыбачат, – Арсин оживлялся, чувствуя себя все более уверенно. – Такая хитрая протока – как будто хвост ящерицы среди тальниковых кустов. Еще версты две проедем – и будет речка Кельчи-Ас. А уж там, на островке Шиян, и наша избушка. Прошлой весной с отцом рубили...

Поросшие талом берега смыкались за ними, и теперь Таясь больше не протестовала, не выговаривала ему – видно, окончательно смирилась с решением Арсина; сидела молча, разглядывала склонившиеся к самой воде кусты тала и рябины, готовые вот-вот покрыться зелеными листьями.

Протока то и дело петляла; почти из-под самого носа лодки лениво взлетали то кормившиеся у прибрежного мелководья шилохвости, то широконосые красавцы соксуны. Утки почти не боялись их бесшумно скользившей бударки, целыми стаями проносились со свистом, едва не задевая парус. Эх, как в другое бы время взыграла в Арсине неуемная охотничья страсть! Но сейчас ему было не до уток, не до охоты...

Теперь, когда избушка была совсем рядом, когда лодка их скользила в таком таинственном, таком уединенном месте, словно специально созданном для объяснений в любви, он вдруг с ужасом понял, что не знает, как заговорить с девушкой о главном, как заставить непослушный язык начать, как вызвать Таясь на откровенный разговор. Какими-то дурацкими восклицаниями, жестами он привлекал ее внимание к каждой новой поднятой ими на крыло утиной стае, а сам думал о том, что теперь, почти добившись своего, оробел так, что, видно, ничего уже с собой не сможет поделать... Язык, казалось, совсем перестал его слушаться, засох, подобно бересте, содранной с сочного дерева и опаленной огнем.

Молчала и она, глядя куда-то вдаль. Арсин облегченно вздохнул, когда протока закончилась и лодка въехала в реку Кельчи-Ас. Сразу же посредине реки, километрах, наверное, в полутора от берега, завиделся остров Шиян, казавшийся издали огромным, мчащимся по волнам кораблем.

У острова Арсин осторожно направил лодку к узкой курье, почти не заметной постороннему глазу. Мелкий тальник, затопленный водой, царапал борта лодки и упруго распрямлялся за кормой. Метров через двадцать курья резко расширилась, здесь она уже была в несколько бросков аркана... Наконец лодка уперлась в коренной берег острова, поросший кедром и лиственницей.

За кедровником через ветви молодых берез и рябин проглядывала избушка, покрытая светящейся на солнце берестой...

– Вот мы и приехали, Таясь. Можешь выходить.

– Зачем? – удивленно-насмешливо подняла девушка свою черную бровь. – Избушку посмотрела – теперь можно и обратно ехать.

– Как это обратно! – как можно веселее сказал Арсин и положил кормовое весло. Не глядя на нее, он деловито спустил парус и выскочил на берег. Девушка по-прежнему сидела на скамье и, судя по всему, не собиралась покидать лодку. – Ты только посмотри, как тут красиво! – заторопился Арсин. – Если остров пересечь, такой вид на Малую Обь – дух захватывает. А дичи здесь сколько! Рыба в озерах просто кишит. Зимой горностаи, зайцы, песцы к самой избушке подходят, порог лижут! Вот какое это место, Таясь!

– Вот ты и оставайся охотиться. Всего тебе хватит – и уток, и рыбы, и зайцев. А мне домой пора. Я скажу – за тобой потом приедут, – и, схватив неожиданно греби, Таясь резко отпихнула лодку от берега.

Арсин оторопел – чего угодно ожидал, только не этого. А когда опомнился, увидел, что Таясь, сильно отгребаясь, уже отогнала лодку на глубину.

– Таясь! – в отчаянии закричал Арсин. – Ты что делаешь? Приставай к берегу. Я же, я...

Таясь в ответ еще сильнее налегла на весла. И тут Арсин, окончательно придя в себя, хищной росомахой сделал с десяток длинных прыжков по берегу и у крутого обрыва, где расстояние до лодки было не более длины двух хореев, ринулся в ледяную курью. Он верно рассчитал свои силы и вскоре вцепился в лопасть греби; чувствуя, как заходится от холода тело, как тянет вниз отяжелевшая малица, он подтянулся рывком и закинул левую руку на борт лодки.

– А теперь греби! – улыбнулся он прыгающими губами. – Греби, греби! И меня заодно потянешь, как п-п-плотоматку...

Таясь, видно, по инерции, сделала еще несколько взмахов и только тогда оставила греби.

– Ну, и что дальше? – сердито спросила она. – Не перегрелся еще? Давай, залезай да поехали в Ванды.

Но Арсин и не думал лезть в лодку, висел, вцепившись в борт, молча смотрел на нее. Тогда она, ни слова больше не говоря, не глядя на него, снова налегла на весла. Лодка стояла на месте. Таясь опять в

сердцах бросила весла, хотела сказать что-то резкое, но вдруг увидела его совсем посиневшие руки, пепельно-сизые губы и наконец опомнилась.

– Ох, Арсин! – жалостливо выдохнула она. – Ты же, наверное, замерз! Помереть хочешь, да?! – Таясь перепрыгнула через рыбный ящик и, вцепившись обеими руками, стала тянуть его в лодку. Но сил у нее не хватало, а он уже окоченел настолько, что почти ничем не мог помочь девушке. Тогда она что есть мочи дернула Арсина на себя... и он тяжелой намокшей коряжиной свалился на дно... С малицы, с бродней ручьями текла вода...

Хотя Арсина и била лютая дрожь, пронзавшая тело до самых костей, он сейчас был наверху блаженства: ведь это Таясь, любимая девушка, держала его за правую руку, терла ему виски, то и дело спрашивая перепуганно:

– Ты жив, Арсин?! Жив? – Она все встряхивала его и, чуть не плача, громко повторяла: – Глупый какой! Я же не хотела... Я совсем не так думала... Подожди, сейчас к берегу пристану, костер разведу... Потерпи, Арсин.

Она кинулась к гребям; лодка уткнулась – теперь уже в пологий берег – всего, наверное, метрах в сорока ниже первого места. Таясь тут же выкинула якорь.

– Сейчас, Арсин, сейчас, – суетилась она. – Держись за меня, вылезти тебе помогу. – Она ухватила его за руку, перекинула ее через свое плечо.

И окоченевший Арсин, забыв обо всем на свете от того, что она чуть не плачет, волнуется за него, от ее заботы, не зная в своем счастливом восторге, как отблагодарить, крепко притянул Таясь к своей мокрой груди и, сперва неумело, осторожно коснулся застывшими губами ее горячих губ, а потом впился в них долгим поцелуем. Он не знал, сколько тянулось это сладостное мгновение, от которого едва не потерял сознание; он пришел в себя, лишь когда услыхал ее взволнованный голос:

– Задушишь, Арсин... Отпусти, тебе же сушиться надо...

Жарко было сейчас Арсину, будто и не купался он в ледяной курье; словно молодой лось вскочил он на ноги, схватил Таясь и на руках осторожно вынес ее на берег. Не останавливаясь, зашагал по прошлогодней траве в сторону избушки; он шел, а с малицы его все стекала и стекала вода.

Арсин не торопился – ему не хотелось, чтобы они кончались, эти минуты; он делал шаг или несколько шагов и снова жадно приникал к ее влажным горячим губам, ощущая, как гулко бьется ее сердце. Своего сердца Арсин не слышал, оно словно растворилось в переполнившем его счастье...

И только у порога избушки, немного, кажется, придя в себя, он опустил Таясь на землю. Лицо ее, чудилось ему, сияло и переливалось, будто озаренное теплым летним солнцем. Но, заглянув в ее голубые, такие счастливые сейчас глаза, Арсин снова не удержался, приник к губам девушки.

– Ну Арсин... Ты же простынешь! Давай скорей печку топить, тебе же обсушиться надо! – опомнилась наконец Таясь.

Мягко от него отстранившись, она легко, по-хозяйски, повернула наружную вертушку и вошла внутрь избушки. Арсин, будто во сне, шагнул за ней, глядя – всю бы жизнь глядел! – как сноровисто разводит она огонь, как суетится возле печи.

Арсину ничего не оставалось делать, как начать стаскивать с себя наполненные водой и разбухшие, словно бревна, брезентовые бродни, насквозь промокшую малицу. Когда в избушке стало совсем тепло, Таясь вышла, чтобы он остался один и смог высушить холщовую рубаху и брюки из толстого поизносившегося шевиота. Стоя нагишом у печки, он растирал себе грудь, плечи, живот, с удивлением ощущая, как сильно бурлит в нем горячая кровь... Кровь бродила в нем, как сок в весеннем дереве, таинственная, скрытая в ней ранее сила не давала ему покоя.

Теперь он опять весь дрожал, но уже не от холода, нет – от избытка этой прежде неведомой силы. Он ни на минуту не забывал, что она, любимая, здесь, рядом, и, не зная, куда себя деть, в нетерпении поглядывал на свою исходящую паром одежду; он готов был схватить ее – пусть сырую! – натянуть на себя и бежать на улицу, туда, где слышался звонкий голосок Таясь: она напевала какую-то песенку, и песенка эта, как и ее глаза, лучилась счастьем... Сила, толкавшая его к ней, была так велика, что в какое-то мгновение Арсин, не умея совладать с собой, чуть не сорвался с места, но тут вдруг раздался ее голос:

– Арсин, слышишь, Арсин! – звенела она под дверью. – А я тебе чаю на костре вскипятила. Целую горсть чаги всыпала. Крепкий будет чай, вкусный! Все болезни от тебя отгонит. Так что давай сушись поскорее и выходи чай пить...

Этот ласковый, счастливый голос вмиг отрезвил его.

«Какой я дурак! – шепотом ругал он себя, в нетерпении щупая влажные брюки. – Кто только лишил меня разума! Любимую девушку опозорить хотел, обесчестить!.. Да еще в присутствии Священного идола – всесильного духа Орла!.. Какой дурак!»

Он пошел в дальний угол избушки, где подвешена была на оленьей жиле фигурка идола рода Сюлись. Священный Орел, весь почерневший от копоти, давал, по словам отца, удачу в охоте, охранял в отсутствие хозяев избушку.

– О, прости, Священный Орел, – глядя на идола, шептал Арсин. – Это какая-то враждебная сила хотела украсть мой ум. Прости, Священный идол. Не трону Таясь до свадебной ночи. Не трону, клянусь тебе, Священный Орел! – И, как учил отец, трижды перекрестился, поворачиваясь по ходу солнца. А закончив обряд, сказал: – Спасибо, Священный Орел, за то, что вернул мне разум.

Он бережно обтер идола тряпочкой, висевшей на вбитом в стену деревянном колышке, и, вернувшись к печке, снова потрогал малицу.

Нетерпение Арсина было так велико, что он не стал дожидаться, когда одежда высохнет полностью. К тому же ему хотелось, чтобы Таясь видела, какой он закаленный мужчина – пусть знает, что ему нипочем купание в весеннюю пору. А главное все же заключалось в том, что ему не терпелось как можно быстрее оказаться с ней рядом; эти минуты после недавних поцелуев, что прошли поврозь, казались ему бесконечными; его взбудораженное существо каждой своей частичкой неудержимо рвалось к ней, к Таясь.

Распаренный после жарко натопленной избы, Арсин выскочил на улицу. Сжавшись в комочек, положив подбородок на колени, Таясь сидела у костра, на котором пыхтел паром закопченный чайник, смотрела в огонь. Услышав стук двери, она обернулась – и у Арсина снова перехватило дыхание. Он улыбнулся ей и торопливо заскочил в избушку – захватить из оставленного отцом припаса несколько баранок, два небольших черных сухаря. Заодно снял с полки алюминиевые кружки, кинул в каждую по куску колотого сахара.

О, каким вкусным, каким сладким был этот чай, с каким наслаждением он его пил, с еще большим наслаждением беспрестанно нахваливая свою Таясь:

– О-о! Вот это чай! И как ты только такой заварила! Ну до чего ж хорош! Всего меня оживил!..

Она смотрела и смотрела на него все с той же ласковой, словно слегка удивленной улыбкой – будто никак не могла поверить, что все это происходит именно с ней...

А потом они, взявшись за руки, долго бродили по острову. Арсин показал ей, где во время весеннего прилета уток находились его охотничьи скрадки, сводил на сухую высокую гриву, сплошь заросшую мощными кустами черной смородины. Ягод здесь бывало столько, что и осенью, и долгой холодной зимой висят на ветках целые гроздья. Они ходили его любимыми тропками, любовались лиственницами и кедрами и то и дело останавливались... И тогда Арсин крепко обнимал Таясь и целовал ее, целовал...

Наконец он вывел девушку к тому месту, где находился сделанный еще дедом каскан. Сначала Арсин хотел объяснить Таясь, как действует эта старинная снасть для ловли уток, но потом передумал: решил, что лучше будет, если он удивит ее, не расскажет, а покажет на деле.

– Испытаем наше счастье? – предложил он.

– А что это такое? – недоуменно спросила Таясь. – Я, наверное, никогда такой штуки и не видела...

– Конечно, не видела, – улыбнулся Арсин. – Каскан – это ведь занятие мужчин. Ну что, попробуем?

Таясь кивнула в ответ. Арсин тут же подбежал к стоявшему неподалеку раскидистому кедру, снял с сучка под кроной брезентовый мешок, вытащил из него сеть, аккуратно разложил ее на поляне, между двумя высокими шестами. Таясь с интересом смотрела, как привязывает он сеть к шестам... Когда все было готово, он обернулся к ней:

– Вот, смотри, как им пользуются, касканом. – Он взялся рукой за тот шест, что был ближе к ним, – шест стоял внаклонку, сеть лежала на земле. Но стоило Арсину потянуть шест на себя, как вся сеть тут же поднялась над землей метра на три-четыре. – Видишь, вот по этой просеке в тальнике утки летят на поляну, а мы их – раз! И в сеть. Просека специально прорублена. – Арсин снова продемонстрировал, как пользоваться старинным орудием лова.

– Ой, как интересно! – простодушно всплеснула она руками. – Давай посидим и вправду попытаем счастья...

Они уселись на поперечной слеге, прибитой к двум стоящим рядом деревьям, прижались друг к другу, дожидаясь, когда полетят просекой птицы.

Понемногу спускались на землю слабые весенние сумерки, и когда солнце едва коснулось дальних, слегка заснеженных отрогов Полярного Урала, воздух стал наполняться шумной разноголосицей птичьих стай. Трубя, летели на ночлег гуси, спешили куда-то свиязи и шилохвости, белобокие касатки и хохлатые чернети...

А вдоль узкой просеки, перегороженной лежащей наготове сетью, то и дело низко проносились с резким характерным криком чирки.

– Ну давай же, давай! – нетерпеливо подсказывал девушке Арсин, но Таясь никак не могла сосредоточиться и вовремя вздернуть сеть перед летящей дичью. Да и как ей было сосредоточиться, если левая рука Арсина гуляла по ее плечу, а другой он крепко сжимал ее правую руку, держащую шест...

Наконец, не забывая шутливо отбиваться от него, Таясь изловчилась и вздернула ловушку – правда, с трудом, невысоко. И тут же в ней запутались два чирка-трескунца, вытянули сеть небольшим мешком. Таясь испуганно опустила шест, и сеть легла на землю, надежно накрыв запутавшихся птиц. Забыв обо всем, они побежали смотреть добычу; перепуганные чирки лежали среди желтой травы и не шевелились. Арсин, показывая девушке свое умение, тут же сунул руку под сеть, вытащил из нее краснобрового чирка-самца и уже хотел было свернуть ему шею – так обычно убивают уток, добытых живьем, – но Таясь вдруг жалобно крикнула:

– Что ты делаешь, Арсин! Не надо! Не надо их убивать, давай лучше выпустим! Пусть живут...

Арсин на минуту задумался – жалко было добычу, потом махнул рукой.

– Главное, что мы их поймали, верно, Таясь? Значит, счастье нас с тобой не обошло стороной!.. Теперь, конечно, можно и выпустить.

Он осторожно передал краснобрового красавца Таясь, вытащил из сети самку. Поглаживая чирка, который царапался, рвался на свободу, Таясь снова сказала:

– Пусть живут! Пусть любят друг друга, пусть принесут нам счастье за то, что мы сохранили им жизнь... Ты согласен, Арсин?

– Еще бы! Какая же ты умница, Таясь! – Он обнял ее свободной рукой. – Пусть радуются, что попались в руки влюбленным, и несут эту радость по всей земле... Так я говорю, Таясь?

Таясь стояла, потупившись, смущенно молчала. Он уже готов был расстроиться, как вдруг она сама припала к нему губами, и этот счастливый ее поцелуй сказал Арсину все... Они и не заметили, как взлетели с их разжатых ладоней вольные птицы...

– Да-а, – тихо вздохнул Арсин, лежа на своем излюбленном месте, на комле толстой ели. – Ах, какое было время! Какое время!.. Узнать бы – летают ли еще те чирки, птицы нашей любви? Хотя где там, столько лет прошло. У них и так век недлинный, а тут еще охотничья дробь или когти хищного коршуна... Тропа жизни темна, кто ведает, где она оборвется...

Воспоминания о той оставшейся в памяти, самой радостной ночи взволновали Арсина, и вот, через четыре с лишним десятка лет, его вновь, словно молодого, тогдашнего, потянуло к тому месту, где под старым раскидистым кедром просидели они всю ночь... Здесь, под этим кедром на берегу озера, они тогда поклялись, что осенью соединят свои судьбы навечно и что клятву эту может нарушить лишь случайная смерть...

Им в голову не приходило подумать, как к этому отнесутся родители, им казалось, все будет так, как они решили. Ведь в молодости всем влюбленным кажется, что все в жизни просто, что весь мир существует только для них...

Вдев ноги в кожаные крепления, Арсин направился на лыжах к берегу озера, к старому раскидистому кедру.

Сразу же за избушкой, метрах в ста от нее, паслись наголодавшиеся, истосковавшиеся по ягелю важенки. Они легко расправлялись с потерявшим утреннюю свежесть настом, и комья снега из-под их копыт, словно перепуганные куропатки, отлетали далеко в сторону.

Проходя мимо кормившихся оленей, Арсин на всякий случай время от времени негромко покашливал – давал животным заранее знать о своем приближении.

Но оленям сейчас было не до него. Важенки лишь ненадолго поднимали головы, смотрели на человека, втягивали своими чуткими ноздрями, покрытыми налипшим зернистым снегом, воздух, снова начинали разгребать снег луновидными острыми копытами. Только у нескольких важенок его появление вызвало беспокойство – эти нежно облизывали только что родившихся на свет беспомощных оленят.

«Вот и отел начался, – тревожно подумал Арсин. – Хотя как же иначе? Есть корм, нет корма, раз время приспело – никакой силой его не оттянешь...»

Он шел и лишний раз убеждался, что стадо успело совсем освоиться на его острове. Надо было на всякий случай обойти его еще раз – удостовериться, что все олени на месте. Дойдя до того ложка, за которым хвойный лес сменялся рябиной и талом, Арсин увидел, что олени пока вполне довольствуются ягельным пастбищем, что они даже и не собираются пробовать траву муксутун, стоящую в тальниках, или мелкий трубчатый хвощ на берегу озера.

– Пока ничего, пока терпимо, – разговаривал он сам с собой вслух. – Еще на денек, пожалуй, ягеля хватит. А вот что дальше будет...

Эта мысль – «что дальше!» – тревожила старика, давила на него черной тяжестью. «Где же, черт их задери, хозяева стада? Почему не являются? Времени ведь порядком прошло. Пора бы им и подъехать...»

Поднявшись на прибрежный взгорок, омываемый уже Горной Обью, Арсин долго смотрел на синевший в полутора верстах от него левый коренной берег, по которому проходили маршруты касланий оленьих стад в сторону Полярного Урала. Он вглядывался в черневшие там, вдали, отдельные тальниковые кусты, а особенно пристально – в вывороченные рекой корни деревьев: не обнаружится ли чего похожего на оленью упряжку: но там не было видно ни бегущих оленей, ни другого какого живого существа. Вздохнув, Арсин перевел взгляд ближе к своему острову, внимательно вгляделся в узкие забереги, прикидывая глубину свинцовой воды. Получалось, по его соображениям, что глубина тут, в заберегах, стала уже порядочной – ноги важенок, пожалуй, дна уже не достанут...

«Вот и хорошо, – подумал он. – Глубоко – значит, олени только вплавь смогут переправиться, а вплавь сейчас, да с детенышами – они вряд ли полезут... Да-а. Хотя, конечно, если приспичит – полоска воды в бросок аркана для них не преграда...»

Арсин стащил с головы капюшон малицы, откинул его назад, чувствуя, как приятно холодит вспотевший лоб свежий ветерок, прошелся цепким, изучающим взглядом по тальниковому мысу, вытянувшемуся вниз по течению реки, по его совсем пологим на оголовке берегам.

«Кой, кой! Шибко опасное место, – тревожно думал он. – Олени переправиться могут...»

Опыт старого таежного охотника подсказывал ему, что олени вряд ли без особой необходимости будут спускаться к реке с обрыва, на котором он сейчас стоял; а вот с лежащего в воде тальникового мыса, где забереги совсем еще слабые, переправиться на другой берег им вряд ли что помешает... И исход тогда только один: окончательная потеря стада...

Он должен, пока не вздулись и не разлились широко забереги, сделать все, чтобы удержать животных на острове. Потом, как поднимется вода, олени сами никуда не денутся. Эта пора, по тому, как прибывала вода, наступит дня через три...

Важенок, конечно, какое-то время будет сдерживать начавшийся отел. Но какое? Не зря же природа тысячелетиями приучала оленей к суровым северным условиям, вырабатывала в них исключительную выносливость и жизнестойкость. Не успев появиться на свет, олененок начинает жадно сосать вымя, а уже через час-другой бойко семенит за матерью, готовый следовать за ней, как говорится, в огонь и в воду...

«Я должен обязательно караулить их здесь, – приказал себе Арсин. – Не пускать на тальниковый мыс, пока вода не поднимется».

Приняв решение, он направился в сторону того самого раскидистого кедра, росшего неподалеку, – не было случая, чтобы, приехав на остров, он не побывал здесь. И всякий раз, когда Арсин приближался к этому могучему дереву, в памяти его вновь и вновь всплывало все, что было связано с кедром...

Он нежно погладил теплый ствол, ища взглядом буквы «Т» и «А», вырезанные им в тот далекий вечер. Арсин специально резал их на восточной стороне ствола, чтобы лучи утреннего солнца каждый раз согревали буквы, словно бы вливая тепло и силу в их с Таясь Большую Любовь. Он провел кончиками пальцев по затянувшимся, уже еле заметным следам и подумал: «До чего же неумолимо время... Даже дерево и то не смогло сохранить давний след. А что ж говорить о человеке, подверженном стольким испытаниям и потрясениям?..»

Он окинул взглядом густую крону дерева, широко раскинувшего могучие ветви, послушал еле слышный шелест хвои на слабом весеннем ветру и вдруг спросил у великана, привалившись к его стволу: «Ты-то помнишь ту далекую весеннюю ночь? Нашу первую с Таясь совместную ночь под твоей теплой крышей?.. О, какая она была!»

Много всего произошло в жизни за прошедшие годы, много ярких впечатлений легло в душу, и все же та ночь занимала в ней свое, особое место. Словно радужными сполохами полярного сияния озарилась вдруг его память...

Случилось это тем же годом, только ближе к осени, в начале Месяца Вылета Глухарей. Уже совсем близко подступило время, когда они, как и поклялись, должны были соединить свои судьбы. Оставалось дождаться лишь окончания летней путины...

Но еще раньше страшная беда, подобная невидимому, все сметающему на своем пути половодью, обрушилась на страну, на всех людей и, конечно же, на Арсина с Таясь. Огромная, смертельная война в один миг перечеркнула все их планы, все их мечты и надежды.

Война обрушилась на жителей северных хантыйских селений по-особому. За всю их многовековую историю никогда еще не призывали ханты на войну. До этого лета они знали о войнах лишь из древних сказаний, легенд, в которых сражались стрелами, копьями, а участвовали в битвах представители одного рода

или одного племени... А эта война, подобно гигантскому ковшу, выгребала из селений молодых, здоровых мужчин – надежду и опору женщин, детей, стариков, ибо в условиях сурового Севера только мужчина, какой бы он ни был, является опорой, кормильцем семьи. И в душах оставшихся дома поселялся страх – страх за свой завтрашний день, за завтрашний день своего маленького народа, – страх, усугубленный не только новыми словами «всеобщая мобилизация», но и дошедшими вскоре с фронта первыми вестями о смерти, ранении или безвестной пропаже вчера еще таких крепких, таких надежных мужчин...

В середине лета пришла повестка старшему брату Арсина, Еке. Уехал Ека на фронт, и не было от него никаких известий – жив ли, нет ли, никто не знает... А теперь вот призывают и самого Арсина... Через два дня за ним и другими его сверстниками должен был прибыть колесный пароход «Ваули Пиетомин».

Мать Арсина плакала все эти дни, никак не могла унять свое сердце. Он жалел мать: одного сына на фронт отдала, теперь второй уходит, жалел отца, который от тоски не находил себе места, только себя совсем не жалел: понимал, какая идет война -не зря же уполномоченный из района по фамилии Храпов рассказывал призывникам о том, с каким озверелым, с каким страшным врагом придется сражаться. Внутренне Арсин начал готовиться к отправке на фронт сразу после того, как ушел Ека. Понимал, что и его, конечно же, война не обойдет стороной...

Оттого-то мысли его и чувства сейчас более всего занимала Таясь. Правда, Арсин еще не говорил о ней, о своем решении с родителями, но после той памятной весенней ночи любовь к девушке, подобно раздуваемому ветром костру, с каждым днем разлуки разгоралась все сильнее и сильнее. А не виделись они уже месяца три, хотя селения их разделяло не более полсотни верст по воде. Летом, к слову, только по воде и можно было попасть к ней. Но ему никак не удавалось выкроить время на эту поездку – ведь чтобы добраться до ее селения на гребях, а потом вернуться, надо было потратить не менее двух суток, а где их взять в летнюю путину, когда дорог каждый день, каждый час? Ворвавшаяся в двери каждого дома беда поневоле отодвигала многие личные дела, откладывала их, как говорится, до лучших времен.

Но теперь, получив повестку, Арсин не мог, не имел права не встретиться с девушкой.

Двое суток было в его распоряжении, всего только двое суток! Но для Арсина, впервые познавшего сладость и мучения Большой Любви, когда, кажется, нет на свете ничего непреодолимого, и это время было настоящим богатством.

Наконец он решился открыться родителям. Он рассказал им, ничего не тая, о своей любви, о том, как провел с любимой девушкой ночь на Шияне, об их мечте пожениться. Сказал и о том, что обязательно должен перед отправкой на фронт съездить в селение Ванды и повидаться с ней...

– Кой, сынок, да ты никак с ума сошел? – всплеснул руками отец. – Кто так делает?! Разве можно с невестой заранее встречаться? Все вековые обычаи нарушил, все наши заветы! Ем, ем![79]

– Виданное ли дело! – горько покачала головой мать. – Как же ты мог девушку обесчестить? А еще говоришь – любишь! Подумай, какой позор для нее: ты уйдешь, неизвестно, что с тобой будет... страшно даже говорить... А она тут... Кто ж ее после возьмет? Одумайся, сынок, пожалей ее...

– Мужскую честь позоришь, – перебил отец, – об этом хоть подумал? Показываешь себя перед всеми глазами, как посар, распутник. Никуда ты не поедешь, вот что я тебе скажу!

– Нет того, чтобы последние деньки дома побыть, – поддержала отца мать, заливаясь слезами. – Словно не мы тебя выкормили-вырастили, словно мы тебе не родители. Последнюю радость отнять у нас хочешь. Вон, от брата до сих пор весточки ждем – жив ли, нет ли – не знаем... Так хоть ты не откажи в последней радости – дай эти два денька на тебя посмотреть, полюбоваться на прощание. Не езди, сынок!

Арсин смотрел на насупленного отца, на плачущую мать, на братишек с сестренками. Жалко их всех, любит он их, а все равно не может не повидать перед фронтом свою Таясь. Он только вздохнул в ответ и молча натянул суконный гусь, сушившийся в чуме после рыбалки. Весь вид Арсина говорил о твердой решимости. И отец не выдержал, дрогнул:

– Ну что ж, сынок. Вижу – ноги твои назад не повернут, мысли от уговоров не переделаются. Езжай. Теперь уж нет времени разбираться. Вернешься – еще поговорим. Только правильно мать толкует: девушку не позорь. И назад не опаздывай. Сам знаешь, время военное...

– Ладно, отец, – только и ответил Арсин, торопливо укладывая в кожаный мешок полбуханки хлеба, большой кусок сахара и банку питательной рыбной варки. – Спасибо тебе, – добавил он, выходя на улицу.

...В тот день хлестал с самого утра непрекращающийся дождь, бушевал на реке штормовой Кев Вот – ветер с Урала, но Арсин, не раздумывая, столкнул на воду свою высоконосую колданку и, налегая на греби, пошел через широкую Игорьскую Обь – с тем, чтобы потом двигаться подветренным берегом Большой Оби.

[79] Ем – запрет, табу.

Разгулявшиеся волны трепали легкую лодчонку, долбили, словно огромными кулачищами, в тонкие борта, пытались опрокинуть колданку, наказать смельчака, рискнувшего выйти на реку в такую погоду.

Щурясь под холодным секущим дождем, Арсин не спускал глаз с пенящихся крутолобых волн, греб изо всех сил, стараясь привести колданку к Мелексимскому острову. Волны то утягивали его в свои провалы, и тогда берега почти скрывались с его глаз, то вздымали его наверх, и задравшийся нос колданки, казалось, путался в подолах низко нависших, несущихся куда-то зловещих облаков. У Мелексимского острова он, перевалив наконец Игорьскую Обь, вошел в Чебурасскую протоку, крутые, обрывистые берега которой сплошь поросли тальником. Вода здесь была сравнительно спокойной – лишь изредка докатывались со стороны Большой Оби всплески высоких волн. Зато сильнее стал ветер – резко налетавшие его порывы трепали колданку, пытаясь развалить ее на части, то и дело разворачивали нос. Холодные крупные капли дождя хлестали, словно упругими прутьями, по лицу, по слипшимся волосам, по насквозь уже промокшему суконному гусю. Но Арсин все греб и греб, не давая себе и малой передышки. Справа остался Гусиный остров, издали похожий на гигантского ощетиненного ерша. В затишье, с подветренной стороны песчаных мысов, отсиживались перед дальней дорогой на юг многочисленные стаи уток – в основном шилохвости, свиязи, соксуны; завидев приближающуюся колданку, они поднимались на крыло, закрывали собою небо; временами, оглушая его своим гоготом, вздымались из-за мыса вспугнутые стаи осторожных гусей-гуменников, чернозобых казарок...

Хотя Арсин и прихватил с собой на всякий случай одноствольную курковку шестнадцатого калибра, теперь он лишь жадно провожал глазами поднимающиеся птичьи стаи...

Наконец лодка миновала Чебурасскую протоку и вошла в Большую Обь у острова Осетровый. Река, резко сужаясь (с почти трехкилометровой ширины метров до четырехсот), сделала здесь крутой поворот на север, и Арсин легко перевалил через нее. Сплавившись до Малой Оби, начал подниматься правым берегом вверх по течению. Он отмахал уже верст сорок и за все это время останавливался передохнуть лишь дважды. В последний раз – на острове Осетровом, где у самого берега густо росли кусты тальника, в которых можно было укрыться от сильного штормового ветра. Арсин развел здесь костер, вскипятил чаю, подкрепился вяленой рыбой и как следует обсушился, благо дождь к тому времени кончился.

Самая трудная часть пути была позади. Теперь ему оставалось совсем немного. Впереди уже просматривался в тусклых лучах появившегося между туч солнца вдававшийся в таловый берег залив рыбацкого селения Ванды. «Через час буду на месте, – обрадовался Арсин, входя в затишье вытянутого в длину, как горностай в прыжке, острова Халепугор. – Отдохну малость. Теперь-то почти приехал», – думал он, снимая с уключин легкие кедровые греби и укладывая их в колданку.

Пристав к толстой коряге, торчащей у самого берега, он привязался за толстый, покрытый почерневшим от воды мхом кривой сук.

Все время он думал о том, как встретится с Таясь, что скажет ей... Не шел из головы утренний разговор со своими родителями. Они, конечно, по-своему правы. Но обычаи обычаями, а он ведь и в мыслях не допускал, что посмеет опозорить, обесчестить любимую. Что из того, что он молод, – разве он не понимает: нет для хантыйской женщины позора более страшного, чем иметь ребенка без мужа? Редко какая девушка, переступившая запрет, выдерживала потом насмешки и оскорбления односельчан. А уж чтобы после этого кто-нибудь взял ее в жены – такого, наверно, вообще не бывало...

«Как лучше встретиться с Таясь: тайком или в открытую? – думал Арсин. – Конечно, самое лучшее, если бы можно было, как получилось весной, повидаться тайком, чтобы родители пока ничего не знали, не корили потом Таясь за «позор»... Интересно, рассказала она о нашей поездке на остров родителям или нет? А может, им уже доложил кто-нибудь из Вырвоша – там же не могли не видеть, что лодка тогда направилась совсем не в Ванды... Хотя она ведь могла сказать родителям, как тогда и договаривались, что мы с ней просто катались под парусом по реке...»

Нет, с той поездкой на остров, наверное, ничего страшного не произошло. Но вот сейчас... Как он встретится с ее родителями, что им скажет, как объяснит свое появление? И как они себя поведут, отпустят ли ее поговорить, погулять с ним? Ведь если он жених, то его дело плохо: по хантыйским обычаям, невесте строжайше запрещено встречаться с ним. И на девушку позор ложится, и на ее родителей. А если он не жених – тогда с какой стати она должна с ним встречаться? Н-да, сломаешь тут голову... «Черт их, эти древние обычаи, повыдумал, – страдал Арсин. – Давно уж советская власть на земле, а старики все за прежние порядки держатся!»

У него голова шла крутом – что изобрести? В конце концов Арсин решил, что, если кто-то поинтересуется, объяснит свое появление случайностью: попал, мол, в Ванды проездом – решил перед отправкой на фронт забрать из находящейся тут неподалеку родовой избушки кое-какие вещи. Не Бог весть что,

конечно, – но кто его вздумает проверять? Самое главное для него – хоть как-то увидеться с Таясь, договориться с ней о месте свидания...

В конце концов он решил положиться на случай. Неужто не повезет в такой-то день?!

Арсин отвязал колданку и снова налег на греби. Звонко зажурчала рассекаемая стремительной лодкой вода. Ослабевший западный ветер задувал теперь почти сзади, и хотя Арсин поднимался вверх, против течения, плыть было легко.

И чем ближе становилось селение Ванды, тем сильнее волновался Арсин: как-то все будет...

Садящимся черным глухарем с гигантскими распластанными крыльями опускались на землю, на реку, поблескивающую холодным серебром, осенние сумерки, в которых начало понемногу тонуть лежащее впереди селенье. Налегая на греби, Арсин то и дело оборачивался, мечтая увидеть там, впереди, хоть какое-то живое существо. Вот уже промелькнула за правым бортом уткнувшаяся в берег пузатая просмоленная бударка, вслед за ней две перевернутые колданки; послышался собачий лай.

– Ел! А ну, пошел! – вдруг зазвенел на берегу колокольчиком девичий голосок, а потом послышался скрип ведерных дужек. – Ты чего зря лаешь!

Арсин вздрогнул и, развернув колданку, впился глазами в сумрак – туда, откуда донесся такой знакомый, такой долгожданный голос. О, он различил бы этот голос из тысячи других! С той незабываемой весенней поры этот звонкий колокольчик звенел в его ушах днем и ночью.

– Таясь!.. – громким шепотом позвал он, подняв над водой весла. – Это ты, Таясь?!

Девушка, видно, остановилась, стараясь угадать, что же взбудоражило ее пса, и тут же подбежала, услыхав Арсина. На согнутой руке у нее висели два оцинкованных ведра, поскрипывали при каждом движении.

Арсин сделал несколько резких взмахов и, не дождавшись, когда колданка уткнется в глинистый берег, выскочил, чавкая бродняками в топкой жиже, заспешил к ней.

Подбежав к Таясь, он схватил ее за обе руки.

– Как хорошо! Как хорошо, что ты здесь оказалась! Что ты пошла по воду, как кстати, – шептал он, целуя ее в губы, в щеки, в глаза. – А я-то плыву и ломаю голову, как выманить тебя из дома...

В своем возбуждении он и не заметил, что она как-то сдержанно воспринимает его восторги.

– Выманить? Я что – зверь лесной? Или случилось что-нибудь? – Она отстранилась и пристально вгляделась в его взволнованное лицо.

– Да нет, Таясь, нет, ничего не случилось. Очень хотел тебя видеть, а все же неудобно перед родителями... Сама понимаешь...

– Ах, вот ты о чем... Еще не приехал, а сердце, значит, как у зайца – уже в пятках...

– Ну зачем ты так, Таясь... Мне обязательно, обязательно надо было повидаться с тобой перед... – Он осекся, не зная, говорить ли ей про фронт сейчас, портить ли радость их встречи. – Понимаешь, – быстро забормотал Арсин, глядя, как она меняется в лице, – раньше никак не мог...

– И ты, значит, на фронт, – сказала она, будто не слыша его.

– Да, Таясь, – вздохнул Арсин. – Повестка пришла...

– На фронт, значит, – повторила она с окаменевшим лицом. – У нас полселения призвали. А на старшего моего брата уже извещение пришло. Погиб в боях под Смоленском. – Таясь вдруг опустила черные длинные ресницы, постояла так и сказала, не открывая глаз, одними губами: – Ну что ж тут поделаешь, Арсин, надо. Родина в беде. Смертельной... – И вдруг, не смахивая слез, широко распахнула глаза и судорожно схватилась за рукава его суконного гуся. – Ты мне обещай, что с тобой ничего не случится! Обещай, что вернешься! Живой вернешься, слышишь, Арсин?! – повторила она, и шепот ее вошел в него, как крик.

– Не надо так, Таясь, – встревоженно посмотрел по сторонам Арсин. – Увидят еще... Услышат...

– Ох, да перестань ты! – Она все еще держала его за рукава гуся. – Темно. Кошачьи глаза надо иметь, чтобы хоть что-то увидеть. Да хоть бы и увидели – мне теперь все равно, все равно!

– Ну что ты, Таясь! – прижал он ее к груди. – А если родители... Тогда как?.. Они спрашивали тебя тогда?.. Ну, весной...

– Отец не спрашивал. А мать... До нее, похоже, дошло от кого-то. Ну да я отговорилась...

– Вот видишь! Давай отойдем куда-нибудь. – Арсин крепко обнял ее за узкие плечи.

Видя, как Таясь вдруг засмущалась и стыдливо опустила глаза, он, поняв все по-своему, начал успокаивать ее, как в тот раз, весной, когда они плыли на лодке:

– Ты не бойся, Таясь, я тебе ничего плохого не сделаю. Радугой небесной клянусь.

– Я верю тебе, Арсин. – Все еще плача, она ласково погладила его встрепанные волосы. – Я верю тебе...

– Спасибо, Таясь... Так хочется побыть эту ночь вместе с тобой... Я ведь, если честно, из-за этого только и спешил сюда. Сама ведь знаешь, куда еду. Может, и не вернусь...

– Что ты, что ты, Арсин. Не говори так, не думай об этом. – Она закрыла его рот ладонью. – Ты вернешься, живой вернешься...

– Конечно, живым хочется. Чтобы снова тебя увидеть...

– Вот и не говори о смерти!.. Ты подожди чуток, Арсин... Сейчас зачерпну воды, отнесу ведра и снова приду...

– Только ты побыстрей, Таясь, ладно?.. Мне ведь завтра обратно надо... Как обратно?! Зачем обратно?! Поживи, побудь у нас в селении... Я что-нибудь придумаю...

– Нельзя! Завтра к вечеру «Ваули Пиетомин» подойдет. Обязательно надо быть на месте. Сама знаешь, время какое...

Таясь тяжело вздохнула, оглянулась в сторону селения и, кусая губы, сказала:

– Знаешь что? Поедем в твою избушку? Это же недалеко, правда? Печку растопим. Поговорим обо всем. Целую ночь вместе... – И она снова смущенно опустила ресницы.

– Таясь, колокольчик мой! Я ведь даже боялся заикнуться об этом... Поедем, да?

– Да, – тихо кивнула она в ответ. – Ты только поднимись на всякий случай чуть повыше...

Не успел Арсин подняться саженей на двести, как увидел Таясь – запыхавшаяся, она стояла на берегу у крутого обрыва, в своих летних из оленьей кожи чувячках и легкой ягушке. Она спрыгнула к нему в колданку, и Арсин налег на греби...

...Отрываясь от сладостных воспоминаний, он глубоко вздохнул, раскурил трубку и выпустил густую струю дыма. Все так же держась за теплый ствол кедра, он обошел его вокруг, окидывая могучую крону снизу вверх. Кедр был для него сейчас словно живой человек, и как с живым человеком Арсин мысленно разговаривал с ним в эти минуты.

«О могучий кедр, свидетель нашей клятвы! О наше священное дерево! Ты ведь знаешь все, что случилось в ту далекую ночь под твоей могучей кроной. Ты, конечно, помнишь все наши с Таясь слова – не могли они исчезнуть бесследно, наверно, и сейчас живут в мягких иглах твоей хвои. Подскажи мне, могучий кедр, те слова. Я раньше тебя постарел. Мог кое-что и забыть. А ты все еще крепок и еще, пожалуй, простоишь сотню лет, а может, и целых две. Подскажи, священный кедр, поделись со мной, дерево нашей с Таясь клятвы...»

Он прилег на вытаявший из снега высокий куст багульника и прикрыл глаза, вслушиваясь в шепот кедровой хвои, а перед его внутренним взором явственно вставала та далекая осенняя ночь...

А что было той ночью? Топили печь, пили чай из одной деревянной чашки, разузоренной красивым орнаментом, поочередно передавая ее друг другу... Целовались на нарах... У него, как от хмеля, кружилась голова, и, как во хмелю, Арсин медленно расстегнул пуговицы на вороте ее платья... Он целовал ее груди, ощущая их упругую девичью свежесть на своих губах и какую-то невыносимую муку, заполнявшую тело; последним усилием воли он заставлял себя думать лишь об одном: «Нельзя, нельзя переходить границы дозволенного... Я же клятву ей дал...»

Он только обнимал ее все крепче и крепче, но вдруг Таясь как-то обмякла, податливо прильнула к нему всем телом, и когда он почувствовал, что уже не в силах владеть собой, готов преступить все запреты, услышал ее прерывистый шепот:

– Арсин, слышишь, Арсин, – как в бреду выдыхала она, с трудом оторвавшись от его губ. – Я хочу женщиной стать, Арсин... Матерью хочу стать... Ребенка хочу... Только от тебя хочу... только от тебя... Слышишь, Арсин... – Из груди ее вырвался то ли всхлип, то ли стон. – Не думай ни о чем, Арсин, – ты же ни в чем не виноват, верно? Ты ведь не изменял своей клятве, пусть я буду виновата, раз я не могу иначе... Не могу! Вдруг больше тебя никогда не увижу...

И обвив руками его шею, она еще теснее прижалась к нему всем телом, целуя его и шепча какие-то безумные, ласковые слова. Потом вдруг откинула голову, посмотрела на него долгим запоминающим взглядом.

– Только не здесь, Арсин... К дереву клятвы пойдем. К старому кедру. Помнишь, весной ты клялся под ним, что не тронешь меня до свадьбы? Вот и считай, что у нас с тобой нынче свадьба... Пойдем к дереву клятвы, объявим ему об этом... Я сама скажу...

Как во сне, Таясь спустила ноги с нар и, крепко держа его за руку, вышла из избушки. В темноте, под яркими ночными звездами шли они, слившись воедино, к тому самому кедру, на котором он весной вырезал две буквы: «Т» и «А»...

Арсин еще долго бы, наверное, пролежал с зажмуренными глазами на кусте багульника, если бы не близкий крик лебедей. Он расслышал даже взмахи их крыльев, открыл глаза и увидел птиц, пролетевших над самым кедром; теперь они плавно снижались на озеро, слегка подтопленное талыми водами, здесь, на этом озере, лебеди каждый год вили свое гнездо...

– На старое место вернулись, – говорил сам с собой Арсин. – Хорошо, хорошо, семь мудрецов старины. Шибко хорошо, когда и человек, и бегающий зверь, и крылатый клочок родной земли имеет... Покричите-ка еще, милые! Что-то голоса вроде не такие, как у прошлогодних... Плач какой-то, что ли, слышится.

Осторожно, чтобы не спугнуть птиц, Арсин сел, привалясь спиной к стволу кедра, и посмотрел на озеро, оттаивающая вода которого поблескивала поверх льда рыбьими чешуйками.

– Кой! – огорченно вскрикнул он. – Да вас трое теперь!.. Так ведь не бывает, четвертый должен быть... То-то мне голоса незнакомыми показались – новички прилетели. Кой, кой! А от прошлогодней пары, выходит, только самец остался. Где же твоя подруга, верный лебедь? В каких краях потерял? Человек ли виноват, хищный ли зверь? Болезнь ее где-то свалила или другой у тебя отобрал? – И он, прикусив губу, не договорил, а только сделал очередную затяжку из своей трубки. – Эх, жизнь... Сколько всяких радостей и несчастий обрушивает она на нас. И не знаешь, когда угомонится...

Разговаривая с лебедями, Арсин невольно вспомнил и свою дальнейшую, уже после фронта, жизнь... А причиной этих его воспоминаний был одинокий лебедь, оставшийся без верной своей подруги...

...После тяжелого ранения Арсина комиссовали, путь на фронт ему был заказан, и теперь он душой и сердцем рвался в родные края, где оставил свою Таясь, свою любимую женщину. На фронте Арсин не получил ни одной весточки ни от родителей, ни от нее, однако у него и сомнений не возникало в том, что Таясь носит под сердцем его ребенка. Пока воевал – не загадывал, боялся спугнуть счастье, сглазить, а уж потом, после ранения, только о том и думал, как вернется, как сразу по возвращении женится...

В родной Порават он попал в начале Месяца Первых Весенних Ручьев – приехал на оленях из Салехарда. Пока добирался – все успел обдумать насчет дальнейшей жизни: приедет – и первым делом, прямо на следующий день, махнет на оленях в селение Ванды...

О, как Арсин ждал этих минут все последние дни! Только ими и жил, только о них и думал...

Но в родном селении ожидало его известие: Таясь была замужем!

А узнал он об этом так.

Родители едва не лишились рассудка, когда он вошел в дом, – ведь они давно считали его погибшим...

Он сидел в своей гимнастерке за праздничным домашним столом, когда мать незаметно для него подозвала к себе отца: подойди, мол, выгляни в окошко. Отец подошел, подышал на стекло, сказал вполголоса, будто самому себе:

– Смотри-ка, вроде за водой идет, а сама все на наши окна поглядывает... Таясь, жена нашего председателя колхоза... Ну, Юхура-то Кельчина помнишь, сынок? Женился он у нас недавно... Это не к ней ты часом в Ванды ездил? Ну, перед фронтом? А то люди бают...

Сначала-то, сгоряча, Арсин даже не поверил, решил, что родители шутят, но вот снова подошла к окну мать:

– Бедная, и каждый раз вот так – на наши окна все смотрит, смотрит, будто сказать ей что нужно или спросить... А собака-то Юхурова, надо же! Таясь за водой – и она за ней. Как привязанная, ни на шаг не отстанет!

Арсин уже ничего не слышал, чувствуя, как рвется на части сердце, он готов был выскочить из-за стола, побежать к любимой, но тут в глазах у него помутилось, голова закружилась, и чтобы только не рухнуть на пол, он кинулся на койку, яростно скрежеща зубами. Чего угодно ожидал Арсин, к чему угодно готов был – только не к этому. Зачем он остался жив, зачем раньше времени вернулся домой, когда война еще в самом разгаре?.. Зачем, зачем, какой теперь во всем этом смысл?.. Он бил кулаками по оленьей шкуре и беспрестанно стонал. «А ребенок? – вдруг подумал он. – Как же ребенок? Или нету его?»

– Не виновата твоя Таясь, сынок, – подсела к нему мать. – Ведь мы еще в Месяц Коротких Дней получили из твоего воевавшего места бумагу... Мол, погиб ты в боях. Возле Калинина... города... Нам бумагу уполномоченный читал, я хорошо город запомнила. Помощника Сталина в Москве так зовут. Под Калининым, стало быть. – Мать вытерла слезу с одного глаза, с другого, вновь переживая смерть любимого сына. – А я и не поверила тогда! – Она говорила, а слезы все текли и текли по ее щекам. – Как поверить! Был человек и нету его! Только тонкое дерево с одного удара повалить можно. Щепочку, и ту, бывает, сразу не расщепить... Я так все и думала, что жив ты, сынок... Вот видишь, ты и вправду жив! – Она упала ему на грудь. – О, спасибо тебе, Опаль Турам-Всевышний! Не ошиблась я в своих предчувствиях... Спа-

сибо, что сумел уберечь моего сына, моего мальчика. Вот он – перед моими глазами, живой! – Она села и, уже успокаиваясь, еще раз смахнула слезы краешком платка.

– Ну ладно, мама, ладно... И правда, живой я... – угрюмо сказал Арсин. – Ты мне лучше скажи, как Таясь узнала, что я погиб? А, мама? Как узнала-то?

– Как? – удивилась мать. – Да я же ей и сказала. Ведь она к нам приезжала. Сама приезжала, сынок, перед Новым годом. Вечером. Отец потом ворчал: бесстыжая, мол. А я ему говорю: какая же бесстыжая, если любит она нашего Арсина, бедная, ждать его обещалась... Ну вот, вечером она приехала – чтобы никто, значит, про то не узнал. Я как раз одна в доме была, отец с охоты еще не вернулся. Приехала, значит, на собаках из селенья Ванды. Долго ехала, в дом вошла – будто снежный сугроб... И какая-то она была такая... – Мать примолкла, подыскивая нужное слово.

– Какая, мама? – нетерпеливо спросил Арсин. – Больная, что ли?

– Ну, такая, знаешь... Печальная, что ли... подавленная... Как самка чирка, у которой халеи утят сожрали. Вот какая...

– Ну, приехала она, – торопил ее Арсин, пытаясь представить себе эту картину. – И что спросила?

– Даже не раздевалась, снег только маленько у порога сбила... Верно ли, мол, что тебя война убила – так сразу спрашивает. Я из ящичка, что на полке в священном углу, бумажку казенную вынула, ей даю – знаю, что грамотная. Ну, ту бумажку, которая с армии-то пришла... Вот я ей и дала. Читай, говорю, дочка, я тоже послушаю, может, все же неправильная она, эта бумага...

– Дальше, дальше, мама...

– А что дальше, сынок? Прочитала она, вся побледнела да как рухнет на пол, будто деревянная стала, и рыдать. В голос рыдала, меня не стеснялась нисколько. А я все думаю: бедный наш Арсин! Ездил он к тебе, про отца с матерью ради тебя забыл, а теперь вот в чужой земле лежит...

Арсин вдруг так рванул ворот гимнастерки, что оторвал пуговицу. Словно и не он только что ничком лежал – одним прыжком у окна оказался, вперился взглядом в ту сторону, куда ушла недавно Таясь.

А мать, подобрав скатившуюся к ногам пуговицу, с жалостью посмотрела на сына и повела свой рассказ дальше.

– Успокоила я ее, как могла, чаю заварила. Так, немножко хотела узнать, что у вас там с ней было, далеко ли зашло... А она будто ничего не слышит: твердит только, что любила тебя, что не знает, как жить будет...

– И больше она ничего не сказала? – пытал Арсин, все еще глядя в окно. У него чуть было не вырвалось: «Не сказала, что ждет от меня ребенка?» Но все же удержался, не задал вопроса...

– Ничего больше не говорила, – закивала головой мать. – Так, так, сынок, все, как было, рассказываю. Чаю попила, собак накормила и обратно поехала, прямо ночью...

– Ах, мама! Да как же ты не остановила ее? Не оставила ночевать? Ведь знала же, что люблю... Сама ведь говоришь: сердцем чуяла – живой я. Почему ж ты ей-то о том не сказала? Может, тогда и она дождалась бы меня...

– Сердце! Сердце, сынок, оно для нас только с отцом вещун, а для людей-то главное – бумага. А в бумаге прописано, что тебя убило. И печать стоит... Кто она мне, чтоб я ей сердце свое открывала?

Нечего было ответить Арсину, он только наяву будто увидел вдруг эту картину: приехала любимая у всех на виду, не побоялась, стоит перед матерью, как раненая важенка, и не может открыться ей... Кой, как больно сердцу!

– А как она все же за Юхура-то вышла? Что, родители ее на калым, что ли, позарились? На оленей?

Ну да, у Юхура их много... Десятков пять, пожалуй, наберется. Вот и продали дочку...

– Этого не знаю, сынок. Чего не знаю, того не знаю. Про это не у меня, у ее родителей надо спрашивать. Они выдавали...

– Да она-то что?! Что у нее – ни языка своего, ни сердца?

– Ну, не знаю, сынок, не пытай старуху. Возьми да сам у ней и спроси. Хотя что теперь спрашивать, когда уж порог мужнин переступила...

И тут Арсин, все это время неотрывно смотревший в окно, увидел Таясь, взбирающуюся на невысокую горку. На горке она, видно, решила передохнуть – опустила ведра на снег и стала над ними, глядя на дом Арсина...

Вскоре начали набиваться односельчане – все, кто мог ходить, побывали в тот день у них в доме. Прослышав о его приезде, заходили поздравить с возвращением в родные места, задать вопросы, на которые только и мог ответить человек, побывавший там. Арсин словно был сейчас посланцем далекой и страшной войны, всех героев Красной Армии. Убеленные сединами отцы и матери, истосковавшиеся жены,

отправившие на фронт мужей, – все по очереди спрашивали его, не видел ли он их близких, не встречал ли на фронте, не знает ли, как воюют, не известно ли чего нового об их судьбе...

Что он мог им, однако, ответить, что объяснить? Как расскажешь про огромность войны, которую, даже побывав там, и умом-то вообразить невозможно? А что уж говорить про человека на ее тысячекилометровых просторах – война людьми крутит, как зимний ураганный ветер снежинками... Что мог рассказать Арсин? Только как они с односельчанами спешно проходили обучение в одном из военных лагерей под Омском, как затем их раскидали по вновь сформированным сибирским дивизиям...

Он думал, что люди ждут каких-то других рассказов – о том, какая она большая, какая страшная эта война, взявшая стольких молодых, здоровых мужчин. Но односельчане довольствовались и скупыми, стародавними вестями Арсина. Арсин, наверное, острее, чем они, чувствовал, что стал совсем другим; они были простыми, наивными, но это, как ни странно, вовсе не раздражало его, не утомляло, даже радовало... Они были такие же, как прежде, а значит, и мир оставался таким же, как прежде, а не тем, каким он узнал его, – огромным, многолюдным, плещущим кровью и смертью...

До глубокой ночи приходили и уходили люди. Не один чайник вскипятила за это время мать, и печка их, уютная, как и весь дом, старая печка, накалилась, будто яркий закат перед пасмурным днем. Он только тогда и понял, как невелик их бревенчатый дом, какой низкий в нем потолок, настланный из грубо обтесанных досок, когда настоялась в нем такая жара, что даже заслезились заледеневшие окна...

Да, чуть ли не все селение Порават побывало в этот вечер в доме Арсина, но что были ему все эти люди, если не приходила, мельком даже не заглянула его Таясь... Он говорил, объяснял что-то, как умел, а сердце его, словно аорта, проткнутая острым ножом, истекало кровью. Почему она не пришла? Не смогла? Разлюбила? Сердце распирало грудь, и тогда становилось тяжело дышать, кружилась голова, и только огромным усилием воли он сдерживал себя, чтобы не сорваться, не выскочить на улицу, не помчаться ошалело к дому Юхура, где жила теперь его Таясь, единственная на свете любимая женщина. Ах, как бы хотел он, как прежде, крепко обнять ее, прижаться к ее сладким губам, сказать, чувствуя, как бьется ее сердце: «Таясь, ты же видишь, как я люблю тебя. Я тебе все прощаю. Только вернись ко мне. Останься со мной...»

Он рассказывал, отвечал на вопросы и даже улыбался, а думал все о своем, и от этих одолевавших его мучительных мыслей у него мутнело в глазах; порой он переставал понимать, где находится – тесен был ему родительский дом... Скорее всего, Арсин и поддался бы терзавшим его чувствам, выбежал бы на улицу, ища встречи с Таясь, если бы... Если бы не заявился, на ночь глядя, ее муж, председатель колхоза Юхур Кельчин...

По тому, как он смотрел на Арсина, можно было понять, что пришел он не просто взглянуть на вернувшегося с того света фронтовика, что знает что-то важное о нем, об их с Таясь отношениях. Правда, Юхур ни словом об этом не обмолвился, но когда кто-нибудь из соседей – в шутку, всерьез ли – говорил, что теперь солдату можно и жениться, председатель прямо-таки впивался в его лицо ревнивым взглядом, будто собираясь сказать: «Не морочь людям голову, Арсин. Какая там женитьба! Я все знаю. Знаю даже то, что ты до сих пор мой соперник...»

От этих колючих, бесцеремонных взглядов Арсину становилось не по себе. Правда, он старался не показывать этого, но то и дело ловил себя на том, что к месту и не к месту начинает вдруг натужно смеяться, невпопад говорить, ни с того ни с сего грубо отвечать на вопросы о том, что собирается делать дальше... Он еле дождался, когда Юхур наконец ушел...

Всю ночь проворочался Арсин на оленьей шкуре, до рассвета не сомкнул глаз, думая о Таясь, о том, что с ними будет дальше. Не красть же ее теперь, мужнюю жену?.. Или самому уехать куда-то, скрыться? Даже за тот краткий миг, что видел ее в окно, Арсин понял: Таясь в положении. Замуж она вышла, как сказали родители, месяца два назад и, стало быть, ребенок его, его – не Юхура... Эта мысль терзала Арсина, нестерпимо жгла душу.

«Что же ее теперь ждет? – уже в который раз тоскливо спрашивал себя Арсин. – Юхур ведь не может не знать, что она беременна, что это не его ребенок. Взял жену с позором... Что он теперь сделает, как поступит? Вряд ли простит... А Таясь? Что люди станут о ней говорить, что думать?»

Арсина снова бросило в жар. «Что же делать, что же теперь делать?» – лихорадочно соображал он. О себе он сейчас не думал. Думал о Таясь, о своей любимой – и так ей жизнь не в радость, а если еще пойдут о ней сплетни... Уж эти сплетни! Намертво прилипают они к человеку, подобно осетровому клею, марают его, уродуют жизнь, другой раз даже и убивают... Но разве заслужила Таясь такую участь, разве она виновата перед людьми?.. Нет, он должен что-то для нее сделать!

Протерзав себя всю ночь, но так ничего и не придумав, Арсин решил наконец, что должен встретиться с ней, поговорить обо всем, узнать, что думает она сама. Может, ей видится какой-то выход? По крайней мере, скажет, чем он мог бы помочь ей.

Случай такой представился в то же утро.

Арсин, хоть и устал после долгой дороги, после встречи с односельчанами, разошедшимися далеко за полночь, глаз так и не сомкнул. На рассвете, заметив, как заиграли на заиндевевших окнах солнечные лучи, он, крадучись, чтобы не разбудить родных, накинул свой армейский полушубок и вышел на улицу.

Хорошо все-таки было дома, в родных краях! Лежала еще скованная льдом могучая река, сверкал под косым утренним солнцем синий снег, кое-где прострочeнный звериными следами... Вдруг он увидел, что за домом, совсем рядом, сидит на заиндевелых березах целая стая тетеревов, мирно поклевывающих мерзлые почки. Недолго думая, Арсин вернулся в дом, на ходу загнал в свою одностволку патрон и только собрался подкрасться к тетеревам поближе, как стая встрепенулась, затрещала крыльями, дружно снялась с места. От досады Арсин чуть было не побежал за птицами, ругая себя за неловкость, и тут вдруг до него долетел знакомый, похожий на звон колокольчика голос. Отыскав любимую взглядом, он осторожно отошел за угол дома. Таясь, встав пораньше, тихо скликала собак, чтобы запрячь их в нарту – видно, собралась в лес за дровами.

Он стоял, мучительно думая о том, что сделать сейчас, как поступить... Сердце бешено колотилось в груди. Помчаться к ней, пользуясь тем, что одна, поздороваться и если не обнять, то хотя бы договориться о встрече?.. Но тут другая, более здравая мысль пришла в голову. Если он сейчас подойдет к ней – об этом сегодня же будет судачить селение... Он может навредить ей... Нет, он сделает по-другому. Ведь если она и впрямь собралась за дровами – а все здешние рубят лес за речкой Нарпенг Соям, – он встретит ее там; туда ведь версты две, не больше. А если еще немного спрямить путь, да по утреннему насту – он примчится как раз вовремя, встретится с ней, переговорит обо всем вдали от людских глаз.

Таясь, кажется, тоже увидела Арсина: перед тем как сесть на нарту, посмотрела в его сторону, а потом перевела взгляд на ведущую к лесу дорогу, как бы приглашая поехать следом.

Когда нарта Таясь, легко скользя по накатанной дороге, скрылась за молодыми березками, стоявшими на опушке леса, Арсин натянул широкие отцовские лыжи и, закинув за плечо ружье, заспешил в противоположном направлении – в сторону речки Полянг Соям. Если даже кто и наблюдал за ним, решил бы, что солдат торопится на охоту в густой лиственный бор, где в эту пору водятся глухари.

Но как только последние дома поселка скрылись за зелеными молодыми елями, он резко повернул и, не разбирая дороги, напрямую побежал в сторону речки Нарпенг Соям. Отвердевший наст держал хорошо, и Арсин, расстегнув свой полушубок, мчался легко и свободно, широко размахивая правой рукой, в которой держал солдатскую шапку-ушанку со звездочкой. В нетерпении он все убыстрял и убыстрял бег и пошел немного спокойнее только тогда, когда показалась знакомая просторная деляна, на которой лежали сложенные в небольшие ровные кучки ветви поваленных ураганом деревьев.

Еще издали он начал искать глазами, потом наконец услышал упряжку, а вскоре и увидел за низким осинником Таясь, нагружавшую нарту березовыми дровами. Заметив его, собаки сначала заскулили, потом громко залаяли.

– Шитам! Тихо! – прикрикнула она на собак и, заметив Арсина, застыла с березовой слегой в обнимку.

Не помня себя, он рванулся вперед, протянув к ней руки. Изо рта его вырывались клубы пара; и когда ему оставалось лишь несколько шагов, Таясь вдруг выронила свой груз и, словно ей враз отказали ноги, стала медленно оседать на снег.

Арсин успел подхватить ее и, бережно прижав к своей разгоряченной груди, тихо и нежно, как мать ребенка, погладил по бледным щекам, узкому лбу, по выбившейся из-под платка пряди слегка заиндевелых волос, по закрытым глазам, на которых проступили слезинки...

– Арсин, – еле слышно прошептала она, приходя в себя, и столько нежности, столько любви было в одном этом тихом слове; по ее щекам, словно переполнившая весеннее озеро талая вода, неудержимо хлынули слезы. Арсин и сам готов был расплакаться. Вся сила, все мужество понадобились ему, чтобы смотреть, как горько и безутешно плачет любимая...

Наконец она совладала с собой, вытерла глаза уголком платка и тихо спросила, уткнувшись ему в грудь:

– Ну почему, почему ты не написал, Арсин? Ведь живой остался...

– Сначала у партизан был, в тылу у врага, – сбивчиво начал объяснять он, – какие уж там письма... А потом, когда в госпитале... не знаю даже... Сама ведь помнишь, плохо пишу...

Этот довод не удовлетворил ее.

– Ну и что? – с горечью выдохнула она. – Что из того, что плохо пишешь? Мог бы хоть одно слово нацарапать. Товарищей попросить. Чтобы мы тут знали, что ты жив...

– Мог, конечно, – сокрушенно вздохнул он. – Только как я свои слова другому-то передам? Ведь тебе же писать... Стыдно... А матери... честно говоря, и не подумал. Глупо, конечно... Хотел тебя, Таясь, удивить.

– Меня? Чем удивить? – Она недоуменно подняла заплаканное лицо.

– Хотел неожиданно заявиться. Как сказочный богатырь Ими Хилы...

– Вот и удивил, – печально сказала она.

– Дурак, конечно, да. – Он стиснул ее хрупкие плечи. – Но ведь я же, Таясь, надеялся... Мы ведь с тобой поклялись... на острове Шиян... Или ты уже все забыла?

– Глупый... Разве можно такое забыть... Но твои же родители, Арсин, извещение получили...

– Да, Таясь, да! – перебил он. – Но ведь похоронки бывают и ошибочными. Скольких людей после боя погибшими считали. А они, как придавленная к земле трава, выпрямлялись, оставаясь в живых. Так и со мной было. Живой я, видишь?

– Но кто же знал, что ты живой? Господи, если б хоть слово написал, если б хоть как-то подал весточку!

Она осторожно высвободилась из его рук, села на нарту.

– Да, вот и удивил всех... – тоскливо прошептал Арсин. Что он теперь мог объяснить Таясь, что сказать в свое оправдание?

– А все же ты мне ответь, Таясь... – начал он, снова схватив ее за плечи и вплотную приблизив к ней лицо, но на том решимость его и кончилась. – Скажи, Таясь... – Он глубоко вздохнул. – Как все же ты за Юхуром-то оказалась? Неужели никто не знал о наших с тобой отношениях?

– Ну, Юхур-то, скорей всего, ничего не знал.

– И о том, что ты... что у тебя будет...

– Знаешь, может, кто-то о чем-то и догадывался. Но о том, что на самом деле было...

– Да разве ж ты не могла ему об этом сказать!

– Сказать! Как сказать, если родители без меня все решили... И калым обговорили. Юхур из своего стада десять важенок отдал...

– Но неужели ты ничего не могла возразить? Объяснить? – Арсин от возбуждения встряхнул ее за плечи. – Ты же могла не согласиться! Могла... ох... ведь ты же знала, что ребенок будет.

– А что мне оставалось делать, Арсин? – сказала она жалобно. – Ты войди в мое положение...

– И ты, значит, ничего Юхуру до свадьбы не сказала...

– А я его до свадьбы и в глаза не видела. Ты что, забыл, как у нас парней и девушек женят?

– Ну, не знаю... Все же как-то надо было сказать.

– Кому сказать, Арсин? И потом: сказать и остаться на всю жизнь опозоренной... – Таясь запнулась, сильно прикусила губу. – О ребенке я Юхуру сказала потом, уже после свадьбы...

– Правда сказала?

– В первую же ночь. Разве такое скроешь? Ребенок не ягодка, чтобы положить в туесок да выкинуть...

Арсин смотрел на нее со странным чувством: и уважение, и изумление, и что-то еще, необъяснимое, было в его глазах.

– И ты ему так и сказала...

– Что сказала? – не поняла Таясь, которой передалось его возбуждение.

– Ну... ну что ребенок от меня?..

– Смешной ты, Арсин. Сам же по себе ребенок не появится... Он спросил чей – я и сказала...

– Сказала, значит... – Он утер рукавом полушубка внезапно вспотевший лоб. – Значит, теперь мой ребенок будет его ребенком? Так выходит, Таясь? Ребенком Юхура?

– Выходит так, Арсин, – поникла она.

Понурясь, Арсин снял руки с ее плеч, устало сел рядом с ней на нарту, вытащил из кармана трубку и нервно набил ее табаком.

– Ну, ты ему сказала, а он что? – Рука Арсина, державшая трубку, безжизненно повисла между коленей. – Что Юхур-то?

– Не знаю, Арсин, – покачала она головой и робко провела рукой по его макушке. – Ничего не знаю... До сих пор не могу его понять. Тогда сказал: сам, мол, узел завязал. Кого, мол, теперь винить...

– Не обижал он тебя?

Она помотала головой.

– Молодец Юхур, – одобрил Арсин. – Простил тебя вроде... А только как же теперь-то? Тогда ведь меня не было, а теперь я вернулся...

– Не знаю... Нахмуренный вчера от тебя пришел. Лицо, как чага березовая, черное, совсем со мной не разговаривал...

– Да-а... – печально вздохнул Арсин и вдруг, насколько позволяли нарты, отодвинулся от нее. – Знаешь что, Таясь?

– Что, Арсин, что? – с надеждой встрепенулась она. – Ну говори же!

– Нельзя нам больше встречаться. Всем троим плохо... Так уж вышло... Ты теперь себя с ним связала, провела поперек нашей дороги священный ручей... Через него не перешагнуть... Я родовой обычай нарушать не могу... А нарушу – презирать меня станут, отвернутся все.

– Но Арсин! – обвила она его шею руками. – Послушай, Арсин... Да, так вышло... Но я же тебя люблю, как любила. Пуще прежнего люблю! – Она вдруг прильнула к нему, осыпала его лицо жаркими поцелуями.

Арсин, сердце которого заходилось от тоски и бессилия, от нежности к ней, снова обнял ее. Она прижалась к нему, кажется, плакала, но он, чувствуя в душе какую-то страшную муку, все же встал, натянул лыжи и, не оглядываясь, размашистым шагом двинулся в глубь леса...

Он не мог сказать, сколько времени тащился на отяжелевших камусах, куда шел. Опомнился лишь на берегу Широкого Мелексимского сора, километрах в двадцати от прежнего места. Поднял голову: солнце уже приближалось к полудню... Никуда больше не спеша, ни о чем не думая, словно и голова и сердце враз превратились в труху, в нутро погибшего на корню дерева, он пошел назад, к дому...

На следующий же день он заявил родителям, что отправляется на весновку на остров Шиян. Сказал об этом и председателю колхоза Юхуру.

Юхур, не глядя на него, угрюмо кивнул головой – одобрил.

...А ему и в самом деле захотелось вдруг поохотиться. Там, на берегах протоки, где обильно рос тальник, собиралось множество куропаток – полакомиться почками тала. А когда придет паводок, в сорах можно будет ловить щуку, окуня, карася.

Погрузив на нарту все необходимое, Арсин ушел к месту весновки...

Снова раздавшийся на озере громкий клик лебедей заставил Арсина очнуться. Обычно лебеди кричат так перед полетом... Он оторвал голову от придавленных им кустов багульника и, привстав, посмотрел на озеро.

Так и есть: лебеди, уже расправив, словно паруса, свои белоснежные крылья, начали, шлепая ими по гладкой воде, медленно разгоняться; вот они поднялись над тальниками и потянулись в сторону протоки Рынги, на юг. Но что это? Прилетело-то трое, а улетает пара... А, вот и одинокий лебедь-самец; словно в нерешительности вздымал он над водой крылья, но не взлетал, будто ждал чего-то... Наконец тоже огласил окрестности громким криком, тоже, будто нехотя работая крыльями, поднялся вдогон за улетевшими птицами.

«Понимаю, понимаю тебя, – сказал про себя Арсин. – Скучно одному». – И сочувственно вздохнул.

Думы его окончательно развеялись от раздавшегося вдруг за спиной оленьего хорканья. Арсин торопливо оглянулся и увидел на расстоянии броска аркана белолобую важенку. Она подозрительно уставилась на него. Что-то очень уж знакомое было в этой оленухе. Белые пятна – на лбу, на одном боку и на другом, выдающийся вперед короткий отросток рога над левым надбровьем... Да это ж его важенка! Личный его олень, который теперь принадлежит совхозному стаду! Как это он сразу ее не признал?! Хорошая была олениха, не раз приносила крепкое и здоровое потомство... Арсин позвал ее. Услышав знакомый голос, белолобая важенка поводила туда-сюда носом, еще раз внимательно всмотрелась в Арсина и... подошла к нему. Он погладил ее по лбу, по мягким волоскам ноздрей и губ, похлопал по холке. Потом бережно провел ладонью по раздувшемуся животу.

– Скоро уже, через день-два отелишься. Иди, кормись, жиру набирайся. Тебе теперь силы шибко нужны будут. Очень даже понадобятся. Иди! – И он подтолкнул важенку; она тут же, рядом с ним, сразу начала копытить слежавшийся снег, принюхиваться в поисках ягеля к обнаженной земле.

Эта белолобая важенка многое прояснила Арсину, ой как многое. Теперь он уже точно знал, что косяк отбился от первого стада совхоза, где бригадиром – Юхур Кельчин. Тот самый Юхур, который в войну, пока Арсин находился на фронте, женился на его Таясь...

С белолобой важенкой связана была одна нехорошая история...

Как и многие ханты, Арсин имел своих личных оленей – от отца достались. Немного их было, всего десятка два, но были.

Лет десять назад в первом стаде совхоза – у них уже тогда совхоз был – произошел несчастный случай, погибли два пастуха. А тут как раз подошло время весенних касланий за Урал, нужно было срочно

найти кого-то, кто пошел бы со стадом. Надо сказать, что с уходом стариков на пенсию подыскивать пастухов с каждым годом становилось все труднее и труднее. А тут поджимало, искать особо было некогда, вот и попросили поработать пастухом Арсина – хотя бы временно. Он хоть и не пастушил раньше, да и в годах уже был, все же какой-то толк в оленях знал, во всяком случае, свободно ездил на нарте – не то что молодые, которые и упряжку-то снарядить не могут, кочевая жизнь, лишенная всяких удобств, к каким они в интернатах привыкли, для них тяжела. Пургу глотать да в лесотундре мерзнуть им теперь неохота...

Арсин долго отнекивался, ссылался на свою инвалидность, на возраст, на слабое здоровье, но в конце концов сдался: раз надо – то надо.

Весенне-летнее каслание у него тогда прошло хорошо – их бригада даже заняла второе место среди шести других оленеводческих бригад совхоза. На общем собрании, на празднике оленевода, директор шибко хвалил пастухов их стада, особенно Арсина. Премию тогда неплохую дали, а ему еще и Почетную грамоту. И опять начальство уговорило его пастухом поработать – хотя бы год, пока не подучатся молодые парни, которых с большим трудом удалось привлечь в оленеводство.

И опять Арсин согласился, хотя и трудно ему уже кочевать было. Надо – значит, надо...

Согласился, да, видно, зря: год для его бригады выдался шибко неудачный. Весной, в период отела, ударил мороз, начался гололед, наст стал крепок, как замерзший лед на реке, – оленьи копыта не пробивали его. А голодное стадо ох как трудно окарауливать: оленей на месте не удержать – так и норовят разбрестись по бескрайней тундре в поисках корма. Не раз предлагал Арсин перегнать стадо на южную сторону гор – там у животных было бы хоть какое-то укрытие от студеного ветра. Однако бригадир не соглашался, все ждал, что погода вот-вот наладится. А она все не налаживалась и не налаживалась... Много оленей они потеряли в ту памятную весну, особенно туго пришлось молодняку, только что народившимся беспомощным оленятам... Хотя, как впоследствии оказалось, в тех стадах, где бригадиры вовремя отогнали животных в надежное место, такого падежа не было...

Потом, уже на корале, долго совещалась бригада: как быть с потерями? Показать их в отчете? Покажешь – плохо: заканчивался последний год пятилетки, бригада оказалась бы на последнем месте. План-то не выполнен – сразу бы премии лишились. А премия за пятилетку не маленькая. Думали, думали и порешили тогда на собрании бригады: коль виноваты все, то надо часть потерянных животных возместить личными. Каждый из шести пастухов должен был сдать в стадо по пять оленей. Редко, весьма редко прибегают пастухи к такой уловке, но что же делать! Зато и потери совхозу возместили, и сохранность в стаде оказалась не хуже, чем у других...

А уж коли выполнен план по сохранности поголовья, то и премия в конце года должна была выйти бригаде такая, что пастухи вернули бы себе личные затраты с лихвой...

Но до конца года было еще далеко, и бригаду, как назло, подстерегла новая беда.

В Месяц Сбора Ягод, когда уже, считай, совсем отошли комары и оводы, вышел Арсин на ночное дежурство. Олени мирно паслись на северном склоне Двуглавой горы. Все было тихо, спокойно, но вдруг, с наступлением сумерек, стадо зашевелилось, забилось, как рыба в переполненной мотне невода. Арсин всполошился, начал палить из ракетницы и в отсветах одной из ракет заметил рыскавшего среди животных медведя. Зверь отколол от стада с десяток оленей и погнал их к лесистым берегам горной речки Собь.

Все произошло так неожиданно, так быстро, что Арсин не успел ничего предпринять. Как ни пытался он в последующие дни отыскать отколовшуюся часть стада – все было напрасно. По следу на песчаном берегу определили: одиннадцать совхозных оленей угнал медведь. Вроде бы и немного, а все равно заметный урон. Ведь все уже считали, что самое трудное позади, ждали с нетерпением своего «урожая»: вскорости предстоял забой, сдача мяса государству, а уж по результатам сдачи и оценивается окончательно нелегкий труд пастуха...

Арсин не сомневался, что потерянных оленей отнесут на счет всей бригады, но бригадир, брат Юхура, решил по-своему: приказал ему единолично возместить потерю.

Одни члены бригады промолчали – их это будто и не касалось, другие попробовали было возразить, но тут сказал свое веское слово Юхур. Давно уже не было колхоза, давно уж не работал он председателем, в завхозах теперь ходил... А на собрании выяснилось, что его решили назначить бригадиром в их стадо – прежний, мол, на пенсию идет, и Юхур самый достойный кандидат... Так вот, он прямо и сказал на этом собрании, что не нужны ему, мол, такие пастухи, которые медведя отогнать не могут. Заслуженный – это, мол, хорошо, но ведь спал, наверно, заслуженный в то время, когда медведь стадо шерстил... А закончил свое выступление тем, что предложил поддержать бригадира и наказать Арсина как следует,

чтобы другим пастухам неповадно было на работе дрыхнуть. На том бригада и порешила, хотя все видели – несправедливо это...

Крепко схватился тогда Арсин с Юхуром. Чуть не до кулаков дело дошло. Под конец, едва не плюнув ему в лицо, сказал:

– Ешь моих оленей. Боюсь только, живот твой от них лопнет... – и, хлопнув дверью, ушел из конторы.

С тех самых пор белолобая важенка и стала собственностью совхоза и числилась в том стаде, где бригадиром был Юхур.

Появление белолобой вселило в душу Арсина новые сомнения. Почему это он, старик, пенсионер, должен сидеть здесь, на острове, спасать стадо человека, который его смертельно обидел? Ведь скоро паводок; если сейчас по крепкому еще льду не уехать с острова, потом тут долго сидеть придется... А у него и продуктов-то с собой мало... Может, и в самом деле, запрячь лошадь да податься в поселок, сообщить там о важенках, пусть начальство решает, как быть?..

А что? Кто с него может потребовать большего? Ведь он и так, если даст знать вовремя, окажет совхозу большую помощь.

Вот только совесть... Совесть почему-то упорно не хотела бросать животных в беде...

Арсин взглянул на воду, все сильнее выступающую по заберегам, прислушался к звону заливистых бубенцов, снова раздававшихся то здесь, то там... Звон этот безошибочно подсказывал ему, что олени уже занялись поисками новых кормовых мест, что ягель кончается; понял, что отлучаться сейчас никак нельзя – его место здесь, с оленями. Только так, может быть, удастся удержать стадо на острове...

«Нельзя иначе, семь мудрецов старины, – говорил он себе, – пусть это и Юхурово стадо. Люди-то ничего мне не скажут, да про себя все же подумают или на стороне где-нибудь говорить станут: был, мол, у Арсина и другой выход, да только избрал он легкий путь. Ну, конечно, и обиду мою на Юхура тоже вспомнят, а это уж тут ни при чем...»

День клонился к вечеру – весеннее солнце уже готовилось коснуться отрогов Полярного Урала. Юго-восточный ветер наконец стих, в наступившей предвечерней тишине четко разносился звук бубенцов, глухое, подзывающее хорканье важенок, шорох оленьих копыт, разгребающих зернистый снег. Со стороны севера, у еле заметной линии горизонта, виднелось расплывчатое облачко. Арсин приметил его еще днем – тогда оно было совсем-совсем маленьким, наверное с рыбью чешуйку, а теперь всплывало уже тяжело нагруженной лодкой.

«Это, видать, к непогоде, – подумал Арсин. – Ничего оно доброго не сулит после теплого южного ветра».

Он решил, пока все спокойно, дойти до избушки, взять еду, чайник, прихватить с собой собаку и временно – на всякий непредвиденный случай – обосноваться у старого кедра: отсюда и весь остров хорошо виден, и сухого тала для костра много.

Он не ошибся – погода менялась прямо на глазах. Лыжню стало прихватывать незаметно подкравшимся морозцем, и камуса теперь легко скользили по затвердевшей колее. То и дело ему попадались важенки, которые, утолив первый голод, залегли в нарытые в снегу ямы – только рога, словно занесенные сугробами кустики, виднелись сверху. Однако часть животных еще кормилась или двигалась в поисках ягеля от одного дерева к другому, тщательно принюхиваясь к земле.

Олени пока были спокойны, и это радовало Арсина.

В избушке он прежде всего «произвел учет» своих съестных припасов. У него теперь оставалось полбуханки пшеничного хлеба; порывшись на полке, он нашел связку сушек – наверное с полкилограмма, коробку рафинада, пачку грузинского чая да пол-литровую банку с рыбьей варкой.

– Небогато, – вздохнул он, складывая продукты в рюкзак. – Но и не шибко плохо. Прожить первое время можно. А там посмотрим. Может, люди придут. А не придут – щедрая тайга и живая водица не оскудели еще на зверя и рыбу. Ничего, как-нибудь проживу...

Он не стал задерживаться в избушке, решил попить чай на месте новой стоянки. Пышногривого своего Бурана привязал к толстой березе с ободранной до уровня вытянутой руки берестой – не раз брал ее для растопки печи и костра; положил побольше сена – чтобы мерину хватило до утра. Рюкзак с продуктами, старый, серого цвета суконный гусь и повытертую оленью шкуру погрузил на нарту. Взяв Акара на поводок, направился к кедру. Завидев оленей, Акар снова попытался их облаять, но, услыхав грозный окрик хозяина, тут же замолчал, хотя всю дорогу при виде животных принимался то скулить, то рычать. Успокоился он только тогда, когда подошли наконец к стоянке.

Первым делом Арсин, теперь уже небольшой цепью, надежно привязал Акара к ножке нарты и принялся за костер. Сухой тал разгорелся легко, языки огня скакали вокруг чайника проворными белками. Вскоре пузатый зашипел, запыхтел, а потом и крышка на нем запрыгала, будто вошедший в раж шаман.

Арсин поужинал и уселся на нарту, прикидывая в уме, как он будет действовать, если олени в поисках корма пойдут в его сторону и захотят, не дай Бог, переправиться к коренному берегу, который отсюда, конечно, хорошо был им виден...

«Н-да, вряд ли мне их удержать удастся... Одному да еще без обученной собаки, – бормотал Арсин себе под нос, поглядывая на тальниковую косу, уходившую на север, вниз по течению реки. – Нет, не удержать, семь мудрецов старины, коль всерьез навалятся... Шибко тяжко будет. Ширина-то косы вон какая! Полверсты, наверное, набежит. – Арсин встал, прошелся по ровному ряду стройных, высоких талов, протянувшихся от одного берега острова до другого. Расстояние между таловым заслоном и хвойным лесом было, пожалуй, не более двухсот метров; на этом пространстве – кочкастый луг, неширокий сор и озеро, которое уже начало заливать вешней водой.

Арсин еще раз окинул взглядом полоску тала, уселся на нарту, задумался. Потом вдруг будто опомнился:

– О, семь мудрецов старины! Что это я нарту грею? – громко обругал он себя, шлепнув ладонью по бедру. – Зачем я здесь сижу, бестолковая голова?! Столько времени даром теряю. Лес рядом. Топор есть. Руби тала, сколько хочешь, готовь жерди, кораль делай. И как я, старая голова, раньше не сообразил! – Арсин тут же вскочил, схватился за топор, надел лыжи и хотел было уже двинуться рубить жерди, но остановился: – Веревка, веревка нужна... иначе как концы жердей свяжешь? А их надо покрепче соединить, не то олень изгородь сразу повалит, и толку от нее совсем не будет. Однако вот беда – где же веревку-то взять? – Он почесал затылок, поглядывая кругом, и вдруг резко взмахнул рукой: – О, семь мудрецов старины! Ну что за бестолковая голова к старости стала! Сети же в избушке лежат! Правда, хорошие еще... Да что ж делать? Значит, есть веревка. – Арсин, ободряя сам себя, улыбнулся. – Сети резать будем. Шибко много веревки выйдет, шибко!

И, развернув лыжи, он снова помчался к своей избушке.

Взял обе сети – ставную муксуновую, шириной в двадцать пять метров, и почти новый пыжьяновый провяз, которым и пользовался-то всего лишь однажды – в минувшую путину, вогнал их в старый, зиявший дырами мешок, что висел на поперечном шесте у стены. Внимательно осмотрел углы, подобрал все обрывки веревок, какие нашел, лоскутки мереж и сетей и даже тряпки – все взял, чем можно будет связывать концы жердей. Обратно, хотя ему уже и надо было поторапливаться, шел медленней – чтобы стадо не напугалось, не тронулось раньше времени к тальниковой косе. Оттого-то Арсин, на всякий случай, время от времени покряхтывал и покашливал, успокаивая животных хорошо им знакомым «хей, хей, хе-э-э-эй».

Придя к своей новой стоянке, он первым делом приглядел место, где будет рубить сеть. Выбрал лежавшую неподалеку от кедра толстую, почти без коры ель, принесенную сюда половодьем. Вначале он размотал муксуновую сеть, аккуратно разложил ее на стволе вместе с капроновыми подборами и так же аккуратно начал рубить, прикидывая на глаз, чтобы получались одинаковые куски пяди три длиной. Потом, выбрав обрубки веревки, разделил сеть по ширине еще на три части и уложил все это в свой мешок.

Тальник рос так густо, что местами невозможно было протиснуться. Арсин скинул мешок и примерился к облюбованному им дереву. Вскоре первая жердь была готова.

Арсин снял малицу, немного отдышался, чуть охолонув, снова взялся за топор.

Куча заготовленных жердей быстро росла. Уже взмокла у Арсина рубаха, сам он исходил паром, словно осеннее озеро в пору ледостава; капало с висков, с бровей, он то и дело смахивал пот, чтобы не заливало глаза. В следующую передышку, чтобы не простудиться, он все же влез в малицу, набил табаком трубку и закурил. Прикинул на глаз: на весеннем насте лежало уже штук пятьдесят аккуратных ровненьких кольев.

Не дожидаясь, когда прогорит трубка, он встал, выбрал несколько стоящих рядом деревьев и принялся привязывать к ним концы жердей примерно на высоте плеча. Потом, на полметра ниже, начал второй ряд. Прошло всего, наверное, часа три, когда у него уже было готово метров сто изгороди. Он полюбовался на нее – все-таки один, без чьей-либо помощи; проверил изгородь на прочность, сильно подергав жерди; кое-где он даже садился на них... Удовлетворенный сделанным, Арсин опять взял топор и пошел рубить новые колья...

Солнце давно уже скрылось за синеющими вершинами Уральских гор, и в гаснущих сумерках ему приходилось действовать осторожнее, чтобы не поранить себе ногу. От долгой работы топор тупился, и Арсин несколько раз подтачивал лезвие маленьким оселком.

Холодный ветерок с севера потягивал все сильнее, и подтаявший было днем наст теперь держал его и без лыж; он почти не проваливался. И это тоже, подумал Арсин, было ему на руку: если сейчас, за ночь, нарубить

как можно больше жердей, их легче будет растаскивать по нужным местам. Он по-прежнему работал без малицы, надевал ее лишь в короткие минуты отдыха. Холод в воздухе ощущался все больше, но и это ночное похолодание радовало его: он теперь меньше потел, да и дышать было не так тяжело. Однако усталость тоже давала о себе знать: дрожали руки и ноги, ныли плечи, спина; он теперь все чаще и чаще останавливался передохнуть. Хотелось пить, и он то и дело хватал щепотью смерзшийся льдистый снег, кидал его в рот, жадно сосал. Ноющая усталость во всем теле теперь давила на него так, словно кто-то кинул ему на плечи тяжеленный мешок... Иногда становилось и вовсе невмоготу, и тогда он, еле доплетясь до малицы, натягивал ее на себя почти негнущимися руками и тяжело, как подрубленное дерево, опускался на землю.

Только к утру, когда на северо-востоке заскользили по снежной постели Оби еще совсем холодные солнечные лучи, Арсин позволил себе настоящую, длительную передышку. Он вскипятил чайник, плотно перекусил, выкурил трубку... Теперь можно было продолжить начатую вчера изгородь. Для начала Арсин, как ни жалко было ему, разрубил и вторую сеть – капроновую, однопровязную...

Солнце уже поднялось довольно высоко, однако теплее не становилось. Нарастающий северный ветер делал свое дело, и солнечные лучи сегодня почти не грели – не то что вчера, когда таял снег. Он посмотрел на озеро: хотя время уже приближалось к полудню, воды на нем не прибавилось и застывшая за ночь серебристая корка льда сверкала на солнце, как большое зеркало...

Морозец тревожил сейчас Арсина больше всего: такой затвердевший наст оленям уже не пробить; если не потеплеет – стадо, скорее всего, начнет в поисках корма метаться по острову: не успей он вовремя перекрыть тальниковый пологий мыс – не миновать бы беды: еще сегодня, пока не расширились забереги, смогут животные переправиться на коренной лесной берег реки...

И, не давая себе передышки, Арсин все наращивал и наращивал свою изгородь. Руки теперь работали автоматически: он ловко подхватывал жердь, наметанными движениями крепко притягивал ее к дереву, вязал узел и тут же, не мешкая, шел крепить другой конец. Он снова весь взмок, изодрал до крови пальцы – даже виднелись кое-где на белом насте алые капельки... Он то и дело прислушивался: больше всего тревожил его сейчас лай Акара – похоже, олени начинали разбредаться...

Отложив очередную жердь, он вышел на открытое место, чтобы посмотреть, на кого залаял его пес. И увидел двух важенок; подняв торчком короткие хвосты, они добежали вдоль изгороди до самого обрыва, потоптались там немного и понеслись обратно, в глубь острова, под неистовый лай Акара.

Арсин больше не покрикивал на собаку, в душе даже похваливал: молодец, понял, что к чему, хорошо отпугивает оленей от тальникового мыса...

Он прикинул: осталось перекрыть жердями еще три пролета. И вдруг его осенило: не будет он их перекрывать! Что есть мочи кинулся Арсин по крепкому насту, как по гладко накатанной дороге, туда, где сидел на привязи Акар, взял собаку и помчался вместе с ней обратно. Пес, обрадовавшись, радостно лая, тащил хозяина за собой. По дороге Арсин ухитрился в одном месте провалиться по пояс; Акар дернул, и Арсин так ударился лицом о высокую кочку, покрытую прошлогодней осокой, что даже поранил щеку и чуть не выпустил из рук цепь. Поднявшись, побежал дальше.

Задыхаясь, с перепачканным кровью лицом, он остановил Акара возле самого крайнего талового куста. Отсюда и начинался незавершенный участок – от конца изгороди до бурно разлившихся заберегов оставалось, наверное, метров пятнадцать. Перекрывать его уже не было сил...

Но он знал, что делать. Оглядевшись, Арсин срубил талину потолще и перенес ее в центр открытого участка, привязал там Акара. Теперь пес надежно охранял неогороженное пространство.

«Си! Все, семь мудрецов старины! – сказал он, утирая пот. – Дело верное – не попрут же олени на собаку, правда? Они перед ней большой страх имеют, не захотят свои ляжки собачьим зубам подставлять!»

Оставив пса сторожить проход, Арсин, уже спокойнее, принялся довершать свое сооружение. Не торопясь, проверил поперечные жерди, поставленные последними, некоторые привязал снова, покрепче.

– Ну, кажется, все. У-ух! – с облегчением выдохнул он и взглянул на солнце. – Хорошо ли, плохо ли сделал, главное – закончил. Все же загородка не из прутиков – так просто не раздвинете, как какие-нибудь стебельки травы...

Только теперь Арсин почувствовал, что проголодался. Под ложечкой сосало, словно гребла там своими лапами белка. Посмотрел в сторону стоянки, где у него лежал на нарте рюкзак с продуктами, сглотнул слюну – ему хотелось, бросив все, кинуться к нарте, схватить хотя бы кусок хлеба... Но он все же переборол себя, решил пройтись по всей изгороди еще разок. «Вот тогда и можно будет почаевничать», – строго сказал сам себе.

Не успел он пройти и полсотни метров, как из хвойного леса показалось небольшое стадо. Важенки, у которых время отела, видно, было еще неблизко, довольно резво бежали по обрывистой кромке остро-

ва. Вот они наткнулись на изгородь и здесь приостановились, сбились в кучу, растерянно потоптались на месте; некоторые закидывали головы на верхнюю жердь – пытались, похоже, определить, нельзя ли разрушить это препятствие... Но изгородь стояла прочно, и важенки, потыкавшись еще немного, зарысили к другой стороне острова, ища свободный проход на влекущий их тальниковый мыс.

Арсину доставляло какое-то особое удовольствие смотреть на них. И не только потому, что изгородь была сработана им на славу. У него было ощущение, будто он сам олень, сам бежит вместе с ними – так хорошо он понимал сейчас этих животных...

Наконец и стадо заметило Арсина, старавшегося все это время не двигаться. Олени стали, подняв головы, но поскольку человек не шевелился, они устремились прямо на него, проскочили совсем рядом, обдав его своим теплым дыханием.

– Хорта, Акар, хорта – лай, Акар, лай! – крикнул им вдогонку Арсин.

Верный Акар тут же зашелся в яростном лае. Он кидался на оленей, натягивал веревку, метался с места на место, пока не убедился, что животные стоят, никуда не движутся. Опять сбившись в кучу, оленухи какое-то время недоуменно разглядывали Акара, так похожего на волка, а потом вдруг все разом задрали ветвистые рога и помчались по кромке острова, почти у самых заберегов, обратно.

– Молодец, Акар, – сказал, подходя к нему, Арсин. – Молодец, семь мудрецов старины! – Он потрепал его по загривку. – И дальше так же служи. Молодец!

Довольный тем, как своевременно осуществил он свою задумку, а главное, радуясь, что безошибочно нашел единственно возможный выход, Арсин пригладил волосы на голове – будто сам себя похвалил.

Да, первую проверку изгородь выдержала неплохо. Хотя, конечно, и проверка-то была – так себе... А вот если животные, оголодав, всерьез начнут рваться на мыс... Нет, тут можно доверять только собственным глазам...

И опять он медленно шел вдоль изгороди, опять придирчиво осматривал каждый пролет, опять тряс что есть силы жерди, проверяя свой кораль на прочность. Кое-где он, решив перестраховаться, еще раз подвязывал концы жердей, кое-где добавлял еще по одной наверху, а кое-где и посредине и снизу, чтобы олени, если снег за это время сильно подтает, не смогли там подлезть.

Олени метались по острову в поисках корма. Звон бубенцов доносился до Арсина то слева, то справа, то с самого дальнего конца острова... Важенки, сбиваясь небольшими группками, двигались нескончаемой вереницей; бежали то быстро, то медленно, держались, чаще всего, кромки обрыва, подлетали к изгороди, недоуменно останавливались, подсовывались к береговой круче... Убедившись, что здесь им не пройти, они продолжали свой бег вдоль изгороди, то и дело останавливаясь, упираясь в жерди рогами или кладя на них свои головы. И вновь трусили вдоль жердяного заплота, вновь выбегали наконец на собаку. Акар же, хорошо усвоив, чего от него требует хозяин, свирепо облаивал их, становясь все злее, все яростнее; он не давал животным приблизиться к спасительному выходу. И им ничего не оставалось делать, как поворачивать назад. А спустя какое-то время все повторялось сначала...

Арсин подумал-подумал и перетащил нарту и рюкзак с продуктами поближе к тому месту, где был привязан пес; он оставил вещи у крайнего куста, где заканчивалась изгородь; тут и развел, расположившись наконец на отдых, костер.

Занятый неотложным, непривычным для него делом, он и не заметил, как быстро пролетел день. Солнце, подобно человеческому лицу, задернутому тесемкой малицы, еле проглядывало в мутном небе; оно уже цеплялось за отроги Полярного Урала, где клубились тяжелые облака, готовые к прыжку на южную сторону неба.

«Наверное, вот-вот запуржит, семь мудрецов старины, – подумал он, поглядывая на быстро темнеющий горизонт. – Вот-вот северная пурга сделается хозяином Земли и Неба...»

А порывы ветра уже почесывали голые прутья талов, звенящую сухую траву.

Теперь, когда олени были отрезаны от тальникового мыса, когда он отвел самую большую для стада опасность, Арсин понемногу успокоился, позволил себе расслабиться. Сидя на оленьей шкуре, брошенной на нарту, он с удовольствием пил небольшими глотками густой чай из своей походной кружки, закусывал закаменевшими сушками, прихватывая чайной ложкой густую рыбную варку.

За целый день, считай, у него и крошки во рту не было, и теперь он удивительно споро расправился с двухлитровым пузатым чайником, сходил за водой и снова поставил его на огонь. После чая по всему утомленному телу разлилась такая приятная теплота, что ему захотелось укутаться поплотнее в свою малицу и тут же, прямо на нарте, заснуть крепким сном. Но он встрепенулся, усилием воли отогнал эти липучие, словно мокрый снег, мысли и, заставив себя встать, пошел собирать сушняк для костра.

Все больше волновались олени, беспрестанно сновали теперь то в одиночку, то группами в поисках корма. Отвердевший за день наст не всегда выдерживал их тяжесть, и животные часто проваливались, больно царапая при этом бабки, и только это пока сдерживало их бег, мешало стаду превратиться в бесконечную, быстро перемещающуюся по острову живую массу.

По тому, с каким упорством возвращались к изгороди одни и те же олени, – он уже начал узнавать некоторых из них, – по тому, как упрямо простаивали они здесь, пробуя изгородь рогами, Арсин понял, что расчет его был верен: если что-то случится – стадо будет пытаться вырваться на свободу именно здесь. Пока что олени – прорвись они через изгородь – еще могли бы переправиться через неширокие забереги на лесную сторону. Но через день-другой такой возможности у них не будет – забереги разольются широко и мощно. К тому же начнется массовый отел, и вряд ли важенки с беспомощными оленятами сунутся в ледяную воду. А тем временем и Обь разольется, как море, затопит низкие берега, и ледоход начнется. Тогда стадо, конечно, не отважится на опасную переправу, хотя здоровым, кормленым оленям и весенняя бурная река не преграда...

«Вот эти два дня, семь мудрецов старины, мне и надо выиграть! – повторял себе Арсин, сидя у костра на нарте. Огонь он развел сильный – надо было обязательно подсушить обувь. – Нельзя пускать их на тальниковый мыс. Ни в коем случае нельзя». И Арсин решил, что совсем не будет спать эту ночь, станет караулить оленей.

Надев успевшие подсохнуть чижи (подопрели слегка за этот колготной день), он натянул сверху еще теплые от огня тоборы, в которые натолкал сухого пырея. Ногам сразу стало тепло, будто он погрузил их в таз с горячей водой.

«Вот это другое дело, семь мудрецов старины, – удовлетворенно подумал Арсин, шлепнув себя по коленям. – Теперь хоть ветер вой, хоть пурга мети...»

А пурга, к слову, уже действительно начала понемногу пробовать свою силу. Внезапно налетающие порывы ветра приносили с собой несущиеся со свистом снежные заряды. Но у костра, под прикрытием таловых кустов, было пока терпимо.

Ближе к ночи разыгралась редкая для этого времени года, невиданной силы вьюга. В одно мгновение все потонуло в воющей снежной круговерти. Бешеные свистящие порывы ветра, будто нарэпом-колотушкой, барабанили по ребрам тальниковых кустов, снежные заряды набрасывались, кажется, сразу со всех сторон – словно какие-то пришедшие в экстаз шаманы выплясывали свой буйный танец священным идолам Земли и Неба...

Олени, пережидая непогоду, совсем перестали подходить к изгороди, и Акар, оставшись без работы, притулился рядом с Арсином с подветренной стороны, хотя, помня службу, то и дело подергивал ушами, прислушиваясь к шорохам, даже привставал порой, но, удостоверившись, что никто не покушается на вверенную ему территорию, опять ложился у ног хозяина. Да и какое животное станет передвигаться в такую немыслимую пургу? Скорее всего, олени пережидали непогоду где-то в лесу, где потише, или улеглись в свои нарытые на ягельниках ямы...

Тем не менее Арсин продолжал свое дежурство. Уж кто-кто, а он, человек Севера, прекрасно знал, что олень едва ли не самое выносливое животное тайги и тундры, приспособленное к самым неожиданным капризам природы, а потому от стада можно ждать любого сюрприза...

Тальниковый куст спасал его плохо – порывы ветра пронизывали теплую малицу насквозь, и Арсин довольно быстро понял, что долго так не выдержит. В то же время и покинуть это место он не имел права: если стадо подастся вдруг сюда – вряд ли тогда в такой кромешной мгле Акар сможет удержать его в одиночку.

Прикинув, как быть, Арсин взял топор и направился к стоящим неподалеку и качающимся на ветру кустам тала, приказав собаке быть начеку.

Ветер чуть не свалил его с ног, пока он вырубил четыре длинных жердины. Арсин подтащил их к нарте, наполовину уже занесенной снегом, крепко связал концы и, воюя с ветром, установил жерди небольшим чумом. Пришлось сходить к кустам еще раз, нарубить тонких веток – ими он плотно обложил жерди и потом долго вырезал рядом со стоянкой плиты затвердевшего наста. Этими тяжелыми снежными глыбами он завалил жердяной остов, обтянул для прочности свой необычный чум куском оставшейся капроновой сети. Жилище получилось на славу, если не считать, что порывы ветра все же сотрясали его. Это, конечно, никуда не годилось – так все сооружение могло и рухнуть, и тогда пришлось бы Арсину начинать все сначала...

Он обошел вокруг своего снежного чума и раз и два, осторожно попробовал его на прочность. Наконец нашелся, что сделать. Навалил внутрь снежного шалаша сушняка, сходил к стоявшей неподалеку

молодой березке, надрал бересты и развел в чуме, где порывы ветра почти не ощущались, легко занявшийся костер. От жара снежные глыбы заблестели, закапали, начали проседать, теснее соединяясь друг с другом.

– Си! Все, семь мудрецов старины! – с удовлетворением сказал Арсин, затаптывая огонь. Он притронулся к спаявшимся снежным плитам. – Сейчас и сердце спокойно, и голове хорошо. Не свалится дом.

Вот теперь у него было настоящее укрытие – ледяной чум, которому не страшны ни снег, ни самые злые порывы ветра.

Он снял с нарты оленью шкуру, выколотил из нее снег и расстелил внутри чума.

– Хорошо! – похвалил он свою работу, забравшись внутрь и усаживаясь поудобнее. – Живи себе да живи! Хоть песни пой, хоть сказки сказывай!

Высунувшись по пояс, он дотянулся до нарты, до рюкзака с продуктами, внимательно посмотрел по сторонам. Поблизости, видно, не было ни одного оленя, иначе Акар бы не дремал, уткнувшись носом в лапы. Снова усевшись на шкуре, он подозвал пса ко входу – ему ведь тоже неуютно было на этом воющем и хохочущем ветру...

Арсин ободряюще потрепал Акара по загривку и достал из рюкзака пару сушек. Такой, по его подсчетам, полагался Акару пай из оставшегося на двоих скудного припаса.

Акар благодарно лизнул хозяина теплым языком в ладонь и только после этого принялся за сушки. Он грыз их осторожно, деликатно, подбирая самые малые крошки. Конечно же, пес не насытился угощением, а только раздразнил аппетит; он еще долго умильно смотрел на Арсина, но в конце концов поняв, что больше ему не перепадет ничего, улегся у ног хозяина, у самого входа в чум.

– Так, так, Акар, – сказал Арсин, словно пес и впрямь понимал его. – Теперь сторожи. Нельзя нам спать. Наготове будь. Как снаряженный капкан.

Акар, словно поняв его, заскулил, завилял своим упругим хвостом.

Воющий на тысячи волчьих голосов ветер продолжал буйствовать и утром. Хотя снег перестал, солнца по-прежнему не было – видно, нырнуло куда-то далеко и надолго в страхе перед вернувшейся зимой. За ночь снежный чум наполовину замело снегом, превратило в какое-то подобие медвежьей берлоги.

Арсин с трудом выбрался из своего убежища. Он так и не сомкнул глаз, к тому же в тесном чуме было не повернуться, и за всю ночь он лишь несколько раз менял позу – облокачивался о землю то одной, то другой рукой. Он чувствовал себя усталым, разбитым – надо было хоть немного размять кости, разогнать кровь. Наказав Акару сторожить, сам пошел вдоль изгороди. Выпавший за ночь снег удержался лишь в хорошо защищенных от ветра местах – ураган смел его начисто, наст сделался настолько крепким, что должен был, по расчетам Арсина, держать оленей надежно. Вот уж теперь-то они понесутся по острову, закрутят свою карусель... Но зато и ледяная корка стала не по оленьим копытам твердой, и до ягеля, если он даже еще и уцелел на острове, им не добраться. Важенкам оставался теперь только тонкостебельный хвощ, черневший по берегу озера, да мелкая жестяная осока на макушках многочисленных кочек.

Арсин понимал, что такой скудный корм вряд ли насытит животных, что вскоре они, несмотря на неслабеющий ветер, станут опять лихорадочно метаться по острову,

Он не ошибся: едва решил повернуть назад от обрывистой кромки острова, как навстречу ему, высоко задрав головы, вынеслась большая группа животных.

Не на шутку встревожившись, Арсин заторопился на помощь Акару. Когда он добрался до стоянки, пес уже рвался на своей привязи, усердно лая на остановившихся против него оленей. Завидев человека, важенки развернулись и потрусили к воде, которая, как обнаружил Арсин, резко поднявшись за ночь, намного сократила ширину охраняемой Акаром полосы; здесь они побежали, все убыстряя шаг, в глубину острова. Вслед за этой группой вскоре появилась другая, затем третья – все стадо опять пришло в движение. Так продолжалось, наверное, до полудня, когда олени наконец смирились со своей участью и, понемногу успокаиваясь, дружно взялись за низкий хвощ и мелкую осоку.

– Малость угомонились, семь мудрецов старины, – почесал в затылке Арсин. – Ладно, если этот корм хоть ненадолго удержит их...

Хотя он и не работал сегодня физически, не сделал и малой доли того, что наворочал вчера, но бессонные ночи и постоянное нервное напряжение – все сказывалось; он чувствовал, что все его тело наливается какой-то свинцовой тяжестью.

– Пора мне, пожалуй, и подкрепиться, – сказал он себе. – После некогда будет. Хотя и надо-то еще продержаться всего ничего. До ночи, ну хотя бы до вечера. А там река поможет. – Он скользнул взглядом по расширявшимся каждый час заберегам; вода поднималась на глазах, словно река, подобно сказочному великану, наполняла свою ненасытную утробу через семь огромных глоток...

Разведя костер, он еще раз сделал учет своим скудным припасам. От половины буханки осталась теперь четверть, пол-литровая банка с рыбной варкой опустошилась тоже наполовину. Он мог пока не ограничивать себя только в сахаре: в избушке у него был и сахар, и оставались от старых еще запасов две банки сгущенки. Он вскипятил чайник и, согревшись горячим чаем, подкрепился небольшим кусочком хлеба, пятью сухариками и парой ложек рыбной варки.

Верному Акару, как и вчера, кинул две сушки.

Немного повеселев, Арсин снова отправился в обход. Теперь картина на острове несколько изменилась: на открытом пространстве поймы, на берегах круглого озера увидел он сплошной лес рогов. Были тут и только что отелившиеся важенки – голов, наверное, пятьдесят. Оленята, еле поспевая за матерями, с трудом удерживали свои легонькие тельца на слабеньких ножках и, неуверенно переставляя их, скользили на твердом, как металл, насте, падали. Мать тут же возвращалась к детенышу, наклонялась над ним, подталкивала носом, давая, видимо, какой-то понятный только олененку сигнал; и вскоре малыш, напрягая, очевидно, все свои силенки, поднимался и опять следовал за матерью, не упуская случая приложиться к ее вымени.

Прикинув на глаз численность стада, Арсин понял, что здесь далеко не все олени, что он недосчитывается многих важенок, а среди них – и той, так памятной ему, белолобой.

Он было встревожился: наверное, где-то на другой стороне острова есть еще одно стадо... А потом, подумав, решил иное: «Ведь корма-то нигде больше нет, кроме как здесь. Видно, эти важенки, которых тут нет, сейчас как раз рожают детенышей. Может, уже облизывают их. Или в первый раз кормят...»

Он представил себе, как в этот самый момент белолобая олениха со всей нежностью, на которую способна лишь мать, вылизывает только что появившегося на белый свет младенца, и олененок, едва-едва расставшись с теплой материнской утробой, весь дрожит, оказавшись вдруг на таком адском ветру. Он представил себе, как новорожденный, следуя инстинкту, неуклюже пытается встать и, оказавшись на ногах, тут же, словно притягиваемый магнитом, начинает тыкаться матери в живот, находит полные животворящего молока соски, жадно приникает к ним. И мать, подарившая ему жизнь, щедро отдает малышу все, что только может ему отдать. И – о чудо! Едва появившийся на свет комочек живой плоти уже сделал первый шаг навстречу самостоятельной жизни. Теперь он не пропадет, теперь он всюду будет следовать за своей матерью...

Небогатый был у Арсина опыт, а все же он хорошо знал, как происходит весенний отел. Это едва ли не самый ответственный период в жизни оленеводов, едва ли не самый сложный в жизни стада, но особенно много значит он в судьбе только народившихся, еще беспомощных оленят. Бывают случаи, когда важенка, если ее что-то сильно напугало, уходит от теленка, не облизав его и не накормив. Если пастух вовремя не обнаружит такого сиротку – того ожидает скорая гибель. Или умрет с голоду, или попадет в зубы песцов и лисиц, которые во время отела всегда держатся вблизи стада. Зачастую устраивают пир около мертвых телят и хищные птицы – орлы, вороны...

Размышляя обо всем этом, Арсин уже знал, что он, конечно же, обязательно пройдется по всему острову, а особенно – по хвойному лесу, посмотрит, как идут дела у новых мамаш, окажет, если потребуется, необходимую помощь новорожденным... Бывает, что телята – а это случается чаще всего у ослабленных важенок – не могут самостоятельно встать на ноги, дотянуться до спасительных материнских сосков. А мать, хотя и не уходит от детеныша, дожидаясь, когда тот поднимется на ноги, ничем не может помочь своему малышу. Вот тут-то как раз и нужна заботливая рука пастуха. Ох как нужна. Он поможет теленку подняться и, поддерживая его, приложит к материнскому соску. А уж когда детеныш наелся – он, словно набравшись чудодейственной силы, уже сам прочно стоит на ножках. Бывает, хотя и редко, что пастуху приходится подбирать оставленных матерью телят, выкармливать из соски. Такой теленок так потом приручается к человеку, что даже не уходит далеко от чума. Авкой называют пастухи таких оленят.

Арсин решил, что пройдется по острову позднее, ночью или даже вечером, – пусть только вода вплотную подступит к костру, где он сейчас стоял и где заканчивалась изгородь. Тогда Акар вполне справится со своей задачей один. А если подъем воды будет продолжаться так же стремительно, к завтрашнему дню изгородь может вообще уже не понадобиться: важенки с неокрепшими оленятами уже не сунутся в разлившиеся широко забереги...

Оголодавшие олени были неспокойны, мешали друг другу пастись, то и дело можно было видеть, как то одна, то другая затевают драку, отталкивая рогами соседку от своего небогатого кормового участка.

Но как бы там ни было, а стадо пока остановилось на кормежку, и это немного успокоило Арсина. Он присел на нарту и снова почувствовал, как сильно устал за эти дни. Сон неодолимо накатывал на него, веки смежались сами собой, будто кто-то властно закрывал их, зашивал крепким лоном – ниткой из оленьей жилы...

«А что, если прикорнуть ненадолго? – смутно подумал он. – Что может случиться? Акар на месте... Еще целая ночь впереди, кто знает, может, опять спать не придется...

Стоило ему только допустить мысленно такую возможность, как сон тут же начал неумолимо затягивать его. Уже с трудом понимая, что делает, Арсин встал с нарты, добрался до своего снежного чума и, на ходу крикнув собаке: «Карауль!» – прилег под резкие посвисты незатихающего ветра на оленьей шкуре.

Ему снилось, будто он на пастбище, окарауливает темной осенней ночью стадо. Олени мирно пощипывают ягель, а он, закинув на плечо карабин, от нечего делать любуется звездным небом, тоже почему-то напоминающим ему бескрайнее пастбище. И вдруг звезды резко спускаются вниз, и теперь на него смотрят из-за лохматых насупившихся елей волчьи глаза. Он понимает: вот-вот накинутся хищники на замершее в страхе стадо. Тогда он стреляет в воздух и кричит своей собаке: «Хорта, хорта! Лай, лай!»

И тут действительно до его слуха доносится неистовый собачий брех. Во сне это или наяву?.. Сознание Арсина медленно выплывает из сонного небытия: да, кажется, и в самом деле лает собака... Какая собака? Его Акар? Он мгновенно все вспоминает и открывает глаза: уже вечерние сумерки, а верный пес заходится в лае, хрипит, словно кто-то душит его.

Окончательно проснувшись, Арсин стремительно выкинулся из своего тесного обиталища, как горностай из норы, и сразу же увидел неподалеку темную движущуюся массу. Это стадо, рвущееся на тальниковую, не обследованную еще оленями часть острова, забыв от голода страх, напирало на Акара. Пес, вдохновленный появлением хозяина, стал бросаться на животных еще злее, залаял еще остервенелее... С десяток самых смелых важенок уже вошли в воду, собираясь миновать охраняемый собакой участок.

Арсин вмиг сообразил, чем это может кончиться, и, схватив короткую тальниковую жердь, бросился, размахивая ею, к берегу. Стоявшие в воде важенки вначале никак не среагировали на его крики, и только когда он в сердцах кинул в них свою жердину, животные метнулись назад, выскочили из воды на берег.

Размахивая руками, словно крыльями, Арсин пошел на остальных оленей, отгоняя их от собаки. Стадо нехотя зашевелилось, но не побежало, как раньше, в обратную сторону, а медленно двинулось вдоль изгороди на противоположный обрывистый берег острова. И Арсин понял: сейчас он их отогнал, но пройдет совсем немного времени – и стадо вернется, снова будет напирать, вновь и вновь стремясь попасть на тальниковый мыс...

Он вернулся к стоянке, на ходу погладил пса за верную службу, потрепал за ушами и тут же достал из рюкзака исхудавший ситцевый мешочек с сушками, кинул псу сразу четыре штуки – в знак благодарности за особое усердие. Взглянув на одинокий месяц, он сообразил, что спал не меньше шести-семи часов. Сон освежил его – вновь возвращались к Арсину бодрость и силы.

Северный ветер задул еще резче, и снежные заряды, как и вчера, начали вновь, словно белым неводом, накрывать остров.

«Кой, семь мудрецов старины! – подумал Арсин. – И что это Вот Турам – Бог Ветров так разозлился?! Никак сердиться не перестанет. Наверное, на Сорок Овас Вот – на Сорок Северных Ветров повернул свое лицо. Кой! Коли так – не жди тогда хорошего...»

Нет, не помнил Арсин на своем веку такой весны... Хотя от отца слышал, что случалось в иные годы, когда северный ветер дул подряд сорок дней. Наверное, отсюда и пошло это название: Сорок Северных Ветров.

Пока пурга не разыгралась вовсю, он решил вскипятить чай. Костер развел на вчерашнем месте, за большим таловым кустом – здесь пока было сравнительно тихо. На сей раз ему пришлось довольствоваться осьмушкой буханки – половинкой оставшейся у него горбушки. Подсчитал сушки – их оказалось всего два десятка с небольшим.

«Совсем мало, – подумал он, взвешивая в руке маленький мешочек. – Рыбной варки хватит тоже только на раз. Вся надежда теперь на то, что кто-нибудь наконец приедет... Только бы лед скорее ушел... А если он задержится? Что тогда делать, семь мудрецов старины? Конечно, в крайнем случае можно какое-то время и без еды обойтись... Выживем, в партизанском отряде и не такое переносить приходилось...»

Ему вдруг припомнился случай, когда он вот так же, в весеннюю распутицу, возвращался с товарищем из разведки и они наткнулись на отряд карателей. Дело было к вечеру. Отстреливаясь, они отступили к большому болоту и, найдя в темноте на ощупь небольшой клочок сухой земли, поросший мелким кустарником, залегли там. Ночью немцы не стали искать их – побоялись, что ли, а с рассветом принялись обстреливать из автоматов все крупные кочки – видно, были уверены, что после такого свинцового шквала вряд ли что осталось на болоте живым, но все же расположились на всякий случай на сухом берегу на стоянку: а вдруг какой-нибудь партизан да объявится посреди

болота. Три дня стояли немцы на берегу, только на четвертый сняли наконец свою западню. И все эти три дня Арсин и его товарищ лежали, не двигаясь, в гнилой воде, без малой крошки во рту.

Вспомнив сейчас этот случай, Арсин подбодрил себя вслух:

– Ничего, семь мудрецов старины! Переживем. Руки-ноги целы, шевелиться еще могу... Не пропаду!.. – Но, поглядев на затянутую мглой северную сторону, не на шутку встревожился: – Смотри-ка, опять ветер начинает с ума сходить. Если завтра к вечеру не угомонится – трое суток дуть будет...

В верности этой старинной приметы Арсин убеждался уже не раз...

Ветер опять стучал по стволам талов, гнал проносившиеся с противным присвистом снежные заряды. Неуютно было на таком ветру даже в теплой надежной малице, так и тянуло нырнуть в снежный чум, но как пойдешь, если олени, будто и не замечая начавшейся вьюги, носятся и носятся вдоль ограды.

Животные, не один раз пробегавшие днем вдоль изгороди, не могли не заметить среди кочек на таловом мысу пучки прошлогодней травы. Успев уничтожить все, что могли, на этой стороне острова, они стремились во что бы то ни стало попасть на тальниковый мыс.

Тут была и еще одна причина. Сегодня Арсин видел, как некоторые важенки уже начинали, будто лоси, кормиться корой тала. Здесь, по эту сторону изгороди, были хвойные деревья, для еды непригодные, там, на той стороне, – сплошь тал, который олени с неохотой, но все же ели в самых крайних случаях. Стало быть, подошел этот самый крайний случай; вот почему и рвутся туда – там есть хоть какой-то корм...

Когда Арсин отправился в очередной свой обход вдоль изгороди, он обнаружил, что олени, занятые талом, уже не пугались его, как раньше. Они лишь ненадолго вскидывали головы и продолжали сгрызать кору с тех немногих кустов, что были по эту сторону кораля. Тем, которым не хватило и этого, оставалось только подойти к самой изгороди и обдирать кору с ее жердей...

«Да-а, – думал Арсин, возвращаясь на свою стоянку. – Неважное дело. Кора – не ягель и не трава. Ой, много ее им пережевать надо, чтобы утолить голод. Шибко много, семь мудрецов старины...»

Ему было жаль животных, сбившихся вдоль всей длины изгороди – коры, и той на всех не хватало. Не было среди них только стельных самок – видно, матери, беспокоясь за судьбу потомства, держались с малышами в хвойном лесу, хоть как-то защищавшем от пурги.

Занятые корой, олени больше не подходили уже к охраняемой полосе; ширина ее сузилась метров до пяти; хотя и стоял мороз, вода все прибывала и прибывала. Видимо, оленей уже можно было пускать на тальниковый мыс; если забереги успели так разлиться – вряд ли они смогут преодолеть это препятствие. И снова наказав псу стеречь, Арсин отправился на тальниковый мыс, чтобы увидеть забереги своими глазами.

«Коли олени уже не смогут переправиться на коренной берег – так зачем же их мучить-то?» – задавал он себе резонный вопрос.

Конечно, в такой снежной круговерти, да еще и на открытом продуваемом месте вряд ли можно было толком разглядеть что-нибудь, но Арсин не зря охотился на острове каждую весну: у него тут были свои приметы, свои ориентиры, по которым он мог сейчас безошибочно определить уровень воды.

Закрываясь рукавицей от слепящего колючего снега, Арсин медленно продвигался вперед по самой кромке острова. Он часто оскальзывался, падал, но, переждав боль, снова осторожно, чтобы не быть опять брошенным на крепкий ледяной наст, вставал и так, шаг за шагом, двигался к узкой оконечности острова. Когда он вышел наконец к той поросшей мелким тальником кромке, где начиналась Малая Обь, он уже совсем обессилел. Тяжело дыша, Арсин свалился на большую лиственничную корягу, лежавшую на этом месте, как помнилось ему, не один десяток лет.

Вот где пурге было раздолье! Северный ветер хохотал, словно дикий сказочный Менг-великан, готовый кинуться на все живое, цепко впиться в него и умчать в свой лесной чум. Снежные заряды стегали по лицу, будто еловые лапы.

Ухватившись за толстые корни коряги, отдышавшись немного, Арсин наконец смог встать на ноги. Хотя вокруг все кружилось и вертелось, он все же разглядел снежную мутную мглу: вода стоит у коряги почти вплотную.

«О, семь мудрецов старины! – обрадовался он. – В самый раз поднялась. Шибко хорошо. Теперь-то уж точно не полезут олешки в воду, испугаются».

Он не мог сейчас видеть противоположного края воды, но зато знал по предыдущим годам, что разлилась она уже широко.

На всякий случай Арсин решил все же убедиться, что глаза его не обманывают, что вода здесь, рядом, и, скользя по насту, прополз вперед метров десять. Скованная морозом снежно-ледяная масса дышала под

ним, ходила ходуном. С трудом пробив рукой твердую корку, он услышал, как внизу сразу забулькало, заплескалось. Теперь уже не оставалось сомнений: вода поднялась так высоко, что важенки с телятами ни за что в нее не сунутся. Если, конечно, их не погонит туда какая-нибудь смертельная опасность...

Арсин засеменил назад, к стоянке, чтобы с ходу, разрубив веревки, сделать проходы в ставшей теперь ненужной изгороди.

И тут же стадо, как косяк рыбы, задержанный насильно заплотом, неудержимо хлынуло на тальниковый мыс.

Арсин с Акаром не мешали оленям, смотрели на них с подветренной стороны раскидистого талового куста.

Увидев, что важенки тут же принялись драть кору с тонкоствольных талов, и совсем теперь успокоившись, Арсин прорубил проходы еще в нескольких местах, а потом направился к стоянке, чтобы погрузить на нарту весь свой скарб. Все, здесь ему теперь делать было нечего. Взяв на всякий случай Акара на поводок – чтобы не пугал зря только что отелившихся важенок (Арсин был уверен, что таких еще много в хвойном лесу), он двинулся в сторону избушки.

Порывы ветра подхватывали легко нагруженную нарту, то заносили ее в сторону, то гнали вперед, да так, что она обгоняла хозяина. И только когда начался хвойный лес, он сразу же почувствовал, насколько здесь слабее ветер. Время от времени ему встречались нарытые, видимо, загодя под прикрытием елей и кедров снежные ямы, в которых важенки укрывались со своими телятами. При его приближении олениха тут же вскакивала, вслед за ней начинал неуклюже подниматься и малыш, норовя приложиться к материнскому вымени; были и такие, что лежали в своих ямах пока в одиночку – этим, наверное, предстояло вот-вот отелиться.

До избушки было уже недалеко, когда Арсин, проходя подле чахлого низкого кедра, едва не наступил на лежавшую чуть не на самой его дороге важенку. Акар – очевидно от неожиданности – заскулил, затявкал, резко дергая поводок, и перепуганная важенка, стремглав покинув свою яму, потрусила по насту в направлении крутого обрыва, время от времени тревожно поглядывая назад. Наконец она совсем замедлила ход и стала, теперь уже неотрывно глядя в их с Акаром сторону. Так и прошел бы Арсин мимо, даже не заглянув в яму, – решил уже, что важенка еще не отелилась, как вдруг Акар заскулил и сильно потянул его назад. Арсин нехотя вернулся, не понимая, из-за чего волнуется пес. Яма была просторной, видно, важенка давно уже топталась здесь; нагнувшись, он увидел внизу, среди обнажившихся из-под снега кустов багульника, небольшой темный комочек. Его можно было бы принять и за пень, замшелую корягу, но Акар так скулил, так рвался к этому комочку, что Арсин понял – это лежит либо мертвый, либо вконец обессилевший олененок.

Арсин привязал Акара к ножке нарты и, присев над крохотным неподвижным существом, бережно провел рукой по его головке. Олененок едва приподнял ее и тут же уронил бессильно. Он весь дрожал от холода, и Арсину стало ясно: еще немного, и едва народившаяся эта жизнь угаснет навсегда. Скорее всего, этот слабенький детеныш появился на свет дня два назад; важенка, конечно, облизывала его все это время, но он никак не мог подняться на ноги, никак не мог дотянуться до вымени и потому был обречен. Не заметь его сейчас Арсин – и все бы кончилось сегодняшней ночью...

Арсин попытался осторожно поставить его, но неокрепшие ножки подкашивались, подобно слабым соломенным стебелькам.

Пастухи в таких случаях обычно отлавливают важенку-мать, приводят ее к теленку и насильно прикладывают малыша к вымени; и бывало, не раз бывало, что слабый олененок чуть ли не сразу после этого, словно после живой воды, начинал жить самостоятельно, а вскоре уже мог и следовать за матерью.

Арсин огляделся, ища мамашу глазами. Важенка отбежала довольно далеко, и поймать ее можно было только арканом. Но вот аркана-то у него как раз и не было. Да и времени на это, если бы даже он нашелся – тоже не было. Жизнь олененка висела на волоске: ему нужно было немедленно, прямо сейчас дать тепло и еду. Не раздумывая, Арсин снял притороченную к нарте оленью шкуру и завернул в нее, как в тулуп, беспомощного малыша. Идти стало труднее. Перекинув лямку через правое плечо, он взял олененка на руки и медленно, чтобы не упасть, понес к избушке. Важенка-мать проводила их жалобным взглядом, но за Арсином она не пошла, остерегаясь, наверное, похожей на волка собаки.

Дверь в избушке за эти дни чуть ли не до середины замело снегом, а сама она походила теперь на бредущего в сугробах огромного медведя. Арсину пришлось положить шкуру на нарты и быстро отгрести от двери затвердевший наст. Затем он внес олененка в дом. В печке уже загодя заготовлены были, как полагается, сухие дрова, береста для растопки, поэтому разжечь огонь было для него делом одной минуты.

Дрова тут же занялись, изба наполнилась треском и шумом, по ней быстро начало расходиться тепло. Вслушиваясь в гудение огня в печи, в завывания вьюги на улице, Арсин запалил керосиновую лампу и, торопясь, развернул шкуру. От тепла олененок оживал прямо на глазах: вытягивал одну ножку, потом другую, облизываясь, беспокойно вертел головкой, словно что-то ища...

– Фу, старая башка! Фу, семь мудрецов старины! – выругал себя Арсин. – Совсем ума лишился, словно от мозгов трухи – и той не осталось. Что же я стою-то? Его ведь кормить надо. Вон как еды просит... – Он поднес к мордочке руку, и олененок тут же с жадностью схватил губами его указательный палец.

– Проголодался! – смущенно закряхтел Арсин, ласково поглаживая малыша. – Ну, ничего, сейчас, потерпи чуток...

Как хорошо, что у него остались эти две банки сгущенного молока! Он тут же взял с полки одну, вскрыл ее. Хотел сначала накапать на палец и дать, но тут же сообразил: вряд ли олененок сможет есть такую густую сладкую массу; Арсин схватил эмалированную кастрюлю, набив ее до краев льдистым снегом, поставил на горячую уже печку. Потом опять вышел на улицу – принес охапку таловых сухих дров, сразу же подкинул в печь. Новая чугунная печурка уже нагрелась до красноты, в избушке невозможно было сидеть в малице; Арсин с удовольствием скинул ее, бросил на нары.

Как только вода в кастрюле закипела, он распустил в ней две столовые ложки сгущенки и как следует перемешал, а потом, чтобы пойло побыстрее остыло, выскочил, как был, раздетый, на улицу, поставил кастрюлю в снег и, подождав немного, понес обратно в избушку.

Олененок по-прежнему вяло сучил ножками и все искал, искал вымя.

– Терпишь? – сказал Арсин и сунул в кастрюлю палец. Молочная жидкость была чуть тепленькой.

– Ну, давай, – улыбаясь, поощрил Арсин и, наклонив кастрюлю, поднес ее к мордочке. Но олененок только зафыркал, замотал головой, заперхал. Арсин огорченно вздохнул, попробовал еще раз – получилось то же самое. Тогда он взял столовую ложку и, зачерпнув ею совсем чуть-чуть, сунул между губами олененка. Тот, видно почувствовав на языке сладкую жидкость, распробовав ее вкус, вдруг с жадностью начал лакать язычком. И пошло у них дело – любо-дорого; Арсин только успевал подносить ложку.

– Ну вот, – приговаривал он, – видишь, какую мы тебе мамку сообразили!

Поразмыслив, он добавил в кастрюлю еще одну ложку сгущенного молока – чтоб получилось питательнее. Олененок заработал язычком еще энергичней. Войдя во вкус, разок даже попробовал лакать прямо из кастрюли, но из этого у него опять ничего не вышло – больше попадало на пол, чем в рот. Арсин был счастлив, как маленький, – как же, ведь это он научил олененка есть, теперь можно не беспокоиться – не пропадет живая тварь.

Совсем уже оживший малыш облизывал губы, крутил головой, даже хоркал тихонько – видимо, просил еще, но Арсин решительно поставил кастрюлю на полку: если перекормишь – тоже плохо будет.

Он снял его вместе с оленьей шкурой с нар и положил на пол неподалеку от печки.

– Подкормился – теперь отдохни малость, – улыбаясь, разговаривал с детенышем Арсин. – Поспи, наберись сил. Потом и мамку твою найдем. А покамест и нам с Акаром подкрепиться надо. Да! – Вдруг хлопнул он себя по лбу. – А Буран-то! Вот старый дурень – совсем о Буране забыл. Он ведь сколько уж времени один тут, в голоде, в холоде – заскучал, наверное. – И тут до него донеслось громкое ржание мерина – словно услышав его мысли, трудяга Буран сам о себе напомнил.

Арсин, на ходу влезая в малицу, заторопился к Бурану. Тот понуро стоял там, где он его привязал два дня назад, за толстой березой. Еще на бегу Арсин увидел, что конь давно уже подобрал все сено, которое было ему оставлено, изгрыз вокруг себя снег, пытаясь хоть как-то утолить голод и жажду.

– Ну-ну, не сердись, старый мудрец, – потрепал он Бурана по холке. – Не смотри на меня так сердито. Понимаешь, никак не мог прийти раньше, дела важные были. Ну, не сердись, не сердись, Буран.

Он оправдывался так виновато, будто конь и впрямь понимал его.

Он подскреб сено, что еще оставалось в кошелке, и положил перед мерином. Буран с жадностью набросился на долгожданный корм, а Арсин тем временем старательно стер с его хребта, со впавших боков снежную пыль. Довольный, постоял рядом, слушая, как хрупает конь сеном, потом спохватился – забыл еще об одном важном деле! Он забежал в избушку, взял ведро и затрусил к вилявшей рядом протоке, которую уже вовсе заливала вода. Буран пил большими глотками, издавая от наслаждения какие-то звуки; холодные капли срывались с его губ, звонко падали в ведро...

Ну, кажется, все. Теперь он мог поесть и сам. Позволил себе проглотить две чайные ложки рыбной варки и половину оставшегося кусочка хлеба. Псу на сей раз перепала всего одна сушка.

Медленно гоняя во рту жеваный хлеб, не спеша его глотать, чтобы оставалось хоть какое-то ощущение сытости, Арсин смотрел на принесенного им олененка. Тот, разомлев от тепла, вольготно раскинулся на шкуре – крепко спал, набираясь сил.

И еще раз сходил Арсин на улицу – на этот раз за охапкой сырых березовых поленьев. Сейчас, когда печь раскалилась, и сырые должны были пойти за милую душу, да еще и выгода была от них: дольше гореть будут...

– Си! Все! – сказал он удовлетворенно, подсаживаясь поближе к печке. Теперь можно и покурить, и поговорить с веселым огнем. – Хорошо гори, дочь солнца! Много тепла дай, – негромко, будто заклинание, произносил Арсин. – Мои старческие бока не забудь разогреть. Хочу после хлопот немного в тепле поспать.

На нарах у него была припасена и еще одна оленья шкура. Разостлав ее, Арсин улегся. Он думал, что уснет сразу, едва лишь доберется до лежанки. Но сон, как ни странно – то ли от перенапряжения, то ли от выпитого крепкого чая, – никак не хотел к нему идти. А может, виной тому было воспоминание о далеком уже времени, которое смутно сегодня шевельнулось в душе, когда он увидел в яме крохотного, погибающего олененка. Воспоминания были связаны с той его первой, после возвращения с фронта, весновкой, когда он узнал о замужестве своей любимой Таясь...

Он тогда на другой же день покинул дом, убежал подальше от людских глаз, – в эту вот бревенчатую избушку.

...Недели две прошло, как Арсин сидел на острове со своей тогдашней лайкой Налтув. Он, конечно, припозднился, хоть и не по своей вине: охотничий сезон на полевую пушнину уже прошел, так что он успел взять на капканы всего лишь одну лису да двух чернохвостых горностаев. Надо было возвращаться в селенье, а он не в силах был ничего с собой поделать – не мог Арсин опять оказаться дома, жить рядом, зная, что она замужем за другим; никак не могло согласиться с этим его сердце...

У него вышли за эти две недели припасы, и питался он теперь одними куропатками, которых во множестве ловил петлями по берегам тальниковой протоки. Куропатки да хлеб, который он экономил. Потом кончился и хлеб, и Арсин, прихватив легкую нарту, сбегал на лыжах в селенье Шурышкары, сдал там в рыбкооп свои небогатые трофеи и купил на вырученные деньги продуктов. Теперь он мог, не думая ни о чем, жить в избушке до ледохода, а там будет видно – во всяком случае, всегда можно добраться по открытой воде до родного Поравата.

Ох как мучился, как терзался в ту весеннюю пору Арсин! Если бы деревья могли поведать, чего стоили ему эти дни, ночи! Если бы они могли передать хоть капельку того горя, которое заставляло его то беспрестанно ходить взад-вперед с опущенной головой, то носиться по острову, подобно взбесившемуся зверю... Если бы заговорили стены избушки о том, что они видели и слышали, если бы могли рассказать, как он страдал, как молил хранителя избушки – Священного Орла – помочь ему решить, что делать дальше, подсказать – стоит ли жить без Таясь, его единственной Большой Любви, его так нелепо потерянного счастья... Да если бы они даже заговорили, стены, у них не нашлось бы таких слов, которые могли бы передать его любовь и его безмерное горе!

Он теперь вовсе не спал ночами, перебирая в памяти незабываемые часы и минуты, проведенные вместе с ней на острове. Десятки раз подходил к раскидистому кедру, на стволе которого были вырезаны буквы «Т» и «А» – свидетельство их клятвы...

Как раз к дереву клятвы шел он в тот вечер, когда все это и произошло...

Вот так же, как и сегодня, вовсю мела метель, завывал волчьей стаей ветер, хлестал в лицо снег, но Арсин, вконец измученный невыносимой тоской, шел через остров, снова и снова вспоминая Таясь и все, что у них было. Стоял мороз, а он брел, откинув капюшон малицы – так легче было его истерзанному безысходностью мозгу. Он припал к стволу кедра, зашептал непослушными иззябшими губами:

– О священное дерево! Почему ты не помогло мне? Почему не смогло сберечь Таясь от злой судьбы? Ты же было свидетелем нашей клятвы в вечной любви. Ведь кора твоя до сих пор хранит свидетельство той клятвы... Так почему же ты не спасло нас от вечной разлуки?! Почему, почему, почему?!

Арсину казалось, что завывающая пурга подхватывает его горькие слова, забрасывает их на своих мощных крыльях за сто речных мысов, и уже оттуда доносится, перекрывая стозевое горло вьюги, раскатистое эхо: «Почему, по-чему, по-чем-му...»

Арсин словно впал в какое-то исступленное забытье. Он все задавал и задавал себе в тот пуржистый вечер эти бесчисленные «почему?». И если не к смерти, то к помешательству был близок тогда... Бесилась пурга, заливалась хохотом, как тысячи прожорливых чаек-халеев в радостной пляске над богатой добычей. А он впал в оцепенение, готовый замерзнуть здесь, под этим могучим кедром...

Невесть сколько длилось это его омертвение; вернул к действительности лай Налтува; собака тявкала, жалобно скулила, лизала горячим языком лицо и снова лаяла, пытаясь что-то объяснить хозяину, сидящему неподвижно под деревом.

Арсин усилием воли приподнял голову, погладил пса по спине.

– Что, друг? И ты меня жалеешь? Даже ты...

Но Налтув не дал ему договорить – опять громко залаял, подрагивая от нервного возбуждения хвостом и неотрывно глядя в сторону склоненной к земле ели, едва маячившей в мутной мгле.

«Зверь, что ли, какой поблизости? – начал приходить в себя Арсин. – Интересно, кто бы это мог быть? Росомаха? Волк? Олень?»

Налтув вдруг сорвался с места, полетел к косой ели, исчез за ней, тявкнул раз, другой, опять прибежал к Арсину, готовый тут же мчаться обратно. Всем своим видом пес показывал, что приглашает хозяина туда, где только что побывал сам. Ничего не понимая, Арсин, оставив свободным одно ухо, натянул капюшон на застывшую голову, прислушался. Ничего, кроме воя пурги. И вдруг между порывами ветра до слуха его донесся не то стон, не то какой-то слабый, едва различимый зов: «Э-э-эй! Аа-ыын... И-ин!»

«Человек?! Но откуда он мог взяться? Здесь, в такую погоду?! Заблудился кто-то?..» – Арсин тотчас вскочил на ноги.

Скинув остатки оцепенения, Арсин поспешил к наклоненной ели, на помощь человеку, взывающему о спасении. Еще не добежав до места, он различил за толстым стволом фигуру человека, Арсин приблизился, человек лежал ничком, не подавая признаков жизни. Он был в женской ягушке, в платке... Сердце Арсина дрогнуло от мгновенно переменившей весь мир догадки. «Неужели она? – лихорадочно зашептал он. – Неужели Таясь?!»

И тут же эту его догадку погасило сомнение: «Нет, этого не может быть. Она замужняя женщина, что ей делать в такую пургу... Таясь сейчас дома, с мужем... Тем более – тяжелая она...» Он наклонился к женщине, чтобы помочь ей подняться; она вдруг слабо шевельнулась и снова, из последних сил, прокричала страшным каким-то шепотом: «А-а-ар-син, где-е ты... По-мо-ги...»

Он с трудом поднял Таясь на ноги, но она обессилела уже настолько, что сама совсем не могла двигаться; она только нашарила его руку, слабо пожала ее окоченевшими пальцами и опять повисла на нем всей тяжестью. Арсин не видел лица – оно было, как положено обычаями, закрыто платком, но теперь он и так знал, что это его Таясь, первая и единственная Большая его Любовь.

– Таясь! – прокричал он, пытаясь вернуть ее в сознание. – Что с тобой, Таясь?..

В ответ она лишь слабо застонала и опять прошептала надрывно: «А-а-рси-ин!»

Осторожно поправив на ней платок, он смел с него снег, бережно провел пальцами по ее замерзшему лицу и так же бережно поцеловал в ледяную щеку.

Она вдруг открыла глаза и, видимо, приходя в себя, прошептала, еле переводя дыхание:

– Здесь плохо, Арсин. Холодно. В избушку надо...

– Да, да, я сейчас, Таясь, сейчас. Потерпи чуток, сейчас мы с тобой пойдем в избушку...

Он опять попробовал поставить ее на ноги, но они – от чрезмерной усталости, от лютого холода – совсем не держали ее.

– Ты погоди, Арсин, – тяжело дыша, прошептала она. – Я немного передохну... с силами соберусь... и пойдем. – И вдруг со стоном схватилась за живот.

Только теперь совсем не искушенному в этих делах Арсину стало ясно, почему Таясь не держат ноги; у нее начинались роды. Он растерялся от этого неожиданного открытия, даже поглядел куда-то в сторону, туда, где за могучей рекой было родное селение, – словно кто-то мог дать ему оттуда совет.

– Сейчас, Таясь, сейчас, – беспрестанно бормотал он. – Сейчас я тебе помогу... – А сам не знал даже, за что взяться, с чего начать...

Но заминка продолжалась недолго, – к счастью, Арсин вдруг обрел ясный разум и, вспомнив о своей охотничьей нарте, побежал за ней.

– Погоди, Таясь, ладно? Чуток погоди – я только за нартой сбегаю. Я мигом. – И помчался к избушке.

Устроив Таясь на крохотной нарточке, Арсин повез ее к домику; он спешил, помня о том, что вот-вот может начаться таинство рождения новой жизни; однако Таясь почти не могла держаться сама, и ему приходилось идти медленно, осторожно. Но, слава Богу, ничего с ней не произошло, пока они добирались до зимовья. Он усадил ее на нары, помог развязать шнурки на полах ягушки. Здесь, в тепле, она пришла в себя и первым делом попросила, чтобы он придумал для нее какое-нибудь сиденье – пониже, чем нары.

Сначала он хотел было усадить ее на чурбак, которым не раз и сам пользовался, но почему-то решил, что чурбак будет для нее слишком груб; и тут его осенило: он поставил рядом с ней низенький столик, на котором обычно ел. Хватаясь за живот и едва сдерживая все чаще вырывающиеся стоны, она с помощью Арсина медленно сползла с нар и почти рухнула на столик.

– Теперь все... – тяжело дыша, сказала она. – Не мешай... Подальше отойди...

В полумраке избы Арсин не мог видеть как следует ее лица, искаженного страданием. Не зная, чем еще помочь ей, он постоял в нерешительности, – вроде бы Таясь гнала его, но как же он может оставить ее в такой момент? Ему вдруг показалось, что в избушке стало прохладно. Он кинулся к железной печке, подкинул на догорающие головешки сухих дров; он сидел на корточках у открытой дверцы до тех пор, пока они не разгорелись, наполняя избушку ровным веселым шумом. Вдруг Арсин услышал за спиной долгий, надрывный стон, от которого ему стало страшно. В испуге обернувшись, он увидел, как Таясь, кусая губы, мыча что-то от боли, пытается, корчась, освободиться от своей ягушки. Он кинулся, чтобы помочь ей, но не сделал и шага, как она, стыдливо отворачиваясь от него, простонала: «Уйди, Ар-си-ин... На улицу... ох... выйди!..»

Она сказала это так, что он не мог не подчиниться; пятясь задом, Арсин безропотно вышел, тщательно прикрыл за собой дощатую дверь.

Искаженное мукой ее лицо так и стояло перед глазами. Не видя ничего, он запнулся о нарту, оставленную у самого порога. Это возвращение к действительности было таким неожиданным, что он в сердцах пнул нарточку ногой, откинул ее подальше. Утирая вспотевшее лицо, сел на выложенную у стены невысокую поленницу.

Возбуждение было так сильно, что все внутри у него дрожало. Трясущимися пальцами Арсин вытащил кисет, набил трубку махрой. Но затянуться так и не успел, – полный нечеловеческого страдания крик донесся вдруг из избушки, казалось, в этом крике мгновенно растворилось все остальное: хохочущая пурга, и словно качающийся на ее пружинистых крыльях остров, и затянутое серой мглой мутное небо, и сам Арсин...

Потом разум властно толкнул его: иди же, иди на помощь; он встал, чтобы бежать к ней, несмотря на запрет, но тут словно придавила его к земле внезапная тишина в избушке. Ни звука теперь не доносилось оттуда...

Арсину эти минуты страха, растерянности, душевных терзаний показались бесконечными; никогда в жизни не уставал он так – ни тогда, когда охотился, ни когда лежал под пулями на фронте. А самое страшное – он не знал, чем помочь так мучающейся за бревенчатой стеной женщине, и от этого чуть не сходил с ума, беспрестанно шепча про себя: «Кур Или-Ики! Идол Жизни! Помоги ей! Патлам Хот Ангки! Мать Темного Дома! Облегчи страдания Таясь! Помоги ей!..»

И идолы словно и впрямь вняли молитве: Арсин услышал ее слабый голос:

– Арсин, где ты... Зайди в дом, помоги...

Осторожно, чтобы не выстудить избушку, он боком протиснулся в дверь и сразу увидел Таясь, держащую в руках что-то крохотное, неподвижное...

– Ножик возьми, – сказала она измученным шепотом. – Перережь пуповину... Ох, скорее же, Арсин... тяжело мне...

Арсин нерешительно вытащил из чехла, висевшего на поясе, нож, робко подошел к ней... Что резать, как резать?..

– Режь! – настойчиво сказала она, показывая на зажатую в пальцах пуповину.

Его замутило – все-таки это было живое человеческое тело, ее тело, – как же он будет резать?! Но она вдруг тяжко охнула, и он, поверив, что так надо, что это принесет ей облегчение, сжал покрепче рукоять ножа...

– Держи, – едва слышно выдохнула она, передавая ему неподвижное тельце. – Сын твой. Кажется, мертвый... Не дышит... – И Таясь, закрыв глаза, бессильно привалилась спиной к нарам. Черты ее лица заострились, застыли – казалось, она и сама уже не жива. И только слезы горя, катившиеся по ее запавшим щекам, подтверждали, что жизнь не ушла из нее совсем, а только замерла где-то в глубинах ее существа...

Арсин, держа в руках крохотное тельце сына, появившегося на свет раньше положенного времени, и сам вдруг словно закаменел от внезапно обрушившегося на него горя. Уставившись на своего родового идола – Священного Орла, – он исступленно шептал:

– Опаль Аси! Всевышний Отец! За что ты воткнул такой острый нож в мое сердце... За что?..

Но идол молчал, и тогда Арсин, посмотрев на уснувшую с выражением смертной муки Таясь, медленно пошел в противоположный от нар угол, положил мертвого младенца на широкую доску, служившую ему для разделки рыбы...

Беспредельно уставший, опустошенный, словно навсегда кончилась сегодня и его собственная жизнь, Арсин бесцельно вышел на улицу в ошалело свистящую пургу и долго бродил вокруг избушки...

Когда он вернулся, то понял, что Таясь, видно, приходила за это время в себя – ребенок был накрыт ее платком, а сама она лежала на нарах, укутанная в ягушку. Стараясь быть бесшумным, как тень, он подтопил печь и, согревшись немного, опять вышел из домика – теперь он знал, что должен делать. Он собрал доски, которых много было рядом с избушкой, и сколотил крохотный гробик, куда и положил затем мертвое тельце.

Теперь ему оставалось только ждать. Он сидел на своем чурбаке, низко опустив голову. Он не спал, не уснул бы, если даже и захотел. Он сидел, думал... и терпеливо ждал, когда проснется Таясь.

Очнулась она только к полудню. Пурга с утра поутихла, постепенно развиднелось, и вдруг яркий солнечный свет заполнил весь дом.

Встретившись с Арсином глазами, Таясь отвернулась, пряча лицо, слезы опять покатились по щекам. Он взял ее за руку – рука была горячей, и это насторожило Арсина. Он приложил ладонь ко лбу – лоб горел, как раскаленное железо.

Он дал ей воды, и Таясь выпила, стуча зубами о край кружки. И вдруг сказала, глядя на него пронзительным сухим взглядом:

– Видишь, Арсин, к тебе пришла. – Она откинулась на изголовье, покусывая тонкие губы. – Не выгонишь меня, Арсин?

– Да что ты, Таясь? – Он крепко сжал ее руку. – Зачем ты мне сердце режешь?

– Спасибо, Арсин. Только, может, ты не понял – я насовсем пришла...

Он лишь еще сильнее сжал ее руку. Таясь провела ладонью по мокрым щекам и вздохнула:

– Спасибо тебе, Арсин. Мне ведь больше идти не к кому... – Говорила она с трудом, то и дело облизывая сохнущие губы. – Домой идти, к родителям? Позора бы не выдержала... Ты не думай, Арсин, что навязываюсь. Скажешь «нет» – сейчас же уйду. Соберусь... – и чуть приподнялась, готовая и в самом деле тотчас уйти. – Ты что, Таясь? – Он силой уложил ее на место.

– Никуда тебя не пущу!..

– Спасибо, Арсин, – сказала она еще раз, и вдруг у нее судорожно заходили ключицы, она вырвала руку, закрыла лицо.

Он успокаивал ее, как мог, принес горячего сладкого чаю, но она оттолкнула кружку; лихорадочно блестя глазами, заторопилась с рассказом, чтобы он сразу узнал все...

– Ты вернулся – ревность в Юхуре заиграла. Придираться стал по пустякам, мучить. Я долго терпела. Как мертвая рыба молчала. Только молчание его еще сильнее злило – видно, решил мне сполна за все отомстить... С женщиной другой погулять решил... Нашел себе... Знаешь Еквош, молодую жену многооленного старика Лозара? Уедет Лозар по дрова – Юхур сразу к ней. Отправится Лозар петли на куропаток осматривать – опять к ней. Никого не стеснялся. Мне бы наплевать, да люди в глаза говорить начали. Я терпела, терпела... Потом думаю: поговорю с ними сама... Позору-то сколько... Уехал Лозар на оленьей упряжке, а я вечером к нему в дом. Еквош даже двери закрыть на засов забыла от радости... – Таясь замолчала, положив вдруг руку на грудь, на сердце. – Я и рта раскрыть не успела... Как увидел меня Юхур... О, как же он оскорблял... самыми последними словами ругал. Что ты, мол, бегаешь, меня караулишь? Нажила позорно ребенка до замужества – так сиди, мол, и молчи, тише камня на дне реки должна быть! Мне бы, может, и смириться, промолчать – прав он... Да тут я вспомнила, что ты вернулся... Не люблю его, терпеть не могу, а он, оказывается, право имеет кричать... Какое право? Ну, сказала я ему что-то дерзкое... Уж и не помню, что сказала, а он, видно, только того и ждал: по щекам меня, за волосы... На улицу выволок и там, на глазах у всего селенья, бьет и кричит: «Мана, посар! Уходи, гулящая! Уходи с моих глаз! Иди к своему посару! Небось ждет тебя не дождется!..» Вот так, Арсин, все и произошло, – закончила она, пристальным, требующим чего-то взглядом посмотрев на него. – Ну вырвалась я от Юхура, бегу и плачу... А куда бежать-то? Домой? Домой, конечно, не пошла. Добрела до подруги своей Уят Нэ – помнишь ее, она тоже из наших мест, замуж сюда вышла. Хотела сначала у нее переночевать. А потом думаю: все равно теперь пропадать, так хоть увижу его напоследок... Встала ночью на лыжи и пошла.

– Господи, да как же ты решилась, Таясь! В такую даль да еще в пургу... Сама на сносях!

– Я ведь к тебе шла, Арсин, – мягко сказала она. – Что мне пурга... Ветер вначале помогал даже – поддувал сзади. Чего там, думала, и идти-то – километров двадцать пять, если напрямую... А от Пароходного мыса тяжело стало – место чистое, ветер навстречу. Умру, думаю, и ладно – все равно никому не нужна... Ребеночек вот только... – Она замолчала, и слезы снова хлынули из ее глаз. – Хотела до нашего дерева

клятвы добраться, до кедра раскидистого. А добралась кое-как всего лишь до той ели. Упала – и все, не могу больше встать. Арсин, ох Арсин! Ты хоть веришь мне?..

– Как же мне тебе не верить, Таясь! Любимая моя, дорогая. – Он целовал ее в соленые глаза, в мокрые от слез губы. – Никому тебя не отдам, – шептал он. – От злого слова защищу. Любую беду отведу. Никому не отдам...

...Ребенка он похоронил за домом, у толстой березы на высоком бугре, куда и в самое большое половодье не доходила вода.

А Таясь надолго слегла тогда после преждевременных родов. Горела несколько дней как в огне. Пришлось Арсину вспомнить все, чему учил его когда-то на охоте отец. Заваривал он густой чай из березовой чаги и листьев черной смородины, кормил ее вареньем из плодов шиповника, собранных летом, поил медвежьей желчью, давал медвежий жир, – все это они с отцом хранили в избушке на всякий непредвиденный случай...

Был момент, когда он собрался, пока не начался ледоход, отвезти ее на нарточке до селения Шурышкары, где имелся фельдшерский пункт, но Таясь воспротивилась, ни за что не хотела с ним расставаться. Ну, а потом болезнь, к счастью, пошла на спад. Уже прилетели к этому времени утки и словно взяли болезнь на свои крылья, унесли куда-то.

Арсин, отличный стрелок, носил ей теперь разную дичь: и длинношеих шилохвостей, и крикливых свиязей, и красивых соксунов, и чирков, и, конечно, турухтанов, мясо которых особенно нежно и вкусно. И эта свежая дичина быстро поднимала Таясь на ноги. А с разливом воды на протоках появилась у них на столе душистая уха из карася и зимовавших в живунах щекуров и нежной нельмы. К ледоходу, когда наступили теплые, солнечные дни, Таясь поправилась окончательно – ожившая природа словно вливала свои щедрые соки в измученное болезнью тело.

И опять она стала стройной, опять словно колокольчик звенел в тишине острова ее голосок, и ей самой уже казалось, что все прошедшее – дурной сон, что она никогда и не была замужем за нелюбимым Юхуром...

С уходом льда подступил срок, когда им надо было возвращаться домой, в Пароват. Конечно, Арсин не мог не готовиться к этому дню; кажется, все обдумал, пока ждал его: как они сойдут на берег, что скажут, что сделают – все продумал. За себя он не волновался. А вот Таясь... Арсин понимал, что ей, конечно, придется тяжелей, чем ему, вдвойне, втройне... Еще бы! Никогда прежде не виданное должно было совершиться у всех на глазах: Арсин появлялся в селении вроде бы и с женой, но с женой, еще не разведенной с другим, фактически замужней, да еще и прилюдно опозоренной... Нет, такого в их краях, пожалуй, не бывало сроду. По крайней мере, ни он, ни она прежде о таком не слыхивали...

Ехали они на колданке – Таясь сидела сзади, рулила легким кормовым веслом. По пути решили заглянуть к ее родителям в селение Ванды – пусть хотя бы для ее стариков случившееся не будет неожиданностью.

Мать встретила Таясь слезами и попреками – мыслимое ли дело, исчезла неизвестно куда, да еще на сносях; отец угрюмо молчал, и видно было, что родители не знают: радоваться им, что дочь наконец нашлась, или печалиться обрушившемуся на семью позору... Оказалось, что для родителей во всем, что они сейчас узнали, большой новости уже не было – месяц назад к ним приезжал Юхур. Велел, чтобы они, как и принято в таких случаях у ханты, коли дочь их жива, либо вернули ее мужу, либо, если она не пожелает вернуться, возвратили обратно калым. Правда, не весь – половину, поскольку, как Юхур выразился, он тоже был мало-мало виноват в том, что Таясь сбежала из его дома.

– Что же теперь делать-то, доченька? – плакала мать.

– А что делать! – буркнул отец, которому, видно, совсем не хотелось расставаться с оленями. – Вернется к законному мужу – да и все!

– Никуда Таясь не вернется! – решительно отрезал Арсин. – Поговорю со своим отцом, отдам, так и быть, Юхуру пять оленей. Пусть они у него поперек горла встанут. Знали бы вы, что он с вашей дочерью сделал!

– Кой! Кой! – замахал руками отец Таясь. – Не говори так. Я тоже, наверное, виноват, что дочь такая непутевая. Юхур нам все рассказал – в чем его-то вина? Так что нечего кипятиться, лучше потихоньку, мирно все порешим, раз уж так вышло. Не надо шума, и так позора столько, что в подолы облаков не запрячешь...

И тут показала свой характер Таясь.

– О чем ты, отец? Какой же позор, если я выхожу замуж за любимого человека? Я как к нему ушла – сердце словно заново родилось. Так что не думай об этом. Оставайся здесь, не надо никуда ездить. Мы сами все уладим, правда, Арсин? А уж тихо, нет ли – как выйдет...

Расставаясь, мать вдруг спохватилась:

– А где же ребеночек-то ваш, Таясь?

– Там, – показала она рукой в сторону острова Шиян, и слезы, как тогда, в ту вьюжную ночь, неудержимо хлынули из ее глаз...

Чуть ли не полселения собралось на берегу, когда они приехали в Порават. Прибежал и Юхур, которому кто-то сказал, что нашлась его пропавшая жена. Он едва дождался, когда они, причалив колданку, поднимутся из-под берега. И сразу, разъяренной рысью, кинулся на Арсина, схватил его за малицу, за грудки.

– Что, солдат, уворовал чужое и радуешься?!

Быть бы драке лютой, может, даже со смертоубийством, но тут властно вмешалась Таясь, вцепилась Юхуру в левую руку, сорвала ее с Арсиновой малицы, встала между ними.

– А ну убери лапы, изверг! Ничего он не уворовывал, сама к нему пришла, когда ты меня перед всеми опозорил. Ты мне теперь никто, и я тебе тоже! Получишь своих оленей обратно, не беспокойся... А ну, прочь с дороги!..

Юхур только заморгал от неожиданности своими узкими, заплывшими жиром глазками. Арсин смахнул с груди вторую его руку, и оба они – и Арсин, и Таясь – прошли мимо него, как мимо пустого места.

– Ну погоди, погоди! – спохватившись, пригрозил вслед им Юхур.

А Таясь, взяв Арсина за руку, шла с ним к дому его родителей с гордо поднятой головой, без платка – она первой в их селении нарушила вековой обычай, по которому женщина не имеет права появляться на улице с открытым лицом...

«Да-а, – тихо протянул Арсин, вспоминая то время. – Давно это было...» Он повернулся на другой бок – услышал вдруг, как захоркал лежавший на шкуре олененок.

– Ну что, герой, проснулся? – сказал он весело. – Пришел в себя? Вижу, вижу – ожил маленько. Хорошо, семь мудрецов старины! Еще разика два покормлю, глядишь, – и на ноги станешь, запрыгаешь от радости.

Арсин слез с нар. Уже светало, керосин можно было не жечь. Он привернул лампу, погладил малыша по голове, по спинке.

– Ах ты, несмышленыш! – приговаривал он, ласково касаясь рукой мягкой короткой шерстки. – Такой малюсенький еще, как наперсток, а какие воспоминания в моей памяти расшевелил...

Арсин подбросил дров, поставил на печку кастрюлю со сладким пойлом.

На этот раз малыш действовал уже уверенней, почти свободно лакал прямо из кастрюли. Арсин только наклонял ее, чтобы олененку было удобнее. Наевшись, тот опять долго облизывался, а потом вдруг вытянул передние ножки. Весь вид его говорил, что он собирается встать. Арсин осторожно помог, и малыш с трудом, весь содрогаясь от напряжения, поднялся, чуть не завалился опять на пол, но тут же освоился с новой, очевидно, приятной для него позой и вдруг... сделал крохотный шажок, потом другой и, слегка поддерживаемый Арсином, медленно пошел по дощатому полу. Сделав вместе с ним несколько кругов по тесной избушке, Арсин попробовал убрать руки. Олененок чуть-чуть покачался от неуверенности и, постояв в нерешительности еще немного, пошел сам.

– Вот видишь! – радостно засмеялся Арсин. – Уже и на ногах стоишь. Пойдет дело! И правильно! Без ног или без рук что в тайге, что в тундре – куда денешься? Пропадешь. И зверь с ногами, и зверь с крыльями покоя не дадут. А теперь – не то! Теперь ты врагам не дашься. Вот окрепнут немного ноги – на улицу выведу. Может, мама тебя признает. Вот когда счастье-то свое нашел бы... Да-а. – Арсин гладил его по ушам, по слабой шейке. – Ну, походи, походи еще. Порезвись в избе. А мне, брат, делом пора заниматься. Ох, сколько еще нужно сделать...

Арсин вскипятил чайник, посмотрел на полке: пачка грузинского чая была уже на исходе, он решил оставить ее про запас, заварил чагу. С утра, по его расчетам, он мог съесть две сушки, Акару же пока не стал давать ничего – уж больно скуден запас, – но, однако, решил и не брать пса с собой в недолгое путешествие по острову. Надо, надо было обязательно посмотреть, как теперь ведет себя стадо.

Он затянул потуже тесемки на капюшоне малицы, взял топор, сунул на всякий случай за пояс обрезки веревок, что остались от сети, и вышел из избушки.

Снег больше не сыпал, а вот порывы ветра все еще продолжали свистеть между деревьями. Небо немного просветлело, сквозь белесую пелену замерзшим рыбьим глазом слабо проглядывало солнце.

«Пожалуй, – подумал он, – к вечеру спадет ветер. Куда ж больше? Три дня подряд шалит, пора и успокоиться».

Арсин неспешно шел обрывистым берегом острова. Теперь уже можно было спокойно изучать следы, оставленные оленями. Он лишний раз убедился, что животные, ища ягель, перепахали весь хвойный участок, подобрали даже бородатый лишай на стволах елей; понятно, почему теперь стадо почти полностью перекочевало на тальниковый мыс, где, наверное, не осталось уже и травинки – только кора молодого тальника...

Там, где Арсин нашел прошлой ночью погибающего олененка, стояла знакомая белолобая важенка, упорно принюхивалась к месту, где оставила детеныша.

Ах, так это ты, значит, мамаша-то? – обрадовался Арсин. – Нашлась, выходит. Нехорошо, нехорошо свое дите бросать. Ладно, не волнуйся, в надежном месте твой младенец. Приведу потом к тебе, дай только остров обойти.

Пока Арсин добрался до тальникового мыса, он насчитал еще десятка два отелившихся важенок – одни кормили, другие нежно вылизывали малышей.

Стадо он нашел там, где и рассчитывал, – не обнаружив лучшего корма, важенки вовсю глодали кору талов. Рядом с ними резвились уже окрепшие телята. Их было здесь, наверное, не меньше сотни.

Арсин дошел до самого конца мыса и остановился передохнуть у вчерашней коряги; ее толстые, похожие на оленьи рога отростки уже почти скрылись под водой. Здесь, на оголовке мыса, оставался теперь всего один невысокий обрывистый уступ. По многочисленным следам Арсин сразу понял, что олени то и дело подходят здесь к самой воде, долго топчутся на месте, очевидно изучая обстановку; о том же говорили и комочки оленьего помета.

«Так, так, – подумал Арсин, сравнивая со вчерашним уровень воды, покрывшей коренной лед. – Пожалуй, дня три до ледохода осталось. Ну, если только чуть больше – шибко нынче зима бесснежной была. Крепко настыл лед».

Обратно он возвращался другим берегом. И убедился, что олени нигде не пытались покинуть остров – видно, почувствовали, как это теперь нелегко. Вполне довольный результатами своего обхода, он направился к избушке. И опять наткнулся на белолобую важенку, топтавшуюся у своей родильной ямы.

– Ах ты, чуть не забыл про тебя. Ну что, бедняжка, все ждешь? – жалостливо сказал ей Арсин. – Погоди еще чуток. Сейчас только до избушки дойду, и тут же твое дитя в целости и сохранности доставлю. Не горюй, все у тебя в порядке!

И Арсин заторопился, опасаясь, как бы важенке не надоело вдруг стоять у ямы. Иди ищи ее тогда по всему острову...

Чтобы не застудить олененка после теплой избы, Арсин закутал его в свой брезентовый плащ и заторопился назад, к белолобой важенке. Завидев ее, он освободил теленка и, держа его осторожно двумя руками, попытался подсунуть к ней поближе. Но белолобая осмотрительно отбежала в сторону. Сколько ни ждал Арсин, она при нем так и не'решилась подойти к олененку. Тогда он поставил малыша на дно той ямы, в которой тот появился на свет, а сам отошел, чтобы не мешать. Белолобая тут же направилась к детенышу, но когда приблизилась настолько, что уже могла бы лизнуть его, вдруг застыла, начала подозрительно принюхиваться, брезгливо шевеля ноздрями. Видно было, что запах малыша ей не нравится; она обошла свое чадо кругом, осторожно, даже с опаской потянулась к его мордочке, и когда малыш, повинуясь врожденному инстинкту, попытался сунуться под нее, достать до вымени, важенка, вся передернувшись, медленно, не оглядываясь, пошла прочь, словно это был не ее детеныш, и вдруг, звеня боталом, побежала рысью к тальниковому мысу.

«Дела-а, – сказал себе Арсин. – Не признала. Почуяла запах человека – и не признала. Верно пастухи говорят – нельзя трогать только что принесенного олененка. Тронешь – для матери он чужим станет. Раз нет у него на губах запаха ее молока – пиши пропало... Значит, и эта теперь не примет».

Арсин вернулся к яме, присел на крутолобый сугроб.

– Что же поделать, бедненький, – вздохнул он. – Не признала тебя мать. Видно, сиротинушкой останешься. Ну ничего, я тебе пропасть не дам. Поставлю на ноги. Как ветер будешь по тайге бегать... Только посиди пока в яме, ноги поразомни, к холоду попривыкни. А я тем временем покурю, подумаю. Ладно?

Олененок, медленно переступая ножками, принялся обследовать яму, водить носом над землей, как большой – будто искал себе корм.

Пуская струи табачного дыма, которые мгновенно уносило порывами ветра, Арсин опять перенесся мыслями к своей Таясь.

«Кой! – думал он. – Какова жизнь! Сложная до чего! У каждого существа – свой закон. Это же надо – не признать родное дитя! Эх, как бы радовалась моя Таясь, если бы у нас ребенок родился. – Арсин стиснул руки с такой силой, что хрустнули пальцы, вздохнул. – И за что только Бог наказал ее? Самого большого счастья лишил – иметь собственного ребенка... Да, видно, шибко много гадостей наделала тогда болезнь – ну та, что после родов у нее приключилась. Так мне врачи толковали... Не врали же... Бывает, мол, такое после преждевременных родов... И родственница одна дальняя так же потом сказала, слово в слово. Женщина, мол, иногда как засохший кедр становится, плодоносить перестает...»

Услышав вдруг хорканье малыша, Арсин взглянул на него – олененок пытался закинуть ножку за небольшой выступ, выкарабкаться из ямы.

– Кой, кой! – засмеялся Арсин. – Какой шустрый! Уже и тесно ему там стало. На простор рвется. Рановато тебе еще, ноги вначале силой налей. А то что это – не ноги, соломинки...

Разговаривая сейчас с теленком, Арсин вдруг пожалел, что нет здесь Таясь. Вот уж у кого особая нежность ко всем малышам на свете! Она бы этого заморыша даже лучше матери-важенки приласкала и выходила. А все, наверно, от того, что своего ребеночка Бог не дал...

Едва подумал он о нерастраченном материнском сердце жены, как тут же вспомнилась ему еще одна страница их с Таясь жизни.

Они оба ждали все эти годы ребенка, но разве ж можно сравнить его ожидание с ожиданием Таясь! Седовласые бабушки и пожилые женщины старались при случае утешить Арсина, успокоить – не надо, мол, хоронить надежду, не все еще потеряно. И приводили ему случаи, когда женщины рожали впервые и на пятом, и на седьмом году замужества...

«А уж на тринадцатом-то году, – твердо обещали они, – если Бог против вас зла не держит – обязательно наградит ребенком! И обязательно сыном! Тринадцатый год – он особенный...»

Арсин, простая душа, конечно же, верил этим байкам так же искренне, как верила им и его Таясь; он знал, что она то и дело ходит к бабкам, к многодетным матерям, а потом истово выполняет все их советы...

Как-то зимним вечером, это было на десятом году их совместной жизни, Арсин увидел рядом со своим домом богатую упряжку. Месяц его не было дома – охотился в тайге, и, кажется, в первый раз за все эти десять лет не выбежала навстречу ему Таясь. Уже это удивило его и встревожило – ведь раньше Таясь оказывалась на крыльце, едва заслышав на улице голос его охотничьей лайки. Но еще удивительнее было то, что на этот раз была даже заперта изнутри дверь. Он забарабанил в нее; на стук вышла в сенки Таясь, но дверь так и не открыла, сказала только, будто так и положено встречать мужа:

– Обожди немного, Арсин, сейчас заканчиваем.

– Что заканчиваем? – в полном недоумении спросил он.

– Потом тебе все объясню...

Теряясь в догадках, он отошел от двери и удивленно посмотрел на окна, только теперь обнаружив, что в них нет света. Ну что ж, подождать, так подождать... Чтобы не терять времени зря, он пошел к своей охотничьей нарте, которую вместе с собакой тащил несколько десятков верст с верховьев таежной речки Шобам-Ёхан, начал распаковывать снаряжение и добычу...

Он еще не закончил развязывать поклажу на своей нарточке, как со скрипом растворилась дверь и к нему в одной легкой ягушке выскочила Таясь.

– Замерз, наверное, да? – прижалась она к Арсину. – Ты не подумай чего, просто не могла я тебя сразу пустить. Ты стучишь, а она дело свое еще не закончила...

– Кто она? Какое дело? – ничего не понимал Арсин.

– Овлэх Вош Ун Нэ у нас, вот кто. Старшая женщина из селенья Овлэх...

И только тут Арсин понял все. Овлэх Вош Ун Нэ была известная всей округе шаманка, пользовавшаяся особым уважением у женщин, считавших, что она лучше любого врача разбирается в их женских недугах, а уж про иные деликатные проблемы – и говорить нечего... Вот и Таясь, в отсутствие мужа, решилась испробовать последнее средство: пригласила шаманку на камлание, чтобы та упросила духов помочь ей стать матерью...

Арсин не стал упрекать жену – ведь не только Таясь, но и ему самому не хватало для полного счастья детей... А когда он услышал, что, по предположениям Овлэх Вош Ун Нэ, беременность должна наступить на тринадцатом году их жизни, он вместе с женой без всяких сомнений поверил в это предсказание. И даже распорядился на радостях, чтобы Таясь как следует отблагодарила гостью за такую добрую весть. Больше того, тут же сам сходил в амбарчик, чего никогда раньше не делал, принес для предсказательницы редкой красоты лисицу-крестовку...

Годы, словно облака, исчезающие на небе, летели один за другим, грея сердце Таясь и Арсина ожиданием обещанного срока.

И вот однажды засияла в глазах Таясь, подобно внезапно выглянувшему из-за туч солнцу, долгожданная радость. Она прижалась к нему и, не скрывая своего счастья, сказала на ухо:

– Кажется, сбылось предсказание...

– Да?! – обрадовался Арсин, но вспомнив, как часто обманывала их надежда, спросил: – А как ты узнала?

– Ну, уже... – замялась она. – Недели две прошло уже... По срокам бы пора, а у меня, кажется, совсем прекратились...

– Что прекратилось? – опять переспросил Арсин, невольно заражаясь ее счастливой верой.

Она ему объяснила, как могла. И тут наконец до него дошло, что на этот раз все похоже на правду, что предсказание шаманки и впрямь сбывается. Он схватил жену на руки, жарко, как в юности, целуя ее, закружил по комнате.

– Наконец-то! – кричал он от радости. – Пумасипа, Кур Кут-Ики! Спасибо, Бог Жизни! Услышал-таки нашу молитву... Ох, какой я счастливый, Таясь! – Он еще крепче обнял жену, но вдруг осторожно разжал руки, спросил с тревогой: – А я так не причиню тебе вреда? Худо не будет?!

Таясь только улыбнулась в ответ счастливой улыбкой.

Но радость их вскоре и угасла, как, бывает, угасает с первым же ударом мороза едва появившийся весной ручеек... Примерно через неделю задержка у Таясь кончилась, и она поняла, что не будет у нее ребенка и на этот раз, и, похоже, теперь уже никогда не будет...

Арсин еще не видел жену такой тихой, такой подавленной, безразличной ко всему на свете. Она вдруг словно утратила интерес к самой жизни. В постель теперь ложилась как мертвая – ляжет и лежит неподвижно, даже дыхания не слышно. Но, как случайно обнаружил Арсин, ночами она не спала, ворочалась с бока на бок, тяжело вздыхала: видно, все время думала о чем-то...

Так продолжалось, наверное, дней десять, а потом Таясь снова очнулась от своего забытья. Однажды вечером она легла в постель много позже обычного и, убедившись, что Арсин еще не спит, долго ворочалась, будто лежала на колючих еловых лапах, покряхтывала, тяжело вздыхала и вдруг, не поворачиваясь к нему, сказала каким-то чужим голосом:

– Не спишь, Арсин? Все поговорить с тобой хочу – как дальше-то жить будем?

Сердце его сжалось от той муки, которую услышал он за этими словами, муки, которую носила она в себе все эти дни. Но спросил бодро, делая вид, что не понимает, о чем она.

– Что значит как? – и успокаивающе положил ей на плечо руку. – Как жили, так и будем жить...

– Ты же знаешь, Арсин, про что я... Как мы без ребеночка-то жить будем?

– А-а, – протянул Арсин, выгадывая время. – Вот ты о чем...

– Да, Арсин, да. Об этом. О том, сможем ли мы прожить без ребенка! – Она откинула теплую ягушку, придвинулась ближе и, оперевшись на локоть, пристально посмотрела ему в лицо, на которое падали тусклые отблески печного огня – Таясь любила натопить на ночь как следует. – Я понимаю, Арсин, конечно, трудно говорить об этом... Ты ведь прекрасно знаешь, что я, я во всем виновата. Ты ничего не скажешь, но я ж не слепая, я ведь нутром чувствую, как тебе ребенка хочется. Вижу, когда приходим к подруге моей Уят Нэ, как у тебя сразу при взгляде на ребятишек глаза загораются. Словно солнцем вспыхивают. Вспыхнут, а потом черная тень, как туча, на глаза твои набежит... Только я это вижу, и только я знаю, отчего так... – Она горестно вздохнула и быстро провела рукой по глазам. – Знал бы ты, какая зависть меня охватывает, когда ты ее ребенка берешь на руки... Ох как бы я хотела, чтобы это был мой ребенок! Мой и твой, Арсин. Как я просила ребеночка у Куркут-Ики – Бога Жизни, как просила! – Она еле сдерживала рыдания, и Арсин попытался успокоить ее.

– Что ты, Таясь? Зачем так говоришь, зачем бередишь себе душу?

– Так и говорю, как думаю, Арсин. Я же знаю, ты хоть и не скажешь сам, не упрекнешь меня, но мне-то от этого не легче. Ведь дом без детских голосов – все равно, что дерево, лишенное корней. Все равно раньше времени засохнет... В общем, я надумала...

– Что ты еще там надумала?

– Не надо так, Арсин. Я долго о том размышляла – не одну пару кисов за это время смастерить бы можно, не одну малицу сшить...

Она вдруг отвернулась от него, вновь накрылась ягушкой, сказала еле слышно:

– Может, тебе оставить меня, Арсин?

– Как оставить? Не пойму что-то, – растерялся он. – Зачем?

– Ну... другую возьмешь. Которая родить сможет.

– Да ты что, Таясь? Ты в своем уме?

– А что тут такого? А то еще одну жену в дом приведи. Вон старик Митри – до сих пор двух жен имеет. Одна – старуха, от которой нет у него детей. И вторая, молодая – от этой два сына, как богатыри растут.

– Ты хоть думаешь, что говоришь, Таясь? Нет, что-то с тобой совсем неладно... Я уже не тот молоденький Арсин, как когда-то, но клятвы нашей у старого кедра не позабыл! – Он поднялся, зажег лампу на столе, присел у постели на корточках. Погладил ее волосы, с состраданием вглядываясь в ее лицо.

– Да ну что ты, в самом деле, Арсин, – смутилась она. – Со мной все нормально. Просто видишь, как все получилось... А теперь мысли в голове все перепутались, как сети, которые скользкий налим в тугой узел закрутил... – Она опять смахнула слезы. – Это какой-то нечистый меня малость ума лишил. Не бойся, Арсин, не буду больше так, не обижайся.

Они еще долго говорили в эту ночь. Трудно – словно длинную трехстенную муксуновую сеть ставили. И уж под утро порешили, что Таясь сходит к вдове Окуль, у которой прошлой осенью провалился под лед муж. Уже после этого несчастного случая, в Месяц Ветров, родила Окуль сыновей-близнецов. Четверо у нее стало. Нелегко ей, бедной, с такой артелью управляться. Так, может, отдаст им одного сына? И Окуль полегче, и у них в доме детские ножки топотать будут... Может, согласится?

К несказанной радости, Окуль уступила горячим просьбам Арсина и Таясь...

Вот эта-то пора их с Таясь жизни и вспомнилась Арсину, склонившемуся над олененком, которого родная мать отказалась признать своим.

– Ну, что ж с тобой поделаешь? – сказал он, вставая с сугроба. – Донесу, так и быть, в последний раз до избушки. А завтра, думаю, сам ножками затопаешь. – Арсин опять завернул олененка в брезентовый плащ и, взяв на руки, понес к зимовью.

У дверей постоял немного, решая: оставлять или не оставлять олененка на улице. Решил не оставлять – занес его в дом. Олененок обрадовался теплу, затопал копытцами. Арсин тем временем сходил к мерину, стряхнул с него снежную пыль и пошел к стожку сена. Кинул Бурану целую охапку, принес с протоки воды, напоил его.

Вот теперь можно было позаботиться и о себе самом. Он натопил печку, вскипятил чайник, съел положенные по норме две сушки. Одна досталась и Акару. От чая разлилось по всему телу приятное тепло, даже на пустой желудок неумолимо клонило в сон.

«Вроде пока все нормально, – сказал себе Арсин, устраиваясь на нарах. – Стадо на месте. Помощников своих накормил. Можно и полежать немного, а дальше – видно будет... Хорошо бы, конечно, вздремнуть... Поспать бы, сил поднабраться. Сон в моем положении – дороже золота...»

Под монотонное посвистывание и завывание ветра, уже значительно ослабевшего, Арсин крепко уснул и очнулся только к следующему утру.

Прислушался. Тихо было на улице, не шумел больше ветер. Лучи рано встающего теперь солнца слабо посверкивали на покрывшемся тонким ледком стекле оконца. Посапывал на полу олененок, свернувшийся комочком на теплой шкуре.

Арсин обулся, вышел за порог. Небо – словно голубая гладь Оби во время полного штиля, и ни единого на нем облачка. Воздух прозрачен, переполнен весь какой-то духмяной свежестью, какая бывает только весной, в период пробуждения природы. Он вдохнул полной грудью, прислушался к звукам природы. Где-то невдалеке, скрипуче издавая свое «ха-пев, ха-пев», пересмеивались куропатки, радовались установившейся хорошей погоде.

– Эх, ружья нет! – подосадовал Арсин, почесывая висок. – Сейчас бы, с ружьем-то, вмиг бы на варево себе добыл. Да только кто знал, что на столько дней придется к острову привязаться?

Потом он услышал трубные крики лебедей, донесшиеся со стороны озера.

«Да-а, – подумал Арсин, – постоит такая погода – гуси, утки как из мешка повалятся. Задержал их ветер на три дня, теперь нагонять станут... Эх! Пропала нынче у меня охота!»

Он еще постоял у крыльца избушки, радуясь чудесному весеннему утру. Потом спохватился: дела не ждут. Сначала напоил мерина, задал ему сена. Потом настала очередь олененка. Накормив его, Арсин позавтракал и сам – кружка чая из чаги и две положенные ему сушки – и пошел в обход по острову. Отелившихся важенок еще прибавилось – в двух местах он застал мамаш, вовсю облизывавших только что появившихся на свет детенышей. Теперь Арсин за приплод особо не беспокоился: пурга – самый

страшный враг для стельных важенок – миновала. Пришедшее с утром весеннее тепло мощно и напористо заливало окрестности.

Самое главное сейчас – чтобы у отелившихся важенок было в достатке полноценного корма. Только вот откуда ему здесь взяться, этому корму? Ягель они съели подчистую, от прошлогодней травы остались одни корешки. Только кора молодого тала...

Но обходя остров, Арсин обнаружил, что и стволы талов обглоданы теперь до того самого уровня, до которого только могли достать олени. Обнаружил он также, что стадо опять пришло в движение в поисках корма. А этого сейчас никак нельзя было допускать: кормящие важенки моментально сбросят жир, отощают и вконец обессилеют. Оленям сейчас нужен был только покой, покой и корм – у важенок должно быть достаточно молока, чтобы телята окончательно встали на ноги.

«Что же делать, – упорно размышлял Арсин, – что еще придумать, чтобы спасти стадо?» Теперь он должен был полагаться только на себя: на пастухов он уже не рассчитывал, а люди из селений могли подъехать сюда только после ледохода. И хотя он видел, что разлившиеся забереги сегодня еще туже сжали ледяную грудь реки, когда тронется лед, по-прежнему было неясно.

Стоя у своей разрушенной изгороди, Арсин обнаружил, что олени ободрали всю кору и с поперечных привязанных жердей, и с тех, что он бросал на землю, когда делал в корале проходы. И тут его осенило:

– До чего ж я глупый, семь мудрецов старины! – пробормотал он, хлопнув себя по бедрам. – Как же я раньше-то не догадался! Ведь олени объедают кору только внизу, в нижней части дерева. А верх-то нетронутый остается. Вот глупый! Кой, сколько там корма!

И Арсин с ходу принялся рубить таловые жерди, выбирая те, у которых стволы были потоньше. Начал он горячо, но хотя работа и не была тяжелой – на тонкомерное дерево требовался один, самое большее два взмаха, – тем не менее Арсин, сидевший все эти дни впроголодь, начал быстро уставать; он часто останавливался, перекуривал и с удовольствием наблюдал, как следом за ним шли важенки и тут же жадно накидывались на кору.

Врубаясь в таловые кущи, Арсин прикинул в уме, что каждому животному, чтобы мало-мальски наесться, нужно не менее четырех-пяти деревьев в день. Вот из этого-то расчета он теперь и валил тал.

Из этого расчета... Это только сказать легко, а сделать... Он, конечно, быстро вспотел в малице и, скинув ее, продолжал орудовать топором в одной рубахе. А когда решил, что тала нарублено достаточно, и, утирая пот, отложил топор в сторону, солнце уже подходило к полудню. Грело жарко, как раскаленная печка – словно наверстывало те дни, что были отобраны у него неистово бушевавшей пургой.

Снег понемногу начал оттаивать, в лунках заблестели капельки воды. Как ни крепок был наст, образовавшийся за эти дни, но и он под необычно жарким солнцем терял свою прочность, рассыпался, как олений мех во время линьки.

На открытых местах важенки теперь то и дело проваливались глубоко в снег, порой увлекая за собой шедших следом телят. И это была новая забота Арсина – без помощи человека олененок мог бы из ямы и не выбраться... Теперь ему приходилось прочесывать весь остров, выискивать попавших в беду сосунков.

В один из таких своих рейсов он увидел однорогую важенку, проявляющую какое-то особо сильное беспокойство. Она топталась на месте, старательно разгребала копытами снег вокруг теленка, часто подходила к нему, ласково тыкалась в кончик его носика, как бы приглашая встать и последовать за ней. И хотя снег вокруг был уже разбросан и от ямы почти ничего не осталось, теленок на ноги встать почему-то не мог.

Арсин, догадавшись, что случилось что-то неладное, поспешил на помощь. Было странно, что важенка при его приближении не отбежала, больше того, она все время крутилась рядом, даже проявляла некоторую агрессивность, угрожающе наклоняла голову с единственным своим рогом: не трогай, мол, мое дитя. Не обращая на нее внимания, Арсин подошел к теленку вплотную, попытался поставить его на ноги и тут все понял: правая передняя ножка у малыша была сломана...

«Да-а, брат, – грустно протянул Арсин, опуская олененка на снег. – Отбегался. Тут уж я ничего не смогу сделать. – Арсин покосился на важенку. Теперь она смотрела на него так, будто надеялась, что он сможет помочь ее беде, и Арсин вздохнул. – Придется малыша жизни лишать. А шкуру в совхоз после сдам. Все же не будет потерей считаться». Он поднял олененка на руки и понес его к избушке.

Важенка шла за ним по пятам, мотая головой и жалобно хоркая.

«Кой, семь мудрецов старины! – подумал он. – Не хочется убивать на глазах у матери. Мне-то тяжело, а ей каково? Нет, только не при ней...»

Он хотел отогнать важенку от избушки, но, отбежав на несколько шагов, она снова и снова упорно возвращалась к нему. Пришлось занести раненого малыша в дом, а того, первого, что находился в избушке, вывести на улицу и привязать к кошевке. Важенка тут же подбежала к малышу, но, обнюхав и убедившись, что это не ее детеныш, отошла, остановилась подле старой, засохшей ели, глядя на избушку.

Арсин отыскал сёхар – острый узкий нож, повертел его, проверяя лезвие. Он медлил, никак не решался приступить к делу. Так не хотелось лишать жизни малое существо, этот удивительно живой комочек с мягкошерстной шкуркой. Ох, до чего же не лежало к этому сердце!

Наконец он собрался с духом. Зажмурившись, словно так проще было отогнать от себя жалость, Арсин надавил на кончик ножа...

Сделав свое неблагодарное дело, он открыл глаза и подивился: жалость и впрямь ушла из его сердца. Олененок все равно ведь был обречен. А теперь и вовсе – был уже не комочком живой плоти, а просто несколькими фунтами мяса. И какого! Самого нежного и вкусного!

Арсин быстро снял шкуру, распорол живот, извлек внутренности, положив их в миску, зачерпнул чашку душистой крови. Недоедавшему все эти дни Арсину так хотелось почувствовать на языке вкус парной печени, легко поддающегося зубам нежного мяса. Он уже хотел было отрезать ляжку, но неожиданная мысль вдруг остановила его: «Что ты делаешь? Это же не твой олененок, совхозный... Да еще из стада, где бригадиром Юхур. Зачем же ты решил попользоваться чужим добром? А ну-ка, Арсин, вспомни, что случилось в тот раз, когда мойпар на стадо напал. Тебе ведь самому пришлось тогда расплачиваться за государственных оленей... И Юхуру, значит, придется...»

Холодный пот проступил на его лбу – ведь он только что готов был поступить не по совести; Арсин уже собрался отложить нож в сторону, но тут заговорил в нем другой голос.

«Да ведь олененок все равно бы умер, воронам достался. А ты голодный. Сам толком не ешь уже сколько времени, а стадо сумел сберечь. Ты больше, чем мясо этого олененка, заслужил. – И откуда-то, как это часто бывает в душе человека, когда борются в нем желание и совесть, напролом лезло наружу все оправдывающее, все разрушающее соображение: – Ты же один на острове, Арсин, кто тебя тут видит, кто слышит? Сам себе хозяин. Кто узнает-то! А хоть бы и узнали – что тебе оставалось делать?!»

Но как-то сами собой разжались вдруг пальцы, и нож выпал из рук.

«Нет! Не пойдет так! – твердо сказал он себе. – Прочь от меня, черные мысли, разум мой украсть хотели? Замутить, как налимы, своими скользкими хвостами чистую воду? Нет! Не будет этого! – Он встал со своего круглого чурбачка. – Я еще не потерял совесть. Голодный, да, а на это все равно не пойду, о семь мудрецов старины! Оставлю тушку олененка хозяевам. Пусть смотрят на переломанную ногу, пусть сами видят, как дело было. Никаких свидетелей не надо! Положу пока мясо в снег, ничего с ним не сделается. А потом вместе со шкурой в совхоз сдам. А то начнет эта росомаха Юхур говорить потом, что Арсин, мол, для того на острове и остался, чтобы оленей кушать да шкурки себе на шапку собирать. Но нет, нет, семь мудрецов старины, в этот раз ему ко мне не прицепиться! Ничего у него не выйдет!..»

Решив так, Арсин, теперь уже спокойно, снова взял в руки нож, отрезал половину печени и долго смаковал ее, растягивая удовольствие. Почки и желудок он отложил в сторону – сварит потом бульон, мясо же олененка, как решил, закопал в снег за домом. Вывернутую шкурку повесил на поперечный шест, сушиться.

– Никто не может придраться к тебе, Арсин, – сказал он себе. – Никто теперь не скажет, что ты запятнал свою совесть, даже бывший твой недруг Юхур...

Хотя Арсин и не наелся, но после чашки теплой крови, после парной печени почувствовал себя совсем другим человеком – сразу ощутил, как в ослабевшие мышцы вливается если уж не сила, то, по крайней мере, какой-то бодрящий дух. А после надоевших-то сушек – это была просто царская пища. Впрочем, он тут же подумал, что впереди его не ждет ничего хорошего: в запасе у него только восемь сушек да немного внутренностей олененка, и кто знает, на сколько еще дней придется все это растягивать...

Перепало кое-что от «царского» пира и Акару – ему достался тот ливер, который человек в пищу не употребляет...

Жизнь текла дальше – приносили свой приплод важенки, кормились таловой корой; спасенный им малыш перешел уже ко второй банке сгущенного молока, крепко держался на своих тонких ножках и совершал небольшие прогулки рядом с избушкой...

А весна продолжала наступать широко и размашисто, она словно длинным крепким хореем сгоняла прочь задержавшуюся дольше времени упряжку зимы.

К вечеру воздух наполнился криками пролетающих птиц. Несколько лебединых и гусиных стай прошли над самой его головой, и охотничья страсть тут же полыхнула в Арсине, подобно пламени, вспы-

хивающему от сухих кедровых стружек... Эх, как все-таки жаль, что нет у него с собой ружья! Жадными глазами провожал он летящих к северу крякв и шилохвостей. А с наступлением сумерек со стороны Шурышкаров и Супво-ша начали, бередя сердце, доноситься до его слуха отдаленные ружейные выстрелы. Весенняя охота началась!

О, с каким нетерпением дожидался Арсин этого дня каждую весну, как старательно готовился каждый раз к открытию охоты! И нынче он тоже неплохо все сделал, вовремя, да вот ведь как жизнь рассудила – держит его здесь, на острове, да так крепко, что никуда ему пока и отлучиться нельзя...

А когда начался весенний перелет, воздух, казалось, весь заполнился звоном крыльев и разноголосьем пернатых странников. Стаи уток тянулись в основном по заберегам – там, где только и успела пока натаять вода, и, не найдя лучшего места для отдыха и кормежки, садились на разводья, сразу оживляя своим присутствием мертвую дотоле реку.

Долго бы еще мог Арсин стоять на берегу, любоваться долгожданными гостями из теплых краев, да что ж попусту бередить себе душу... Прихватив топор, он направился к тальниковому мысу – пора было снова готовить корм оленям, срубленные им накануне жерди были обглоданы подчистую.

– Кой! – сказал Арсин удивленно. – Лучше зайцев работают. Не знал, ей-Богу, не знал. Коль и дальше так пойдет – совсем остров без тала останется. Кой, кой!

Делая свой обход, он обнаружил еще трех важенок, телята которых не могли сами выбраться из глубоких ям. Но детеныши стояли на ногах, сосали материнское вымя. Арсин, чтобы не спугнуть важенок, не стал вызволять оленят из ловушек, а сходил, нарубил тонкого тала, положил каждой ее порцию и даже, от нечего делать, наскоблил им ножом коры – пусть едят мамаши, не тратя лишних усилий.

Как и в прошлый раз, Арсин навалил тонкого тала с таким расчетом, чтобы хватило на всех важенок. А взглянув на свои труды, подивился: если вначале тальниковый мыс казался ему сплошным непролазным массивом, то теперь он так поредел, что начал то там, то тут просвечивать насквозь. Практически, не было уже такого места на мысу, где бы он не прошелся со своим топором. Нетронутыми оставались пока отдельные большие кусты многолетних, начинающих уже засыхать талов. Их он оставил про запас, на самый крайний случай.

...Так же утомительно и медленно, как длинная неуклюжая вереница связанных друг с другом лодок, прошли еще три дня.

Все эти три дня природа на его глазах бурно оживала. Заполнилась наконец водой та узкая протока, по которой он когда-то впервые привез сюда Таясь; надуло свои щеки и озеро, а сегодня оно даже соединилось с водами реки. Остров понемногу заливало. Ушла под воду низкая часть тальникового мыса, где росли молодые и сочные деревья, и теперь Арсину, чтобы заготовить корм, приходилось бродить меж кустов по колено в воде. Она была холодная, как лед, ноги в болотниках стыли, и он часто выскакивал на сухое, чтобы отогреться у разведенного костра.

Там, где из-за большой глубины высоты болотников не хватало, Арсин использовал колданку, нагружая ее до самых бортов срубленными жердями – отвозил, разбрасывая по берегу...

Стадо у него за эти три дня заметно прибавилось. С наступлением устойчивого тепла массовый отел пошел полным ходом, и хорканье оленят раздавалось теперь по всему острову, смешиваясь с перезвоном бубенцов.

Снег, став тяжелым и мокрым, резко осел, и важенки с телятами могли безбоязненно передвигаться по сухой части острова. Животные с необыкновенным старанием обнюхивали каждый клочок земли, щипали едва проклюнувшиеся листья карликовых берез, в который уже раз ворошили оставшийся снег. Но, конечно, вся надежда по-прежнему была на таловую кору, которой, увы, тоже стал виден конец... И это сразу сказалось на поведении животных. Все чаще важенки поглядывали на разлившуюся реку, и если бы не телята – давно бы уже рискнули преодолеть препятствие.

И еще одно сильно беспокоило Арсина: вода поднялась так высоко, что грозила совсем затопить его небольшой остров, а ведь не было еще даже подвижки льда...

«Что случилось с небом Семи Богов, – думал Арсин, чаевничая ввечеру. – Прямо-таки навечно лед задержался. Отел еще не закончился, важенки на глазах слабеть начали. Кой, как бы, не приведи Господь, до падежа дело не дошло. Кой!.. Тогда оленей начнет валить, как траву косой».

И ему вспомнилась одна отелившаяся сегодня важенка – она настолько уже ослабела, что ее аж зашатало, когда начала кормить детеныша. Арсин тут же наскоблил ей побольше коры, принес даже охапку сена, урвав ее от и без того скудного пая Бурана. А потом еще отлил важенке половину березового сока, которого припас перед этим большую кастрюлю... Но ведь сколько важенок он мог поддержать вот так? Одну-двух, ну самое большое – десяток. А остальные?..

Да и его собственные силы были уже на исходе – сказывалось постоянное недоедание. Он осунулся, оброс колючей щетиной. У него уже временами кружилась от слабости голова, но к оставленному в снегу олененку он, следуя своей клятве, ни разу не прикоснулся, забыл о том, что он есть... Еды у него – если это только можно было назвать едой, оставалось с сегодняшнего утра одна-единственная сушка. Теперь вся его надежда была только на ледоход, только на ледоход...

С тревогой думая обо всем этом, Арсин вдруг услышал через открытые двери донесшийся откуда-то издалека протяжный крик. Он отставил в сторону недопитую кружку с чаговым настоем и поспешил из избушки. Наконец-то пришли к острову люди! Акар, тоже изрядно ослабевший, пытался скулить, вертел хвостом, то и дело возбужденно вскакивая, глядел в сторону реки, опять ложился – словно предчувствовал встречу с хорошо знакомым, даже обожаемым человеком.

– Ар-си-ин!.. Где ты-ы? – уже явственно расслышал он.

– О, Семь Богов Счастья! Это же Таясь! – шлепнув себя от радости по бедрам, воскликнул Арсин. – Как только она здесь оказалась, да еще в такую пору?!

И вдруг, испугавшись почему-то, что Таясь не дождется его ответа, повернет обратно, закричал что было силы:

– Э-э-эй! Я здесь, зде-есь, Таясь!

Взобравшись по своей дозорной лестнице к вершинам лиственниц, он разглядел, что Таясь стоит на льду, у самого края заберегов.

– Таясь! – закричал он сильнее прежнего. – Подожди, не ходи по льду! Я сейчас за тобой приеду!

Он торопливо спустился вниз и, подбежав к колданке, столкнул ее одной ногой на воду, впрыгнул сам и погнал лодку по протоке.

Таясь – с большим узелком в руке, в легкой своей ягушке терпеливо поджидала его все там же, у кромки льда, поднятого водой.

Арсин начал было сразу объяснять ей причину столь долгой своей задержки на острове, но Таясь, похоже совсем не слушая его, развязала свой узелок и достала оттуда кусок жирного вареного мяса. Арсин, конечно, с жадностью накинулся на угощение. И только уж потом, на обратной дороге к избушке, Таясь стала отвечать на его вопросы и задавать свои... Как могла, описала ему дорожные приключения.

– Выходит дело, ты меня искать пустилась?

– Да ты сам подумай, Арсин: отправился на два дня, а самого нету и нету. Забеспокоишься тут, особенно после такой пурги. Сколько людей в такую погоду сгинуло!

– Какая же ты у меня умница! Я ведь совсем без еды уж сидел. О, семь богов счастья, какая же ты молодец!

– Как это без еды? А олени-то на что? Неужели сам бы с голоду помер, а оленей так и не тронул?

– О, глаза Семи Богов на небе! Не мог я их трогать, Таясь, клятву дал, что сохраню хотя бы до прихода людей. На пастухов-то у меня надежда плохая – им, конечно, и в голову не придет здесь искать, где-нибудь, наверное, в другом месте рыщут...

– Постой, постой, Арсин. Пастухи, значит, да? А ты клейма в ушах не смотрел? Ну, из какого они стада?

– О, семь мудрецов старины! Как же не смотрел, смотрел. Это Юхура стадо. И белолобая важенка там, которая наша была...

– Юхура? – Она вдруг ухватилась за ручки гребей. – А ну, погоди-ка, Арсин. Значит, Юхурово стадо?

– Что такое, Таясь? Что-нибудь случилось? Ты вся бледная вдруг стала, как березовая кора...

– И, значит, ради него ты так старался? Голодный сидел? Он мою жизнь исковеркал, твою... Столько зла причинил. А ты... Ты что, забыл уже обо всем?!

– Ничего я не забыл, Таясь. Только, семь мудрецов старины, совсем я не ради него возился с оленями! Олени-то ведь совхозные, Таясь, государственные. Стало быть, наши с тобой – тоже... Ну, не мог я иначе, пойми...

– Не мог, не мог, – все так же сердито повторила Таясь. – А он почему мог? Забыл, как он тебе всю жизнь мстил? А уж когда председателем-то был – так и вспомнить тошно, что делал! Рыбачить – худшие плавные пески тебе отводил. В самую горячую пору охоты, когда люди пушнину голыми руками гребут, – он тебя на какой-нибудь другой работе задержит. Что, не так разве? Специально назло делал! А ты для него вон как стараешься...

– Но, Таясь... столько лет уж прошло... А самое главное – не его это стадо. Совхозное.

– Раз совхозное – значит, сам теперь помирай, да? Ладно, – махнула она рукой. – Делай, как знаешь. Умом я, конечно, понимаю тебя, но как вспомню о Юхуре... Ох!.. У меня в груди сейчас, наверное, огнем все горит... – Таясь покусывала губы, не пытаясь даже скрыть захлестывавшую ее злость. – Ну вот ты объясни мне: почему ты должен с голоду помирать, оленей его спасать, а он – мало того, что стадо отельное не укараулил – так еще и вино сейчас хлещет!

– Кто хлещет? – переспросил Арсин, на какое-то время он даже забыл про греби.

– Как кто – Юхур. Своими глазами сегодня на Гусином острове видела.

– Как на Гусином? Он должен в стаде быть.

– В том-то и дело! О чем я тебе и толкую!

– Ничего не понимаю! Зачем он там оказался-то?

– Дай я тебе все по порядку расскажу... Иду я, стало быть, по льду, подхожу как раз к Гусиному, вдруг слышу женский крик. Пригляделась: женщина на мысу стоит, машет. Оказывается, Хорьяр – вторая Юхурова жена. Стоим друг против друга на расстоянии, наверное, двух бросков аркана. Ближе не подойти – забереги, да и глубоко ведь там... Ну, она мне все и рассказала. Тоже, видать, намучилась крепко. Гнали они отельное стадо, там еще пастух Рохтымов с ними был, и остановились, стало быть, на острове – приняли его ночью за коренной берег реки. Ну, Юхур с Рохтымовым и решили гульнуть как следует на природе, подальше от людских глаз.

– Да, да, там же рыбацкий домик есть, – кивнул Арсин.

– Вот в этом самом домике они и устроились. А тут ночью пурга. Утром Юхур продрал глаза, похмелился и послал Рохтымова с собакой перегнать стадо дальше. А сам, стало быть, сказал, что нагонит его по дороге...

– А-а, семь мудрецов старины! – перебил жену Арсин. – Ну, теперь мне все ясно.

– Что ясно?

– Ну, пока они пили, пока дрыхли – вот часть стада и переправилась на таловую сторону. А Рохтымов с пьяных глаз того даже и не заметил... Ну ладно, говори дальше.

– Ох, так, видно, хорошо погуляли, что смех один получился. Юхур, оказывается, пожалел своих ездовых оленей, пустил на ночь покормиться. Пьяный – он ведь любой свой шаг считает хорошим... Ему бы утром их поймать, а он с больной головы про них даже и не вспомнил. Ну, они вместе со стадом и подались, его олени-то. Так Юхур с женой и остались на острове... две свои нарты пасти...

Арсин рассмеялся следом за женой.

– Ну и пастухи! Вот так пастухи!..

– Ну, Юхур то ли с горя, то ли с радости – опять за пьянку. Все равно, мол, пастухи за мной приедут, за бригадиром. А тут и пурга опять разгулялась...

Колданка мягко приткнулась к затопленному кусту тала, и Арсин тут же ухватился за него.

– Передохнем немного, ладно? Ты не узнала, что он, Юхур, собирается делать-то? Надо ведь, чтобы они оленей забрали... Телята тут...

– А что он собирается делать? Выбраться с острова как-нибудь... Уж Хорьяр умоляла меня, умоляла, узнав, что в сторону Ванды иду, чтобы зашла к ее родственникам, сказала, пусть, мол, за ними на Буране приедут. Тебе, мол, Юхур оленя за это подарит. Мне даже смешно стало...

– Ну, ты хоть зашла к родственникам-то?

– Конечно, зашла, Арсин, а что ж делать. Сказала. Если б Юхур меня попросил – для него бы и пальцем не пошевелила.

– А он-то где был, пока ты с Хорьяр разговаривала?

– Тут же и был, чуть поодаль. Молчал, словно рот у него зашитый.

– А, все-таки заговорила в нем совесть. – Арсин так сильно надавил на таловый отросток, что тот треснул. Он перехватился за другой, потолще. – Как ты все же узнала, что я на острове?

– А где же тебе еще быть? – засмеялась Таясь. – В Ванды пришла, народ порасспросила: не приезжал ли, мол, обратно. Никто не видел. Осталось тебя только здесь искать. Я уж, грешным делом, думала, не случилось ли что...

Но Арсин вдруг опять перебил ее с каким-то странным, отсутствующим видом:

– Так, говоришь, Юхура в Ванды должны вначале привезти?

– Ну да. А оттуда они с женой пешком нагонят стадо.

– Ну да, ну да. Дорогу знают... А потом, когда отел, стада ведь почти на месте стоят. Всего, наверное, два дня хода, дальше, поди, не успели уйти... – Видно было, что Арсин говорит это, а сам думает о чем-то своем. Неожиданно он нахмурился, свел брови и вдруг сказал, бросив на жену быстрый взгляд:

– Знаешь что, Таясь? Едем-ка обратно.

– Куда обратно? Зачем?

– В Ванды схожу. Здесь же близко. Скажу Юхуру, что часть его стада тут находится.

– А зачем сейчас, Арсин? На обратном пути и заедем...

– Нельзя, Таясь, опоздать можно. Вдруг он успеет на другой берег переправиться? На Уральскую сторону.

– Ну, давай я съезжу. Ты посмотри на себя – от тебя ведь одни кости скоро останутся!

– Эх, Таясь, Таясь! Пожалей-ка ты глаза семи богов на небе, – засмеялся Арсин. – Да за кого ты меня принимаешь-то? Рано меня, бывшего фронтовика, со счетов списывать!.. – И посерьезнел. – Нет, Таясь, тебе нельзя. А ну как лед тронется? Вот и растеряешься... А я-то не раз в таких переделках бывал. – И Арсин, отпустив таловый куст, развернул лодку в сторону разлившихся заберегов, где вода в вечерней тишине лоснилась, словно жир.

Вернулись они уже за полночь. Арсин, хоть и хорохорился давеча, еле волочил ноги. А вскоре, едва они с Таясь успели переправиться на остров, вдалеке показались две человеческие фигуры. Люди торопливо шагали по гладкому льду.

– Ну, вот и хозяева стада, кажись, пожаловали, – сказал Арсин. – Вон тот, правый, на женщину смахивает. Поди, Хорьяр с Юхуром и есть.

– Да, похоже. Знаешь, Арсин, я, пожалуй, не поеду перевозить их на колданке, а? Ты уж давай сам как-нибудь, ладно?

– Ладно, Таясь, ладно. Иди давай в избушку. Печь натопи, чаек согрей...

– Это для Юхура, что ли? Кой! Сорни Турам – Золотое небо! Да лучше пусть руки мои отсохнут, чем его чаем напою!

– Но ведь он же не просто так, Таясь, не в гости... К тому же не один, с женой. Она-то при чем?

– Ну ладно, езжай, – смягчилась наконец Таясь. – Там посмотрим.

...Юхур сошел на берег молчком – ни здравствуй, ни прощай, словно ему вдруг отказал язык. Постоял, огляделся, закинул на плечо аркан и, буркнув что-то жене, которая шла следом, с ходу направился смотреть, в каком состоянии отколовшееся по его вине стадо. Естественно, и Арсин не стал навязываться ему в попутчики, ушел вместе с Таясь в избушку – почаевничали, перекусили. Однако любопытство все же разбирало его, не удержался, залез на свою смотровую лестницу, чтобы поглядеть, что же все-таки там Юхур делает.

Тот долго ходил по острову, часто останавливался около тех важенок, которые еще не отелились. Яловых вылавливал, словно хотел сам еще раз убедиться в том, что теленка у нее и не должно быть. Глядя на этот явно затянувшийся осмотр, Арсин усмехнулся: «О, семь мудрецов старины! И как вы только послали такого человека на землю?! Глазам своим верить не хочет. Не съел ли, мол, Арсин, не упрятал ли куда-нибудь теленка. Только это, наверное, и есть в голове – а то с чего бы ему каждую важенку так тщательно ощупывать?»

Однако он и не думал мешать Юхуру: человеку стадо доверено, бригадир как-никак, вся ответственность за оленей на нем... А ему самому теперь, когда стадо передано с рук на руки, можно, пожалуй, и уезжать с острова, хватит, сколько можно здесь голодать...

Похоже, о том же думала и Таясь – подошла вдруг к лестнице, спросила у него негромко:

– Арсин, долго ты еще будешь там сидеть? По-моему, ты теперь свободен – не пора ли домой собираться? Давай хотя бы в Ванды поедем, что тут без еды торчать?

– Погоди немного. Пусть Юхур вернется. Может, помощь ему какая нужна...

– Да ты-то чем ему поможешь? То, что раньше делал, – да, понятно. А сейчас? Наоборот, нам лучше бы поскорее в поселок попасть, сообщить обо всем в контору.

– Сообщать – это надо в Поварат, а не в Ванды. А добраться ли нам теперь до Поварата – это еще вопрос... Это ж не шутки – полста верст вкруговую по льду. А ну, как он тронется? О, семь богов на небе! У ледохода знаешь какая сила? Нашу лодку, как скорлупку, сотрет. Если сообщать – надо что-то иное придумать. Как-то по-другому...

– Да что тут придумаешь-то? Мы же не птицы, крыльев нам Бог не послал...

– Крыльев, говоришь, не послал? – Арсин даже скатился со своей лестницы. – Слышишь, Таясь? Здесь же вертолеты в сторону Горок пролетают. Каждое утро их вижу. Вот бы с вертолетом как-то весточку передать...

– Да что ты хоть говоришь, Арсин! Так он к тебе и сядет, вертолет!

– Можно вот что сделать... Что, если костер большой на льду разложить? А? И самим там стоять, махать платком. Может, увидит летчик, а? Как думаешь, Таясь?

– Ну, не знаю. Пусть у Юхура об этом голова болит. Его стадо.

– Ладно, Таясь. Давай не будем здесь болячки старые расковыривать... Голова у меня тяжелая что-то. Устал. Может, я вздремну ненадолго? Закончит Юхур свое дело – придет, разбудит.

И Арсин, едва добравшись до нар, тут же уснул.

Разбудил его скрип двери, быстрый женский разговор. От накопившейся за эти дни усталости, от гребей ныло все тело. С трудом открыв глаза, он увидел через окно, что солнце залило своим золоченым светом весь остров. Надо было вставать. Он сладко зевнул, одолевая ломоту, уселся на нарах.

И тут увидел, что у порога, не выпуская деревянной дверной ручки, стоит жена Юхура Хорьяр – в ярко-красном платке с длинным кистями, в красиво изузоренной белой ягушке.

– Арсин-аки, муж вас на улицу просит выйти. Разговор к вам важный имеет.

– Да ты заходи в избушку-то, – буркнул Арсин. – Кто так разговаривает: одна нога дома, другая – еще за порогом. Садись, попей с моей Таясь чаю.

Хорьяр как-то неуверенно пристроилась у самого окна.

– Сказываешь, разговор имеет? – переспросил Арсин, вставая с нар. – Ну что же, выйдем на улицу, коли так.

Юхур, в надетой поверх малицы ситцевой сорочке, сидел на любимом Арсиновом «диване» и покуривал сигарету. Увидев Арсина, бригадир вдруг переменился в лице – только что оно было спокойным, благодушным, а тут вдруг враз стало каким-то умильно-заискивающим, и Арсин сразу насторожился.

«Вишь как, и глаза уже не суживаются грозно, не мечут острые стрелы, как тогда в конторе, когда оленей мойпар угнал, – подумал Арсин. – Что, неужто вины своей так боится?» Пытаясь разгадать, что у бригадира на уме, он, не заметив сам, так пристально вперился в него, что Юхур не выдержал и отвел глаза. Откашлялся, как будто у него вдруг запершило в горле и, не глядя на Арсина, тихо сказал:

– Знаешь, о чем я сейчас думал...

– Да где же мне знать! Чужая мысль – как ловушка неосмотренная. Что-то она еще преподнесет?

– Ну, а если вдруг хорошего зверя? Стоящего!

– Ладно, не будем концы языков вхолостую стесывать. Говори: что хотел?

– Я, Арсин, знаешь ли, – замялся Юхур, – о тебе тут думал... Много тебе пришлось попотеть, шибко много. Я ведь, как пастух, сразу все понял, еще когда ты только перевозил меня. А теперь своими глазами твою работу увидел. – Он сделал длинную затяжку и бросил окурок к ногам. – Стыдно мне будет, Арсин, если за такой труд не отблагодарю тебя. В старину, знаешь, как в таких случаях говорили? Рыбу имеешь – самого жирного осетра отдай, мехами богат – драгоценной выдрой одели, оленями владеешь – самую породистую важенку не пожалей. А в старину люди толк знали...

Юхур опять посмотрел на него все тем же умильно-заискивающим взглядом.

– Так что, Арсин, ничего для тебя не жалко. Любую важенку в стаде выбирать можешь. С теленком вместе. И эту авку, которую приручил – тоже можешь себе забрать...

– Ох, какая щедрость! Да ведь это же совхозные олени, не твои!

– Ну и что из того? – Юхур встал, подошел к Арсину поближе, понизил голос: – Эка важность – совхозные. Надо будет, спишем. Падеж. Мало ли при отеле оленей пропадает? Спишем – и кто узнает? Никто. Только мы с тобой и будем в курсе...

Арсин вдруг всем нутром почувствовал, что Юхур не сказал еще самого главного – что награду эту предлагает не просто так...

– Слушай-ка, Юхур, – начал он, осторожно пытаясь выяснить, что же все-таки от него нужно. – Это ведь очень дорогой подарок. Мне, наверное, заплатить нужно будет кое-что, да?..

– Ни копейки! – тут же откликнулся Юхур. – Только молчи – и все!

– Как молчать?

– Очень просто. Чтобы в поселке, ну в конторе, не узнали про то, как стадо отбилось. До директора чтоб не дошло.

– Да разве ж можно такое дело скрыть? – рассмеялся Арсин. – Тут ведь не один олень. Стадо целое! Рано или поздно все равно известно станет!

– После – пусть, когда беда минует. Тогда уже не страшно. Забудется, простится...

– Что-то я, Юхур, никак в толк не возьму... Как же ты стадо-то собрался спасать, если сообщать не хочешь? Оленей ведь на другую сторону надо перевозить.

– В селенье Ванды рыбаков много. Перетолкую с ними.

– Рыбаки? А ведь им за работу ого-го сколько платить придется!

– Ну, это уж мое дело. Может, рубль-другой в кармане найду.

– Ну хорошо, найдешь. Им же, оленям-то, корм нужен. Сколько уж они на коре сидят – того и гляди, падеж начнется.

– Говорю же тебе, Арсин, – это уже мое дело. Мое стадо – мне и думать. Я хозяин.

«Ну вот, – вздохнул про себя Арсин, – и повернул твой язык на любимую тропу. Десять лет в колхозе председательствовал – вот и приучился начальником быть. «Я хозяин» – и все тут. А что олени совхозные вот-вот погибнуть могут – на это ему, «хозяину», наплевать».

И Арсин, понявший теперь намерения Юхура, не удержался, сказал решительно:

– Нет, Юхур, не купишь ты меня. Целого стада тебе не хватит, чтобы меня купить. А главное – олени на это не согласятся.

– Брось ты эти прибаутки! Олени! Что они – заговорили, что ли!

– Да, Юхур. Неделю уже с ними разговариваю. Говорят: срочная помощь им нужна. Ослабли от плохой кормежки. Сенца им подвезти надо. Комбикормов, соли. А тут еще неизвестно, когда река уйдет...

– Как когда? Не останется же лед на лето. Сегодня-завтра и тронется.

– Ну, хорошо. Сегодня-завтра. А теперь подсчитай, сколько времени ты их будешь перевозить. Больше трех в одну лодку ведь не возьмешь, верно? Не возьмешь... Считай, неделя понадобится. Да через неделю они, без корма-то, совсем ноги протянут. Так что не проходит у тебя это дело, Юхур. Сколько можно животных мучить! Катер надо вызывать с площадкой. Три рейса – и все на лесной стороне окажутся.

– Ха! Хитер! Так он когда еще придет-то, твой катер!..

– Как сообщим – так и придет.

– Опять смеешься, Арсин. Ведь это та же самая неделя!

– Нет, Юхур, меньше. У меня мыслишка одна есть... Вертолет попробовать остановить. Он здесь все время летает. И низко.

– Ох-хо-хо! – схватился за живот Юхур. – Ты, я смотрю, совсем здесь с ума спятил. Вертолет! Поманишь, значит, его пальцем – и он тут как тут, прямо к тебе на ладонь сядет, да? Ну и болтун!

– Ну что ж... Коли так – больше нам с тобой разговаривать не о чем! – отрезал Арсин и зашагал было к избушке, но Юхур остановил его.

– Не о чем значит, да? – Глаза его сочились злобой. – Нет, Арсин, есть о чем! За многое тебе теперь отвечать придется, ох за многое! Да так отвечать, что язык спать укладывать забудешь.

– Это еще с какой стати?

– А вот с такой! Во-первых, – он загнул указательный палец левой руки, – одна важенка – та, что с кривым рогом, – отелилась уже, я по соскам определил, а теленок где? Авка у твоей избушки – она почему без матери осталась? – Он загнул второй палец. – Что, молчишь? Небось уже на мясо загнал? Да ты, поди, только из-за этого и завесновал на острове! Если б по-доброму – давно бы уже весть подал. Сообщил, что олени тут. – И он загнул следующий палец. – Как ни крути, а не отвертеться тебе, Арсин. Жадное твое сердце и здесь к оленям крепко прилипло. Не отдерешь. Гони, давай, авку в стадо. Не твоя, небось. Нечего народное добро присваивать.

Вот когда наконец сузились его глаза, вот когда начали они, как прежде, метать острые стрелы. Арсин еле сдерживал себя. Пальцы сами сжались с кулак, словно превратились в камень; он уже готов был изо всей силы смазать Юхуру по наглой его роже – за все, за все пакости, за все подлости, за вымотавшую Арсина неделю, что провел на острове с оленями. И в этот момент он услышал донесшийся со стороны Салехарда далекий гул вертолета.

– Я-а! Таясь! – крикнул он. – Давай скорей! Вертолет летит!

– Таясь тут же, словно только и ждала его зова, выбежала на улицу, искоса кинула на Юхура недобрый взгляд – все слышала, конечно.

– Давай, скорее, Таясь, на лед, к чистому месту. Как раз успеем. Пока вертолет будет садиться в Супвоше, сдавать и принимать почту – не меньше получаса пройдет. Успеем!

И Арсин с Таясь побежали к колданке, а вслед им донесся злобный голос Юхура:

– Бегите, бегите, все равно воровство свое не прикроете! Шибко ворованным-то не наедитесь!

Но Арсина эти слова никак уже не задели – не до Юхура было: надо было спешить делать дело – оленей спасать! Он закинул греби на уключины. Таясь села на кормовое весло, подруливать. Когда они вылезли на кромку льда и вытащили колданку, вертолет уже поднимался еле заметной точкой над синеющим на далеком берегу лесом.

– Бери платок, Таясь, маши! Бегай туда-сюда и маши. Не переставая маши! И кричи во весь голос...

А сам снял с себя малицу, вытащил из нее порядком заношенную сорочку и, схватив весло, отбежал от Таясь метров на двести ближе к середине реки, быстро привязал сорочку к веслу, приготовился давать вертолету знак.

Треща винтами, летящая машина приближалась к реке. Арсин широко размахивал наспех смастеренным флагом, поглядывая время от времени на Таясь. Да, летчики не могли их не заметить! Он вдруг

увидел, что вертолет, еще далекий, в километре, наверное, от них, вдруг почему-то резко снизился у мыса Тушвош, и гул его, словно сеть, охватил всю окрестность. Вот зеленое брюхо винтокрылой птицы пронеслось над самой головой... Нет, не заметили...

Арсин, взмокший, отмотавший все руки, поставил весло на лед. «Да разве сядет он здесь? Мало ли кто пожелает ему махать...» – тоскливо подумал он и снова посмотрел на Таясь. Она по-прежнему трепала свой платок, махала, что есть силы.

– Перестань, – крикнул он ей устало. – Не видишь, что ли, улетают...

Он отвязал от весла сорочку и, едва успел напялить ее, как услышал крик жены:

– Смотри, Арсин! Повернул!

– Семь богов счастья! – закричал, радуясь, как ребенок, Арсин. – Заметили нас. Слышишь, Таясь, заметили! Давай, беги ко мне!

И в этот момент, сквозь забивающий уши вертолетный гул, он услышал ее перепуганный вопль:

– Мув аси! Турам Аси! Бог Земли! Владыка Неба! Пропали!

– Что случилось?! – повернулся он в ее сторону и сразу увидел, что – огромная змеистая трещина пролегла между ними. – К берегу, к берегу беги! – закричал Арсин, о себе он не подумал, он думал только о том, чтобы Таясь успела... – К лодке поближе!

Взглянув в сторону острова, Арсин только теперь понял, что, пока они ждали вертолета, пока махали, началась сильная подвижка – их, вместе со льдом, несло за тальниковый мыс. На коренном берегу Малой Оби, у переката, уже наворачивало горы торосов, а полынья между ним и Таясь, протянувшаяся от берега до берега, словно по мановению волшебного идола Сяси-Ими, все увеличивалась; ширина ее была теперь не менее броска аркана...

Вода, будто сказочный Менг-великан, с грохотом напирала на сопротивляющийся лед и гнала, гнала его вниз по течению. И вдруг он услышал через весь этот грохот, этот треск, свист разрезающих воздух стальных лопастей; Арсин поднял голову и чуть не заплакал – вертолет завис прямо над ним, он снижался! Машина не стала касаться колесами льда – чья-то рука выкинула из открытой дверцы лестницу, а потом замахала, приглашая его к себе, наверх.

«Как лучше сделать? – лихорадочно думал Арсин. – Передать через летчиков записку директору совхоза Косенко, а самому вылезти на острове? Или слетать в контору? Хотя слетать, конечно, может и Таясь». Он посмотрел в ее сторону – Таясь бежала что есть силы к краю расползающейся на глазах льдины...

Тут махавший ему человек в кожаной куртке и ушанке не выдержал, повис на лестнице, схватил Арсина за рукав, с силой рванул его вверх.

– Садись! – прокричал летчик, когда они оказались в вертолетном брюхе. – Сейчас и женщину подберем. Жена, небось, да?

Еще не пришедший в себя, Арсин только кивнул головой.

Таясь подобрали точно так же, выкинув лестницу, а когда дверца захлопнулась, человек в кожаной куртке спросил, крича Арсину в самое ухо:

– Куда вас довезти-то? Где высадить?

– Дело у меня важное есть, начальник. Шибко большое дело! – закричал ему в ухо и Арсин.

– Какое дело? Скорей говори!

– Стадо там... Олени погибают. Внизу остались, на острове, шибко плохо им.

– Понял, отец, понял. Чем тебе помочь?

– Да чем помочь! Бумагу вот надо нацарапать... А вы бы отвезли ее, а?

– Куда?

– В Горки. Директору Косенко.

– Знаем, знаем такого, летали по вашим стадам. Погоди, сейчас с командиром поговорю.

Человек в куртке недолго побыл в кабине, а выйдя оттуда, прокричал Арсину:

– Ты сам лететь с нами можешь? Есть кому за оленями присмотреть?

– Подожди, начальник, у жены узнаю, – Арсин наклонился к уху Таясь. – Летчики спрашивают: мы сами в совхоз поедем или бумагу пошлем?

– А лодка-то на льду, Арсин! – всплеснула она вдруг руками, как будто не в вертолете сидела, а в их избушке. – А лошадь с упряжкой?!

– Да ты что! Колданку несчастную пожалела?! – прокричал Арсин. – Руки целы пока, новую смастерю. И с лошадью ничего не будет. Директор, думаю, сам приедет оленей смотреть. Обязательно вертолет закажет, вот мы и...

– Ну, скорее, отец! – раздался голос летчика. – Время, время! Мы ведь только из-за ледохода к вам спустились, спасать вас...

– Едем, начальник! – прокричал Арсин. – Едем!

– Хорошо! – Летчик ушел в кабину, прихлопнув за собой дверцу.

Арсин почувствовал, как вертолет, напрягая могучие лопасти, взмыл вверх и, накренясь, повернул в ту сторону, где было селение Горки.

Он прильнул к иллюминатору и увидел внизу бескрайно разлившиеся забереги. Ледовый панцирь реки, расколовшийся, будто от удара гигантского молота, на огромные глыбы, напирал на заросшие талом острова посредине реки, наворачивал на них высокие ледяные горы, долбил каменные перекаты за мысами.

Поздний ледоход, словно медвежья лапа, мял и чесал скулы реки, уносил с собой скопившийся за зиму на берегах мусор...

На Оби начался мощный, все сокрушающий на своем пути, ледоход...

(Перевод А. Карлина),
1987

В ОЖИДАНИИ СЫНА

Шел седьмой мирный год, и старик Порака с нетерпением ждал сына Миката со срочной службы. Сын его служил на флоте, где-то в районе Камчатки.

Всем, кто интересовался Микатом, он с важным видом отвечал:

– Служит в далеком восточном краю. Где земля кончается. Туда только мыслью можно перенестись. – И еще любил добавить: – В такую важную даль не каждого пошлют.

Порака получал много разных фотографий от сына, где тот был заснят чаще всего со своими товарищами по службе. Если выпадало свободное время, старик подолгу рассматривал групповые снимки, осторожно водил по ним пальцем, любовался сыном и обычно с гордостью приговаривал: «Все парни как на подбор. Лицо и тело словно у молодой стройной лиственницы, без сучка, без задоринки».

Порака особенно гордился тем, что его сын почти на всех фотографиях не уступал своим сослуживцам ни ростом, ни сложением, и отсюда делал вывод: значит, и силой не уступал. А когда рассматривал вместе с женой Сантарой и детьми, Порака сам объяснял сюжет снимка, пытаясь передать настроение и даже мысли запечатленного там сына и его товарищей.

Пораке нравилась военная форма матросов.

– Разве можно сравнить ее с солдатской? – любил повторять он. – Рядом их нельзя поставить. До чего же красива!

Он долго размышлял о разнице и, кажется, нашел свое объяснение.

Матрусу-ики, сын которого тоже служил, но в сухопутных, под Омском, поведал Порака однажды, когда был слегка выпивши, так:

– Это, старина, если подумать, вот с чем, стало быть, связано. Со службой в первую очередь. Матрос-то на море службу несет. Глянь-ка на фотографию. Корабль большой стоит. Края воды не видать. Самое большое море, сказывают, там. Что наша Обь по сравнению с тем морем? Подумай-ка. Корыто с водой разве? А теперь подумай-ка: что будет на такой воде, коль шторм разыграется. Подумай-ка, какие волны вздыбятся. По-моему, выше любого нашего дома головы задерут! А дальше подумай-ка, с какой они силой на корабль навалятся? Ох, старина! Только могучий корабль такую силу выдержит и не перевернется. И люди крепкие. Матросы, стало быть. Вот и подумай-ка: всякого ли человека на море служить возьмут? Э-э, не всякого... Только самых здоровых. Вот и подумай-ка, старина, мыслями пораскинь. По-моему, тут вот в чем дело: коль трудная служба у них, то и форма должна быть красивая. Как награда за трудную службу, выходит. Понял?

Матрус-ики, с резким монгольским разрезом глаз, слушая Пораку, еще ниже отставлял нижнюю губу и, особо умом не отличавшийся, – мозги его, шутили люди, в маленькую табакерку можно спрятать, – водил своим длинным, как большой нарост чаги на березе, подбородком и нехотя соглашался. Порака, заметив, что тот еще немного сомневается в истинности его слов, настаивал на своем:

– Ты сам подумай-ка, Матрус. Сам попробуй сравнить своего хилого сына Еку и моего Миката. Твой Ека от удара кулаком, как слабый тал, зашатается. А мой, как могучий кедр, на месте устоит. То-то. Мой Микат коль ударит кого, так тот надвое расколется. Потому-то его и взяли служить на море. Там сильные, стало быть, нужны.

Против такого довода Матрус-ики уже ничего не мог возразить. Матрус-ики – его прозвище. В молодости, когда он еще был крепким, выгружал однажды мешки с мукой с баржи на берег и, легко перетащив первый мешок на плечах, взял да и похвастался: «Таскайте, как я! Усталости совсем не чувствую. Я – настоящий матрос!»

С тех пор за ним и закрепилось прозвище Матрус-ики. Ханты переиначили «матрос» на «матрус» и, хотя настоящее его имя было Карыкул, редко так его называли.

Но больше всего Порака любил показывать приходящим в его дом односельчанам фотографию сына, где тот гордо высовывался из спасательного круга с надписью: «Привет с Тихого океана» – на фоне необъятной водной глади и грозно ощерившегося орудия военного корабля. Порака, которого только однажды, под самый конец войны, в поселке снимал на военный билет приезжавший фотограф, конечно, не догадывался, что на фото можно сделать любой фон. Поэтому, получив от сына на втором году службы этот снимок, Порака долго рассматривал его, о чем-то напряженно думая, и так растолковал жене и детям содержание:

– Смотрите, где служит наш Микат. Я так и предполагал. Что-что, а старческий ум кое-какие зарубки имеет. Его красивая форма еще тогда мне подсказала, где он службу несет, – и, глянь-ка, не ошибся! – Старик, хрипло прокашлявшись, широко заулыбался, провел ладонью по глубоко пролегшим бороздам на щеках, напоминавшим следы брошенных на рыхлом снегу хон-пат юхов[80]. Затем погладил себя по лысине, похожей на заснеженную кочку с отвисшими мелкими клоками осоки, и еще внимательней вгляделся в снимок, словно пытаясь вникнуть в самую его суть. – Дело так обстоит, детки. Хорошо слушайте меня. Микат, стало быть, на корабле службу несет. Границу нашу охраняет. Со стороны морей, стало быть. Он, наверное, каждый день стоит на посту, глаз не смыкает. На самом носу корабля стоит. Где все видно кругом. На американскую сторону смотрит. Зрение напрягает, как коршун рыбный. А напротив, наверное, американские корабли стоят. Тут, их, правда, не видать. Но они есть. В другой стороне. Видите, пушки нашего корабля в их сторону нацелены. Стволы расчехлены. Наготове стоят.

Здесь уже, увлеченный интересным рассказом отца, азартный и сообразительный Якур не мог удержаться:

– Аси! Аси! – Папа, папа! А когда они будут стрелять? Бахать, как в кино? Бух! Бух!

– Как когда, сынок? Сразу. Стоит кораблю противника двинуться на метр в нашу сторону – и пушки загрохочут.

– Так и загрохочут, так и пальнут?! Прямо сразу, сразу?!

– А ты как думал, Якур? Мы не успеем – враг раньше пальнет. Вот мы и наготове, стало быть, всегда должны быть. Нам, сынок, нельзя опаздывать. Нельзя свою землю отдавать. Вот Микат и стоит на посту там. За неприятелем смотрит. Я думаю, он не подведет. Зоркие глаза у него. Хорошим охотником был. По летящей утке редко мазал. Вот так, сынок. – Порака, удовлетворенный своим объяснением, гордо приподнял голову. – В Москве военные хорошо знают, кого и куда направить на службу. Думаю, они не ошиблись в Микате.

– Папа, а как же Микат в круг спасательный залез? – спросил Якур.

Порака надолго замолк, видно не имея еще твердого мнения на этот счет, поводил пальцем по кругу на снимке и сказал:

– Тут, дети, хитрость небольшая, думаю. Микат, ну, как вам сказать, в часы отдыха решил, наверное, отплыть подальше от корабля на шлюпке. Здесь его со спасательным кругом и сфотографировали. Видишь, волны кругом...

В таком же духе Порака важно объяснял содержание фотографии и другим сельчанам, приходившим по разным делам в его дом и интересовавшимся службой сына в армии. Порака, ни разу не видевший военный корабль своими глазами, не вдавался в подробности о его боевой мощи, но, делая логические выводы, обычно, если ему задавали подобный вопрос, отвечал однозначно:

– Ты что? Разве не видишь? По-моему, стоит ему только рявкнуть из орудий – и наше селение в песок перемелет.

И, наблюдая ошеломляющее действие своих слов, добавлял:

– А ты как думал? Вон какие стволы-то! Не зря зовут «вош аламты поткан»[81]. – И, сделав паузу, Порака многозначительно заключал: – Вот так вот. В таком месте, значит, служит мой сын...

О, сколько раз рассказывал Порака разным людям о службе Миката за эти годы! На сколько верст протянулась бы тропа его разговора, если бы имела след?! Наверное, обошла бы по Оби не один десяток

[80] Хонпат юх – заостренная выстроганная палка для игры. Когда ее бросают – легко скользит по снегу.

[81] Вош аламты пошкан – оружие, сметающее город.

мысов, которые самородковыми глыбами разбросаны по берегам величавой реки, и сколько времени надо было бы ехать на нарте? Наверное, не один день и не одну неделю. Даже на самой быстрой и легкой нарте.

С великим нетерпением ждал Порака своего сына из армии. С таким радостным чувством, пожалуй, дожидается отец рождения наследника, продолжателя рода – долгожданного сына, когда он, словно по подсказке волшебника, заранее знает об этом.

***

На приобских берегах стояло жаркое лето. Месяц Подъема Муксуна выдался необычно спокойным. Уже вторую неделю поддувал слабый Овас Вот – Северный Ветер, такой желанный для рыбаков в горячую пору путины, когда можно легко подниматься в лодке под парусом навстречу стремительному течению реки для очередного замета плавной трехпровязной[82] сети и рыбака! Не надо гнуть спины и потеть, изматывая себя за широколопастными гребями. Моторов стационарных, тем более подвесных, в первые послевоенные годы в колхозе «Голос рыбака» не было и в помине. Только у рыбаков государственного лова, промышлявших на неводном песке Уят Пан, имелась для перевозки рыбы на приемный пункт астраханская высокобортовая неуклюжая бударка с установленным на ней маломощным, в три лошадиные силы, мотором. А у колхозных рыбаков единственным помощником во время путины был только парус, да и то лишь когда выдавался благоприятный день.

Вот и нынче рыбаки, кто в мыслях, а кто и вслух – те, что постарше, – благодарили Вотат Лух, Идола Ветра, за посланный парусный ветер, так кстати подвернувшийся им в дни массового вонзевого лова – подъем муксуна на Оби, когда бударка брала за плав свыше центнера деликатесной рыбы.

Благодарил Идола Ветра и Порака, сидевший сейчас на выструганном из елового кругляка дощатом пороге летнего дома неподалеку от речной кручи и смотревший в сторону плавного песка Нумпан, куда верстах в четырех от него выезжали на очередной замет сети его дети – Кевхо, Якур и Волать. Хотя старшему Кевхо шел пятнадцатый год, Порака в свое отсутствие главным в лодке оставлял среднего – Якура, как самого расторопного, сообразительного и лучше знавшего плавную сеть. Якур не отходил от отца во время сушки на вешалах и ремонта сети, перенимая навыки и выпытывая у него, почему нужно менять загрузки сети для каждого плавного песка, усердно стараясь вызнать секреты высоких уловов. Словом, делал все, что просил Порака, и даже больше.

Вот потому Порака и доверял закидывать и поднимать сеть Якуру. А тот, кому доверена сеть, по традиции является и кормовщиком, и, стало быть, старшим в лодке – ему принадлежит последнее слово в решающий момент замета.

Порака уже вторую смену не выезжал на лов со своими сыновьями: знал, что, когда поддувает свежий парусный ветерок, ребята отлично справятся и без него. Он был спокоен: они достаточно хорошо знают место замета, чтобы не угодить сетью в таящиеся на речной глубине коварные задевы – разные топляки и коряги. Был уверен в правильной загрузке сети под подъем косяков муксуна и не сомневался, что дети вернутся с неплохим уловом. В предыдущую смену они сдали около полутора центнеров муксуна да пудового осетра.

Порака полагал, что и сегодня щедрая вода-кормилица не обидит. Тем не менее какая-то внутренняя тревога не давала ему покоя, мысли то и дело переносились к детям: «Как они там? Правильно ли спускают сеть? Не задумали ли без моего ведома утяжелить ее?»

Приложив ко лбу козырьком ладонь и внимательно присмотревшись, старик убедился, что рулевой Якур развернул лодку для замета, выкинул в воду маяк – речной курень – и, прикинув, что сын в самый раз подъехал к нужному месту в реке, Порака несколько успокоился.

«Молодец, Якур! – подумал он про себя. – Настоящий рыбак растет»...

Вообще-то при мыслях о дальнейшей судьбе сыновей его каждый раз одолевали противоречивые чувства. Он, с малых лет приучая детей к труду, брал их на рыбалку. Порака, с одной стороны, стремился воспитать из них опытных следопытов, и охотников, и умелых, разбирающихся во всех тонкостях рыбаков; но, с другой стороны, на него оказывали постоянное давление школа и сельский совет, которые требовали, чтобы дети прежде всего выучились грамоте. Порака вначале откровенно насмехался над ними: что, мол, получишь от бумажек и книг? Какой толк в них? Разве зверя или рыбу добудут? Но когда в поселке появились первые учителя и, узнав, что они за свой труд получают даже больше его и что за-

[82] То есть длиной 225 метров.

работок их всегда твердый, Порака стал задумываться – какой же главный путь избрать детям? Проявляя осторожность, он заставлял детей и грамоту хорошо учить, и промыслы древние познавать. «Знания не будут лишними, – размышлял он. – Время покажет. Пусть учатся». Хотя в глубине души продолжал считать, что учеба здорово отрывает их от важнейшего дела – рыбалки и охоты.

Пораке, конечно, было бы легче, если бы он сам находился сейчас с детьми. Но здоровье его, как к осени идущая на убыль вода сора, все больше сдавало, и он впервые в это лето почувствовал, что силы начинают покидать его, что с каждым утром ему все труднее, мучительнее вставать, тяжелее переносить на ногах тело, все еще мускулистое и жилистое, хотя оно, подобно засыхающему дереву, медленно, но неотвратимо теряло свой вес.

На людях Порака старался держаться молодцевато, как и прежде, не по своим годам, уже отсчитывающим седьмой десяток, и он с каждым днем явственно ощущал, как заметно тают в нем, словно весенний снег, старческие силы.

Поэтому Порака старался беречь себя, с тем чтобы хватило их до приезда сына Миката с действительной службы.

Порака, в отличие от многих хантов, имел длинноватый, но правильной формы нос, широкий лоб и непомерно торчащие, как у лося, уши. Карие глаза, выглядывавшие из-под длинных ресниц, взирая на человека, казалось, пронизывали его насквозь.

Он был женат во второй раз. От первой жены – она утонула в реке, переплывая во время шторма на колдан-ке широкую Обь, – у него осталось трое дочерей, которые давно уже были замужем и жили со своими семьями вдали от него.

У Пораки, кроме старшего сына Марата, пропавшего без вести на войне, было еще шесть сыновей и дочь Этуш, родившаяся вслед за Микатом. Этуш, с раннего детства хорошо усвоившая от отца рыбацкие навыки и секреты высоких уловов, в это лето плавала на отдельной бударке с Хоръяр Нэ, муж которой погиб на фронте.

«Лишний пай плохого в доме не сделает, – сказал отец, напутствуя дочь перед началом путины. – Мало или много добудем рыбы – все наше, все в один дом придет. Лишний рубль и трудодень не помешают. Ртов-то вон сколько. Как усядутся за стол, только головы торчат...»

Для такого решения у Пораки, конечно, были все основания. На его иждивении находилась еще престарелая бабушка Муссохпат. А Сантара почти не участвовала в колхозной работе, только осенью помогала убирать картофель с полей. Времени у нее всегда не хватало. Последнему малышу, Логи, шел четвертый год. Всего у нее было десять детей, но трое умерли при родах. Сантаре надо было ежедневно следить за хозяйством, ухаживать за коровой, вовремя подумать о дровах, натаскать воды, приготовить еду, подшить после сушки кисы и чижи. И было много еще других, с виду незаметных, но не менее важных дел по дому. Вот и сегодня Сантара, наскоро усыпив Логи и оставив его на попечение восьмилетнего Оськи, ушла с десятилетним Евдином на речку Поланг Соям за морошкой, которая нынче хорошо уродилась в приобских ложках.

Сейчас Пораку, сидевшего на крыльце своего дома, одолевала не только забота об уехавших на плав сыновьях, но и не менее важная дума о старшем сыне Микате, от которого два дня назад получил последнее письмо, где он сообщал, что до демобилизации остался месяц и что писать больше не будет. О приблизительном сроке прибытия в родной поселок, как писал Микат в письме, он уведомит телеграммой. Письмо с Камчатки шло три недели.

«Стало быть, – рассуждал про себя Порака, – Микат вот-вот отслужит положенный срок и подастся в родные края. Через месяц, стало быть, заявится домой. Только бы за это время ничего не случилось, – тревожился он, мысленно обращаясь к Калтась Ангки, Идолу Жизни. – О всесильный идол! Не дай вспыхнуть новой большой войне. И так сожрала она старшего сына. О Калтась Ангки! Отведи войну на месяц, на неделю...»

Порака, хотя и прошел курсы ликбеза, читать не научился, умел только выводить первые буквы своих инициалов. Но, получив районную газету «Сталин юш ху-ват» – «По сталинскому пути», заставлял старших сыновей в свободное время читать ему все, что было интересно в газете, особенно материалы международной жизни. Кроме того, Порака каждый вечер ходил в красный уголок колхоза, помещавшийся прямо в кабинете председателя, и слушал передачи единственного в селении радиоприемника «Родина», работавшего от аккумулятора. Поэтому он, в отличие от других стариков его возраста, был в основном в курсе последних событий, происходивших в мире. Он знал, что в Корее все еще идет война, развязанная американским империализмом. Не раз об этом рассказывали приезжие лекторы из района. Из кратких

сводок в газетах Порака знал, что хотя война и уступала по масштабам минувшей, но она моглав любое время разгореться и охватить другие страны. К тому же его сильно беспокоило, что эта война проходила где-то на востоке, в краях, где несет службу сын. Порака много раз приходил в школу, занимавшую вторую половину конторы, и в классной комнате, где висела физическая карта мира, не разбираясь в ней, просил показать место, где служит его сын Микат, и страну Корею, где шла война. Не совсем доверяя пояснениям учащихся, Порака обращался к учительнице Анне Михайловне и выяснял, где находится Корея, а где Камчатка. По ее словам выходило, что они далеко друг от друга, но это ничуть не снимало нервного напряжения.

...«Так-так, – думал про себя Порака, сидя на крыльце. – Когда же появится долгожданная телеграмма от сына? Когда же обниму Миката? Целого и невредимого!.. – И затем его мысли, подобно лодке, уткнувшейся в берег, переносились на другое, на неизбежное, о котором он знал лучше, чем кто-либо другой: – Объявится Микат, и можно спокойно уйти в мир нижних людей. Где лежат мать, отец, братья, другие родственники. Тоже, наверное, давно дожидаются меня. Тоже небось соскучились по мне. Не зря же часто вижу во сне отца Калоя. Сегодняшней ночью опять приснился. Вместе сидим у костра. Мясо из оленины для меня варит. Тропа жизни туда и свернет, куда святые духи укажут. Калой уже готовится к моей встрече. Понимаю, понимаю тебя, отец... Дай только Миката дождаться... Будет Микат, и опора в семье появится. А то ведь что сможет сделать Сантара, оставшись одна? Страшно даже подумать... Столько еще ртов накормить надо! Много хлеба еще надо пожевать им, много всякой пищи в желудок положить. Ой, много!.. Нет!.. Одной Сантаре не справиться. Правда, есть Этуш еще... Но ей уже давно замуж пора. Итак дважды сватались. Не было Миката, вот и не отдавал. Да-а... Вся надежда на сына. Эх, Микат, Микат, скорей бы появился!»

Размышления задевали за самое живое, и в памяти Пораки опять как-то нехотя всплыл тот день, когда Миката призвали в армию.

***

Это было четыре года назад. По предварительной договоренности в один из безветренных дней, когда был слабый подъем муксуна, все рыбаки колхоза выехалина таловую оборону Оби, где находилась небольшая, километра два в длину и метров триста в ширину, курья Нак Лойты Хор, берега которой густо заросли мелким тальником. Местные жители называли ее попросту мук-суновой курьей. Когда летом заливало ее водой, туда хорошо заходил нагуливаться вонзевой муксун. Курья, где имелось илистое, хорошо прогреваемое дно, была лучшим пристанищем для поднимающихся по Оби косяков муксуна, щекура, сырка.

В то лето Порака плавал с дочерью Этуш и двумя сыновьями – Кевхо и Якуром. А Микат ходил кормов-щиком в путину в паре с веселыциком Дмитрием Мальковым, крепким русским парнем, сыном одного из раскулаченных переселенцев. Широкоплечий и кряжистый Дмитрий значительно превосходил Миката по силе. И Порака был очень доволен, что бригадир определил напарником Микату именно его. Да и сам Микат был не из худого десятка мужиков селения Ханты Курт. Весь в отца, Микат и характером пошел в него: если выводили из душевного равновесия, он вспыхивал, как огонь в печке, в которую подбросили стружки сухой бересты. И походка у него была отцовская – шагал, слегка наклоняя левое плечо.

Порака с раннего детства учил Миката, и тот неплохо разбирался в тонкостях охотничьего и рыбацкого дела. Поэтому ничего удивительного не было в том, что Микат с самого начала путины стал лидером среди добытчиков. Он больше всех взял рыбы в период сырковой вонзи, сдавая за смену свыше двух центнеров. За день до выезда на курью Нак Лойты Хор Микат с напарником отработали полные сутки. Утром, вернувшись с плава, они только легли спать, как через два часа им надо было снова вставать и выезжать на таловую сторону.

Перед уходом на берег Порака разбудил крепко спавшего сына. Микат глубоко зевнул и сказал, что пусть отец не беспокоится, – он вовремя подъедет к месту добычи.

Порака с детьми доехал до середины Большой Оби, имевшей здесь, напротив селенья, ширину около четырех километров. Он уже начал волноваться, что Микат после бессонной нелегкой ночи опять крепко заснул, а опоздав, он не успеет вовремя выставить в курье свою решевку[83] и, стало быть, лишится большого улова, так как муксун, узнав о появлении сетей и почувствовав опасность, вмиг начнет выкатывать с мест своего нагула. Порака часто оглядывался назад и, когда лодка подплывала к песчаному гольцу, находившемуся пока под водой в самом начале глубокой судоходной Оби, произнес:

[83] Решевка – сеть.

– Кажется, лодка Миката выехала. Остальные вроде все в пути. Кой, кой! Крепко гребут. Вода так и разлетается, так и сверкает. Быстро, должно быть, едут!

Постоянно оглядываясь, Порака вдруг воскликнул:

– Кой, кой! Что с ними?! Кормовщик на нос побежал. За греби взялся. А веселыцик рулить уселся. Они, кажется, попеременке собираются грести. Один гребет, а другой отдыхает. Кой, кой... Неужто задумали догнать нас?

Лодка Миката стремительно приближалась к ним, и когда Порака первым въехал в курью, следом, настигая его, появился сын с напарником. Микат с весельщиком Дмитрием, обнаженные до пояса, раскрасневшиеся, лоснясь от пота, тяжело дыша, вскоре подкатили к бударке Пораки.

– Молодцы! – похвалил их Порака. – Оба молодцы! Оба в силе находитесь. Хорошо потрудились. Значит, Бог пошлет, с хорошим уловом будете. Слегка отдохнем и сети ставить начнем. – Порака вытащил из кармана табакерку, искусно вырезанную из бивня мамонта, открыл крышку, взял щепотку молотого табаку и запрятал за нижнюю губу. Затем из кармана извлек маленький мешочек, вынул стружку сухого тала, аккуратно разорвал на мелкие части и положил плотный комочек в рот. – Си! – Все! Теперь можно сети ставить.

Прогнозы Пораки оправдались. Только успели они перекинуть трехпровязную сеть от одного берега курьи до другого, как в ней заиграла рыба. Жирнобрюхие муксуны, колошматя упругими хвостами о серебристую воду, заблестели у верхних ячеек сетей.

Рыба ловилась хорошо. К вечеру, когда Порака подъехал к лодке сына, у Миката рыбный ящик был уже доверху наполнен здоровыми муксунами.

– Центнера два будет, – сказал довольный сын, отмахиваясь пучком тальниковых веток от комаров. – Не меньше.

– Пожалуй, так, – отозвался Порака. – Вода-кормилица вроде не обижает нас. Ты, Микат, вижу, со своим напарником в передовики лезешь. Нам вас не догнать в путину, и красный флажок, пожалуй, все лето будет плескаться на носу вашей бударки. Молодцы!

– А мы с Микатом, – гордо заявил Дмитрий, – два плана решили дать.

– И дадим, отец, – поддержал Микат. – Спать меньше будем, а дадим.

– Ну уж, – решил слегка урезонить их Порака. – Не хвастайтесь раньше времени. Вот когда наловите, тогда и языком шевелите.

– А что, отец! – с некоторой обидой заговорил Микат. – Мы уже процентов семьдесят дали годового плана. А впереди еще соровой лов. Ведь там будут главные уловы.

– Так-то так, сынок. А все же раньше времени не надо язык закидывать, словно аркан в далеко бегущего оленя. А вдруг промажешь? – Порака поправил шапку-ушанку на голове. – Кто знает, может, и сдержите слово. Тогда вам почет и слава!

Порака прошелся взглядом по цепочке низкобортных бударок, где рыбаки усердно распутывали рыбу, и вдруг насторожился, уставившись в сторону реки.

– А там что за колданка едет? – спросил он. – Вроде бы все рыбаки на бударках...

Действительно, кто-то ехал на колданке. Он покрутился у бударки Еприна Панки, видимо что-то выспрашивая, а затем колданка полным ходом направилась в сторону стоявших борт о борт лодок Пораки и Миката, привязанных за торчавший из воды раскидистый куст тала. Вскоре они узнали Витьку Козлова, сына колхозного конюха, самого задиристого парня среди поселковых ребят. Вспотевший, с расстегнутым воротом грязной холщовой рубахи, с шершавой, как у ящерицы, кожей на открытых руках, он причалил к борту бударки Миката. Затем Витька, пошарив за пазухой, извлек оттуда небольшой листочек и протянул Микату.

– От военкомата бумага, Микат, – сказал он. – Меня председатель Совета Ребась направил. Сказал, что нужно срочно передать эту повестку.

Как только Порака услышал слова «военкомат» и «повестка», у него сразу похолодело в груди и чем-то острым кольнуло сердце.

У Пораки были все основания тревожиться. В прошлом году, в Месяц Листопада, Миката уже вызывали в военкомат. Тогда медкомиссия определяла годность к военной службе. Все, что касалось военкомата, у Пораки в мыслях было связано с понятием «война», потому он с такой тревогой и даже страхом воспринял полученную Микатом повестку о призыве на действительную военную службу. Его можно было понять.

Никогда народности Севера – к ним принадлежали и ханты – не призывались на военную службу. Это объяснялось то ли их малочисленностью, то ли незнанием русского языка. Только в Великую Отечест-

венную войну ханты впервые были призваны, и большая часть ушедших на фронт не вернулась. С того времени призыв в армию каждый год напоминал о минувшей войне.

Война окончилась, но напряженность в мире сохранялась. Страшная неведомая сила появившейся атомной бомбы воспринималась многими суеверными как гнев Божий, как предвестница новых ужасов. Сердца отцов и матерей, не оправившихся еще от ран прокатившейся войны, болью отзывались на призыв сыновей в армию.

Порака, еще не освободившись от первого недоброго предчувствия, внимательно посмотрел на сына, державшего в руках повестку, и негромко, даже с некоторой опаской, словно боясь услышать какие-то страшные слова, спросил:

– Я-а, как? В чем дело?

– В армию призывают, отец.

– Это точно? Может, опять просто так? Посмотрят врачи и отпустят домой. Как в прошлом году?

– Нет, отец. Сейчас наверняка призовут.

– А откуда ты знаешь, сынок? Что, на бумаге написано? В тот раз такую же бумагу получал. Таких же размеров. Я хорошо помню.

– Нет, отец. Здесь все написано. Надо многое с собой прихватить. И белье запасное, и ложки, и вилки. И продукты кое-какие.

Порака понуро опустил голову, надолго задумался, теребя длинное свисающее ушко неблюевой шапки, и, тяжело вздохнув, медленно и тихо сказал:

– Кой! Опаль Аси – Всевышний! Много силы у тебя. Не повернуть твои мысли назад. Сегодня сын здесь, а завтра в другие края как птица улетит. Что поделаешь? Тебе виднее. Наверху доска, и внизу доска.[84]

Напарник Миката Дмитрий, все поняв, посетовал:

– Да, Микат, не придется, наверное, нам дать два плана. Не придется. Правильно Порака говорил, мол, не надо раньше времени хвастаться. Эх! А как бы мы с тобой порыбачили! Только развернулись! Только настроились! Жаль... Не повезло...

– Ничего, Дмитрий, – попытался успокоить своего друга Микат. – Не переживай. Отслужу. Вернусь. Мы еще с тобой не то покажем. Верно?

– Наверное, – улыбнулся Дмитрий.

– Когда ехать-то, сынок? – вмешался Порака.

– Завтра к вечеру надо быть в селенье Лор Вош. К пароходу надо успеть. Оттуда в Мош Вош. В военкомат.

– Мало времени сынок. До Лор Воша надо на кол-данке полдня добираться. Это если по протоке Унган ехать. Напрямую. Не забыл туда дорогу? Мы дважды весной по ней проезжали. Я тебе специально ее показывал.

– Как можно забыть, отец? Не заблужусь. Найду.

– Но тебе, сынок, надо бы сейчас с Козловым Витькой ехать. На колданке. Отдохнуть бы надо. Путь дальний предстоит. Выспаться надо тебе хорошо. Ты и так после вчерашней смены толком не поспал.

– Что ты, отец. Для меня лучший отдых здесь. Переночую. Да еще в палатке. Запахом летних трав надышусь. Утром пораньше встану. Решевку сниму, рыбу распутаю. И тогда домой. Правда, Дмитрий?

– По-моему, правильно, Микат, – отозвался его напарник. – Порыбачим как следует последние сутки.

– Пусть будет по-вашему, – согласился Порака. – Только не опоздать бы тебе. По делам русского человека едешь все же.

Вечером после сытной ухи из муксуна Порака долго не мог уснуть. За палаткой, которую установили возле большого куста тала, звонко и протяжно вовсю жужжали и пели на разные голоса нудные комары. Этуш с Кевхо и Якуром нарубили много мелкого тала и настелили под себя, так что спали на высоких, взбитых перинах, и к тому же плотно заделали подолы палатки, но комары все равно через какие-то ведомые только им щели пролезали внутрь, подлетали к лицу и, как нарочно, жужжали у самого уха, нервируя Пораку. Да и сон Пораке все никак не шел в эту светлую летнюю ночь. Пусть на рыбалке сегодня сопутствовала удача, и, казалось бы, радоваться надо – в рыбном ящике лодки лежало, наверное, центнера два муксуна, – но предстоящая судьба сына не давала ему покоя, и тревога в сердце все усиливалась.

Порака все обдумывал, как будет жить без старшего сына. «Сильно отразится это на жизни семьи, – размышлял он. – Пушнину дорогую, считай, упущу из рук. А она немалые деньги в иные зимы приноси-

[84] То есть наверху доска – это небо, и внизу земля – как доска. И человеку некуда деться меж двух плоскостей, и, стало быть, надо подчиниться судьбе.

ла большой семье. Молодец Микат! Хорошо перенял от меня охотничью премудрость... Прошлой зимой одних только песцов десятка два взял и лисиц, кажется, с десяток. Не каждому промысловику выпадает такая удача. Не каждому. Что еще можно просить у духа тайги? Сколько нужно было, столько и отпустил своей щедрой рукой. И Микат на высоте оказался. Не дал зверям обвести себя. Молодец! Эх, еще бы одну зиму! Кое-чему еще бы поучил. А то порой все же промашки случаются у него».

И Порака вспомнил, как Микат прошлой зимой все никак не мог перехитрить росомаху, повадившуюся шнырять у его ловушек и успевавшую раньше его проверять капканы и петли. Двух белых песцов и длиннохвостую лисицу успела утащить из-под самого носа, а о куропатках и зайцах и говорить нечего. Много приманок устраивал Микат для росомахи, по-разному настораживал капканы, но хитрый и осторожный вор все никак не попадался. Словно чуя приготовленный подвох, зверь не подходил к приманке, крутился в пяти-шести метрах от нее. Микат, чтобы не оставлять запахи в капканах, предварительно кипятил их в хвойном растворе, искусно заметал следы, но ничего не получалось. Обратился тогда сын за помощью к отцу. Порака не спеша прошелся с Микатом по его ловушкам, придирчиво оглядел следы росомахи.

– Пусть приманки и капканы, сынок, для другой росомахи останутся, – сказал Порака, обойдя ловушки. – Зверя так не возьмешь, ученый он. Видно, попадался где-то. Мы что-нибудь другое придумаем.

И когда в одной из ловушек застали живого зайца, Порака посоветовал сыну на время оставить его в капкане. А около зайца, в вероятных местах подхода росомахи, территорию обложил семью капканами, искусно насторожил их и замел следы после себя конской гривой.

– Вот здорово, отец! – все время по дороге домой восклицал Микат. – Какой хищник удержится от живой крови? И как, отец, ты только додумался до этого?

На следующий день здоровая лохматая росомаха оказалась наконец в руках Миката. Как и предполагал Порака, на передней лапе остались следы капкана. Видно, капкан тот оказался слабым и рассыпался от первого же крепкого удара росомашьей лапы о ствол дерева.

Воспоминания об удачной охоте вызвали у Пораки приятные чувства, и он от удовольствия облизнул тонкие губы, коснувшись кончиком языка крепкой щетины. Но эта легкая радость тут же уступила место тревожным мыслям, которые, подобно назойливой комариной стае, не давали покоя ни голове, ни сердцу.

«Эх! – огорчался Порака. – Не всему успел научить сына. Не всему. А ведь упустил какую-нибудь тонкость, и все дело идет насмарку. Да-а. Не все места показал сыну. Не успел сводить к истоку речки Логась. Не показал ему прямую старинную тропу к этому месту. Все откладывал. Тянул. Тьфу ты! И что за старик я?! Вечно каждую мысль в сто узлов перевязываю. И только затем дело рождается. Хотел нынешней зимой показать тропу. Вот и дотянул. А вдруг не дождусь возвращения сына? Так и останется для Миката тропа неизвестной. А там богатые места на зверя. Особенно на соболя и куницу. Да и белки хватает. Кой! Протянул время. Не сработали вовремя мозги». И пока Порака тяжело вздохнул, шлепнул ладонью комара, усевшегося на лоб, и повернулся на другой бок.

И лишь когда пташки после легкого, короткого ночного сна начали просыпаться и оглашать своим звоном утреннюю тишину, Порака недолго вздремнул.

Проснулся он от осторожного окрика Миката, будившего в соседней палатке Дмитрия. Вслед за сыном Порака поднял и своих.

Микат, вернувшись с курьи, сдал утром около трех центнеров первосортного муксуна – больше любого рыбака, и к тому же значительно обогнал даже отца.

После плотного завтрака – а Сантара выставила на стол все лучшее из еды: жирного осетра, окорок из оленины, полную чашку поспевшей морошки, – Микат стал собираться в дорогу. Во все самое лучшее одел Порака своего сына: новый, только что к майским праздникам сшитый из черного сукна костюм, нарядную шапку из пушистых беличьих шкур, розовую шелковую рубашку и хромовые сапоги.

«Пусть все большие люди увидят, – не раз повторял Порака, – в какой одежде мой сын в армию едет».

А мать, собирая сына в дорогу, то и дело всхлипывала:

– Опаль Аси! – Всевышний! Мултаха-Ики – Главный Идол Дома! Не потеряйте из виду след моего сына, моего птенчика. Долгой ли, короткой ли будет его дорога, прошу вас, духи, приведите его назад к порогу дома.

И Сантара втайне от людских глаз вытащила пучок травы, которую вкладывала в сапоги сына, и, завернув в лоскуток красной шелковой ткани, положила в священный ящик в красном углу летнего дома.[85]

Порака перед тем, как встать и выйти из дому, напутствовал сына:

[85] По обычаям, Идол Дома в таком случае обязательно вернет человека к родному порогу.

– Слушайся своих начальников. Делай все, как просят они. Хорошо служи. Живым вернись. Видишь, каким я становлюсь? Ноги слабнут. В руках не та сила. Может, не дождусь тебя. Раньше времени подкошусь.

– Зачем, отец, говоришь так? – отвечал с досадой Микат. – Ничего со мной не стрясется. Целехоньким вернусь.

– Дай Бог, коли так будет, сынок. Всем духам буду молиться, чтобы война вновь не вспыхнула. Долго ли?

Когда на берегу Микат уселся в кодданку, мать громко разрыдалась, а Порака надолго замолк с опущенной головой. Микату тяжело было переносить эту сцену, и он, уставившись взглядом на дальние дома на холмистом пригорке, сильно налег на кедровые греби.

***

...«Кой! Четыре зимы с тех пор пролетели – словно прошагали, не касаясь земли своими тяжелыми ногами, – вздохнул Порака. – А все еще день проводов сына в армию стоит перед глазами. Словно Микат рядом сидит. Те давние тревожные мысли и переживания длинной, нескончаемой сетью вылезают из-под воды. Ничего, ничего... Скоро они сменятся другой картиной. Встречей сына!.. Эх!.. – У Пораки от наплывших радостных чувств перехватило дыхание. Сердце, словно легкая утлая колданка, пляшущая на волнах Оби во время сильного шторма, шевелилась в груди. Нахлынувшие воспоминания молодили Пораку, словно сбрасывали с его плеч груз, накопившийся тяжелыми глыбами за прожитые годы. И он, почувствовав необыкновенную легкость во всем теле, по-юношески бодро и молодцевато соскочил с невысокой ступеньки крыльца и стал всходить по пологому склону на пригорок, где стоял его зимний бревенчатый дом. Придирчиво осмотрев ставни окон и дверцы сенок – не заходил ли кто-нибудь из поселковых шалунов мальчишек, – направился к выездной нарте, стоявшей на подставках из тонкомерной ели неподалеку от дома. Эту нарту он любовно смастерил весной для сына. Ладные, наклонно поставленные к полозьям копылья, высоко загнутый перед, как гордо вскинутые головы оленей при быстром беге, придавали нарте нарядный вид. «Хороша! – не сдержал восторга Порака, высунув по привычке кончик языка. – В самый раз. Не стянуло в сторону. Готова к выезду. Хозяина только надо! – Он слегка покряхтел и провел шершавой ладонью по гладко выструганным перекладинам. – Ничего, нарточка, не скучай. Будет все хорошо, хозяин скоро появится...»

Проверив на прочность всаженные в полозья ножки нарты, несущие основную нагрузку, Порака недолго еще полюбовался своим произведением и опять подошел к задней стенке дома, взял тоже для сына изготовленный из молодой стройной березы новый упругий хорей, подержал в руках и остался им доволен.

Затем Порака, подняв лежащую на земле небольшую лестницу и приставив ее к стенке, поднялся на чердак, покрытый поверх тонких лиственничных жердин широким березовым паласом, и извлек оттуда пару широких охотничьих лыж, обитых оленьим камусом, повертел их в руках, проверил надежность креплений.

– Пожалуй, понравятся Микату! – произнес Порака. – Хоть и легкие, но достаточно крепкие. Будут держать. Молодец, старина! – похвалил он себя. – Хоть и глаза не те, но кедр для лыж выбрал вроде в самый раз. Ровные лыжи. Словно улыбаются.

Оставив лыжи на прежнем месте, Порака спустился вниз, убрал лестницу, распахнул одну ставню окна и, открыв замок на дверях, зашел в дом. В слабом свете, лившемся из неширокого окошка, отыскал в красном углу, где обычно находился свешенный ящик, висевшую на гвозде курковую двустволку, купленную им для Миката весной. Дорогое было ружье. Но Порака не поскупился. Только три раза пальнул он, пристреливая новое ружье двенадцатого колибра, которое, кстати, только одно и завезли в лавку.

Порака, проверив, не сошла ли с него смазка, не появилась ли где-нибудь ржавчина, осторожно повесил ружье. «Вроде все для охоты имеется, – удовлетворенно сказал Порака, спускаясь с пригорка к летнему дому, построенному из дощатых досок еще его отцом Калоем. – По-моему, главное есть. Что касается одежды – это дело Сантары. Там тоже всего хватает. Впрочем, не мешает проверить. Мало ли чего? Вдруг мыши завелись? Малицу перегрызли, кисы попортили. Посмотрю на днях как-нибудь. Время еще есть. Поправить кое-что можно...»

Придя к летнему дому, он недолго простоял у крыльца, поглядел на лодку сыновей, которые уже, закинув сеть, спокойно плыли напротив протоки Ай-Варов, и медленно направился к любимой высокой круче, оттуда хорошо просматривались все бударки, находившиеся в этот день на рыболовецких песках возле поселка Ханты Курт. Порака вспомнил вдруг, что дочь его Этуш рыбачит сегодня на плавном песке

Калнанг Пан, расположенном у самого поселка, и решил взглянуть, как она промышляет. Особенно он любил наблюдать за лодкой, когда там поднимали сеть.

Когда Порака уселся на круче на небольшой, поросший мелкой травой бугор, Этуш уже успела поднять плавную сеть. Было отчетливо видно, как ее подруга Хоръяр Нэ вздернула парус и Этуш, вместо того чтобы ехать на новый замет к устью сора, резко развернула нос лодки в сторону плавного песка Кутап Ас, который находился посредине реки, рядом с песчаным гольцом.

«Наверное, рыба плохо идет в сеть, – тут же предположил Порака, – и Этуш хочет попытать рыбацкого счастья на другом песке. Молодец, коли так! Не забыла советы отца. Нет рыбы здесь – в другом месте ищи. Пазуха воды-кормилицы не маленькая. Не все пусто в ней, в каком-нибудь уголке кой-какая рыбешка отыщется. А плавной песок Кутап Ас на большую рыбу хорош. Особенно на осетра. – Здесь Порака несколько осекся. – Фу ты! Разболтался! Сто изгибов на языке появилось. Не слушайте меня, духи... Какие там осетры?! Хоть бы малек запутался в сетях детей. И то хорошо!»

Глядя на лодку Этуш, тихо покачивающуюся на гребнях невысоких волн, Порака задумался о своей дочери, о ее дальнейшей судьбе.

***

Дочь внешностью точь-в-точь повторяла сына Миката, как, впрочем, и всех остальных детей. После ухода Миката в армию Этуш среди детей осталась старшей, и на ее плечи легла основная, наиболее тяжкая работа.

Этуш с десяти лет приобщилась к нелегкому рыбацкому труду. В первое время она гребла специально сделанным для нее легким веслом, помогала распутывать рыбу в сетях, на стоянках, как единственная женщина, брала на себя всю заботу по приготовлению пищи: варила уху, резала хлеб, мыла посуду после еды. Сызмальства она испытала на рыбалке долгие, затяжные осенние дожди и ливневые грозы летом, была знакома с холодной постелью на земле во время первых заморозков и с колючими морозами во время подледного лова зимой. Этуш не роптала, не жаловалась на непомерно тяжелую работу, прекрасно понимая, что у родителей нет другого выхода. С шестнадцати лет Этуш сама стала управляться с плавной сетью: закидывала и поднимала. Видя, с каким трудом старый отец вытаскивает грузную муксуновую сеть из воды, еле разгибая спину от усталости, она сама предложила помочь. Отец вначале и слышать не хотел. Вроде бы как-то неудобно: глава семьи в лодке, а сеть доверяется женщине. Но, оценив свои возможности, после долгих колебаний согласился. Вот так Этуш стала главной помощницей в семье после ухода Миката в армию. Зимой она помогала отцу, долбила острой пешней толстый лед на реке, готовя лунки для подледного лова. К осени, когда вызревала трава на лугах, вместе с братьями косила сено для коровы и теленка. В межпутинный период Этуш выполняла в колхозе различные работы: рубила и пилила в лесу дрова для школы и рыбкооповской пекарни, возила на лошади сено для скота, занималась посадкой сетей и многими другими мелкими работами.

Когда Этуш исполнилось восемнадцать лет, к ней стали всерьез присматриваться родители из других семей, имевших сыновей ее возраста.

Правда, в шутку, не переходя пока на язык принятых родовых обрядов, Этуш была помолвлена с Мартином, старшим сыном Валякси – закадычного друга и соседа Пораки. Во время праздника или совместного застолья по какому-нибудь торжественному случаю, изрядно промочив горло вином, Порака и Валякси любили поболтать меж собою. Вспоминая интересные случаи из своей многолетней охотничьей и рыбацкой жизни, старики зачастую переводили разговор на своих детей, прежде всего, конечно, расхваливали их достоинства, не преминув при этом больно кольнуть соседа серьезными недостатками сына или дочери. Здесь они пускали в ход все свое красноречие: то сын хилый, как карликовая береза, то дочь ленива и ни к чему не способна – не только мужу не сошьет кисы и малицу, но и как следует не накормит, голодом изведет его. При взаимной перебранке, осыпая, словно дождем, друг друга колкостями, Порака, не отличавшийся особой фантазией, порой проигрывал словесную дуэль и переходил на язык физической силы. Они подчас крепко схватывались, мяли друг другу бока и успокаивались лишь тогда, когда кто-нибудь разнимал их или кто-то из них брал верх, а побежденный мирно сдавался. Но Порака, пользуясь тем, что Валякси хромал и не мог угнаться за ним, иногда применял коварный прием. Не сумев отпарировать, не сдерживая себя, неожиданно наносил резкий удар по плечу или щеке и, зная, что Валякси обязательно ответит тем же, моментально вскакивал с места, показывал ему на прощанье кукиш:

– Си! Катлы! – Все! Держи! – Тут же уходил от него.

Но прежде чем дойти до такого неприятного финала, старики, как правило, произносили много хвалебных слов о своих сыновьях или дочерях, доказывая, что именно его, а не соседа дочь или сын подходят для идеальной пары.

Как-то складывалось, что в их маленьком селенье Ханты Курт женщины чаще всего рожали сыновей и почему-то очень мало рождалось девочек. Поэтому девушки в их селенье ценились особо: их руки добивались родители многих сыновей. Это, разумеется, хорошо понимал и Порака, и он очень осторожно, чтобы не продешевить с калымом, вел разговор с Валякси, когда тот намекал, что было бы неплохо, если бы соединились тропы жизни Этуш и его старшего сына Мартина.

Валякси, будучи хорошим певцом – жители селенья говорили: «Голос его, как березовый сок течет», – каждый раз, импровизируя, всячески расхваливал своего сына Мартина и живописал красивую картину увоза женихом невесты из родительского дома:

Уселись на нарядную высокую нарту,
Дорога им не понадобится, и вехи им не понадобятся.
Пять здоровых быков, впряженных в нарту,
Окунут их в снежную пыль.
В белой метели лишь хорей жениха
Солнца лучом будет сиять.
В далеких краях холодной зимы
Лишь голос жениха будет раздаваться.
Так уведут твою красивую дочь
На глазах семи голубых небес.
В семи краях счастливой земли
Весть о свадьбе разнесется.

Порака, напиваясь и теряя контроль над собой, наслаждался приятной песней друга и задавал ему то и дело вопросы, уточнял детали предстоящей свадьбы. А Валякси, польщенный похвалой соседа, распевал пуще прежнего и отвечал сочиненными на ходу словами новой песни.

В такие минуты они меж собой не раз договаривались о будущей свадьбе. Но когда жена Сантара принималась укорять его, Порака, протрезвев и стыдясь своей болтливости, с явным недовольством ворчал:

– Что, и пошутить нельзя? Вам что – делать нечего? Подслушиваете каждое слово! Вы, поди, уже разнесли по всему селенью?

– Мне только тем и заниматься, – отвечала Сантара. – Какое наше дело до мужских разговоров? Я так, между прочим сказала.

– Пусть между нами и останется. Рано Мартину еще свататься к Этуш. Рано. Пусть немного подрастет. Ума наберется, жизненного опыта. Что-то не нравится он мне. А ты между делом мое мнение, значит, до ушей жены Валякси доведи. Она, наверное, тоже слышала разговор. Знаю я ее: как росомаха подкрадывается к чужим разговорам.

Сантара, всегда послушно исполнявшая волю мужа, шла к жене Валякси, а та, очевидно, передавала мужу, и на этом обычно разговоры о будущей свадьбе прекращались.

По крайней мере Валякси перестал делать попытки сватать своего сына к дочери Пораки, остерегаясь, наверное, отказа. Сказалось, видимо, и то, что Порака – то ли через свою жену, то ли через бабушку Муссохпат, которую считали в селенье «средней» шаманкой и всерьез побаивались ее, – сумел пустить слух, будто он не выдаст дочь замуж до тех пор, пока не вернется из армии сын Микат.

Доля правды, естественно, в этом была. Без крепких рук Этуш Порака не смог бы добывать рыбу ни летом, ни зимой, и, разумеется, очень нелегко было бы ему прокормить столько ртов. Но здесь проявилась и предусмотрительность Пораки. Он, конечно, не мог ничего помнить из того, о чем говорили по пьянке с Валякси, и, чтобы удержать своего соседа от заранее обреченного на неудачу шага, сам способствовал распространению этого слуха, ибо, по правде сказать, сердце его не лежало к сыну Валякси – Мартину: и ростом действительно мал еще, на целую голову ниже Этуш, да и знал, что сын Валякси, хотя и оленевод, не сможет отвалить такой калым, какой он, Порака, потребовал бы.

Приезжали однажды – на третьем году после ухода Миката в армию – сваты с селения Лор Вош, но в это время Порака целый месяц находился в тайге, охотясь на белку в верховьях Нохар Югана. Три дня прождали сваты и уехали ни с чем. Мать, хоть и была дома, без мужа ничего не смогла им сказать. Их жених Кельчин Улька Пораку вполне устраивал, и он, придя с охоты, рассердился на жену, что не смогла сама уладить сватовство. Порака долго потом надеялся, что сваты придут еще раз, но, к немалому его

сожалению, они больше не появились. Кельчин Улька взял через год в жены одну из дочерей Валякси, отвалив калым, как поговаривали соседи, довольно крупный – десять важенок и столько же быков.

Эта история подпортила отношения Пораки с Валякси. То ли проявилась зависть, то ли задумал Порака поставить на место соседа, но, когда во время застолья в один из праздников Валякси попытался было затянуть свою любимую песню, он тут же получил решительный отпор: «Не зааркanивай меня песней, не смущай словами мое сердце, как нежной княженикой. Дочь свою Этуш никогда за Мартина не отдам. Си! – Все! С другого конца песню заводи!»

...И сейчас, облокотившись на свой любимый бугрок у обской кручи и глядя, как дочь вынимает сеть, Порака размышлял: «Молодец Этуш! Ловко проплыла и в нужном месте стала вытаскивать. Хорошо научилась. Не хуже любого мужчины толк в рыбном деле знаешь. Да и не каждый, пожалуй, угонится за такой. Эх, Этуш... Нашелся бы только для тебя добрый жених! Черт с ним, с калымом. Можно угодить из-за него кое-куда. Был бы только жених работящий. Руки бы настоящие имел. Сердце чистое... И у меня ведь, когда женился, тоже ничего за душой не было. Землянка одна была. А гляди теперь – крепкий бревенчатый дом, лопас, корова, телка. Лошадь была, да колхозу, когда образовывался, перед войной уступил. Теперь-то вроде жить можно. И все своими руками заработал, своим потом наскреб. Тяжело, правда, приходилось. И детям немало досталось. Особенно Этуш. Много на своем горбу вынесла. Крепко помогла семье. Из-за этого и засиделась в девках. Но ничего, Этуш. Вернется из армии Микат – не буду держать. Хоть сразу замуж выскакивай. А то слышал: некоторые жены своих мужей начинают к тебе ревновать...»

И вспомнилась Пораке забавная история, происшедшая в начале нынешней путины.

На собрании рыбаков было решено, что временно с Этуш и Хоръяр Нэ поплавает недели две Шолтыкуп Юхур – он приехал зимой с селенья Уят Горт и никогда не имел дела с плавными сетями. Пусть, мол, подучится малость: как нагружать сеть, где начинать замет на каждом плавном песке, где поднимать сеть – и вообще узнает многие другие секреты. Этуш, много лет проплававшая с отцом, все это знала досконально. У Шолтыкупа, которому шел пятый десяток, была жена Якты Нэ, лет на десять старше его. Когда она узнала о решении бригады, примчалась в контору к председателю колхоза Паялу, хромавшему на правую ногу после ранения на фронте.

– Кай! Кай! – завизжала она. – Что с вами случилось? Моего мужа, что ли, отобрать хотите? Посадите в одну лодку, да с двумя женщинами! Не пущу его! Пусть лучше дома сидит! Без рыбы обойдемся!..

Больших трудов стоило тогда Паялу убедить ее, что это дело временное, что иного выхода нет, что муж ее Юхур, подучившись, через две недели самостоятельно будет плавать кормовщиком на отдельной бударке.

Но Яхты Нэ все же, не совсем доверяя мужу, каждый раз, как только их лодка отчаливала от берега, удобно устраивалась на соседней высокой круче и неусыпно следила за тем, как Этуш с подругой и ее муж плавают по реке, благо что плавные пески находились недалеко от поселка и хорошо просматривались невооруженным глазом.

Но однажды заболела Хоръяр Нэ и Этуш надо было проплавать с Шолтыкупом на песке Калнанг Пан, как говорится, под носом у поселка.

Как только Якты Нэ узнала о том, что муж ее уезжает на лодке с Этуш, она вломилась в дом Пораки:

– Кай! Кай! Порака аки! Ты тут лежишь!.. А там, а там!..

– Что случилось, Якты Нэ? – не понял Порака. – Ты как раскаленная железная печь стала. Что случилось?

– И ты еще спрашиваешь?! Тебе смешно!.. А моего мужа Юхура отобрали!..

– Как отобрали?!

– Как, как!.. Вон уже выезжает с твоей дочерью на плав. Одни!.. Одни ведь. – Она подбежала, размахивая руками, к Пораке: – Ты понимаешь, одни?! Разве можно такое?!

– Так они же здесь, рядом с поселком, будут плавать. На твоих глазах.

– Все равно, все равно. И не стыдно тебе? – Якты Нэ дернула рукав Пораки так, что чуть не порвала. – Не стыдно тебе, Порака аки, так отвечать?! Там же твоя дочь! И с чужим мужиком! Нет, нет! Не пойдет так! Иди, кричи! Возвращай их обратно. Пусть пристанут к берегу. Я к ним подсяду...

Пораке пришлось уступить требованиям взбалмошной женщины, не в меру ревнивой: вышел на крыльцо и взмахами руки дал знать, чтобы подплыли к пристани. А Якты Нэ, несмотря на свои полсотни лет, проворной белкой прибежала на берег и заскочила в лодку, приговаривая:

– И не стыдно, муженек? Средь бела дня хотел уединиться с чужой. Глаза тебе мало выколоть.

Вспомнив этот забавный случай, Порака поневоле улыбнулся и подумал: «Плохо, когда у женщины ум – с человеческий ноготок. Но еще хуже, когда у мужчины ум, как волос женщины, долго и нудно тя-

нется. Шолтыкупа тоже, видно, Бог умом обделил. Почто бы тогда он в тридцать лет женился на сорокалетней женщине, да еще бывшей замужем и не имевшей детей?»

Порака, конечно, тогда не придавал никакого значения опасениям Якты Нэ, прекрасно зная, что дочь даже в мыслях не допустит, чтобы между ними завязался любовный узелок. Но теперь, особенно в это лето, стал тревожиться не на шутку. Порака все чаще и чаще замечал, что дочь даже в его присутствии начинала кокетничать в компании мужчин и некоторым позволяла вольности по отношению к себе. Порака стал понимать, что в дочери властно и настойчиво начинают пробуждаться природные тайные силы, начинают уже через край перехлестывать зреющие в ее сердце чувства, с которыми Этуш, как видно, не справляется, и что пора, как только прибудут первые сваты, выдавать ее замуж.

«А то не дай Бог, – холодок как свежая струя прошелся по сердцу, – схватит еще Этуш ребенка на стороне, опозорит всю семью. Все равно что живым меня в могилу закопает. – Он вытер со лба выступивший липкий пот. – Конечно, многое пришлось Этуш перетерпеть. Все из-за Миката. Его ждали. А без него – на кого же еще можно опереться, коль не будет дочери? Не на кого... Этуш умница, все понимает сама. Но и я должен понять ее».

И Порака вспомнил случай, происшедший с дочерью прошлой осенью.

В Месяц Листопада в их селенье заявился молодой заготовитель. Довольно красивый лицом, русоволосый зырянин Конев Василий. Он уже несколько лет подряд принимал в сезон охоты пушнину от колхозников, но на этот раз приехал почти на целый месяц раньше обычного. Он вначале объяснил это тем, что будет следить строго, чтобы охотники не начали промышлять зверя прежде срока, когда мех у пушного зверя еще не установился как следует – ворс негустой, да и короток. А такие люди, конечно, в селенье еще водились, особенно старались раньше времени вылавливать капканами ондатру.

Но постепенно до ушей Пораки стали доходить слухи, что, мол, заготовитель приехал следить вовсе не за охотниками, что он тайком погуливает с его дочерью. Порака, привыкнув во всем верить только своим глазам, отсылал сплетников крепкими словами подальше.

Но однажды вечером, когда Этуш долго не было дома, к нему зашел заготовитель Конев, одетый в новую фуфайку и хромовые сапоги. Весь его стеснительный вид, необычная подтянутость свидетельствовали, что он пришел по какому-то важному делу.

Заготовитель вначале поинтересовался видами на охоту, а сам при этом так ерзал на табуретке, словно сидел на острых сучьях.

Вопросы, которые он задавал, Пораке показались малозначительными и надуманными, так как ответы он сам должен был хорошо знать. Скучный их разговор явно не клеился, Конев невпопад о чем-то заводил речь. Наконец признался:

– Порака, а Порака, я ведь за другим пришел. – Заготовитель, смущаясь, помялся, а затем все же выдавил из себя: – Я, Порака, пришел просить у тебя...

– Просить? – не сразу понял он. – Что просить? Денег? Рыбы? Может, глухаря? Я убил сегодня утром двух здоровых.

– Да нет, Порака. Не то... Другое... Просить, чтобы ты дочь свою Этуш за меня отдал..

– Что? Куда? Кого отдать? – не понял вначале Порака, а когда дошло до него, покраснел, лицо стало как раскаленный обский камень. В пальцах появилась легкая дрожь, и затем, не помня себя и, очевидно, не в силах сдержать накопившуюся злость, он выпалил:

– А! Так ты за Этуш пришел?! За Этуш?! Смотри-ка, какой тайный вор нашелся!.. Не зря, значит, люди о тебе до моих ушей доводили... Ты вздумал дочь мою забрать?! – Порака придвинулся поближе к нему, расстегнув ворот рубашки на одну пуговицу. – А ты меня спросил об этом? Что? Разве я уже не отец ей?

Конев Василий, оторопевший от такого крутого поворота, растерялся и надолго лишился дара речи, но затем, овладев собой, сказал:

– Так я, Порака, поэтому и пришел. Спросить у вас, как у отца...

– Спросить, спросить... А этого не хочешь? – и он показал ему кукиш. – Так у нас не делают. Так не бывает у нашего народа, – все еще распалялся он, – чтобы девушка или парень вначале гуляли, притом тайком, а потом согласия родителей спрашивали! – Порака так разгорячился, так размахивал руками, что бедный заготовитель побледнел. А старик, выговорившись и выметав всю свою злость, сказал под конец: – Убирайся! С глаз долой! Чтобы навсегда мой дом забыл! Все!..

И незваному жениху пришлось уйти ни с чем. Порака долго не мог успокоиться, долго не ложился спать, все ждал Этуш, чтобы и ей воздать должное за такой позорящий семью, самого Пораку поступок.

Досталось изрядно и матери, которая за одной дочерью уследить не может. Порака даже приготовил широкий и жесткий кожаный ремень, чтобы наказать дочь, дабы она, как он выразился, поумнела слегка.

Но, видимо, предупрежденная матерью, Этуш не ночевала дома. А утром, когда она вернулась, уже поостывший Порака схватился было за ремень, но тут же бросил его в сторону священного ящика и выпалил приказным тоном:

– Си! – Все! Забудь с этого момента своего заготовителя. Не то, не то... – и, не договорив, он надел малицу и вышел на улицу.

«Да, – подумал Порака. – Кто знает, прав или не прав я был тогда, но Этуш с тех пор стала для меня словно чужая... Ничего, доченька, все образуется. Приедет Микат – не буду держать, лишь бы жених человеком был...»

Тут до слуха Пораки донесся лай собак. Он сразу же узнал своих псов – Налтува и Пелю. В голове мелькнула мысль: «Неужели Сантара вернулась из лесу? Неужели так быстро наполнили морошкой свои туески? – Он взглянул на солнце, которое, подобно раскаленной печке, излучало жар, и попытался определить время. – Быстро обернулась Сантара. Может, ягод не нашла сегодня или маленький Евдин закапризничал?»

Порака, тяжело покряхтывая, поднялся со своего места, поправил на ногах резиновые калоши, надетые на летние тонкие чижи, и, отмахиваясь от комаров, которых сегодня из-за ветерка и жары было мало, медленно зашагал по мягкой низкой траве к летнему дому.

Порака не ошибся. Перешагнув низкий порог двери, закрытый мелкоячеистой мережей, чтобы комары поменьше просачивались в дом, Порака увидел жену и Евдина, сидевших на полу и перебиравших морошку, они откладывали сочную, поспевшую ягоду в отдельную чашку.

– Ой, папа! Сколько морошки видели, – загорелся Евдин, – ступить негде было!..

– Ты молодец, Евдин! – похвалил его отец и потрепал по всклокоченным волосам, падавшим на глаза. – Что за место такое обнаружили?

– На ложок Холхос Соям сходили, – ответила мать. – Не хотела вначале туда. Думала, кто оставит там морошку – в такой близи от селенья. Потом все же решила заглянуть. Пришла – ахнула! Ложбину словно красным платком нарядили. Да-а. Трехлитровый туесок вмиг наполнила. Хотела из бересты еще один туесок сшить и тоже наполнить, но тут вспомнила о Микате.

– Что о Микате? Что-то новое узнала? – встревожился Порака. – Или сон какой-нибудь неладный приснился о нем?

– Да нет, старик. Вспомнила о нюки ваях[86].

– Так они же есть.

– Есть-то есть, да они, кажется, малость попортились. Вчера я в лопасе рылась, на всякий случай взглянула на них. Подмочило их дождевой водой слегка. Я их на другое место перевесила. Да вот боюсь: вдруг они малы будут сыну? Перед армией-то вроде по ноге были. А сейчас? За четыре года сын-то, небось, чуток подрос.

– Верно, старуха, говоришь. Умница. И я сегодня думал: а все ли для Миката готово из одежды?

– Так-то вроде все, старик. Вот только чувячки хочу новые сшить. Есть у меня одна обработанная, готовая шкура. Берегла ее. Хотела дочери сшить на всякий случай, вдруг ей дом придется покидать. Не возьмет же с собой поношенные кисы?

– Так-то так, старуха. Но дочь обождет. Ей пока не к спеху. Нарта на улице не дожидается. А вот сыну в самый раз сгодились бы шкуры. А то будет Микат нюки вай надевать, а они ему на ноги не полезут. Или наденет, а они развалятся, палец откуда-нибудь высунется. Вот будет сраму-то. Люди скажут: «Ждали, ждали сына, а нюки вай даже не сумели сшить». Нет, старуха, сегодня же начинай делать. А для дочери другую шкуру обработай.

– Я тоже так думаю, старик.

Евдин, услышав разговоры о Микате, которого он дожидался с нетерпением, запрыгал от радости. Затем, схватив несколько крупных спелых морошек с чашки и отправив их в рот, припал к матери и, блаженно жуя сладкую ягоду, опять, в который уже раз, спросил:

– Ой, мама, когда приедет Микат? Я так хочу на его форму взглянуть!..

– Потерпи, сынок, – мать вытерла рукавом платья грязные щеки сына. – Немного осталось ждать. Потерпи чуток.

– А что он мне привезет?

– А что тебе надо, сынок? – спросил отец.

[86] Нюки вай – летние чувячки из оленьей кожи.

– Мне бы кораблик. Ну, на котором Микат плавал. Я тоже хочу на нем поплавать. Он такой красивый.

– А ты откуда знаешь?

– Я же на фотографии видел. Там пушки такие огромные. Бух, бух!..

Порака, присев рядом с женой на тахар, потрепал Евдина по волосам:

– Ничего, ничего, сынок. Что надо, все Микат привезет. Уж тебе-то в первую очередь. Он же в каждом письме привет тебе передавал. Всегда спрашивал, как учишься, чем занимаешься. Так что не беспокойся. И кораблик, думаю, будет тебе.

– Ура-а! – обрадовался Евдин. – Я побежал на улицу. Ребятам все расскажу. – И он, вырвавшись из рук матери, проворным зайцем прошмыгнул за порог дома.

– Баловник! – улыбнулась мать и, взглянув на мужа, сказала: – Ну, и я пошла, старик, в лопас за шкурой. За шитье возьмусь.

– Иди, иди, старуха. Время не ждет. Оставшись один дома, Порака вытащил из кармана табакерку, заложил изрядный кус под язык, а затем, поднеся щепотку к носу, несколько раз вдохнул в себя.

– А-а, – протянул он. – Крепок, крут табачок. Аж голову сразу кружит. Умеет Сантара готовить табачок для курева. Молодец!

Порака зажмурился и с нежной теплотой подумал о жене.

***

Сантара была у Пораки второй женой. Несмотря на свои годы – ей уже перевалило за пятьдесят – и перенесенные роды, немало отнявшие сил и здоровья, Сантара чувствовала себя бодрой и жизнерадостной. С детства знакомая со всеми невзгодами суровой жизни, она отличалась поистине железным здоровьем. Сантара ни разу не ездила рожать в соседнее селенье, Питлор, где находился фельдшерский пункт. Более того, двоих своих детей она родила в зимние морозы в специально сооруженном для этой цели из молодых густохвойных елей шалаше.

Удивляло и другое – чего, пожалуй, не наблюдалось ни у одной женщины селенья, – она после родов сразу же, через несколько часов, становилась на ноги и начинала заниматься привычными делами по дому: готовить пищу, таскать воду и рубить дрова. Любой посторонний, не зная, что она только что перенесла роды, пожалуй, даже бы не заметил особых изменений в ее поведении. Только бледность лица говорила о том, каких усилий стоило ей так держаться. К тому, вероятно, принуждали сами обстоятельства: все взрослые были на работе, а помощи соседей Сантара терпеть не могла. Она просто приучила себя к ежедневному ритму работы. Успевала утром, пока все еще спали, натаскать с речки пять-шесть ведер воды, растопить печь, помять кулаками заскорузлые высохшие чижи и кисы мужа и своих детей, подлатать их, где надо, подоить корову и приготовить завтрак.

Многие женщины селенья изумлялись: «Ты, наверное, десять рук и десять ног имеешь – столько дел успеть за день!»

Сантара, как всегда, отшучивалась: «Да что я... Как могу, царапаюсь. А куда деваться?», – но все же оставалась довольна, что люди ценят ее, хотя некоторые за глаза и поговаривали, мол, конечно, поспеет, коль дома целый день отлеживает бока. Но времени на то, чтобы сидеть, а тем более спать, у нее не оставалось. Она помимо хозяйственных забот каждую свободную минуту уделяла полезному делу: то она вязала ряж для плавных сетей, то обрабатывала оленьи шкуры и шила из них малицы, гуси, тоборы и кисы для колхоза, то плела веревку из коры тала, то изготавливала из бересты паласы для покрытия чумов. Только тому, кто сам не занимался этой кропотливой работой, могло показаться, что она ничего не делает. У нее, по правде говоря, времени даже на болезни не оставалось. Простуду, которая редко приставала к ней, она переносила на ногах, а другие серьезные недомогания, словно боясь ее, близко не подходили, или, может быть, могучий ее организм, подобно пасти хищной щуки, глотающей мальчиков, еще в зародыше гасил их. Лишь одно беспокоило Сантару в последние годы. При слишком быстрой ходьбе – когда она шла в лес по дрова или по воду – у нее возникали боли внизу живота, и только это, пожалуй, в какой-то мере сдерживало иногда ее непомерный пыл, но жалоб от нее никто не слышал.

Нынешним летом, особенно в последние дни, когда Сантара вся жила ожиданием сына, она будто вновь помолодела на половину своих лет. Ее лицо посветлело и ожило, словно северный лужок, на котором еще несколько дней хирела прошлогодняя трава, а теперь внезапно задышала зеленая свежесть с наступлением летних дней. От ее глаз веяло утренним солнышком, словно от искренней улыбки маленького ребенка.

В лопасе Сантара сняла с поперечных вешал мягко выделанную оленью замшу, сунув ее под мышку, почти бегом спустилась по пологому склону к летнему дому.

Придя домой, она взяла ивтасты сохал – доску для вырезания, туесок, весь разукрашенный бисером, остро наточенный нож и тут же принялась кроить замшу для шитья новых чувячков для сына Миката.

Любила это дело Сантара! Под ее ловкими пальцами все получалось как-то само собой. Любую вещь она шила удивительно красиво и в то же время невообразимо быстро. Женщины селенья поражались ее необыкновенной проворности в шитье. То, что она успевала сделать за день, у них занимало целую неделю. Возможно, у нее иного выхода просто не было – попробуй вовремя обуть и одеть десять человек! – большие заботы приучили к такой быстроте ее руки, движение которых в работе было доведено почти до автоматизма.

Сантара, даже не пользуясь заранее приготовленной формой, безошибочно раскроила замшу, затем наживила в нужных местах и приступила к шитью чувячков. Иголка с ниткой из суровой оленьей жилы так и мелькали в ее руках, слышался только глухой щелчок от моментально продеваемой иголки через плотно приложенные края кусков замши, и ложилась новая строчка. Да, отменным мастером была Сантара!

Сантара, оставшись в доме одна – муж с сыновьями Оськой и Евдином пошли гулять на берег – отдалась любимому занятию. Еще бы! Ведь она шила чувячки дорогому сыну Микату, который должен вот-вот вернуться со службы и которого так мучительно долго ждала она. В ее сердце, сердце матери, хватало места для каждого ребенка.

И все-таки с особой любовью и болью относилась она к Микату. Возможно, потому, что он ушел на военную службу, а война отняла у нее первенца – сына Марата. О нем, пропавшем без вести на фронте, вот уже семь послевоенных лет не было ни слуху ни духу, несмотря на то, что много раз писали они в Москву, в разные инстанции.

Возможно, еще и потому она выделяла Миката, что лучше, чем кто-либо другой, понимала: придет время и Микат станет главной опорой в их большой семье, – подобно вожаку оленю, поведет их нелегкую нарту по грядущей тропе жизни.

Все эти четыре трудных года она, поздно ложась, обязательно переносилась мыслями в неведомую ей воинскую часть далеко-далеко на востоке, где служил сын, и каждый раз тревожилась: «Как там, сынок, поживаешь? Здоров ли? Всего ли тебе хватает? Не нужна ли тебе моя помощь?»

Тяжело, ох как тяжело переживала Сантара первые дни разлуки! Летними утрами, рано будя сыновей, особенно в дождливую, ненастную погоду, она, чуть не всхлипывая, горестно произносила: «Был бы ваш старший брат Микат на месте, разве я разбудила бы вас в такую слякоть? Разве мучили бы вас так с отцом?»

В пору созревания трав, находясь на лугу с детьми, которых она с малолетства приучила косить, когда полчища комаров не давали продохнуть, Сантара, жалея сыновей, говорила: «Что поделаешь, детки? Был бы Микат, не приводила бы я вас сюда на съеденье комарам. А куда деваться? Без молока не прожить. И сметана тоже нужна...»

Садясь отдыхать во время косьбы, глядя на неровные ряды прокосов, оставленных детьми, где трава наполовину была нескошенной и торчала в разные стороны, Сантара вздыхала: «Сейчас бы да с Микатом! Сколько бы травы уложили!.. А то что с вами? Больно смотреть на вашу кошенину...»

Миката она вспоминала каждую минуту, горюя, что его нет, и часто шептала с сомнением: «Кой, кой! Пал Турам Аси! – Отец Высокого Неба! Вернется Микат домой или нет? Неизвестно. Хотя бы ты нам помог...»

Сейчас же Сантара была довольна, поглощенная шитьем новых летних чувячков для сына, знала, что он вскоре должен вернуться домой, и тем не менее тревожные мысли словно холодными еловыми иглами покалывали в груди: «А вдруг случится что-нибудь?.. Вдруг новая война?..» И сердце ее при этом сжималось от боли, и она про себя со страхом заклинала: «Кой, кой! Опаль Аси! – Всевышний! Отведи от меня такую участь. Если сможешь, отведи от меня такую участь. Если сможешь, пожалуйста...»

Но рано или поздно тревога, подобно резко вспыхнувшему огню от сухих стружек, гасла, исчезала, и к Сантаре возвращалось радостное предчувствие скорой встречи с любимым сыном.

Она мысленно пыталась представить день приезда сына, как может произойти встреча, какое слово она первым произнесет, пыталась предугадать, как выглядит теперь Микат. В такие минуты сердце Сантары плясало и пело, наполняясь неведомым ей доселе счастьем. Вся она ликовала, глаза излучали несказанную радость. И Сантара, не справляясь с нахлынувшими чувствами, которые, подобно весеннему половодью, выходящему из берегов, захлестывали ее, невольно откладывала в сторону работу и надолго задумывалась. В один из таких моментов она сказала себе шепотом, словно убеждая себя в этом: «Кой! Наверное, настала пора и о другом деле всерьез подумать. Тоже очень важное дело». Сантара медленными движениями, отнюдь не свойственными ей, заплела распустившиеся за плечами короткие косы, ши-

роким рукавом давно не стиранного платья смахнула со лба длинноносого кровопийцу-комара, убрала с колен и отложила в сторону доску для шитья. Она, решив отдохнуть, аккуратно положила рядом с доской выкройку и уставилась на заднюю, прокопченную и почерневшую от вечного дыма стену, где в рамке под стеклом висели фотографии сына. Все ее лицо светилось неброской красотой, излучая удивительную доброту, и невольно приковало бы к себе внимание постороннего человека. Правильной формы, короткий, как у утки-свиязи, нос, карие глаза, разлетевшиеся легкими крылами обской чайки строгие брови, широкий, с чуть отвисшей нижней губой рот, смуглый лоб – вся она будто запылала, кровь в ней загорелась. Она словно вся помолодела. «Да-а, сынок, – тихо произнесла она и стала сравнивать предполагаемых невесток. – Кой, кой! Попробуй тут не ошибись. – Она словно перебирала в руках созревшие кедровые шишки. Откуда мне знать твои вкусы, сынок? В старину все было по-другому. Выбирали отец и мать невесту, и дело с концом. Невесту, как песца, пойманного капканом, подносили к ногам жениха, ему только и оставалось, что прибрать ее к рукам. А теперь... – Она прикрыла веки и покачала головой. – Нелегкое это дело теперь. Ох, нелегкое. Легче пуповину раза два перерезать, чем угодить сыну. Вдруг ему не понравится невеста? И так уже бабушка Муссохпат...» – И мысли Сантары как-то сами собой перенеслись к давнему незабываемому и чуть ли не забавному случаю.

...Бабушке Муссохпат, давно ходившей с палкой, с побелевшими, как ягель, волосами, с лицом, сплошь изрезанным морщинами, шел уже восьмой десяток, и она из-за старческой немощи почти семь лет никуда не отлучалась из дому. Но в один из летних дней она вдруг решительно засобиралась в гости к своим знакомым подругам в селенье Порават. С вдовой Пукшам, которая была вдвое младше ее, они покатили на няллалпи – на лодке, вдвое длиннее колданки, называемой в здешних местах «моржовкой». Хотя Порака и предложил поехать на более легкой лодке-кадданке, но бабушка Муссохпат наотрез отказалась.

– Что ты? Что ты? – отметала она доводы Пораки. – Может, ветер – да еще какой! – раздуется. Может, в гости оттуда подсядет кто-нибудь. Да любая посудина покрупнее все же надежнее.

Пораке пришлось согласиться, а сама Муссохпат, ничем пока не выдавая себя и свои планы, замыслила втайне, как выяснилось потом, серьезное дело.

На реке стоял полнейший штиль, и Порака выехал на плав на самый дальний песок Уят Пан, прихватив с собой всю семью и даже маленького восьмимесячного Оську в люльке, что он делал крайне редко, разве что только в спокойные дни, когда вода в Оби будто засыпала.

Приехал Порака с плава только на следующий день, когда жаркое летнее солнце уже приближалось к полудню. Сантара, взяв люльку с расплакавшимся Оськой, первой направилась домой. Подходя к порогу, она заметила на крыльце незнакомую женщину, заслонившую лицо платком при ее приближении. Вначале Сантара не обратила на незнакомку особого внимания – мало ли приезжает в гости женщин из родственников? – но ей бросился в глаза необычно ярко-голубой платок из шелка с коричневыми цветочками. «Девушка?.. – промелькнула мысль. – Точно девушка... Хм... Почему девушка?! – И внезапная догадка, словно кончик хорея, кольнула голову: – Неужели бабушка Муссохпат решила без...»

И в это время, одернув сетчатую мережу на двери, неожиданно легко, будто все еще молодая, выскочила на крыльцо бабушка Муссохпат, вся вытянувшись и выпрямившись, словно не ходила последние годы сгорбившись, удивленно всплеснула руками и радостно затараторила:

– Вот хорошо-то. Вот хорошо-то. Вернулись наконец-то. А мы тут с Рынгкам Нэ соскучились по вам. Особенно она. – Бабушка метнула теплый и загадочный, необычный для нее взгляд в сторону неподвижно сидевшей девушки. – Все же молодой невесте как-то непривычно в пустой дом входить. Конечно непривычно. Кто бы ни была, а стесняться будет...

– Невеста?! – резко остановилась Сантара, оглушенная, подобно тому, как глохнет глухарь от внезапного падения тяжелых серых лиственничных бревен в расставленном охотником слопце[87]. – Как, невеста?..

– Что как? Что как? – удивилась Муссохпат. – Ты что? Ты что? Только родилась? Только родилась? – Она любила повторять по два раза одну и ту же фразу. – Забыла, как невесту в дом приводят?

Сантара, ошарашенная, потеряв всякую тактичность, забыв, что невеста сидит рядом с ней на крыльце, ответила, все еще не приходя в себя:

– Так, бабушка?! Мы же еще не договорились? И отец ничего не знает. Он же, он же...

Но тут Рынгкам Нэ резко вскочила и скользнула за дом, только звон побрякушек на ее длинных косах остался в ушах оторопевших женщин. Муссохпат словно кипятком обожгли. Она в мгновение ока преобразилась. От ее прежней удалости и бодрости не осталось и следа. Сгорбившись, поначалу поводя головой в разные стороны, а затем уставив на Сантару костлявый горбатый нос и раскосые глаза, она заворчала:

[87] Слопец – орудие лова на глухарей.

– Я-а. Я-а... Что с тобой? Что с тобой?.. Какая беда стряслась? – повторяла она знакомые свои выражения. – Зачем так? Зачем так со старым человеком разговаривать? Зачем так препираться? Не грешно? Не грешно?! – Муссохпат, постояв перед Сантарой, медленно, опираясь на трость, опустилась на крыльцо. Затем развязала тесемки на своей легкой, почти истершейся до кожи летней ягушке и продолжала: – Что случилось? Что случилось? Какую беду накликала? Какую беду накликала? Глаза твои так и рычат на меня, так и рычат.

Сантара, устав держать люльку, хотела уже поставить ее на крыльцо и поговорить спокойнее с неуступчивой, ворчливой Муссохпат, как сзади раздался недовольный голос мужа:

– Что с вами? Крик аж на берегу слышен. – Порака скинул с плеча суконный гусь на низкие вешала и, не вникая в суть спора женщин, как всегда, встал на защиту бабушки Муссохпат и прикрикнул недовольно на жену: – Ты опять, Сантара, завелась? Молодая женщина, а старуху злишь!.. Не видишь разве, ее словно кулаками по лицу мяли. Иди прочь. Занимайся своими делами...

– Да я, старик... – пробовала было заговорить Сантара и объяснить суть дела. – Я... Я за сына хотела заступиться.

– За сына? А что, разве кто-нибудь его обидел? Вроде нет его дома. С утра на рыбалке. Что ты мелешь, жена? Крутишь своим языком, словно черпаком в кипящем котле...

– Да я не мелю... – не уступала на сей раз Сантара. – Я что, маленькая?! Маленькая разве, чтобы вертеть языком, как собака кончиком хвоста? Только зачем все же без нашего ведома сына женить? Да еще и привести в дом...

– Как женить? Как привести? – застыл в удивлении Порака, начиная, видимо, понимать и поглядывая то на жену, то на бабушку Муссохпат. – Мы еще и сватов ни в один дом не засылали.

Бабушка Муссохпат, чувствуя, что дело принимает непредвиденный и неприятный оборот для нее, решила опередить события:

– Послушай немного, молодой свояк. – Она опять легко вскочила и выпрямилась перед Поракой. – Я плохого не сделала, не сделала. И преступления тоже. При глазах Опаль Аси – Всевышнего, при глазах священного солнца клянусь. – Муссохпат три раза перекрестилась и поклонилась солнцу, реке и лесу. – Я, молодой свояк, я, молодой свояк, коль по-толковому рассудить, дело полезное затеяла. Долго, долго думала над ним. Да и духи подсказали. Да, да, духи! И знал бы кто? Сам Великий Лох – Мултаха-Ики! – Хранитель Дома, – эти слова она произнесла почти шепотом и уселась на крыльце. – Ночью, ночью перед выездом в Порават из священного ящика голову чуть показал и промолвил: «Когда Миката жените? Не можете невесту в селенье найти? Но разве в других местах тоже нет?» Клянусь тебе, молодой свояк, так и сказал Мултаха-Ики. И ты же сам знаешь – коль указал великий дух, вначале его желание исполняют, а уже потом доводят его мысли и слова до нас, грешных. Да, да – грешных!..

Слова бабушки, особенно ее взволнованный рассказ о вещем сне, исходящем от великого идола, возымели свое действие на Пораку. Лицо его, потемневшее вначале, как чага на березе, от известия о женитьбе Миката – которым, конечно, он тоже был немало поражен и, без сомнения, остался недоволен самовольными действиями Муссохпат – постепенно смягчилось, словно небо после внезапно налетевшей грозы, и Порака медленно опустился на крыльцо рядом с бабушкой.

– И что же, бабушка, – уже спокойнее заговорил Порака, смирившись с внезапно навалившейся неприятной ситуацией, – откуда же невесту привезла? Где она?

– Где? Где? – огрызнулась Муссохпат. – Некоторые женщины, некоторые женщины разве умеют, как все люди, разговаривать? Испугали ее. Расстроилась, конечно, от такой грубой встречи. – Муссохпат сплюнула в сторону, сердито высморкала нос, поводила головой в разные стороны, затем еще шире распахнула свою ягушку, словно ей тяжело было дышать, и продолжила жалостливым тоном: – За дом невеста убежала. Но ничего, ничего. Придет, придет. Куда денется сейчас-то? Да и ей, понятно, стыдно стало перед будущим свекром. Кому не стыдно, кому не стыдно? И мне в девушках, помню, было стыдно.

– Кто она такая? – спросил Порака. – Откуда родом?

– Бедна она родословной. Бедна. Можно сказать – сирота. Рынгкам Нэ знаешь?

– Это которая Рынгкам Нэ?

– Ну, та. Отец еще был Ямру Логи. Ну, на войне он погиб. Знаешь? А мать прошлый год умерла от чахотки. А она, бедненькая, а она, бедненькая, одна осталась. У дальнего родственника Ярасима жила. Она мне, можно сказать, по материнской линии тоже далекой родственницей приходится.

– А-а, вот как, – покивал головой Порака. – Пусть хоть покажется. Хоть фигуру посмотрю.

– Это можно, это можно. Сейчас, сейчас. – Муссохпат теперь не вскочила, не засуетилась, видимо полагая, что дело уже выиграно ею, а медленно встала и, опираясь на тросточку, заковыляла за дом, покрикивая: – Рынгкам Нэ, Рынгкам Нэ! Просят тебя. Свекор тебя просит. Покажись, покажись!..

Недолго побыв за домом, бабушка Муссохпат вернулась с невестой, держа ее за руку.

– Вот она, вот она. Ох, и стеснительная, ох, и стеснительная. Шагу лишнего не сделает. Слова лишнего не вымолвит. Послушной будет женой. И работящей, и работящей. Отец ее с восьми лет брал на рыбалку. С малых лет знает, как грести веслом. Не раз сама видела, не раз видела...

– Коль так, бабушка, то, по твоим словам, выходит, подходящую жену Микату выглядела?

– Разве старая бабушка может ошибиться, может ошибиться? Какой-нибудь свежий листочек в мозгах есть еще, еще растет. Не все там засохло...

– Так. Значит, женили Миката. – Порака вытащил из левого кармана ситцевых брюк трубку, заложил табаком и прикурил. Сделав несколько глубоких затяжек, сказал жене, которая уже находилась в доме:

– Слышишь, жена? Дело сделано. Готовь место в доме для невесты. Палатку отдельную завяжи. Пусть невеста пока обживет свой уголок. А там, глядишь, к вечеру и Микат заявится. Все сделай, чтобы молодым было хорошо. Сама знаешь...

Сантаре ничего не оставалось делать, как безропотно выполнить указания мужа.

Так в первый раз Микат, которому только исполнилось семнадцать лет, заимел жену, и тоже еще несовершеннолетнюю.

По правде сказать, конечно, Порака был недоволен решением бабушки Муссохпат. Но хитроумный Порака имел и свои планы. У Муссохпат после смерти мужа Мояпси осталось около тридцати оленей. Всех оленей – об этом она однажды проговорилась – бабушка собиралась после смерти завещать Пораке. Надо было дождаться зимы, когда стада вернутся с Урала, и тогда можно было бы их заново пересчитать, сделать родовой знак на ушах каждого животного, и только после этого они станут собственностью Пораки, согласно воле бабушки. Понятно, что Порака, у которого имелось всего с десяток оленей, давно мечтал о них. И сегодня он, хотя и был не меньше жены недоволен самовольным поступком бабушки Муссохпат, вынужден был согласиться, боясь, что Муссохпат может переменить свое решение и завещать оленей своим сестрам, жившим в других селеньях. Вот почему Порака внешне спокойно воспринял действия бабушки Муссохпат, не взорвался, что бывало с ним обычно, когда принималось какое-нибудь решение без его согласия.

«Да-а, удружила нам своей невестой Муссохпат, – размышляла Сантара, поглядывая на свои длинные ногти. – Видно, и ее вещий сон тогда не подтвердился. Видно, не совсем правильно истолковала она слова Великого Лоха. А то разве бы случилась беда в эту же зиму?..»

Теперь Сантара, когда уже не было в живых Муссохпат – она умерла два года назад, – могла свободно обсуждать ее действия.

Вскоре после женитьбы произошли горькие события.

Из-за большой воды на Оби колхоз не выполнил план по рыбодобыче. Часть рыбаков правление колхоза направило на экспедиционный лов далеко на север, в Тазовскую губу. Среди уехавших оказались и Микат со своей женой Рынгкам Нэ. В районе Хальмер-Седе, где скопилось в ту зиму до сотни рыбаков с разных мест, Микат с женой выставили сети для подледного лова. Лов удался. Они вдвое перекрыли плановое задание. Но Рынгкам Нэ в холодной тундре зимой простудилась, тяжело заболела двусторонним воспалением легких и надолго слегла.

Микат вернулся домой уже к весне, один, без жены, которая умерла в Месяц Ветров...

– Кай, кай! – прошептала Сантара, вспомнив все это. – Турам Аси! – Отец отцов! Большая сила у тебя. Сколько жизней можешь подарить... И сколько жизней обратно можешь взять. Темна тропа жизни. Не знаешь, где споткнешься. Но все же о Микате, о его будущем надо заранее подумать, – почесывала она висок. – Да... пожалуй, пора настала. Надо бы сегодня кончик разговора об этом деле до мужа довести. В Порават бы не мешало съездить. Там, сказывала соседка Матра, дочь у Семан-ики в самый раз красотой своей расцвела. И, говорят, чистоплотная. И ногам, и рукам слишком отлеживаться на дает. Нет, надо со стариком переговорить. А то опоздаем. Пока пробираемся – невесту из-под носа выкрадут.

Порака словно подслушал ее мысли и, как нельзя кстати, ввалился в дом, точно тяжелый муксун, выскользнувший из рук и шлепнувшийся на пол. Увидев, что жена предалась своим размышлениям – а это крайне редко бывало с ней во время важной работы, – спросил:

– Я-а! Который мыс в плывущих мыслях лодкой своей огибаешь? И скоро ли к стоянке пристанешь?

– Уже причалила, старик. И корешок мысли в Поравате застрял. Зацепился за одного человека.

– И за кого же? Наверное, за девушку? Говори скорей. – Глаза Пораки радостно засветились.

– Верно, старик. Пора уже о Микате думать.

– Конечно, пора, Сантара. И до чего же ты молодец! До чего же догадливая! И я об этом же думал. Потому и спешил, чтобы с тобой перетолковать. И кто же она?

– Дочь Семан-ики. Еля.

– Кой, старуха... Ты, оказываешься, еще не потеряла вкус. И глазами оценить можешь, и мозгами пораскинуть. Хорошая девушка. Видел я ее этой весной на берегу в Поравате. Добрая девушка. Красота ее чуть в воздух не поднимает. Молодец, Сантара! Хорошую невесту приметила.

– Коль так, старик, может, мне наведаться туда? К ее родителям? Бабушку Лэвнэ с собой прихвачу.

– Что ж, верно, старуха. И опять ты своими мыслями меня опередила на целый поворот реки. Верно говоришь. Без Лэвнэ не езжай. Она старый человек. Знает, как дело обставить. Знает, где капкан расставить и куда стрелы запустить. – Порака от удовольствия потер широкие дряблые ладони, вытащил из кармана табакерку, поднес щепотку табаку к ноздрям, втянул и, видно успев все мгновенно обдумать, сказал:

– Правильно мыслишь, старуха. Завтра и езжайте в Порават. Не стоит задерживаться. Спелая ягода хороша, когда вовремя ее соберешь.

– По-моему, тоже так. Надо поспешить. До нас и других людей могут в том доме за стол усадить, и мы к важному чаю опоздаем.

– Верно, старуха.

– И я так думаю. А чувячки сегодня к вечеру закончу. Один уже готов. Посмотри – подойдут Микату?

Порака повертел в руках чувячку, искусно сшитую Сантарой из оленьей замши и оленьих лап, которые пошли на подошвы.

– Хорошо, старуха. Хотя глаза и потеряли зоркость, но вижу: шов вроде ровный. Крепкий. В самый раз будут Микату. – Порака провел внимательно по шву, словно проверяя качество работы, и, довольный, сказал: – Тогда я, старуха, на берегу поцарапаюсь, колданку приготовлю вам для завтрашней поездки. На воде ее испытаю. А то, может, рассохлась за лето да воду пропускает. – И он, пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку двери, вышел на улицу, не торопясь направился к берегу, где на песчаном мысу лежала, словно отдыхающая лосиха, перевернутая набок с весенней охоты, хорошо просмоленная, выделанная из стройного кедра, легкая, но довольно вместительная колданка.

***

Утром Порака, проводив жену со старухой Лэвнэ в Порават, уселся на берегу и стал дожидаться возвращения с ночной рыбалки своих сыновей.

Сыновья Пораки все походили на отца. В селенье некоторые старики иногда подшучивали: «Их словно из одной ровной чурки, не имеющей сучков, сделали, расколов на части. Не сразу и отличишь друг от друга».

Только вот характером и отношением к делу различались они. Сыновья его между тем, спокойно проплыв на плавном песке Нумпан и подняв сеть, уселись на гребни и дружно гнали бударку к пристани. В лучах утреннего солнца взмахами крыльев летящей гагары над водной гладью поблескивали ладони их широколопастных гребей, а на носу трепетал алый флажок, отмечавший лучших среди рыбаков.

«Молодцы ребята, – с разомлевшим сердцем подумал он о сыновьях. – Не жалеют себя. Особенно Якур старается. Молодцы сынки. Что еще надо? От взрослых не отстают. Наверное, и сейчас с неплохим уловом вернутся. Вроде бы Якур, если только глаза мои не обманывают, когда поднимал сеть, два раза до самой воды нагибался. Долго возился там. На помощь к нему с кормы Кевхо подбегал. Должно быть, рыбу какую-нибудь крупную вытаскивали. Не иначе. Ну да ладно. Приедут – увидим».

А лодка сыновей, зарываясь при каждом очередном гребке в тихую, словно лоснящуюся жиром обскую воду, уже приближалась к небольшой деревянной пристани, сооруженной из нескольких козлин с перекинутыми через них неширокими трапами.

По возбужденному смуглому лицу Якура, покачивавшегося на корме в такт глубоко и резко взламывавшему воду кормовому веслу, Порака понял, что вода-кормилица и на этот раз не обидела их. Как только лодка причалила к пристани, Якур, как кормовщик, тут же послал братьев за двумя носилками, а сам встал посредине лодки в ожидании отца.

Порака не ошибся: рыбный ящик до краев был заполнен глыбами серебристых муксунов, а в переднем ларе поверх дощатых настилов, умело подогнанных Поракой к крепкому сосновому шпангоуту, ворочались два жирных, толстобрюхих – наверняка икряных – четырехусых осетра, каждый, пожалуй, с два пуда весом.

Якур, казалось, был на седьмом небе от свалившегося счастья, он улыбался подошедшему отцу:

– Самый большой осетр чуть не вырвался. На одной ячее держался. Голыми руками пришлось ловить. К борту лодки прижал.

– Видел, все видел, сынок. Молодцы! И Кевхо помогал вытаскивать. И даже Волать не отстал.

– Да, отец. Вот только руки слегка поцарапал.

– Вижу, вижу, сынок. Осетр своими хрящами, как ножом, режет. Бывает, бывает такое, сынок, когда из воды их неосторожно вытаскиваешь.

– Следующий раз умнее буду. Возьму рукавицы. Тогда-то, как капканом, накрою его. Никуда не уйдет.

– Ладно, ладно, сынок. Не загадывай раньше времени...

Порака, расспросив ребят, как они порыбачили ночью, стал поторапливать их:

– Отоспаться вам надо хорошенько. Завтра сор пойдем перегораживать. А сетку я сам потихоньку распутаю.

И на этот раз за свою смену Якур с братьями опередили всех рыбаков, сдав около двух центнеров ценной рыбы.

После плотного завтрака – Порака сам зажарил свежих муксунов – ребята нырнули в палатку, которая была поставлена в летнем жилище, специально выстроенном из толстых плах отцом и Микатом в последнюю весну перед призывом в армию. Младшие, Кевхо и Волать, сразу погрузились в сон: храп у них был такой, что, казалось, изо рта и ноздрей вылетали жужжащие пауты.

А Якур, хотя за долгую ночь устал не меньше братьев, все никак не мог заснуть. Он опять, как все эти четыре года, а в последние дни особенно, думал о Микате, с нетерпением ожидая его приезда. Ни для кого не секрет, что Микат из братьев больше всех уважал и любил его, Якура. Мать и отец, если кто-то обижал Якура, предупреждали: «Вы не очень-то распоясывайтесь. Вот вернется Микат, задаст вам».

Якур и сам чувствовал симпатию старшего брата. До самого отъезда в армию Микат спал с Якуром под одной ягушкой. Если выезжал Микат весной на охоту, то непременно устраивался на корме колданки и Якур. А там, на охоте, в скрадке, сажал Микат брата рядом с собой, и вместе ждали уток. Во время сорового лова Микат уезжал далеко от поселка и перекрывал ставными сетями небольшую протоку Шум-Юган. И из всех братьев Микат брал с собой в помощники только Якура. Хоть мальчику было тогда девять-десять лет, но он уже умел выпутывать из сети юркого сырка, важного жирнобрюхого муксуна и даже справлялся с крепкохвостым прытким щекуром. Микат не доверял Якуру сеть только в том случае, если запутывалась красавица нельма, опасная резкими и мощными ударами стройного и пружинистого хвоста. А сколько луков и стрел, самых разных, смастерил Якуру до армии Микат! Все они, пожалуй, не уместились бы в легкой мальчишеской нарте Якура. Впрочем, и остальные вещи Якура, предназначенные для игры, – и узкие березовые лыжи, и бросаемые наперегонки хонпат юхи – скользящие палки, – все было искусно сделано руками Миката.

А сколько интересных охотничьих историй из недолгих совместных путешествий мог бы поведать Якур? О, наверное, не в один бы тутсянг – туесок для шитья – их пришлось бы затаривать и утрамбовывать!

Вот и сейчас, думая о Микате, он, предвкушая сладость новых охотничьих приключений с братом, вспомнил один эпизод.

...Случилось это в дни весенних каникул, незадолго перед призывом Миката в армию. Якур учился тогда в третьем классе. Получалось так, что Микат в последний раз перед закрытием охотничьего сезона собирался выехать в тайгу осмотреть свои ловушки и, убрав их, дней через пять вернуться в поселок.

Хотя на дворе и стоял Месяц Ветров, но погода установилась на редкость хорошая. После долгой суровой зимы солнце, подобно лисице с длинным пушистым хвостом, начинало вовсю хозяйничать на небе и своим ярким светом и едва уловимым теплом заливало приобскую тайгу.

Ну разве можно было удержать в такую пору дома Якура, который видел своими глазами, как Микат собирался в тайгу, да еще на оленях?! Уговоры отца и матери, что он в тайге будет только путаться под ногами брата-охотника, что может неожиданно разыграться снежная пурга и что, наконец, он станет в нарте просто лишним грузом, никак не подействовали на мальчика.

В день выезда Миката он встал раньше всех, надел малицу, теплые кисы и уселся на нарте в ожидании брата. Когда родители опять попытались отговорить его, он так залился слезами, что они и сами не рады были, и им пришлось поневоле уступить яростной настойчивости Якура.

Якур тогда впервые оказался с братом на зимней охоте. Доехали на оленях до протоки Нохар Юган, где находилась промысловая, построенная еще отцом Пораки из тонкомерных елей приземистая избушка. Она была столь малой, что на нарах, срубленных из молодой березы, еле помещались для ночевки два человека. В углу, по правую сторону от входа, стояла низкая, смастеренная местными умельцами пе-

чурка, а в другом углу накруглой и толстой, в обхват человека, еловой чурке обычно ели. На стенах было прибито много гвоздей для подвешивания одежды и сушки шкур добытых зверей.

На второй же день Микат поймал капканом лисицу-крестовку. Обходя ловушки, они – а Якур не отставал от брата ни на шаг – заметили на свежей пороше следы белок, их было необычно много для этого времени года. И вечером Микат решил на всякий случай основательно запастись боеприпасами и принялся заряжать патроны. Вездесущий Якур совался под руку, навязывался помогать во всем. Микат, начав забивать капсюли в патроны, понял, что от Якура так просто не отделаешься, и поручил ему подготовить пыжи из утлапа – сухих стружек тала – и отыскать коробку пороха, стоявшую где-то в углу на маленькой полочке.

Якур не раз дома готовил пыжи то Микату, то отцу и знал, насколько это нудно и утомительно, и поэтому, недолго для начала повозившись с ними, решил взяться за более серьезное дело – пересыпание пороха. Он, не спросив брата, который еще не закончил забивать капсюли, вытащил пачку дымного пороха и насыпал его в небольшой ситцевый лоскуток материи. Недолго думая, Якур пошарил в мешочке, сшитом из крепкого холщового материала, извлек оттуда мерку для пороха и стал увлеченно заполнять ее порохом и высыпать обратно. Микат, занятый своим делом, сидел к брату вполоборота и ничего не замечал, а когда стал забивать в патрон последний капсюль, молоточком высек искру и...

Микат, интуитивно бросив взгляд в сторону, успел лишь заметить взметнувшее пламя и тут же горячим воздушным потоком был опрокинут на спину.

«Порох!.. – мелькнуло в его голове. – Искра угодила в порох!..

Тут же раздался страшный крик:

– Ой-ой-ой! Ана-на! Больно! – скорчась, орал Якур.

Опомнившись, Микат схватил висевший на стене патронташ с заряженными патронами и выкинул из дверей наружу. В тусклом свете дыма от горевшей под нарами бересты, которой он всегда запасался впрок, Микат заметил на полу раскрытую пачку пороха, зарядов на десять, каким-то чудом еще не вспыхнувшую, хотя язычки пламени начинали лизать ее растрепанные края. Страшная мысль мгновенно обожгла сознание, он стремглав кинулся к этой пачке и только было собрался выкинуть ее наружу, как громовой грохот оглушил его.

Микату обожгло руки и особенно лицо. Он не помнил, как схватил за руку лежавшего на полу Якура, выскочил с ним за порог и нырнул в глубокий зернистый снег.

Когда Якур чуть-чуть пришел в себя, он ощутил невыносимое жжение на лице и громко заплакал.

– Больно! – рыдал он. – Ой, умру! Вот-вот умру! Микат ужаснулся, увидев его почерневшее лицо, и, хотя сам испытывал не меньшую боль, постарался успокоить брата:

– Не плачь, Якур, не плачь. Сейчас что-нибудь придумаем. Не плачь...

От вспыхнувшего пороха занялась избушка и вскоре уже пылала жарким пламенем. Терзаемый болью, Микат не делал попыток потушить огонь, да он, пожалуй, и не смог бы – уже рушилась кровля. Единственное, что успел все же сделать, – это вынести начинавшие тлеть малицы.

Якур, глядя на пожар, продолжал все громче и громче плакать.

Да, в отчаянном положении оказались бы Микат с братом, не окажись рядом с зимовкой нераспряженной оленьей упряжки. Ночью они кое-как доехали до поселка, скорее даже олени сами доставили их по хорошо известной им дороге.

Порака ночью же отвез их в соседний поселок, где находилась больница. Около месяца провели там братья, пока под обожженными участками тела не появилась новая кожа.

Теперь Якур своим мальчишеским умом понял, в какой смертельной опасности мог бы оказаться, не будь рядом брата.

«Кой! – подумал Якур, лежа в палатке на оленьей шкуре. – Какая беда могла приключиться в лесу! Какая беда!.. Не будь Миката – не полеживать бы мне сейчас здесь...»

Чувство благодарности к Микату владело всем существом Якура, и ему больно было слышать причитания матери, когда провожали брата в армию.

– Почему только Микат не умер тогда? – повторяла она, качая головой, сидя на тахаре. – Почему не сгорел в лесу вместе с избушкой? Не мучилась бы сейчас так...

– Зачем так плохо говоришь? – спросил ее Якур. – Разве живой человек хуже?..

– Что ты здесь крутишься! – огрызнулась Сантара. – Что ты понимаешь во взрослых делах? Откуда ты знаешь, что будет с ним в тех неведомых землях? Вспомни старшего брата. И след простыл, и слова о нем потерялись. Не знаю даже, где дыхание его захлебнулось. А с Микатом?.. Кто знает, что с ним будет? Где потом его могилу искать? Здесь я хоть бы знала, где он душу отдал...

– Но, мама... Сейчас же нет войны.

– Нет, нет... Не слышал разве про атомную бомбу? А там – атам[88]. Слово-то какое. Само за себя говорит. Сказывают, где тебя поразят, даже пепла твоего не останется. А ты еще успокаиваешь меня...

Якур, разумеется, тогда ничего не мог доказать матери.

От горьких воспоминаний Якуру стало не по себе, и он постарался отогнать их, точно дым, и, чтобы быстрее отвязаться от них, попытался представить день встречи с братом...

В голове у него возникали различные картины, не похожие одна на другую, словно он каждый раз погружал руку под воду и извлекал оттуда очередную трепещущую рыбу-красавицу.

Одно Якур знал непременно: Микат приедет в селенье или на лодке, или на попутном катере. Но когда? Ведь Якуру, самое главное, надо первым встретить брата и сообщить отцу и матери эту приятную весть.

...Ему представляется, что он ранним утром выходит на берег реки и неожиданно видит подплывающую к селенью колданку. Якур внимательно приглядывается, взмахи весел кажутся ему знакомыми, и он, не различив еще лица человека, по одной лишь ему понятной детали догадывается, что это Микат. И он, не дожидаясь, когда колданка окажется рядом, со всех ног бросается по галечному берегу к дому, камнем перелетает через порог и, задыхаясь, кричит:

– Микат, Микат приехал!..

А затем, пока родные приходят в себя от радостной вести, он опять несется на берег и, от восторга на седьмом небе, первым встречает брата. Он подхватывает в колданке его тяжелый чемодан – он должен быть непременно тяжелым, так как Микат везет много подарков и, конечно, полную матросскую форму для Якура, – и, пристроившись сбоку, важно вышагивает с Микатом к дому. А жители селенья, высыпав из домов, любуются Микатом, его стройной фигурой, твердой широкой походкой, красивой формой и, разумеется, им, Якуром, Якур аж застонал от такой приятной картины. И он тут же решает: с завтрашнего дня тайком от всех остальных будет ходить по утрам вдоль берега. Он был твердо уверен, что Микат приедет обязательно утром. По-видимому, Якур имел основания так полагать. Он, когда пришло последнее письмо от Миката, тоже получил небольшой треугольничек, вложенный в большой конверт и специально предназначенный ему. Так и было написано: «Передать лично в руки Якура».

Подобное случилось впервые. Обычно в общем письме Микат передавал приветы всей семье, хотя в конце несколько фраз черкал для Якура. Когда отец и мать поинтересовались, что же пишет ему Микат, удостоив из всех братьев именно его отдельным письмом, Якур, разволновавшись, сказал, что ничего особенного, что брат решил написать письмо от нечего делать. Но Якур, конечно, скрыл от родителей небольшую тайну, сообщенную братом. Микат в письме передавал, что он постарается приехать в поселок рано утром на колданке, и чтобы Якур был заранее готов к встрече, а пока никому ничего не говорил.

Но подспудно в сознании Якура появилась и другая мысль: «А вдруг приедет на катере?.. Ведь столько катеров и вверх и вниз ежедневно снуют по Оби...»

Правда, Якур уже успел обдумать различные варианты и понял, как поступить. Ему надо просто внимательно следить за каждым проходящим мимо селенья пароходом или катером. Труднее придется ночью: здесь надо держать ухо востро, как пастуху на оленьем пастбище. «Ничего, – решил Якур. – Спать меньше буду ночью. Почаще вставать буду. На берег выходить. Прислушиваться стану. Ничего со мной не случится. Ради такого случая можно и не поспать».

Братья его в палатке давно уже спали, не одну плавную сеть, пожалуй, успели выметать во сне, а Якур никак не мог забыться. Вот и теперь, даже приказав себе ни о чем не думать, чтобы быстрей уснуть, он, однако, опять мыслями был с Микатом. Подобно крепко примерзшему к песчаному берегу после спада воды осеннему льду, внезапно всплывшему в весеннее половодье, в голове Якура воскрес один из случаев доармейской жизни Миката.

Перед армией Миката выбрали секретарем комсомольской организации их небольшого рыболовецкого селенья, а его заместителем, как объяснил тогда брат, русскую девушку Тоню, работавшую в колхозе кассиром. Якура, естественно, тогда не занимали дела и заботы молодежи села, но одно не могло ускользнуть от его внимания: Тоня слишком уж часто, как ему казалось, заходила в их дом по комсомольским делам. Чаще всего она спрашивала одно и то же по нескольку раз и, как заметил Якур, не о таких уж сложных вещах. Иногда она приносила комсомольские взносы по частям, как будто не могла собрать все сразу. Якур не раз замечал также, что Тоня при разговоре так впивалась глазами в Миката, что даже мать однажды не вытерпела и после ее ухода заметила: «Тоня весь вечер словно на колданке плавала в глазах

[88] Атам – в переводе с ханты означает «плохо», «беда».

сына». Якуру это даже нравилось, и он гордился тем, что красивая русская девушка старается расположить к себе его любимого брата Миката.

Тоня была дочерью колхозного бухгалтера Кузьменко, специально посланного в тридцатых годах Омским обкомом для организации рыболовецких колхозов на Севере. Тоня и родилась, говорила мать, в их селенье. Выглядела она довольно мило – русоволосая, с длинными косами, смуглолицая, с небесно-голубыми глазами. Правда, несколько выделялся слишком курносый нос. Старики иногда подшучивали, что «эту девушку со вздернутым носом скоро ветер на крыло поднимет и в облака унесет». Тоня, научившаяся понимать и разговаривать по-хантыйски, каждый раз мило улыбалась и шутя грозила пальцем в ответ: «Я вам дам, берегитесь: и вас в небо утащу с собой».

Якур, конечно, не знал, о чем меж собой говорили Микат и Тоня на встречах комсомольцев в конторе, на собраниях или еще где-нибудь, но все же догадывался, что были разговоры, связанные не только с общественной работой, в чем однажды убедился в то лето, когда Миката призвали в армию.

... Перед сменой Миката его весельщик Дмитрий неожиданно заболел, и тогда Порака, чтобы не сидеть сыну дома, предложил в напарники Якура и мать: на реке стоял полный штиль, да и промышлять надо было под самым носом поселка. Микат охотно согласился. Рыба ловилась хорошо – поймали и сдали на приемный пункт около центнера муксуна и одного осетра, но к ночи на реку наплыл густой, неуклюжий, словно лесной великан, туман, да такой, что от кормы до носа лодки едва можно было различить лицо напарника. При такой видимости совершенно невозможно было определить место для замета сети и ориентировались лишь по перекличке с человеком, которого специально оставляли для этой цели на берегу.

Первый раз Микату удалось верно закинуть сеть и поймать две нельмы и с десяток муксунов, но во второй раз он слишком далеко уплыл по реке, и сеть крепко зацепилась за подводную корягу. Пришлось якорем захватить второй конец сети, оставшийся свободным, и, выбрав ее в лодку, отрезать ножом небольшой кусок. Микат с матерью тут же на берегу быстро починили сеть, но закидывать вновь не осмелились и решили дождаться, пока слегка рассеется туман. Поразмыслив, Микат предложил матери и Якуру, чтобы зря не мучиться, идти домой и улечься спать, а когда нужно будет, он их разбудит.

Мать так и сделала, благо до летнего дома было всего метров двести, если подниматься по пологому склону. Но Якур, дойдя до порога, не стал ложиться спать, а решил посидеть у крыльца и подышать всласть туманным, влажным воздухом, а затем спуститься на берег, пройтись по песчаной косе, сплошь усеянной мелкой галькой, и позабавиться бросанием камешков – любимым занятием детства.

Якур сидел на широких ступеньках крыльца и собирался уже идти к берегу, как услышал на дороге, проходившей рядом с домом, звуки легких шагов, удалявшихся в сторону реки.

«Кто бы это мог быть? – подумал он, зная, что рыбаки другой, в паре с ними плавающей бударки жили у самого склона горки и еще раньше, тоже из-за густого тумана, улеглись спать. – Хм... И что человеку нужно на берегу в таком тумане? Да там только один Микат и остался. Сидит, небось, за сараем на обтесанных еловых бревнах да подремывает себе».

Якура подмывало встать и последовать за неизвестным. Он, как проворный горностай, почуявший добычу, медленно стал спускаться к берегу. Спрыгнув с размытого волнами невысокого обрывчика и оказавшись почти у самой воды, он прислушался. Якур не ошибся: невдалеке за амбаром, где на бревнах сидел Микат, раздавался еще один голос. И, как показалось ему, – женский.

Любопытство охватило Якура. Он хотя и догадывался, кто она, но пока сомневался. Запросто, ни с того ни с сего, да в такую туманную ночь Микат встречается с женщиной!.. Никогда ничего подобного Якур не замечал за братом. Он осторожнее кошки стал подкрадываться к ним. Подойдя к рыбоприемному пункту, откуда до сарая оставалось не дальше броска аркана, Якур остановился, затаил дыхание и прислушался. Якур сразу же узнал голос: Тоня... Он долго глядел в сторону сарая, где брат иногда посмеивался вместе с Тоней, и, по всему видать, им было весело. Якур подумал вначале, что Тоня просто вышла погулять на берег ночью, случайно встретила там Миката, разговорились и вскоре, наболтавшись, она пойдет обратно домой.

Но время шло, подобно медленно проплывающей лодке, а Тоня все не показывалась.

«Что же делать? – подумал Якур. – Что ей надо от Миката? – начинал он ревновать. – Почему не уходит?»

Якур понимал, что нехорошо подглядывать и подслушивать чужие разговоры, но любопытство взяло верх. Еще долго простояв в нерешительности – за это время можно было бы закинуть трехпровязную сеть, – Якур все же не удержался от соблазна: решил незаметно взглянуть на них с дальнего угла сарая. Он тише травы прокрался в дальний, уже изрядно подгнивший угол сарая, где хранилась соль, и через узкую щель двух поперечных плах взглянул в их сторону.

Вначале он то ли от волнения, то ли из-за густого тумана ничего не мог различить, но затем, освоившись с обстановкой, увидел их и чуть не ахнул от удивления. Микат, крепко обняв Тоню, целовался с ней. От неожиданности подкосились колени Якура, и он чуть не свалился на сыпучий песок. Но какая-то сила удержала его на ногах, он глубоко вздохнул, и тут ему стало невыносимо стыдно за себя, за свое неумеренное любопытство. Да и как он будет выглядеть, если вдруг брат заприметит его? Сердце колотилось, словно кто-то посторонний уличил его в подглядывании, глаза слипались, будто затягивало их тягучим осетровым клеем, и его потянуло немедленно убраться восвояси. Якур так же незаметно выскользнул из соляного сарая, добрался до дома и нырнул в палатку...

«Да-а, интересно было тогда, в ту туманную ночь, – размышлял своим подростковым умом Якур, уже начинавший разбираться в сущности подобных встреч мужчины и женщины. – И все же какие отношения у брата с Тоней могли бы быть сейчас? Ведь Тоня через два года после призыва Миката в армию переехала с отцом на работу в районный центр, в поселок Мош Вош».

Якур, глубоко любя брата, никому, даже матери, не рассказывал о том, что увидел однажды. Он, собственно, кроме этой случайно увиденной встречи, ничего больше и не знал. Был даже в неведении, переписывался ли с ней брат, находясь в армии. Письма, пока Тоня жила в их селении, поступая в контору, проходили через ее руки, за всей корреспонденцией она и ездила в почтовое отделение, находившееся в соседнем поселке. Правда, однажды, когда по пути в селенье письма доставил фельдшер Чернов и рассыпал их на столе конторы, Якур, взяв письмо от брата, увидел издали на краю обшарпанного, сколоченного из кедровых досок стола еще одно, с известным солдатским треугольником письмо, вроде бы с почерком брата. Якур уже было потянулся к нему, но невесть откуда возникшая Тоня перехватила письмо, вспыхнув: «Не трогай чужое! Это письмо мне», – и тут же ушла из комнаты, в дверях задержавшись взглядом на Якуре, словно пыталась узнать: догадался ли он, от кого оно?

Но это были всего лишь догадки. А прямо спросить у Тони ему казалось неудобным, да и не хватило бы, пожалуй, духу.

Много еще разных мыслей будоражило Якура, и они запутывались в его голове, как скатывающиеся из сора косяки сырка в мелкоячеистой сети. Все же усталость наконец одолела его, и он, широко зевнув, погрузился в глубокий сон.

***

Пошла четвертая неделя с тех пор, как было получено письмо от Миката. Уже закончился соровой лов. Порака с сыновьями и Этуш опять отличились в путину: почти в полтора раза перекрыли установленный план. И теперь, после спада воды и обмеления таежных соров, рыбаки, слившись в одну бригаду, перешли на неводный лов в глубоких ямах в сору и на Оби, где с наступлением темноты добывали черную рыбу: налима, язя, ерша и щуку.

Приближался Месяц Листопада, оставалась неделя до начала занятий в школе. Все эти дни семья Пораки жила ожиданием возвращения сына из армии. Время тянулось для всех утомительно медленно. Радость приближавшейся встречи охватила всю родню, всю большую семью. Сердце каждого волновалось по-особому, с присущими ему оттенками, жило какой-то необычной, возвышенной жизнью, словно в ожидании доселе неизвестного Великого праздника. Но больше всех, наверное, дожидался этой счастливой минуты Порака.

В доме все было подготовлено к предстоящему торжеству. Сантара тщательно позаботилась о еде. Заготовила рыбу во всех видах, в каких только употребляют ее ханты. В подвале ждали своего часа варенья из всех ягод щедрой северной тайги. В лопасе в широких вместительных хуванах-плошках лежало нарезанное сушеное мясо оленьей грудинки. Порака заранее сумел договориться с приемщиком рыбы, с угрюмым и несговорчивым Евдокимовым, и тот держал в специальном отсеке морозильной камеры жирного пудового осетра и ящик мороженого муксуна.

Старик тоже в последнее время, несмотря на хворобу, словно помолодел, старался ходить быстро и легко, много шутил и ничем не выдавал своего недуга. Только плохой аппетит – а это замечали все – свидетельствовал, что со здоровьем не все в порядке, и горько было видеть, сколько усилий приходилось прилагать ему, чтобы съесть поданное блюдо, порцию которого итак по его просьбе с каждым днем уменьшали.

«Наверное, перед приездом сына у меня так, – шутил старик. – Больше думаю о сыне, чем о еде. Вот и не лезет кусок в горло».

Но старшие дети, а мать особенно понимали, конечно, что это не так, что он пытается просто успокоить всех, чтобы не обращали внимания на него.

Однажды утром приехал из Питлора завхоз колхоза Илья Уткин – принимать сено, заготовленное в таловых лугах поблизости от селенья. Он сразу же явился в дом Пораки и передал телеграмму от сына.

Порака развернул ее, помял в руках и, не умея читать, передал Якуру, оказавшемуся рядом, который быстро пробежал текст глазами и весело закричал: «Ура, ура!» А затем громко прочитал: «Встречайте. Приеду на пароходе «Михаил Калинин». Микат».

– Дай сюда! Скорее! – мигом соскочил с тахара Порака и, взяв телеграмму, погладил ее шершавыми пальцами, внимательно разглядывая каждое слово, написанное красивым почерком местной почтальонши Татьяны. Затем, словно все еще не веря услышанным словам, передал и спросил на русском, на котором изъяснялся с большим трудом:

– Верно, моя рюма[89]. Так написано? Прочитай еще раз сам.

– Верно, верно, Порака! – засмеялся высокорослый кряжистый Уткин и похлопал его по плечу. – Мне уже там, на почте, сказали об этом. Дождался все-таки. А ты горевал, мол, раньше времени помрешь. Сына не увидишь. А он, видишь, порог твоего дома вот-вот перешагнет. Так что, Порака, готовься к встрече.

– Аспасипа, рюма! – пожал еще раз широкую ладонь Уткина Порака и тут же распорядился, чтобы жена как следует накормила дорогого гостя, принесшего добрую, долгожданную весть.

Порака еще долго вертел в руках телеграмму, но затем, видимо вспомнив что-то важное и неотложное, весь передернулся и обратился к Уткину, который был для него непререкаемым авторитетом:

– Еще помогай, рюма. А когда сынок появится? Как я узнаю?

– Спрашиваешь, когда? Дай-ка телеграмму. Посмотрю, когда и откуда подана. – Он взял телеграмму, недолго изучал ее и ответил: – Сейчас, сейчас, Порака. Погоди минутку. Я все растолкую. Все точно рассчитаем. – Уткин поправил растрепавшиеся, давно не стриженные поседевшие волосы и снял очки. – Значит, Микат подал телеграмму из Омска. 18 августа. А сегодня 26 августа. Пароход до поселка Мош Вош идет где-то восемь суток. Значит, он не сегодня-завтра будет в районном центре. А оттуда, наверное, на попутке доберется.

– Так-так, рюма. Аспасипа. А может, Микат Лор Вошам слезет? Тут и на колданке можно приехать.

– Правильно, Порака, говоришь. Микат, пожалуй, так и сделает. От Лор Воша ехать всего верст пятьдесят. Сколько попутных катеров с рыбзавода ездит к нам!

– Вот-вот, рюма. Правильно говоришь. Аспасипа большое. Теперь ясно мне.

Порака не находил себе места. Он прежде всего приказал жене без его ведома никуда далеко не отлучаться и еще раз проверить, всего ли хватает из съестного. Заранее обсудил с Сантарой, кого из односельчан следует пригласить в гости, чтобы потом, второпях, не промахнуться.

Занимаясь неотложными делами, связанными с предстоящей встречей сына, делая различные догадки насчет того, на какой пристани сойдет Микат – в Мош Воше или Лор Воше – и на чем, скорее всего, будет добираться до дому, Порака не раз сожалел, что по магистрали Большой Оби, где располагалось их маленькое селенье, не курсируют пассажирские пароходы.

– И кто это выдумал такой маршрут? – сокрушался он. – Малая Обь да Малая Обь... Здесь что? Разве не люди живут? Тоже поселки есть. Смотри: Хушават, Лоп-хари, Казым Мыс. И людей не меньше в них живет. Ан нет! Вот расположен райцентр на Малой Оби, начальники там живут, рядом с ними и пароходы должны гудеть и колесами вертеть. Как решил какой-то начальник однажды, так с тех пор и пошло. Как с бочкой. Сделали в ней дырку, и вода пошла и пошла лить с одного места. А может, с другого места и не хуже лилась бы? Если подумать, этот начальник нехорошо своей головой решил, хоть и считают они свои головы умнее других. А то как же? Ведь можно же было хотя бы пару раз в месяц пароход по Большой Оби пускать? – Порака, злясь на высокое начальство, встал с тахара, походил по дому, опять уселся на прежнее место и продолжил: – Нет, мало еще некоторые начальники об удобствах простого народа думают. Мало советуются с людьми. А что? Долго спросить?! Ведь не унизит себя этим. И язык не отпадет. И вес в теле не потеряет. Нет, мало еще разговаривают с нами по душам. Отсюда и наши беды. – Старик еще много раз ворчал на этот счет в течение дня.

Порака про себя обдумывал: а не махнуть ли ему на колданке до селенья Лор Вош? Что-что, а эту пристань Микат никак не минует. Каждое судно там останавливается. А о попутных катерах рыбозавода и говорить не приходится.

«Там я наверняка встречу сына, – думал он, – и на колданке вдвоем приедем».

Но каждый раз он приходил к ясной мысли, что весь путь ему не выдержать, что силы его уже не те. А посылать кого-либо из сыновей в такую даль, где они ни разу не были и могли заблудиться в бесчисленных обских протоках, Порака не решался.

[89] Рюма – так ханты называют близкого товарища.

Днем, после обеда, он вынул из сундука, сплетенного из суровых жил кедра, синий суконный костюм, примерил пиджак. Затем из другого, меньшего сундука достал голубую шелковую рубаху, долго приглядывался к ней и потом положил сверху, чтобы при надобности можно было быстро ее найти. В доме он был один. Жена возилась в амбарчиках, занимаясь своим делом. Старшие сыновья – Кевхо, Якур и Волать – отправились в сор осмотреть сети, наловить на всякий случай свежих муксунов и щекуров. Остальные дети играли на улице, оттуда доносились их крики.

Порака, занятый своими делами, не сразу расслышал слова чем-то взволнованной жены:

– Я-а, ты что сидишь? До самых волос ушел в свои мысли. Не видишь разве, старик?

– Что не видишь? Кого не видишь? – соскочил, еще не поняв, в чем дело, Порака. – Говори, говори!

– Да что говорить-то! Не видишь разве сам? Гляди! Вон, на таловой стороне, по ходовой Оби какой-то пароход проходит. Белый.

– Белый? – встрепенулся Порака и вмиг очутился у порога. – Точно... Белый... Ведь белыми, старуха, только пассажирские бывают. Только они такой краской покрашены.

– И я так думаю. Грузовые пароходы широкие такие. Грузные. Как лягушка болотная. А этот...

– Верно, Сантара, говоришь. Этот не грузовой. Неужели?!.

– Что неужели?

– Что, что!.. Может, Микат там едет? Может, какой-то пароход пассажирский решил по Большой Оби проплыть?..

– Так они никогда тут не плавали. Я за всю жизнь, вот уже волосы поседели, не видела. Никогда...

– Никогда, никогда... Может, под осень Малая Обь обмелела. Вода-то вон как сбежала. И пароходы пошли по Большой Оби.

– А, может, старик, Микат попросил капитана... Ну, обещал ему за это рыбешки. Он же знает, что она у нас всегда имеется. Да и сам подумай, старик, сколько пароходов осенью, когда идут последними рейсами вверх, к нам пристает. И все из-за рыбы. Из-за рыбы, старик...

– Погоди, не жужжи, как пчела над ухом, старуха. Не пляши раньше времени. – Старик по привычке приложил ладонь козырьком, еще внимательней всмотрелся. – Вот если свернет к нам, тогда другое дело.

И Порака со старухой заторопилась к знакомой круче, откуда хорошо просматривалась Обь сверху от мыса Порах Нел и вниз до мыса Ушар Оланг, и стали следить за белым пароходом. Правда, этот пароход был значительно меньше тех, что не раз видел Порака на Малой Оби. И на одном из них – кажется, «Ленин» называли его – довелось ему даже прокатиться от города Пулнг-ват Вот до селенья Лор Вош. А проплывающий мимо пароход, скорее всего, походил на навигационное судно, и Порака даже сделал предположение:

– А это не «Ваули Пиетомин», старуха? Шибко уж на него похож. Ну, тот, который бакены ставит и проверяет огни. Он даже летом однажды заходил к нам.

– А ты откуда его название знаешь? У тебя что, глаза как, у рыбного коршуна? – И Сантара, слегка усмехнувшись, добавила: – Ты и читать-то не умеешь, а о названиях речь ведешь.

– Не заводи меня, старуха. Я буквы не умею глазами читать. Может, я умом читаю. Сердцем чувствую. Так что не болтай. Я точно узнал: это навигационный пароход и есть.

– А почему тогда у бакенов не остановился? Да и тот медленно ползет. Как муравей. А этот, смотри, даже ход не замедлил.

– Может, нет надобности. Стоят бакены в порядке – зачем лишний раз трогать их. Может, у него другое, более важное задание есть?

– И не собирается заворачивать, старик...

Действительно, белый колесный пароход, пыхтя высокой почерневшей трубой, дав длинный, протяжный гудок, от которого Порака даже вздрогнул, и, выбрасывая, словно связки арканов, клубы дыма, дошел до конца тальникового острова и скрылся за поворотом реки.

– Наверное, не было там сына, – сказала Сантара. – А так – долго ли было ему свернуть. За это время и трубку как следует выкурить бы не успел.

– Вот какая мысль, старуха, ко мне пришла. А ведь пароход-то, думаешь, зря гудок дал? Может, он сигнал дал. Может, Микат об этом попросил. Мол, я здесь, приезжайте за мной в селенье Питлор.

– Откуда ты знаешь? Ты что – шаман? Еще раз говорю: был бы там Микат, пароход обязательно бы свернул.

– Вот заладила: свернул, свернул!.. – все больше раздражался Порака. – А может, капитан побоялся сворачивать? Сейчас-то осень. Видишь, как Обь обмелела. Плешины песчаных гольцов по всей Оби мелькают. А наша Обь, что рядом с поселком, не ходовая. Бакенами не обставлена.

Ну и что же?

– А вот что, старуха, слушай. – Порака, видимо, окончательно утвердился в своей догадке и радовался как ребенок. По-моему, из-за этого пароход и не пристал здесь. А пристанет в Питлоре. Там пристань, берег обставлен бакенами. Ты поняла, Сантара? Потому пароход и гудок дал. Я уверен: это Микат попросил. Мол, приезжайте за мной. – Порака потоптался вокруг излюбленного бугра, трава на котором вся уже была примята, подошел к самому обрыву, вытянув шею, намереваясь, очевидно, разглядеть скрывшийся пароход, и сказал с досадой: – Эх, и зачем только река делает здесь крутой поворот! Не увидишь отсюда селенья Питлор. А то бы разглядел: пристанет или нет.

– Что поделаешь, старик. Имели бы крылья, взлетели б в воздух, и все бы увидели.

– Да, старуха, это верно. – Порака долго глядел в сторону сора и, увидев среди возвращающихся бударок свою, воскликнул: – Знаешь что, Сантара? Зачем нам крылья?! Вон же сыновья с рыбалки едут. Как приедут, покушают на скорую руку, и сразу пошлем Якура на колданке в Питлор.

– Правильно, старик. Только зачем Якура? Может, Кевхо пошлем? Он все же старше.

– Ты что, старуха? Ты знаешь, кто Микат для Якура? Да Якур нам ни в жизнь не простит, если сейчас не пошлем его.

– Ладно, ладно, старик. Посылай Якура.

Когда Якур в легкой поношенной малице и резиновых сапогах, усеянных рыбьими чешуйками, с муксунами в руках, как всегда, первым объявился на пороге, Порака, успев уже обрядиться в шелковую рубаху, чтобы все знали, что праздник для него уже начинается, сидел на тахаре и пил чай. Не расспрашивая, как бывало обычно, о рыбалке – а Порака это делал всегда – старик, поставив чашку с чаем на низкий столик, тут же предложил сыну поскорее покушать и отправиться на колданке в Питлор.

– Это зачем, папа? – недоуменно спросил Якур, снимая малицу. – Наверное, купить что-нибудь к приезду Миката?

– Нет, сынок. – Порака расстегнул ворот шелковой рубахи. – Дело более важное есть.

– Какое?

– По-моему, сынок, – Порака загадочно взглянул на Якура, поглаживая ладонью подбородок, уже начисто побритый, – по-моему, Микат приехал.

– На чем? Откуда? – подскочил к нему Якур, задев ногою деревянное корыто, куда только что сбросил муксунов, и, закричав «ура!», заметался по комнате.

– Так я и поеду сразу, отец. Я не голодный. И кушать совсем не хочу. А на дорогу хлебца прихвачу. Шумаху – вяленой рыбы – несколько штук... – И Якур, поправив хлястики высоких и огромных – не по ноге – резиновых сапог, сказал: – Ну, я стану собираться...

– Погоди, сынок, – Порака отставил в сторону недопитую чашку чая. – Успокойся чуток. Успеешь. Ты все же подзакуси. Хоть чашку чая выпей горячего. Подкрепись малость. Все же Питлор не за спиной находится. Надо верст десять туда и столько же обратно проехать.

– Так-так, старик, – поддержала мать. – Да и неизвестно еще, пристал или нет пароход? Приехал ли Микат?

– Как не приехал? – удивленно взглянул на мать Якур. – Отец только что сказал.

И Пораке, не менее взволнованному, чем сыновья, пришлось поделиться с Якуром, который уже сидел на тахаре, своими предположениями. Выслушав его, Якур пуще прежнего загорелся поездкой. Он наспех выпил стакан чаю, отведал несколько ложек рыбной варки с кусочком черного хлеба и, прихватив с собой серый суконный гусь, выбежал на берег, к своей колданке, перевернутой набок.

Порака, выйдя за ним, дал последние напутствия, оттолкнул его колданку от берега, затем дошел до своей пузатой, как налим с надутым животом, бударки и уселся на сиденье:

– Фу-у! – глубоко вздохнул он. – Одно дело, кажется, сделал. Через час Якур будет в Питлоре. Кто знает, может, Микат там уже дожидается нас. Может, он взял у кого-нибудь колданку и уже едет к нам. Это ничего. Встретятся. Река одна. Негде разминуться. А может, он пешком уже шлепает по песчаному берегу. – При этой мысли он сильно огорчился. – Кой, кой! Неужели Микат решится на такое? Намучается ведь. С чемоданом. Да берег местами топкий. – Порака, откинув назад капюшон легкой малицы, почесал шею и затем провел ладонью по лицу. – А кто знает, может, Микат и пешком пустится. Еще бы! Соскучился по дому. А как же? Разве может человек забыть родное гнездо? Не зря старики говаривали: «Забыл родной дом – половину сердца потерял». А сердце-то что? Его доброту никакой ум не заменит... Да-а... Доброту сердца никакими деньгами не купишь...

Порака проводил взглядом высоконосую колданку сына, корма которой при гребле виляла, словно хвост плывущей ондатры, и, когда она скрылась за мысом Поланг Соям, сплошь заросшим рябиной и черемухой, легко встал и заторопился домой.

По пути он зашел к приемщику Евдокимову, жившему с рабочими рыбоприемного пункта в длинном бревенчатом бараке под склоном горы. «Как там моя рыба поживает?» Увидев в морозильной камере хорошо замороженного осетра и рядом с ним ящик отборного муксуна, Порака остался доволен и почти без остановок одолел пологий склон горы до летнего жилища. Недолго посидев на пороге, передохнув, он с Сантарой осмотрел запасы съестного. Кажется, все дары северной природы заранее приготовленные Сантарой дожидались своего часа.

Пока Порака с женой находился в амбарах, вернулась с неводной бригадой из сора Этуш. Узнав от родителей о возможном приезде Миката, она, сильно обрадовавшись, кинулась к матери:

– Точно, мама?! – она схватила мать за руки и потрясла их. – Точно! Наконец-то!..

Засуетившись, Этуш тут же подошла к небольшому зеркальцу, висевшему на задней стене рядом с фотографиями, и стала быстро прихорашиваться, словно брат вот-вот заявится в дом. Поправив гребенкой волосы, она забеспокоилась:

– Ой, мама! Надо же в доме прибраться!

– Конечно, конечно, доченька, – ответила Сантара. – Вот покушаешь, и вместе начнем.

Этуш наскоро перекусила нярхулом из муксуна – сырой свежей рыбой – и, попив чаю, принялась помогать матери наводить порядок, который редко удерживался в доме, так как младшие братья Оська и Евдин постоянно что-то строгали, да и просто в течение дня часто бегали через порог дома туда-сюда.

Этуш старательно вытрясла на улице все постельные принадлежности: оленьи шкуры, разные ягушки, подушки, сплетенные из травы тахары, тщательно вытерла пыль, до блеска перемыла посуду, приготовила низкий столик для еды.

Мать уже успела вымести сор и продраить крашеный пол. Вскоре покои просторного летнего дома Пораки засияли свежестью и чистотой.

Порака обычно не вмешивался в домашние дела женщин, но на этот раз, словно подчеркивая важность момента, сидел на тахаре, придирчиво следил за их работой и иногда подавал необходимые, на его взгляд, советы.

Увидев, что некоторые чашки потрескались, он велел жене принести из ближнего лопаса дорогой сервиз, который ставили на столь только во время торжественных праздников. Порака проверил также в верхнем лопасе, стоявшем у зимнего дома, заранее приготовленное вино и, прикинув число предполагаемых гостей, решил, что на всех хватит. «Не напиваться же в доску, – сказал он про себя. – Как-никак на другой день людям на работу надо. А не отметить, конечно, нельзя. Все же сын приезжает. Надо только с умом пить, чтобы ни мне, ни гостям вино худа не наделало. Чтобы за ноги не цеплялось и голову не мутило».

Порака велел Кевхо и Волатю находиться на берегу и внимательно следить за рекой, чтобы вовремя заметить возвращение колданки из Питлора. Но, не доверяя детям, сам он все чаще и чаще приходил к ним, всматривался вдаль и чутко прислушивался, не донесутся ли всплески от гребей из-за ближайшего поворота реки.

Но колданка Якура все не показывалась. Уже смеркалось, и Порака заволновался, не случилось ли с парнем чего-нибудь? Особенно он побаивался переката у мыса Ушар Оланг, где в темноте ничего не стоило наскочить на камни, торчавшие из-под воды, словно зубья подводного чудовища Веса.

– А что делать в Питлоре столько времени? – громко разговаривал он с сыновьями. – Коль приехал Микат, давно уже должен быть здесь. А если не приехал, то что Якуру там делать? Что, привязали его там? За это время можно было бы два раза скатать туда и обратно. Кай!..

Совсем стемнело, и на небе, подобно свечкам, зажглись ясные звезды. Порака уже сам хотел было отправиться на бударке на поиски Якура, как до слуха донеслись торопливые всплески весел.

– Едут! – первым закричал Волать. – Это они! Это Якур так гребет!..

– Не кричите! Тихо! – успокоил детей Порака и, приложив рупором ладонь к правому уху, прислушался, и, видимо в чем-то убедившись, сказал: – Да, это Якур. И кажется, один плывет.

– Почему один? – вместе спросили Кевхо и Волать. – Ты разве заметил что-нибудь? Ведь колданки нет еще. Даже силуэта не видать.

– Не видать-то не видать, сынки. Только умом и сердцем чую. Был бы Микат с ним, то обязательно он бы на гребях сидел. А то слышите: всплески гребей какие-то слабые.

– А может, Микат устал, – заговорил Волать. – И теперь гребет Якур?

– Эх, детки, детки! Миката надо знать. Разве он допустит? Да еще когда в селенье приезжает...

Действительно, Якур приехал один. Как выяснилось, пароход в Питлоре не останавливался. А задержался он потому, что с селенья Лор Вош ждал мотокатер «Волна». Только к вечеру приполз этот катер, и Якур, убедившись, что брата там нет, отправился домой.

Теперь Порака знал, что Микат может появиться из селений Мош Вош и Лор Вош, куда обычно приходит пароход «Михаил Калинин».

Но прошел день, второй, третий... Миката все не было. Вначале Порака предполагал, что не подворачивается сыну попутный транспорт, но на четвертый день получил телеграмму из Мош Воша, районного центра: «Задерживаюсь ненадолго. Скоро приеду. Микат».

Порака очень удивился содержанию телеграммы, разволновался и, чтобы до конца понять ее смысл, сам поехал в Питлор на колданке к председателю сельсовета Апалькову, своему куму и, пожалуй, единственному человеку, на которого во всем полагался.

Широкоплечий, горбоносый, на целую голову выше Пораки, председатель Совета Степан Алальков внимательно выслушал своего друга, многократно повторяя любимое «едят их мухи», взял крепкий, сделанный по его комплекции костыль – он в детстве повредил ногу – и заковылял на почту. Оттуда связался по рации с военкоматом и, узнав, что Микат там был и встал на учет, объяснил Пораке, что ничего с сыном не случилось, что каждому отслужившему по приезде на место надо обязательно отметиться. И ко всему сказанному Апальков похвалил Миката за благоразумие: не придется, мол, ему после снова ехать в военкомат.

Несколько успокоившись после встречи с Апальковым, Порака, придя домой, принял неожиданное решение – перекаслать с летнего дома на зимний, находившийся выше по пригорку метрах в двухстах, где начиналась кромка уже довольно поредевшего леса.

Мать и дети очень удивились преждевременному перемещению: всегда каслание производили только в конце Месяца Листопада, когда начинало по ночам всерьез примораживать и заканчивалась осенняя охота на глухарей, рябчиков и тетеревов.

– Надо, чтобы Микат в теплый дом приехал, – объяснил он. – Все же зимний дом – наше главное жилище, основное гнездо. Просторней в нем. Гостям будет где разместиться.

– Не слишком ли рано? – попыталась воспротивиться мать. – У меня, например, еще ни один бок от холода не замерзал. И...

– Хотя бы и не замерзал... – перебил Порака. – Не в этом дело, старуха. Пока еще умом моей головы живем. Не стой на дороге. Может, во мне вся причина. Я лучше себя знаю. Каждый день чувствую, как силы покидают меня. Перед вами храбрюсь пока. А так: подтолкнешь сильней – как засохшая соломинка холодной зимой подкошусь. Мне бы вот только Миката дождаться. Передать ему вожжи нарты. На него у меня вся надежда. А там... – Порака уныло опустил голову, оглядел свои резко скрючившиеся старческие пальцы и, тяжело вздохнув, взглянул на мать. – Вот почему я и тороплюсь в теплый дом. Там удобнее. А в уютном месте и мысли глубже, и легче будет передать дом новому главе семьи. Так-то, старуха. – И, обведя взглядом сыновей, сидевших на тахаре после завтрака, добавил: – И, сынки мои, тоже знайте. Я ничего не скрываю. Дни мои сочтены. Уж больно сильно болезнь чувствую: внутри начинает сверлить. Вот-вот до последней стенки в сердце доберется. И тогда... Потому я и хочу в последний раз в зимнем доме побыть.

– Не говори так, старик, – перебила его Сантара. – Что ты говоришь при детях? Ты потерпи. Вот приедет Микат – сразу преобразишься. Все болезни забудешь. Болезни сами убегут от тебя. Вот увидишь...

– Кой, кой, старуха, – вздохнул Порака. – Это еще неизвестно. Будущая тропа жизни – темна. Никому не известна, никому не дано знать. Только сердцем иногда предчувствуешь. А пока начнем каслать. Сейчас же... – И сам, медленно поднявшись, снял со стены два ружья шестнадцатого калибра, висевшие над священным ящиком, и обратился к сыновьям:

– Начнем, конечно, со священного ящика. Старуха, положи на порог топор[90]. А вы, сыновья, осторожно начинайте.

В зимнем доме, перед тем как внести туда священный ящик, Сантара елом – шерстью выдры – окурила изнутри жилище, снова положила топор на порог, и только тогда первым внесли священный ящик, а затем все остальные вещи.

Каслание к обеду было закончено. Перед тем как принять пищу первый раз в зимнем доме, всю разложенную еду – уху из свежего муксуна, кусочек оленьей грудинки, различные варенья – освятили (минут пять она постояла на столике возле священного ящика) – лишь тогда все уселись есть.

Порака, у которого вообще за последние дни пропал аппетит, лишь притронулся к голове муксуна и выпил чашку душистой ухи, так ничего толком и не поев.

Каслание, хотя Порака в нем и не участвовал (перенес только ружья), утомило его. После обеда он крепко уснул. Пока он спал, Сантара успела обработать скребком восемь оленьих лап, чтобы сшить Микату новые кисы.

[90] Когда на пороге находится топор, добрым духам легче покидать дом и входить в него.

В доме топилась железная печь. Разомлев от жары, Порака лежал на тахаре и громко стонал во сне. Якур тронул отца за плечо и разбудил его. Порака долго не мог прийти в себя после увиденного сна и, поразмыслив про себя, что бы он означал, стал рассказывать:

– Слышу, значит, кто-то воет на улице. Ночью дело было. Вы все, стало быть, спите. Я выглянул на улицу. Гляжу: три волка с оскаленной пастью неподалеку от крыльца сидят. Рядом с ними, стало быть, валяются остатки костей и клочки шерсти разгрызанных наших ездовых собак. Страх охватил меня. Если, думаю, домой убегу, волки за мной погонятся и, думаю, всех дома сожрут. Нет, думаю, надо прогнать их. И я взял в руки свой широкий кожаный ремень с медной пряжкой. Спасибо духам! – со мной он оказался. Взял, стало быть, увесистый ремень. Немного осмелел, конечно, все же не с голыми руками. Стою, стало быть. Жду. Вот один волк прыгает на меня – и я его пряжкой по голове хлесть. Прыгает второй – тоже хлесть. А третьему, видать, глаз сразу выбил. Кой, кой! Сила, оказывается, есть еще во мне?! Но волки не успокоились. Окружать меня стали. Рычат. Пена изо рта, как на гребнях волн во время шторма, так и брызжет. Стою, стало быть, отбиваюсь. Чувствую – устаю. Думаю: надо на помощь звать. Вас стал кричать. Кричу, кричу – устал. Никто не приходит. А волки... вот-вот доберутся до меня и загрызут. Я – орать из последних сил. И в это время за спиной появляется... – Порака весь переменился, заулыбался. – И кто бы, вы думали?! Микат!!! Микат появился! Он хватает стоявший у крыльца лиственничный сонгхеп – лопату и давай дубасить их. То одного, то другого. И тут вы меня будите... Кой, кой, зачем раньше времени разбудили?..

– И что же? – подошел к нему поближе Якур. – Что с волками? Убежали?

– Ой, не знаю, сынок. Вы же разбудили меня. По-моему, должны были убежать. Да-а, старуха. Сон, пожалуй, с хорошим концом. Стало быть, Микат вот-вот заявится. Видишь ли, он уже мысленно помогает нам. Его сердце и ум уже посетили наш дом.

– Ой, отец! – запрыгал Якур. – Как хорошо! Скорее бы Микат приехал! Когда все же он будет? Ведь после телеграммы уже пять дней прошло.

– Наверное, в дороге, – сказала Сантара. – Сейчас осень. Катера редко ходят.

– Катера, катера... – буркнул Якур. – Но он же мог на колданке приехать. Он же писал мне.

– Писал? Как писал? – встрепенулся Порака. – Когда писал?

– В последнем письме. Он для меня отдельно написал. Вон оно. – Якур вытащил из деревянной шкатулки, стоявшей на полке, письмо, написанное братом, и громко прочитал родителям.

– Хм... так-так, – сказал Порака. – Хорошо! И я тоже так думаю. И сон предсказывает, что, стало быть, со дня на день надо ждать Миката. Хотя... все же по какой причине он задержался? Непонятно мне пока...

– Чего тут непонятного? – опять заступилась за сына мать, отложив в сторону скребок, подмяв ноги под себя, усевшись на полу, усеянном мездрой засохших оленьих лап. – Из такого далека разве на крыльях перелетит?.. Приедет. Я не меньше вас жду. Тоже ночами не сплю...

Якур слушал их разговор и, пытаясь своим детским умом понять, почему Микат задержался в Мош Воше, вдруг вспомнил, что там же проживает и работает Тоня, которая... Якура от этой внезапно осенившей мысли всего передернуло, и первым побуждением было крикнуть отцу и матери: «Я знаю! Хорошо знаю, почему Микат задержался в Мош Воше. Там Тоня. Девушка его, которую он лю...».

Он осекся, подобно невыстреленному патрону.

«А может, она его не любит? Мало ли чего: ночь, обнявшись, посидели тогда на берегу... Может, Микат по другой причине задержался?»

Но Сантара заметила по его виду, что он чего-то недоговаривает, и неожиданно спросила:

– Ты, сынок, что-то хочешь сказать? По глазам вижу, слова изо рта, как ягоды из переполненного туеска, так и хотят высыпаться.

– Нет, нет, – растерялся Якур, вертя в руке скомканное письмо от Миката. – Я так... Я просто подумал, об отцовском сне подумал...

– Как о таком сне не задуматься? – поддержал Порака, поглаживая за ухом тонкую жидкую косичку. – Ведь с Микатом связано. И увидел-то сон когда? В самую пору. Когда сын вот-вот должен перешагнуть порог дома. Это хорошо, что злых духов уже начал прогонять. Пусть знают, с кем будут иметь дело...

***

В томительном ожидании прошел день, другой...

Перед началом занятий в школе – а они уже были на носу – оставалось всего два дня. Порака освободил сыновей от разных работ, дав им возможность хоть чуток отдохнуть. И Кевхо, и Волать, и, конечно,

Якур, который вообще потерял покой, теперь попеременно, а иногда и все вместе пропадали на берегу, следя за проходившими судами и лодками.

Состояние Пораки все ухудшалось: он мог кушать только жидкую кашицу и пить чай. Вся остальная пища не шла, просто застревала в горле. Фельдшер Чернов, приезжавший накануне, подтвердил, что пищевод не пропускает пищу, что-то там неладно. Теперь уже каждому бросалось в глаза, как резко сдал Порака, как исхудало его тело, стала дряблой кожа, а лицо – иссиня-бледным.

Вечером, ложась спать и укрываясь ягушкой, Порака вдруг вспомнил что-то важное, приподнялся на тахаре и, опираясь на большую подушку, заговорил:

– До чего я безмозглая голова!.. И кто у меня ум украл? И как я мог забыть об этом?..

– Что, что забыть? – забеспокоилась Сантара, вывертывая намокшие кисы детей у печки и прилаживая их на поленьях сушиться. – Что-то важное, старик?

– Да еще какое!.. Не в каждую лодку и поместится.

– Не понимаю, старик...

– А вот что, старуха. В Мош Воше же мой друг живет! Вылкин! Крестный отец нашего Кевхо!

– И верно, старик! – отодвинулась от железной печки Сантара, вся вспотевшая.

– И как я, бестолковая голова, раньше не вспомнил? – сокрушался старик. – Надо было давно с ним по рации переговорить. Попросить его разузнать про Миката.

– А по-моему, старик, Микат только у него и мог остановиться. У кого же больше? Больше никого там знакомых нет. Не будет же сын на улице ночевать?!

– Конечно, конечно, Сантара. Где же ему быть больше? Ведь Вылкин зимой, перед уходом Миката в армию, гостил у меня. Микат хорошо знает его... Эх!.. – вконец расстроившись, Порака почесал свою широкую лысину и виновато уставился на жену. – Вот что, старуха!.. Хорошо слушай. Завтра пораньше вставай. Поедешь с Якуром на колданке в Питлор. На переговоры вызовешь Вылкина. Там в Мош Воше все его знают. В райисполкоме работает, не где-нибудь... Так вот, старуха. Ты все и выведай у Вылкина. Все вызнай. Поняла?

– Конечно, поняла. Съездим с Якуром. Разузнаем – спокойнее всем нам будет. А то что здесь? Словно без глаз в густом лесу сидим. Что впереди, что сзади – все темно. Ничего не знаем и не ведаем.

– Вот-вот, старуха. А теперь спать... Дело важное предстоит.

***

Якур долго ворочался в постели. Сну никак не удавалось укрыть его своим широким черным крылом.

По правде сказать, Якур все эти ночи опасался глубоко уснуть. Чутким и легким, как у дикого гуся, стал его сон. Он много раз просыпался по ночам, прислушивался к доносившимся посторонним звукам, особенно к шуму мотора. Хотя он и знал, что темной осенней ночью катер, ничего не видя перед собой, вряд ли направится к берегу. На такой шаг мог осмелиться только капитан, вдоль и поперек изучивший все мели и перекаты возле их рыбацкого селенья. Якур также предполагал, что если Микат доедет на катере до Питлора, то здесь его уже никакая ночь не остановит: он обязательно – пешком ли, на колданке ли – доберется до родного дома.

«Нет! – который раз внушал он себе. – Я должен обязательно первым встретить Миката. Я должен быть внимательным и собранным, как охотник во время перелета уток. Только так. Ведь Микат – мой самый любимый брат. Да и он больше всех любит меня».

Якур, лежа под ягушкой, затаил дыхание и прислушался: на улице монотонно посвистывал южный ветерок, за окном накрапывал дождь.

Тепло, идущее снизу от оленьей шкуры и сверху от ягушки, постепенно все сильнее захватывало его в свои объятия и отдавало его утомленное тело дурманному сну.

«Чишь-чишь», – доносилось только до него. «Кап-кап», – слышалось за окном.

Проснулся от резкого радостного возгласа матери.

– Сыночек!.. Наконец-то! Слава Богу!.. Ждать устала... Сердцу покоя не было...

Якур перевернулся на другой бок: не ослышался ли он, может, все это приснилось? Высунув голову из-под тяжелой ягушки, он опять прислушался: нет, не ослышался. Мать, пересиливая наплывающие слезы, радостно громко оповестила:

– Вставайте! Старик, слышишь?! Микат приехал. Сын твой!

– Пытаюсь, пытаюсь встать! – раздался ответный покряхтывающий голос отца. – Ты зажги, старуха, свет. Разве в темноте встречают кого?

И только Сантара зажгла лампу, Порака, уже стоя на ногах, еле успев надеть штаны, в нижней белой рубашке обвил руками шею сына и крепко поцеловал его.

– Здравствуй, отец! Узнаешь меня? Вот я и дома! – широко улыбнулся Микат. – Родные вы мои, как же я соскучился!

– Наконец-то приехал, сынок! Наконец-то! – смахивая с глаз выступившие слезы, заговорил Порака. – Вещим мой сон оказался. А мы тут уж головы потеряли. Искать тебя собрались.

– Так-так, сынок, – вмешалась мать. – Не будь тебя здесь, сегодня утром мои ноги в сторону Питлора только бы и мелькали. С Мош Вошем хотела по рации переговорить. Про тебя выведать. А ты вот, уже здесь! – Сантара провела пальцами под нижними веками. – А ты наконец-то дома!

– Ладно, старуха! Ты своим делом займись. Стол готовь. Буди Этуш, – воспрянув духом, распоряжался Порака, но в этом уже не было никакой надобности: и Волать, и Кевхо, и Якур столпились вокруг Миката. Спали только Оська, Евдин и Логи.

Порака, задержав взгляд на священном ящике, где находился идол рода – священная собака, словно поблагодарив его за благополучное возвращение сына, перевел взгляд на Миката и весело сказал:

– Гостей созывай. Ты не забыла, поди, кого? А я пока с сыном перетолкую малость.

Микат, поздоровавшись с братьями и сестрой, уселся на тахар, куда примостился и отец. Взглянув на светильник, Порака недовольно сказал:

– Темновато, кажется, Этуш. Ты бы зажгла вторую лампу.

– Сейчас, папа. – И она, уже успевшая нарядиться по такому важному случаю в светло-зеленое, с оранжевыми цветочками шелковое платье, тут же вышла в сени заправлять керосином вторую лампу.

А Сантара, надернув на себя легкую ягушку, полюбовалась сыном и сказала мужу:

– Ну, я пошла. Вначале гостей будем звать.

– Правильно, старуха. Пока они встанут, да к нам придут, да то да се, много времени уйдет. А мы за это время столом и займемся.

– Конечно, конечно, старик. Без меня тут и Этуш со всем справится.

– Хорошо, хорошо, старуха. Никого не забудь. Все же сегодня для меня – самый большой праздник. Такого дня больше у меня не будет...

Сантара ушла, а Якур, крутясь возле брата, любовался его красивой матросской формой, которой был потрясен: отутюженные клеши, суконный бушлат, из-под которого выглядывал откидной ворот голландки, бескозырка, где сияли золотистые буквы: «Тихоокеанский флот». Военная форма ладно сидела на его широких плечах, на сильном тренированном теле. Якур сразу заметил, как окреп и возмужал за годы службы любимый брат.

Порака решил обстоятельно поговорить с сыном.

– Рассказывай, сыночек, про себя. – Но тут же, видимо вспомнив что-то важное, осуждающе сказал сам себе: – Фу, совсем забыл спросить. Безмозглая голова, фу ты! На чем добрался-то? Пешком или на колданке?

– На неводном метчике.

– На каком же это метчике? Нашего рыбоучастка метчик вроде на месте был.

– Я на другом, отец. На метчике другого рыбоучастка. С Лор Воша. Там начальник добычи рыбы с рыбозавода оказался. Пенечко. Знаешь его?

– Как не знаю. В войну начальником рыбоучастка у нас был. Кум мой. Добрый мужик. Одно лето на неводном песке вместе рыбачили.

– Вот-вот. Он даже вспоминал тебя, пока сюда ехали. Рассказывал, как ты учил его: как невод метать, когда закидывать, чтобы улов хороший был.

– Молодец Пенечко! Молодец! Помнит. Не забыл, значит. А где же он? Почему не позвал? Погоди! – И он оглянулся в сторону детей. – Сейчас пошлем кого-нибудь. Быстро сбегают.

– Да нет, отец. Он торопился очень. Уже уехал в Мелексим. Он только из-за меня сюда завернул. Сказал еще: «Разве могу я отказать в просьбе сыну Пораки?!» И еще привет тебе большой передавал. Здоровья пожелал.

– Хорошо, хорошо, сынок. Увидишь его, и от меня привет передай.

– А почему я? Ты сам его, наверное, увидишь.

– Кто знает, кто знает, сынок. – Порака при этом тяжело вздохнул, и темная грусть промелькнула в его глазах. – Так-так, сынок. Ладно... Не это главное... Ты приехал!.. Ты дома!! Теперь мне успокоиться можно. Отдых дам себе. И мозгам тоже. Все же старшой в семье объявился. Есть на кого опереться теперь. Спасибо, Опаль Аси! Дождался сына... Помог мне...

– Ну, отец, зачем так говоришь? Вроде все нормально. Конечно, было тяжело. Понимаю... Но теперь-то...

– Конечно, конечно, сынок. Теперь-то есть плечо, на которое можно опереться. Знаю, что надежное. Не сломится, как хилое деревце.

– Ладно, отец. Все будет хорошо. – Микат окинул взглядом сидевших рядом с ним братьев. – Что же я сижу?! А про подарки-то забыл?!

– Ура! – закричал Якур и кинулся к чемодану Миката, стоявшему у стола, поднатужившись, приподнял его и потащил к брату.

– Вот он, – сказал весь сияющий Якур. – Чур!

Первый подарок мне! И форму матросскую мне!.. Мне, мне первый подарок! – от нетерпения аж подпрыгивал он.

– Ладно, ладно, – успокоил поднявших визг братьев Микат. – Всем хватит. Никого не забыл.

Микат, открыв крышку чемодана, всю обклеенную изнутри разными снимками из армейской жизни, стал раздавать привезенные подарки.

– Это отцу! – и протянул ему восьмикратный бинокль.

– Нужная вещь! – повертел бинокль в руках Порака. – И дорогая, поди? Ты, наверное, все деньги и потратил на него?

– Да нет, отец. Помнишь, я писал вам? Ну, отпуск мне краткосрочный за хорошую службу давали?

– Помню, помню, сынок. Как не помню. Ты писал нам.

– Так вот, отец. Далеко было ехать домой. Я и не поехал, а отдохнул на месте. За это время я в порту на выгрузке судов поработал. Подзаработал кое-что.

Якур широко заулыбался, когда Микат опять запустил руку в чемодан.

– Это матери... Пока нет ее, я вам покажу. – Микат нажал на кнопку, и сразу струя яркого света ударила в лицо Кевхо.

– Ой! Фонарик!!! – закричал Якур. – Мне, мне его!..

– Нет, матери, – сказал Микат. – Ей приходится часто в темноте в амбар ходить. Вот ей и будет самое то.

– Верно, верно, – согласился Кевхо. – Пусть будет так. Дай пока мне. Я матери отнесу. А то темно сейчас на улице. – И, почти вырвав фонарик из рук брата, так заторопился на улицу, что Микат едва успел вручить набор открыток, предназначенный ему.

Волать, Оська и Евдин получили различные альбомы, книжки, открытки. Этуш Микат преподнес нарядный светло-голубой платок. Но больше всех, конечно, радовался Якур, которому брат, как и обещал в письме, подарил матросскую тельняшку, бескозырку и настоящий флотский ремень с якорем. Якур тут же надел под рубашку тельняшку, затянул ремень и перед зеркалом так и сяк стал примерять бескозырку.

Когда младшие братья Миката углубились в книги и альбомы по истории Военно-Морского Флота, Порака опять заговорил с сыном:

– Наверное, в Мош Воше задержался по какому-нибудь важному делу? Или транспорта не было выехать? Там, кажется, дней пять сидел.

– Дела... – замялся Микат и неожиданно покраснел. – Верно... Пять дней там был. Не смог сразу выехать... Ждать пришлось. Все же выбрался. Осень, сам понимаешь. Труднее с транспортом...

– Так-так, известное дело, – согласился Порака.

А Якур, стоявший рядом с братом и хорошо слышавший их разговор, уставился на брата, словно пытался узнать причину его задержки: он хотел даже о чем-то спросить, но раздумал и опять подошел к зеркалу, уже который раз разглядывая себя в бескозырке.

Микат не осмелился сказать правду отцу, что, мол, задержался из-за любимой девушки. Да и вряд ли Порака в ум взял такое: будущую личную жизнь сына он с женой давно уже определил. Невеста Еля из селенья Порават загодя была примечена Сантарой по просьбе Пораки, родители невесты уже дали согласие, и теперь оставалось только ее привезти, а это, как выражался Порака, «мелкие детальки».

Об их сватовстве Микат, разумеется, пока ничего не знал, как и не знали его родители о том, что он решил жениться на Тоне и даже переехать в Мош Вош. Тоня с помощью отца своего, который был накоротке с руководством района, успела и место работы ему подыскать в Мош Воше. Все же отец Тони работал заведующим финансовым отделом в райисполкоме и имел, разумеется, некоторый вес. По рекомендации райкома комсомола Миката вызвал начальник милиции и предложил работу у себя. Микат несколько дней колебался, не давал согласия, но важный разговор с секретарем райкома партии и настойчивость Тони взяли наконец верх. Через месяц он должен был приехать на работу в Мош Вош. А пока Микат решил отдохнуть у родителей после армии.

И вот теперь Микат, увидев, в каком состоянии находится отец, в глубине души винил себя за свой поспешный и даже, как ему казалось, легкомысленный шаг.

Порака же, не совсем удовлетворенный ответом Миката, прокашлялся, похмыкал про себя, но уточнять больше ничего не стал и начал расспрашивать о том, где он служил, что это за место Камчатка, что за океан Тихий, как служба шла, и о многом другом. Порака внимательно слушал и часто вздыхал от удивления. Особенно его поразили волны в океане.

– Кой, кой! Такой высоты волны есть?

– Да, да, отец. Высотой метров десять – двенадцать.

– Кой, кой! Это надо же... Это же две высоты нашего дома со всей крышей! Это же высотой со старую ель, что за домом стоит! Вот подумай-ка, какие корабли надо иметь, чтобы выдержать такую волну! Кой, кой! Большую силу вода имеет. Не зря ее издавна нарекли священной...

Вскоре в доме стали появляться гости. Первым пришел крестный отец Миката Валякси. Он широко всплеснул руками, крепко поцеловал Миката и, усевшись рядом с ним на тахар, сказал:

– Дождался наконец-то Порака сына. Дождался своего наследника. Теперь-то, старик, ноги и руки твоего дома, небось, сразу окрепли. Хорошо-о! Надежную опору получил. Вовремя...

– Так-так, Валякси. Правильно говоришь. Нам грешно на жизнь обижаться. Хозяин дома на месте. Что еще надо?

Порака, довольный словами соседа, широко улыбнулся, вынул слежавшийся утлап с табаком из-за нижней губы, легко встал, словно он вовсе не болел, дошел до двери, где стояло поганое ведро, и выбросил ненужный комочек. Затем он, набив смастеренную и красиво разузоренную им трубку табаком и раскурив ее, важно взял в руки бинокль и, протянув Валякси, произнес:

– Смотри, какой подарок сын преподнес. Дальние места вмиг к себе притягивает. Хорошая вещь. Нужная.

– Это верно, Порака. На охоте ох как понадобится. Словно сто новых глаз с собой будешь носить.

– А как же? Знал сынок, какой подарок привезти.

Вслед за Валякси стали приходить другие гости. Собралось более двух десятков человек, в основном дальние родственники Пораки и его близкие друзья. После долгих поздравлений и приветствий все уселись вокруг двух низких столиков, один из которых был недавно предусмотрительно изготовлен Поракой из широкой доски для этого случая, – знали, что гостей будет много.

Расторопная Сантара с помощью дочери успела богато уставить стол: на самой середине в просторных хуванах лежали замороженные жирные стружки осетра, в отдельных чашках лоснились куски оленьей грудинки и вяленого муксуна, красовались в блюдцах дары леса: засахаренная алая морошка, черная смородина, нежно-сладкая княженика, варенье из черники и голубики.

Когда рюмки наполнили, Порака, подняв свою, заговорил:

– Ну что, друзья... Бог послал. Опаль Аси помог – и дело благополучно завершилось. И даже, можно сказать, к хорошему началу подошло, – старик посмотрел на священный ящик, затем обвел взглядом сидящих. – Ну, с добрыми надеждами, люди... За наше счастье!.. – Порака с превеликим трудом допил рюмку и сказал: – Кой! Совсем ослаб. Кое-как одолел. Только из-за сына заставил себя осилить.

– Известное дело, – посочувствовал, покряхтывая, Валякси, откусывая сочившуюся жиром стружку осетрины, и похвалил: – Кой! Запасливый ты, Порака! Даже осетра припас!.. Хоть с трудом туда-сюда таскаешься, а дело знаешь, старина.

За столом Микат только и успевал отвечать на вопросы, которые, как снежинки, сыпались к нему со всех сторон.

После строганины столики раздвинули. За одним уселись мужчины, за другим – женщины, прикрывавшие лица разноцветными платками. За каждым столиком стаями тетеревов взлетали шутки и прибаутки, шел оживленный разговор о Микате, о его службе. Когда дело дошло до чая, напарник Миката по охоте, Ипринь, захотел попить чаю на высоком столе, стоявшем между двумя окнами, – обычно за ним дети готовили уроки.

– Сядем повыше, друг. Вы, хозяин, – обратился Ипринь к Пораке, – не возражаете? – И, получив утвердительный ответ, продолжал: – Здесь – как-то интереснее. Лицо твое лучше разгляжу. Все же четыре года не видел.

Порака вначале тоже уселся с ними за высокий стол, выпил чашку чая с вареньем из черной смородины, поддержал их разговор, но затем, видимо почувствовав усталость, сказал:

– Ладно, детки. Вы молодые, побудьте вдвоем, а я на тахаре посижу. Там мне привычнее... Со стариком Валякси поболтаю. У вас свои разговоры, у нас, у стариков, – свои. – Он медленно поднялся с

табуретки и уселся на оленью шкуру, совсем новую, которую специально постелила Этуш по такому случаю. Валякси весь ушел в серьезный разговор с Ай-Ваней, вспомнившим какой-то очередной случай из фронтовой жизни. И Порака, чтобы не отвлекать своих друзей от захватившей их темы, приблизился к Якуру, который с интересом рассматривал фотографии Миката.

– Возьми, папа, второй альбом. А потом поменяемся.

– Хорошо, хорошо, сынок, – Порака поправил праздничную голубую шелковую рубаху, положил толстый альбом на колени и стал медленно листать и внимательно изучать снимки. Порака подолгу задерживался на каждой странице, совсем близко поднося альбом к глазам – зрение Пораки за последние годы резко ухудшилось. Перевернув страницу, он прямо-таки впился взглядом в одну из фотографий, видимо желая убедиться, что не ошибся, и невольно привлек к себе внимание сидевшего рядом Якура, который, взглянув мельком, тут же недоуменно сказал:

– Тоня?.. Это же Тоня?! – уже громче повторил он. – Которая кассиром... раньше у нас работала.

– Знаю, знаю, сынок. Я тоже вроде вижу. Дочь бухгалтера Кузьменко.

А вездесущий Якур, вплотную прильнув к отцу, уже успел рассмотреть и другую фотографию, которая была слегка прикрыта пальцами Пораки.

– Ой, папа! А здесь Микат с Тоней засняты! Когда же они успели сфотографироваться?

Якур, потянув альбом поближе к себе, стал внимательно разглядывать снимок, где его брат и Тоня, прислонившись друг к другу, сияя от радости, в упор смотрели на него. Якур сразу обо всем догадался, слегка улыбнулся и только хотел было что-то сказать, как его опередил отец.

– Спрашиваешь, когда сфотографировались? И я, сынок, об этом же думаю, глубоко в мозгах копаюсь.

– Ой! – почти закричал Якур. – Микат же в форме? Я догадался, догадался! – он чуть-чуть улыбался. – В Мош Воше, конечно. Сейчас. Пока брат там находился. Давай спросим? – И, не дав отцу даже рта раскрыть, Якур подскочил с альбомом в руках к брату, который, обняв за плечи Иприня, ничего пока не слышал.

Якур дернул его за рукав и спросил:

– Микат, а Микат, ты это в Мош Воше заснялся? – и показал ему страницу альбома.

Лицо Миката, хотя он и был навеселе, моментально вспыхнуло, и он, видимо не найдя ничего лучшего, выхватил из рук Якура фотоальбом, огляделся и, увидев высоко над собой полку, положил его туда, сказал с некоторым недовольством:

– После досмотришь. Завтра. А пока дай поговорю с другом Ипринем. Вот тот, другой, альбом пока рассматривайте.

Порака изучающе посмотрел на Миката, но возражать не стал и принялся листать второй альбом. По тому, как повел себя Микат, отец понял, что здесь кроется какая-то загадка. Если бы Порака выпил, он не удержался бы от расспросов и постарался бы все уяснить до конца, но сейчас, как сообразил старик, при гостях это было неудобно.

Порака, обо всем уже догадываясь, сидел на тахаре и прикидывал в уме: «Если сын выбрал Тоню, то как же быть тогда с дочерью Семан-ики? С Елей как быть? Вроде бы все уже обговорено. Дело, как запряженная нарта, давно уже стоит. Ждет только жениха и невесту. Садись – и езжай... Может, у Миката она просто так?.. Хм... Нелегкое дело. Как запутанная сеть. Не знаешь, с какого конца подобраться. Кой, кой! Замутили мои мозги фотографии. Да-а. И как же быть теперь? Да и Тоня русская. Не нашей веры. Еще никто в нашем роду не брал в жены женщину другой национальности. Да и в селенье и в окрестностях не припомню... Кой, кой! Задачка, задачка. Не даст мне покоя. Уйдут гости, останемся одни – спрошу Миката. Сегодня-то и спросить легче. Язык стал у сына скользкий, быстро на правильную тропу выведет. Да и что сыну-то скрывать? От кого?»

...Гости долго не расходились. Утром Кевхо, Якур и Волать по просьбе отца сходили к приемщику Евдокимову, взяли из холодильника десяток мороженых муксунов, и все с аппетитом отведали строганины. Из головы муксунов и остатков осетрины, которая успела вся оттаять, Сантара приготовила вкусную уху.

После обильной пищи, выпив горячего чаю, круто заваренного из березовой чаги, и отведав варенья из разных ягод, гости разошлись.

Порака, хотя и обессилел, держался до конца и спать особо не хотел. Якур вместе с братьями пошел на улицу к друзьям, чтобы поделиться впечатлениями, связанными с приездом Миката, и, конечно же, похвастаться подарками.

Сантара с Этуш отправились в нижние амбары принести что-нибудь из еды, прихватив с собой и малолетнего Лога.

Порака, оставшись наедине с сыном, который, к его удивлению, не очень-то опьянел, решил поговорить с ним о его дальнейшей личной жизни.

Микат долго отнекивался, крутился вокруг да около, но Порака вдруг спросил его напрямик:

– Расскажи-ка мне, сынок, – Порака закашлялся, словно у него запершило в горле, – ты с Тоней, ну, с русской девушкой-то, что задумал?..

– Как что? – словно бы не понял Микат и вмиг окончательно отрезвел.

– Что тут непонятного, сынок? В жены, что ли, собираешься взять? – старик пристально посмотрел ему в глаза. – Разве ни с того ни с сего будут рядом друг с другом сниматься? Да и фотографии в альбоме на видном месте поместил. Чтобы все видели, стало быть. Ну, решился на что-то...

Микат надолго замолчал, поправил на голове подстриженные под полубокс волосы, слегка наклонил голову и, глядя вниз, сказал медленно, словно с трудом отрывал слова от сердца:

– Кажется, так, отец. Вроде бы решил...

– И без моего согласия?! – вспыхнул отец, повысив голос. – Я хоть какой-никакой старый, какой-никакой больной, да и жить-то, может, всего ничего, осталось-то всего, может, несколько шагов сделать. Но ведь я тебе отец... Спросить-то хоть надо было... Хоть кончиком языка...

– Так получилось, отец, – тяжело вздохнул Микат. – Невозможно, было спросить. Да и как с тобой свяжешься? Из Мош Воша как свяжешься? – он резко приподнял голову и взглянул на отца. – Не буду же об этом по рации говорить?!.

– А почему мы могли по рации о тебе говорить? – начинал проявлять недовольство отец. – С военкоматом мой кум, Апальков, разговаривал. С главным начальником военкомата разговор имел. Небось, тоже важный человек?!

– Так то совсем о другом деле.

– Хотя бы о другом... Ты ведь не какое-нибудь мелкое дело решаешь. Тропу жизни прокладываешь. Человека в дом приводишь... – Порака покряхтел, вытянул закинутые крест-накрест ноги и продолжал: – Меня одно беспокоит: жить-то как будешь? Где будешь жить? Разве русская жена придет в наш дом? Разве она будет спать на тахарах и оленьих шкурах? Ей же кровать нужна. Наверху они спят. Нигде больше спать она не сможет. – Порака раздраженно, резко покачал головой, так что жидкие косички затряслись на затылке. – Ты подумал об этом, сынок?

– Думаю, думаю, отец. – Микат низко опустил голову. Снял с себя матросскую фланельку и, оставшись в одной тельняшке, надолго замолчал.

«Отец же еще не знает, что я собираюсь уехать к Тоне, – Микат почесал затылок. – Ой! Что будет, когда он услышит об этом?»

Микат хорошо знал, что, по обычаям ханты, он должен привести жену в свой дом. В противном случае родители просто-напросто могли отречься от него и навечно проклясть. И как Микату следовало поступить? Тоня сразу сказала как отрезала, что в дом к нему она не пойдет. Микат хорошо понимал и другое, что его помощь ох как нужна в семье! Порака сильно болен и вряд ли выздоровеет. А кто станет помогать матери, если он уедет на работу в другой поселок? Ведь для отца главное – чтобы в доме был хозяин. Надежный мужчина, который бы торил тропу жизни. Можно, конечно, помогать матери и оттуда, высылать часть зарплаты, почаще к ним приезжать – дрова припасти, сена накосить летом... Он думал и о том, чтобы перевезти в Мош Вош, на новое место работы, родителей и всю семью... Но как быть с квартирой? Подходящую квартиру на всю их большую семью начальник милиции сразу не обещал. Да и когда это будет?.. Если следовать родовым обычаям, его место только здесь, в родном селенье. Но как быть теперь?.. Когда он собрался связать свою жизнь с русской женщиной? Да к тому же заняться до сих пор незнакомой ему и всем ханты работой?

Микат то и дело взъерошивал коротко стриженные волосы. Порака, очевидно тоже терзаемый раздумьями, продолжал разговаривать с сыном:

– Выходит, сынок, коль русскую женщину приведешь, дом тебе новый понадобится. Значит, новый дом придется строить. А как же иначе? Мне в голову больше ничего не приходит...

Микат тяжело вздохнул и решил все до конца рассказать отцу:

– Видишь ли, отец, – Микат, сцепив пальцы обеих рук, похрустел ими, – тут еще другое дело есть. Тоже важное...

– Какое это еще важное дело за пазухой затаил? Я смотрю: ты в себя загадок успел наложить, что ягод в большой туесок. Не скоро их и выберешь по одной.

– Такое дело, отец. Меня в Мош Воше в райком пригласили к большому начальнику. А затем уже в милицию вызвали.

– В милицию?! – перебил его Порака. – В милицию?! Успел уже натворить что-то?!

– Да нет, отец. Ничего не натворил. По работе вызывали.

– По какой это работе? Что-то не понимаю... Говори...

– В милицию работать приглашают. Говорят, райком комсомола посоветовал.

– В милицию?! Работать?! – Порака уставился на сына изумленными глазами, словно не веря в то, что он сейчас услышал. – Как работать? Тебе что, у нас работы не хватает? Слава Богу, в щедрой тайге еще не перевелся зверь, в священной воде еще кое-какая рыбешка плавает, хвостик какой-нибудь найдется.

– Знаю, знаю, отец. Но там тоже работа. Им следователи нужны. Ну, который был бы грамотный и язык ханты знал. Вот они на мне и остановились.

– Пусть дальше плывут, сынок. Не ты один на земле живешь. Другие найдутся. Да что там за работа? В милиции... – здесь Порака ухмыльнулся. – Вот рыбу ловить, зверя добывать – я понимаю – это работа... Что поймал, что выловил, что щедрая природа подарила – все на глазах, все видать. Как работал – столько и добыл. А там что? Заключенных, уголовников всяких ловить и охранять. Допрашивать их. Да еще прибьют тебя где-нибудь...

– Дело тоже важное, отец. Со мной долго об этом в райкоме говорили.

– И уговорили, конечно...

– Да, отец. Я согласился. Слово дал. Месяц побуду дома. Помогу вам, чем смогу, и должен в райцентр ехать...

– Эй-я! – весь вспыхнул отец. – Послушай, что говоришь! А как нам быть? Ты что – бросаешь семью? Ведь мы столько тебя ждали!.. Я только этой надеждой и жил.

Порака опустил голову и ненадолго замолк, а затем тихо продолжил:

– Так бы, может, и не дотянул до твоего приезда. Давно бы споткнулся, наверное...

– Но, отец...

– И не говори. Не убеждай меня. Тебя кто-то ума лишил. Какой-то злой дух украл его. О, злые духи! Не зря в образе волка во сне приснились. Не к добру у меня левый висок сегодня покалывал и постукивал. Не к добру... – Порака придвинулся к сыну поближе, расстегнул, почти сорвал пуговицы на вороте. – Ты подумай только: на ком держался дом? На мне, – старик ударил себя в грудь. – Я, какой ни на есть, еле руками и пальцами шевелил, а все же голова и ум старого человека в доме были. Мать и младшие сыновья спокойно жили. Есть хозяин в доме. Есть рулевой в лодке. Есть каюр, кому прокладывать тропу жизни. А теперь?! На кого ты мать и младших братьев оставляешь? Разве для этого я тебя растил? Для этого?! – голос старика взвился, словно в отчаянии. – Да и какое слово я унесу с собой людям нижнего, того мира? Что им скажу? Мол, такой-то сын у меня приехал? Заглянул домой и улетел обратно...

Микат хотя и был под хмельком, но все прекрасно понимал. Он все заранее обдумал и теперь пытался переубедить отца, как мог.

– Но, отец! Я же помогать буду.

– Помогать? Смеешься, что ли? Жить будешь за сто верст – и еще помогать собираешься? Ты что – крылья имеешь? Прилетишь, как сказочный Ими Хилы. Рыбы вмиг наловишь, зверя добудешь, дровами дом завалишь... Живите, мол, наслаждайтесь, а самого след уже простыл. Малышей-то сколько у нас. Ты подумал об этом? Сколько еще нужно их поднимать!..

– Отец, нынче же для детей ханты в соседнем селенье интернат откроют. Там все: и Кевхо, и Якур, и Волать, и Оська, и Евдин находиться будут. Их будут и кормить, и одевать. На всем государственном будут. В воскресенье домой будут наведываться. Тут же недалеко. Всего с десяток верст будет. И я временами буду наезжать. Да и деньги каждый месяц буду отсылать домой.

– Зачем нам деньги? Нам человек нужен в доме! Деньги!.. На них что? Рыбу будем покупать? Глухарей? Куропаток? Дрова? – Порака выразительно загибал пальцы на руке, которые слегка дрожали. Часто дыша, он вытер рукавом рубахи выступивший на лице пот: видно, волнение отняло у него много сил. Затем положил за нижнюю губу молотого табаку, заложил стружками утлапа и уже чуть спокойнее, вопрошающим взглядом уставился на Миката и спросил: – Может, сынок, все же передумаешь? Может, останешься здесь? Перевези ты свою Тоню сюда. Дом новый отстрой. А пока строишься – пусть она обождёт. Я всем тебе помогу. Поговорю с плотниками Тулей и Митри. Деньгами-то хоть и не богат, но оленей личных голов двадцать, кажется, осталось. Так и быть, уступлю им за работу половину. Пусть только дом новый построят. Прошу тебя, останься здесь... Ну как, сынок, договорились?..

Микату, конечно, было очень жаль отца, и он, отлично понимая его состояние, думал, как бы все это доступней и убедительней объяснить отцу. Микат закурил папиросу «Беломорканал», глубоко затянулся и начал медленно:

– Не могу, отец. Я дал слово. Секретарю райкома дал слово. Начальнику милиции обещал...

– Обещал, обещал... Ты все о них думаешь, а нас – меня, мать, братьев, сестру – забыл? Ведь Этуш из-за тебя все еще не вышла замуж. Дважды сватались. Я отказал. Из-за тебя отказал. Тебя ждали. А ты чем нам отвечаешь?

Микат низко опустил голову, а Порака решил еще сильнее поднажать и привести последние веские доводы:

– И к тому же ты на русской собираешься жениться. Такого еще у нас никогда не бывало. Ты хорошенько подумал? А вдруг она возьмет да и бросит тебя. Это не то, что наши хантыйские женщины. Я хорошо семью Кузьменко помню. Дома его жена всем была, все вопросы она решала, муж под ее пятой ходил. Ты об этом подумал, сынок? Подумал? А ведь мы для тебя хорошую, самую красивую девушку в округе подобрали!..

Эти слова отца сразу же вывели Миката из равновесия, он соскочил с табуретки и заходил по комнате:

– Вы опять в мою личную жизнь лезете? Не вмешивайтесь больше. И так уже однажды женили без моего согласия. Больше такого не повторится! Прошли старые времена. Я себе сам нашел невесту. И ты знаешь, отец, кто она. Вот так, отец. Я все высказал.

Порака, увидев решимость в его глазах и то, как он твердой походкой вышагивал по комнате, понял, что неосторожно задел сына за больное место, что его сейчас не переубедить.

«Уперся, как лось разъяренный в своего соперника, – подумал Порака. – Насмерть уперся. Не сдвинешь с места. Лучше потом еще раз поговорю. На свежую голову. Пусть отоспится пока. Прервем разговор на этом».

Порака долго молчал и наконец вымолвил:

– Ладно, сынок. Ложись спать. Отдохни малость. Все же с дороги...

***

Микат проснулся к вечеру, когда солнце на западе уже стало опускать подошвы своих ходких лыж на плечи подернутых синеватой дымкой дальних отрогов Полярного Урала.

Все это время Порака почти не спал. Он ненадолго вздремнул было рядом с сыном Микатом, но вскоре проснулся, и, как ни заставлял себя уснуть, сон не шел к нему. Да и до сна ли было ему теперь? Из головы никак не выходил разговор с сыном, который буквально ошеломил его: такого еще никогда не бывало в их роду. Слыхом не слыхивали.

«Подумать только!.. – рассуждал про себя Порака. – Без ведома родителей устраивать свою жизнь: невесту найти, работу новую да еще переехать в совершенно другой, незнакомый поселок. Искать новое счастье... А найдет ли там его? И семью свою бросить... Родную мать... братьев младших... Нет... Такая жизнь не укладывается в моей голове. Как мысли ни верти, никак не сходятся вместе, словно поленья от разных расколотых чурбанов. Кай, кай!..»

Мать, узнав о намерениях сына, – она пришла домой, когда Микат уже крепко спал, – чуть не упала в обморок. Расстроилась так, что тут же ударилась в слезы и запричитала:

– Что с ним случилось? Он что – сдурел? Бросить нас посреди поселка, словно в голой тундре? Не видит разве, что отец еле держится на ногах, еле дышит? Тень только одна осталась.

А когда Сантара узнала от мужа, что Микат вдобавок ко всему собирается жениться на русской девушке Тоне, ее возмущению не было конца.

– Ах, теперь я поняла, – почти визжала она в сенках, куда попросил ее выйти муж, чтобы не разбудить сына. – Это все... Она... Тоня во всем виновата. Это она сына моего надоумила... Ох, эта гуляка!.. Да я ей глаза выцарапаю. Как жаль, что ее нет здесь, – Сантара перевела дыхание от волнения, зачерпнула из ведра ковшик воды и залпом выпила, а затем продолжала чуть спокойнее. – Но ничего! Я найду ее! Никуда от меня не денется, никуда не спрячется. Из-под земли выкопаю! Завтра же сама поеду в Мош Вош. Далеко разве? Рядом с нами находится. Нет! Это дело я так не оставлю. Смотри, какая она! Тихая вроде была, а сына тайком хочет от меня увести. Не выйдет, не выйдет! Что? Разве она растила его и кормила? Нет! Так не пойдет, старик!

Сантара хотела уже разбудить Миката, чтобы тут же поговорить с ним, но не разрешил муж. Он, видимо, обдумав еще какой-то ход, строго одернул ее:

– Не буди... Хватит ругаться. Пусть поспит. Проспится – там посмотрим. И ты тоже покамест приляг. Не мешай мне думать. Проснется Микат, сам еще раз поговорю с ним. А без меня не поднимай шума. Криком, я думаю, здесь не поможешь. Он же не ребенок.

Сантара, утихомирившись, зашла в дом, с Этуш убрала посуду со столиков, привела в порядок жилище, затем сама легла спать, но еще долго что-то ворчала себе иод нос.

Порака же, недолго посидев на низкой скамеечке около железной печки, медленно встал и, тихо шаркая по полу калошами, надетыми на теплые чижи, прошелся по комнате. Случайно зацепившись за лежавшие кисы, он слегка пошатнулся и чуть не упал. Как всегда в таких случаях, он по привычке стал обвинять калоши:

– Ох, эти колотушки, – так он любил называть калоши якобы за их слишком тяжелый вес. – Ох, эти колотушки! Так и носят меня – туда-сюда, туда-сюда! Ох, эти колотушки, что же вы так стучите по полу, еще сына разбудите.

Своей руганью он создавал больше шума, чем шарканьем калош. Немного успокоившись, Порака подошел к столу, взял с полки альбом, который Микат вырвал из рук Якура, и, покряхтывая, сел на табуретку.

Порака сравнительно быстро пролистал те листы, которые успел посмотреть раньше, и опять надолго задержался на фотографии Тони.

Тут вбежал в комнату Якур и сел на корточки рядом с отцом, а тот, вытащив фотографию из вырезов альбомного листа, внимательно рассматривал ее, поднеся к глазам.

– Смотри, папа! На обороте что-то написано.

– Верно, сынок, – сказал Порака, перевернув фотографию. – Прочитай-ка мне, что там.

Якур взял ее в руки и быстро пробежал глазами:

– Ой! Тут, тут написано...

– Ну, ну, читай! Ты мне прочти, прочти.

– Хорошо. – И Якур почти без запинки прочитал: «Дорогому и милому Микату. Помни и не забывай. Тоня. 10 ноября 1952 года».

– И все, сынок?

– Все, папа. Больше ничего.

– Ты говоришь, какого года? Повтори-ка.

– 10 ноября 1952 года.

– Так-так. Стало быть, год назад была послана. – Порака взял из рук Якура фотографию и долго разглядывал миловидное лицо Тони, а та улыбалась теплыми глазами, конечно же, Микату. Затем он вложил ее обратно в альбом и, опершись локтями о стол, приложил пальцы к закрытым векам, посидел так и вскоре резко встал:

– Ладно, сынок. Дальше ты один рассматривай. Что-то устал я. Душно мне. На улицу выйду. Посижу там.

Порака не торопясь натянул на себя легкую малицу, взял в руки тросточку – ею он стал пользоваться в последние дни – и вышел на улицу. Постоял недолго у крыльца и направился за дом, где стояла приготовленная для Миката нарта, полюбовался, как всегда, ею и тихо опустился на сиденье, прислонившись спиной к заднему поперечному упору, сделанному из широкой кедровой доски, высотой, пожалуй, с две пяди взрослого человека.

Порака тихо сидел, временами поглядывал на осеннее, все еще теплое солнце, на свой дом, срубленный им еще двадцать лет назад из отборных лиственничных бревен и все еще ладно стоящий, нигде не перекосившийся и даже не поддавшийся гнили на стыках пазов, на рядом стоящий лопас, на глыбы камней, приготовленных им для сетей во время подледного лова, на гладко обструганный хорей, приткнувшийся в углу, и рядом с ним перевернутую высоконосую колданку и без конца спрашивал себя: «Кому, кому все это оставить?» Все больше и больше погружаясь в свои мысли, он готовился к последнему и решающему разговору с сыном. Порака, зная крутой и неуступчивый характер сына («Весь в отца», – часто любил повторять он при людях), понимал, что насильно заставить Миката изменить свое решение невозможно: сын вполне взрослый человек и имеет свои устоявшиеся взгляды на жизнь.

«Значит, чем-то другим надо заинтересовать его, – думал Порака. – Кровным делом. Тем, без чего Микат жить не может. – Он пытался представить явственнее будущую работу сына... – Хм... Милиционер... Милиционер... Жуликов и воров среди ханты искать. Разоблачать. Хм... Да их раньше и в помине не было. Двери амбаров на замок не закрывали. А теперь!? Кай, кай! Веськат Турам! – Честное Небо! И в самом деле стали объявляться такие. Вон в прошлом году Тяра Назаров с поселка Ванты приезжал. Ночью в чужой лопас Аи-Вани залез. Две оленьи шкуры и мешок рыбы утащил. Упер самым бессовестным образом. Кай, кай! Плохой он человек. Что ему не хватало? Попросил бы честно. Аи-Ваня бы так отдал. А красть-то зачем было? – Порака откинул назад капюшон малицы, словно от такого нечестного поступка ему стало стыдно, и он ни с того ни с сего вспотел даже.

– Кай! Что с людьми происходит? Стало быть, Микату с подобными нечестными людьми придется дело иметь. Хм... Разве без него не могут обойтись? Пусть русские милиционеры ими и занимаются... Обходились же сами. А дело Миката – тайга, звери лесные. Ему рыбу в реке ловить, а не жуликов разных, беглецов опасных. Нет! Надо сыну еще раз напомнить об этом. Как же он откажется от дела, которым его деды и прадеды, да и весь род издавна занимался? Да неужто Миката не влечет охота и рыбный промысел? Кто это успел его мысли переиначить? Не могли же его мозг подменить... Тоня? Но Тоню можно и в

наш поселок привезти. Пусть новый дом строят себе по вкусу. Всех оленей, какие еще остались, отдам за дом. Лишь бы Микат при семье остался. А то как же иначе? Как же без хозяина дом оставить? Дети еще не выросли как следует, не оперились по-настоящему. Кай, кай! Голова кругом идет. Прямо раскалывается... – Порака провел ладонью правой руки по лысине и резко сморщился от внезапно появившейся боли в сердце. Он приложил руку к сердцу и погладил грудь слева. – Кай, кай! И сердце торопит меня. Напоминает, чтобы быстрее решил с сыном. Не мешкал. Ну да ладно. Попытаюсь, попытаюсь в последний раз разговор повести. А вдруг что-то склеится!.. Только вот надо как следует подготовиться к этому. Чтобы нужное дело потом, как черпаком воду, можно было черпнуть. Чтобы, стало быть, каждое слово и каждая вещь в сердце сына застревали. За живое его задевали...

Когда Микат проснулся, Порака помог ему умыться, наливая из алюминиевого ковша холодной родниковой воды, которую успел принести в ведре Якур с ближайшей речки Ик Алты Соям.

– Ух, как хорошо освежился! – радовался Микат, обтираясь по пояс. – Весь сон сбило.

– А как же! – ответил довольный Порака. – Сейчас и в груди прохлада, и в голове чисто, как после свежего выпавшего снежка. А как же... – Порака, сидя на широкой и потому устойчивой табуретке, которую специально для себя попросил смастерить местного столяра Богданова, обождал, когда сын оденется в свою, красивую форму, и, слегка улыбаясь, заговорил:

– А теперь, сынок, думаю, и нам с матерью настала пора подарки преподнести тебе. Мы хотя и еле шевелимся, но все же пока живые люди. Сходи-ка, Сантара, в лопас за своими вещами. А я пока свои подарки сыну преподнесу.

Легкая на подъем Сантара тут же надела на себя ягушку, накинула на голову платок и, попросив сына Волать следовать за ней, заторопилась на улицу. Но тот состроил недовольную гримасу и отвернулся:

– Нет, я не пойду, мама. Я хочу посмотреть, как отец подарки будет давать. Пусть Этуш сходит.

– Я тебе не пойду! – прикрикнула мать. – Что, руки и ноги разве отпадут?

Порака, видя, что Волать начал хныкать, забившись в угол, пожалел:

– Ладно, ладно, Сантара. Пусть останется здесь. Кому не интересно? Все же подарки мужские, Микату предназначенные. Так уж и быть, ты с Этуш сходи.

– Коль так, пусть останется, лентяй, – согласилась мать и пошла с дочерью в лопас за приготовленными подарками.

Порака, заранее обдумав, в какой последовательности будет преподносить подарки, не суетился и старался все делать основательно. Порака начал с улицы. Подвел Миката к колданке и сказал:

– Переверни-ка, сынок, ее. Попробуй на вес. На прочность испытай...

Микат без особых усилий перевернул колданку, легко подтащил вперед, несколько раз, невысоко приподняв, потряс, держась рукой за поперечные перекладины, провел ладонью по четким и ровным рядам швов, сплетенных из жил кедровых корней, затем тут же приладил к лиственничным уключинам, лежавшим под лодкой, две широколопастные кедровые греби, выкрашенные в красный цвет, и, любуясь надежным и удобным транспортом рыбака, расплылся в широкой улыбке. Порака про себя обрадовался: «Нравится сыну. Видно, не забыл еще страсть к рыбалке» – и не преминул воспользоваться этим моментом:

– Вот видишь: я все приготовил для рыбалки. Хоть сейчас же тащи колданку в реку, сталкивай в воду и езжай куда глаза глядят. Нравится колданка?

– Да, отец. Хороша!

– И я так же думаю, сынок. Должна была понравиться. Я долго выбирал ее, прежде чем купить. Всю, можно сказать, пальцем прощупал, – и улыбнулся сыну. – Держи ее хорошо. Рыбы много в ней добудешь.

Затем Порака позвал сына к небольшому взгорку, где когда-то раньше стоял дом его отца, а теперь остался лишь небольшой холмик, – поставленная полозьями на две поперечные палки-кругляшки, красовалась новая выездная нарта.

– Вот, сынок, и это тоже тебе. – Порака, облизнув губы, продолжал: – Определи на глазок – как она тебе? – Порака поглядел по сторонам, словно вспомнив что-то. – Погоди-ка, сынок. Здесь еще хорея не хватает. Якур, принеси сюда хорей. Вон в углу стоит.

Порака взял четырехметровый, гладко оструганный хорей с круглым наконечником из бивня мамонта и вручил Микату:

– Крепко держи его. Не выпускай из рук. Тогда и дорогу не потеряешь, и упряжка к дому всегда выведет. Да-да, так-так. – Порака, кивая головой, словно пытался в этом убедить самого себя. – Научишься хорошо держать в руках хорей – и тропа жизни остережет тебя от опасностей. А как же? Слово стариков – верное слово.

Микат взял в руки хорей, покачал его и прямо-таки залюбовался им.

– А ну-ка, теперь садись в нарту, – попросил Порака. – Посмотрю: не разучился ли ты ездить.

– И я тоже! И я тоже! – крикнули разом и Якур, и Кевхо, и Волать, и остальные сыновья, и, как только Микат стал садиться в нарту, все кинулись в нее, даже опередив его.

– Уф-уф, эхей-гей! – закричали враз братья, имитируя езду быстро мчащейся оленьей упряжки.

– Хороша нарта! – сказал довольный Микат. – И легкая, и прочная! И копылья мастерски по полозьям изогнуты. Приятно на такой нарте прокатиться...

– И катайся себе на здоровье, – тут же подхватил Порака. – Катайся. Крепко держи в руках вожжи и хорей. По счастливой тропе свой род веди. Бери нарту. Для тебя сделана. Тебя дожидается. Зверя в тайге еще больше добудешь с ней. И чтоб никогда не подвела тебя, чтоб на полпути полозья не поломались, ножки не споткнулись. Много богатства и счастья пусть она нашему дому принесет!

Микат, глаза которого загорелись от отцовского напутствия, с какой-то грустью, идущей из глубины сердца, посмотрел на Пораку.

Тут Порака вновь недовольно помотал головой и огорченно сказал:

– Кой! Безмозглая голова. Опять все позабыл. – Он потер пальцами по правому виску. – Говорю об охоте, а о лыжах совсем забыл. Без лыж какой охотник?! Эй, Якур, сходи-ка на крышу. Достань оттуда новые лыжи. Пусть Микат оценит.

Якур проворной куницей взобрался на чердак с угла, не воспользовавшись даже лестницей, открыл дверцы, вынес оттуда широкие еловые лыжи, обитые камусом из оленьих лап, и сверху подал подбежавшему Кевхо, а тот брату. Микат, взяв легкие лыжи, повертел их в руках, погладил ладонью по гладкому камусу, основательно приклеенному к подошвам, попробовал их на вес и наконец, положив на нарту, улыбаясь, сказал:

– Стоящая вещь! Хорошие лыжи. В самый раз! То, что нужно охотнику. Целый день будешь бродить – и в ногах усталости не почувствуешь.

– Вот и ходи! – опять же поддержал его мысли Порака. – Охоться сколько душе влезет. Пусть станут верными помощниками твоих ног. Безотказными друзьями...

– Да-а, – протянул, соглашаясь, Микат. – Точно: настоящие друзья...

Порака все больше убеждался в том, что в душе и сердце сына загорелась неистребимая, проснувшаяся с детства охотничья страсть, что он вновь заболел ею, и решил под конец использовать главный, на его взгляд, беспроигрышный козырь.

– А теперь, сынок, в дом зайдем. Там кое-что еще для тебя приготовлено.

В это время подошли с нижних лопасов мать и Этуш, таща охапки новых вещей, тоже предназначенных Микату.

– Си! – Все! Принесли, старик. Пусть Микат примерит их. Наденет. Пусть...

– Не мешайся пока, старуха, – перебил Порака. – После покажешь. Здесь вещи поважнее есть. – И он властным движением руки отстранил мать, стоявшуюу крыльца. – После, после покажешь, Сантара. Не мешай пока. – Порака легкой, но неторопливой походкой вошел в небольшие, срубленные из тонкомерной ели сени, открыл ведущую в избу дверь, сколоченную из двух широких кедровых плах, без особых усилий – момент-то какой! – перемахнул через довольно высокий порог и подошел к священному ящику, за которым прислонилось к стене новое бескурковое ружье двенадцатого калибра, недавно купленное Поракой для Миката и пока предусмотрительно спрятанное от посторонних глаз.

Порака осторожно извлек оттуда завернутую в старый ситцевый платок двустволку, все еще обильно смазанную ружейным маслом, подержал ее в руке, любуясь, и торжественно, весь сияя, преподнес Микату.

– Держи, сынок. Это тебе. Только одно такое в магазин завезли. Я специально заказывал. Для тебя!

– Хороша! – широко заулыбался Микат. Лицо его как-то все смягчилось, потеплело, как у ребенка, не скрывающего свою радость. – Такого ружья я никогда и не видел! Бескурковка. А отделка-то какая! Наверное, немало и стоила, отец.

– Да что говорить! Шестьсот двадцать заплатил. Но дело, сынок, не в цене. Главное, чтобы тебе понравилось.

– Как не понравится, отец, такое! – Микат отвел хвостовик, открыл магазинную коробку и заглянул в стволы ружья. – Ох и хороша! Ствол хромированный. Как солнце блестит. В дичь, конечно же, метко попадать будет.

– Не пробовал, не знаю, – сказал Порака. – Но если судить по цене – ружье должно хорошо стрелять. Цена-то вон какая! Целых два взрослых оленя стоит.

– Да-а! – продолжал восторгаться и сиять от радости Микат. – Большое спасибо, отец. Вот это подарок! Настоящий подарок!

– Для тебя стараюсь, сынок, – сказал, тоже весь сияя, Порака. – Чтоб хорошо охотился. С ружьем не мучился. А без хорошего ружья – какой охотник? Так себе. Пугало одно. Зверей и птиц разгонять разве. Знаю я одного охотника. Соседа Севли. Этой весной рядом со мной на одной протоке Шимхот Юган охотился. Только он пониже меня, около устья, на скрадке сидел. Так он всю ночь палил. Земле и воде покоя не давал. Думал я: ох, и настрелял дичи! А приплыл утром ко мне, и что быты думал? На дне колданки один захудалый чирок лежит! Все мазал и мазал, говорит. Я бы такое ружье тут же разломал и в воду выбросил. Зачем нужно такое? А если стоящий зверь подвернется? А если с мойпаром или лосем невзначай дело иметь будешь? Э-э, сынок... без хорошего ружья – ты не охотник. Лучше уж тогда сиди дома, людей не смеши и птиц и зверей не пугай. – Порака облизнул губы, почесал редкую щетину на подбородке и продолжал: – Стало быть, сынок, охоться! Все, по-моему, у тебя есть теперь. И колданка, и нарта, и ружье...

– Да-а, – протянул Микат, вздохнув глубоко. – Спасибо большое.

Он все еще рассматривал ружье, прикладывал цевье к плечу, наклонял голову и, сощурив левый глаз, прицеливался. Затем, проверив, ладно ли прикреплен ремень, повесил ружье над священным ящиком в углу.

Порака постоянно следил за выражением лица Миката, словно пытался прочесть его мысли, чтобы определить, какое впечатление все это произвело на сына, и, увидев, что тот остался очень доволен, удовлетворенно сел на тахар и подумал: «Пусть теперь немного пораскинет мозгами. Подумает основательно и решит наконец-то, где ему быть: здесь, дома, или там надеть форму милиционера, нагоняя одним видом страх на честных людей».

А Сантара, в ярко-красном шелковом платке на голове, заметив, что Порака закончил свои дела и начал набивать трубку табаком, улыбнулась и с торжественным и гордым видом – ее работа тоже стоящая и тоже важная! – подошла к сыну, неся охапку вещей.

– Вот, сынок!.. Теперь и от меня прими подарки. – Она проворными движениями пальцев развязала узел большого свертка и вначале извлекла оттуда красиво разузоренные в семь полос праздничные кисы. – Примерь их, сынок. Я старалась чуть больше размером сшить. Все боялась: вдруг малы будут тебе? Надень кисы, с чижами попробуй.

Микат сперва натянул на ноги теплые, из густого оленьего меха чижи, а на них уже надел кисы. Все пришлось в самый раз.

– Как я угадала! – воскликнула мать. – Не подвел меня старческий ум. И глаза не подвели. А теперь надень это. – И Сантара подала ему сшитую из отборного неблюя удобную и легкую, но очень теплую малицу, покрытую сверху темно-синей ситцевой сорочкой с капюшоном, сшитым из шкуры выдры.

Малица плотно облегла плечи Миката, да и по длине пришлась впору: нижний край подола дошел как раз до шашкелов[91] на ногах. Микат полюбовался на себя, на свои наряды в зеркало, снял с себя малицу и кисы и поблагодарил мать. А та тут же предложила сыну примерить и нюки ваи – чувячки, которые тоже оказались сшитыми по ноге.

Когда довольный Микат – улыбка так и не сходила с его лица, словно летнее полярное солнце, – уселся на табуретку у стола, заговорил отец, молчавший все это время и, видно, хорошо обдумавший дальнейший разговор:

– Вот, сынок. Все для тебя сделали. Ничего не пожалели.

– Ради сына ничего не жалко! – поддакнула мать. – Отец знал, для кого старался. Он-то что! От него тень одна осталась. Не сегодня завтра на землю рухнет.

– Мама, зачем так говоришь? – поморщился Микат. – Отец еще долго проживет. Еще поправится он, – и тут же прикусил язык, прекрасно понимая, что тот держится, пожалуй, только на одном желании.

– Верно, верно говорит мать, – тяжело заговорил Порака, и видно было, как он утомился. – Все для тебя, сынок, старались. Тебя ждали. На тебя надеялись...

– А на кого еще было надеяться? – опять поддакнула мать.

– Наши отцы и матери давно в могиле лежат. – Она ненадолго замолчала и бросила вопросительный взгляд на сына. – Только на тебя одна надежда и есть. На тебя одного можно опереться. На кого же еще больше? – Последние слова она произнесла тихо, почти со всхлипом.

– Ладно, ладно, старуха, – перебил Порака. – Ты замолкни ненадолго. Тут мужской разговор. Займись пока своими делами. Чайник согрей. Микат, конечно, проголодался. Да и мы хотим кушать.

[91] Шашкелы – повязки для ног обычно сплетаются из разноцветных нитей.

Сантара хотела что-то ответить, но пререкаться с мужем не осмелилась, подошла к железной печке и стала тутже растапливать ее сухими дровами, лежавшими ровной связкой у дверей.

Все дети находились в доме: кто сидел на табуретках, кто на тахаре, кто за столом. Порака, понимая, что разговор предстоит серьезный, как никогда, важный, попросил, чтобы дети, кроме Этуш, вышли на улицу поиграть. Когда стихло, Порака, сильно дымя своей трубкой, с которой сегодня почти не расставался, заговорил с сыном:

– Ну как, сынок? Утренний разговор наш не забыл?

– Почему забыл, отец? Помню. Я не был пьяный. Все помню. И сейчас об этом думаю.

– Ну и что надумал? К какому берегу приставать будешь? Может, все же изменишь свое решение, сынок? – Порака встал, подсел на широкую табуретку поближе к Микату и, положив локти на стол, покрытый красивой клеенкой, уставился на него, словно плохо видел. – Может, сынок, все же останешься у нас? Не уедешь?

– Ждали, ждали – и уехать! Словно мы чужие, – опять вмешалась Сантара.

– Не встревай, старуха, – строго прикрикнул Порака. – Я сказал: здесь пока мужской разговор.

Микат, опустив плечи, долго молчал – по всему чувствовалось, что ему тоже очень и очень тяжело, – похрустывал сплетенными пальцами, а затем медленно поднял голову и серьезно взглянул на отца.

– Я понимаю тебя, отец. И мать тоже. Я все хорошо понимаю. Но я не могу. Я обещал. Секретарю райкома слово дал. Он тоже долго меня убеждал. Говорил о важности работы в милиции. Говорил, мол, среди них нет ни одного ханты, нет никого, кто знает наш язык. А такие, говорит, очень нужны теперь району. Много, говорит, после войны осталось семей без мужей и старших сыновей. Много осталось подростков. От родителей, матерей некоторые отбились.

– Это-то верно, – вздохнув, согласился Порака. – Вон у Хартагановой Матры. Муж на фронте погиб. Она надсадилась на тяжелой работе. Часто болеет. А двое ее сыновей совсем от рук отбились. И в школе безобразничают, и в поселке что-нибудь натворят...

– Вот-вот, отец, – тут же, словно за спасительную щепку на воде, ухватился Микат. – Вот именно с такими, говорил секретарь райкома, много теперь надо заниматься. – Микат ненадолго замолчал, посмотрел на отца, пытаясь определить, какое впечатление он произвел на него своими доводами, и продолжал: – Секретарь райкома сказал, мол, милиции сейчас нужны знающие и толковые люди. Чтоб не только преступников ловить, но и профилактическую работу с людьми проводить, особенно с подростками.

– Это что еще за слово? – спросил Порака. – Какое-то новое, незнакомое.

– Это, отец, чтобы преступления предупреждать, воровство, скажем, раньше времени приостановить.

– Кой, кой, – Порака помотал головой. – Так оно, конечно, хорошо бы было. А то смотри, сынок, я еще об этом не говорил тебе. Живет в соседнем селенье Пит-лор Конверкин Михаил. Приезжий он. Да ты, конечно, знаешь его. Так вот, этот Конверкин чуть хлебнет лишнего – держись тогда. Обязательно отыщет прежнего своего обидчика и драку затеет. Долго прощали ему. А вот нынче ему три года дали. А парень-то был работящий. Мастер на все руки. В кузнице работал. Мне вот эту печку, что в доме стоит, смастерил. С умом сделал. Не дымит, много тепла дает. Мы и горя теперь не знаем. А вот вовремя бы этого Михаила отучили от драки – и мужик на месте остался бы. Сколько бы полезного дела колхозу сделал!..

– Вот-вот, отец. Меня вот на такую профилактическую работу и хотят поставить. Только я буду больше с ханты общаться, со своим народом.

Порака надолго замолчал, выпуская изо рта густые клубы дыма, и, видимо поняв, что Микат все всерьез обдумал и что нет смысла его отговаривать, тихо произнес:

– Да-а, сынок. Все же трудно, ох как трудно будет семье, коль уедешь в другой поселок.

– На мучение бросает нас, – вставила мать. – Как собак бродячих...

– Ладно, ладно, хватит, – отрезал Порака. – Тут дело совсем не простое. Тут, я смотрю, многое вовсе и не от сына зависит.

– Верно, верно, отец, – подхватил Микат. – Секретарь райкома так и сказал: мол, ты комсомолец, секретарем комсомольской организации работал, вот и получай, мол, комсомольское поручение.

– Понимаю, понимаю, сынок. У вас, видно, тоже свои законы есть. Я смотрю, направляют-то тебя тоже не на отдых.

– Да, отец. Так и сказал секретарь. Оказывается, он и тебя знает. О тебе спрашивал. Хороший, мол, человек. Хорошо работает.

– Работает... – тихо произнес Порака, а затем резко приподнял голову. – Погоди, погоди, а как его фамилия, сынок? Секретаря-то?

– Кондыгин, отец. Он тоже ханты.

– А-а! Так я его хорошо знаю. Он родом с поселка Катравож. Говорят, в Ленинграде на большого учителя учился. Как же, как же, знаю я его. Приезжал в то лето к нам во время сорового лова. Собрание у рыбаков проводил. Чуткий мужик. Знает наши нужды. И слово умеет держать. Обещал нам помощь оказать. Ну, это, с плашкоутами вопрос решить. Сразу решил. Уехал, а на второй день катер и плашкоут к нам пригнали. А то, понимаешь, рыбу некуда было сдавать. – Порака помолчал, чуть успокоился, видимо оставшись довольным, что сам секретарь райкома с его сыном разговаривал, что так он высоко о Микате отозвался. А про себя подумал: «Видно, шибко уж Микат им нужен. Раз такой высокий начальник с ним разговор имел».

Микат уже выкуривал неизвестно какую по счету папиросу, а Порака все молчал. Наконец он, словно очнувшись от тяжкого видения, чуть ли не стоившего ему жизни, поднялся с табуретки, опустился на тахар, пододвинулся к подушке и, перед тем как прилечь на нее, тихо, почти безразлично произнес:

– Пусть будет по-твоему, сын. Что мне? Скоро в землю лягу. Просьба только последняя: ты уж пока не торопись уезжать. Побудь пока дома. Не станет меня – тогда только... Вот похоронишь меня – поступай как хочешь. Что еще могу сказать я? Вот мои последние слова. На глазах матери-огня сказал. Пусть будет по-твоему.

Порака, словно отдав разговору с сыном все свои силы, тяжело откинулся на оленьей шкуре, положил голову на подушку с утиным пухом и слабеющими руками натянул на себя оленью ягушку.

На большее сил у него уже не осталось...

(Перевод В. Дагурова),
1985

ЧЕЛОВЕК РОСТОМ С МИЗИНЕЦ

Жил-был Человек ростом с мизинец. Так его и звали. Жили с ним два брата и старшая сестра. Большую часть своего времени он проводил с авкой. Ох и ухаживал он за ним, ох и холил!

Однажды братья позвали его в море бить зверя.

Человек ростом с мизинец запряг своего авку и еще двух хоров. Братья, не дождавшись его, вскочили в свои нарты и умчались. Когда уехали братья, он зашел домой надеть теплые кисы – легкую меховую обувь – и попить на дорогу горячего чая.

У сестры его на среднем пальце золотое кольцо было.

– Брат, – говорит она, – поменяемся кольцами. Может, когда-нибудь тебе драться придется. Кости твои еще не окрепли, мышцы еще не налились силой. Уезжавшие в море редко домой возвращались. Много опасностей тебя там ждет. Через кольца мы будем друг друга помнить.

Кольцами обменялись. Человек ростом с мизинец помчался на нарте дорогой старших братьев.

Долго ли, коротко ли ехал – к морской косе выехал. Огляделся и видит: слева женщина стоит, навесившая на уши вместо серег ягоды спелой морошки.

– Человек ростом с мизинец! – говорит она. – Здравствуй! В плохую сторону путь держишь. Кости еще не окрепли, мышцы еще силой не налились. Ездившие туда в беду попадали, многие обратно не возвращались. Что бы тебе дать?

На среднем пальце у нее переливалось золотое кольцо.

– Обменяемся кольцами, – говорит женщина и протягивает ему свое кольцо. – Когда-нибудь тебе кулаками драться придется. Долго ли, коротко ли проездишь, если останешься жив, не забудь меня, наведайся.

Только успела она сказать это, как тут же исчезла, только голая земля под ногами лежит.

Тронулся он дальше. Выехал на берег моря. Братья его уже на льду охотятся, тюленей добывают.

Человек ростом с мизинец дальше братьев в море поехал и стал тоже охотиться. Добыл одного тюленя. Но тут вдруг такой туман опустился, что не видать вытянутой руки.

Хотел он разделать тюленя, но подумал: «Вдруг братья уже домой собрались. К ним поеду».

Бросил тюленя на нарту и направился в ту сторону, где братья охотились. Подъехал, а там только следы нарт и остались. И тут заметил он, что льдину от берега оторвало и в открытое море гонит. Когда рассеялся туман, он едва лес на берегу разглядел через широкую полоску воды.

Человек ростом с мизинец распряг авку и говорит ему:

– Ты хотя бы весть братьям и сестре отнеси. Умру так умру. Долго ли, коротко ли здесь пробуду, вернусь, если живым останусь.

Авка прыгнул в воду и, отплыв на расстояние броска аркана, вернулся обратно. Положил голову на кромку льда и говорит:

– Вода теплом сильно отдает. Садись ко мне на спину: умрем, так пусть вместе. Вода теплая, не замерзнем.

Человек ростом с мизинец поцеловал авку и отпустил. Олень отплыл на расстояние броска аркана и опять вернулся. Голову положил на кромку льда и говорит:

– От чистого сердца прошу тебя. Садись ко мне на спину. Умрем, так пусть вместе умрем.

Опять отпустил он авку. Отплыл олень на расстояние полета стрелы и вновь вернулся. По грудь в воде плавает и говорит:

– Умрем, так пусть вместе умрем. Зачем тебе мучиться?

– Нет! – отвечает Человек ростом с мизинец. – Не доплыть нам вдвоем до берега. Между землей и водой ты обессилеешь. Лучше уж ты один плыви, отнеси домой весточку.

Авка развернулся и, рассекая грудью воду, поплыл к берегу, который виднелся тоненькой ниточкой. Вскоре олень исчез, словно растворился в воде.

Остался Человек ростом с мизинец в открытом море без еды и воды. Пришлось заколоть двух оставшихся ездовых оленей. Прошло время, кончилось мясо. Человек и добытого им тюленя съел. Начались голодные дни. Не одну ночь и не один день провел он без воды и пищи. А льдина, на которой он находился, с каждым днем становилась все меньше и меньше. Вскоре совсем маленькой стала – наверно, десяток оленей едва поместится.

Однажды в полусне слышит он, что кто-то шепчет ему в ухо: «Человек ростом с мизинец, вставай. Два корабля приближаются. Если от них отстанешь, других кораблей больше не будет».

Он, испугавшись, вскочил, огляделся – кораблей нигде не видать. «Откуда ночью быть кораблям?» – подумал он и снова улегся спать.

Вскоре опять кто-то в ухо шепчет: «Человек ростом с мизинец, вставай! Опять два корабля приближаются. Если от них отстанешь, кораблей больше не будет».

Вскочил он, огляделся по сторонам и опять ничего не заметил. «Темной ночью откуда быть кораблям?» – подумал и снова лег на нарту.

Чуть было уже не заснул, как слышит: «Если и от этих кораблей отстанешь, ни один больше не проплывет здесь».

Человек ростом с мизинец опять вскочил. На востоке уже утренняя заря разгоралась. Оттуда и выплыли два корабля.

«А что, если, – подумал он, – отойти на край льдины, разбежаться и прыгнуть на идущий корабль? Умру так умру – что больше делать?»

Так он и поступил. Собрал все свои силы, разбежался, прыгнул и пальцами еле-еле ухватился за смолистый борт второго корабля. Саженей триста, наверное, пролетел по воздуху. Поднялся на корабль, зашел в каюту. В каюте одна только женщина сидит. Она его накормила, напоила чаем. Разве жалко еды пришедшему человеку?

Долго ли, коротко ли так прожили, но однажды утром смотрит Человек ростом с мизинец – а у женщины голова вдруг стала большой и лохматой, словно на ней распушились снопы.

– Зачем на меня сердишься? – сказал Человек ростом с мизинец. – Что ты задумала? Неужели убить меня хочешь?! Сколько мы ехали, сколько мы жили, никогда такого не было.

– Ты ведь не знаешь, – отвечает женщина, – где ты находишься. Это ведь корабли морских уток – чернети. На впереди идущем корабле их царевна плывет. До нее слух дошел, будто бы я сына родила. Она к нам собирается – тебя посмотреть. Скоро здесь будет. Чернети свяжут тебя... Что мне с тобой делать?

Скоро скрипнула дверь, распахнулась. Человек ростом с мизинец случайно в распахнутую дверь направил палец с золотым кольцом. И царевна чернетей тут же упала. «Кольцо-то волшебное!» – обрадовался он и вытянул палец с кольцом в сторону впереди идущего корабля. Тот сразу же вспыхнул. Царевна чернетей присмирела и вскоре уснула крепким сном.

А женщина ему говорит:

– Если бы ты волшебства не имел – схватили бы тебя чернети и съели. Пока мы ехали, не один человек смерть свою так находил, не одного человека чернети так погубили.

Долго ли, коротко ли так ехали – кто знает. День рождавшийся рождался, день засыпавший – засыпал. Настал штиль. Нигде земли не видать, кругом вода, покуда глаз хватает.

Однажды Человек ростом с мизинец вышел на палубу. Рядом с кораблем плыла большая коряга, словно дом огромный. Подумал тут: «Этот корабль меня в землю чертей везет. Неизвестно еще, что меня там

ожидает. Край родной далеко позади остался. Что мне в их краях делать? Если прыгну на эту корягу, может, ветром меня к берегу моря прибьет. Если разбегусь, допрыгну до нее».

Человек ростом с мизинец собрал все свои силы, сжался, словно пружина, разбежался и прыгнул.

Стало носить корягу по всему морю. Откуда подует ветер, туда и несет. Вот уже с месяц прошло, наверное. За это время во рту кусочка еды не было.

Вскоре слышит сквозь сон – к берегу его прибило. Он открыл глаза и вылез. На песке, заметенном снегом, видит следы то ли человека, то ли черта. Следы размером с хуван, наверно. Неподалеку из лесу на берег ложбина спускается, в ней ручей течет. Рядом куча дров лежит.

Человек ростом с мизинец совсем обессилел, еле ногами передвигает. «Что делать ослабевшему человеку? – думает он. – Лучше уж умереть в этой куче дров. Залезу меж щелей и спокойно умру, хоть кости на месте останутся, птицы прожорливые не растащат».

Он отыскал узкую щель в дровяной куче, залез в нее и впал в забытье.

На утренней заре услышал он шум и треск: кто-то ехал за дровами. Показалась оленья упряжка и завернула к куче дров. За первой нартой подошла вторая. Приехали на нартах двое женщин.

Человек ростом с мизинец думает: «Если отстану от этих нарт, то я здесь наверняка умру. Как бы мне залезть на нарту?»

Женщины стали загружать нарты дровами. Когда дров осталось совсем мало, увидели его.

– Что лежит?!

– Куль! Черт! Людоед!

Одна женщина, крича и плача, вскочила на нарту, дернула вожжу. Другая не успела как следует завязать дрова, растерялась и, не зная, что делать, закричала:

– Черт! Черт меня вот-вот сожрет! Кой-кой! Едят меня!

Человек ростом с мизинец думает: «Если соберусь с силами, залезу на эту нарту, может, и не умру еще. Здесь останусь – наверняка погибну».

Он потихоньку подполз и вскарабкался на нарту. Женщина пуще прежнего заголосила. В беспамятстве плюхнулась на нарту, просвистела хореем и погнала оленей. Так гнала, что упряжные чуть из кожи не вылезли. К чумам подъехала и, бросив оккел – вожжи, кинулась домой.

Из чума послышались голоса.

– Ты что так кричишь?

– Черта увидела! В нарту уселся!

– В нарте сидит? Дайте мне костяную колотушку. Я пойду посмотрю. Вышел мужик на улицу, подошел к нарте. Схватил Человека ростом с мизинец за тесемку малицы, приподнял.

– Когда-то, – говорит мужик, – он человеком был. А теперь – один скелет, одна тень осталась. Далеко от нас живут низкорослые ханты. Из тех краев этот человек к нам попал. Заблудился он.

Мужик обернулся к дочери и сказал:

– Если он вновь станет человеком, считай, что мужа себе нашла. В твоих он руках. Ухаживай за ним.

Место ему в чуме приготовили, постелили новую циновку и белую оленью шкуру.

Что с волшебным человеком случится? Конечно, он выздоровел. Опять стал ловким и сильным. Из пяти неблюевых шкурок сшили ему малицу, кисы с семью полосками узоров смастерили.

В один из дней тесть его в дорогу засобирался.

– Сегодня я тоже, – сказал Человек ростом с мизинец, – стадо пасти пойду. Когда-то и я оленей пас.

Приехали на пастбище.

– В этой земле, – говорит тесть, – когда пасешь стадо, понапрасну не броди. К моему изголовью не приближайся: я сильно пугаюсь во сне.

Тесть в теплой малице разлегся на нарте и захрапел. Человек ростом с мизинец, забыв совет тестя, думает: «Посмотрю-ка я, что у него в изголовье имеется».

К изголовью тестя потихоньку подкрался, видит – там железная трость на лосиной шкуре лежит.

«До чего хорошая трость! Не взять ли мне ее в руки?» – думает он.

Только хотел ухватиться за трость, как тесть вздрогнул и тут же проснулся.

– Я же наказывал, – сказал тесть, – не подходить к моему изголовью. Пуглив я во сне. И трость мою не бери.

Человек ростом с мизинец отпрянул в сторону и как ни в чем не бывало зашагал дальше. Стал он бродить по пастбищу и сторожить стадо. Утром они вернулись в чум.

Вечером Человек ростом с мизинец один собрался на пастбище. Тесть ему говорит:

– Земля эта опасная, понапрасну вокруг стада не броди. Утром вернись обратно. За пастбищем мыс далеко в море выдается. Не ходи туда. Там много людей погибло. Уж очень коварный этот мыс. Упадешь – нам и костей твоих не собрать.

Человек ростом с мизинец разве послушается? Когда рассвело, он обошел стадо и стал бродить вокруг, осматривая местность. И в самом деле, далеко в море выдавался мыс. Крутым и обрывистым был.

Кое-где земля вся вытоптана, кровью человеческой залита. Наверно, много раз здесь люди сражались. Но наш человек никого не увидел. Вернулся домой, поел и лег спать. На следующее утро он и говорит тестю:

– Я тоже свою землю имел, я тоже свою воду имел. Родину свою видел во сне. Она, оказывается, недалеко.

Тесть, слушая его, опустил голову. Сидел так, пока трубку не выкурил, а затем сказал:

– Человек разве останется в той земле, где нашел женщину?

Родину свою, какой бы ни была, разве забудет? До твоей земли не слишком далеко: лето и зиму на оленях надо проехать. Только твой путь нелегок. Ты, конечно, дороги не знаешь. До границ твоей земли, так и быть, тебя проводят.

Перед отъездом устроил тесть проводы. Ели-пили на славу!

Когда закончился пир, Человек ростом с мизинец вышел на улицу. Около чума стояло наготове тридцать запряженных нарт. Стали собираться в дорогу. Вещи жены едва уместились на тридцати нартах. Старший сын тестя ехал с ними проводником. Тесть сказал на прощанье:

– Зять мой, пока не скроются чумы, ты назад не оглядывайся.

Но Человек ростом с мизинец разве послушается? Еще не скрылись чумы из виду, он оглянулся назад и увидел: стадо, тянувшееся за ними, собаки разогнали. «Ладно, мне и этого хватит, чтобы безбедно прожить», – подумал он.

Впереди едет старший сын тестя, дорогу показывает. Провожая, тесть наказывал быть осторожными, попусту не останавливаться, переночевав, сразу дальше ехать. «Места опасные, – предостерегал он. – Убить могут».

Так они и едут. Переночуют – и снова в путь. Кончилось летом, и, когда наступила зима, проводник их говорит:

– Дом мой далеко позади остался. Может, дома беда какая-нибудь приключилась, пока я здесь. До границ твоей земли доехали. Дальше сами езжайте. В разных чумах не останавливайтесь. Места опасные. Убить вас могут, если надолго задержитесь.

Человек ростом с мизинец дальше поехал один со своей женой.

Миновала зима. Настала середина лета. Однажды показались чумы. Остановились у одного, вокруг которого стояло с десяток распряженных нарт. В чуме пир шел. Все были пьяны. Люди из чума высыпали на улицу. В гости зовут. Помогли упряжку распрячь. А их стадо смешалось с оленями стойбища.

Оказалось, что эти люди – слуги царя-батюшки, стада царевы пасут. А сегодня они день рождения царя праздновали. Посадили они гостей за стол и стали угощать. Жена нашему человеку на ухо шепчет:

– Сильно много не пей. Кто знает, что у этих людей на уме? Но разве можно за здоровье царя-батюшки не пить?

Минула неделя, вторая. На третьей неделе Человек ростом с мизинец потерял сознание. Не помнит, то ли сверху, то ли снизу небо проплыло.

Когда он очнулся, почувствовал страшный холод. «Почему я так мерзну?» – подумал он. Захотел сесть, да не смог. Живот будто огнем обожгло. Поднес руку, пощупал. Живот, оказалось, кто-то вспорол и все внутренности на землю выбросил. Человек ростом с мизинец, превозмогая боль, их обратно сложил. Послюнявил пальцы и провел ими по животу. Раны как не бывало. Даже следа не осталось. Огляделся вокруг. Оказывается, его в костер бросали, весь он золой вымазан. Смотрит – ни чумов, ни людей не видать. Один в зимнем лесу. Одежда на нем почти вся сгорела, остались только изодранные штаны.

Встал на ноги. Куда ни пойдет – везде пустота, нигде ни души. Куда идти? И он пошел куда глаза глядят, куда ноги несут. Долго ли, коротко ли так шел – и вот вышел на огромное высохшее болото. Видит: посредине болота бежит резвый олень. Пригляделся получше – узнал своего авку. Окликнул его. Авка, узнав хозяина, подбежал. Человек ростом с мизинец смотрит – ошейник весь поистерся, выцвел. На шее обрывки веревок болтаются. Авка положил голову на плечо хозяина и говорит:

– Пеший скоро ли доберешься до родного порога? Садись ко мне на спину.

Человек ростом с мизинец сел авке на спину. Долго ли, коротко ли ехал – дом родной показался. Братья и сестра на прежнем месте живут. Он постучался в дверь и попросил, чтобы ему подали одежду. Одевшись, зашел в дом. Потом рассказал им о своих приключениях.

Дома и стены, и воздух помогают. Скоро Человек ростом с мизинец совсем здоровым стал, крепким, как прежде. Поправившись, взял с собой лук и полный колчан стрел, уселся на своего авку и отправился врагов искать, которые чуть его не убили. Выследил их в густом лесу, на опушке среди семи холмов. Темной ночью всех перебил. Возвратился домой.

В это время до царя весть дошла: мол, есть Человек ростом с мизинец, никто его одолеть не может – он слуг царя перебил, чуть царевну чернетей не умертвил.

И шлет царь наказ Человеку ростом с мизинец прибыть к нему.

Куда деваться, коль царь велит? Явился к нему.

– Царь-батюшка, зачем меня звал?

– Как зачем? – говорит царь. – Тайна одна неразгаданная есть. Кого ни просил, никто мою просьбу не выполнил. Если ты и в самом деле волшебник – раскрой мне эту тайну.

– Что за тайна?

– Тайна такая. Посредине моря остров вращается. Если тот остров мне не доставишь – не сносить тебе головы.

Что поделать: коль царь послал, надо идти. Отправился за город. Увидел тропинку и пошел по ней. Вышел на песчаную косу моря. Осмотрелся и видит: слева стоит седобородый старик.

– Человек ростом с мизинец, внучек мой! – говорит он. – Куда идешь? Каким зверем, какой рыбой тебя занесло сюда?

– Да вот, дедушка, шел-шел и пришел сюда.

– К плохому месту путь держишь. Многие сюда приходили, но никто еще вращающийся остров взять не смог. Простым людям остров разве под силу? Только из жалости к тебе раскрою секрет. Тропинка тебя к берегу моря выведет. Покажется вращающийся остров. Он так крутится, что глазам не видно. Вращаясь, остров к берегу подойдет. Когда он окажется напротив тебя, быстрее шагай к нему – он в это время остановится ненадолго. А ты не зевай, хоть топором, хоть ножом отколи от острова кусочек. Этот кусочек в зале у царя на пол брось, и он превратится в остров, а пол до колен водой зальет. Вот и вся тайна.

Только сказал старик это, как тут же исчез, словно никогда и не было. Человек ростом с мизинец зашагал дальше. Пришел на берег моря. Действительно, посредине моря остров вращается. Да так, что сразу и не заметишь. Вот остров приблизился к берегу, остановился. Человек ростом с мизинец по воде побежал и стал острым ножом кусок откалывать. Так и сяк пытается, но ничего не выходит. Рубаха и брюки от пота к телу прилипли, пока отколол все-таки. Положил человек осколок в карман, и остров вновь завращался. И сейчас, наверное, вращается. А Человек ростом с мизинец прежней дорогой отправился к царю-батюшке.

Царь к его приходу собрал столько людей, сколько могло вместиться в зале его дворца.

– Ну что? Принес ли мне остров?

– Принес.

– Раз принес – покажи народу. Пусть люди посмотрят.

Человек ростом с мизинец вышел на середину зала и бросил осколок на пол. Пока он возвращался на место, пол водой залило до самых колен. Осколок превратился в остров и завертелся. А народ смотрит на это чудо и глаз оторвать не может. Наконец царь сказал:

– Хватит! Останови остров. Надоело смотреть.

Человек ростом с мизинец шагнул на середину зала, взял вращающийся островок, опять превратившийся в осколок, и засунул в карман. Нет острова, нет воды.

– Ну как? – обратился он к царю. – Еще какую тайну имеешь?

– Какую еще тайну имею... – задумался царь. – А вот какую...

В какой-то земле, говорят, трехплечистый железный лук есть. Если этот железный лук не принесешь, то шею твою на бревне, как соломинку, перерубят. Если ты волшебник – доставь мне этот лук.

Слово царское разве преступишь? Опять Человек ростом с мизинец тронулся в путь. Пошел по прежней тропинке. Видит – стоит старик с бородой, поседевший, как ягель. Спрашивает его старик:

– Человек ростом с мизинец! Какой рыбой, какой птицей занесло тебя в эти края? Кости твои еще не окрепли, мышцы еще силой не налились. К плохому месту путь держишь. Сколько сюда людей не ходило, лук железный никому еще не удавалось достать.

– Меня царь послал. Если не принесу ему этот лук, голову мне отрубят.

– Что поделать? Из жалости к тебе раскрою секрет. Слушай. Пойдешь по этой тропе дальше. Когда коса позади останется, увидишь обвалившуюся кручу. Там, наверху, железный лук стоит, тремя плечами в землю вошел. От какого-нибудь плеча отломи кусочек. Вот и весь секрет.

Только старик сказал это, как тут же исчез, будто и не было.

Человек ростом с мизинец дальше пошел. Подошел к обвалившейся круче. Увидел наверху трехплечистый железный лук. Вот он стал рвать то одно, то другое плечо, но лук никак не поддается. По лицу пот ручьями бежит, от рубахи пар валит. Наконец отломил кусочек. Засунул его в карман и поспешил обратно.

А царь больше прежнего людей созвал. Камешку негде упасть.

– Ну как? Принес или не принес? – спросил царь.

– Принес.

– Покажи тогда. Пусть народ полюбуется.

Человек ростом с мизинец вышел на середину зала, вытащил из кармана кусок лука и бросил на пол. Сразу же на полу вода появилась, поднялась до колен. Потом вода будто вскипела, взбурлила. Это там нельма и осетры заплескались. Смотрит народ на это чудо, насмотреться не может. Вот царь, не выдержав, говорит:

– Просто смотреть – какой толк?! Свежую рыбу надо поймать. Царь зашагал по воде, поймал с трудом нельму. Человек ростом с мизинец ту рыбу взял и сказал людям:

– Он тощую, еле живую рыбу поймал.

Стыдно стало царю. Разозлился он и говорит Человеку ростом с мизинец:

– Завтра с тридцатью солдатами на корабле отправишься в путь. В сторону востока. Сколько кораблей ни посылал, ни один обратно не возвращался. В той стороне, говорят, растет железная береза, охраняющая живую воду. Если эту железную березу мне не доставишь, не посадишь под моим окном, берегись тогда. Твою шею на бревне, как соломинку, рассекут.

Опять пришлось собираться в дорогу.

Наступил новый день. Корабль уже стоял наготове, покачиваясь на волнах. Тридцать солдат на палубе дожидаются. Человек ростом с мизинец пришел на корабль, и они отправились в путь.

Долго ли, коротко ли плыли – семь морей осталось позади. И вот показалось огромное черное море. Вода в море плескалась и кипела. Посредине моря – страшный водоворот. Огромные льдины, наскакивая, так и затягивают под воду. У водоворота корабль остановило, завертело на месте. Человек ростом с мизинец приказал стать на якорь. Корабль сразу перестало кружить. Человек ростом с мизинец тогда зашел в каюту, положил ладони на голову и крепко заснул.

А льдины на море все тянуло и тянуло под воду.

Человек ростом с мизинец, проспав три дня, проснулся и стал одеваться. Надел на себя специально приготовленную одежду, вышел из каюты и сказал:

– Долго ли, коротко ли прохожу – не знаю. Ждите меня здесь. Без меня никуда не уезжайте.

Затем он по якорному канату спустился под воду. Дошел до дна. Огляделся. Неподалеку увидел город, построенный изо льда. Город большой, конца и края не видно. Посредине города – трехэтажный ледяной дворец. «Наверное, там хозяйка подземного царства живет», – решил он и направился ко дворцу.

– Человек ростом с мизинец! – сказала хозяйка. – Как добрался сюда? По воде или по земле?

– Меня царь послал. Вот я и явился.

Царевна спустилась вниз, провела его во дворец. Сколько дверей прошел – не сосчитать. Невнимательный человек обратную дорогу и не найдет. Царевна накормила, напоила его.

– Скоро ли водоворот в море прекратишь? – спрашивает наш человек царевну.

– То не от меня зависит, – отвечает она. – Я еще три лета и три зимы буду затягивать льды под воду. Отца моего надо спросить. Только он может водоворот остановить. Мои мальчики тебя проводят. Когда приедешь к отцу, не забудь их погладить по голове и поцеловать, а затем отпусти...

Вот Человек ростом с мизинец уселся на ледяную нарту. Мальчики прошли сквозь стену дворца и помчали его. Человек слышит только, как вода за ушами журчит, да свистит ветер. Так быстро он едет. Приехали вскоре. В дом вошли. Там старик сидит в горностаевой шубе.

– Внучата мои, – сказал он, – что за весть доставили?

– Человека к тебе привезли. Какую новость имеет, какой разговор, он сам расскажет.

– Человек ростом с мизинец, – обратился к нему старик, – здравствуй! Какое горячее дело тебя сюда привело? И на чем добрался ты в эту землю?

Человек ростом с мизинец погладил по голове мальчиков, поцеловал их и отпустил. Затем сказал старику:

– Где-то в этих землях железная береза растет. За ней царь отправил меня. А корабль мой в море водоворот задержал. Скоро ли водоворот остановишь?

– Да-а. Кости у тебя еще не окрепли, мышцы еще не налились силой. Из жалости к тебе, наверное, прекращу водоворот. На три дня. Успеешь за три дня обернуться – значит, вернешься. Не успеешь – значит, погибнешь.

Старик приподнял одну полу шубы – из священного угла вылетели стаи птиц. Приподнял другую полу – выплыли косяки рыб. Запахнул шубу – и птицы, и рыбы исчезли.

– Нелегкое дело тебе предстоит. У меня, может, эту березу и сумеешь выкрасть. Только одолеешь ли зверей лютых? Железную березу семь свирепых обезьян с семи сторон охраняют. У каждой – острая сабля. Идущий с неба – не ускользнет от них. Идущий по земле – не ускользнет от них. Идущий с воды – не ускользнет от них. Может, у семи свирепых обезьян березу ту чудом утащишь. Но кроме них дерево морское чудовище сторожит, спина у него в острых зубцах – и дерево, и железо надвое разрезают. Как ускользнуть от этого чудовища – сам не знаю. Вот сколько опасностей тебя поджидает...

И тут же со стороны священного угла прежние мальчики появились. Старик сказал на прощанье:

– Ты мою дочь, царевну морскую, когда уходить будешь, поцелуй. Она волшебство имеет. Трудно тебе придется, вспомни о ней, она поможет тебе.

Человек ростом с мизинец поблагодарил старика. Сел на ледяную нарту. И опять, как прежде, за ушами только вода журчит, и свистит ветер. Прибыл он вскоре к царевне. Встал с нарты и поцеловал ее.

– Если вспомню тебя, – сказал он, – пусть твоя помощь рядом со мной окажется.

Погостив у царевны, Человек ростом с мизинец в путь тронулся. Всплыл и поднялся на свой корабль. На море водоворот исчез уже и дул свежий попутный ветер,

Корабль поплыл дальше. Долго ли плыли, коротко ли – и вот показалась береза. Вокруг березы сидят семь обезьян и стерегут ее. Каждая в руках острую саблю держит.

«Если моя сказка дальше пойдет, – подумал Человек ростом с мизинец, – пусть они как сидят, так и уснут».

Корабль пристал к берегу. Тридцать солдат построили мост. Человек ростом с мизинец на берег вышел. Обезьяны как сидели, так и уснули.

– Принесите скорее пилы, – сказал он солдатам. – Спилите железную березу.

Солдаты взялись за работу. Семь пил пришлось заменить, семь раз пришлось их подтачивать. Наконец спилили березу.

– Солдаты! – сказал Человек ростом с мизинец. – На корабль тащите эту березу, поставьте ее вместо паруса.

Тридцать солдат так и сяк пытаются поднять березу, но не могут.

– Ий-я, эй-я! – усмехнулся Человек ростом с мизинец. – Хлеба, наверное, мало ели. Время идет! Поторопитесь-ка!

Опять натужились солдаты, семь потов их прошибло, но никак не могут поднять железную березу.

Тогда Человек ростом с мизинец подошел к березе, приподнял и закинул ее на плечо, понес на корабль и установил на корабле вместо паруса.

Подняли паруса, и корабль поплыл назад. А семь обезьян так и остались спать крепким сном.

На море не было водоворота, и опять дул попутный свежий ветер. Оставались позади моря, вокруг корабля хохотали и пенились волны. Однажды посредине моря вдруг разверзлась вода. Выплыло огромное морское чудовище и погналось за кораблем. Спина его вся была покрыта стальными зубьями. Чудовище, словно аркан, тянулось к кораблю, вот-вот проглотит.

Человек ростом с мизинец вышел на палубу и уставился на морское чудовище. «Хотя и съешь ты меня, – подумал он, – разве насытишься? Так, пожирая людей, ты ведь беззубым станешь. Если не хочешь этого – поверни обратно».

Прошло немного времени, и чудовище, словно подслушав его мысли, повернуло назад.

А корабль, поднимая серебристые брызги, вспенивая воду, спешил домой. Вблизи царской столицы, огибая мыс, наскочил корабль на подводный камень и раскололся надвое. Все тридцать солдат утонули. Только Человек ростом с мизинец в живых остался.

Человек ростом с мизинец взял железную березу, сошел с ней на берег и посадил на высоком голом мысу. Затем явился к царю.

– Ну как? Привез или нет железную березу? – спросил царь.

– Привезти-то привез. Только несчастье случилось. Корабль потерпел крушение. Все тридцать солдат утонули.

– А береза где? Где береза?

– Береза вон, из окна виднеется. На мысу стоит.

– Хорошо. Не беда, что тридцать солдат утонули. Главное – береза доставлена. Только почему там посадил? Я же говорил тебе: посадить березу под моим окном. Иди и посади ее здесь!

Человек ростом с мизинец отправился к мысу, вырвал березу, принес и посадил под царским окошком.

– Ну как, царь-батюшка, – говорит Человек ростом с мизинец, – еще какую тайну имеешь?

– Тайну какую... Сейчас принесут бочку, положат тебя внутрь, заколотят крепко, просверлят в ней дыры и сбросят тебя в море. Попробуй-ка вернуться обратно?!

Как сказал царь, так и сделали. Выбросили Человека ростом с мизинец в бурное море. Закачавшись на волнах, он сразу же вспомнил о своем волшебном кольце. Направил кольцо на дырочки в бочке, и их вмиг затянуло.

Долго ли, коротко ли носило его по морю – вот слышит он: прибило его к берегу. Человек ростом с мизинец напрягся, стукнул кулаками по бочке, и та рассыпалась. Он вышел на берег и увидел вдалеке столицу царя, окутанную синей дымкой.

И опять Человек ростом с мизинец явился к царю:

– Ну как, царь-батюшка, еще какая тайна есть.у тебя?

Царь долго смотрел на него, будто глазам своим не верил. Потом сказал:

– Есть у меня еще одна неразгаданная тайна. Береза, что ты принес, чудо имеет: день наступит – корнями растет, ночь наступит – корнями растет. Да и распускается корнями в землю.

Человек ростом с мизинец снял с себя выдровую шапку-ушанку и рассмеялся:

– Если мудрости и ума, царь-батюшка, не имеешь, то пусть тебя в бочку посадят и сбросят в море. И попробуй вернуться обратно!

Сказал царь:

– Не делай этого. Коль денег надо – дам тебе денег, коль оленей хочешь – бери, сколько надобно.

– Не надо мне ни денег, ни оленей.

– Что же тебе надо?

– Ничего мне не надо, царь-батюшка, кроме свободы! Отпусти меня.

– Дам я тебе свободу в обмен на твою мудрость.

– Это не моя мудрость, царь-батюшка. Это мудрость народа. Вот у него и проси.

Вернулся Человек ростом с мизинец в свои родные края, к братьям своим и сестре. Говорят, женился он на красавице с сережками из ярко-спелой морошки. Я думаю, и сейчас еще они живут-поживают.

МЛАДШИЙ СЫН ЦАРЯ

1

Давным-давно в далекой неведомой земле жил и правил один царь. Много веков прошло с тех пор. За это время немало рождалось и умирало людей, немало появлялось на свет и погибало лесных зверей и обитателей подводных жилищ.

Большими богатствами владел царь и имел могучее войско. Когда собирал свою рать, то воинов стояло больше, чем в лесу деревьев и звезд на небе.

Состарился царь, от полученной раны во время походов захромал на одну ногу и стал плохо слышать одним ухом. Подобно голове лесного орла, поседел, подобно засохшим к осени стеблям соломы, ослабели его ноги.

Было у царя три сына. Старшего звали Опунем, среднего – Калоем, самый младший звался Таветом. Сыновья его с детства имели страсть к охоте. Ладони их правых рук словно приросли к лиственничным лукам, а пальцы левой руки не отнимались от тугой тетивы.

Однажды братья на охоте ранили семигодовалого лося-рогача и стали преследовать его. Коротким оказался для них осенний день. Переночевав в лесу, утром вновь поскакали на своих резвых конях по следу.

И вот вышли на широкую поляну и видят: растерзанный лось лежит на земле, а рядом с ним устроили трапезу медведица с двумя медвежатами.

Старшие братья Тавета тут же схватились за упругие луки, приложили к тетивам острые стрелы и стали прицеливаться в медведицу.

– Стойте, братовья! – крикнул тут неожиданно Тавет, соскочив с лошади и встав перед ними. – Что вы делаете?! Что же станет с медвежатами? Зазря помрут в лесу несмышленые малыши!..

Видя, что братья не обращают внимания на его уговоры, он громко вскрикнул:

– О, Священная медведица! О, сот хоятпи ляль! Убегайте скорей-скорей со своими малышами. Вы на волоске от смерти!.. – И, обернувшись к братьям и подставив грудь, добавил: – Бессердечные!.. Вы лучше меня убейте...

Медведица, услышав человеческий крик, недовольно рявкнула и шмыгнула с детенышами в густой кедровник.

Старшие братья, огорченные неслыханной дерзкой выходкой Тавета, плюнули на землю и, презрительно взглянув на него, враз заговорили:

– Безмозглый! Никогда больше не возьмем на охоту. Не только ноги, дыханья твоего и мыслей не будет с нами.

Братья от злости стегнули плетьми своих резвых коней и помчались домой.

Тавет уселся на замшелый пень рядом с каурой лошадью и задумался.

Долго ли, коротко ли сидел, как вдруг услышал: неподалеку что-то затрещало. Оглянулся и видит: из-за высокой лохматой ели вышла старая медведица, встала на задние лапы, вырвала у себя один клык и положила его на ствол поваленной лиственницы. После этого она опять встала на дыбы и, на прощанье помахав лапами, пустилась в дремучий лес.

«Что это означает?» – подумал Тавет и, подобно тонущей в глубокой реке сети, погрузился в свои мысли.

Но природа семь таинств и семь непредвиденных мудростей имеет... Произошло неожиданное. Лес словно расступился, и по мягкой ковровой дорожке из оленьих шкур подошла к нему стройная лесная фея Мошнэ. Она была в шубе из горностаевого меха, в шапке-совике из соболя, на ногах переливались красотой узорчатые кисы в семь полос. Фея остановилась шагах в семи от него, прислонилась к белокорой стройной березе и звонким голосом сказала:

– Ты настоящий юноша. Я слышала твои добрые слова. В знак благодарности медведица отдала тебе один клык. Если будет когда-нибудь тяжело в твоей жизни, вспомни о нем. И нужные мысли быстрокрылым коршуном прилетят в твою голову. Знай: клык волшебный!..

В это время раздался недалеко грозный рев медведицы, Тавет вскочил и оглянулся. Мошнэ как не бывало. Только солнце своими теплыми лучами арканило верхушки деревьев и все быстрее разгоняло свою золотую нарту.

Тавет не спеша направился к поваленной лиственнице. Взял клык медведицы и, внимательно разглядывая, повертел в руках. Затем вытащил их чехла сёхар (нож с узким лезвием), просверлил на кончике клыка дыру и надежно привязал его кожаной тесемкой к широкому ремню. Постояв недолго, Тавет задумчиво направился к лошади, ловко вскочил на ее широкую спину и поскакал домой.

С этого времени он, пускаясь то ли в короткую, то ли в дальнюю дорогу, не расставался с привязанным к ремню волшебным клыком медведицы.

2

Однажды, когда солнце, звонко подтачивая своими лучами-оселками день, поднялось на высоту с пастушеский хорей над дальним синеющим лесом, хромоногий и одноухий царь созвал к себе своих сыновей.

Сидя на постели из росомашьих шкур, отогнув одно ушко своей выдровой шапки, царь острым взглядом уставился на сыновей и издалека повел разговор, словно спускался с вершины огромного сора, огибая один выдававшийся мыс за другим.

– Долгую жизнь я прожил, – начал он разговор с сыновьями. – Много земель к своим владеньям присоединил. Огромным стало мое царство. В одном краю снег глубокий лежит, а в другом – дожди льют. Здесь пурга зубоскалит, а там вода в реках и озерах лоснится жиром. Изучил я свои обширные владения. Не знаю лишь мест, что к северу лежат от моего царства. Сколько ни снаряжал кораблей, ни один не возвращался, никто вестей не приносил. Может, уезжавшие со счастьем там обручались, а может, смерть находили. Возможно, солнце и месяц только и видели их оборвавшийся след. Напоследок вас хочу отправить в эту сторону. Речь мою слышит священный огонь. Его глазами клянусь. Кто возвратится с вестями из этих краев таинственных, царство свое ему отдам.

Старшие сыновья, услышав такое от отца, заволновались, словно лишились разума, и глаза у них вспыхнули огнем. Сыновья проворными белками подпрыгнули к отцу и враз заговорили:

– О, наш умный отец и всесильный царь! Наши острые стрелы и плечистые луки давно покрылись пылью, а в ножнах ржавеют лезвия сабель. Высокочтимый царь, мы оба готовы ехать хоть сейчас...

Сыновья поправили на поясе ремни, пощупали рукояти ножей из бивня мамонта, опустили вниз свои головы, словно лесные орлы перед взлетом, затем резко взметнули вверх свои курчавые копны волос.

Царь, держа в руках золотую трубку и накладывая в нее табак из кисета, сказал:

– Хорошо. Пусть едет вначале старший брат Опунь. А мы пожелаем ему удачной дороги и будем ждать от него добрых вестей.

3

Старший брат Опунь тут же побежал на свой корабль и стал в спешке давать распоряжения команде, чтобы подготовить судно к скорому отплытию. Уже на второй день двухмачтовый корабль Опуня вместе с отборными тридцатью воинами поднял свои паруса и отправился в путь.

Царь стал дожидаться возвращения сына. Пять раз рождался на небе месяц, выводки утят уже поднялись на крыло и улетели в теплые края, а от Опуня не было вестей. Словно иссякшее дыхание догоревшего костра, навечно потерялся он.

Недолго думая, царь шлет в дорогу среднего сына. Тот также в спешке собрался и с семьюдесятью отборными воинами отправился на своем корабле в путь.

Долго ли, коротко ли ждал царь – нет вестей и от среднего сына. За это время вода рождалась и умирала, река покрывалась льдом и очищалась от него. Средний сын Калой, словно ветер утихший, исчез, словно лед растаявший – растворился.

4

И вот однажды утром, когда солнце начало своей широкой ладонью гладить еще сонную грудь земли, одноухий и хромоногий царь позвал к себе младшего сына. Состарился царь за время ожидания своих сыновей. Голова его стала ягелю подобной, а на лбу, словно связки арканов, лежали извилистые морщины.

Царь, прихрамывая на одну ногу, ходил по мягким коврам из оленьей шкуры, а затем, уставившись на сына, сказал:

– Три недели мысли бурлят в моей голове, три недели покоя не знаю. И сам я высох, как почерневшая чага на стволе березы. Нет вестей от среднего сына. Может, счастье нашел в дороге, может, след его давно затерялся. За это время, пока жду, даже мышь добежала бы обратно. Силы покидают меня. Ноги и руки высохли, как осенний стебель травы. Да и тревога о будущем моего царства покоя не дает. Но только я не привык останавливаться на полпути. Начатое дело надо завершить, как тынзян собрать в руки. Только тогда мрачные мысли уберут в голове моей свои перегородки и покинут меня. Потому, сынок, собирайся в дорогу и ступай вслед за братьями. Может, счастье найдешь, может, смерть найдешь. Но только знаю: нелегко будет тебе.

Сказав это, стал набивать табаком свою золотую трубку и, повернув здоровое ухо к сыну, стал дожидаться ответа.

Тавет потер друг о друга свои замшевые разукрашенные чувячки, бросил взгляд на летнее солнце, поправил лук за плечами и медленно заговорил:

– Разве смогу я переступить через слово отца, высокочтимого царя. Только нужно мне три дня на размышление. После этого приду и скажу, что мне потребуется в дорогу.

– Быть по-твоему, – ответил царь.

Три дня и три ночи думал Тавет, а в последний вечер, ложась спать, вспомнил о волшебном клыке медведицы. Он тут же положил его себе под подушку, сказав при этом:

– Плохо ли, хорошо ли посплю, но навей мне добрые мысли.

Утром Тавет явился к отцу и говорит:

– Я многое обдумал, отец. Нелегкой мне представляется дорога. Мне потребуется на дорогу тридцать бочонков вина, тридцать бочонков пороху, много бревен и досок, сто отборных воинов. Я сам их отберу. Чтобы каждый знал и плотничье, и столярное дело.

Выслушав просьбу младшего сына, царь тут же дал приказ своим слугам немедленно все исполнить.

И вот младший сын царя стал готовиться в дорогу. Все, что просил он, было отпущено ему. Младший сын царя лично отобрал сто воинов. Все сильные и крепкие, как плечистые кедры. Каждый воин может и плотничать, и столярничать, знает толк и в кузнечном деле.

Через неделю приготовления были закончены. Настал час, и отборные воины по команде погрузились на корабль.

Царь поцеловал младшего сына, обнял и благословил в дорогу. С двухмачтового корабля по случаю отплытия трижды прогрохотали залпы пушек, и ветром надутые паруса легко понесли судно по пенящимся волнам. Забурлила вода, и побежали волны от корабля, словно разбегались в разные стороны стаи белых песцов.

5

Долго ли, коротко ли плыли, а через семь недель пути в дали моря над самой поверхностью воды показалось огненное пламя. В каюту царевича вбежали три воина.

– Беда, царевич! – закричали враз они. – Море горит впереди. Надо немедленно повернуть обратно...

Царевич натянул на себя богатую малицу и вышел на палубу. Козырьком приложил ладонь ко лбу. Посмотрел в сторону появившегося на море огня и сказал:

– Это не море горит. Это глаза морского чудовища из-под воды сверкают...

Действительно, из глубины моря вырывались огненные струи и перескакивали по волнам.

– Верно, – вздохнули воины, от страха сгрудившиеся на палубе.

А чудовище так и водило под водой своими глазами в разные стороны. Вода мощными струями порожистых рек стекала в пасть морского чудовища, а плывущие плоты и лодки исчезали в этой пучине.

– Нет у нас назад дороги, – заговорил царевич, обращаясь к своим воинам. – Заходите в свои каюты, запирайте двери и ждите моего голоса.

Корабль, словно щепку, болтая в разные стороны, неудержимо втягивало в огромную пасть морского чудовища. И когда судно, увлекаемое водоворотом, проходило по горлу чудовища, слышно было, как оно коснулось своими мачтами чего-то твердого, и донесся глухой треск.

И двухмачтовый корабль очутился в огромном темном желудке морского чудовища. Не стало ни солнца, ни луны, ни звезд на небе. Только доносился какой-то протяжный и еле слышимый стон.

Когда по команде царевича воины зажгли лучины, то в тусклом свете увидели вокруг себя обломки кораблей, лодок и человеческие кости. А совсем неподалеку Тавет приметил разузоренные, еще не истлевшие кисы своих старших братьев. Тревогой наполнилось сердце Тавета, и дрожь охватила его.

«Повремени, страх! – сказал царевич, успокаивая себя. – Кто сказал, что конец пути, когда жив еще повелитель Семи Небес?»

В это время к нему подскочили три человека, настолько исхудавшие, что остались только кости и кожа. Окружили они царевича и были готовы вот-вот сожрать его.

Преодолев страх, царевич сказал:

– Погодите! Не ешьте меня. Сколько вам надо пищи, я с избытком дам. – И крикнул громко: – Эй, повара! Принесите самой лучшей еды, принесите в самой лучшей посуде.

Не успел бы никто и закурить, как повара вынесли на тарелках и блюдах разную еду: куски жирных нельм, икру осетра, вкусных рябчиков и сладкую княженику.

Голодные пришельцы принялись за еду, а накушавшись, улеглись отдыхать в просмоленной лодке.

Пусть они спят. Наше дело – сказку дальше вести.

Царевич стал внимательно смотреть вокруг. Желудок морского чудовища напоминал огромную пещеру. Ни глазом обозреть, ни мыслями понять.

Долго ли, коротко ли смотрел он по сторонам, но вдруг почувствовал, как гнилой тяжелый туман стал врываться в ноздри. Тавет встревожился и сказал воинам:

– С тех пор, как очутились здесь, выкурили не одну трубку, не один шаг сделали. Только не родилась у нас еще ни одна умная мысль. Коль останемся здесь, погибнем все без еды и воды. А еще раньше, пожалуй, задохнемся от вони. Надо выбраться отсюда. Просверлить желудок – не найдем такого сверла. Прорубить желудок – не имеем такого топора. Пропилить желудок – тоже не сможем. Надо что-то другое придумать.

Долго стоял царевич, задумавшись. В голове своей словно метал тын-зяны, чтобы поймать нужную мысль. И тут он вспомнил о волшебном клыке медведицы. Подержал его в руке и сразу же почувствовал, как свежие силы и мудрые мысли вливаются в него.

Тавет резко обернулся к воинам и скомандовал:

– Зарядите пушку. Насыпьте в ствол семь бочонков пороха. Затем все зайдите в каюты. Заткните уши утлапом (вата из тала), крепко заприте двери и ожидайте мой голос.

Воины вмиг исполнили приказ царевича. Оставшись один, Тавет тоже заткнул уши утлапом, а поверх ушей натянул оленью замшу и приклеил к коже осетровым клеем. И стало тихо-тихо, как под язычком настороженного капкана. Затем царевич крепко привязал себя за мачту, зажег фитиль и поднес к пушке. И

в тот же миг словно земля раскололась надвое, а небо обрушилось с грохотом вниз. Все, кто мог слышать, все, кто мог видеть, тут же оглохли и потеряли сознание.

Долго ли, коротко ли шло время – неизвестно. Первым пришел в себя царевич. Чуть-чуть раскрыв свои веки, Тавет почувствовал, как жжет глаза огнем, словно тычутся в них раскаленные стрелы, разомкнув веки пошире, царевич огляделся. На небе ярко сияло солнце, за бортом слышался плеск волн. Приподнялся и видит: корабль вовсю мчится по безбрежному морю.

Тавет стал окликать своих воинов, стучаться в двери и будить их. Вскоре дружина собралась на палубе, и они дальше стали держать свой путь.

Трижды радуга вставала на небе, трижды полоса дождей прошла, когда вдали, будто спина корявого осетра, появилась полоска земли. Царевич приказал держать курс к берегу. Когда приблизились к берегу на расстояние разговора, сбросили тяжелый четырехпалый якорь.

С тридцатью воинами на трех лодках поплыла дружина царевича к берегу. Доплыли до галечного берега и видят: в густой лиственный и хвойный лес ведет истоптанная дорога шириною с пастушеский хорей. От долгой ходьбы дорога врезалась в землю почти в человеческий рост. На песчаном берегу, возле большого камня, четко отпечатались огромные следы какого-то неизвестного чудовища. Шаг рослого воина свободно помещался в этой ступне.

Воины окружили царевича и в страхе озирались по сторонам. Тавет осмотрел кем-то вывороченные и разбросанные в разные стороны столетние толстые лиственницы, скомандовал:

– Вмиг все в лодки! Доставьте тридцать бочонков вина. Торопитесь! Чтобы взмах одной греби был там, а другой – здесь!

Воины быстро уселись в лодки и дружно налегли на греби. Исполнили все, что приказывал царевич. Выгрузив тридцать бочонков вина на берег, царевич приказал взять с собой семь из них и неотступно следовать за ним.

Каждый воин, держа наготове лук и стрелы, так бесшумно ступал, что только лучи солнца звенели в туго натянутых тетивах из лосиных жил. Миновали три холма-увала, и открылась перед ними широкая поляна. Грудами лежали кругом обглоданные человеческие кости, а на цветах и траве алела разбрызганная человеческая кровь. У кромки леса стоял крепкий дом, высотою выше плечистого кедра. Дом не имел окон, только поскрипывала полураскрытая дверь шириной в три человеческих маха. Неподалеку от дома меж двух толстых бревен лежала длинная тяжелая дубина весом не менее семи пудов.

Лица воинов вмиг побледнели, а их пальцы приложились к тетивам луков. Они уставились на царевича и готовы были сорваться с места и без оглядки бежать к спасительному берегу.

Но в это время в глубине дремучего леса раздался глухой свист, земля затряслась, а большие и малые деревья закачались в разные стороны. То ли черт, то ли страшный великан приближался к дому.

Воины по команде царевича ввалились в дом. Вслед за ними переступил высокий порог страшный Мек (лесной людоед). Из его правого ободранного кармана штанов, сшитых из лосиных шкур, торчало лосиное бедро, с которого все еще стекала кровь. Мек был толстый, как раскидистый кедр, и рослый, как высокая лиственница.

– Ха-ха-ха! – захохотал во всю глотку Мек. – Сколько еды свалилось. Сколько горячей крови!.. – Великан залился смехом и заговорил:

– Я чудовища морского
Самый крепкий, первый сын,
И в краях далеких этих
Всемогущий я один.

Могучий Мек схватил за шиворот трех воинов, поднес их ко рту, и они тут же исчезли в его ненасытной пасти. Слышен был только хруст костей во рту.

Воины царевича, словно мыши, испугавшиеся кота, попрятались за его спиной. У царевича тоже задрожали колени, но, вспомнив о волшебном клыке медведицы, он тут же схватился за него рукой и сделал три шага вперед. Мек неожиданно притих. А Тавет заговорил:

– О, могучий великан,
Знаю: все тебе подвластно,
И леса, и океан,
Даже солнце в небе ясном.
Мы-то что – сухие стружки...
Только я тебе привез

Угощения получше:

Вот они, взгляни под нос...

Удивленный Мек взглянул под ноги и увидел семь тридцатилитровых бочонков с вином. Он тут же схватил один из них, легким щелчком среднего пальца выбил дно и поднес ко рту. «Буль-буль-буль» – только и слышался плеск льющейся огненной жидкости.

– Кой-кой! – обрадовался Мек. – До чего вкусна водица. И внутри тепло, и в голове весело. – Вслед за этим великан залпом выпил и опорожнил остальные шесть бочонков.

Людоед облизнулся, помотал лохматой головой, и от шелеста его длинных волос свист пронесся по дому. В зрачках великана появился необычный блеск, и глаза его округлились, как две связки арканов. Людоед пытался петь, но язык его, подобно засохшему хвосту налима, еле ворочался. Мек ослаб в коленях и стал покачиваться в разные стороны, а вскоре подрубленным деревом рухнул на землю поперек широкой двери, закрыв своим телом выход. Людоед подложил под голову толстое бревно и так сильно захрапел, будто доносились отдаленные раскаты грома, а воздух, выдыхаемый из широких ноздрей, вырывался порывами ветра.

«Что же делать? Как же быть? – задумался царевич. – Оставаться здесь нельзя. Но и как перелезть через тело страшного людоеда? Как высокий сугроб лежит... Вдруг великан проснется в это время... Тогда не миновать беды...»

Царевич взглянул вверх и увидел на крыше дыру для дыма от костра. До потолка было саженей семь.

«Только как туда добраться? – подумал Тавет. – Нет же у нас крыльев...»

В голове царевича забурлили мысли, словно рыба в неводе. Поразмыслив, он взмахнул правой рукой и громким шепотом сказал:

– Отвяжите тетивы с луков. Свяжите их вместе и сплетите веревку. Быстро работайте. Чтобы пальцев ваших не было видно.

Не успел бы никто, наверное, выкурить трубку, как веревка была сплетена. Связками аркана собрал царевич веревку и метнул на выступающий конец перекладины в отверстии крыши. Затянув потуже петлю, царевич сказал:

– Глядите, как я поднимусь, и следуйте за мной.

Проворной белкой взобрался царевич по веревке до отверстия на потолке, а вслед за ним поднялись остальные воины. Цепляясь за выступы бревен, они вмиг спустились с крыши на землю. Словно созревшими шишками кедра при ударе, посыпались воины вниз и по команде Тавета понеслись на берег.

Придя на берег, немедленно столкнули высоконосые лодки и, усевшись по двое, налегли на широколопастные греби. Дружно загремели лопасти гребей, и три лодки заскользили к кораблю. Не успели пристать лодки, а на корабле по указанию царевича уже вытащили якорь и подняли паруса.

Едва успел корабль отплыть на расстояние не более тридцати бросков аркана, как в дремучем лесу прогремел гром и раскололась земля.

Делая шаги длиною с семь прыжков резвого оленя, на берег моря из леса вывалился страшный Мек и залился радостным смехом, увидев обильную еду. Людоед застыл на месте, раскрутил над головой тяжелую длинную семипудовую дубину и с криком запустил в сторону корабля. Так быстро летела дубина, что потерялась из глаз, только слышался свист разрезаемого воздуха.

Но не рассчитал свой бросок людоед: тяжелая смертельная дубина пронеслась на сажень выше бортов корабля и срезала мачты и паруса. Всех, кто находился поблизости, снесло с палубы. Еще больше рассвирепел злой Мек и стал вырывать лиственницы с корнями и с силой швырять в сторону корабля. Но они не долетали. Потерявший рассудок людоед рванулся в море, но, пройдя шагов тридцать, очутился по горло в морской соленой воде и остановился, как заякоренный. Разгневанный Мек несколько раз ударил кулачищами по воде и, по-звериному рыча, побрел к берегу.

– Наелся?! – сказал царевич и, повернувшись к воинам, приказал: – Якорь в воду! Все, кто живы, беритесь за топоры, пилы и рубанки. Все на ремонт корабля!

Каждый воин мастер на все руки: знает столярное и плотницкое дело. Лучше прежних смастерили из крепкой лиственницы надежные мачты и на них водрузили новые паруса.

А с берега доносился смех и голос людоеда:

– Ха-ха-ха! Дорога ваша не найдет конца! Уж от пасти-то моего отца – морского подводного чудовища – никто еще не ускользал!.. Ха-ха-ха! Никто не уходил!

В ответ на это царевич подумал: «Пусть, пусть немного еще поболтает. Скоро горло ослабнет у него».

Когда закончили ремонт корабля, Тавет приказал воинам, чтобы они выковали четыре тяжелых замка.

Нашлись в дружине и мастера по железу. И вскоре на корабле застучали, как в кузнице. Не успел бы, пожалуй, вскипеть чайник, как четыре тяжелых железных замка, весом каждый с пуд, лежали у ног царевича.

– Молодцы, кузнецы! – похвалил Тавет. – А теперь пора паруса поднимать. К берегу пристанем. Голос людоеда утих.

Недолго проехав, острый нос корабля врезался в песчаное дно. Царевич и воины видят: весь берег усеян пустыми бочонками из-под вина, а Мек, прислонившись к огромному камню, крепко уснул. Людоед издавал такой храп, что от струй воздуха, выдыхаемых через широкие ноздри, качались ветки и вершины стоявших неподалеку лиственниц и елей.

По команде царевича воины вышли на берег и первым делом людоеду руки и ноги заковали в железные цепи, навесив и надежно защелкнув четыре пудовых замка.

– Пусть теперь хохочет и дерет свое горло, – сказал царевич. – А мы его пока погрузим на корабль. В столицу отвезем.

Воины царевича ухватились со всех сторон за людоеда, напрягли все свои силы, но не смогли даже приподнять его. Тогда воины соорудили крепкий мост и, привязав канаты к людоеду в трех местах, тремя воротами закатили его на палубу корабля, судно сразу же осело в воде на три пяди и один палец.

Перед тем как отплыть, семь раз пальнули из носовой корабельной пушки, и там, где пролегала врезавшаяся в землю широкая тропа Мека, осталась развороченная земля.

«Так тебе, людоед, – сказал царевич. – Пусть духа твоего на земле не останется».

6

И вот вновь надулись паруса, и двухмачтовый корабль, разрезая надвое высоколобые волны, заскользил по морю домой. За высоким бортом бесчисленными связками арканов разлетались серебристые брызги.

Долго ли, коротко ли ехали, как вдруг задрожал корабль, будто ударился корпусом о плывущие встречные льдины. Воины выскочили на палубу и поняли, что это проснулся людоед и стал дергаться всем своим телом. И в эту, и в другую сторону пытается повернуться Мек, но пудовые тяжелые замки крепко держат его. Поняв свою беспомощность и безвыходность положения, Мек стал слезно упрашивать царевича, чтобы тот отпустил его, что он перестанет заниматься людоедством и навечно забросит свои злые дела. Царевич сказал:

– Нет, Мек. В столицу вначале тебя доставлю. Отцу покажу. И поступлю так, как он прикажет.

Услышав такой ответ, Мек опустил голову, из глаз мутными ручьями потекли слезы.

После многих штормовых дней и ночей, трижды пройдя через полосу туманов, увидели в дали моря неизвестный причудливый остров.

– Что за остров? – сказал царевичу капитан. – Сколько раз проезжал здесь, он ни разу не попадался на глаза.

Тавет приказал подойти к острову и стать на якорь. На трех лодках с оставшимися у него воинами пристал царевич к берегу, вышел на берег и видит: на острове нет ни одного деревца, и весь он каменный. Воины переглядывались меж собой, а царевич, осмотрев кромку берега, сказал:

– Это, воины, не остров, а оторванная челюсть подводного морского чудовища. Это от выстрела нашей пушки разнесло челюсть морского чудовища на части. Один из осколков и лежит здесь.

Приглядевшись, воины увидели огромные крепкие зубы, намертво приросшие к огромной челюсти. Между мощными зубами со свистом проносились порывы ветра.

Царевич пригладил на голове курчавые волосы и задумался: «Как же быть с махиной такой? Где найти такую пилу, чтобы отпилить кусок челюсти? Обязательно нужно отпилить и доставить его в столицу. Иначе никто не поверит, что расправился с морским чудовищем».

Тавет стал обходить челюсть морского чудовища. За это время, пока огибал ее, можно было бы закинуть длинный стрежевой невод и вытащить на берег.

Придя к своим воинам, царевич приказал вытащить на берег семь бочонков пороху и уложить их между двумя зубами челюсти. Воины точь-в-точь исполнили приказ царевича. Затем из корабельной пушки дали залп по этому месту, и мощный взрыв прогрохотал по каменному острову, подняв клубы черного дыма.

Когда дым рассеялся, то увидели, что взрывом порохового заряда два зуба разнесло на несколько осколков. Выбрав самый маленький осколок, воины царевича ухватились со всех сторон и попытались поднять, но он даже не пошевелился, Опять пришлось строить мост, и, захватив осколок тросами, тремя воротами выволокли его на палубу корабля. От тяжести осколка корабль осел на три пяди и два пальца.

Злой Мек, взглянув на зуб своего отца, совсем приуныл, а слезы пуще прежнего потекли мутными потоками.

– Все! Дело завершено! – сказал царевич, когда подняли паруса. – Теперь свободным станет море для плавания. Ни для корабля, ни для лодки не будет зацепок.

И двухмачтовый корабль на всех парусах лебедем поплыл по пенящимся волнам к родному берегу.

Семь недель минуло, семь раз полоса ветров прошла, и в сиреневой дали показалась столица. Семь мощных залпов дали корабельные пушки, и семью залпами приветствовали их орудия с крепостных стен города.

Как муравейник зашевелилась столица, и народ повалил на пристань.

Царь, хромающий на одну ногу и слышащий одним ухом, на белом коне, в сопровождении семидесяти всадников, явился на берег.

Царевич Тавет в сопровождении своих воинов предстал перед отцом и говорит:

– Высокочтимый отец! Во многих неизведанных землях я побывал. Много раз месяц рождался и умирал. Не одна смерть поджидала меня в дороге. Но я выполнил твое задание. Виновники гибели старших братьев и других твоих людей – на корабле! Я привез злого людоеда и осколок зуба морского чудовища. Что делать с ними – твоя воля, отец.

Царь крепко обнял и поцеловал сына, затем поднялся на корабль и стал разглядывать людоеда и осколок зуба подводного морского чудовища. Как дно котла, почернело лицо старого царя, глаза налились кровью.

Недолго так постояв, царь обернулся к воинам и грозно повелел:

– Злого людоеда тремя железными цепями прикуйте к осколку челюсти подводного чудовища. Вывезите подальше и бросьте на дно морское. Так спокойней будет...

С этого дня старый, одряхлевший царь управление своим государством передал младшему сыну Тавету. И стал Тавет жить и царствовать. Говорят, добрая молва о нем за семь морей и земель распространилась и до сих пор живет в памяти народа.

САЛТЫКОВ ПРОКОПИЙ ЕРМОЛАЕВИЧ

Прокопий Ермолаевич Салтыков (1934–1994) родился 25 июня 1934 года в деревне Няртыкорт Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа в семье рыбака. Он рано лишился родителей. Среднюю школу окончил в поселке Шурышкары, поступил на филологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. После окончания вуза работал учителем в школе, преподавателем хантыйского языка и Салехардском педучилище, на окружном радио вел передачи на хантыйском языке.

Впервые заявил о себе как поэт на Первой всероссийской конференции литераторов народностей Севера, которая проходила в марте 1961 года в г. Комарово Ленинградской области.

Первый поэтический сборник П.Е. Салтыкова «Самем арийл» («Сердце поёт») на хантыйском языке вышел в Тюменском книжном издательстве в 1964 году. В последующие годы поэт получил известность прежде всего как как мастер лирических жанров. В 1990 году увидел свет сборник «Мурхи сун», напечатанный в Свердловске.

Стихотворения П.Е. Салтыкова были напечатаны в газетах «Ленин пант хуват», «Красный Север», в журнале «Дружба народов», в сборнике «Северные россыпи». На русский язык его переводили известные поэты А. Кушнер, Л. Решетников, Н. Грудинина.

Немало сделал поэт в области фольклористики. Многие годы П.Е. Салтыков занимался расшифровкой фольклорных записей венгерского исследователя Й. Папаи, по которым перевёл на русский язык героическое сказание «Песни старца из Теги». Он автор радиоуроков по фольклору на Салехардском окружном радио. В течение трёх десятилетий собирал материалы по шурышкарскому диалекту хантыйского языка и издал книгу для дополнительного чтения на шурышкарском диалекте «Золотой огонёк» (1983, 1988) , а также «Методические рекомендации в помощь изучающим хантыйский язык» (1989).

Умер П.Е. Салтыков в 1994 году в городе Салехарде.

СЕВЕР

Озера, озера,
Озера без края,
Ковши голубые,
Вода голубая.
Да заросли редкие
Ивняка
Курчавятся всполохом
Ветерка.
Пусть беден ты, Север,
Травой и листвой,
Пусть взял ты в подруги
Метели и вьюги
Земли снеговой.
И все же, и все же
Ты самый любимый:
Товарищ суровый,
Отец мой родимый!

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Снегом укрыты
Теплые крыши.
Капля слезинкой
Еще не упала.
Но неприметней
Робкой девчонки
Бродит весна.
Тайной тропинкой
Долго ли будет
Ходить невидимкой?
Пусть бы зашла
Обогреться в избенку!
Но не заманишь,
Не сыщешь девчонку,
Больно стыдлива она!

МЕСЯЦ

В жизни свободной,
В мире широком
Стоит ли маяться
Так одиноко?

В обруч согнуться,
Скучно замкнуться
Я не хотел бы,
Я не сумел бы.

В жизни свободной,
В мире широком
Стоит ли маяться
Так одиноко?

В обруч согнуться,
Скучно замкнуться
Я не хотел бы,
Я не сумел бы.

ЛЕБЕДИ

Снежным своим опереньем блистая,
К северу тянется дикая стая.
Слышу я в мягком тоскующем крике
Боли и радости голос великий.
Видно, милей им сторонка родная
Рая чужого, веселого рая…

ПОД ПАРУСОМ

Вот повернул на север,
Парус подняв косой,
Ветер – олень могучий –
В парус запрягся мой.
Лодка, как сани с горки,
Катится по реке.
Чайки над пенным следом
Вьются невдалеке.
То подлетят повыше,
То припадут к волне,
Словно река скрывает
Что-то от них на дне.
Парус двумя руками
Весело напрягу,
Чтобы приблизить землю
С юртой на берегу.
Там разгляжу под солнцем
Лодочку на волне.
В лодке этой стоя,
Девушка машет мне.
Я напеваю песни
Ветру наперекор.
Как далеко заплыл я!
Вот ведь какой простор!
Ветер ударит сбоку,
Лодку мою креня,
Девушка та на берег
Вышла и ждет меня.

СЛОВО

Дверь, заскрипев на петле,
Слово твое отняла.
Прощальное слово.
Так не поняв его,
Может быть, именно в нем
Сердце осталось твое.
Ветром каким его носит?
В ветке застряло какой?
Или поземкою легкой
К елке прибило его?
Маленькое словечко,
Мне без него не прожить.
Где-то в тяжелых метелях,
В непроходимых снегах,
Словно листок пожелтевший,
Так вот и сгинет оно…

***

Двое гуляли,
За руки взявшись,
И вдруг плеснуло
На землю небо
Водою шалой
И загорелось.
И загремело.
Послушай, небо,
Да где же твой разум?
Два юных сердца
Едва успели
Понять друг друга.
А ты им, небо,
Гулять мешаешь!

***

Асэв мӯӈ вольня па юрӑӈ,
Йис тэӆн мӑнӆ ӆув ныкъ;
Уӆӆийӆ мӧрт тӧмпи нёхӆы,
Уӆӆийӆ мӧрт тӧмпи ӆык.
Ас хӧща сэма ма питмэм.
Отпем ма – хӯӆ веӆты хоп;
Хун холӆӑмэм, нёхаӆмэм хӧпн.
Вотн мосӆтам веш пӯӈӆэм туп.

ЯСӐӈ

Ёӆн тухрӑм ов щӑри сыйн
Ёхи хӑщам ясӈиен ӆӧӆӑпса нӑӈ.
Ӆӧӆӑпса ясӈиен…
Ӆӯвеӆ ма катӑӆты ӑнт шитсӑм кум;
Пӑӆ хӧща ӑт ёхтӑм ясӈа
Сӑмиен иӆампа, юкӑтсэн щи…
Мӑты вот рӯвн тутӆиӆа хӧӆща?
Муй юх нӯва тӑхӑрмӑс ӆӯв?
Ай ясӈие!..
Муй щирн ӆӯв такӆэӆ уӆты?
Муй вотасн, ӆощ паит иты,
Иӆ рӑкнӑм сӯс лыптэн иты,
Пурӑтӆа, иӆампа, ӆув…

***

Хуӆӑнта шитам пӧтӑр,
Хуӆӑнта ймӈк мӑнты сый.
Щи пӧтрэн, щи сыен хӧща
Ат пилтӑщӆ нӑӈ сӑмэн сый!

Хуӆӑнта юх лыптӑт ясӑӈ,
Хуӆӑнта ваншиен ӆыӆ;
Щи ясӈен, щи ӆыӆэн хӧща
Нӑӈ сӑмэн пиӆа ат йиӆ!

ИЩКИ

Тӑта – ворс, тӧта – херс…
Хӑстэӆ иты, хӑлэмӑӆа
Ӆӑӆ кӯӆата ювӑм ек.
Тӑта – ворс, тӧта – херс…
Ӆощ иӆпия ӆӧӈам воем,
Ким аӆ метши нюӆэн шек!
Тӑта – ворс, тӧта – херс…
Эӆэм хӯват, тӯит иты,
Мӑнтаӆ щащӆ, ищки рӯв.
Тӑта – ворс, тӧта – херс…
Турам хӯват, кеӆ хӧрасн,
Таӆысыйӆ ӆыӆэм тови.
Тӑта – ворс, тӧта – херс…
Иӆшӑк нюрман хоӆап ватӆам,
Оӈта потса посӆы ёш.
Тӑта – ворс, тӧта – херс…
Ӆӯйӆам хоӆпа потаптэтн
Сора кумн! Ӯӈӆа – хош!

КИЛТЫ НӐӇ МӐНЭМ

Килты нӑӈ мӑнэм
Аӆӑӈ сӑхат нӧх,
Килты, хун ат йик
Ӑт сорӑс нӧх.
Ат йик йищтая
Ат ӧӆӑм мӯв,
Щищкийн ӆатӑпӆа
Нӧх верӆӑм нӯв.
Мӑнӆамн Аса –
Хӯӆ веӆты ёх,
Рӯвая этӆамн –
Тӧрн верты ёх…
Кашӑӈ хӧят тӑта –
Ай мун ун –
Нӧпсӑӆн вещкат.
Сӑмӑӆн ун.

СЕНГЕПОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Алексей Михайлович Сенгепов (1932–2004) родился 5 января 1932 года в деревне Юильск Березовского района Ханты-Мансийского округа. Когда в 1940 году в Юильске открыли начальную школу, его привезли со стойбища Сюньюган учиться грамоте. Окончил четырехлетнюю школу и продолжил образование в Казымской семилетке. Потом была учеба в Ханты-Мансийском педагогическом училище и в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена на филологическом факультете. Именно в студенческие годы А.М. Сенгепов впервые попробовал свои силы в литературе.

Вся жизнь А.М. Сенгепова связана с округом. Он 12 лет работал преподавателем русского и хантыйского языков, литературы в педучилище. На определенном жизненном этапе он связал себя с журналистикой, был сотрудником окружных газет «Ленинская правда», «Ленин пант хуват», ответственным редактором окружного радиовещания.

А.М. Сенгепов – член Союза журналистов РФ, ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ». Он является автором учебников «Хантыйский язык» для второго, третьего классов, «Хантыйский язык» для педагогических училищ, многочисленных рассказов и стихотворений, которые печатались в школьных учебниках на хантыйском языке.

В 1994 году в Санкт-Петербурге в издательстве «Просвещение» была издана книга А.М. Сенгепова «Касум ики путрат» («Рассказы старого ханты»).

ВЎШМАЩ ЁХ

Вўшмащлуман вəлты хоят
Мира лўв щит вəн шəк тəл.
Атум ясăӈ, пулăщ путăр –
Иса лўв сăмăлăн вəл.

Щимăщ хоят пила вəлман,
Нумсăл ширн путрєма.
Кашиӈ пўш нăӈ лўв пилала,
Лўхăс ширн вəйтантыла.

Ям путăр ăн ки тывл,
Ăн ки тывл нумсăӈ вєр,
Нăӈ олӈенăн сора тывл
Пулăщ путăр, ўкщум вєр.

МИРЭВ МУЕЛ ХУТЫ ЙИС?

Арсыр мирăт кўтн вəсум,
Арсыр вєрн путрємăсум.
Ям ясăӈ, нумсăӈ вєр
Мирэв эвăлт вəятсум.

Интăм вəлты мирэв эвăлт,
Лăни нумсăӈ ехлам эвăлт
Вор путăр, нăртам вєр,
Пулăщ путăр па хəллясум.

Маттэ сора иса мўӈ
Па мир пила лыллăлўв.
Ясӈев иса вətшăлэв,
Иса мўӈ па рўща йилўв.

Мăнлăт олăт, пăрлăт тăлăт,
Вантман тăйлєм, вəлєм ма,
Рўща ювум ар хăнтыев,
Рўщн вана ăн вўсыит.

Хăнты мирэв нумсăӈ ясăӈ
Йира вущкум ар хăнтыев
Мирэв кўтн ăн щи сащлăт,
Хăнты сăмăн щи хойлăт.

Ешăк ёхлам, нəмăсаты,
Муел хуты йис мўӈ мирэв?
Муя щиты тывăс ин,
Нăртам путăр вєрлăт лыв?

ХĂНТЫ МИРА

Ешăк шуши, хăнты ёх,
Вўща ясăӈ па щи китлум.
Ям нумăсн, ешăк ёх,
Нынан ясăӈ путăрлум.

Якты хот ки вєрсăты,
Ямсыева якаты.
Путрăӈ хот ки вєрсăты,
Əмăщ путăр путăртаты.

Монщăӈ ат ки вєрсăты,
Мощ монщаты, арияты.
Пори хот ки вєрсăты,
Ная, вəрта порєсăты.

МА КӘРТЄМ

Вутвош кәртєм ям хӑрия
Ма щи юхтыияӆмєм.
Єнмум мӳвєм ям хӑрия
Ма щи пәрмииияӆмєм.

Кәртєм хӑймєм шаӆь вәӆмаӆ,
Еӆӆы мӑнмєм пурайн.
Нумсєм тӑта щи хӑщмаӆ,
Сӑмєм тӑта щи хӑщмаӆ.

Ӑӈкєм хӑюм нәптӑӈ ясӑӈ,
Ащєм лупум нумсӑӈ ясӑӈ
Сӑма пунман щи тӑйӆєм,
Нәптєм хӳват щи нәмӆєм.

Ин пирща ювум нәптєм,
Вотум әптум ухиём.
Мӑта юха нёрӑтӆєм,
Мӑта мӳва шавиӆєм.

РӘТ МӲВЄМ

Рәт мӳвємн сєма питсум,
Рәт мӳвємн єнумсум, вәсум.
Потум шив па тарум вот рӳв
Сєм йиӈк вәнты ма щи ӆаӆсум.

Нюки хотн сєма питсум,
Тӑӆ пурайн хӑщ потсаюм.
Вәнтӑт хӳват тәтӆюмємн,
Тарум вотн хӑщ певсаюм.
Нәрмӑт хӳват тащӑт тӑйман,
Вәнтӑт хӳват вәнт вой кӑшман,
Вәймӑт хӳват пӑнтӑт хӑйман,
Ма па еша шәшиӆӑсум.

Сєм йиӈк шошумман,
хәӆ йиӆпийн,
Ториман си холсум ма
Лэпсаӈ нуры юх илпия
Ӆыӆєм єтәс манєма.

Питы йиӈкуп ай юханӑт,
Вусты юхуп ар кєрасӑт –
Иса ма сӑмєма хойсӑт,
Иса ма нумсємн хӑщсӑт.

Рәт мӳвємн сєма питсум.
Рәт мӳвємн вәсум ма.
Потум шив па тарум вот рӳв
Сєм йиӈк вәнты ӆаӆсум ма.

МА МӲВЄМ

Мощ ӆампа аня мӳв,
Ар тӑхийн вантсум ма.
Ӑн па вантсум тӑмӑщ мӳв,
Ма сӑмємн иса ӆӳв.

Вәсум вошн, кӑрӑщ рєпн,
Муйпа сэйӈ щорӑс панан.
Рєт мӳвием, нӑӈӑт нәмӆєм,
Сӑмєм хуща иса тӑйӆєм.

Хӑнты ёхӆав ищки мӳв,
Тови иты сыйн ӆӳв.
Рӳщӑӈ, хӑнтэӈ ӆәхсӑӈ мӳв,
Арсыр тащ щи тӑйӆ ӆӳв.

Асэв ӆампа вӳтӑӈ мӳв,
Вәнтӑӈ хӳӆӑӈ, тащӑӈ ӆӳв.
Ӆащкам сӑмуп хӑнтэӈ мӳв,
Ма сӑмємн иса ӆӳв.

НЯВРЄМ ЁХА

Ешӑк хӑнты няврємиет!
Ешӑк щущеӈ пушхииет!
Хәнтты вәна йитан артн,
Хәнтты хәя йитан артн,
Интӑм йисан вәӆты мӳвев:
Рӳщӑӈ, хӑнтаӈ мӳӈ мӳвиев
Нын аӆ юрємииӆаӆн,
Нын аӆ вәтшииӆаӆн.

Хута па нын ӑнт аӆ вәсты,
Ӑӈки щущи шєпум ёх,
Хӑнты єсум шєпум ёх.
Нын рєт мӳвн нәмаӆн.
Рӳщ хуща ки юхӑтсӑты,
Рӳщ ясӑӈн путӑртаты.
Хӑнты хота ӆӳӈсӑты ки,
Хӑнты щирн путрєматы.

Хута па нын ӑнт аӆ вәсты,
Хӑнты мирэв ям ясӑӈ,
Нын аӆ юрємииӆаӆн,
Нәмман тӑииӆаӆн.
Ешӑк сорни, няврємиет,
Ешӑк щущеӈ пушхииет.
Хӑнты мира нын нётаты,
Хӑнты щирн нәмӑсаты.

Хӑнты мирэв йис вєрӑт,
Хӑнты мирэв йис арӑт

Нын алӈ юрємииӈаӈн,
Нын алӈ вәтшииӈаӈн.
Щитэв пӑрты ин юпийн.
Щитэв сухнум ин юпийн,
Ясӑӈӈ хошты тәс ай вәрт,
Путрӑӈ вәты тәс ай вәрт
Хуӈща вӳйӈиияӈтэв,
Хуӈща вәйтыияӈтэв.

Хәнтты питты ёхӈӳв кӳтн
Ясӈӑӈ хошты тәс ай вәрт,
Мӳӈ ки вәйтыияӈтэв,
Ӈай вӳри нӑрӑӈ пӑсан
Еӈӈы ӈӳв ат ӈэщатӈӑӈӈэ,
Еӈӈы ӈӳв ат вєрӑнтӈӑӈӈэ.

Юхи хӑщум ям ясӈєм
Нынан ма щи хӑиӈӑтэм:
Ма ӑн хӑншум ар нєпекєм
Еӈӈы хӑншииӈаӈн.
Ма ӑн вєрум ар вєрием
Еӈӈы вєриииӈаӈн.
Ма ӑн лупум ар ясӈием,
Еӈӈы тӳвииӈаӈн.

РАССКАЗЫ СТАРОГО ХАНТЫ

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Декабрь подходил к концу. За несколько дней до Нового года решил я съездить в свою родную, давно покинутую деревню Юильск, а оттуда добраться до Сюньюгана, где прошло мое детство, на стойбище к брату Петру Ивановичу Сенгепову. Что заставило меня заехать в далекую глубинку? Не знаю. Только в последнее время прихожу к мысли, что мы, представители национальной интеллигенции, живущие среди русского населения, стоим как-то в стороне от традиционной жизни и быта своего народа. Но с возрастом я чувствую, что не могу обходиться без родного языка. Родное слово помогает мне жить, чудесным образом связывает меня с мудростью сказки и песни, с радостью и печалью нашей жизни. Чем ближе мы к родной природе, тем радостнее и напевнее наши слова и речь, тем явственнее ощущаешь себя человеком, нужным людям. Поэтому, наверное, работая на окружном радио, бывая в разных уголках округа, я стремился положить на бумагу и на пленку все, что еще сохранилось у нашего народа: песни, сказки, легенды и мифы, «сказания и предания старины глубокой». Возможно, это заставило меня заехать в чум, на огонек к Петру Ивановичу.

Жители тайги и тундры любят сначала послушать рассказы приезжих. И Петро стал меня расспрашивать: в каких краях, в каких местах я побывал, что видел, что делал, что слышал. Сидя на оленьей шкуре у горячей железной печки, я, прежде всего, спросил: «Ты что один? Где же жена у тебя?» – «А-а, жену я вчера увез в Юильск. Должна была сегодняшним рейсовым самолетом улететь в Казым. На зимние каникулы дочь привезет». – «Значит мы одни с тобой?» – «Одни. Числа 30-го, если рейсовый будет, прилетят. Ну, ладно, рассказывай».

Чуть помолчав, медленно начинаю рассказывать ему обо всем понемногу. Он слушает, опустив голову, и его смуглое сухощавое лицо кажется еще темнее. Вид у него усталый, как будто дремлет и не слушает. Однако часто переспрашивает, особенно интересуется нашей новой жизнью, теми изменениями, которые происходят в стране, в округе. А потом вдруг оживляется, поднимает голову и начинает спрашивать меня о жизни и быте народа ханты, и как эта новая жизнь скажется на их жизни. Затем о тех людях, которых он хорошо помнит и знает, особенно интересуется жителями Лямина и Назыма.

Слушая мои рассказы, Петро сидит молча, только изредка спросит: «Этот наш дальний родственник, как-то он сейчас живет, чем занимаются его дети?» Если знаю человека, начинаю объяснять: он живет, где его дети живут, работают или учатся.

Иногда, анализируя его вопросы и расспросы, прихожу к выводу, что брат мой, оказывается, лучше меня знает родственников и знакомых. Мне приходится только удивляться. Разговаривая обо всем, иногда он замолчит и долго, задумавшись, молча сидит. Тогда начинаю думать, что может мои рассказы ему надоели, и я ломаю голову – как его суметь разговорить? Знаю, что от Петра можно услышать очень много интересных рассказов, сказок и песен.

Благодаря таким старикам рассказчикам, история народа ханты сохранена и донесена до наших дней в легендах, песнях и сказаниях. Вот только с чего начать разговор?

Вдруг пришла мысль, и я начал его расспрашивать: «Петр Иванович, помню в детстве, когда был я еще маленьким, жили мы тогда в этом бору, в ста метрах от твоего чума...» – «Знаю, знаю, – оживился братец, – потому я сюда поселился, чтобы не погас огонек Сенгеповский. Завтра сходи, посмотри отцовский дом, только он сгнил, развалился, там сейчас сплошной сосняк», – и показал рукой на запад. Я продолжаю свою мысль: «Так вот, в наш дом приходил старичок, жил несколько

дней. Однажды забегаю домой и вижу: старик веревочку одним концом привязал к топору, другим – к топорищу. Держит за веревочку и молча сидит в углу дома. Что он делал: колдовал, ворожил или шаманил? Какие еще колдовство, ворожба или шаманство бывают? Видел или знаешь? Мог что-нибудь рассказать мне об этом?»

Наклонив голову и глядя на железную печку, выслушал мой вопрос и, медленно поворачиваясь ко мне, поднял голову и начал свой рассказ: «Разным бывает шаманство. Бывает сильное, прилипающее, приклеивающее шаманство, бывает шаманство сильное с топором, бывает шаманство сильное, когда пристально смотрят в глаза (глазного зверя высмотреть), бывает и сильное шаманство с бубном.

Бывает, правда, попадется человек хвастливый, шаманской силы у него мало, так он пытается прыжками и бубном показать будто что-то может, а на самом деле никого не вылечит, только обманет.

Бывает доброе шаманство, если мысли чисты и по-хорошему шаманить, то даже с малой шаманской силой женщина заболела – поднимется, станет здоровой, мужчина занемог – оклемается, человек выздоровеет. Все. Такие вот в старое время были разговоры».

Он замолчал. Медленно повернулся к печке, взял несколько поленьев, подошел и затопил. Сухие сосновые поленья мгновенно вспыхнули, и опять стало теплее в чуме. Взялся за чайник и спрашивает меня: «Может быть, опять чайку попьем, чайник поставлю. На улице ясная ночь, очень холодно, немного горячей водичкой согреемся». Он налил воды в чайник и поставил на печку. А я опять спрашиваю его: «Брат, а может ты знал таких людей, обладавших шаманством, как они шаманили, может слово еще дальше понесешь?»

Он опять подсел ко мне на оленью шкуру, по-мужски сел (в доме ханты мужчины на пол садятся, ноги калачиком складывают) и начал разговор так:

– Я за свой век много людей повидал. На всю жизнь запомнил одного мужика. Его звали Андрей Григорьевич Лозямов. Ханты его именовали «Сюрс Вонтр ики» (Андрей хозяин тысячи).[92] До его смерти, при советской власти, в городке Сортанг (д. Вершина по реке Назым) его шаманом все считали. Я тогда маленький – десяти с лишним лет – был, а может быть, пятнадцать или около шестнадцати мне было. Я своими глазами видел. Ножик сюда в грудь себе вонзает. Я говорю ему: «Аспухэм-ики (родственный термин),[93] это что за фокус?» – «Это, – говорит, – фокус, такой фокус, кому такое шаманство природой дано, это и есть его фокус. Это на русском языке означает гипноз. Так вот, этот человек умел гипнотизировать людей. А по-хантыйски – имеет рот змея. Он не свое тело прокалывает, а в рот змея ножик вставляет. Вот это и есть шаманство, или фокус. От меня он не скрыл, хорошо рассказал. Я своими глазами видел. Правда, много крови не выступает. Так, ради метки, тело свое может чуть черканет, и, кроме змеиного рта, маленькая капля крови покажется. По-нашему ведь рот змеи яд наружу выпускает. Вот и все. Ножик вынет, а тело его целое. Он не может умереть. Вот в чем его фокус. Ну, все, конец.

После его рассказа я долго молча сидел, думал. Подобные рассказы я много раз слышал, даже после окончания института. Но почему-то меня уверяли, что это шаманство. Только в то время я был молодым и на все это не обращал особого внимания. Поэтому теперь я даже не могу вспомнить, где я слышал эти рассказы и от кого.

Пока я сидел и думал, Петр Иванович приготовил стол, и мы приступили к ночному чаепитию. Я вновь начал разговор: «То, что ты сейчас рассказал мне, это не шаман и не шаманство. Был бы он грамотным человеком, мог бы быть великим артистом или врачом, лечил бы гипнозом». – «А люди-то, люди все его называли шаманом». – «Время было такое. А вот шаманов настоящих с бубнами или еще с чем-нибудь ты знал, видел? Может, об этих людях еще расскажешь?»

– Ну, таких людей, конечно, знаю, много видел. Самым умелым шаманом с бубном был, говорят, наш большой дедушка-прадедушка. Но это очень давнее дело. А вот мой покойный дедушка – это я помню – тоже умел шаманить с бубном. Ну слушай, я тебе еще одну историю расскажу.

У мужчины Реш Опанась средний сын больным стал. Туда позвали шамана с бубном. Стал шаманить, молит Ем вош ики (Самаровского бога из семи холмов). Шаман, владеющий таким шаманством, вымолил Ем вош ики. Прийти-то тот пришел, да не заходит внутрь дома.

«Ну все, – обращается шаман к Реш Опанасю, – Ем вош ики на улице застрял. Не хочет, не желает войти в дом». Тогда Реш Опанась и говорит: «Ну, как-нибудь моли, чтобы вошел. Вот у моего сына дыхание уходит. Я очень прошу, моли да вымоли».

Еще раз шаман взял бубен. Колотил, колотил. Теперь Ем вош ики внутрь дома все же вошел.

[92] Так ханты называют людей богатых, имеющих больше тысячи оленей, или обладателей иного богатства.

[93] Так ханты называют людей богатых, имеющих больше тысячи оленей, или обладателей иного богатства.

У настоящего бубна с внутренней стороны сделана рогалина, а к ней прикрепляется щеточка (кисточка, как метла), символизирующая выметание, изгнание болезней из больного человека и его жилища. К концам рогалины прикрепляются три кожаных тонких, узких ремешка для держания бубна. Дед мой это хорошо знал. Стал выметать болезнь из больного мальчика. Раз ли, сколько там крутанулся, колотит бубен, метет. И вдруг все три кожаных ремешка как бритвой перерезали, бубен свалился. Все – колдовать больше не может! И этим он закончил, остановился. И дедушка мой в эту ночь или где-то в полночь заболел. Заболел. А утром – ты знал, наверное, Мосямского большого мужика Ювана – с пастбища пригнал он оленей для упряжки. Посадили деда на нарту, домой так сидючи и привезли.

Приехал домой, дней семь только выдюжил. Того мальчика больного поднял, на ноги поставил, а вместо него сам пропал. Вот так. И никаким чудесным способом, когда человеку время приходит умирать, исцелиться нельзя. Все.

После этих слов встал, положил в печку несколько поленьев и сказал: «Может немного отдохнем?» Приготовил мне постель. Я накрылся своей шубой, а сверху он накрыл меня сахом (женская шуба). В течение целого морозного дня, издалека добиравшийся до чума моего брата, уставший с дороги, но довольный его рассказами, я быстро заснул.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Утром встали, чаем угостились. Брат надел старенькую легкую малицу, подпоясался, вышел на улицу, встал на лыжи-подволоки и пошагал в лес искать оленей. «Ты, – говорит, – сиди в чуме. Когда олени придут, зайдут в загон, закрой ворота». С этими словами пошагал он в лес.

Я, оставшись в чуме, довольно долго сидел, греясь у железной печки. Потом оделся и вышел на улицу. Вокруг чума, внутри загона, вместо оленей, как в детстве, туда-сюда напрасно похаживаю, слушаю – никакого звука, посматриваю – и оленей нет.

На улице было очень холодно, стал я мерзнуть. Надумал дров наколоть. Схватил топор и начал распиленные чурки раскалывать. Вскоре чурки кончились, а расколотые дрова сложил в поленницу. Прислушиваюсь, посматриваю – никакого шума не слышно и оленей нет.

Взял охапку дров, вошел в чум, затопил печку и сижу греясь. Так сижу, слушаю, и кажется мне, что на улице олени похаживают.

Вышел на улицу. Оказывается, олени когда-то успели зайти в загон, а теперь медленно уходят из него. Бросился закрывать ворота загона. Где уж там! Чуть олени не стоптали; переходя на мах и рысь, они перемахивали через полуоткрытые жердяные ворота загона. А я не смог задвинуть ни одной дверной жердочки. Ну что поделаешь? Так и остался у ворот загона один, стою, как дремлющий глухарь. Туда-сюда только посматриваю, мысленно сам себя ругаю.

Так стоя, я увидел брата. Он медленно приближался на лыжах-подволоках ко мне, выглядел очень уставшим. Когда он подошел ближе, я стал рассказывать, как оленей выпустил. Он мне ничего плохого не сказал, только немного постояв молча, вымолвил: «Дома вот эту русскую одежду сними, надень свою малицу. Однако я еще схожу, может быть, сколько-нибудь оленей найду». С этими словами он собаку позвал и опять в лес пошагал, по тропам, оставленными убежавшими оленями. А я опять остался в чуме один. Снял шубу. Надел малицу брата и вышел наружу. На улице, хотя и было морозно, однако мне тепло. Человек в малице всегда выглядит красавцем таежником. Стою, ожидая оленей, похаживаю.

Немного погодя олени опять показались. Несколько оленей сразу же снова убежали в сторону, с десяток забежали в загон. Я закрыл ворота, задвинул жерди загона. Прошло довольно порядочно времени, когда вернулся брат. Немного постоял, глядя на оленей, потом сказал: «Ну что поделаешь, сколько пришли, столько пусть и будет».

Снял лыжи-подволоки, из нарты достал мешок чебаков. Этих рыбешек внутри загона стали мы в разные места разбрасывать. Олени, друг за другом гоняясь, стали есть этих мерзлых рыбешек, некоторые лизали солевые камни, лежавшие на обкатанном снегу.

«А ну-ка, сходи, открой ворота загона, может олени придут», – попросил меня брат. Я пошел, ворота загона открыл. Шагаю обратно, смотрю: олени опять выбегают из загона. Крикнул ему: «Брат, олени наружу выходят». Он оглянулся, внимательно рассмотрел оленей и сказал: «Ну, придут, придут». Еще немного рыбешки разбросали и вошли в чум. Затопили печку, поставили чайник. Брат занес в дом кусок мороженного мяса, и мы сели есть строганину. Вдруг слышим: на улице олени бегают. «Ну, олени, наверное, пришли», – говорит брат. Я вышел на улицу. Смотрю, и правда, внутри загона олени бегают, жуя чебаков, некоторые стоят, отдыха-

ют. Немного постоял, посмотрел, взял охапку поленьев, вошел в чум, подбросил в печку дров. А что дальше-то делать? Зимний день кончился, опять стало темно. Наступила ночь.

ВТОРАЯ НОЧЬ

Около железной печки сидеть тепло. Сидя, опять начинаю брата расспрашивать: «Брат, ты же народа нашего старинную жизнь хорошо знаешь, помнишь. Старинное дело, старинное слово, старинных рассказов много знаешь, может быть, еще что-нибудь расскажешь?» – «Ну, знать-то, конечно, что-то знаю, можно и рассказать».

Я схватил магнитофон, приготовился слушать и ожидаю, когда он начнет свой рассказ. Вдруг он сказал:

– Ну, братушка, слушай старинное слово, старинный рассказ или сказку, кто его знает. В каком-то веке, в старину, в одинокой юрте одиноко жили три брата, рубящие дерево для войны.[94]

Были у них когда-то и мать, и отец, но давно умерли. А у человека, живущего в одинокой юрте, у растущего человека – рука росла, крепла, растущего человека – нога росла, крепла. Так они долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает? Теперь старшие братья добывают, бьют тундрового быка, режут ноги лесного, таежного быка. Братишка младший мокрые дырявые кисы – обувь старших братьев, как женщина, сидит, починяет много небесных дней подряд. Однажды задумался он. Вечером вернулись братья с добычей рыбы и лесного зверя. Решили дома побыть, обносились крепления лыж-подволок, надо их починить.

А младший брат, вместо повара живущий, решил расспросить братьев: «Братья, почему мы одни живем в этой одинокой юрте, совершенно одни? Вы обходите водную сторону, вы обходите лесную сторону. Неужели не встречали нигде обжитой земли, следа ходящего человека?» Братья в ответ: «Сколько лет добываем тундрового быка, сколько лет добываем лесного быка, нигде не встречали даже следа человеческого». – «Братья, ну пойдем вместе лесовать». Братья отвечают: «Что ж, если есть желание, пойдем! В дальнем лесу, оставшемся с времен начала рода нашего, от отца нашего, мы никогда не промышляли. Черный соболь, черный зверь есть, наверное, в том лесу. В ближнем лесу совсем мало стало черного соболя, черного зверя». – «Ну, если есть такая земля, то трем мужчинам, – говорит младший брат, – идти разве плохо?» – «Ну, конечно, – говорят старшие братья, –пойдем втроем на совсем нехоженную землю. Надоело нам сидеть на одном месте, скоро состаримся. А сходить вместе совсем неплохо. Покажем родовые земли».

Ну вот, собрались лесовать. Пищу на время промысла, кисы-обувь подготовили. Еще ночь ночевали. На рассвете снарядили нарту-подволоку, сложили все имущество, необходимое для промысла, и отправились в лес.

Долго ли, коротко ли шли, пришли на край родового леса, на место стоянки. Сделали из хвойных веток настил для ночевки, нарубили дров. Пришло время развести костер. Младший брат спрашивает: «Есть чем огонь развести, старший брат?» Стал тот искать – не нашел. «Нету», – отвечает. – «Ну, средний брат, а у тебя есть чем развести огонь?» – братишка спрашивает. Стали искать чем развести огонь. Мешки, кузовки выворачивают – никакого огня нет. Живого огня не находят и мертвого огня не находят. «А ты, младший брат, ты никогда в лесу не похаживал, может, у тебя есть?» Тот отвечает: «Я, постоянно живущий в доме, откуда огонь возьму».

И обратился младший брат к старшим братьям: «Ищите высокую лесную сопку, взойдите на нее, на вершину высокой лиственницы или на вершину высокой ели залезай, старший брат. Если есть где-нибудь поблизости человек с огнем, ты его увидишь».

Велено было старшему брату идти, пошел. Нашел высокое место в середине леса. Залез на вершину высокой сырой лиственницы и смотрит кругом. Оказывается, неподалеку хранитель лесных земель развел костер, горит тот на высоту лиственницы, ели.

Старший брат слез с дерева, пошагал обратно к младшим. Пришел к ним и говорит: «Ну, я в одном месте огонь видел». А младший брат отвлекся и этих слов не услышал. Средний брат спрашивает: «На чьей земле-то, на чьей воде-то видел?» – «Да вот, – отвечает старший брат, – хранитель леса и воды, лесной бог, хозяин урмана Менк развел костер, да такой, что горит высотой с ель или лиственницу. Туда какой человек пойдет». Младший брат, услышав последние слова, спрашивает: «Что-то ты там рассказываешь, старший брат?» Старший брат отвечает: «Ну, этот, – говорит, – Менк, охраняющий лес, огромный костер развел, горит пламя высотой с ель или лиственницу». – «Ну так, если видел костер, брат, сходи. Огонь нам необходим, попроси огня!»

Ну, тому куда деваться? Раз младший брат попросил, надо идти. Пошагал старший туда, где видел костер. Долго шел, коротко шел, приблизился к костру, который устроил дядя – лесной бог, урманный

[94] Рубить дерево для войны для военных целей – заготавливать луки и стрелы.

Менк. Как маленький зверек на пустом месте, так и он, чем ближе к Менку, тем меньше становится. Подошел к огню. Лесной бог, урманный Менк, греется у костра. К пламени то спину, то живот поворачивает. Высотой с лиственницу, с ель костер устроил, смолистые деревья в огонь бросает.

«Хо-хо-хо, внучек, с какими вестями-новостями пришел?» – «Да с какими там вестями-новостями пришел. Нас три брата-мужика, рубили мы лес для войны. В лес пошли, оказалось, без огня-кремня ушли. Дяденька, если бы ты дал нам огня, без огня пришедшим». Менк ему и говорит:

«Внучек, если ты мне расскажешь с тридцатью перекатами, перевалами, с тридцатью волонами рассказ, я тебе за рассказ отдам живой огонь – горящий факел – и мертвый огонь».

Задумался человек: «Я без матери, отца жил. Рассказ с тридцатью перекатами, перевалами, с тридцатью волонами – это очень большой рассказ. Не рассказать его мне». Потом к дяденьке обращается, говорит: «Этот рассказ с тридцатью перекатами, с тридцатью волонами не смогу я рассказать. Откуда мне его знать?».

Тогда дяденька ему и говорит: «Раз не можешь рассказать такой рассказ, то хоть и есть у меня живой огонь и мертвый огонь, но я тебе ни мертвого, ни живого огня не дам. Все. А теперь ты хоть окоченей, замерзни». И дяденька соскочил, завернул с человека всю одежду к голове, оголил до пояса. И со спины три полоски кожи вырезал. А снятую со спины кожу в карман засунул. «Все, – говорит Менк, – вместо мертвого огня, вместо живого огня иди!»

Человек долго ли, коротко ли шагал, но к братьям вернулся. «Ну, что ты нам расскажешь?» «Что расскажу, – говорит, – рассказывать нечего. Никакого огня не дали мне. Хоть и просил я огня у дяденьки, нет у него никакого желания дать его мне». Тогда младший сказал: «Средний брат, сходи ты! Теперь старший брат проложил тропку, по тропе и шагай, иди, найдешь дяденьку. Если дяденька живого огня не даст, мертвого огня проси, мертвого огня не даст, живого огня проси. Как-нибудь надо бы достать огня. Без огня здесь все обморозимся, замерзнем».

Среднему брату куда деваться? Пошагал по проложенному следу старшего брата. Шел, шел, пришел туда. А могучий дяденька Менк то спину к огню повернет, погреет, то живот. Из смолистого дерева огонь развел, высотой с лиственницу или ель, горит в небе морозной ночью.

«Хо-хо-хо, – спрашивает, – внучек, с какими-то вестями-новостями ты пришел?» – «Какие там вести-новости, – отвечает средний брат. – Нас – трое мужчин, пришли в лес рубить деревья для войны, кремлевые деревья. Без огня-кремня пришли мы. Пришел к тебе огня попросить, дяденька». – «Внучек, я дам тебе какой-нибудь дешевый огонь, если ты мне расскажешь рассказ с тридцатью перекатами, с тридцатью волонами. И мертвый свой огонь дам, и живой свой огонь тоже дам».

Стал мужчина думать: «Рассказ с тридцатью перекатами, с тридцатью волонами я отроду не слышал. Откуда мне взять этот рассказ? Дяденька, – говорит человек, – такого рассказа знать не знаю и слыхом не слыхивал». – «Ну, если не слышал, я тебе и живого своего огня, и мертвого своего огня с излишком дам». И дяденька соскочил, голову человеку одеждой прижал, четыре полоски кожи с его спины вырезал и приказал: «Все, голым теперь иди!»

Человеку куда деваться, по той же тропинке обратно пошагал. Долго шагал, коротко шагал, пришел к стану младшего и старшего братьев. Младший и старший братья, оказывается, замерзли, лежат и дрожат. Младший брат спросил у среднего: «Ну что, мертвого или живого огня принес, братик?» – «Какой там мертвый или живой огонь! Я чуть совсем не замерз, – говорит, – еле пришел». – «Но ведь у духа лесного есть огонь. Почему ты огня не принес? Старший брат ходил – огня не добыл, ты ходил – огня не достал. Ну-ка, я схожу. Братья, вы тут как-нибудь без меня поживите, не замерзайте».

Ну, отправился туда младший братик. Идет по следу, проложенному братьями. Вот и к дяденьке пришел. Раньше костер большой был, а теперь смоляных деревьев еще больше набросал. Костер горит высотой с лиственницу, с ель. Дяденька в небо морозной ночью спину поворачивает, живот поворачивает.

«Хо-хо-хо! Внучек, когда это ты сюда пришел, я даже и не заметил, греясь у огня. Какая нужда, какая беда пригнала тебя в такой мороз?» – «Вот, дяденька, в эту сказочно морозную ночь приходится к вам обращаться. Мы – трое, рубящих лес для войны, три мужика, рубящих кремлевые деревья, без огня в лес пришли. Дай нам огня!»

Дяденька Менк говорит: «Как это так сразу дать тебе огня, младший внучек. Если расскажешь рассказ с тридцатью извилинами, рассказ с тридцатью морщинами, рассказ длинный-предлинный, то я тебе и мертвый свой огонь дам, и живой огонь тоже дам». – «Ну ладно, – говорит внучек. – А ты, дяденька, знаешь очень длинный такой рассказ?» – «Да если бы знал, то у тебя бы разве спрашивал. Из-за незнания все тебя прошу, младший внучек, ты уж расскажи, если знаешь». – «Ну, конечно, дяденька, садись-ка сюда, вниз, на бревно и слушай. Я если и расскажу, то только часть рассказа. А уж понравится тебе или нет – это уж твое дело».

Дяденька Ялань уселся на бревно, которым разжигают и поддерживают огонь, раздвинув ноги. «Дяденька, ты хорошенько слушай мой рассказ. Когда-то у меня были и мать, и отец. Много ли, мало ли прожили отец

с матерью, кто его знает. Только однажды откуда-то весть пришла, будто бы на небе очень мухи дорогие. Если принесешь одну муху, продашь, то получишь корову с теленком или лошадь с жеребенком.

И мать с отцом мух наловить решили. Взбили в чуманах[95] мыльную пену. Все мухи в мыльной пене позастревали. А родители их знай собирают. Матушка семь мешков заготовила, батюшка для себя тоже семь мешков насобирал. Вдвоем четырнадцать мешков припасли.

Ну, а когда в небо идти задумали, матушка четыре мешка мух взяла вязанкой за спину, батюшка тоже четыре, по два мешка мух руками взяли и по одному мешку ртом прикусили. Ну, а дальше в небо, вверх пошли. Долго ли, коротко ли шли, кто его знает. Дяденька, ты слушай, говорят, будто у женщины на голове волос длинный, а ум короткий. И вот, когда приблизились к небу, матушка обращается к батюшке: «Как путь до неба, короток или долог?» Раскрыла рот моя мать и один мешок с мухами упустила – вниз он покатился. Отец – сердитый мужик – на жену, на матушку мою завизжал. Рот свой раскрыл, один мешок тоже упустил. Все, оба в большом накладе остались.

С вязанками на спине и с мешками в руках на небо пришли. Муху продадут – лошадь с жеребенком, еще муху продадут – корову с теленком приобретут. Так все мешки распродали. А с доставшейся животиной им что делать? Решили освежевать. Деревенского, городского народу много наняли. Освежевавшего лошадь – лошадью одарят, освежевавшего корову – коровой одарят. Всю животину освежевали. Стала куча мяса, куча кожи, что с ними делать? Из коровьих шкур большой сыромятный коровьей шкуры мешок сшили. А лошадиное мясо, коровье мясо все в мешок затолкали и зашили. Оставшиеся лошадиные, коровьи шкуры все на ленты порезали, связали, вниз опустили – до земли достало. По этой веревке мать с отцом вниз опустились – на землю.

Слезли и веревку из коровьей шкуры дальше тянуть стали, докуда дойдет. Тянули, тянули, да что делать – до деревни, до города не хватило. Как быть с кожаной веревкой? Думали, думали и подожгли веревку. Большой костер на земле сделали, искры до неба поднимаются. А коровья шкура-веревка огнем обугливаться, обгорать, сворачиваться стала, в кучу сворачиваться. Мешок с коровьим, лошадиным мясом вниз – на землю вот-вот упадет. «Дяденька! – закричал вдруг младший внучек. – Мешком с коровьим, лошадиным мясом здесь тебя придавит! Бежим!»

Крича испуганным голосом, отскочил от костра. Менк как сидел, обогреваясь у огня из лиственничного дерева, раздетый, босиком вперед помчался. Так на ходу и замерз.

Как только Менк убежал, младший брат добыл живого и мертвого огня. На стане у дяденьки нашел он кожаные полосы, вырезанные из спин братьев. От спины старшего брата три полоски кожи, от второго брата – четыре. Семь кожаных полосок с собой унес. К братьям пришел. На дрова положил стружки, быстро занялись они огнем, заполыхал костер. Смоляные поленья в костер бросает. Горит огонь, волшебный огонь высотой с лиственницу или ель полыхает.

«Братья, обогревайтесь, – зовет младший, – что вы лежите и дрожите!» – «У нас спины болят», – отвечают братья. – «Ах, спины у вас разболелись! Эх вы, рассказа не могли придумать с тридцатью извилинами, с тридцатью волонами! А я и рассказ придумал, и огонь достал».

Братья собрались у костра. Младший брат взял спинные кожицы и братьям на спины прилепил. Тут братья в пляс пустились.

Поохотились, черного зверя, черного соболя добыли, домой пришли. «Ну, старший брат, – говорит младший, – ты будь властителем города Ем. Ты, средний брат, садись в средней части белоснежной, широкопольной, луговой стороне Оби властителем. А я, – говорит младший брат, – сяду властвовать в раздольном, обильном верховье Оби на этой священной земле». Все.

***

Так братец мой закончил вторую ночную сказку, и мы собрались спать.

По-хантыйски некоторые люди декабрь короткодневным месяцем зовут. Я приехал на стойбище в последние дни месяца. Было ясно, морозно, безветренно. Морозы крепчали с каждым днем.

Ночью в чуме спать было очень холодно. Пока в печке горит огонь, лежать приятно, тепло и скоро засыпаешь. Однако, когда огонь погаснет, сразу же замерзаешь. Холод пронизывает до костей. Просыпаюсь, кручусь туда-сюда, стараюсь сохранить тепло, натягиваю на себя одежду. А встать и печку затопить мне лень. Так тихо, спокойно валяюсь, пока снова не засну.

Брат мой, видимо, тоже мерзнет. Он просыпается и, как я, не валяется. Сразу же вскочит, дровами печку набьет и затопит. Железная печка быстро раскаляется, и я, благодаря этому теплу, снова засыпаю. Так прошла вторая ночь в чуме у брата.

[95] Чуман – своеобразный берестяной таз.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

На третий день утром встали, во время завтрака брат спросил меня: «Ну, братишка, может сегодня сходим морды (гымга) посмотрим. Я ведь довольно давно не ходил, сейчас все замерзло, и мне нужен помощник, чтобы лед долбить». – «Ну, так это же хорошее дело! Что ж я дома один буду напрасно валяться, пошли». – «Ну, – говорит брат, – пешком уж не пойдем, сейчас снег глубокий. Я сейчас оленей схожу поищу, на нарте поедем».

Я, вообще-то, боры, болота, озера Сюньюгана в детстве хорошо знал и до сего времени помню. Ответил Петру: «Брат, через этот бор до Сюньюгана недалеко, потихонечку пешком дошагаем». – «Нет, – говорит, – до твоего приезда была метель, и дорогу замело, где уж там теперь пешком».

Надел лыжи-подволоки и опять пошагал на пастбище оленей.

Ну вот, я опять один в чуме остался, ожидая, когда его олени придут. Короткие зимние дни быстро проходят, быстро кончаются. Гляжу на часы – пошел двенадцатый час, скоро будет темнеть, а брата даже не слышно – оленей нет, ничего нет. Так внутри загона туда-сюда посматривая, стою, начинаю мерзнуть. Каждый раз, как начинаю мерзнуть, забегаю в чум, печку затапливаю, греюсь и опять выхожу наружу. Я должен охранять загонные ворота, поэтому туда-сюда и похаживаю.

Однако так похаживать мне скучно стало. Два с лишним часа все так и ходил, стало темнеть, а брата все еще с оленями не видно и не слышно. Наверное, мы морды смотреть не поедем. Так стоя, думая, увидел я брата, медленно приближающегося к воротам загона. Гляжу, он очень слаб, устал, пока ходил так долго по лесу, выглядел совсем больным человеком. Приблизившись, я хотел спросить его, однако он опередил меня, сказал: «Олени в дальнее пастбище ушли, на тот конец бора, здесь близко их нет». Я этот бор хорошо знаю, довольно длинный. От Суртъюгана по Сюньюгану, до озера Юрнлор тянется, а оттуда поворачивает к озеру Еванглор. Все это обойти – целый день нужно. Глядя на его уставшее лицо, я его спросил: «Может на сегодня-то хватит, уже луна появилась, скоро ночь настанет. Пошли домой – в чум, чего-нибудь поедим».

Брат мне ничего не ответил, немного молча постоял, а потом медленно лыжи-подволоки снял, около чума к стоящим нартам отнес и поставил. Потом последний мешок чебачной рыбы взял и мы опять начали мерзлые рыбешки внутри загона разбрасывать. «Что, по-твоему, придут?» – я его спрашиваю. – «Ну, сколько-нибудь, конечно, придут», – уверенно ответил он.

Разбрасывая рыбу, посматриваю: с наружной стороны загона два-три оленя похаживают, они, нюхая воздух, на меня посматривают. А подальше еще два оленя разгребают снег. Я, обрадовавшись, ответил брату: «Смотри-ка, олени, вон, и вправду пришли». Он ко мне повернулся, начал внимательно оленей рассматривать. Я гляжу на брата: усталость медленно уходила с его лица, глаза мягко засветились. На оленей глядя, сказал мне: «Ну, пошли домой, в чум, что-нибудь поесть приготовим».

Вошли в чум, в нем стало совсем темно. Брат с улицы откуда-то керосин домой занес, в лампу налил. И опять мы в светлом доме сидим, греясь около печки, горячий чай попивая, закусывая. Посидев некоторое время, я опять брата спрашиваю: «Брат, ну, может быть, какой-нибудь рассказ, какое-нибудь слово, о каком-нибудь старинном деле ты мне еще расскажешь?» Знаю, он сразу рассказывать не станет. Сперва, наверное, мысленно сверит, проверит, что он на стойбище за день сделал, что нужно сделать еще. Только после этого со мной разговаривать начнет.

И сейчас так же, немного молча посидел и сказал: «Ну, немного погоди. Я наружу схожу, посмотрю, кажется, олени ходят». С этими словами малицу надел и наружу вышел. Я магнитофон свой готовить начал, новыми батарейками зарядил и около печки сижу, греясь и его ожидая. Он вошел с сияющим лицом: «Ну, вот, – говорит, – мои олени немного собрались». Я наружу вышел, и правда, олени внутри загона похаживают или стоят, отдыхают.

Мне в голову сразу пришла мысль: «Ну, это еще что за чудо? Целый день ходил в поисках оленей – ни одного оленя не нашел. Теперь, как и вчера, когда ночь наступила, олени сами домой пришли». Вошел в чум, брата об этом спрашиваю. Брат ответил: «Эти домашние олени, живут как авкки[96]. С оленями в лес ходят и обратно возвращаются. За ними и другие тоже домой тянутся. В наше время ягельные леса наши, боры наши все уничтожать стали и оленей иметь стало делом очень трудным. Дома здесь я какой-нибудь кусок пищи, что-нибудь из еды им подсовываю, поэтому они уходят, но возвращаются домой».

И это действительно так. В минувшие годы, когда к нему приезжал, видел я, как он внутри чума маленьких оленят выращивал. По его словам, пока олененок на ноги не встанет, не окрепнет, выращивать их надо внутри дома. Такие олени, глядишь, к месту, где они выросли, обратно, домой тянутся.

[96] Авкки – домашний олень, выращенный в чуме.

Вот так потихоньку живет и работает с оленями мой брат. Он весь свой век провел с оленями. Мне он рассказал об оленях много хорошего и интересного. Но об этом уже другой рассказ.

ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Теперь я от него хотел узнать, какие еще старинные рассказы, сказки, песни он знает. Я опять брата спросил: «Ну, может быть, еще о старинных делах что-нибудь расскажешь?» – «Ну, знать-то как не знаю, – отвечал он. – Ты что, опять записывать станешь?» – «Для записи я и спрашиваю». Он немного молча посидел и сказал: «Ну, послушай-ка». И начал он рассказ третьей ночи так:

– В заливе Северного моря Торум друга имел. К другу своему он туда ходил. Когда собрался идти обратно, домой, друг спросил его: «Я тоже, – говорит, – потом когда-нибудь, друг, если пустишь, если согласишься, в гости к тебе схожу».

– Ну, как же, – говорит Торум, – друг есть друг. Что плохого – приходи. Конечно, не часто, иногда. Живешь, живешь, ведь встречаться тоже надо. Где и как я живу, тебе посмотреть тоже надо.

Распрощавшись со своим другом, мужчина Торум домой на свою землю, на свое небо пошел, на место своего обитания.

Через некоторое время его друг – мужчина Хинь – задумал навестить Торума. Поднялся на землю, поднялся на небо, к другу Торуму пришел. Осмотрелся мужчина Хинь вокруг. Видит Хинь: на земле стоит только один золотой дом, денежный дом с семью дверями и больше ничего нет. Кругом еще раз оглядывается: крупный песок, мелкий песок и ни кустарника, ни травинки нет, одна пустыня. Так смотрел, сравнивал, вошел в дом. В дом вошел и с другом Торумом поздоровался. Торум посадил его на мягкие ковры. Хинь сел и стал осматривать внутренность дома. Дом, оказывается, как маленькое озеро, как маленькая речка величиной: такой большой золотой дом, денежный есть. Пол, внутренность дома все глазами обвел Хинь. Посреди пола ничего на глаза не попадается. Никакого богатства нет, никаких вещей нет у его друга мужчины Торума.

Так сидели они вдвоем, разговаривали. Вдруг откуда ни возьмись повара пришли. В этот же момент мужчина Хинь заметил: у друга Торума внутри дома, посредине пола богатый разной едой стол появился. А ведь только что весь дом осмотрел, ничего на глаза не попадалось.

«Ну, друг, – мужчина Торум говорит, – стол накрыт, поедим-покушаем». С двух сторон стола двум человекам два стула для сидения откуда-то появились. Столько сладкой пищи, столько вкусной пищи было на столе. Кроме того, поставлены были на стол две большие кружки, есть ли что-нибудь внутри них или нет – неизвестно. Друг – мужчина Торум – сел к столу, большую кружку с ручкой сразу же за ручку взял и все пьет, все пьет. Между тем друзья разговаривают, едят-кушают».

А мужчина Хинь, одетый в черную шубу, ест все подряд: сладкую пищу, вкусную пищу все жует, все ест. А на белую большую кружку никакого внимания не обращает. Ну, едят-кушают, наконец, друг – мужчина Хинь – почувствовал, что пора остановиться, наелся доотказа.

С другом Хинь Торум еще сидит за столом: «Ты, друг, – говорит Торум, – еду-то ты всякую ел, как я вижу, вот то, что внутри кружки находится, еще не пробовал». – «А, да я, – говорит Хинь, – не знаю, есть там в кружке что-нибудь или нет? Какова кружка, такова и белая какая-то жидкость в ней: то ли она хороша, то ли плоха, я и не представляю». – «Так ведь посмотреть нужно. Ну да, ты посмотри, посмотри, попробуй!»

Хинь большую кружку взял, за ручку поймал, поднял, пить стал. Губы облизывает, чувствует: очень хороша, да, очень хороша жидкость! Настолько хороша, что животу тоже приятно стало и в желудке тоже приятное ощущение. Чувствуется, что внутренности все смягчились. Хорошо, так хорошо, вкусно! И кружку всю выпил. Потом обращается к другу Торуму: «Что, друг, еще нет ли у тебя такой воды?» Друг мужчина Торум говорит другу Хинь: «Если есть на месте, если имеется, конечно, принесут». И повара (то ли близко были) кружку унесли. Из котла, то ли из чашки кружку опять полную налили. И эту тоже выпил Хинь. «Вот, – говорит после выпития воды из кружки, – очень хорошо – да, очень хорошо! Друг, если есть еще, одну, пожалуй, еще выпью». И кружку опять полную налили. Хинь взял ее за ручку, всю выпил.

«Ну, вот, – говорит, – теперь-то чувствую, что поел-покушал. Да, хорошая водица у тебя!»

«Да я, – говорит Торум, – ты знаешь, если бы было невкусно, то я бы за это до еды не взялся. Я тоже считаю хорошим, вкусным, потому сперва взял, выпил, а потом уж есть стал. А ты, – говорит, – на это не обратил внимания, даже не подумал, что за штука: хорошая вода или плохая вода. Ну, теперь-то поели-покушали тоже и на улице-то надо погулять». – «Да, конечно, какой разговор, в разных водах, землях живущие друзья. Сколько рассказов!»

Вышли на улицу, мужчина Хинь смотрит и удивляется: такие большие огороды из белого железа, нет им ни конца, ни края. Несколько тысяч коров, оказывается, у его друга Торума. Повара там работают, доярки. По большому городу мужчины Торум, построенного из бочкового железного дерева, идет Хинь, смотрит: нет городу ни конца, ни края. Такой большой город! А ведь когда пришел, то увидел всюду вечный песок – пустыню. Никакого имущества, никаких предметов в глаза не попадалось. Деревни, города даже в глаза не видел. Вот это диво так диво, чудо так чудо!

«Ну, теперь, – говорит Хинь, – друг, мне домой пора возвращаться. А вот это коровье богатство – молоко, оказывается, прекрасное, хорошее. А если бы ты выделил, дал мне его, а?»

Тогда друг – мужчина Торум – говорит: «Если бы ты его сперва выпил, когда тебе дали кружку с молоком, то я бы подумал, может и велел его тебе выделить. Друг есть друг. А теперь, раз сперва молока не выпил, то никаких тебе коров и никаких лошадей. Как до сегодняшнего дня жил и что я велел тебе есть, так и продолжай жить и тоже самое есть».

И друг – мужчина Хинь – с этим в темное море залива вернулся. В Северном море залива, не на земле, а под землей до сих пор живет.

***

Когда брат закончил рассказ, я долго молча, восхищаясь услышанным, сидел, думая: «Откуда он такие старинные рассказы, сказки, песни разузнал?» И я не выдержал, стал хвалить его рассказ: «Ну, вот это был рассказ так рассказ, сказка так сказка!» – «А что, тебе понравился?» – «Если бы не понравился, хвалить бы не стал». – «А ты что, не слышал?» – «Откуда слышать, я же среди русских вырос и живу, откуда толковое слово, тем более рассказ, от кого услышишь? Для этого я и приехал, старинное слово, старинный рассказ услышать. Если ты не расскажешь, кто мне расскажет? Каждое старинное слово, старинный рассказ – это наша древняя жизнь, если по-русски сказать, наша история, наша культура. Ведь если Вы, старые люди, не расскажете когда-нибудь свои истории, все, что знаете, с собой унесете. А маленькому народу ханты что останется? – Ничего. Так и останемся мы безродными людьми и постепенно все исчезнем».

Мои слова, видимо, до него дошли. В печку дрова подложил и меня спросил: «Сколько времени?» Я посмотрел на часы.

Стрелки показывали почти десять вечера. «Без пяти минут десять», – ответил я ему. – «Ну вот, вечер наступил». Может он хотел отдохнуть, пробродив целый день в поисках оленей и устав, и поэтому так сказал? «Весной, летом, – опять сказал я, – десять часов – это солнечный день, зимой – темная ночь».

Немного поразмышляв о чем-то, посидев, брат спросил: «Ну, братец, может еще один короткий старинный рассказ или сказку тебе я расскажу, если пожелаешь слушать?» – «Конечно желаю!» Я обрадовался, схватил репортер, новую кассету зарядил и приготовился слушать.

Пока я возился с магнитофоном, брат встал, схватил несколько поленьев, бросил их в печку и рядом со мной сел по-мужски. «Ну, – говорит, – слушай». Так он начал свой рассказ:

– В одиночной юрте жил мужчина с семьей. Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, как он поселился в этой местности, каким-то путем приобрел где-то сильного быстроногого оленя с доской (чтобы олень быстроногий или необученный от стада не убегал, привязывают на шею деревянную колодку или на передние ноги кусок доски).

Этого оленя держал внутри закрытого помещения. К суставам передних и задних ног были привязаны доски. Олень настолько силен был, на нарту одного, как лошадь, запрягал. Из лесу пищу ему приносил, как ручного оленя ягелем кормил. Этого оленя он в святое место (старый мужчина был) определил через семь лет. В течение семи лет содержал его и теперь пришло время освежевать. Однако в назначенное место и в назначенное время не освежевал. Думает: «Если я освежую этого оленя, каким образом еще жить, ходить, ездить буду?» Не освежевал. А что, кто подумает? Так он дальше жить стал.

Много ли, мало ли времени прошло, вдруг члены его семьи умирать стали. Однажды и жена умерла. Жена умерла, унес ее тело в лес, похоронил. Одиноким остался. Теперь с оленем в одинокой юрте живя, хорошо живя, вдруг ослеп. Стал слепым, а куда деваться? Пути нет. На улицу за водой не ходит, дрова рубить, дров не находит. Когда был с глазами, где-то дрова имел, а сейчас ни огня разжечь, ни воды попить не может.

Долго ли, коротко ли он так жил, кто его знает. Только однажды почувствовал приближение смерти. Как-то днем или ночью – слепой, не различает, в какое небо он смотрит, в лунное или солнечное – только слышит, как будто кто-то пришел. Хороший человек или плохой, но кто-то пришел. Думает мужчина: «Хоть бы домой вошел! Ослепшему все равно, какую смерть принять. Если хороший человек, по-хорошему слово скажет, спросит, расскажет, поможет. Если плохой человек, то здесь и покончит со мной».

Слышит, кажется, человек внутрь дома вошел. Когда внутри дома оказался, спросил: «Ну, как, мужик, поживаешь?» – «Э-э, слепым стал, куда мне теперь деваться, вот так и сижу, так и живу. Выхожу на улицу – не знаю куда идти, дома сижу – также. Сижу я без воды, без еды, без огня, – говорит, – умирать собрался. Какой хороший человек был бы ты, если бы мне воды принес. Пить очень хочу».

Пришедший человек воды принес, напоил мужчину. Сколько-то времени посидел. Мужчина, напившись воды, постепенно пришел в себя. Издалека пришедшего человека спрашивать стал: «Ты от какой земли, из какой-то воды сюда пришел?» – «Я, – говорит, – тоже когда-то в какой-то земле жил. А теперь хожу, брожу по свету. Вот и с тобой встретился. Гляжу – похоже человек живет, поэтому и в дом вошел. Ну, каково живется слепым, хорошо?» – спрашивает пришелец.

«Где уж хорошо, – отвечает мужчина. – Все, умирать собрался». – «Да, недолго до смерти осталось. А у тебя олень с досками есть, олень тоже умирать собрался?» – «Да, олень мой, знаю, наверное, тоже вот-вот скончается без еды, без воды. Я без воды умирать собрался и олень мой тоже». – «Ну, ты немного посиди. Теперь ты воды попил и котел с водой я рядом с тобой поставил. Я схожу, оленя твоего оживлю».

Оленя из дощатого дома человек наружу вывел, по ягельным местам поводил, накормил, водой напоил. Олень силу набрал, человек его привязал и домой вошел. «Ну, – говорит, – я тебе немного расскажу, мужик, послушай. Ты каким образом слепым стал? Когда ты должен был освежевать оленя? В тот представленный год исполнилось семь лет, оленя нужно было освежевать, а ты его не освежевал. Все, – говорит мужчина, – тот, которому ты оленя представлял, рассердился. Если ты не знаешь крылатую сотню, ногастую сотню, то и сиди со слепым, глухим лицом с оленем и всем остальным, живи, если тебе оленя жалко. Олень по-оленьи сдохнет, а ты без воды и еды подохнешь, если не знаешь небесного бога, если забыл его».

Мужику все было рассказано. «Да, – говорит, – правда». – «Тебе глаза нужны сейчас?» – спросил мужчина. – «Да, глаза-то нужны, но откуда я глазастым стану. Глаза-то ослепли». И мужчина так рассказал: «Глаза-то есть, пустые зрачки-то имеются, а только видимость унесены. А ну-ка, глаза твои съездим, поищем. Я отсюда сейчас на улицу выйду, оленя в нарту, которую запрягаешь, я запрягу, поедем».

И мужчина, оставшись в своем домишке, посиживает, воду попивает, принесенную ему еду покушивает. Издалека пришедший человек долго ли, коротко ли на улице ходил, вошел в дом. «Ну, вот, – говорит, – оленя запряг. И отсюда поедем». А мужчина говорит издалека пришедшему человеку: «Запряг-то ты запряг, только передненожные и задненожные доски не отвязывай, не убирай, наверное, не выдержим». Издалека пришедший человек тогда говорит: «Если выдержим – то выдержим, если не выдержим – не выдержим. Что ты меня поучаешь, как глазастый. Я знаю твоего оленя, как-нибудь поедем. Ты только за моей спиной крепко сиди, сидеть только смоги».

Мужчина отвязал уздечку, сели в нарту. Издалека пришедшим человеком мужчина веревкой или чем-то к нарте хорошенько привязан, закутан. Сидит, крепко держась за человека. Где уж там слепому видеть, но чувствует, как на коне на какое-то место везут.

Долго ли ехали, кто знает. Чувствует, настолько быстро везет олень, что в горах, на холмах слышит, как полозья нарты земли касаются, на низких местах чувствует, как дно нарты по верху идет. Чувствует, настолько быстро они едут, как быстро несет их олень. После долгого пути, наконец, человек остановил оленя.

«Ну, вот, – говорит, – оказались мы за семью морями. Сейчас по дороге Хиня, уходящей под землю, все вниз войдем и придем в город Хиня. Приедем в город Хиня, узду оленя потом я к ножке нарты узлом привяжу, чтобы быстро отвязать можно было. Мы в дом Хиня вместе домой войдем. От Хиня я твои глаза попрошу. Отдаст – отдаст, не отдаст – все равно я возьму. Глаза я тебе вставлю – лунный, солнечный свет ты увидишь. Ты тогда назад повернись, сразу же на улицу выбегай, узду отвяжи, вперед на нарту быстро садись. Обо мне ты не думай. Я с Хинем хорошо ли, плохо ли поговорю, немного посижу».

Научил так мужика человек, а потом по дороге, по которой ездил Хинь, под землю на олене поехали. Приехали в город Хиня. И Лесным Богом-человеком узда была привязана так, чтобы быстро можно ее было отвязать.

«Ну, – говорит, – все, приехали в город Хиня. В дом Хиня домой войдем». И слепой мужик с человеком – Лесным Богом в дом Хиня домой вошли. Человек – Лесной Бог, человек – урманный Менк говорит Хиню: «Этого мужика глаза зачем унес? Кем ты велен, кто тебя заставил?» – «А, почему я унес? Небом попрошен, царем попрошен. Я поэтому сходил и унес. Он ведь Небо не знает и царя не знает. На семь лет оленя заговаривал, в назначенное время, в назначенный день оленя не освежевал. Поэтому унес я его глаза, он не желал смотреть глазами на небо».

Глаза мужика, нанизанные на ниточку, висели на гвозде. Человек – Лесной Бог туда быстро наклонился, схватил глаза и мужику туда, где были, глаза засунул, и тот сразу увидел свет. Ну, и как его учили, мужчина повернулся и сразу же на улицу побежал. Человек – Лесной Бог в доме с Хинем сколь-

ко-то времени разговаривал. Когда вышел, видит: мужчина с оленьей уздой все еще возится, не может отвязать. Человек – Лесной Бог узду вздернул. «Ну, садись!» – и мужик – мужчина с человеком – Лесным Богом поехали обратно, домой.

Долго ли ехали, быстро ли ехали из-под земли на лунное небо, на солнечное небо вверх прибыли. «Ну, вот, – говорит человек – Лесной Бог, – на лунное небо, на солнечное небо прибыли, теперь поедем туда, где ты жил-был». Долго ли ехали, быстро ли ехали – приехали на место проживания мужика. Оленя остановили. Вместе поели-покушали из тех запасов, что у них были.

«Ты меня знаешь, нет?» – спрашивает человек мужика. – «Я, – говорит мужик, – тебя откуда знаю?» – «Я – Лесной Бог, урманный Менк. Этого оленя ты в мыслях своих долго-коротко иметь хочешь?» И мужик тогда говорит: «Когда ездили к Хиню, услышал я все, да и ты рассказывал. Если сейчас мне поможешь, оленя вдвоем освежуем».

Лесной Бог, урманный Менк, человек сказал: «Я с твоим оленем возиться не стану. Раньше-то ты ведь каких-то оленей имел, освежевал их. Ты как-нибудь его уложи, освежуй. Все. Огня, богатыря вспомяни. Сейчас ты прозрел, докуда тебе положено, до своей смерти будешь жить-поживать. Долго ли, мало ли проживешь, меня тоже не забудь, помни всегда. Лесного зверя, речной рыбы найдешь, добудешь. Так дальше много ли, мало ли проживешь, смерть придет и тогда умрешь, дня лишнего не проживешь». И мужчина, сидя так и слушая, видит, что Лесной Бог исчез, вниз ушел или вверх, не заметил. Только оставил место, где стоял.

И остался мужик один-одинешенек. Так прожил он какое-то время и оленя каким-то образом свалил, освежевал. Много ли, мало ли он прожил. Смерть пришла, своей смертью умер. Все.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

Утром встали, я опять начал свои разговор: «Брат, сегодня каким-нибудь путем меня в деревню увези. Завтра в Юильск самолет прилетит, этим рейсом я в Белоярский полечу, а послезавтра оттуда домой полечу». – «Ну, куда спешишь, поживи немного. Завтра, может быть, жена приедет с дочерью. Она на зимние каникулы домой ее привезти в Казым уехала. Завтра наверняка приедет».

Ну, что же мне делать? Я опять замолчал, знаю, с ним спорить бесполезно. Он с детства был очень упрямым мальчиком. Это упрямство и настойчивость помогли ему выжить. После казымского восстания отцы наши увезены были. Мы, маленькие дети, остались в нужде одни. Люди, увезенные на землю Назыма, остались в одиночестве там. Ребят постарше отдали в Вершинскую школу. Там брат Петр с сестрой Дарьей учились. Тогда нас очень обижали другие ребята. Чтобы остаться живыми, защищая себя от обидчиков, мы часто дрались и кусались. Когда уж очень тяжело стало, от обид и слез Петр без еды и пищи в лес убежал. Довольно долго он по лесам ходил, бродил, ища хантыйское жилище. И однажды, так шатаясь по лесу, нашел хантыйские юрты. Идти уж не было сил, и он медленно приблизился к избушке.

На лай привязанных собак хозяин вышел на улицу, смотрит, прислушивается – никого идущего нет и шагающего не видит. Когда повернулся обратно к дому, услышал стоны человека у дома. Когда он туда повернулся, увидел мальчика. Ногами мальчик уже шагать не мог, к нему ползком движется. Хозяин поднял мальчика и в дом занес.

Так брат Петро из Вершины попал на землю Лямин (река в Сургутском районе).

Там Петр нашел себе и пищу, и еду. Там его рука – рукой стала, нога – ногой стала. Может, богу угодно было, чтобы он живым остался, и поэтому до сегодняшнего дня, по его словам, один в лесу с оленями и живет.

Так молча, сидя вспоминаю разные случаи из нашего нищенского детства. Ну, думаю, наверное, брат меня не увезет. Что делать? Встал, вышел, гляжу: день уже кончается. Брат тоже вышел, стал копаться в обозной нарте, чего-то ищет. Я туда приблизился, он повернулся ко мне и говорит: «Ну, я решил котел делать, что-нибудь сварю, ты немного отдохни». – «Отчего я устал, отдыхать? Руки просятся что-нибудь делать, только ты никакого дела не даешь, и мне надоело так, без дела, просто сидеть или похаживать».

Он мне ничего не ответил. Мешок завернул, аккуратно в нарты завязал и с кусками мяса вошел в чум. «Ну-ка, – думаю, – он – хозяин, пусть дома возится, а я за это время оставшиеся чурки расколю». Взял топор и начал с чурками возиться.

Сухое сосновое дерево в морозное небо колоть хорошо, легко. Я быстро справился с дровами, сложил в поленницу. Порядочно дров домой натаскал, у дверей чума сложил.

«Пожалуй хватит, что ты столько дров домой занес», – обратился ко мне брат. Я, улыбаясь, возразил ему: «Ты меня сегодня в деревню не увез, дома просидел, оленей искать даже не ходил. Я теперь здесь застрял. Без тебя я куда пойду? День кончился, ночь длинная. Старинных рассказов, старинных слов,

сказок ты много знаешь. Пока разговариваем, погреемся». – «Да-да, рассказ-слово-то куда пойдет. А твой пишущий бог еще живой? Я в этот вечер длинное старинное слово, длинный рассказ, или сказку, тебе рассказать думу имею».

Я обрадовался. Опять новое слово, новый рассказ слушать буду. Схватил репортер, достал последние оставшиеся батарейки, хорошенько приготовился и стал ожидать, пока он справится с домашними делами. Так прошел четвертый день.

ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

После того, как справился брат со своими домашними делами, опять подсел ко мне и сразу же, с каким-то веселым настроением начал свой рассказ:

– Когда-то в старину, в каком-то веке в одном месте жил среди лесной земли, среди топкого болота мужчина, ненец Ломсь. Голова навсегда, как снег, побелела, борода тоже, как снег, белой стала, как шкура халея (чайки) стала, как шкура весеннего халея, осеннего халея. Большой богатырь мужик был. У него было три сына. Старший сын – богатырь со всевидящими глазами – имя. Средний сын – песенный человек, сказочный человек. Младший сын – человек, режущий ноги тундрового быка, ноги лесного быка.

Долго ли, коротко ли с сыновьями жили, только женатый, семейный был средний сын. Два его сына – младший да самый старший жен не имели.

Так живя-поживая, однажды старший брат – богатырь со всевидящими глазами – старший сын говорит: «Отец наш поседел, как шкура весеннего халея, поседел, как шкура осеннего халея – состарился. Я тоже становлюсь старым. Перед моей кончиной, братья младшие, если согласитесь, раньше в облюбованный отцом соболиный лес, звериный лес отец охотиться ходил, давайте сходим туда соболя, зверя поищем». Младшие братья тогда сказали: «Ну, конечно, если такая думка у тебя стала, если такое желание у тебя есть, сходим зверя-рыбу искать. Черного соболя, черного зверя промышлять, разве плохо».

И люди готовиться стали для промысла: лыжи-подволоки ремонтируют, луки, стрелы готовят. У которой стрелы, может, оперенья нет – оперенья клеят, у которой стрелы, может, конец раскололся – конец готовят, делают. Продукты на промысел приготовили, вот укладывают все на нарты. Подготовка наконец закончена.

Наступил день, когда нарты запрягли. Перед отъездом чай пить домой вошли. Чай на стол поставили, и во время еды-кушанья мужчине – богатырю ненцу Ломсь старший сын говорит: «Отец, за время твоей долгой жизни в святую землю, может быть, ты ходил, в богатырскую землю ходил? Проезжая по какой-то святой земле, по богатырской земле, не делал ли ты зла, не убивал ли ты главу рода или чьего-нибудь отца?»

Ненец Ломсь, большой богатырь, отец, поседевший, как весенний халей, осенний халей, человек ответил: «Сынок, я долго, много лет живя, долгий век живя, святую землю обхаживал, богатырскую землю обхаживал, никакому человеку зла не делал. Всегда честно жил». – «Ну, вот-вот, – старший сын тогда ответил, – если не сделал, значит, не сделал, нам никакого дела нет».

Кончили кушать-есть. Вышли на улицу, отвязали уздечки. У старшего брата, человека, знающего воду-землю, тропинки-дорожки, было запряжено с шерстью лесных диких оленей четыре быка. Он сел в свою упряжку и отправился в дорогу ведущим. Средний брат с младшим братом с нартами лесных припасов-продуктов сзади едут. Младший брат самый последний.

Из юрты своей долго ли они ехали, только лес кончился, и началась лесотундра. Когда начали проезжать по лесотундре, средний брат с младшим видят: через дорогу наклонная сосна стоит, старший брат под наклонной сосной упряжку остановил, привязал и на наклонную сосну вверх забрался. Туда сел и всевидящим оком смотрит. Глаза полуоткрыто-полузакрыто вниз опустил. Когда братишки туда подъехали, с сосны, куда залез, вниз опустился.

«Ну, вот, – говорит, – братья, с пятьюдесятью людьми из северных ненцев война идет. Вон там, не очень далеко. Отец однажды убил человека, ненца Яве, у Северного моря. Этот большой богатырь ненец Яве был убит отцом выпущенной железной стрелой, им выпущенной оперенной стрелой. Этого мужика отец куда-то девал. Семь сыновей этого большого богатыря ненца Яве с пятьюдесятью людьми хотят отомстить нам и к нам сюда едут. Немного погодя сюда выедут». С этими словами по этой же дороге они повернули назад и домой рысью поехали.

Ну, а эти военные люди вышли по их следу на дорогу и с криками уже подъезжали к воротам загона.

«Ну, мужики, как-нибудь сохраните свои жизни, – говорит старший брат, – а я к отцу домой загляну».

И старший сын – богатырь со всевидящим глазом – к отцу домой вошел. Отцу говорит: «Отец, давеча перед отъездом тебя спрашивал. Я знал видящим оком, что когда-то тобою пущенной железной

стрелой, тобою пущенной оперенной стрелой ты убил ненца Яве, человека – большого богатыря. Сейчас у его семи сыновей руки – руками стали, ноги – ногами стали. Родовую месть, отцовскую месть искать пришли войной, с пятьюдесятью людьми. Ну, отец, убить-то – убил, зло делать-то – сделал. Теперь от дождевой воды, от ветреной воды скрыться – гуся дай, кольчугу дай мне». – «Сынок, – отец говорит, – эту весеннюю дождевую воду держащую, осеннюю воду держащую гусишко тебе не отдам». – «Ну, гуся не даешь, из красного дерева кремлевый лук дай, отец, сто стрел класть колчан дай». – «Сынок, я этого колчана и краснодеревого кремлевого лука тебе не отдам. Линявую утку, линявого гуся убивать лук мне нужен. Я, человек, остающийся в юрте без святыни, несчастный, одинокий человек, остающийся в юрте без богатырей, мне все это нужно». – «Ну, отец, если этого не дашь, хотя бы дай мне саблю. Весенний лет стряхивать, осенний снег стряхивать – саблишку». – «Сынок, – говорит, – я эту саблю тебе не отдам. Я остаюсь в юрте без богатырей – мне это нужно. Вы, если какая-то война пришла, если какие-то луки, стрелы имеете, вы своими силами как-нибудь отбивайтесь. Я это свое снаряжение вам не отдам».

После этих слов отца сын разозлился, вышел. Когда вышел, смотрит: братья снизу летящую стрелу – вниз отбивают, сверху летящую стрелу – вверх отбивают. Так от стрел отбиваются. Так маются, так стараются. С пятьюдесятью людьми ненца Яве, с семью богатырями воюют. Железные стрелы, оперенные стрелы с перьями на них пускают.

Старший сын ненца Ломсь, большой богатырь, тоже воевать начал, братьям помогать, стрелы пускать стал. «Ну-ка, ты, средний брат, – говорит он, – отец мне не дал кольчугу, лук, стрелы и саблю. Братик, ты сходи домой, может тебе отдаст». По просьбе старшего средний брат к отцу домой вошел. С младшим братом теперь старший брат – всевидящий глаз-богатырь – бьются. Стрелой, пущенной семью сыновьями ненца Яве, насквозь пробило кольчугу старшего брата, в сердце попала стрела. И мужчина слабым голосом один раз только успел крикнуть.

Теперь ненца Яве семь сыновей победный крик кричат: «Э-хэ-хэй! Мужчина – большой богатырь, ненец Ломсь! Всевидящий глаз-богатырь, старший твой сын кровяным куском свалился. Твердостволь-ной вьющейся стрелой мы его убили. Раньше, когда ты приходил в безлесное море, безбрежное море, на песчаном берегу моря, на месте токования весенних глухарей большого богатыря ненца Яве, нашего отца, тобою пущенной железной стрелой, оперенной стрелой убил, тогда ты сильный был. За это мы тебе мстим». Только так прокричали, опять воевать начали.

Домой вошедший средний сын на отца молится: «Смилуйся, отец, дай кольчугу». Отец – ненец Ломсь, большой богатырь рода, говорит: «Я это от весенней дождевой воды скрываться гуся тебе не отдам, от осенней дождевой воды скрываться гуся тебе не отдам. Я – человек, остающийся в юрте без рода, человек, остающийся в юрте без богатырей, это мне самому нужно». – «Ну, отец, если не дашь этого, то из красного дерева кремлевый лук отдай, со ста стрелами колчан отдай». – «Нет, сынок, я эти колчан с луком тебе не отдам. Я остаюсь один в юрте, один без богатырей, мне это самому нужно. Линявую утку добыть, линявого гуся стрелять лук мне нужен. Вы, возможно, какие-то луки, наверное, имеете». – «Ну, отец, лук, кольчугу, колчан если не дашь, то белый Обской воды, белый озерной воды (т.е. описательный вид стали) саблю дай». – «Сынок, – говорит, – я это тебе не отдам. Весеннюю ледяную нарту готовить (т.е. отбивать, отколачивать лед от нарты), осеннюю ледяную нарту, снежную нарту стряхивать сабелька мне, человеку, остающемуся в одиночной юрте, остающемуся в юрте без богатырей, это самому нужно». Сын тогда рассердился, вышел на улицу, видит: младший брат один сражается. Низко идущую стрелу – вниз сбивает, сверху летящую стрелу – вверх сбивает. Вдвоем сражаться стали. Немного постреляли, средний брат говорит: «Ну-ка, меньшой, сходи домой. Отец, может быть, тебе поможет, твое слово услышит. Кольчугу проси, лук, колчан со ста стрелами, саблю проси, может быть, тебе отдаст он все это».

И остался средний брат один. Низко летящую стрелу – вниз сбивает, сверху летящую стрелу – вверх сбивает. Один-одинешенек сражается. Младший брат пошел домой: «Отец, может быть, гуся – скрыться от весенней дождевой воды, от осенней дождевой воды, чешуйчатого гуся мне отдашь?» – «Смилуйся, сынок меньшой, и даже думать не думай. Я, одинокий человек, остающийся в юрте без богатырей, не отдам тебе чешуйчатого гуся, помогающего скрыться от дождя и ветра». – «Ну, отец, кольчугу не даешь, лук, стрелы дай!» – «Сынок, лук мне самому нужен весеннего гуся добывать, осеннего гуся добывать, линявую утку, линявого гуся пристрелить – лук тебе не отдам». – «Ну, отец, дай мне саблю, что белее Обской воды, белее озерной воды, саблю мне дай!» – «Сынок, сабля нужна мне, чтобы осеннюю ледяную нарту стряхивать, весеннюю ледяную нарту, снежную нарту стряхивать – саблю тебе разве могу отдать? У вас, наверное, какие-то луки, стрелы есть?»

Младший сын рассердился и весь в слезах на улицу вышел. Средний брат там, кажется, весь насквозь прострелен, кровавым куском на землю свалился. Страшно крикнуть один раз только успел.

Ненца Яве семь богатырей, семь сыновей семь раз свой победный клич опять прокричали: «Э-хэ-хэй! Ненец Ломсь, великий богатырь! У безбрежного песчаного моря, на острове, где токуют весною и осенью глухари, жил великий богатырь ненец Яве – отец наш, тобой пущенной железной стрелой убит. Когда свалил ты его, тогда ты храбрый был. А теперь мы твоего среднего сына свалили. Все, он скончался».

И теперь остался младший сын один против пятидесяти. И, бедный, низко летящую стрелу – вниз сбивает, сверху летящую стрелу – вверх сбивает.

Много ли, мало ли времени прошло, пока они сражались, только младший сын совсем обессилел, и его семь сыновей ненца Яве победили.

«Э-хэ-хэй! Ну вот, великий богатырь Ломсь, трех сыновей имел, трех сыновей вырастил здоровыми, крепкими. Однажды когда-то отца нашего погубил. Мы за это отомстили, жизни всех твоих сыновей взяли».

Великий богатырь ненец Ломсь слепой-глухой стал. Голова у мужика побелела, как шкура весеннего халея или осеннего халея. И стали эти люди думать, какую месть ему положить? Один человек говорит: «В дом войдем, за кожу головы с волосами схватим, на улицу вытащим и костяшки его же саблей перерубим». А взявший слово другой человек говорит: «Ну, зачем рубить? Он пусть сидит внутри этого дома. Сейчас слепой-глухой стал, куда он, слепой и бестолковый, может отправиться по реке или в лес? Настолько стар он. В ледяном доме, в снежном доме пусть сидит. Так, без еды-воды, медленной смертью пусть подохнет. Вот ему наказание».

Тогда люди еще думали, думали и к единому мнению пришли: «И правда, – говорит старший сын богатыря ненца Яве, – если сразу убьем, он обрадуется, что теперь-то сразу скончался. А так, без еды-воды много ли, мало ли проживет и, мучаясь, скончается. Тогда он до самой смерти помнить будет о светлых днях, когда был здоровым человеком. И будет знать: за то, что убил ненца Яве, осужден он на такую смерть».

После того, как ненца Ломсь таким судом осудили, принадлежавшее ненцу Ломсь стадо оленей домой пригнали, захватили и с собой увели.

Когда ушли военные люди, ненец Ломсь стал жить-поживать со снохой – женой среднего сына. Какой теперь из него, слепого человека, рыбак, какой охотник? Дома сноха его так, как-нибудь содержит.

Долго жили, коротко жили, кто знает. Однажды сноха сына родила. Сын подрастал понемногу, любил песни и сказки. Прошло какое-то время, сынок на улице, дома ходить, бегать стал.

Однажды мать от стружечной палки лучок и стрелы сделала. Мальчик из лука стрелами постреливая, днем на улице ходить стал. На улице ходит, маленьких птичек постреливает. К вечеру пернатых птичек домой тащит. Дедушке дает для показа.

«Ты, внучек, этих зверят как добываешь?» – дед его спрашивает. – «Да, мне мама лук, стрелы сделала. Из этого лука стрелами постреливаю. Добытых птичек домой несу». – «Да, добывать-то неплохо, стрелять-то неплохо. Ты на промысел сходи. Хорошо, что добываешь, лишняя еда не повредит, без еды-воды плохо жить людям. Ты только дальше, – продолжает дедушка, – не ходи стрелять в большую лиственничную рощу, что позади дома находится. В эту столиственничную, многолиственничную рощу идти нельзя».

Много ли, мало ли так прожили, кто знает. Маленький мальчик вырастает и с помощью матери из военного дерева, из кремлевого дерева какой-то коромыслообразный лучок делают, из стружечной палки стрелы делают. Так со временем сын еще сильнее, еще храбрее становится. Рыбаком становится, охотником. У тундрового быка, лесного быка ноги резать стал. Поймает рыбу и домой несет. Лесного оленя, лесного быка добудет – домой несет. Мать тоже помогает. Так вдвоем пищу богатую добывать стали. Долго ли, мало ли жили, через некоторое время мальчик юношей стал. Однажды, похаживая, задумался юноша: «Почему дедушка меня не пускает за дом к лиственничной роще?»

Как-то утром встал, решил сходить к сталиственничной, многолиственничной роще. Пришел, осматривает рощу, на верх вершины лиственниц смотрит. И тут он увидел. Оказывается, три головы вверх, на верхушки лиственниц воткнуты. Самая большая голова воткнута на вершину самой высокой лиственницы. Человечья голова поменьше воткнута на вершину лиственницы чуть пониже первой. Самого меньшего богатыря голова воткнута на вершину лиственницы средней высоты.

Видит юноша, что густые черные волосы на их головах поседели, как шкурки весеннего халея, обветрились, как шкурки осеннего халея. Вот это богатыри так богатыри были, люди так люди были!

После того, как он все это увидел, пошел юноша домой. Домой пришел и деду говорит: «Дедушка, я сегодня кое-что видел». Дед слепой-глухой спрашивает: «Внучек, что ты видел? Ну-ка расскажи». – «Ну, конечно, расскажу. Ты мне сказывал, чтобы я не ходил в местность, где растут сто лиственниц, туда ходить, мол, нельзя. Сегодня я вспомнил про твой запрет и сходил туда, погулял, на вершины лиственниц посматривал. Там увидел, что на верхушки лиственниц три головы воткнуты. Одна голова довольно большая – на вершину самой высокой лиственницы воткнута. Голова поменьше воткнута на вершину лиственницы чуть пониже. Потом третья голова – воткнута на вершину лиственницы средней высоты. Три головы. Это чьи головы?»

«Ну, откуда я это знаю?» – говорит дедушка. И старик слепой, как ни старался промолчать, промолвил: «Внучек, – говорит, – рассказать-то, конечно, расскажу, сказать-то, конечно, скажу». Внук тогда и говорит: «Ну, расскажи, чьи это головы висят?»

И слепой-глухой мужик начал рассказывать. Внуку говорит: «Самая большая голова, которая стоит на вершине самой высокой лиственницы – это, запомни, – голова старшего дяди твоего. Его голову и воткнули на вершину самой высокой лиственницы. А голова, находящаяся на вершине лиственницы что пониже – ты отца имел – это голова твоего отца. А на вершине средней лиственницы находится голова – это голова брата твоего отца – тебе двоюродный брат. Вот так в сражении с северными ненцами убиты твой дядя, отец и брат его. Военными людьми северных ненцев туда их головы воткнуты».

А юноша опять спрашивает: «А эти – дядю, отца, брата убившие люди, в какой земле живут?» – «Э-э, внучек, еще руки твои слабы, ноги твои слабы, чего спрашиваешь? Руки пусть сильными станут, ноги пусть сильными станут. Тогда расскажу все, куда денусь?» Ну, внуку так все объяснил дед, и юноша перестал спрашивать. Пошел опять рыбачить и охотиться. В лес пойдет – лесного оленя, лесного быка убивает, рыбачить пойдет – речную рыбу находит, добывает.

Вот и осень наступила. Пришла пора на лыжи-подволоки стать. В один из дней лыжи-подволоки направил, думает: «Если бы сходить подальше на совсем незнакомую землю, невиданные водные просторы еще повидать бы».

И однажды утром, надев лыжи-подволоки, пошагал юноша в неведомые края. Сколько времени шел он так по лесу, кто его знает. Вдруг увидел он сквозь деревья чистое место, туда пошагал, видит: «Вот это есть река так река, уж вода так вода!» Настолько широкой река оказалась, что другого берега еле видит. Вниз посмотрел, оказывается, стоит он на высокой горе, а под горой – полынья. И юноша, осмотревшись, лыжи-подволоки снял, спустился вниз под гору, к полынье. Думает: «Надо бы посмотреть, в какую сторону эта река течет?»

Спустился вниз и присматривается. Оказывается, река в сторону заката солнца течет. На полынью вниз смотрит, какие-то рыбы, большие рыбы в ней ходят. Одна большая рыбина подплыла близко, выстрелил он из лука – вверх всплыла. Спина, оказывается, с рубцами была, на берег рыбу выбросил. Еще постоял, еще одна большая рыба подплыла. Выстрелил. Опять попал. Со стрелой на берег выбросил. Насколько только силы хватило, чтобы нести, тащить эту рыбу на себе, столько из лука ее пострелял. Рыбы вместе нанизал, на вершину горы приволок. Нанизанные рыбы поднял и на свою землю домой пошагал.

Долго ли, коротко ли шел, в дом с вереницей нанизанных рыб пришел. Дедушке говорит: «Я каких-то рыб тут принес, ты посмотри, хоть ты слепой, а так, наощупь, рукой попробуй». «Это, внучек, – говорит дед, ощупывая первую большую рыбу, – на ее спине рубцы, костяные бока, это осетр, однако». После вторую добытую крупную рыбу дедушка наощупь попробовал – нельма. Кроме этого, другие рыбы: сырки (пелядь), муксуны были.

Мать из осетровой рыбы, нельмовой рыбы в котле уху варить поставила. После еды юноша дедушку спросил: «Дедушка, а как меня зовут?» Дедушка отвечает: «Я глухой и слепой, откуда знаю, как тебя зовут?» – «Ну, дедушка, ты старый человек, какое имя произнесешь, то моим и будет».

Дедушка, замкнувшись, долго думал и так внуку говорит: «Вот твое имя: если весна наступила, будь богатырем по имени весенней воньзи, весенней рыбы. Если осень наступила, осенней рыбы, осенней воньзи богатырем будь. Вот твое имя». Внук дедушке говорит: «Ну, тогда вот мое имя: если весна наступила – весенней воньзи богатырь, если осень наступила – осенней воньзи богатырь». Много ли, мало ли они так прожили, и юноша почувствовал себя парнем – мужчиной. Однажды деду говорит: «Дедушка, за моего отца отомстить, за род свой отомстить я задумал. За брата, за дядю отомстить я задумал». Дедушка ему говорит: «Внучек, еще руки хрупки, ноги хрупки. Еще немного поживи». – «Нет, – говорит, – сейчас постоянно я думать о том стал, где искать убийц моего отца, убийц моего рода?» Дедушка опять ему говорит: «Немного подожди, еще поживи. Рука пусть окрепнет, нога пусть окрепнет». – «Нет, дедушка, все, решил я идти. Все. Расскажи мне, в какой стороне земли, на какой реке они, убийцы, живут».

Дедушка – человек слепой, глухой опять задумался, долго думал. И только когда внук сильно, настойчиво стал спрашивать, начал рассказ свой: «На месте, где ты когда-то рыбу ловил, маленькая или большая была река?» – «Широкая, просторная река, – внук говорит, – в сторону заката солнца течет». – «А-а, это и есть широкая, многоводная, богатая рыбой, множеством быков проторенная обильная Обь. Ты обскую рыбу приносил. Да, это Обь. Ты быками проторенную обильную Обь к устью веди. Пойдешь к устью Оби, а эта Обь впадает в огромное необозримое море. Там, где Обь впадает в море, с крупнопесчаного, мелкопесчаного мыса, выходящего в море, человек с хорошими глазами, в хороший ясный день увидит: посредине моря намытый течением, ветром каменный мыс, просто вымытый каменный мыс, каменный остров виднеется. Живут семь сыновей великого богатыря ненца Яве на этом каменном острове. Человек пешком туда не дойдет. Человек, у которого есть лодка, этот, глядишь, на лодке как-нибудь доедет. Вот это и есть земля, где они живут».

Как-то в один из дней внук и говорит: «Дедушка, отдай мне чешуйчатого гуся, чтобы от весеннего, осеннего дождя скрыться». – «Внучек, сжалься. Не отдам я тебе чешуйчатого гуся. Я – человек, сидящий в этой несчастной юрте без богатырей, мне самому нужен гусь, чтобы скрыться от дождя и ветра». – «Ну, дедушка, тогда из красного дерева кремлевый лук мне отдай, колчан со ста стрелами мне отдай». А дедушка опять говорит внуку: «Нет, внучек, помилуй меня, сжалься. Линявого гуся стрелять, линявую утку убивать из красного дерева кремлевый лук мне самому нужен. Мне, человеку, сидящему в одинокой юрте, сидящему в юрте без богатырей, эти предметы, которые испокон веку мне принадлежали, мне нужны, тебе не отдам, жалость во мне не вызывай». – «Ну, дедушка, если не дашь кольчугу, лук, стрелы, тогда отдай саблю». – «Милый внучек, будь добр, сжалься. Весеннюю ледяную нарту, снежную нарту стряхивать сабелька мне нужна. Сидящий в одинокой юрте без богатырей, владею я с давних времен этим имуществом, даже не проси, не отдам». – «Что поделаешь, не дашь так не дашь», – ответил внук.

Для хождения по большой воде, для долгого путешествия по земле мать сшила сыну кисы и чижи. Сын оделся, снарядился. Настало время отправляться в путь. Из стружечной палки лучок взял, из стружечной палки стрелы взял, к дедушке подошел: «Ну, дедушка, все. Я – человек, задумавший отомстить за род свой, человек, задумавший отомстить за отца, пойду». – «Ну, что же сделаешь, тебе решать, пойдешь так пойдешь. Где уж человеку, сидящему слепым, где уж мне увидеть место, куда ты идешь. Внучек, я сейчас, перед твоим уходом хочу тебе сказать несколько слов, послушай».

Внук приготовился слушать. И дедушка начал свой рассказ: «Вот выйдешь к устью многоводной, обильной Оби, потом к морю. Вдали, посредине моря, увидишь каменный остров, похожий на каменный мыс. Мыс похож на пустую мерзлую гнилую голову, на пустую мерзлую собачью голову похож мыс. Вот там и сидят семь сыновей ненца Яве. Сверху они не пропустят ни одну летящую птицу, а на земле – ни одного бегущего ногастого зверя. Они очень сильны. Храбры. По крупнозернистому, мелкозернистому песчаному берегу туда-сюда похаживай, весенней водою, осенней водою приплавленное дерево ищешь, однако ничего не найдешь. Так туда-сюда присмотрись и увидишь, откуда-то к тебе выше колен белый медведь, большой медведь идет. Так вот этими, которыми добываешь птицу, лесных быков, луком и стрелами убьешь его. Только не бойся, стреляй. Если удачливым охотником станешь, шкуру сними, а тушу в чащу тальника тащи и каким-нибудь кустарником прикрой, и так оставь.

Когда освежуешь, снимешь шкуру с медведя, на воду положишь и на шкуру сразу же соскакивай. Потом шуба понесет тебя к каменному мысу, на каменный остров. Когда пристанешь к пристани, на берег сойдешь, из медвежьей шубы водичку стряхни, в карман засунь. Так, стоя на пристани, увидишь большого богатыря ненца Яве младшую дочь, семи сыновей ненца Яве младшую сестренку, идущую за водой с двумя ведрами. Как только она тебя увидит, сразу остановится.

Ненца Яве семи богатырей младшая сестренка на тебя будет смотреть. И, наконец, заговорит: «Эй-я, из далекой земли великого богатыря ненца Ломсь младший внук пришел сюда. Великим богатырем ненцем Яве, отцом моим оставленные семь братьев в небе крылатых птиц не пропустят, на земле ногастого зверя не пропустят. Железная стрела, пущенная кем-нибудь из братьев, до мыса деревни тебя поднимет и убьет тебя».

Ты тогда не проявляй мужского упрямства, не возражай. Она – эта девушка, идущая за водой, домой не повернет, как шла, так к пристани и пойдет. Ты ее дорожку, ее путь выследи, в город иди. Как пойдешь, в ее дом первым заходи. Все. Если что-нибудь захочешь себе выбрать, выбирай. Если выберешь, то с этой девушкой как будто чья-то мать, чей-то отец вас вместе соединил, жить будете.

Так, живя с тобой, великого богатыря ненца Яве младшая дочка как-то скажет: «От семи концов земли семью сватами сватана была, семь сватов приходили ко мне. От шести концов земли шестью сватами сватана была. Как только лето наступало, храбрые воины с храбрыми сватами приходили. Много дерева

от их лодок на деревенской пристани валяется, заросли они мхом, ягелем для еды быков, для еды зверей. Если зимние дни наступали, храбрых воинов от храброго свата костяная нарта прибывала. Много дерева от нее осталось, заросло мхом, ягелем для еды зверей и быков. А ты, мужичок, слабый, бессильный, куда ты уйдешь? Хотя ты меня и взял, в любви с тобой живем. Но все равно вверх пути тебе нет, вниз пути тебе нет. От братьев моих не убежишь, не уйдешь».

Ты только не упрямься, не возражай, будь спокойным мужиком. Живи, пока живется. Когда-нибудь день наступит, ты к младшей дочери ненца Яве, к подруге обратишься: «Ну, внутри запертого дома до каких пор буду сидеть? Ну-ка, я сегодня на улице погуляю».

Они живут в городе, огороженном частоколом. С наружной стороны городского частокола пойдешь и в кармане лежащую медвежью шубу наденешь, и медведем станешь. Деревенские собаки, городские собаки тебя начнут, облаивая, гонять. Одну кучу собак сюда, другую кучу собак туда разгони. Люди деревенские, городские тебя увидят. Большого богатыря ненца Яве старший сын увидит тебя. Он потом домой войдет, кольчугу и прочее снаряжение наденет, стрелы возьмет. Ты после, когда он с луком придет, в лес убегай.

Когда будешь уходить в лес, вот так иди: во время натягивания тетивы и пускания стрелы открыто покажись, после от одного дерева за другое прячься, так в лесную чащу, в лесную травяную чашу, вглубь леса веди. Когда он далеко удалится, то сильно вспотеет, тебя нагоняя. И мужик рассердится, потом скажет: «Ну-ка, погоди, я сейчас кольчугу сниму и саблей тебя разрублю. Рубану – и ты кончишься, и некуда больше тебе будет идти».

Когда он возьмется за саблю, ты тогда настолько убавь скорость, что вот-вот тебя зарубит; когда замахнется саблей, ты увернись, отпрыгни. Так от лука, стрел, кольчуги дальше уведешь и все – тогда и убегай. Кругом обойдешь, когда придешь к его луку, стрелам, кольчуге, наденешь кольчугу, его лук, стрелы возьмешь. На голое тело, как озёрной глади, на голое тело соровой глади пустишь стрелу. И тут убьешь его, кожу головы с волосами снимешь. После того, как тебе в руки достанутся большого богатыря человека ненца кольчуга, лук и стрелы, после этого ты сам хозяин. Хорошо ли, плохо ли дальше сам думай, что делать будешь».

***

«Ну, что, немного отдохнем?» – когда сказку довел до этого места, брат вдруг промолвил и сразу же к печи повернулся. Я сидел, накрывшись шубой, мне тепло. Он спиной сидел к двери чума в рубашке и, наверное, от морозного воздуха, идущего от дверей, очень замерз. Печка давно уже погасла. Он около дверей взял несколько поленьев и в печку положил, затем чайник опять поставил.

Немного погодя, мы опять ночью стол сделали, сели пить чай. С помощью горячего чая и печки мы снова согрелись. От стола немного отодвинулись, и я опять стал его ожидать. Так сидя, думаю, может, хватит, дальше известно, что случится в этой сказке. Потом другие мысли ко мне пришли: нет уж, я знаю, что среди грамотных ханты есть такие люди, которые научились разные дела быстро делать и, наверное, читая эту старинную сказку, думают: «Зачем снова рассказывать, итак ясно со слов дедушки, чем закончится эта сказка. Нужно было здесь и заканчивать». Однако не спешите – сказка есть сказка. Каждое старинное слово, старинный рассказ, сказка по-своему, по-иному могут заканчиваться. Поэтому я, рассказанную мне в четвертую ночь Петром-братом сказку, дальше поведу и закончу. Я вложил в репортер новую кассету и начал дальше записывать.

– Ну, юноша дедушкой так обучен был. Потом матерью в одну щеку поцелован, в другую щеку поцелован, обнят и дедушкой тоже. И юноша пошагал. Долго ли шагал, коротко ли шагал, к устью Оби пришел.

К устью Оби пришел, посматривает: правда, оказывается, к морю выдавшийся голый песчаный мыс. На песчаном мысу сюда шагает, туда шагает. Хотя и ищет весенней водой или осенней водой приплавленное дерево – ничего похожего на дерево не находит. Вперед посматривает, а мыс действительно выглядит, как замороженная гнилая голова, как будто собачья голова, глазами-то хотя и видит в тумане, но как идти?

Мыс, где сидят семь богатырей ненца Яве, похож на зимой замороженную ледяную кучу. «Каким путем, – мысленно думает, – туда приду, доберусь? Хотя бы просто так, посмотреть, мне, простому человеку. Они – семь богатырей – крылатых птиц не пропускают, ногастый зверь пройдет – ногастого зверя не пропускают. Семерых богатырей победить, где уж там мне – обыкновенному простому человеку?»

Так думая, посматривает: к морю, выдающемуся мелкопесчаному мысу, к морю, выдающемуся крупнопесчаному мысу, оказывается, откуда-то здесь появился большой медвежище, шагает по песчаному берегу рядом с морем. Он же к нему все шагает. Ну что, боится, но куда деваться? И медведь все по берегу моря по песчаному берегу медленно навстречу все шагает.

Какие уж у него ловушки: из какого-то старого военного дерева, кремлевого дерева сделанный лучишко и из стружечной палки – стрелы. Когда уж совсем близко подошел медведь, думает: «Сказанное дедушкой слово, а ну-ка, пущу стрелу». Когда медведь близко подошел, какую-то стрелу с железным наконечником из стружечной палки зарядил. В нужное место туда пустил. И медведь мордой вперед свалился.

Медведь ему достался. По рассказу дедушки шубу снял, на берег куда-то тело медведя в чащу кустарника затащил, ветками кустарника прикрыл, медвежью шубу в воду постелил, на медвежью шубу прыгнул, и медвежья шуба его подняла. На мыс, похожий на замороженную гнилую голову, где находятся семь сыновей, семь богатырей ненца Яве, все туда плывет, несется.

На пристань городскую приехал, медвежью шубу от воды стряхнул и в карман засунул. Так постаивая (стоя), на сушу посматривает: семи богатырей ненца Яве младшая сестра, оказывается, в двух руках два ведра держа, вот вниз – за водой бежит. Когда его увидела, ненца Яве семи богатырей младшая сестричка остановилась, смотрит: «Эй-я, – говорит, – большого богатыря ненца Ломсь, от среднего сына оставшийся мальчишка, большого богатыря ненца Ломсь внук долго шел по земле, долго по воде ты шел. От ненца Яве оставшихся семи богатырей, от семи братьев моих вверх идти – не пройдешь, вниз залезть – места не найдешь. Железной стрелой пущенной которым-то из них, от мыса по пути стрелы поднимешься, от деревни по пути стрелы поднимешься. Долго водой ты шел, коротко по земле ты шел, место гибели вот тут».

Ну, а человек не стал упрямствовать. Ненца Яве семи богатырей младшая сестра за водой пошла, а он – на берег. И девушки путь выслеживая, пошел туда в дом, где живет девушка, туда вошел.

Ненца Яве семи богатырей младшая сестра с ведрами воды домой пришла. Какой матерью вместе посажены, каким отцом вместе посажены. Целовались, обнимались, дальше ночевать, дальше жить стали. В закрытом помещении так и живут.

Долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает. Так живя, жена говорит мужу, внуку большого богатыря ненца Ломсь: «Придти-то, хотя и пришел в этот город на каменном мысу, на земляном мысу. Если зимний день наступал, зимой прибывших храбрых сватов хороший конец: бычьих нарт деревянные обломки, звериных нарт деревянные обломки, когда сюда шагал, сюда шел, наверное, видел? Бычьей еды ягель, мох, звериной еды ягель, мох там растет. Когда летний день наступал, если приходил храбрый воин, храбрый сват, лодочного дерева концы, лодочного дерева обломки травой-муравой обрастают, бычья еда, зверя еда на городской пристани там растет, там образуется. А кто ты есть, мужичок, куда ты денешься. Все равно от ими – братьями – пущенной железной стрелы не скроешься, не уйдешь».

Ну, а парень ничего не сказал, промолчал.

Долго ли жил, кто его знает. В наступивший какой-то день остроглазой богатырской дочери, жене, говорит: «Человек, шедший из далекой земли, человек, шедший из далекой воды, постоянно внутри закрытого дома до каких пор будет жить. Я братьев твоих посмотреть тоже хочу, на улицу города выбраться». – «Ну, выбирайся, сходи, – говорит жена, – не все же внутри дома жить».

И мужчина из дома на улицу вышел. Город, огражденный частоколом, с наружной стороны обошел. Перед приходом к воротам города достал медвежью шубу, на себя напялил. Стал большим медведем. Деревенские собаки, городские собаки на медведя напали. Одну собачью свору разогнал, другую собачью свору разогнал. Деревенский, городской народ: малые – менее громко, большие, взрослые – громко кричат: «Это, – говорят, – откуда пришел большой медведище?»

Большого богатыря ненца Яве старший сын догадывается, узнает. Домой, в дом забежал, надел кольчугу, лук, стрелы взял. Братьям своим говорит: «Что там делать с таким болынелапым зверем. Я один пойду и все прикончу. Вы даже не ходите».

Ну, этого зверя, медведя догонять стал. Когда он стал приближаться к зверю, тот еще дальше пошел. В середине леса в травы забрался. Вставит стрелу для пускания (для стрельбы), от одного дерева за другое дерево прячется, от одного дерева за другое бежит. Мужик догонял, старался, измаялся. Вдруг чувствует, что никакой большой силы, однако, у него нет. Думу задумал: сниму кольчугу, лук, стрелы, сюда в кучу с кольчугой положу и одной саблей медведя зарублю.

И мужчина снял кольчугу, лук со стрелами, все в кучу сложил. Саблю схватил, опять закричал: «Ах, ты, родовой священный зверь, богатырский священный зверь был, давеча пущенной стреле не поддавался. А сейчас попробуй-ка, спрячься за дерево, за траву. Я тебя, кровяной зверь, на две половины, пополам зарублю».

И мужик медведя преследовать стал. Только приблизится, чтобы зарубить, саблей рубанет, рубанет, а медведь дальше прыгнет – опять ничего.

«Ну, погоди, все равно, кровяной зверь, на две половины пополам зарублю, пополам рассеку». Опять саблей рубит – опять ничего. Все дальше в глубину леса ведет его зверь.

Так, рубя медведя, все в лес уходит, а медведь вдруг быстро понесся, только сучья деревьев качнулись. По следу ушедшего медведя шагает большого богатыря ненца Яве старший сын. А медведь, оказывается, издалека повернул туда, где он оставил кольчугу, лук и стрелы. Когда туда пришел, этот человек, оказывается, оделся, снарядился: богатырь так уж богатырь, человек так уж человек. Лук, стрелы – сто стрел в колчан сложил этот человек, на спину колчан положил. К краснокремлевому луку, оказывается, твердоствольную, крепкоствольную стрелу вложил.

«Ну, вот все, был ты старшим сыном большого богатыря ненца Яве. Потом говорили, будто, если крылатая птица полетит, крылатая птица от тебя не уходила, если ногастый зверь бежал, ногастого зверя не пропускал. Теперь от меня попробуй уйти». И человеком пущена была стрела прямо в сердце, только один раз крикнул и упал. Туда подошел, ободрал (снял) кожу с головы с косами, за поясной ремень завернул.

И мужичок с этим в город пошел, пошагал. Город обходит, оказывается шесть сыновей от страха, как быки, в чащу с деревьями, в лес с травами убежали. Сзади их преследовать стал. В одном месте на двухгривом, трехгривом лесном холме, травяном холме двух старших братьев догнал. Из лука выпущенной крепкоствольной, сильноствольной стрелой вместе нанизаны. Предсмертным, отходящим стоном один раз только простонали братья и на землю упали. Туда подошел, ободрал, содрал с голов кожу с косами, за поясной ремень заткнул. Затем средних братьев сзади выслеживать стал, догнал. Гладкоствольную, сильноствольную стрелу пустил, вместе нанизал. Мертвенным, уходящим женским голосом один раз только прокричали, вниз опустились, упали. Туда сходил, с голов с косами хорошие шкуры саблей кругом обрезал, выдернул, за пояс повесил. Потом за оставшимися двумя богатырями вслед пошел и сзади догнал самых младших братьев. Долго догонял или коротко догонял, но догнал. Твердоствольную, сильноствольную стрелу выпустил и пронзил обоих.

Впереди шагавший братишка говорит: «Брат, что с тобой случилось, на меня напал, за меня схватился?» – «Не я напал. Это маленьким внуком большого богатыря ненца Ломсь мы из лука весенней прочности, из лука осенней прочности твердоствольной, сильноствольной стрелой оба вместе нанизаны». Предсмертным, отходящим из горла стоном один раз только простонали. Шкурки, кожу голов с косами человек за пояс повесил.

А человек настолько обозлился, рассердился, мстит мысовому, земляному острову семи богатырей. Приходит к воротам священным города священного, уничтожает род богатырей Яве, семьи семи братьев. Девичьи жизни порешил, мальчишьи жизни порешил. В морскую воду девичьи останки вылил, мальчишьи останки вылил. Огнем обгоревшие семь столбов в семи местах поставил. И только после этого пошел к жене – дочери ненца Яве. Из-за пояса выдернул кожу головы старшего брата с косами и ей бросил. «На, – говорит, – когда-нибудь после, когда дальше жить будешь, если без толстых жильных ниток останешься, вот тебе толстые жильные нитки». И других братьев головные кожи все ей на колени выбросил. Семи богатырей младшая сестрица трехголосый несчастный плач выплакала. Слезы вытерла, все дальше жить надумали.

Маленький внук большого богатыря ненца Ломсь оставил из городских необходимых ему людей. С помощью этих людей стал грузиться на корабли, которые имели семь богатырей ненца Яве. Хорошее богатство имели, хорошее их богатство грузили. На корабли сели и поплыли к Оби. Внук богатыря ненца Ломсь решил к верховью Оби ехать.

Долго ли ехали, коротко ли ехали, однажды смотрит: раньше, когда-то в возрасте, когда был молодым, во время хождения в поисках зверя, как будто выходил на эту гору. Людям, едущим на кораблях, говорит: «Ну-ка, к этой горе пристаньте (причальте). Я здесь на берег подняться хочу, на берег сходить надо, дело есть». Сюда причалили. Людям говорит: «Долго ли, коротко ли прохожу, но с этого причального места никуда не уезжайте. Я приду».

И человек вышел на берег и пошагал. Долго ли шел, коротко ли шел, приходит к месту, где жила мать, дедушка – большой богатырь ненец Ломсь. Три угла дома, оказывается, обвалились, один угол дома – угол с чувалом остался. Если наступил летний день, с конца водяного (мокрого) посоха водичкой капнул, глазок огня (искорка) погас. В углу дома слышится: «Э-э, внучком или сыночком виденная искорка огня, с какой-то земли пришедшей дождевой каплей, водяной каплей капнула, совсем погасла».

Внук тогда говорит: «Бестолковые рода отца-матери, не прошло и трех дней, как я ушел, у вас огонь погас». Мать выскочила, поцеловать хотела, обнять, а сын схватил ее на небо-тучи подбросил ее вверх. Сходила, полетала она до ясного голубого неба, до туч, когда упала, так помолодела, что концы нюки (кожаная одежда) по земле тащатся, платок по земле тащится. Такой маленькой девчонкой, маленьким ребенком стала.

Дедушка, человек слепой-глухой, со внуком целоваться, обниматься хотел, внук подбросил его. До голубого неба, до туч поднимался дедушка. Когда упал на землю, конец малицы по земле тащится. Настолько помолодел.

Дедушку с матерью с собой увел. Пришли на пристань, к лодке. Дедушку, мать на корабль посадил. Стали ехать на верховье двадцать быков пробежавшей обильной Оби, много быков пробежавшей рыбной Оби на верховье.

Долго ли ехали, однажды видят на солнечной стороне такой прекрасный сор (озеро). Посредине озера березовых семь островков. Мать говорит: «Я, сынок, на этой земле, в этом озере, на этой воде останусь. Простых берез семи островках, кремлевых берез семи островках посредине останусь. Девушкам молиться, парням молиться, матерью Калтась (хантыйская языческая богиня) здесь останусь».

Двадцать быков пробежавшем на верховье обильной Оби, много быков пробежавшем на верховье рыбной Оби, долго ли ехал, коротко ли ехал, однажды приехали на богатые луга. Дедушка говорит: «Я большим небесным отцом велен быть рогатых быков жертвоприношения богом, богом застолья костяных быков. Это и есть мне моленая (веленная) земля, мне здесь сидеть. Сто монет сюпров (сюпр, сипр, возможно какая-то народность, отсюда и Сибирь), сто монет камров (тоже какая-то народность) звонкий мыс, мыс, похожий на бегущего коня, мыс, похожий на идущего коня, зубастым жубником буду я».

Внук дедушке говорит: «Я тоже – человек живущий». Тут от двадцать быков пробежавшей рыбной Оби в ту сторону (левую) сворачивает Лэв – Сосьва. В эту Сосьву приплыл. Сосьва на две реки разделяется после Оби. По малой Сосьве долго ли ехал, на верховье Малой Сосьвы был мыс высотой в семь лиственниц, мыс высотой в шесть лиственниц, туда приехал. Со святыми воротами большой город, с богатырскими воротами город там построил. Там сел малым богатырем – рогатых быков, костяных быков жертвоприношения богом, с изображением когтистых зверей, зубастых зверей. Осенних глухарей токование мысу, весенних глухарей токование мысу, на мысу высотой в шесть лиственниц, на мысу высотой в семь лиственниц там сел. Все. «Ну, что, все?» – «Да, все, закончил».

Я долго молча сидел, думая о только что рассказанной мне сказке. Многое понял и узнал о богах и местах жертвоприношения языческой веры. Видимо, места гибели или смерти древних героев-богатырей становились святыми местами. Об этом мы довольно долго разговаривали ночью, только потом уже решили поспать. Потушили лампу, и, лежа в темноте, я еще долго думал о рассказанной мне сказке-легенде.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Утром встали, попили чайку и сидим так просто, разговаривая о житейских проблемах. Сидя у печки, греюсь и наблюдаю за братом. Сегодня он очень хмурый, медленно двигается по чуму, видимо, ему очень тяжело. Болят кости к перемене погоды, когда-то несколько лет назад переломленные упавшим на него деревом. На мой вопрос о здоровье, он, улыбаясь, ответил: «Нет, – говорит, – ничего не болит, а просто лень пришла». Однако смотрю, как он тяжело поднялся, медленно надел малицу и вышел на улицу. Я тоже оделся и вслед за ним выхожу из чума.

Вышел, смотрю: брат в обозной нарте что-то ищет. Приблизился. «Дровишек решил попилить, – говорит, – дрова пилящую машину достаю – бензопилу». – «Пойдем вместе». – «Если есть желание, сходим».

Поднял он бензопилу на плечо и отправился к воротам загона, а я за ним сзади плетусь. По оленьей дорожке прошли несколько метров, и он повернул в сугроб, оставляя довольно длинные следы. Я за ним иду, протаптывая тропу. От дороги в метрах десяти большая сухая сосна лежит, сверху только сучья видны, видимо, недавно прошедшим бураном, снегом замело, дерево спилено чуть раньше было. Подошел он к комелю и начал распиливать на чурки. Я по длине лежащей сухой сосны, растаптывая снег с двух сторон, двигаюсь к вершине. Он меня сзади догоняет, бензопилой, быстро сосну распиливает. Когда закончил распиловку дерева на чурки, я его спрашиваю: «Эти чурки я домой потаскаю?» – «Нет, – говорит, – пусть лежат, после я на нарте привезу».

Посматриваю, до чума метров пятьдесят, какое это расстояние, за день потихоньку до чума можно дотащить. Хотел поднять чурку. «А ну, брось! Зачем из глубокого снега на себе тащить?» – говорит он мне. С этим он положил бензопилу на плечо и обратно пошагал. Я, желавший таскать чурки, после его слов, размахивая руками, за ним следом пошагал.

Пришли к чуму. Перед дверьми чума лежало несколько бревен, и он начал их распиливать на дрова. Я молча схватил топор и стал колоть чурки. Брат закончил распиловку бревен и бензопилу аккуратно вложил в обозную нарту, вошел в чум. Я еще некоторое время колол дрова, сложил их в поленницу и после расколки оставшиеся щепки аккуратно подобрал и занес домой. Я с детства хорошо помню и знаю, что около дома или в лесу, если что делал, то землю за собой прибери, оставь чистой. Возможно, поэтому в юртах, где живут ханты, ни зимой, ни летом щепок не увидишь, мусора не найдешь. Вошел в чум. Брат, пока я колол дрова, приготовил обед. Мы сели есть горячую пищу. Пока кушали-ели, смотрим, что в чуме уже становится темно. Опять наступает зимний вечер.

ПЯТАЯ НОЧЬ

Сидим в полутемноте, разговаривая о житейских проблемах. Потом брат поднялся, зажег лампу, положил в печку несколько поленьев и опять подсел ко мне. Сидя рядом со мной, вдруг сказал: «Ну, что, вечер наступил. Опять одно старинное слово, старинную сказку-рассказ тебе расскажу». Я взял репортер, заменил кассету и приготовился слушать и записывать. Сказку пятой ночи он начал так:

– На берегу божьей реки, священной реки живет царь. Он трех сыновей имеет. Младший сын Ратпар-Хишпар сидит возле очага, на печке лежит, так и живет. Братья водяную сторону обходят, лесную сторону обходят. Красного зверя добывают. Тундрового быка ноги режут, лесного (таежного) быка ноги режут.

Отец, проживший свой век, накопил много золота, много денег. Целый (полный) амбар красных денег имеет, целый амбар белых денег, целый амбар золотых денег имеет. Кроме этого, полных мукой, полных рыбой семь амбаров имеет. Сколько-то стад лошадей-коней, коровье стадо имеет. Еще имеет овечье и свиное стадо. Кроме него на ближней земле богаче человека и близко нет. Так долгое небо прожили, короткое небо прожили, однажды царь, отец зверя, ищущим сыновьям говорит: «Вы, сыновья, сейчас живя, ночь наступит, какой-нибудь сон, чтобы вам приснился. Еще долгий век проживем или короткий век проживем, может, бедными станем? Это дело сном высмотрите».

Раптар-Хишпар, младший сын, какой с него человек, обходящий водяную сторону, обходящий лесную сторону? Все на печке лежит слюнявый, сопливый, маленький мальчик (сын).

Как сокол долго парящий в небе; как орел долго парящий в небе, такую же долгую ночь послало небо. Сыновья легли спать. Наступило светлое утро. Повара, снохи стол накрыли, приготовили, поели-покушали. Кончили есть-кушать. И мужчина-царь сыновьям говорит: «Ну, что, сыновья, вы в эту ночь какой сон видели? Если какой-то сон видели о дальнейшей жизни, эти сны расскажите мне. Ну, старший сынок, ты, может, сон видел, начни, расскажи».

Старший сын немного посидел, подумал: «Я, отец, сон видеть-то видел. То ли хороший сон, то ли плохой. Если рассказывать – расскажу. В моем сновидении как сейчас жили, в какой мере жили, сколько красных денег богатства имеем. Имеем табуны лошадей, стада коров, стада свиней, стада овец. Будем жить так, как сейчас живем. Мой сон так говорит». – «Ну, вот видишь, – говорит царь-отец, – увидел же сон. Ну, средний сынок, ты какой сон видел, расскажи». Средний сын тоже немного задумавшись сидел: «Ну, отец, я тоже такой же сон видел. Вот красных денег богатый амбар имеем, белых денег амбар имеем, золотых денег амбар имеем. Сколько лошадиных стад, коровьих стад, свиных стад, овечьих стад имеем. Как жили по-теперешнему, так и проживем».

Прослушав эти сны, на печке лежащий Ратпар-Хишпар – младший сын на братьев смотрит, все смотрит. С одного брата глаза отведет, на другого брата переведет. Царь-отец на младшего сына смотрит: «Младший сын, кажется, так думает, что вы, братья, в эту ночь, наверное, сна не видели, похоже, что просто так рассказываете».

Отец, глядя, проверяя, долго смотрел на младшего сынка: «Ну, младший сынок, лежащий на печке, Ратпар-Хишпар, ты какой-то сон видел?»

– Эй-е-о-о, да с меня – сон? Я здесь на печке лежу сопливый, слюнявый, да с меня какой сон?

– Нет, – говорит отец, – ты, младший сынок, какой-то сон, похоже, знаешь. Ну, расскажи, зачем прячешь. Сделай такую милость, добром прошу.

Младший сын говорит: «Отец, нет, никакого сна не видел, никакого дела знать не знаю».

Братья смотрят на братишку, братишка на братьев смотрит, с одного брата глаза уберет, к другому поворачивает.

«Ну, младший, сон, который ты видел, расскажи. Отец послушает, и мы послушаем. Сделай милость – расскажи». – «Ну, рассказать-то расскажу, отец, только ты все равно не потерпишь, ты рассердишься. Рассердишься и так скажешь: «Тебе-то, бестолковому, такой сон видеть – где уж там?»

Тогда отец еще говорит: «Если видел какой-то такой сон, зачем скрывать сон? Женщина не выдержит, мужчина не выдержит, такой мудрый, крепкий, сильный сон видел? Ну, что, рассказывай». Младший сын опять произнес: «Нет, отец, все равно мыслями не выдержишь, если рассказывать буду мною виденный сон, ты обозлишься». И отец тогда еще сказал: «Ну, расскажи, что за сон, что за такой сон можно увидеть, что человек не вытерпит, разозлится?»

«Ну, отец, если рассказывать, расскажу. Ну, вы слушайте. Я во сне вижу, что в этом небесном городе, в царском городе ты царствуешь, царем сидишь. Красных денег целый амбар имеешь, белых денег целый амбар, золотых денег целый амбар имеешь. Кроме того полных муки, полных рыбы семь амбаров имеешь, кроме этого табун (стадо) лошадей, стадо коров имеешь, стадо свиней, стадо овец имеешь. Сейчас

живя, сколько богатства мы имеем, сколько ты имеешь имущества, на ближайшей земле нигде даже никого нет. Ты настолько из всех ближайших земель самый богатый человек есть.

Так, вот, отец, во сне вижу, этот дом, где сидим, этот дом, где живем, таким стал: бревна развалились, двери, внутренность дома, окна – все сильно развалились. Вижу, наш дом таким стал. Ну, затем посматриваю на амбар с красными деньгами – углы амбара обвалились, двери расшатались, красных денег нет, и ничего нет. Амбар с белыми деньгами, гляжу, тоже концы бревен разошлись, белых денег нет, ничего нет. Двери открыты, ветром сюда-туда их шатает, стучит дверь, разваливается. Амбар с золотыми деньгами, смотрю: бревна тоже расползлись, золотых денег нет, ничего нет. Дверцы ветром туда-сюда шатает, дверные доски все развалились.

Кроме этого, дальше вижу, что у семи амбаров полных муки тоже двери, стены разошлись, разорвались. Двери разодраны, там муки нет и рыбы нет. Лошадиное стадо, коровье стадо имеешь. Вижу во сне, что лошадиного стада нет, коровьего стада нет, свиного стада нет, и овечьего стада нет. Город твой – на полгорода убавился, деревня – на полдеревни убавилась.

Еще дальше мой сон идет, гляжу: на одной стороне плеча моего дочка царя Солнце сидит, а на другой стороне плеча дочка царя Месяц сидит. На божьей Оби чистая вода, святой Оби богатырская вода, а по плесу Оби длинная гора, гора с лицом невесты, с лицом красавицы. А на горе редколесный бор, богатый ягелем для быков, богатый ягелем для зверей. Конца не видно святому городу, конца не видно богатырскому городу. В княжеском золотом доме, в царском золотом доме я там сижу. Все, отец, весь мой сон». Тогда царь-отец голову опустил, как молебный котел, долгое время качает. Братья тоже, похоже, так думают. Отец долго ли думал, кто знает, коротко ли думал, кто знает. Потом сказал: «Сыновья, – говорит старшим сыновьям, – это же ведь не сон. Он сам это придумал, на печке лежащий человек. И вправду же сказал, какой же не имеющий зла человек не разозлится, какой же не имеющий плохого человек не станет плохим. Возьмите эту шубенку-шубу, которой укрывается он сверху, наденьте на него, шапчонку ему наденьте, поясом подпояшьте. В тот конец моего священного города, в тот конец моего богатырского города на место, где рубят шеи женщин, на место, где рубят шеи мужчин, на лобное место ведите. Человек, который рубит шеи женщин, человек, который рубит шеи мужчин, пусть разрубит шею пополам. Голова там собаками, ястребами пусть таскана будет, кусая, играя, пусть носят ее».

Братья оделись, обулись, сразу превратились в богачей. И братику говорят: «Ну, с печки слезай». Куда братишке деваться, некуда деваться, с печки слез. Вниз спустился. То ли братья ему шубенку надели, то ли веревочный поясок имел, веревочным поясом подпоясали. Держа за две руки на улицу выводить стали.

«Ну, сыновья, – царь-отец говорит, – вот моя чашка для еды-кушанья – возьмите. Сердце, печень сюда несите. Я сердце, печень проглочу, съем». Ну, взяли чашку и с чашкой, и с братиком вышли на улицу.

На улицу вышли. По улице города ведут. Долго ведут, коротко ведут, вперед посматривают: по улице города навстречу один человек, сын купеческий шагает. «Эй, – старший брат говорит, – друг, ты в кармане какую-нибудь деньгу случайно не имеешь?» – «Да кто его знает, имею или нет? А что, вам деньги нужны?» – «Да, деньги нужны». И человек в карманах стал рыться, смотреть. На дне кармана одну красную деньгу имел, рублевую железную деньгу. «Вот все только, что нашел». – «Ну, молодец, что нашел. Ну, эту красную деньгу на себя, – брат сказал, – возьму, когда-нибудь рассчитаюсь». – «Ну, рассчитаешься так рассчитаешься». Взял деньгу, братику в карман засунул. И по городской улице еще дальше пошагали.

По улице города долго ли шли, кто его знал, коротко ли шли, кто его знал. Вперед посматривают: по улице города еще один купеческий сын шагает. Купеческий сын подошел: «А вы братика куда ведете?» – «Да мы на место, где рубят шеи пополам, ведем». Во время разговора старший брат опять спросил: «Да ты, друг, в кармане какой-нибудь деньги не имеешь?» – «Да посмотрю, может, найду что-нибудь». Карманы смотреть, искать в них стал, на дне кармана белую деньгу железную – рублевую деньгу из белого железа нашел. «Вот все, что нашел», – и отдал среднему брату в руки. Средним братом взят и в карман шубы братишки затолкнут. «Эту рублевую деньгу – из белого железа деньгу – потом я когда-нибудь обратно отдам». – «Да, ты, если рассчитаешься, то рассчитаешься, если отдашь, то отдашь».

Ну, а братья его дальше ведут. К концу города вот-вот придут. На место, где рубят головы женщинам, на место, где рубят головы мужчинам, вот-вот подойдут. Братья между собой разговаривают: «Три брата, имевшие одну мать, три брата, имевшие одного отца, как мы позволим ему шею отрубить?» Так стояли и думали.

«Ну, братец, слушай, ты отсюда с этого конца города дальше – большая дорога, хоженная мужчинами-воинами, большая дорога, хоженная гостями. По этой большой дороге, хоженной воинами, и шагай, иди. Глаза твои, куда тебя поведут, ногами своими докуда доберешься, в эту землю иди. Когда-нибудь, чтобы

твоего звука, твоего имени не слышали – в такую землю иди, чтобы женщины тебя не знали, мужчины не знали. Крылатой птицы летящей, ногастый зверь ходящий далекую землю, если доберешься, иди. Только, чтобы звука не слышно, имени не слышно. Если услышит об этом отец, то потом и наши шеи порубает».

Ну, и братьями он за город был предоставлен, поцелован, обнят. Братья еще напомнили: «Все, никогда в глаза не попадайся, никогда чтобы не слышно твоего имени, твоего звука, в такую землю иди». Братья обратно повернули, по улице города обратно шагают. Посматривают: собака бегает. Схватили, грудь распороли, печень, легкие, сердце наружу вывернули, отрезали, в отцовскую чашку для еды-кушанья внутрь положили. Потом братья по улице города в дом, где живут, долго ли шагали, коротко ли шагали, опять пришли. «Ну, отец, братика сердце, печень вот тебе принесли, теперь на, съедай». Мужчина-царь на свое место за столом для еды-кушанья или к концу стола сел, ножик, которым пользуется для еды-кушанья, взял, мясо посолил, съел. «Это, – говорит, – не имеет запаха крови моего сына, не имеет запаха крови ребенка. Пахнет запахом крови собаки, пахнет запахом крови черной, кровью гоночной собаки овчарки. Сыновья, меня вы обманываете». Сыновья тогда говорят: «Тогда как же, отец, ты отец есть, ты царь, как же твои два сына тебя обманут?»

Ну, а за это время царя младший сын шел по большой дороге, хоженной воинами, хоженной гостями, глубокой дорогой, где рвались, лопались обувные швы, коленные швы воинов. Долго ли идет, кто знает. Если в небе лето наступало, дождь лил – помнил лето, если с неба снег падал – зиму помнил.

После долгого ли, короткого ли пути дорога, хоженная воинами, хоженная гостями, на две дороги разошлась. На месте разветвления дороги стоит каменный столб, железный столб. На четырехгранном столбе с двух сторон написано, что если пойдешь по одной дороге, в вечно крупнопесчаную землю придешь, в вечно мелкопесчаную землю придешь – в пустыню. Вверх стоящей травинки не имеет, вверх стоящего кустарника не имеет. Дорога вторая идет в лес с деревьями, в лес с травами. По этой дороге идущий человек когда-нибудь, в каком-нибудь месте, может быть, найдет кусочек пищи для успокоения сердца, может воду найдет, водички попьет, сердце успокоит.

Ну, теперь парень думает: «Я в эту вечно крупнопесчаную землю, вечно мелкопесчаную землю зачем туда пойду? Травы не имеет, кустарника не имеет. Я пойду в землю с деревьями, дорогу найду».

И стал он искать дорогу. Долго ли шел, кто знает, коротко ли шел, кто знает. Руки устанут – отдохнет, ноги устанут – под деревом, среди сучьев переночует и дальше шагает...

Шел, шел в вечнозеленый густой лес, в вечнозеленый дремучий лес пришел. И дорога, куда нужно, в разные стороны разошлась, стала маленькой тропинкой, дырявой от шага ступни, и больше ничего нет. Дырявую от следов тропку выслеживает, дырявая от ступни тропка тоже кончилась. Вечнозеленый густой, вечнозеленый дремучий лес. Про себя думает: «Как шагал, как шел, таким путем бы дальше еще пошагать».

Долго шагал, кто знал, коротко шагал, кто знал. Однажды смотрит, похоже, как будто люди ходили. В тропу попал, нашел. Мертводырявую тропу выслеживать стал. Чем дальше шел, тем больше казалось, что дорога как бы глубоко врезается. И деревья леса маленькими стали. Вперед смотрит, какое-то чистое место виднеется: вечно открытая земля, вечно безлесная земля. «Все, – думает, – безлесная земля, похоже на чистое место, туда бы пошагать».

Когда пришел близко на чистое место, дорога, рваной по колено швов, рваной обуви воинов, куда-то в разные стороны разошлась, ушла – женских следов не узнает, мужчины след тоже не узнает. Смотрит и видит: крупнопесчаное море, мелкопесчаное море.

У песчаного моря остановился, думает: «По какому берегу моря идти? То ли солнечной стороной (южной) по берегу пойду, то ли вечерней солнечной стороной (запад) по берегу пойду». Так стоя еще дальше раздумывает: «Ну-ка, я солнечной стороной по берегу пойду».

Долго шагал, коротко шагал по краю моря, по песчаному берегу, удивляясь: «Такой лесок, как будто просто подстеленная шкура, ровный песок». Вперед посматривает: около моря, на песчаном берегу, с развалившимися бревнами маленький домик стоит. Деревья-бревна ягелем, мхом стали зарастать. «Ну, в этот маленький домик, – думает, – туда пошагаю. Когда-то давно кто-то здесь похаживал».

Подошел. С наружной стороны маленькой избушки стоит, крутится, думает: «Ну-ка, на что похожа внутренность избушки – посмотреть надо». Двери открыл, внутрь заглянул. Оказывается, мужик лежит, спит, храпит. В избушку вошел, мужика потихоньку будит, разбудить задумал. Мужчина женского упрямства не несет, мужского упрямства не несет. Ну, будить стал еще сильнее, мужик все так же храпит, так же спит. Настолько крепко уснул.

Долго ли, коротко ли посидел, думает: «Ну-ка, еще потрогаю». Еще трогать начал, толкать стал, чтобы поднялся. Наконец мужчина стал шевелиться. Зашевелился, медленно накрытую шкуру вниз сдвинул,

потихоньку сел. И он на мужчину смотрит: его голова белой как снег стала, борода тоже на снег похожа, навсегда белой стала. Такой белотелый мужик когда-то был. Мужчина, оказывается, слепой.

Ну, мужик и говорит: «Кто-то, видимо, пришел, из какого-то угла священной земли, из какого-то угла богатырской земли?» – «Ну, здравствуй! Я пришел». Мужчина говорит: «Здравствуй, здравствуй, милый! Хорошо, что пришел. Я ведь спать лег и крепким сном настолько заснул, что не слышал, как ты пришел и будил меня. Когда начал сильно толкать, стал просыпаться от сна. Ну, а ты из какого-то угла священной земли, из какого-то угла богатырской земли пришел, мальчик?» – «Я, – говорит, – на берегу божьей Оби, обильной Оби жил. Там водяной глубины, земляной глубины богатый царь есть, а я его младший сынок – Ратпар-Хишпар». – «Ну, так, доброе слово, добрый рассказ».

***

Как только сказку довел до этого места, брат сказал: «Ну-ка, немного отдохнем».

Мы – два мужика – в чуме одиноко сидим, нам некуда торопиться. Он встал, чайник поставил на печку. Между делом обо всем разговариваем. Я его не тороплю, знаю, что если он начинал рассказывать, то обязательно закончит, доведет до конца. Когда налились чаю, он снова печку затопил и сел рядом со мной. «Ну, немного согрелись, сказочный рассказ еще дальше поведем», – так он продолжил свой рассказ:

– Мужчина тогда говорит: «Рога сваренные были, кости сваренные были из чащи леса с травами туда выходящего лесного быка сюда принесите».

Так сидя, вдруг из дверей лесной бык внутрь дома ввалился, грудью падает. «Большой котел с семью ушками, на чувал повесся, с водой становись. Священные два ножа, богатырские два ножа, этого с шерстяными боками большого быка освежуйте. На его шкуре всего разрежьте на куски, с семью ушами в большой котел положите, кипятите».

Лесного быка мясо само собой в котел вложилось, огонь сам по себе загорелся под дном котла. И лесного быка мясо в большом котле с семью ушками до полной готовности варилось, до долготы кипения кипятилось. «Вы, – говорит, – рога сваренные были, кости сваренные были, щенный стол поставьте, богатырский стол поставьте. Священная чашка, сюда на стол становись, богатырская чашка, становись».

Котел с жирным мясом лесного быка сам по себе с огня убрался, в священную чашку наполнялся, в священную чашку положился. В одном конце чашки один ножик появился, в другом конце чашки тоже ножик положился. Каждому по ножу стало. Чашки с супом черпанулись, на стол поставились. Два мужика сели, поели, попили. Сколько желали, столько ели, супу сколько желали, столько пили.

Ну, вот, и небо потемнело, кажется, наступила ночь. Мужики ночью спали. Стало светло, наступило утро, и мужик сел: «Священные рога сваренные, богатырские рога сваренные были, сейчас утром поесть еду из леса с деревьями, из леса с травами сюда пригоните. Выходящий из леса большой лось сюда иди, сюда приходи. Из дверей избушки домой завались, домой падай».

Так сидя, вдруг большого лося от какой-то земли голова показалась, на пол грудью шкуры свалился. «Священные ножи, богатырские ножи, этого лося освежуйте. На его шкуре полностью разрежьте на куски. Священный котел, богатырский котел, повесся, огонь, разгорись под котлом, кипи-варись. Священный стол, богатырский стол, подставляйся, священная чашка, богатырская чашка, подсаживайтесь. Священный котел, богатырский котел, снимись с огня, накладись внутрь чашки. С двух концов (краев) чашки два ножа пусть будет». Мужики сели, поели, попили, сколько желали.

После еды, пития старый мужчина (старик) с обветренной седой головой сказал: «Ты внуком будь, а я дедом буду». – «Ну, конечно, дедушка, если так, то так». – «Ты, – говорит дед, – теперь поели-попили, выйди наружу, посматривай. Из этого дома на улицу выйдешь, что-нибудь увидишь или нет. Ты далеко не ходи, чуть немного туда пошагаешь, около дома вокруг посматривая, покрутишься, повернешься и, если что-нибудь заметишь, заходи домой».

Внук из дома на улицу вышел, возле дома прошелся – всюду песок да песок. Так, осматривая, видит: в стороне от задней стенки избушки, снизу, оказывается, угол амбара виднеется. Ну, внук это видел, примечал, туда и не ходил и с этим в дом вошел.

«Ну, как, внучек, что-нибудь заметил, видел что-нибудь или нет?» – «Ну, конечно, посматривал вокруг крутясь. Сперва ничего не замечаю: всюду песок, всюду песок. В то же время посматриваю, что конец амбара из-под земли виднеется». – «Ну, так вот, – говорит, – внучек, увидел».

В угол, в конец нар дед повернулся; связку из семи ключей нашел. «Эту связку ключей возьми. А этот подземный амбар семью замками закрыт. Семь замков откроешь, войдешь. Внутри этого амбара стоит конь. Ты потом, когда покажется голова коня, сразу же поймай его за узду.

Рядом с этой избушкой есть там какой-то столб. Туда подведешь коня, привяжешь. Потом домой заходи».

Внук взял связку ключей, вышел на улицу. К земляному амбару пошагал. Открывать стал – правда, семь замков, семь дверей имеется. Когда седьмую дверь открывал, конь начал реветь. Дверной замок открыл, щель образовалась, морда коня показалась. За узду сразу же его поймал. Коня на улицу вывел, ведет. Около дома дедушки коня к столбу привязал. И с этим домой вошел.

Ну, как, внучек, конь тебе в руки достался?» – «Ну, да, достался. И по твоему велению к столбу туда привязал». – «Ну, хорошо, достал. Ну, внучек, за время вращения солнца вокруг головы, внутри дома одному что все время сидеть, что так жить? Ты, может, имеешь желание водную сторону повернуть, лесную сторону кругом объехать? Я тебе рассказать кое-что хочу, тебе сказать слово имею. Ты слушай».

Внук сел для слушания. Дед стал рассказывать: «Этого коня потом, когда отсюда выйдешь, узду отвяжешь. По этому навсегда всплывшему крупнозернистому песчаному морю ты потом вниз, в воду пойди. В воду пойдешь, однажды увидишь, что конь обернется железной лодкой. Когда станет конь железной лодкой, внутрь железной лодки прыгай, туда иди, в какое бы место не пошла, туда езжай. Только ты в сторону не прыгай». Дед тогда в молитвенный угол нар повернулся, среди крупного песка, среди мелкого песка руками копается, что-то ищет. Из-под крупного, мелкого песка саблю вытащил.

«Ну, внучек, больше тебе отдать ничего не имею. Все, имею только это – одну саблю. С этой саблей иди. В этой лодке, понесшей тебя на край земли, на край воды, будь осторожен. Всегда вперед посматривай. Однажды так, несясь по морю, вперед посмотришь и увидишь: то ли куча облаков, то ли какое-то место. Железная лодка потом все туда на кучу облаков, на кажущуюся кучу, все туда тебя понесет. Туда приедешь, оказывается, там вечно находящийся крепкокаменный, прочнокаменный остров. Железная лодка после, как подъедет к берегу твердокаменного, прочнокаменного острова, туда причалит. Когда подъедешь, увидишь вечностоящий каменный дом, железный дом на семь окон высоты (семь этажей). В этом каменном доме живут твердокаменные, прочнокаменные семь Менков. Они тоже имеют железные лодки. Эти Менки ездят в сторону земли хантов. От стороны земли хантов Менки поочереди приезжают. Увидишь: лодки полностью загружены мясом женщин, полностью загружены мясом мужчин. Этим семи Менкам вот этой данной тебе Оби белой воды волнистой саблей, озера белой воды волнистой саблей, всем каменные головы, железные головы, шеи пополам руби. У всех дыхание возьми, всех убей. Когда этих уничтожишь, потом на лодку сядешь, лодка, оказывается, совсем свободна (т.е. не сидит на камне). В лодку сядешь, когда станешь обратно ехать, когда доедешь до какой-нибудь части земли, умом прикинутом месте, эту саблю потом около лодки вниз опусти, в воду. Назад смотри, если что выберешь – выбирай. Если не выберешь, то что сделать. Если что выберешь, лодка тебя назад повернет. От следа сабли, рассекавшей воду, лодку потом насколько вздумаешь, настолько загрузи. Ну, все, иди».

Внук взял саблю, затем вышел на улицу. Вышел, отвязал узду коня от столба, ведя коня за собой, в морскую воду пошагал. Ведет, ведет коня, и однажды вдруг конь становится железной лодкой. Он на железную лодку запрыгнул, и железная лодка его повезла.

Навсегда крупнопесчаное море, навсегда мелкопесчаное море, где-то конец кончается, где-то берега есть, его глазам ничего не видно. Через море (по морю) долго плыл он, кто его знает, коротко плыл он, кто его знает. Однажды вперед смотрит: то ли облако сидит, то ли другое место виднеется. Смотрит – железная лодка, как по нитке, прямо его туда несет.

Близко подъехал, правда, оказывается, видит, навсегда образовавшийся каменный остров, каменный мыс там стоит. На вершине каменного острова такой дом построен, сделан, на высоту семи окон стоит, сплошной твердый камень, прочный камень. Железная лодка как шла, так и воткнулась (причалила) к железному мосту. И лодка тут прилипла. Сюда-туда потаскивает, пошевеливает, но лодка как будто навсегда прилипла на твердые камни, на прочные камни. Человеку, с довольно сильными руками, с довольно сильными ногами в сторону столкнуть, спихнуть силы не хватит.

Ну, а царский младший сын в каменный дом на берег пошагал, посматривает: дверные ручки настолько велики, что он может только двумя руками держаться. Двери между жилой частью дома и крыльцом открыл (сени), внутрь сеней вошел, а потом открыл двери и вошел внутрь дома, где живут семь Менков. Сначала (сперва) окинул взором первый этаж – только одна каменная нара-лежанка во всю ширину дома стоит. Проверяет (сверяется), похоже, что здесь спит только один Менк. На верхний, на второй этаж пошел, поднялся. Вверху тоже, оказывается, около стены одна каменная нара, железная нара. Опять проверяет, похоже, что один Менк спит. До седьмого этажа вверх ходил, а затем вниз опустился.

Однажды посматривает: из какой-то стороны священной земли, от какой-то стороны богатырской земли один Менк едет домой. Приблизился, смотрит, и правда, внутри лодка выше бортов женским мясом, мужским мясом полностью загружена.

И мужчина Менк, тоже человек, с железной лодкой причалил, на берег вылез и бормочет про себя: «Э-хэ-хэ, я свежее мясо, свежую шкуру ищу от совсем другой священной земли, от совсем другой богатырской земли ищу. А вот пока я ездил, свежее мясо, свежая шкура, кто бы ни был, навстречу пришел. Пока мои люди еще не приехали, свежее мясо, свежую кровь, свежую шкуру я здесь поем, попью».

Менк оставил лодку, на берег пошагал. Царский маленький сынок спрятался около сенных дверей. Менк открыл двери, наклонив голову, заходит внутрь. И царский сын Оби белой воды волнистой саблей, озера белой воды волнистой саблей (т.е. длинным изогнутым стальным клинком) шею пополам срубил. Голова покатилась внутрь дома, туловище свалилось в сени. И царский сын твердокаменного, прочнокаменного Менка взял и бросил в сени, где стоят быки, где стоят звери.

Царский сын долго-хорошо из сеней или из окон стоял, глядя. Из стороны какой-то священной земли, из стороны какой-то богатырской земли опять показалась одна лодка.

Подъехал, посматривает: и правда, как говорил дедушка, женским мясом, мужским мясом до краев нагрузил Менк лодку. Железная лодка до воды утонула (т.е. загружена).

Лодка на берег воткнулась, причалила. «Э-хэ-хэ, я женское мясо, мужское мясо ищу из дальних священных земель, богатырских земель везу. Свежее мясо, свежая кровь, свежая шкура навстречу пришли». Менк на берег сошел, тоже к дому пришел, открывает дверь сеней, наклонив голову, внутрь заходит. И царским сыном Оби белой воды изогнутой саблей, озера белой воды изогнутой саблей тут же ударен. Голова покатилась внутрь дома, туловище во внутрь сеней. Взял этого мужика и в угол каменных сеней, где стоят быки, где стоят звери, бросил.

Царский сын вошел внутрь дома, опять смотрит. Опять показался один мужчина из стороны какой-то священной земли, из стороны какой-то богатырской земли. Менк подъехал и также женским мясом, мужским мясом, оказывается, лодку до верху нагрузил.

Ну, Менк опять на берег шагает. Только вошел он в дом, как царским сыном тоже был зарублен. Голова внутрь дома покатилась, туловище в сени упало. Взял царский сын и в угол сеней забросил Менка.

Ну, а дальше четырех Менков также убил. Также в железные сени, в каменные сени их кладет. Менков всех убил, как говорил, как рассказывал дедушка.

И после пошагал к лодке, лодку в воду столкнул. Нос лодки повернулся в сторону, куда ему ехать. В лодку вскочил, и лодка его подняла, повезла по крупнопесчаному морю, по мелкопесчаному морю. Долго везла, кто знает, коротко везла, кто знает. Однажды думает: «Менков убивший кровяной нож пусть морской водой вымоется». Спустил в воду, а сам за ручку держит. Назад посматривает, а по следу несущей лодки, вечно живущие в воде осетры, много их вверх всплыло, обских осетров много вверх всплыло. И лодка назад, обратно повернулась. Он всех осетров собрал, внутрь лодки набросал. И лодка опять его несет в сторону той воды, где он живет, в сторону той земли, где он живет.

Долго несла его лодка, коротко несла, на пристань дедушкиной избушки к берегу причалила. Лодка на берег воткнулась. И все осетры вниз свалились, упали. Лодка конем стала. Держа коня за узду, на берег пошел. К столбу возле дома коня подвел, за узду туда привязал. Вошел в дом (в избушку).

«Ну, как, внучек, приехал?» – «Да, вот, приехал, дедушка». – «Ну, как ты съездил?» Внук все рассказал, как убил Менков. «Рыбы, – говорит, – по пути, возвращаясь, рыбы добыл, осетров добыл. Ведя лодку на сушу за носовую веревку, осетры на песчаный берег моря свалились, туда упали. И сейчас там лежат. И конь – конем стал, лодка моя. За столб, куда привязывают коней, туда его привязал, там и стоит». «Ну, так, – говорит дедушка, – если твой путь был удачным, так это хорошо».

И дедушка так сидя говорит: «Без огня сваренные были, без богатыря сваренные были, этих осетров во внутрь этого дома, все сюда пусть придут, все домой пусть принесутся». То ли лесного быка шкуру снизу подстелили, рога сваренные, кости сваренные, то ли лосиную шкуру подстелили. Осетры все домой пришли.

Дедушка снова говорит: «Священные ножи, богатырские ножи, этих осетров всех на части разрежьте, чтобы положить в котел. С семи ушками большой котел, на очаг повесся, священный огонь, богатырский огонь, загорись, эту осетровую рыбу кипяти, свари. Священный стол, поставься (становись), богатырский стол, поставься». Стол поставился, и котел сам по себе от огня убрался. «В священные чашки кладитесь, в богатырские чашки положитесь. Священные кружки, богатырские чашки, сюда приходите. Сваренной осетровой ухой черпайтесь». С дедушкой сели, осетровую рыбу ели, сколько желали.

День, видимо, клонился к вечеру, темнеть стало. Легли опять спать. Долгую ночь долго спали, короткую ночь коротко спали, кто его знает. Встали. Осетровую рыбу, оставшуюся, сколько желали, ели, уху пили.

«Ну, внучек, – дедушка говорит, – тебе рассказать – рассказ имею, тебе сказать – слово имею. Внучек, слушай. Сейчас поели, попили. Этот рассказ закончится, если есть желание сходить в край какой-нибудь священной земли, если есть желание сходить в край какой-нибудь богатырской земли, край священной земли объезжай, край богатырской земли объезжай. Отсюда на улицу выйдешь, пока одежду заправлять (затягивать, подбирать, чтобы не дуло ветром) будешь, пока ты рукава шубы с рукавами заделывать будешь, конь успеет вокруг богатырской земли обойти, конь успеет вокруг священной земли обскакать. Так поедешь, промчишься и к царю Солнце приедешь. Приедешь к царю Солнце, а коня за деревней, за городом в лесу оставишь. Чем награжу, чем снабжу, все эти предметы в лесу спрячешь, в лесу оставишь. На краю деревни, на краю города в маленьком доме старые муж и жена живут, там ты остановись, поживи. Долго ли там поживешь, коротко ли поживешь, однажды услышишь, как люди города станут рассказывать: «Царь Солнце к царю Месяц в гости поедет, для людей всего города большое застолье, большой пировальный стол делает». Ты постарайся туда идти. Дальше еще я что могу рассказать. Потом уж ты дальше сам соображай. Все». Ну, и с дедушкой обнялись, поцеловались, попрощались. На прощанье дед сказал еще: «Ну, внучек, все, идущий человек – иди. Долго будешь ходить, коротко будешь ходить, песенное небо походишь, сказочное небо походишь, что-нибудь выберешь, что-нибудь найдешь, все равно на меня посмотреть сюда приходи. Какое слово, какой рассказ услышишь, только это мною сказанное слово, это мною рассказанный рассказ на куски отрезанной веревки не режь, на куски измочаленной веревки не режь».

А после этих слов дедушка внуку дал кольчугу с пестрыми, как рыбья чешуя, металлическими кольцами кольчугу, дал лук, дал колчан, вмещающий сто стрел. И внук стал человеком полностью одетым, стал человеком полностью снаряженным, вышел на улицу. Рукав шубы с рукавами пока подбирал (заделывал), концы шубы с концами пока заделывал, конь успел объехать дважды священную землю, успел объехать дважды богатырскую землю. Какой он священный юноша, какой он богатырский юноша. Конь его несет, нижнего ветра дующим шумом (звуком) несет, верхнего ветра дующим шумом несет. Выше бегущих облаков, выше идущих облаков несет, так высоко он конем поднят.

Долго ли ехал, коротко ли ехал, вдаль посматривает: город царя Солнце. Смотрит на город царя Солнце – он так и сверкает, так и блестит! Туда близко приехал, за деревню, за город на коне вниз спустился. Залез в одну ноздрю коня – выкупался, вымылся, залез во вторую ноздрю коня – поел, покушал. Когда вылез наружу из ноздри коня, пнул коня – тот в гнилой пень, травяной пень превратился. Никакой женщине не нужен, никакому мужчине не нужен такой гнилой пенек.

Снял кольчугу, лук, колчан со стрелами, в этот гнилой пень, травяной пень вниз засунул. Повернулся, крутанулся, стал похожим на царского младшего сына сопливого, слюнявого, с коростами-болячками. В деревню, в город пошагал, посматривает: на краю деревни, на краю города старые мужчина, женщина. Мужичок дрова колет, жена мужиком расколотые печные дрова внутрь дома – домой таскает, домой несет.

К мужичку, раскалывающему печные дрова, туда пошагал сопливый, слюнявый маленький мужичок. Из-под топора, рубящего печные дрова старика, сюда забежит, туда забежит. Мужичок ему говорит: «Э-э-э, да ты откуда пришедший сопливый, слюнявый маленький мальчишка? Под моим топором, рубящим печные дрова, почему ты сюда забегаешь, туда забегаешь? Здесь топором могу зарубить, топором могу задеть. Я тогда головой не рассчитаюсь, царь его возьмет, буду я царем наказан, богом наказан. Чей же ты такой прыткий сынок?» – «Э-э, дяденька, я никого – мать не имею, отца не имею».

Жена сюда, женщина, таскающая печные дрова, подошла: «Это еще откуда пришедший мальчишка?» – «Да этот мальчишка так говорит, что «никакой я матери не имею, отца не имею». Сейчас мы ребенка не имеем, ребенком возьмем, вырастим». – «Ну, вот, – говорит его жена, – возьмем так возьмем, будем держать. Никакой девочки не имеем, сына не имеем».

Женщина с мужем закончили рубить печные дрова и этого мальчишку, держа за две руки, домой внесли. Какой там особой пищи имеющие женщина, мужчина, какое там питье имеющие женщина, мужчина, какие-то кусочки хлебных корок на стол положили, кормят, поят. Мальчик кусочки хлебных корок покусывает, пожевывает, из какой-то мыслями задуманной чашки с водой водичку попивает. Ну и женщина с мужчиной стали его воспитывать. Долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает, однажды женщина с мужчиной между собой разговаривают, что в эти дни их царь-хозяин поедет на путь военный, на свадебный путь к царю Месяц. Перед отъездом, завтра, делает большой общий стол-трапезу – для всех людей деревни, делает большое застолье для всех горожан. Завтра, когда станет светло, они туда сходят, хотя бы свои животы один раз досыта наедят.

Ночь ночевали, прожили. Стало светло. Женщина с мужчиной, откуда у них взяться доброй одежде, в какую-то имевшуюся одежонку оделись, завернулись, окутались. Женщина, мужчина на сыночка говорят: «Ты сопливый, слюнявый человек, сопли, слюни, коросты – ты лучше останься в этом доме, далеко не уходи, будь дома». – «Нет, я не останусь, тоже пойду», – возразил маленький мальчик. Мужичок тогда жене и говорит: «И правда, зачем оставляем. Затеряется где-нибудь с деревенскими, городскими ребятишками, куда-нибудь потеряем. Так просто в руки нам попавшего сынка, ребенка возьмем с собой». И женщина, мужчина к царю Солнце на трапезный стол (на застолье) для деревенских людей, для городских людей пошли втроем. Держа за две руки мальчика ведут.

Долго шагают, коротко шагают. Надоест шагать по широкой улице города, переходят на узкую улицу. По узкой улице надоест шагать, на широкую улицу переходят. Так шагая, наконец, пришли к дому царя Солнце. Женщина, мужчина вошли в дом, стоят, прижавшись спинами к двери. Трапезный стол для кушанья деревенских, городских людей когда-то сделан (приготовлен), туда смотрят.

«Ну, женщина, мужчина, к этому большому трапезному столу для кушанья деревенских, городских людей пришли, что стоите у дверей, проходите, кушайте, пейте». И женщина, мужчина подошли к столу и сели в конце большого трапезного стола для кушанья деревенских, городских людей. Сыночка посадили на середину. Втроем сидят, кушают, пьют.

Царь Солнце говорит: «Эту ночь переночуем, поживем и в засветящийся светом на глаза женщины в следующий день, засветящийся светом на глаза богатырей в следующий день к царю Месяц начнем идти во главе сватьевых гостей, во главе сватьевых воинов». И маленький мальчик туда посматривает, слушает. Ну, с большого трапезного стола для кушанья деревенских, городских людей встали и домой пошли. Домой пришли, долгую, длинную ночь переночевали, прожили. Маленький мальчик накормлен какими-то кусочками хлебных корок, напоен, а потом к царю Солнце туда пошел.

Пришел туда, к дому царя Солнце. Голову сватьевых воинов, оказывается, он уже когда-то собрал (голова воинов, т.е. начало отряда, впереди шагающие), когда-то приготовил. Вот-вот тронутся в путь. Сопливый, слюнявый маленький мальчик на царя Солнце говорит: «Ну, я тоже схожу с хорошими сватьевыми (или свадебными) гостями, с хорошими сватьевыми воинами». Царь его спрашивает: «Ты что, мать, отца не имеешь?» – «Матери не имею, отца не имею. На краю деревни, на краю города живущими старыми женщиной, мужчиной я выращен, воспитан».

Царь Солнце тогда на три стороны поворачивается, кругом оборачивается, воинам говорит: «И правда, надо свозить, взять с собой».

Во главе сватьевых гостей, во главе свадебных воинов царь имеет двух богатырей, они говорят: «Зачем такого сопливого, слюнявого мальчишку брать, только напрасно мешать будет. Для смеха женщин, для смеха мужчин брать? Пусть остается». Тогда царь Солнце и говорит: «А что такого, с воинами, с гостями повозить разве плохо? Если посмеемся, день быстро идет, если поговорим, день скоро кончится и в землю, куда мы идем, скоро придем». Ну, а богатыри – сильные люди – прислушались, перестали отговаривать.

Ну, свадебные воины, сватьевые гости наконец-то тронулись в путь. Долгую землю – долго идут, короткую землю – коротко идут. Ночь наступит, ночуют, живут. Встанут, еще дальше трогаются. То ли мясистый месяц шли (т.е. полная круглая луна), то ли костяной месяц шли (т.е. серп месяца, луны в начальной или последней фазе). Наконец добрались до бескрайнего крупного песчаного моря. На берегу моря место для ночевки там приготовили, сделали.

Воины, гости над мальчиком смеются, говорят: «Вот, с воинами, с гостями одного человека везем – вечно сопли, вечно слюни». Когда стали смеяться люди-воины, люди-гости, царь Солнце слово положил: «Вы что над этим человеком смеетесь, что рассказываете. Он тоже такой же друг, оставляющий воду, такой же товарищ, оставляющий землю (т.е. наравне со всеми проходит и воду, и землю)».

Так царь закончил свои слова. Немного погодя, продолжал свой рассказ: «Вот, – говорит, – воины мои милые, гости мои милые, мои самые необходимые вещи (предметы) дома остались. Только здесь вот вспомнил. Как я теперь к царю Месяц в гости пойду во главе сватьевых воинов, во главе сватьевых гостей».

И люди-воины, люди-гости слушают, смотрят. Царь Солнце дальше продолжает: «Когда хожу военный путь, когда хожу свадебный путь, всегда с собой имею железные гребни, железные гребни с железной веренице́й (цепью), они дома остались. Вы, главари воинов, главари гостей, два сильных человека, сходите за ними». Ну, а двум богатырям куда деваться, хозяином царем велены. Сели на коней и обратно поехали.

На небе наступила ночь. На берегу моря ночевали, жили. Наступит день по берегу моря, то сюда шагают, то туда шагают. К царю Месяц через море перейти сухое место или мелкое хотя бы ищут, ходят, но никакого места не находят. Опять ночь наступила. После того, как все люди-воины, все люди-гости заснули, сопливый,

слюнявый маленький мужичок встал, поднялся и от людей, воинов и гостей в сторону пошагал. Один раз кусочком трута сюда-туда махнул, конь тут же появился. Одел кольчугу, снарядился. Какой образовался парень-красавец, какой образовался парень-богатырь. Сел на коня и в город царя Солнце поехал.

Приехал в город царя Солнце. В дом, погруженный во тьму, в дом без огня, где содержится младшая дочка царя Солнце, туда вошел. Туда в дом попал. С младшей дочкой царя Солнце, какая мать их рядом посадила, какой отец их рядом посадил. Целуются, ласкаются до сухой гусиной кожи, до сухой утиной кожи с младшей дочкой царя Солнце. «Сейчас я, – говорит, – потому домой приехал, потому домой пришел: отец, когда в военный путь ходил, когда в гостевой путь ходил, имел вереницу железных гребней. Ты, наверное, знаешь, где они? Найди их, сюда принеси».

Младшая дочка царя Солнце из дома вышла, сходила. Отец, когда в военный путь ходит, когда в свадебный путь ходит, имеет при себе вереницу железных гребней. Эти гребни принесла младшему сыну царя, в карман положила. И юноша ей говорит: «Ну, все, милой была дочкой женщины, милой была дочкой богатыря, долгое, короткое небо схожу, приеду, приду».

Вышел на улицу, сел на коня, поехал. Долгое место – долго ехал, короткое место – коротко ехал, встретился с богатырями. Они, оказывается, до середины пути еще не доехали, на конях шагом едут. На мужиков говорит: «Вы куда едете, мужики?» – «Мы хозяином-царем Солнце обратно, домой отправлены в царский город, где жили. Хозяин, царь Солнце, когда ходил в военный путь, когда ходил в свадебный путь, всегда имел с собой вереницу железных крючков, вереницу железных гребней, он их дома позабыл, оставил, их искать едем».

Сопливый, слюнявый маленький мужичок тогда руку в карман засунул, из кармана железные крючки, железные гребни вереницу достал. «Да, я здесь вот имею, – говорит. – С такой скоростью до города, где живет ваш хозяин, царь Солнце, когда еще вы приедете. Дальше он, человек, едущий в военный путь, человек, едущий в гостевой путь, так его время пути долгим станет. Так вот вереницу железных крючков, железных гребней, что я имел в кармане, возьмите и вернитесь обратно. К царю Солнце приедете, скажите: «Вот твои вереница железных крючков, железных гребней. Откуда ему видеть, знать, что эти мои предметы, или его предметы. Одинаковое железо, все одинаковые гребни».

А мужики думают, разговаривают. Смотрят: такое же железо, такая же вереница гребней. «И правда», – говорят. «А вы, наверное, за вереницу гребней, что я вам даю, цену оплатите, рассчитаетесь?» – «А ты какую цену, какую мзду попросишь?» – «Какую цену, какую мзду попрошу? Я прошу цену, прошу мзду такую: снимите с правой ноги сапоги, отрежьте мизинцы с правой ноги. Вот моя цена. Он (царь) откуда увидит, откуда узнает».

Ну, мужики опять задумались: оно больно-то больно. Отрежем мизинцы у ног, долго ли пройдет время, заживут. Ноги же ему не покажем. Ну, вот, отрезали мизинцы с правой ноги, отдали человеку. Они видели, как он в белую тряпочку завернул, в карман засунул.

Ну, и сильные мужики, два богатыря на землю, куда ушло войско, повернули коней и по дороге ушедших гостей, по дороге ушедших воинов стали идти. Когда мужики вдали скрылись, юноша сел на коня. В наступившей долгой соколиной, орлиной ночи тоже вслед за воинами помчался. Приехал на место, где живут гости, живут воины. Коня сюда-туда за узду подергал, превратился в кусочек трута.

Долгую ночь – долго спали, короткую ночь – коротко спали, люди военные, люди гостевые встали. А его ноздри как будто мездру бычьей кожи мнут, обрабатывают, бычью кожу с лапами мнут, выделывают. А воины, гости смеются, разговаривают, издеваются над ним. Царь Солнце говорит: «Что вы смеетесь над этим человеком, что все время говорите. В песенную погоду, может, мы, идущие военный путь, в сказочную погоду, может, наш сватьевый воинов путь, сватьевый путь гостей, может, потом к нему застрянем, от него узнаем. Что все время смеетесь». И люди перестают смеяться. Наступил день. Долго, коротко спал, встал. Царем Солнце накормлен, напоен. Где уж ему до дела, куда ему. На месте, где живут гости, где живут воины, где ночуют гости, где ночуют воины, там и валяется, спит. Люди военные по берегу моря в два конца (в разные стороны берега) через море перейти место искать опять пошли. Откуда ни ищут, откуда ни входят в воду – человек с конем, на коне в воду въезжает, конь всплывает, передние, задние ноги коня земли не достают, море есть море.

Солнце долго, коротко светило, стемнело, опять наступила ночь. Военные, гостевые люди опять легли спать. Когда уснули военные, гости Ратпар-Хишпар – сопливый, слюнявый мальчишка встал, от воинов, от гостей немного подальше в сторону ушел. Кусочек трута сюда-туда помял – конь появился.

В одну ноздрю коня влез – выкупался, вымылся, во вторую ноздрю коня влез – поел, попил. Когда выбрался из ноздри коня, в какого красавца мужчину, какого красавца богатыря превратился! Сел на спину

коня и по берегу моря поехал. Долго ехал, коротко ехал, однажды посматривает вперед: у берега моря с мыса, со скалы камни вот-вот вниз упадут, камни вот-вот вниз свалятся. Такой каменный мыс стоит. Бегущие облака, идущие облака на каменные вершины прилипают, там застревают. Нижнюю часть берега моря осматривает: галечный каменный мост как будто метлой выметен – такая ровная земля. Коня короткими ударами (т.е. слабыми, легкими ударами) кнута погоняет, большими (т.е. крепкими, сильными) ударами кнута погоняет.

Слышится: там, где ноги коня земли касаются, здесь сидящей вещевой матери лодка с дверьми шевеленье слышится, вертлявой лодки качанье слышится. По каменному мосту вперед скачет, назад скачет. От его быстрой езды взад и вперед с туч, облаков высокий каменный мыс вниз валится, вниз скатываться стал. От каменного мыса, от скалы, выходящей к берегу моря, огромные каменные глыбы, огромные земляные валуны вниз сваливаются, падают.

Так, скача на коне, посматривает на место вниз свалившихся земляных валунов и камней. Жизнь проживший большой мужчина, век проживший большой мужчина наполовину туловища, по грудь наружу с головой высунулся: «Это, – говорит, – за проживший длинных сто веков, старинный длинный век пока живу, никогда человек с крепкими ногами коня не приходил, никогда человек с ногами звериными не приходил. Здесь мой дом, где сижу, живу, мой бог, навсегда ломают, рушат. Какой храбрый человек с ногами коня пришел, какой храбрый человек с ногами зверя пришел?» – «Да – говорит, – я пришел». – «Кто ты?» – «Да, дяденька, – говорит, – от тебя я, застрявший небом, выход ищу из безвыходного положения, сказочным небом молюсь. Какое-то слово, какой-то рассказ ищу. Новость зверя – новость спрошу весть зверя – весть спрошу». – «Внучек, о каком звере новость – новость спросишь, о каком звере весть – весть имеешь?» – «Я эту новость спрашиваю, эту весть спрашиваю. Ты, наверное, возможно, знаешь, человек, живущий у этого берега моря, мы сейчас с хозяином – царем Солнце идем к царю Месяц. Это вечно всплывшее крупнопесчаное море, вечно всплывшее мелкопесчаное море, от какого места нам перейти, сухое мелкое место где-нибудь есть?»

«Да, внучек, там знаешь, в вечно всплывшем крупнопесчаном море, вечно всплывшем мелкопесчаном море увидишь потом, садятся через море морские маленькие чайки. Вот путь-дорога, по которой войска переходят, гости переходят, и ничего с ними не случается. Этот песчаный бугор на ту сторону вечно всплывшего крупнопесчаного моря садится, всюду лежащего мелкопесчаного моря на ту сторону садится. Это и есть место перехода воинов, место перехода гостей». – «Ну, дяденька, спасибо! Ты мне на мой вопрос ответил, все сказал».

И юноша повернул туда, где находились воины, смотрит: правда, на вечно всплывшем крупнопесчаном море, на вечно всплывшем мелкопесчаном море все в одну линию, вереницей, сплошь халеи-чайки сидят. Коня в воду направил. Сколько едет без начала, без конца халеи-чайки сопровождают его через вечно лежащее море. Долго ехал, коротко ехал, так на ту сторону моря прибыл. На ту сторону моря в город царя Месяц пришел. К царю Месяц в город пришел, вошел к младшей дочери царя Месяц. Какой матерью вместе посажены, каким отцом вместе посажены, целуются, ласкаются, любуются до гусиной кожи, целуются, любуются до утиной кожи.

Младшая дочь царя Месяц говорит: «Э-э, был сыном женщины, был сыном богатыря, каким несущим поверху предметом, каким идущим по земле предметом ты сюда попал?» – «В эту сторону вечного крупнопесчаного моря, в эту сторону вечно мелкопесчаного моря, когда у человека руки – руками становятся, ноги – ногами становятся, в одну какую-то землю придет. Ну, вот, – говорит, – царь Солнце в этот светлый становящийся день через это море перейдет. Вечером, когда стемнеет день, в этой вашей городской пристани сюда ночевать войско, ночевать гостями, ночлег здесь сделают».

Ну, человек с женщиной опять до кожи гусиной, до кожи утиной обнимались, целовались, ласкались, потом вышел человек на улицу. Соскочил на коня, поехал на место нахождения гостей, на место проживания воинов. Коня за узду сюда-туда помахивал, с кольчугами со всеми превратился в один раз ударяющий трут. И после этого он пошел к гостям, к воинам, лег на свое место.

Слышит, что народ поднялся, встали. А его ноздри опять будто мездру кожи мнут, выделывают, бычью кожу с лапами мнут, выделывают.

Приехали, оказывается, сильные богатыри. Царю Солнце отдали его вереницу железных крючков, железных гребней. «Ну, вот, – говорит, – привезли. Теперь в военный путь пойду с хорошими мыслями, в свадебный путь пойду с хорошими мыслями».

Воины, гости опять стали смеяться над парнем. «Вот, – говорят, – идущий с воинами, идущий с гостями хорошего человека везем – сопли, слюни». Царь Солнце тогда говорит: «Что вы все время над

ним смеетесь. Люди, идущие в этот военный путь, люди, идущие в свадебный путь, сколько разговоров, сколько слов пускаете. Может он нам правильный путь потом подскажет, от него мы узнаем. Сколько дней вы это море, сколько ночей ходите, проезжаете, перейти, переехать места не находите».

Парень тогда сел. Царь Солнце его кормит, поит. Царь к приехавшим, к двум сильным богатырям обращается: «Вот пока вы ходили, ездили, около моря, ища место переезда через море, хотя и ездим, все без толку, и не знаем, каким образом перейти море в город царя Месяц».

Ну, а парень сопливый, слюнявый, наполнив живот пищей, наевшись, позавтракав досыта, говорит: «Я не знаю, только от человека песенного, от человека сказочного старинных песен, старинных сказок рассказавших стариков слышал, будто бы с такого места это море можно переехать, где морские маленькие чайки в одну линию, как струна, вереницей через море сидят. Там можно переехать, там можно идти. На этом море путь для прохождения воинов, для прохождения гостей-сватьев там».

Тогда царь Солнце говорит: «Смотрите, какие хорошие слова, какой хороший рассказ. А вы такой рассказ, такое слово почему не сказали?» Царь Солнце своему народу: воинам, гостям, сватьям говорит: «Вы, когда объезжали этот берег моря, где-нибудь видели через море сидения чаек?» – «Да, мы такое место посматриваем, видим». – «Ну, так, если посматриваете, этот путь надо проверить».

Тогда юноша и говорит: «Зачем смотреть, потихоньку пойдем. Если на глубокое место придем, тогда обратно вернемся». – «Ну, конечно, какие добрые, хорошие слова. И правда, ведь если станет глубоко, мы тогда обратно повернем по этой же дороге».

Ну, и воины, и гости для отправления в путь утром собрались. Пришли на восточную сторону моря. Там через море на конях поехали. Вода до живота коней не доходит. Правда, оказывается, вечно всплывшее крупнопесчаное море, вечно всплывшее мелкопесчаное море никакого похожего на глубокое место не имеет. Сколько едут, настолько дальше в море становятся, сколько едут, настолько на ту сторону моря подходят.

Долго ехали, коротко ехали, увидели город царя Месяц. Море кончается прямо у пристани города царя Месяц. Во главе сватьевых гостей, во главе свадебных воинов царь Солнце через это море так переехал. На городскую пристань к царю Месяц пришли. Ночлежное место для воинов, для гостей там сделали, там подготовили.

Еще решили ночевать наступившую долгую соколиную ночь, наступившую долгую орлиную ночь. Ночь наступила. Когда воины уснули, гости уснули, юноша отправился под окно, где живет жена царя Месяц, там спрятался. Слышит разговор внутри дома, слышится разговор жены царя Месяц. Жена говорит: «Царя Солнце свадебные воины пришли, сватьевые гости приехали. В дальний (здесь в смысле чужой) дом девушку, в дальний чужой дом ребенка, как мы отправим. Если у них силы хватит увезти ее как-нибудь, пусть они увезут, если не хватит силы увезти, их дело».

Говорит царь Месяц: «Этот царь Солнце – человек с железными гребнями, человек с железными крючками. Гребнями меня потом на части разорвет, тут и скончаюсь. Я здесь, под этим окном, превращусь в столб из белой деньги, стану столбом из белой деньги». Жена тогда ответила: «Я пойду к своей церкви, стану столбом из белого железа для коневязи, становлюсь столбом из белой деньги. Царь Солнце будет нас искать, но не найдет и не узнает».

Ну, вот. И, услышав это, маленький мальчик с этим вскочил, пошел на пристань, на место, где спят сватьевые гости, где спят воины.

Долго спали, коротко спали, и в одно время царь Солнце с воинами, с гостями поднялись, встали. И мальчик народом-воинами, гостями опять был высмеян: «Такой сопляк-слюнтяй, – говорят, – а по его словам пришли сюда на пристань царя Месяц. Сопливый, слюнявый человек есть тоже товарищ воинов свадебных, тоже товарищ гостей сватьевых». А царь Солнце говорит: «Вы зачем смеетесь, постоянно вам говорю, зачем всегда смеяться, издеваться. Видите, как по его словам, по его рассказу в этот город царя Месяц пришли». Царь Солнце его разбудил или сам проснулся. Покушали, попили. Закончили кушать, пить. Становятся во главе сватьевых гостей, становятся во главе свадебных воинов, тренируются, репетируют, как, кому, где находиться.

Четырехпосошной (посох) веревки богатырь человек, пятипосошной веревки богатырь человек, один сильный богатырь – какой вид, облик имеет сын царя Солнце, имеет такой же вид, облик, похожие очень друг на друга. Царя Солнце сына облик имеет, царя Солнце сына изображение (вид) имеет, одинаковые видом, одинаковые обличьем. И царь Солнце поговаривает: «Я такую думу имею, я такое слово имею. Мой сын, конечно, к дочери царя Месяц пойти-то – пойдет, только мочи мало, силы мало. Ты, глядишь, обликом похож на моего сына, вид имеешь, сильный богатырь человек, ты иди – четырехпосошной веревки богатырь, пятипосошной веревки богатырь, с дочерью царя Месяц ты поговори».

С обликом сына, с видом сына сильный богатырь человек туда пошел. В дом, где живет дочь царя Месяц, туда внутрь вошел. Поели, попили, сидят, играют. От шахмат устают играть, в карты садятся играть, от карт устают, в шахматы садятся.

Теперь человек говорит: «Я стоял четырехпосошной веревки богатырем человеком, стоял пятипосошной веревки богатырем человеком». – «Идти-то за тебя, пойти-то, как не пойду – пойду, – дочь царя Месяц говорит. – Ты теперь только эту ночь здесь ночуй у меня. Народ: воины, гости – пусть они там живут на пристани».

Ну, раз дочерью царя Месяц остановлен, куда ему идти?

Обликом на сына царя Солнце, видом на сына царя Солнце похожий, сильный богатырь остался. В небе ночь наступила, легли спать. Дочь царя Месяц лицом к нему повернулась. Вместо сына царя Солнце пришедший свататься сильный богатырь спиной к ней лег. Дочь царя Месяц руку сверху на него положила. Чувствует, как будто камнем сверху придавили, как будто железным куском сверху придавили. Еле дыхание держит, чуть ли не насмерть прижат, чуть ли не на смерть придавлен.

***

Сказку-рассказ, когда довел до этого места, брат мой промолвил: «Ну-ка, еще немного отдохнем».

На улице было очень морозно, и в чум быстро проник холод. Он снова повернулся к печке, затопил ее и на печку поставил чайник. В это время я его спрашиваю: «Сказка скоро кончается или нет? Если еще долго, я поставлю новую пленку». – «Нет, – говорит, – недолго, сейчас стал к концу доводить». Так разговаривая, мы опять сели пить чай.

На улице ясная ночь, луна светит, звезды на небе, как горящие угольки, как искры вверху, на чистом голубом небе, так красиво мерцают, светят.

Горячим чаем согрели внутренности и от тепла железной печки согревшись сели и опять сказку продолжать стали. Я сижу, записывая его сказку на магнитофон. Дальше он сказку так начал:

– Долго лежали, коротко лежали, дочка царя Месяц спиной повернулась к нему. Сильный богатырь мужчина туда, на сторону дочки царя Месяц лицом повернулся, руку на нее положил. Долгую ночь – долго спали, короткую ночь – коротко спали. Встали. «Ну, я теперь в дальний, чужой дом назначенная девушка как не пойду – пойду. Я, – говорит, – только не знаю, куда-то мои отец и мать ушли, откуда я их возьму. Одна – девушка без матери, одна – девушка без отца. Сколько-то там народу-воинов, гостей и отец твой когда-нибудь назад повернут, уйдут. Все, иди, скажи отцу, я иду. Человеку, назначенному идти в дальний дом, человеку, назначенному идти в чужой дом, придет».

Наступил день. Сопливый, слюнявый молодой человек столб из белой деньги, столб из белого железа, стоящей возле дома царя Месяц, начал сюда наклонять, туда наклонять. Долго, коротко копошился, возился, наконец, выворотил, вытащил. И за город поволок.

Долго, коротко волочил, долго, коротко тащил, за город дотянул. Народ военный настолько смеются, народ гостевой, как озерные халеи (чайки), как обские халеи, настолько смеются: «Вот как наш сопливый, слюнявый человек, – говорят, – стоявший столб из белой деньги, из белого железа для привязи коней царя Месяц с места, где стоял, вытянул, вытащил. Это достал и во внешность города с внешностью, во внешность деревни со внешностью поволок, потащил. Так за деревню, за город представил. Нужен что ли этот столб, нужна ли ему эта глыба?»

Сопливый, слюнявый царский младший сын, когда оказался за городом, из кармана взял один раз ударяющий кусочек трута, сюда-туда потягивал, конь сразу перед ним стал. Сел на спину коня – и каким красавцем мужчиной, каким красавцем богатырем стал!

Царя Месяц – человека, превратившегося в столб из деньги в столб из железа, с помощью конской узды вздернул на спину коня и поехал. Смешался с идущими облаками, смешался с бегущими облаками. Увез на вершину воды божьей Оби, увез на вершину воды священной Оби. На вершине воды божьей Оби, на вершине воды священной Оби, по длинному плесу Оби с лицом невесты на горе коня туда вниз опустил.

Взял и посредине горы царя Месяц туда поставил. «Все, – говорит, – царь Месяц, песенное небо проживу, сказочное небо проживу, пока я сюда не приеду, ты здесь ожидая живи, стой». И с этим он обратно вернулся, поехал. Приехал за город царя Месяц, коня за узду сюда-туда помахал, в один раз ударяющий кусочком трута стал. Ну, теперь мужик пошагал к церкви царя Месяц. Там находившийся столб из белого железа, столб из белой деньги опять сюда воротит, туда воротит. Полной деревни многие люди высмеивают, полного города многие люди высмеивают. Народ военный, гостевой туда смотрят, говорят: «Теперь сопливый, слюнявый наш

мужик опять один столб, опять второй столб нашел. Вон, со столбом возится». Царь Солнце тогда говорит: «Да, он, может, для необходимости выдергивает, для необходимости его вытаскивает».

Теперь жену царя Месяц выворачивал, вытаскивал, наконец, извлек. С внешностью деревни во внешность тащит, несет. Долго тащил, коротко тащил во внешность деревни с внешностью предоставил, во внешность города с внешностью приволок. В карман руку засовывал один раз, ударяющий кусок трута взял. Сюда-туда потягивал, конь оттуда перед ним встал. Какой красавец мужчина, какой красавец богатырь! Сел на спину коня и жену царя Месяц на спину коня поперек себя положил. Узду коня вздернул, и конь помчал его, смешав с идущими облаками, смешав с бегущими облаками. Божьей Оби вершину воды, обильной Оби верховьев воды везет. С лицом невесты, с лицом красавицы на середину горы привез. Рядом с царем Месяц этот железный столб поставил. «Все, – говорит, – была женой царя Месяц, а ты был царем Месяц! Песенное небо проживу, сказочное небо пройдет, долго, коротко проживу, пока я сюда не вернусь, здесь стойте, ожидайте. Песенное небо похожу – приду, сказочное небо похожу – вернусь».

И после этого вскочил на спину коня, за городом царя Месяц вниз опустился. Коня за узду сюда-туда помахал, потаскал – в один раз ударить кусочком трута стал. К военным, гостевым людям туда пошагал.

Шагая, посматривает, оказывается, дочка царя Месяц для еды деревенского люда, для еды городского народа большой свадебный стол приготовила. Люди, оставшиеся в деревне без хозяйки, люди, оставшиеся в городе без богатыря, со всеми гостями и воинами гуляют и пьют за богатыми, обильными столами.

Долго, коротко пировали за свадебными столами, наступила ночь. Ночь переночевали. Утром дочка царя Месяц на спину коня посажена сыном царя Солнце. И через море, по этой же дороге обратно к себе отправились.

Человек, несущий песню, несущий сказку, сопливый, слюнявый человек, он тоже сзади. То ли пешком по воде шагает, то ли коня ему дали, на коне едет. Идя так, на эту сторону моря пришли, вернулись на воды и землю, где они живут, по дороге вперед уходивших воинов свадебных, по дороге гостей сватьевых. Царь Солнце пришел в воды, где он сидел, в землю, где он сидел. Соколиной ноги глухую ночь ночевали, орлиной ноги темную ночь ночевали, жили.

Вновь образовавшийся следующий день царь Солнце говорит: «Я деревенским людям кушать большой свадебный стол сделаю, стал я со снохой. И вереницу железных крючков, вереницу железных гребней привезшим мужикам, если которому мужику подойдет, то младшую дочь, которую держу в доме без огня, младшую дочь, которую содержу в доме в темноте за то, что привезли мне вереницу железных крючков, вереницу железных гребней, девушку без денег, без всего, бесплатно, задарма туда посажу, отдам».

И царь для деревенского люда, для городского народа большой свадебный стол сделал. За стол, где будут кушать деревенские люди, где будут кушать городские люди, которому же человеку посадить задумал дочь. Наверное, на его сына видом, на его сына обликом похожему человеку – сильному богатырю за то, что привез вереницу железных крючков, железных гребней, дочку – без цены девушку, задарма девушку туда посадит.

Царь Солнце младшую дочь из дома без огня, из темного дома, где она жила, попросил. Рядом с сильным богатырем с обликом, похожим на его сына, туда посадил: «Небо прожить – спать твой друг, день прожить – спать твой друг – вот. Зато, что он привез вереницу железных крючьев, которых я имел всегда с собой при военных походах, при гостевых походах. Вот за это я тебя ему посадил. Это будет милая девушка – цена твоя. Милая доченька – цена твоя».

Для еды деревенских, для еды горожан стол сделал. Из всей деревни много людей, из всего города много князей сюда собрал. У плеча его сына дочка царя Месяц сидит. У человека-богатыря, похожего на сына, с обликом сына, у плеча, рядом, туда царь Солнце посадил свою младшую дочь.

А сопливый, слюнявый царский младший сын спиной к двери прижавшись стоит, наблюдает, как они кушают, едят разные сладости и вино чарками пьют. Посаженный к дочери царя Солнце сильный богатырь говорит: «Отцом посажена, отцом отдана, выпей чарку». – «Э-э, с таким мужиком как ты, с таким человеком, как ты, я чарку пить не буду».

Царя Солнце младший сын говорит дочери царя Месяц – жене своей: «Выпей чарку». – «Э-э, да с таким мужиком, как ты, с таким человеком я чарку не пью. Ты пей».

Дочка царя Месяц в сторону дверей смотрит, дочка царя Солнце на двери смотрит. Взглянули друг на друга, одновременно с мест сидения встали, вскочили. И к сопливому, слюнявому молодому парню туда побежали, туда пошли. За две руки поймали, за свадебный стол, где едят, пируют деревенские, городские люди тащат, ведут.

Хотя и он ногами вперед опирается, сопротивляется, девушки его так и тащат, ведут. Где-то место сидения пустое нашли и сопливого, слюнявого молодого мужичка за стол туда посадили. Сопливого,

слюнявого молодого мужичка с двух сторон – с одной стороны дочка царя Солнце села, с другой стороны дочка царя Месяц села.

«Отец, – говорит младшая дочка царя Солнце, – нам небо прожить – наш друг, нам день прожить – наш друг – вот. На место, куда ты меня посадил, на место, куда меня ты принес, мы туда не пойдем. Молельной матери моленья, писаной матери мольба нас туда не молила. Нам небо прожить, день прожить, суженым другом будет он».

Тогда царь на сопливого, слюнявого молодого мужика стал смотреть. Кто-то из служивых людей или князей мужику чарку налил. Три чарки одновременно верх подняли, одновременно выпили. У молодого парня чарка кончилась, сел за стол, спиной повернулся, на пол упал. Когда с пола поднялся, все увидели, какой красавец парень, какой красавец богатырь!

Царь Солнце на сына смотрит, на сильного богатыря смотрит: сыну его далеко до него. Какой, оказывается, был человек, похожий обликом на солнце, похожий обликом на месяц. «Ну, вот, сын, мыслями не обижайся, писаной матерью правда, наверное, туда записаны. Девушку, которую привозил невестой, теперь сопливому, слюнявому парню – человеку с обликом солнца, с обликом месяца – приписаны, их друг, возможно, и есть. Дочери своей говорит: «Раз вы туда записаны, что сделаешь. Человек, записанный идти в дальний дом, направленный в дальний дом, по-моему, не вечно думами отца или думами матери живет».

Стол для кушанья деревенских, городских людей закончили. В дом, где живет младшая дочь царя Солнце, туда пошли. Какой матерью вместе посажены, каким отцом вместе посажены. Соколиной ноги бегущую ночь ночевали, орлиной ноги несущую ночь ночевали.

Наступило светлое время. В дом, где работает царь Солнце, туда вошли с двумя женщинами, с двумя подругами жизни. «Ну, царь Солнце, – говорит юноша, – я тоже сидящую священную землю имею. Мне ехать на свою святую землю дума пришла, ехать на свою богатырскую землю дума пришла, если ты мне ехать что-нибудь, какое-нибудь суденышко дал бы, приготовил бы. О воде своей дума пришла, о земле родной дума пришла».

Тогда царь Солнце говорит: «Был сыном женщины – зять, был сыном богатыря – зять. Если нет, три дня поживи, если нет, четыре дня подожди. Для твоего отъезда я что-нибудь подготовлю, для отъезда я суденышко подготовлю».

Ну, и царь Солнце приостановил их отъезд то ли на три дня, то ли на четыре дня приостановил. За это время приготовил несколько кораблей. Все деревенское, городское население пополам разделил, одну половину народа в дорогу приготовил. Сколько имел лошадиного стада, коровьего стада, одну половину тоже подготовил к отправке. Сколько имел золотого богатства, денежного богатства – одну половину золота, одну половину денег – все зятю, дочери приготовил.

Ну, вот, по словам царя Солнце, три дня или четыре дня прожили, кто его знает. Наступило время отъезда. «Ну, ты, зять, – говорит царь Солнце, – божьей Оби на верховье, священной Оби на верховье долго будешь ехать, коротко будешь ехать, на пути своем назад не оглядывайся».

Перед тем, как идти на корабли, царь Солнце с зятем до сухой кожи гусиной целовались, обнимались, до сухой утиной кожи целовались, сосались. Какой красавец парень матери, какой красавец парень-богатырь. Зять тогда говорит: «В этом божьем Оби верховье, в этом священном Оби верховье, если желанное долгое небо проживу, если сказочное долгое небо проживу, на верховье божьей Оби, на верховье священной Оби есть гора с лицом невесты, с лицом красавицы – по плесу Оби длинная гора – там бор с ягелем, мхом для быков, с ягелем, мхом для зверей, там мой город со святыми воротами, с богатырскими воротами город там образуется. Ты потом погостить туда приезжай. Я на этой земле живу».

Ну, и только после прощания человек с двумя женами пошагал к кораблям. Человек проводник, лоцман как не найдется, сели и поехали. Вошли во внутрь корабля, подготовились жить-поживать. У одного плеча дочь царя Месяц сидит, у другого плеча дочь царя Солнце сидит. Устанут играть в карты, за шахматы садятся, от шахмат устанут, за карты садятся.

Во время езды человек думает, женам своим говорит: «Ну-ка, наружу выйду». Подруга – дочка царя Месяц, подруга – дочка царя Солнце ему говорят: «Не выходи наружу, выходить нам не разрешили». – «Нет, – говорит, – какой дождливый день, какой ясный день, я на день посмотреть выйду».

Выходит на улицу и, оказывается, что зять царем Солнце таким огромным обозом награжден, подарен, что на длинном плесе Оби не кончается, конца не видно. Тогда думает, когда-то образуется небо долгое для ханты, образуется небо вековое человека ханты. Я, увезший столько людей, а хватит ли для жертвоприношений их накормить рогатых быков, их накормить костлявых быков? Внутрь корабля схо-

дил, взял лук, стрелу взял, вышел и говорит преданным людям: «Докуда пущу стрелу, от этого места пусть стрела поделит пополам. Мы вперед, на верховье Оби пока не придем, пусть образуется железная гора, каменная гора, стоящая через реку».

С места, покуда пошла пущенная стрела, в этом месте образовалась каменная гора, никакой корабль, никакой человек дальше пройти не может. Он на верховье Оби с верховьем так с большим обозом – обозом вещевым, с большим обозом разного богатства тащится. Народу у него еще много. Песенный человек песню кончает, сказку начинает, сказочный человек сказку кончает, песню поет.

Долгое время ехали, кто знает, короткое время ехали, кто знает. Божьей Оби светлой воды, священной Оби ключевой воды верховье, на святую гору с лицом невесты, с лицом красавицы приехали. На середине святой горы причалили, на берег потащились, выгрузились. Божественным небесным большим отцом-богом жертвоприношения рогатых быков взмолен, молебным богом костяных быков сделан. Просто образовавшийся золотой дом, просто образовавшийся денежный дом там образовался. Тестем приданое золото, деньги в один угол дома притащены, принесены. Один угол дома полностью наполнился. Тестем приданое тонкое сукно, тонкий шелк в другой угол дома принесены, притащены. И этот угол полностью наполнился. Тестем приданое какое было доброе, хорошее имущество в третий угол дома притащены, принесены. И этот третий угол дома опять наполнился. А четвертый угол пустым остался.

Мужчина говорит: «Когда-нибудь песенное небо дальше проживу, сказочное небо дальше проживу, семи земель молебным царем, шести земель молебным царем взмолен (т.е. велен быть). Когда образуется (появится, будет) долгое небо женщин ханты, когда образуется вековое небо мужчин ханты, пустым оставшийся угол золотого дома, денежного дома, пусть отмечают жертвоприношением рогатых быков, пусть отмечают молебным застольем костлявых быков. Если женщина рожает дочку, пусть назначение женщины выполняет, если сына, пусть назначение человека выполняет. Конца не видимо в городе женщин, конца не видимо в городе богатырей, чтобы и ночью не потухал звон и лязг топора, чтобы и днем не потухал звон и лязг топора. Пусть образуется большой город с воротами святыми, пусть будет город с воротами богатырскими».

Наступил какой-то день, и он женам своим говорит: «Я в один конец неба, в одну сторону хочу съездить. Долго буду ездить, коротко буду ездить – приеду». Ну, а коня этот человек имел на привязи за столб из белой деньги. Сел он на коня, превратился в богатыря со всем снаряжением, в человека, объезжавшего водную сторону, превратился в изображение человека, объезжающего лесную сторону. Какой красавец юноша, какой богатырь юноша. Взял коня за узду, натянул и поднялся за идущие облака шести щелей, за идущие облака семи щелей. Выше понесся идущих облаков, не касается нижнего ветра, не касается верхнего ветра.

Долго ехал, коротко ехал, прибыл в город, построенный его отцом – богатырем царем глубокой земли, глубокой воды. За деревней, за городом коня на землю опустил. Взял коня за узду, сюда-туда помахал – гнилой пень, травяной пень образовался, кольчугу и все снаряжение туда засунул. Ну, затем покрутился, повертелся, опять стал сопливым, слюнявым мальчиком, в город пошагал.

По улице города долго шагал, коротко шагал, посматривает: один в хорошей, доброй одежде человек, а другой человек в изодранной одежде, как оборванец, нищий. Человеком в хорошей одежде он пойман, и тот его толкает, бьет, колотит.

Туда смотрит, оказывается, его средний брат стал таким нищим, весь в рваной, изодранной одежде. Человек в доброй, хорошей одежде говорит: «Ты, помнишь, в прошедшие дни живя, в минувшие годы живя, когда братишку за две руки держа вели, тогда от меня рублевую деньгу – белую железную деньгу брал. Эту деньгу когда вернешь?» Туда подошел, смотрит на среднего брата, видит, что он постоянно живет в грязи, в нищете. «Да ты, – говорит он на сына человека купца, – этого человека ты так избиваешь, толкаешь, какую беду, какую вину он сделал?» – «Да, – говорит, – когда вели своего братишку на место, где рубят шеи людям (лобное место), тогда от меня рублевую деньгу – белую деньгу железную брал. Вот эту деньгу мне еще не отдал, еще не рассчитался. Эту деньгу прошу, обратно требую».

Сопливый, слюнявый человек засовывал руку в карман, достал рублевую деньгу – белую деньгу железную: «На, – говорит, – за эту деньгу вот эту мою деньгу возьми». – «Вот до чего дошли, другим человеком, – говорит, – взаймы, в долг взятую деньгу отдают, возвращают».

Когда ушел этот человек, с оборванным человеком в нищенской одежде к дому, где живет отец, рядом пошагали. «Ты, – брат спрашивает, – откуда-то пришедший, сопливый, слюнявый мальчишка, маленький ребенок». – «Да я, – говорит, – в этом городе расту, мужаю, живу».

Шагая со средним братом посматривает вперед: опять один оборванец пойман купеческим сыном, сюда-туда толкает, бьет. Туда пришли со средним братом: «Этот человек какую беду, какую вину сделал, ты за что

его бьешь, за что толкаешь?» – «Да, этот человек какую вину, какую беду сделал? Вины-то никакой сделанной нет. Братишку, – говорит, – вели на место, где рубят людям шеи, шли вот эти два оборванца. Тогда я ему рублевую деньгу, красную деньгу, железную давал, с этим не рассчитывается, за это и бью».

Опять сопливый, слюнявый человек руку в карман засунул: «На, – говорит, – эту деньгу возьми за ту деньгу, тоже железо, тоже деньги». И молодой мужчина деньгу взял: «Ну, вот, – говорит сын человека купца, – до чего дожили, где-то живущим сопливым, слюнявым ребенком эту в долг взятую, взаймы взятую деньгу отдают, рассчитывают, возвращают».

Ну, и втроем вместе пошагали. Два брата с двух сторон, а он посредине. Подошли близко к дому, двери в разные стороны наклонились, погнулись. Даже вида похожего нет, что тут живут люди. Амбары тоже развалились, двери, углы разошлись. Когда-то имевшееся у отца лошадиное стадо, коровье стадо, много амбаров с мукой – все исчезло, развалилось. Нет ни лошадиного стада, ни коровьего стада, нет и свиного стада, и овечьего стада.

Вошли домой. Посматривают на отца: голова, как снежный пень, навсегда белой стала, никакого внимания не обращает, даже разговаривать с человеком не желает.

«Это что за мужик?» – на отца говорит. – «Да это богатый мужик глубокой земли, глубокой воды», – братья говорят. – «Ну, что ж, если богатый, так богатый. Только не похоже, что богатство имеете, не похоже, что какое-то имущество имеете. Хотя и были, может, богатыми, но сколько ваших денежных амбаров вместе с домами все развалились». «А ты откуда, прибывший человек?» – отец спрашивает. – «Я в этом городе вырос, в этом городе жил. Ну, вот, – говорит, – зашел. Вы что, до того дошли, что человеческое лицо позабыли, стали такими, что не можете узнать человека?» И братья тогда спрашивают: «Да, братик, ты что ли?» – «Да, я. Не поверили моему сну, вот и дошли до конца моего сна, вот и дожили до конца моего сна». Братьями обнят, поцелован, снохами обнят, поцелован. «Ну, я еще дальше ехать собираюсь, в дальний путь хочу отправиться. Вы вот по божьей Оби на верховье, по священной Оби на верховье долго поедете, коротко поедете, если имеете ехать еще какие-нибудь силы, мощи, езжайте. Отца тоже посадите. Я сон ведь вам рассказывал. По плесу Оби длинная гора, гора с лицом, похожим на невесту, гора, похожая на лицо красавицы. Со святыми воротами мой большой город там, с богатырскими воротами большой город мой там. Я потом приеду, если вы раньше там будете. Если вы раньше не приедете, я там и живу».

Ну, и теперь человек на окраину деревни, на окраину города пошел, на место, где оставил коня. За конскую узду поймался, сюда-туда помахал – конь появился. В одну ноздрю коня залез – выкупался, вымылся. Коню во вторую ноздрю залез – поел, попил. Когда вылез, какой стал красавец парень, какой стал богатырь парень. Сел на коня, к берегу бескрайнего крупнопесчаного моря, к берегу бескрайнего мелкопесчаного моря едет.

Приехал на место, где жил старик. Оказывается, избушка, как и раньше, обросшая мхом, как и раньше, обросшая ягелем, стоит такая же, как была. К столбу, куда привязывают коней, коня подвел, привязал. Заходит внутрь дома – никакого дедушки нет, и спящего, живущего белоголового старика нет.

По всему дому сюда-туда смотрел, вышел на улицу, посматривает: со стороны леса с деревьями, со стороны леса с травами с лопатой человек – шагает в руке с лопатой, с топором человек – шагает в руке с топором. Сюда близко подошли: «Э-хэ-хэ! Откуда прибывший женщины сын есть, откуда прибывший богатыря сын есть? Здравствуй, сын женщины, сын богатыря!» – «А вы куда ходили?» – «Мы, – говорят, – дедушку за лесом с деревьями, за лесом с травами ходили хоронить».

Все, новости с новостями, вести с вестями кончились. Сын женщины, сын богатыря сел на спину коня, взял узду. Направил коня выше дождевых облаков, выше ветреных облаков. Объехал весь шар земной. Со святыми воротами, с богатырскими воротами большой город, где он живет, туда спустился. Под окном, где он живет, для привязи коня железный столб, для привязи коня золотой столб, коня за золотую уздечку туда привязал.

В просто образовавшийся золотой дом, просто образовавшийся денежный дом внутрь вошел, разделся, разулся. С одной стороны плеча дочь царя Месяц сидит, с другой стороны плеча дочь царя Солнце сидит. С разными кушаньями, со всеми сладостями поели, попили.

Долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает. Однажды народ всей деревни, народ всего города – кричащий человек – кричит, рассказывающий человек – рассказывает: «Э-э! Два сына богатого царя земли глубокой, воды глубокой, нищие оборванцы приехали. Богатый царь земли глубокой, воды глубокой к пристани деревни пристанской причалили. Теперь, – говорят, – на берег несут. Вот идут люди, приехавшие посмотреть на младшего сына».

И отца, царя, двумя сыновьями за два плеча держа, за два крыла держа, вот ведут. Оборванца два сына, нищих два сына обращаются к отцу, говорят: «Отец, если глаза видят, посмотри. Наш младший братик, как сон рассказывал, как говорил, то и вышло. Вон внутри золотого дома, внутри денежного дома с одной стороны плеча дочь царя Месяц сидит, с другой стороны плеча дочь царя Солнце сидит. Какой красавец парень, какой красавец богатырь».

Отец своими подслеповатыми глазами туда взглянул, когда заметил младшего сына, на землю опустился, дыхание его остановилось. Как спустился на землю, так и его мелкие косточки мелкими зверями утащены, большие его кости большими зверями утащены. Голова овчарками, ястребами клевана, деревенскими собаками, городскими собаками – одной собакой подхвачена – туда потащена, другой собакой подхвачена – сюда потащена.

Братья в дом вошли. Посадили братьев за стол с вкусной пищей, с вкусными сладостями, ели, пили. После того, как поели, попили, если думал братьев одеть в хорошую одежду, то давал, бросал им хорошую, добрую одежду. Если задумал одеть в плохую одежду, плохую одежду им бросал, давал. «Ну, братья, – говорит, – вы приехали. Лишние какие-то вы ханты, лишние какие-то вы два человека, куда вас пристроить? Будете сыновьями человека, несущего вести».

И огненного сына, богатырского сына на верховье воды божьей Оби, на верховье воды священной Оби, на семи краях земли его молят – в семи краях земли появляется, на шести краях земли его молят – в шести краях земли отмечается. Во время одного котла воды кипения, земле священной семь спин поклоняется, богатырской земле семь спин поклоняется. Живым девушкам знакомый царь, живым юношам знакомый царь (здесь, возможно, царь в смысле бог). Осенней белки, весенней белки знающий царь и теперь все сидит на верховье воды божьей Оби, священной Оби. Все.

***

После того, как закончил брат сказку, мы собрались спать. Ночью я долго не мог заснуть, молча кручусь от холода. Разные мысли приходят в голову. Сперва я долго думал, как от этой длинной сказки можно узнать, как мы в старину одноязычные финно-угорские люди, а, возможно, только угры – разошлись на две стороны, ушли, благодаря стреле, пущенной героем сказки.

История тоже извещает, будто мы в те древние времена были коневодами, скотоводами. Многое я узнал от рассказанных Петром Ивановичем сказок, легенд, рассказов и песен.

Собираясь спать, как-то в разговоре я его спросил, а не слыхал ли он о вождях Мадьяр и Мордва, о которых мне рассказывали в Венгрии еще в 1958 году?

– Нет, – говорит, – о таких я не слышал. Только в детстве бабушка рассказывала поучительные какие-то рассказы о трех братьях Вортах, которые не послушались, ушли и погибли. Только сейчас я все не помню.

Два брата Ворта, говорят, Мадьяхо и Муртхо, где-то далеко от нас остановились и до сих пор со своими людьми живут. Там есть поучение для внуков и детей, чтоб они помнили свою землю и никогда не бросали. Например, такие слова есть: «Вот, внучек, во время рожденные Ворты (богатыри) послушались совета старейшин, не пошли воевать. С оставшимися своими людьми плохо ли, хорошо ли живут, до сих пор живут.

А Мадьяхо – молодой богатырь – не послушался совета старейшин, пошел воевать и не вернулся. Чужеземцы разбили их. Только меньшая часть воинов повернула обратно и вернулась к Мосьнэ – жене Мадьяхо. А что случилось с мужем Мосьнэ, прибывшие ничего не смогли сказать.

Мосьнэ долго горевала о муже, она уже не могла родить героя. Племя осталось без вождя. Говорят, старейшины решили сделать вождем племени дочь старшего богатыря Мадьяхо, как самую знатную из рода Ворт, молодую, энергичную женщину Калтасьнэ. Она с Мосьнэ вывела племя к Камню в сторону Печар, где племя стало жить спокойно.

Однако недолго жили спокойно. Пурнэ – самая жестокая женщина – предала племя. Народ приговорил ее к смерти, однако старейшины не разрешили убивать людей из своего племени. Приговорили ее к одиночеству. Она была рада этому, думала, что все пройдет, народ забудет и простит. Однако, народ не забыл измену племени. Говорят, вот так она, внучек, и по сию пору бродит по лесам, сея вражду и ненависть среди людей.

Говорят, была еще одна красавица – женщина по имени Самнэ. Она любила красиво одеваться и ничего не делать. Ходила из дома в дом, сплетничала с женщинами и старалась понравиться мужчинам.

Старейшины задумались, как бы избавиться от Самнэ, чтобы она не губила души людей, чтобы не было среди племени женщин сплетниц и бездельниц. Стали молить они Нуми-Торум. Смилостивился

Нуми-Торум, спустился он на верхушки деревьев и видит: действительно, люди гибнут, ничего не желают делать для себя, обрастают грязью, ходят нищими.

«Ладно, старики, – сказал Нуми-Торум, – я вам помогу. Я превращу ее в сороку. Но она будет жить рядом с вами, чтобы вы ее помнили».

Вот почему, внучек, Самнэ живет у юрт возле народа. В лесу ее далеко от народа не увидишь, Она хотя и стала птицей, нет-нет да и залюбуешься ее красотой, посмотришь, как она хвостом виляет и бока свои подставляет, да и трещит свои сплетни.

Когда станешь, внучек, взрослым, когда станешь мужчиной, не женись на ленивой красавице женщине, а возьми ты в жены простую скромную девушку. Она тебя обогреет и обошьет, и накормит, и украсит жизнь твою. Говорят, нам пришлось еще не раз воевать, но мы были бессильны и, преследуемые чужими племенами, теряя все, что имели, уходили в леса вместе с Мосьнэ – умной и доброй женщиной. И стали жить мы по разным речкам большого холодного края.

Много веков прошло с тех пор, много поколений сменилось. На большой территории мы стали жить разобщенно. От жен наших богатырей попели другие ханты. Говорят они на другом языке, но мы-то знаем, что они тоже укрэт – ханты. Вера у нас одна, и язык один, и родовые вожди наши были одни».

Вот такие рассказы были, нам часто рассказывали. Они были поучением для нас.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

Утром, когда проснулся, смотрю, оказывается, брат мой уже возится около печки, завтрак готовит. Я встал, помылся, и мы стали завтракать. Сидя за столом, я брату говорю: «Сегодня что-то очень хорошо себя чувствую. Настроение бодрое, видимо, к перемене погоды».

Так веселясь, смеясь, начал рассказывать разные небылицы. Мне было почему-то очень весело и не знаю, почему иногда так бывает с нами? Рассказывая разные смешные истории, брат вдруг меня спрашивает: «Как наша фамилия образовалась, ты слышал от кого-нибудь?» – «Нет, – говорю, – такого рассказа я ни от кого никогда не слышал». Я схватил магнитофон, включил и микрофон чуть ли не в рот ему засунул: «Ну, рассказывай». И рассказ свой он начал так:

– От неведомой какой-то земли мужчина по имени Лотми прибыл к водам реки Казыма. Выше Келсиюгана была прорва, на этой прорве остановился (прорва – новое русло реки, образующееся за счет половодья, а старое русло называется старица). Он имел семь сыновей. Один сын Максюм, другой – Сень, а самый младший сын – человек с каменным сердцем, железным сердцем. Он самый легкий на подъем человек, промышляющий зверя, рыбу.

Долго ли жили, коротко ли жили и семь сыновей Лотми все стали семейными, поженились, стало семь семей. Со стариком отцом, со старухой матерью стали не уживаться. Однажды заспорили и решили делать жилье в разных местах. Старший сын пошел по Большому Вошьюгану, помоложе старшего сына – сын Максюм – пошел по Казыму в верховье. Сень пошел на земли Келсиюгана. На мысу этой реки задумал сделать жилье. Все в разные стороны ушли. С отцом, с матерью остался только младший сын.

Прибыл Сень в Келсиюган и живет. Долго жил, коротко жил, однажды приехал поп. Поп, видимо, не своим умом приехал, его царь направил. На лодке по Казыму заехали, чтобы записывать имена народа ханты этой земли, в христианскую веру превратить, кресты на шею повесить. Куда в деревню ни приезжал, всех под крест брал, маленьким детям имена давал. Он поворачивал на русское имя, русским именем, фамилией записывал.

Долго ли ехал, коротко ли ехал поп, по Казыму в верховье пришел. То ли он имел знатного проводника, и этот человек его вывез в Келсиюган. Попу проводник говорит: «Здесь один старик живет, туда надо заехать. Он тоже имеет детей». Туда заехали.

В Келсиюгане был залив Юхвой. В этот залив Юхвой поп на неводнике нанятыми людьми привезен. А Сень жил на берегу этого залива Юхвой. В осеннюю пору они туда приехали. Сень сидел, делая полозья для нарты, работал. Осень наступит, нарта нужна для упряжки, имеет он несколько оленей.

Ну, вот приехали, причалили к берегу. Поп человеком – толмачом-переводчиком имел человека из Оби. Обским человеком спрошен: «Друг, к тебе вот поп приехал. Тебя крестить. Крест даст, небесным (божественным) крестом повесят, и имя будет известно».

Сень был сердитым человеком. Когда стали спрашивать, обскому человеку говорит: «Что хотите делать с моим именем,что от меня спрашиваете, я – Сень-Сень!» Так проворчал. Обским человеком-толмачом не понят. Вторично еще спрашивает: «Друг, хорошо, медленно имя скажи. Я узнаю, попу скажу,

как тебя зовут?» Когда стали вторично спрашивать, сердитый мужик Сень еще быстрее скороговоркой промолвил: «Сень-Сень-Сень!»

И человек-толмач опять не разобрал. Так немного постоял, потом опять спрошен. «Кто его знает, что сказал? – говорит: «Сень-Сень».

Человек-толмач как-то так постоял, постоял в ожидании и снова спрашивает: «Ты, друг, потихоньку, медленно, чтобы я понял, объясни. Я когда хорошо пойму, переведу, и твое имя поп правильно запишет. Тогда и ребятишкам всем настоящие имена, фамилии дадут, запишут. С именами будете, кресты всем повесят».

Тут Сень рассердился: «Что от меня спрашиваешь? Я – Сень-Сень-Сень!» Сразу же схватил полозье нарты и нанес удар человеку-толмачу. По плечу овечьей шубы ударил, шубу порвал.

Поп с толмачами и наемными гребцами повернули к реке, запрыгнули в лодку и удирать. Поспешно убегая, они поехали в тупик залива Юхвой. Куда им идти в замкнутом, закрытом тупике залива?

Тогда Сень задумался: «Вот теперь от бога, от царя приходившим попом я сейчас под суд отдан буду. Шею пополам отрубят, голову отрежут. Меня судить будут. Вниз, к воде, на пристань бежать надо. Как-нибудь по-хорошему поговорю с мужиком-попом, хорошими словами покаюсь, помолюсь, имя правильно запишут».

Пошел к воде. Поп, увезенный в тупик залива Юхвой, из тупика обратно возвращаются, сюда выехали. Приостановил их Сень: «Сделайте доброе дело, из далекой земли или из близкой земли приезжавшие люди, поговорим по-хорошему. Имя мое запишите, детей имею – имена запишите».

Нашли каким-то образом общий язык. Он свое имя произнес, рассказал: Сень. И тогда человек-толмач дальше говорит, когда разобрался, узнал: «Ты меня ударил, стукнул. Я теперь попу скажу – будешь ты Сенкоп». Так его поп записал на бумагу. Вот так, с того старого времени мы стали называться именем Сенкеп. От княжеского рода Молдан, от людей Максюма Молдан мы дальше оторвались. От семи сыновей, имевшихся у Лотми, дальше так отошли, отделились. До сих пор с детьми и со всеми живем с фамилией Сенгепов.

Когда он закончил свой рассказ, я сразу же ему ответил: «Ну, а этот рассказ из истории известен. Это было около 400 лет тому назад». – «Разве известно?» – спросил меня. Немного промолчав, потом сказал: «Конечно, возможно, известно, раз на бумагу стали нас записывать. Вы, конечно, бумажные, грамотные люди, вам все старинное знакомо. Когда это было, ты, может, мне немного расскажешь?»

Так я ему немного из русской истории начал рассказ. «Это было в те времена, когда в России был царем Петр I. Этот царь в 1701 г. направил именной Указ Тобольскому дворянину Андрею Городецкому. В этом документе было написано, что необходимо построить училище, где детей будут учить грамоте. Когда станут грамотными, должны народ учить и разных в Сибири инородцев, которые не знают господа бога, привести в русскую веру, чтобы они хорошо знали русскую религию, верили бы ему, молились бы в церквях. Для выполнения этого указа в Тобольск приехал большой поп – священник Филофей Лешинский, который за двадцать с лишним лет жизни в Тобольске старался открыть в нашем крае церкви и часовни. В то время многие ханты и манси приняли христианскую веру, а для их детей открывались инородческие и церковноприходские школы. Детей учили быть в основном дьячками, иногда попами, чтобы среди своего народа вели они работу по распространению христианской религии. Долгое время так велась работа. Только дела шли очень сложно и трудно, потому что учили сразу на русском языке, а дети русского языка не знали, и поэтому выучивались только единицы.

Сперва народ не понимал, почему им дают крестики, по-новому заставляют молиться, креститься. А когда стали понимать, то многие не захотели терять свою языческую веру, стали оставлять свои юрты от магистрали, убегать в глухую тайгу и строить себе новые юрты. Так продолжалось столетия. И только потом, в XIX веке, умные русские стали говорить, что надо изучить языки нашего народа и детей учить на родном языке. Так Обдорский поп Вологодский изучил хантыйский язык и перевел отрывки из Евангелия, он также составил русско-хантыйский словарь. Благодаря таким трудам, в деревнях, городах хантов стали обучать в школах. Многие южные ханты тогда уже приняли христианскую веру и стали жить как русские, потеряв свою веру, свою культуру, свой язык. С тех времен началось обрусение нашего народа».

Хотелось еще кое-что рассказать, но, разговаривая, давно прислушиваюсь, слышу какой-то гул, похожий на шум вертолета. Мы вышли, смотрим: вертолет кружится вокруг чума. Я обрадовался, говорю: «Брат, утром я тебе говорил, что чувствую себя бодро, мыслям просторно, на сердце легко, будет какое-то чудо. Вот это чудо само прилетело». И с этими словами я забежал в чум, быстро оделся, засунул репортер в сумку и выскочил на улицу. Брат говорит: «Ну, подожди, не спеши. Еще круг дает, может, сюда, внутрь

загона, сядет». Однако вертолет стал спускаться в конце бора на чистое место, у речки Суртъюган, где стоит чум Ай Ваньки (маленького Ваньки, т.е. ростом мал). Брат тоже забежал в чум, надел малицу и по следу «Бурана» торопливо стал вести меня к вертолету. Мы торопимся, утопая иногда в снегу, то шагаем, то бежим. Когда мы вышли на чистое место, видим, что вертолетчик начинает убирать ступеньку-лестницу. Я – в русской одежде – начал махать рукой, спеша, чуть ли не бегом по глубокому снегу к вертолету. Двери снова открыли.

Один из пилотов вертолета схватил меня за руку и затащил внутрь вертолета. С братом я даже не попрощался. Положил сумку и из иллюминатора посмотрел вниз, вижу: брат как стоял рядом с вертолетом, так и стоит. Его малица и лицо покрыты белым снегом, поднявшимся от вертолетных винтов. Я через иллюминатор помахал ему рукой и мысленно, его же сказочными словами, обратился к нему: «Стой крепко, братец мой, на своей родной земле. Живи долго и будь здоров. Я – человек, объезжающий округ, человек, объезжающий землю, долго буду ездить – приеду, коротко буду ездить – приеду к тебе. До свидания».

СЕРАСХОВА ЕВДОКИЯ ЕЗИКОВНА

Серасхова Евдокия Езиковна – в Приуралье человек известный. Многодетная мама, оленевод, рыбачка, общественница, депутат и поэтесса.

Е.Е. Серасхова в совершенстве владеет родным языком. Она главный консультант учителей хантыйского языка.

С детства Е.Е. Серасхову отличали лидерские качества. Она была заводилой в любом деле, отлично училась и мечтала стать учителем начальных классов. Однако поступить в вуз не смогла по семейным обстоятельствам. К тому времени умер отец, болела мама. Чтобы быть поближе к семье, поступила в педагогическое училище Салехарда. Преподаватели не могли нарадоваться на смышленую студентку, которая легко переводила хантыйские слова с шурышкарского на приуральский диалект.

Любовь Е.Е. Серасховой к народному творчеству заложила её мама. Большая выдумщица, она постоянно загадывала своим детям новые загадки, напевала придуманные на ходу песни, объясняла смысл пословиц и поговорок. Не отставал и отец. Ветеран Великой Отечественной войны, он красочно и эмоционально рассказывал детям истории военных лет. В интернате Евдокия занималась выпуском стенгазет. Сами собой рождались четверостишия, но особого значения этому она не придавала. Любовь к поэзии – заслуга учителя русского языка и литературы аксарковской школы-интерната Виктории Феофановны Галбай. Девушку восхищало умение педагога увлекательно и с трепетом рассказывать о жизни и творчестве поэтов. К окончанию школы Е.Е. Серасхова прочла все поэтические сборники, которые были в школьной и районной библиотеках.

Сознательно сочинять и записывать стихи Е.Е. Серасхова стала только после рождения третьей дочери, а всего у нее их шестеро. Изначально свои стихи Е.Е. Серасхова писала только на родном языке. Некоторое время спустя стала переводить их на русский язык.

В начале 2000-х годов семья Серасховых начала вести оседлый образ жизни. С этого момента в творчестве хантыйской поэтессы начался новый виток. Свои стихи Е.Е. Серасхова публикует в окружной газете «Лух Авт». А в 2008 году выпускает первый сборник «Ханты ныӈ эвие», что в переводе на русский означает «Хантыйская девушка». Практически весь тираж – 300 экземпляров – подарен библиотекам Приуралья. Сборник издан только на языке ханты. По мнению Е.Е. Серасховой, так и должно быть, ведь молодёжь забывает свои корни, обычаи, язык. Ее стихи мелодичные, музыкальные и в то же время простые и трогательные.

Живет в поселке Аксарка.

ХАНТЫ НЫӇ ЭВИЕ

Эвтам сахаӈ, эвтам ваяӈ,
Ханты ныӈ эвие,
Мур кутна кариял,
Кортаӈ ернасаӈ
Па кортаӈ охсамаӈ.
Ханты ныӈ эвие,
Мур кутна волиял.

Вес хощӈат вуртэт,
Пеӈкат ал ворлалат.
Путы сэм хульмаӈ,
Охсахлал хуват.

Яслал верааӈат,
Курлал каркамат.
Ханты ныӈ эвие
Мур кутна этмиял.

Каслыта веритал,
Хул велта веритал.
Рущи ки лаял.
Рущи па веритал.
Ханты мур кутна,

Щимащ эвиет,
Осат па оллат,
Олта питӆат.

29 мая 2003

ХАНТЫЙСКАЯ ДЕВОЧКА

С узорами ягушка, с узорами кисы,
Хантыйская девочка
В толпе людей вертится
В блестящем платье
И в блестящем платке.

Хантыйская девочка,
В толпе людей блистает.

Щеки красные,
Зубы сверкают.
С черными бровями,
Волосы длиные.

Руки умелые,
Ноги проворные.
Хантыйская девочка
В толпе людей появляется.

Кочевать может,
Рыбачить может.
Среди русских окажется.
По-русски тоже может.
Среди народа ханты,
Такие девочки,
Были и есть,
И жить будут.

(Перевод А.А. Шияновой)

ЯСҢАӉ ХАСЫ

Касаӈ ханты, яснаӈ хасы
Ясҥан юх ӆэр иты,
Йис оӆапсы пиӆна,
Наӈэн ёха ёхтаптаӆӆы,
Хота кепа ант оллан.
Васна, похална, каӆаӈна.
Маса хантыи ант оллан.
Эӆсохан ант соматӆэн.
Хота ола – ясҥан хасы.
Ясҥан номы,
Ясҥан век аӆ ярэми.

Март 2002

ЯЗЫК СВОЙ ЗНАЙ

Каждый ханты, знай свой язык,
Слово как корень дерева,

С прошлой жизнью,
Тебя познакомит,
Где бы ты ни жил.
В городе, в деревне, на стойбище.
Может, как ханты не живешь.
Одежду не надеваешь.
Родной язык свой знай.
Язык свой помни,
Язык свой не забывай.

(Перевод А.А. Шияновой)

ВУЛ ОПЫЕМ ЭЛТЫ

Ветьёӈ таӆ томпына,
Там хотал,
Там тыӆащ
Наӈ сэмна питсан
Муӈ мет вуӆ опыев.
Наӈ саман ораӈна,
Наӈ номсан ораӈна,
Муӈ наӈэн щалитӆэв,
Муӈ наӈэн номӆэв.
Ноптан ипеӆкаӆ
Па алӈищ тайи
Ойӈат, тунтакан
Торам пиӆна!

24 октября 2003

СТАРШЕЙ СЕСТРЕ

Пятьдесят лет тому назад
В этом доме,
В этот месяц
Ты родилась
Наша самая старшая сестра.
Из-за твоего сердца,
Из-за твоих мыслей
Мы тебя жалеем,
Мы тебя помни.
Жизни половину
Дальше держи (живи)
Счастливо, здорово,
С Богом!

(Перевод А.А. Шияновой)

ОЯӇ НЭӇХУ ОСАМ

Ояӈ нэӈху осам.
Опэт, яят тайӆам.
Торам Ащем пеӆа
Помащипа ӆавлам.
Амтоп ки тайӆув
Ёха амтатлиӆув,
Номсам ки сокащаӆ,

Ӆув манэм мостаӆэӆ.
Нятта ки масаӆ,
Ӆув манэм нятӆэӆ.
Нявремат ораӈна,
Ӆавта ма ӆытӆам:
«Опэӆан, яйӆан
Номман таяӆан.
Ииспи атӆан
Ал ёрэмаӆан».

СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛА

Счастливым человеком была,
Сестры, братья есть.
Торому-Отцу
Спасибо говорю.
Радость если есть,
Вместе радуемся,
Настроение если испортится,
Он меня поцелует.
Помощь если нужна,
Он мне поможет.
Для детей
Я хочу сказать:
– Сестер, братьев
Помните.
Своих родственников
Не забывайте.

(Перевод А.А. Шияновой)

МУВНА СЫЯӇ НЭӇ ХО

Паӆэм па каркам
Ма ащем ос.
Мувна сыяӈ нэӈ хо.
Хой эвалт хорты ант лаяс
Щираӆ кощайна ос.
Ар нэӈху эӆты нятыӆыяс
Нёхта па ёнта веритас.
Ропата эволт ёхы ант лаяс.
Каман йиӈкат лавалтыман
Артан хуӆ веӆӆияс.
Калаӈна яӈхас,
Охал ар верас.
Ляль порайна ляльна ос.
Ӆаӈки ювatӆаӆӆы,
Сэмаӆна хаяӆӆы,
Кураӈвай нимаӆна
Еӆты ёхатӆаӆӆы.
Майпор охалтыяс,
Ёӈ няврем энмаӆтас.
Паӆэм на каркам
Ма ащем ос.
Мувна сыяӈ нэӈ хо.

В МИРЕ ИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Слышала, и расторопный
Мой отец был.
В мире известный человек.
Ни за кем не стоял,
В жизне лидером был.
Многим людям помогал,
Шевелиться и состязаться мог.
Работы не боялся.
В разных водах плавал,
Много рыбы добывал.
На оленях ездил,
Нарт много сделал.
Во время войны на войне был.
В белку стреляет,
В глаз попадет,
За лосем пойдет –
Догонит лося.
Медведя добывал,
Десять детей вырастил.
Слышала, расторопный
Мой отец был.
В мире известный человек.

(Перевод А.А. Шияновой)

СУМАТ

Сумат-эви хорасна
Ор ӆыпина ворӆаӆ.
Нави пахӆаӈ сохна
Торамна соматтам.
Касаӈ йисна па охсамна
Торамна ӆув майӆаӆа
Сарнеӈ-вурты рат охсам
Сусан сумат таяӆ.
Таӆӆы йиӆ па ясна сэвам
Нави-путы щал панал.
Товы най хасамтына
Ай ӆыптаӈ, ай охсам
Хорасаӈ ныӈ сумат
Сапаӆ вуӆты йираӆ.
Восты росэӈ, лещ камка
Ӆуӈ порайна лапкаӆ
Йис ронтӆаӆнох тохартаӆ
Тынаӈ эви хорпи.

13 декабря 2003

БЕРЁЗА

Березонька-красавица
глядится в воды чистые.
В ягушке белой в пятнышках – строга,
мила, тиха.
По осени укроется платками золотистыми,

Осыпет алым бисером подол из трав и мха.
Зимой морозной,
вьюжною накинет шаль узорную,
Ручной работы кружево из ниток серебра.
А с первым птичьим щебетом стряхнет дремоту томную –
Косыночку девчоночью
весной вязать пора!
Коротким летом северным наряд набросит шелковый –
С кистями и оборками,
зеленый, расписной.
Звенят сережки легкие
чудесными метелками –
Невестою на выданье
пришла в шатер лесной!

(Перевод К. Куксина)

АСУВ СУСАН

Асна тамата
Ват паӆэм ос.
Хумпӆаӆ няварна этлисат,
Сыйӈат пан эӆты ларысат.
Аӆаӈ сохат вансэв –
Ас воямта пиитам.
Эӆтэӆ тынаӈкев хорпи,
Ёӈкат напатӆаят.
Катьрат ан нилаят,
Хапат раммасат.
Ваят ант увӆат,
Сый ант верӆат.
Луӈ хуват сэӈк такан
Асув ропытас.
Щучата вучияӆ.
Торамна няпаӆув сохна
Ӆап ӆаӈӆа,
Ёӈкатна, ланщатна
Товы маса.

ОБЬ ОСЕНЬЮ

На Оби вчера
Ветер дул.
Волны с пеной появлялись,
Громко на берег катились.
Утром видели –
Обь засыпать начала.
Поверхность, как стекло,
Лед плывет.
Катеров не видно,
Лодки притихли.
Птицы не поют,
Не шумят.
Все лето очень громко
Обь работала.

Отдохнуть хочет.
Погода неблюем (шкура осеннего теленка)
Укроет,
Льдами, снегами
До весны.

(Перевод А.А. Шияновой)

ТОВЫ

Товы. Хатӆат хувымасат.
Ланщат лаллат,
Йиӈкат этсат.
Саймат сыйӈат щуриӆат.
Каӆаӈат аматты пора.
Сыювийи сэмна питас,
Лаяӆ, курӆаӆ ол торыӆат.
Аӈкиеӆна нёӆэмаса.
Щи итаӆна нёхамтас.
Каман турна щищкет увӆат,
Каврам мув эваӆт йиӆат.
«Тота ванта, нави хотӈат,
Сапаӆӆаӆ хуви нистаман,
Ӆэӆтан увсорна лапыӆат».
«Муӈ ёхатсув, муӈ ёхатсув!»
Ӆуӈ ваят ки ёхатсат,
Еса олпа ӆуӈӈи йиӆ.

Май 2002

ВЕСНА

Весна. Дни стали длинее,
Снега тают,
Воды появились.
Речьки громко журчат.
Олени телиться начали.
Теленочек родился,
Стоит, ножки дрожат.
Мамочка лизнула.
И вот же миг побежал.
Разными голосами птички щебечут,
Жир из земли поднимается.
«Там посмотри, белые лебеди,
Шеи вытянули,
Низко с криком щебечут».
«Мы прилетели, мы прилетели!»
Летние птицы если прилетели,
Скоро лето наступит.

(Перевод А.А. Шияновой)

ТОРОМ ПАРТОМ ХОЛАМ ЭВЕМ

Тором партом холам эвем,
Холам хорпи, холам эвем.
Итаӆ нави, итал путы,
Хоӆмет атаӆ охаӆ вурты.
Этты най иты, этлиӆат.

Лаӈты най иты манӆат.
Каӆаӈ иты каркамат,
Тут иты, ӆув сараят.
Тором пиӆна ӆув ат оӆӆат,
Тором ясаӈ ат туӆат.
Тором партом холам эвем,
Холам хорпи, холам эвем.

Май 1998

БОГОМ ДАННЫЕ ТРИ ДОЧЕРИ

Богом данные три дочери,
Три разные, три дочери.
Одна светлая, другая темная,
Ну а третья русоволосая.
Как восходящее солнце выходят,
Как заходящее солнце уходят
Шустрые, словно олени,
Быстрые, словно огонь.
С богом пусть они живут
И благую весть несут
Богом данные три дочери
Три разные, три дочери.

(Перевод К. Куксина)

АКАНЬ ХИР

Акань хир ма версам,
Акаӈьӆам щи пансам,
Акань – омы, ащи,
Акань – опэт, яйт.
Акань антпаӈ няврем,
Акань сахат, нарэт,
Яха окатсаллам,
Ӆокки ант ласкаӆӆам.

МЕШОК С КУКЛАМИ

Мешок для кукол я сделала,
Кукол туда положила,
Кукла-мама, папа,
Куклы-сестры, братья.
Кукла люлька с ребенком,
Куклины ягунки, постель,
Вместе собрала,
Не разбрасываю.

(Перевод А.А. Шияновой)

ВУӆ ОМЭМНА ОНТАСАЯМ

Ма там хатаӆ вуӆ омэмна
Онтасаям йинтаста:
«Йинтпан ӆэваса аӆ сохи,
Ӆуян аӆ тапаӆты,
Ай хир ӆыпина тайиӆӆа.
Сохамӆан па ланлан.
Наӈ ай яӆатна йинтаса,

Йинтастэнна ал навра,
Мала верлаӈ, нох етсапты,
Ясӈам номман тайи!»

2005

БАБУШКА НАУЧИЛА

Меня сегодня бабушка
Учила шить:
«Иголку беспорядочно не кидай,
Наперсток не потеряй,
В маленьком мешочке держи.
Нитки и жилы.
Ты маленькими швами шей,
Когда шьешь не прыгай,
Все дела доделай,
Слова мои помни!»

(Перевод А.А. Шияновой)

ЮХАТ

Юхат ищи нэӈхэт иты,
Олапсэлал каман хорпет.
Ротлал арат,
Щир муваӈат.
Итлал щамлэт,
Итлал юрат.
Тохал отлал ванта омщат,
Тохал атлал – сэӈк анта.
Нопатлал па каман харпет,
Сарамлал па юканат.
Торамна лув арталамат,
Хота олта, каман олта,
Вантапсэлал мола харпет.
Нэӈхэт, юхат ал велаӈан.
Нэӈхэт юхат щалитаӈан.

ПОСЛЕ

Потом тоже, как у людей,
Жизни всякие,
Родственники все
На разных землях.
Одни беспомощны,
Одни сильны.
На некоторых смотреть приятно,
На некоторых очень нет (не приятно).
Судьбы тоже разные,
Продолжительность жизни разная.
Богом им определено,
Где жить, сколько жить,
Образ какой.
Люди. Потом не убивайте.
Людей потом жалейте.

(Перевод А.А. Шияновой)

СЛЕПЕНКОВА РИМА КОНСТАНТИНОВНА

Слепенкова Рима Константиновна родилась 13 ноября 1956 года в деревне Тугияны Березовского района Тюменской области.

В 1997 году окончила Российский государственный университет им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге по специальности «Культурология».

Владеет хантыйским языком, активно участвует в сборе фольклорного и этнографического материала. Ею подготовлено и опубликовано шесть фольклорных сборников.

Пишет поэзию и прозу на хантыйском языке. В 2006 году вышла книга Р.К. Слепенковой «Ма рәт ясӈем. Стихи. Сказки».

Живет в городе Белоярский.

СЎС

Лыптăт пăрыты щи питсăт,
Мўв аӈкия ӆєрмаӆтăщӆăт.
Хăшăт лыпăтӆы щи йисăт,
Нюр йернасӆы ӆоӆьты питсăт.

Сўса ювмаӆ, ищки сащăӆ,
Атӆ хошум ăнт па тăйӆ,
Питы пăӆӈăт, ӆоньщăӈ пăӆӈăт
Тәрум хущи нәмăн ӆоӆьӆăт.

Хута йертăӆ, ӆоньщăӆ пиӆа
Увс вотӆ тарма йис.
Щит па хуты сўса кєрӆăс,
Хăтӆ мевăӆ рўвӆы йис.

ОСЕНЬ

Вот и листья полетели,
Покрывая землю-мать,
Без листьев остались деревья,
Словно без платьев стоят.

Осень настала, стало прохладно,
Ночи стали холодней,
Черные тучи, снежные тучи
На небе стали нависать.

Где-то дождь идет со снегом,
Ветер северный окреп,
Это ведь осенняя погода,
Солнце стало меньше греть.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

СЎС

Васэт, хутӈăт, ӆәнтăт
Ўвман пәрӆємăсăт нухӆы,
Щит ăӆнәмӆы сўса йис
Тăӆăӆ ванамăты питс.

Пăлӈăт, пăлӈăт нəмăн,
Ух нӳмпийн иса ӆоӆьӆăт
Йєртăӆ ӆощ сємиеӆ пиӆа
Мӳв Аӈкия щи пăрыйӆ.

Вӳрты, вӳщӆум, вусты
Лыптăт щи пăрыӆăт,
Увс вотăн хоюм лыптăт
Тывеӆт, тухеӆт щи пуӆӆыйт.

Така, тəса пуштəӆ вəнты
Сємăн ванты əмăщ.
Сӳсэв мӳӈ хурамăӈ пура
Сӳс ям пура тăйӆӳв мӳӈ.

ОСЕНЬ

Утки, гуси, лебеди
Крича, летят на юг,
Значит, осень наступает,
И зима, вот-вот придет.

Тучи, тучи стали ниже,
Над головою все висят,
Дождь со снегом тоже
Покрывают землю-мать.

Красный, желтый и зеленый
Лист летит на землю,
Северный ветер упавшие листья
Гонит туда, гонит сюда.

Пока не намокнут совсем,
Радуют наш глаз.
Наша осень – пора красоты,
Прекрасную осень, мы тоже имеем.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

АС

Асăн йиӈкăӆ ая йис,
Ас йиӈк потма ювмаӆ
Сӳс ванамс, сӳса йис
Тəрум ищки пеӆы кєрӆăс.
Йеша вəӆ Ас хонăӈ хущи
Ай йеӈкие тывты питӆ,
Щи юпийн шєӈк хэн хӳв
Асэв йеӈкăн лăп щи потӆы.

РЕКА

На реке вода уж спала,
На реке вода остыла,
Приближается к нам осень,
В природе стало холодать.

Скоро, скоро вдоль реки
Тонкий лед появится,
После этого буквально
На реке уж встанет лед.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

ЈОЩ

Увăс мӳвăн ӈоньщев нуви
Нуви киньщи нуви вəӈ.
Юхат, йеӈкăт иса ӈоньщăн
Лăп пăрыман вəӈăт ӈыв.
Нюр хурамăӈ хăнты ими
Хăшăт нуви сăхăн ӈоӈьӈăт
Ӈєпăт ӈоньщев иса нуви
Карăӈ ӈоньщев нуви па.

СНЕГ

На севере снег белый,
Белее белого он есть.
В снегу река, деревья –
Все засыпано кругом.
Как красивая хантыйка,
Стоят в белоснежной шубе деревья.
Наш белый снег пушистый,
Зернистый белый снег.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

ВУРӇА ХĂТĂЈ

Тови пеӈы хăтӈэв кєрӈăс
Хăтăӈ хошмăӈ ара йис,
Вурӈа юхтăс увăс мӳва,
Вəн кєр тылщăн порэӈ ӈӳв.

Эвет, пухăт амтăтӈятăн
Вурӈа поры вєрӈăт мир.
Вурӈа имев па амтăтăӈ,
Ар ай эви, пух сєма питăс.
Хăнты мӳвăн вурӈа ӈавӈы
Хăнты кӳтăн мосăӈ ӈӳв.
Вурӈа ар арыты иты
Мӳвăн няврєм ар ат тывăӈ.

ВОРОНИЙ ДЕНЬ

К весне уж время повернуло
И солнце стало пригревать,
Прилетела ворона на север,
В апреле седьмого ее день.

Девочки, мальчики, радуйтесь,
Праздник вороны справляет народ,
И ворона рада вместе с нами,
Что родилось много ребят.

На севере ждут ворону,
Народам северным она нужна,
Как в песне вороны поется,
На земле, чтобы много родилось детей.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

ХИЉЫЉАМА

Тайӆум ма хәӆум хиӆнє па и хиӆы
Па ай хилэӈа йисум ма!
Аӈкаӈки ма, па вән аӈкаӈки вўша йисум
Ма щит вәӆєм, щит ма сємăн вантӆєм.
Ванӆум ӆыв пеӆэӆа, вантӆум Тәрма нухӆы
Поякщăӆум Тәрум Ащи пеӆы ма!
Шәшман мўв хăрыйн муйн,
Муй па карты йәш хăрыйн мăнман па.
Хиӆыӆам тăӆаӈ ёш па таӆаӈ кўр поякӆум
Па мосăӈ нумăс щи кєм тăйтєм ма?
Щи ăнтә, мăнӆум мўвєм хущи айӆта,
Поякщуман Тәрум Ащи пеӆы ма
Мăнӆум айӆта, амтăтӆюман
Хиӆыӆам па, па ма питрємăн няхман
Ат шәшӆăт пăнтэӆ хăйман па!

ВНУКАМ

Есть у меня три внученьки, внук,
И правнук вот родился!
Не только бабушка я, но и прабабка ,
Не верится мне, но это признаю.
Смотрю на внуков и смотрю на небо,
Молюсь за них я Богу!
Иду я по земле ли,
Иду ли по бетонному асфальту,
Молю здоровья внукам я!
Быть может, мыслю я не так?
И все же пойду я, потихоньку
Молясь, Небесному я Богу
Пойду тихонько все вокруг любя.
И внуки рядом пусть смеются,
Свой след пусть оставляют на земле!

(Перевод Р.К. Слепенковой)

ЛАПĂТ ТӘРУМ ОРТУМ МЎВ

Ӆаптыям Тәрум ортум мўвиям
Хәтыям Тәрум ортум мўвиям
Ай Тукьякăӈ ай кәртыям
Ай Тукьякăӈ ай вошиям.
Вустыеӆ турнăӈ ай кәртыям
Вустыеӆ ваншăӈ ай вошиям.
Ёшиям, ёша ювмаӆ-ие
Кўриям, кўра ювмаӆ-ие
Кеваӈ вошăн вәӆтэм кєпи
Карты вошăн вәӆтэм кєпи,

Сăмиям кăши, кăши-ие
Нумсыям шəки, шəки-ие.
Тухăлӈ ки тăймєм, тăймєм-ие
Кəртыям вантты щи пəрӆăсум
Тухăлӈ ки тăйсум, тайсум-ие
Вошиям вантты щи пəрӆăсум.
Тухăлӈ ăнт тăйӆум, тăйӆум-ие
Алӈ нумăсăн ма пəрӆăӆум
Ӆаптыям Тəрум ортум мӳв вантты
Хăтыям Тəрум ортум мӳв вантты
Ай Тӳкьякăӈ ай кəртыям
Ай Тӳкьякăӈ ай вошиям.
Вустыеӆ турнăӈ ай кəртыям
Вустыеӆ ваншеӈ ай вошиям.

ПЕСНЯ О МАЛОЙ РОДИНЕ Д. ТУГИЯНЫ

Земля, разделенная семью богами,
Земля, разделенная шестью богами,
Маленькие Тугияны, маленькая деревня,
Маленькие Тугияны, маленький город.
С зеленой травой моя маленькая деревня,
С зеленой осокой моя маленькая деревня.
Где руки мои руками здесь стали,
Где ноги мои ногами здесь стали.
В железном городе хоть я и живу,
Каменистом городе хоть я и живу –
Сердце мое болит, болит,
Мысли мои о тебе, деревенька.
Если бы были крылья у меня,
Деревеньку посмотреть я бы слетала,
Если бы были крылья у меня,
Город свой посмотреть бы слетала.
Крыльев нет у меня, нет,
Просто в мыслях я летаю,
Землю, разделенную семью богами, посмотреть,
Землю, разделенную шестью богами, посмотреть,
Маленькие Тугияны, маленькая деревня,
Маленькие Тугияны, маленький город.
С зеленой травой моя маленькая деревня,
С зеленой осокой моя маленькая деревня.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

МА ПĂНТЄМ

Ма пăнтєм муйсăр? Хуйн вəӆы?
Ма ӆӳвеӆ мӳвн хăйты вєрєм вəӆ.
Щи кӳтăн нəмăсӆум, ӆӳв муйсăр?
Хăнты нє ӆӳв муйсăр тăйӆ пăнт?
Пăнтєм турăн хущи мосăӈ хăщăӆ,
Па мосăӈ сэй пан хущи хăщăӆ ӆӳв?
Па мосăӈ Ас хущи вəн хумпăт кӳтăн?
А мосăӈ па вэнт мӳвăн хăщăӆ ӆӳв.
Па ена пайе, ма пăнтєм-щит хиӆыӆам
Ӆывеӆа пăнтєм хăйӆєм ма!

МОЙ СЛЕД

Какой мой след? Кто знает?
Хочу его оставить на земле.
Но вот вопрос: Какой же он?
Вот странно, какой же след вот у меня?
Быть может, он появится в траве?
Быть может, он появится в песке?
А может быть, волною на реке?
А может быть, и тропкою в тайге.
Скорей всего, что след мой – это внуки.
Да, точно, след свой внукам отдаю!

(Перевод Р.К. Слепенковой)

МА МЎВЄМ

Ай кэрт, муй ай вош, муй па вош
Мăнємa сăма рăхты ясӈăт
Ма тăта вэлум, ворумсум, рэпитлум
Мўӈ тăта вэлўв – ма, па нын, па лыв.
Касум Ас, па Лыхăӈ, Нуви лор
Тăм ясӈăт юхтум мира лавăрт хэлты.
Нуви сăӈхум вэнт мўв хущи
Щи тывăс кев па карты вош.
Мўӈ сємăн вантман єнмăс сора
Вет йитуп, йитăӈ ар кўш хот
Вош хўлы хущи карты йэшăт
Ăнтэм турнăл, вэшăс ваншел.
Вэнт мўв пелы ма ки мăнлум
Щăта вонщум, тулăх вэл,
Сўмтăт, вэншет, нохăр юхăт
Сємăн ванты эмăщ мўв.
Рома шэшлум, лалты эмăщ
Иса вусты ăня мўв!
Нуви сăӈхум вошев киньщи
Ăнтэм мўвăн щўняӈ мўв.
Тăта вэлты питлăт пушхăт,
Тăта рэпата ат тăйлăт
Лыв итала мўвăӈ йохлал
Ищи амăтман ат вэлăт!

(Перевод Р.К. Слепенковой)

МОЯ ЗЕМЛЯ

Деревня, иль село, иль город,
Слова знакомы и как мир просты.
Здесь все прошло: и молодость, и зрелость
Мы здесь живем – и я, и ты, и вы.
Река Казым, Лыхма и озеро Светлое –
Приезжему тех слов и не понять.
Белый Яр вырос в тайге,
Вырос каменный, железный город.
На глазах он вырос быстро,
Пятиэтажных множество домов,
Улицы с бетонными дорогами,

Нет ни травинки, нет ни муравы.
Если мы пойдём гулять в тайгу,
Там грибы и ягоды найдутся,
Березы, ели, кедры вековые,
Да посмотри, везде он наш простор.
Идем спокойно, дышим ровно,
Кругом то зелень и прекрасная земля,
Смотри, дыши – все это есть у нас!
У нас в Белом Яре – и нигде на свете
Нет краше луга, леса и тайги.
Здесь будут жить,
Работать наши дети,
И как они, и их соседи
Пусть радуются жизни земляки!

(Перевод Р.К. Слепенковой)

МА КӘРТЫЯМ

Хăр тăхийн, вусты турнат кӳтн
Ма кәртыям Ас питарн вәлӈ.
Ар тови, ар тăлӈ, сыр-сыр вєрăт вантман
Омслӈăн ма кәртєм, муйсар вотас па ат вәс.
Тӳкьякăӈ кәртэв – мӳӈ вәлӈэв тәса.
Тăта кӳлуп, сатик, ӈапка, па почта
Хӳвăн щит вәс, па мир яма вәсăт!
Хулта ӈыв вәшсăт? Хуй лупăлӈ тăм хăтлӈ?

Юхлы кєрăтты вєр щӳкӳш вәлӈ
Хот питăр ёхлав, рәтлав па ат вәсăт.
Колхосн ат рәпитсăт ащилав, аӈкилав
Кәртăн хăтлӈ хошум ӈәлӈăӈ иса ат вәс.
Ара мăнсӳв арсыр олӈăтн
Хуй воша, хуй ям тăхи кăшман.
Вәйтанлӳв тăта. Нәмлэв єнмум мӳвев
Школая яхсӳв, кәрт хӳват навăрсӳв.

Єнумсӳв, рәпитсӳв, икия яхсӳв
Па кәртэв таклы, вәлты щирэв ăнтә!
Юх ӈєр иты, хулт мєнумты щир па ăнтә
Тӳкьякӈев киньщи па кәрт ăн па мосăлӈ.

Хăтлӈ мӳӈ ӈӳӈăн кәртэвн вантлӳв
Йиӈк пошăх хӳват мӳӈ алăӈ хәхăлӳв.
Кәртые! Пушăхлан юхтсăт!
Пушăхлан юхтсăт йилпа нăӈ хущена!

Атәлт хән юхтсăт, ӈыв пилӈэла няврємлал, хилылалӈ!
Альтыя ӈывелӈ щӳняӈ ям, ăня мӳв!

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

К юбилею д. Тугияны – 220 лет.

Средь полей и душистой травы
Деревенька моя стоит на Оби.
Много весен и зим, все невзгоды изведав,
Стоишь ты, родная, всем бурям назло.

Тугияны-деревня, и помним мы точно,
Тут клуб, детский сад, магазин, да и почта –
Все было давно, и было так прочно!
Куда все ушло? Кто ответит сегодня?

Очень хочется нам, чтобы время вернулось,
Чтоб соседи, родные здесь жили века.
Чтоб родители наши в колхозе трудились,
Чтоб солнце в деревне светило всегда.

Расселились, разъехались в разное время,
Кто в город, кто в поисках лучшей мечты.
Встречаемся здесь. Помним место, где жили,
Где носились по улочке, в школе учились.

Где любили, женились, трудились, росли.
Мы корнями деревня к тебе приросли!
Приросли. Оторвать невозможно нас силой,
И не будет другой деревеньки нам милой.
Где солнце встречаем лишь летом в деревне,
По росе пробежимся по улочке тесной.
Деревенька, встречай! Пришли твои дети!
Твои дети пришли к тебе в гости опять!

Пришли не одни, с ними дети и внуки,
Показать все просторы родимой земли!

(Перевод Р.К. Слепенковой)

МА РӘТ ЯСҢЄМ

Хӑнты ясҥәм әмӑщ, кӯлы.
Хӑнты ясҥәм нюмша, ром.
Хӑнты ясҥәм ар сув тӑйӆ.
Хӑнты ясҥәм нӯмпи ям!
Ясҥєм сорни, нәмӆєм иса,
путрупсаєм тӑйӆєм ин.
Увӑс Ас иты ма ясҥєм
увӑл еӆӆы щурӑс оӆ…
Па мир ясӑҥ ищи тӑйӆӑт
ӆыв па ясҥеӆ әмӑщ кӯш,
ма рәт ясҥәм киньщи хуты
мӯвӑн ӑнтәм ясӑҥ ям!
Ищки мӯвӑн вәӆты хӑнтєм
ясҥӑӆ ӆєр иты щи мӑнӑӆ.
Щащи, щатщащиӆав эвӑӆт
мӯҥ вӯшева щи юхтыӆмаӆ.

Ма рət ясӈєм, хăнты путрєм
тəӆєм еӆӆы хиӆнєӈӆама,
ӆыв па ин мӱӈ əмăщ ясӈев
еӆ ат тəӆəӆ няврємӆаӆа.
Щиты ӆєр иты рət ясӈєм
па еӆ мăнăӆ щурăс оӆ.

МОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК

Хантыйский язык мой прекрасен, певуч,
Хантыйский язык мой тихий, спокойный,
Хантыйский язык мой диалекты имеет,
Хантыйский язык мой очень хорош!
Свой прекрасный язык помню всегда,
Говорю я на нем всегда.
Как река Обь, мой язык
Течет на века и столетия…
Другие народы тоже имеют свой язык,
Их язык тоже прекрасен,
Кроме моего родного языка,
В мире нет прекрасней!
На севере живущих ханты,
Язык у них как корень идёт.
От бабушек и дедушек
До нас язык родной дошёл.
Мой родной язык, рассказы
Донесу до внуков я,
И они наш красивый язык
Пусть передадут своим детям.
Точно так же, как и корни,
Пойдёт дальше на столетья.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

СӰС ТƏРУМ

Вусты лыпăт хойты питăс,
вəнт мӱв иса ăня йис.
Тăта, тута сємăн вантӆăн
вӱрты, вӱщӆум, вусты лыпăт.
Вантӆăн сӱмтэн вӱщӆум ухшам,
пăщар юхен вӱрты пунмаӆ.
Сӱс вот рӱв ки хойтаӆ саты,
лыпăтӆаӆ нюр ухшам русы,

сӱс вот рӱв ки хойтаӆ саты
лыпăт русы щи пăрыйӆ.
Ӆӱв пăрыйӆ Аӈки-мӱва,
хӱв тăӆ кеши хошмăӆ пăты,
вəнт, мӱв нəрум мӱв ӆавăӆты
ищки тăӆ хошмиеӆ пăты.
Сӱс па сӱс, ӆӱв мӱтра тăйӆ
аӆӈа саты хăтăӆ єтăӆ,
хăтӆ кăтупăн пăӆӈа йиӆ,
йетăн оӆа йєрта питăӆ,

ат кӯтупӑн вота йиӆ.
Тӑрум ащев щит щи партӑс
сӯсӑн сыр-сыр воньщум вӑӆ.
Тӑрум ащен щит щи хӑншӑс
тӯӆхӑӆ, нохрӑӆ иса вӑӆ.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Листья пожелтели,
Тайга стала красивой.
Тут и там посмотришь
Красные, жёлто-зелёные листья.
В тайге на берёзе жёлтый платок,
Рябина красный платок надела.
Если осенний ветер подует,
Листья как кисти у платка.
Если осенний ветер подует,
Листья, сыплются на землю.
Падают они на землю,
Укрывая на зиму её.
Тайгу, болото сторожить
От морозов суровых.
Осень есть осень, с чудесами она,
С утра как вроде солнце встаёт,
К обеду тучи на подходе,
К вечеру дожди пойдут,
А ближе к ночи ветер будет.
Небесный Бог вот так придумал.
Осень – ягод всех пора,
Небесный Бог вот так начертал:
Грибы, орехи – всё есть.

(Перевод Р.К. Слепенковой)

ХУТӐӇ СӐХ

Ма, ӑӈкєм-ащєм хущи оӆӑӈ эви вӑсум. Мӑнєм вӑс аӆт веткєм, муй па хӑткєм тӑӆ, тӑса нӑмӆєм, школая хуӆна ӑнта яхсум. Ма кашӑӈ хӑтӑӆ ӑӈкємӑн ӆапкая нянь ӆӑтты китыӆсыюм.Тайсум ма и пӑнт, ай ӆорхонӑӈ хӯват, ощ питрӑт эвӑӆт иса яхсум. Щи яхты пӑнтєм мӑнєм вана кӑӆӑс, па сыстама. А па кӑрт улицаева ки мӑнты, мосӑс кӑт йиӈкеӈ ай хӯлы вӯшты. Товийн па сӯсан щи хӯлэӈӑн иса йиӈкӑн вӯйман вӑсӈӑн. Аӆт щи пӑты щи ма яхсум ай ӆор-хонӑӈ хӯват.

Ӆӯӈӑн щит и йярнас пӯш хӑхтьӆясум, сӯсӑн па ӑӈкємӑн хутӑӈ сӑхӑн ӆӑмӆтӑӆыюм. Хутӑн сӑхєм шєӈк кӯӆ хошум вӑс. Ин сӑхєм нӑмӆтсаты па хурамӑӈ щӑшкансӑхӑн ӆӑмтуман вӑс. Хуӆта мӑнтӑм вӑнты. Сӑхємӑн юӆта хотєм эвӑӆт ким щи єтӆум, тухеӆшӑк еӆ питтєм кємӑн ин хутӑӈ сӑхєм хуӆт єӈхӆєм, тӑса ияха ювӑрӆєм па хунта пунум юх хоп илпия лукємӑӆєм. Ӆапкая и ярнас пӯш юхӑтӆум па щи єӆты па пиркашек имийн ӆявӆтӑӆыюм, муя ма и йярнас пӯш яхӆум. Нянь ӆӑтӆум па ищи тӑхєм хуват юхӆы щи мӑнты питӆум. Сӑхем хоп илпевӑӆт нух вӯӆєм, ӆӑмтӆєм, мевӑӆ кеӆӆаӆ тӑса йирӆӑӆӆам, па юх щи мӑнӆум. Щи пурайн ма ӆуват эвиӆам фуфайка тӑйсӑт, мӑнєм мӑтты па йеӆєм вӑс сӑхӑн яхты. Щи пӑты щи ма ин хутӑӈ сӑхєм йӑш кӯтӆупӑн хуӆт єӈхӆєм.

ЛЕБЯЖЬЯ ШУБКА

Я старшая дочь у мамы и папы. Мне было лет пять-шесть. Хорошо помню, в школу я еще не ходила. Ежедневно меня мама отправляла в магазин за хлебом. Была у меня одна дорога, возле стаек по сору ходила всегда. Эта дорога мне всегда казалась короткой и чистой. Если пойти по деревенской улице, то

нужно переходить через две топкие ручейки. Осенью и весной эти ручейки всегда были наполнены водой. Может быть, поэтому я и ходила по сору.

Летом я бегала в одном платье, а с осени мама на меня надевала лебяжью шубку. Шубка была толстой и теплой. А поверх шубки был надет красиво вышитый халат. Куда мне деваться? В шубке своей из дому выйду, подальше отойду от дома и ее снимала. Аккуратно заверну и положу под перевернутую лодку. В магазин иду в платье, а там меня ругает продавец. Зачем я хожу в одном платье. Хлеб куплю и по той же дороге иду домой. Шубу достану из-под лодки, надену и не спеша завяжу все вязочки на ней. В то время мои подруги ходили уже в фуфайках, а мне будто стыдно было ходить в лебяжьей шубке. Вот поэтому-то я и снимала свою шубу на полпути.

ТОВИ ХĂТĂЛ

И măты тови хăтăл ăҥкєм юх ӆăҥăс камӆта па лупăл:

– Эвиет, нын вəлӆăн хăӆəвăт вурҥа хăтăл?

Мӳҥ и тӳр сыян юхӆы:

– Вəӆəв. Ăн юрємăсэв. Ăҥка, мӳҥ нăҥен ӆавăлӆӳв ияха тыхăл вєрты мăнӆӳв.

Ӆəмӆємăсӳв па ăҥкев пиӆа мăнсӳв ощa. Турăн пурхăт эвăлт мунталӆăт вєрсӳв, па щив пунсӳв ӆов нящам. Хəев ӆӳҥты тыхӆăт хуӆт хăнятсăлӆав. Па нух ӆуҥтсăӆав, хуй муй арат тыхăл вєрăс. Щитэвăн юхи хотэва ӆăҥсӳв. Ăҥкєм лупăл:

– Эвиет, хуй аӆăҥ-хəньӆт тывтыйн нух киӆ, щи хуятэн ар тыхăл ăкăтăл. А па товия йиты артăн ищи арат васы пушăх хăр тăхийн вəйтăл.

Щи нумăсăн мӳҥ хəӆум эви иӆ щи уӆсӳв. Мăта утэв па аӆăҥ саты нух навăрмăл, ăҥки еӆпийн.

Камăн хуӆна пăтлам, оӆум сохи хəӆӆєм ащєм рєпатая ăктăщăл. Сємҥăӆам пӳшсум, кəр-хӳлыйн кăрăщин лампа ӆєӆ. Ащєм шай ящăл, щи юпийн па станцияя щи мăнăс тӳт вӳщты. Ма нух навăрмăсум, ӆəмтьӆясум, па ким єтсум. Камăн иса пăтлам. Атэӆт пăӆтапа йис васы тыхăл кăшты, щитємăн юх ӆăҥсум па ай эвєм нух кӳритты питсум.

– Мăнӆамăн ияха тыхăл кăшты, – лупӆум ма.

Ӆавăӆсєм хэн ӆӳв нух киӆ, ӆəмтьӆял, па ким щи єтсамăн. Щăлтса ощ пеӆы щи мăнсамăн тыхӆăт кăшты. Ăҥкєм вєриӆум тыхӆăт вəйтсамăн, па хот питра и лота пунсăӆӆамăн. Щитăн па мăнсамăн хот пӳҥăл имємăн ощa, щăта па тыхӆăт ăктсамăн нящами пайт хущи. Ям арат ăктмємăн. Амăтман юх ӆăҥсамăн, па сыйӆы-хəсӆы йиӆпа иӆ уӆсамăн. Ям нумăс нəмăсман па иӆ вуюмсыймăн, «товийн васет юхăты юпийн щăха хăр тăхийн муӆтарат ар васы пушăх мин щи вəйтӆмăн».

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Однажды весенним днем мама зашла домой и говорит:

– Дочери, вы знаете, что завтра вороний день?

Мы хором отвечаем:

– Знаем. Не забыли. Мама, мы тебя подождем, вместе пойдем делать гнезда.

Быстро оделись и с мамой пошли в стайку. Со старого сена сделали гнезда и в них положили конский навоз. И каждый из нас запрятал свои сделанные гнезда. Сосчитали, кто из нас, сколько гнезд сделал. После всего этого зашли домой. Мама говорит:

– Дочери, кто с утренней зарей встанет, тот много гнезд соберет. А по весне в лесу столько же утиных яиц наберет.

С этими мыслями мы, три дочери, легли спать. Кто ж из нас с утреней зарей поднимется, перед мамой.

На улице еще темно, сквозь сон слышу, папа собирается на работу. Открыла глаза, за печкой горит керосиновая лампа. Папа пьет чай. После чего он пошел на станцию свет зажигать. Я соскочила, оделась и вышла на улицу. На улице совсем темно. Одной так жутко стало собирать вороньи гнезда. На этом забежала домой и стала будить сестренку.

– Пойдем вместе гнезда собирать, – говорю я.

Подождала, пока сестренка встанет, оденется, и вышли на улицу. Пошли к стайке искать гнезда. Нашли мамины гнезда, отнесли их к дому и высыпали в одну кучу. Потом пошли в стайку соседки, там, на куче навоза тоже нашли гнезда. Собрали немало гнезд. Зашли домой и тихонечко легли снова спать. Уснули с хорошими мыслями: «Весной, когда прилетят утки, мы в лесу найдем много утиных яиц».

ЙЕМĂҢ ВОЙ

И, мăтты ӆӳҥ, турăн вєрты щəс, вəнт пəхăр хущи мӳҥ ăҧкев пиӆа вəсув вəн турăн-хотăн. Иса щăта вəс ӆапăт семья. Мăнєм щи щəс вəс хəт муй ӆапăт тăӆ. Мєлăк ӆӳҥ вəӆум пăты турăн-хот ов нємӆтыйн лăп ăн эхтыӆсы ат мăр. Пєлки овăн щи уӆӆясӳв хăшап ӆыпийн. Ищкия йиты питум артăн ин турăн-хот ов вəн шаӆян лăп эхтыӆты питсы.

Иӆатăн, аӆăҥ мăтты ими ӳвты рӳвăн, мӳҥ нух вєрӆăсӳв. Нємăӆт ăн вəӆӳв, муя ăҧкиӆӳв уӆтăхиӆаӆ ăкăтӆăт па касӆуптыйӆăт вəн хота. Йеша ромумсăт па, па кӳтəӆăн путăрӆăт. Ăӆтырăн, йетăн иӆ уӆты еӆпийн ищиты турăн-хот ов вəн шаӆьн лăп эхтсы. Сӳс атăт пăтламăт, щит пăты аӆпа щи ов ӆопăстăсы. Аӆăҥ саты муӆтсăр ут хутты ванăн щи сащмăс, турăн-хот шăш пєлăкăн тӳрăӆ щи сымӆăс. Вəнӆат имиӆăв аӆпа тəса хəӆмеӆ пăты нух щи навăрмăсăт. Мӳҥ па няврємăт нух щи кӳритсыюв. Щикєм пăӆты сащ тăйсӳв муй ăнтə щи пурайн, мӳҥев ни хоӆӆуп, ни нємӆты. Тӳрăн-хот эвăӆт ким єтты питсум па шиваӆăсєм, ена па, ин ова эхтыӆум вəн шаӆь сӳҥăӆ тӳтăн ёсум. Щăӆса па турăн-хот ов эвăӆт мӳв хăры нюр тӳтăн ӆэвум пăнт хăщмаӆ.

Ин ма нəмтємăн щи пăнт 25 муй 30 сантимєтра вӳтат щи вəс. Щи пурайн ăҧкиӆӳв айкємăн путăрӆăт, пăӆман:

– Йемăҥ войн юхтыӆсыюв. Муй вӳрăн ӆӳв турăн-хота ăн питăс, тəп Тəрумн вəӆы. Шаӆь сӳҥăӆ нух ёссы ов хущи па щи. Муйн катӆсы, ов вəнты юхтыӆăс?

Ăҧкиӆӳв кассăт павăрт вəн хота. Ӆєсăт-ящсăт па турăн-хăра щи мăнсăт. Ӆыв мăнмеӆ юпийн, мӳн па əмащ пăты, кӳш кєпи пăӆӆӳв щиты щи мăнсӳв и нумăсăн, и ӆуватты няврємăт ин йемăҥ вой пăнт ванты. Турăн-хот ов эваӆт оӆҥăӆтсєв ин пăнт питăр хӳват мăнты щи питсӳв. Пăнт кӳщман щиты хăш вӳр ём-юх вӳр вəнты юхăтсӳв. Вəӆ тəп и пăнт. Кимăт пăнт ăнтəм. Ӆыпи нумăсӆавăн сащӆы щи пăӆӆӳв, ищипа еӆӆы мăнӆӳв, анши-юх вӳр вəнты юхтсӳв па ин пăнт хуӆтпеӆы щи вəшăс.

Ин щи пăнтăт кӳщман яхтэв ăҧкиӆӳва нємăӆт ăн лупиӆсӳв. Кăмăн ӆявӆтăӆыюв ин щит эвăӆт пăӆман. Ищи щи ӆӳҥ па ай пəхăр хущи ма акєм-имєм турăн вєрсăт, ӆыв па хəӆӆясăт щи йемăҥ вой тӳр сый. Щи ӆӳҥ кəртăҥ мир иса щи путăрсăт щи муӆсăр вой оӆăҥăн. Йемăҥ вой щит муй ма ин хăтăӆ вəнты ăн па вəӆєм?

Щи вӳш эвăӆт веккеши имет турăн-хот ăн вєрăнсăт, иса вəсăт павăрт хотăн.

ЗМЕЯ

В какое-то лето, во время покоса, мы с мамой жили в большом шалаше. Всего нас было в шалаше семь семей. Мне тогда было шесть или семь лет. Лето было жарким, поэтому вход в шалаш ничем не завешивали. С открытыми дверьми спали в пологах. Когда стало прохладно, только стали завешивать входные двери большой шалью.

Однажды утром, кто-то из женщин стал кричать, и мы от этого проснулись. Ничего не можем понять, почему мамы собирают постели и переносят их в большой дом. Когда успокоились, стали говорить друг с другом. Оказывается, перед сном на двери как обычно повесили большую шаль. Осенние ночи стали прохладными, и поэтому стали завешивать двери. Под утро рядом с шалашом вдруг что-то стало слышно. Женщины, видать, услыхали это звук и соскочили. И стали поднимать нас, детей. Испугались ли мы в то время, кто его знает, даже никто не плакал. Когда стала выходить из шалаша, увидела, у шали которой завешивали двери, угол был обгоревший. И шла от шалаша выженная тропа.

Как сейчас помню где-то 25-30 см была ширина. В этот момент родители говорили очень тихо.

– Змея приходила. Как хоть она в шалаш не попала, одному Богу известно. Только уголок шали у входа подожгла и все. Что удержало, до дверей только доходила?

Родители переселились в большой дом. Позавтракали и пошли на покос. Как только они ушли, мы ради интереса, хоть и было страшно, пошли дети одного возраста смотреть змеиный след. Начали вести след от дверей шалаша. По следу дошли до тальникового и черемухового леса. Был только один след. А второго нет. Было страшно, но мы так и продолжали идти, дошли до кустов шиповника и потеряли след.

Родителям мы так и не говорили, что ходили в лес по следу змеи. Вдруг они нас будут ругать, вот поэтому мы молчали. В это же лето на маленьком острове дядя с тетей ставили сено. Они тоже слышали крики этой змеи. В это лето вся деревня говорила о какой-то загадочной змее. Что за змея, я до сих пор не знаю.

С того самого времени женщины больше не делали шалаш на покосе, все жили в доме.

СОЛОВАР ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

Соловар Валентина Николаевна – ученый, педагог, поэт. Родилась 29 января 1958 года в селе Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа. Все, что окружало ее с детства, дышало особой привязанностью и бережной любовью к хантыйскому языку. В семье В.Н. Соловар все были настоящими собирателями хантыйского фольклора.

После окончания Казымской восьмилетней школы она поступила в Ханты-Мансийское педагогическое училище, а в 1977 году – в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Успешно училась на филологическом факультете, и, получив диплом, в 1983 году была принята на работу в Институт усовершенствования учителей города Ханты-Мансийска на должность методиста национальных школ. В 1988 году в Ленинграде появляется на свет первый труд – «Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский», написанный в соавторстве с Е.А. Немысовой и С.П. Молдановой.

Желание заниматься наукой приводит специалиста на кафедру общего языкознания Новосибирского университета, где с 1985 по 1987 годы В.Н. Соловар проходит двухгодичную стажировку. В 1988 году она поступает в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Увлеченно занимаясь родным языком, В. Н. Соловар пишет статьи, которые публикуются в самых известных научных журналах России, участвует в работе Международных финно-угорских конгрессов и конференций. Имя В.Н. Соловар хорошо известно в научном мире. После конгресса в Дебрецене (Венгрия) появляется ее работа «Структурно-семантические типы простого предложения хантыйского языка», впоследствии ставшая основой кандидатской диссертации, успешная защита которой состоялась в 1991 году.

Важное место в жизни В.Н. Соловар занимает научно-педагогическая деятельность: филиал Нижневартовского педагогического института, Югорский государственный университет. В 2011 году В.Н. Соловар защитила докторскую диссертацию.

В.Н. Соловар создала научную школу по хантыйской филологии. Уже не один ее ученик стал кандидатом филологических наук.

По ее учебникам ведется обучение студентов, школьников в регионе. Создавая книги для детей, В.Н. Соловар стала включать в них свои поэтические произведения, написанные на хантыйском языке.

В своей лирике поэтесса обращается к теме любви. Автор не придерживается строго требований восточной поэзии хокку, танка. Благодаря традиционным образам и символам создается особый лирический мир хантыйской женщины.

В 2008 году В.Н. Соловар присвоено почетное звание «Заслуженный работник образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Живет в Ханты-Мансийске.

***

Кошайєм, Коша,
Кошайэ, Коша,
Олӈэӈ йӑм хилыийєм,
Вөн йӑм пухиийєм,
Аӈкийэн вөнӆтылӈэм йӑм пурайна,
Вөн вошэн вөӆэм йӑм пурайна,
Ма щи лє єнмӆтыйӆлмємийэ,
Ма щи лє пуњхилӈэмємийэ.
Ин ӑшколайа щи питыйӆлмэн,
Ӑшколайа щи мӑныйӆлмэн,
Шакмат пєӆа щи сӑмӆӈө,
Киншка пєӆа па апрӆӈө.
Йэлӆы вөӆты пӑнтыйэннайө,
Йэлӆы шөтши йөшийэннайө
Найэнна атыйэ ӆавӆтэнө,
Вөртэнна атыйэ ӆавӆтэнө.

***

Ащєм көрта йухтэс,
И муй похща төс,
Сэтка хирэн арбуз
Вөн воњщэмут вөс.

***

Нӳв вӳрэн омэсӆэм
Ма хурасэӈ хө,
Йєрнасєм њӳр нуви,
Аӈэн илпєм питы,
Ух пӑтєм сэвэӈ.
Төрмэн ищка йилӈ ки,
Ӆоњщ өӈха уӆӆэм.

1.12.2015

РѲТ ЙАСҢЄМ

Вѳнт мӳв, њѳрәм кӳтән
Єнмәм ъѳпәң йасҥєм,
Сыйәң тӳрән ӑн тывсайән,
Ар сувэн тѳп кӳлы.

Тови вурӈа тӳвәм йасәң
Њаврєм сӑма питәл,
Аӈкэн пухәл киталлләлэ,
Щащэн арәл суваң.

Мирєм вѳлты нѳпәт
Вѳнэн айа ӑн йилл,
Оты пилләл хѳлләс,
Сӑмәл иса луллас.
Ин єнәмты ай эвиэ,
Ин єнәмты ай пухийэ,
Хӑнты йасҥэн йэл па тӳвэ,
Хӑнты арэн йэл па сѳхтэ.

ПОЙӘК ЙАСӘҢ

Хуллта пєлә, оты пилыйєм, шѳшсән,
Хѳлмємән, Щӳнь йухан пєлә мӑнсэн.
Мӑнты йѳшэн пайлы ат вѳл,
Хумпәң йуханән хопэн ал тємлә,
Тарәм вотэвән вєншэн ал вотлә,
Йєҥкәң йєртэвән мэвлэн ал хойлә,
Шив йєртән пӑнтэн ал сайәтлә.
Мӑтта вѳнт њуллэн хӑйлэн,
Хойты мӳвэнән хӑтәл ат лѳрыйәл.
Нуви йиҥкпи соймәтән
Сємийэн-њуллыйэн льухәтлә.
Ай Мощ хѳйэн нымлән пӑнтэн
Йӑӈхийәлты йѳшэн ат хѳтләлы,
Пӳпи хѳ са лольщи посэв
Нӑӈэна ат сӳртыйәл.
Рӳвәң төрәмән кӑлт йиҥка нӑӈэна питләм,
Шӑӈка йитыйән тарәм йєрта ма йилләм.
Щӳнь йухан пєлә мӑнсэн,
Йухлы ма нӑӈәт ӑн вохлєм.

5.12.2010

***

Төрмэв йӑма щи йис,
Хӑтлєм мӑнєм похнәс.
Ас йиҥк вуйән хӳвләсы,
Вѳн сѳх холпа хойәс.

22.04.2015

***

Тови пєлә кєрләс,
Мӳвєм пєлә йӑӈхлләм,
Хошәм щив төлләм.
Лорлан пєлки питләт,
Хѳйэн хопа лєл,
Төрмэн лӳӈа щи йилл,
Кѳрт хӑрємән пѳрләтльәләм,
Пан хӳват хѳхәтльәләм.
Сӳс пєлә питәл,
Морты мӳва мӑнләм,
Йӑм йасҥєм хӑщәптәлєм.

17.09.2015

***

Тӑм лӳӈ мѳрәх єтмал,
Њѳрмэв хӳват пӑнт.
Алән ѳхәл мӑнмал,
Мѳрхәң пӑнтәл кӑл…

***

Алән ким питсәм,
Кѳрт хӑрыйән войийэ,
Вӳрщәк щи тыв йухәтмал,
Хошәм тӳвмал мӳвэва.

***

Алән пєлә кєрләс,
Вошэв хулна ул,
Пулнӑры хӑйпийэн тӳр
Амња пєләк са саъәл.

***

Вӳрщәк, вӳрщәк войиэ
Кѳрт хӑра йухтәс,
Хошәм мӳӈэв тѳс.
Тывэл-тухэл пѳрләтльәл,
Пѳшэл иса кавәъәл.
Кѳрт хӑра латәс,
Йӑм ай мӑнєм тѳс.

***

Камән хӑтәл лѳрыйәл,
Төрмэв мєлка йилл,
Аӈкаӈкємән сэвєм сэвса,
Ух пӑтыйєм войән латлә.

***

Вурӈа хӑтлә йис,
Ишњєм эвәлт кӑл:
Шоп щи вурӈа йухтәс,
Аӈкәл шѳпа латәс.

***

Хуӆта сойэн пөрӆэс,
Кӯвлэӈ ньоӆєм төс,
Ѣорыман щи мӑнэс,
Шөхты сыйэӆ вөс.

19.05.2015

***

Пана ӆатмаӆ
Йємэӈ шош,
Сорњєӈ тухэӆ
Пухєм вантмаӆ.

***

Хуйат хӑйэм ай кӑъи
Хотэва мӯӈ вӯсэв,
Шовэр нємэн пунсэв,
Ӆыӆэӈ хӯӆэн ӆапэтсэв.
Хот ӆуват ин наврыйэӆ,
Тӑта-тута кӑльийэӆ.

***

Аӈкщащєм моњэӆ,
Илӆ хөн вуйэмӆайэм,
Моњща тӯлмэм њаврєм
Мӑтта йисэн вөӆ.

***

Вөӆэпсэнэн ма – муӆтас:
Арэна ма ӑн питсэм,
Моњщэна ӑн хойсэм.

***

Төрэм питы сӑх эвэӆт
Нуви пун пӑрыйэӆ
Уйаӈ кӑтэн ух пӑтыйа.

15.12.2012

***

Хот овєм лӑп пуртэсы.
Йөшєм лӑп төсы.
Хотыйєм хӯват нӯви пӯл хӑтэӆ,
Хӑтӆыйэ, йошэн тыв мийэ.

6.01.2011

***

Ӆор пєлэкэн хоӆӆэп,
Хутэӈ тӯр сый саъэӆ,
Ма итама пиӆэӆ вөтшэс,
Сӑмэӆ иса мӑнэс.

13.02.2016

***

Сӑма рӑхи хөйєм
Вөн воша мӑнэӆ,
Вөӆ ӆуват сємйиӈкєм
Ӆӯв йӯпэӆэн увэӆ.

22.05.2016

***

Вөтшєм йӯпийэн,
Муй хӑъэль?
Тови йєӈкэн мєнэмӆа,
Мөрхэн ӆуӆаӆ,
Вӯӆы кӯрпӑт ӆӑтэӈ сый.

13.01.2013

***

Ван хӑтӆэп нувийэн
Морты мӯва мӑнмэнэн,
Тыӆщийєм мӑнєм щи пӑтӆэс,
Хӑтӆєм па мӑнєм щи пӑтӆэс.
Сєм йиӈкийєм посымаӆ са
Йєӈк сӑк иты ӆоњща питэс,
Шивэӈ йєртэн мӯва пушэс.

Декабрь 2013

***

Йємэӈ шош хурэн
Ма щи пөрӆыийэӆӆэм,
Ӆопат көртєм мухэӆӆэм,
Пилт эвэӆт лӯтӆэӆэм,
Касэм мирєм уйаӈ мӯва
Ма щи ӆатыийэӆӆэм.
Амња воша мӑнӆэм,
Хот вуӆыйєм вантӆэм,
Мӑӆэӈ вөрыйа ӆатӆэм.

20.02. 2016

***

В твоей жизни я – лишняя,
В твою песню я не попала,
Сказки твоей не коснулась.

(Перевод В.Н. Соловар)

***

Из черной шубы неба
Белый пух падает
На головы двух счастливых.

(Перевод В.Н. Соловар)

МОЛИТВА

Куда ты, нежный друг мой, отправился,
Слышала, к Реке Удачи уплыл.
Пусть путь, по которому плывешь ты, ровным будет,
На реке, где высокие волны,
Пусть лодку твою не зальет,
Могучий ветер пусть лицо твое не обветрит,
Пусть град (букв.: ледяной дождь) не бьет тебя в грудь.
Моросящий дождь пусть не прикроет твой путь.
Какой-то угол леса оставишь,
На земле, к которой ты пристанешь, пусть солнце звенит.
Чистые ручьи (букв.: беловодные)
Глаза-нос твои обмоют.
Мощ хо лыжный след (Млечный путь)
Пусть осветит дорогу, по которой ты идешь,
Созвездие Медведя (букв.: знак медведя,
стоящего, как человек, т.е. на двух ногах)
Пусть тебе светит.
В знойную погоду упаду тебе росой,
Когда будет жарко, стану я сильным дождем.
Ты уехал к реке Удачи,
Назад я тебя не зову.
Все равно ты яркой звездой
Будешь мне светить...

(Перевод В.Н. Соловар)

***

Дверь мою занесло метелью,
Дорогу мою занесло.
По домику движется белое пятно,
Солнышко, подай мне руку.

(Перевод В.Н. Соловар)

***

В стороне озера плач,
Голос лебедя слышен,
Потерял он друга, как я,
Сердце его совсем ушло.

(Перевод В.Н. Соловар)

***

Мужчина, подходящий моему сердцу,
Поедет в город большой,
Слезы мои, размером с ягоду,
За ним текут.

(Перевод В.Н. Соловар)

***

После того, как исчезну,
Что останется?
Сорвет весенний лёд,
Морошка поспеет,
Звонкий звук копыт оленей.

(Перевод В.Н. Соловар)

***

В месяце коротких дней,
Когда ты уехал на юг,
Луна перестала светить мне,
День мне стал темным.
Слезы мои, как капали,
Как ледяные бусины, упали в снег,
Моросящим дождем землю увлажнили.

(Перевод В.Н. Соловар)

***

В образе священного селезня
Я летаю,
Облечу стойбище Јопат,
Освобожусь от перевеса,
На счастливую землю людей Казыма
Я сяду.
Полечу в деревню Амню,
Остов дома своего осмотрю,
На озеро сяду.

(Перевод В.Н. Соловар)

ТАРАГУПТА ЛЕОНТИЙ АНТОНОВИЧ

Леонтий Антонович Тарагупта родился 25 августа 1945 года в деревне Пословы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа в семье рыбака-охотника. Л. А. Тарагупта окончил Азовскую восьмилетнюю школу, Салехардское педучилище, Челябинский институт культуры. В его трудовой биографии – работа корреспондентом окружного радио в Салехарде, методистом окружного Дома народов Севера.

Л. А. Тарагупта работал научным сотрудником Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов. Предметом его научных исследований является миропонимание, мировоззрение обско-угорских народов в историческом плане.

Л. А. Тарагупта в 70-е годы XX века написал поэму на хантыйском языке «Пӧслов калӈӑӈ» («Пословская пристань») философско-мировоззренческого характера. Вместе с поэтом К. Кравцовым перевел на русский язык священную песню «Сын Неба», исполненную П. К. Яркиным.

ПӦСЛОВ КАЛӇӐӈ

Нӑӈ вантыя-са тӑм ултэнӑн:

Хӑтлӑл этталӑн –
Пошӧм олёп:
Пӑлӈа кӑлмӧм опӑль тӳт
Хӑтлӑл лӧӈталӑн –
Пошӧм олёп:
Иӈка шӳйлӧм опӑль тӳт.

Хӑтлӑл этталан –
Ховеӈ ов юш:
Кӑт шипӑла эптӧм Ас;
Хӑтлӑл лӧӈталӑн –
Хӳвлӧм сел ик:
Варсӑт кӳтпа эптӧм лор.

Хӑтлӑл этталӑн –
Мӑнэм хӑш тай:
Юха хойм кущӑл вот,
Хӑтлӑл лӧӈталӑн –
Полщӧм ик сый:
Пана лякӧм нӧви нявӑр.

Хӑтлӑл этталӑн –
Ил-нӧх яхлӑн:
Хӳв кел тайн отпен нёхал:
Хӑтлӑл лӧӈталӑн –
Ил-нӧх яхлӑн:
Холӧп сурыйн хопен нёхал.

Атл улла нёхаллайн,
Хатлӑл улла нёхаллайн…
– Ащикем па хӧта ул?

– Ащикиен хӧты…
Ов ик хухла –
Карвош этл.
Нявреӈ ас вӳр па пелӑкӑн

Ай хӑш юш ов.
Пӧслӑл ов ирэмӑла –
Ӧмращ рӳва,
Кӳлмӧм хӑш вӳр.
Сыйл тула ай курт
Шаӈкап этмал.
Лылыен ки щӑта ул –
Кимет калнаӈ,
Питы ай хот
Ванӑн ныла,
Щӳӈӑл нӳша,
Ишнел ай,
Сӑмлал, тӑӈха, вохилыла,
Элӑл, тӑӈха, потылыла
Ӧхӑл вотӧм пирӑщ ики
Щӑта ул.
Ӧхӑл вотӧм аӈкӑл вой
Щӑта омӑсл.

Ащикем туп шавиялӑн…

II

Нӑӈ вантыя-са тӑм ултэнӑн:

Хӑтлӑл эттаӈӑн –
Хот лыпи
Шушты пӧхӑн тэлые;
Хӑтлӑл лӧӈтаӈӑн –
Хот лыпи
Шушты эвийн тэлые.
Хӑтлӑл эттаӈӑн –
Нӧви нянь,
Щосӑл щирн лавӑнтыла;
Хӑтлӑл лӧӈтаӈӑн –
Щашкан тыхӑл,
Щосӑл щирн вӧйлтыла.

Хӑтлӑл эттаӈӑн –
Хӧятл ар,
Нӧмӑс пӧнты тӑха ӑнтум,
Хӑтлӑл эттаӈӑн –
Хӧятл ар,
Нӧмӑс пойкты тӑха ӑнтум.
Хӑтлӑл эттаӈӑн –
Пӧтӑрла,
Нӧви нэпек лӳӈӑтты сый…
Хӑтлӑл лӧӈтаӈӑн –
Пӧтӑрла,
Питы хӑнши щӳрӑтты сый.
Атл улла катӑллайн,
Хӑтл улла катӑллайн.
– Ащикем па хӧта ул?

– Ащикем хӧты…
Ов ик хухӆа –
Карвош этӆ.
Няврэӈ ас вӳр па пелӑкӑн
Ай хӑш юш ов.
Пӧсӆӑӆ ов сыемӑӆа –
Омращ рӳва,
Кӳӆмӧм хӑш вӳр.
Вещкат ай кур
Шӑӈкап этмаӆ.
Ӆыӆыен ки щӑта уӆ –
Кимет каӆнӑӈ,
Ай павӑрт хот.
Ӆӧӈӆӑӆ ваншеӈ,
курӆ каврӧм.
Ӆэӆ шиӈӑш юх,
ай ишни вӳс.
Ӧхӑӆ вотӧм пирӑщ ики
Сэм ик мӧхты ватӆ.
Тӳрэн верӆэн
Мошташайн.
Эӆпӑӆ хойм аӈкӑӆ вой
Щӑта омӑсӆ.

Ащикем туп шавияӆӑн…

III

Нӑӈ вантыя-са тӑм уӆтэнӑн:

Хӑтӆӑӆ эттаӆӑн –
Вӧсты нявӑр –
Пӑӆа верӧм ольпӑӈ хопӑт щевӈӑӆӆайт…
Хӑтӆӑӆ ӆӧӈтаӆӑн –
Нӧви пусӑӈ –
Турма катӆӧм оӆьпӑӈ хопӑт кӳрӈӑӆӆайт.

Хӑтӆӑӆ эттаӆӑн –
Кевӑӈ вошӑт
Пӑӆӈа хойман опсыӆӑӆӑт…
Хӑтӆӑӆ ӆӧӈтаӆӑн –
Кевӑӈ юшӑт
Питы пусӑӈӑн мӑнӆайт.

Хӑтӆӑӆ эттаӆӑн –
Мир,
Похнӧм ёхан иты, мӑнӆ…
Хӑтӆӑӆ ӆӧӈтаӆӑн –
Мир,
Ӆӧӆам пӧсӆ иты, хӑтӆ.

Хӑтӆӑӆ эттаӆӑн –
Ищи ермат –
И нэ вӳра тӧхэӆ таӆӑӆ…

Хăтлăл ӆӧŋталăн –
Ищи ермат –
И ху вӳра тыел талăл.

Атл улла вортăсылăт,
Хăтлăл улла вортăсылăт…

– Ащикем па хӧта ул?

– Ащикен хӧты…
Ов ик хухла –
Карвош этл.
Нявръӈ ас вӳр па пелакăн
Ай хăш юш ов.
Пӧслăл ов сыемăла –
Питы рӳва,
Куӆмӧм хăш вӳр.
Ӧйлы питӧм тăл курт
Шăŋкап этмăл.
Ӆылыен ки щăта ул –
Кимет калнăŋ
Ищи тăхаялăн
Щӳŋăл шуйлӧм ай павăрт хот.
Кӳрл потӧм,
Нампăр нӧри.
Хот хăр пăлат
Ай ишни вӳс.
Мӳл щӳŋăлăн
Пăтлам, вӧсы…
– Ащикем па?
– Па хотыелăн шавила…
Энмăлтыйм пӧх хун тăйс,
Торнăлтыйм кой хун тăйс.
«Нявръэм ӆор» щӳŋ ай питăрн
Холлӧп онтӧп
Ӆӳв хун талльийс…

– Пӧхăл нăŋ щи?
– Пӧхăл ма щи…

IV

Нăŋ вантыя-са тăм ултэнăн:

Хăтлăл этталăн –
Сэм ик пусăŋ
Ермат лух вӳсы ал ермăл,
Хăтлăл ӆӧŋталăн –
Сэм ик пусăŋ
Шукăŋ ӧх вӳрн ал армăл.

Хăтлăл этталăн –
Ай куртые
Мăтты пӧсал ов питăрн ăл омăсл;

Хăтлăл ӆӧҥталăн –
Кур тӳр пусҷие
Мăтты ёхан мӳви ай сăҥхӧмн ăл кавăрл.

Хăтлăл эттаӆăн –
Тэӆăҥ хӳв аные
Шивем пусăҥăн ăл пусҷиӆăл;
Хăтлăл ӆӧҥталăн –
Тэӆăҥ хӳв аные
Кавръм пусăҥăн ăл кавăрл.
Хăтлăл эттаӆăн –
Щӳняҥ мӳвие
И кăт-хулӧм хошӧм ӆыл ал шавийл;
Хăтлăл ӆӧҥталăн –
Сорнеҥ асые
И кăт-хулӧм умăщ ясăҥ ăл шавийл.

Хăтлăл эттаӆăн –
Унтэн вопăсл:
Ёхма хойм ик сӧх тай щӧрса тулa;
Хăтлăл ӆӧҥталăн –
Хӳсэн вопăсл:
Ува нёрщӧм ӆавăрт нӧмăс ныкӆы тулa.

Атл улла нопăтлайн,
Хăтлăл улла нопăтӆайн…

ПОСЛОВСКИЙ ПРИЧАЛ

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА)

I

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит –
Промокшие краски:
В тучах сквозящий Небесный Огонь.
Солнце Святое заходит –
Промокшие краски:
В воду упавший Небесный Огонь,
Солнце Святое восходит –
Стремнин круговоды:
Выросла с берегом вровень вода,
Солнце Святое заходит –
Прозрачные воды:
Ивы по грудь затопивший простор,
Солнце Святое восходит –
Поклон тальниковый:
Ветер споткнулся, Свистун, о таль,
Солнце Святое заходит –
Полощется краем
Берег, заплеванный пеной волны,
Солнце Святое восходит –
На долгой веревке
Ходит – в-и-й-воxx – колыбелька твоя,

Солнце Святое заходит –
У завязи сети
Колышется лодка твоя,
День правит Миром – качает тебя,
Ночь правит Миром – качает тебя.
– Да, а дедушка, мамы отец,
Где он, жив?
– А что дедушка…
Теченье осилишь –
Карвош появится,
Берег Ребенка Пропавшего,
На другой стороне –
Ивняковая просека,
В протоку проскочишь –
Яр бездонный,
Тальник непроглядный,
Жилое местечко,
Молва о котором
Как из-под земли вынырнет.
Если твое дыхание там –
Второй причал,
Почерневший домишко увидишь,
Угол бедный,
Оконце сквозное…
Может быть, замерзает порой,
Может быть, голодает порой…
С головой, побеленной ветрами, старик
Там живет,
С головой, отбеленной ветрами, сова
Там сидит.
– Дедушку уберегите…

II

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит –
Кишение в клети
Внуков Его – мышиных человечков,
Солнце Святое заходит –
Кишение в клети
Внучек Его – человека мышей.
Солнце Святое восходит –
Хлеб свой насущный
Примешь опять, как прикажут часы.
Солнце Святое заходит –
В снежной простынке
Снова сожмешься ты с боем часов.
Солнце Святое восходит,
Людей Его много –
Веры своей не увидеть ни в ком.
Солнце Святое заходит –
Людей много –
Истины вымолить не у кого.
Солнце Святое восходит –
Тебя просвещают –

Гул считки книг и скрипенье пера.
Солнце Святое заходит,
Тебя просвещают –
Черный узор покрывает листы.
День правит Миром – на привязи ты.
Ночь правит Миром – на привязи ты…
Да, а Дедушка, мамы отец. Где он жив?
– А что дедушка…
Теченье осилишь –
Карвош появится,
Берег Ребенка Пропавшего,
На другой стороне –
Ивняковая просека,
В протоку проскочишь –
Яр бездонный,
Тальник непроглядный,
Жилое местечко притихшее
Как из-под земли вынырнет.
Если твое дыхание там –
Второй причал,
Бревенчатый домик
С травою на крыше,
Печка живая,
Оконце сквозное.
С головой, побеленной ветрами, старик
Сквозь слезную бель
Еле глядит,
Голос подашь –
Признает.
С помертвелой кожей сова
Там сидит…
– Дедушку уберегите…

III

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит когда –
Зеленая пена…
Тащат стада горделивых судов,
Солнце Святое заходит –
Белесые струи,
Гром прицепившихся к небу судов…
Солнце Святое восходит.
Красуются камнем
Тучи, пронзающие города.
Солнце Святое заходит –
Асфальтодорожье
Гарью застелено слоем за слой.
Солнце Святое восходит –
Мирская пучина
Лопнувшей вешней талой водой.
Солнце Святое заходит –
Мирская пучина
Катится прорванной талой рекой,
Солнце Святое восходит –

Та ж горькая давка:
Воля одних тянет мир на себя,
Солнце Святое заходит –
Та ж узкая часть:
Хитрость других тянет мир на себя,
День правит Миром – согласия нет,
Ночь правит Миром – согласия нет…
Да, а дедушка, мамы отец. Где он жив?
– А что дедушка…
Теченье осилишь –
Карвош появится,
Берег Ребенка Пропавшего;
На другой стороне –
Ивняковая просека,
В протоку проскочишь –
Яр бездонный,
Тальник непроглядный,
И мертвый поселок
Как из-под земли вынырнет.
Если твое дыхание там –
Второй причал,
С углом утонувшим бревенчатый домик
Все там же увидишь,
Стылая печка;
Истлевшие нарты;
Оконце, ушедшее в пол.
В Священном Углу.
– А дед?
– Кто его будет беречь…
Разве скажут,
Что мальчика он воспитывал,
Разве скажут,
Что птенчика он вынянчил,
Разве скажут:
По логу Ребенка Пропавшего
Люльку плачущую он провозил…
Сын его – ты?
– Сын его – я…

IV

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит,
Тьма слезного дыма,
Тропку дыхания между ключиц
Кто же не застолбит!
Солнце Святое заходит,
Тьма слезного дыма,
Ключик сознанья в безродном мозгу
Как же не пережмет:
Солнце Святое восходит –
Жилое местечко
В маленьком устье у края воды,
Видеть – не вижу, но где-то стоит,
Солнце Святое заходит –

Тонкий дымок
Над белой, речною петлей,
Видеть – не вижу, но льется, живет,
Солнце Святое восходит –
Полная чаша,
Терпкий и свежий молитвенный пар,
Видеть – не вижу, но так же летит,
Солнце Святое заходит –
Долгая чаша,
Благоухающий жар.
Видеть – не вижу, но так же дарит,
Солнце Святое восходит –
Земля всеблагая,
Два-три теплых дыханья
Слышать – не слышу, но где-то хранит,
Солнце Святое заходит –
Вода пресвятая,
Два или три лучезарных слова
Слышать – не слышу, но где-то хранит,
Солнце Святое восходит –
Твой лес-соглядатай тянется следом,
Воды полотно, вершин достигающее.
Несет в океан,
Солнце Святое заходит,
Звезда-соглядатай тянется,
Дум волокно, полегшее наземь.
К выси плывет.
День правит Миром – несет тебя Даль.
Ночь правит Миром – несет тебя Даль…

(Перевод Л. Тарагупты, К. Кравцова)

1987

ТАРЛИН ДМИТРИЙ, ВАЙВЕТКИН ГРИГОРИЙ

Дмитрий Тарлин и Григорий Вайветкин – поэты, чьи имена стоят у истоков зарождения хантыйской литературы, личная и творческая жизнь которых сокрыта тайнами времен. В.В. Сенкевич, ставшая первым переводчиком на русский язык поэтических творений начинающих авторов и представившая их произведения читателю в 1940 году в книге «Хантэйская и мансийская поэзия», изданной в Омском областном издательстве, отметила во вступительной статье: «В поисках новых творческих путей для выражения волнующих поэтов социалистических чувств и мыслей, ханты-мансийские авторы расширяют рамки фольклорных традиций. В этом художественном расширении фольклорных форм и есть начало художественной литературы».

«Октябрьская песня» Дмитрия Тарлина и Григория Вайветкина была опубликована и в сборнике «Творчество народов Севера», изданном Ленинградским газетно-журнальным и книжным издательством в 1955 году, наряду с произведениями других начинающих поэтов ханты – Г.Д. Лазаревым и Л. Вайветкиным, затем вошла в первую часть хрестоматии «Хантыйская литература» (2010) как составляющая национального литературного наследия ханты.

ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Эта напевная складная песня
Октябрьской песней зовется,
Эта напевная складная песня
Хантыйским народом поется.
Пусть эта песня тысячу лет
Народами всеми поется,
Хантыйским народом, увидевшим свет,
Пусть эта песня поется.
При царе кулаки и шаманы
В богатстве и сытости жили,
А наши бедные ханты,
Голодая, на них трудились.
По хорошим ленинским заветам,
По хорошим сталинским словам
Нету слез, слез в стране Советов,
Хорошо живется беднякам.
По хорошим ленинским словам
Дружно мы живем в колхозах.
Хорошо живется нам
В наших северных колхозах.
По хорошим ленинским заветам,
По хорошим сталинским словам
Радостно в стране советской
Учиться ханты-рыбакам.

(Перевод В. Сенкевич)

ТАРЛИНА НИНА ЕФИМОВНА

Тарлина (Ерныхова) Нина Ефимовна родилась 12 марта 1963 года в селе Казым Берёзовского (ныне Белоярского) района Тюменской области в семье оленевода. До 8 лет вместе с родителями жила в оленеводческой бригаде. В 1971 году поступила в Казымскую восьмилетнюю школу. В 1981 году поступила в Ханты-Мансийское национальное медицинское училище. Окончила училище в 1983 году и по направлению работала в Березовской районной больнице медицинской сестрой. Проработав 2 года, переехала в с. Казым в связи со смертью отца, три несовершеннолетних брата остались одни.

В 1985 году устроилась на работу в Казымский оленеводческий совхоз в детский сад «Олененок».

В 1986 году вышла замуж за Тарлина Павла Михайловича, родила сына Алексея. В 1986 году тяжело заболела, получила инвалидность. До 1999 года нигде не работала. Занималась домашним хозяйством, рукодельничала. А в 1999 году поступила на работу в Казымскую участковую больницу в регистратуру. В 2001 году перевелась на работу в сельский дом культуры руководителем национального кружка по декоративно-прикладному искусству. Среди воспитанников есть победители и призеры районных и окружных конкурсов по декоративно-прикладному искусству.

С 2004 года по 2009 год училась в Югорском государственном университете по специальности «Учитель родного языка и литературы». В 2010 году похоронила единственного сына, уволилась с работы в связи с обострением заболевания. С 2012 года оформила опекунство над несовершеннолетним ребенком Тарлиным Игорем 2010 года рождения.

Пишет стихотворения на хантыйском языке.

МА СЄМА ПИТСӘМ

Ма сєма питсўм – ара йис
Ма хөхәӆмасўм – мөньща йис
Ўӈәӆ йасәӈ ёша вусәм
Хӑтӆ имэм щӑта єтәс.
Аӈкийєм хӑйәм тынәӈ нумәс,
Ащийєм партәм төса путәр
Нумсәм хуща ӆув ӑт вөӆ.
Самийєм така па ат йиӆ.
Аӈкєм, ащєм нумса нөмӆєм
Сӑмєм вөнта ванна тӑӆӆєм.
Аӈкийєм арийєм йӑм ар,
Ащийєм мөньщәм хурам мощ
Ма хущэма сӑма хӑйӆэм,
Ма ӆыпєма хощма ӆавэӆӆәм

Я РОДИЛАСЬ

Мое рождение – песнею стало,
Первый мой шаг – сказкою стал,
Первое слово – солнцем его осветило.
Дума, оставленная мамой,
Слово, отцом завещанное,
Пусть в душе моей крепко живет.
Пусть сердце моё этим окрепнет.
Мать и отца в душе я запомню,
До глубины сердца их притяну.
Матерью исполненную песню,
Сказку, рассказанную отцом,
В сердце своем сохраню,
И в душе у себя сберегу.

(Перевод Н.И. Тарлиной)

МА МЎВЄМ

Нуви ӆоньщӑӈ, нуви мўв,
Сємєм ванты, сӑмәӈ мўв!
Сорнєӈ ӆоӈщәӈ хурам вөншэт,
Нуви сўмтәӈ ӆащкам хөрәт,
Сӑма ӆуӈты ешәк вөнтәт
Нуви Төрәм партәм мўв
Хӑнты сӑмән өмәщ ӆўв.

МОЯ ЗЕМЛЯ

С белым снегом земля моя белая!
Очами смотрю на край свой родной!
Серебристым снегом сосны покрытые,
С белоснежными березами просторы открытые
Сердцу милые, леса золотистые,
Небесным Отцом земля завещанная,
В сердце ханты земля необъятная.

(Перевод Н.И. Тарлиной)

НУМС

Тӑм питәм йисн,
Тӑм кєртўм оӆән.
Мўӈ вөӆты вєрев ӆаварта ис.
Хӑнты мирєм!
Хӑнты мўвєм!
Ӆавәрта тыштӑӆ,
Ӆавәрта нәмәсӆ.
Нуви Ащи хӑтӆ вєрӆ!
Нуви Ащи ещаӆт вантәӆ!
Муй кем нумәс ванна ат илӆ,
Щи кем ухӆәв еӆӆы пунӆўв.
Нумәсн, сємн еӆӆы ванӆўв.
Нуви Ащи пєӆа пойәкщаӆўв,
Хӑӆэвт хӑтӆєм – яма нөмәсӆэм,
Ӆавәрт нумсєм юхи хӑйӆєм.
Ма тынәӈ хӑнтєм!
Ма тынәӈ мирєм!
Нумсән хува пунман вөӆа
Мирән ям вєр щирн хөӆӆа

ДУМА

Жизнь стала наша тяжелеть,
Люди – ханты!
Земля – хантов!
Тяжко дышать,
Тяжко думает!
Новый день наступит!
Новый день нам светит,
Пусть дума твоя тяжелеет,
Но сердце твое не пустеет,
С новою думою,

Вперед мы посмотрим,
Отца Небесного о помощи просим,
Завтрашний день хорошо
Мы обдумаем.
Тяжелые мысли позади оставляем.
Мои дорогие ханты!
Мой дорогой народ!
Добрые мысли имейте всегда,
Люди поймут и услышат тогда.

(Перевод Н.И. Тарлиной)

ЙОШӘТ

Йош, йошәт.
Ар сыр йош –
Вөлләт йошәт,
Ванләм йошәт,
Сыр-сыр йошәт хуват мӑнлум
Хута хув, а хута ванн –
Мосаӈ вевтам, мосәӈ ям.
Мӑнлум, шөшлум,
Төх щос хөхәлмалум
Иса йош.
Тывәлт мӑнлум,
Тывәлт шөшлум
Ям нє вөйәтлум,
Ям хө вөйәтлум.
Тухелт мӑнлум,
Тухелт шөшлум
Хута кен, а хута ӑнтө
Йошэт. Арсыр йошэт!
Нумсєм нөмасман,
Ух па пунман.
Хува нумәсєм,
Хува нөмәслєм.
Ван ки нумәслам –
Йира хӑйләләєм.
Ар сыр йошәт хуват мӑнлум,
Сыр-сыр йошәт хуват шөшлум.
Еллы вантлум,
Еллы нөмаслум.
Мӑнэм мосты – төс йош вөйәтлум,
Мӑнєм рахты – ям йош тӑйлум.
Йош. Йошәт.
Арсыр йошәт.
Мухты хӑтләт,
Мухты мӑнләт
И йош, так йош
Самєм хуща така хӑйлєм,
Нумсєм хуща хуща така тӑйлєм.

ДОРОГИ

Дорога. Дороги.
Много разных дорог.
На дороги смотрю,
По разным дорогам хожу.
Много разных дорог.
Где длина не отмерена,
Где очень она коротка,
Где дорога худа,
А здесь она хороша,
Я шагаю, иду,
Может, где-то бегу.
Вижу дороги,
Сюда я шагаю,
Сюда я иду,
Здесь встречу подругу,
А может, хорошего друга.
Туда я шагаю,
Туда я иду,
Где-то легко,
А где-то и тяжко.
Дороги. Много разных дорог,
Мыслями думаю,
В душе я с молитвою.
Хорошие думы
Крепко держу.
Плохие же мысли –
Их отгоню.
По разным дорогам шагаю,
По разным дорогам иду,
О жизни я думаю –
Нужную мне дорогу найду,
Подходящую мне дорогу держу.
Дорога. Дороги.
Много разных дорог
В стороне остаются,
По сторонам разбегаются.
Дорога одна,
Она очень тверда,
В сердце своем я оставляю,
В душе я его сохраню.

(Перевод Н.И. Тарлиной)

***

Мӑнəтты ма иньщəсӆэм?
Муя ма вөнəӆтыйəӆум?
Нусм муй вөйəтӆум?
Уша муй вөйəтанӆум?
Ма йеӆпєман мӑнум ар ям мирийєм
Ар ям нумсыйэ ӈыв щи па тӑймəӆ.
Ар ям тумайэ, ӈыв па щи нөмасмəӆ.
Ушəӈ ям нумсыйен
Нын төс тумайен
Мӑнэма ки мөстаӆəт,

Мӑнэма ки рахӆэт
Хурамэӈ арийэ,
Хурамӑӈ монщие,
Ма ӆөӆэӈ нөмасӆум
Ма щирн ӆэщатӆум
Ма сємӈаӆӆам ещаӆт
Ар сыр поэтӑт
Щит муй Шулькин,
Щит муй Щэнкэп
Щи мурт ӆув йорэӈ
Нумсэт па тӑйс
«Так Молупщи» хӑншас…
Тєтимєр Волтин – хӑнты хө вөс.
Төс ясаӈ па вөйсӑт
Төс путӑр па хашсэт
Тынэӈ ям хӑнтэт
Тынэӈ поэтэт!
Ӆыпємa хойяс
Сӑмєма мөстас
Нын хӑйум ясӌэн,
Нын хӑэм путрэн.
Ищи мурт, иньщэсӆєм
Муй пӑта вөнэӆтыйэӆӆум?
Хӑнты ясӌєм ӆыӆ ки тӑйэӆ
Хӑнты путрийєм йор ки вөйэтӆ
Щи пӑты нөмасӆум
Щи паты вөнаӆтыйэӆӆум.

***

В раздумье спрошу:
Зачем я учусь?
Разум добавлю?
Ума наберу?
Много разных людей шли впереди,
Интересные мысли несли,
Глубокие думы задумали.
Ваши хорошие замыслы!
Ваши точные думы!
Если мне подойдут
И на новые думы меня подтолкнут,
Красивые песни и сказки,
Может, и я продумаю,
Может, я подготовлю.
Перед моими глазами
Много разных поэтов:
Это Шульгин,
Это Сенгепов.
Какие сильные мысли
Имел наш поэт:
«Так молупщи», – пишет
Владимир Волдин – ханты-поэт.
Точное слово нашли
К ясному слову пришли,
Дорогие вы ханты!

Ханты-поэты,
Внутри обожгло,
Сердце растаяло,
Ваше завещанное слово,
Ваш точный хантыйский язык!
Лишь в раздумье спрошу я себя,
Зачем я учусь?
Если язык мой хантыйский
Жизнь увидит,
Если слово хантыйское
Силу имеет,
Поэтому думаю
И родной язык изучаю.

(Перевод Н.И. Тарлиной)

ТЕБЕТЕВ ДМИТРИЙ

Дмитрий Тебетев – хантыйский поэт, чье имя стоит у истоков зарождения хантыйской литературы. В.В. Сенкевич, ставшая первым переводчиком на русский язык поэтических творений Д. Тебетева и представившая его произведения читателю в 1940 году в книге «Хантэйская и мансийская поэзия», изданной в Омском областном издательстве, отметила во вступительной статье: «Лазарев, Тебетев и другие поэты нашли в фольклоре неиссякаемый источник своего творческого роста и развития. В стихах Тебетева отражена народно-поэтическая речь…».

В сборник В.В. Сенкевич включила два произведения Д. Тебетева – «Хантэйская песня о Ленине», «Песня о Ворошилове», которыми и закрепила имя самобытного поэта в истории хантыйской литературы. Произведения Д. Тебетева вошли в первую часть хрестоматии «Хантыйская литература» (2010) как этап становления художественной словесности ханты.

ХАНТЫЙСКАЯ ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Владимир-то Ильич
Мудрым человеком он родился,
Владимир-то Ильич
Смелым человеком он родился.
У мужчин-то богатых много хитрости –
Он это узнал и увидел.
У богатых-то женщин много забав –
Он это узнал и увидел.
Проверил, словно оленью одежду,
Так он проверил, узнал людей,
Проверил, словно оленьи кисы,
Так он проверил, узнал весь свет.
Угнетенных нуждою много мужчин,
Угнетенных несчастных много женщин,
Богатых, брюхатых много мужчин,
Денежных хитрых много женщин.
Кровь-то бедняцкую они так и сосут,
Кости-то бедняцкие они сгибают.
Владимир-то Ильич
Мудрым человеком он родился,
Угнетенных нуждою много мужчин,
Угнетенных несчастных много женщин.
Словно сто стерлядей в одну связку связал,
Он их вместе собрал, соединил.
Всех их собрал, эх да!
Теперь в рыбной России общие воды,
В ягельной России общие пастбища:
Хорошо закончилось их первое дело,
Хорошо закончилось их второе дело:
Богатых, брюхатых не стало мужчин,
Денежных хитрых не стало женщин.
Равных хороших много людей,
Равных простых много, эх да!
Равных трудящихся много людей,
Хороших трудящихся, эх да!
Угнетенных прежде – много мужчин,
Угнетенных раньше – много женщин.
С веселыми лицами хорошо живет:

Вперед они смотрят и видят радость,
С веселыми лицами хорошо живут,
Вперед они смотрят и видят счастье.

(Перевод В. Сенкевич)

ПЕСНЯ О ВОРОШИЛОВЕ

Климент Епрем Ворошилов,
Нашу землю охраняющий,
Климент Епрем Ворошилов,
Мудро крепость укрепляющий.
Восемнадцатый год далекий,
Красной армии славный путь.
Про ее двадцатилетие
Он с мудростью складно, напевно
Сильным голосом пел, говорил,
Он с мудростью складно, напевно
Звучным голосом пел, говорил.
Наша родина – место родное,
Золотой травой поросшая страна.
Сухопутные далекие границы
И водные границы широки,
Как железную стальную крепость,
Прочно укрепили мы:
Верной крепостью большою
Крепко мы окружены.
Из чужой земли, страны далекой,
Крестогрудая зубастая собака
Если только нападет на нас,
Крестогрудая когтистая собака
Пусть попробует на нас напасть, –
Кровожадных, как зверей, разыщем,
Пусть попробует на нас напасть,
Кровожадных, как зверей, затравит
Наша родина – наша земля.
Молодых гусей веселая земля
Наша родина – место родное.
Сухопутная граница наша –
К ней никто не подойдет.
Водная граница наша –
К ней никто не подплывет.
Победим зубастую собаку,
Раскидаем мясо на куски.
Крестогрудую когтистую собаку
До последней капли уничтожим мы.

Климент Епрем Ворошилов,
Нашу землю охраняющий,
Климент Епрем Ворошилов,
Мудро крепость укрепляющий.
Гусиными крыльями звенящая земля
Наша родина – место родное.
Утиными крыльями звенящая земля
Наша родина – место родное.

Наши сухопутные границы
Так он крепко укрепил;
Наши водные границы
Так он крепко защитил,
Что, как птица, враг крылатый
К нам не долетит, и ползучий зверь проклятый
К нам не доползет.

Молодая, песнями звенящая земля,
Птицею вперед стремится,
Молодая, сказками звучащая земля
Весело вперед стремится.

(Перевод В. Сенкевич)

ХОРОШЕВА СЕРАФИМА МАТВЕЕВНА

Хорошева (Серасхова) Серафима Матвеевна (1935–2015) – хантыйская поэтесса, исполнительница песен. Родилась 7 мая 1934 года в юртах Собских Приуральского района (ныне Тюменской области ЯНАО) в семье рыбаков. Её отец – Серасхов Матвей Семенович в 1937 году участвовал в пробеге на оленях из Салехарда в Омск. Вместе с женой Мариной Максимовной вырастили шестерых детей. Серафима была вторым ребенком в семье.

После окончания Катравожской семилетней школы С.М. Хорошева поступила в Салехардское медицинское училище, но не закончила его, т.к. старшая сестра вышла замуж, надо было помогать семье. Родители, кроме рыбной ловли, работали на перевозке грузов и почты в Салехард, и дети-подростки помогали им. Вплоть до 1960-х годов, до появления аэросаней они возили грузы.

С.М. Хорошева с детства помогала матери выделывать шкуры, шить меховые изделия. Позже, когда она вышла замуж, то с мужем работала рыбачкой, затем – работницей чума в оленеводческой бригаде, эти навыки пригодились, чтобы обшивать семью.

В 1970-м году в результате несчастного случая С.М. Хорошева ослепла и вынуждена была переехать в Тюмень, т.к. там она имела возможность устроиться на работу. Она воспитала и вырастила двух племянников. Кроме этого, в доме С.М. Хорошевой останавливались её земляки, студенты.

Все хозяйственные и бытовые дела С.М. Хорошева выполняла сама, научилась вязать, а когда вышла на пенсию, начала вспоминать хантыйские сказки, песни, начала сама писать стихи. Находясь вдали от своей родины, родных, она вспоминала песни матери, отца, сама слагала песни.

Как отмечает М.И. Малых: «Потребность писать у нее появилась, когда наступила для нее бесконечная ночь. Такое великолепное и самоотверженное любящее свою «малую родину» сердце Серафимы Хорошевой выросло и расцвело под теплым дыханием старых семейных начал и традиций, переданных мамой.

В стихах-песнях … самостоятельным действующим лицом выступает неповторимая по своей красоте река Обь. Природа намеренно одушевляется, она живет и чувствует».

Единственное издание произведений С.М. Хорошевой «Песни Приобья» было подготовлено при поддержке Тюменской областной общественной организации коренных малочисленных народов «Кедр». Произведения с хантыйского языка на русский перевела М.И. Малых.

С.М. Хорошевой не стало в апреле 2015 года на 81-м году жизни.

АС-ОБЬ

Телецкий лор эвалт овал ас,
Алтай кев эвалт овал ас
Русятна ал сила асэв – Обь.
Мув хуват овал вутан Обь
Кат санхап кут эвалт овал ас,
Кат рува кут эвалт овал ас
Халэвалт мув эвалт овал Обь.
Йинки еханна питл Обь
Мувал тэлна тасян ас,
Йинкал тэлна хулан ас.
Ма энман мувен малый Обь
Нан энмам мувен большой Обь
Хуллал тэлна умась ас,
Иннкал тэлна умась ас.
Лумал лыськам лыськам Обь
Най исялт волиял лунан Обь
Мув пухрат кутэвалт овал ас.
Мув хуват овал еман ас.
Лыпел тэлан тэлан Обь
Ермак сох иты ворлал Обь.
Лунтна хотанна тэлын ас
Па пукат война тэлын ас,
Пучита хопна тэлын Обь

Мур таллнты хопна тэлын Обь.
Сухна мохсанна тэлын ас
Вусна щохорна тэдын ас
Хул велты хопна тэлын Обь
Вул вос вантты ворлал Обь.
Мув омсантам порайна тывама
Мув хуват овал пурась ас.
Моторан ай хопна тэлын Обь
Йис тэлна овал пуресь Обь.
Телецкий лор эвалт овал ас,
Алтай кев овалт овал ас
Русятна ал сила асэв-Обь.
Мув хуват овал вутан Обь.

ОБЬ

С Телецких озер течет река,
С Алтайских гор течет река.
Русское название тебе – Обь,
По земле течет широкая Обь.
Между двух гор течет Ас,
Между двух скал течет Ас,
По холодной земле бежит Обь,
К ледяным берегам бежит Обь.
Земли полная чаша – богатая Обь,
Воды полная чаша – рыбная Обь.
Моя Родина – Малая Обь,
Моя Родина – быстрая Обь.
В водах Оби много рыб,
В речках, протоках много вод –
Просторная, могучая Обь,
Божественная, блестящая Обь!
Острова омывает река,
По земле течет священая река –
Богатая, щедрая Обь,
Воды сверкают, как шелк.
Лебединый клич слышит река
И звериный клич слышит река,
И люди проплывают по Оби,
И все вести проплывают по Оби.
Река моя – с осетром, муксуном,
Река моя – с нельмой, чебаком.
Зеркальная вода на Оби
Отражает мою радость и беду
Река моя – ровесница Земли,
Течет она уже давным-давно,
И звук моторов не смолкает
По древним берегам Оби.
С Телецких озер берет начало,
С Алтайских гор берет начало...
Русское название тебе – Обь.
По земле теки, седая Обь.

(Перевод М.И. Малых)

«ЛАСКАМ ИМИ»

Икем хаям атом ими
Икеи ласкам вевтам ими
Тал хотэмна косьлтылам
Тал хотэмна сукащилам
Орэт пилна нюхласас
Имет пилна хонтамтас
Хоты йисан ехи юва
Хоты йисан парта юва
Ехи ланглам хотэм тал
Ким этлан мувем тал
Хоты улты усэм антам
Холащ менты ант усьлан
Мевлэм хося кев омасл
Лэты пулэм ант хатл
Атл хатл нумаслан
Йинтпен тэлна луттасэм
Луем тэлна тапалсэм
Ил-ки халсам ищи хорпи
Хата парлам и хорпи
Олмем хоты хуван тапас
Няхэм хоты хувен сорас
Касанг нэнгхи иты йисам
Мусанг хоят иты йисам
Ям – ял ентам кат есыем
Эвтом верам кат есыем
Нэмалты верты ант лытланг
Нэмоса калты ант лытланган
Айлы питам хотэмна
Таллы юван хотэмна
Партэм моса лайласлам
Устэм унты лайласлам
Мувна симась леккар антам
Мувна симась сэпан антам
Хойна пела ямаллаям
Хунты пела йилпитлаям
Аянг сесна ты ки лоял
Лув исялтэн па лойлан
Палатанг нынг палатэмна
Хорасанг нынг хорасэмна
Махты лулн ямми йилан
Лув исятл па лойлам
Ловатэнг нынг ловатэмна
Хорасанг нынг хорасэмна

СВОБОДНАЯ ЖЕНЩИНА

Мужем оставленная, плохая, скверная женщина.
Мужем брошенная – скверная женщина.
Пусто в моем доме, лишь тоска одна:
С женщиной сбежал он...
Что с тобой? Вернись домой!
Что с тобой? Вернись ко мне!
Приду домой, а в доме пусто.

На улице мне тоже одиноко...
Как мне быть? Уж нету мочи.
Куда мне деться – не пойму.
В груди моей огромный камень,
Кусок не лезет в горло,
И день, и ночь я все брожу,
И думаю и день, и ночь.
Навеки иглу потеряла,
Пальцы не могу я разжать –
Жизнь моя смерти подобна,
Будто я умерла.
Сон свой я потеряла,
Смех мой давно усох,
Стала я совсем больною –
Безнадежно, тяжело больна!
Страшный диагноз – тоска.
Красивые, умелые ручки –
Я шила, вязала, плела.
Сейчас ничего я не делаю,
И браться я не хочу.
В несчастном убогом доме
Господствует пустота.
Смерть бы я предпочла
Жизни своей никчемной.
В мире нет такого врача,
В мире нет такого человека,
Кто бы мог меня излечить,
Кто бы мог возродить человека.
В счастливый час ты мне сказал,
Смешав вопрос с ответом:
Высокая женщина, будь высока!
Красивая женщина, будь красива!
Если я когда-нибудь оправлюсь,
Я его спрошу: Как мне быть, что изменилось?
(по его словам) высокой женщине – как быть?
(по его словам) красивой женщине – как быть?

(Перевод М.И. Малых)

АС КАТ ПЕЛАК

Ас кат пелак мувием
Тащанг тащанг тащанг
Лыщкам лыщкам лыщкам
Вутанг вутанг вутанг
Ас кат пелак мувием
Уранг Уранг Уранг
Нюрманг Нюрманг Нюрманг
Воянг воянг воянг
Ас кат пелак мувием
Куранг война тэллым
Нтар война тэллым
Вонсям отна тэллым
Ас кат пелак мувием
Лоранг лоранг лоранг

Туванг туванг туванг
Сотаянг сотаянг
Ас кат пелак мувием
Тохланг война тэлы
Еманг война тэллы
Нехас война тэллы
Ас кат пелак мувием
Сойманг сойманг сойманг
Посланг посланг посланг
Ехананг ехананг
Ас кат пелак мувием
Лэпкан лэпкан лэпкан
Совранг совранг совранг
Охсаранг охсаранг
Ас кат пелак мувием
Восанг восанг восанг
Куртанг куртанг куртанг
Кулнанган кулнанган
Ас кат пелак мувием
Тохланг-хоп восна тэлы
Масына восна тэлым
Ас кат пелак мувием
Тащанг тащанг тащанг
Мувал ваянг ваянг

ДВА БЕРЕГА ОБИ

Два берега Оби – моя земля
Богатая, богатая, богатая.
Просторная, просторная, просторная,
Широкая, широкая, широкая...
Два берега Оби – моя земля:
Леса, леса, леса,
И кручи, и поля...
Зверей несчесть – богатая земля.
Два берега Оби – моя земля!
Лосей огромных много,
Других зверей – тропа и там, и тут.
И ягод – море: клюквы и морошки.
Два берега Оби – моя земля:
Озера, озера, озера...
А рядом – бесконечная тайга
С ее богатыми дарами.
Два берега Оби – моя земля,
Где стая лебедей летит без страха,
Медведь – хозяин,
Соболь водится и горностай –
Два берега Оби – моя земля.
Протоки, речки и озера.
То небольшой залив,
То горная могучая река.
Два берега Оби – моя земля:
Зверушки тут и там.
То белка пролетит стрелой,

То заяц тихо пробежит.
Два берега Оби – моя земля.
Удобно примостились города,
Поселки – с горной стороны,
Деревни на низине.
Два берега Оби – моя земля!
Ты самая богатая земля,
Где реки рыбою щедры,
Тайга – природными дарами.

(Перевод М.И. Малых)

МА АРЭМ

Ма партэм юпина
Ма устэм юпина
Холлталы нэнг ант тайлам
Тыстаты хой ант тайлам
Яхты мурэм ехаттына
Манты мурэм ехаттына
Маракнгалам энамланан
Тохалнгалам ларпилалнган
Ай ехлам ехаттына
Сукалт ехлам ехаттына
Ерамты ех ехаттына
Куняр ехлам ехаттына
Тут пар ехлам лаяллалам
Хыс пар ехлам лаяллалам
Нампар ехлам лаяллалам
Тапар ехлам лаяллалам
Русь хотэм лыпина
Кев хотэм лыпина
Нуса хотэм лыпина
Айлн питам хотэмна
Мохты путэм хаварлэм
Ма кепа ант етсал
Сю лыпина каварл
Хон лыпина ат етсал
Тарас хоят ант тайлам
Атом хоят ант тайлам
Вевтам нэнгхе ант тайлам
Лакатты нынг ант тайлам
Сэмлы питам мувевна
Атмем хисям лотэмна
Сикус ехи яхты лытлам
Яхты нюр ант веритлам
Вул схлам ехаттына
Вул нэнглам ехаттына
Вер сахат яхтэлна
Сютчаты ментэлна
Намсэмна аматлам
Лыпемна аматлам
Самемна аматлам
Ловатэмна аматлам
Ма халтем юпина

Ма партэм юпина
Холлаты нэнг ант тайлам
Тыстаты хой ант тайлам
Манэм понтан юпина
Манэм лангтан юпина
Холлаты ант мосал
Саллнтты ант мосал
Тутсыял пухал матанна
Тэлланг йисьтан юпина
Арлам такан арыяты
Арлам сыйнга арыяты

МОЯ ПЕСНЯ

Когда меня не будет,
Когда усну навеки,
Некому будет плакать,
Некому будет страдать.
Сходить пора настала,
Идти пора настала –
Плечи мои окрепли,
Крылья свои расправила.
Когда придут мои родные,
Когда придут мои сироты,
Придут те люди, кто в нужде,
И бедные мои придут.
Жду я друзей – огонь,
Жду я друзей – золу,
Жду я друзей – мусор,
Жду я друзей – сор
Внутри моего русского дома,
Внутри моего каменного дома,
Внутри моего бедного дома,
Где стала несчастною я.
Сразу буду варить еду,
По-моему, она не готова,
Хоть и бурлит в котле.
Пусть в животе доварится.
Чужого человека нет у меня,
Плохого человека нет у меня.
Плохих людей не знаю,
Плохих женщин я не знаю.
Земля, где я ослепла,
То место, где настигла беда, –
Туда мне так сильно хочется,
Хоть знаю, увы, никогда...
С тех мест приезжают люди,
С тех мест приезжают друзья:
Кого-то дела приводят,
Кто-то проездом зайдет.
Мысленно я радуюсь
И душевно радуюсь.
Сердцу тоже радостно
От встречи с земляком.

После того, как умру я,
После того, как не станет меня,
Некому будет плакать,
Некому будет страдать.
Когда вы меня положите,
Когда вы меня закроете,
Пожалуйста, вы не плачьте.
Пожалуйста, не жалейте.
Когда отдадите меня богам,
Покушайте, попейте, а затем
Песни мои громко пойте,
Песни мои звонко пойте!

(Перевод М.И. Малых)

ЭВИ ПОРЫ

Йлап вонгхам нынгат ухал
Йлап нехрам нынгат ухал
Йлап верам нынгат ухал
Йлап кирам нынгат ухал
Нави хоптэнг йлап ухал
Вурты хоранг нынгат ухал
Лонгхангсяпан куртэнг ухал
Расэнг кувланг ольпанг ухал
Хонсанг хоптэнг оланг ухал
Путы хоптэнг ювна ухал
Вот марыты сыйна манлат
Вот севиты мортна манлат
Сянгар пулат ищалт рыйлат
Лощ поталэт исялт рыйлат
Лонгхансяпан щуль щуль щуль
Куртэнг ухат тинь тинь тинь
Нэман кансам эви тула
Нэман лутам эви тула
Сора верты эви тула
Тусанг ентты эви тула
Ас том пелак эвалт тула
Ас ипелак эвалт тула
Вурты веспи эви тула
Енгта веспи эви тула
Эвтам сахан эви тула
Хансанг ваянг эви тула
Кутэнг сэванг эви тула
Вул охсаманг эви тула
Охна лутам эви тула
Тасьна лутам эви тула
Тынна лутам эви тула
Ай тась похал пилна тула
Йлап рутлан вохаты
Ям нэнгхилан актаты
Эви поры лэсьты мосал
Эви поры верты мосал
Муй тахайна пасан омстат
Най-урт пела пасан омстат

Турам пела пасан омстат
Олтам пасан омстат
Сух вальсямат нехраты
Вус вальсямат нехраты
Воянг неха нохраты
Воянг сарку кавартаты
Эви поры лыты мосал
Эви поры йисьты мосал
Рованг тэллан йинсялан
Кутранг тэллан йисялан
Суртни пилна евсалталан
Сал хоща полнгалталан
Куртнилайна метсылаян
Нянь пилна лохломталан.

СВАДЬБА В СТАДАХ

Новая срубленная женская нарта,
Новая скобленая женская нарта:
Только что сделали эту нарту.
Новая женская нарта в упряжке,
В белой упряжке новая нарта.
Красным узором украшена нарта,
Колокольчики звенят,
На оленьих рогах ленточки висят.
Пестрый олень первый в упряжке.
Черный олень второй.
Ветру подобна, упряжка летит.
Лишь ветер в ушах свистит.
Комья снега летят навстречу,
Комья снега из-под копыт.
Снег скрипит под женской нартой,
В ветвистых рогах развеваются ленты.
Вези ту девушку, которую искал,
Свою избранницу вези,
Девушку работящую вези,
Девушку рукадельницу вези.
На том берегу реки невесты,
На этом берегу есть девушки.
Румяную девушку вези,
Круглолицую девушку вези.
У девушки чтоб шубка была,
У девушки чтоб обувка была.
Девушку с огромною косой,
Шелковым платком на голове.
Ты свою избранницу вези,
Дорогую девушку вези,
Самую любимую вези,
С приданным девушку вези.
Новую родню всю созови,
Свою родню всю собери –
К свадьбе надо приготовиться,
Праздник счастья предстоит.
Куда поставить стол, я знаю –
Лицом к богам надо сидеть.

Садись перед богом.
Бог наш небо – Торум.
Будет строганина осетриная,
Будет строганина с нельмы,
Мясо жирное кусками,
Бульоном мясным запивайте.
На свадьбе надо кушать,
На свадьбе надо пить.
Сладкий напиток пейте,
Горький напиток пейте,
Луком вы закусите,
Солью посыпьте еду.
Горчицу не забудьте,
Хлебом все заешьте.

(Перевод М.И. Малых)

АЙ НЫНГ

Энамны нынг улмен порайна
Ай нынг улмен порайна
Немощ курты иты восялысам
Немощ курты иты ропаньлысам
Понамансет иты ворсалам
Йлап энман варс иты минлысам
Хоранг сенгхры иты селтыссысам
Сусылыман яхты ант хоссам
Аялтайн яхты ант хоссам
Хулалмиман ямхамтысам
Нехамтыман янгхамтысам
Сартна питты ант нумассам
Мусна питты хунт нуммассам
Серак муем хоты новамтас
Амосаем хоты ювамтас.

МОЛОДАЯ

В ту пору, когда я росла,
Когда я была молодая,
Только пятки у меня сверкали –
Промелькнут то там, то тут.
По шиповник идти я собиралась –
Гибкая, юная, как ива молодая.
Быстрая – подобна стрекозе,
Все хотела сделать и успеть.
Тихо ходить я не умела,
Спокойно ходить я не могла –
Только бегом, все спешила...
А куда спешила – не ведала куда.
Не думала, что беда подкралась.
Не думала, что болезнь подкралась.
Вдруг – что со мной случилось?
В одночасье беда приключилась...

(Перевод М.И. Малых)

КУРТАНГ ПОРЫ

Тала-лунгал нехамтысам
Кат курт кутна нехамтысам
Нынг вуртыман янгхамтысам
Нэ поякман янгхамтысам
Лунган расы хуват манлам
Сусы кияр хуват суслам
Таланг аплак эвалт рунглам
Тови муры пуранлам
Касанг хатл янгхамтысам
Илайна тохащ манлам
Аланг сахат парта суслам
Рупитты термалалам
Вурты веспи эви вансам
Восты сэмпи эви вансам
Вурты уптанг эви вансам
Хув сэвпи эви вансам
Сыяламем порайна
Усянмемна порайна
Най иты нох ворламтас
Сорни иты нох хутламтас
Номсамна мосты эви
Самемна рахты эви
Сир-сахат улты эви
Еса-кура, каркам эви
Куртна ищи хослат любитты
Сялиты вощхиты
Апалтыты мослтыты
Няврэм тайты энмалты
Эви пилна ястансаман
Рутлам пилна потарсаман
Ясангламан яха рахсат
Потарламан иты йисат
Сус еманг хатлна
Вурты ех нох питан хатлна
Сел эви туты менлув
Лов онасна кутарлэв
Лонгхансяпан тукаят
Лентаянг тукаят
Сух пилна поры верлув
Вус пилна поры лылув
Кутранг тэллан йинсялан
Тутанг тэллан йинсялан
Суртни пилна евсалтатан
Нянь пилна лухламталан
Ар сурна пасярталан
Юк сурна пасярталан
Кур ятланглан хурлтаты
Кур нялтайлан хурлтаты
Расы хуват ант яхлам
Кияр хуват ант суслам
Аплак эвалт ант рунглам
Тови муры ант пуранлам.

ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА

Зиму-лето бегал я
Между двух деревень,
Девушку высматривал себе,
Девушку выискивал себе.
Летом по росе я иду,
Осенью по листьям иду,
Зиму по сугробам хожу,
А весною по насту хожу.
Каждый день я с птицами встаю,
Каждый день я с солнцем встаю.
По утрам я шел на работу,
По утрам спешил я на работу,
Румяную девушку увидал,
Зеленоглазую девицу увидал:
Волосы – краснее огня,
Длиная красивая коса.
В тот миг, когда я увидел,
В тот миг, когда заговорил,
Как будто боги проснулись,
Засияло золотом вокруг.
В мыслях она мне нужная,
Сердцу подходит она –
Такая красивая девушка,
Такая живая она.
В деревне любить умеют,
Жалеть и восхищаться,
Обниматься и целоваться,
Детей рожать и растить.
С девушкой мы поговорили,
Родственников мы оповестили.
Поедем вскоре за невестой,
Поскачем вскоре за невестой.
Весною в великий праздник –
В День Победы, 9 мая
За невестою поехали,
Промчались на конях
С бубенцами звонкими на дуге,
С лентами яркими на дуге.
Будет на свадьбе нельма,
Полные бокалы вина,
Полная чаша водки,
Красная и черная икра.
Хлебом и солью заешьте,
Песни звук растяните,
Танца прыть не теряйте
Пятками притопывайте,
Носками притопывайте.
По росе я больше не пойду,
По листве я больше не пойду,
По сугробам больше не пойду,
И по насту тоже не пойду.

(Перевод М.И. Малых)

ПУЛНАРИ

Товиетна юхатлум
Енгк тутына юхатлум
Нанг топ манем лавле
Манем ал юрема.
Ас тутына юхатлум,
Юнк юпина йилум
Мосанг тухланг хопна,
Мосанг тутанг хопна,
Холантыман ула
Лавласман ула
Пулнары сый холлан-ки,
Енгк оланг вой хеллан-ки
Щит ма вана йилум,
Щит ма сора юхатлум.
Нанг леп манем лавле
Нанг леп манем номе.
Пулнары вой пилна
Ем пасы вой пилна
Икемна мин порлалман
Икемна мин латламан.
Товина наянг хатлан
Тови сорни хатлан
Оваль мувем хуща
Ханты мувем хуща.
Манем сялта канше
Манем сялта вейте.
Мурем вантман апалте
Мурем вантман мостате.
Си пурайна эвалтум.
Си пурайна номаслум
Яна-па си лавалллен
Яна-па си номасмен.
Самен туман нялум
Хотен туман нялум
Ма лыпемна шависем
Ма куншема Тангарсем.

ПУЛНАРИ-ЖАВОРОНОК

(ПРЕДВЕСТНИК ЛЕДОХОДА)

Весной я прилечу
С последней льдинкой в мае.
Ты только жди меня,
Смотри – не забывай.
Вернусь, когда лед тронется,
Иду я вслед за льдиной,
Быть может, теплоходом,
А может, самолетом.
Прислушиваясь, жди меня,
И в ожиданьи знай:
Я вместе с пеньем жаворонка
Лечу за кромкой льда.

Это значит, я близко где-то.
Это значит, что я в пути.
Прошу тебя, жди меня очень,
Прошу тебя, не забудь.
Приеду я с птицей весенней
С птицей священной вернусь.
С жаворонком вместе взлетаем,
С пулнары враз прилетим.
Весенним счастливым днем.
Весной, в золотую пору
В Мансийскую землю вернусь,
В Хантыйскую землю ступлю.
Ищи меня на той земле,
Найди меня в том краю,
Прилюдно меня обними,
Прилюдно меня поцелуй.
Тогда я только поверю,
Тогда я только пойму:
Правда, что ты ожидала,
Правда, что ты не забыла.
Ключик сердца твоего,
Ключик дома твоего
Я в душе своей храню,
Я в руке своей сожму.

(Перевод М.И. Малых)

ЧУЧЕЛИНА ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА

Таисия Сергеевна Чучелина (1912–1984) – сказительница, рукодельница, художник, мастер, ярко раскрывающий национальное художественное творчество народа ханты. Родилась Таисия Сергеевна 23 октября 1912 г. в деревне Чучели Самарского (ныне Ханты-Мансийского) района. Непросто сложилась судьба сказительницы. Ее родители умерли рано, и она, пока была маленькой, помогала по хозяйству в доме своего дедушки.

Учиться пошла лишь в 22 года (в 1934 году поступила на двухгодичные Березовские туземные курсы и потом еще два года занималась в Ханты-Мансийской совпартшколе). В 1938 году окружком комсомола направил Чучелину ликвидатором неграмотности в Березовский район.

В августе 1939 года Чучелина приезжает в Ханты-Мансийск учиться в политпросветшколе. Но до сказок было еще далеко. Во время войны она рыбачила, шила вещи для бойцов Красной армии. Так и повелось: летом – рыбалка, покосы, зимой – работа в пошивочной мастерской, сначала в Березово, а затем в Ханты-Мансийске. Умение мастерицы кроить, шить, вышивать повышало ее авторитет среди учеников как взрослых, так и детей. Еще в детстве ее завораживали узоры, которые рождались под кончиком спиц у бабушки, у многочисленных тетушек. В десять лет она уже пряла, помогала при окраске шерсти, сматывала нить в клубки. Тогда же начала вязать и запоминать бесконечно рассказываемые на языке ханты предания. И хотя выросла Т. С. Чучелина среди обрусевших ханты, она с детства берегла родной язык, умение шить одежду, вязать, вышивать по-хантыйски. Многие ее творения хранятся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Суздаля, Тюмени, Ханты-Мансийска и других городов.

1960–70 гг. в судьбе Т.С. Чучелиной отмечены значительными успехами как на поприще прикладного искусства, так и в сказительном творчестве. Более того, несмотря на хрупкое здоровье, снижающееся зрение (в 50 лет она совсем ослепла), Т. С. Чучелина много ездила по населенным пунктам округа с рассказами и беседами о национальном искусстве.

Благодаря сотрудничеству с газетой «Ленин пант хуват» в 1954 г. впервые появилась в печати ее сказка на хантыйском языке. В 1964 г. была написана сказка на русском языке «Золотой город», которая выдержала три издания. К выходу в свет многих сказок привело общение Т.С. Чучелиной с журналистами Г.И. Слинкиной, С. Фалеевой, тюменским прозаиком Г. Сазоновым. Умерла сказительница в 1984 г.

Хантыйский писатель Еремей Айпин настоял на издании посмертной книги Чучелиной «Сказки Югры».

СЛИНКИНА ГАЛИНА ИВАНОВНА

Слинкина Галина Ивановна родилась 28 апреля 1945 года в деревне Белогорье Ханты-Мансийского района Тюменской области.

Уже в 4 классе она сделала первый шаг в литературе, но это время она сама оценивала порой «марания бумаги». Знакомство с классикой заставило всерьез заняться литературным творчеством. В 10 классе появились первые стихи, некоторые из них она выслала А. С. Тарханову, который опубликовал ее стихотворение «Рыбакам» в окружной газете «Ленинская правда».

После окончания школы, в 1963 г., работала в Ханты-Мансийской сплавной конторе на «Обь-Иртышском рейде», в Правдинской нефтеразведочной экспедиции. В это время писала в окружную газету стихи и заметки о людях, с которыми вместе трудилась. Благодаря Т. Г. Бобылеву, технору «Обь-Иртышского рейда» состоялась встреча будущей писательницы с К. Я. Лагуновым. Он познакомился с ее стихами и рассказами. В итоге в 1964 году стихи и анализ творчества юной сочинительницы были опубликованы в «Тюменской правде».

Весной 1965 г. поступила на работу в Правдинскую экспедицию к легендарному Ф. К. Салманову на радиостанцию. В марте 1965 г. принимала участие в первом областном семинаре молодых литераторов в Тюмени. Здесь она познакомилась с В. Волдиным, М. Шульгиным, Ю. Шесталовым.

До поступления в Тюменский педагогический институт на филологический факультет (1965 г.) трудилась в изыскательской партии «Сибгипротранс». Героями ее стихов были простые рабочие, охваченные, как и она, духом романтики.

В 1966 г. впервые выступила на Тюменском телевидении с чтением своих стихов, а с марта 1967 г. стала сотрудничать с окружным радио. В 1969 г., став радиожурналистом, сотрудничала с телерадиокомпанией «Югория».

В 1982 г. Е. Д. Айпин познакомил Г. И. Слинкину с хантыйской сказительницей Т. С. Чучелиной – представительницей иртышских ханты, которая в совершенстве знала родной язык и народное творчество. С этого момента началось их

тесное сотрудничество. Первые 16 сказок записывались почти дословно. За два года Г.И. Слинкина записала со слов сказительницы около 100 текстов героических, волшебных сказаний, бытовых историй, несколько почти готовых сказок. С этого времени ее творчество связано с хантыйскими сказками, которые начали публиковать в газете «Ленинская правда» с 1985 г. Позже вышли книги «Олле и Гусь-богатырь», «Как мышата и лягушата внучатами стали», «Сказки земли Югорской». Сказки печатались в сборниках, журнале «Югра», газетах.

Стихи, сказки, сказы и легенды печатались в газете «Очная ставка»; еженедельнике «Литературная Россия»; журналах «Мир Севера», «Север», «Северные просторы», «Югра»; коллективных сборниках и альманах «Северянки», «Самотлор», «Подорожник», «На семи холмах соцветие», «Сказки Югры», «Сказки народов Севера», «Эринтур»; антологии «Литература Югры: 1930–2000. Кн. 2»; хрестоматии «Лукоморье».

Член Союза журналистов России с 1971 г., член Союза писателей России с 1997 г.

Лауреат областного радио в конкурсе «Серебряный микрофон» (1997).

Присвоено звание «Журналист года» и присуждена премия им. В.И. Плесовских – организатора окружного радиовещания (1998). Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа (2001). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка за книгу «Сказки земли Югорской» (2002).

Умерла 28 октября 2012 г., похоронена в г. Ханты-Мансийске.

МЫШОНОК И МЕДВЕДЬ

Жил Мышонок в сосновом бору. Летнее гнёздышко у него было высоко на сушине в узком дупле, таком узком, что никто Мышонка не мог достать оттуда.

– Много солнца, много тёплого ветра, – радовался Мышонок. – Спущусь вниз – еды много. Кто такой урман для меня приготовил? Кто в нём хозяин?

Вот один раз зашёл Мышонок в черничник отведать – вкусна ли ягода черника. А там Медведь пасся. Схватит пастью большой куст и жуёт ягоды с листьями, сосёт их. Шмыгнул Мышонок, хотел спрятаться, да попал нечаянно медведю на язык. Проглотил Мышонка Медведь, не заметил. Были бы у Мышонка друзья, они бы присоветовали ему, что делать. А Мышонку некого позвать. Разозлился он и грозит Медведю:

– Вот я тебе шкуру продырявлю! Зачем проглотил?

– Не заметил я, – отвечает Медведь. – Не сердись. Я пошире пасть открою, ты выскакивай.

Слышит Мышонок, Медведь его жалеет, и ну насмехаться над хозяином тайги:

– Нет, так не хочу! Возьму и не выскочу. Продырявлю твой живот, потом через дырку вылезу.

– Мне больно будет, – говорит Медведь жалобно. – Ты ведь меня поранишь. Я упаду. Как же тайга без хозяина будет? Упаду, долго хворать стану.

– А мне-то что! – пищит Мышонок.

Начал он грызть живот Медведю, прогрыз дырочку и вылез. А Медведь упал и заболел. Мышонок радуется:

– Теперь я хозяин лесов, болот и озёр, хозяин всех речек!

Обежал он сосновый бор, всем рассказал:

– Медведь захворал. Лежит, не встаёт. Может, вовсе не встанет. Давайте праздновать!

Собрались все, кто не любил Медведя: муравьи, пчелы, мыши, куропатки, белки, бурундуки, зайцы. Принялись угощаться, плясать-веселиться. Три дня пировали, три ночи шумели.

Тем временем выздоровел Медведь. Подполз к поляне, где лесная мелкота веселилась, да как рявкнет!

Вспорхнули птицы. Побежали во все стороны зверюшки и насекомые. Хотел Мышонок в своё дупло залезть, да Медведь по сушине принялся лапой хлопать, выжил его.

Юркнул Мышонок под корни. Так с того времени в земле и живёт. А Медведь до сих пор ходит и землю нюхает: не прячется ли где Мышонок, его давний обидчик. Не может хозяин тайги простить Мышонку, что он ему, Медведю, живот повредил.

Ведь сильных тоже жалеть надо!

ЗАЙЧИК И МЕДВЕДЬ

Жил в глухой тайге-урмане Зайчик. Был у него друг Зайчонок. Позвал однажды Зайчонок Зайчика в гости. Встретились они на поляне, где росла вкусная трава – заячья капуста. Здесь они и угощались, и наперегонки бегали, и на солнышке подремали. Темнеть начало. Зайчик спохватился:

– Домой пора.

Зайчонок, как хозяин, предлагает:

– Я провожу тебя.

А Зайчик храбрится:

– Не надо. Я никого не боюсь. Сам Медведь мне друг.

А тайга все гуще. Небо всё темней. Страшно стало Зайчику. Но куда деваться, прыгает вперёд и вперед. У большого пня оступился, в куст шиповника лапкой попал. Да как закричит на весь лес. Показалось Зайчику, будто охотник в него стрелой попал.

Проснулся Медведь от заячьего плача, спрашивает хриплым голосом:

– Почему хозяину тайги отдыхать мешаешь? Вот я тебя съем!

– Дедушка Медведь, я больше не буду, – испугался Зайчик. – Я лапку проколол.

– Ну, если так, – говорит Медведь, – я тебе прощаю. Давай-ка я тебе занозы вытащу.

Поставил Медведь на пень большую гнилушку. Она вся светится. Вынул Медведь колючки, зализал Зайчику ранки – вылечил. Ну как после этого Зайчику снова не хвалиться?

КАК МЕДВЕДЬ СЕРДИЛСЯ

Жили в горных юртах[97] мужики-насмешники. Однажды зимой приехал к одному из них зять с луговой стороны. Зять приехал – всем родня.

Зовут его мужики к себе наперебой. Гость мужчина в каждую избушку зашел, хозяев одарил и их угощенье принял. В каждой избушке, куда гость заходил, мужики вечером собирались, сказки сказывали. Все больше про самого хозяина урмана, про медведя, рассказывали.

Тесть-старик к слову спрашивает:

– Зять, боишься самого?

Зять честно признался:

– Как не бояться? Ещё не встречался с младшим братом.

Перемигнулись охотники, разошлись. Утром зять проснулся связанный. Кричит:

– Тесть, зачем скрутил меня?

Старик отвечает:

– С младшим братом знакомить повезём.

Увезли беднягу к берлоге. А там уже всё готово: перед входом в дом медведя брёвна накрест поставлены, чтобы задержать зверя, когда выскочит.

Обошли мужики берлогу кругом, другого выхода не видно. Привязали зятя к крестовине, лицом к берлоге.

Стали мужики длинной жердью медведя доставать, сердить. А спал в этой яме под снегом добрый младший брат людей. Голова совсем седая была у этого зверя, как у старого человека.

Долго он терпел, ждал, может, уйдут старшие братья, одумаются.

А мужики зажгли берёсту да на конце жерди пихнули в дом медведя.

Взревел обожжённый хозяин леса и выскочил на брёвна – крестовину, к которым зять был привязан. Со злости медведь порвал верёвки на бедняге. Поцарапал, конечно, его. А тот кровь утирает и говорит с поклоном:

– Спасибо, младший брат, ты меня освободил.

У медведя и злость прошла.

– Ступай, – велит, – да больше в горные юрты не езди гостить.

Проломил медведь ельник, из-за которого шутники поглядывали, сгреб их в кучу и намял всем бока хорошенько.

Поделом охотникам за злую насмешку.

ОТВАЖНЫЙ ЯРАСЬ

Жил на Оби отважный ханты по имени Ярась. С малых лет не страшился он непогоды, не боялся хитрых и сильных зверей. Великую воду в пору разлива – сора – переваливал в долбленке без опаски.

За смелость полюбила охотника Ярась девушка Овра. И она ему по душе пришлась.

Хороший добытчик много мяса с охоты несет, много рыбы несет с рыбалки. Кто приберет добычу и улов, сохранит припас на черный день?

– Ханты жена нужна, – говорят старики.

Женился Ярась на Овре. Хорошо зажили. Всё умела делать Овра, однако не было у неё детей. Как охотнику без детей? Старики посоветовали Ярась:

[97] Горные юрты – селение у холмов.

– Бери вторую жену – девушку Най из горной деревни.

Ярась взял вторую жену. Овра так говорила:

– Хорошо быть женой Ярась-охотника. Когда мужа разуваю, все юрты радуются. Мой муж поделился добычей со всеми, у кого нет еды.

Най так говорить стала:

– Худо быть женой Ярась-охотника. Когда одежду мужа развешиваю для просушки, сердце моё разрывается от злости. Опять мой муж отдал лучшие куски мяса чужим старикам и чужим детям. Из-за сородичей мои дети едят одну рыбу, а мяса совсем мало.

Ярась не знал, что думают о нём его жёны.

Он заботился обо всех юртах и редко задерживался в своей деревенской избушке.

Так и прожил он свой короткий век на охоте да на рыбалке. Свалила его хворь. Поболел отважный Ярась, и не стало его среди живых.

Сильно загоревали старые люди и малые сироты. Как проводили Ярась в Нижний Мир, редко сытыми спать ложились.

Стали старики и сироты просить:

– Вернись к нам, наш кормилец. Мы тебя уважали. Мы тебе трубку набивали и уголёк подносили. Разве тебе было плохо с нами, отважный охотник Ярась?

Старшая жена Ярась тоже, плача, приговаривала:

– Разве я тебя не любила, мой смелый муж? За короткую ночь успевала просушить мокрую одежду и нюки вей. Никогда в сыром на тропу не вставал.

Слушал-слушал Ярась в Нижнем Мире голоса жены и сородичей, собрался с силами и пополз из Нижнего Мира на белый свет.

Ползёт Ярась потихоньку, а Ветер Северный заметил его и понёс в стойбище сон, что Ярась домой возвращается.

Увидела Овра – старшая жена Ярась – сон про мужа, говорит Най – младшей жене:

– Сегодня наш хозяин воротится из Нижнего Мира. Я воду стану греть, муж, поди, там намёрзся.

Молчит Най, ничего не говорит.

В полночь шум послышался. Овра дверь отворила, мужа встретила. Вошёл Ярась, поздоровался.

Най не выдержала, с нар соскочила, побежала в свою деревню. Закричала Най:

– Не вернусь больше, не хочу свой кусок в чужой рот класть.

Старшая жена Овра тем временем согрела мужа, сухую меховую одежду дала. Ярась тут окончательно ожил, а к утру на охоту отправился.

Тот, кого народ любит и помнит, – бессмертен. Так сказка говорит.

ШУШИ-НЭ

Жила на Оби у отца-матери девушка по имени Шуши-нэ. Стала невестою, выдали ее замуж за сосьвинского богача ханты. Сосьвинский на деньги позарился, продал он Шуши-нэ в работницы к ненцу-оленеводу. Стала Шуши-нэ прислугой.

В чуме Шуши-нэ управляется. За дровами в тундру ходит, ночью ребенка – хозяйскую дочь – в зыбке качает. Полюбила Шуши-нэ девочку, будто дочку свою.

Встала маленькая ненка на ножки, Шуши-нэ хантыйским узором ей одежду расшила и кисы оленьей жилой стачала, бисером украсила.

Начала девочка-ненка лепетать. Шуши-нэ ее по-хантыйски разговаривать научила. Ни на шаг не отстает маленькая хозяйская дочь от прислуги, зовет ее матерью.

Хозяйка сердится. Говорит однажды хозяину:

– Украдет прислуга нашу любимую дочь. Уведет на свою землю к своему народу. Надо бросить прислугу в тундре, убежать от нее.

Хозяин согласился:

– Давай отправим прислугу по дрова к подножью гор, сами откочуем. А сейчас к соседям съездим, предупредим их, пусть тоже кочуют.

Уехал хозяин с хозяйкой на оленях к соседям, будто в гости. Маленькая девочка говорит Шуши-нэ:

– Мать-няня, собирай дорожный мешок. Клади еды, сколько унесешь, беги в горы. Хотят тебя мои родители бросить в тундре одну.

Заплакала Шуши-нэ, собралась в дорогу. С любимицей своей простилась, еще горше расплакалась.

Маленькая девочка ее торопит:

– Не время, мать-няня, плакать. Может, свидимся.

Убежала Шуши-нэ в горы. Только спряталась, вниз поглядела – хозяева чум разбирают. Переночевала Шуши-нэ, наутро отправилась, куда ноги пошли, куда голова повела. Идет Шуши-нэ, причитает:

Отец-мать родные
На единственную дочь рассердились,
Выдали с большой реки Ас
На маленькую речку.
Меня муж продал в тундру,
Не найду, наверное, тропу на родину.

Всю зиму шла Шуши-нэ домой. Когда речки открылись, она догадалась, в какой стороне большая река Ас – Обь. Догадалась, а дальше идти сил нет. Еды весной мало в урмане.

Все-таки идет девушка потихоньку, не останавливается. Однажды увидела медведя. Хотела его обойти. Медведь на тропе лег, лапу протягивает.

Увидела Шуши-нэ: в лапе заноза глубоко засела. Вынула занозу. Медведь лапу зализал, кланяется:

– Спасибо, добрая девушка.

Посадил медведь ее на пень и говорит:

– Жди меня, я скоро вернусь.

И правда, вскоре вернулся, принес связки сушеной рыбы, мяса сушеного, муки туес. Кремень и кресало тоже принес. Опять ушел.

Пока Шуши-нэ ела, медведь женскую одежду принес и чирки[98]. Принарядилась девушка, сытая стала, сильная и тоже медведя поблагодарила:

– Не знаешь ли, младший брат, – спросила девушка, – в какой стороне мои юрты?

Медведь показал короткую тропу.

Долго еще Шуши-нэ шла, но все берегом Оби. Пришла она в родные юрты. Там как раз охотник с Юганской Оби свататься приплыл. Понравилась ему Шуши-нэ. И девушке жених приглянулся.

Поселилась Шуши-нэ со своим мужем на Юганской Оби. Появились у Шуши-нэ дочери, потом внучки и правнучки. Всех их Шуши-нэ любит, только снится ей каждую ночь любимица, девочка-ненка. И та девочка Шуши-нэ не забывает. Выросла она, хозяйкой неба тундрового стала. Как затоскует о своей няне Шуши-нэ, ночью на небе красиво расшитые сахи и платья развесит. Отовсюду ее рукоделие видно. Ханты говорят: «Северное сияние играет». Пусть так говорят! А Шуши-нэ знает – любимица ей из тундры привет шлет.

ЛОНЬСИПАЙ-НЭ И ЕНГПАЙ-НЭ

Три брата в урмане жили. Двое взрослых и маленький мальчик. Старшие братья – охотники, рыбаки, а младший ничего не умеет, только подкладывать дрова в чувал. И то хорошо. Братья с охоты придут – в избушке тепло. Начнёт один еду варить, другой одежду развешивать для просушки.

Однажды так было. Кончилась тёплая осень. Снег выпал. Надо белковать, далеко идти. Говорит старший:

– Жалко брата маленького в далекий путь вести. Здесь оставить не с кем.

Говорит средний брат:

– Сами одежду шьем, сами еду готовим. Разве это мужское дело? Надо нам жениться.

Старший брат возражает:

– Где жён возьмем? В урмане девушек нет.

Думали, думали, старший говорит:

– Я себе жену из снега вылеплю.

– А я изо льда вырублю, – сказал средний брат.

Так они и сделали. Красивые девушки получились, только неживые. Младший брат подсказывает:

– Наденьте на них платья нашей матери – оживут девушки.

Достали старшие из сундука платья и платки, нагрудники бисерные, украшения для кос, серьги и кольца. Кисы из избушки вынесли. Нарядили своих невест. Те зашевелились, лица платками скорее завесили. Нельзя, чтобы чужой мужчина в глаза девушке заглядывал.

[98] Чирки – летняя обувь.

Стоят красавицы.

Младший брат старшему тихонько шепчет:

– Скажи своей девушке, что любишь её. Она ведь старшая сноха. Мать нам заменит.

Неловко говорить охотнику нежные слова. Только и сказал:

– Имя твоё – Лоньсипай-нэ – Снежинка-женщина. Женой моей будешь.

Переступила женщина-Снежинка порог избушки, варить еду принялась.

Ледяная девушка стоит.

Младший брат шепчет среднему:

– Признайся своей невесте, что полюбил её. Какая она чистая, красивая! На другой год к этому времени сына тебе родит. Будет у меня товарищ.

Застеснялся средний брат. В урмане про любовь в первый раз услыхал.

«Ладно, – думает, – потом скажу». А вслух произнёс:

– Имя тебе даю – Енгпай-нэ – женщина-Льдинка. Моей женой станешь.

Перешагнула Енгпай-нэ порог, мыть, прибирать в избушке взялась. Накормили женщины семью, шить сели. Сшили новую одежду, обувку, рукавицы. Старую одежду просушили, залатали. Еды впрок наготовили.

Собрались мужчины вскоре на охоту. Говорят брату:

– Пойдём в дальний бор надолго. Слушайся снох.

Наказывают жёнам:

– Не обижайте младшего брата. Мать умирала – велела нам дружно жить. По очереди мы зыбку качали. Самую лучшую еду младшему отдавали. Стариками сделаемся – он нас прокормит.

Ушли братья. След широких лыж снег завалил. Живёт мальчик со снохами. Попросят воды принести – он принесёт. И дров занесёт. И припас из амбара достанет. А соскучится – позовёт щенков, играть возле нар примется. Щенки рычат, лают. Снохам не нравится. Один раз рассердились – выкинули щенков из избушки и мальчика вытолкнули. Поиграл он немного, озяб. Стучит в дверь, а снохи отвечают:

– Живи со щенками в чуме из еловых веток. Есть захочешь – в амбаре мороженую рыбу бери.

Совсем замерзать стал младший брат, просит:

– Лоньсипай-нэ-сноха, Енгпай-нэ-сноха, пустите в избушку. Я сильно обрадовался, когда вы живые сделались.

Не отвечают женщины. Только солнце выкатилось из снеговых туч, засияло. Так припекать стало, что с деревьев снег горячими струйками потёк.

Согрелся мальчик, кричит:

– Снохи, простите меня, ведь я вас люблю!

Сказал он эти слова – что-то в избушке прошумело, прозвенело и стихло.

Оглянулся мальчик – кругом зелено. По тропе между берёз пушистых братья возвращаются.

Принялись братья стучать. Жёны не отворяют. Дёрнули дверь изо всех сил, открыли. Видят: лежат на полу два платья пустые, а к порогу от них два ручейка текут.

Слова любви, если поздно сказаны, видно, приносят одну печаль.

ПУТПЕЛЫК[99]

Жил в урмане вдовец охотник. Была у него дочь Тася – высотой восемь соболей.

Вдовец с ней горя не знал. Принесет улов или добычу, Тася все приберет. Рыбу, мясо вялит, еду отцу вкусную варит. Шкуры дочь выделывает, отцу одежды и обувку шьет. Воду из реки, дрова из урмана носит, чувал топит, огню погаснуть не дает.

Лето придет, Тася ягоды берет. Осень придет, орехи с отцом запасает.

Всего вдоволь было в их амбаре. Уютно и тихо в избушке. Так бы и жить, да вдовец думает: «Придёт какой-нибудь парень, просватает Тасю, уведёт в свой урман, я останусь один». Решил жениться. Поискал вдовец невесту, себе жену, Тасе мачеху. Пошла за него злая и жадная бездельница. Прожили год. Родилась у неё дочь. Прибавилось Тасе работы. Днём не присядет, много забот и хлопот, ночью девочку нянчит. И хоть тяжело Тасе, полюбила она младшую сестру. Сказку ей шёпотом расскажет, маленькая уснёт, тогда и Тася передохнёт.

Тася работает, а мачеха сидит у очага, длинную трубку курит да чай с черёмуховым хлебом пьёт. Покурит, попьёт чаю, на нарах растянется.

[99] Путпелык – половина котла.

Долго ли, коротко выросла младшая дочь. Всему, что сама умеет, Тася сестрёнку научила: запасы еды готовить, шкуры выделывать, шить-вышивать.

Видит мачеха, родная дочь и одна по дому управится, приказывает мужу: «Ступай в урман, руби избушку в самой вершине речки. Пусть твоя дочь отдельно живёт, сама охотится и рыбачит, себя кормит».

Злую бабу не переспоришь. Выбрал мужик день потеплее, пошёл на лыжах в вершину речки, срубил избушку, чувал слепил, дров собрал, берестяные посудины сделал.

Повёл свою дочь на отдельное житьё. Мачеха кузов кишок рыбьих наморозила, сверху мелкой рыбой присыпала – вот и припас Тасе. И приданное дала – половину котла – путпелык.

Растопил мужик очаг, наказывает дочери:

– Одна остаёшься. Следи, чтобы огонь не гас. Из избушки вечером не выходи. Кто постучит, не отпирай. Через семь дней приду, охотиться тут буду.

Приставила Тася дверь изнутри жердью. Чувал топит, шьёт-рукодельничает. Ночь настала, она угли золой присыпала, спать на нары легла. Утром встала, дров подбросила, сварила мелкую рыбу в половинке котла.

Увидела Тася: в кузове одни кишки рыбьи – воронья еда. Только вздохнула Тася, привыкла, что ей от мачехи обида за обидой. Стала Тася плёнки-силки мастерить – на куропаток. Для рыбы маленькую ловушку-морду сплела.

Поела и пошла ловушки ставить. К вечеру добыла куропатку.

Повеселела Тася, песни запела. Ночью долго вышивала, услышала, стучит кто-то в дверь:

– Пусти, сиротинка, замуж тебя возьму. Со мной горе забудешь.

Подумала Тася: «Отец не велел. Нет, не открою».

Утром Тася выглянула – следы на снегу втрое больше медвежьих. Это Злой дух – Хозяин урмана приходил. Ушёл Злой дух и кузов с кишками утащил. Худые руки у духа, воровские.

Сварила Тася куропатку, напилась чаю. Поставила половинку котла – путпелык – посушиться к очагу. Вдруг половинка котла как живая стала двигаться, выпала за дверь, по следам злого духа покатилась.

– Что, мой дружок путпелык, катаешься, пляшешь? – спрашивает Тася.

– А я катаюсь-пляшу, потому что близко народ шумит, меня на свадьбу зовет. Покачусь туда, ты меня обратно с добром жди.

Покатилась половинка котла через вершину речки, через болото и в урмане скрылась.

Тасе не видать, а прикатилась половинка котла в большое стойбище – юрты. Старшина, хозяин селения, дочь-неумеху замуж выдаёт.

Жених бедный, хотя охотник удачливый и рыбы много ловит. Всё у него старшина отбирает. Теперь вот жениться парню велит на своей дочери. Как бедняк откажется?

Видит половинка котла: народ у костров веселится. В больших котлах мясо диких оленей варится, мясо лося варится, семь женщин белые лепёшки пекут.

Богатые гости в доме старшины.

Слышит путпелык, старшина кричит:

– Несите самую лучшую шкуру-ковер. Невесту и жениха на самую мягкую шкуру посажу.

Обернулся путпелык оленьей шкурой, такой мягкой, такой красивой и широкой, что старшина сразу её ухватил, кинул к столику с угощеньем. Жених с невестой тотчас на красивую шкуру сели.

Стала шкура потихоньку шевелиться, подпрыгивать, подёргиваться туда-сюда. Столкнула невесту на пол. Завернулся у шкуры один край, спеленал жениха, все оленьи шкуры и котлы, какие на пути к выходу попали, схватила шкура-ковёр и выкатилась на снег.

Побежали гости и хозяин ловить. Да где там. Как буран понеслась шкура. Ветер сильный задул. Так потемнело, будто ночь пришла. Вернулись люди обратно.

А путпелык шкурой оленьей упал в чувал Таси через дымовое отверстие. Положила шкура-ковёр жениха на нары, котлы с едой к очагу поставила, оленьи шкуры в угол свалила, потом обернулась половиной старого котла и откатилась в уголок к чувалу.

Пробудилась Тася, в избушке темно. Раздула огонёк в чувале, подбросила дров и увидела парня в одежде жениха. Парень тоже проснулся. Тася спрашивает:

– Откуда пришёл, как дверь открыл?

– Не знаю, – отвечает он. – Старшина хотел меня женить на своей дочери. На красивую шкуру посадил. Больше ничего не помню.

– В свои юрты пойдёшь? – спрашивает Тася.

– Нет – говорит парень. – Я сирота, у меня там землянка, больше ничего нет. Я бы хотел твоим мужем стать.

Согласилась Тася. Принялась мужа угощать.

Парень не ест, Тасей любуется.

Сшила Тася мужу охотничью одежду, сапоги и рукавицы. Муж лук сделал, ловушки, лыжи. На охоту пошёл, хорошую добычу принёс. А тем временем у отца Таси сердце болит: надо дочь проведать. Захватил он припас еды, стал на лыжи:

– Пойду, жена, в вершину речки охотиться.

– Возвращайся скорей, – наказывает жена.

Идёт старый охотник, дым чувала почуял. Значит, жива дочь. Ещё немного прошёл, след охотничьих лыж увидел, какой-то молодой парень скоро бежал. Через некоторое время снова старик лыжню пересёк, поглядел, догадался: молодой охотник тяжёлую добычу нёс.

Обрадовались старику Тася и её муж, угощают, расспрашивают, гостить подольше просят.

Долго старик не стал гостить, жены побоялся. Вернулся домой, рассказал про Тасино житьё. Злая жена тотчас же послала его изрубить для младшей дочери в вершине другой речки. Тяжело старому человеку, а ничего не поделаешь, злую жену не уговоришь.

Срубил он избушку, припас дров, очаг сделал и привёл младшую дочь. Наказал ей огонь хранить, никого не впускать в тёмное время. Оставил младшей дочери рыбу, мясо, муку и ушёл домой.

Младшая дочь как осталась одна, прилилась рукодельничать и песни громко петь. Услышал Злой дух урмана, стучит ночью:

– Пусти, девушка, я тебя замуж возьму. Горя знать не будешь...

Поспешила девушка, забыла отцовский наказ и впустила Злого духа. Стал её мужем Злой дух – как вывороченное дерево уродливый. Брови у него косматые, глаз не видно. Борода, как мох-лишайник, всё лицо покрыла, ниже пояса свесилась. Руки и ноги кривые, спина горбатая.

Пришёл отец проведать младшую дочь. Снег сильный валил, никаких следов не осталось. Не узнал заранее охотник, что его ждёт. Отворил дверь в избушку, Злой дух как цапнет своей лапищей когтистой! Ранил старика. Заплакал старый охотник, надел лыжи, побежал скорей в вершину другой речки к старшей дочери, к своему доброму зятю. Так до сих пор с ними и живёт. Сказку про волшебный котёл – путпелык – детям, своим внукам, часто рассказывает.

ШИШАМИЕ

У самого урамана, на краю города, жили старик со старухой. Однажды старик запряг лошадь и поехал за дровами. Полный воз дров набрал, вздумал сушняку на растопку взять да бересты. Пошел в бурелом и увидел маленького медвежонка.

«Нет детей, вырастим со старухой хоть его», – подумал старик и взял с собой зверя.

Старуха обрадовалась:

– Назовем его – Шишамие[100]. Трещал промороженный чум.

– Ладно, – согласился старик.

Достала старуха серебряное блюдо, серебряную ложку, стала медвежонка-сына угощать: сперва мясом, потом рыбой, а после брусники дала. Наелся зверь, кланяется, благодарит, видно.

Стали жить втроём.

Шишамие быстро растёт. Всё около старика работает. Пойдут дрова заготовлять – старик уж не рубит, только сушины метит топором. Медведь их корчует и на сани складывает. Рыбачить по льду начнут – медведь пешнёй проруби долбит, тяжёлые ловушки вытаскивает, рыбу вытряхивает. Охотиться на дичь научился: ловушки насторожит, потом проверяет.

Амбары у них стали полны припасов, дров много.

– Кормилец сын, – радуется старуха.

– Помощник сын, – хвалит старик. Однако спокойная жизнь вдруг кончилась. Стал Шишамие сердиться. За обедом серебряную ложку начал на пол кидать. Старик со старухой спрашивают:

– Почему сердишься?

Медведь-сын объяснить не может, на дверь показывает. Старик дверь открыл, вышли они на улицу, медведь впереди идёт. Пришли на царский двор. Там дочь царя, красавица, гуляет с подружками.

[100] Шишамие – медвежонок.

Шишамие на царевну лапой указал и жалобно на старика поглядел. Старик, в чём был, зашёл к царю:

– Мой сын твою дочь полюбил.

Царь отвечает:

– Так несите выкуп.

И назначил им сорок сороков соболиных шкурок, беличьих и лисьих. Проохотились зиму старик с Медведем-сыном, собрали пушнину и понесли к царю. Пересчитал царь шкурки, вывел дочь и отдал старику. Даже не спросил, где жених.

Привёл старик царевну в избу. Старуха уж половину дома молодым приготовила: поселились Медведь с царевной на этой половине. Старуха еду варит сыну и невестке, на подносе носит. С золотых, серебряных блюд их кормит. Царевна довольна:

– Живу, как дома.

Долго ли, коротко зима прошла, весна началась. В городе праздник большой: народ в кошёвках[101] расписных на тройках катается, зиму провожает, весну встречает.

Шишамие ушёл на праздник. Долго его нет.

Старуха говорит:

– Запряги, старик, коня, мы со снохой прокатимся, на народ поглядим, видишь, она без мужа скучает.

– Сели старуха с дочерью царя в кошёвку, немного проехали, навстречу им красивый парень. Уж такой молодец-богатырь в богатой одежде – на него весь народ глядит. Сидит он в золотой карете. Во всём городе один на шестёрке коней катается. Старуха сноху спрашивает: – Понравился тебе богатырь?

Сноха, не стесняясь, говорит:

– Не сравнить с Медведем. Приневолили, теперь не убежишь.

Покатались женщины по городу, вернулись домой, и Шишамие с гулянья явился. Как толкнул он царскую дочь к дверям, она в сени упала. Медведь накинул на неё сах, повёл во дворец. Довёл до царского двора, сам обратно ушёл.

Опять старик со старухой взяли Медведя-сына на свою половину. Старуха мохнатого сына опять с серебряного блюда кормит серебряной ложкой. Присмирел он, скучный, всё работать хочет. Рано из дома уходит. Много рыбы ловит. Диких оленей, лосей добывает, дичь разную.

Хорошо старики живут. Но жизнь одинаковая не бывает. Стал Шишамие опять посерживаться, ложку за обедом на пол кидать. Кинет и заворчит, будто стонет. Вывел однажды Шишамие стариков на улицу, показывает лапой на землянку. В землянке той жили бедняки из бедняков. С ними дочь – невеста.

Стал старик сватать девушку за Медведя. Родители девушки испугались, что жених – Медведь, отказать не посмели, а сама девушка согласилась. Новая сноха работящая: еду готовит, в доме убирает, каждый вечер Медведю-мужу шерсть расчёсывает, сор выбирает из меха. Шишамие доволен. Старики любуются, как молодая за их сыном ходит!

Долго ли, коротко опять в городе праздник. Снова зиму провожают, весну встречают. Народ катается на лошадях, колокольчиками украшенных. Колокольчики звенят, шум, смех, песни. Медведь-сын на праздник один пошёл. Долго его нет.

Старуха просит:

– Старик, запрягай коня, мы со снохой народ поглядим, прокатимся.

Едут старуха со снохой, навстречу им молодой, красивый парень в богатой одежде. Едет он на шестёрке лошадей в золотой карете. Народ ему дорогу даёт, богатым седоком любуется. Старуха говорит снохе:

– Красивый парень, тебе бы такого мужа.

Сноха отвечает:

– Я богатому человеку не пара. Да о чём разговор, ведь я замужем. Меня Шишамие пожалел, из землянки в избу привёл, живу в тепле и сытости, никем не обижена. Воротились женщины с гулянья, поужинали. Ушла молодая на свою половину. Медведя долго не было. Среди ночи он вернулся, шкуру сбросил, всё в доме засияло. Открыла глаза молодая, перед ней тот красивый парень, что в золотой карете по городу ездил.

Утром Медведь с женой долго не встают, старик проведать пошёл: здоровы ли? Видит, молодая ещё спит, и Медведь-сын рядом в человеческом образе. А шкура медвежья у порога на лавке лежит.

Не успел старик обрадоваться, Шишамие проснулся, рассердился, что отец на него с удивлением смотрит. Грянулся Шишамие наземь и обратился в холодный камень.

Сели старик со снохой у камня, заплакали. Старуха услыхала, пришла, тоже зарыдала;

[101] Кошёвка – здесь: деревянная карета на полозьях.

– Милый сын Шишамие, не увидим тебя больше никогда.

На молодую горе нашло. Ушла на улицу, легла возле кучи мусора:

– Лучше замёрзну, чем жить без Шишамие. Плакала, плакала, забылась сном. Слышит, вроде кто её будит:

– Внучка, внучка, что в грязи лежишь? Одень меня, обуй, я твоему горю помогу.

Очнулась жена Медведя, перед ней маленькая, с пестик, старушка совсем голая, посинела. Скорей стащила женщина платок с головы, оторвала уголок, старушке голову повязала. От платья лоскут, от саха и кисов кусочки меха. Дала старухе. Та нарядная стала согрелась.

– Испеки три хлеба, – говорит старушка, – чтобы не подгорели нигде. Камень, в который превратился твой муж, снизу жиром нельмы смажь. Хлебы вокруг камня на дощечках разложи. Хлеб-то и уговорит Медведя. Это он на старика обиделся.

Поблагодарила женщина маленькую старушку, всё по её совету сделала. Стали хлебы остывать и начали тихими голосами просить:

– Добрый муж, смелый муж, умный муж, воротись к жене, к отцу-матери.

Долго упрашивали хлебы камень. Наконец он раскололся, и из него выпрыгнул красивый парень в богатой одежде. Обнял свою верную жену Шишамие и повёл её к старикам. Обрадовались старик со старухой, не могут наглядеться на своих молодых. Сели старые против молодых за стол, да такая беседа долгая началась меж ними, будто век не виделись.

ОЛЛЕ И ГУСЬ-БОГАТЫРЬ

Жили в урмане на берегу речки три брата и сестра. Сестру Олле звали. Братья рыбачили и охотились, а Олле дома управлялась. Мясо и рыбу сушила, ягоды и кедровые орехи запасала. Много шкур Олле скоблила и мяла, из этих шкур одежду и сапоги охотничьи для братьев шила.

В урмане одежда и сапоги скоро рвутся. Каждый вечер Олле чинит, латает. Каждый вечер зимой просушивает у очага большущие рубахи и малицы, рукавицы и кенчики[102] братьев.

Варит Олле обед – три котла подвешаны у чувала. Хлеб Олле возле избушки в глиняной печи выпекает.

С утра до полночи некогда Олле присесть.

Однажды Олле пекла хлеб. Очень пышный хлеб удался, душистый. Шёл недалеко хозяин Нижнего города Ай-Лонт-Вурт, Гусь-богатырь его звали, запах хлеба почувствовал. Вышел он к избушке – молодой, красивый богатырь в богатой одежде. Поклонился Олле, сказал:

– Вкусный, наверно, хлеб. За семь песков[103] твоим хлебом пахнет.

Олле при чужом мужчине платком завесилась. Однако богатырь ей полюбился, и подала Олле один хлеб ему.

– Отведай, потом хвали.

Попробовал Гусь-богатырь и говорит девушке:

– Сватать тебя пришёл.

– Не отдадут братья, – ответила Олле. – У них жён нет. Кто управляться станет?

– В моём Нижнем городе много девушек. Почему братья не берут невест из моего города? – удивляется богатырь.

Отвечает Олле:

– Братья сказывали, ленивые девушки в твоём городе. Только вышивают да наряжаются с утра до вечера, а вечером песни поют да пляшут под музыку лебедя.

Строго говорит Гусь-богатырь:

– Наши девушки всему учатся, что им в замужестве пригодится. Но вечерами отдыхать надо и девушкам. Я порядок завёл, чтобы у кого дети малые есть, в тех домах всякий вечер сказки рассказывали. А молодые веселятся. Вечерами в моём городе все в чистой одежде. Кому петь и плясать не хочется, стариков расспрашивают, мудрые речи слушают. Изумляется Олле. Вон как в Нижнем городе!

А богатырь дальше говорит:

– Дерево и то наряжается. Зверь и птица малицы обновляют. Только тебя братья не наряжают, работой заморили. Посмотри, Олле, твои пальцы свело, как у пожилой женщины.

Заплакала Олле:

– Деваться мне некуда. Старший брат сильно сердитый. Не даёт вышивать, петь не велит.

---

[102] Кенчики – меховые чулки, мехом внутрь.

[103] Семь песков – расстояние по берегу реки ханты измеряли от одной песчаной косы до другой.

Только так проговорила Олле, братья к избушке вышли. Увидели богатыря, нахмурились. Старший брат спросил:

– Свататься явился? Уходи, а то убью. Ушёл богатырь ни с чем, и с этих пор братья стали гнать его из урмана. Едва увидят – целятся из луков, велят в город возвращаться. Перестал Ай-Лонт-Вурт ходить на промысел. Каждое утро вместо охотничьего лука берёт лебедя[104]. Залезает в свой самый высокий амбар и перебирает струны. Далеко из амбара урман видно. Видать даже дымок от чувала, который Олле топит.

Смотрит богатырь на тот дым, ударяет по струнам лебедя. Выговаривают струны:

Олле – невеста моя,
Тратил я годы
На охоту, пиры и беседы.
Олле – невеста моя.
Теперь о тебе лишь думаю.
К зиме накоплю
Силу в крыльях своих.
Жди меня, Олле,
Не называй меня трусом.

Разносится музыка по урманам. Братья Олле слышат, злятся. А добрые люди в Нижнем городе радуются:

– Скоро Гусь-богатырь – хозяин Нижнего города – совьёт гнездо с Олле-красавицей.

Однажды ветер донёс Олле голос струн. Заволновалось сердце девушки, застучало, как дятел.

Проводила Олле братьев в бор, принесла оленью голову варить. Принести принесла, а что дальше делать, забыла. Села сохниры-сапоги чинить, иглу, оленьи жилы-нитки достала, а что дальше делать, забыла. Дрова притащила, в очаг не подбросила. Достала Олле кукол своих, вышивать начала. С куклами разговор ведёт:

– Скоро Гусь-богатырь меня замуж возьмёт. Он добрый. Меня наряжать станет, бусы и ленты подарит. Я вам новые платья сошью. Нагрудники бисерные носить будете.

Пела Олле весь день, не заметила, как вечер наступил, братья из бора пришли.

Кинулась Олле очаг растапливать, старший брат говорит:

– Смотри, сестра, будешь лениться, выгоню.

Опять Олле управляется в избушке, старается. Старший брат покрикивает на неё:

– Не забывай женской работы. Засветло дрова и воду носи. За хлебом следи, коли в печь посадила. Собак корми. Шкуры скобли-выделывай. Одежду шей новую, старую чини, успевай! Еду вари. Мы на промысле мокнем, мёрзнем. Тебя кормим, защищаем.

Однажды ушли братья на охоту с ночёвкой. Опять ветер донёс с Нижнего города музыку. Услышала Олле речь струн – про всё забыла. День и ночь с куклами проиграла. Вышивала, песни пела, не заметила, как братья пришли.

Старший брат схватил Олле за косы и выволок из избушки:

– Говорил тебе – не ленись! Иди куда хочешь. А жениха твоего мы выследим и убьём, как пакостливого зверя – росомаху.

Стоит Олле на поляне, дрожит от холода.

Вдруг зашумели верхушки кедров. Темно стало. Будто буран налетел на Олле, поднял, закружил и понёс куда-то.

Очнулась Олле утром в каменном доме. Лежит она на высоких нарах. Постель из белых мягких шкур. Занавес у нар цветастый, как опушка урмана летом.

– Наверно, Ай-Лонт-Вурт меня в жёны взял, – догадалась Олле.

Подошла она к чувалу. Чувал истоплен. Еда горячая готова. С дровами пожилая незнакомая женщина вошла.

Олле её спрашивает:

– Кто хозяин тут, у кого гощу?

Женщина отвечает:

– Теперь ты тут хозяйка. Гуся-богатыря жена. Я прислуживаю сегодня, а завтра другая женщина придёт. Мы нашему богатырю помогаем, а он нас от врагов защищает.

Оделась Олле во всё новое и на улицу вышла. Огляделась кругом – дома каменные один за другим стоят. Улицы чистые, широкие. Ребятишки с горы катаются. Иногда по городу на оленях в нартах охотники, рыбаки проезжают. Женщины мужей приветливо встречают.

[104] Лебедь – музыкальный инструмент.

Дивуется Олле, как все согласно живут в городе. Долго Олле по улицам ходила. Люди с ней здороваются, счастья желают.

Пошла Олле в дом богатыря. Видит, печальный сидит. Взял он лебедя, заплакали струны.

– Почему грустит твой лебедь? – спрашивает Олле. – Скажи мне, мой муж.

Отвечает богатырь:

– Должен я покинуть тебя, моя жена. Полечу в Верхний город. Давно там не был. Узнаю, всё ли хорошо. Через три дня за тобой прилечу.

– Как одна останусь? – заплакала Олле. – Братья придут, обратно уведут.

– Я сторожей посажу у дверей, – говорит богатырь. – Но ты младшего брата не бойся и среднего брата не опасайся. Придут они по-одному. Накорми и одежду новую дай. А старшего не пускай. Если примешь его, мы с тобой больше не увидимся.

Надел молодой муж Ай-Лонт-Вурт серую гусиную шкурку и вылетел в дымовое отверстие. Осталась Олле одна в доме. Сторожа посидели-посидели да и уснули у дверей. Слышит Олле, стучит, зовёт младший брат. Открыла Олле ему, накормила, одежду дала новую. На завтра средний брат пришёл. И его Олле приветила.

На третий день старший явился. Долго Олле не отворяла. Заплакал брат:

– Сестра, я тебя вырастил, поил, кормил. Неужели моё добро забыла?

Пустила Олле старшего брата. Он сердитый опять. Еду сам взял. Одежду сам взял. Прикрутил брат Олле верёвкой к нарам, рот платком завязал. Сам отдохнуть лёг, охотничий нож рядом на полку положил.

В полночь свист крыльев донёсся. Слышит Олле, круг за кругом делает Ай-Лонт-Вурт. Чует Гусь-богатырь, чужой в доме.

Полетал, полетал, сел на дымовое отверстие. Старший брат подскочил с охотничьим ножом, отсёк лапки богатырю.

Хлынула кровь. Застонал Гусь-богатырь, закричал, в небо взвился.

Старший брат развязал Олле, говорит:

– Загостился я. Пойду. Что хотел, сделал. Умрет твой муж без ног.

Собрала Олле в туесок кровь своего мужа, лапки-ноги его туда же положила. Пошла она по улицам Нижнего города, по окраинам. Смотрит Олле, не лежит ли где замертво богатырь. Нигде не нашла она своего мужа. В горе упала Олле на тропу, долго плакала. Очнулась, её кто-то зовёт. Глядит Олле, перед ней маленькая старушка:

– Не горюй, Олле. Живой твой муж. Улетел он в свой Верхний город. Сюда без ног не вернётся.

Ещё горше заплакала Олле. Старушка её утешает:

– Знаю, как ты его любишь. И он тебя любит. Спасёшь его, если моего совета послушаешь. Пусть кузнец тебе три хлеба скуёт, кисы и посох. Как износятся кисы, изотрётся посох, кончатся хлебы, до лестницы дойдёшь. Та лестница в Верхний город. А идти к ней долго. Сперва с домом попрощайся. Туесок с кровью и лапками возьми, шесть раз дом богатыря обойди. Седьмой раз пойдёшь, заметишь мышиную тропинку. Иди по ней. Она к горностаевой тропинке ведёт. Горностаеву тропинку пройдёшь, начнётся заячья. Заячья тропа в лисьей теряется. С лисьей тропы на волчью сойдёшь. С волчьей на медвежью ступай смело. Долго шла Олле. Все тропинки и тропы прошла, как ей старушка велела. Увидела Олле лестницу. Нету сил у Олле. Еле-еле взобралась наверх. Оказалась на сухом болоте. Вдалеке город увидела, точь-в-точь как Нижний город богатыря. И солнце то же, и урман похожий, и речка совсем такая же, из какой Олле воду в избушку носила.

«Бояться нечего, – думает Олле. – Однако люди спрашивать начнут, отчего моя одежда грязная и рваная. Откуда пришла, спросят». Перекувыркнулась Олле через голову, сделалась девочкой.

– Скажу, сирота, – придумала Олле. – Жила в урмане с братьями. Братья ушли куда-то жён искать.

Подошла Олле к окраине города. Возле одного дома старика увидела. Старик дрова рубит. Олле-девочка поздоровалась, спрашивает:

– Не возьмешь ли, дедушка, в прислуги?

Старик старуху позвал. Та обрадовалась. Прожила Олле у старика со старухой три дня. На четвёртый день гонец на коне приехал. Старик со старухой вышли на крылечко. И Олле вышла. Говорит гонец:

– Хозяин нашего города Ай-Лонт-Вурт к предкам собрался, не может он без ног жить. Велит перед смертью, чтобы ты, старуха, сварила ему уху из муксуньих головок, а старик покормил бы богатыря ухой.

Поспешили старик со старухой во дворец.

Олле перышком обернулась, следом полетела, туесок с кровью и лапками Гуся-богатыря понесла. Отыскала Олле чувал, где котёл с ухой кипел. Как старуха отвернулась, Олле из заветного туеска в котёл всё вылила и скорее обратно.

Скоро старик и старуха домой вернулись довольные. Рассказывают Олле:

– Хозяин нашего города хорошо ухи похлебал. Все муксуньи головки высосал. Потом крепко уснул.

Прожили день до вечера, ночь ночевали. Наутро гонец от богатыря приехал. Вышли старик со старухой на крылечко.

– Ай-Лонт-Вурт благодарит вас, – говорит гонец. От старухиной ухи, видно, у богатыря ноги отросли. Стал он весел и здоров. На охоту пошёл хозяин Верхнего города.

Опять день до вечера прожили, ночь ночевали. Олле горюет, как ей мужу объявиться, как повиниться перед ним. Думала-думала, ничего не придумала.

Опять утром гонец приехал. Зовёт старика со старухой на свадьбу во дворец: женится Гусь-богатырь на Дочери Утренней Зари.

К вечеру нарядились старик со старухой, на свадьбу отправились. Олле с ними до дворца дошла.

Как раз семь оленей на праздничной нарте примчали невесту-красавицу. Женщины помогли ей с нар сойти. Обронила Дочь Утренней Зари золотую серёжку.

Олле-девочка подобрала серьгу.

Поздно вечером старик со старухой явились домой, толкуют:

– Богам угодно стало, чтобы хозяин Верхнего города поправился. В Нижний город никогда наш хозяин не полетит. Тут у него гнездо, тут у него хорошая жена. Дочь Утренней Зари. А в Нижнем городе худая жена. Мужа не послушалась. Ног мужа лишила, сколько мы богов задабривали, наконец, они богатырю ноги возвратили.

Заплакала Олле, на улицу вышла. Не бывать ей больше женой богатыря. Худая была жена Олле. Не послушалась мужа.

Идёт Олле, идёт. Вдруг музыка зазвучала. Узнала Олле речь струн. Ай-Лонт-Вурт играет на своём лебеде. Поёт богатырь:

Олле – любимая жена моя,
Олле – первая жена моя.
Не послушалась, Олле, мужа.
Теперь никогда не увидимся.

Обернулась Олле перышком, подлетела к окну дворца. Видит она, лицо Дочери Утренней Зари злое. Говорит Дочь Утренней Зари:

– Не хочу слушать эту песню. Обо мне пой, муж. О моей красоте пой под музыку лебедя.

Отвечает богатырь:

– Тебе с Олле не сравниться, у неё сердце, как горячий хлеб. Олле на меня не рассердилась бы.

Отвернулась Дочь Утренней Зари.

– Не любишь моего мужа, – прошептала Олле. – Зачем в его дом женою вошла?

Разогнула Олле серьгу, ту, что обронила Дочь Утренней Зари перед свадьбой. Дочь Утренней Зари глаза закрыла и упала на шкуры.

– Спи до весны, – сказала Олле тихонько. – Весной богатыря позовут озёра Нижнего города. Улетит он раньше, чем ты проснёшься.

Прошло три дня, три ночи.

Велел богатырь перенести Дочь Утренней Зари в Вечерний Дом, на женскую половину.

Дальше живут.

Опять богатырь жениться решил. Взял в жёны Дочь Луны.

Проводила Олле старика со старухой до дворца. Как раз семь оленей на праздничных нартах невесту примчали. Женщины принялись невесту с нарт снимать, обронила Дочь Лупы золотое кольцо. Подняла Олле кольцо.

Вечером старик со старухой вернулись весёлые со свадьбы. Олле перышком обернулась, ко дворцу полетела. Гусь-богатырь на лебеде играет:

Олле – любимая жена моя,
Олле – первая жена моя.
Не послушалась Олле мужа.
Теперь никогда не увидимся.

Прилепилась Олле перышком к окну. Слышит, Дочь Луны говорит богатырю:

– Не хочу слушать эту песню. Обо мне пой, муж! О моей красоте пой под музыку лебедя!

Отвечает богатырь:

– Тебе с Олле не сравниться. У неё сердце как горячий хлеб. Олле на меня не рассердилась бы.

Отвернулась Дочь Луны.

– Не любишь моего мужа, – прошептала Олле. – Зачем в его дом женой вошла?

Сломала Олле золотое кольцо Дочери Луны. Дочь Луны сразу глаза закрыла и упала на шкуры.

– И ты будешь спать до весны, – сказала Олле.

Через три дня самые уважаемые женщины унесли спящую Дочь Луны на женскую половину Вечернего Дома.

Прошло сколько-то времени. Ай-Лонт-Вурт посватал Дочь Солнца. Опять старик со старухой на свадьбу пошли. Олле с ними отправилась невесту глядеть. Когда женщины невесту с праздничных нар снимали, обронила она золотую гребёнку. Подобрала Олле гребёнку.

Кончилась свадьба. Затихло в городе.

Олле ко дворцу пошла. Идёт она, печальную музыку слышит. Играет богатырь на своём лебеде, о любимой Олле поёт.

Олле перышком обернулась, в окно увидела: разозлилась Дочь Солнца, не велит мужу эту песню петь.

– И ты его не любишь! – промолвила Олле. – Так усни же и ты до весны.

Разломила Олле золотую гребёнку Дочери Солнца.

Три дня, три ночи проходят.

Утром Олле по Верхнему городу ходит, слушает. Люди между собой говорят:

– Боги не дают веку девушкам Верхнего города, которые за Ай-Лонт-Вурта идут. Не возьмёт богатырь больше ни одну девушку замуж. Надо ему свою первую жену проведать. Наверно, хорошая жена была. Ноги из Нижнего города мужу в Верхний город послала.

Ай-Лонт-Вурт тоже речи народа слушает. Каждое слово острой стрелой в его сердце попадает. Поднялся богатырь в свой самый высокий амбар. Стал богатырь на лебеде играть.

Проскользнула Олле-пёрышко в амбар. Смотрит из тёмного угла на своего любимого мужа. Сильно горюет богатырь, плачут струны лебедя.

Играл-играл богатырь, в сердцах кинул лебедя об пол, разбил. Лицо руками закрыл. Олле дотронулась до лебедя. Лебедь целым сделался, струны туго натянулись.

Очнулся богатырь; лебедь в руки его просится. Опять стал играть богатырь. Запел он:

Олле – любимая жена моя.

Чует моё сердце, ты недалеко.

Обними меня, Олле, первая жена моя!

Олле вышла из угла, своим платком закрыла глаза Ай-Лонт-Вурта. Воскликнул богатырь:

– Олле! Это ты пришла ко мне!

Весело зазвучали струны лебедя, запели струны, как птицы весной. Услыхал народ, собрался к высокому амбару хозяина Верхнего города.

Вышел Гусь-богатырь вместе с Олле к народу.

Три дня, три ночи веселились все в городе. На четвёртое утро богатырь созвал мужчин ко дворцу, сказал:

– Выбирайте нового хозяина города, я в Нижний город полечу с женой. Меня озёра зовут, народ Нижнего города ждёт.

Избрали мужчины хозяином Верхнего города самого смелого охотника. Олле ему берестяную шкатулку подала.

– Как исчезнем из виду, открывайте шкатулку. Исправьте серьгу, кольцо и гребёнку. Проснутся тогда Дочь Утренней Зари, Дочь Луны и Дочь Солнца.

Надел богатырь на Олле белую гусиную шкурку. Взвилась Олле к самым облакам. Надел на себя богатырь серую гусиную шкурку. Догнал Ай-Лонт-Вурт свою любимую жену. Полетели они на Север, на нашу с тобой землю. Весну на Север наш принесли.

ШУЛЬГИН МИКУЛЬ ИВАНОВИЧ

Шульгин Микуль Иванович (1940–2007) – хантыйский поэт, переводчик. Родился 1 февраля 1940 года в деревне Мувхот-Курт (юрты Землянки) Шурышкарского района Ямало-Ненецкого национального округа в семье рыбака и охотника ханты. После окончания Мужевской средней школы он поступил в Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена (1958–1959). Там Шульгин начал писать стихи, в основном на хантыйском языке. Стихотворения М.И. Шульгина впервые появились на страницах окружной газеты «Ленин пант хуват» в 1960 году. В 1962 году вышел его первый поэтический сборник на хантыйском языке «Мави Ас» («Медовая Обь»), сборники стихотворений и сказок «Нелынг Айвой» (1969) и «Тови Ар» («Песня весны») (1971).

М.И. Шульгин первым ввел в хантыйскую поэзию рифму. Он придерживался русской системы стихосложения. Им сделан первый поэтический перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина и «Конёк-Горбунок» П. Ершова на хантыйский язык. В 1969 году в Средне-Уральском книжном издательстве вышла небольшая детская книжка поэта – сказка «Жадная мышка».

В 1971 году Шульгин принят в Союз писателей, а в 1975 году Средне-Уральское книжное издательство выпустило сборник стихотворений поэта «Благодарность» – первая его книга на русском языке.

Шульгин работал литературным сотрудником газеты «Ленинская правда», методистом окружного Дома народного творчества, научным сотрудником окружного краеведческого музея.

Его стихи переведены на белорусский, венгерский, испанский и украинский языки.

К 70-летию со дня рождения Микуля Шульгина «Театр обско-угорских народов – Солнце» представил новую литературно-музыкальную композицию, в основе которой лежит наследие поэта из сборника «Мави Ас» – «Медовая Обь».

ГРОЗА

Ветер вдруг загрохотал.
День чернее ночи стал,
Точно ворона крыло
С неба радугу свело.
Уж не ветер –
Ураган!
От дождя –
Сплошной туман.
Струи хлещут, как кнутом,
В мире яростном, крутом.
Ветвь зеленого огня
Ослепила вмиг меня.
И в долине, за бугром
Прокатился грозный гром,
Словно рухнул небосвод
С этих пламенных высот!
Колесницей по камням –
Эхо здесь и эхо там.
Вот и замерло вдали,
На другом конце земли.
И поверилось: сейчас
Вновь проглянет солнца глаз.

(Перевод В. Кузнецова)

ЗИМНИЙ ЛЕС

В серебре-огне
Мой кедровый лес
Головой достал
До седых небес.

Он в снегу по грудь,
Словно заяц, бел.
И под стать ему
Лунный свет, как мел.

Он не просто лес –
Он вселенский мост:
Корни тут, в земле,
Кроны там, средь звезд.

Чутко замер лес,
Словно чуда ждет.
По стволам его
Долгий гул идет.

Чу! Олений бег,
Громкий говор вдруг.
– Эй, садись, подвезу!
– Эй, не мешкай, друг!

(Перевод В. Кузнецова)

КОСАЧИ

Я забрался в лесной шалаш.
Где-то рядом журчит ручей.
Не входя в охотничий раж,
Поджидаю тут косачей.

Не стрелять – я пришел посмотреть
На диковинный брачный обряд.
Старый кедр привстал, как медведь,
Будто впрямь принимает парад.

И луна – золотистый карась –
Точно в омут, ушла во мрак.
Чу!.. Чуфыкая и сердясь,
Косачи скатились в овраг.

Сшиблись двое – аж перья летят!
Щедро первая кровь течет.
А невесты тихо сидят,
Словно вовсе они ни при чем.

Вот проклюнулся солнца глаз,
Покатились лучи по тропе.
Не заря – словно кровь запеклась
На кустарнике и на траве.

И взлетели вдруг косачи,
Видно, с дракой кончать пора.
Что тут скажешь им?.. Циркачи!
До чего природа мудра!

(Перевод В. Кузнецова)

ЛЮБИМЫЙ СЕВЕР

Можно надо мной поулыбаться,
Что, мол, каждый славит край родной.
Я не перестану восторгаться,
Воспевать любимый Север мой.
Трудимся без устали и лени.
Знаете, на небе сколько звезд?
Не хвалюсь я – столько вот оленей
выпасти один лишь наш совхоз.
Мы живем, как никогда не жили, –
Слышу не удары топора,
В лесу поют электропилы,
Возят лес стальные трактора.
Паровоз – к нему уже привыкли.
Самолет? – Летали... И давно
Стало электричество обычным,
Газеты, радио, кино...
Пастухи на нартах возят рации...
Знаю, каждый славит край родной.
Но не перестану восторгаться,
Воспевать любимый Север мой!

(Перевод С. Мнацаканяна)

МАМА

В маме души не чаю,
Нежности не таю.
В радости и в печали
Песню о маме пою.

Ни устали и ни скуки
Не признает она.
Словно стрижи, ее руки
Мелькают с темна дотемна.

Снежными, злыми ночами,
Лютый мороз не кляня,
Эти руки качали,
Выхаживали меня.

А ветер ревел медведем,
Трещал промороженный чум.
Ты все отдавала детям...
Тебе поклониться хочу!

(Перевод В. Кузнецова)

МОЯ ЮГРА

Моя Югра, мой край родной,
Моя судьба – в твоих просторах.
Люблю – особенно весной –
Внимать таежный звон и шорох.
И что мне комнатный уют,
Когда приходит время лова

И нежно яблони цветут,
Как в декабре,
Снегами Севера...
Смотреть на мир из-за стекла
Я не умею – вы поверьте:
Я чую, что полна земля
Тяжелой черной кровью нефти!
Здесь найденный горючий газ
Пылает северным сияньем...
Не отвести от света глаз,
Как от любимой утром ранним.
По обским водам катера
Летят, и девушка-рыбачка,
Заботливая, как сестра,
Глядит на солнце, глаз не пряча...
Мой милый Север ото сна
Восстал по требованию века –
И, словно девушка, весна
Сняла с лица платок из снега!

(Перевод С. Мнацаканяна)

ОБЬ

Восхищаясь безмерным простором,
На крутом берегу я стою.
Узкий мыс отклоняет в сторону
Голубую речную струю.
Паруса режут звонкий воздух
И гудят под ветром, крепки.
Блики солнца, словно бы звезды
Над таинственной глубью реки.

Где-то ровно гудят буровые,
А с верховьев плывут плоты.
Вдоль по берегу – даровые,
Как огонь голубые, цветы!

И галдят перелетные птицы –
Не узнать им родные места.
В стройки Века смогла воплотиться
Человечья большая мечта.

Города, поселки, дороги
У Великой и Вечной Воды.
Это все совершили не боги,
Это наши с вами труды.

Вижу я, как рыбацкие лодки,
Выгребая, идут на волну.
И сноровко идут, и ходко –
Им не быть у ветра в плену.

А поодаль гудят теплоходы –
Видно, гости издалека.
Величаво несет свои воды
Работящая Обь-река.

(Перевод В. Кузнецова)

ОТЕЦ

Помнит отец мой походы,
Привалы в лесу, на траве.
В военные тяжкие годы
Сражался он на Неве.

В горячих буднях пехотных
Науку бойца постигал.
Природный таежный охотник,
Он опытным снайпером стал.

Он был и бесстрашен, и ловок,
Врага бил, как зверя, – в глаз.
И те, кто сражался бок о бок,
Дружат с ним и сейчас.

От доблестных стен Ленинграда
Отец возвратился в тайгу.
И был наивысшей наградой
Наш праздник в семейном кругу.

Он снял полевые погоны,
Сказал мне: «Ну, хватит дремать!
Какая стоит погода,
Какая, сынок, благодать!
Я снова рыбак и охотник,
А это нам, хантам, к лицу...».

Как хочется мне сегодня
Спасибо сказать отцу!
За эту простую науку –
Всегда оставаться в строю.
Отец! Я жму твою руку.
Я рядом с тобою стою.

(Перевод В. Кузнецова)

ОСЕНЬ

Сколько щедрого света
Струит небесная просинь!
Хорошее было лето.
Пришла золотая осень.

Над лесом и над полями
Плывут облака несмело.
Словно костры, поляны
Красны от брусники спелой.

Волны выходят степенно,
Блики на них, как звезды.
И ароматом сена
Пронизан пойменный воздух.

А на крутом откосе –
Птицы перед отлетом.
Им протрубила осень,
Словно и впрямь по нотам.

Побыли тут гостями
И улетают снова...
Воду я пью горстями
Из родника лесного.

Здравствуй, щедрая осень,
В рыжей шубейке лисьей!..
Стали студеными росы,
Стали багряными листья.

(Перевод В. Кузнецова)

ӐВӘС ВЎЈЫ

Ма елпемән вўјы,
Јоньщ хӑрпи нӗви.
Нюрәм ӈантәӈ вой,
Хухәлты пӑсты вой.

Щӑјта сўвем вўјәм,
Ма щи ухја ӈәјјәм.
Хўв тӑхая,
Вае тӑхая,
Ӑлӈ туп нёхтыја.

Јоньщ кўтән вопәсја,
Пусӈа пејја.
Шитак уја, вотэв,
Лӑп ӑнт ӑјјэн юшев!

Мўӈ ӈухсэв, вўјы,
Јоньщ хӑрпи нӗви.
Нюрәм мўв ӈантәӈ вой,
Хухәлты пӑсты вой.

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ

Вот он – северный олень,
Белый, словно снег.
Пусть сугробы до колен,
Легок его бег.

Я сожму в руках хорей,
Только кину взгляд,
Только лихо крикну: «Эй!» –
Все скорее и скорей
Нарты полетят.

Среди снежной кутерьмы
В тундре голубой,
Сквозь дыхание зимы –
Солнечной стрелой!..

Друг мой – северный олень,
Белый, словно снег.
Он в сугробах до колен
Не убавит бег.

(Перевод В. Кузнецова)

УНТ

Тӑта вотэт уӈхэн авӆэт,
Ма еӆпемэн тови унт,
Вантӆэм щиелт, юхэт унэт,
Еша хӑщ ӆыв пӑӆӈа хойӆэт.
Кӳтщэм эпэӆ кӳншэн яньщӆэм,
Ӆойэӆ нохэр юх вӧӆӆы ун милпи,
Сӳмэт юх пеӆа щи кем вантӆэм,
Эвийэн ӆойэӆ, лыпэт па рӧсы.

Тӑмэщ унт нӑӈ ӑнт па уйэтӆэн,
Вантты ям, кӳш энэмсэм унтэн.
Каркам хӑнты ёх шӧши вантӆэн,
Щит, малы, мӳӈ хотӆав ӆойӆэт.

ТАЙГА

Ветры пахнут сосновой корой.
Каждый ствол, словно солнечный луч.
Световой забавляя игрой,
Кедр касается кроною туч.

Красной девицей в терему,
Ветви-косы свои расплетя,
Наклонилась березка к нему,
Что-то ласково шелестя.

Древний лес... Голубая тайга!
И под солнцем, и под дождем
Ты мне, словно бы жизнь, дорога:
Ты для хантов – родимый дом.

(Перевод В. Кузнецова)

ЮШ

Юхэт, лыптэт кӳтэн,
Хӑнты ёх ай куртэн,
Вотэн, ищки тӑӆэн
Сэма ма щи питсэм.

Па нявремэт щирэн
Энэмсэм па ёнтсэм,
Аӆэӈ хущэӆ пӧрайэн
Тӧрна керэптысэм.

Ертән ма ӆёхәтәсәм,
Вотән моӈхәсәсәм,
Ёшән ма щи ӆовәӆсәм,
Юшән хухәтӆәсәм.

Турәм кимӆа мӑнәӆ,
Этәр хӑра вӧрӆәӆ,
Мосәӈ, щи юшемән
Ин па щи ма мӑнӆәм.

ТРОПИНКА

Деревьев и трав полукружье –
В хантыйской деревне рассвет…
Зимою морозной и вьюжной
Я здесь появился на свет.

Чтоб стать настоящим мальчишкой,
Таким же бедовым, как все,
Я бегал – сверкали лодыжки! –
По травам в студеной росе.

Мое полотенце – ветер.
Меня умывали дожди.
...Как детство прошло, не заметил.
Но вот к нему тропка... Гляди!

Бежит от березки к рябинке –
До неба, у звезд на виду.
Быть может, по этой тропинке
Я и сегодня иду.

(Перевод В. Кузнецова)

РУТ ЯСӇЕМ

Ищи мӑтты вӯӆэт
Унт ӆӧваттән яӈхӆәт,
Ищи мӑтты хӯӆәт
Ас вӯтатән щелӆәт.

О, ма ясӈем,
Мӑнэм щи кем умәщ,
О, ма рут пӧтрем,
Щит, малы, моньщ.

Ӆухсэм кеши иты,
Каврәм кур мӑтты,
Мӑтты моӆьщаӈ эӈхты,
Хӑнты ясӈем щиты.

Умәщ унтэм питы,
Вӯтәӈ Асэм иты,
Ун Кев, ӆоньщ иты,
Мӑнэм мосәӆ щиты.

Ӆухәс ёх ӆув пиӆән,
Тэвән Асән ӧвәӆ,
Эви ёшәт щирән,
Ясӈем, малы, мӑнәӆ.

Вевтам ёхӆӯв пиӆән,
Питы пӑӆәӈән рохәӆ,
Кӯрийәӆ, мӑрийәӆ, ӆурийәӆ.
Ясӈем щиты мӑнәӆ.
Щита вой ху ӯв,
Ӆэты тӯтэв рӯв,
Таща йис ӆӯв.
Ма хӑнты ясӈем!

ЯЗЫК

Будто олени бредут
По мхам тайги вековой,
Будто бы рыбы плывут
В струях Оби ледяной...

О, мой родной язык,
Как ты мне дорог и мил!
Через тебя я постиг
Этот огромный мир.

Ладен, звучен, пригож –
Я жить без тебя не могу.
Острей, чем охотничий нож,
Ярче костра на снегу.

Огромен, словно тайга.
Глубок, как могучая Обь.
...Предскажешь, когда пурга.
Подскажешь, где гиблая топь.

Для друга, для милой моей,
Для тех, кто к добру не глух,
Журчишь ты, словно ручей,
Нежно лаская слух.

Но если объявится враг,
Не кончится дело добром:
Огнем разрывая мрак,
Ты прогремишь, как гром!

И этот могучий зык
Услышит седой Урал.
О, родной мой язык,
Ты моей песнею стал.

(Перевод В. Кузнецова)

РУТ МЎВЕМ

Вўща, вўща, ма рут мўвем,
Ма мирием, ма ӑӈкием.
Ӧвты Асэн ат па мӑнэӆ
Ям пӧтрием, ям арием.

Тӑта щийэт нявремиет…
Сэмиеӆаӆ тўт лавмиет.
Нёӆэӆ катӆэм нёӆэӈ пӧхем,
Юхӆэӆ катӆэм юхӆэм ёхем.

Рут мўвемэн ӆойиӆэӆэм,
Рут мўвием умэщӆэӆэм.
Щимщар ваттэм кӑт ӆӧхием
Ма-са, ма-са ӆумтыӆэӆэм.

Нёхэс хухӆэм нёхэс юшем,
Ӆаӈки хухӆэм ӆаӈки пӑнтэм.
Варэс щевлэӈ щевлэӈ сый,
Ӆоньщэн ныӆа нёхэс ӆый.

Вўща, вўща, ма рут мўвем,
Ма мирием, ма ӑӈкием.
Ӧвты Асэн ат па мӑнӆэт
Яӆпа тыйты мир ёх арэт.

МАВИ АС

Вӧсты шипэн нанэн ӆойӆэм.
Рут Мўвием умэщӆэӆэм:
Ас хӧмпиет щӯӆэӈ рӑпэщ,
Юх лыптыет щевлэӈ умэщ.

Тӧхэӆ тайэн ӆыӆ шив ваньщӆэт.
Хӧта нӑӈ па ущӆэн?
Хӧрам войӆам, тӧхӆэӈ хопӆам
Ас шитам ӆыв шӯкатӆэт.

Сэмэн ныӆы ун-ай пӧрэт,
Нюрэм пеӆа щи кем мӑнӆэт,
Хӑшэт кӯтэн тӧм муй сащӆэт,
Арсыр тӯрэӈ хопӆам сыйэт.

Ӧвса керӆэм хӧрам войӆам
Ӑнт па уйэтӆэӆ яӆэп ӧвсэӆ?
Тӑта, малы, питэӆ ӧша
Нӧпсэм йиӆ завода, воша.

Щевлэӈ васыйэн щи кем щӑриӆэт,
Веӆпэсэн ещащты ёх ай хопэт,
Вўрты вот войэн ернасэт вӧрӆэӆэт,
Щи уйэтман тӑта вӧӆаӈ панэт.

Нӧпсэм сора хухӆэс унта,
Тӑта щи ванэн кевэӈ венш кев.
Ат па арема овэӆ Ӆэв
Кӑмэн сыр Хӑнши, Пищ па ӆӯӈта!

Най нӧви унт мӧхты вӧрӆэӆ.
Унтэв оӆмэӆ нёхаӆэӆ,
Этэс най, юхтэс май, –
Щи ӳваӆтэс еӆэн вӧрӈа.

ВЕӅПӘС ЁХ

Ёхтэс ӆухсэм, ӆӯӈ ям тыӆэщ!
Вантты шӧма пӑӆьщэм умэщ!
Щи кем хӧрам намэн Ас.
Яна, ӆухсэм, ӑнтум ващ.

Щеӆэӆ, пурӆэӆ намэн ущ,
Ма сӑмием якэӆ,
Тӑм нёӆ таем щи кем ющ
Ас хӧмпие ӆякэӆ.

Ищи мӑтты пурӆэм вой,
Ванта сӑрэх ӆемпийэӆ,
Щит, малы, мир ӧй,
Най нӧвийэн вӧӆийэӆ.

Сора, сора ёвӆаты сойпэт,
Ас хӯӆ веӆты апрэӈ ёх,
Туса, туса пунэт, хоӆпэт,
Ас хӯӆ веӆты ущмар ёх…

АТ

Турмем иса сыстам,
Атэм щи кем шитам,
Упэт ӑт па нёхтэӆа,
Оӆэм ӑнт па йиӆа.

Щищкет ӑнт ӆуйӆэт,
Вӧрӈайэт ӑнт ӳвӆэт,
Соймэт туп мӑрэӆэт,
Хӑрӈайтэм нарэсъюхэн.

Атэӆ щи кем нӧви:
Яма нэпек ӆӯӈта,
Хоӆэп кӯш па ванта,
Щимэщ сорнеӈ атэн.

МАКАР ОСЬМАРОВ

I

Тысячелетний лес на тышу верст,
Седые кедры, как и встарь, угрюмы...
По сбившейся лыжне и свету звезд

Найдешь тропу к деревне...
Дремлют чумы.
Накинет елка снежный капюшон,
Застыв, как в белой малице невеста,
След заячий снежком припорошен,
Река во льдах как будто бы навечно.
А утром солнца воспаленный глаз
Мигнет, что время, что пора охоты,
И скрипнет дверь, как с петель сорвалась,
И стонет, как домра, на низкой ноте.
Макарка, ханты, юный зверобой,
Согнул для пробы бровь тугую лука,
Зовет собак, чтоб дедовской тропой
Рвануться в путь...
А шкура лыж упруга!
Охотник сам похож на драных псов,
Поскольку весь оборван, словно в драке
Со стаей волчьей, –
ветхий мех кисов
И малицы топорщится во мраке.
Он подпоясан поясом тугим,
На поясе – ножны, колчан, точило,
Он молод, но схватись попробуй с ним:
Его медвежья не пугает сила!
Обуглен солнцем, ветром иссечен, –
Его боится зверь в ночах тревожных,
Он – мастер, знает в жизни, что почем,
Рыбак, охотник, следопыт, таежник...
Им прочтены, как книга, все следы,
Что прячутся хитро в траве иль снеге,
И всякий раз достаточно стрелы:
Влет – птице,
белке – в глаз,
а зайцу – в беге!

II

Вот и зима... Удачная путина
Доход приносит местному князьку.
Летят олени – выгнуты их спины, –
Маяча, словно пятна на снегу.
Скрипит обоз. Стойбищенские парни
В извоз уходят. С ними и Макар.
А их правитель дремлет в жаркой спальне,
С ним, верно, бог и – это хуже – царь.
Выл ветер, как шаман... Хрипела стужа,
Металась в небе снежная орда,
Пурга стелилась...
Дальше будет хуже:
Нагрянули такие холода...
На нарте же приказчик с винной фляжкой,
Закутан в десять малиц, как кочан.
Макар – бежит с хореем за упряжкой, –
Окоченел и от мороза пьян...
Приказчик же у князя, видит бог,
В большом почете, но – тайги боится

И на охоте может заблудиться:
Разумнее в лесах любой щенок.
Как будто был всегда бессильным, старым,
Стрел не считает, не поднял ни тюка,
Однако он командует Макаром,
Кричит на парня, как на сосунка.
Да, так уж повелось несправедливо,
Что эта глыба с глазками купца
Для князя продает пушнину, рыбу,
А сам-то не поймал даже песца...
Вот, например, отец Макара – самый
Хороший на сто верст вокруг рыбак,
Он круглый год повсюду сети ставит,
Но с князем не расплатится никак.
И раз в году в домишко свой старинный,
Как в гости, приезжает на два дня...
Ах, как отец летит тропой звериной –
Быстрее всех собак худых гоня!
Хозяева же знают только деньги,
Вся их работа – плеть, расписка, крик...
Так как же быть, Тихон Данилыч Сенькин?
Тихон Данилыч, ссыльный большевик...
Он жил в соседстве с домиком Макара,
Лес стал ему привычным и родным,
И ханты осторожные недаром
Его считали чуть ли не своим.
Среди лесов, объятых волчьим воем,
Среди снегов и тундровых болот –
Нет, не забыл он сказочных героев,
Надежд не растерял он, мой народ!
Он помнит легендарного Ваули,
Что поднял северян против царька, –
И дед Макар отмечен пулей,
Нагайку помнит кожа старика...
А нынче – снова: колобродит век,
Не зря Тихон Данилыч хантов учит
Купцам не верить, за бесценок мех
Не отдавать, когда придется случай,
И спирт не пить!..
Таков его завет.
И вот Макар приказчику упрямо
Твердит: «За горсть серебряных монет
Зимой детишек не прокормит мама...
Она – одна, в глухой тайге отец,
И ей знакома музыка бурана,
Бела ее прическа, как песец,
А на руках – морщины, словно раны.
Так и живет и будет жить – не в радость,
Средь чада, бересты, мошки, клещей,
О, как Макара мучит злая ярость
И гнев против шаманов и князей.

III

Весна, весна... Мир полнится сияньем,
И гомон птиц стоит над головой.

В родимый дом вернулся с опозданием
Солдат знакомый с Первой мировой...
Что он принес с собою?
Что за свежесть
В его речах!
Так как же понимать,
Что перед Сенькиным купцы-невежды
Собольи шапки начали ломать?!
А солнце землю копьями кололо,
Трещал сушняк, как отзвук баррикад...
Гром над Югрою грянул –
то «Аврора»
взметнула над планетой свой раскат!
Охотникам – меха, а рыбакам – улов!
Оленевод, гони оленей!..
И неспроста казалось старикам:
Все в мире понимал товарищ Ленин.
О, радость завоеванных свобод!
И дед Макара на седьмом десятке
Так пожалел, что в счастье и достатке
Ваули не увидит свой народ...
В семью вернулся из тайги отец,
Он был на диво светлым и веселым,
Но загремели пушки – и по селам
Промчался еле дышащий гонец...
– Друзья, считайте стрелы в колчанах,
Патроны набивайте! Время – бою:
Идут враги, и их ведет Колчак,
Как черный ворон стаю за собою.
Тайга смыкалась, темная, как пасть,
Подобная замерзнувшим застенкам...
Отец Макара и сутулый Сенькин
Ушли сражаться за родную власть.
Враг, словно волк среди оленьих троп,
Стал жечь и грабить зло и бессердечно,
Урядник бил Макара, сбил в сугроб
И застрелил бы, но стряслась осечка.
Теперь Макар мудрее, чем лиса,
Он – не юнец зеленый, а мужчина,
Он понял, что придет, придет кончина
Тем, кто ворвался, словно зверь, в леса.
В ночах, как сабля, полумесяц крив –
И в стойбище пришли дурные вести,
Что кто-то предал, путь врагам открыв,
Отряд, стоящий в заповедном месте.
Макар рванулся – он почуял вдруг,
Кто этот недруг, проклятый предатель, –
Свистели лыжи яростнее вьюг,
Стучалось сердце в ребра, словно дятел.
Глотая на бегу горячий пот
И сглатывая горестные слезы,
К рассвету он добрался до болот,
Упав без сил в корнях большой березы.
Народная дружина – начеку:

Винтовки, луки – все к боям готово...
Лежал убитый Сенькин на снегу,
Но отыскал Макар отца живого.
Потом он шел домой. Скрипел снежок,
Качались ветви кедров оробелых,
В глаза случайно бросился флажок –
Макар наткнулся на ночевку белых.
А у огня предатель руки грел,
Весь в малицах, как бы кочан капусты,
И лук Макара тоненько запел,
Стрела скользнула, снег под телом хрустнул.
Не увидать приказчику светлы
Родные дали, зелены побеги...
Всего одной достаточно стрелы:
Влет – птице,
белке – в глаз,
а зайцу – в беге!

IV

Макар пошел и в ширину и в рост,
И даже стала малица короче,
А снег осел и посветлели ночи:
Весна явилась, как желанный гость.
И отступила долгая зима...
Теперь веселой гостье не помеха
Чуть рыжеватые лохмотья снега,
Слетающие с сосен на дома.
И отступили лютые враги –
Теперь народу смех, а не помеха,
Что враг растаял в сумраке тайги,
Рассеялся, как будто комья снега.
А на Оби под утро синева,
И осетры хребтами режут воду,
И в поймах встала сочная трава –
Все это сердце радует народу...
Нет, не напрасно проливалась кровь.
И вот друзей созвал отец Макара
На сходку... Все рассаживались вновь
На пол, на подоконники, на нары.
Курили старики – и дым летел,
А молодые, слушая, молчали.
И в этот день они одно решали –
Как лучше организовать артель.
Один из хантов был суров и хмур –
В богатой пестрой малице шамана,
Он говорил, что это просто дурь
И как тут обойдешься без обмана.
Шаман – из богатеев, он не зря
Смотрел, как волк, на бедное собранье,
Но красные знамена, как заря,
Светили людям в утреннем тумане.
И бедняки забыли то, что в рай
Бог не пускает смелых и строптивых.
О, только бы расцвел родимый край,

Чтоб было больше дум и лиц счастливых.
Что беднякам слепой небесный бог?
Надломлена неволя, вроде наста –
И негасимый свет народной власти
Открыл им к счастью тысячи дорог!
И запахи черемуховых вьюг
Летели над землею в час рассвета –
Мир не видал еще такого лета!
Макар в тайге. Он переводит дух.
Был этот год прекраснее, чем те,
Что над тайгой неслись, невзгодам вторя,
Когда народы жили в темноте,
Средь голода, морозов, слез и горя.
Нет, не было таких счастливых дней,
А счастье – потеплей бобровой шубы...
Шумит тайга, ветра летят над ней,
И на делянки вышли лесорубы.
Макар умел справляться с топором,
Наличники прилаживал, крылечки,
Он – мастер, он за домом строил дом,
И чуял, что на сердце стало легче.

V

Он помнил детство – это пот и кровь,
Он твердо знал, что лес родной лишь место,
Где надо брать пушнину зло и честно,
А Обь – вода, где ловят осетров.
И вдруг впервые он прозрел, когда
Сквозь тяжесть лет и жизни безразличье
Заметил он, как ярки перья птичьи,
Подслушал, что поет в реке вода!
Он понял мысли загнанных зверей
И удивился скромности березы,
Он поразился зову глухарей
И подсмотрел, как насмерть бьются лоси.
Он по тайге бродил...
Так хорошо
Дотронуться до дерева тугого...
Макар забросил лук свой и ружье,
В тайгу без цели забредая снова.
Он полюбил речные берега,
Под коими налимы роют норы,
Он полюбил шуршание песка
И камыша ночные разговоры...
Он в ряску оступался, плохо спал
И видел сны под пологом туманов, –
Не веря ни в богов и не в шаманов,
Он фею светлоглазую искал...
Она входила в жизнь его во сне –
Под сенью кедров, лиственниц и вязов,
Простая фея из хантыйских сказов,
Красивая и верная Мишнэ.
Он слышал шелест девичьей косы,
Ее шаги в таежном отдаленьи!

Ее глаза – в прозрачности росы
И приближенье – в поступи оленьей.
Он впитывал глазами свет луны,
Бродил в тайге тревожно и упрямо,
Макара понимала только мама:
Ее сынок тоскует о любви...
Но как-то раз Макар столкнулся с ней –
В тайге, случайно, с феей яснолицей,
И стало сердце биться чуть сильней,
Как бьется в клетке пойманная птица.
Он наконец-то встретился с мечтой,
Что мнилась ему в поступи оленьей,
Он встретился, идя родной тайгой.
С девчонкой из соседнего селенья.
Она была легка, как небеса,
Светясь в объятьях утреннего мрака,
Она была ловка, как росомаха,
Стекала по плечу ее коса...
А сах ее – расшита, но строга,
И обувь с красной ниткою по краю,
В руках – шершавый обруч туеска,
В котором светит ягода лесная.
И пела песню добрую она,
И пела так, что лес напрягся немо,
Ее словам внимала тишина
И жаворонки, смолкнувшие в небе.
Девчонка голенастая, – навоз
Она зимой когда-то убирала,
И не было еще тяжелых кос,
Тугая бровь так славно не играла.
В соседнее селенье тонкий след
Когда-то замело под вой бурана...
...Прошло, наверно, семь иль восемь лет
С момента их последнего свиданья.
Она теперь – красива и горда,
Ей не страшны невзгоды и напасти,
Ее судьба – судьба родного края,
Что выстояла в зной и холода.
И женщины родимой стороны
Не зря сейчас спокойны и красивы:
Тайга родная поделилась силой,
Чтобы друг другу были все равны.
И ханты средь лесов родной земли
Работали, смеялись и любили,
И все, что раньше предки позабыли, –
Честь, смелость, радость – снова обрели.
Не потому ль Макар впервые смог
В тайге с любовью встретиться своею?
Он замер средь ветвей, не чуя ног,
И песню слушал он, вздохнуть не смея.
Он не забыл обычаев тайги:
Всегда во всем хранить терпенье надо,
И, как олень, отбившийся от стада,
Метнулся к дому: «Мама, помоги...»
А мать узнает все, как повелось:

Укажут сваты время встречи, место
Свиданья, – и Макар найдет невесту,
Певунью, и ее коснется кос...
А первый снег касался крыш и лиц
И кедрачу укутывал колени...
Когда срок встречи подошел – олени,
Как три рогатых бури, понеслись!
И после пахла хвоя, падал снег,
Звенели бубенцы, пылали ленты,
Над свадебной упряжкой, звонкий смех,
Веселье, песни, тосты и легенды...
...Среди соседей, дорогой родни –
Страница за страницей, миг за мигом
Листалась жизни праздничная книга,
И лихо ночи пролетали, дни.
И в люльке закричал на целый свет
Мальчонка, поднимая мать с постели.
Вот так – в семье заметить не успели:
Отцу – Макару – тридцать восемь лет.

VI

И снова лето... Ох, улов какой!
Не вытащить сетей, так разбухали...
Макар шутил, облеплен чешуей:
Она – как на уряднике медали...
Что ж, смех хорош, коль шутка неплоха,
И главное – урядники-то сплыли,
Смеялись люди, подперев бока, –
Не зная бед, работали, любили...
Но вот примчалась горестная весть –
И снова закручинились мужчины,
Нарочный на райкомовской машине
Покой нарушил этих древних мест.
Охрипнув, он кричал: «Война, война...
Товарищи, готовы будем к бою.
На каждого надеется страна –
Мы отстоим отчизну всей судьбою!»
Кручиниться не дело – и Макар,
Сжав зубы, слушал радио в поселке,
Слова военной сводки были горьки,
Что грозный нанесен стране удар.
Макар хотел сражаться, чтоб жила
Его страна – его семья родная,
И слушал он про черные дела,
О юности суровой вспоминая...
И вдруг заныли шрамы на спине,
Как память об уряднике и прочем...
Сейчас мужчинам место на войне –
Учителям, охотникам, рабочим!
Издревле ханты любят тишину,
Издревле ханты тихо выжидали:
Им было все равно, где побеждали,
Кто из царей выигрывал войну.
Война кончалась, как и не была, –
И снова ханты жили в глухомани,

А нынче – это кровные дела:
Народа раны – это хантов раны.
Ну, а Макар – охотник и стрелок,
Ему в тылу остаться недостойно...
Прощай, прощай, отец седой, как мох,
Прощай, сынок, и жди меня спокойно...
Он уходил по утренней росе,
И несся ветер вслед, над лесом вея, –
И вслед ему с улыбкой на лице
Жена смотрела, горестная фея,
Она была легка, как небеса.
Что изнутри рассветы освещали,
Она была стройна, ее глаза
Макару жизнь и радость обещали!
Он насмерть встал за малого сынка,
За Родину... Что слава и награды?
Он – лучший снайпер энского полка
И доблестный защитник Ленинграда.
Металась в небе снежная орда,
Выл ветер, как шаман, свистела стужа,
Войска сражались в эти холода,
На миг из рук не выпустив оружья.
Макар, прицелясь, нажимал курок,
Уже привыкнув к адовой бомбежке,
А не хватало хлеба – что ж, он мог
Три дня жевать кусок сухой рыбешки.
И, помнивший слова «закон – тайга»,
Он выполнял приказы и уставы...
Дошел таежный снайпер до Полтавы,
Осталось до Варшавы два шага.
Огонь, огонь путь освещал во мгле,
Глаза мрачнели подзащитной каской:
Он хоронил друзей в чужой земле,
Их поминая песнею солдатской...
Врагу не скрыться от своей судьбы,
В прицеле тьма и ветер – не помеха:
Не зря одной достаточно стрелы,
Влет – птице,
белке – в глаз,
а зайцу – в беге!
Он отстоял родные города –
И вот уже плескалась в старой каске
Дунайская, полтавская вода,
Но все-таки в Оби вода прекрасней!
А в стойбище ждала его жена,
Седой отец и сын подросший ждали...
Макар вернулся!.. Звякнули медали
На гимнастерке... Кончилась война.
Охотничий не скинув полушубок,
Прижался сын к родительской груди,
Мальчишка, следопыт, любитель шуток,
Что не боится зверя и беды.
А над тайгой плескались, как салюты,

Родные зори... Как они красны!
В те дни по всей стране встречали люди
Героев, возвратившихся с войны.

VII

Тысячелетний лес на тыщу верст,
Сосна и кедр охвачены морозом,
Поселок старый, что в чащобу врос,
Недаром стал передовым совхозом.
Его теперь найдешь не по лыжне –
По фонарям и тракторному следу,
А летом ты услышишь в тишине
Средь обских вод крылатую «Ракету».
Его найдешь по каменным домам,
И по сетям, капроновым и крепким,
И по антеннам, и по маякам,
И по рыбацким тельникам и кепкам.
Бегут года – Макар Осьмаров стал
Начальником народного хозяйства,
Он на путину раньше прочих встал,
Поскольку сроду не терпел зазнайства.
Сын революции и ветеран войны,
В его словах – таежная наука:
Вам не помогут золотые руки,
Когда вы неразумны, неумны...
Он учится и сам, других уча, –
Затем и просыпается пораньше,
Он помнит наставленья Ильича,
Что знанье – это хлеб и силы наши.
Осьмаров слышит, как шумит тайга.
На рыбаков, оленеводов глядя,
Он вспоминает с нежностью сынка,
Который на учебе в Ленинграде.
И в письмах к сыну он приветы шлет
Почти родному городу-герою,
Где ранен был, на зимний брошен лед,
Но выжил, чтобы встать за мир горою!
Приедет сын – и на Оби родной,
Так на отца похож, расставит сети,
И вместе с ним Осьмаров на рассвете
Потянет невод... Ох, улов какой!
Пусть за морем готовятся к войне –
Макар не позабыл приклад винтовки,
А с ним и сын, чье фото на стене,
Сумеет стать в строю на подготовку.
Ведь сын его умеет верным быть
Отцу родному, другу и Отчизне,
Он учится науке, счастью, жизни,
Он учится тайгу свою любить...
О, как глаза сыновние светлы,
Ему любые беды не помеха,
Ему одной достаточно стрелы:
Влет – птице,
белке – в глаз,
а зайцу – в беге!

ЖАДНАЯ МЫШКА

Мышке всю зиму пришлось голодать...
Чуть солнце весною пригрело,
Решила она осетра поймать...
И принялась за дело.

Спустилась к реке, разгрызла орех,
Уселась в скорлупке крепкой.
Лодка у Мышки прочнее всех,
И веслышко – длинная щепка.

Река спокойно скорлупку несет,
На легких волнах качает.
Весело Мышка смотрит вперед
И песенку напевает:

Лети, моя лодочка, легче!
Мне так надоела нора!
Греби, мое веслышко, крепче –
Я еду ловить осетра!

А с берега дети Мышке кричат:
– Плыви к нам, гостинец получишь!
Мы наловили ведро щурят –
Ухи тебе дадим щучьей.

– Нет, – крикнула Мышка, – спасибо за честь.
В нашей семье мышиной
Любят не щук за обедом есть,
А свежую осетрину.

Пусть день проплыву я и ночь до утра,
Ведь больше всего на свете
Хочу я сама поймать осетра.
До сви-да-ни-я, де-ти!

Крепчает волна и в лодочку бьет,
Но Мышка храбра и упорна...
Свою рыбацкую песню поет
Упорно и задорно:

– Лети, моя лодочка, легче!
Мне так надоела нора!
Греби, мое веслышко, крепче –
Я еду ловить осетра!

А с берега снова зовут отдохнуть,
Кричат ей из чума дети:
– Плыви к нам, Мышка, и гостьей будь!
Муксун попал в наши сети.

– Нет, – отвечает Мышка, – не тот улов:
В нашей семье мышиной
Едят за обедом не муксунов,
А свежую осетрину.

Пускай даже станет волна, как гора,
И пусть я очень устану,
Но все равно на обед осетра
Сегодня себе достану!

Над лодкой встает крутая волна,
Но смелая Мышка не тужит,
Еще уверенней правит она
И песню поет все ту же:

– Лети, моя лодочка, легче!
Мне так надоела нора!
Греби, мое веслышко, крепче –
Я еду ловить осетра!

Опять увидела Мышка детей,
Опять приглашают дети:
– Мышка, плыви-ка ты к нам скорей,
Мы тебя с радостью встретим.

Икрой осетровой тебя угостим.
...Приятное приглашение! –
И вот гребет уже Мышка к ним,
Борется с сильным течением.

Дети гостье – чашку с икрой
И ложку, чтоб лап не марала.
Ест она час. Проходит второй
И третий – и все-то ей мало.

– Эй, Мышка, – кричат ей. – Лодку снесет,
Штормит на Оби, как в море! –
Хотела Мышка встать, да живот
Мешает подняться обжоре.

Пыхтела, пыхтела, привстала едва –
Но лопнул живот у Мышки.
Лежит она ни жива ни мертва,
Кричит: «На помощь, детишки!»

Кто ниток клубок, кто иголку несет...
Десять минут – и готово:
Зашили ребята Мышке живот,
И снова она здорова.

В лодку ей помогли они сесть,
И Мышка перед дорогой
Сказала ребятам:
– Не буду есть
Осетровой икры так много.

(Перевод М.Лецкина)

ШУЛЬГИНА ЛЮБОВЬ ЯКОВЛЕВНА

Шульгина Любовь Яковлевна родилась 1 февраля 1960 года в деревне Послово Шурышкарского района ЯНАО в семье рыбака и охотника. Окончила Азовскую 8-летнюю школу. С 1976 по 1978 год училась в Горковской среднеобразовательной школе. В 1986 году окончила Тюменский инженерно-строительный институт, работала на стройках Тюмени, в строительных организациях г. Салехарда.

С середины девяностых годов Л.Я. Шульгина увлеклась стихами. Как признается сама поэтесса, писать она начала после 35 лет. Её стихи опубликованы в национальной газете «Лух Авт», журнале «Северяне». Творчество Любовь Яковлевны Шульгиной высоко оценил Р. Ругин.

В 2008 году при поддержке департамента по делам коренных малочисленных народов Севера автономного округа издан сборник поэзии «Мой Белый стих».

Живет в Салехарде.

МА ХАНШӘМ ЙАСҢЭМ

Нови вотас хорпийән
Ӆарҧиӆтыман тутӆиӆайәм,
Ат хуӆӆийәм нарс сыйәт
Тата щащиӆыӆәт.
Ӆощ рав нови охшам иты,
Кащӆы-пушӆы
Ӆаҧкра оӆеӆ.
Аматман йакман ӆарыӆәм,
Ухәӆ йэрмак щашканәтән
Понәсӆәм
Йэшәк самәҧ йасҧәт
Йохӆама китыӆыӆӆәм.
Амәтман йакман кариӆыӆәм,
Холәп ӆаҧкра понӆэм,
Ньалыйн певәӆӆәм,
Сыстам ӆор эӆты
Умәщ йасҧәт мощатӆәм.
Аматман, йакман ӆарыӆәм,
Ат хуӆӆийәм нарәс сыйә,
Тата щи щащӆәт.
Нови ӆощ равийэ,
Васы пун иты,
Манэм ӆув лаҧкәсӆәт,
Йэмәҧ йасәҧән,
Йэмәҧ уӆәмән…

МОЙ БЕЛЫЙ СТИХ

Словно белая вьюга,
Закружит меня
В вальсе восторга,
В неслыханных звуках.
Снежные хлопья,
Как белые шали,
Ложатся на плечи
Тоскою незримой.
В вальсе восторга
Шелками накроюсь,
В любовных стихах.
В вальсе восторга
Сети накину,
В тине искупаюсь,
В чистых озерах
Светлое слово найду.
В вальсе восторга,
В неслыханных звуках,
Белые хлопья,
Как легкие перья,
Накроют меня,
Таинством слов,
Магией сна...

ВОТАС

Па номасан тутӆиӆайәм
Ай, энәмәм йушӆам хощa:
Таӆ, ӆонщәҧ вотас йэтнайән,
Вотэн эҧәӆман хоӆӆийәӆ,
Ишнийа хатщийәӆ.
Йэша сыйәӆ хурӆыӆыйәӆ,
Щаӆта па ликәҧа йиӆ,
Аплакәт вортман,
Тутӆийәӆ вотыйэн.
Арсырән увман,
Мэнлыман, йакман,
Куӆийэт йакӆәт,
Хоннэҧәӆ вотасән,
Йэҧки щарәс вотас нэ.
Тахты кута ханьэмиӆә
Пӑӆтамаман, таратыман
Вантӆәм,
Аҧкем рома омәсӆ.
Тут щохалн ӆэӆ, хошәм…
Аҧкем йонтәӆ вай.
Ӆув пеӆайәӆ ватман,

Паӆтапийэм манэс,
Щикем манэм йӑм.
Ат ӆаӈхаӆайэм,
Паӆты вотас эӆты,
Йэӈки щарэс вотас эӆты!

ВЬЮГА

Снова память меня унесет
К милым детским годам:
Слышатся стоны,
Лампадные тени,
Скрежет за дверью.
Вьюга стучится в окно,
Заплачет, завоет,
Затихнет чуть-чуть,
И с новою силою
В гневном порыве,
В снежной пучине
Завертится бал.
Словно нечистая сила
Закружится в вальсе
В кромешном аду.
Правит балом вьюга,
Вьюга с северных морей.
В страхе прячусь,
Завернувшись в шкуры,
Смотрю на спокойный
Мамин силуэт.
Огонь в печи, тепло...
Мама шьёт кисы.
У меня проходит страх.
Не боюсь я вьюги,
Вьюги с северных морей!

АСАН ВОХӆАЙӘМ…

Ас, мувеӈ асыем
Хорасаӈ нэӈӆан хорпйэн,
Мэнлыман овӆан.
Тата энмэм,
Сэма питам йушӆэм
Овиенан матсат.
Нопсэм понман хащас,
Самем марэмаман кашитэӆ.
Хун омием
Ма пиӆэман яӈхэс,
Хомпаӈ Ас йиӈкат
Нарс юха таиӆысӆэм.
Сэма питэм эӆты,
Ащем юх хоп
Онтапа ус.
Войэӆтыты арэм
Халэв, тарпев уват усат,
Пеӆӈа тарӈыйэӆ,
Хопа хойэм
Хомпаӈ йиӈкат.
Хой щиты ат ус,
Ӆув ат уйэтэӆ,
Амуй щиран
Асан апаӆӆайэн!..

ЗОВ РЕКИ...

Обь, как величава
И прекрасна ты.
Здесь детство, юность
Пронеслись рекой.
Осталась память,
Боль, печаль, тоска...
Ещё я в чреве
Матери родной
Любила слушать
Музыку волны твоей.
С рождения лодка
Была мне люлькой.
Колыбельной песней
Были крики чаек,
Комариный писк,
Плеск волны твоей,
Штормы, вьюги и ветра.
Кто не познал все это,
Тот не знает зов реки моей!

ЙОМ ЮХ

Тови, тови
Тови хатӆэт!
Йом юх лыптаӈа йис,
Ӆыпем щикем
Кеӈа йис,
Сэмӆам щикем йотӆэт,
Апаӆтыман,
Мосаӆтыман.
Йом юх авыӆ,
Эплыӈ йом юх,
Ӆыпэм щикэм,
Каӆщиттыӆы.
Ӆыпем щикэм
Кеӈа йис.
Тови, тови яма манэс,
Ояӈ хатӆат хащсат.
Йомаӈ юхат лыптамтэсат,
Ӆыӆэм рома йис…

ЧЕРЁМУХА

Ох! Весна, весна,
Весенние деньки!
Зацвела черёмуха,
На душе легко,

Взгляды страстные,
Поцелуи нежные.
Ох! Черёмуха душистая,
Любовью одурманена,
На душе легко.
Хороши деньки весенние.
Страстные деньки.
Отцвела черёмуха,
Улеглась душа...

***

Тови, тови!
Сыр-сыр тови,
Нох саӈкәлӆыман,
Хуӆәнтыман ӆойиӆыӆәм,
Порэӈ сыйәӈ йушәт манӆәт,
Умәщ хорасәӈ эвэт йакӆәт…
Сэмӆам лакки манӆәт,
Щикем тови авәӆ,
Унтэм арсыр увән щащәӆ,
Щикем самем хойӆа.
Курӆам йакты манӆәт,
Арыман карыӆыӆәм.
Товем йакәӆ.
Утән такан манӆәт
Арсыр сыйәӈ порэт.
Похләт йаха хойман,
Марыӆәт,
Тутән этӆәт.
Мувэв тарәнӆыйәӆ…
– Верӆа йэшәк, нэӈийэ!
Тови йохтәс!-

***

О! Весна, весна!
Какое пробуждение,
Какое чудо из чудес!
Как будто в первый раз
Очарован видом
Невесты молодой.
Дивный, нежный запах
Ведет меня на вальс.
Все в движении:
И небо, и земля,
Птичьи трели,
Свадьбы – гул лесной.
И раскаты громовые!
Будоражат землю...
– Проснись, краса!
Весна пришла!

САМА МОСТЫ РАТ

Ас потәм ӆыӆ,
Шивән пусәӈән
Курт лап ланкәссыӆы.
Патлама йис,
Шитама йис,
Нэмәӆты ӑт ныӆа,
Туп ампәт сыйәӈа хортыӆыӆәт.
Кутн-кутн волаӆыӆәт
Ишни тутәт,
Щит хойатәт ӆув кутӆаӆн
Вуща йасәӈ китӆәт.
Кур тут шэк такан ӆэӆ.
Вотәм пирәщ ики
Омәсәӆ,
Тут ньаӆәм пеӆа вантәӆ,
Щиты ватман,
Нумәӆмиман,
Нопсәӆ шакәӆ,
Ратхар хорпи
Йушәӆ манәс.
Энәмты йохәт,
Йур тайман,
Нумәӆмиӆәт:
Муйсыр верем,
Муйсыр йушем,
Нох понӆэм,
Кена тайӆэм.
Аӈкаӈкэт, щащийэт
Хиӆынэӆаӆ, утәӆтыман,
Мощ щирән ӆуйӆат.
Икеӈән, имеӈән
Муй сыр уӆәпсайэӆ,
Ӆув верӆаӆ
Хойән вантыӆайәт,
Хойән моштыӆайәт.
Вантыӆайәт, шавиӆайәт
Турәм ащевн,
Ӆувеӆ иса вер,
Иса ныӆа.
Щита па ай хот кутн,
Омийэ, ньаврэмәӆ пиӆән
Щикуш ӆавӆисыйәӆ,
Уйтәм курәӈ сыйәт.
Кур щохалы ӆэӆ,
Йоӆән хошәм, сыстам.
Щит иса мосты ратәт,
Мосты лотәт.
Хойатӆув мосман,
Шавиман, энәмман,
Тумтака тайман,
Нумәсман ратӆув.

ОЧАГ ЛЮБВИ

Холодное дыхание реки
Окутал серым дымом
Поселок над рекой.
Лишь лай собак
Тревожит тишину.
Кое-где мерцают
Отсветы огня,
Это люди шлют
Привет друг другу
И путникам далеким.
Печка топится так жарко.
Седой старик сидит
И смотрит в пламя,
Как на пепелище...
Он полон дум,
О превратностях судьбы.
И юноши в мечтаниях своих,
Что невозможное свершится.
И старухи мудрости
Своих преклонных лет
Оставляют внукам.
И муж, жена и сцены:
Трагедии, любви,
И ласки, и прощения.
Над ними, зритель и судья
Лишь только Бог один.
Еще последний домик,
Там мать, дитя,
В ожидании шагов знакомых.
Огонь в печи –
Тепло, уютно.
И это все очаг.
Очаг любви и наставления,
Надежды, веры и добра.

СОРӘМ

Муй арат йасәӈ,
Муй арат потрэн,
Муй щирән манәӆ,
Ар щирән вуӆэн,
Ар щирән хуӆәтӆэн.
Щи йасӈэн хоща сорәм уӆ.
Сэма питман эӆты,
Паӆӆув сорәм эӆты:
Питы сохәм йохтыӆыйәӆ,
Торән сэвәрты карты тайәӆ,
Сэм ӑт тайәӆ,
Пекӆаӆ льӑскыӆыман
Щиты йохтыӆыйәӆ.
Хун наӈ йушэн манеӆ,
Самэм хойӆа,
Кев хорпийа йиӆәм.
Йушәт сохнәмтыӆәт,
Хоӆӆыман, увман, арыман.
Шек ӆыкәӈа тайсэм,
Ат нумәсман,
Такан хухәӆман йэӆӆы,
Йэӆӆы уӆман,
Нумман уӆапсайэв ит,
Ит, там мув хиш хоща.
Наӈ хоӆәпӆан хоща,
Йовәрӆыман,
Иӆ ракныӆыӆәм,
Нох вортысыӆәм,
Йэӆӆы па манӆәм.
Ма йупемән йисән наӈ,
Потлаӈема ватман,
Каши ньоӆ иты эсәӆман,
Щиты шук тувман,
Нопсэм йӑма йиӆ.
Сорәм йушат
Кена йиӆат.
Турәм хусәт уӆӆәт,
Муӈ итэвән,
Парӆәт,
Сэма питӆәт.
Щиты пирыман йэӆӆы,
Век уӆӆув!..

СМЕРТЬ

О, сколько слов земных:
Блаженных, милых, страстных,
Научных, светских и благих,
Таких, обыденных, простых.
Но есть средь них одно,
Это слово «смерть».
С детских лет навеян,
Страшный образ:
Широкий, черный плащ,
Коса, глаза, пустых глазниц.
Леденящий душу твой приход.
Твоя дорога: плач, страдание, тоска,
Я ненавидела тебя,
Бежала в страхе,
Отгоняя мысли.
Гналась вперед,
За вечной жизнью.
Ведь жизнь,
Казалось мне, одна,
Одна в земной пыли.
В твоих сетях
Я путалась
И падала,
Рвалась вперед.

Ты шел за мною по пятам,
Вонзая стрелы боли.
Боль, как чистилище земное,
Озаряет путь.
И смерть –
Становится покоем.
Покой и сон...
И вновь рождение звезды.
И эта смена
Так торжественна и вечна!..

УӇАПСА – ЩИТ АС

Уӈапса и Ас щит щи
Турам найән мойӈасаюв!..
Ун щатщащиӈәв
Щиты потартәсат.
– Асэн муй щиран
Сэма питас,
Муй щиран щарәса маныӈ.
Яӈха Ас йушан
Нохӈы, Алтай кев мува.
Иӈӈы, хота мув етшаӈ…
Щи порайән уйәтӈэн уӈапса.
Уӈапса, Ас хорпи –
Сэма питаӈ,
Турма манаӈ,
Щәӈта па сэма питаӈ. –
Ун опращӈәв
Щиты ястыӈәсат…

ЖИЗНЬ – ЭТО РЕКА...

– Жизнь и реки – дар Небес!..
Так мне деды говорили.
– Если хочешь ты познать
Жизнь своей реки,
Сходи к началу...
А начало, где-то там
Со скалистых гор Алтая...
От начала до конца.
А конец где-то там,
На краешке земли...
И ты познаешь жизнь.
Жизнь, как река
Рождается, уходит
В вечность,
Чтоб родиться снова. –
Так мне деды говорили...

УӇӘПСА

Уӈәпса? Уӈәпса?!
Век уӈман
Инщәсман йанхӈув.
Муй щирән уӈты?
Щи мутра
Йасәӊ ӑт тайәӈ.
Щит ат, па хатәӈ,
Щит нэ, па ху,
Щит мосты вер,
Па ликащты щир,
Йохәтӈәт,
Манӈәт,
Щит тут суӈтәм…
Ӈув шивәӊ йушӈаӈ
Тата манӈәт,
Ай тутән хутӈыман,
Нохӈы этӈәт.
Век уӈман,
Нох льаксыман,
Мувэв йӑма верман,
Мира хойӈув.
Мир шукатман,
Патлама питӈув.
Щи ун йур тайман,
Ай верӈувән
Нох шукатӈайув.
Парман,
Ӈыӈэв па йуш кашәӈ…
Муй арат хатӈ сыс манәӈ?
Уштәм тут суӈтәмӈаӈ
Ӈувеӈа ханыӈыӈәт.
Щи порайән инщәпса ӑт этәӈ,
Иса уӈман ӈув питәӈ!
Хув щи шушиӈәсув,
Хув щи маныӈәсув
Рушӈав пиӈан
Вотвой пирыман!
Рущмув – Хонәӊ
Рущмув – Советәт,
Рущмув – Демократия,
Щи вуш эӈты,
Арщиран уӈты питсув.
Шаӊкап нох питман,
Уӈня потрат этсат.
Муӊ ким этсув,
Такан увты питсув
– Щит па муй?
Амуй щирән верты?
Амуй щирән уӈты?..
Куӈат нох щи киӈсат,
Ким щи этсат,
Такан увман…
Щи порайән
Ма щи уӊӈєм этыс.
Нэпек ӈуӊатты-ӈещьәтты
Хота манӈам.
Йохи ӈоӊман,

Паӆтапман ӈойӆиӆәм.
Ӆещьәтты йикен пеӆа
Машьәма, вантыӆам.
Ӆув шахматайән йонтас,
Щиты етшиман,
Ӆуӈатты питас,
Омасты ат вератман,
Ма пиӆема ватман ястыӆ:
– Там па муй? –
– Там, ма ясӈэм –
– Ясыӈ ӆаӈхаӆайән,
Нэмоӆты ат хошӆан,
Нэпекат уӆняя хашӆан,
Тӳӈа йушат такан хашман,
Уталтыйә хоӆта понты
Ямб, хорэй!
Нэпек пайтыт эӆты
Ай книшка вуӆ.
Нох пушман,
Оӆаӈ ӆуйән тутӆәман,
Ястәӆ: – тата щи ямб, хорэй,
Уталтыйә, папушн йохатӆан,
Йохттэнан, ӆухас нэӈен аӆвуи,
Туӈа потартыты лухсат,
Нэмәӆ хоята ат мосӆат. –
Нэпек хашты хот эӆты
Ким этман,
Шушиӆиӆәм вош хулы хоща,
Охэмән нумасӆәм:
– Камын менӆәман йохат,
Бюрократат, демократат,
Муйщир нэмәӆ,
Вэшәӆ йит! –
Сув юхеман вошты ӆәӆәм,
Ханшом ясӈэм
Сора манәӆ,
Хоптарка такан
Хухӆәм йуш хорпийән…

ЖИЗНЬ

Жизнь? Жизнь?!
Что же она – эта жизнь?
Вечный вопрос встает,
Сквозь призму столетий.
Это реальность и тайна,
Это день и ночь,
Это он и она,
Это любовь и ненависть,
Это приход и уход.
Все это – искры...
Творения – искры...
Вечные странники,
Вспыхивающие,
И изумляющие
Лики времен.
Ищущие,
И творящие
Волю свою,
Но вы
Не властны
Своим необузданным
Страстям!..
Вы прах
И вечность!
Вы – Дух!
Блуждающий в Бардо...
Когда же вам
Достичь до Полноты?..
Тогда вопрос исчезнет,
Будет просто Полнота!

ИСТОЧНИКИ

1. Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 304 с.
2. Айпин Е.Д. В ожидании первого снега: Повести. М.: Советская Россия, 1990. 160 с.
3. Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Русло, 1993. 423 с.
4. Айпин Е.Д.: биографическая справка [электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugralit.okrlib.ru/authors/%D0%B0%D0%B9%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.
5. Айпин Е.Д.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.maailmakylassa.fi/sites/www.maailmakylassa.fi/tiedostot/styles/grid8/public/kuvat/esiintyjat/2013/mk-2013-asiaohjelma-jeremei-aipin-siperian-veriset-lumet-kuva-into-kustannus.jpg?
6. Баязитова Хасана. Геннадий Кельчин [электронный ресурс] // Режим доступа: http://yamalwomans.org/component/content/article/216-novosti-goda-kultury/736-gennadij-kelchin
7. Вагатова М.К. Маленький тундровый человек: стихотворения и сказки. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с.
8. Вагатова М.К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2002. 192 с.
9. Вагатова М.К. Сорни Лопыс // На семи холмах соцветие: Альманах. Произведения поэтов и прозаиков Ханты-Мансийска. М.: Унисерв, 1995. С. 138–141.
10. Вагатова М.К., Кердан А.Б. Материнское сердце – Ангки сам. Екатеринбург: Средне-уральское книжное издательство, 2007. 144 с.
11. Вагатова М.К.: биографическая справка [электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugralit.okrlib.ru/authors/%D0%B2%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%BA%D1%83%D0%B7%D1%8C%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%B0.
12. Вагатова М.К.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.timerime.com/user_files/80/80682/media/vagatova.jpg.
13. Владимир Мазин: стихи [электронный ресурс] // Режим доступа: http://liter-rm.ru/vladimir-mazin-stixi.html
14. Волдин В.С. Бедная старушка и Ёхым пай хо /перевод с хантыйского Молдановой Л.В. // Государственный архив ХМАО: Редакция Ханты-Мансийского радиовещания, микрофонные материалы. Фонд 371, опись 3, дело 19, 11 сентября, 1964 года, листы 10–17.
15. Волдин В.С. Мосты ангка // Государственный архив ХМАО: Фонд 506, опись 4, дело 10, лист 32.
16. Волдин В.С. Серыс най /перевод с хантыйского Молдановой Л.В. // Государственный архив ХМАО: Редакция Ханты-Мансийского радиовещания, микрофонные материалы. Фонд 371, опись 3, дело 29, 06 марта, 1965 года, листы 114–117.
17. Волдин В.С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. Ханты-Мансийск: Полиграфист,1998. 118 с.
18. Волдин В.С.: биографическая справка [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kmns.admhmao.ru/wps/portal/kmn/home/personalii/persona/pisateli/81620169-b421–4a7d-b5f2–38bb513ce053.
19. Волдин В.С.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://player.myshared.ru/223156/data/images/img32.jpg.
20. Горбачева Н.А. Кельчин Геннадий Павлович [электронный ресурс] // Режим доступа: http://gcbs.ru/arh/dec_07/_version/Dezember_07/V_YANAO.htm.
21. Енов В.Е.: биографическая справка [электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugralit.okrlib.ru/authors/%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.
22. Енов В.Е.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.okrlib.ru/files/enov1.jpg.
23. Ерныхов И.Н. Вошэнмыт // Ленин пант хуват. – № 130’ 261. – Сб., 31 октября. – 1959.
24. Ерныхов И.Н. Йитып хота // Ленин пант хуват. – Сб., 31 октября. – 1959.
25. Ерныхов И.Н. Унтыты манты етпины // Ленин пант хуват. – Сб., 31 октября. – 1959.
26. Ерныхова О.Д. Один из первых… // Храним язык родной земли. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007, С. 53–54.
27. Кельчин Г.П.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://северноеиздательство.рф.images.1c-bitrix-cdn.ru/upload/resize_cache/iblock/ab7/173_173_2/ab7fbd3403689675c1be476a2041ea72.jpg?139514427516692.
28. Кельчин Г.П. Дитятко: книга для внеклассного чтения для младшего школьного возроста на хантыйском языке / Г.П. Кельчин. – СПб: ООО «Литературный Город», 2013. – 200 с.
29. Китаев Д.Я.: биография [электронный ресурс] // Режим доступа: nlib.sakha.ru/knigakan-content/sbornik1.doc
30. Косачева (Лонгортова) И.М.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: https://vk.com/id2282240?z=photo2282240_300572190%2Falbum2282240_00%2Frev.
31. Лазарев Г.Д. Вороны – сторожа. – Архив Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России.

32. Лазарев Г.Д. Охотник – соня. // Архив Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России.

33. Лазарев Г.Д. Рассказы и сказки старого ики // Эринтур: Окружной литературно-художественный альманах, 1997, № 2.

34. Лазарев Г.Д.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://chron.eduhmao.ru/img_10_27_0_0.jpeg.

35. Литература Югры. 1930–2000. Антология прозы и поэзии. В 2 ч. /сост. Н.И. Коняев/. Люберцы: Унисерв, 2002. Ч. 1 – 256 с. Ч. 2 – 304 с.

36. Лонгортова В.П. «Щўњэм – Щăња йõхан» «Моё вдохновение – Сыня река» / Лонгортова В.П. – Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2011. – 128 с.

37. Лонгортова З.В. Монсянг мув. Земля сказок. Салехард: Красный Север, 2008. 112 с.

38. Лонгортова З.В. Свадебный аргиш // Встреча родов ханты. Сургут: Сургутская типография, 2004. С. 55–63.

39. Лонгортова З.В. Член союза журналистов России и Ямала, писатель [электронный ресурс] // Режим доступа: http://gcbs.ru/pub/pis/Longortova/Longortova.html.

40. Лонгортова З.В.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://rfaf.ru/images/longortova.jpg.

41. Лонгортова И. Огонек: фольклорные сказки, рассказы. Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2007. 127 с.

42. Лонгортова Ирина. Проза. [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.proza.ru/avtor/ilona347.

43. Мазин В.А. Пристань радостей и печалей: сборник стихов. Сургут: Информационно-издательский концерн «Северный дом», 1997. – 112 с.

44. Мазин В.А. Ритмы времени в рифмах судьбы: избранные стихотворения. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. – 280 с.

45. Мазин В.А. Фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://s3.netangels.ru/inovamedia/cache/67/e7/ba/2c/8a/c0/67e7ba2c8ac0809dc76801a4957d84b0.jpg.

46. Мазин Владимир Алексеевич: Биографическая справка [электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugralit.okrlib.ru/authors/%D0%BC%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.

47. Молданов Т.А. Олаң яснем. Ханты-Мансийск: ИИЦ администрации округа, 1997. 81 с.

48. Молданов Т.А.: биография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kmns.admhmao.ru/wps/portal/kmn/home/personalii/persona/uchen/3628e658–62c8–4e8d-b383–45e926eb8774.

49. Молданов Т.А.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.fennougria.ee/public/moldanov_timofei.jpg.

50. Молданова Т.А. «Средний мир» Анны из Маланга // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник. Томск: Красное знамя, 1993. С. 61–91.

51. Молданова Т.А. Касания Цивилизации // Эринтур: Альманах писателей Югры. Вып. 3. Ханты-Мансийск: Эринтур, 1998. С. 135–171.

52. Молданова Т.А.: биография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kmns.admhmao.ru/wps/portal/kmn/home/personalii/persona/pisateli/69b5fff8–8a21–48b3-a042–04177263ac22.

53. Молданова Т.А.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://nlib.sakha.ru/knigakan/literaturnaya-karta/faces/moldanova.jpg.

54. Накова Ю.Н. Утро пахнет Рекой, или Путешествие к Югорскому Солнцу… [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.finnougoria.ru/logos/proza/2604/37484/.

55. Накова Ю.Н. Видело Небо, и слышали воды Пор-авата и Невы [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.finnougoria.ru/logos/proza/2604/37485/.

56. Накова Ю.Н. Когда улыбаются звезды… [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.finnougoria.ru/logos/proza/2604/37680/.

57. Накова Ю.Н.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http:/www.finnougoria.ru/upload/iblock/76d/7%20%281%29.JPG.

58. Нахрач Микуль тексты.

59. Немысова Е.А. Хантыйская литература в школах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Учебная хрестоматия. В 2 ч. – Ханты-Мансийск: НИК, 1996; Ч.1 – 172 с., Ч. 2 – 152 с.

60. Новьюхов М.И. «Куда мой путь лежит…»: Стихи. Нягань, 2010.

61. Озелова-Чугаевская Д.И. Священая земля Озеловых: Пособие на хант. языке (шурышк. диал.) для уч-ся 1–4 кл. общеобр. учр. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2004. – 111 с.

62. Озелова-Чугаевская Д.И.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа http://www.cultura-yamala.ru/attachments/article/1697/54.Kultura_Yamala_2_2015.pdf.

63. Притоки Великой Оби. Стихи и проза самобытных авторов / сост. У.А. Данило. Тюмень: ООО «Сити-Пресс», 2014. – 120 с.

64. Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. – 432 с.

65. Ругин Р.П. Избранное: Повести. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. – 560 с.

66. Ругин Р.П. Избранные стихи. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2004. – 320 с.

67. Ругин Р.П. Легенды и мифы народа ханты. Салехард: Красный Север. 2008. – 432 с.

68. Ругин Р.П. Сорок Северных Ветров: Повести. Т. 1. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1996. – 480 с.

69. Ругин Р.П.: биография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.muji.ru/pl/rrp.html.

70. Ругин Р.П.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cultin.ru/writers-images/rugin-roman-prokopevich_0.jpg.

71. Сенгепов А.М. Рассказы старого ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. – 170 с.

72. Сенгепов А.М.: биография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kmns.admhmao.ru/wps/portal/kmn/home/personalii/persona/obschestvenniki/11b1c6ab-2878–49f4–8d1e-4d7be60f3974.

73. Сенгепов А.М.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://finugor.ru/sites/finugor.ru/files/person/7354/teaser/foto_chb_000.jpg.

74. Серасхова Е.Е. Ханты ныӈ эвие. Стихи: – М.: Загрей, 2008. – 24 с.

75. Серасхова Е.Е.: биография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.yamalwomans.org/istoriiuspeha/529-evdokija-ezikovna-serashova.

76. Серасхова Е.Е.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.yamalwomans.org/istoriiuspeha/529-evdokija-ezikovna-serashova.

77. Сказки обских угров / сост. хант. текста Г.Л. Нахрачева, сост. манс. текста С.С. Динисламова, редактор хант. текста А.А. Шиянова, редактор манс. текста Т.Д. Слинкина, редактор рус. текста Е.В. Косинцева, художник И.В. Соколова. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. – 100 с.

78. Слепенкова Р.К. Стихи. Сказки. Томск: Изд-во Томского университета, 2006. – 162 с.

79. Слинкина Г.И. Сказки земли Югорской. Екатеринбург: ПАКРУС, 2002. – 226 с.

80. Слинкина Г.И., Чучелина Т.С. Олле и Гусь-богатырь: сказки. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989. – 144 с.

81. Слинкина Г.И.: биографическая справка [электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugralit.okrlib.ru/authors/%D1%81%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0.

82. Слинкина Г.И.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugralit.okrlib.ru/sites/default/files/styles/medium/public/%D0%A1%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0.jpg?itok=XSD0ny5X.

83. Соловар В.Н., Косинцева Е.В. Практикум по хантыйской детской литературе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – 156 с.

84. Тарагупта Л.А.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://dcfilm.ru/site/kino/detail.php?IDB=13&ID_KINO=442.

85. Творчество народов Севера. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1955.

86. Хантыйская литература: Учебная хрестоматия. В 4 ч. / сост. Е.В. Косинцева. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010–2011. Ч. 1 – 388 с., Ч. 2 – 384 с., Ч. 3 – 361 с., Ч 4 – 384 с.

87. Хантэйская и мансийская поэзия /сост. В.В. Сенкевич, И.С. Гудков. Омск: Омское областное издательство, 1940.

88. Хорошева С.М. Песни Приобья: Тюмень, 2004. – 42 с.

89. Чучелина Т.С.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.okrlib.ru/files/taisiya_sergeevna_chuchelina_1992.jpg.

90. Чучелина Таисия Сергеевна. Хантыйская сказительница, народная мастерица [электронный ресурс] // Режим доступа: http://gcbs.ru/tum/Pisateli/Chuchelina.html.

91. Шульгин М.И. «Благодарность». Стихи. /пер. с хант. В.Кузнецова. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. – 96 с.

92. Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений и поэм на русском и хантыйском языках /сост. Н.И. Величко. Ханты-Мансийск: издательский дом «Новости Югры», 2009. – 304 с.

93. Шульгин М.И.: биография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kmns.admhmao.ru/wps/portal/kmn/home/personalii/persona/pisateli/4768e429–3e35–4ceb-97b7-a153d5cc5d81.

94. Шульгин М.И.: фотография [электронный ресурс] // Режим доступа: http://fulr.karelia.ru/files/editor/images/shulgin.jpg.

95. Шульгина Л.Я. Мой белый стих. Салехард: Спецкнига, 2008. – 56 с.

Для заметок

Литературно-художественное издание

Литературное наследие обских угров

Хантыйская литература

Том II

Составители:
Косинцева Е.В.
Динисламова С.С.
Панченко Л.Н.
Андреева Л.А.

Технический редактор: В. Н. Васильева
Корректор: О. С. Говорухина
Оператор: Н. С. Орлов

Подписано в печать 09.12.2016.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура *Times*.
Уч.-изд. л. 67,53. Усл.-печ. л. 82,35. Заказ 2129.2. Тираж 200

Отпечатано в типографии ООО «Принт-2»
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.